А. Н. Миклашевскій

профессоръ политической экономіи и статистики.

ИСТОРІЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

Философскія, историческія и теоретическія начала экономіи XIX-го вѣка.

Цѣна 3 р. 25 к.

Юрьевъ.

Типографія К. Маттисена.

1909.

Оттискъ изъ „Ученыхъ Записокъ Императорскаго Юрьевскаго Университета“ 1909 г.

Отъ автора.

Въ настоящемъ изслѣдованіи авторъ пытался дать исторію развитія политической экономіи въ связи съ движеніемъ историческаго процесса жизни человѣчества. Во введеніи показано, какъ трудна такая задача, лишь небольшую часть которой пытался выполнить авторъ, затративъ на это много лѣтъ упорнаго труда. Авторъ ждетъ, что научная критика отнесется къ его труду внимательно и безпристрастно.

Авторъ стремился не только оцѣнить многообразныя ученія съ точки зрѣнія сложившагося у него міросозерцанія, но и точно ихъ изложить. Это послѣднее обстоятельство нѣсколько увеличило размѣръ книги, но даетъ возможность читателю самостоятельно продумать каждую изъ изложенныхъ доктринъ. Въ литературныхъ указаніяхъ отмѣчены только тѣ книги, которыя авторъ имѣлъ возможность внимательно изучить или пересмотрѣть.

Сознавая всю сложность поставленной себѣ задачи, авторъ стремился сохранить полное безпристрастіе. Онъ считаетъ долгомъ обратить вниманіе читателя на заключительныя слова введенія. Обязанность историка заключается въ томъ, чтобы „точно и опредѣленно показать то, что было, какъ оно произошло и обратилось въ то, что нынѣ существуетъ; при обсужденіи же того, что будетъ и чего мы желаемъ, быть одинаково справедливымъ ко всякой точкѣ зрѣнія, памятуя, что никто не является владѣльцемъ вѣчной и абсолютной истины; и только дерзновенный можетъ утверждать, что онъ все знаетъ и никогда не сомнѣвается“.

Профессоръ **Александръ Миклашевскій.**

Юрьевъ, Лифляндской губ. 1896—1908 г.

Оглавленіе.

Крупные Банки и система кредита. Ученіе Ло о цѣнности, деньгахъ и кредитѣ. § 3. Философская, политическая и экономическая доктрина физіократовъ. Личный интересъ и естественное право. Ученіе о собственности и о правѣ на существованіе. Подраздѣленіе общества на классы и система свободнаго соперничества. Особенности въ экономическихъ ученіяхъ Кенэ и Тюрго. Экономическая политика и налоговая теорія. § 4. Тюрго и его главнѣйшія реформы. Свобода хлѣбнаго торга. Эдикты 1776 г. и ихъ экономическія основы. Система естественной свободы по законодательству Національнаго собранія, Учредительнаго собранія и Конвента. Земельный переворотъ и ученіе о собственности. Право на трудъ и система индивидуальнаго соперничества. Коалиціи и общественное призрѣніе. Налоги и тарифъ. (стр. 79—191).

Глава III. Классическая школа политической экономіи. § 1. Предварительныя замѣчанія. Промышленный переворотъ конца 18-го и начала 19-го вѣка въ Англіи. § 2. Объ обратно-дедуктивномъ методѣ классической школы. Три стадіи этого метода. Основныя требованія, которымъ должны удовлетворять предпосылки этого метода. Основныя посылки классической школы. § 3. Мальтусъ и ученіе о населеніи. Философская доктрина Мальтуса. Ученіе о собственности, о правѣ на существованіе, объ общественномъ призрѣніи. Главнѣйшія данныя о размноженіи человѣчества въ предѣлахъ Европы. Ученіе Спенсера о размноженіи. Сравненіе системъ Годвина и Мальтуса. § 3. Источникъ и происхожденіе экономическаго избытка по ученію физіократовъ, Смита, Мальтуса, Рикардо и ихъ продолжателей. § 4. Теорія цѣнности и схема распредѣленія классической школы. Рикардо, его основныя посылки при выводѣ закона цѣнности. Ученіе о доходахъ. Теорія ренты и основныя выводы изъ нея. Ученіе Смита и Мальтуса. Ученіе Смита, Рикардо и ихъ продолжателей о внутренней и внѣшней торговлѣ, о деньгахъ. Принципъ сравнительныхъ издержекъ. (стр. 191—292).

Глава IV. Утилитаристы, филантропы и чартисты въ Англіи. § 1. Утилитаріанская доктрина, ея политическое и экономическое значеніе. Іеремія Бентамъ и его поклонники. Практическіе результаты дѣятельности Бентамитовъ. Парламентская реформа. Общественное призрѣніе. Право на трудъ. Законы 1824 и 1825 гг. о коалиціяхъ. Консерваторы и Бентамиты. § 2. Р. Оуенъ и его теоріи. Патронатъ. Ученіе о происхожденіи человѣческаго характера. Причины современныхъ бѣдствій. Кооперація равенства и справедливости. Биржа трудового обмѣна. Томсонъ и ротунданисты. Право на трудъ и на полный продуктъ труда. Постановка тѣхъ же вопросовъ у Прудона и его анализъ. Критика идеи права на полный продуктъ труда. Споры объ организаціи эмиссіонныхъ банковъ въ Англіи. Лордъ Оверстонъ и Томасъ Тукъ. Банковый Актъ Р. Пиля 1844 г. Деньги и обмѣнъ въ капиталистическомъ обществѣ. § 3. Консерваторы и чартисты.

Исторія чартистскаго движенія и ея стадіи. Атвудъ. Люди физической и нравственной силы. О'Конноръ и О'Брайанъ. Ихъ политическіе и экономическіе взгляды. Лига противъ законовъ о хлѣбѣ. Кобденъ и Брайтъ, свободная торговля въ Англіи. (стр. 292—360).

Глава V. Французскіе организаторы. § 1. Историко-философскія основы доктрины Сэнъ-Симона и его послѣдователей. Романтизмъ реакціонный и прогрессивный. Позитивизмъ и новое христіанство. Базаръ и Анфантенъ. § 2. Прудонъ, какъ критикъ государства, собственности и обоснователь анархизма. Абсолютизмъ и аполитизмъ его ученій. Государство и договорная система. Ученіе Прудона о собственности и владѣніи. Политическая доктрина. Идея пропорціональности. Критика Штирнера и представителей соціально-политическаго направленія. Сопоставленіе съ доктриной о собственности утилитаристовъ. Анархизмъ эгоизма и справедливости: причины появленія такихъ ученій. Краткія замѣчанія о другихъ французскихъ организаторахъ. Луи Бланъ и особенности его соціализма. Критика соперничества. Соціальныя задачи государства. (стр. 360—411).

Глава VI. Краткія замѣчанія о возникновеніи исторической школы въ Германіи и свободная торговля на континентѣ Европы. § 1. Принсъ Смитъ и Листъ. Рошеръ. Гильдебрандъ. Книсъ, ихъ основоположенія. Экономическая доктрина Листа и ея критика. § 2. Свободная торговля и положеніе Европы въ періодъ, послѣдовавшій послѣ революціи 1848 г. Политическіе, экономическіе и соціальные результаты этой эпохи вплоть до 1876 г. Возрожденіе протекціонизма въ концѣ 19-го вѣка (стр. 412—450).

Глава VII. Нѣмецкіе соціалисты-эволюціонисты. § 1. Карлъ Родбертусъ фонъ-Ягецовъ, его историческая философія, экономическія ученія и соціальная политика. Ученіе о государствѣ и о его стадіяхъ развитія. Индивидуализмъ и коммунизмъ. Пять вреднѣйшихъ послѣдствій системы свободной торговли. Ученіе о цѣнности, о рентѣ, объ издержкахъ производства и стоимости. Значеніе экономическихъ теорій Родбертуса при выясненіи понятій капитала, дохода, фонда заработной платы, идеи дифференціальной производительности труда. Постановка вопроса о научной классификаціи соціалистическихъ системъ: Дитцель, Чупровъ, Диль и друг. Идеалистическія системы. Слабыя стороны въ исторической критикѣ индивидуализма у Родбертуса. § 2. Карлъ Марксъ и Фридрихъ Энгельсъ, ихъ историко-философская теорія. Діалектическій методъ изслѣдованія въ изображеніи Энгельса; значеніе метода и его опасности. Связь діалектики съ телеологіей. Теорія матеріалистическаго пониманія исторіи и ея значеніе. Изложеніе этой доктрины у Маркса и Энгельса. Понятіе о производственныхъ отношеніяхъ и о матеріальныхъ производительныхъ силахъ. Слабыя стороны этой теоріи и ея важное значеніе. Экономическая доктрина марксизма: теорія кризисовъ, обнищанія, тео-

Курсъ исторіи политической экономіи.

ГЛАВА I.

Введеніе. § 1. О задачахъ общественной науки и исторіи политической экономіи. § 2. Что такое экономическія явленія. § 3. Основоположенія монистической философіи. § 4. Понятіе о причинѣ. Примѣръ. § 5. Телеологія и ея роль въ общественной наукѣ.

§ 1. Научное изложеніе исторіи политической экономіи — задача очень трудная. Это особенно чувствуется въ настоящее время, когда къ изложенію исторіи науки стали предъявлять весьма серьезныя требованія.

Было время, когда подъ исторіей науки понимали по возможности исчерпывающее изложеніе основныхъ идей, разработкой которыхъ занята данная наука, а также характеристику главныхъ творцовъ этой науки.

Такое изложеніе сравнительно просто, но и въ этомъ случаѣ излагающему нынѣ исторію политической экономіи приходится разрѣшить не малое количество сложныхъ вопросовъ. Политическая экономія въ наше время переживаетъ серьезный кризисъ. То, что казалось ранѣе истиной, теперь часто представляется заблужденіемъ; то, что казалось важнымъ, теперь представляется несущественною частностью. Излагающій исторію науки долженъ, поэтому, разрѣшить вопросы: на исторію развитія какихъ идей онъ долженъ обратить главное вниманіе, какія изъ этихъ идей могутъ считаться прочнѣйшими завоеваніями науки, т. е. истиной; кто изъ творцовъ науки наиболѣе поработалъ для открытія истины, могущественно содѣйствовалъ ея распространенію; какъ послѣдовательно эта истина постигалась и при помощи какихъ научныхъ методовъ? Съ этой точки зрѣнія на исторію науки можно было-бы смотрѣть, какъ на послѣдовательное раскрытіе истины. Отъ излагающаго исторію науки надлежало-бы требовать, чтобы онъ зналъ, въ чемъ заключаются основныя истины его науки, умѣлъ доказать, что признаваемыя имъ ученія дѣйствительно истины, а не представляютъ результатъ его субъективныхъ взглядовъ.

Историки нашего времени, однако, давно показали, что прогресъ науки представляетъ собою особый процессъ, который совершается одновременно съ видоизмѣненіемъ человѣческой жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ. Явленія, окружающія человѣка, составляютъ тотъ матеріалъ, надъ которымъ работаетъ его научная мысль. Отъ историка науки стали, поэтому, требовать не только изложенія историческаго развитія идей данной науки, но и анализа тѣхъ условій, среди которыхъ данныя идеи зародились и служили руководящимъ началомъ жизни. Другими словами, на обязанность излагающаго исторію науки стали возлагать выясненіе того отношенія, которое существуетъ между исторіей человѣческой жизни и между тѣми идеями, которыя запечатлѣлись въ исторіи науки каждой пережитой эпохи. Чрезъ выясненіе этого отношенія стали пытаться опредѣлить тѣ истины, которыя представляютъ нѣчто обязательное для всѣхъ временъ и народовъ, въ отличіе отъ тѣхъ идей, которыя, быть можетъ, казались въ свое время истиной, а теперь сдѣлались ненужнымъ или даже вреднымъ заблужденіемъ. Каждая историческая эпоха со всей совокупностью своихъ жизненныхъ явленій какъ-бы отразилась въ наукѣ извѣстной группой или системой идей. Эту систему надобно найти, указать необходимую связанность и логичность ея началъ, надлежащимъ образомъ объяснить.

Немудрено, поэтому, что и отъ историка политической экономіи стали требовать, чтобы онъ выполнилъ слѣдующія задачи: во-первыхъ, далъ характеристику основныхъ экономическихъ идей въ процессѣ ихъ историческаго развитія въ связи съ исторіей развитія всѣхъ другихъ научныхъ идей, во-вторыхъ, одновременно изложилъ процессъ развитія экономическихъ явленій въ связи съ исторіей видоизмѣненія человѣческой жизни вообще и, въ третьихъ, съумѣлъ изобразить съ научной ясностью и простотой сочетаніе экономическихъ идей въ извѣстныя группы или иначе — далъ характеристику тѣхъ экономическихъ системъ, которыя его научный взоръ подмѣтилъ въ разныя историческія эпохи.

Ни одинъ изъ историковъ политической экономіи еще не произвелъ такой сложной и трудной работы. Я не могу и мечтать о томъ, чтобы выполнить такую задачу. Я считалъ-бы свою основную задачу хорошо выполненной, если бы мнѣ удалось изложить научно лишь главные моменты въ исторіи развитія экономической науки съ начала 17-го вѣка, когда съ необыкновенной быстротой и энергіей сталъ развиваться тотъ капиталистическій строй жизни, среди пышнаго разцвѣта котораго мы живемъ въ настоящее время.

Опредѣливъ такимъ образомъ свою задачу, я, конечно. значительно облегчу себѣ ея выполненіе, но и этого огра-

ниченія задачи недостаточно. По условіямъ преподаванія политической экономіи въ Университетѣ отъ изложенія исторіи политической экономіи слѣдуетъ требовать чего то иного, чѣмъ простое изложеніе всей совокупности экономическихъ ученій по самымъ разнообразнымъ вопросамъ. Исторія политической экономіи должна дать слушателямъ какъ-бы руководящія начала при послѣдующемъ изученіи экономическихъ идей и экономической жизни во всѣхъ ихъ особенностяхъ и деталяхъ. Для исторіи политической экономіи слѣдуетъ выдѣлить какую-то особую область, которая моглабы дать руководящія основанія при изученіи всѣхъ проблемъ этой науки, и представляла-бы въ тоже время исторію науки въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Какъ я сейчасъ постараюсь показать, мы поступимъ вполнѣ правильно, если при изложеніи исторіи политической экономіи будемъ имѣть въ виду изученіе „экономическихъ системъ“ въ связи съ исторіей той жизни и того круга господствующихъ идей, среди которыхъ онѣ появились. Я постараюсь ограничить свою задачу изученіемъ исторіи капиталистическаго хозяйства въ самыя послѣднія стадіи его развитія и дамъ только характеристику тѣхъ экономическихъ системъ, которыя появились въ эту замѣчательную эпоху человѣческой исторіи. Я вполнѣ сознаю, что такое изученіе имѣетъ свои большія опасности: оно будетъ соприкасаться постоянно съ тѣми основными проблемами, которыя волнуютъ современную, общественную жизнь. Но въ тоже время оно будетъ интереснѣе и поучительнѣе, ибо познаніе окружающаго насъ необходимо для сознательнаго отношенія къ себѣ, къ своимъ согражданамъ, для пониманія міроваго процесса теченія явленій.

Нельзя не считаться также и съ другими потребностями при преподаваніи политической экономіи. Исторія политической экономіи можетъ и должна быть прекраснымъ введеніемъ въ изученіе всѣхъ теоретическихъ и практическихъ вопросовъ не только экономіи, но и соціальной науки вообще. Политическая экономія создалась въ эпоху блестящаго разцвѣта европейской научной мысли. Болѣе всѣхъ другихъ общественныхъ наукъ она начинаетъ освобождаться отъ метафизической схоластики и проникаться идеей монизма естествовѣдѣнія[1]). Въ переживаемое нами время интенсивной борьбы по созданію новыхъ условій жизни недостаточно зачислить

1) Это слово „монизмъ“ — есть краткое выраженіе для естественно-историческаго міросозерцанія, которое покоится на отрицаніи всякихъ внѣ-естественныхъ представленій. Монизмъ, какъ увидимъ еще ниже, основывается на слѣдующихъ двухъ положеніяхъ: 1) на единствѣ всей природы и 2) на абсолютной закономѣрности всѣхъ естественныхъ явленій, наблюдаемыхъ и познаваемыхъ человѣкомъ.

себя въ ряды сторонниковъ той или иной партіи. Необходимо выработать себѣ такое міровоззрѣніе, которое дѣлало-бы участіе въ общественной жизни сознательнымъ подвигомъ научнаго міросозерцанія. Въ этомъ отношеніи политическая экономія можетъ дать многое, даже очень многое, хотя, конечно, и не все. Университетъ, однако, открываетъ возможность пополнить свои знанія при помощи всѣхъ другихъ наукъ и въ особенности — естествовѣдѣнія.

Никогда не слѣдуетъ забывать и того обстоятельства, что политическая экономія часть общественной науки, которая стремится изучить жизнь человѣчества во всѣхъ ея духовныхъ, нравственныхъ и матеріальныхъ явленіяхъ. Естественныя науки даютъ намъ познаніе природы, общественная наука и, какъ часть ея, — политическая экономія, стремится познать жизнь людей, человѣчества. Всѣмъ очень хорошо извѣстно, что естественныя науки гораздо старше по времени ихъ научной разработки, ихъ методы точнѣе, при изслѣдованіи природы мысль человѣка оперируетъ съ большей объективностью и не такъ поддается общественнымъ теченіямъ, той борьбѣ интересовъ и настроеній, которыми такъ полна общественная жизнь; но по существу всѣ стремленія обществовѣда должны сводиться къ тому, чтобы поставить изученіе на такую-же научную высоту, какой достигли естествоиспытатели. Въ научной работѣ, также какъ и во всѣхъ другихъ областяхъ человѣческой дѣятельности, установилось извѣстное раздѣленіе труда. Охватить всѣ явленія общественной жизни во всей ихъ цѣлостности невозможно. Приходится ограничить кругъ изучаемыхъ явленій, никогда, однако, не забывая, что это ограниченіе сдѣлано только, во первыхъ, за невозможностью объять сразу необъятное, во вторыхъ, въ силу необходимости для каждаго особаго круга явленій найти и наиболѣе подходящія орудія и методы изслѣдованія. Но цѣль обществовѣдѣнія и естествознанія одна и едина: познаніе законовъ явленій. Удалось или не удалось общественной наукѣ достигнуть болѣе или менѣе точнаго познанія законовъ человѣческой жизни, что дала въ этомъ отношеніи намъ политическая экономія — съ этимъ мы ознакомимся при изученіи экономическихъ системъ, но никогда не будемъ забывать, что наша цѣль всегда заключается въ познаніи законовъ общественной жизни; это предохранитъ насъ отъ подчиненія временнымъ настроеніямъ и отъ субъективизма, направитъ наше изученіе по вполнѣ объективной научной дорогѣ.

Чтобы намъ не сбиться съ твердаго научнаго пути, я считаю необходимымъ поговорить съ вами прежде всего о задачахъ научнаго изслѣдованія и, въ частности, ближе опредѣлить то, что понимаютъ обыкновенно подъ экономическими

явленіями и „системами“. Когда предъ вашимъ умственнымъ взоромъ пройдетъ рядъ этихъ экономическихъ системъ, когда вы ознакомитесь тщательно съ ихъ содержаніемъ, вамъ придется провѣрить самимъ правильность тѣхъ обобщеній, которыя я попытаюсь теперь сдѣлать, но то, что я теперь скажу, будетъ пока только попыткой бросить кое-какіе лучи въ ту темную область, которая вамъ еще совершенно неизвѣстна.

Каждый изъ изслѣдователей науки идетъ своей дорогой, но, приглядываясь ко всей совокупности трудовъ творцовъ и изслѣдователей данной науки, не трудно замѣтить, что всѣ они вмѣстѣ стремятся создать какое-то своеобразное цѣлое, которое обыкновенно и называется „системой данной науки“.

Въ частности и въ политической экономіи мы имѣемъ цѣлый рядъ „экономическихъ системъ“. При созданіи такой экономической системы экономисты обыкновенно стремятся: во первыхъ, найдти тотъ правильный методъ, которымъ они могли-бы плодотворно работать при изслѣдованіи экономическихъ явленій; во вторыхъ, наблюсти и описать эти явленія въ пространствѣ и во времени; въ третьихъ, изслѣдовать всю совокупность наблюденныхъ явленій теоретически, т.-е., съ точки зрѣнія той причинной связи, которая существуетъ въ данное время и въ опредѣленномъ пространствѣ между многообразными явленіями; въ четвертыхъ, изучить явленія исторически, т.-е., съ точки зрѣнія ихъ процесса теченія и, если можно, закономѣрнаго видоизмѣненія и развитія, другими словами, какъ своеобразный процессъ теченія явленій, соединенный непрерывной связью причинъ и слѣдствій; въ пятыхъ, нормативно, т. е., съ точки зрѣнія тѣхъ непосредственныхъ задачъ, которыя люди ставятъ себѣ, желая достигнуть того или иного видоизмѣненія въ условіяхъ своей жизни; въ шестыхъ, телеологически, т. е., творцы экономическихъ системъ часто стремятся объяснить явленія, исходя изъ опредѣленія конечной цѣли всѣхъ стремленій человѣчества, и, наконецъ, въ седьмыхъ, стоя на почвѣ причинности, открыть или, вѣрнѣе, предвидѣть то будущее, къ которому человѣчество стремится сознательно или самою силою историческаго процесса.

Почти въ каждой экономической системѣ, которую мы будемъ изучать, мы найдемъ въ той или иной степени эти основныя стремленія. Предъ вашими глазами предстанутъ: система меркантильной школы, система физіократовъ, система классической школы и сторонниковъ естественной свободы, система протекціонистовъ, система соціалистовъ самыхъ разнообразныхъ типовъ, система исторической школы. Вотъ тѣ главнѣйшія системы, которыя намъ придется изучать съ

особымъ вниманіемъ и среди тѣхъ условій жизни, когда каждая изъ нихъ появилась.

Мнѣ придется показать вамъ, какія основныя идеи лежатъ въ ихъ основѣ, какъ и почему онѣ группируются въ особыя міросозерцанія, какія стремленія въ нихъ преобладали, какъ и почему каждая изъ нихъ сыграла свою историческую роль въ дѣлѣ развитія капиталистическаго хозяйства и — что осталось отъ каждой изъ нихъ для научнаго познанія экономической жизни.

Но прежде чѣмъ приняться за изученіе экономическихъ системъ, я долженъ остановиться на нѣкоторыхъ вопросахъ болѣе внимательно, чтобы вы могли болѣе ясно представить себѣ значеніе каждой изъ этихъ системъ.

Я уже сказалъ вамъ, что цѣль обществовѣдѣнія и естествознанія едина. Если это такъ, то невольно является вопросъ, развѣ естествознаніе стремится къ познанію конечныхъ цѣлей мірозданія? Не идетъ-ли общественная наука по ложному пути, когда она стремится изслѣдовать явленія телеологически? Не слѣдовало ли бы совершенно вычеркнуть изъ исторіи науки всѣ попытки построенія телеологическихъ экономическихъ системъ? Постановка этого вопроса ведетъ меня къ необходимости выяснить вамъ предварительно, во первыхъ, что такое экономическія явленія, и показать, съ какимъ комплексомъ экономическихъ явленій мы будемъ имѣть дѣло, приступая къ изученію капиталистическаго хозяйства въ концѣ 17-го и въ началѣ 18-го вѣка. Во вторыхъ, ознакомить Васъ съ основоположеніями современной монистической теоріи міра.

Только послѣ разсмотрѣнія этихъ вопросовъ, я приступлю къ исторіи политической экономіи и экономическаго быта въ 19-мъ вѣкѣ.

§ 2. Что же такое экономическія явленія?

Первый вопросъ, который долженъ себѣ выяснить всякій приступающій къ изученію экономическихъ системъ, заключается въ томъ, каковъ тотъ кругъ явленій, которымъ занимается наука политической экономіи?

Наименованіе науки „политическая экономія“ укоренилось въ Европѣ съ легкой руки одного французскаго писателя Монкретьенъ де Ватевилль, который въ 1613 году издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Трактатъ о политической экономіи“. Онъ воспользовался старымъ греческимъ словомъ „экономія“ (οἰκονομία)“, которое образовано изъ двухъ словъ: „ойкосъ“ (οἶκος) — домъ и номосъ (νόμος) „законъ“ и означаетъ домостроительство, т. е., установленіе правильнаго порядка въ домѣ или хозяйствѣ. Добавленіе Монкретьена „политическая“ экономія укоренилось въ позднѣйшее время

потому, что изслѣдователи перестали ограничивать свою задачу изученіемъ явленій, происходящихъ въ домѣ или хозяйствѣ отдѣльнаго лица, расширивъ свои изслѣдованія и на предѣлы государственнаго цѣлаго, „политическаго союза“. Слову „законъ“ было придано также совершенно иное значеніе. По первональному своему значенію номосъ означаетъ правило, правовая норма. Изслѣдователи новаго времени стали искать не только тѣ правила или правовыя нормы, которыя необходимо установить для поддержанія надлежащаго порядка въ домѣ или въ государствѣ, но главнѣйшимъ образомъ заботиться о томъ, чтобы раскрыть законы, лежащіе въ основѣ экономическихъ явленій, т. е., тѣ причины и слѣдствія, которыя мы можемъ обнаружить въ существующихъ хозяйственныхъ явленіяхъ и въ ихъ развитіи. Подъ закономъ стали понимать не правило, не предписаніе частнаго лица или законодателя, ни даже констатированіе хозяйственнаго факта или описаніе свойствъ экономическихъ явленій. Подъ закономъ стали разумѣть установленіе отношеній между причинами и слѣдствіями въ явленіяхъ и, притомъ, — не всѣхъ причинъ и слѣдствій, а главнѣйшихъ, первоначальныхъ, всеобщихъ причинъ и вытекающихъ изъ нихъ слѣдствій.

Въ настоящее время очень многіе изслѣдователи не удовлетворяются уже и старымъ наименованіемъ науки: „политическая экономія“, полагая, что оно держится только по старой традиціи и не соотвѣтствуетъ уже ни содержанію науки, ни пониманію слова „законъ“ въ наукѣ. Они пытаются укрѣпить за этой наукой наименованіе „соціальной экономіи“, желая этимъ новымъ наименованіемъ достигнуть двухъ цѣлей: во первыхъ, твердо установить, что соціальная экономія стремится изслѣдовать со стороны общихъ и первоначальныхъ причинъ и слѣдствій опредѣленный комплексъ явленій, общій всему человѣчеству, какъ нѣкоторому соединенному цѣлому, въ его бытіи и въ процессѣ развитія и, во вторыхъ, указать, что въ предметъ ея изслѣдованій входятъ не только экономическія явленія, происходящія въ предѣлахъ политическаго союза и подъ его воздѣйствіемъ, но вообще всѣ явленія, которыя мы можемъ назвать экономическими явленіями, которыя происходятъ въ условіяхъ не политическаго, а хозяйственнаго общенія людей, какъ бы обширно или необширно оно ни было въ разныя историческія эпохи.

У насъ въ Россіи большое распространеніе получило наименованіе „народная экономія“ или „народное хозяйство“; при чемъ этотъ терминъ часто употребляется въ довольно двусмысленномъ видѣ, какъ экономія народа — націи, какъ бы независимо отъ экономіи политическаго союза государ-

ства и — какъ экономія народовъ вообще. Адамъ Смитъ, какъ извѣстно, озаглавилъ свой трактатъ „Изслѣдованіе о природѣ и причинахъ богатства народовъ“, не связывая своихъ разсужденій съ какимъ бы то ни было національнымъ цѣлымъ или союзомъ національностей. Представитель германской исторической школы В. Рошеръ всегда употреблялъ выраженіе: „національная экономія“, желая подчеркнуть, что каждая нація въ своемъ хозяйственномъ быту имѣетъ свои своеобразныя особенности. Изъ этого соединенія традицій Смита и новой точки зрѣнія Рошера у насъ вошло въ употребленіе выраженіе: „народная экономія“ и „народное хозяйство“, которое такъ и осталось крайне неопредѣленнымъ.

Не слѣдуетъ думать, что выборъ наименованія науки имѣетъ малое значеніе. Очень часто писатель предпочитаетъ то или иное наименованіе науки именно потому, что своеобразно смотритъ на самое содержаніе науки; при изложеніи ея исторіи и исторіи экономическихъ системъ вообще, онъ обращаетъ вниманіе только на тѣ ихъ стороны, которыя соотвѣтствуютъ заранѣе намѣченному содержанію науки.

Проф. А. Вагнеръ, склоняющійся къ переименованію науки въ соціальную экономію и идущій въ этомъ отношеніи въ согласіи съ проф. Дитцелемъ, слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ содержаніе соціальной экономіи, какъ науки. „Политическая экономія, — по его мнѣнію, — есть наука объ экономическихъ явленіяхъ, какъ о частяхъ или о составныхъ элементахъ совокупности явленій, создающихъ народное хозяйство или, другими словами, наука о народномъ или, употребляя болѣе правильный терминъ, о соціальномъ хозяйствѣ, какъ о своеобразной совокупности экономическихъ явленій“ [1]). Онъ съ особой энергіей подчеркиваетъ, что соціальная экономія занимается не изученіемъ экономическихъ явленій, связанныхъ жизнью отдѣльнаго человѣка, а является наукой объ экономическихъ явленіяхъ, какъ о своеобразныхъ элементахъ соціальнаго хозяйства.

Но что же такое экономическія явленія, почему мы должны разсматривать ихъ только, какъ своеобразные элементы народнаго или соціальнаго хозяйства? Гдѣ тотъ масштабъ, при помощи котораго мы въ состояніи выдѣлить экономическія явленія изъ общей массы явленій человѣческой жизни? Что такое „экономія или, употребляя русскій терминъ, „хозяйство“ и — что вообще мы можемъ назвать соціальнымъ хозяйствомъ? На эти основные вопросы въ экономической наукѣ и донынѣ существуетъ множество раз-

1) См. A. Wagner. Grundlegung d. P. Oek., глава: „политическая экономія, какъ наука“, Leipzig, 1892.

нообразныхъ отвѣтовъ. При изученіи экономическихъ системъ намъ будетъ необходимо не разъ возвращаться къ этимъ вопросамъ, чтобы былъ ясенъ тотъ путь, по которому намъ придется идти.

Одинъ изъ наиболѣе крупныхъ представителей англійской индивидуалистической школы, ученикъ Д. С. Милля и продолжатель его методологическихъ и экономическихъ ученій, — Джонъ Элліотъ Кернсъ ставитъ вопросъ: „что такое явленія богатства", но отвѣтъ его врядъ ли можетъ удовлетворить современнаго экономиста. „Что такое явленія богатства?" — пишетъ онъ. „Это просто факты богатства, такіе факты, какъ — производство, обмѣнъ, цѣна или различныя формы, принимаемыя богатствомъ въ процессѣ его распредѣленія, какъ рента, заработная плата, прибыль и т. п. Само собою разумѣется, что подъ законами явленій богатства я не подразумѣваю актовъ парламента, а понимаю „естественные законы" этихъ явленій, законы природы, т. е., извѣстныя, постоянныя соотношенія, въ которыхъ эти явленія находятся другъ къ другу и къ своимъ причинамъ. Предметъ политической экономіи — богатство, и, хотя богатство состоитъ изъ матеріальныхъ предметовъ, эти предметы становятся богатствомъ не потому, что они „матеріальны", но потому, что они имѣютъ цѣнность, присваиваемую имъ человѣческимъ духомъ. Такимъ образомъ, предметъ политической экономіи не можетъ быть отнесенъ ни къ чисто матеріальной, ни къ чисто духовной области, но имѣетъ сложный характеръ, зависитъ отъ явленій обоего рода; законы политической экономіи не могутъ быть отнесены ни къ духовнымъ, ни къ матеріальнымъ законамъ, хотя, какъ я настаиваю, зависятъ въ одинаковой мѣрѣ отъ законовъ матеріи и духа". [1])

Прочтя эту цитату, читатель остается въ полномъ недоумѣніи. Онъ узнаетъ, что политическая экономія стремится открыть естественные законы явленій богатства, что они составляютъ нѣчто сложное, равно касающееся матеріи и духа, но ключа къ тому, какъ открыть то, что мы можемъ выдѣлить, какъ экономическія явленія, Кернсъ не даетъ.

1) См. Кернсъ, Логическій методъ политической экономіи, р. пер., Библіотека Экономистовъ, вып. 9-ый, стр. 13—27. Замѣчу кстати, что англичане понимаютъ подъ словомъ „богатство" совокупность матеріальныхъ вещей, необходимыхъ человѣку для удовлетворенія его потребностей и находящихся въ обладаніи лица, группы лицъ или цѣлаго народа. Богатство, по опредѣленію Д. С. Милля, — „всякая вещь, за которую можно покупать другія вещи, въ обмѣнъ за которую дадутъ что либо полезное или пріятное". Русскому языку не свойственно такое пониманіе. Подъ богатствомъ мы обыкновенно понимаемъ имущество болѣе значительное, чѣмъ у другихъ лицъ, какъ по сравненію съ суммой потребностей, такъ и по сравненію съ общимъ запасомъ этого имущества у другихъ людей.

Эта цитата не даетъ намъ также никакихъ опорныхъ пунктовъ для какой бы то ни было классификаціи экономическихъ явленій на первоначальныя и производныя, заранѣе утверждая, что всѣ экономическія явленія равно зависятъ отъ матеріи и духа. Какъ я уже выше сказалъ, Кернсъ принадлежитъ къ индивидуалистической школѣ политической экономіи, которая впервые остановила свое вниманіе на одномъ основномъ принципѣ человѣческой дѣятельности. Она подмѣтила, что человѣкъ для удовлетворенія своихъ потребностей стремится получить богатство съ наименьшимъ количествомъ труда. [1])

---

1) Эта основная предпосылка характерна для всѣхъ родоначальниковъ классической школы политической экономіи и съ особымъ вниманіемъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, была развита англійскими Бентамитами — утилитаристами, какъ главное философское обоснованіе всей политической экономіи. Она была воспринята въ своеобразно преобразованномъ видѣ и соціалистической доктриной. Эта простая формула въ болѣе полномъ видѣ можетъ быть выражена слѣдующимъ образомъ: Человѣкъ представляетъ собою существо сознательное. Разумъ, чувство и воля человѣка или, проще сказать, вся сила его сознательной дѣятельности составляетъ могущественное орудіе для достиженія великой цѣли, къ который стремится всякій индивидъ. Эта цѣль сводится къ желанію пріобрѣсти наслажденія и избѣжать страданій. Благодаря этому стремленію вся сознательная жизнь человѣка имѣетъ своей задачей опредѣлить свое положеніе въ окружающемъ мірѣ, познать самого себя, понять свое отношеніе къ природѣ и людямъ, какъ извѣстной внѣшней средѣ; другими словами, приладить себя къ этой внѣшней средѣ и эту внѣшнюю среду подчинить своимъ цѣлямъ. Такое приспособленіе къ внѣшней средѣ было бы невозможно, если бы сознаніе человѣка не дало ему возможности сообразовать свои средства съ цѣлями. Въ основѣ хозяйственной дѣятельности человѣка лежитъ тоже общее стремленіе къ счастью, къ желанію пріобрѣсти наслажденіе и избѣжать страданія. Потребность получить наибольшее количество наслажденій и наименьшее количество страданій выражается въ хозяйственной дѣятельности въ томъ, что человѣкъ, во первыхъ, сознавая или инстинктивно чувствуя безграничность своихъ потребностей, ихъ настоятельность и неотложность и сравнительно малое количество находящихся въ его распоряженіи даровыхъ благъ, и, во вторыхъ, ограниченность своихъ умственныхъ и физическихъ силъ и незначительное количество времени, которое онъ можетъ счастливо прожить на свѣтѣ, долженъ, если только можетъ, по своимъ силамъ и по обстановкѣ людской и природной, среди которой онъ живетъ, стремиться пріобрѣсти наибольшее количество благъ съ наименьшимъ количествомъ усилій и затратъ всякаго рода.

Надобно хорошо понимать значеніе этого принципа экономизаціи; не слѣдуетъ думать, что онъ требуетъ ограниченіе потребностей. Экономисты классической школы всегда настаивали на безграничности человѣческихъ потребностей и въ ростѣ потребностей, какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ, видѣли прогрессъ человѣческой жизни. Этотъ же принципъ не требуетъ и ограниченій въ затратахъ труда и всѣхъ другихъ средствъ. Онъ говоритъ только то, что человѣкъ долженъ стремиться достигать любыхъ цѣлей, любого удовлетворенія своихъ потребностей съ наименьшимъ количествомъ затраченныхъ средствъ и труда. Онъ долженъ позаботиться, чтобы у него было достаточно средствъ для достиженія своихъ цѣлей и не только въ данный моментъ, но и на будущее время, которое онъ надѣется прожить.

Вплоть до настоящаго времени въ большинствѣ учебниковъ политической экономіи это основное стремленіе человѣка служитъ основаніемъ для отграниченія явленій экономической жизни отъ всѣхъ другихъ. Даже создатель органическаго міровоззрѣнія на явленія общественной жизни Альбертъ Шефле полагаетъ, что „политическая экономія есть ничто иное, какъ ученіе о проявленіи хозяйственнаго принципа въ человѣческомъ обществѣ" [1]). Для цѣлаго ряда другихъ писателей политическая экономія является ученіемъ „о хозяйствующемъ субъектѣ" [2]), т. е., о дѣятельности человѣка, направленной на пріобрѣтеніе внѣшнихъ средствъ, въ которыхъ мы нуждаемся для удовлетворенія разнообразныхъ нашихъ жизненныхъ потребностей. Экономическими явленіями, исходя изъ подобной точки зрѣнія, обыкновенно называютъ всѣ явленія, возникающія изъ существованія и необходимости удовлетворенія матеріальныхъ потребностей человѣка при посредствѣ необходимо цѣлесообразнаго употребленія наличныхъ у него силъ и средствъ.

Достаточно заглянуть въ учебники П. Леруа-Болье и А. Маршала, этихъ двухъ наиболѣе типичныхъ индивидуалистовъ и продолжателей традиціи классической школы, чтобы убѣдиться, какъ неясно и неопредѣленно они пытаются выдѣлить экономическія явленія, какъ особый предметъ изслѣдованія политической экономіи [3]).

1) см. его System des gesellsch. Lebens, § 26, стр. 46. изд. 1873 г.

2) см. G. Cohn. Ueber die Bedeutung der Nat.-Oek., 1869. стр. 3.

3) Леруа-Болье пишетъ: „политическая экономія, вѣрнѣе экономика, — это наука, занимающаяся изслѣдованіемъ совокупности общихъ законовъ, которые опредѣляютъ дѣятельность (activité) и успѣшность (efficacité) человѣческаго труда при производствѣ и пользованіи благами, каковыхъ природа не даетъ человѣку сама по себѣ (spontanement). Могутъ возразить, что это опредѣленіе не полно, что политическая экономія трактуетъ, главнымъ образомъ, о вопросахъ производства, но не объ обращеніи (обмѣнѣ), распредѣленіи и потребленіи благъ. Если даже полезно въ интересахъ ясности раздѣлять науку на три или четыре отдѣла, то не менѣе важно и то, что всѣ эти отдѣлы связаны другъ съ другомъ, оказываютъ другъ на друга вліяніе и, въ конечномъ результатѣ, сводятся къ общимъ законамъ людской производительной дѣятельности. Такъ — само распредѣленіе, въ конечномъ результатѣ, только одна глава великаго дѣла производства". Леруа Болье желаетъ совершенно устранить терминъ: „политическая экономія" и даетъ названіе наукѣ просто: экономія или экономика. „Экономика, — говоритъ онъ, — регулируетъ не только трудъ людей въ обществѣ, большинство ея законовъ прилагается въ равной мѣрѣ къ изолированному хозяйству, даже къ изолированному человѣку. Законы экономики — это общіе и естественные законы труда и успѣшности человѣческихъ усилій . . . *Эти законы ни въ какомъ случаѣ не проистекаютъ изъ воли человѣка, но господствуютъ надъ этой волей и подчиняютъ ее.* Человѣкъ долженъ пользоваться этими законами подчиняясь имъ совершенно такъ же, какъ онъ подчиняется силѣ тяготѣнія, и не можетъ не признавать химическаго сродства", см. Леруа-Болье. Traité d'Économie Politique, Paris, 1896. т. I, стр. 9, 10, 11, 18.

Оба эти определенія содержанія науки имѣютъ много общаго между собой, но по существу различны. Общее заключается въ томъ, что оба изслѣдователи сразу становятся на чисто индивидуалистическую точку зрѣнія. Леруа-Болье думаетъ, что законы экономики равно приложимы, какъ къ общественному, такъ и къ изолированному хозяйству. Законы экономики — это естественные законы труда и успѣшности человѣческихъ усилій, создающіеся чрезъ воздѣйствіе естественныхъ законовъ природы на человѣка. Маршалъ полагаетъ, что политическая экономія занимается изученіемъ дѣйствій человѣка въ „дѣловой сферѣ его дѣятельности". Это — наука о человѣческихъ мотивахъ, которая разъясняетъ, какъ „человѣкъ получаетъ доходъ и пользуется имъ".

Какъ я уже сказалъ, по существу эти опредѣленія весьма различны. Согласно Леруа-Болье, экономика должна отрыть законы успѣшности труда во всѣ стадіи человѣческаго развитія. Маршалъ стремится открыть эти законы для современнаго капиталистическаго хозяйства, характерной особенностью котораго, по его мнѣнію, является не соперничество, а свободная индустрія и предпріимчивость.[1]) Всѣ экономическія явленія, по Леруа-Болье, проистекаютъ изъ производства, и, при томъ, изъ производства матеріальнаго продукта. Маршалъ сводитъ все изслѣдованіе къ вопросу

Профессоръ Альфредъ Маршалъ пишетъ: „политическая экономія или экономика есть изслѣдованіе человѣческихъ дѣйствій съ обыкновенной дѣловой стороны жизни людей. Она изслѣдуетъ, какъ получаетъ человѣкъ свой доходъ и какъ онъ имъ пользуется. Такимъ образомъ, съ одной стороны, она является изслѣдованіемъ о богатствѣ, съ другой и болѣе важной стороны, изслѣдованіемъ о человѣкѣ. Человѣческій характеръ всегда опредѣлялся его ежедневнымъ трудомъ и матеріальными средствами, которыя онъ получалъ отъ этого труда, — болѣе, чѣмъ какими бы то ни было другими вліяніями, за исключеніемъ развѣ его религіозныхъ идеаловъ. Религіозныя и экономическія вліянія были всегда главнѣйшими двигателями человѣческой исторіи. Въ то или другое время, въ томъ или другомъ мѣстѣ, военное и художественное настроеніе могло на короткій срокъ пріобрѣтать преобладаніе, но религіозныя и экономическія причины никогда, на самое короткое время, не теряли своего значенія, и онѣ почти всегда болѣе важны, чѣмъ всѣ другія вмѣстѣ взятыя". См. A. Marshall „Principles of Econ", изд. 1895 г., стр. 1. Въ другомъ своемъ сочиненіи Маршалъ пишетъ: „экономика есть наука о человѣческихъ мотивахъ" (См. Present Position of economics, London, 1885).

1) Слово „соперничество", по его мнѣнію, пріобрѣло дурную славу; оно предполагаетъ извѣстное своекорыстіе и равнодушіе къ благу своихъ согражданъ. Конечно въ предшествовавшихъ формахъ промышленности менѣе сознательнаго своекорыстія, чѣмъ въ современныхъ; но и въ современныхъ формахъ ея имѣется сознательное безкорыстіе. Свобода самоопредѣленія (deliberateness), а не своекорыстіе характерно для новаго времени . . . Безъ сомнѣнія, однако, что этотъ сознательный и свободный выборъ можетъ вести къ извѣстнымъ отступленіямъ отъ индивидуальной свободы, когда кооперація и соединенія открываютъ болѣе цѣлесообразную дорогу для достиженія цѣлей". l. c. § 4.

о полученіи дохода. Безъ сомнѣнія постановка вопроса у Леруа-Болье болѣе широка и правильна. Опредѣляя предметъ политической экономіи, мы не только имѣемъ право, но и должны отвлечься отъ современной стадіи экономическаго развитія. Экономическія явленія существовали во всѣ стадіи экономическаго развитія. Полученіе дохода характерно только для нашего времени, и прежде чѣмъ получить доходъ, человѣкъ долженъ его произвести. Маршалъ совершенно устраняетъ вопросъ о первичныхъ экономическихъ явленіяхъ и сразу обращается къ распредѣленію дохода, которое вытекаетъ, по Леруа-Болье, изъ явленій производства. Маршалъ сосредотачивается на изслѣдованіи свободнаго капиталистическаго хозяйства, но и самъ замѣчаетъ, что провозглашеніе свободной предпріимчивости ведетъ и къ свободѣ соединеній. Другими словами въ предѣлахъ самаго капиталистическаго хозяйства онъ какъ бы различаетъ двѣ стадіи развитія.

Любопытно, однако, что ни одинъ изъ этихъ писателей не прибѣгаетъ къ хозяйственному принципу, какъ къ основному пріему обособленія экономическихъ явленій отъ всѣхъ другихъ. Чувствуется нѣчто общее съ постановкой вопроса у Керпса и у другихъ представителей классической школы, но оба писателя какъ бы обходятъ этотъ основной принципъ, который казалось бы такъ характеренъ для выясненія, какъ дѣловой жизни человѣка, такъ и вообще всей его производительной дѣятельности. Прочитавшему исходныя положенія этихъ писателей легко можетъ придти въ голову желаніе примирить эти какъ бы противорѣчивыя точки зрѣнія. Если хозяйственный принципъ представляетъ собою основное и общее начало производительной и дѣловой дѣятельности человѣка, то мы съ полнымъ правомъ можемъ прилагать его, и для объясненія явленія производства во всѣ времена и повсемѣстно, и для анализа современнаго капиталистическаго хозяйства съ его полученіемъ дохода отдѣльными лицами, ихъ группами и классами. Хозяйственный принципъ мы можемъ истолковывать съ равнымъ успѣхомъ съ точки зрѣнія человѣка, какъ представителя рода, и съ точки зрѣнія человѣка, какъ члена общественнаго союза.

Мнѣ представляется, однако, что они благоразумно избѣгаютъ такой постановки вопроса: я постараюсь показать, что новая экономическая наука должна идти совсѣмъ другой дорогой при выясненіи того, что слѣдуетъ считать экономическими явленіями. Если бы мы приняли эту точку зрѣнія, то и исторія политической экономіи обратилась бы въ жалкое пережевываніе устарѣлыхъ доктринъ классической школы, а исторія хозяйственнаго быта осталась бы совершенно непонятой въ ея закономѣрномъ развитіи.

Профессоръ Дитцель [1]) попытался вновь формулировать хозяйственный принципъ и найти болѣе вѣрный способъ выдѣленія экономическихъ явленій для закономѣрнаго ихъ изслѣдованія. Заглянемъ же въ его разсужденія и посмотримъ, что новаго онъ вноситъ сравнительно съ представителями классической школы.

Профессоръ Дитцель полагаетъ, что хозяйственный принципъ или, какъ онъ выражается, принципъ сбереженія, или вѣрнѣе — экономизаціи, какъ постоянный элементъ и „естественная категорія", проникаетъ всю разумную дѣятельность человѣка — это „общій принципъ разумной дѣятельности". По мнѣнію профессора Дитцеля, хозяйство есть просто „сцена, арена, на которой можно наблюдать существо и дѣйствіе принципа экономизаціи". Общій методъ разумной дѣятельности въ предѣлахъ этой особой категоріи „хозяйства" выступаетъ яснѣе всего, а потому, вполнѣ оправдывается и отождествленіе выраженій — „экономизація" и „хозяйствованіе".

„Правда, замѣчаетъ онъ далѣе, этому принципу экономизаціи не всегда слѣдуютъ. Часто конкретные субъекты рода человѣческаго имѣютъ только желаніе, а не возможность ему слѣдовать, часто имъ не удается низвести затрату средствъ для достиженія данной цѣли при данныхъ экономическихъ условіяхъ до возможнаго минимума. Но, чтобы достигнуть своихъ абстрактныхъ причинныхъ формулъ, теоретикъ долженъ предположить, что „экономическій человѣкъ", воздѣйствія котораго на тѣ или иныя событія онъ желаетъ изучить, стремится получить максимумъ пользы съ минимумомъ средствъ и можетъ осуществить это стремленіе".

Въ то же время, однако, проф. Дитцель далекъ отъ желанія пользоваться этимъ принципомъ экономизаціи для отграниченія хозяйственныхъ явленій отъ всѣхъ другихъ явленій человѣческой жизни.

Онъ полагаетъ, что „потребность во внѣшнихъ благахъ мы называемъ хозяйственною потребностью, а всѣ дѣйствія, которыя предприняты подъ давленіемъ этой потребности, мы называемъ хозяйственными потребностями". Подъ хозяйствомъ же мы понимаемъ совокупность всѣхъ дѣйствій, посредствомъ которыхъ субъектъ покрываетъ свою потребность во внѣшнихъ благахъ или продуктахъ". По его мнѣнію, хозяйственный мотивъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и хозяйственное дѣйствіе, имѣетъ двоякое основаніе. Во первыхъ, естественное, которое выражается въ зависимости человѣка отъ ма-

1) См. H. Dietzel, Theoretische Social-Ökonomik, B. I, Leipzig, 1895 г. стр. 27, 28, 29, 175—183 — das Sparprincip.

теріи. Это естественное основаніе проявляется всегда и вездѣ. Зависимость человѣка отъ матеріи съ перваго дня существованія человѣка и на вѣчныя времена опредѣляетъ побужденія человѣческой дѣятельности. Человѣкъ, какъ физическое существо, связанъ съ матеріей, онъ зависитъ отъ нея, онъ долженъ стремиться завладѣть ея частью, подчинить ее себѣ. Второе основаніе хозяйственнаго мотива соціальное; благодаря тому обстоятельству, что люди живутъ въ сообществѣ, у нихъ является стремленіе подчинить другихъ людей своимъ цѣлямъ, пользуясь той властью, которую имъ даетъ богатство. „Посколько историческій опытъ насъ учитъ, — пишетъ онъ, — и это соціальное основаніе сказывается повсемѣстно и всегда". Благодаря наличности этихъ двухъ основаній приходится дать еще болѣе полное опредѣленіе экономическихъ явленій. „Если, пишетъ онъ, мы будемъ называть потребность къ господству надъ матеріей хозяйственною потребностью и дѣйствія, которыя преслѣдуютъ эти цѣли удовлетворенія потребности, хозяйственными дѣйствіями, то всѣ событія внѣшняго міра, которыя являются слѣдствіями такихъ дѣйствій, мы будемъ называть экономическими явленіями. Но не всѣ экономическія явленія бываютъ экономическими соціальными явленіями. Экономическими соціальными явленіями мы называемъ только такія событія, которыя касаются не только условій удовлетворенія потребностей, проще сказать, хозяйственнаго положенія самаго дѣйствующаго субъекта, но также и какихъ либо другихъ живущихъ съ нимъ въ хозяйственномъ общеніи лицъ". Дитцель, затѣмъ, признаетъ, что въ настоящій моментъ врядъ ли имѣются экономическія явленія, которыя не были бы экономическими соціальными явленіями, а потому и предлагаетъ переименовать политическую экономію въ „соціальную экономію".

„Если, наприм., я бросаю въ печь уголь, — говоритъ профессоръ Дитцель, то я совершаю хозяйственное дѣйствіе; оно удовлетворяетъ моей потребности господства надъ матеріей, которое я пріобрѣтаю, какъ обращеніе угля въ теплоту, — потребляю уголь, производжу теплоту. Результатъ дѣйствія есть хозяйственное, соціальное явленіе, ибо, уменьшая свой запасъ въ углѣ, я оказываю вліяніе, какъ единичное лицо, конечно, минимальное на хозяйственное положеніе угледобывателей, торговцевъ углемъ, потребителей угля. Когда я топлю свою печь, я воздѣйствую, какъ факторъ, подымающій цѣны; если я отказываюсь отъ удовлетворенія этой потребности и сберегаю уголь, — какъ факторъ, понижающій цѣны. Прямо или косвенно — и это положеніе будетъ имѣть еще большее значеніе въ коллективистическую (соціалистическую) эру — всяческія хозяй-

ственныя дѣйствія, предвидятъ ли ихъ субъекты дѣйствій или нѣтъ, знаютъ ли что о нихъ или не знаютъ, — оказываютъ вліяніе на положеніе другихъ субъектовъ. Кругъ хозяйственныхъ соціально-экономическихъ явленій нынѣ въ высшей степени расширился: онъ покрываетъ почти всѣ хозяйственныя явленія“.

Въ точкѣ зрѣнія проф. Дитцеля есть кое-что новое сравнительно съ многими представителями классической школы, но старая теорія слишкомъ тяготѣетъ надъ нимъ; онъ не въ состояніи вырваться изъ ея оковъ. Онъ правильно понимаетъ, что для выдѣленія экономическихъ явленій изъ всѣхъ другихъ явленій человѣческой жизни недостаточенъ одинъ масштабъ: принципъ экономизаціи или, что тоже, стремленіе получить максимумъ богатствъ съ минимумомъ пожертвованій или, выражаясь языкомъ марксистской доктрины, принципъ наибольшаго и наисовершеннѣйшаго развитія производительныхъ силъ. Экономическія явленія возникаютъ, существуютъ и развиваются не только, какъ результатъ стремленія къ максимализаціи производства и минимализаціи затратъ. Въ основѣ ихъ лежатъ потребности людей, которыя, съ одной стороны, указываютъ направленіе для производства, но и сами принимаютъ другой характеръ со всякимъ видоизмѣненіемъ условій и результатовъ производства. По мнѣнію Дитцеля принципъ экономизаціи — общее начало всей разумной дѣятельности человѣка. При такой формулировкѣ онъ вновь вступаетъ на старую дорогу. Правильнѣе сказать, что этотъ принципъ экономизаціи вытекаетъ изъ болѣе общаго начала неизбѣжнаго для всего сущаго: изъ борьбы за существованіе, въ которой человѣкъ играетъ только болѣе могучую роль, благодаря всѣмъ своимъ психическимъ особенностямъ, и, въ частности — разуму. Индивидуалистическая школа вѣрила въ разумъ, какъ единое опредѣляющее начало. Къ наше время трудно утверждать, что законъ борьбы за существованіе исключительно опредѣляется разумомъ. Приспособленіе къ внѣшней человѣческой средѣ и къ природѣ отчасти инстинктивно, отчасти безсознательно, зависитъ не только отъ разума, но и отъ страстей человѣка. Всѣ мы знаемъ, что и въ жизни природы, и въ жизни человѣка обнаруживается нѣчто законосообразное, цѣлесообразное и необходимое, но еще требуется доказать, что это цѣлесообразное въ природѣ и въ жизни человѣка является обнаруженіемъ какой-то заранѣе установленной разумной цѣли, которую преслѣдуетъ природа или человѣкъ. Цѣлесообразность эту необходимо объяснить, не обходимо показать, что она совершается, какъ какой-то закономѣрный, необходимый процессъ. Это общее начало не слѣдуетъ дѣлать заранѣе принятымъ, какъ доказанное, исходнымъ положеніемъ.

Эта предпосылка обращаетъ экономію въ довольно скучную науку; она, кромѣ того, придаетъ экономическимъ явленіямъ крайне односторонній, а потому и безжизненный характеръ.

Разсуждать исходя изъ такихъ предположеній, какъ у проф. Дитцеля и еще болѣе у проф. Шефле, было бы чрезвычайно легко. Признавъ положеніе, что политическая экономія является ученіемъ о проявленіи принципа экономизаціи, мы теоретически могли бы создать политическую экономію изъ собственной головы.

Въ зависимости отъ взгляда на общее значеніе принципа экономизаціи и на вліяніе его, какъ мотива человѣческой дѣятельности, изслѣдователи будутъ идти по разнымъ путямъ. Въ первомъ случаѣ изслѣдователь, какъ бы будетъ идти по дорогѣ, указываемой Леруа-Болье, и станетъ изучать законы успѣшности труда, т. е., какъ должно производиться богатство съ наименьшими затратами труда съ точки зрѣнія человѣка, какъ представителя рода; во второмъ случаѣ изслѣдователь пойдетъ по стопамъ Маршала и будетъ изучать, какъ создается доходъ, распредѣляющійся между разными классами. Оба писателя принадлежатъ къ индивидуалистической школѣ: они смотрятъ на вопросъ о производствѣ богатства съ точки зрѣнія личности, интересы которой совпадаютъ съ интересами общества; — соціалистъ можетъ изслѣдовать тотъ же вопросъ съ точки зрѣнія всего общества, считая интересы личности подчиненными общимъ интересамъ: онъ можетъ построить идеальную схему производства, распредѣленія и потребленія продукта. Получится большее разнообразіе абстрактныхъ формулъ, но экономическая жизнь и ея исторія останется мало понятной.

Сообразивъ, что въ распоряженіи человѣка имѣются три производительныя силы: земля, трудъ и капиталъ, мы могли бы, съ точки зрѣнія этого разумнаго человѣка, какъ представителя рода homo sapiens, установить рядъ, быть можетъ, и полезныхъ, но довольно банальныхъ положеній: пользуясь своимъ трудомъ, человѣкъ долженъ получать наибольшее количество матеріальнаго продукта при условіи наилучшаго сохраненія и развитія своей работоспособности; употребляя свой капиталъ, онъ точно также долженъ затрачивать его наиболѣе производительно, желая достигнуть наиболѣе выгоднаго и быстраго его воспроизведенія; обрабатывая землю, человѣкъ долженъ получать наибольшее количество продукта при сохраненіи и развитіи ея производительныхъ силъ. Такихъ банальныхъ положеній можно было бы установить достаточное количество, а затѣмъ благополучно перейдти къ условіямъ современнаго капиталистическаго хозяйства и стараться изучить, какъ проявляется этотъ хозяйственный принципъ тамъ, гдѣ движущимъ стиму-

ломъ хозяйства являются не интересы человѣка, какъ представителя рода, а интересы обособленныхъ общественныхъ классовъ: рабочихъ, какъ представителей труда, капиталистовъ и землевладѣльцевъ, которымъ принадлежатъ два другихъ орудія производительной дѣятельности. Можно было бы съ достаточной картинностью и яркостью изобразить неизбѣжный процессъ эксплуатаціи слабаго сильнымъ, весь жестокій характеръ этой борьбы и т. п. „Абстрактныя причинныя формулы“, какъ выражается Дитцель, „были бы получены,“ но задача науки не въ нихъ однѣхъ, а въ чемъ то другомъ, болѣе важномъ и не менѣе жизненномъ.

Представители „классической школы“ дали мастерской анализъ того, какъ этотъ „принципъ экономизаціи“ превращается въ „своекорыстное преслѣдованіе“ своего интереса. Они создали намъ представленіе объ „экономическомъ человѣкѣ“, который знаетъ только свой интересъ и умѣетъ его осуществлять, вовсе не заботясь объ идеальномъ развитіи и сохраненіи всѣхъ производительныхъ силъ, но всего многообразія широкаго потока экономической жизни, какъ части культурной исторіи человѣчества, они намъ не дали. Представители исторической школы направляли всѣ свои усилія на то, чтобы разрушить это представленіе и указать, что въ экономическихъ явленіяхъ проявляется еще и цѣлый рядъ другихъ свойствъ человѣка: альтруизмъ, общественность, эстетическія, культурныя наклонности и т. п. Споръ этотъ имѣлъ только методологическое значеніе. Классическая школа хотѣла опредѣлить экономическія явленія на основаніи метода дѣйствій „экономическаго человѣка“, историческая школа старалась показать, что „экономическія человѣкъ“, представленіе слишкомъ абстрактное, искусственное. Результаты этого методологическаго спора были, однако, неожиданные. Для многихъ стало ясно, что историческая школа тѣмъ самымъ проложила дорогу для опредѣленія экономическихъ явленій по самому ихъ содержанію, а не по методу дѣйствій „экономическаго человѣка“. Она стала утверждать, что принципы, которыми руководится хозяйствующій субъектъ, многообразны: даже въ современную эпоху свободнаго хозяйства принципъ максимализаціи производства и минимализаціи затратъ проводится далеко не вполнѣ; цѣлый рядъ хозяйствъ живетъ за счетъ избытковъ другихъ хозяйствъ (протекціонная система); кромѣ того, хозяйственныя мотивы, если подъ ними понимать всю совокупность многообразныхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ индивидами и народами въ ихъ экономической дѣятельности, могутъ видоизмѣняться въ разныя историческія эпохи.

Самъ проф. Дитцель видитъ, что при посредствѣ принципа экономизаціи нельзя выдѣлить экономическихъ явленій.

Онъ понимаетъ, что „не методъ, не способъ дѣйствія" является рѣшающимъ моментомъ для дѣйствія, а „самый объектъ, содержаніе" дѣйствій. Онъ ясно указалъ различіе въ между „принципомъ экономизаціи", какъ методомъ дѣйствія, и хозяйственными мотивами (побужденіями) и дѣйствіями, какъ фактами реальной дѣйствительности. Въ основаніи перваго лежитъ сравненіе наименьшей затраты съ наибольшимъ результатомъ; въ основаніи вторыхъ — стремленіе къ господству надъ матеріей и при посредствѣ матеріи надъ людьми [1]).

Дитцель совершенно правъ, что въ борьбѣ за свое существованіе человѣкъ стремился во всѣ времена завладѣть и приспособить къ своимъ потребностямъ часть окружавшей его матеріи. Онъ вѣрно указываетъ также, что во всѣ предшествовавшія времена у человѣка было и нынѣ существуетъ стремленіе подчинить себѣ другихъ людей, пользуясь той властью, которую даетъ богатство, т. е., та же матерія; но только слово: „господство" выбрано неудачно, и я сказалъ бы даже сильнѣе, неисторично и ненаучно съ точки зрѣнія естествовѣдѣнія. Человѣкъ и при-

1) Отождествленіе „принципа экономизаціи" и „хозяйствованія", о которомъ говоритъ Дитцель, поэтому, хотя и совершается очень часто, но неправильно уже потому, что отождествляетъ „желаемое" съ фактами дѣйствительной жизни. „Хозяйствованіе" часто можетъ идти въ полномъ противорѣчіи съ принципомъ экономизаціи, и, тѣмъ не менѣе, совокупность дѣйствій и послѣдствій хозяйствованія должна быть нами отнесена къ разряду экономическихъ явленій. Это противорѣчіе между „желаемымъ" и „дѣйствительностью" можетъ зависить отъ цѣлаго ряда причинъ, лежащихъ, какъ въ самомъ хозяйствующемъ субъектѣ: неряшество, невѣжество, безсознательная рутина, такъ и внѣ его: въ окружающихъ естественныхъ и общественныхъ условіяхъ. Бюхеръ совершенно справедливо замѣтилъ, что планомѣрность и предусмотрительность въ хозяйствѣ является результатомъ долгаго культурнаго развитія человѣка. Чѣмъ ниже культура, тѣмъ менѣе въ хозяйствѣ планомѣрности. У первобытнаго человѣка она достигаетъ почти минимума. Рядъ неурожаевъ можетъ, наприм., совершенно разорить хозяйство; чрезмѣрное размноженіе населенія — низвести положеніе работника до послѣдняго уровня подчиненности, когда онъ принужденъ отдавать громадное количество своего труда за ничтожнѣйшее вознагражденіе; недостаточный размѣръ земельнаго надѣла — превратитъ хозяйство въ нелѣпую борьбу за жизнь съ вѣчной голодовкой; расточительность государственнаго хозяйства для завоевательныхъ цѣлей можетъ привести къ банкротству самыхъ разумныхъ, наиболѣе „экономныхъ" хозяевъ. Поэтому, не отрицая наличности принципа экономизаціи, на обязанности изслѣдователя лежитъ не абстрактное конструированіе положеній, изъ него вытекающихъ, а реальное изученіе явленій такъ, какъ они были и существуютъ, какъ часть широкаго и сложнаго процесса человѣческой жизни. Въ этомъ отношеніи Леруа Болье правъ говоря, что политическая экономія изучаетъ вовсе не одно „проявленіе" принципа экономизаціи, а скорѣе законы успѣшности труда, именно, въ томъ смыслѣ, что она стремится начертать законы хозяйствованія, т. е., всѣхъ тѣхъ условій и дѣйствій, при которыхъ и при посредствѣ которыхъ человѣкъ покрываетъ свои потребности въ матеріальныхъ благахъ.

рода противостоятъ другъ другу, какъ элементы мірозданія. Человѣкъ имѣетъ свои потребности; онѣ созданы его психической и матеріальной природой. Природа имѣетъ свои непреложные законы; человѣкъ не господствуетъ надъ природой, а познаетъ ея законы, стремится подчинить ее своимъ цѣлямъ, но и природа указываетъ ему свои предѣлы. Міровая борьба идетъ за правильное соотношеніе между человѣкомъ, какъ частью природы, и природой въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова; правильнѣе поэтому говорить не о стремленіи къ господству надъ природой, а объ установленіи правильнаго соотношенія между человѣкомъ и природой соотвѣтственно общимъ и непреложнымъ міровымъ законамъ. Человѣкъ является субъектомъ, творцомъ экономическихъ и всякихъ другихъ дѣйствій, но въ то же время и объектомъ, на которомъ сказывается дѣйствіе непреложныхъ законовъ природы. Міросозерцаніе, связывающее жизнь человѣка съ жизнью всей природы, стремящееся постигнуть, объяснить изобразить во всей цѣлостности всѣ тайны бытія, представляетъ собой лучшее изъ творческихъ созданій человѣка. Работа надъ созданіемъ такого міросозерцанія не прекратится никогда; всѣ силы мысли, творческой фантазіи, чувства человѣка влекутъ его къ этой работѣ, которая въ тоже время и необходима, ибо только она обезпечиваетъ человѣку возможность самой жизни: только зная законы природы, человѣкъ можетъ обезпечить себѣ удовлетвореніе своихъ потребностей и разумно регулировать свои отношенія къ другимъ людямъ.

Это слово: „господство“ выбрано проф. Дитцелемъ, повидимому, только для того, чтобы противоставить ему аналогичное же господство человѣка надъ человѣкомъ и доказать неизбѣжное стремленіе къ этому господству. Что „господство человѣка надъ человѣкомъ“ существовало и существуетъ, это всѣмъ, конечно, хорошо извѣстно, но столь же извѣстно и то, что всегда существовало и противоположное теченіе — стремленіе устранить „господство“. Изучая исторію человѣческой жизни, намъ интересно знать не только о наличности перваго явленія, но и второго. Наука не изучаетъ только явленія со стороны „господствующихъ“, но и стороны „подчиненныхъ“. Теоретически мы можемъ себѣ представить и такой строй хозяйства, когда обладаніе матеріальными продуктами не будетъ служить средствомъ для господства надъ другими людьми. Тѣ многообразныя отношенія между человѣческими существами, которыя развились при производствѣ, обмѣнѣ, распредѣленіи и потребленіи матеріальныхъ продуктовъ, весьма не ясно опредѣляются словами проф. Дитцеля: „подчинить своей власти людей, пользуясь силой, которая дается богатствомъ“.

Борьба за богатство есть одновременно борьба за счастіе, за жизнь, за право на культурное усовершенствованіе, за необходимую организацію упорядоточеннаго хозяйства и соотвѣтствующаго послѣднему политическаго строя т. е. такъ или иначе организованной власти.

Экономическая жизнь лишь часть общей жизни людей; и эта борьба за богатство имѣла и имѣетъ свои законы, которымъ милліоны людей подчиняются помимо своей воли и сознанія, входя всякій разъ въ жизнь, какъ въ арену борьбы, гдѣ ихъ мѣсто уже указано заранѣе сложившимися условіями, если не вполнѣ, то уже въ значительной мѣрѣ. Одному предуказано стремленіе къ господству, другому стремленіе сбросить это господство, а множеству — массѣ — пассивное подчиненіе. Роковая особенность всей человѣческой исторіи заключается въ томъ, что „просвѣщенное меньшинство", вѣрнѣе наиболѣе обезпеченные классы, ведутъ массу, господствуютъ надъ ней благодаря причинамъ, которыя создаютъ и это меньшинство, и его организованную силу и богатство.

Стараясь точнѣе опредѣлить основныя посылки для выдѣленія экономическихъ явленій, проф. Дитцель поступилъ бы правильнѣе, сказавъ коротко: экономическія явленія это такія явленія, которыя ставятъ человѣка неизбѣжно въ извѣстное *соотношеніе* къ матеріальной природѣ и къ окружающимъ людямъ, какъ къ творцамъ и къ владѣльцамъ матеріальныхъ благъ. Внѣ этого отношенія мы ихъ ни понять, ни выяснить не можемъ, но, конечно, это былъ бы только первый шагъ; пришлось бы сдѣлать и второй, и проф. Дитцель отчасти его и дѣлаетъ, говоря о „категоріяхъ" хозяйства. Чтобы ясно представить себѣ, что такое эти категоріи, сдѣлаемъ маленькую справку въ сочиненіяхъ Энгельса.

Если вы раскроете одно изъ сочиненій Энгельса[1]), то вы тамъ найдете два такихъ опредѣленія политической экономіи: „Политическая экономія въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова есть наука о законахъ, которые управляютъ производствомъ и обмѣномъ матеріальныхъ средствъ существованія въ человѣческомъ обществѣ" и — „политическая экономія есть наука о тѣхъ условіяхъ и формахъ, при которыхъ человѣческія общества производили и обмѣнивались, и при которыхъ, соотвѣтственно съ тѣмъ, продукты распредѣлялись". Оба эти опредѣленія не вполнѣ совпадаютъ, но довольно вѣрно намѣчаютъ предметъ изслѣдованій экономиста.

---

1) см. Переворотъ въ наукѣ, произведенный г. Дюрингомъ, нѣмецк. изданіе 1901 г., стр. 149, 153.

Въ одномъ случаѣ Энгельсъ говоритъ только о производствѣ и объ обмѣнѣ, въ другомъ — о производствѣ, обмѣнѣ и распредѣленіи; въ первомъ опредѣленіи онъ говоритъ о производствѣ матеріальныхъ средствъ существованія, какъ бы указывая, что дѣло идетъ только о производствѣ самыхъ насущныхъ предметовъ, во второмъ — о производствѣ продуктовъ къ самомъ широкомъ смыслѣ, какъ средствъ существованія, такъ и продуктовъ удобствъ, защиты и охраны, роскоши и всего, что только создается для потребностей человѣка, включая сюда и орудія, при посредствѣ которыхъ создаются продукты и поддерживается организація соціальнаго строя. Необходимо добавить къ имуществу человѣка еще и то, что не создается человѣкомъ, но находится въ его пользованіи, т. е., матерію и силы природы, которыя его окружаютъ и даютъ ему возможность жить и работать. Приглядываясь къ явленіямъ дѣйствительной жизни, мы тотчасъ же замѣтимъ, что и еще одна сторона человѣческой жизни остается опущенной этими дополнительными замѣчаніями. Человѣкъ не только производитъ, обмѣниваетъ и распредѣляетъ, но и потребляетъ. Производство, обмѣнъ и распредѣленіе существуютъ для удовлетворенія человѣческихъ потребностей въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е., для потребленія, безъ котораго никакая жизнь не возможна. Подводя общій итогъ, мы могли бы сказать, что политическая экономія должна намъ дать ученіе о тѣхъ формахъ и условіяхъ, какъ матеріальной природы, такъ и человѣческой среды, при которыхъ люди производили и производятъ, обмѣнивали и обмѣниваютъ, распредѣляли и распредѣляютъ, потребляли и потребляютъ продукты для удовлетворенія своихъ нуждъ. Другими словами, она должна открыть законы производства, обмѣна, потребленія и распредѣленія продуктовъ и силъ природы.

Соціально-экономическія явленія неразрывно и связаны съ этими четырьмя категоріями жизни (т. е., необходимыми условіями ея): производствомъ, обмѣномъ, распредѣленіемъ и потребленіемъ матеріальныхъ продуктовъ.

Посмотримъ-же, нельзя-ли изъ точнаго опредѣленія этихъ основныхъ категорій сдѣлать правильное заключеніе о томъ, что такое соціально-экономическія явленія, не прибѣгая вовсе къ принципу экономизаціи, какъ способу выдѣленія экономическихъ явленій изъ совокупности всѣхъ другихъ явленій общественной жизни человѣка.

Подъ производствомъ мы понимаемъ дѣятельность человѣка (какъ единичнаго лица, такъ и соединенныхъ группъ людей), направленную на изготовленіе изъ существующаго въ природѣ матеріала, при данныхъ историческихъ, общественныхъ условіяхъ и вѣчныхъ законахъ природы, матеріаль-

ныхъ продуктовъ (полезностей) для удовлетворенія человѣческихъ потребностей [1]).

Подъ обмѣномъ — ту дѣятельность человѣка, при посредствѣ которой богатство, какъ совокупность матеріальныхъ продуктовъ, произведенныхъ человѣкомъ, и всѣхъ естественныхъ благъ и силъ, безвозмездно дарованныхъ природой, поступаетъ изъ однихъ рукъ въ другія подъ условіемъ передачи за него эквивалента, т. е. той или иной равноцѣнности.

Подъ распредѣленіемъ — ту дѣятельность, при посредствѣ которой то же богатство попадаетъ въ пользованіе или собственность, раздѣляется какъ имущество и доходъ между разными лицами, группами ихъ и учрежденіями даннаго народа или человѣчества вообще [2]).

Подъ потребленіемъ — ту дѣятельность, интересующую экономиста только съ количественной и качественной стороны, посредствомъ которой богатство употребляется на удовлетвореніе потребностей, обращаясь при этомъ въ остатки использованной матеріи и силы и въ новый видъ жизненной энергіи человѣка.

Съ этими четырьмя категоріями жизни соціальная экономія постоянно имѣетъ дѣло. Безъ ихъ наличности никакая человѣческая жизнь не была-бы возможна. Въ великой борьбѣ за существованіе во всѣ историческія эпохи человѣкъ долженъ былъ употреблять свой трудъ и капиталъ для использованія силъ природы и матеріи земли на свои нужды. Онъ долженъ былъ научиться сочетать такъ называемые факторы производства: землю, трудъ и капиталъ для созданія матеріальныхъ условій своей жизни. Это сочетаніе или, что тоже, соединеніе, установленіе извѣстнаго взаимоотношенія неизбѣжно должно было имѣть два вида: съ одной стороны, должна была создаться извѣстная форма хозяйствъ, т. е., тѣ отношенія человѣческихъ существъ, въ

1) Какъ увидимъ ниже, человѣческая производительная дѣятельность увеличиваетъ наличную массу полезностей или, по крайней мѣрѣ, воспроизводитъ ихъ прежній запасъ. Производство тѣмъ плодотворнѣе, чѣмъ больше избытокъ надъ простымъ воспроизводствомъ.

2) Подъ имуществомъ юристы понимаютъ всю совокупность юридическихъ отношеній личности, могущую быть оцѣненной на деньги; экономисты выражаются яснѣе, понимая подъ имуществомъ всю совокупность цѣнностей, которыми обладаютъ данное лицо или народъ. Подъ производительными силами мы будемъ понимать: 1. землю, (т. е., ея поверхность и нѣдра) со всѣми заключенными въ ней свойствами и силами. 2. капиталъ, т. е., матеріалы и орудія, добытыя и созданныя человѣческимъ трудомъ для дальнѣйшаго увеличенія производства. 3. трудъ, т. е., затрата нервной и мускульной энергіи человѣка. Подъ доходомъ мы будемъ разумѣть регулярно во времени притекающій потокъ цѣнностей ко всякому, кто обладаетъ какой-либо производительной силой или имуществомъ.

которыя они вступили для цѣлей производства, обмѣна, распредѣленія и потребленія; съ другой стороны, система хозяйства, т. е., сочетаніе матеріальныхъ и духовныхъ факторовъ производства: земли, труда и капитала, какъ обнаруженій физической, матеріальной и духовной энергіи матеріи и живыхъ существъ, создаваемое людьми для тѣхъ-же цѣлей производства, обмѣна, распредѣленія и потребленія. [1])

Другими словами, должны были создаться три особенности экономической жизни: 1) общественныя, хозяйственныя отношенія людей; 2) техническія сочетанія факторовъ производства и 3) особая система цѣлей, ради которыхъ совершается производство, обмѣнъ, распредѣленіе и потребленіе матеріальныхъ продуктовъ. Хозяйство, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, и представляетъ собою общественныя отношенія людей, которыя возникаютъ при производствѣ, обмѣнѣ, распредѣленіи и потребленіи матеріальныхъ благъ при данныхъ техническихъ условіяхъ внѣшней матеріальной среды для тѣхъ или иныхъ цѣлей общества и его соціальныхъ группъ. Отсюда слѣдуетъ, что экономическія явленія — это тѣ типическія (т. е., постоянно въ извѣстныхъ формахъ существующія и законосообразныя) отношенія людей между собою и къ внѣшней природѣ, (а равно дѣйствія людей и ихъ внѣшніе результаты въ продуктахъ, въ учрежденіяхъ, правовыхъ институтахъ и. т. п.), которыя возникаютъ, существуютъ, видоизмѣняются и развиваются въ процессѣ удовлетворенія матеріальныхъ потребностей. Вся совокупность главнѣйшихъ формъ, системъ хозяйства и цѣлей, которыя люди преслѣдуютъ въ своей экономической дѣятельности въ данную историческую эпоху называется обыкновенно господствующимъ строемъ хозяйства.

Задача экономиста и заключается въ томъ, чтобы от-

---

1) Когда мы говоримъ о формѣ хозяйства, мы, слѣдовательно, имѣемъ въ виду соединенія человѣческихъ существъ на тѣхъ или иныхъ началахъ для цѣлей производства, обмѣна, распредѣленія и потребленія продуктовъ. Хозяйство можетъ имѣть форму родового союза, индивидуальной семьи, семейной общины; оно можетъ состоять изъ хозяина — частнаго собственника, его семьи, рабовъ, крѣпостныхъ, свободныхъ рабочихъ. При современной капиталистической системѣ оно можетъ быть единоличнымъ предпріятіемъ хозяина или соединенія хозяевъ, акціонерной компаніей для производства или торговли, благотворительнымъ учрежденіемъ, общественнымъ предпріятіемъ, государственнымъ учрежденіемъ и т. п. Въ каждомъ изъ взятыхъ примѣровъ между всѣми участниками хозяйства неизбѣжно возникаетъ цѣлая цѣпь весьма сложныхъ отношеній зависимости, соподчиненія, раздѣленія труда и т. п. По системѣ хозяйства различаютъ: крупныя и мелкія хозяйства, экстенсивныя — гдѣ главную роль играетъ земля и вообще природа, интенсивныя — гдѣ важнѣйшую роль играютъ затраты труда и капитала и т. п.

крыть законы этихъ явленій, т. е., начертать процессъ ихъ послѣдовательнаго развитія и существующіе въ данный моментъ законы ихъ существованія и соотношеній.

Четыре указанныя категоріи экономическихъ явленій: производство, обмѣнъ, распредѣленіе и потребленіе — будутъ постояннымъ предметомъ нашего изслѣдованія. Какая изъ этихъ категорій имѣетъ первенствующее значеніе, въ какомъ соотношеніи онѣ стояли въ предшествовавшія эпохи, въ какомъ соотношеніи находятся въ настоящее время и будутъ находиться въ будущемъ, какое отношеніе эти категоріи имѣютъ ко всѣмъ другимъ явленіямъ человѣческой жизни — все это вопросы, на которые мы дадимъ отвѣты (и только тогда и можемъ дать) лишь при дальнѣйшемъ изложеніи исторіи политической экономіи. Теперь-же, опредѣливъ общую задачу соціальной экономіи, какъ изслѣдованіе законовъ экономическихъ явленій, попытаемся разсмотрѣть вопросъ: что-же понимаетъ современное монистическое міросозерцаніе подъ законами явленій и — какъ оно относится къ телеологіи?

§ 3. Предметомъ общественной науки, какъ вообще и всякой другой науки, служатъ *явленія* общественной жизни человѣка. Какъ для естествоиспытателя, такъ и для обществовѣда, человѣкъ составляетъ нѣкоторое существо (Ding an sich), явленіе, служащее предметомъ наблюденія для нашего познающаго разума. Естествовѣдѣніе и общественная наука, въ частности и политическая экономія, какъ ея часть, изучаютъ человѣка съ разныхъ сторонъ и разными методами, но то обстоятельство, что человѣкъ и вся его общественная жизнь только одно изъ явленій природы, которая насъ окружаетъ, неизбѣжно ведетъ къ тому, что „основныя проблемы“ и стремленія этихъ двухъ наукъ по существу должны быть одинаковыми. Я выражаюсь такъ осторожно: „основныя проблемы“, ибо въ общественной наукѣ еще очень много спорнаго, и многіе даже отрицаютъ существованіе такой науки. Только въ 19-мъ вѣкѣ сдѣлана попытка созданія общественной науки на позитивныхъ началахъ т. е. на тѣхъ же началахъ, на которыхъ построено естествовѣдѣніе; а потому чрезвычайно важно указать, прежде всего, на тѣ основныя начала науки, установленіе которыхъ является гордостью истекшаго вѣка.

Познаніе всякаго явленія, какъ вещи въ самой себѣ, познаніе сущности вещей, и въ частности человѣка, какъ сущности, какъ къ тому стремились матафизики, отброшено современной положительной наукой. То, что мы называемъ сущностью вещи, есть ничто иное, какъ ея преобладающее свойство или группа свойствъ. Воспринимаемъ мы что

либо объ этихъ свойствахъ путемъ ощущеній и представленій. Самое представленіе о предметѣ или вещи мы образуемъ путемъ ассоціаціи о его свойствахъ; мыслить о предметахъ мы можемъ только при помощи представленій и понятій. Предметъ — это то, что находится предъ нами[1]). Предметъ познается въ качествѣ внѣшняго объекта только нами, какъ субъектомъ, который въ силу своей природы воспринимаетъ, группируетъ свои воспріятия на основаніи сходства и различія, провѣряетъ и сопоставляетъ свои воспріятія и мыслитъ опредѣленнымъ образомъ. Всякое явленіе и совокупность явленій, которыя мы называемъ дѣйствительностью, — это то, что мы воспринимаемъ, какъ явленіе и дѣйствительность, что, несмотря ни на какое сопротивленіе, мы должны оставить такъ, какъ оно есть, чего мы не можемъ не признать. И въ этомъ смыслѣ мы говоримъ, что дѣйствительность можетъ существовать только для мыслящихъ существъ.

И. Кантъ въ своей Критикѣ чистаго разума (рус. пер. Спб. 1897., введеніе) пишетъ: „несомнѣнно, что всякое наше познаніе начинается съ опыта, ибо чѣмъ другимъ и возбуждается къ дѣятельности наша познавательная способность, какъ не тѣми предметами, которые дѣйствуютъ на наше внѣшнее чувство и отчасти сами въ насъ вызываютъ представленія, отчасти приводятъ въ движеніе нашу разсудочную дѣятельность, заставляя ее сравнивать эти представленія, соединять ихъ или раздѣлять и, такимъ образомъ, перерабатывать грубый матеріалъ чувственныхъ впечатлѣній предмета въ познаніе предмета, которое и называется опытомъ. Итакъ, по времени наше познаніе не предшествуетъ опыту и всякое начинается имъ. Эмпирическое познаніе, какъ говорятъ, имѣетъ свои источники a posteriori, т. е., въ опытѣ[2]).

Вполнѣ правильно истолковывая основы критической философіи, Фридрихъ Альбертъ Ланге[3]) пишетъ: „мы не

1) А. Ланге говоритъ: „предметъ (Gegenstand) означаетъ препятствіе".

2) Необходимо помнить, однако, что тотъ же Кантъ указываетъ на необходимость разрѣшить вопросъ и о возможности другого рода познанія. „Но если, пишетъ онъ тамъ-же, все наше познаніе начинается съ опыта, то не все оно возникаетъ изъ опыта. Вполнѣ возможно, что даже наше опытное познаніе есть нѣчто сложное, образовавшееся изъ того, что мы получаемъ посредствомъ впечатлѣній, и изъ того, что отъ себя привноситъ наша собственная познавательная способность, для которой наши чувственныя впечатлѣнія служатъ лишь поводомъ. Этотъ придатокъ мы будемъ отличать отъ этого основнаго матеріала только тогда, когда послѣ долгой практики научимся обращать на него вниманіе и пріобрѣтемъ навыкъ выдѣлять его. Такое познаніе называется познаніемъ a priori". Ниже мы увидимъ, какое значеніе это положеніе Канта пріобрѣло въ рукахъ такъ называемыхъ нео-кантіанцевъ.

3) Ф. Ланге. Исторія матеріализма, пятое нѣм. изд., т. II, стр. 49—50.

знаемъ, существуетъ ли въ дѣйствительности эта субстанція — вещь въ себѣ (Ding an sich). Мы знаемъ только, что послѣдовательное примѣненіе законовъ нашего мышленія приводитъ насъ къ познанію нѣкотораго проблематическаго нѣчто, которое мы считаемъ, какъ причину явленій, какъ только мы признали, что міръ можетъ быть лишь міромъ нашихъ представленій. Чѣмъ болѣе эта вещь въ себѣ обращается въ простое представленіе, тѣмъ больше реальности пріобрѣтаетъ міръ явленій. Міръ обнимаетъ все, что мы называемъ дѣйствительностью. Явленіе есть то, что обыкновенный разумъ называетъ вещами. Философъ называетъ вещи явленіями, чтобы показать, что онѣ не представляютъ нѣчто внѣшнимъ образомъ мнѣ противостоящее, но продуктъ моего разума и моей чувственной воспріимчивости. Но это обстоятельство нисколько не препятствуетъ намъ приписывать вещи тѣ свойства ея, которыя мы знаемъ изъ опыта и которыя выражаютъ такимъ образомъ лишь отношенія ея къ намъ".

Такимъ образомъ, сознаніе не можетъ составить себѣ представленія о мірѣ изъ самого себя. По прекрасному выраженію проф. Геффдинга, „хотя образъ міра во всемъ его объемѣ опредѣляется природою нашего сознанія, все же наша сознательная дѣятельность, которая порождаетъ его, должна, въ силу закона отношенія, сама въ свою очередь подвергаться дѣйствію и опредѣленію того, что существуетъ внѣ нашего сознанія". Наши представленія мы называемъ истинными, когда они согласуются съ возможно большимъ количествомъ точныхъ воспріятій. Но, такъ какъ мы никогда не можемъ избѣжать этой двойственности субъекта и объекта, то самый точный образъ міра оказывается только символомъ, который возникаетъ между познающимъ субъектомъ и остальною частію бытія" [1]).

Въ этой относительности всего нашего познанія первое основное положеніе позитивной науки. Сущность нашей познающей организаціи, связанная со всѣми нашими матеріальными органами, останется для насъ фактомъ, благодаря которому мы опредѣляемъ себя въ качествѣ субъектовъ по отношенію ко всему другому, что мы считаемъ объектами; изъ соотношенія между нами, какъ субъектами, и внѣшними явленіями, какъ объектами, и вытекаетъ все наше познаніе о мірѣ.

Прежде чѣмъ перейти къ другимъ основнымъ положеніямъ позитивной науки, постараемся иллюстрировать это положеніе нѣкоторыми примѣрами, чтобы лучше выяснить и самый предметъ общественной науки [2]).

---

1) См. Геффдингъ. Очерки психологіи, основанной на опытѣ, р. пер. 1898 г., стр. 173 и слѣд.

2) Изъ этого двоякаго отношенія человѣка-индивида къ соціаль-

Каждое явленіе имѣетъ извѣстный комплексъ (совокупность) присущихъ ему свойствъ или, какъ говорятъ иначе, имѣетъ опредѣленную форму [1]). Понятіе, соединяющее нѣсколько свойствъ или признаковъ, присущихъ одному конкретно существующему явленію, называется индивидуальнымъ или единичнымъ понятіемъ. Предо мною можетъ быть рядъ людей, изъ которыхъ каждый имѣетъ наименованіе: Ивановъ, Петровъ и т. д., и соотвѣтственно о каждомъ я имѣю понятіе, какъ о существѣ съ опредѣленными свойствами. Ходя каждое явленіе имѣетъ свою опредѣленную форму, но оно можетъ быть безконечно разнообразнымъ въ частностяхъ, въ менѣе существенныхъ свойствахъ, оставаясь по существу, по нѣкоторой общности главнѣйшихъ признаковъ, явленіемъ общаго понятія или типа. Ивановъ не похожъ во всѣхъ своихъ свойствахъ на Петрова, но всѣ знаютъ, что оба они люди, т. е., что цѣлый рядъ признаковъ имъ общъ. Въ моихъ рукахъ можетъ быть серебряный рубль, золотой имперіалъ, пятирублевый бумажный билетъ и двугривенный — все это конкретныя явленія съ цѣлымъ рядомъ свойствъ, но всѣ эти предметы на основаніи нѣкоторыхъ общихъ признаковъ я называю деньгами; они представляютъ для меня конкретныя явленія одного типа денегъ.

Понятіе, соединяющее нѣкоторое количество общихъ признаковъ разнообразныхъ и въ дѣйствительности существующихъ предметовъ, и называется общимъ или родовымъ понятіемъ; оно даетъ намъ возможность говорить о существованіи нѣкоторыхъ типическихъ явленій. По нѣкоторымъ признакамъ сходства, напр., по изготовленію денегъ изъ благороднаго металла, мы можемъ говорить о металлическихъ деньгахъ; по различію этихъ послѣднихъ — о золотыхъ и серебряныхъ деньгахъ и т. д. Однимъ словомъ, мы всегда имѣемъ представленіе о конкретныхъ явленіяхъ, группируемъ эти явленія по сходству и различію и получаемъ понятіе о типическихъ явленіяхъ, которыя мы встрѣчаемъ въ громадномъ разнообразіи на каждомъ шагу нашего соприкосновенія съ жизнью. Но наша мысль не останавливается на этомъ. „Несмотря на большое разнообразіе

ной жизни, во первыхъ, какъ объекта, и, во вторыхъ, какъ субъекта, вытекаетъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, два совершенно противоположныхъ міросозерцанія. Одно изъ этихъ міросозерцаній смотритъ на индивида, какъ на главный творческій факторъ всей соціальной жизни, другое, напротивъ, разсматриваетъ индивида, какъ простой результатъ соціальной среды. См. любопытныя замѣчанія по этому поводу въ сочиненіи Станислава Грабскаго, S. Grabski, Zur Erkenntnislehre der volkswirtschaftlichen Erscheinungen, Leipzig, 1900 г., стр. 38 и слѣд.

1) Мы пользуемся этимъ терминомъ „форма" въ томъ смыслѣ, какъ его употребляли позитивисты т. е. какъ на чистое явленіе разсудка, имѣющее значеніе лишь для мышленія, производящаго отвлеченіе или

конкретныхъ явленій, вѣрно говоритъ проф. А. Менгеръ [1]), мы можемъ, даже при бѣгломъ взглядѣ, замѣтить, что не каждое отдѣльное явленіе представляетъ собою отличную отъ всѣхъ остальныхъ форму; нѣтъ, опытъ показываетъ намъ, что извѣстныя явленія, съ большей или меньшей правильностью повторяются и при смѣнѣ вещей снова возвращаются. Такія формы явленія мы называемъ типами. Подобное же наблюдается и во взаимныхъ отношеніяхъ конкретныхъ явленій. Эти соотношенія не имѣютъ вполнѣ своеобразнаго характера; нѣтъ, мы можемъ безъ труда наблюдать въ большей или меньшей степени повторяющіяся соотношенія явленій". Въ самомъ дѣлѣ, мы можемъ видѣть, что на ряду съ деньгами существуютъ такія-же типическія явленія — товары, которые обмѣниваются на деньги. Гдѣ существуютъ деньги и товары, тамъ существуетъ и такъ называемая цѣна, т. е., люди даютъ за товары опредѣленное количество денежныхъ знаковъ. Увеличивается количество денегъ въ странѣ, и цѣны товаровъ начинаютъ возрастать; при возрастаніи цѣнъ товаровъ бѣдняки, имѣющіе мало денегъ, начинаютъ встрѣчать затрудненіе въ покупкѣ товаровъ, если цѣна ихъ заработной платы не возрасла въ той же пропорціи, какъ и цѣна другихъ товаровъ. Другими словами, мы замѣчаемъ, что многообразныя явленія существуютъ совмѣстно на одномъ и томъ же пространствѣ и въ одно и то же время, что они сосуществуютъ, и, наконецъ, вслѣдъ за одними явленіями начинаютъ появляться и другія.

Это сосуществованіе и послѣдовательность явленій какъ бы постоянно воспроизводится въ безпрерывномъ круговращеніи вещей: убѣдившись въ этомъ, мы дѣлаемъ выводъ, что не только существуютъ типическія явленія, но и постоянныя типическія же между ними соотношенія существованія, сосуществованія и послѣдовательности.

Опредѣливъ задачу общественной науки, какъ изслѣдованіе о человѣкѣ, мы безъ особаго труда можемъ замѣтить, что изучать человѣка мы можемъ съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія.

Во первыхъ, мы можемъ изучать типъ человѣка, какъ нѣкоторой біологической животной особи, т. е., со стороны физической и всѣхъ связанныхъ съ нею процессовъ. Это изслѣдованіе приняло на себя всецѣло естествовѣдѣніе.

Во вторыхъ, типъ человѣка, какъ психо-біологической

проще какъ на постигаемую разумомъ совокупность внутреннихъ и внѣшнихъ свойствъ явленія. Въ этомъ смыслѣ тѣмъ же терминомъ пользуется Менгеръ, см. ниже.

1) См. А. Менгеръ. Изслѣдованіе о методахъ соціальныхъ наукъ, р. пер., Спб. 1894 г., стр. 2.

особи, т. е., со стороны духовной, относительно ощущеній, чувствованій, воли, разума, способовъ мышленія и предѣловъ возможнаго для человѣка познанія. Эту задачу выполняютъ философія и такъ называемыя нравственныя науки.

Въ третьихъ, какъ это желалъ создатель напр. статистики Кетлэ, изучить типъ человѣка, какъ онъ проявляется чрезъ количественное наблюденіе большихъ массъ людей по ихъ главнѣйшимъ признакамъ, по дѣйствіямъ людей и результатамъ ихъ дѣйствій, по сколько они могутъ быть записаны или отмѣчены числомъ, мѣрой и вѣсомъ. Та же статистика ставитъ себѣ нынѣ болѣе широкую задачу — изучить состояніе и явленія общественной жизни человѣка, по сколько они находятъ себѣ выраженіе въ соціальныхъ массахъ [1]). Напр., изучить число людей въ странѣ, распредѣленіе ихъ по поламъ, по профессіямъ, по преступности, по числу жертвъ преступныхъ дѣяній, по количеству богатства среди нихъ, по рождаемости и смертности, по размѣрамъ землевладѣнія, богатства и т. п.

Въ четвертыхъ, изучить типъ человѣка, какъ нѣкоторой психо-біологической особи, въ ея мотивахъ и дѣйствіяхъ, какъ въ личной жизни и въ отношеніяхъ къ матеріальному міру, такъ и въ ея отношеніяхъ къ внѣшней человѣческой средѣ.

Въ пятыхъ, изучить жизнь человѣка, какъ одного изъ членовъ нѣкотораго соединенія людей — общества, соотношенія этихъ сообществъ между собою, къ внѣшней природѣ; изучить зависимость человѣка во всѣхъ его мотивахъ, чувствованіяхъ, понятіяхъ и дѣйствіяхъ отъ общественной среды, въ которой онъ живетъ, и отъ внѣшнихъ матеріальныхъ условій, изъ которыхъ онъ никогда вырваться не можетъ. Двумя послѣдними методами оперируетъ та наука, которая называется общественной наукой въ собственномъ смыслѣ этого слова въ самыхъ разнообразныхъ ея подраздѣленіяхъ.

Я уже указалъ въ предшествовавшемъ параграфѣ, что предметомъ нашего изученія будутъ только явленія экономической жизни человѣка. Въ послѣдующемъ изложеніи намъ придется еще ознакомиться съ тремя послѣдними методами изслѣдованія въ ихъ примѣненіи къ экономическимъ явленіямъ болѣе подробно. Теперь же мы должны коснуться только одной изъ тѣхъ сторонъ изслѣдованія человѣка, которая касается самыхъ предѣловъ его познанія, т. е., другими словами, нѣсколько дополнить то, съ изученія чего

---

1) Такъ извѣстный мюнхенскій проф. Майръ пишетъ: „статистика основывается на исчерпывающихъ, выраженныхъ числомъ и мѣрою массовыхъ наблюденіяхъ и занимается объясненіемъ состояній и явленій человѣческой общественной жизни, по сколько они находятъ выраженіе въ соціальныхъ массахъ“.

мы и начали нашъ анализъ въ этомъ параграфѣ, нѣсколько прерванной этими замѣчаніями, которыя мнѣ пришлось вставить лишь для большей ясности изложенія.

Я указалъ вамъ, что современная положительная наука не стремится познать сущности вещей. Она изучаетъ явленія и ихъ типическія соотношенія существованія, сосуществованія и послѣдовательности. Наше познаніе неизбѣжно основано на воспріятіи дѣйствительности; законъ отношенія имѣетъ значеніе для всего нашего познанія, такъ какъ всѣ понятія, съ которыми мы имѣемъ дѣло, оказываются относительными, т. е., выражаютъ отношеніе между субъектомъ и объектомъ, а потому могутъ имѣть примѣненіе только къ тому, что принимается за одно изъ звеньевъ отношенія. „Наше познаніе, какъ справедливо замѣчаетъ Геффдингъ, бралось бы за неразрѣшимую задачу, если бы желало сдѣлать своимъ предметомъ нѣчто такое, что по самой своей природѣ не могло-бы стоять въ какомъ бы то ни было отношеніи съ чѣмъ нибудь отъ него отличнымъ, что, слѣдовательно, абсолютно и замкнуто въ самомъ себѣ“.

Современная наука, однако, въ своей основѣ имѣетъ и еще одно важное положеніе, безъ котораго она существовать не можетъ. Уже въ древней греческой философіи мы встрѣчаемся съ этимъ положеніемъ у Демокрита и Гераклита [1]; оно развито въ 19-мъ вѣкѣ съ неумолимою ясностью.

У Демокрита (родился около 470 и умеръ около 380 г. до Р. Х.) — мы встрѣчаемъ два слѣдующихъ положенія: а) изъ ничего не можетъ произойти ничего; все, что существуетъ, не можетъ быть уничтожено; всякое видоизмѣненіе есть соединеніе и раздѣленіе частей; б) ничто въ природѣ не происходитъ случайно, но все имѣетъ свою причину и необходимость.

Гераклитъ (прожилъ до 475 г. до Р. Х.) писалъ: „пребывающаго бытія нѣтъ. Все пребывающее и устойчивое есть обманъ чувствъ. Все непрерывное переходитъ въ свое противоположное, видимое въ невидимое, невидимое въ видимое, жизнь въ смерть, смерть въ жизнь“.

Въ этихъ простыхъ положеніяхъ уже заключается современное представленіе о причинахъ, открытіе которыхъ составляетъ главную задачу науки и взглядъ на міръ и на жизнь человѣчества, какъ на безконечный процессъ видоизмѣненія, въ основѣ котораго лежитъ законъ сохраненія матеріи и энергіи. Матерія и энергія вѣчны, мы не можемъ ихъ ни увеличить, ни уменьшить, а только преобразовать. . . Но какимъ же образомъ мы приходимъ къ представленію о

1) См. Ф. А. Ланге. Исторія матеріализма, т. I, р. пер., 2 изд., глава первая.

томъ, что въ мірѣ все имѣетъ свою причину и необходимость, что все течетъ и все измѣняется на основаніи причинъ и необходимости? Юмъ поставилъ опредѣлительно эту проблему. Кантъ и его школа дали намъ отвѣтъ, который наука признаетъ и до настоящаго времени.

Давидъ Юмъ первый разобралъ ходячее ученіе о причинности. „Что собственно думаютъ, спрашивалъ онъ, говоря, что одна вещь — причина другой? Если отвѣтить на это, что причина порождаетъ дѣйствіе, то, въ такомъ случаѣ, что же мы понимаемъ подъ этимъ порожденіемъ? Можно-ли объяснить это понятіе иначе, а не причиненіемъ, такъ что мы, значитъ, вращаемся въ кругу? Если же мы говоримъ, что причинное отношеніе есть только необходимая связь между вещами, то какимъ путемъ въ такомъ случаѣ установлено это понятіе? Никакъ не путемъ вывода. Всѣ наши отчетливыя представленія можно безъ труда разъединить, и намъ ничего не стоитъ представить, что предмета теперь нѣтъ, а въ слѣдующій моментъ онъ уже есть; для этого намъ вовсе не надо какого-бы то ни было представленія о причинѣ и о производящемъ принципѣ. Когда мы каждую вещь разсматриваемъ особнякомъ, то ни одна изъ нихъ не предполагаетъ непремѣнно другой. Но мы не можемъ придти къ понятію причинности и путемъ опыта. Мы не открываемъ внутренней связи между вещами и событіями. Мы видимъ, что одно явленіе существуетъ вмѣстѣ съ другимъ или слѣдуетъ за нимъ, но не видимъ, чтобы оно слѣдовало изъ другого. Самаго порожденія или причиненія мы не видимъ. Итакъ, та прочная связь, которую мы признаемъ за причиной и дѣйствіемъ, не принадлежитъ самимъ предметамъ. Необходимость существуетъ только въ сознаніи, а не въ вещахъ. Но что же бы это такое могло связывать подобнымъ образомъ наши представленія? Само по себѣ это также загадочно, какъ и связь между вещами. Единственно возможное объясненіе то, что продолжительный опытъ порождаетъ привычку, инстинктъ, склонность переходить отъ одного представленія къ другимъ, съ которыми оно обыкновенно связано. Затѣмъ это субъективное стремленіе, которое мы испытываемъ при ходѣ нашихъ представленій, антропоморфически переносится на природу“.

Проф. Гефдингъ совершенно вѣрно возражаетъ противъ скептицизма Юма слѣдующими положеніями.

Во-первыхъ, вмѣсто того, чтобы вмѣстѣ съ Юмомъ утверждать, что въ вещи или въ явленіи нельзя видѣть или выводить изъ нея понятіе причины или дѣйствіе другой, положительное міровоззрѣніе утверждаетъ, что мы о вещи знаемъ лишь въ той степени, въ какой она является причиной или дѣйствіемъ. Всѣ явленія природы, а также

и всѣ психическія явленія, связаны съ матеріальнымъ субстратомъ и только постолько, посколько они воздѣйствуютъ на наши чувства, мы можемъ судить о нихъ. Мы знаемъ о вещи только ея свойства, а эти послѣднія есть тотъ родъ и способъ, какими другія вещи дѣйствуютъ на нее, или какими она дѣйствуетъ на нихъ. Цвѣтъ вещи — это способъ, которымъ она отражаетъ свѣтовые лучи, ея твердость это сопротивленіе, оказываемое ею натиску другого тѣла и т. д. Все, что мы знаемъ о вещахъ, основывается на ихъ взаимодѣйствіи, какъ они воспринимаются и постигаются человѣкомъ, какъ субъектомъ съ извѣстными психическими свойствами.

Во вторыхъ, въ понятіи вещи уже дано сужденіе о ней, какъ о причинѣ. Вещь, которая служитъ причиной, т. е., отъ которой исходитъ перемѣна, называемая нами дѣйствіемъ или слѣдствіемъ, должна быть въ другомъ состояніи, чѣмъ та, отъ которой не исходитъ перемѣны. Причиной онъ можетъ быть только тогда, когда въ ней происходитъ перемѣна. Мы смотримъ на слѣдствіе, какъ на продолженіе перемѣны, происшедшей въ той вещи, въ которой можно видѣть причину: и только тамъ, гдѣ такимъ образомъ, дѣйствіе можно разсматривать, какъ продолженіе причины, мы говоримъ, что понимаемъ совершающееся предъ нами; такъ, напр., взявъ сѣрную кислоту, я бросаю въ нее желѣзо, получается реакція, которая превращаетъ сѣрную кислоту въ новое соединеніе — сѣрно-кислое желѣзо.

Въ третьихъ, пока явленія представляются намъ только какъ отличныя другъ отъ друга, мы еще не понимаемъ ихъ. Мы всегда стараемся свести явленія, всѣ различія между ними къ возможно меньшей степени, а это происходитъ лишь въ томъ случаѣ, если мы можемъ показать, что явленія служатъ продолженіемъ прежнихъ явленій или превращеніемъ того, что уже содержалось въ нихъ въ новую форму. Грозовая туча и молнія не имѣютъ въ восприятіи ни малѣйшаго сходства, но чѣмъ болѣе мы можемъ вникнуть въ отношенія между явленіями, тѣмъ болѣе мы открываемъ непрерывную связь, простирающуюся на то и на другое явленіе. Молнія — это мгновенное явленіе, составляющее такое рѣзкое различіе съ сизо-голубой тучей, есть только продолженіе электрическаго процесса, происходящаго еще въ тучахъ; благодаря ему зигзагъ молніи получилъ въ воздухѣ огненный цвѣтъ. Непрерывность продолжается еще и дальше, потому что атмосфера всегда болѣе или менѣе заряжена электричествомъ, когда не предвидится грозы. Такимъ образомъ, получается, что внезапное явленіе оказывается только частною и концентрированною формою чего-то такого, что дѣйствуетъ всякую минуту, но въ болѣе сла-

быхъ степеняхъ. Итакъ причина (въ приведенномъ примѣрѣ электричество воздуха или тучъ) и дѣйствіе (молнія) являются членами или частями одного же явленія, и, если мы отъ различій, данныхъ для воспріятія, дойдемъ до всеобъемлющей связи, то за различіями увидимъ тожество. По тому же пути идетъ и общественная наука. Предъ нашими глазами можетъ совершаться масса стачекъ по самымъ разнообразнымъ поводамъ; мы знаемъ, что они во всѣхъ ихъ формахъ представляютъ собой выраженія борьбы между трудомъ и капиталомъ, которая исторически также имѣетъ свои причины въ расчлененіи этихъ двухъ элементовъ производства по разнымъ общественнымъ классамъ.

Въ четвертыхъ, Юмъ совершенно забываетъ, что наше сознаніе, кромѣ пассивной или воспринимающей стороны, имѣетъ еще активную или объединяющую сторону. Мыслить — это значитъ сравнивать, находить различіе или сходство. Всякое мышленіе есть процессъ сочетанія, объединенія.

Поэтому, совершенно правъ былъ И. Кантъ, утверждая, что прежде всего законъ причинности есть необходимый постулатъ нашего разума; это необходимая гипотеза, основанная на самой природѣ нашего сознанія; она одна только можетъ дать руководящее начало для всѣхъ нашихъ изслѣдованій, которыя стремятся объяснить явленія или вещи — явленіями же или вещами.

Но мало того. Хотя совершенно справедливо, что вполнѣ подтвердить законъ причинности изъ опыта нельзя, но мы имѣемъ достаточно основаній, чтобы утверждать, что онъ въ значительной мѣрѣ подтверждается опытомъ. Справедливо утверждаютъ, что въ строгомъ смыслѣ слова нельзя объяснить ни одного отдѣльнаго явленія, исходя изъ опыта, и по слѣдующимъ основаніямъ. Во первыхъ, опытъ не можетъ дать намъ абсолютной непрерывности, которая связывала бы всѣ наблюденныя явленія въ единное цѣлое, каждая часть котораго или явленіе находила бы объясненіе въ другомъ явленіи. Во всякомъ развитіи явленій, за которымъ мы слѣдимъ, могутъ быть пробѣлы, необъяснимыя различія. Чѣмъ сильнѣе развивается наука, тѣмъ болѣе она пополняетъ эти пробѣлы, но они возникаютъ все вновь и вновь, двигая мысль все далѣе и далѣе. Во вторыхъ, опытъ не даетъ намъ абсолютнаго повторенія; въ особенности при анализѣ въ общественныхъ наукахъ мы замѣчаемъ, что совершенно одинаковаго положенія не наступаетъ въ другой разъ, благодаря множественности причинъ, появленію ранѣе незамѣченныхъ причинъ и ихъ сложнымъ и многообразнымъ соединеніямъ и сочетаніямъ. Въ третьихъ, рядъ причинъ безконеченъ въ томъ же смыслѣ, какъ пространство и время. Если мы останавливаемся гдѣ нибудь въ нашемъ изслѣдованіи,

то это дѣло всегда случая или произвола. По принципу закономѣрности всякая причина явлений въ свою очередь является дѣйствіемъ. Если мы останавливаемся на исчисленіи главнѣйшихъ, дѣйствующихъ причинъ, то это только фактическая граница, необходимая по теоретическимъ и практическимъ соображеніямъ для опредѣленности сужденія.

Но всѣ эти соображенія могутъ имѣть значеніе только въ томъ смыслѣ, что вообще идеалъ полнаго познанія недостижимъ. Въ реальной же дѣйствительности мы замѣчаемъ, что цѣлый рядъ намѣченныхъ нами причинъ вызываетъ извѣстныя слѣдствія. Это послѣдованіе, повторяющееся столь часто, въ столь громадныхъ размѣрахъ, является для нашихъ обычныхъ цѣлей столь неизбѣжнымъ и непрерывнымъ, что мы считаемъ опытъ вполнѣ достаточнымъ, вполнѣ отвѣчающимъ нашимъ разумнымъ ожиданіямъ. Въ этомъ смыслѣ мы и говоримъ, что законъ причинности не только постулатъ (требованіе) нашего разума, но и выводъ изъ наблюденнаго порядка существованія, сосуществованія и послѣдованія явленій, а научнымъ, позитивнымъ объясненіемъ явленій природы и общественной жизни человѣка называемъ такое изученіе, которое даетъ объясненіе явленій природы путемъ другихъ явленій — связываетъ явленія, какъ причины и слѣдствія.

Но что же такое „причина" съ научной точки зрѣнія? Этотъ вопросъ слѣдуетъ разсмотрѣть внимательнѣе и иллюстрировать его нѣкоторыми примѣрами изъ области общественной науки. Я уже выше отмѣтилъ, что борьба между такъ называемой телеологіей и сторонниками причиннаго анализа далеко не окончена и въ особенности въ общественной наукѣ. Въ той или другой формѣ, но старая аристотелевская телеологія возрождается постоянно. Въ немногихъ словахъ не трудно формулировать эту старую аристотелевскую телеологію и противопоставить ее въ заключеніи этого параграфа изложенному выше монистическому взгляду. Вотъ какъ излагаетъ это старое ученіе, напр., проф. Зигвартъ [1]). Съ точки зрѣнія Аристотеля всякое явленіе имѣетъ свою форму. Форма, мыслимая въ понятіи единая сущность вещей является дѣйствующей причиной всего происходящаго въ природѣ, и это всего лучше можно наблюдать въ живыхъ существахъ; форма приводитъ въ движеніе матерію и даетъ этому движенію опредѣленное направленіе и мѣру. Происхожденіе всякаго органическаго существа, во всей его цѣлостности, слѣдуетъ объяснять его общей идеальной формой; она обнаруживаетъ свою дѣятельность въ видѣ его

---

1) См. проф. Х. Зигвартъ. Борьба противъ телеологіи, рус. пер., 1907 года.

души и, какъ двигательная и творческая сила — въ организмахъ; она порождаетъ одну за другой отдѣльныя фазы развитія и достигаетъ своей цѣли, создавъ вполнѣ развитой, вполнѣ отвѣчающій своему назначенію видъ. Всякій отдѣльный членъ организма и всякая его функція объяснены, если доказано, что они служать средствомъ для жизни цѣлаго, ибо цѣль опредѣляетъ форму отдѣльныхъ частей, идея цѣлаго существуетъ раньше, нежели части и вмѣстѣ съ тѣмъ она есть сила, порождающая ихъ. Въ отличіе отъ чисто теологическаго міросозерцанія, сила эта у Аристотеля дѣйствуетъ произвольно, то здѣсь, то тамъ вмѣшивается въ естественный ходъ вещей, но этотъ естественный ходъ вещей представляетъ собою одно связное цѣлое, въ концѣ концовъ обусловливается одною общею цѣлью, которая находитъ свое выраженіе въ правильномъ порядкѣ.

Со времени Бэкона и Спинозы, какъ увидимъ ниже, естествознаніе совершенно отдѣлалось отъ этого стремленія искать идеальную форму вещей, одну общую цѣль, ради которой онѣ существуютъ; обществовѣдѣніе и до сихъ поръ не отдѣлалось отъ этого стремленія. Прежде чѣмъ, однако перейти къ изученію этихъ двухъ противорѣчивыхъ міросозерцаній телеологическаго и причиннаго, остановимся на ученіи о причинахъ, какъ оно было разработано О. Контомъ и Д. С. Миллемъ, а также и отмѣтимъ тѣ ошибки ихъ, которыя указаны современной научной разработкой этого вопроса.

§ 4. Выше было отмѣчено, что современная общественная наука стремится пріобрѣсти положительный характеръ. Это значитъ, что она стремится открыть причины общественныхъ явленій, при чемъ считаетъ причины истинными только тогда, если онѣ не выдуманы по произволу, но находятъ себѣ подтвержденіе въ опытѣ, въ дѣйствительности, т. е., стремится объяснить явленія явленіями же. Для настоящаго времени, однако, характеристика позитивнаго міросозерцанія, данная Огюстомъ Контомъ, уже не считается вполнѣ пригодной. Терминъ „позитивный“ понимается въ настоящее время въ томъ же смыслѣ, какъ и терминъ научный. Позитивно то, что дѣйствительно существуетъ, что положительно истинно, что есть, было и будетъ, какъ раскрытая нами цѣпь причинной связи между явленіями.

Устанавливая свое міровоззрѣніе, Контъ [1]) всегда противополагалъ его теологическому и метафизическому міросозерцанію. Первое міросозерцаніе, по его мнѣнію, во всѣ виды своего міровоззрѣнія вводитъ понятіе цѣлей — причинъ, второе — сущностей. Существенный недостатокъ этихъ

1) См. Курсъ позитивной философіи, въ особенности четвертый томъ.

системъ состоитъ въ стремленіи объяснять вещи или явленія. Изслѣдованія теологической школы были всегда телеологическими, изслѣдованія метафизической — онтологическими. Теологи имѣютъ дѣло съ произвольными причинами, изъ которыхъ каждая самобытна и независима, хотя за всѣми ими и предполагается божественный дѣятель: всѣ эти причины, благодаря направляющей волѣ Божества, стремятся къ выполненію назначенныхъ идеальныхъ цѣлей. Метафизика стремилась открыть „сущность вещей". Контъ полагалъ, что всѣ усилія, потраченныя въ этомъ направленіи, были напрасны, ибо человѣкъ по самой своей природѣ не можетъ проникнуть въ эти области. Все, что достигнуто въ области улучшенія общественной жизни, получено только благодаря тому, что въ концѣ концовъ мысль направилась на положительное изученіе явленій. „Позитивное міровоззрѣніе" въ истолкованіи Конта не признаетъ никакихъ причинъ, не желаетъ объяснять явленія, а только знать явленія.

Итакъ посмотримъ: 1) во первыхъ, что слѣдуетъ называть дѣйствующей причиной; 2) какъ слѣдуетъ классифицировать причины: 3) что означаетъ законъ единообразія въ природѣ; 4) должно ли быть явленіе, служащее причиной, непосредственно подлежать нашему наблюденію: 5) къ открытію какихъ причинъ наука стремится и 6) какое значеніе имѣетъ этотъ процессъ раскрытія причинъ, какъ для науки, такъ и для дѣятельности человѣка?

Еще Д. С. Милль въ своей „Системѣ логики" далъ намъ опредѣленіе понятія причины, которое съ нѣкоторыми видоизмѣненіями и при болѣе тщательномъ истолкованіи сохраняется и до настоящаго времени. Д. С. Милль писалъ: „Причина съ философской точки зрѣнія — есть совокупность всѣхъ условій явленія, какъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ, совокупность всякаго рода обстоятельствъ, при наличности которыхъ *неизмѣнно и безусловно* будетъ происходить данное слѣдствіе". Въ этомъ опредѣленіи прежде всего бросается въ глаза положеніе, что между явленіями, которыя мы связываемъ, какъ причину и слѣдствіе, существуетъ постоянное, необходимое соотношеніе, которое повторяется всегда и неизмѣнно. Это показываетъ намъ, что слѣдуетъ остерегаться ошибки, когда простую послѣдовательность или сосуществованіе явленій считаютъ за причину и слѣдствіе. Post hoc — это еще не значитъ, — propter hoc, т. е., если какое-нибудь явленіе наступило послѣ даннаго событія, это еще не значитъ, что оно наступило вслѣдствіе него. Такъ — мы знаемъ, что за днемъ всегда слѣдуетъ ночь и за ночью день, но отсюда не слѣдуетъ, что день есть причина ночи или ночь есть причина дня. Эти явленія постоянно смѣняются, но мы знаемъ, что причина этого явленія лежитъ

во вращеніи земли вокругъ своей оси, видоизмѣняющемъ положеніе поверхности земли по отношенію къ солнцу. Разумъ, не пріученный къ научному анализу, часто впадаетъ въ такую ошибку. Но нельзя сказать, чтобы и многіе выдающіеся ученые не впадали въ нее, когда дѣло касается какихъ-либо очень сложныхъ вопросовъ. Такъ напр., Родбертусъ объяснялъ происхожденіе кризисовъ въ нашемъ капиталистическомъ хозяйствѣ исключительно паденіемъ доли заработной платы въ общей суммѣ національнаго дохода. Какъ вы увидите ниже, болѣе тщательный анализъ показываетъ, что паденіе этой доли заработной платы можетъ быть признано только однимъ изъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ возникаютъ кризисы, но не даетъ намъ полнаго анализа причинъ этого явленія[1]).

Научное изученіе всякаго вопроса требуетъ, чтобы были приняты во вниманіе, какъ говоритъ Д. С. Милль, всѣ условія, которыя необходимы для появленія даннаго слѣдствія, и, затѣмъ, изъ всей ихъ совокупности — выдѣлены тѣ явленія, которыя могутъ почитаться, какъ главнѣйшія условія или, какъ выражаются проще, основныя или дѣйствующія причины (vera causa, causa efficiens). На слѣдующимъ простомъ примѣрѣ мнѣ легко показать, что обыкновенно понимается подъ главной или дѣйствующей причиной. Предположимъ, что я бросилъ камень въ воду, и онъ погрузился въ нее. Я хочу опредѣлить всѣ причины — условія, при которыхъ должно было необходимо произойти это явленіе погруженія, и открыть основную, дѣйствующую причину, которая могла бы объяснить явленіе погруженія камня въ водѣ. Чтобы это явленіе произошло, необходимы слѣдующія условія: 1) наличность земли и воды, твердыхъ и жидкихъ веществъ; 2) наличность камня, какъ части земли; 3) пространства, времени, бросающей силы; 4) дѣйствіе законовъ тяготѣнія; 5) различія въ удѣльномъ вѣсѣ камня и воды; 6) отсутствіе какихъ бы то ни было препятствій, которыя могли бы устранить соприкосновеніе камня съ водой. Всѣ

1) Недостаточность этого объясненія, напр. К. Марксъ, видѣлъ въ томъ, что въ періодъ, предшествующій кризису, заработная плата обыкновенно повышена и безработица почти отсутствуетъ т. е. доля участія рабочихъ въ національномъ продуктѣ возрастаетъ. Это возраженіе, однако, не колеблетъ теоріи Родбертуса, ибо онъ утверждаетъ, что возрастаніе заработной платы при капиталистическомъ хозяйствѣ *никогда* не бываетъ *пропорціонально* общему росту богатства народа. Какъ увидимъ впослѣдствіи, Родбертусъ пытался установленіемъ нормальной заработной платы устранить это несоотвѣтствіе между количествомъ производимаго богатства и потребленіемъ, которое зависитъ отъ распредѣленія народнаго дохода на ренту, прибыль и заработную плату. Ему, однако, не удалось доказать, что такое повышеніе платы устранитъ общую неорганизованность производства.

условія, перечисленныя выше, безусловно необходимы для наступленія явленія, но для всякаго ясно, что *причина* погруженія камня въ воду есть различіе въ удѣльномъ вѣсѣ этихъ двухъ веществъ. Произведя анализъ удѣльнаго вѣса воды и камня, мы можемъ быть твердо увѣрены, что всегда, неизмѣнно и необходимо будетъ наступать явленіе погруженія, если въ соприкосновеніе будутъ приведены твердыя и жидкія вещества съ разнымъ удѣльнымъ вѣсомъ, но не обнаруживающія химическаго сродства. Если какая либо сила, напр., рука, которая подхватитъ брошенный камень на лету, устранитъ это соприкосновеніе, мы будемъ считать ее причиной, воспрепятствовавшей наступленію этого явленія.

Не трудно привести примѣръ и изъ области политической экономіи. Экономисты много лѣтъ работаютъ надъ разъясненіемъ вопроса о цѣнности. Причина этого лежитъ въ томъ, что необходимо, но очень трудно, изъ всѣхъ условій, отъ которыхъ зависитъ цѣнность, выбрать *главнѣйшее,* которое мы и должны назвать истинной причиной. Эти условія слѣдующія: 1) полезность, т. е., пригодность предмета для удовлетворенія потребностей человѣка; 2) рѣдкость — количественное отношеніе массы продукта къ массѣ потребностей; 3) затрата труда на производство предмета: 4) затрата труда и капитала; 5) затрата труда, капитала и неравной по производительности земли и такого же капитала; 6) необходимость оплатить заработную плату работника и прибыль капиталиста; 7) необходимость оплатить всѣ виды доходовъ, т. е., ренту, прибыль и капиталъ т. е. издержки производства: выплаченную заработную плату (оборотный капиталъ) и другіе траты основного и оборотнаго капитала. 8) условія обмѣна между тремя классами — землевладѣльцевъ, капиталистовъ и рабочихъ, изъ которыхъ каждый преслѣдуетъ свои выгоды, т. е., проще, условія спроса и предложенія продуктовъ и ихъ соціальнаго раздѣла на доходы въ капиталистическомъ хозяйствѣ.

Уже эти примѣры показываютъ, какъ сложенъ причинный анализъ явленій. Мы всегда, въ особенности въ обществовѣдѣніи, имѣемъ дѣло со множествомъ условій — причинъ, или, какъ говорятъ иначе, рядъ причинъ безконеченъ: эти причины часто дѣйствуютъ въ обратномъ другъ другу направленіи, взаимно складываются, балансируются и потому абсолютнаго повторенія явленій можетъ и не произойти. Въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова, ни одного явленія и объяснить невозможно, такъ безконеченъ рядъ вызвавшихъ его условій — причинъ. Поэтому, даже при самомъ тщательномъ анализѣ, мы должны неизбѣжно остановиться лишь на изученіи главной, истинной, достаточной для объясненія при-

чины (vera causa)[1]). Если слѣдованіе двухъ явленій одного за другимъ происходитъ въ громадномъ количествѣ наблюденныхъ нами случаевъ, если нами логически опредѣлена истинная причина этого слѣдованія, то законъ причинности становится не только уже постулатомъ нашего разума, но и принимается, какъ выводъ, подтверждаемый опытомъ.

И въ научномъ, и въ обыденномъ языкѣ, по отношенію къ разнымъ условіямъ — причинамъ, мы привыкли употреблять особыя выраженія. Если отношеніе слѣдованія выражается въ необходимости, то явленіе, вызвавшее его, мы называемъ главной причиной, слѣдованіе становится слѣдованіемъ необходимымъ. Если отношеніе къ слѣдованію выражаётся въ возможности, то основаніе становится возможной причиной, и мы говоримъ о возможномъ слѣдствіи. Если отношеніе къ слѣдованію выражается въ случаѣ, въ причинѣ, привзошедшеії для видоизмѣненія явленія неожиданно, мы говоримъ о причинѣ и слѣдствіи случайномъ[2]).

1) Современная наука вполнѣ принимаетъ правило Ньютона: causas rerum naturalium non plures admitti debere, quam quae et verae sint et earum explicandis sufficiant, т. е., не слѣдуетъ для объясненія естественныхъ явленій допускать многихъ причинъ, кромѣ такихъ, которыя истинны и достаточны.

2) По справедливому замѣчанію Ф. Ланге (l. c. стр. 8): „ничто не находится въ такомъ противорѣчіи, какъ случайность и необходимость и, тѣмъ не менѣе, ничто такъ часто не смѣшивается другъ съ другомъ. Причина этого заключается въ томъ, что понятіе необходимости совершенно ясно и твердо, между тѣмъ какъ понятіе случайности весьма неопредѣленно и относительно. Когда человѣку падаетъ кирпичъ на голову въ то время, какъ онъ проходитъ по улицѣ, то въ этомъ усматриваютъ случайность, и, однако, никто не сомнѣвается, что движеніе вѣтра, законъ тяжести и другія естественныя условія совершенно опредѣлили это событіе такъ, что оно послѣдовало съ естественной необходимостью и съ естественной же необходимостью камень долженъ былъ упасть на эту голову, которая находилась въ этотъ моментъ на этомъ опредѣленномъ мѣстѣ. На этомъ примѣрѣ ясно видно, что понятіе случайности есть только частичное отрицаніе цѣли. Если мы паденіе камня называемъ случайнымъ, то это значитъ, что по нашимъ воззрѣніямъ оно не могло имѣть никакой разумной цѣли“. Не слѣдуетъ, однако, думать, что случайными причинам мы считаемъ только тѣ, для которыхъ нашъ разумъ не въ состояніи открыть разумной цѣли. Понятіе случайной причины гораздо сложнѣе. Часто случайной причиной мы называемъ такую, появленіе которой мы по тѣмъ или другимъ основаніямъ объяснить не можемъ. Быть можетъ она и имѣетъ разумную цѣль, но самаго вмѣшательства ея въ комплексъ дѣйствующихъ причинъ мы объяснить не можемъ. Появленіе ряда другихъ случайныхъ причинъ въ качествѣ дѣйствующихъ мы можемъ часто ожидать, — и даже предвидѣть законы ихъ появленія. Въ появленіи такихъ случайныхъ причинъ имѣется своя закономѣрность, которая и выражается въ томъ, что онѣ только временно противоборствуютъ или содѣйствуютъ обнаруженію главныхъ причинъ, временно видоизмѣняютъ въ томъ или другомъ пространствѣ самое дѣйствіе главныхъ причинъ. Наконецъ, мы часто случайными причинами называемъ такія, когда появленіе того или другого слѣдствія отъ ихъ дѣйствія равно возможно. Это бываетъ тогда, когда возможность на-

Причины, неизмѣнно содѣйствующія появленію слѣдствія, мы называемъ причинами положительными. Причины, которыя противодѣйствуютъ наступленію слѣдствія, мы называемъ отрицательными. Мы различаемъ также причины дѣйствующія постоянно и неизмѣнно отъ причинъ, дѣйствующихъ по временамъ и спорадически, съ большей или меньшей силой. При всякомъ анализѣ явленій необходимо соотвѣтствующимъ образомъ расклассифицировать причины, но и на этомъ анализъ остановиться не можетъ[1]).

Необходимо имѣть въ виду, что данное явленіе, которое мы разсматриваемъ, какъ слѣдствіе, можетъ быть результатомъ цѣлой совокупности причинъ, или, какъ говорятъ иначе, сложенія причинъ. Задача изслѣдователя всегда должна заключаться въ томъ, чтобы съумѣть открыть всѣ эти отдѣльныя причины съ полной ясностью и опредѣлить ихъ значеніе въ полученномъ слѣдствіи. Это, однако, не всегда удается. Д. С. Милль обращаетъ вниманіе на такое „сложеніе причинъ", при которомъ, какъ слѣдствія, мы получаемъ такія явленія, свойства которыхъ мы не можемъ разложить на болѣе простые законы или вывести ихъ изъ законовъ, составляющихъ ихъ элементовъ. Такъ, напр., мы можемъ знать, что данное химическое соединеніе создаетъ опредѣленное тѣло, но свойства этого послѣдняго тѣла мы не можемъ вывести изъ свойствъ составныхъ элементовъ. Такія отношенія причины и слѣдствія Д. С. Милль называетъ „эмпирическими законами": многіе изъ нихъ остаются для насъ неразрѣшимыми загадками. Всѣмъ извѣстно, напр., положеніе, что на 105 мальчиковъ рождается 100 дѣвочекъ; это явленіе не можетъ быть безпричиннымъ, но намъ и до сихъ поръ не удалось найти той совокупности причинъ, которая въ общей массѣ человѣческихъ рожденій вызываетъ этотъ результатъ. Чѣмъ болѣе, однако, возрастаетъ прогрессъ нашего знанія, тѣмъ большее количество ранѣе неразрѣшимыхъ загадокъ находитъ свое объясненіе. Въ этомъ отношеніи естествознаніе, конечно, гораздо выше общественной науки. Изъ своихъ наблюденій оно умѣетъ гораздо вѣрнѣе открыть дѣйствующія причины (vera causa). Оно, поэтому, открыло цѣлое множество настоящихъ научныхъ законовъ. Общественныя науки часто не въ силахъ открыть эти главныя и истинныя причины и, потому, даютъ только „эмпирическія

ступленія или ненаступленія слѣдствія зависитъ отъ равнаго количества положительныхъ или отрицательныхъ причинъ. Бросая монету на четъ или нечетъ, я сознаю, что появленіе чета или нечета равно возможно, и считаю появленіе того или другого случайнымъ. При безконечномъ повтореніи бросаній получается полная нейтрализація случайности.

1) Съ причинами, которыя надлежитъ имѣть ввиду, какъ постоянно дѣйствующими силами въ общественной жизни, мы ознакомимся въ процессѣ изложенія исторіи политической экономіи.

обобщенія", гдѣ всѣ условія, какъ причины, только перечисляются (per enumerationem simplicem) безъ указанія единой vera causa. Но не слѣдуетъ думать, что общественная наука здѣсь вполнѣ безсильна. Возьмемъ, напр., вопросъ о причинахъ бѣдности у насъ въ Россіи. Вы найдете въ литературѣ безконечное разнообразіе въ исчисленіи причинъ бѣдности: 1) невѣжество, 2) пьянство, 3) общинный строй, 4) недостатокъ техническаго умѣнія, 5) недостаточность надѣловъ, 6) вредный политическій строй, 7) чрезмѣрность прямыхъ и косвенныхъ налоговъ и т. п. Иногда вы встрѣтитесь съ пріемомъ простого нагроможденія или перечисленія причинъ съ спеціальною цѣлью запутать разрѣшеніе проблемы, затемнить главнѣйшія яркимъ подчеркиваніемъ второстепенныхъ условій. Рѣшеніе, однако, возможно путемъ послѣдовательнаго *исключенія* (элиминаціи) менѣе важныхъ причинъ, и многіе изслѣдователи это и дѣлаютъ съ большимъ талантомъ.

Для яснаго пониманія всѣхъ трудностей причиннаго анализа я долженъ обратить теперь ваше вниманіе на двѣ ошибки Д. С. Милля и О. Конта.

Все научное міропониманіе исходитъ изъ представленія о единообразіи и о порядкѣ природы, о стройной связанности всѣхъ ея явленій и о возможности объяснять явленія явленіями же; другими словами, наука смотритъ на слѣдствія, какъ на явленія, и ищетъ причинъ, которыя также — ничто иное, какъ явленія. Всякое слѣдствіе, какъ явленіе, можетъ быть чрезвычайно сложнымъ, и мы должны пытаться разложить его на простѣйшіе элементы. Тоже мы обязаны сдѣлать и по отношенію къ причинамъ. Я уже отмѣтилъ, что предъ нами можетъ быть „сложеніе разнообразныхъ простыхъ причинъ", но мы прежде всего должны избѣгать ошибки Д. С. Милля, который, исходя изъ ученія о „множественности причинъ", пришелъ къ парадоксальному ученію, что одно и то же слѣдствіе можетъ быть вызвано цѣлымъ рядомъ самыхъ разнообразныхъ причинъ[1]). Такъ, напр., онъ замѣчаетъ, что теплота можетъ быть вызвана слѣдующими причинами: вліяніемъ солнечнаго свѣта, треніемъ, ударомъ, электричествомъ и т. п. Сложеніе причинъ — явленіе возможное, но допустивъ возможность того обстоятельства, что разныя причины могутъ вызвать одно и тоже слѣдствіе, мы совершенно разрушили бы наше представленіе о единообразіи и о порядкѣ въ природѣ. Научный анализъ при такомъ пониманіи никогда не могъ бы считаться законченнымъ; все въ наукѣ было бы шатко. Признаніе этого порядка въ природѣ должно неизбѣжно вести къ положенію,

1) Прекрасный анализъ этой стороны ученія Милля см. у L. Stephen, English Utilitarians, t. II, стр. 108 и слѣд.

которое и подтверждается всѣмъ наличнымъ опытомъ, что одна и таже причина всегда и неизмѣнно, при отсутствіи противоборствующихъ причинъ, порождаетъ одно и то же слѣдствіе. Только потому, что естествоиспытатели исходили изъ этого положенія, они могли создать разумную теорію теплоты. Теплота можетъ порождаться всѣми указанными Д. С. Миллемъ конкретными способами, но въ основѣ всѣхъ ихъ лежитъ одно общее начало — движеніе, которое и признается нами за единую причину, порождающую теплоту. Разнообразіе формъ и процессовъ, въ которыхъ проявляются причины, не должно намъ закрывать глаза на возможность сведенія ихъ къ одному началу. Только твердо стоя на почвѣ необходимаго правила: всякая причина, при отсутствіи противоборствующихъ причинъ, вызываетъ безусловно и неизбѣжно одно опредѣленное слѣдствіе, — мы можемъ понять природу.

Тотъ же примѣръ о причинѣ, порождающей теплоту, другими словами, о природѣ тепла, даетъ мнѣ возможность показать, что современная наука не удовлетворяется открытіемъ видимыхъ, непосредственно созерцаемыхъ причинъ, но стремится открыть такъ называемыя скрытыя или нуменальныя причины, нисколько не впадая въ старыя бредни метафизики [1]). Современная наука не можетъ отнестись прежде всего съ такимъ осужденіемъ къ предшествовавшимъ попыткамъ объяснить міръ явленій, какое встрѣчается у О. Конта. Они были необходимой стадией человѣческаго развитія. Не мало они сдѣлали для человѣка и для организаціи общества, — для улучшенія его самаго и всей общественной жизни. Эти ученія были первой попыткой найти методъ для изслѣдованія окружающаго и упорядоточить человѣческія отношенія.

Вплоть до настоящаго времени среди человѣчества еще борятся три эти міросозерцанія: до окончательной побѣды научнаго міропониманія еще далеко. Даже среди образованныхъ слоевъ общества побѣда монистическаго, позитивнаго міросозерцанія еще не велика, а о массахъ населенія даже и говорить трудно. Сюда надобно еще пролить великую массу свѣта, что и составляетъ важнѣйшій долгъ передовой интеллигенціи.

Но не въ этомъ ошибочномъ убѣжденіи — въ окончательномъ торжествѣ позитивнаго міросозерцанія — главный недостатокъ системы Конта.

Сосредоточивъ свое вниманіе на теологіи и метафизикѣ, которыя стремились „найти" конечныя причины явленій или цѣль, ради которой онѣ существуютъ, въ тотъ періодъ чело-

---

1) Этотъ вопросъ хорошо разъясненъ у Минто. Логика, р. п., стр. 372 и слѣд.

вѣческой исторіи, когда теологія и метафизика стали служить уже помѣхой прогрессу знанія и жизни, Контъ могучимъ творческимъ обобщеніемъ двинулъ общественную науку на новый путь, но въ порывѣ критическаго увлеченія совершенно перестал замѣчать различіе, существующее между конечными причинами и тѣми, которыя составляютъ необходимый предметъ изученія всякой положительной науки. Не слѣдуетъ, однако, понимать слова Конта такимъ образомъ, будто бы онъ совершенно отрицалъ причинный анализъ. Нѣтъ, онъ видѣлъ причины явленій въ явленіяхъ же, доступныхъ непосредственному наблюденію. Онъ безконечное число разъ утверждаетъ, что наука имѣетъ дѣло только съ причинами *феноменальными*, тогда какъ современная наука единодушна въ признаніи того, что задача изслѣдователя должна заключаться въ стремленіи открыть *скрытыя* причины явленій, т. е., тѣ явленія въ явленіяхъ, которыя могутъ быть открыты не путемъ непосредственнаго наблюденія явленій, а также и путемъ умозаключеній о явленіяхъ. И до настоящаго времени идетъ оживленный споръ между представителями причиннаго и цѣлевого изслѣдованія, если можно такъ выразиться, но точка зрѣнія Конта оставлена. Позитивная наука не ищетъ конечныхъ причинъ, но стремится разыскать дѣятельныя и скрытыя причины, и безъ такого объясненія явленій наука была бы мертва и безплодна [1]).

Цѣлый рядъ блестящихъ открытій и гипотезъ въ естествознаніи о природѣ свѣта, электричества, новѣйшія открытія физико-химіи и біологіи доказываютъ, что одного непосредственнаго наблюденія недостаточно для построенія точной системы знанія. По справедливому замѣчанію Минто, — „факты, соединенные причинной связью, установленіемъ которыхъ занимается наука, подлежатъ, конечно, нашему

1) По справедливому замѣчанію Уорда, — „однимъ изъ самыхъ печальныхъ сумасбродствъ Конта, возникшимъ изъ указаннаго смѣшенія понятій, была его непримиримая вражда ко всѣмъ новѣйшимъ гипотезамъ, касающимся природы свѣта, теплоты, электричества и т. п. Всѣ эти разряды явленій онъ ставилъ наряду съ тяготѣніемъ и объявилъ, что всѣ усилія, потраченныя на безплодныя изслѣдованія ихъ происхожденія, природы или причины, тратятся совершенно непроизводительно. По его мнѣнію, эти дѣятели — просто явленія, и могутъ быть изучаемы только, какъ таковыя. . . Сумма зла, причиненная Контовской системой позитивизма этимъ бросающимся въ глаза заблужденіемъ, вкрадывающимся почти въ каждую главу и болѣе или менѣе искажающимъ реальныя истины, заключающіяся въ позитивной философіи, настолько велика, что сдѣлала весьма вѣроятнымъ предположеніе, по которому чистый контизмъ, если-бы онъ могъ одержать верхъ и оказать авторитетное вліяніе въ будущей научной дѣятельности человѣчества, настолько искалѣчилъ бы всѣ области знанія, что онѣ вновь возвратились бы къ средневѣковому застою“. См. „Огюстъ Контъ и позитивизмъ“, р. пер., Москва, 1897 г., стр. 265 (Сборникъ статей Милля, Спенсера и Уорда).

наблюденію, представляя собой отношенія между явленіями. Но сами эти причинныя отношенія, обнаруживающіяся въ наблюденныхъ фактахъ, не суть уже явленія, доступныя прямому наблюденію путемъ органовъ чувствъ; скорѣе это лишь мыслимыя вещи — нумены, такъ какъ ихъ можно открыть только путемъ умозаключеній, исходя изъ того, что доступно прямому наблюденію". То, что Огюстъ Контъ относилъ къ разряду конечныхъ причинъ, могущихъ интересовать только метафизиковъ или теологовъ, сдѣлалось полемъ блестящаго анализа; въ области обществовѣдѣнія политическая экономія, къ которой О. Контъ, знакомый слабо съ ученіями классической школы, относился съ такой ненавистью за ея индивидуалистическій и метафизическій характеръ, все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ характеръ серьезной соціальной науки. Она уже не построяетъ свои законы, исходя изъ одной природы человѣка, но анализируетъ всѣ условія общественной жизни въ ея отношеніяхъ ко всей природѣ міра.

На одномъ примѣрѣ изъ области обществовѣдѣнія я постараюсь показать, какъ важно это стремленіе открыть скрытыя, дѣйствующія причины въ явленіяхъ, какъ необходимо здѣсь не только историческое изученіе явленій, но и большое умѣніе разбираться въ нихъ теоретически, искать скрытыя, нуменальныя причины историческаго процесса путемъ умозаключеній.

Давно экономисты занимаются рѣшеніемъ вопросовъ о причинахъ происхожденія раздѣленія труда и неравенства. Еще Адамъ Смитъ положилъ основаніе для изслѣдованія перваго вопроса. Вторую главу своей первой книги: „Богатства Народовъ" онъ начинаетъ съ характернаго утвержденія: „Раздѣленіе труда, отъ котораго получилось столько выгодъ, первоначально вовсе не было результатомъ какой либо человѣческой мудрости, которая предвидѣла и имѣла ввиду общее богатство, къ которому оно даетъ толчекъ. Раздѣленіе труда было необходимымъ, хотя весьма медленнымъ и постепеннымъ послѣдствіемъ особаго свойства человѣческой природы, которое не имѣетъ въ виду такой важной полезности. Это стремленіе предлагать въ обмѣнъ, давать въ взамѣнъ и обмѣнивать одну вещь на другую" [1]). „Въ предметъ нашихъ изслѣдованій вовсе не входитъ разсмотрѣніе вопроса, составляетъ ли это стремленіе одно изъ врожденныхъ свойствъ человѣческой природы, или, какъ это кажется болѣе правдоподобнымъ, оно составляетъ необходимое послѣдствіе разсудочной дѣятельности и дара слова.

---

1) См. Wealth of Nations, изд. Никольсона, книга I, гл. 2-я, стр. 6, р. пер. Бибикова, стр. 111.

Оно свойственно всякому человѣку и не замѣчается ни въ какой другой породѣ животныхъ. Никто никогда не видѣлъ, чтобы животное давало уразумѣть голосомъ или тѣлодвиженіями другому животному: это — мое, а то — твое, я отдамъ тебѣ это — за то. Когда животному хочется чего-нибудь отъ другого животнаго или отъ человѣка, то у него только одно средство — подласкиваться къ тому, въ комъ оно имѣетъ нужду. Молодое животное ластится къ своей матери, а собака, когда ея хозяинъ обѣдаетъ, старается тысячью способовъ обратить на себя его вниманіе и получить подачку. Точно также поступаетъ иногда и человѣкъ передъ своимъ ближнимъ и, когда онъ не видитъ другого средства получить отъ него то, что ему хочется, онъ старается заслужить его расположеніе ласкательствомъ и рабской услужливостью"... „Человѣкъ непрерывно нуждается, однако, въ помощи своихъ ближнихъ, но тщетно онъ ожидалъ бы ее исключительно отъ ихъ благорасположенія. Ему несравненно выгоднѣе обратиться къ ихъ личной выгодѣ и убѣдить ихъ, что собственный ихъ интересъ состоитъ въ исполненіи того, чего онъ отъ нихъ требуетъ. Это-то и дѣлаетъ человѣкъ, предлагая другому какой-либо обмѣнъ; смыслъ его предложенія состоитъ въ слѣдующемъ: „дай мнѣ то, что мнѣ нужно, и ты получишь отъ меня то, что тебѣ нужно".

Это естественное стремленіе къ обмѣну, вызванное, согласно Смиту, желаніемъ получить выгоду, рождаетъ разнообразіе въ дарованіяхъ; тоже стремленіе дѣлаетъ ихъ полезными. „Различіе въ природныхъ способностяхъ между людьми, полагаетъ онъ, въ дѣйствительности гораздо менѣе, чѣмъ мы воображаемъ, и неравенство въ ловкости и въ дарованіяхъ, отличающее, повидимому, людей различнаго рода занятій, по достиженіи зрѣлаго возраста, составляетъ не столько причину, сколько слѣдствіе раздѣленія труда".

Высказавъ столь простое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, столь важное положеніе относительно той скрытой причины, которая вызвала раздѣленіе труда, Смитъ даетъ мастерской, хотя и не полный, анализъ тѣхъ выгодъ и невыгодъ, которыя принесло человѣчеству раздѣленіе труда [1]).

---

1) Адамъ Смитъ отмѣчаетъ слѣдующія выгодныя стороны раздѣленія труда. Онъ пишетъ: „огромное приращеніе въ количествѣ работы, которую можетъ исполнить одно и тоже число рукъ, вслѣдствіе раздѣленія труда, зависитъ отъ трехъ различныхъ обстоятельствъ: во первыхъ, отъ увеличенія ловкости каждаго отдѣльнаго работника, во вторыхъ, отъ сбереженія времени, теряющагося обыкновенно при переходѣ отъ одного занятія къ другому, въ третьихъ, отъ изобрѣтенія множества машинъ, облегчающихъ и сокращающихъ трудъ и доставляющихъ возможность одному человѣку исполнять дѣло нѣсколькихъ". Изъ сказаннаго видно, что Смитъ, главнымъ образомъ, имѣетъ въ виду такъ назы-

По существу дѣла оказывается, будто простое стремленіе человѣка къ обмѣну было скрытой причиной всего прогресса человѣчества! Было бы очень просто писать исторію человѣческой жизни, если бы мы могли столь элементарными силами — причинами объяснить все происшедшее съ человѣчествомъ. Но все же въ разсужденіи Смита имѣется много интереснаго. Стремленіе къ обмѣну онъ уже не считаетъ одной изъ прирожденныхъ идей, о которыхъ такъ много говорили метафизики; оно является, по его мнѣнію, смутнымъ результатомъ сознанія собственной выгоды отдѣльнаго человѣка.

Новѣйшія изслѣдованія, однако, показали, что по первоначальному своему происхожденію обмѣнъ отнюдь не возникаетъ по непосредственному почину отдѣльныхъ лицъ. Обмѣнъ возникаетъ, по предположеніямъ и изслѣдованіямъ нѣкоторыхъ ученыхъ, какъ нѣчто организованное общиннымъ или племеннымъ союзомъ. Община опредѣляетъ стоимость отчуждаемыхъ вещей и изъ промѣненныхъ предоставляетъ каждому его долю. Наконецъ, при наличности самодовлѣющаго, замкнутаго хозяйства, гдѣ все производится и потребляются въ собственныхъ предѣлахъ, обмѣна въ томъ видѣ, какъ его представляетъ Смитъ, не существовало, а между тѣмъ, раздѣленіе труда уже было, какъ взаимныя услуги членовъ семьи, изъ которыхъ каждый выполнялъ свою функцію. Возникновеніе рабства было задолго до возникновенія обмѣна между общинами или племенами крупнымъ фактомъ раздѣленія труда. Одинъ изъ изслѣдователей рабства (См. Г. Нибуръ. „Рабство, какъ система хозяйства", р. пер. стр. 16—17) справедливо пишетъ: „Итакъ, что такое рабство, и какая его функція? Главной функціей рабства не можетъ быть ничто, кромѣ раздѣленія труда. Раздѣленіе

ваемое *техническое* раздѣленіе труда т. е. то сочетаніе и раздробленіе труда, которое обнаруживается въ каждомъ хозяйствѣ всякій разъ, когда работники совмѣстно или каждый въ отдѣльности на опредѣленномъ мѣстѣ, въ опредѣленное время выполняютъ часть какой либо общей работы даннаго хозяйства. О раздѣленіи труда, однако, можно говорить и примѣнительно ко всему народному хозяйству, какъ нѣкоторому цѣлому. Въ этомъ случаѣ обыкновенно имѣютъ въ виду такъ называемое *общественное* раздѣленіе труда, т. е., сочетаніе и раздробленіе труда не въ предѣлахъ хозяйствъ, а 1) *по роду этихъ хозяйствъ* — по промысламъ (обрабатывающая, торговая и добывающая промышленность); 2) *по классамъ* производителей (землевладѣлецъ, капиталистъ, рабочій); 3) *по характеру* производительной дѣятельности каждаго отдѣльнаго національнаго хозяйства (страны земледѣльческія, промышленныя и торговыя); по роду дѣятельности всякаго общественно-необходимаго труда — производители, торговцы и посредники, чиновники государственной организаціи, служащіе въ процессѣ передвиженія благъ, такъ называемые представители вольныхъ или либеральныхъ профессій: литераторы, ученые, духовенство, адвокаты и т. п.

труда принимается здѣсь въ самомъ широкомъ смыслѣ, охватывающемъ не только качественное дѣленіе труда, при которомъ одинъ человѣкъ дѣлаетъ одинъ родъ работы, а другой — другой, но и количественное, при которомъ потребности одного человѣка удовлетворяются не только его собственнымъ трудомъ, но и трудомъ другого лица. Обществомъ безъ всякаго раздѣленія труда было бы такое общество, въ которомъ каждый работалъ бы ради собственныхъ нуждъ, и никто не работалъ бы для другого. Во всякомъ другомъ обществѣ уже существуетъ раздѣленіе труда въ настоящемъ, широкомъ смыслѣ этого слова". Нибуръ правъ: раздѣленіе труда возникло уже тогда, когда образовался союзъ мужчины и женщины, т. е., съ самаго момента возникновенія человѣческой жизни. Оно еще болѣе окрѣпло, когда создалось господство человѣка надъ человѣкомъ въ видѣ рабства.

Смитъ далѣе высказываетъ замѣчательную мысль, что различіе между людьми въ ловкости и даже въ дарованіяхъ — слѣдствіе раздѣленія труда. Высказываясь такъ, онъ является истиннымъ представителемъ революціонной идеи равенства, которая всегда утверждала, что люди неравны благодаря обществу и послѣднее, преобразовавъ раздѣленіе труда, можетъ сдѣлать ихъ равными; но объяснять происхожденіе неравенства вообще, какъ въ дарованіяхъ, такъ и въ экономической силѣ, изъ одного естественнаго стремленія къ обмѣну, не значитъ сказать многое. Раздѣленіе труда, какъ извѣстный фактъ, приковываетъ каждаго изъ насъ къ своему дѣлу, соотвѣтственно преобразовываетъ всѣ наши свойства и способности. Рабочій, — стоящій всю свою трудовую жизнь у ткацкаго станка, профессоръ, читающій лекціи и занимающійся наукой, по всему своему типу — слѣдствіе раздѣленія труда. Но одной ссылкой на естественное стремленіе къ обмѣну существованіе такихъ явленій намъ не объяснить: то, что теперь является слѣдствіемъ — должно было когда то имѣть болѣе глубокую скрытую причину.

Послѣдователь и одинъ изъ первыхъ критиковъ Смита, французскій экономистъ Сисмонди [1]), постарался нѣсколько развить и видоизмѣнить мысль Смита. „Входя въ составъ человѣческаго общества, — пишетъ онъ, — человѣкъ становится какъ бы отвлеченнымъ существомъ, богатство и потребности котораго гадательны. Онъ не въ состояніи больше слѣдить за своимъ трудомъ до момента потребленія его продуктовъ; онъ не въ состояніи знать, какія потребности

1) См. С. де Сисмонди. „Новыя начала политической экономіи", Библіотека экономистовъ, вып. VIII, стр. 17—18.

онъ долженъ будетъ удовлетворить: онъ не знаетъ момента, когда ему слѣдуетъ прекратить работу; онъ работаетъ безъ отдыха, чтобы наполнить общую житницу, предоставляя обществу заботиться о томъ, чтобы найти употребленіе для сдѣланной имъ вещи. Обмѣнъ между двумя людьми, трудящимися одинаково и производящими богатство, чтобы потребить его, возникъ вслѣдствіе избытка. „Дайте мнѣ, то что вамъ не годится, а мнѣ будетъ полезно, — сказалъ одинъ изъ договаривающихся, — и я вамъ дамъ за это то, что мнѣ не нужно, а вамъ будетъ полезно“. . . „Обмѣнъ могъ имѣть мѣсто лишь тогда, когда обѣ договаривающіяся стороны, сдѣлавъ свой разсчетъ, пришли къ заключенію, что для каждой изъ нихъ гораздо выгоднѣе путемъ обмѣна достать нужную вещь, чѣмъ самой ее производить“. Изъ самаго факта существованія обмѣна, по мнѣнію Сисмонди, и произошло — раздѣленіе труда.

Если вы заглянете въ сочиненія Родбертуса, то увидите, что онъ подвергъ мысли Смита и Сисмонди жестокой критикѣ и попытался посмотрѣть на вопросъ гораздо шире. По его мнѣнію, оба эти писателя ошибались. „Обмѣнъ, пишетъ онъ, не цѣль, а средство. И что бы это могла быть за склонность, — говоритъ онъ, возражая Смиту, — которая, какъ особое стремленіе, не находила бы своей цѣли въ удовлетвореніи самой себя? Но и самый обмѣнъ, слѣдовало бы сказать Сисмонди, не можетъ быть основаніемъ раздѣленія труда, потому что онъ и есть раздѣленіе труда въ его первоначальной формѣ.“

„Раздѣленіе труда, — пишетъ Родбертусъ, — также, какъ правовой порядокъ и общеніе духа, является однимъ изъ трехъ общественныхъ отношеній, съ которыми необходимо связывается государство и человѣчество, и въ предѣлахъ которыхъ исторія движется къ своимъ цѣлямъ. Такъ какъ это раздѣленіе труда, т. е., общеніе матеріальныхъ интересовъ представляетъ проявленіе самого государства, то начало его слѣдуетъ искать у источниковъ государственной жизни; говорить же о „принципѣ“ раздѣленія труда также точно невозможно, какъ и о принципѣ государства. На возникновеніе и характеръ того и другого оказываетъ не болѣе не менѣе, какъ все въ человѣкѣ и внѣ его“[1]).

Родбертусъ считаетъ необходимымъ проанализировать лишь *условія*, при которыхъ возможно было возникновеніе раздѣленія труда; главная, скрытая причина — въ той

1) Одинъ французскій ученый Дюркгеймъ (см. его De la division du Travail social, (P. 1893) далъ попытку объяснить возникновеніе раздѣленія труда и всей системы общественныхъ связей, какъ процессъ приспособленія къ средѣ психобіологической особи для созданія матеріальныхъ и моральныхъ условій существованія.

цѣли, которую преслѣдуетъ историческій процессъ. Онъ насчитываетъ четыре условія: два формальныхъ и два матеріальныхъ условія, связанныхъ, съ одной стороны, съ производствомъ продуктовъ, съ другой — съ ихъ распредѣленіемъ.

Первое, формальное условіе раздѣленія труда лежитъ во внѣшней природѣ, въ ея многообразіи въ пространствѣ и времени. Раздѣленіе труда было бы невозможно, если бы человѣкъ какимъ бы то ни было единымъ дѣйствіемъ повсемѣстно и сразу могъ удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ. Напротивъ, чѣмъ шире это формальное условіе, чѣмъ больше совершается использованіе его при помощи открытій и усовершенствованій, тѣмъ обширнѣе поле для раздѣленія труда, такъ что экстенсивно оно можетъ обнять весь міръ, а интенсивно дойти до простѣйшихъ операцій. Это формальное условіе оказываетъ вліяніе на ту сторону раздѣленія труда, въ которой оно обнаруживается, какъ кооперація (сочетаніе) различныхъ отраслей труда.

Вторымъ формальнымъ условіемъ раздѣленія труда является моральный принципъ въ различныхъ своихъ проявленіяхъ, какъ самого себя, а равно и какъ начало права. Раздѣленіе труда обнаруживается здѣсь своей другой стороной, какъ принципъ, обусловливающій раздѣлъ продуктовъ труда. Смитъ справедливо подмѣтилъ, что животныя не обмѣниваются, не дѣлятся, а оспариваютъ другъ у друга добычу, потому что у нихъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ въ достаточной творческой силѣ, моральнаго принципа. Только тамъ, гдѣ по инстинкту, вложенному природой, у животныхъ дѣйствуетъ нѣчто подобное моральному принципу, напр., при изготовленіи гнѣзда или вскармливаніи дѣтенышей, замѣчается нѣчто близкое къ раздѣленію труда; но этотъ моральный принципъ у нихъ никогда не поднимается до уровня правового начала, а потому и не можетъ обнаружиться въ немъ никакого прогресса. . . Легко понять, что безъ моральнаго принципа, выражается ли онъ непосредственно, во взаимномъ, любовномъ раздѣлѣ продукта, какъ, напр., въ семьѣ, или посредственно, какъ правовое начало, чрезъ признаніе правъ личности или ея собственности и вытекающаго отсюда обмѣна, — безъ этого формальнаго условія раздѣленіе продукта возникнуть никогда не могло бы. Это формальное начало, отмѣченное Родбертусомъ, ведетъ насъ къ источнику происхожденія права. Современные юристы — историки, какъ вы знаете, не смотрятъ такъ розово на возникновеніе идеи права, какъ Родбертусъ. Они стараются доказать, что въ основѣ права лежитъ сила, даже насиліе, выросшее изъ потребностей политической и экономической организаціи общества.

Первое реальное условіе раздѣленія труда заключается въ наличности избытка продукта надъ собственными потреб-

ностями производителя. Первоначальной, простѣйшей формой раздѣленія труда является обмѣнъ. Никакой обмѣнъ не можетъ имѣть мѣста безъ того, чтобы каждый обмѣнивающійся не обладалъ чѣмъ нибудь, въ чемъ кто либо изъ нихъ не нуждается или менѣе нуждается сравнительно съ тѣмъ, что другой ему можетъ предложить. Въ этомъ отношеніи безразлично, происходитъ ли отсутствіе потребности потому, что ее не имѣютъ вовсе, или же потому, что она уже удовлетворена. Я называю, говоритъ Родбертусъ, поэтому, въ самомъ общемъ смыслѣ избыткомъ продукта то, что остается у каждаго для промѣна, и въ болѣе тѣсномъ смыслѣ я употребляю тоже выраженіе тогда, когда собственная потребность уже удовлетворена. Что относится къ обмѣну, этому единичному акту раздѣленія труда, то относится и до раздѣленія труда вообще, какъ къ обмѣну, регулярно продолжающемуся. Величина этого избытка продукта зависитъ отъ производительности труда, а съ ростомъ этой послѣдней, подъ дѣйствіемъ развитія знаній, техники, способовъ перевозки въ особенности, для раздѣленія труда все болѣе и болѣе расширяется поприще.

Второе реальное условіе раздѣленія труда также относится къ раздѣлу продукта. Даже наличность избытка продукта не могла бы вызвать раздѣленія труда, если бы владѣльцы его не могли понимать другъ друга. Они должны имѣть возможность сноситься другъ съ другомъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Прежде всего необходимо, чтобы дѣлящіеся знали, гдѣ и какъ найти продукты, которые они желаютъ обмѣнять, и чтобы они были въ состояніи сообщать объ этомъ свою волю. Указанному назначенію служатъ средства сообщенія, иными словами, все, что поддерживаетъ сообщеніе мыслей и схожденіе лицъ, а именно: улучшенный матеріалъ письма, книгопечатаніе, почта, пути сообщенія, мѣры, вѣсы, деньги и т. п.[1]).

Анализъ Родбертуса глубже и интереснѣе. Онъ понимаетъ, что вопросъ о возникновеніи раздѣленія труда не можетъ быть объясненъ такой элементарной причиной, такимъ малозначительнымъ проявленіемъ человѣческой природы, какъ „естественное стремленіе человѣка къ обмѣну". На возникновеніе этого явленія, по его мнѣнію, дѣйствуетъ „все въ человѣкѣ и внѣ его". Для объясненія этого явленія онъ считаетъ необходимымъ принять во вниманіе самую моральную природу человѣка, всю совокупность разнообразныхъ свойствъ, какъ самого человѣка, такъ и условій внѣшней, матеріальной и общественной среды, въ которой чело-

1) См. Rodbertus. Zur Erkenntniss unserer staatswirtschaftlichen Zustände, изд. 1842, стр. 135 и слѣд.

вѣкъ живетъ. Онъ намѣчаетъ одно изъ важнѣйшихъ условій, о которомъ не имѣлъ представленія Смитъ. Условіе чисто экономическаго характера, а именно: онъ указываетъ, что это стремленіе къ обмѣну продуктовъ могло проявиться лишь при извѣстной производительности труда, при наличности избытка матеріальныхъ благъ сравнительно съ потребностями ихъ производителя или владѣльца. Эти два основныхъ фактора: 1) наличность избытка продукта въ рукахъ производителей и 2) правовая организація, обезпечившая распоряженіе этимъ продуктомъ по произволу, по мнѣнію многихъ экономистовъ, и послужила основаніемъ для обмѣна и раздѣленія труда, а затѣмъ и — классовой организаціи общества.

Указавъ такъ мѣтко основныя условія, необходимыя для возникновенія раздѣленія труда, Родбертусъ, какъ вы видѣли, не останавливается. Онъ полагаетъ, что о началѣ раздѣленія труда, т. е., о той именно скрытой причинѣ раздѣленія труда, которую мы стремимся открыть, говорить такъ же не возможно, какъ и о началѣ государства. Раздѣленіе труда, съ его точки зрѣнія, такъ же, какъ и правовой порядокъ и общеніе духа, является однимъ изъ тѣхъ трехъ общественныхъ отношеній, съ которыми необходимо связывается государство и человѣчество и въ предѣлахъ которыхъ исторія движется къ своимъ цѣлямъ.

Высказавъ эту мысль, Родбертусъ уже оставляетъ экономическую почву и желаетъ быть соціологомъ — философомъ. Объясненіе явленій одними экономическими факторами представляется ему недостаточнымъ. Онъ хочетъ объяснить все многообразіе проявленій человѣческой жизни, какъ произошла вся наша культура, все, что дорого и свято, красиво и благородно въ человѣческой жизни. Вся исторія ему представляется, какъ великій процессъ соединенія людей для торжества человѣческаго духа надъ низменной природой его тѣла. Въ этихъ положеніяхъ имѣется, съ одной стороны, ясная и полезная мысль, съ другой стороны, и одна очень неопредѣленная идея.

Ясная и полезная мысль заключается въ томъ, что для открытія скрытой причины такого явленія, какъ раздѣленіе труда, мы должны, оставивъ чисто теоретическій, абстрактный анализъ, обратиться прежде всего къ фактамъ исторической жизни человѣчества и прослѣдить, какъ послѣдовательно и постепенно слагалось человѣческое общество, государство и то матеріальное общеніе интересовъ, на которомъ зиждется раздѣленіе труда. Въ историческомъ процессѣ развитія человѣчества создалась та сложная кооперація, въ предѣлахъ которой каждый человѣкъ выполняетъ свою жизненную функцію, и въ предѣлахъ которой, въ тоже время,

нѣтъ ни равенства въ обладаніи общественно добытымъ продуктомъ, ни равенства всѣхъ въ трудѣ и наслажденіи. Всякому извѣстно, что раздѣленіе труда выражается также и въ подраздѣленіи на классы съ своеобразнымъ распредѣленіемъ имущественнаго обладанія землею, капиталомъ, всѣмъ запасомъ произведенныхъ благъ, раздѣленіе общества на такъ называемые командующіе и подчиненные классы.

Уже изъ проводимаго Родбертусомъ перечня условій для возникновенія раздѣленія труда явствуетъ, что эти условія имѣютъ естественныя, правовыя и экономическія основанія. Какое же изъ этихъ условій мы должны признать имѣющимъ наиболѣе важное значеніе? Родбертусъ говоритъ намъ, что раздѣленіе труда — одно изъ тѣхъ трехъ общественныхъ отношеній, въ предѣлахъ которыхъ исторія движется къ своимъ цѣлямъ. Въ этомъ-то положеніи и заключается вся неясность его анализа. Въ чемъ эта цѣль историческаго процесса? Не въ ней ли лежитъ скрытая причина возникновенія всѣхъ этихъ трехъ отмѣченныхъ общественныхъ отношеній? Но если это такъ, то Родбертусъ долженъ былъ указать, какимъ образомъ цѣль историческаго процесса осуществляется, почему и какъ никому *невѣдомая цѣль* становится *причиной* историческаго процесса. Не впадемъ ли мы въ противорѣчіе съ основными задачами научнаго изслѣдованія, если мы вмѣсто скрытыхъ причинъ явленій станемъ искать тѣ цѣли, къ которымъ стремится историческій процессъ? Даже и О. Контъ въ концѣ концовъ, оставивъ почву анализа явленій, сталъ искать цѣли историческаго процесса! Должны ли мы конструировать эту систему цѣлей, въ надеждѣ, что этимъ самимъ мы предопредѣлимъ теченіе историческаго процесса? Или, наоборотъ, мы должны найдти объясненіе сложившихся системъ цѣлей въ каждую историческую эпоху и на основаніи прошедшаго судить о вѣроятномъ будущемъ? Не есть ли эта цѣль — вѣчная истина?

Въ дальнѣйшимъ изложеніи мнѣ неоднократно придется останавливаться на этомъ вопросѣ. Теперь я хотѣлъ бы вамъ только указать, что другой писатель Карлъ Марксъ былъ убѣжденъ, что онъ нашелъ скрытую причину всего историческаго процесса, а въ частности и условія возникновенія раздѣленія труда и дробленія общества по классамъ на почвѣ строгаго причиннаго анализа. Онъ не говорилъ о цѣляхъ историческаго процесса. Ему казалось, „что въ отправленіи своей общественной жизни люди вступаютъ въ опредѣленныя, неизбѣжныя, отъ ихъ воли не зависящія отношенія, производственныя отношенія, которыя соотвѣтствуютъ опредѣленной ступени развитія матеріальныхъ производительныхъ силъ . . . поэтому, полагалъ онъ, человѣчество

ставитъ себѣ только такія задачи, которыя оно можетъ рѣшить, такъ какъ при ближайшемъ разсмотрѣніи всегда окажется, что сама задача только тогда выдвигается, когда уже существуютъ матеріальныя условія для ея разрѣшенія или когда они, по крайней мѣрѣ, уже находятся въ процессѣ возникновенія“ [1]) . . .

Сопоставимъ нѣкоторые изъ выводовъ, къ которымъ пришли разные изслѣдователи, исходя изъ разнаго пониманія скрытыхъ причинъ раздѣленія труда и ихъ послѣдствій.

Любопытна, въ самомъ дѣлѣ, бываетъ судьба философскихъ системъ! Адамъ Смитъ объясняетъ неравенство способностей и дарованій изъ раздѣленія труда. Онъ постулируетъ изъ равенства людей къ ихъ неравенству. Его предшественники-физіократы и продолжатели изъ представителей классической школы стали считать однимъ изъ самыхъ цѣлесообразныхъ учрежденій собственность и неравное распредѣленіе имуществъ, которое вытекаетъ изъ этого неравенства дарованій и способностей. Руссо, Мабли и ихъ школа, исходя изъ той же идеи равенства, естественнаго права и разума, стали отрицать собственность. Марксъ и его школа пытались объяснить историческое происхожденіе идеи равенства и будущее ея торжество съ исчезновеніемъ частной собственности изъ развитія производительныхъ силъ. Такимъ образомъ, самая попытка открытія скрытой причины явленій послужила основаніемъ для громадныхъ соціально-политическихъ выводовъ, для построенія идеала будущаго строя человѣческой жизни.

Въ своемъ изслѣдованіи: „Происхожденіе неравенства между людьми“ — Руссо пишетъ: „я старался изложить происхожденіе и развитіе неравенства, установленіе политическихъ обществъ и ихъ злоупотребленія, посколько эти явленія могутъ быть объяснены изъ природы человѣка при свѣтѣ одного разума и независимо отъ священныхъ догмъ, дающихъ верховной власти санкцію божественнаго права. Изъ этого изложенія слѣдуетъ, что неравенство, почти несуществующее въ естественномъ состояніи, получаетъ силу и возрастаетъ, вслѣдствіи развитія нашихъ способностей и прогресса человѣческаго разума; оно становится, въ концѣ концовъ, законнымъ и устойчивымъ чрезъ установленіе собственности и законовъ. Изъ сказаннаго же слѣдуетъ, что нравственное неравенство, признаваемое положительнымъ правомъ, противно естественному праву во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда оно не совпадаетъ съ физическимъ неравен-

---

1) См. его „Критика нѣкоторыхъ положеній политической экономіи“, р. пер., Москва, 1896 г., стр. X. Историческая философія Родбертуса и Маркса будетъ разсмотрѣна подробно въ соотвѣтствующемъ отдѣлѣ курса.

ствомъ. Это различіе показываетъ достаточно, что слѣдуетъ думать о томъ неравенствѣ, которое господствуетъ среди всѣхъ политически организованныхъ народовъ; какъ бы его ни опредѣляли, но оно будетъ противорѣчить естественному праву, если будетъ давать возможность ребенку управлять старикомъ, неразумному господствовать надъ людьми мудрыми, если кучка людей будетъ утопать въ роскоши, а голодная масса нуждаться во всемъ необходимомъ".

Вы видите изъ этой цитаты, что Руссо, во первыхъ, старается найти причины происхожденія неравенства при помощи своеобразнаго метода: онъ хочетъ объяснить это явленіе неравенства „изъ природы человѣка при свѣтѣ одного разума", и, во вторыхъ, полагаетъ, что неравенство получаетъ силу и возрастаетъ, вслѣдствіи развитія нашихъ способностей и прогресса разума, и становится устойчивымъ чрезъ собственность и законы. Такимъ образомъ, причины возникновенія неравенства, по его мнѣнію, психологическія и юридическія. Я не стану излагать вамъ въ подробностяхъ весь ходъ его мыслей, но для нашего времени его объясненіе этихъ скрытыхъ причинъ считается совершенно недостаточнымъ. Впослѣдствіи, напр., среди представителей физіократіи вопросъ о происхожденіи неравенства сталъ связываться съ стремленіемъ даже оправдать это явленіе и доказать этимъ его цѣлесообразность. Такъ, напр., Мерсье де-Ларивьеръ писалъ: „имущественное неравенство составляетъ совершенно согласное съ справедливостью явленіе и происходитъ не только благодаря игрѣ случая, но и благодаря огромнымъ различіямъ въ пріобрѣтательныхъ способностяхъ людей". Изъ этого сопоставленія вы видите, что, объясняя неравенство, мы должны вырѣшить еще вопросъ, имѣемъ ли мы правовое, политическое и экономическое неравенство отождествлять и объяснять какой либо единой причиной.

Если вы заглянете въ сочиненіе Энгельса: „Переворотъ въ наукѣ, произведенный г. Дюрингомъ" (н. изд. 1901 г., стр. 100 и слѣд.), то вы найдете тамъ совершенно иное рѣшеніе вопроса. Энгельсъ пишетъ: „то представленіе, что всѣ люди, какъ таковые, имѣютъ нѣчто общее и, насколько простирается это общее, равны между собою, само собой разумѣется, наслѣдовано нами отъ сѣдой древности, но совершенно отлично отъ него новѣйшее требованіе равенства . . . Христіанство знало лишь одно равенство всѣхъ людей, а именно — равенство грѣхопаденія, которое вполнѣ соотвѣтствовало его характеру, какъ религіи угнетенныхъ классовъ . . . Слѣды общенія имуществъ, которые также встрѣчаются въ началѣ новой религіи, сводятся гораздо скорѣе къ единенію преслѣдуемыхъ, нежели къ дѣйствительному представленію о равенствѣ. Укрѣпленіе противоположности

между духовенствомъ и міромъ положило очень скорый конецъ и этой части христіанскаго равенства. Наводненіе Западной Европы германцами устранило на цѣлыя столѣтія всѣ представленія о равенствѣ, посредствомъ постепеннаго сооруженія такой запутанной системы политической и соціальной іерархіи, которой до тѣхъ поръ нигдѣ не существовало . . . Но тѣ же феодальные средніе вѣка послужили почвою для развитія того общественнаго класса, который, путемъ устраненія феодальныхъ неравенствъ, долженъ былъ сдѣлаться впослѣдствіи носителемъ новѣйшаго требованія равенства, а именно — буржуазіи. Требованіе освобожденія отъ феодальныхъ стѣсненій и возстановленія равноправности путемъ устраненія феодальныхъ неравенствъ было поставлено на очередь экономическимъ прогрессомъ общества. Извѣстно также, что буржуазія, съ того самаго момента, какъ она развивается изъ средневѣкового городского сословія, постоянно и неизбѣжно сопровождается своею тѣнью — пролетаріатомъ. И такимъ же точно образомъ буржуазныя требованія равенства сопровождаются требованіями равенства со стороны пролетаріата . . . Именно — съ тѣхъ поръ, когда французская буржуазія выдвинула на первый планъ гражданское равенство, французскій пролетаріатъ отвѣтилъ на это предъявленіемъ требованія общественнаго экономическаго равенства . . . Такимъ образомъ, представленіе о равенствѣ, какъ въ буржуазномъ, такъ и въ пролетарскомъ смыслѣ этого слова, само представляетъ не болѣе, какъ историческій продуктъ, для подготовки котораго были необходимы опредѣленныя историческія отношенія, которыя сами предполагаютъ за собой продолжительную предварительную исторію. Итакъ, равенство есть все, что угодно, но только „не вѣчная истина“. И если въ настоящее время въ глазахъ большой публики оно представляетъ, въ томъ или другомъ смыслѣ — нѣчто подразумѣвающееся само собой, „если, какъ говоритъ Марксъ, оно уже обладаетъ прочностью народнаго предразсудка“, то это не есть результатъ его аксіоматической вѣрности, а дѣйствіе всеобщаго распространенія и продолжающагося вліянія идеи 18-го вѣка“. Если вы вчитаетесь внимательно въ эти слова, при общемъ, конечно, знакомствѣ съ системой Маркса и Энгельса, то вы поймете, что происхожденіе неравенства они связываютъ со всей исторіей происхожденія классоваго общества и съ развитіемъ производительныхъ силъ человѣчества. Самое происхожденіе идеи равенства, по ихъ мнѣнію, должно было явиться ъ извѣстную эпоху и получить значеніе, содержаніе въ зависимости отъ того, какой классъ являлся носителемъ этой идеи.

Вы видите, какъ трудно найти „скрытыя причины“

явленій, какіе важные выводы мы дѣлаемъ, разъ мы убѣдились, что эти „скрытыя причины" найдены. Теперь перейдемъ къ самому трудному вопросу; гдѣ же правильный путь: въ причинномъ анализѣ или въ идеалистическомъ построеніи системы цѣлей, которыя должны управлять нашей жизнью?

§ 5. а) Открытіе причинъ явленій имѣетъ для человѣка громадное значеніе. Было бы слишкомъ наивно думать, что такая работа разума по открытію причинъ явленій только слѣдствіе естественной пытливости человѣка и его стремленія къ истинѣ. Простой инстинктъ самосохраненія и приспособленія ведетъ человѣка неизбѣжно къ познанію внѣшняго міра и окружающей человѣка среды. „Любовь къ истинѣ, какъ нѣчто взятое абстрактно, по справедливому замѣчанію Десли Стефэна, „пожалуй, одна изъ слабѣйшихъ человѣческихъ страстей, но разъ въ конечномъ результатѣ истина познана, она является искрой, которая пересоздаетъ весь міръ" [1]). Еще творецъ индуктивной философіи Бэконъ писалъ: „знаніе человѣка и его сила совпадаютъ, ибо незнаніе причины дѣлаетъ невозможнымъ дѣйствіе. Природа поддается только благодаря тому, что ее слушаются. И что въ изслѣдованіи бываетъ причиною, въ дѣйствительности бываетъ правиломъ". Благодаря самой природѣ своего познающаго разума, подъ вліяніемъ опыта и воспріятій, переработанныхъ мыслью, человѣкъ постоянно стремится всѣ явленія міра привести въ своихъ представленіяхъ въ извѣстную связь. Только эта переработка явленій въ сознаніи даетъ ему представленія о необходимости и причинности, съ которыми онъ и сообразуется, какъ въ своемъ объясненіи міра, такъ и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Но эта потребность въ объединеніи своихъ знаній, желаніе привести въ строгую логическую связь свои воззрѣнія и согласовать ихъ съ окружающими и наблюденными фактами — дѣло очень трудное и сложное.

Милліоны людей живутъ какъ бы изо дня въ день, подчиняясь обыкновенной рутинѣ жизни. Жизнь со всей ея системой знаній, фактовъ и учрежденій опутываетъ людей своими крѣпкими узами. Люди сначала „дѣйствуютъ", и уже только потомъ задумываются надъ причинами своихъ дѣйствій. Пока существуетъ извѣстная гармонія между человѣкомъ и окружающей его средой, между его привычными дѣйствіями и ихъ обычными результатами, мысль человѣка какъ бы дремлетъ. Но, такъ только окружающая обстановка

1) См. его изслѣдованіе объ англійскихъ утилитаристахъ, т. I. введеніе.

становится неудовлетворительной, когда въ столкновеніе приходятъ люди разныхъ воззрѣній, когда начинаютъ образовываться различныя общественныя группы или классы людей, интересы которыхъ противорѣчивы, когда старая гармонія отношеній нарушается, среди инертной массы человѣчества появляются руководящіе вожди, какъ въ практической дѣятельности, такъ и въ философіи, которые стремятся обновить жизнь провозглашеніемъ новыхъ началъ и новыхъ движущихъ принциповъ: — тогда появляется интересъ къ тому, что не только было и есть, но и къ тому, что должно быть. И новыя идеи находятъ свое воплощеніе и въ разныхъ людяхъ.

Томасъ Карлейль, [1]), этотъ крупнѣйшій идеалистъ 19-го вѣка видѣлъ въ этихъ новыхъ „великихъ людяхъ" животворящій ферментъ человѣческой жизни. „Я хорошо знаю, писалъ онъ, что въ настоящее время почитаніе героевъ признается культомъ отжившимъ, окончательно прекратившимъ свое существованіе. Нашъ вѣкъ, по причинамъ, которыя составятъ нѣкогда достойный предметъ изслѣдованія, есть вѣкъ отрицающій, такъ сказать, самое существованіе великихъ людей, отвергающій самую желательность ихъ. Покажите нашимъ критикамъ великаго человѣка, напр., Лютера и они начнутъ съ такъ называемаго ими „объясненія". Они не преклонятся передъ нимъ, но станутъ измѣрять его и найдутъ, что онъ принадлежитъ къ людямъ мелкой породы. Онъ былъ продуктомъ своего времени, скажутъ они. Время вызвало его, время сдѣлало все, онъ же не сдѣлалъ ничего такого, чего бы мы, маленькіе критики, не могли бы сдѣлать. Жалкій трудъ, по моему мнѣнію, представляетъ эта критика. Время вызвало! Увы, мы знали времена, довольно громко призывавшія своего великаго человѣка, но не обрѣвшія его. Никакому времени не угрожала бы гибель, если бы оно могло найдти достаточно великаго человѣка: мудраго, чтобы вѣрно опредѣлить потребности времени, отважнаго, чтобы повести его прямой дорогой къ цѣли, — въ этомъ спасеніе всякаго времени. Я сравниваю пошлыя и безжизненныя времена съ ихъ безвѣріемъ, бѣдствіями, замѣшательствами, съ ихъ сомнѣвающимся и нерѣшительнымъ характеромъ, съ ихъ затруднительными обстоятельствами: времена, размѣнивающіяся на все худшія и худшія бѣдствія, приводящія людей къ окончательной гибели: — все это я сравниваю съ сухимъ, мертвымъ лѣсомъ, ожидающимъ лишь молніи съ неба, которая воспламенила бы его. Великій человѣкъ съ его свободной силой, исходящей прямо изъ рукъ Божіихъ, — есть молнія. Его слово мудрое, спасительное слово, въ него могутъ всѣ повѣрить. Все воспламеняется вокругъ этого

---

1) См. Герои и героическое въ исторіи, р. пер. Спб. 1891 г. стр. 15—18,47.

человѣка, разъ онъ ударяетъ своимъ словомъ, и все пылаетъ огнемъ, подобнымъ его собственному". „Первый человѣкъ, начавшій мыслить на этой нашей планетѣ былъ первоначальнымъ творцемъ всего. Всякій истинный мыслитель до настоящихъ дней является въ нѣкоторомъ родѣ Одиномъ; онъ поучаетъ людей своему образу дѣйствія, бросаетъ отраженіе своего лика на цѣлые періоды міровой исторіи".

Карлейль правъ, что наше демократическое время перестало вѣрить въ провиденціальную роль великихъ людей. Великіе люди представляютъ рѣдкое явленіе въ жизни человѣчества; исторія не совпадаетъ съ исторіей жизни и дѣятельности великихъ людей. Человѣчество дѣлаетъ свою исторію часто и безъ великихъ людей въ постоянной суматолокѣ мелкихъ столкновеній и борьбы интересовъ, въ незамѣтной изолированной и союзной работѣ маленькихъ людей. Великіе люди — случайная причина въ исторіи, и мы нерѣдко видимъ, что свободная сила великаго человѣка, исходящая, по словамъ Карлейля, прямо изъ рукъ Божіихъ, — эта молнія не даетъ никакого разряда, если не подготовлена почва для удара.

Увы, какъ часто приходится вспоминать слова поэта:

О люди, жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха,
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ,
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньи
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье!

Жалка будетъ, конечно, та наука, которая не въ состояніи оцѣнить творческой силы великаго человѣка, но мало убѣдительными являются и слова Карлейля, будто эта творческая сила все въ состояніи пересоздать. Путемъ такого объясненія пониманіе исторіи немного подвинется впередъ, и мы навсегда застрянемъ въ дебряхъ теологическаго міровоззрѣнія. Великій человѣкъ — не больше, какъ одна изъ случайныхъ причинъ, а мы уже видѣли, что думаетъ по поводу случая монистическое міровоззрѣніе.

Историки нашего времени старались проникнуть въ прошедшее, чтобы вскрыть эту муравьиную работу маленькихъ людей, для познанія того, какъ мы достигли настоящаго положенія всей нашей культуры. Обращаясь къ анализу сущаго, они учили познавать тѣ реальныя силы, которыя двигаютъ исторію. Матеріальныя потребности огромныхъ массъ населенія, естественный процессъ размноженія человѣчества, развитіе производительныхъ силъ, какъ опредѣленныя причины, многое объяснили намъ въ исторіи. Но можеть-ли человѣчество жить, удовлетворяясь только знаніемъ

того, что было, что есть и — какъ все произошло въ закономѣрной послѣдовательности одно изъ другого?

Въ культѣ героя, которымъ такъ прославился Карлейль, есть нѣкоторая доля истины. Ни аристократія, ни демократія не могутъ жить безъ вождей. Великіе люди съ ихъ творческой дѣятельностью часто налагаютъ печать на всю ту эпоху, въ теченіе которой они жили. Человѣчеству всегда присуще стремленіе найдти руководящія цѣли, къ которымъ оно можетъ и должно стремиться; и эту именно функцію выполняютъ великіе люди, которые ставятъ своей задачей или открытіе идеала человѣческой жизни, или проникаются желаніемъ осуществить наиболѣе насущныя потребности своего времени. Безъ сомнѣнія Карлейль переоцѣниваетъ значеніе личности въ исторіи. Громадная заслуга историковъ средины и конца 19-го вѣка въ томъ, что они обратили вниманіе на болѣе глубокія и сложныя причины историческаго процесса, которыя непреоборимо подчиняютъ волю отдѣльныхъ людей. Только въ наиболѣе крайней своей формѣ это ученіе, однако, свело личность къ нулю, къ „quantité négligeable.“ Слѣдуетъ всегда помнить, что исторія дѣлается людьми. Счастливо то время, которое находитъ крупныхъ вождей. Историкъ не долженъ приписывать имъ всетворящей силы, но учесть и ихъ созидательное или разлагающее вліяніе его обязанность.

Практическій политикъ, государственный человѣкъ, проникнувшійся духомъ времени и сумѣвшій, при поддержкѣ какого-либо союза интересовъ людей, оставить прочный слѣдъ въ исторіи, и идеалистъ, давшій намъ мечтательную систему новой жизни, которой намъ, быть можетъ, никогда и не придется увидѣть и переживать, одинаково заслуживаютъ нашего вниманія; они часто дѣйствуютъ правильно или не правильно, распространяютъ ложныя или истинныя идеи вовсе не потому, что твердо и опредѣленно знаютъ ту цѣпь причинъ, которая вызываетъ извѣстныя послѣдствія, а лишь потому, что ихъ увлекаетъ сила идеала, практическое чутье къ потребностямъ жизни или поддержка властно сгруппировавшихся интересовъ и стремленій людей.

Какъ бы, поэтому, ни было необходимо научное познаніе окружающихъ явленій, но намъ всегда и неизбѣжно придется встрѣчаться въ изслѣдованіи человѣческой жизни съ великими религіозными и нравственными проблемами, которыя волновали индивидовъ и все общество даннаго времени. Великіе люди и крупныя свѣтила той или другой науки воплощаютъ въ себѣ съ наибольшею яркостью тѣ или другія стремленія эпохи; у нихъ мы почти всегда найдемъ желаніе формулировать тѣ основныя цѣли, къ которымъ должно стремиться человѣчество. Одинъ сухой причинный анализъ

какъ бы не удовлетворяетъ ихъ; въ ихъ трудахъ мы всегда откроемъ элементы идеала и практическаго творчества. Они всегда стремятся заглянуть въ будущее, но вопросъ въ томъ, въ состояніи ли они указать вѣрный путь въ царство свободы, правды, справедливости и красоты?

Какъ я уже Вамъ сказалъ, великій Спиноза въ 17 вѣкѣ (родился 1632 г. ум. 1677 г.) нанесъ первый ударъ метафизической системѣ исканія „конечныхъ цѣлей". Въ наше время Дарвинъ и его философія нанесли ей еще болѣе тяжелый ударъ, но идеалистическое міровоззрѣніе, какъ Вы увидите сейчасъ, не умерло. Взгляды Спинозы, впервые давшаго обоснованіе монистической философіи, такъ интересны, что я позволю себѣ сдѣлать довольно длинную выписку изъ его трактата объ „Этикѣ", прежде чѣмъ мы перейдемъ къ новѣйшимъ обоснователямъ идеализма.

Исходя изъ пантеистическаго міровоззрѣнія, что Богъ, какъ единая безконечная субстанція, различныя формы бытія которой мы называемъ отдѣльными вещами, порождаетъ изъ себя со строгой необходимостью весь міръ, Спиноза приходитъ къ убѣжденію, что въ природѣ вообще царитъ незнающая исключеній необходимость, и что представленіе объ общей цѣли, ради которой все въ мірѣ будто бы существуетъ, не болѣе, какъ результатъ предразсудка. Онъ мастерски объясняетъ причины этого предразсудка. „Люди обыкновенно думаютъ, пишетъ онъ [1]), что всѣ вещи въ природѣ дѣйствуютъ такъ же, какъ и они сами, ради какой нибудь цѣли; съ увѣренностью они утверждаютъ, что Богъ направляетъ все къ опредѣленной цѣли; люди полагаютъ — Богъ все создалъ ради человѣка; самого же человѣка для того, чтобы онъ почиталъ Бога . . . Корень этого предразсудка заключается въ томъ, что люди являются въ міръ, не зная причинъ вещей, но всѣ они имѣютъ желаніе пріобрѣсти себѣ пользу и это ясно сознаютъ. Отсюда слѣдуетъ, во первыхъ, что люди считаютъ себя свободными, ибо они сознаютъ въ себѣ свои желанія и потребности, не думая о тѣхъ причинахъ, которыя вызываютъ эти желанія и потребности по простому основанію, что они не знаютъ этихъ причинъ. Отсюда же слѣдуетъ, во вторыхъ, что люди дѣлаютъ все ради какой-либо цѣли, а именно ради пользы, къ которой стремятся. Отсюда вытекаетъ, что они умѣютъ видѣть только конечныя цѣли созданныхъ вещей и довольны, если они ихъ уже узнали, ибо они не имѣютъ болѣе поводовъ къ размышленію. Если же они не могутъ ничего узнать объ этихъ цѣляхъ отъ кого-либо другого, имъ ничего не оста-

1) B. Spinosa: Ethik, — въ изданіи Реклама, приложеніе къ первой части, стр. 66 и слѣд.

ется какъ обратиться къ самимъ себѣ, чтобы размыслить о цѣляхъ, которыми опредѣляется ихъ дѣятельность. Думая такъ о самихъ себѣ, они тоже думаютъ и о всѣхъ другихъ людяхъ."

„Замѣчая, затѣмъ, какъ въ себѣ самихъ, такъ и во внѣ, различныя средства, которыя не мало содѣйствуютъ пріобрѣтенію пользы, напр., замѣчая, что глаза служатъ для зрѣнія, зубы для жеванія, растенія и животныя для пищи, солнце для свѣта, море для прокормленія рыбъ и т. д., они приходятъ къ убѣжденію, что все въ природѣ служитъ средствомъ для ихъ пользы. Составивъ себѣ представленіе о вещахъ, какъ о средствахъ, они не могли думать, что они создались сами, но зная о средствахъ, которыя они сами имѣли обыкновеніе создавать, они ошибочно сдѣлали заключеніе, что имѣется кто-либо другой или другіе двигатели, обладающіе человѣческой свободой, которые о нихъ позаботились и все сдѣлали для ихъ пользы. Относительно мотивовъ этихъ властителей природы, ибо о нихъ они никогда не могли ничего узнать, они должны были судить по собственнымъ же мотивамъ. Поэтому они и стали утверждать, что Богъ направляетъ все къ пользѣ людей, чтобы обязать ихъ по отношенію къ себѣ и вызвать къ себѣ высокое почитаніе" . . . „Этотъ предразсудокъ глубоко укоренился и былъ причиной того, что люди стали прилагать всѣ свои старанія, чтобы открыть цѣли всѣхъ вещей и ихъ объяснить".

„Желая доказать, что природа ничего не дѣлаетъ напрасно (т. е. не дѣлаетъ ничего такого, чтобы не было полезно людямъ), они, какъ мнѣ кажется, продолжаетъ Спиноза, ничего другого не доказали кромѣ того, что природа столь же сумасбродна, какъ и люди. Стоитъ только взглянуть, къ чему это привело. Среди многаго полезнаго въ природѣ они должны были наблюдать и не мало вреднаго: бури, землетрясенія, болѣзни и т. п.; эти явленія, стали они утверждать, произошли потому, что Боги разгнѣвались на причиненныя людьми обиды или за упущенія при ихъ почитаніи. И хотя опытъ противорѣчилъ этому и показывалъ на безчисленныхъ примѣрахъ, что и полезное, и вредное одинаково выпадаетъ на долю набожнаго и безбожнаго, они не отказывались отъ укоренившагося предразсудка, ибо имъ было гораздо легче отнести это къ другому неизвѣстному, пользу котораго они не знали, и такъ пребывать въ дѣйствительномъ и прирожденномъ незнаніи, чѣмъ разрушить все это зданіе своей мысли и построить новое . . . Поэтому, они признали за достовѣрное, что намѣренія Бога далеко превосходятъ способность человѣческаго пониманія; уже одно это представленіе должно было порождать то, что ис-

тина оставалась бы на вѣчныя времена скрытой для человѣческаго рода, если бы математика, занимающаяся не цѣлями, а существомъ и свойствами фигуръ, не указала человѣчеству иной формы для истины . . ."

„Чтобы показать, продолжаетъ Спиноза, что природа не поставила себѣ никакой цѣли, и что всѣ конечныя цѣли — только дѣло человѣческаго воображенія, не требуется многаго. Это ученіе о цѣляхъ природы представляетъ въ извращенномъ видѣ наблюдаемый въ природѣ порядокъ, ибо оно разсматриваетъ, какъ причину то, что является слѣдствіемъ, и наоборотъ. Далѣе оно дѣлаетъ въ природѣ первое послѣднимъ. Наконецъ оно превращаетъ высшее и совершеннѣйшее въ самое несовершенное. Ибо послѣдствіе тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ непосредственнѣе оно создано Богомъ; чѣмъ болѣе посредствующихъ причинъ, однако, необходимо для слѣдствія, чтобы оно произошло, тѣмъ оно несовершеннѣе. Если вещи, непосредственно созданы Богомъ для того, чтобы Богъ осуществилъ свою цѣль, то необходимо послѣднія вещи, ради которыхъ были созданы первыя, должны были быть самими лучшими изъ всѣхъ. Далѣе, это ученіе упраздняетъ совершенство Бога, ибо если Богъ дѣйствуетъ ради цѣли, то это означаетъ, что онъ необходимо желаетъ чего то, чего у него нѣтъ. Люди, держащіеся этого взгляда, должны необходимо признать, что вещи, для появленія которыхъ Богъ приготовилъ средства, не были въ его распоряженіи."

„Люди, посвящающіе себя отысканію цѣлей, наилучшимъ образомъ опровергаютъ свой методъ доказательствъ, сводя его въ концѣ концовъ къ незнанію. Если, напр., камень падаетъ съ крыши на голову человѣка и его убиваетъ, то они доказываютъ, согласно своему методу, что камень упалъ, чтобы убить человѣка, слѣдующимъ образомъ: если камень не упалъ согласно волѣ Бога, чтобы убить человѣка, то какъ могли совпасть благодаря случаю столько обстоятельствъ (ибо часто многіе изъ этихъ обстоятельствъ совпадаютъ). Если отвѣтятъ, что произошло это потому, что дулъ вѣтеръ, и что человѣкъ проходилъ именно тамъ, то они возражаютъ: отчего именно человѣкъ проходилъ въ данномъ мѣстѣ? Отчего же вѣтеръ дулъ именно тогда? Если отвѣтятъ на это: вѣтеръ началъ тогда дуть, ибо море за день до этого, еще при спокойной погодѣ, пришло въ движеніе, а человѣкъ проходилъ тамъ, ибо онъ шелъ по приглашенію своего друга, то, зная, что вопросы можно ставить безъ конца, они спрашиваютъ: отчего же море пришло въ движеніе, отчего человѣкъ былъ приглашенъ? И такъ они будутъ все далѣе и далѣе спрашивать о „причинѣ причинъ", пока не дойдутъ до спасительнаго убѣжища воли Божіей,

т. е., до убѣжища незнанія". „Такимъ образомъ, если ученіе о цѣляхъ, какія должна осуществить природа не можетъ быть состоятельнымъ, то, вмѣстѣ съ нимъ, падаютъ и всѣ тѣ понятія, какія предполагаются представленіемъ цѣли: добрый и плохой, порядокъ и хаосъ, красота и безобразіе не выражаютъ ничего, что могло бы быть свойственно самимъ вещамъ: эти свойства имѣютъ своимъ источникомъ лишь случайный интересъ и вкусъ отдѣльныхъ людей. И потому здѣсь столько умовъ, сколько головъ".

Послѣ того какъ Ньютонъ (1682 г.) установилъ законъ тяготѣнія, Кантъ (1755 — въ Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels) и Лапласъ создали свою извѣстную теорію механическаго происхожденія міра согласно принципамъ Ньютона, идеи Спинозы завладѣли естествознаніемъ. Изслѣдованіе о цѣляхъ, ради которыхъ существуетъ то или другое явленіе неорганическаго міра, перестало служить задачей естествоиспытателей. Аристотелевское ученіе объ „идеальной формѣ" было убито [1]). Во вторую половину 19-го вѣка мало по малу этотъ методъ механическаго объясненія явлений распространился и на явленія органическаго міра, а впослѣдствіи и на изслѣдованіе общественной жизни человѣка. Если современная наука съ полнымъ основаніемъ держится того взгляда, что изъ ничего не возникаетъ ничего, если жизнь представляетъ непрерывный процессъ видоизмѣненія матеріи, то, вѣдь, отсюда конечно не слѣдуетъ, что истины добра и красоты нѣтъ, а только то, что она всегда существовала и будетъ существовать, и что процессъ теченія явленій будетъ вести насъ къ ея послѣдовательному открытію, ибо видоизмѣненіе того метода, при посредствѣ котораго мы лучше познаемъ истину, не разрушаетъ ея существа, какъ явленія, которое существовало и не можетъ исчезнуть. Познаніе того, что человѣкъ и вся его жизнь только часть жизни природы не унизило общественной науки, а только возвысило ее. Познаніе природы и ея законовъ дало человѣку возможность владѣть ею, не раскрывая тайной и недоступной человѣческому уму цѣли существованія природы. Это познаніе научило любить жизнь, какъ жизнь, какъ великій процессъ природы. Не создавая ему надеждъ овладѣть вѣчной и навсегда и для всѣхъ абсолютной истиной, оно нисколько не препятствуетъ вѣчно искать ее, различать въ тотъ или другой историческій моментъ элементы любви отъ элементовъ зла, человѣческое и справедливое отъ животнаго и жестокаго . . . .

Предъ изслѣдователями явленій органической жизни и общественной жизни человѣка предстала великая проблема:

1) См. выше и сопоставь стр. 35.

на какихъ же началахъ мы можемъ объяснить явно обнаруживающуюся „цѣлесообразность“ въ строеніи, въ жизни и развитіи органическихъ существъ, въ послѣдовательномъ усовершенствованіи человѣка и его общественной жизни, внѣ всякаго представленія о ранѣе предопредѣленной цѣли ихъ бытія и развитія?

Эту трудную проблему разрѣшилъ Чарльсъ Дарвинъ, создавъ свое великое ученіе о происхожденіи видовъ. Цѣлесообразное строеніе органическихъ существъ и развитіе ихъ формъ Дарвинъ объяснялъ слѣдующимъ образомъ. Онъ училъ: въ природѣ господствуетъ борьба за существованіе, и эта борьба устраняетъ изъ жизни худшія, менѣе благопріятно поставленныя формы; выживаютъ только хорошо организованныя формы, и, если надлежащія свойства остаются, то тогда постепенно начинаетъ происходить „приспособленіе„ даннаго организма къ внѣшней средѣ. Другими словами, онъ подмѣтилъ въ жизни законъ борьбы, законъ приспособленія и законъ переживанія сильнѣйшихъ въ борьбѣ, умѣющихъ лучше приспособиться и использовать окружающую среду, передать свои особенности по наслѣдству. „Реальныя основы этой теоріи, пишетъ Эрнстъ Геккель [1]), даютъ три явленія: 1 — наслѣдственность, 2 — приспособленіе (варіація) и 3 — борьба за существованіе. Всѣ эти три фактора, какъ я уже неоднократно указывалъ чисто механическіе, а не телеологическіе по своей природѣ. Наслѣдованіе столь же тѣсно связано съ физіологической формулой размноженія, какъ приспобобленіе съ питаніемъ: а борьба за существованіе вытекаетъ съ математической необходимостью изъ несоотвѣтствія между числомъ возможныхъ индивидовъ (зародышей) съ дѣйствительнымъ количествомъ индивидовъ, которые выростаютъ и продолжаютъ родъ“.

Въ мою задачу не входитъ изложеніе тѣхъ громадныхъ выводовъ, которые связаны съ этимъ ученіемъ въ естествознаніи. Мнѣ придется на послѣдующихъ страницахъ оцѣнить значеніе этого ученія въ области обществовѣдѣнія. Мы увидимъ, какую своеобразную форму оно приняло, какъ много объяснило оно намъ въ пониманіи предшествующей исторіи человѣчества.

Какъ увидимъ также впослѣдствіи, это ученіе придало общественной наукѣ отнюдь не пессимистическій, жестокій характеръ. Совершенно напротивъ: оно указало на возможность и необходимость въ человѣческой средѣ борьбы за

1) См. его сочиненія die Lebenswunder, (Чудеса жизни), нар. изданіе стр. 149, также die Welträtsel (Міровыя загадки), нар. изд. тоже въ р. пер., 1906 г.

существованіе на совершенно иныхъ началахъ сравнительно съ той, которая царитъ среди животнаго міра[1]). Оно научило насъ замѣнять въ этой борьбѣ естественныя, стихійныя силы природы силами разума, жестокую борьбу животныхъ силъ замѣнять борьбой мирной и разумной, чрезъ уравненіе средствъ и обстоятельствъ, при помощи которыхъ и въ условіяхъ которыхъ отдѣльная личность, союзы ихъ и классы пробиваютъ свою дорогу къ ихъ собственному и общему счастью.

б) Точка зрѣнія монистической философіи велика и благородна, но предъ изслѣдователемъ общественныхъ явленій и историкомъ всякой науки стоитъ постоянный соблазнъ оторваться отъ сухого причиннаго анализа и увлечься изслѣдованіемъ той цѣли, ради которой существовали тѣ или другія явленія, работали тѣ или другія люди. Можно ясно начертать послѣдовательный переходъ человѣчества отъ рабскаго и крѣпостного труда къ свободному, можно понять весь сложный механизмъ причинныхъ связей, на которыхъ держится капиталистическое хозяйство, но трудно уйти отъ вопроса, ради чего существовали рабство и крѣпостное право, отчего въ человѣческихъ отношеніяхъ существуетъ такая масса несправедливости, куда же насъ увлекаетъ неумолимый процессъ исторіи: къ торжеству ли общаго блага или же къ грядущему разложенію и гибели всей человѣческой жизни и культуры? Разрѣшеніе этихъ вопросовъ необходимо; въ наукѣ слышатся голоса, что возможно вполнѣ научное, обязательное для всѣхъ разрѣшеніе этихъ фундаментальныхъ проблемъ человѣческой жизни.

Профессоръ Штаммлеръ пишетъ: „жизненный опытъ никогда не можетъ быть окончательно законченнымъ, а потому и не можетъ намъ дать абсолютнаго и неизмѣннаго познанія. На основаніи нашего опыта, сколь бы продолжителенъ онъ не былъ, мы не можемъ открыть закона, который былъ бы абсолютенъ и неизмѣненъ. А если это такъ, если опытъ даетъ лишь познаніе того, что существуетъ и что произошло въ закономѣрной причинности, если, по самому своему характеру, этотъ опытъ не охватываетъ съ безусловной полнотой всѣ возможные случаи явленій, то невольно является вопросъ, нельзя ли будущія явленія, разсматриваемыя, какъ результатъ человѣческой дѣятельности, изучать внѣ непосредственной связи съ тѣмъ, что есть и было, съ опытомъ[2])?“

---

1) См. главу третью, гдѣ будетъ разобрано ученіе Р. Мальтуса о размноженіи населенія.

2) См. R. Stammler, „Wirtschaft und Recht“, Leipzig, 1886.

Штаммлеръ ставитъ этотъ вопросъ относительно возможности телеологически[1]) (т. е., съ точки зрѣнія того, что должно быть, какъ конечная цѣль) изслѣдовать явленія внѣ связи съ тѣмъ, что есть и было, только примѣнительно къ общественнымъ наукамъ. Цѣлый рядъ писателей — новѣйшихъ продолжателей Канта — идетъ дальше и распространяетъ этотъ поставленный вопросъ и на естествознаніе. Среди этихъ писателей особенно интересны взгляды Виндельбанда и Риккерта. Заглянемъ же въ произведенія этихъ двухъ писателей, чтобы въ общихъ чертахъ ознакомиться съ той постановкой вопроса, какую они даютъ. Когда предъ вашими глазами пройдутъ разныя экономическія системы со всѣмъ разнообразіемъ ихъ методовъ изслѣдованія, я буду имѣть возможность дать вамъ болѣе полный отвѣтъ на поставленные этими писателями вопросы. Теперь же я ограничусь изложеніемъ той стороны ихъ взглядовъ, которая касается лишь ихъ критики самаго существа нашего научнаго познанія: я руководствуюсь главнѣйшими трудами Виндельбанда и Риккерта.

„Всякая наука о естественныхъ явленіяхъ, пишетъ Виндельбандъ[2]), представляетъ собою систему положеній, въ которыхъ даются опредѣленныя положенія о фактахъ и элементахъ внѣшняго міра съ тѣмъ, чтобы эти сужденія должны были быть каждымъ признаны. Основаніе для этого требованія признанія со стороны каждаго лежитъ въ томъ, что эти положенія считаются сужденіями истинными. Благодаря этому, вся система естествознанія покоится также на оцѣнкѣ (Wert): на оцѣнкѣ по истинности (Wahrheitswert). Естествознаніе въ области познанія постоянно отрицаетъ или утверждаетъ, одобряетъ или не одобряетъ и распространяетъ такую свою дѣятельность на всѣ предметы, которые вообще доступны человѣческому воззрѣнію". Поэтому и естествознаніе немыслимо безъ оцѣнивающаго субъекта . . .

---

1) Объясненіе по цѣлямъ называется объясненіемъ по „конечнымъ причинамъ" потому, что цѣль есть причина, реально данная не въ началѣ, а въ концѣ дѣйствія. Телеологія переживала три стадіи: 1) трансцендентально — антропоцентрическое, по которому цѣли въ природу и человѣческую жизнь вносятся извнѣ творцомъ міра для пользы человѣка; 2) трансцендентно — натуралистическое, по которому цѣли вносятся въ природу творцомъ ради самой природы, какъ цѣлаго; 3) имманентное, по которому цѣлесообразность природы присуща внутреннему существу самихъ предметовъ природы. Четвертая разновидность телеологическаго міросозерцанія основана на теоріи познанія и подробно изложена ниже.

2) См. W. Windelband, Präludien, 2 изд., стр. 35—39: H. Rickert. Grenzen, стр. 661; см. изложеніе ихъ взглядовъ въ статьѣ: Max Adler. Kausalität und Teleologie im Streite um die Wissenschaft. въ Marx-Studien, Wien, 1904 г.

Но не только по самой формѣ своего познанія, но и по самому своему содержанію естествознаніе не можетъ быть чѣмъ либо другимъ, какъ телеологической системой, т. е., системой, которая стремится къ реализаціи опредѣленной цѣнности, цѣнности въ истинѣ.

Телеологическая точка зрѣнія обнаруживается уже въ необходимомъ орудіи всякой науки — въ сужденіи. Смыслъ всякаго сужденія заключается не въ томъ, что въ немъ происходитъ то соединеніе представленій, которое создается процессомъ ассоціаціи, протекающимъ согласно съ естественной необходимостью, но въ томъ, что одновременно это соединеніе представленій утверждается, какъ истинное, или отрицается, какъ ложное . . . Всѣ положенія познанія содержатъ въ себѣ, поэтому, комбинацію сужденія съ обсужденіемъ; они представляютъ собою соединеніе представленій относительной ихъ цѣнности, вопросъ объ истинѣ которой рѣшается утвержденіемъ или отрицаніемъ.

Виндельбандъ считаетъ эту высшую цѣнность въ истинѣ лишь тѣмъ нормирующимъ опорнымъ пунктомъ, при посредствѣ котораго естественно необходимый комплексъ ассоціацій мысли подраздѣляется на истину и заблужденіе. Для него нормы истиннаго, справедливаго и прекраснаго представляютъ собою, какъ бы „отборъ“ изъ всего комплекса ассоціацій мысли, который совершается при всякомъ стремленіи создать систему истиннаго, справедливаго и прекраснаго.

Риккертъ смѣлѣе и послѣдовательнѣе доходитъ до представленія о „сверхиндивидуальномъ сознаніи“, которое заставляетъ человѣка стремиться не только къ тому, что справедливо и прекрасно, но и къ тому, что должно быть признано, какъ истина. По его мнѣнію, каждый изъ насъ не можетъ по своему произволу отрицать или утверждать, но чувство очевидности его влечетъ къ тому, что относительно извѣстныхъ явленій онъ долженъ судить такъ, а не иначе. Признаніе этого „долженствованія“ только и придаетъ сужденіямъ цѣнность въ истинѣ. „Истина, — пишетъ онъ [1]), — есть ничто иное, какъ совокупность сужденій, признанныхъ цѣнными, т. е., тѣхъ сужденій, которыя, такъ какъ имъ присуща цѣнность, должны быть высказаны. Сужденіе, поэтому, не потому цѣнно, что оно истинно, но истина можетъ быть опредѣлена, какъ та своеобразная цѣнность, которую имѣютъ сужденія. Даже сужденія, которыя содержатъ въ себѣ познаніе дѣйствительности, истинны не потому, что они утверждаютъ, что дѣйствительно, но только то мы называемъ дѣйствительнымъ, что должно быть признано сужденіями.

1) См. Der Gegenstand der Erkenntnis, 1892.

дѣйствительность есть только своеобразный видъ истиннаго, и истинность — ничто иное, какъ цѣнность".

По мнѣнію Виндельбанда, общія предположенія всякой науки, ея руководящіе принципы, аксіомы абсолютно не могутъ быть доказаны, а только опредѣлены. Нѣтъ той логической необходимости, при помощи которой можно было бы доказать значеніе этихъ аксіомъ, ибо доказательство должно было бы предполагать наличность доказываемаго. Можно, поэтому, только показать, что этимъ аксіомамъ, фактически наличнымъ въ нашемъ мышленіи, присуща особаго рода необходимость, телеологическая необходимость, т. е., что ихъ значеніе необходимо должно быть признано, если только должны выполниться другія цѣли, если мышленіе имѣетъ своею цѣлью быть истиннымъ, воля имѣетъ цѣлью быть благой, чувство имѣетъ цѣлью достигнуть красоты. Общеобязательность предположеній познанія и, отсюда, неизбѣжная точность естествознанія можетъ быть доказана только тогда, если аксіомы признаются, какъ неизбѣжное условіе для реализаціи цѣли истины, когда будетъ показано, что безъ нихъ не было бы возможно никакого общепризнаннаго мышленія. Обоснованіе аксіомъ и нормъ лежитъ исключительно въ нихъ самихъ, въ ихъ телеологическомъ значеніи, которое они имѣютъ, какъ средство для цѣли общаго признанія. Гдѣ мы можемъ доказать наличность таковыхъ посылокъ, тамъ имѣется имманентная необходимость телеологической связи" . . . Съ точки зрѣнія телеологической теоріи познанія значеніе познанія покоится на убѣжденіи, что мы въ состояніи открыть существующій порядокъ, но было бы совершенно некритическимъ предубѣжденіемъ думать, что мы можемъ открыть порядокъ вещей или явленій. Мы ничего не можемъ открыть, кромѣ порядка въ содержаніи нашего сознанія, т. е., „порядка въ отношеніяхъ нашихъ представленій, которыя должны существовать и, потому, должны быть признаны". Виндельбандъ, выражая ту же мысль Риккерта иначе, утверждаетъ, что „истина заключается въ нормальности нашего мышленія".

Бытіе, съ этой точки зрѣнія, какъ представленіе — есть ничто; мы имѣемъ съ нимъ дѣло только, какъ съ предметомъ сужденія. Оно означаетъ опредѣленное содержаніе сознанія, которое въ сужденіи признается, какъ существующее. Нѣтъ, поэтому, никакого смысла говорить, что сужденіе опредѣляется существующимъ, ибо тогда уже слѣдовало бы знать, что существуетъ, а для этого надо было бы уже высказать сужденіе и, такимъ образомъ, пришлось бы впасть въ логическій кругъ. Сужденіе, такимъ образомъ, опредѣляется не на основаніи существующаго, но правильность связей, господствующая въ мышленіи, долженствованіе, какъ телеологиче-

ская необходимость, только и устанавливаетъ намъ то, что должно быть предметомъ сужденія, какъ существующее. Кто воспринялъ эти положенія въ своемъ мышленіи и дѣйствительно ихъ понимаетъ, тотъ не станетъ удивляться парадоксальному положенію: „бытіе явленій имѣетъ свое основаніе въ долженствованіи“.

Общія воззрѣнія этихъ двухъ писателей, ихъ точка зрѣнія можетъ быть выражена словами Риккерта: „При различеніи истиннаго и ложнаго въ своихъ сужденіяхъ, въ самомъ этомъ актѣ сужденія, при выработкѣ объективной законосообразности, наконецъ, и въ отношеніи къ міру вещей, которыя составляютъ ея предметъ, всякая наука, въ томъ числѣ и естествознаніе, покоится на „конечной цѣнности“, на цѣнности въ истинѣ, которая получаетъ выраженіе въ „абсолютномъ долженствованіи,“ въ постулатѣ общеобязательнаго порядка мышленія и единообразнаго изложенія его результатовъ. Кто дерзновенно отрицаетъ этотъ постулатъ, кто грубо и презрительно говоритъ: „Я не хочу никакой истины и даже не нуждаюсь въ томъ, чтобы ее желать, ибо абсолютной истины вовсе не существуетъ, и всякая истина неизбѣжно является только истиной для своего времени“, — тотъ прежде всего ничего не понялъ, о чемъ шла рѣчь; вѣдь дѣло шло не о какой либо исторической, по содержанію опредѣленной истинѣ, но о томъ ноологическомъ (разумномъ) основаніи, благодаря которому именно истина даннаго времени для него могла утверждаться, какъ истина. Во вторыхъ, точка зрѣнія того, кто совершенно не хочетъ истины, совершенно нелѣпа, ибо такой человѣкъ не можетъ сказать ни одного имѣющаго смыслъ слова безъ того, чтобы не опровергнуть самого себя. Ибо мы знаемъ, что кто судитъ, тотъ ссылается на истину, онъ желаетъ, чтобы его сужденія были признаны истинными. Если такъ, то нежелающій истины имѣетъ къ тому основанія или ихъ не имѣетъ. Въ послѣднемъ случаѣ мы не имѣемъ надобности съ нимъ и разговаривать. Въ первомъ случаѣ онъ долженъ изложить свои основанія въ сужденіяхъ, т. е., дать доказательство для истины, о которой онъ судитъ. Если же онъ не желаетъ судить, то мы бросаемъ ему въ глаза абсолютное значеніе цѣнности истины. Какъ только онъ начнетъ возражать, другими словами, высказывать сужденіе съ притязаніемъ, что его возраженіе должно имѣть значеніе, тѣмъ самымъ онъ отказывается отъ своего желанія, и признаетъ то, что отрицалъ“.

Съ точки зрѣнія, слѣдовательно, Риккерта и Виндельбанда, основная цѣль всякой науки заключается въ присущемъ человѣку, по самому характеру его познанія и всѣхъ обнаруженій воли и чувства, стремленіи къ вѣчному исканію

абсолютной правды — истины, справедливости, совершенства и красоты. Наука безъ разсмотрѣнія всего съ точки зрѣнія этихъ высшихъ цѣлей существовать не должна, и не можетъ.

Вотъ въ какой своеобразной формѣ и при посредствѣ какой аргументаціи теперь пущены въ ходъ нѣкоторыя основныя положенія философіи Канта. Въ „Критикѣ Чистаго Разума“ мы найдемъ у Канта два мѣста, которыя я считаю необходимымъ вамъ напомнить, прежде чѣмъ я приступлю къ немногимъ замѣчаніямъ по поводу мыслей Виндельбанда и Риккерта.

Кантъ писалъ: „Если все наше познаніе начинается съ опыта, то не все оно возникаетъ изъ опыта. Вполнѣ возможно, что даже наше опытное познаніе — есть нѣчто сложное, образовавшееся изъ того, что мы получаемъ посредствомъ впечатлѣній, и изъ того, что привноситъ въ него наша познавательная способность, для которой наши чувственныя впечатлѣнія служатъ только поводомъ ... Такое познаніе, относительно котораго нельзя рѣшить сразу, существуетъ ли оно независимо отъ опыта или даже отъ всѣхъ впечатлѣній внѣшнихъ чувствъ, называется познаніемъ a priori, и особой его характеристикой является его необходимость и строгая всеобщность“ [1]): и въ другомъ мѣстѣ: „То, что для насъ идеалъ, то было для Платона идеею божественнаго разсудка, единичнымъ предметомъ въ его чистомъ созерцаніи совершеннѣйшихъ во всякомъ видѣ возможныхъ существъ и первоосновою для всѣхъ подражаній въ явленіи. Если идея даетъ правило, то идеалъ въ такомъ случаѣ служитъ первообразомъ постояннаго опредѣленія подражаній, и мы не имѣемъ никакого мѣрила для нашихъ дѣйствій, кромѣ существованія въ насъ этого божественнаго человѣка, съ которымъ мы себя сравниваемъ, оцѣниваемъ и черезъ то улучшаемся, хотя и никогда не можемъ достигнуть до идеала. Эти идеалы, хотя за ними нельзя признать объективной реальности (существованія), все таки нельзя считать мечтательной фантазіей: они даютъ разуму необходимое мѣрило, въ которомъ мы нуждаемся для понятія о томъ, что въ своемъ родѣ вполнѣ совершенно, чтобы по нему цѣнить и мѣрить степень и недостатокъ несовершеннаго“ [2]).

Вы видите, какъ осторожно ставилъ Кантъ тѣ же проблемы, которыя вновь подняты Виндельбандомъ и Риккертомъ. Ново-Кантіанское направленіе имѣетъ большое значеніе для нашего времени. Оно вновь пробудило какъ бы вѣчныя мечты человѣчества о правдѣ-истинѣ и о красотѣ-справедливости. Какъ реакція противъ наивнаго и грубаго

1) См. р. пер., l. с., стр. 27—29.
2) l. с., стр. 408 и слѣд.

матеріализма, оно внесло освѣжающую струю въ изслѣдованіе, но ему пришлось работать въ атмосферѣ скептицизма и критицизма, который не такъ легко поддается золотымъ мечтамъ, въ особенности, если онѣ изложены съ такой догматической искусственностью, какъ у Риккерта и Виндельбанда. Слабость точки зрѣнія Риккерта сказывается, какъ съ точки зрѣнія теоріи познанія, такъ и съ точки зрѣнія самаго раскрытія существа историческаго процесса развитія человѣчества.

Если бы Риккертъ и его сторонники остались только на той почвѣ, что все наше познаніе о мірѣ состоитъ изъ представленій, обработанныхъ разумомъ согласно съ его познающей природой, что всякое вообще познаніе заключается въ извѣстномъ отношеніи между познающимъ субъектомъ и объектомъ, что истиной называется то, что мыслится нормально, какъ дѣйствительное, чего мы отрицать не можемъ, то они были бы на вѣрной дорогѣ; но изъ этихъ положеній отнюдь не слѣдуетъ того парадоксальнаго вывода, что наше сужденіе утверждаетъ относительно бытія абсолютное долженствованіе, и что всякое изслѣдованіе неизбѣжно совершается съ точки зрѣнія абсолютной истины, справедливости и красоты.

Намъ приходится вѣрить Риккерту, что всякое сужденіе истинно, ибо оно мыслится такъ, какъ должно мыслиться, потому, что въ концѣ концовъ оно представляетъ собою очевидность, которой мы отрицать не можемъ. Другими словами, относительно того, что мы должны мыслить, мы судимъ на основаніи очевидности. Очевидность же сама по себѣ вовсе не требуетъ какого либо долженствованія. Она просто констатируетъ фактъ, который, по тѣмъ или инымъ причинамъ, въ данный моментъ я отрицать не въ состояніи. Если что-либо констатировано, какъ бытіе, если путемъ работы нашего разума мы получаемъ о бытіи извѣстныя представленія и ихъ отношенія, то отсюда не слѣдуетъ, что они должны быть. Чувство очевидности, на почвѣ закономѣрной организаціи нашего разума, устанавливаетъ намъ, что дѣйствительно; далѣе нашъ анализъ не идетъ и не можетъ установить долженствованія. Когда Риккертъ утверждаетъ, что „бытіе имѣетъ основу въ долженствованіи“, онъ только устанавливаетъ мистическое и необъяснимое соотношеніе между мыслью и матеріей. Очевидность того или другого факта лишь путемъ чисто словеснаго рѣшенія обращается въ долженствованіе, ибо, если очевидность признана, то дальше уже наступаетъ такое положеніе мысли, при которомъ очевидность можетъ быть обозначена любымъ словомъ безъ дальнѣйшаго объясненія самаго существа очевидности. Долженствованіемъ она, однако, можетъ быть названа только

путемъ подтасовки, „отождествляющей нормальность мышленія“ съ „долженствованіемъ“. „Утвержденіе и отрицаніе“, о которомъ говоритъ Виндельбандъ, вовсе не совпадаютъ съ одобреніемъ или неодобреніемъ. Между оцѣнкой знанія и морали — непроходимая пропасть и одними словесными упражненіями ее устранить невозможно. Если это такъ, то приходится признать, что нелѣпо стремленіе объяснять природу соединенія между двумя невѣдомыми сущностями: матеріей и духомъ. Мы можемъ только знать, что они связаны, и стремиться открыть законы, согласно которымъ одинъ родъ явленій соотвѣтствуетъ другому.

Риккертъ совершенно напрасно думаетъ, что его противникъ находится въ столь безпомощномъ состояніи при малѣйшей попыткѣ возражать противъ телеологическаго метода изслѣдованія. Противникъ этого метода можетъ съ полнымъ основаніемъ стать на старую дорогу, отвѣчая, что, если даже и существуетъ абсолютная истина, то процессъ ея познаванія имѣетъ свою исторію; поэтому никто не имѣетъ права въ данный моментъ утверждать, что истина уже открыта. Не желая спорить по вопросу о существованіи абсолютной истины, онъ просто скажетъ, что ея не знаетъ и не вѣритъ въ непогрѣшимость берущагося глаголать „вѣчныя истины“. По содержанію предложенной вѣчной истины, онъ можетъ выставить возраженія, не считая все то, что утверждается, за очевидное, а тѣмъ менѣе за должное. Онъ можетъ съ полнымъ правомъ отвѣтить, что познаніе — одна сторона нашей природы; человѣкъ стремится начертать въ этой области путемъ причиннаго анализа лишь путь необходимости, который открывается благодаря самой природѣ нашего познающаго разума. Стремленіе установить познанное, какъ должное — это результатъ дѣятельности воли и чувства, а не познавательной способности, не чистаго, а практическаго разума.

Какъ историкъ, противникъ Риккертовской телеологіи будетъ стараться начертать, въ какомъ направленіи подъ дѣйствіемъ цѣлаго сложнаго комплекса причинъ явленія стремились направиться въ ту или другую сторону. Онъ будетъ убѣжденъ, что чрезвычайно важно намѣтить происхожденіе, силу и направленіе этихъ стремленій, не утверждая въ тоже время, что эти стремленія не погасятся противоположными и уже существующими, нынѣ еще слабо намѣченными стремленіями въ общественной жизни. Представленіе о правдѣ, справедливости и красотѣ онъ будетъ объяснить изъ всей совокупности намѣченныхъ имъ условій — причинъ; никто ему не можетъ помѣшать имѣть свое собственное представленіе о правдѣ и красотѣ, но и онъ съ своей стороны не можетъ быть такъ дерзокъ, чтобы

утверждать, что имъ открыта истина, что только онъ позналъ истину, справедливость и красоту во всей ихъ цѣлостности, какъ нѣчто обязательное для всѣхъ и каждаго. Если бы даже ему удалось сдѣлать ее для своего времени признанной почти всѣми, то ничто не помѣшаетъ тому, что въ ближайшемъ же будущемъ придетъ другой человѣкъ, который разрушитъ вполнѣ построенное имъ зданіе.

Неясная формула: „бытіе имѣетъ свою основу въ долженствованіи“ и опредѣленіе значенія всѣхъ явленій съ точки зрѣнія „истины-цѣнности“ одинаково удобны для консерватора, для революціонера и даже для всѣхъ умѣренныхъ группъ, стоящихъ между этими двумя общественными крайностями. Революціонеръ, установивъ, какъ вѣчную истину, положеніе, что человѣку человѣкъ долженъ быть братъ прежде всего, будетъ представлять себѣ наличный вокругъ него порядокъ, какъ достойный лишь уничтоженія, консерваторъ или профессоръ, какъ Риккертъ, найдетъ телеологическое, разумное основаніе, благодаря которому совершенно противоположное явленіе — рабство — было истиной для опредѣленнаго времени, и почему оно для этого времени могло утверждаться, какъ истина.

Я не имѣю намѣренія отрицать историческаго значенія телеологическихъ системъ. При изложеніи исторіи политической экономіи намъ придется убѣдиться, что почти каждый сколько нибудь крупный писатель стремится затронуть „конечныя проблемы человѣческой жизни“, и даже въ самихъ матеріалистическихъ системахъ Маркса и Энгельса сколько угодно элементовъ телеологіи, самой заурядной и грубой метафизики.

Какъ бы точенъ нашъ причинный анализъ предшествующаго не былъ, но будущее всегда остается загадкой, благодаря привхожденію новыхъ причинъ и своеобразному сочетанію старыхъ причинъ. Поскольку открытыя причины постоянны и неизмѣнны, постолько и анализъ историка вѣроятенъ, хотя врядъ ли кто рѣшится отрицать, что историческая наука еще и до сихъ поръ не начертала намъ законовъ историческаго развитія, относительно которыхъ не было бы большихъ сомнѣній.

При такой неясности будущаго, при вѣчной потребности человѣчества имѣть какую-нибудь перспективу въ идеальной картинѣ будущаго, всегда будутъ существовать стремленія объяснить міръ и жизнь человѣчества съ точки зрѣнія высшихъ или конечныхъ цѣлей. Телеологія, какъ нѣчто вытекающее изъ подобныхъ насущныхъ потребностей человѣка, имѣетъ право на существованіе, но лишь при непремѣнномъ условіи не смѣшивать телеологическія построенія съ чисто научными проблемами.

Совершенно отрицая, такимъ образомъ, чтобы была какая либо возможность признать правильность телеологическаго метода изслѣдованія на почвѣ теоріи познанія, я, однако, далекъ отъ мысли отрицать за нимъ всякое значеніе. Какъ мы видѣли, еще Спиноза блестяще показалъ, что понятіе о цѣли возникло изъ сознанія о нашей волѣ и дѣятельности. Намъ всегда представляется, что въ мысли имѣется цѣль, и что, руководясь извѣстными законами, мысль ищетъ въ себѣ и во внѣ средствъ для полученія извѣстнаго результата. Зачастую предъ нашимъ наблюдающимъ взоромъ имѣется цѣлый рядъ результатовъ, и мы не въ состояніи себѣ ихъ объяснить по незнанію тѣхъ причинъ, которыя его породили. Здѣсь на помощь къ намъ приходитъ телеологія: отъ единаго результата она идетъ къ его условіямъ — къ цѣлямъ, разсматривая результатъ, какъ слѣдствіе цѣлесообразно употребленнаго средства. Въ данномъ случаѣ телеологія представляется намъ только какъ извѣстнаго рода гипотеза, при чемъ понятіе ц ѣ л и и г и п о т е з ы совпадаютъ: только тогда, когда мы найдемъ какія либо болѣе строгія доказательства правильности нашей гипотезы, цѣль можетъ быть признана за причину. Такъ, наблюдая безпомощное и угнетенное положеніе людей, выражающееся въ низкомъ вознагражденіи ихъ труда при полномъ отсутствіи у нихъ капитала, мы объясняемъ это явленіе, исходя изъ предположенія, что въ нашемъ хозяйствѣ господствуетъ только стремленіе къ выгодѣ, благодаря которому сильный капиталомъ стремится и можетъ поработить слабаго [1].

---

1) Проф. Зигвартъ (См. его Борьба противъ телеологіи, р. пер., 1907 г., стр. 19), съ взглядомъ котораго на телеологію я не могу согласиться, справедливо пишетъ по этому поводу: „Причинный методъ, естественно, исходитъ отъ отдѣльныхъ дѣйствующихъ элементовъ и интересуется тѣмъ, что должно получиться изъ разнообразныхъ комбинацій этихъ элементовъ, согласно извѣстнымъ естественнымъ законамъ: это — синтетическій методъ мышленія, выражающійся въ переходѣ отъ основаній къ слѣдствіямъ. Другой методъ беретъ своимъ исходнымъ пунктомъ результатъ; онъ желаетъ опредѣлить, какая комбинація причинъ создала этотъ результатъ или можетъ его создать; результатъ пріобрѣтаетъ характеръ цѣли, для которой причины служатъ средствомъ. Этотъ методъ разсмотрѣнія носитъ аналитическій характеръ: отъ единаго результата (слѣдствія) онъ идетъ къ его условіямъ (причинамъ)“. Опасность пользованія этимъ обратнымъ методомъ очень велика. Нерѣдко, какъ мнѣ придется показать впослѣдствіи, это цѣлесообразное средство начинаютъ считать наиболѣе совершеннымъ способомъ дѣйствія. Такъ напр., А. Смитъ, убѣдившись, что эгоизмъ и преслѣдованіе своего интереса составляютъ главное средство, которое поддерживаетъ современную экономическую систему, сталъ утверждать, что этотъ порядокъ наилучшій изъ возможныхъ, и что „богатые, несмотря на свое естественное себялюбіе и ненасытимыя желанія, которыя побуждаютъ ихъ выбирать изъ массы продуктовъ то, что является самымъ драгоцѣннымъ и пріятнымъ, въ тоже

Другое значеніе телеологіи заключается въ томъ, что, исходя изъ представленій о цѣляхъ человѣка, изъ его постояннаго стремленія представлять себѣ дѣйствительность въ иномъ, лучшемъ, идеальномъ видѣ, она представляетъ собой какъ бы методъ постояннаго исканія противоположностей и въ этомъ смыслѣ становится основой для методологическаго открытія истины путемъ противорѣчія. Въ послѣднемъ случаѣ, однако, она представляетъ чаще всего только своеобразную гипотезу о вѣчномъ существованіи истины, красоты и справедливости, которая является или утвержденіемъ, или вѣрой. Всѣ ученія о естественномъ правѣ построены чрезъ противоположеніе его реальному, дѣйствующему праву.

Третье значеніе телеологіи заключается въ томъ, что, исходя изъ изученія дѣйствительности, она зачастую конструируетъ (создаетъ) извѣстную систему цѣлей, которая при данныхъ условіяхъ можетъ служить основаніемъ не только для созданія идеала, но и для упорядоченія сознательной дѣятельности людей, всей окружающей ихъ жизни. Въ той мѣрѣ, въ какой эта конструкція формулируетъ неизбѣжныя потребности людей, она часто становится двигающимъ стимуломъ людей. Холодный причинный анализъ много даетъ для пониманія всего нашего предшествовавшаго и будущаго; онъ вскрываетъ намъ ту картину жизненной сутолоки, борьбы и ошибокъ, сквозь которыя обнаруживается неизмѣнное дѣйствіе законовъ развитія, но окончательно освѣтить намъ нашу дорогу онъ не въ состояніи. Всегда, поэтому, будетъ существовать стремленіе заглянуть впередъ, попытаться найти для нашихъ цѣлей идеалъ вѣчнаго, справедливаго и красиваго. Это своего рода „гипотезы“, которыя могутъ оказаться ложными, если онѣ совершенно не основываются на природѣ вещей, или полезными, если творческая фантазія беретъ ихъ изъ всей совокупности наличныхъ явленій, стараясь представить ихъ, какъ цѣлое въ гармоніи ихъ кажущихся противорѣчій. Таковы идеи прогресса, послѣдовательнаго торжества свободы личности, демократической идеи и т. п.

Профессоръ Шмоллеръ справедливо пишетъ: „Всѣ выдающіеся философы соглашались въ томъ, что телеологія, въ качествѣ одного пріема мышленія — „гейристическаго“ средства познанія можетъ имѣть полное право на существова-

---

время раздѣляютъ съ бѣдными продукты своихъ успѣховъ, доставляютъ средства къ размноженію человѣчества и производятъ распредѣленіе богатствъ, тождественное съ тѣмъ, которое могло бы имѣть мѣсто при равномъ раздѣленіи земли между всѣми ея обитателями“. Когда изслѣдователь идетъ только первымъ путемъ, опасность сдѣлать такіе ложные выводы значительно меньше.

ніе, служа вспомогательнымъ средствомъ познанія, что ее необходимо и возможно допустить, какъ символизирующее дополненіе эмпирической науки. Телеологія — попытка разъясненія цѣлаго и его цѣлей. Телеологическое разсмотрѣніе есть важнѣйшій способъ понять, какъ цѣлое — сумму явленій „внутренней, причинной связи между которыми мы еще не знаемъ". Оно родственно съ систематическимъ постолько, поскольку это послѣднее стремится привести въ стройный порядокъ и объединить опредѣленную сумму явленій или истинъ. Но здѣсь упорядочивающая мысль не должна быть непремѣнно и цѣлевой мыслью: систематическое научное изученіе включаетъ въ себя и дальнѣйшее стремленіе привести отдѣльныя части и цѣлое въ такой порядокъ, который соотвѣтствуетъ ихъ внутреннему взаимному соотношенію".

„Этическія воззрѣнія такъ нуждаются въ телеологіи потому, что всѣ нравственныя оцѣночныя рѣшенія исходятъ изъ чувствъ и представленій, относящихся къ общему содержанію и общей цѣли человѣческой жизни. Телеологическія воззрѣнія имѣютъ свою исторію: съ теченіемъ времени они стали благороднѣе и чище, но ихъ положенія, по крайней мѣрѣ, въ большей ихъ части, не представляютъ такихъ истинъ, которыми всѣ люди должны были бы одинаково проникнуться. Они всегда допускаютъ существованіе рядомъ съ собою различныхъ міросозерцаній, которыя также не сходны между собою, какъ и различные темпераменты. Оптимистическое и пессимистическое воззрѣніе, напр., постоянно приходятъ къ различнымъ результатамъ. Реализмъ и идеализмъ, античный и христіанскій образъ мысли, аристократическіе и демократическіе принципы, являясь системами, противоположными одна другой, всегда будутъ создавать различныя представленія о мірѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и приводить къ различнымъ жизненнымъ идеаламъ . . . Всѣ „этическія" системы удержали въ своемъ характерѣ и до сихъ поръ нѣкоторое сходство съ „религіозными". Онѣ основываются на вѣрѣ, на убѣжденіи въ истинности нѣкоторыхъ основныхъ принциповъ. Это убѣжденіе возникаетъ при опредѣленныхъ реальныхъ и психологическихъ условіяхъ, у одинаковыхъ или сходныхъ людей съ одинаковою необходимостью, какъ и единство воззрѣній въ области опытнаго познанія міра. Это признаніе истинности конечныхъ вещей, которое одинаково допускаютъ и матеріалистъ, и теистъ, и христіанинъ. И такъ какъ при этомъ дѣло идетъ о конечныхъ вещахъ, о высшихъ принципахъ, то именно потому вѣра въ ихъ истинность и одаряетъ такой энергіей воли, какой не даетъ одно эмпирическое знаніе. Эта увѣренность, которая даетъ право на извѣстный образъ мыслей, заставляетъ человѣка ради своихъ убѣжденій жертвовать всѣмъ,

въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже жизнью. Эти этическіе постулаты, т. е., представленія о свободѣ, справедливости, равенствѣ — путеводныя звѣзды и цѣли, царящія надъ дѣйствующимъ человѣкомъ: они предписываютъ хорошій образъ поведенія; будучи взяты въ правильной комбинаціи, даютъ силу и влеченіе правильному образу дѣйствій; обращаются въ привычныя качества индивидуума, даютъ ему достоинство и характеръ; но они всетаки не представляютъ эмпирическихъ истинъ, изъ которыхъ можно было бы выводить путемъ силлогизма дальнѣйшія заключенія“ [1])..

Для пониманія историческаго процесса мы должны имѣть въ виду эти идеальныя представленія людей о конечныхъ вещахъ и цѣляхъ, но теоретически построить объясненіе всей исторіи на утвержденіи, что высшая цѣль человѣческой жизни заключается въ торжествѣ истины, справедливости и красоты — это значило бы сдѣлать двоякую ошибку, во первыхъ, на основаніи краткаго и недоказательнаго періода человѣческой жизни, мы поставили бы человѣчеству такую задачу, которую, быть можетъ, ему никогда не удастся совершить; мы были бы слишкомъ большими оптимистами и слишкомъ розово смотрѣли бы на пережитыя человѣчествомъ страданія; а, во вторыхъ, слишкомъ дерзновенно указывали бы идеалъ, не опредѣляя ясно его содержанія. Такимъ образомъ, и при дальнѣйшемъ изслѣдованіи намъ нерѣдко придется анализировать различные идеалы людей, знакомиться съ цѣлымъ рядомъ телеологическихъ построеній, но это не будетъ намъ мѣшать ясно сознавать, что въ томъ великомъ процессѣ развитія человѣчества, который совершается, нѣтъ ни одной эпохи, которая представляла собою что либо законченное, что стремленіе къ истинѣ такъ же, какъ и къ счастью, всегда служатъ человѣку путеводной звѣздой, подъ руководствомъ которой онъ идетъ впередъ, но куда — мы никогда съ точностью предсказать не можемъ.

Это именно обстоятельство налагаетъ на насъ обязанность точно и опредѣленно, на почвѣ изученія закономѣрнаго развитія, показать то, что было, какъ оно произошло и обратилось въ то, что есть. При обсужденіи же того, что будетъ и чего мы желаемъ, быть одинаково справедливымъ ко всякой точкѣ зрѣнія, памятуя, что никто не является владѣльцемъ вѣчной и абсолютной истины; и только дерзновенный можетъ утверждать, что онъ все знаетъ и никогда не сомнѣвается.

---

1) См. Шмоллеръ, Народное хозяйство, наука о народномъ хозяйствѣ и ея методы, Библіотека экономистовъ, вып. XI., Москва, 1902 г. стр. 26 и слѣд.

ГЛАВА II.

Эпоха физіократовъ.

§ 1. Предварительныя замѣчанія. § 2. Положеніе Франціи къ срединѣ 18-го вѣка. Кольберъ и Джонъ Ло, два министра — меркантилиста старой монархіи. § 3. Экономическая, политическая и философская доктрина физіократовъ. § 4. Тюрго и его реформы. Система естественной свободы по законодательству Національнаго Собранія, Учредительнаго Собранія и Конвента.

§ 1. а) Я говорилъ вамъ, что мы будемъ изучать соціально-экономическія явленія, связанныя съ жизнью единичныхъ хозяйствъ и ихъ соединеній въ крупное цѣлое — народное хозяйство. Подъ единичнымъ хозяйствомъ мы условились понимать совокупность дѣйствій, при помощи которыхъ, пользуясь силами природы и другихъ людей, а также созданными орудіями и учрежденіями, человѣкъ (и его союзы) стремится создать и получить въ свое обладаніе нѣкоторое количество матеріальныхъ благъ для удовлетворенія того или иного круга своихъ потребностей. Во главѣ единичнаго хозяйства стоитъ, такимъ образомъ, воля одного человѣка или группы, союза ихъ, которые преслѣдуютъ свои жизненныя цѣли по удовлетворенію потребностей. Народное хозяйство представляетъ собою такъ или иначе объединенную группу такихъ самостоятельныхъ хозяйствъ. Я указалъ также, что при изученіи хозяйственной дѣятельности людей мы должны различать такъ называемыя формы и системы хозяйства. Подъ формой хозяйствъ мы условились понимать соединеніе человѣческихъ существъ на тѣхъ или иныхъ обычныхъ или правовыхъ началахъ для цѣлей производства, обмѣна, распредѣленія и потребленія благъ. Подъ системой хозяйства — сочетаніе матеріальныхъ и духовныхъ факторовъ производства: земли, труда и капитала, какъ обнаруженій физической, матеріальной и духовной энергіи, для тѣхъ-же цѣлей производства, обмѣна, распредѣленія и потребленія. Другими словами, приступая къ изученію экономическихъ явленій, мы сейчасъ-же замѣтимъ, что въ процессѣ развитія человѣческой жизни всегда создаются: во первыхъ, обычныя, общественно-правовыя, хозяйственныя отношенія людей, во вторыхъ, техническія соотношенія и сочетанія матеріальныхъ факторовъ производства и, въ третьихъ, особая система цѣлей, ради которыхъ совершается производство, распредѣленіе, обмѣнъ и потребленіе матеріальныхъ благъ. Вся совокупность формъ, системъ хозяйства и цѣлей, которыя люди

преслѣдуютъ въ своей экономической дѣятельности въ данную историческую эпоху, называется обыкновенно господствующимъ строемъ хозяйства.

Современные экономисты потратили очень много силъ именно на то, чтобы показать, какъ послѣдовательно человѣчество переходило отъ одного строя къ другому, и каковы въ особенности тѣ законы и начала, на которыхъ зиждется современное капиталистическое хозяйство. Для того, чтобы выполнить эту задачу, т. е., соотвѣтственно расклассифицировать разные строи хозяйства, съ яснымъ различеніемъ формъ и системъ хозяйства въ нихъ предѣлахъ, экономистамъ приходилось избрать за основаніе классификаціи тотъ или иной признакъ, которымъ можно удобнѣе всего характеризовать строй, формы и системы хозяйства даннаго времени.

При созданіи такой классификаціи можно, напр., обратить вниманіе на характеръ связей, которыя существуютъ между отдѣльными хозяйствами, на мѣру ихъ объединенія. Единичное хозяйство можетъ быть самодовлѣющимъ цѣлымъ, жить своею замкнутой жизнью, почти безъ всякихъ связей съ другими хозяйствами. О такомъ строѣ хозяйства мы можемъ говорить, какъ о вполнѣ децентралистическомъ, раздробленномъ. Мы можемъ себѣ представить и такой строй, когда, какъ къ тому стремятся соціалисты, народное хозяйство будетъ организованнымъ цѣлымъ, а всякое единичное хозяйство будетъ выполнять только тѣ функціи, которыя на него возложитъ центральная организація всего народнаго хозяйства. Это будетъ централистическій строй хозяйства. Въ реальной дѣйствительности мы не встрѣчаемся съ двумя столь протовоположными строями хозяйства. Всѣ наблюденія надъ исторической жизнью европейскаго человѣчества показываютъ, что связи между отдѣльными хозяйствами завязываются очень рано; мало по мало развивается какая-то смѣшанная система, которая въ извѣстныхъ предѣлахъ оставляетъ хозяйство самостоятельными, но и подчиняетъ ихъ условіямъ жизни всего народнаго хозяйства и постепенно слагающихся въ его предѣлахъ руководящихъ политическихъ учрежденій, въ новѣйшее время, въ особенности, государства и его хозяйства.

Профессоръ Г. Шмоллеръ[1]) даетъ нижеслѣдующую классификацію стадій развитія хозяйствъ въ эпоху послѣ распаденія римской имперіи. Онъ дѣлитъ экономическую исторію европейскихъ народовъ на слѣдующіе періоды: 1. Эпоха сельско-хозяйственнаго самодовлѣющаго хозяйства и родовой, общинной жизни; въ это время, по его мнѣнію, встрѣ-

1) См. его Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre, L. 1904 г., т. II-й стр. 668—9.

чаются уже соединенія племенъ въ единыя политическія цѣлыя для военныхъ цѣлей. Эта эпоха длится до десятаго и одиннадцатаго вѣка нашей эры. По Фюстель-де-Куланжу — время съ 4-го до 10-го вѣка было эпохой помѣстья; во главѣ его стоялъ помѣщикъ, вокругъ котораго группировалось населеніе изъ рабовъ, вольноотпущенниковъ, колоновъ и свободныхъ. Съ 10-го вѣка по 11-ый помѣстье принимаетъ феодальный характеръ, а среди крестьянства слагается община. 2. Эпоха городского хозяйства и образованія городскихъ областей, при чемъ политическое объединеніе этихъ областей организовано при посредствѣ слабой королевской и феодальной власти. Эта эпоха длится съ 12-го по 16-й вѣкъ; въ это время создается особенная городская промышленность — ремесло. 3. Эпоха среднихъ по размѣрамъ территоріальныхъ государствъ съ 16-го по 18-ый вѣкъ. 4. Эпоха образованія крупныхъ національныхъ государствъ, которая начинается съ 16-го вѣка и которая въ разныхъ странахъ заканчивается въ 18-мъ или 19-мъ вѣкѣ. Національныя государства въ этотъ періодъ слагаются въ обширныя народныя хозяйства. Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей г. Беловъ справедливо протестуетъ противъ этого подраздѣленія эпохи съ 16-го по 18-ый вѣкъ на два періода. Онъ вѣрно указываетъ, что по основнымъ своимъ особенностямъ обѣ эти эпохи однохарактерны. Это — періодъ возникновенія капиталистическаго хозяйства въ городахъ, разрушенія стараго феодальнаго строя въ деревняхъ и образованія государственной организаціи, которая начинаетъ оказывать могущественное вліяніе на хозяйственную жизнь народовъ. 5. Эпоха современная, когда, послѣ созданія крупныхъ національныхъ государствъ, образовались громадныя государственныя тѣла, включающія въ свой составъ множество національностей, а хозяйственныя связи создали то, что называется міровымъ хозяйствомъ. Въ этотъ періодъ времени европейскія государства захватили весь міръ и подѣлили его между собой, какъ свои колоніи.

Эта классификація проф. Шмоллера ступеней хозяйственнаго развитія имѣетъ въ своей основѣ, слѣдовательно, пространственные размѣры единаго „хозяйственнаго организма“. Она довольно вѣрно намѣчаетъ основные періоды по времени хозяйственнаго развитія, но существенный недостатокъ ея заключается въ томъ, что, во первыхъ, она нуждается въ значительныхъ поясненіяхъ, ибо сама по себѣ не вскрываетъ намъ особенностей хозяйственнаго строя въ каждую изъ этихъ эпохъ и не указываетъ, насколько извѣстный хозяйственный строй одной предшествовавшей эпохи сохранился или исчезъ въ послѣдовавшей эпохѣ, и, во вторыхъ, даетъ поводъ думать, что различіе хозяйственныхъ ступеней происходитъ отъ того, что въ каждой изъ

нихъ осуществлялись различныя, преимущественно, политическія цѣли“ [1]).

Мнѣ пришлось уже, излагая схему проф. Шмоллера, дополнить ее нѣсколькими замѣчаніями, чтобы нѣсколько объяснить ея содержаніе. Необходимо, однако, яснѣе представлять себѣ тѣ эпохи, которыя пережило человѣчество. Въ этомъ курсѣ я собираюсь изложить исторію возникновенія политической экономіи съ конца 18-го вѣка во Франціи, когда народное хозяйство этой страны уже представляло весьма сложное цѣлое. Это была эпоха, когда, послѣ революціоннаго броженія, въ этой странѣ были провозглашены новыя начала экономической жизни, подъ дѣйствіемъ которыхъ мы живемъ и нынѣ. Этотъ періодъ, однако, и понять нельзя, не ознакомившись хотя-бы въ самыхъ общихъ чертахъ съ главными чертами того строя хозяйства, который Европа пережила въ долгій періодъ съ великаго переселенія варваровъ. Я не имѣю ни малѣйшаго намѣренія дать вамъ исторію послѣдовательнаго развитія строя хозяйства съ 4-го по 18-ый вѣкъ. Я хотѣлъ-бы дать вамъ лишь характеристику тѣхъ „идеально-построенныхъ“ типовъ этого строя, съ окончательнаго крушенія которыхъ мы начнемъ наше изученіе.

При характеристикѣ этихъ періодовъ, для познанія хозяйственнаго строя, желательно взять признаки, которые намъ откроютъ картину формъ хозяйствъ и ихъ основныхъ цѣлей. Для этого необходимо обратить вниманіе, кромѣ политическаго момента, и на характеръ производства, обмѣна, распредѣленія и потребленія, съ ихъ общественной и технической сторонъ. Одной изъ такихъ самыхъ поучительныхъ схемъ является та, которая кладетъ въ основу классификаціи положеніе главной массы трудящихся въ отдѣльныхъ хозяйствахъ. Такъ, дѣлятъ исторію на слѣдующіе періоды: 1) эпоха рабскаго хозяйства, 2) эпоха феодально-крѣпостного хозяйства, 3) эпоха хозяйства со свободнымъ трудомъ или такъ называемая эпоха частно-капиталистическаго хозяйства и 4), наконецъ, эпоха государственнаго хозяйства — или эпоха будущаго, какъ выражается Родбертусъ, когда каждый отдѣльный хозяйствующій субъектъ явится только исполнителемъ извѣстной общественной обязанности по изготовленію матеріальныхъ благъ.

Подъ рабскимъ хозяйствомъ понимаютъ такую систему хозяйственныхъ отношеній, когда хозяину, распорядителю всего хозяйственнаго процесса, принадлежитъ на

---

1) Отмѣченное въ ковычкахъ возраженіе дѣлаетъ Зомбартъ. См. его „Организація труда и трудящихся, р. пер., стр. 228; классификація Зомбарта, однако, еще болѣе схематична.

началахъ собственности главнѣйшее орудіе производства — самъ человѣкъ, обязанный работать для хозяина.

Подъ *крѣпостнымъ* хозяйствомъ понимаютъ такую форму хозяйственныхъ отношеній между собственниками земли и прикрѣпленными къ ней рабочими-крестьянами, при которой послѣдніе находятся въ личной, экономической и политико-юридической зависимости отъ первыхъ, часто весьма близкой къ рабству, но уже болѣе или менѣе регламентированной установившимся обычаемъ или государственнымъ закономъ и сочетающейся съ признаніемъ нѣкоторыхъ правъ личности, собственности или пользованія за крѣпостными. Обычай или законъ признаетъ крѣпостныхъ „подданными“ той или другой власти или собственниковъ, которые не только имѣютъ право на личность и трудъ своихъ подданныхъ, но и несутъ извѣстныя обязанности поддержанія порядка, защиты, покровительства и попеченія о подданныхъ. Основная черта феодальнаго строя — землевладѣніе и крѣпостное право на крестьянъ подъ условіемъ службы. Освободившись отъ службы феодалъ превращаетъ свое условное землевладѣніе въ собственность; крѣпостное право теряетъ все болѣе и болѣе свое политическое значеніе, но пріобрѣтаетъ важное хозяйственное и соціальное значеніе. Рабъ — вещь, крѣпостной — личность, находящаяся въ зависимомъ состояніи отъ извѣстнаго класса лицъ, какъ собственниковъ и власти. Въ долгій періодъ, съ момента переселенія народовъ и вплоть до паденія крѣпостного права, самый характеръ зависимости сильно видоизмѣнялся. Крѣпостное право опредѣлялось наличностью и содержаніемъ слѣдующихъ правъ: 1. отъ предѣловъ права собственника-помѣщика на личность крестьянина и отъ способовъ распоряженія ею (продажа съ землей, безъ земли, съ семьей, jus primae noctis, право распоряжаться бракомъ, право перехода отъ одного собственника къ другому чрезъ такъ называемый „отказъ“ и т. д.); 2. отъ его судебныхъ и административныхъ правъ надъ личностью (право суда и полиціи, наказанія, переселенія, опеки, право набора и представительства) съ тѣми привиллегіями, которыя создаются представителями центральной государственной власти; 3. отъ его права на личный трудъ (барщина — опредѣленное число дней въ пользу владѣльца — обыкновенно три дня, оброкъ, помощь чрезвычайная и т. п.) и 4. отъ его права на землю, состоящую въ обработкѣ и въ общемъ пользованіи крѣпостныхъ, въ разныхъ угодіяхъ пахатнаго поля, луга, лѣса, и на всѣ другія удобныя и неудобныя ея свойства (ограниченія въ правѣ продажи, даренія и завѣщанія, право преимущественной покупки крестьянской земли, право на выморочное имущество, на нѣдра, болота, рѣки, озера, право такъ называемой мертвой руки

(manus mortua. main morte) т. е. право наслѣдованія помѣщика послѣ смерти крѣпостнаго, на пошлины при переходѣ земли въ другія руки, какъ при наслѣдованіи, такъ и при продажѣ; 5. отъ размѣровъ его правъ на всякое имущество, капиталъ и доходъ (отсутствіе права завѣщанія, помолъ на господской мельницѣ, часть произведенныхъ продуктовъ, право охоты, право на часть выращеннаго скота и другихъ животныхъ, право на денежные клады, право на чеканку монеты, на учрежденіе рынковъ, на всякія пошлины: торговыя, дорожныя, мостовыя, на установленіе мѣръ и вѣсовъ и проч.).

Подъ *частно-капиталистическимъ* хозяйствомъ понимаютъ хозяйство, которое основано на признаніи права собственности на землю и капиталъ за исторически сложившимися классами землевладѣльцевъ и капиталистовъ. Отношенія собственниковъ земли и капитала между собою и къ рабочимъ, какъ производителей, основываются на началахъ договора, согласно существующимъ правовымъ нормамъ, при чемъ человѣкъ, какъ личность, признается юридически и политически „свободнымъ". Собственники имѣютъ право на доходъ отъ земли и капитала (рента и прибыль), работники получаютъ вознагражденіе за трудъ въ видѣ заработной платы. Хозяйственныя единицы связаны между собой обмѣномъ, производители выносятъ свои продукты на рынокъ. Продукты для удовлетворенія потребностей становятся товарами. Торговцы слагаются въ особый классъ, живущій отъ дохода по обращенію благъ (торговая прибыль).

Подъ государственнымъ или *общественнымъ* хозяйствомъ *будущаго*, напр., Родбертусъ, представляетъ себѣ такой строй, когда исчезнетъ частная собственность на землю и капиталъ. Эти основныя орудія производства будутъ принадлежать обществу и каждый, трудящійся надъ изготовленіемъ матеріальныхъ благъ, будетъ получать, какъ исполнитель общественной функціи, вознагражденіе, дающее ему возможность спокойнаго и счастливаго существованія.

Въ предѣлахъ трехъ вышеуказанныхъ видовъ хозяйства развивается также и государственное хозяйство въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, а именно: хозяйство политической организаціи общества, которое существуетъ или на счетъ частныхъ хозяйствъ, или имѣетъ свои собственныя предпріятія съ рабами, крѣпостными и свободными наемниками.

Эта классификація, однако, при изученіи экономическихъ явленій можетъ имѣть только подсобное значеніе. Обыкновенно говорятъ, что рабскимъ хозяйствомъ характеризуется исторія древнихъ народовъ и въ особенности близкая намъ по культурѣ исторія Греціи и Рима. Крѣпостное хозяйство — характерно для эпохи, начиная съ средневѣковья и вплоть до средины 19-го вѣка у нѣкоторыхъ евро-

пейскихъ народовъ: въ эпоху частно-капиталистическаго хозяйства мы живемъ въ настоящее время, и оно послѣдовательно переходитъ въ государственное хозяйство или, вѣрнѣе, для ближайшаго періода въ хозяйство съ усиливающимся государственнымъ вмѣшательствомъ и съ развивающимися профессіональными союзами рабочихъ и капиталистовъ. Между этими двумя организаціями: государственной и профессіональной въ будущемъ предстоитъ борьба и соглашеніе.

О жизни древнихъ народовъ я не имѣю намѣренія здѣсь говорить. Меня интересуетъ классификація строевъ хозяйственной жизни только у новѣйшихъ народовъ. Для этихъ послѣднихъ пользоваться отмѣченной классификаціей чрезвычайно трудно. Нельзя сказать, чтобы рабство не существовало у новыхъ народовъ. Въ Европѣ оно исчезло постепенно сравнительно рано: къ 13-му вѣку оно исчезаетъ почти на всемъ пространствѣ Европы, за исключеніемъ Россіи, гдѣ оно держится до петровскаго указа о первой ревизіи 1717 года. Съ открытіемъ новаго свѣта рабство, однако, вновь возникаетъ въ колоніяхъ по отношенію къ цвѣтнымъ расамъ и окончательно исчезаетъ, какъ Европейское учрежденіе, только въ первой четверти 19-го вѣка. Такъ или иначе, но до 13-го вѣка рабство существуетъ наравнѣ съ крѣпостнымъ правомъ и свободнымъ трудомъ, и раздѣлить новую Европейскую эпоху по этимъ основнымъ признакамъ чрезвычайно трудно. Наконецъ, и крѣпостное хозяйство, и самый свободный трудъ въ разныя стадіи отмѣченныхъ Шмоллеромъ эпохъ совершенно различны между собою. Свободный родовой бытъ кардинально отличается отъ эпохи свободнаго труда нашего времени: между крѣпостнымъ хозяйствомъ 11-го и 12-го вѣка и крѣпостнымъ хозяйствомъ 16-го и 19-го вѣка лежитъ глубокая пропасть; свободный трудъ ремесленника средневѣковаго города глубоко отличается отъ свободнаго труда рабочаго нашего времени.

Какъ я отмѣтилъ выше, проф. Шмоллеръ полагаетъ, что первая эпоха жизни новыхъ европейскихъ народовъ, длящаяся до 10—11 вѣка, характеризуется земледѣльческимъ, самодовлѣющимъ хозяйствомъ и преобладаніемъ родового, общиннаго строя жизни [1][2].

1) Изложеніе исторіи развитія экономической и соціальной жизни народовъ на первыхъ стадіяхъ развитія, всѣ безконечные споры о происхожденіи семьи, общины, собственности и т. д. — я совершенно оставляю въ сторонѣ. Интересующіеся этими вопросами должны обратиться къ двумъ наиболѣе любопытнымъ сочиненіямъ: Л. Г. Морганъ, Первобытное общество, СПБ. 1900, пер. съ англ. подъ ред. Кудрявскаго и R. Hildebrand. Recht und Sitte auf den verschiedenen wirtschaftlichen Kulturstufen. Jena, 1896 г. Также популярное изложеніе взглядовъ Моргана, Баховена и др. въ сочиненіи Ф. Энгельса. „Происхожденіе семьи, собственности и государства“.

2) Проф. Зомбартъ въ своемъ сочиненіи: „Организація труда и

Среди изслѣдователей древняго быта германцевъ и теперь идетъ безконечный споръ, съ какого хозяйственнаго строя началась жизнь новыхъ народовъ. Вайтцъ, Ганзенъ, Мауреръ, Гирке, Мейценъ, Глассонъ, Лавелэ, а въ нашей литературѣ Ковалевскій и Виноградовъ полагаютъ, что экономическая жизнь этого времени характеризуется преобладаніемъ родовой семейной общины. Другіе писатели — Кнаппъ, Гильдебрандъ, отчасти Инама-Стернеггъ въ сочиненіи: „Deutsche Wirtschaftsgeschichte“ и, въ особенности, Фюстель-де-Куланжъ, напротивъ, думаютъ, что экономическая жизнь началась съ частной собственности семьи на землю. Германцы явились въ Европу, какъ завоеватели. Они предоставили обработку земли порабощеннымъ народамъ, сами-же изъ себя образовали военное, правящее и хозяйствующее сословіе помѣщиковъ.

Воззрѣніе Фюстель-де-Куланжа, однако, сильно оспаривается. Несомнѣнно, что тамъ, гдѣ германцы сталкивались съ другими народами, они создали классъ господствующихъ. Они или совершенно изгоняли прежнихъ обитателей, или же производили раздѣлы завоеванной земли. Тамъ, гдѣ германцы остались сами по себѣ, они сохранили всѣ особенности своей жизни, и родовая община была характернымъ явленіемъ ихъ жизни. По мнѣнію Максима Ковалевскаго, Фюстель-де-Куланжъ упускаетъ изъ виду, что громадныя сельскія общины, извѣстныя подъ названіемъ марокъ, невозможныя въ Галліи, въ Испаніи и Италіи, могли образоваться въ Германіи (Развитіе нар. хозяйства, ст. 27).

Въ своемъ сочиненіи „Die deutsche Genossenschaft“ (1868 г.) Гирке слѣдующимъ образомъ характеризуетъ жизнь этой германской общины или марки. Она представляла собой религіозный, военный, экономическій и соціальный союзъ; эта община не представляла собой какъ бы единой семьи съ pater familias во главѣ. Она распадалась на рядъ домохозяйствъ, изъ которыхъ каждое было вполнѣ самостоятельно и принимало участіе въ созданіи общихъ рѣшеній всей об-

трудящихся“, стр. 243, р. пер., — называетъ эту стадію развитія — стадія индивидуальнаго хозяйства; въ этомъ хозяйствѣ вся сумма потребностей какого-либо хозяйства удовлетворяется въ предѣлахъ того-же хозяйства, т. е., все, что потребляется, въ томъ-же хозяйствѣ и производится. Оно можетъ имѣть нѣкоторое соприкосновеніе съ другими хозяйствами, но, во всякомъ случаѣ, не сплетается съ ними сѣтью болѣе или менѣе тѣсныхъ отношеній. Самъ Зомбартъ замѣчаетъ, однако, — это наименованіе — „индивидуальное“, „индивидуалистическое“ хозяйство не особенно удачно, такъ какъ именно этотъ періодъ носитъ общинный, коммунистическій характеръ. Мнѣ представляется, что удобнѣе назвать его періодомъ „самодовлѣющаго хозяйства, потребительно-производительнаго хозяйства“. Какъ увидимъ сейчасъ, вопросъ о томъ, носило-ли это хозяйство коммунистическій характеръ, очень споренъ.

щины. Земля принадлежала всей общинѣ, но каждый членъ ея имѣлъ право на опредѣленный домъ, дворъ и участокъ земли — гуфу (Huobe).[1]) Размѣры этого участка сообразовались съ потребностями семьи и были по мѣстностямъ очень различны, въ зависимости отъ плодородія земли и ея обилія. Вся совокупность этихъ гуфъ составляла общину — марку и была той землей, которая досталась опредѣленному подраздѣленію племени, какъ часть занятой имъ территоріи (Gau, pagus). Впрочемъ, въ составъ марки иногда входило и нѣсколько селеній: она иногда представляла собой тотъ территоріальный округъ, который памятники VII и VIII вѣка называютъ „сотней", т. е. подраздѣленіемъ военной организаціи германцевъ. Разселеніе населенія по территоріи совершалось двояко: или по деревнямъ, или же по отдѣльнымъ дворовымъ, изолированнымъ мѣстамъ. Какая изъ этихъ системъ была преобладающей, объ этомъ идетъ безконечный споръ. При разселеніи по деревнямъ обыкновенно земля подраздѣлялась на четыре слѣдующія части: 1) на общественную площадь, гдѣ совершалось богослуженіе и творился судъ; 2) на дворъ, садъ или огородъ семьи; 3) на общинныя поля (Feldmark), гдѣ шла обработка и 4) на такъ называемые альменды — общее владѣніе (выгонъ, лѣсъ, свободная необработанная земля), которыми каждый общинникъ могъ пользоваться въ мѣрѣ своихъ потребностей. Въ своемъ домѣ и огородѣ общинникъ могъ дѣлать, что ему угодно. Въ общинномъ полѣ и на другихъ общихъ угодьяхъ хозяйничала община. По общему рѣшенію опредѣлялось время посѣва и жатвы, площади, которыя подлежало оставить подъ паръ или вновь разработать, время пастьбы скота въ полѣ и лѣсу, порядокъ рубки лѣса и. т. п. Право распоряженія своимъ участкомъ земли общинникъ имѣлъ только на періодъ посѣва и жатвы. Послѣ сбора жатвы поле вновь становилось общимъ достояніемъ, и на немъ пасся общинный скотъ. Отъ года къ году происходили передѣлы этой полевой земли на началахъ братскаго, семейнаго равенства всѣхъ [2]). Система хозяйства была, конечно, самая элементарная. По мѣрѣ роста населенія и при недостаткѣ земли старая переложная или подсѣчная система, при которой разработанное поле обрабатывалось нѣсколько лѣтъ подрядъ, замѣняется грубой системой двуполья (паръ и поле) при наличности сѣнокоса и природнаго, свободнаго мѣста выпаса скота въ обширныхъ лѣсахъ общины, которые въ тоже время доставляли матеріалъ для топлива и построекъ.

1) См. объ историческомъ развитіи этого понятія „гуфы" — Lamprecht Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter, т. I, стр. 334, изд. 1886 г.

2) Громадное вліяніе на историческую теорію нашего народничества оказало сочиненіе историка Маурера: „Введеніе въ исторію общиннаго,

Проф. Онкенъ, правда, совершенно не отмѣчая, къ какому періоду исторіи германской общины относятся его замѣчанія [1]), рисуетъ, слѣдуя Гирке, слѣдующую идиллическую картину. „Соотвѣтственно господствовавшей тогда системѣ трехполья (?), поле раздѣлялось на три части: одно отводилось подъ озимое, другое подъ яровое, третье подъ паръ. Паръ обыкновенно удобрялся, а потому для того, чтобы не лишать почвы необходимаго удобренія, было строго воспрещено вывозить изъ общины сѣно и солому, навозъ и т. п., даже дрова и вѣники. И во всѣхъ другихъ отношеніяхъ коллективное хозяйство должно было представлять нѣчто изолированное. Когда являлась потребность въ иностранныхъ товарахъ, главнымъ образомъ, первоначально, въ желѣзѣ и соли, то община, какъ таковая, совершала покупки у другихъ такихъ-же коллективныхъ хозяйствъ и распредѣляла пріобрѣтенное между общинниками. Въ деньгахъ, такимъ образомъ, не было нужды, какъ для внутренней жизни

подворнаго, сельскаго и городскаго устройства" (1853 г., р. пер. 1880 г.), Впослѣдствіи Лампрехтъ въ сочиненіи „Нѣмецкая хозяйственная жизнь въ средніе вѣки" (1886) нѣсколько видоизмѣнилъ теорію Маурера. Лампрехтъ также полагаетъ, что пахатная земля принадлежала первоначально маркѣ и состояла въ общемъ пользованіи, но утверждаетъ, что общее владѣніе пашнями господствовало въ первобытное время и исчезло уже въ карловингскую эпоху, а съ нимъ и первоначально существовавшіе передѣлы. Передѣлы, существовавшіе въ позднюю эпоху средневѣковья, Лампрехтъ считаетъ новымъ явленіемъ, возникшимъ подъ вліяніемъ новыхъ условій. Многіе современные ученые стараются доказать, что слѣдуетъ различать какъ бы двоякаго рода общину: 1. міръ или общинное самоуправленіе, которое существуетъ издревле и не исчезаетъ и 2. хозяйственную общину съ ея земельными распорядками, которая въ историческомъ процессѣ сильно мѣняется, уже въ средневѣковье принимаетъ сложный видъ: часть земли принадлежитъ общинникамъ на началахъ частной собственности, часть альменда или марка въ тѣсномъ смыслѣ состоитъ въ общемъ владѣніи и пользованіи. Нѣкоторые напр. такъ неожиданно скончавшійся Сильванскій стараются конструировать даже „особое высшее земельное право общины". Такъ онъ пишетъ: „поземельныя права общины не ограничивались одной альмендой. Общинѣ принадлежало высшее владѣніе на всѣ земли ея территоріи, какъ незанятыя, такъ и освоенныя частными собственниками. Это высшее поземельное право владѣнія общины (какъ dominium eminens), мнѣ кажется, можетъ быть приравнено къ территоріальной власти государства. Оно проявлялось въ томъ, что всѣ покинутые, запустѣвшіе участки переходили во владѣніе общины и общины распоряжались ими на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и угодьями альменды. По тому же началу высшій поземельной власти общины, въ основѣ общиннаго единенія, въ основѣ общинныхъ обязанностей и правъ отдѣльныхъ лицъ лежало владѣніе участкомъ земли, принадлежавшимъ къ общинной территоріи. По тому же началу къ отбыванію тягла, на ряду съ крестьянами, привлекались также и лица привиллигированныхъ сословій, дворянства и духовенства, разъ они пріобрѣтали участки общинной земли". Сильванскій. Феодализмъ въ Россіи, 1906 г., стр. 50.

1) Онъ пользуется очень неопредѣленнымъ терминомъ: ранній періодъ средневѣковья. См. его Geschichte der N. Oek., 1902 г., стр. 70 и слѣд.

общины, такъ и для внѣшней. Опредѣленіе условій промѣна по рѣшенію общины заступало ихъ мѣсто. Каждому опредѣлялась его доля; обмѣна индивида съ индивидомъ не существовало, и, по крайней мѣрѣ, обмѣнъ для пріобрѣтенія выгоды не допускался, ибо, какъ руководящее начало повсемѣстно въ древне-германское время поддерживался принципъ, что членъ общины долженъ быть равенъ другому, какъ братъ брату."

Фюстель-де-Куланжъ съ полнымъ основаніемъ относится чрезвычайно недовѣрчиво къ этой идиллической картинѣ. „Съ увѣренностью, пишетъ онъ, можемъ мы повторить, что среди оставленныхъ меровингскимъ обществомъ памятниковъ о его соціальномъ строѣ и формахъ землевладѣнія не сохраняется ни одной строки, которая позволяла-бы думать, что въ немъ примѣнялся порядокъ общиннаго землепользованія или сельской общины. Этотъ романъ, введенный въ исторію тридцать лѣтъ назадъ, долженъ быть отвергнутъ, по крайней мѣрѣ, всякимъ, кто согласно съ нами считаетъ исторію наукой" [1]). Онъ ясно и опредѣленно ставитъ задачу своего изслѣдованія, въ которомъ онъ стремится прослѣдить, что произошло съ распредѣленіемъ земли послѣ образованія варварскихъ государствъ.

Судьба этого распредѣленія, по его мнѣнію, могла сложиться трояко. Прежде всего, возможно, что римскія помѣстья исчезли, уступивъ мѣсто мелкимъ владѣніямъ и свободнымъ деревнямъ, если германцы раздѣлили между собой землю поровну, какъ между людьми равными. Возможно также, что побѣдители были организованы по правиламъ военной іерархіи, что каждый начальникъ получалъ крупный кусокъ земли, часть которой онъ затѣмъ роздалъ въ видѣ надѣловъ своимъ товарищамъ, оставшимся сгруппированными вокругъ него и поселившимися на его землѣ. Территорія представляла бы тогда изъ себя подобіе войска: земли ея были-бы распредѣлены нѣкоторымъ образомъ по степенямъ, также какъ войско по лѣстницѣ достоинствъ. Такова дѣйствительно теорія нѣсколькихъ новѣйшихъ ученыхъ. Въ третьихъ, возможно предположить, что послѣ нашествій территорія осталась раздѣленной такимъ-же образомъ, какъ дѣло сложилось до нихъ, съ преобладаніемъ крупнаго помѣстья и рѣдко встрѣчавшейся свободной деревней. Древняя марка (названіе, служившее сначала границей) была въ концѣ концовъ просто однимъ или нѣсколькими помѣстьями.

Фюстель-де-Куланжъ рѣшительно склоняется къ послѣдней точкѣ зрѣнія. По его мнѣнію, „каково было по-

1) См. его „Исторію общественнаго строя древней Франціи", р. п. 1907 г., главнымъ образомъ, т. III-ій.

мѣстье въ четвертомъ вѣкѣ, таково оно было и въ девятомъ. Помѣстье стараго римскаго типа занимаетъ ту же площадь, сохраняетъ тѣ-же границы: оно часто даже сохраняетъ названіе, данное ему прежнимъ римскимъ владѣльцемъ. Оно распадается на двѣ половины, какъ и прежде. Владѣютъ имъ въ силу того-же права собственности, которое не измѣнилось. Аллодъ — это старое помѣстье собственника. Памятники не указываютъ никакой существенной разницы между помѣстьями сѣверной Галліи или Рейнской области и помѣстьями центральной Галліи. Нигдѣ мы не найдемъ, по его мнѣнію, что крестьяне коллективно владѣли какой-нибудь землей. Въ большемъ помѣстьѣ образовались или сохранились иногда нѣсколько участковъ, принадлежавшихъ мелкимъ собственникамъ. Существованіе среди большого помѣстья свободныхъ отъ него участковъ собственности могло зависить отъ разныхъ причинъ. Возможно, что въ то отдаленное время, когда путемъ агломераціи частей въ одно цѣлое слагалось само крупное помѣстье, приходилось уважать неприкосновенность нѣкоторыхъ мелкихъ единицъ, которыя и оказались какъ-бы включенными въ его нѣдра. Могло также происходить, что, какъ естественное слѣдствіе раздѣловъ наслѣдства, крупное помѣстье или его часть распадалась на очень мелкія единицы. Случалось также, что владѣлецъ большого помѣстья продавалъ часть его. Наконецъ, мы видимъ, что владѣлецъ иногда дарилъ кусокъ своей земли слугѣ или другу въ награду за оказанныя услуги. Онъ полагаетъ, что уже въ этотъ періодъ съ 4-го по 10-ый вѣкъ мелкая собственность иногда подчинена нѣкоторымъ повинностямъ, иногда остается независимой: трудно рѣшить, однако, какое изъ этихъ явленій встрѣчается чаще.

Главную-же массу населенія, обрабатывающаго землю, составляютъ рабы, вольноотпущенники и колоны — арендаторы. Однако ни земельная собственность, ни крупное помѣстье, ни власть помѣщика не обнаруживаютъ еще феодальныхъ чертъ. Служба и барщина этихъ лицъ и мелкаго собственника не походятъ еще на будущій феодализмъ; онѣ составляютъ какъ-бы форму, предшествующую ему. Сельская община начинаетъ слагаться уже въ періодъ феодализма.

Фюстель-де-Куланжъ утверждаетъ далѣе, что государственная власть никогда не играла никакой роли въ сложеніи и жизни этого помѣстья. Не меровингскіе короли создали аллодъ; не они образовали виллу. Помѣстье вело свое начало отъ болѣе давняго времени. Оно образовалось само собою и удержалось собственною силою. Сельское общество жило и поддерживалось по инстинкту."

Чрезвычайно любопытно отмѣтить, что и у насъ по вопросу о происхожденіи великорусской общины существуетъ

такое-же противорѣчіе взглядовъ. Покойный проф. Б. Н. Чичеринъ еще въ 1856 г. (ст. „Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи", Русскій Вѣстникъ) высказалъ взгляды, которые весьма близко подходятъ къ исторической теоріи Фюстель-де-Куланжа по отношенію къ Западной Европѣ. По его мнѣнію, появленіе князей разрушило первоначально существовавшую у русскихъ славянъ родовую или патріархальную собственность. Князья и дружинники пріобрѣтаютъ всѣ права верховной поземельной собственности. Родовая община обращается во владѣльческую, съ людьми, сидѣвшими на владѣльческой землѣ и несущими опредѣленное тягло въ пользу князя. Поселенцы не составляли многолюдныхъ селъ, и общинной единицей было не село, а волость. Земля не была совокупнымъ достояніемъ общины, а раздѣлялась на отдѣльные участки, переходъ которыхъ по наслѣдству, отдача въ наёмъ, продажа — совершались внѣ всякаго участія общины. При свободномъ переходѣ крестьянъ составъ общины постоянно мѣнялся. и на нее могъ входить всякій, кто покупалъ землю или селился на ней съ разрѣшенія владѣльца. Впослѣдствіи, измѣнившіяся условія государственной жизни, необходимость созданія прочной военной организаціи привели къ прикрѣпленію сословій: правительственная власть уничтожила свободу перехода и прикрѣпила крестьянъ къ землѣ. Ко времени Петра В. число свободныхъ крестьянъ было уже немногочисленно. Подъ дѣйствіемъ чисто владѣльческаго интереса создалась крѣпостная община: среди свободныхъ государственныхъ крестьянъ введеніе подушной подати создало такое-же общее владѣніе землею, какъ и у крѣпостныхъ. Въ періодъ этого процесса въ Россіи начали исчезать прежде раздробленныя поселенія и образовываться большія села.

Горячимъ противникомъ этого взгляда былъ всю свою жизнь извѣстный московскій проф. Бѣляевъ[1]). По его мнѣнію, князья явились вовсе не завоевателями, а были призваны общинами по договору и застали въ Россіи уже не родовую, а договорную общину, съ свободнымъ владѣніемъ землею. Князья довольствовались уступленными имъ волостями и селами, селили тамъ своихъ рабовъ или пришлыхъ людей, заводили свое хозяйство, строили города. Не ранѣе какъ съ XI вѣка они стали отдавать свою землю и дружинникамъ, но только на помѣстномъ правѣ. т. е., не въ собственность, а какъ временное вознагражденіе за службу. Община,

1) См. его статью въ Русской Бесѣдѣ за 1856-ой годъ; также трудъ: „Крестьяне на Руси." Современные русскіе историки совершенно отказались отъ идеи Бѣляева объ исконности передѣловъ. Передѣлы появились подъ помѣщичьимъ и правительственнымъ или тягловымъ вліяніемъ въ Россіи не ранѣе 15—16-го вѣка.

которая, по мнѣнію Бѣляева, лежитъ въ самомъ духѣ русскаго народа, распоряжалась землею на такихъ-же началахъ, какъ мы описали выше, въ Германіи, со словъ Гирке. Крестьяне не могли и продавать своей земли; уходя изъ одной общины, они свободно вступали въ другую. Ни крѣпостное право, ни подушная подать не установили въ Россіи общины: она лежала въ основѣ всего русскаго народнаго быта.

Первоначально существованіе общины казалось даже основной чертой русской народности; впослѣдствіи сравнительно-историческія изслѣдованія подмѣтили ея существованіе у всѣхъ народовъ: и вплоть до настоящаго времени кипитъ споръ о томъ, предшествовала-ли община частной собственности или-же была одной изъ вторичныхъ формъ владѣнія, которыя узнало человѣчество, когда ему пришлось постигнуть, что только ограниченнымъ количествомъ территоріи оно обладаетъ для своихъ потребностей. Другими словами, еще и теперь историки спорятъ, началась-ли исторія съ частнаго владѣнія господствующаго класса или-же съ трудового землевладѣнія свободнаго крестьянства. Несомнѣнно, однако, что процессъ такъ называемой феодализаціи совершился во всемъ извѣстномъ намъ европейскомъ мірѣ, какъ въ Западной Европѣ, такъ и у насъ. Я обращу вниманіе на развитіе этого процесса только въ Западной Европѣ. Современные русскіе историки все болѣе и болѣе склоняются къ мысли, что и у насъ, въ Россіи, процессъ феодализаціи былъ по существу однохарактеренъ съ западнымъ.

Когда-же создался феодализмъ и, наконецъ, въ его предѣлахъ свободная городская жизнь? Что-же такое феодализмъ? Одинъ изъ французскихъ ученыхъ г. Флакъ (см. Les origines de l'ancienne France, т. I, стр. 381), не отличая начальной и конечной стадіи развитія этого явленія, говоритъ, что „феодализмъ есть узурпація верховной власти земельной собственностью“. Собственники земли захватили или присвоили себѣ власть и выгоды верховенства: право призывать на военную службу, защиту и сохраненіе порядка на своей землѣ, право суда, обложенія, труда и повинностей въ свою пользу. Теоретически — король былъ верховнымъ сюзереномъ — собственникомъ всей земли, а всѣ наслѣдственные владѣльцы ея долей — вассалы — были отъ крупнаго и до мелкаго градаціей единой власти. Въ реальной дѣйствительности феодальное общество представляло безконечное раздробленіе властей, и только относительная сила отдѣльныхъ носителей этой власти поддерживала равновѣсіе въ то или другое время и на томъ или другомъ мѣстѣ. Вассалы перебѣгали отъ одного сюзерена къ другому, и мечъ рѣшалъ, куда было выгоднѣе примкнуть.

Съ какого вѣка наступилъ въ Европѣ процессъ фео-

дализаціи, является вопросомъ очень спорнымъ. Обыкновенно родоначальникомъ этой системы считаютъ Карла Мартелла, но въ своеобразное жизненное цѣлое ее будто-бы обратилъ Карлъ Великій, коронованный въ 800 г. папой Львомъ III въ императоры священной римской имперіи. Безъ сомнѣнія, даты эти не имѣютъ существеннаго значенія. Феодализмъ сложился въ 10 и 11 вѣкѣ. Это была новая, военная, рыцарская организація Европейскаго міра[1]).

Согласно Фюстель-де-Куланжу, Флаку, Левассеру и многимъ другимъ писателямъ, уже до 10-го вѣка многія крупныя помѣстья обратились въ населенные центры, въ которыхъ скопились люди, принадлежавшіе господину или искавшіе его защиты. Изъ этихъ скопленій образовались первыя деревни и города. Чтобы защитить и себя, и своихъ, сеньоры окружили свои виллы рвами и стѣнами, построили себѣ новые замки въ мѣстахъ, гдѣ сама природа создавала удобство для защиты отъ всякаго рода нападеній: среди тогдашнихъ условій жизни, мечъ, сила были главнымъ творцомъ человѣческихъ отношеній. Въ этомъ замкѣ жилъ будущій феодалъ; въ постройкахъ, близь своего замка, онъ хранилъ припасы, въ другихъ жили его слуги и соратники, которыхъ онъ держалъ вооруженными. Онъ былъ рыцаремъ, они его навсегда вооруженными слугами, которые мало-помалу стали составлять нѣкоторую основную группу постояннаго войска, смѣнившую постоянную милицію прежде свободныхъ людей.

Милиція всѣхъ свободныхъ людей не удовлетворяла безопасности тогдашняго общества. Необходимо было создать постоянный кадръ вооруженныхъ людей. На основаніи капитулярія Карла Великаго 807 г. три гуфы или мансы должны были поставить вооруженнаго человѣка; въ 812 г. это число было доведено до 4-хъ. При Генрихѣ I, когда произошло преобразованіе пѣхоты въ конницу, сначала 10, а потомъ 12 гуфъ должны были поставить одного вооруженнаго всадника.

Подъ защитой рыцаря и его вооруженной свиты начала слагаться новая жизнь. Подобная-же группировка населенія совершалась и около монастырей, и въ мѣстахъ жительства епископа. Вокругъ замка свѣтскаго рыцаря или представителей духовной власти можно было жить спокойнѣе. У ихъ замка обыкновенно былъ рынокъ, гдѣ можно было продавать продукты подъ защитой валовъ и рвовъ, окру-

1) См. Онкенъ. „Исторія политич. экон.“, нѣм. изд. стр. 93 и слѣд.; очень краткую, но прекрасную характеристику возникновенія феодализма — у Левассера: Histoire des classes ouvrières, т. I, Paris, 1900 г., стр. 150 и слѣд.

жавшихъ его замокъ; окрестное крестьянское населеніе могло укрыться въ замокъ отъ нападенія. Феодальные аббаты, герцоги и бароны старались пріобрѣсти расположеніе окружавшей ихъ крестьянской массы. Они цѣнили земли гораздо больше по населенію. Чѣмъ послѣднее было обширнѣе, тѣмъ власть ихъ была обезпеченнѣе, тѣмъ, при меньшихъ даже поборахъ, они вѣрнѣе могли сдѣлаться сильнѣе и богаче. Окрестное населеніе охотно, какъ говорили тогда, „коммендировало" себя или признавало верховную власть этихъ феодаловъ, принимая на себя обязанность по его требованію поставлять солдатъ, а также въ обыкновенное время обработывать землю феодала, а съ занятой подъ собственную обработку платить опредѣленную долю и выполнять повинности. „Условія съ обѣихъ сторонъ, говоритъ Кённнгэмъ[1]), точно опредѣлились: феодалъ могъ разсчитывать на помощь опредѣленнаго рода — въ деньгахъ, въ вооруженныхъ людяхъ, въ припасахъ; крѣпостной могъ положиться на защиту феодала отъ обидъ другихъ людей. Это былъ *договоръ*." На такихъ-же началахъ свободные люди передавали свои земли и монастырямъ, желая пріобрѣсти себѣ всѣ тѣ выгоды, которыя проистекали изъ привиллегій церковныхъ земель. Такимъ образомъ, по первоначальной идеѣ феодализма — это было учрежденіе, въ которомъ обязанности обѣихъ сторонъ были обоюдны. Право собственности на землю концентрировалось въ рукахъ правящаго, военнаго класса, но воинъ — помѣщикъ былъ не только *крупнымъ* собственникомъ, но и патрономъ — покровителемъ своего *мелкаго* владѣльца-крестьянина; этотъ послѣдній — не только владѣльцемъ чужой земли, но и кліентомъ того, кому принадлежала земля. Отъ феодала онъ могъ, въ случаѣ надобности, получить помощь, въ годъ неурожая или грабежа, получить орудія обработки и сѣмена для посѣва и т. п. По мнѣнію тѣхъ писателей, которые исходнымъ моментомъ Европейской исторіи считаютъ свободную общину, подъ давленіемъ политическихъ и экономическихъ потребностей, на ея мѣсто сталъ принципъ господства феодала, какъ воина-защитника, судьи, организатора своего хозяйства и распорядителя въ общинѣ. По взглядамъ писателей, сходныхъ по идеямъ съ Фюстель-де-Куланжемъ, агломерація населенія подъ защитой феодала-помѣщика и привела къ образованію тѣхъ населенныхъ мѣстъ, гдѣ образовалась община, и эта послѣдняя — непосредственный результатъ завершившагося закрѣпощенія населенія, которое не имѣло значительнаго количества свободной земли. Упла-

---

1) См. его; Growth of English Industry and Commerce, томъ I, изд. 1885, стр. 87, 93.

чивая равныя повинности, это населеніе, соотвѣственно, и стало равномѣрно распредѣлять землю.

„Всѣ порядки зависимаго владѣнія, говоритъ Ковалевскій, возникшіе въ феодальную эпоху, имѣли своимъ несомнѣннымъ источникомъ, какъ экономическія, такъ и политическія причины: 1) для крестьянъ — необходимость защиты и покровительства столько же, сколько и нужда въ сельско-хозяйственномъ капиталѣ; 2) для помѣщиковъ — потребность въ ратникахъ и бойцахъ столько же, столько и въ земледѣльцахъ. Уже то обстоятельство, что, за исключеніемъ одной Кастиліи, да еще южной части Аррагона, всѣ государства Европы въ теченіе ряда столѣтій придерживались однихъ и тѣхъ-же землевладѣльческихъ порядковъ, и что всюду основу этихъ порядковъ составляло совладѣніе крестьянъ съ помѣщиками, устраняетъ мысль о возможности ихъ искусственнаго созданія и заставляетъ видѣть въ нихъ нѣчто самопроизвольно развившееся и въ свое время вполнѣ отвѣчавшее интересамъ обоихъ участниковъ — собственниковъ и владѣльцевъ. Этотъ интересъ, повторяю, не былъ чисто экономическимъ ни съ той, ни съ другой стороны: иначе, трудно было бы понять, почему крестьянинъ не предпочиталъ чинншу свободную заимку въ никѣмъ не воздѣлываемой пустоши, а помѣщикъ считалъ возможнымъ въ теченіе вѣковъ, несмотря на удвоившееся населеніе, довольствоваться платежомъ неизмѣнной въ размѣрѣ ренты. Дѣло въ томъ, что рядомъ съ экономической зависимостью, между собственниками и земледѣльцами существовала еще зависимость личная. Постоянный обмѣнъ личныхъ услугъ, военной и судебной защиты со стороны правящихъ, барщины, натуральныхъ и денежныхъ платежей со стороны управляемыхъ, придалъ постепенно характеръ добровольнаго договора, обоюдно выгоднаго соглашенія тому, что на первыхъ порахъ являлось, и, далеко, впрочемъ, не всегда, было — продуктомъ грубаго насилія. Самый фактъ существованія „коммендаціи“ — этой добровольной уступки собственной земли и собственной личности могущественному сосѣду, въ надеждѣ добиться этимъ путемъ то содержанія въ моментъ нужды, то надѣленія рабочимъ инвентаремъ, то просто на просто защиты отъ насилія, уже свидѣтельствуетъ о томъ, что въ низшихъ слояхъ европейскаго общества чувствовалась потребность въ созданіи того военно-оборонительнаго союза, какимъ Огюстъ Контъ справедливо считаетъ феодальную систему, и что эта потребность вызывалась всѣмъ складомъ тогдашней жизни: непрочностью внутренняго міра, возможностью частаго повторенія родовыхъ и народныхъ усобицъ, слабостью государственной власти, характеризующимъ натуральное хозяйство недостаткомъ капитала и лег-

костью, съ какою, благодаря этому, человѣкъ отъ зажиточности могъ перейти къ нищетѣ; наконецъ, слабой оцѣнкой преимуществъ личной независимости, которая въ плохо замиренномъ обществѣ, разумѣется, уступаетъ потребности въ патронатѣ и заставляетъ свободнаго, но оторваннаго отъ другихъ человѣка добровольно переходить въ положеніе полу-свободнаго кліента-серва или — mainmortable".

По справедливому замѣчанію М. Ковалевскаго [1]), „изъ двухъ элементовъ, изъ которыхъ слагается феодальная зависимость, имущественнаго и личнаго, отнимите послѣдній, и весь строй феодальнаго хозяйства и феодальныхъ отношеній между классами необходимо явится нарушеннымъ. Сеньоръ выродится въ земельнаго монополиста, крестьянинъ въ худшаго изъ арендаторовъ." Я не имѣю возможности останавливаться на культурно-историческомъ значеніи феодальной эпохи, отмѣчу только нѣкоторые экономическіе результаты. Первые вѣка послѣ переселенія народовъ прошли въ бурной и мучительной борьбѣ за установленіе новаго церковнаго и гражданскаго порядка, за обезпеченіе его отъ посягательствъ кочующихъ варваровъ. Съ момента окончательнаго установленія феодализма населеніе осѣло на землѣ, обработало и разработало обширныя территоріи. Несомнѣнно, что европейское земледѣліе начало развиваться подъ вліяніемъ римскаго земледѣлія. Въ монастыряхъ и помѣстьяхъ франкской эпохи сохранились традиціи римскаго земледѣлія, но за долгій періодъ средневѣковья оно не могло достигнуть той высоты, на которой стояло въ Римѣ. Оно рѣшительно пошло назадъ къ элементарнымъ пріемамъ обработки и къ воздѣлыванію, главнымъ образомъ, хлѣбныхъ растеній, среди которыхъ, повидимому, германцы принесли въ Европу только одно новое растеніе — рожь.

При феодальномъ строѣ потребности отдѣльнаго хозяйства, въ особенности, самого феодала, уже по общему правилу удовлетворяются не только самостоятельно, своими рабами, дворовыми и крѣпостными, но и на счетъ продуктовъ другихъ хозяйствъ. Феодалы стремятся подчинить своей власти возможно большее число общинъ и обложить ихъ всякими поборами. Ихъ доходъ значительно возрастаетъ; избытки продукта идутъ на содержаніе многочисленнаго штата челяди и на общее усовершенствованіе культурныхъ привычекъ жизни. Въ замкѣ же феодала впервые начинаетъ развиваться и обрабатывающая промышленность: вначалѣ у него работаютъ его рабы и крѣпостные, впослѣд-

---

1) См.: „Происхожденіе современной демократіи", т. I. перв. изд., стр. 65. Mainmortable т. е. лицо, послѣ смерти котораго наслѣдуетъ помѣщикъ-феодалъ.

ствіи освобожденные подъ условіемъ приходить для выполненія разныхъ работъ на барскій дворъ. Наконецъ, при разложеніи общиннаго быта, и въ предѣлахъ общины появляются представители обрабатывающей промышленности, которые работаютъ или у себя на дому, или переходятъ изъ дома въ домъ для выполненія разныхъ работъ. Во всякомъ случаѣ, въ этотъ долгій періодъ и эта отрасль промышленности дѣлаетъ нѣкоторые успѣхи. Раздѣленіе труда увеличивается, техника значительно улучшается.

Характеризуя феодальную эпоху Левассеръ пишетъ: „Обособленіе и неподвижность были двумя характерными особенностями этой эпохи. Каждый, такъ сказать, жилъ у себя и для себя. Торговыя сношенія, не смотря на всѣ происшедшія перемѣны, были мало развиты, ибо дороги не были безопасны: населеніе находило возможность удовлетворять свои ограниченныя потребности со своихъ собственныхъ полей или собственнымъ трудомъ. Обмѣнъ, въ особенности обмѣнъ на деньги, совершался рѣдко. Большія ярмарки были очень рѣдки: на обыкновенные базары, также не особенно многочисленные, продукты привозились только изъ ближайшихъ окрестностей. Но передвиженіе населенія уже совершалось. На дорогахъ можно было встрѣтить много пилигримовъ, торговцевъ, нищихъ. Рабы бѣжали отъ своихъ притѣснителей и селились въ какой-нибудь деревнѣ или у рынка, созданнаго какимъ-либо феодаломъ. Епископы посѣщали свои приходы или отправлялись въ Римъ по своимъ дѣламъ; монахи бродили изъ монастыря въ монастырь. Сеньоры встрѣчались на праздникахъ, въ особенности на турнирахъ: вассалы призывались ко двору своего сюзерена, и ихъ сыновья часто пребывали при немъ въ качествѣ пажей“ . . .

Въ небольшомъ, но интересномъ сочиненіи Гиббинса „Промышленная исторія Англіи“ можно найти краткое, но вѣрное описаніе положенія средневѣковой Европы. Гиббинсъ пишетъ: „Центромъ имѣнія была усадьба, замокъ или такъ называемый маноръ-гаузъ владѣльца. Онъ былъ прочно построенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ камерой, гдѣ отправлялъ свои судебныя обязанности мѣстный феодалъ — лордъ. Если онъ не жилъ въ имѣніи, то въ маноръ-гаузѣ проживалъ его староста, а самъ онъ только пріѣзжалъ разъ или два въ годъ, чтобы производить судъ или расправу. Близъ маноръ-гауза обыкновенно находилась церковь, часто большаго размѣра, чѣмъ требовало населеніе деревни, потому что средняя ея часть служила мѣстомъ сборища для жителей и даже рынкомъ. По близости отъ усадьбы былъ также домъ священника. Кромѣ этихъ двухъ главныхъ построекъ на берегу рѣки, если такая протекала возлѣ селенія, была

мельница. Дома у поселянъ были расположены по обѣимъ сторонамъ деревенской улицы или дороги, обыкновенно проходившей по берегу рѣки. Это были самыя жалкія и грязныя хижины, рѣдко изъ камня; кирпичъ вошелъ въ употребленіе въ 15 вѣкѣ, — а гораздо чаще изъ деревянныхъ столбовъ, съ забитой между ними глиною, съ чердакомъ изъ жердей, куда влѣзали по приставной лѣстницѣ. Домашняя обстановка и утварь были самыя грубыя и по большей части своего издѣлія. Трубъ, а равно и оконъ не существовало въ то время, за исключеніемъ маноръ-гауза; вмѣсто пола была голая земля. Близъ наружной двери лежала куча навоза и всякихъ отбросовъ, благодаря чему деревенская улица имѣла крайне безобразный видъ и была наполнена зловоніемъ.“ Поля были расположены по схемѣ указанной при характеристикѣ общины.

Кто знаетъ нашу великорусскую общинную деревню, тотъ найдетъ въ этой средневѣковой картинѣ много общаго, если возлѣ села не найдется новаго явленія — фабрики или кустарной мастерской . . .

b) Исторія развитія городского хозяйства особенно интересна потому, что въ предѣлахъ городской черты впервые произошло обособленіе торговли и промышленности отъ земледѣлія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возникла совершенно новая свободная жизнь.

Въ одной изъ интересныхъ главъ „Богатства Народовъ“, въ которой А. Смитъ[1]) дѣлаетъ попытку объяснить, какую громадную роль играло развитіе городовъ въ исторіи экономической жизни, можно найти такую характеристику городской жизни: „города населены были, главнымъ образомъ, ремесленниками и мастеровыми, состоявшими, какъ кажется, въ рабской зависимости или въ состояніи, весьма близкомъ къ рабству. Привиллегіи, предоставленныя жителямъ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ европейскихъ городовъ, встрѣчающіяся въ древнихъ хартіяхъ, даютъ ясное понятіе, въ какомъ положеніи они находились до полученія этихъ хартій.

---

1) См. Богатство Народовъ, р. п., т. II, книга III, гл. 3-я, стр. 193. По мнѣнію А. Смита, развитіе и богатство городовъ содѣйствовали успѣхамъ и воздѣлыванію земель, среди которыхъ они были расположены, тремя путями: 1) представляя собой обширный и близкій рынокъ для сырыхъ произведеній, они поощряли земледѣліе и способствовали улучшенію земель; 2) богатства, пріобрѣтенныя городскими жителями, часто употреблялись на покупку свободныхъ земель, которыя, въ противномъ случаѣ, остались бы невоздѣланными; 3) торговля и промышленность способствовали введенію правильнаго правительства и порядка, а съ ними свободы и личной безопасности въ деревенскомъ населеніи, находившемся въ постоянной почти войнѣ съ сосѣдями и въ рабской зависимости отъ владѣльцевъ. Смитъ правъ. Всѣ блага индивидуалистической системы и правъ личности были подготовлены въ городахъ.

Люди, которымъ предоставляется, какъ привиллегія, право отдавать замужъ своихъ дочерей безъ согласія господина, оставлять по смерти имущество своимъ дѣтямъ, а не господину и располагать своею собственностью посредствомъ завѣщанія, должны быть весьма близки къ состоянію рабства, въ которомъ были крестьяне". Въ настоящее время исторія городовъ уже лучше изучена: мы имѣемъ множество трудовъ, которые позволяютъ судить съ большей правильностью о томъ, какъ развивалась жизнь городовъ. Правда, и до сихъ поръ многое остается неяснымъ; мы знаемъ, что исторія эта была чрезвычайно разнообразна не только въ разныхъ государствахъ, но и на разныхъ мѣстахъ одной и той же страны, но все же мы уже болѣе вѣрно можемъ подраздѣлить исторію городовъ на эпохи.

Обыкновенно различаютъ три періода въ исторіи городовъ: первый періодъ съ 900 г. по 1100, когда города носили совершенно аграрно-феодальный характеръ: это были защищенные мѣста, куда въ минуту опасности стекалось окрестное населеніе. Второй періодъ длится съ 1100 г. по 13-ый вѣкъ, когда постепенно города начинаютъ завоевывать себѣ право на самоуправленіе, когда создаются городскія общины, въ которыхъ первоначально получаютъ главенство торговыя гильдіи, а со второй половины 13-го вѣка это главенство мало по малу переходитъ въ руки ремесленныхъ цеховъ. Третій періодъ начинается съ 13-го вѣка и длится по 15-ый. Въ это время ремесленные цехи достигаютъ высшей стадіи своего развитія и политическаго могущества. Съ 15-го вѣка мало по малу изъ демократической организаціи мелкихъ ремесленныхъ хозяйствъ цехи обращаются въ буржуазныя соединенія представителей обрабатывающей промышленности и торговли, въ предѣлахъ которыхъ начинается борьба между трудомъ и капиталомъ. Съ 15-го же вѣка начинается процессъ исчезновенія феодальнаго раздробленія и образованіе территоріальныхъ государствъ: старая городская жизнь принимаетъ совершенно иной характеръ. Я намѣчаю эти періоды нѣсколько грубо. Въ разныхъ странахъ эти періоды не вполнѣ совпадаютъ. Въ Италіи и Франціи процессъ образованія городскихъ общинъ начинается ранѣе, въ Германіи и Англіи нѣсколько позднѣе. Не мало спорныхъ вопросовъ вызываютъ и моменты образованія городскихъ общинъ, торговыхъ гильдій и ремесленныхъ цеховъ. При краткомъ историческомъ обзорѣ, однако, неизбѣжно приходится опускать всѣ иногда даже очень поучительныя и важныя особенности.

Теперь почти съ несомнѣнностью установлено, что какъ старые, такъ и новые города въ первомъ вѣкѣ послѣ переселенія народовъ потеряли свое римское устройство. Многіе

старые города были окончательно разрушены: хотя нѣкоторые изъ нихъ и продолжали существовать, но старыя муниципальныя учрежденія погибли. Только епископъ вновь сложившейся христіанской церкви, жившій согласно тогдашнимъ постановленіямъ непремѣнно въ городѣ, являлся хранителемъ старыхъ традицій и защитникомъ городскаго населенія; скоро, однако, и его положеніе коренными образомъ видоизмѣнилось. Процессъ феодализаціи вполнѣ поглотилъ старыя городскія вольности. Дѣло шло, слѣдовательно, не о возсозданіи утраченнаго стараго строя, а о выработкѣ новыхъ формъ жизни.

Въ первый періодъ своей жизни населеніе городовъ вовсе не состояло изъ однихъ ремесленниковъ и мастеровъ, какъ думалъ Смитъ. Всѣ четыре обычные класса населенія феодальной эпохи жили въ нихъ рядомъ. Въ городѣ почти всегда былъ сеньоръ, которому онъ принадлежалъ: нерѣдко даже два или нѣсколько сеньоровъ-свѣтскихъ и духовныхъ: вокругъ нихъ группировалось населеніе, состоявшее изъ рабовъ, крѣпостныхъ, вольноотпущенниковъ, свободныхъ людей. Города имѣли земледѣльческій характеръ и, по существу, мало отличались отъ деревень тогдашней эпохи. Разложеніе Имперіи Карла Великаго вновь сдѣлало небезопасной жизнь въ Европѣ, какъ извнѣ, такъ и въ предѣлахъ племенныхъ подраздѣленій. Во всемъ европейскомъ мірѣ вновь начинается забота о созданіи укрѣпленныхъ центровъ для обороны и защиты окрестнаго населенія или даже для обезпеченія наступленія при поступательномъ движеніи даннаго племени по территоріи. Въ теченіи всего десятаго вѣка шла энергичная постройка этихъ укрѣпленій. Духовенство, а потомъ и свѣтскіе феодалы стараются создать во многихъ изъ этихъ укрѣпленныхъ мѣстъ, какъ бы особыя „убѣжища", защищенныя авторитетомъ религіознаго владыки или властью могущественнаго покровителя отъ посягательствъ со стороны. Съ начала 11-го вѣка и позднѣе, съ момента крестовыхъ походовъ, въ жизни городовъ начинаются крупныя перемѣны, что отчасти зависитъ отъ видоизмѣненія условій жизни въ деревнѣ. До 11-го вѣка хартіи объ освобожденіи рабовъ и крѣпостныхъ чрезвычайно рѣдки: съ 12-го вѣка число ихъ значительно увеличивается: освобожденіе иногда распространяется на цѣлыя семьи, иногда на деревни, въ особенности же на людей, сбѣжавшихъ отъ своего стараго сеньора и поселившихся въ городѣ подъ защитой другого для занятія торговлей или какимъ нибудь промысломъ. Въ деревнѣ мало по малу, подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ собственныхъ интересовъ феодаловъ, рабское держаніе, отдававшее личность въ полный произволъ помѣщика, замѣняется цензивой, т. е., опредѣленными платежами съ большей свобо-

дой личности и отпускомъ изъ деревни на оброкъ, скажемъ, употребляя обычный терминъ русской жизни. Правда, эта свобода была не велика по нашимъ взглядамъ, но она давала право — самостоятельно жениться, наслѣдовать свое имущество, завѣщать, продавать и покупать, селиться въ городѣ, уплачивая оброкъ. Города пополнялись этимъ пришлымъ населеніемъ. Въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ удобныхъ условій въ этихъ новыхъ городахъ населеніе начинаетъ специализироваться на разныхъ промыслахъ. Подъ вліяніемъ крестовыхъ походовъ обмѣнъ принимаетъ болѣе оживленный характеръ. Въ прежнихъ укрѣпленныхъ центрахъ образовываются рынки; разбогатѣвшее купечество мало по малу выхлапатываетъ себѣ всяческія торговыя привиллегіи, конечно, за особыя платежи феодаламъ: и свѣтскому, и духовному феодалу очень выгодно имѣть такой городъ съ рынкомъ и рабочимъ населеніемъ.

Скоро, однако, самою силою историческаго процесса городской строй долженъ обнаружить стремленіе къ отрицанію феодализма. Власть при феодализмѣ находила опору въ землевладѣніи, въ нарождающемся городскомъ строѣ — на капиталѣ, на волѣ организованной общины или на власти какого либо владыки, опирающагося на интересы движимаго богатства. Правда, сравнительно не на долго, но городъ на нѣсколько вѣковъ сдѣлался какъ бы особымъ государствомъ-островомъ среди феодальнаго моря. Во многихъ торговыхъ городахъ купцы, повидимому, прежде всего начинаютъ соединяться въ разныя союзы — гильдіи для взаимной защиты своихъ интересовъ. Быть можетъ, эти гильдіи долго остаются своего рода тайными соединеніями и потому явно обнаруживаютъ свое вліяніе только позднѣе.

Исторически, является въ высшей степени спорнымъ вопросомъ, что послужило основой городской жизни, ея свободы и промышленности, образованіе ли общинъ съ ихъ самоуправленіемъ, образованіе ли торговыхъ гильдій, а затѣмъ, по ихъ образцу, и ремесленныхъ цеховъ? Одинъ изъ первыхъ замѣчательныхъ изслѣдователей исторіи происхожденія третьяго сословія Огюстенъ Тьерри пишетъ[1]: „Движеніе, которое повело къ возникновенію и распространенію республиканскихъ (вѣрнѣе муниципальныхъ) организацій, скоро проникло въ Галлію (т. е., Францію) черезъ Альпы и съ моря. Съ самаго начала 12-го вѣка новая форма муници-

1) См. его Исторію происхожденія и успѣховъ третьяго сословія, р. пер., Москва, 1899, стр. 58; для всего нижеслѣдующаго см. главн. образ. сочиненія, отмѣченныя выше: Гирке, Левассера и Инама Стернеггъ (т. III.), v. Below. Die Entstehung des Handwerks in Deutschland въ Zeitsch. für Sozial- und Wirtsch. Gesch., 1897 г.; также общедоступный очеркъ г. Дживелегова: Средневѣковые города въ Западной Европѣ, Спб. 1902 г.

пальнаго управленія, консулатъ, появляется послѣдовательно въ тѣхъ городахъ, которые стояли въ наиболѣе живыхъ, торговыхъ сношеніяхъ съ итальянскими общинами, или всего ближе были къ нимъ по своимъ правамъ, по своему матеріальному состоянію и по всѣмъ условіямъ гражданской и политической жизни. Изъ болѣе крупныхъ городовъ, гдѣ установился консульскій строй, вслѣдствіе или насильственнаго переворота, или по доброму соглашенію между гражданами и сеньоромъ, новый строй распространился на города менѣе значительные. Движеніе это охватило южную треть нынѣшней Франціи, между тѣмъ какъ въ другой территоріальной полосѣ, на сѣверѣ и въ центрѣ страны, то же самое направленіе умовъ, тѣ же соціальныя причины создавали совершенно иные результаты. На другомъ краю территоріи, въ мѣстностяхъ, которыхъ не могло достигнуть итальянское вліяніе, возникъ второй типъ городского устройства, столь же полный жизни, не менѣе совершенный, чѣмъ первый — коммуна на присягѣ, присяжная община; онъ выросъ самъ собой вслѣдствіе приложенія къ муниципальному управленію одного вида ассоціаціи, практика котораго вела свое начало отъ германскихъ обычаевъ. Это свободная община, отвѣчавшая общественному характеру, культурному уровню и смѣшаннымъ традиціямъ городовъ, распространилась съ сѣвера на югъ въ то самое время, какъ консульское устройство двигалось съ юга на сѣверъ. Тамъ и здѣсь, не смотря на различія въ пріемахъ дѣйствій и въ результатахъ, сказался одинъ и тотъ же живой духъ дѣятельности, гражданскаго самоотверженія и вдохновеннаго творчества. Обѣ главныя формы городского устройства — присяжная коммуна и городъ, управляемый консулами, одинаково опирались въ принципѣ на возстаніи, выразившемся болѣе или менѣе рѣзко или сдержанно, а цѣлью оно себѣ ставило равенство правъ и возстановленіе чести труда“. Какъ я уже сказалъ, въ 11-мъ вѣкѣ появляются коммуны или городскія общины, въ 11-мъ же вѣкѣ создались первыя хартіи торговыхъ гильдій и ремеслъ. Историки спорятъ о томъ, что появилось впервые — общины или эти промышленныя соединенія, и какимъ образомъ создались эти новыя условія жизни для европейскаго міра. Одни утверждаютъ (напр. Левассеръ), что на сѣверѣ Франціи впервые появились общины, отчасти подъ вліяніемъ старыхъ германскихъ учрежденій, частью, благодаря необходимости защищаться отъ общихъ враговъ, въ особенности, нормандскихъ пиратовъ, частью по личной инниціативѣ самого населенія и, въ особенности купцовъ, которые создали особыя тайныя общества для взаимной защиты. Другіе полагаютъ, что въ главной массѣ крѣпостного населенія первый толчокъ къ возникновенію

общинъ дали тайные клятвенные союзы торговцевъ, а потомъ и ремесленниковъ. Третьи полагаютъ, что общины выросли изъ союзовъ ремесленниковъ, а послѣдніе представляли собой первоначально группировку рабовъ и крѣпостныхъ работавшихъ подъ началомъ управляющаго (ministerialis) феодала; четвертые пытаются доказать, что средневѣковые цехи выросли изъ древнеримскихъ коллегій (collegia). Эта послѣдняя гипотеза теперь, впрочемъ, считается окончательно отвергнутой. Въ новѣйшее время, фонъ Беловъ старается доказать, что городскія общины и ремесленные цехи выросли не изъ союзовъ промышленныхъ рабочихъ феодала, а на ряду съ ними. Онъ отвергаетъ также историческую связь между промышленными цехами городовъ и ихъ предшественниками-торговыми гильдіями: проф. Оннкенъ утверждаетъ, будто всѣ почти согласны въ томъ, что торговыя гильдіи возникли ранѣе ремесленныхъ цеховъ и послужили первой основой для завоеванія городской свободы.

Беловъ полагаетъ, что, желая позитивно выяснить причины возникновенія цеховъ, мы должны имѣть въ виду живое стремленіе къ объединенію, сказавшееся въ средніе вѣка, и, наконецъ, своекорыстное стремленіе людей, устроившихся въ городѣ, не допускать никакихъ новыхъ конкурентовъ. Когда государственная власть была безсильна, когда феодальный патронатъ сталъ игомъ, единственное спасеніе можно было найдти въ товарищеской организаціи для взаимопомощи. Мнѣ кажется, что эта новая гипотеза имѣетъ много вѣроятія. Несомнѣнно, что уже съ 11-го вѣка въ городахъ скопилось много свободныхъ людей; о союзахъ ремесленниковъ въ Германіи мы имѣемъ свѣдѣнія уже въ 11-омъ вѣкѣ; городскія же общины складываются здѣсь только во второй половинѣ 12-го вѣка. Впрочемъ, въ разныхъ странахъ и мѣстахъ этотъ процессъ развитія былъ, вѣроятно, весьма разнообразенъ.

Это образованіе общинъ, гильдій и ремесленныхъ цеховъ, какъ бы оно ни совершалось, не уничтожило, однако, феодальнаго раздробленія территоріи, но оно создало совершенно новую жизнь въ городахъ и въ окружавшей ихъ деревенской мѣстности [1]). Этотъ процессъ образованія городской жизни далеко не всегда былъ процессомъ мирнымъ; онъ совершался, какъ цѣлый рядъ возстаній въ городахъ, которые нерѣдко повторялись по многу разъ, прежде чѣмъ достигали успѣха. Много крови горожанъ было пролито. Въ этой борьбѣ городская буржуазія не всегда была одинока: на югѣ, въ Италіи, ей помогала и городская аристократія.

1) Краткія указанія относительно исторіи городского устройства и управленія см. Дживилеговъ, указанное выше сочиненіе, глава II-я; въ немъ же отмѣчена и главнѣйшая литература.

Вообще эта исторія городской борьбы полна самаго высокаго драматизма и въ разныхъ странахъ протекала очень своеобразно.

Очень часто дѣло обходилось сравнительно легко въ эпоху какой либо войны, при нуждѣ сеньора въ деньгахъ даже дешево, и завершалось путемъ заключенія особаго договора съ сеньоромъ, который соглашался дать грамоту городу, подтверждавшую завоеванныя права. Разореніе феодаловъ въ моментъ крестовыхъ походовъ, ихъ крайняя нужда въ деньгахъ послужили очень благопріятной почвой для завоеванія самоуправленія и для созданія новаго строя промышленной жизни [1]).

Городъ, получившій хартію, обыкновенно обязывался за коллективной отвѣтственностью совершать опредѣленные платежи феодалу или королю, отъ зависимости которыхъ онъ тѣмъ самымъ освобождался. Этотъ платежъ разлагался на всѣхъ жителей; раскладка его послужила основой для развитія самоуправленія.

Городская община обыкновенно имѣла опредѣленную территорію и обнаруживала большое стремленіе распространить свою власть на окрестную деревню, принявъ на себя ея защиту отъ массы мелкихъ феодаловъ. Отношеніе городскихъ общинъ къ феодаламъ въ разныхъ странахъ было очень различно. Иногда, напр. въ Италіи подчиненная феодальная знать насильственно включалась въ городскіе списки, временами съ ней приходилось заключать союзы или вести безпощадную борьбу, а иногда городамъ приходилось ей рабски подчиняться. Особенно ожесточенную борьбу въ Германіи города ведутъ съ духовною знатью. Въ Англіи благодаря силѣ королевской власти ни феодализмъ, ни городской строй не обладалъ столь важнымъ политическимъ значеніемъ, какъ на континентѣ.

Всѣ члены общины были связаны присягой о взаимной помощи, обѣщали другъ другу вѣрность и принимали на себя обязательство принимать участіе въ городской милиціи и дѣлать платежи въ общую кассу. Городская община имѣла право взимать пошлины и совершать займы, имѣть свою монету и свой рынокъ.

„Если мы возьмемъ карту старой Германской имперіи,

---

1) Крестовые походы начались съ конца 11-го вѣка и тянулись до самаго конца 13-го вѣка. Крестовые походы имѣли громадное значеніе въ культурной и экономической исторіи Европы. Экономически они сблизили — европейскіе и восточные народы, содѣйствовали развитію мореплаванія и вообще путей сообщенія, ознакомили Европу съ массой полезныхъ и дорогихъ предметовъ, научили новымъ процессамъ производства, въ особенности въ обработкѣ металловъ и тканей.

говоритъ, напр., проф. Бюхеръ [1]), и отмѣтимъ на ней тѣ поселенія, которымъ до конца среднихъ вѣковъ было предоставлено городское устройство (такихъ поселеній было около 3000), то мы замѣтимъ, что вся территорія окажется усѣянной городами на разстояніи 4—5 часовъ пути на югѣ и востокѣ, 7—8 часовъ на сѣверѣ и западѣ. Не всѣ изъ этихъ городовъ имѣли одинаковое значеніе, но большинство изъ нихъ были или, по крайней мѣрѣ, стремились быть центральными пунктами территоріальной хозяйственной области, которая вела такую же замкнутую жизнь, какъ прежде феодальное помѣстье. Чтобы представить себѣ размѣры этихъ областей, представимъ себѣ всю территорію равномѣрно подраздѣленной между всѣми наличными городами. На юго-востокѣ приходится около 2—2½ квадратныхъ миль на городъ, въ средней и сѣверо-западной Германіи 3—4, въ восточной — 5—8 к. м. Если мы представимъ себѣ, что городъ находится въ центрѣ этой территоріи, то мы убѣдимся, что почти повсемѣстно въ Германіи крестьянинъ наиболѣе отдаленной деревни могъ въ теченіе одного дня пріѣхать на городской рынокъ и вечеромъ вернуться домой".

Не всякое лицо допускалось въ общину согласно разнымъ хартіямъ. Обыкновенно требовалось быть не незаконнорожденнымъ, не страдать заразными болѣзнями, не быть обремененнымъ долгами, быть свободнымъ: мало по малу, въ виду громаднаго наплыва всякихъ бѣглыхъ въ города, установилось правило, что „городской воздухъ дѣлаетъ свободнымъ". Стоило крѣпостному прожить въ городѣ одинъ годъ и день, сеньоръ терялъ на него право, и бывшій крѣпостной становился свободнымъ.

Мнѣ остается теперь дать вамъ характеристику экономическаго строя цеха въ періодъ его наибольшаго расцвѣта, который обыкновенно рисуется историками также, какъ довольно идиллическая картина — на подобіе общиннаго строя [2]). Съ цехомъ въ эпоху его разложенія мы ознакомимся впослѣдствіи, а потому изъ сравненія этихъ двухъ картинъ, идеальной и реальной въ эпоху разложенія, вы создадите себѣ болѣе правильное представленіе о томъ, что

---

1) См. K. Bücher. Die Entstehung der Volkswirtschaft. Tüb., 1893, стр. 50. Бюхеръ для сравненія отмѣчаетъ, что въ настоящее время въ Германіи на городъ приходится территорія отъ 105—552 кв. миль.

2) Первое замѣчательное русское сочиненіе о промышленности написано проф. А. Корсакъ. О формахъ промышленности вообще (Москва, 1861 г.): въ трудахъ Коммиссіи, учрежденной для пересмотра уставовъ промышленнаго и ремесленнаго 1865 г., IV-я часть, было помѣщено второе крупное сочиненіе въ Россіи о цехахъ А. Штакельберга — Цеховое устройство и свобода промышленности въ Европѣ; это сочиненіе имѣетъ значеніе для характеристики эпохи упадка цеховъ.

дѣйствительно было, принявъ во вниманіе, что люди больше живутъ не идеалами, а интересами.

Городскія общины средневѣковаго періода представляютъ собой, какъ я уже сказалъ, особое замкнутое цѣлое съ своеобразной организаціей обработывающей промышленности — цеховымъ ремесломъ. Цехъ — былъ религіозной, нравственной, общественно — экономической, а впослѣдствіи военной и политической организаціей. Цехъ слагался изъ цѣлаго ряда однохарактерныхъ ремеслъ и имѣлъ своихъ выборныхъ старшинъ. Какой либо святой считался его патрономъ, въ церкви онъ имѣлъ свой особый алтарь. Между членами цеха должа была господствовать товарищеская, братская любовь. Для больныхъ и обѣднѣвшихъ членовъ цеха была обыкновенно особая касса вспомоществованія. По смерти члена цеха — собратья хоронили его и провожали до могилы. Для рѣшенія общественныхъ дѣлъ собиралось особое цеховое собраніе въ особомъ цеховомъ домѣ. Эти собранія сопровождались празднествами и попойками.

Я уже отмѣтилъ выше, что по самому своему происхожденію, напр., во Франціи, городскія управленія были организованы или на аристократическихъ началахъ (городской консулатъ) или на болѣе демократическихъ (присяжныя общины). Почти тоже явленіе замѣчалось и въ Германіи. Здѣсь городское управленіе почти до второй половины 13-го вѣка находилось въ рукахъ городской аристократіи. Съ этого времени организовавшіеся цехи начинаютъ противъ аристократіи борьбу, упрекая ее въ разныхъ злоупотребленіяхъ, главнымъ образомъ, въ неправильномъ веденіи финансовъ города, въ замѣщеніи мѣстъ только своими присными, въ насиліяхъ надъ бѣднѣйшими представителями цеховъ.

Иногда сразу, иногда послѣ долгой и упорной борьбы цехи наконецъ пріобрѣтаютъ участіе въ управленіи города, какъ политическаго, такъ и экономическаго цѣлаго.

Это участіе въ управленіи носило по городамъ весьма разнообразный характеръ. Иногда выборные отъ цеховъ допускались въ прежній городской совѣтъ, иногда они же составляли особую коллегію при городскомъ совѣтѣ. Не слѣдуетъ думать, однако, что благодаря этому произошла значительная демократизація городскихъ управленій. Въ нихъ засѣдали чаще всего наиболѣе богатые и вліятельные изъ цеховыхъ мастеровъ.

Къ чему же стремились эти вновь создававшіяся городскія организаціи, и что такое былъ цехъ, какъ особая и новая форма промышленности? Подъ ремесленнымъ цехомъ обыкновенно понимаютъ соединеніе въ товарищескій союзъ такихъ мелкихъ производителей (цеховыхъ мастеровъ), которые, какъ собственники нѣкотораго количества капитала и матеріала,

но, главнымъ образомъ, какъ представители личнаго труда съ немногими помощниками, создаютъ продукты для удовлетворенія потребностей постороннихъ ихъ хозяйству людей, получая въ обмѣнъ средства для пропитанія, для удовлетворенія всѣхъ другихъ своихъ нуждъ и матеріалъ для обработки.

Всѣ мѣры принимались къ тому, чтобы обезпечить интересы сравнительно небогатыхъ хозяйственныхъ ячеекъ ремесленниковъ, первыхъ свободныхъ представителей обрабатывающей промышленности. Эта хозяйственная ячейка состояла изъ мастера, опредѣленнаго количества подмастерьевъ и нѣсколькихъ учениковъ. Мастеръ — хозяинъ обыкновенно непосредственно принималъ участіе въ работѣ своей мастерской. Различіе между нимъ и его помощниками скорѣе было въ возрастѣ, въ техническихъ знаніяхъ и въ наличности небольшаго капитала, чѣмъ въ соціальномъ положеніи. По истеченіи извѣстнаго срока ученикъ дѣлался подмастерьемъ, а затѣмъ, по выдержаніи искуса въ этомъ званіи и по совершеніи пробной работы могъ стать и мастеромъ[1]). Чтобы не создавать возможности обогащенія для отдѣльныхъ мастеровъ, цехи принимали разныя мѣры. Мастеръ имѣлъ право держать не больше двухъ-трехъ подмастерьевъ и одного или небольшое число учениковъ, устроить только одну мастерскую. Закупка сырого матеріала часто совершалась всемъ цехомъ и, затѣмъ, распредѣлялась поровну. Конкуренція и всякія попытки повредить собрату-мастеру воспрещались; вообще, главное значеніе долженъ былъ играть трудъ мастера, а не его капиталъ. Профессоръ Бюхеръ полагалъ, что первоначально цехи исключительно работали на заказъ и не имѣли права готовить продукты для того, кто не уплатилъ по первому выполненному заказу. Теперь это мнѣніе считается крайнимъ; доказано, что цехи работали и на заказъ, и на продажу, на свой рынокъ, а изрѣдка и на сосѣдній. Цехи принимали всѣ мѣры къ тому, чтобы обезпечить сбытъ своихъ продуктовъ. Горожане и окрестные крестьяне могли покупать продукты только у мастеровъ. Только въ нѣкоторыхъ случаяхъ пришельцамъ-гостямъ въ базарное время разрѣшалось производить продажу привезенныхъ продуктовъ. Стремленіе къ ограниченію размѣровъ

1) Пробная работа была характерной для Германіи и Франціи, Англія же не знала ее. Время ученичества было разнообразно: въ Германіи — три года, въ Англіи семь лѣтъ. До 14-го вѣка, повидимому, ученики и подмастерья не были разсматриваемы, какъ нѣчто совершенно обособленное. Количество учениковъ первоначально, повидимому, не было ограничено, впослѣдствіи нормировалось очень различно. Съ 14-го по 16-й вѣкъ подмастерья (напр. въ Германіи) энергично борятся за право образованія союзовъ и подмастерья выдѣляются въ особую группу съ точно опредѣленными правами.

производства выражалось также въ одномъ замѣчательномъ явленіи. Такъ какъ мастеръ и его помощники должны были знать свое дѣло вполнѣ, умѣть приготовить продуктъ отъ начала и до полной его готовности, что мало по малу съ усложненіемъ обработывающей промышленности становилось труднѣе, то отдѣльные промыслы начинаютъ раздробляться на множество подраздѣленій. Первоначально сапожникъ долженъ былъ быть дубильщикомъ кожъ и вообще умѣть ихъ вполнѣ обработать, ткачъ одновременно былъ и красильщикомъ, цирульникъ не только долженъ былъ выбрить и завить, но сдѣлать ланцетъ и бритву, умѣть пустить кровь и вырвать зубъ и т. д. Другими словами сырой матеріалъ, добытый изъ рудника или полученный отъ земледѣльца, долженъ былъ проходить всѣ стадіи своей обработки въ одной мастерской.

Когда для веденія дѣла въ такомъ видѣ сталъ требоваться бо̀льшій капиталъ, цеховые регламенты стали раздроблять производство, создалась масса всяческихъ подраздѣленій. Красильщики въ черный цвѣтъ не имѣли права красить въ красный и т. п. Каждая небольшая цеховая ячейка монополизировала себѣ небольшое дѣло. Раздѣленіе труда стало принимать чрезвычайно дробный характеръ.

Тѣ же цехи регулировали и обмѣнъ. Уже очень рано города начинаютъ регулировать торговлю, а затѣмъ и промышленность въ предѣлахъ своей территоріи. Въ городахъ заводились особыя складочныя мѣста, гдѣ пріѣзжіе и проѣзжающіе мимо торговцы должны были въ теченіи опредѣленнаго срока выставлять свои товары (Stapelrecht). Пріѣзжіе гости-купцы нерѣдко опутывались самой мелочной регламентаціей. Въ предѣлахъ городской территоріи воспрещалось на опредѣленномъ разстояніи заводить промыслы, конкуррирующія съ горожанами. Всяческія мѣры принимались и къ тому, чтобы обезпечить снабженіе города сырымъ продуктомъ изъ близъ-лежащей деревенской области, подчинивъ ее своему политическому вліянію. Въ основѣ обмѣна лежало представленіе „о справедливой цѣнѣ", которая одинаково выгодна и производителю, и потребителю. На этой почвѣ выросли многообразные способы таксированія цѣнъ, запрещенія обмана, барышничества, воспрещеніе процента на занятой капиталъ, регулированіе способа и времени продажи, воспрещеніе скупки для цѣлей перепродажи въ рыночное время и т. п., вообще весьма сложное торговое законодательство, которое вновь начинаетъ воспроизводиться и въ современныхъ городахъ. Для обезпеченія сбыта цехи заботились и о качествахъ товара, устанавливали по этому предмету также строгій надзоръ, всячески поощряя высшую техническую выучку своихъ собратій. Въ долгій періодъ

существованія цеховъ до 16-го вѣка техника производства достигла значительнаго совершенства, орудія производства стали многочисленнѣе и разнообразнѣе; было сдѣлано также не мало открытій и изобрѣтеній: зеркальное стекло (1270), очки (1275), порохъ и компасъ (1300), книгопечатаніе (1436), карманные часы (1500), самопрялка (1530). Въ это время, отчасти какъ заимствованіе съ востока, европейское человѣчество научилось чрезвычайно изящной обработкѣ янтаря, слоновой кости, желѣза и стали, выдѣлкѣ рыцарскихъ латъ и огнестрѣльнаго оружія, приготовленію разнообразныхъ тканей. Для всего ремесленнаго строя особенно характерно то обстоятельство, что это развитіе производства связано съ существованіемъ такъ называемыхъ простыхъ орудій [1]). Эти орудія, въ отличіе отъ машины, имѣютъ то общее между собой, что увеличиваютъ силу руки или вообще какого либо органа человѣческаго тѣла. По общему правилу всѣ орудія, совершая свою полезную работу, составляютъ посредствующее звено между органомъ человѣческаго тѣла и совершаемымъ дѣйствіемъ; орудія движутся въ томъ же направленіи, какъ и руководящій ими органъ человѣческаго тѣла. Всѣ орудія только съ большей силой и опредѣленностью выполняютъ то, что имъ предписываетъ человѣческій органъ: орудіе безпрекословно повинуется рабочему, который долженъ умѣть имъ пользоваться. Цеховой мастеръ и его помощники должны были быть, что называется, „великими мастерами своего дѣла“: работа зависѣла отъ умѣнья, вкуса и знанія самого работника.

Такова идеальная картина цехового строя. Этотъ строй былъ первой организаціей третьяго сословія, его попыткой довести обработывающую промышленность до высокаго уровня и обезпечить ей рынокъ сбыта.

Но и этому городскому строю, вмѣстѣ съ феодализмомъ, противъ котораго боролась городская буржуазія въ союзѣ съ князьями и монархіей, суждено было погибнуть по цѣлому ряду причинъ, какъ политическихъ, такъ и соціальныхъ.

с) Сравнительно легко представить въ краткомъ очеркѣ тѣ типическія формы и системы хозяйства, которыя пережило человѣчество, но очень трудно изобразить процессъ закономѣрнаго ихъ развитія и разложенія. Изобразить этотъ процессъ это — значитъ, написать исторію громаднаго и исполненнаго драматизма періода человѣческой жизни, еще далеко не изученнаго и своеобразно слагавшагося для раз-

---

1) см. Noiré. Das Werkzeug und seine Bedeutung für die Entwickelungsgeschichte der Menschheit, 1880 Fr. Passy. Les machines et leur influence sur le devellopement de l'humanité, 1866. Reuleaux. Kurzgefasste Geschichte der Dampfmaschine, 1891.

ныхъ народовъ. Само собою разумѣется, что я не имѣю ни малѣйшей возможности приняться за такую задачу. Въ этомъ году мы начнемъ изученіе экономическаго быта съ эпохи предреволюціонной Франціи. На картинѣ экономической жизни этой эпохи я постараюсь показать, въ какомъ положеніи находились прежнія историческія силы: общинная деревня, феодализмъ и городъ. Но, прежде чѣмъ приступить къ выполненію этого плана, я позволю себѣ дать маленькую картинку, не претендующую на полноту, тѣхъ причинъ, которыя вызвали видоизмѣненіе и разложеніе старыхъ формъ жизни.

Одной изъ могущественнѣйшихъ причинъ этого видоизмѣненія было расширеніе сферы обмѣна между народами, которое поступило послѣ крестовыхъ походовъ, а въ особенности послѣ открытія Америки (1492 г.) и открытія новаго пути въ Индію (1498 г.). Открытіе Америки и новаго пути въ Индію глубоко взволновало Европу. „Всѣ классы общества, говоритъ Дрэперъ, были встревожены этимъ . . . Не даромъ Помпоній Летусъ, находившійся въ Римѣ подъ судомъ за свои философскія убѣжденія, пролилъ слезы радости при полученіи этого извѣстія. Не даромъ папа Левъ X, нѣсколько лѣтъ спустя, просиживалъ далеко за полночь, читая своей сестрѣ и своимъ кардиналамъ Океанику Ангіера“ [1]). Народъ возгорѣлся жаждой золота и страстью къ приключеніямъ. Наступило грандіозное развитіе мореходства, которое привело къ весьма важнымъ послѣдствіямъ. Венеція утратила свое торговое преобладаніе; большинство италіанскихъ городовъ запустѣло и лишилось своего благосостоянія. Торговое преобладаніе перешло къ державамъ, среди которыхъ еще и теперь нѣкоторыя играютъ руководящую роль: къ Голландіи, Испаніи, а потомъ къ Франціи, Англіи и Германіи.

Въ концѣ среднихъ вѣковъ громадную роль въ дѣлѣ обмѣна играли ярмарки. Уже съ 12-го вѣка онѣ стали пріобрѣтать значеніе, но съ конца 14-го вѣка онѣ играютъ главную роль. Особенное значеніе, какъ міровое торжище, имѣли ярмарки въ Шампани, Троа (Troyes), Провенѣ (Provins), Баръ и Ланьи, лежавшихъ какъ разъ на границѣ между Германіей и Франціей и на прямомъ пути въ Англію и Нидерланды изъ Италіи, гдѣ въ богатѣйшихъ городахъ этой

---

1) См. Дрэперъ. „Исторія умственнаго развитія Европы“, р. пер., стр. 457; также А. К. Дживелеговъ. Торговля на Западѣ въ средніе вѣка, Спб., 1904 г. „Когда въ 1499 г. португальскіе корабли привезли въ Лиссабонъ первый грузъ перца и ликованіе донесло объ этомъ вѣсть до Венеціи, то гордая республика, по свидѣтельству современниковъ, оцѣпенѣла отъ ужаса, и самые мудрые люди стали говорить, что это величайшее несчастіе, постигавшее когда либо городъ“ (Дживел., стр. 217).

страны были сконцентрированы денежныя богатсва тогдашняго міра. Впослѣдствіи имъ оказываютъ большую конкурренцію ярмарки въ Ліонѣ, Женевѣ и Франкфуртѣ. Главными портами были Венеція на югѣ и Брюгге на сѣверѣ со средины 13-го вѣка. Въ 14-омъ вѣкѣ громадную роль игралъ на сѣверѣ мощный ганзейскій союзъ, объединявшій до 85 городовъ. Послѣ отмѣченныхъ открытій и италіанскіе города, и этотъ союзъ въ 16-мъ вѣкѣ померкли. Попытка любекскаго бургомистра Вулленвесера завладѣть Зундомъ т. е., ключемъ къ Балтійскому морю потерпѣла неудачу и Вулленвесеръ умеръ на плахѣ. Съ паденіемъ Новгорода исчезла и тамъ контора Ганзы. Англія и Голландія захватили Балтійское море. Первую роль въ торговомъ обмѣнѣ начинаютъ играть порты: Севилья и Лиссабонъ въ Испаніи и Португаліи, Антверпенъ и Амстердамъ въ Голландіи, Лондонъ, Бристоль, Саутгэмптонъ — въ Англіи, С. Мало и Діеппъ — во Франціи [1]) т. е. торговые центры съ береговъ средиземнаго моря перенесены были на берега атлантики. Океаническая торговля получила широкій расцвѣтъ и на время какъ бы затмила внутреннюю торговлю. По словамъ Дживилегова въ періодъ расцвѣта торговли, напр., Антверпена — въ этотъ городъ собирались товары со всего тогдашняго свѣта. Изъ Англіи шли сукна и металлы, изъ Германіи — металлы, текстильные товары, мелочной товаръ, стекло, вино, изъ Франціи — вино, соль, матеріи, изъ Италіи — парча, бархатъ, шелкъ, рисъ, изъ Португаліи — восточные товары, съ

1) Въ этотъ первичный періодъ до открытія американскихъ рудниковъ правительства начинаютъ регламентацію обмѣна, которая обыкновенно называется системой денежнаго баланса. Теоретики, которые видѣли въ деньгахъ богатство или такъ называемые булліонисты, желавшіе добиться воспрещенія вывоза денегъ и полемизировавшіе противъ системы торговаго баланса, жили, однако, въ эпоху, когда эта система уже давно перестала существовать въ Западной Европѣ, а именно — въ 16-мъ и 17-мъ вѣкѣ. Торговля въ 12, 13 и 14- вѣкахъ была дѣломъ чрезвычайно опаснымъ. Разбойничество и пиратство послужило поводомъ къ созданію торговыхъ союзовъ и такъ называемыхъ „складочныхъ мѣстъ." Первоначально самыми замѣчательными складочными мѣстами для англійской торговли были Троа въ Шампани, Антверпенъ и Брюгге — въ Нидерландахъ. Послѣ смерти Эдуарда (1327—1377) главнымъ англійскимъ городомъ по складочной торговлѣ сдѣлался Калэ-во Франціи (этотъ городъ принадлежалъ тогда англичанамъ). Въ этихъ складочныхъ мѣстахъ, начиная съ 14-го вѣка, пріѣзжій торговецъ отдавался подъ надзоръ сначала особыхъ хозяевъ, а впослѣдствіи — надсмотрщиковъ, которые должны были вести точный списокъ всякой продажѣ и покупкѣ и наблюдать, чтобы всякій иностранецъ истратилъ всѣ деньги, полученныя за продажу своихъ товаровъ, т. е., не вывозилъ денегъ, а покупалъ товары. Кромѣ того, уже со средины 12 столѣтія, напр., въ Англіи устанавливается правильный размѣръ пошлинъ, взимаемыхъ въ портахъ. См. объ англійскихъ складочныхъ мѣстахъ Трайль: „Общественная жизнь Англіи", т. II, р. пер., стр. 88 и слѣд.

сѣвера Европы — хлѣбъ, ленъ, лѣсъ, шкуры, металлы, изъ Испанiи — шерсть, сахаръ, шелкъ, фрукты и т. п. Расширенiе сферы обмѣна, а затѣмъ и образованiе среди городскихъ обывателей богатыхъ торговцевъ и ремесленниковъ ставитъ все болѣе и болѣе производство въ зависимость отъ далекаго рынка, а не отъ потребностей своего хозяйства и запросовъ недалеко живущихъ потребителей. Умноженiе денежныхъ оборотовъ находитъ необходимую поддержку послѣ открытiя Новаго Свѣта.

Потокъ серебра, а потомъ и золота, изъ Америки произвелъ громадный переворотъ въ европейскомъ обществѣ, вызвавъ крупное видоизмѣненiе цѣнъ и расширенiе денежнаго оборота. Трудно опредѣлить съ точностью, какъ быстро и въ какой пропорцiи измѣнились цѣны на всемъ протяженiи европейскаго мiра послѣ открытiя Америки [1]). Адамъ Смитъ полагалъ, что это видоизмѣненiе дало себя знать въ 1570 году въ Англiи; моментомъ наибольшаго возвышенiя цѣнъ отъ паденiя цѣнности серебра Смитъ принималъ 1636 г.; Роджерсъ оспариваетъ послѣднее утвержденiе Смита, находя, что процессъ видоизмѣненiя цѣнъ завершился въ Англiи только къ срединѣ 17-го вѣка. Мишель Шевалье думаетъ, что измѣненiе цѣнъ произошло въ Испанiи почти внезапно въ первую половину 16-го вѣка и лѣтъ на 50 позже во Францiи [2]). Разные ученые разно опредѣляютъ размѣры повышенiя цѣнъ. Одни думаютъ, что цѣны повысились въ 3—4 раза, другiе въ пять разъ. Это видоизмѣненiе цѣнъ, т. е., паденiе цѣны денегъ и движимаго капитала сильно потрясло отношенiя между разными общественными классами. Левассеръ [3]), оцѣнивая значенiе этого повышенiя цѣнъ для Францiи, говоритъ, что всѣ классы испытали на себѣ влiянiе этого повышенiя. Дворянство, въ особенности небогатое и не находившееся на службѣ, доходъ котораго заключался въ неизмѣнныхъ платежахъ крестьянъ въ деньгахъ, сильно пострадало. Оно получало тѣ-же платежи, но деньги стоили въ 4—5 разъ менѣе. Особенно же выиграла буржуазiя, какъ отъ повышенiя цѣнъ, такъ и отъ усиленiя оборотовъ, вызванныхъ обилiемъ денежнаго капитала. Къ тому же и заработная плата рабочихъ, хотя и выросла, но далеко не въ той пропорцiи, какъ цѣны продуктовъ. Ихъ реальная плата понизилась, но, благодаря оживленiю промышленности, спросъ на рабочiя руки былъ довольно значительный. Въ этотъ вѣкъ, однако, какъ во Францiи, такъ и въ Англiи и

1) См. Бог. Нар., р. пер. т. I, стр. 303.
2) См. G. Wiebe. Zur Geschichte der Preisrevolution des 16. und 17. Jahrhunderts, Leipzig, 1895 г.
3) Histoire des classes ouvr., т. I, стр. 58 и слѣд., также 152 и слѣд. Cunningham Growth. of Eng. Ind., т. I, стр. 295 и слѣд., см. также G. Wiebe.

Германіи, было невѣроятное количество нищихъ и бродягъ, выбитыхъ жизнью изъ прежней колеи. Въ этотъ періодъ буржуазія обогатилась и пріобрѣла не мало земли въ собственность. Тѣ собственники земли изъ феодальнаго дворянства, которые сами вели хозяйство или продали свои земли, ничего не потеряли, а скорѣе выиграли: среди же той части дворянства, доходъ которой заключался въ платежѣ крестьянами неизмѣннаго оброка, стало замѣчаться стремленіе или видоизмѣнить платежи крестьянъ, или отнять у нихъ землю или общинныя угодья, несправедливо истолковывая феодальную собственность, какъ частное владѣніе помѣщиковъ. Обрабатывающая промышленность, при большемъ обиліи капиталовъ, становится разнообразнѣе; размѣры предпріятій и количество крупныхъ промышленниковъ увеличивается[1]). Буржуазія въ городахъ начинаетъ жить роскошнѣе, потребности ея увеличиваются: мѣстами она изъ шерсти переодѣвается въ роскошныя шелковыя платья. Въ ея рядахъ уже съ начала 13-го вѣка образовался классъ денежныхъ людей, который составилъ себѣ большія богатства торговлей благородными металлами, драгоцѣнными камнями, промѣномъ денегъ, а потомъ и отдачей ихъ въ ростъ. Главную роль сначала играли италіанскіе мѣнялы, банкиры и евреи; впослѣдствіи въ предѣлахъ главнѣйшихъ державъ въ Германіи, Франціи и Англіи появились и свои денежные люди, корорые входятъ въ тѣснѣйшія связи съ церковной и гражданской властью, даютъ ей деньги, а себѣ выхлопатываютъ всевозможныя коммерческія и промышленныя привиллегіи, берутъ налоги на откупъ, захватываютъ въ свои руки рудниковое дѣло и даже пріобрѣтаютъ власть въ колоніяхъ. Колоссальныя богатства напр., Барди и Перуцци — во Флоренціи (извѣстные италіанскіе банкиры, разоренные банкротствомъ Англіи), банкировъ куріи — Медичи, впослѣдствіи сдѣлавшихся тиранами Флоренціи, Фуггеровъ и Вельзеровъ — въ Германіи, Жака Сердца, Санбланса и другихъ — во Франціи, всѣ нажиты подобнымъ образомъ. Правда, почти во всѣхъ странахъ власть, давая этой новой буржуазіи возможность наживаться и даже грабить, и сама не рѣдко потомъ грабила ее, но силы движимаго капитала разбить было уже невозможно. Она создалась и дѣйствуетъ до нашихъ дней, ни-

1) Одинъ нѣмецкій изслѣдователь Штридеръ даетъ поучительныя данныя объ увеличеніи числа зажиточныхъ людей въ г. Аугсбургѣ. Въ 1461 г., сравнительно съ 1396 годомъ, число богатыхъ увеличилось на 116,2%, въ 1498 г., сравнительно съ 1467 г., на 127%. Въ 1498 г. 99 богачей обладало состояніемъ отъ 956, 168 до 1, 912, 336 флориновъ, въ 1540 г. 278 богачей обладали состояніемъ отъ 5, 110, 783 до 10. 221, 566 флор. См. Strieder. Zur Genesis des modernen Kapitalismus, L. 1904 г.

таясь операціями по государственнымъ долгамъ и захватывая въ свои руки все движеніе промышленныхъ дѣлъ [1]).

Выростаютъ постепенно и двѣ новыхъ формы и системы промышленныхъ предпріятій: 1) такъ называемая домашняя система промышленности и 2) мануфактура.

Сбытъ продуктовъ начинаетъ совершаться на отдаленные рынки. Появляется цѣлый рядъ промышленниковъ-купцовъ, которые начинаютъ дѣлать заказы на продукты многимъ ремесленникамъ или деревенскимъ мастерамъ, стоящимъ внѣ цеха, и, по полученіи изготовленнаго, продаютъ за свой счетъ и рискъ. Подъ домашней системой промышленности и понимаютъ начавшую развиваться въ 16-вѣкѣ форму (и систему) производства, при которой предприниматель, вначалѣ торговецъ, а потомъ и предприниматель-заказчикъ, даетъ работу многимъ производителямъ въ ихъ собственныхъ жилищахъ, внѣ предѣловъ своего собственнаго предпріятія: производители на дому работаютъ иногда надъ собственнымъ матеріаломъ и своими орудіями, иногда получаютъ то и другое отъ заказчика. За этой формой промышленности уже сначала 17-го вѣка возникаетъ и другая — мануфактура, когда предприниматель — капиталистъ начинаетъ давать работу значительному числу мастеровъ и работниковъ въ своемъ помѣщеніи, заставляя ихъ работать надъ ему, капиталисту, принадлежащимъ матеріаломъ и съ его же орудіями. Въ этихъ мануфактурахъ [2]) впервые скопляется значительное число мастеровъ и рабочихъ, а раздѣленіе труда принимаетъ болѣе сложный характеръ. Эти формы промышленности создаются въ деревняхъ, при городахъ, а иногда и въ городахъ, отчасти самопроизвольно, не смотря на отчаянную борьбу представителей цеховаго ре-

---

1) О новѣйшей исторіи движимаго капитала см. P. Janet. Le capital, la speculation et la finance. P. 1892, также литер. указанія въ моемъ „Обмѣнъ и эконом. политика, Юрьевъ,“ 1904, стр. 421—22.

2) Различіе между мануфактурой и фабрикой будетъ указано въ главѣ III-й. Еще Карлъ Марксъ (см. т. I, пер. Струве, стр. 267 и слѣд.) съ необычайной ясностью нарисовалъ два главныхъ способа возникновенія мануфактуры. По его мнѣнію, мануфактура возникаетъ изъ ремесла такимъ образомъ: 1) Работники разнородныхъ самостоятельныхъ ремеслъ соединяются подъ командой одного и того же капиталиста. Такъ напр., экипажъ былъ прежде коллективнымъ продуктомъ работъ значительнаго числа независимыхъ работниковъ, какъ то: каретника, сѣдельника, слесаря, токаря и т. д. Экипажная мануфактура соединяетъ всѣхъ этихъ мастеровъ въ одномъ предпріятіи. 2. Мануфактура возникаетъ и противоположныхъ путемъ. Многіе ремесленники, которые производили одинъ и тотъ же однородный предметъ, напр., бумагу, шрифтъ, иголки, и которые выдѣлывали каждый предметъ цѣликомъ, выполняя послѣдовательно всѣ необходимыя операціи, соединяются капиталистомъ въ одной мастерской и каждый изъ нихъ спеціализируется на одной какой либо операціи по выдѣлкѣ продукта.

месла, отчасти съ дозволенія монархической власти, видящей въ нихъ новый источникъ дохода и лучшее средство развитія производительныхъ силъ націи.

Образованіе богатой торговой, а потомъ и промышленной буржуазіи ведетъ къ разложенію цехового строя, но съ разложеніемъ послѣдняго меркнетъ и старая городская свобода: монархическая власть пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе. Изобрѣтеніе пороха и огнестрѣльныхъ орудій (съ 13-го вѣка) и ручного огнестрѣльнаго оружія (съ 15-го вѣка) совершенно видоизмѣняетъ военное дѣло. Небогатая феодальная аристократія, разоренная крестовыми походами, взаимной борьбой, борьбой съ слагающейся монархіей, расточительною жизнью, видоизмѣненіемъ цѣнъ и другими причинами, становится ненужной для военнаго дѣла. На мѣсто рыцаря съ его тяжелымъ щитомъ, копьемъ, огромнымъ мечемъ, кинжалами и броней, становится гораздо проще вооруженный наемникъ — солдатъ (Lands-Knecht), который побѣждаетъ массой и организаціей. Монархическая и княжеская власть, которая пользовалась вначалѣ городами для борьбы противъ мелкихъ феодаловъ и власти духовенства, опираясь на свое войско, скоро прибираетъ города въ свои руки, порабощая ихъ политически и эксплуатируя ихъ въ финансовомъ отношеніи, распространяетъ свою власть на обширныя территоріи, а потомъ и объединяетъ ихъ въ единыя, національныя государства. Эта власть пользуется внутренними соціальными противорѣчіями среди крупной и мелкой буржуазіи и рабочаго сословія для укрѣпленія своей власти, но впослѣдствіи сама дѣлается жертвой выросшей буржуазіи, теряетъ свою власть: „Божьею милостію“ и превращается въ конституціонную монархію 19-го вѣка. Періодъ съ 16-го по начало 19-го вѣка — время громадной и кровавой борьбы за новые условія жизни. Только со второй четверти 19-го вѣка жизнь европейскаго человѣчества становится нѣсколько спокойнѣе.

Съ 16-го вѣка начинается объединеніе націй подъ властью князей и короля. Феодальная аристократія переходитъ на службу къ коронѣ, въ ея новое организованное войско. Въ собственныхъ интересахъ, въ виду недостаточности доходовъ отъ земельныхъ королевскихъ имуществъ, короли начинаютъ заботиться о развитіи производительныхъ силъ въ своихъ владѣніяхъ, видя въ промышленности новый источникъ дохода. Косвенное обложеніе продуктовъ потребленія и торговые сборы всякаго рода, откупа, займы у денежныхъ людей даютъ монархической власти громадные новые источники дохода. Народы подъ руководительствомъ этой власти начинаютъ бороться за свои интересы. Судьба разныхъ европейскихъ націй была, однако, весьма не одинакова.

Въ своей „Исторіи Германскаго народа“ [1]) Лампрехтъ яркими красками рисуетъ то тягостное положеніе, въ которое попало крестьянство въ 15-мъ вѣкѣ. Громадный прежде земельный просторъ сократился. Четверть прежней гуфы въ наиболѣе населенной части Германіи считалась уже нормальнымъ надѣломъ. Земельная община стала дряхлѣть; въ ней стало тѣсно. Дворянство стало воспрещать дѣленіе гуфъ болѣе, какъ на четыре части. Стало нарождаться безземельное и часто ничего не имѣющее кромѣ рабочихъ рукъ населеніе, зависимость котораго все болѣе и болѣе усиливалась. Относительно этого населенія феодалъ могъ смѣло сказать: du bist main aigen (ты мнѣ принадлежишь). Какъ это всегда бываетъ, усиленіе гнета надъ безземельными скоро перешло и на имѣющихъ землю. Крѣпостное право усиливалось. Къ тому же разцвѣтъ торговли и международнаго обмѣна, привозъ благородныхъ металловъ, увеличеніе потребностей знати — должно было вести къ стремленіямъ увеличить повинности, переложить ихъ на деньги, къ захвату лѣса, луговъ, рыбныхъ ловель, охоты. „Цѣны на земледѣльческія продукты, пишетъ Лампрехтъ, въ наиболѣе населенныхъ мѣстахъ подъ дѣйствіемъ уравнивающаго вліянія расширившагося оборота пали: старыя повинности, въ особенности десятина, взимавшіяся теперь деньгами, возрасли. Въ то же время горожане стали употреблять свои избыточные капиталы на покупку земли; они скупали земли свободныхъ крестьянъ и земли крѣпостныхъ у дворянства; они еще съ большей жестокостью выправляли повинности, чѣмъ все еще связанное съ землей дворянство . . . Для оплаты платежей, крестьянинъ часто долженъ былъ прибѣгать къ кредиту въ городѣ. Это было настоящей гибелью; крестьянину приходилось платить 30—50, даже выше 80%. Кредитъ былъ ростовщической эксплоатаціей и могилой для крестьянина . . .

Отчасти подъ вліяніемъ новыхъ идей, но, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ нестерпимаго гнета крѣпостного права въ Германіи въ началѣ 16-го вѣка начинаются волненія крестьянъ. Въ Германіи великая крестьянская война была жестоко подавлена (1525 г.) и, по мнѣнію Р. Циммермана и большинства другихъ изслѣдователей, привела къ еще большему усиленію крѣпостного права. Кризисъ, вызванный открытіемъ новыхъ путей, сказался и въ этой странѣ. Первоначально открытіе новыхъ путей не сказалось съ такой силой въ Германіи, какъ въ Италіи, но кризисъ все таки чувствовался. Цехи замкнулись еще болѣе въ самихъ себя и усилили свои притязанія на монополизацію промышлен-

1) См. Deutsche Geschichte. B. V., стр. 75—89.

ности. Еще въ 16-мъ вѣкѣ, однако, въ нѣмецкихъ городахъ было много жизни и благосостоянія. Во второй половинѣ 16-го вѣка благосостоянію германскихъ городовъ былъ нанесенъ тяжелый ударъ испанско-нидерландскими войнами. Упадокъ италіанскихъ городовъ, паденіе Ганзы, торговля Англіи и Нидерландовъ, выросшая такъ сильно и такъ быстро, внутренніе раздоры въ нѣмецкихъ городахъ — нанесли дальнѣйшіе удары благосостоянію и свободѣ германской городской жизни. В. Рошеръ[1]), вѣрно отмѣчаетъ, что колоссальныя опустошенія произвела въ Германіи тридцатилѣтняя война (1618—1648), и не столько отъ истребленія мечемъ населенія, сколько своими пожарами и грабежами, которые разорили феодала, въ особенности же крестьянина: разореніе заставило послѣдняго бѣжать въ города въ качествѣ пролетарія. Въ 17-мъ вѣкѣ въ жизни городовъ обнаружился полный упадокъ и они потеряли свою свободу. Князья пріобрѣли надъ городами власть, но еще надолго Германія осталась и политически, и экономически раздробленной. Послѣ этихъ событій экономическое значеніе Германіи померкло, и главную роль въ исторіи стали играть Голландія, Франція и Англія, вступившія въ губительную борьбу за преобладаніе, которая въ началѣ 19-го вѣка окончилась побѣдой Англіи и захватомъ ею громаднаго количества колоній.

Въ концѣ 16-го вѣка Франція также пережила періодъ большого разоренія послѣ извѣстной борьбы монархіи противъ лиги, но она легче вышла изъ этого кризиса, чѣмъ Германія. Королевская власть этой страны первоначально пользуется городами для борьбы съ феодалами, но уже съ Людовика Святого эта власть начинаетъ порабощать и города. Къ городскимъ общинамъ систематически примѣняется система финансоваго истощенія налогами, а иногда и настоящаго грабежа. Къ концу 15-го вѣка политическія вольности городовъ Франціи почти исчезли. Абсолютизмъ побѣдилъ и феодализмъ, и города, какъ политическія организаціи.

Франція вышла изъ этой борьбы объединенной въ одно цѣлое и ранѣе другихъ континентальныхъ державъ, въ эпоху Кольбера, сильно подвинула развитіе своей обрабатывающей промышленности; только впослѣдствіи, въ 17-мъ вѣкѣ, расточительная политика монархіи, ея борьба за династическіе интересы, промышленная борьба съ Голландіей и всѣ пережитки феодальнаго строя разорили и ея земледѣліе, и промышленность. Послѣ эпохи революціи, Франція, однако,

1) См. W. Roscher, Geschichte der Nat.-Oek. in Deutschland, L. 1874 г., стр. 219.

показала міру, какое великое количество силъ она въ себѣ тапла, пріобрѣла громадное значеніе, которое окончилось крахомъ лишь послѣ наполеоновскихъ войнъ 1812—1815 года.

Англія пріобрѣла всѣ выгоды отъ борьбы Голландіи съ Франціей. Ея монархическая власть, которая была слишкомъ сильна, чтобы допустить политическую свободу городовъ и полное феодальное расчлененіе, какъ на континентѣ, сумѣла въ союзѣ съ буржуазіей и земельнымъ дворянствомъ объединить страну, развить ея производительныя силы (и земледѣліе, и промышленность) и не довела страну до того политическаго и соціальнаго разстройства, которое пережила Франція. Крѣпостное право стало ранѣе всего исчезать въ Англіи. Уже въ 14-омъ вѣкѣ большая часть крѣпостныхъ обратилась въ свободныхъ людей, обязанныхъ лишь денежными платежами земельной аристократіи. Въ 17—19-мъ вѣкахъ мелкіе землевладѣльцы мало по малу теряютъ свою землю. Они были лишены правъ на общинныя угодья и потеряли такъ или иначе свои надѣлы. Немногочисленная часть ихъ обратилась въ болѣе крупныхъ съемщиковъ — арендаторовъ земли, — наибольшая обратилась въ городской пролетаріатъ, но сельское хозяйство въ этой странѣ не упало. Оно приняло промышленный характеръ. Въ Англіи создались крупныя фермы для разведенія овецъ, шерсть которыхъ послужила основой для развитія производства тканей и положила начало торговому богатству Англіи, и вообще крупное земледѣльческое хозяйство. Впослѣдствіи мы увидимъ, почему эта пролетаризація крестьянства не имѣла губительныхъ послѣдствій для экономическаго развитія Англіи.

Уже и въ первой своей войнѣ съ Голландіей (1652—54) Англія достигла большой побѣды. Борьба шла за такъ называемый навигаціонный актъ Кромвеля, утвержденный окончательно уже при Карлѣ II[1]).

Этотъ актъ былъ смертельнымъ ударомъ для торговли Голландіи, но Голландія послѣ упорнѣйшей борьбы должна была его признать. Развивая свой флотъ и колоніальныя

1) Сущность акта заключалась въ слѣдующемъ. „Никакіе товары не должны быть привозимы или вывозимы изъ британскихъ колоній иначе, какъ англичанами и на англійскихъ или колоніальныхъ судахъ; ни одно лицо, которое не состоитъ англійскимъ подданнымъ, не можетъ быть купцомъ или мануфактуристомъ въ этихъ колоніяхъ. Никакіе товары не могутъ быть ввозимы въ Англію иначе, какъ на своихъ корабляхъ. Никакіе колоніальные продукты не должны быть вывозимы въ иное мѣсто, какъ въ Англію. (См. Янжулъ. Англійская свободная торговля, т. I, стр. 87). Впослѣдствіи, при томъ же Карлѣ II, эти постановленія были усилены особымъ актомъ, въ которомъ указывалось, что британскія колоніи могутъ получать чужіе продукты не иначе, какъ черезъ Англію, на судахъ англійской постройки. Этотъ актъ самый любопытный памятникъ національнаго своекорыстія 17-го вѣка.

пріобрѣтенія, поощряя умѣло свою промышленность, необыкновенно счастливо оканчивая свои войны. Англія къ серединѣ 18-го вѣка сдѣлалась экономически сильнѣйшей страной. Она ранѣе всего воспользовалась изобрѣтеніями и открытіями конца 18-го вѣка, и къ началу 19-го вѣка центръ денежнаго богатства перемѣстился изъ Амстердама въ Лондонъ и остается тамъ и въ наше время.

Видоизмѣненіе въ условіяхъ обмѣна, въ соціальныхъ отношеніяхъ классовъ, въ политическомъ строѣ, упадокъ значенія дворянства и духовенства, которые начались съ 16-го вѣка, идутъ рядомъ съ полнымъ преобразованіемъ духовной и нравственной атмосферы. Изобрѣтеніе книгопечатанія (1436 г.) создало дешевую сравнительно книгу, а это обстоятельство не только увеличило число читателей, но и создало могущественнѣйшаго соперника церковной и профессорской кафедрѣ. Слушаніе проповѣдей и лекцій означаетъ сравнительно пассивную дѣятельность ума, чтеніе активную, какъ справедливо замѣчаетъ Дрэперъ [1]). Читатель сталъ болѣе думать, а потому и лучше понимать окружающее. Наступило время реформаціи религіозной, а затѣмъ Европа стала вступать и въ вѣкъ разума послѣ великихъ работъ Коперника (1473—1543), Бэкона (1561—1626), Галилея (1564—1642), Декарта (1596—1650) и Ньютона (1643—1727) и цѣлаго ряда новыхъ изобрѣтеній и открытій.

Въ 1671 г., когда парижскій архіепископъ сообщилъ университету королевскій приказъ, запрещавшій преподавать иную философію, кромѣ схоластической, Буало, Бернье и Расинъ — младшій выпустили въ свѣтъ сатиру, въ которой они смѣясь указывали на ужасъ, совершающійся въ странѣ: „нѣкоторая неизвѣстная особа, писали они, именуемая разумомъ, предприняла силой проникнуть въ университеты и съ помощью нѣкихъ возмутителей, бездомныхъ бродягъ, принявшихъ имена гассендистовъ, картезіанцевъ, малебранши-

1) См. Дрэперъ. Исторія умственнаго развитія Европы, р. пер., стр. 485. Дрэперъ отмѣчаетъ громадную роль книгопечатанія: оно создало не только книгу, но и газету. Первая печатная газета появилась въ Венеціи въ 1563 г. Gazette de France стала издаваться съ 1631 г. Въ небольшой, но интересной брошюрѣ проф. К. Бюхера „Происхожденіе газеты" (р. пер. Спб., 1896 г.) читатель можетъ найти много интересныхъ указаній. Проф. Бюхеръ признаетъ, что газетное дѣло приняло профессіональное развитіе въ Венеціи. Уже въ 1572 были изданы двѣ папскихъ буллы противъ цеха scrittori d'avvisi или gazetanti; писаніе листковъ было строго воспрещено, а продолженіе этого ремесла поставлено подъ угрозу клейменія и ссылки на галеры. Тотъ-же Бюхеръ полагаетъ, однако, что первая *печатная еженедѣльная* газета издавалась въ Страсбургѣ въ 1609 г.; экземпляръ этого листка за этотъ годъ можно видѣть въ университетской Библіотекѣ въ г. Гейдельбергѣ.

стовъ и пуршотистовъ, затѣяла изгнать Аристотеля, древняго мирнаго обладателя упомянутыхъ школъ . . .“ Въ этой же сатирѣ магистры, доктора, профессора изображаются въ качествѣ просителей, требующихъ, между прочимъ, возвратить добрую славу и честное имя „сущностямъ“, „возможностямъ“ и прочимъ схоластическимъ формуламъ, изгнать разумъ изъ университета навсегда, запретить ему туда входъ, мутить въ немъ и безпокоить помянутаго Аристотеля“. Какъ вы знаете, разума изгнать не удалось; въ слѣдующихъ же лекціяхъ мы увидимъ, какую работу онъ продѣлалъ въ концѣ 18-го вѣка при анализѣ экономическихъ явленій, какія новыя и безконечно сложныя задачи поставилъ этому разуму болѣе могучій 19-ый вѣкъ.

§ 2. Положеніе Франціи къ срединѣ 18-го вѣка. Кольберъ и Джонъ-Ло, два министра-меркантилиста старой монархіи.

Со средины 18-го вѣка Франція вступаетъ въ весьма критическій періодъ своей исторіи. Экономическое и финансовое положеніе страны было крайне печально. Политика Мазарини и Кольбера, стремившаяся къ развитію обрабатывающей промышленности, не принесла даже тѣхъ плодовъ, которые можно было отъ нея ожидать, благодая политикѣ расточительности и приключеній королей тогдашней Франціи. Абсолютный „безъ возраженій“ Людовикъ XIV оставилъ послѣ своей смерти 3462 милліона ливровъ долга: изъ нихъ 3300 были заключены въ краткій періодъ, послѣдовавшій за смертью Кольбера, а именно — съ 1683 по 1715 г. Религіозная нетерпимость и отмѣна Нантскаго эдикта въ 1685 г. сократили, по словамъ Левассера, населеніе на 20% и лишили Францію ея лучшихъ производительныхъ силъ. Гоненія противъ протестантовъ и вообще противъ всякаго проявленія искренней религіозности продолжались и въ регентство герцога Орлеанскаго, и въ царствованіе Людовика XV. Результаты получились для правительства неожиданные. „Совершившаяся революція въ умахъ, писалъ Вольтеръ[1]), въ своемъ побѣдномъ шествіи перешла за предѣлы своей первоначальной цѣли. Самъ онъ (т. е., Вольтеръ) желалъ, чтобы храмъ божества былъ только освобожденъ отъ скопившейся въ немъ грязи, но вовсе не хотѣлъ, чтобы онъ былъ ниспровергнутъ, между тѣмъ, оказалось, что онъ рушился“. Извѣстный генеральный прокуроръ Сегье писалъ о своемъ времени: „Философы сдѣлались наставниками человѣческаго рода. Свобода мыслить — вотъ ихъ возгласъ. Одной рукой

1) См. Ф. Рокэнъ. Движеніе общественной мысли во Франціи въ 18-омъ вѣкѣ, р. пер., Спб., 1902 г., стр. 248 и слѣд.

они стремятся пошатнуть престолъ, а другой хотятъ опрокинуть алтарь. Цѣль ихъ дать иное теченіе и направленіе гражданскимъ и религіознымъ учрежденіямъ, и, такимъ образомъ, ими какъ бы совершена революція. Краснорѣчіе, поэзія, исторія, романы, даже словари все заражено. Едва эти сочиненія появляются въ столицѣ, какъ съ силою потока они распространяются по всѣмъ провинціямъ. Зараза проникла въ мастерскія и даже въ хижины".

Это постепенно назрѣвавшее недовольсто было вполнѣ понятно. Преемники Людовика XIV еще съ большей настойчивостью продолжали расточать народное достояніе. Аристократія и духовенство считались привиллегированными классами, не несли и не считали себя достойными нести прямые налоги, но обладали цѣлымъ рядомъ феодальныхъ привиллегій, всей своей тягостью ложившихся на простой народъ. И прямые, и косвенные налоги были многообразны и тяжелы. Обложеніе было организовано на началахъ откуповъ, и, по свидѣтельству авторитетовъ, чуть ли не двѣ трети его поглащались издержками взиманія. Правда, давая откупщикамъ грабить, правительство иногда и само принималось грабить откупщиковъ. Такъ, въ министерство Кольбера была создана особая судебная коммиссія, которая взыскала съ 50 откупщиковъ около 650 милліоновъ франковъ на наши деньги, но это еще болѣе деморализовало отношенія, научая грабить интенсивнѣе и ловче. Вступивъ по необходимости на путь покровительства обрабатывающей промышленности, правительство мало заботилось о сельскомъ хозяйствѣ, и деревня къ срединѣ 18-го вѣка находилась въ состояніи почти непрерывающейся голодовки. Франція, между тѣмъ, до конца 18-го продолжала оставаться страною, главнымъ образомъ земледѣльческой. По разсчетамъ авторитетовъ, не болѣе трехъ милліоновъ ея населенія находило пропитаніе въ обрабатывающей промышленности, т. е., не болѣе одной восьмой или девятой части населенія, которое опредѣлялось Лавуазье въ концѣ 18-го вѣка приблизительно въ 25 милліоновъ[1]).

Однажды Людовикъ XV спросилъ епископа Шартскаго, въ какомъ положеніи находятся его прихожане, и получилъ знаменательный отвѣтъ: „Они ѣдятъ траву, какъ бараны, и умираютъ, какъ мухи". Когда королева предложила ему сто луидоровъ для его бѣдныхъ, онъ сказалъ: „Сохраните ваши деньги для того времени, когда ихъ не будетъ больше ни у короля, ни у казны, ни у меня. Тогда, если у васъ будутъ еще деньги, вы поможете бѣднымъ моей епархіи".

---

1) См. Petite Bibl. Econ., Lavoisier, Résultats extraits d'un ouvrage intitulé de la richesse territoriale de la France, стр. 130—131.

И эта характеристика недалека отъ истины и подтверждается безконечнымъ рядомъ изслѣдователей.

Обыкновенно утверждаютъ, что основной причиной упадка деревни, ея полнаго экономическаго изнеможенія была такъ называемая меркантильная система Кольбера. Вообще, принято винить несчастныхъ меркантилистовъ во всѣхъ бѣдствіяхъ, которыя пережила Франція. Чтобы судить о томъ значеніи, которое имѣла въ исторіи система меркантилистовъ, позвольте пойдти по своеобразному пути. Сначала мы изучимъ общія условія, въ которыхъ находилось сельское хозяйство предъ революціей, а потомъ посмотримъ, что такое меркантильная система вообще, что сдѣлалъ Кольберъ, почему его система окончилась общимъ крахомъ, тогда какъ таже меркантильная система сдѣлала изъ Англіи богатѣйшую страну во всемъ мірѣ.

Въ сочиненіяхъ И. Тэна, Гомеля, Левассера, Максима Ковалевскаго [1]) можно найти массу любопытнаго матеріала объ общихъ условіяхъ жизни деревни предъ революціей. Въ этихъ сочиненіяхъ прекрасно изображено, во что выродились къ этому времени феодальныя учрежденія, идеальный типъ которыхъ мною нарисованъ въ предшествовавшихъ лекціяхъ.

Всѣ земли Франціи этого времени раздѣлялись на три категоріи: феоды, аллоды и цензивы. Аллодіальныя земли, т. е., земли которыя считались частною собственностью и не знали никакихъ сеньоріальныхъ повинностей, были немногочисленны и встрѣчались, главнымъ образомъ, въ Лангедокѣ и Дофинѣ. Напротивъ, феоды и цензивы составляли самое распространенное явленіе. Феоды давали право верховной собственности на всѣ земли, входившія въ ихъ составъ, т. е., какъ на частную собственность самаго владѣльца, такъ и на землю его арендаторовъ, платившихъ ему опредѣленную плату — цензиву. Въ провинціяхъ Франціи, гдѣ господствовало обычное право, имѣла значеніе формула: nulle terre sans seigneur, т. е., всякая земля имѣетъ своего господина, и только на югѣ Франціи она гласила: nul seigneur sans titre, т. е., каждый господинъ-сеньоръ долженъ имѣть титулъ — доказательство своего феодальнаго права. Въ это время владѣніе феодами уже не было привиллегіей аристократіи. Ротюрье, т. е., разбогатѣвшій буржуа могъ купить феодъ; владѣя имъ, однако, онъ долженъ былъ уплачивать особый налогъ. Феодальныя права, слѣдова-

1) См. И. Тэнъ. Происхожденіе современной Франціи. Старый режимъ, изд. Вятскаго Товарищества, Спб. 1907 г.; C. Gomel. Les causes financieres de la révolution française, 2 т., Paris, 1892—93 г.; Levasseur Histoire des classes ouvrières en France, т. II, нов. изд. 1901 г., М. Ковалевскій. Происхожденіе современной демократіи, 2 изд., Москва, 1901 г. т. I.

тельно, были связаны уже не съ личностью владѣльца, а съ самою землею. Эти права были чрезвычайно многообразны, но обыкновенно встрѣчались въ двухъ видахъ: во первыхъ, въ видѣ правъ такъ называемыхъ полезныхъ, доходныхъ правъ и, во вторыхъ, въ видѣ такъ называемыхъ почетныхъ правъ или баналитетовъ, которые народъ окрестилъ названіемъ „ненавистныхъ правъ".

Доходныя привиллегіи феодаловъ сводились къ праву взимать съ крестьянъ опредѣленную цензиву, натурой или, чаще всего, деньгами. Уплата этой цензивы обращала крестьянина почти въ собственника. Крестьянинъ имѣлъ право продажи своего участка, раздѣла, даренія, завѣщанія, но феодалъ сохранялъ право преимущественной покупки и могъ обратить землю въ свою собственность, если крестьянинъ прекращалъ платежъ цензивы или бросалъ землю безъ обработки въ теченіе опредѣленнаго срока. Вообще, Франція этого времени представляла какъ бы страну мелкаго землевладѣнія, а крестьянство обратилось въ вѣчно наслѣдственныхъ арендаторовъ, какъ бы купившихъ землю подъ условіемъ опредѣленнаго платежа за старыя феодальныя обязанности аристократіи, которыхъ послѣдняя уже почти не несла. Феодалы тщательно слѣдили за своими правами: каждый феодалъ обыкновенно имѣлъ особою земельную книгу, въ которой всѣ права, какъ доходныя, такъ и почетныя, записывались; при всякомъ переходѣ участка въ другія руки, или при его раздробленіи, эти права переписывались и раздроблялись по каждому участку въ отдѣльности. Необходимость доказательствъ старыхъ феодальныхъ правъ вела часто къ процессамъ, особенно, конечно, разорительнымъ для крестьянства [1]).

Особенную ненависть вызывали такъ называемые баналитеты, которые были безконечно разнообразны. Вотъ выписка изъ сочиненія Тэна, которая показываетъ, каково было положеніе средняго дворянина въ деревнѣ. Она не исчерпываетъ всѣхъ видовъ баналитетовъ, принимавшихъ иногда совершенно дикія формы, но достаточно прочесть эту характеристику, чтобы понять, какъ тяжело должно было быть положеніе крестьянина.

„Онъ (т. е., дворянинъ) все еще, какъ говорятъ интенданты, „первый изъ жителей", — это принцъ, котораго мало по малу лишили его прежнихъ общественныхъ должностей, оставивъ ему только почетныя и доходныя права, но, тѣмъ не менѣе, онъ всетаки остается принцемъ. Въ церкви у

1) Очень любопытна статья A. Wahl въ его „Studien zur Vorgeschichte der französischen Revolution, 1901 г. о феодистѣ Renauldon; въ ней дана классификація многообразныхъ феодальныхъ правъ.

него есть своя скамья, и онъ пользуется правомъ погребенія возлѣ клироса. Драпировки въ церкви украшены его гербами, ему кадятъ и подносятъ святую воду съ особымъ почетомъ. Часто, основавъ церковь, онъ становится ея покровителемъ, выбираетъ священника и желаетъ руководить имъ. Въ деревняхъ онъ измѣняетъ часы церковной службы, назначаетъ ихъ раньше или позже, по своему усмотрѣнію. Если онъ имѣетъ титулъ, то пользуется правами верховнаго судьи и существуютъ цѣлыя провинціи, напр., Мэнъ и Анжу, гдѣ всѣ ленныя владѣнія соединялись съ правами правосудія. Въ такихъ случаяхъ, владѣлецъ самъ назначалъ судью, регистратора и другихъ судебныхъ чиновъ, прокуроровъ, нотаріусовъ, сержантовъ, приставовъ, которые и дѣйствовали или судили отъ его имени въ гражданскихъ и уголовныхъ судахъ первой инстанціи. Кромѣ того, онъ же назначалъ лѣсничаго или судью для проступковъ, касающихся лѣсовъ, и получалъ штрафы, налагаемые этими должностными лицами. Для преступниковъ различнаго рода у него была своя тюрьма, а иногда и своя висѣлица. Но, кромѣ того, въ видѣ вознагражденія за издержки по устройству правосудія, онъ получалъ имущество человѣка, приговореннаго къ смерти или къ конфискаціи, въ предѣлахъ собственныхъ владѣній. Онъ наслѣдовалъ также послѣ незаконнорожденнаго, родившагося и умершаго въ его владѣніяхъ, послѣ умершаго безъ завѣщанія и безъ явныхъ законныхъ наслѣдниковъ. Онъ присваивалъ себѣ также всякое движимое имущество, живое или мертвое, которое было найдено на его землѣ, но владѣльцы котораго были неизвѣстны. Онъ бралъ себѣ треть или половину найденныхъ кладовъ, а на берегу забиралъ въ свою пользу всѣ остатки, выброшенные моремъ послѣ кораблекрушеній. Наконецъ, что было особенно прибыльно въ тѣ времена всеобщаго разоренія, онъ становился собственникомъ покинутыхъ участковъ земли, не подвергавшихся обработкѣ въ теченіи десяти лѣтъ. Другія привиллегіи, которыми онъ пользовался, ясно указываютъ, что правительство округа нѣкогда находилось въ его рукахъ. Такъ, напр., въ Оверни, Фландріи, Гэно, Артуа, Пикардіи, Эльзасѣ и Лотарингіи ему уплачивается еще налогъ за охрану и покровительство. Онъ взималъ налогъ на стражу и дозоры и на свою военную охрану, а также питейный сборъ съ тѣхъ, кто продаетъ пиво, вино или другіе напитки въ розницу или оптомъ. Онъ получалъ налогъ, уплачиваемый деньгами или зерномъ, съ каждаго очага, дома или семьи, и очень распространенный въ Дофинэ и Провансѣ, а также налогъ съ каждаго прогоняемаго стада овецъ, — пошлину съ продажи и аренды земли, почти повсемѣстно распространенную и состоящую во взиманіи

шестой, а иногда пятой или даже четвертой части съ запродажной цѣны на землю или съ аренды срокомъ болѣе, чѣмъ на девять лѣтъ. Сюда же относится и налогъ, равняющійся доходу одного года, получаемый съ каждаго имѣнія, переходящаго къ наслѣдникамъ по боковой линіи, а иногда и къ прямымъ наслѣдникамъ. Но, болѣе рѣдкимъ, и въ то же время наиболѣе тяжелымъ изъ всѣхъ былъ налогъ, составляющій двойную поземельную подать или годовой сборъ плодовъ, который уплачивался въ случаѣ смерти, какъ верховнаго владѣльца, такъ и самаго владѣльца участка. Все это были настоящіе налоги, земельные и личные, налоги на движимое имущество, патентные сборы, налоги на право передвиженія, на переходъ собственности изъ рукъ въ руки, на наслѣдство, установленные нѣкогда, при условіи извѣстной общественной службы, которую, однако, владѣлецъ уже пересталъ нести.

Другіе поборы, взимаемые владѣльцемъ въ свою пользу, также представляютъ старинные налоги, но по отношенію къ нимъ онъ все-таки хоть выполнялъ тѣ обязанности, за исполненіе которыхъ ему было назначено это вознагражденіе. Правда, король отмѣнилъ множество дорожныхъ пошлинъ, не менѣе 1200 въ 1724 г., но все же ихъ еще оставалось достаточно для владѣльца, который могъ дѣлать сборъ съ мостовъ, съ дорогъ, перевозовъ, барокъ, поднимающихся или спускающихся по теченію рѣки, но за то онъ долженъ былъ и заботиться о содержаніи этихъ мостовъ, перевозовъ, дорогъ, бичевниковъ. Такія обложенія все же приносили ему большой доходъ, который въ нѣкоторыхъ случаяхъ достигалъ 90,000 ливровъ. Подобнымъ же образомъ, подъ условіемъ поддержанія зданія рынка и безплатнаго доставленія вѣсовъ и гирь, онъ пользовался правомъ дѣлать сборы со всѣхъ съѣстныхъ припасовъ и товаровъ, привозимыхъ на ярмарку или рынокъ. Въ Ангулемѣ онъ взималъ 48-ую часть проданнаго зерна, въ Комбурлэ, возлѣ Сенъ-Мало, столько же съ каждой головы проданнаго скота; въ другихъ мѣстахъ — столько же съ проданнаго количества вина, съѣстныхъ припасовъ и рыбы. Такъ какъ въ прежнія времена онъ первый построилъ хлѣбопекарню, прессъ для винограда, мельницу и баню, то онъ и могъ обязать жителей пользоваться только этими учрежденіями и разрушалъ всѣ такія постройки, которыя могли составить ему конкуренцію. Ясно, что все это были монополіи и права, относящіяся къ тѣмъ временамъ, когда владѣлецъ еще держалъ общественную власть въ своихъ рукахъ."

По словамъ того же Тэна поголовный налогъ и всѣ эти феодальныя повинности поглощали до 82°/₀ валового дохода крестьянина. При такихъ условіяхъ какой либо

прогрессъ земледѣлія былъ совершенно невозможенъ. Къ тому же во всей Франціи того времени обнаруживается стремленіе со стороны феодаловъ къ захвату общинныхъ угодій и къ передачѣ земли въ руки болѣе крупныхъ арендаторовъ. Сокращеніе возможности выпаса скота затрудняетъ скотоводство, удобренія не хватаетъ, отсюда — плохіе урожаи и дальнѣйшее разореніе. Максимъ Ковалевскій приводитъ массу данныхъ, которыя показываютъ, что для крестьянина земледѣліе едва окупаетъ издержки производства, что часто, желая вырваться изъ деревни, онъ не имѣетъ возможности продать своего участка за полнымъ отсутствіемъ покупателей. [1]) Къ этому же присоединяется особая политика хлѣбной торговли, которая началась съ Кольбера и была въ совершенствѣ развита его преемниками.

Въ своемъ любопытномъ сочиненіи о французской хлѣбной политикѣ до 1789 года г. Арашканіанцъ [2]) чрезвычайно остроумно изслѣдовалъ вопросъ о задачахъ хлѣбной политики, которыя преслѣдовалъ Кольберъ. По мнѣнію Арашканіанца, Кольберъ первый, задолго до возникновенія теоретической разработки ученія о соотношеніи доходовъ разныхъ классовъ, позналъ, что между заработной платой и цѣною средствъ пропитанія существуетъ самая тѣсная связь. Чѣмъ ниже хлѣбныя цѣны, тѣмъ ниже можетъ быть и заработная плата, а низкая заработная плата составляетъ чрезвычайно благопріятное условіе для развитія обрабатывающей промышленности. Со времени Кольбера хлѣбная торговля перестаетъ быть самостоятельной вѣтвью народнаго хозяйства: она становится лишь средствомъ для облегченія развитія мануфактурной промышленности. Для того,

---

1) Къ этой картинѣ, нарисованное по Тэну и Ковалевскому, я долженъ сдѣлать существенную оговорку. Проф. Лучицкій въ своемъ трудѣ: „Крестьянское землевладѣніе во Франціи наканунѣ революціи, главнымъ образомъ въ Лимузенѣ, Кіевъ, 1900 г. (книга составилась изъ ряда архивныхъ изслѣдованій, начатыхъ еще въ 1899 г.) пролилъ много новаго свѣта въ дѣло изученія быта крестьянъ (laboureurs). Его изслѣдованія, какъ и слѣдовало ожидать, показали, что одного общаго сужденія о бѣдственномъ положеніи крестьянства сдѣлать нельзя. По его мнѣнію процессъ перемѣщенія дворянской земли чрезъ руки буржуазіи или непосредственно къ крестьянамъ уже имѣлъ мѣсто въ періодъ съ 1750 по 1781 г. Крестьянская собственность по размѣрамъ колебалась очень сильно и, потому, и положеніе крестьянъ было очень пестро. Онъ настаиваетъ, что предъ революціей шелъ процессъ раздробленія крупной собственности, фермерство еще не играло значительной роли. Этотъ процессъ раздробленія послужилъ послѣ распродажи національныхъ земель основой для созданія разбогатѣвшихъ крестьянъ. Новѣйшія изслѣдованія показали также, что феодальныя тяготы были безконечно разнообразны, иногда сводясь совсѣмъ на нѣтъ. Эти изслѣдованія исторически очень поучительны и для нашего времени. Россія представляетъ такую же пестроту положеній и это необходимо имѣть въ виду.

2) A. Araskaniantz, Die französische Getreidehandelspolitik, L. 1882.

чтобы создать низкія хлѣбныя цѣны, Кольберъ принимаетъ цѣлый рядъ мѣръ и прежде всего стремится установить свободное движеніе хлѣбовъ изъ одной провинціи въ другую. Это дѣло оказывается, при существовавшихъ тогда феодальныхъ перегородкахъ въ свободномъ передвиженіи товаровъ, чрезвычайно затруднительнымъ, и, потому, онъ дѣлаетъ изъ международной торговли хлѣбомъ могучее орудіе для нормированія цѣнъ. Онъ всячески облегчаетъ ввозъ хлѣбовъ; въ случаѣ недорода во Франціи онъ производитъ закупки за счетъ казны и ввозитъ хлѣбъ. Вывозъ хлѣбовъ онъ допускаетъ, но только тогда, когда этотъ вывозъ не можетъ оказать повышающаго вліянія на цѣны и необходимъ для того, чтобы дать торговому флоту работу. Уже послѣ смерти Кольбера законъ 1699-го года дѣлаетъ запрещеніе вывоза хлѣбовъ постояннымъ началомъ хлѣбной политики Франціи: вывозъ при извѣстныхъ цѣнахъ допускается лишь при условіи платежа особой вывозной пошлины. По словамъ Арашкапіанца, Кольберъ достигъ поставленной себѣ цѣли. Съ его времени и вплоть до 1710 г. цѣны на хлѣбные продукты были ниже, чѣмъ въ предшествовавшій періодъ, хотя и колебались въ болѣе значительныхъ предѣлахъ.

Вся совокупность вышеизложенныхъ причинъ приводитъ къ тому, что земледѣліе во Франціи все болѣе и болѣе клонится къ упадку. Развитіе его производительныхъ силъ пріостанавливается не только благодаря тягостнымъ экономическимъ условіямъ, но и въ силу полнаго упадка нравственной энергіи населенія. Уже извѣстный Вобанъ указываетъ, что около одной десятой французскаго крестьянства нищенствуетъ, а изъ другихъ девяти десятыхъ около пяти десятыхъ не въ состояніи даже подать милостыню, ибо сами живутъ впроголодь. Тотъ же Вобанъ полагаетъ, что съ 1670 или съ 1680 года до начала 18-го вѣка земледѣліе уменьшилось на одну треть. Тома для средины 18-го вѣка полагаетъ, что сравнительно съ временемъ Сюлли земледѣліе сократилось на пять шестыхъ. Кене полагаетъ, что въ срединѣ 18-го вѣка производительность французскаго земледѣлія была 45 милліоновъ сетье, тогда какъ въ двадцатыхъ годахъ семнадцатаго вѣка она была 70 мил.

Неужели же виною всему является меркантилизмъ, который коснулся сельскаго хозяйства, какъ мы видимъ, только своей политикой хлѣбныхъ цѣнъ? Чтоже такое эта странная и, повидимому, столь ненавистная система, которую такъ жестоко осудилъ, но безъ достаточной исторической справедливости, и Адамъ Смитъ?

Любопытно отмѣтить, что предъ смертью самъ Кольберъ понималъ, что вся его работа пропала какъ бы даромъ,

что онъ не столько служилъ французскому народу, сколько абсолютной монархіи; народъ же проводилъ прахъ своего великаго человѣка ненавистью. Огюстенъ Тьерри [1]) сообщаетъ, что на смертномъ одрѣ Кольбера душевное его состояніе выразилось въ мрачномъ возбужденіи и въ горькихъ словахъ. Онъ сказалъ о королѣ: „если бы я сдѣлалъ для Бога то, что я сдѣлалъ для этого человѣка, я былъ бы дважды спасенъ, а теперь я не знаю, что со мной будетъ.“ На приглашеніе своихъ домашнихъ отвѣтить хоть что либо на дружественное письмо короля онъ сказалъ: „я не хочу болѣе слышать о королѣ, пусть по крайней мѣрѣ, теперь оставятъ меня въ покоѣ: я думаю теперь объ отвѣтѣ царю царей.“ Похоронный поѣздъ Кольбера, который долженъ былъ проходить мимо рынка, двинулся лишь ночью и то подъ охраной, такъ какъ боялись оскорбленій со стороны толпы, ненавидѣвшей Кольбера.

Извѣстно, что съ легкой руки одного Италіанскаго писателя Менготти меркантильная система получила названіе Кольбертизма. Еще въ юношескомъ своемъ произведеніи профессоръ Конъ [2]) старался доказать, что Кольберъ вовсе не былъ меркантилистомъ. Тоже можно было бы съ такимъ же успѣхомъ доказать и по отношенію къ Джону Ло; тѣмъ не менѣе я рѣшаюсь избрать именно этихъ двухъ лицъ для изученія того, что такое представляетъ собою меркантильная доктрина и политика. Мнѣ думается, что я имѣю для этого достаточно основаній; я постараюсь это доказать, указавъ одновременно и на причины крушенія этой системы.

Изъ учебника въ учебникъ переходятъ слова покойнаго Вильгельма Рошера [3]), что меркантилистовъ удобнѣе всего характеризовать не по какимъ нибудь общимъ имъ всѣмъ экономическимъ положеніямъ, а по складу и комбинаціи ихъ теоретическихъ стремленій, которыя приблизительно могутъ быть опредѣлены такимъ образомъ: 1) стремленіе придавать большое значеніе запасу благороднаго металла; 2) стремленіе считать болѣе выгодной иностранную торговлю сравнительно съ внутренней, обрабатывающую

---

1) См. его книгу: „Исторія происхожденія и успѣховъ третьяго сословія“, р. пер. Москва, 1899 г., стр. 258—261.

2) См. его статью о Кольберѣ въ Zeitschrift für Staatswiss. за 1869—70 г., 25—26 томы.

3) См. Ингрэмъ: „Исторія Политич. Экономіи“, 2 изд. 1897 г., стр. 57 и слѣд. Въ этомъ сочиненіи можно найдти характеристику главнѣйшихъ меркантильныхъ писателей; также Янжулъ: „Англійская свободная торговля“, т. 1.

промышленность сравнительно съ добывающей; 3) стремленіе придавать слишкомъ большое значеніе густому населенію, какъ элементу національной силы и 4) стремленіе прибѣгать къ дѣятельности власти для искусственнаго достиженія желательныхъ цѣлей. Въ дополненіе обыкновенно указывается, что меркантилисты стремились организовать торговлю страны такимъ образомъ, чтобы вывозъ превышалъ ввозъ. Эта разница между вывозомъ и ввозомъ называлась денежнымъ или торговымъ балансомъ смотря по тому, въ чемъ она выражалась — въ деньгахъ или въ товарахъ [1]). Само собою разумѣется, что ни Кольбера, ни Ло мы не въ состояніи будемъ признать меркантилистами, если мы будемъ такъ элементарно понимать самую сущность меркантильной доктрины, какъ это дѣлаетъ Рошеръ. Меркантильная доктрина имѣетъ свою долгую и поучительную исторію. Меркантильная политика начала примѣняться уже въ XIV и XV вѣкѣ. Среди меркантилистовъ можно подмѣтить великое разнообразіе всяческихъ теченій, и ихъ доктрина значительно усложняется по мѣрѣ развитія самой экономической жизни. Меркантилисты какъ бы слѣдуютъ въ своихъ ученіяхъ за самимъ процессомъ развитія экономической жизни. Уже въ городахъ возникла особая система покровительства обрабатывающей промышленности, но мы не называемъ представителей стараго цехового ремесла меркантилистами, хотя, быть можетъ, и у нихъ можно было бы подмѣтить тѣ же стремленія.

Соединять, поэтому, всѣхъ меркантилистовъ въ какую-то единую группу на основаніи только ихъ стремленій, какъ это сдѣлано Рошеромъ, совершенно невозможно. Къ тому же, такія стремленія существуютъ и до нашихъ дней. Развѣ

1) Не слѣдуетъ однако, думать, что меркантилисты сопоставляли только балансъ ввоза и вывоза. Уже у Т. Мэна (см. его Englands Treasure by Foreign Trade, посмертное изд. 1664 г.) предложена довольно сложная система исчисленія баланса. Въ активъ, по его мнѣнію, надо, конечно, прежде всего поставить вывозъ, въ пассивъ — ввозъ, но по соотвѣтствующей оцѣнкѣ; къ вывозу надо прибавить 25% на издержки перевозки, страхованія и прибыли купца, если товары вывозятся на англійскихъ корабляхъ; если на иностранныхъ судахъ — только прибыли купца; при исчисленіи цѣнности ввоза надо вычесть изъ цѣнности проданныхъ товаровъ тѣ же 25%, акцизы и таможенныя пошлины, если товары привезены на англійскихъ корабляхъ. Въ пассивъ надо также поставить траты государя на войны, на подарки посланникамъ, всѣ выгоды, пріобрѣтенныя въ странѣ иностранцами, и, наоборотъ, такія-же суммы, пріобрѣтенныя страной, — въ ея активъ. Томасъ Мэнъ считаетъ необходимымъ поставить въ пассивъ даже суммы, вывозимыя іезуитами и священниками, къ которымъ онъ очень нерасположенъ, хотя и отмѣчаетъ, что эти суммы, вѣроятно балансируются тѣми деньгами, которыя получаютъ шпіоны и тайная полиція иностранныхъ государствъ въ Англіи.

мы не найдемъ и теперь экономистовъ, которые стремятся увеличить денежное обращеніе и создать дешевыя деньги? Инфляціонистовъ, т. е., сторонниковъ обильнаго денежнаго обращенія и теперь много. Борьба за развитіе обрабатывающей промышленности кипитъ и до нашихъ дней. Въ обрабатывающей промышленности видятъ палладіумъ общественной свободы и благосостоянія. Государства и теперь слѣдятъ за состояніемъ своихъ денежныхъ запасовъ и наблюдаютъ за торговымъ балансомъ. Многочисленное населеніе и теперь опредѣляетъ въ значительной степени политическое и экономическое положеніе главнѣйшихъ державъ. То, что Рошеръ называетъ стремленіемъ прибѣгать къ дѣятельности власти для искусственнаго достиженія цѣлей, было на самомъ дѣлѣ борьбой противъ разлагающагося промышленнаго самоуправленія и попыткой поставить промышленность въ непосредственное отношеніе къ центральному правительству. Это стремленіе и теперь имѣетъ своихъ сторонниковъ.

На нашихъ глазахъ создается, повидимому, какой то новый меркантилизмъ, но въ немъ много своеобразныхъ особенностей, какъ увидимъ впослѣдствіи, и по простой причинѣ: условія жизни совершенно видоизмѣнились.

Въ то-же время меркантилизмъ представляетъ явленіе общее для всего культурнаго человѣчества въ извѣстную историческую эпоху. Особое развитіе онъ получилъ во Франціи — при Кольберѣ, въ Англіи — при Генрихѣ и Елизаветѣ, въ Россіи — при царяхъ Алексѣѣ и Петрѣ. Историческіе результаты дѣйствія этой системы были, однако, глубоко различны. Мы уже указали на одну особенность меркантильной системы Кольбера — политику дешеваго хлѣба. Англія на знала этой особенности, благодаря условіямъ своей политической организаціи, въ которой землевладѣльческій классъ имѣлъ большое значеніе. Борьба за дешевый хлѣбъ въ этой странѣ разыгралась значительно позднѣе, и при другихъ условіяхъ, въ первую половину 19-го вѣка [1]). Меркантилизмъ въ Россіи еще почти не изслѣдованъ.

1) Адамъ Смитъ былъ исторически правъ, утверждая, что творцомъ меркантильной политики была городская буржуазія, но онъ, конечно, ошибался, что землевладѣльцы какъ бы изъ подражанія и по непониманію научились слѣдовать той же политикѣ. „Мануфактуристы, пишетъ Смитъ, вѣроятно, были первыми изобрѣтателями тѣхъ стѣсненій ввоза иностранныхъ произведеній, которыя обезпечиваютъ имъ монополію внутренняго рынка. Должно быть, въ подражаніе имъ и изъ стремленія поставить себя въ одно положеніе съ людьми, которые постоянно стремились къ ихъ угнетенію, земельные собственники и фермеры Великобританіи настолько забыли о благородствѣ, присущемъ ихъ состоянію, что стали требовать исключительной привилегіи снабжать своихъ согражданъ хлѣбомъ и мясомъ. Они, можетъ быть, не имѣли времени разсмотрѣть,

Какъ я уже сказалъ, меркантильная доктрина имѣетъ свою долгую и поучительную исторію; она оставила свой слѣдъ въ умахъ всей тогдашней эпохи, не исключая и Кольбера, и эта школа пережила тѣ же стадіи развитія, какъ и экономическая жизнь. Когда послѣ открытія Америки произошелъ великій переворотъ въ цѣнахъ, и стало развиваться денежное хозяйство, меркантилисты были охвачены пристрастіемъ къ деньгамъ, въ которыхъ они видѣли воплощеніе силы свободнаго денежнаго капитала [1]). Они вовсе не были такъ наивны, чтобы считать деньги, которыя къ тому же на глазахъ у всѣхъ подешевѣли, за единственное богатство. Они только видѣли, что благодаря этому перевороту въ цѣнахъ и обилію денегъ буржуазія обогатилась. Когда на глазахъ у всѣхъ торговцы стали составлять коллосальныя состоянія, Томасу Мэну не трудно было убѣдить своихъ согражданъ, что „богата та страна, гдѣ богатъ торговецъ". Онъ ясно видѣлъ, что купленные товары могутъ быть снова вывезены и проданы съ прибылью, другими словами, могутъ возвратить въ страну болѣе монеты, чѣмъ сколько затрачено на ихъ покупку. На первый вывозъ монеты онъ совѣтывалъ смотрѣть „какъ на время посѣва, а на конечное полученіе бòльшей суммы монеты, какъ на жатву, слѣдующую за посѣвомъ." Тотъ же меркантилизмъ въ рукахъ практическихъ государственныхъ дѣятелей обращается въ систему торгово-промышленнаго протекціонизма, съ рѣзкой мощью сосредоточившаго свои силы національнаго и государственнаго интереса. Для того, слѣдовательно, чтобы понять, что такое меркантилизмъ, намъ надлежитъ обратить вниманіе не на общія стремленія меркантилистовъ, а на ту основную цѣль, къ которой они стремились, и на тѣ средства, которыя они неизбѣжно должны были принимать для достиженія этой основной цѣли въ извѣстную историческую эпоху. У нихъ, въ особенности въ 16-омъ вѣкѣ, была уже совершенно опредѣленная цѣль, а средства съ неумолимой необходимостью

до какой степени невыгодно имъ стѣснять свободу сравнительно съ тѣми, примѣру которыхъ они слѣдовали. Wealth of Nations, книга VI, гл. 11-ая, Миклашевскій. Обмѣнъ, стр. 370 и слѣд., также главу о Листѣ.

1) Любопытно, что нѣкоторые меркантилисты, напр., Малейнсъ голландецъ, писавшій по англійски, (въ его Consuetudo vel Lex Mercatoria, 1622 г.) являются даже борцами противъ могущества денежнаго капитала. Малейнсъ борется противъ торговцевъ переводными векселями. Онъ называетъ ихъ торговлю ракомъ, разъѣдающимъ торговлю Англіи. Его можно принять за идеалиста — утописта нашего времени, мечущаго громы противъ „финансистовъ биржи".

Воспрещенія вывоза денегъ встрѣчаются очень рано и до начала такъ называемой меркантильной политики: въ Англіи съ 1278 г., во Франціи съ 14-го вѣка, въ Германіи въ 1524 г., въ Россіи особенно опредѣленно въ ново-торговомъ уставѣ 1665 года, т. е., во время полнаго расцвѣта меркантильной политики на западѣ.

вытекали изъ условій экономической жизни каждой отдѣльной страны.

Эта цѣль была — покровительство новымъ формамъ промышленности и торговли, а средства, которыми власть пользовалась для ихъ развитія, были разнообразны, но не трудно намѣтить главнѣйшія изъ этихъ средствъ, общія почти всѣмъ странамъ.

Изученіе Кольбертизма во Франціи интересно потому, что въ этой странѣ меркантилизмъ былъ болѣе одностороненъ. Онъ сосредоточилъ свое вниманіе, главнымъ образомъ, на развитіи новыхъ формъ обрабатывающей промышленности; въ Англіи меркантилизмъ сложнѣе, ибо эти новыя формы промышленности начинаютъ почти одновременно развиваться и въ земледѣліи, и въ фабрикаціи. Вотъ причина, почему Англія совершенно не знала физіократизма. Въ системѣ Адама Смита она нашла человѣка, понимающаго интересы новыхъ формъ промышленности и въ земледѣліи, и въ фабрикаціи [1]).

Руководствуясь такой точкой зрѣнія, мы съ полнымъ правомъ можемъ отнести Кольбера и Ло къ меркантилистамъ.

Меркантилисты были, если можно такъ выразиться, повивальными бабками нарождающагося капитализма; физіократы его крестными отцами. Одинъ изъ изслѣдователей эпохи Кольбера — Фарнамъ, поэтому, съ полнымъ правомъ сказалъ, что Кольбертизмъ — это даже не система, а историческій фактъ [2]). Кольберъ продолжалъ только то дѣло, которое было начато и до него подъ давленіемъ новыхъ условій экономической жизни. Новыя формы промышленности при своемъ рожденіи требовали поддержки: когда онѣ достаточно выросли, представители системы естественной

1) Говоря о меркантильной политикѣ Англіи, Рикардо утверждаетъ, что задача этой системы сводилась только къ повышенію цѣнъ на предметы внутренняго рынка, путемъ устраненія иностранной конкуренціи, но въ то же время замѣчаетъ, что мануфактуристы, какъ потребители, также платили эти повышенныя цѣны на продукты, а потому и нельзя сказать, что вся тягость меркантильной политики падала на землевладѣльцевъ, фермеровъ и рабочихъ.

Въ то же время, по его мнѣнію, эта высокая цѣна продуктовъ держалась потому, что капиталъ былъ направленъ въ менѣе производительныя отрасли промышленности, и такая цѣна была результатомъ большой трудности производства, а, слѣдовательно, и не давала повышенныхъ прибылей. Характерная защита англійскаго меркантилизма! см. Основанія, главу о ввозныхъ и вывозныхъ пошлинахъ.

2) См. H. W. Farnam. Die innere französische Gewerbepolitik bis Turgot, L. 1878 г., стр. 8. Это замѣчаніе равно относится ко всѣмъ писателямъ меркантильной эпохи; ихъ задача вовсе не состоитъ въ построеніи какой либо системы; пониманіе экономической жизни еще слишкомъ слабо, экономической теоріи въ новыхъ нарождающихся условіяхъ жизни еще не создано, а, между тѣмъ, практическія требованія жизни требуютъ мѣропріятій, и меркантилисты ихъ жадно ищутъ.

свободы поругали своихъ воспитателей, не заботясь объ исторической справедливости. Чтобы ознакомитьтя съ особенностями меркантильной политики, мы должны внимательнѣе изучить главнѣйшія мѣропріятія Кольбера. Они характерны не только для Франціи, но и для всѣхъ странъ того времени.

I. Политика Кольбера имѣетъ рѣзко выраженный національный характеръ. Ему такъ же, какъ и всѣмъ меркантилистамъ 16-го вѣка, совершенно чужда идея о всемірной монархіи. Къ его времени Франція уже представляетъ собою могучее національное цѣлое, и онъ принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы объединить Францію въ единое народнохозяйственное цѣлое. Почти всѣ дѣятели 17-го и 18-го вѣка прекрасно понимаютъ, что политическое могущество тѣснѣйшимъ образомъ связано съ хозяйственнымъ благосостояніемъ[1]). Однимъ изъ могущественнѣйшихъ средствъ для такого хозяйственнаго объединенія является расширеніе сферы внутренняго обмѣна. Уже въ 1664 г. Кольберъ старается устранить тѣ многочисленныя таможенныя заставы, которыми отдѣлялась одна провинція отъ другой. Само собой разумѣется, что для тогдашняго времени это было дѣломъ въ высшей степени труднымъ. Ему удается сдѣлать это только для пяти провинцій. Пошлины, взимавшіяся на десяти рѣкахъ, были Кольберомъ изслѣдованы и значительное количество ихъ отмѣнено. Кольберъ создалъ Лангедокскій каналъ, соединяющій Средиземное море съ Атлантическимъ океаномъ. Онъ затрачиваетъ массу денегъ на улучшеніе дорогъ во всей Франціи. Дюнкирхенъ и Марсель объявляетъ свободными портами. Торговля золотомъ и серебромъ объявляется свободной во всей Франціи. Наконецъ, въ 1673 г., онъ издаетъ такъ называемый Общій ордонансъ о торговлѣ, который создалъ единое торговое законодательство для всей Франціи и удержался въ силѣ вплоть до изданія Наполеоновскаго торговаго кодекса. Въ 1674 г. однимъ изъ своихъ эдиктовъ онъ сразу отмѣнилъ около 19-ти старыхъ феодальныхъ судовъ.

Еще болѣе энергіи Кольберъ обнаруживаетъ для расширенія сферы внѣшняго обмѣна, но вовсе не потому, что онъ полагаетъ, что внѣшняя торговля создаетъ больше богатства, а потому, что это расширеніе встрѣчаетъ гораздо менѣе препятствій: на иностранныхъ рынкахъ, а въ особенности въ колоніяхъ, торговый капиталъ успѣлъ завоевать себѣ больше свободы и тамъ нѣтъ, или во всякомъ случаѣ, менѣе

---

1) Эта идея связи хозяйственнаго и политическаго могущества блестяще развита уже Гаррингтономъ въ его сочиненіи: „Океанія", которое опубликовано въ 1656 г.

тягостныхъ остатковъ стараго феодальнаго строя, поколебленныхъ всяческими особыми разрѣшеніями государственной власти.

Одинъ изъ новѣйшихъ писателей Дюбуа, найдя въ письмахъ Кольбера такого рода замѣчаніе: „мануфактуры принесутъ въ обмѣнъ деньги, а деньги есть единственная цѣль торговли и единственное средство увеличить величіе и могущество государства“, — торопится назвать его типичнымъ меркантилистомъ [1]). Отсюда, однако, вовсе не слѣдуетъ, что Кольберъ меркантилистъ и только потому, что отождествляетъ деньги съ богатствомъ. Изъ другихъ его писемъ ясно видно, что даже запрещеніе вывоза денегъ, къ которому онъ иногда прибѣгаетъ, вызвано совершенно иными соображеніями. Въ инструкціи къ посланнику въ Мадридѣ онъ отмѣчаетъ, что испанцы пытались удержать у себя весь запасъ благородныхъ металловъ изъ новаго свѣта, но это имъ не удалось потому, что у нихъ не было никакихъ мануфактуръ; всѣ запрещенія вывоза денегъ не привели ни къ чему. Въ письмѣ къ интенданту Марселя онъ объясняетъ, что отлично понимаетъ невозможность вести торговлю съ Левантомъ безъ денегъ, но рекомендуетъ дѣлать затрудненія марсельскимъ купцамъ по вывозу денегъ только для того, чтобы побудить ихъ заводить мануфактуры, которыя приготовятъ продукты для вывоза и тѣмъ создадутъ возможность, подорвавъ торговлю англичанъ и голландцевъ, устранить необходимость въ вывозѣ денегъ.

Кольберъ не щадитъ денегъ для расширенія флота и увеличенія колоніальныхъ владѣній Франціи. Ко времени смерти Кольбера Франція представляла собою одну изъ самыхъ крупныхъ колоніальныхъ державъ. Франціи принадлежали: Канада, Лузіана, весь бассейнъ Миссисипи, значительная часть Остъ-индскихъ острововъ, Гвіана, часть берега сѣверо-западной Африки, въ Остъ-Индіи: Кондишера и Чандернагоръ.

Въ министерство Кольбера было вновь учреждено или пересоздано около 13-ти привиллегированныхъ торговыхъ

---

1) A. Dubois, Les Doctrines économiques. L'Epoque antérieure aux Physiocrates (1903 г.). Марксъ правъ до нѣкоторой степени, что новѣйшая политическая экономія начинается съ того времени, когда изслѣдованіе переходитъ отъ процесса обращенія (обмѣна) къ производству, но обычное утвержденіе (въ томъ числѣ и Маркса), будто меркантилисты полагали, что прибыль создается обмѣномъ, продажей товара положительно не вѣрно. Какъ увидимъ впослѣдствіи, объяснить происхожденіе прибыли внѣ условій обмѣна совершенно невозможно. Практики-меркантилисты ясно видѣли, что расширеніе сферы обмѣна создаетъ большія прибыли. Какъ увидимъ, экономія нашего времени понимаетъ, что обмѣнъ можетъ, дѣйствительно, давать громадныя прибыли при размѣнѣ продуктовъ, какъ долей общаго національнаго дохода.

компаній. Въ особомъ мемуарѣ-инструкціи директорамъ компаніи Западныхъ Индій, въ такъ называемомъ Pacte coloniale, онъ указываетъ какимъ образомъ долженъ совершаться обмѣнъ колоній и метрополій.

Всѣ непосредственныя сношенія колоній съ другими государствами воспрещаются. Компанія имѣетъ право вводить въ колоніи только товары французскаго происхожденія и на французскихъ корабляхъ. Первоначально Кольберъ требовалъ, чтобы обмѣнъ совершался, какъ продуктъ на продуктъ, но потомъ допустилъ и денежный обмѣнъ.

Такимъ образомъ, Кольберъ, какъ истинный сынъ своего времени, всемѣрно заботится о расширеніи рынковъ сбыта. Вопросъ о невозможности извлеченія прибыли чрезъ обмѣнъ еще не былъ поднятъ теоріей [1]).

Эксплоатація колоній и расширеніе обмѣна въ предѣлахъ страны обогащали людей, и Кольберъ шелъ по вѣрной дорогѣ.

II. Всѣ особенности внутренней промышленной политики сказались въ министерство Кольбера послѣ созданія особаго совѣта торговли въ 1669 г. и института инспекторовъ промышленности въ 1670 г.

Стремясь къ одной и той же цѣли — къ созданію новыхъ формъ и условій промышленности, Кольберъ идетъ здѣсь четырьмя путями: 1) онъ заботится о развитіи мануфактуръ; 2) разрушаетъ цеховое самоуправленіе, окончательно подчиняя его надзору и опекѣ правительственной власти; 3) стремится передать регламентацію всей системы производства въ руки правительства; 4) желаетъ обезпечить развитіе промышленности путемъ протекціоннаго тарифа. Всѣ эти стороны его дѣятельности заслуживаютъ внимательнаго изученія.

1. При созданіи мануфактуръ Кольберъ продолжаетъ дѣло начатое монархіей еще съ Генриха IV-го. Уже съ этого времени правительство присваиваетъ себѣ право, во первыхъ, создавать собственныя мануфактуры, и, во вторыхъ, на особыхъ условіяхъ разрѣшать созданіе предпріятій въ такъ называемыхъ „привиллегированныхъ мѣстахъ“ [2]). Въ то время это имѣло большое значеніе. Такая правительственная „концессія“ давала полную свободу отъ цеховыхъ

---

1) Какъ увидимъ ниже, физіократы были первыми экономистами, старавшимися доказать, что обмѣнъ не создаетъ ни богатства, ни чистаго дохода. Значеніе этой теоріи мы объяснимъ при анализѣ теоріи цѣнности классической школы и Маркса.

2) Повидимому, нѣкоторые изъ принцевъ крови, монастыри, выдающіеся представители аристократіи нерѣдко также давали такія разрѣшенія. Въ 1717 г. было даже назначено особое слѣдствіе надъ лицами, присвоившими себѣ право работать въ такихъ мѣстахъ, не проходя срока ученичества, не пріобрѣтая званія мастера и не представляя образцовой работы. Многіе лишились своихъ вольностей.

стѣсненій. Ко времени Кольбера вполнѣ опредѣлились три типа такихъ предпріятій: 1) собственныя королевскія мануфактуры (напр., извѣстныя Гобелены), 2) частныя мануфактуры, которыя могли называть себя королевскими и 3) обыкновенныя мануфактуры частныхъ лицъ. Въ министерство Кольбера было создано около 113 королевскихъ мануфактуръ и еще болѣе частныхъ со всякаго рода привеллегіями. Всѣ эти мануфактуры получали обыкновенно цѣлый рядъ привиллегій, стояли въ непосредственной зависимости отъ правительства, были свободны отъ цеховыхъ стѣсненій и нерѣдко получали значительныя субсидіи. Левассеръ высчитываетъ, что около 1 милліона ливровъ было затрачено Кольберомъ на субсидированіе предпріятій; кромѣ того, нерѣдко они освобождались на нѣкоторое время отъ налогового обложенія.

Любопытнымъ образчикомъ такой привиллегированной мануфактуры можетъ служить, напр., ткацкая мануфактура въ Бовэ. Она получила субсидію въ 30 т. ливровъ, безпроцентный заемъ также въ 30 т. л. Владѣлецъ получилъ право на субсидію за каждаго ученика-француза въ размѣрѣ 30 ливр. ежегодно, но съ обязательствомъ держать не менѣе 50 учениковъ и довести въ шесть лѣтъ персоналъ мануфактуры до 600 человѣкъ. Рабочіе этой фабрики также получили привиллегіи; всякій трудящійся въ ней иностранный рабочій получалъ 20 ливр. ежегодной субсидіи, французскій рабочій пріобрѣталъ въ два года право поселиться въ любомъ городѣ Франціи.[1])

Цѣлый рядъ мѣръ Кольберъ старается принять и для увеличенія интенсивности труда: между прочимъ отмѣняетъ даже 17 церковныхъ праздниковъ, въ часы работъ воспрещаетъ продажу спиртныхъ напитковъ и т. п.

По справедливому замѣчанію Левассера, создавая мануфактуры, Кольберъ не уничтожалъ цеховъ: онъ поставилъ лишь „привиллегію противъ привиллегіи.“

Само собою разумѣется, что побѣда должна была остаться за мануфактурами, ибо это были крупныя предпріятія, весьма близкія къ нашимъ современнымъ фабрикамъ. Желая поощрить развитіе этихъ мануфактуръ, Кольберъ заботился о привлеченіи къ работѣ женщинъ и дѣтей: давалъ даже преміи родителямъ, посылающимъ дѣтей на работу;

---

1) Привиллегированные мануфактуры часто получали исключительное право производить и продавать тѣ или иные продукты, освобождались отъ наиболѣе тягостныхъ налоговъ (taille, gabelle), отъ постоя солдатъ и т. п., см. массу интереснаго матеріала въ сочин. G. Martin. La Grande Industrie en France sous le règne de Louis XIV (1898) и A. de Cilleuls-Histoire et régime de la Grande Industrie aux XVII et XVIII-e siècle (1900 г.).

въ этихъ мануфактурахъ разрѣшался ночной трудъ — дѣло невиданное для цехового строя; иностранные рабочіе привлекались всѣми возможными способами: принимались мѣры даже для обращенія этихъ послѣднихъ въ католицизмъ, чтобы болѣе привязать ихъ къ Франціи. Французскіе мастера и рабочіе не имѣли права покинуть свою родину. Узнавъ, напримѣръ, что два мастера шелковаго дѣла съ двадцатью рабочими желаютъ переселиться въ Испанію, Кольберъ приказываетъ ихъ арестовать, рабочимъ давать во время ареста умѣренное содержаніе, а мастеровъ заставить „пострадать.“

Надлежитъ отмѣтить, что эти мѣропріятія говорятъ уже о значительномъ смягченіи „техники покровительства отечественной промышленности.“ Въ 15-омъ вѣкѣ (даже во вторую его половину) Венеція задерживала рабочихъ своихъ стеклянныхъ мастерскихъ мѣрами другаго характера: заключеніемъ въ тюрьму родственниковъ, покинувшихъ территорію Венеціи, и, наконецъ, прямымъ убійствомъ эмигрантовъ. „Если, гласило постановленіе Совѣта Десяти, несмотря на заключеніе его родственниковъ въ тюрьму, рабочій по стеклу станетъ упорствовать въ желаніи оставаться на чужбинѣ, за нимъ вслѣдъ будетъ отправленъ агентъ, которому будетъ поручено убить его“. По словамъ Дживилегова (см. его Торговля на Западѣ въ средніе вѣка, стр. 150), то и дѣло въ Италіи и Германіи находили убитыми венеціанскихъ рабочихъ, оставившихъ родину и казненныхъ по приказанію Совѣта Десяти.“

Рабочій персоналъ всецѣло подчиняется интересамъ развивающагося капитализма [1]).

---

1) Какъ при организаціи мануфактуръ, такъ и при регламентаціи цеховъ въ законодательствѣ Кольбера и его преемниковъ сказывается и еще одна любопытная тенденція: стремленіе привязать рабочаго къ хозяину и воспретить рабочимъ всякія соединенія для защиты своихъ интересовъ. Уже однимъ изъ своихъ регламентовъ 1699 г. Кольберъ подъ страхомъ штрафа въ 60 ливровъ воспрещаетъ сманиваніе работниковъ однимъ хозяиномъ у другого; уходить отъ хозяина рабочій имѣетъ право только, заявивъ объ этомъ за мѣсяцъ; кромѣ того, если мастеръ разсчитываетъ рабочаго, то онъ имѣетъ право взыскивать съ мастера, къ которому рабочій перешелъ, только $1/8$ заработной платы, которую рабочій остался ему долженъ; если рабочій уходитъ по собственному желанію, мастеръ долженъ взыскать съ другого мастера, къ которому перешелъ рабочій, весь его долгъ цѣликомъ. При преемникахъ Кольбера законодательство становится еще строже по отношенію къ рабочимъ, въ виду все болѣе и болѣе обнаруживающагося среди нихъ стремленія къ образованію союзовъ и устройству стачекъ. Законъ 2 Января 1749 г. впервые принимаетъ на себя задачу нормировать отношенія предпринимателей къ рабочимъ во всѣхъ промыслахъ. Въ этомъ законѣ указываются тѣ причины, которыя вызвали необходимость этой регламентаціи: предприниматели сманиваютъ другъ у друга рабочихъ, отпускаютъ ихъ безъ письменныхъ удостовѣреній о прекращеніи договора; рабочіе со-

Однимъ словомъ, созданіе мануфактуръ — это покровительство вновь нарождающимся капиталистическимъ предпріятіямъ.

2. Въ законодательствѣ Кольбера по отношенію къ цехамъ обнаруживается таже тенденція центральной власти стать на мѣсто разрушающейся организаціи промышленнаго самоуправленія. До 1581 г. далеко не всѣ ремесла были организованы во Франціи въ цехи. Генрихъ III впервые на основаніи общаго закона 1581 г. [1]) распространилъ цеховую организацію на всѣ виды ремеслъ, указомъ 1587 г. — и на всѣ виды торговли.

Ко времени Кольбера, старая цеховая организація, однако, представляла уже нѣчто вымирающее; уже въ 1614 г. генеральные штаты ходатайствовали объ ея отмѣнѣ. Цехи стремятся замкнуться въ самихъ себя и монополизировать производство въ своихъ рукахъ. Многіе цехи этого времени запрещаютъ пріемъ въ ученичество кого-либо кромѣ сыновей мастера, освобождаютъ послѣднихъ отъ обязательнаго искуса, а также и отъ издержекъ по пріобрѣтенію званія мастера. Вмѣсто одной образцовой работы, какъ прежде, многіе цехи требуютъ уже двѣ: одну при переходѣ изъ учениковъ въ подмастерья и другую для пріобрѣтенія званія мастера. Этотъ искусъ въ подмастерскомъ званіи во многихъ ліонскихъ цехахъ затягивается на цѣлыхъ пять лѣтъ. Самая стоимость пробной работы все болѣе и болѣе увеличивается. Среди многихъ цеховъ замѣчается даже стремленіе нормировать число мастеровъ. Цехи ведутъ отчаянную борьбу противъ производителей въ деревнѣ. Строгое наблюденіе за качествомъ производимаго продукта, напротивъ, все болѣе падаетъ.

Кольберъ стремится привести многообразные уставы цеховъ къ единству, вводитъ обязательную ихъ регистрацію, подъ условіемъ небольшого платежа, ставитъ во главѣ це-

---

ставляютъ соглашенія, чтобы воспрепятствовать предпринимателямъ нанимать и разсчитывать рабочихъ, какъ хотятъ. Рабочимъ подъ страхомъ штрафа въ 100 ливровъ воспрещено покидать мастеровъ безъ письменнаго удостовѣренія; мастера, подъ страхомъ штрафа въ 300 ливр., не имѣютъ права нанимать рабочихъ безъ такого удостовѣренія. Всякія соединенія рабочихъ воспрещаются; стачки наказываются нерѣдко висѣлицей для зачинщиковъ и галерами для всѣхъ дѣятельныхъ участниковъ стачки.

1) Законъ 1581 г. имѣлъ уже очень важное значеніе въ смыслѣ созданія опеки надъ цехами. Согласно этому закону издержки по принятію въ званіе мастера были сокращены, приняты мѣры для удешевленія пробной работы. Обязанность давать обѣды и подарки при производствѣ въ мастера отмѣнена, мастерамъ пригородовъ дозволено переселяться въ города, мастеръ пріобрѣлъ право свободнаго передвиженія въ предѣлахъ дѣйствія одного парламента, каждому мастеру дозволено вести два сродныхъ промысла и т. п.

ховъ особыхъ выборныхъ присяжныхъ: возлагаетъ на нихъ наблюденіе за всей жизнью цеха и за качествомъ производимыхъ имъ продуктовъ. Кольберъ не достигъ своей цѣли. Многіе цехи избѣгли регистраціи, но его мѣропріятія, какъ увидимъ ниже, въ рукахъ его преемниковъ привели къ окончательной гибели цеховъ. Чтобы судить о намѣреніяхъ Кольбера, слѣдуетъ обратить вниманіе на его законы 13 августа 1669 г., касавшіеся промысловъ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ.

Присяжные мастера въ промыслахъ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ должны были избираться ежегодно. Они были представителями цеховъ, должны были наблюдать за ходомъ промысла, за выполненіемъ изданныхъ для него регламентовъ, должны были ежегодно доставлять отчеты о ходѣ промысла и дѣлать предложенія о возможныхъ усовершенствованіяхъ, разбирать споры между мастерами и рабочими. Особаго довѣрія, однако, Кольберъ къ присяжной администраціи цеховъ не питаетъ. Въ 1670 году онъ создаетъ институтъ промышленныхъ инспекторовъ, которые должны слѣдить за всей жизнью цеха, наблюдать за выполненіемъ ихъ уставовъ и контролировать ихъ отчеты. Недовѣріе Кольбера къ цехамъ такъ велико, что онъ обязываетъ инспекторовъ на другой же день по представленіи цехомъ отчета провѣрять его на мѣстѣ. Промышленный инспекторъ долженъ все знать, все вѣдать, слѣдить за всѣми усовершенствованіями, обо всемъ доносить центральному правительству. Регламенты, которые должны выполнять цехи подъ контролемъ этихъ инспекторовъ, опредѣляютъ длину, ширину, добротность, процессы производства матеріи. Кольберъ не останавливается предъ наказаніями для мастеровъ, изготовившихъ матеріи ненадлежащаго качества, опасаясь сдѣлать ихъ мало пригодными для конкуренціи на иностранномъ рынкѣ. Всякая плохо изготовленная матерія должна быть выставлена на эшафотѣ и висѣть тамъ въ теченіи 48 часовъ съ особой надписью, указывающей имя и фамилію производителя. По истеченіи этихъ 48 часовъ матерію надлежало разрѣзать, разорвать, сжечь или конфисковать. Въ случаѣ повторенія такого же проступка мастера надлежало подвергнуть поруганію въ общемъ собраніи цеха. Если и въ третій разъ матерія окажется плохой, самого мастера надлежало выставить на эшафотѣ съ образцами негодной матеріи.

Кольберъ налагаетъ руку на цеховое самоуправленіе еще и въ другомъ направленіи. Промысловые суды этого времени были чрезвычайно многообразны. Въ однихъ городахъ они были поручены мэрамъ и эшевэнамъ, въ другихъ — королевскимъ судьямъ. Кольберъ въ 1669 г. по-

становляетъ, что всѣ споры по вопросамъ о сыромъ матеріалѣ, объ обработкѣ, объ окраскѣ, о фабричныхъ маркахъ, о заработныхъ платахъ и о разсчетахъ цеховъ между собою передаются веденію особыхъ городскихъ судей изъ шести человѣкъ, въ составѣ которыхъ долженъ быть одинъ купецъ. Когда же обнаружилось, что суды эти дѣйствуютъ плохо, по примѣру Парижа, гдѣ уже въ 1667 г. разборъ этихъ дѣлъ былъ порученъ лейтенанту полиціи, такія же полицейскія должности вводятся и во многихъ другихъ городахъ. Изъ сказаннаго ясно, что мало по малу созданіемъ инспекторовъ и этихъ полицейскихъ должностей Кольберъ всецѣло подчиняетъ промышленность опекѣ административной власти.

3. Завершеніемъ мѣропріятій Кольбера долженъ былъ быть таможенный тарифъ, который и наноситъ первый серьёзный ударъ всей этой системѣ опеки надъ развитіемъ промышленности. Въ этомъ отношеніи Кольберъ рѣшительно вступаетъ на новый путь. Уже его таможенный тарифъ 1664 года почти не носитъ фискальнаго характера. Всѣ пошлины были пересмотрѣны и имъ приданъ характеръ, поощряющій развитіе разнообразныхъ отраслей промышленности. Тарифъ 1667 г. еще болѣе усиливалъ эту тенденцію. Въ немъ было около 700 ставокъ по вывозу, сравнительно весьма умѣренныхъ, и 900 ставокъ по ввозу, значительно увеличенныхъ: нѣкоторыя изъ этихъ ставокъ были увеличены вдвое, а нѣкоторые и еще болѣе. Повышеніе тарифа вызвало большое негодованіе въ Голландіи, которая, не развивая своихъ мануфактуръ, была главной торговой страной тогдашняго міра: этотъ тарифъ былъ отчасти причиной войны (1672 г.) съ Голландіей, въ которой Франція была побѣждена, и, согласно Нимвегенскому миру (1678 г.), должна была отказаться отъ тарифа 1667 г. и ввести значительно пониженный тарифъ. Кольберъ до конца жизни не могъ утѣшиться отъ этой неудачи.

По словамъ О. Тьерри, съ 1672 г. по 1678 г. „всякаго рода экономическія улучшенія остановились или пошли назадъ. Съ этой поры Кольберу выпадаетъ неблагодарная задача противопоставлять голосъ разсудка пристрастной политикѣ, руководствующейся гордостью, насиліемъ и захватомъ, охранять обѣднѣвшую казну отъ все возрастающихъ требованій на празднества, увеселительныя постройки и военный бюджетъ въ совершенно мирное время, и онъ постепенно поддался подъ тяжестью этой безплодной и безнадежной борьбы“. Левассеръ сомнѣвается, можно ли съ увѣренностью приписать развитіе промышленности регламентаціи Кольбера. Онъ отмѣчаетъ, что она коснулась, главнымъ образомъ, только промышленности по обработкѣ волокнистыхъ веществъ, между тѣмъ, другія отрасли промышлен-

ности, стоявшія внѣ опеки, развивались также; но онъ опредѣленно утверждаетъ, что причинами крушенія всей системы и дальнѣйшаго упадка явились: „война и налоги", а впослѣдствіи и извращеніе всѣхъ мѣропріятій Кольбера въ рукахъ его преемниковъ.

Прежде чѣмъ приступить къ указанію мѣропріятій этихъ преемниковъ, необходимо отмѣтить еще одну особенность въ политикѣ Кольбера, которая характерна для всей эпохи меркантилизма.

Одинъ изъ англійскихъ меркантилистовъ Джи [1]) старается объяснить причину того обстоятельства, почему въ большинствѣ руководящихъ странъ его времени процвѣтала система косвенныхъ налоговъ и, въ частности, политика дорогого хлѣба. Въ главѣ 23-й своего труда онъ говоритъ о средствахъ, при помощи которыхъ можно поднять торговлю и устранить бѣдность. Примѣромъ наиболѣе удачной политики для него служатъ голландцы. „Голландцы, — пишетъ онъ, — заботятся о томъ, чтобы держать на низкой цѣнѣ всѣ продукты, которые можно употреблять въ мануфактурахъ, но налагаютъ большіе налоги на продукты, безъ которыхъ абсолютно нельзя обойтись, напр., на средства къ существованію, отопленіе . . . Они убѣждены, что голодъ и жажда заставляютъ народъ работать, чтобы удовлетворить этимъ потребностямъ . . . Таже политика, по его словамъ, господствуетъ во Франціи и въ Гамбургѣ". . . „Министры мудрой Елизаветы также поняли выгоды, которыя получитъ нація, если будетъ устранено безпутство простого народа, если его будутъ употреблять для полезныхъ работъ въ мануфактурахъ, которыя увеличатъ наше могущество, расширятъ торговлю и дадутъ намъ возможность поставлять иностранцамъ шерстяныя матеріи и другіе продукты. Вырвать народъ изъ бездѣлья и пріучить къ труду это значитъ — уничтожить порокъ въ его сердцѣ и воспитать въ добродѣтели". „Наши мануфактуристы, продолжаетъ онъ, часто замѣчали, что, когда хлѣбъ дешевъ, они едва въ состояніи были находить ткачей и другихъ ремесленниковъ. Ремесленники, которые зарабатывали достаточно въ два или три дня, чтобы существовать въ теченіе цѣлой недѣли, всегда желали остальные дни проводить въ пьянствѣ и бездѣльи; совершенно противоположное замѣчалось, когда хлѣбъ былъ достаточно дорогъ: работники принуждены были работать цѣлую недѣлю. Мануфактуристы имѣли работниковъ, сколько

---

1) Цитуемъ сочин. Gee по французскому переводу: Considérations sur le commerce et la navigation de la Grande Bretagne, Amsterdam, MDCCL, гл. 23, comment on pourrait mieux régler et employer les pauvres; conclusion, стр. 56, 57, 215 и passim.

хотѣли, а привычка къ труду такъ упрочивалась у нихъ, что они зарабатывали достаточно не только для того, чтобы существовать, но и для того, чтобы одѣваться и пріобрѣтать предметы, полезные для жизни".

Мы уже видѣли, что со времени Кольбера во Франціи установилась система дешеваго хлѣба, и въ этомъ отношеніи примѣнительно къ Франціи Джи не правъ. Онъ вѣрно, однако, отмѣчаетъ, что меркантильный періодъ характеризуется необычайнымъ изобиліемъ косвенныхъ налоговъ, падающихъ безъ разбора на самые насущные предметы, и стремленіемъ держать заработную плату возможно ниже. Это обстоятельство объясняется цѣлымъ рядомъ причинъ. Во первыхъ, привиллегіями дворянства и духовенства, освобожденными отъ прямыхъ налоговъ. Крестьянство этого времени несетъ поголовную подать и переобременено феодальными сборами: во вторыхъ, фискальными потребностями монархическихъ правительствъ, ибо прежніе источники доходовъ (феодальныя владѣнія князей и монарховъ) становятся совершенно недостаточными; въ третьихъ, косвенные налоги на самые насущные предметы даютъ обыкновенно наибольшій доходъ, а между тѣмъ въ періодъ меркантильной политики о защитѣ интересовъ рабочаго класса еще никто не думаетъ. Меркантилисты заботятся объ интересахъ казны и промышленности, т. е., промышленниковъ, не раздѣляя судьбы предпринимателей отъ участи рабочихъ. Въ этотъ первичный періодъ капиталистическаго развитія низкая заработная плата считается однако лучшимъ средствомъ для облегченія борьбы на міровомъ рынкѣ [1]) и для ускоренія накопленія капитала.

---

1) Характерною особенностью англійскаго меркантилизма являются также особые законы противъ роскоши, которые стремятся къ двумъ цѣлямъ: a) сократить ввозъ предметовъ роскоши иностраннаго производства и b) предотвратить расточительность предпринимателей, что было важно и для увеличенія размѣровъ накопленія капитала, и для возможности использованія доходовъ промышленности въ цѣляхъ казны. Любопытно, что англійскій меркантилистъ Мисссльденъ и русскій И. Посошковъ вполнѣ согласны въ этомъ отношеніи. „Какое множество иностранныхъ товаровъ потребляется въ Англіи, — восклицаетъ Мисссльденъ: „все это отнюдь не составляетъ необходимости, а, между тѣмъ, покупается на готовыя деньги, которыя остались бы дома" (1622 г.). Посошковъ въ своей книгѣ „О скудости и богатствѣ" (1722 г.) пишетъ: „иноземцы хощутъ Россійское государство пригнать къ оскудѣнію и, издѣваясь надъ нами, вмѣсто матеріальныхъ товаровъ, возятъ къ намъ разныя питія, да и похваливаютъ . . ., дабы больше у нихъ покупали и денегъ бы имъ больше давали, а намъ бы то ихъ питье выпить, да плюнуть, а привозятъ къ намъ стеклянную посуду, чтобы намъ, купивъ, разбить да бросить" . . . Французскій меркантилизмъ былъ отчасти построенъ на поощреніи производства предметовъ роскоши, и въ этомъ была его слабая сторона, сравнительно съ англійскимъ.

Кольберъ въ своей политикѣ въ первое время даже понизилъ было поголовную подать; съ необычайнымъ неодобреніемъ онъ относился къ феодальнымъ повинностямъ, стремился даже пропагандировать идею свободнаго труда въ деревнѣ, но время для осуществленія этихъ реформъ еще не приспѣло. Ему оставался единственный путь: откупа и косвенные налоги. Какъ мы уже отмѣтили, онъ стремился упорядочить откупное дѣло. Косвенные налоги, однако, въ его министерство выросли на 78%. Нужды монархіи, расточительность правящей аристократіи и бюрократіи, такимъ образомъ, стали разорять благосостояніе всей буржуазіи и народа. Такова была примѣчательная система промышленнаго меркантилизма во Франціи. Въ рукахъ невѣжественныхъ преемниковъ Кольбера она стала развиваться только своими наиболѣе отрицательными сторонами.

Регламенты Кольбера, видоизмѣненное продолженіе цеховой регламентаціи, основанной на самоуправленіи и на единствѣ въ разнообразіи, имѣли свою очень опасную сторону: они исходили отъ центральной власти и, потому, были неизбѣжно однообразны; между тѣмъ, новыя формы промышленности развивались быстро; въ регламентахъ должна была происходить постоянная ломка и, при томъ, со знаніемъ дѣла. Кольберъ былъ большой знатокъ промышленнаго дѣла, его преемники — полныя невѣжды. Въ ихъ рукахъ регламенты становятся все многочисленнѣе, детальнѣе и зачастую совершенно не соотвѣтствуютъ нуждамъ промысла, только опутываютъ его массой нелѣпыхъ постановленій, въ смыслѣ которыхъ иногда и разобраться трудно [1]). Кольберъ затѣялъ регистрацію присяжныхъ цеховъ не безъ фискальныхъ цѣлей, преемники Кольбера воспользовались подчиненіемъ цеховъ для полнаго ихъ ограбленія. Должности присяжныхъ выборныхъ объявляются наслѣдственными подъ благовиднымъ предлогомъ, что, будучи таковыми, мастера лучше будутъ заботиться объ интересахъ промысла, а затѣмъ подъ давленіемъ фискальныхъ потребностей эти должности вскорѣ становятся продажными. Такъ какъ отправленіе всевозможныхъ должностей для наблюденія за цехами обыкновенно связывается съ правомъ взимать съ нихъ нѣкоторые платежи, то стоитъ правительству заявить о своей готовности создать новыя должности, чтобы тѣмъ самымъ побудить мастеровъ къ ихъ выкупу. Со времени преемниковъ Кольбера начинается самая по-

---

1) Достаточно отмѣтить, напр., что регламентъ типографовъ 1686 г. имѣетъ 69 статей, въ 1723—125; регламентъ шелковой индустріи въ 1703 г. 24 статьи, въ 1737—203 статьи, на 69 страницахъ!

зорная торговля этими должностями, а также и продажа званія мастера лицамъ, часто ничего не имѣющимъ общаго съ извѣстной промышленной выучкой и являющихся простыми, а иногда и безчестными спекулянтами — предпринимателями. Всѣ подобныя мѣропріятія, въ связи съ конкуренціей мануфактуръ, совершенно подрываютъ экономическое благосостояніе цеховаго класса. Къ этому присоединяются еще безконечные процессы, которые ведутъ между собой разнообразные цехи за право веденія того или другого промысла или его подраздѣленія. По словамъ Савари, ежегодныя издержки цеховъ на процессы въ одномъ Парижѣ достигаютъ до 1 милліона ливровъ . . .

Покупка и выкупъ всяческихъ должностей окончательно разорили цеховую промышленность. Савари утверждаетъ, что въ Парижѣ были цехи, которые имѣли долгъ въ 300—400 тыс. ливровъ. Клико де Блервашъ высчитываетъ, что въ 1758 г. общая задолженность цеховъ достигла до 30 милліоновъ ливровъ. Естественнымъ послѣдствіемъ этого было низведеніе цѣлаго ряда ремесленниковъ до положенія нищихъ, и число бродягъ и бездомныхъ стало все болѣе и болѣе увеличиваться. . . .

Въ регентство герцога Орлеанскаго явился человѣкъ, который сталъ обѣщать монархіи обогатить Францію не развитіемъ промышленнаго труда, не сокращеніемъ растратъ; не увеличеніемъ налоговъ и продажей должностей улучшить финансы страны, а лишь особыми финансовыми операціями. Соблазнъ былъ великъ; наступило время великой системы Джона Ло [1]).

Исторически чрезвычайно важно отмѣтить, что при построеніи своей системы Д. Ло имѣлъ за собой опытъ той же Голландіи, первой страны новаго міра, которая съумѣла развить до необычайныхъ размѣровъ свою торговлю и свои кредитныя операціи. Въ этой странѣ была впервые создана Голландо-Остъ-Индская торговая компанія на акціяхъ, и эти акціи стали продаваться на рынкѣ по мѣняющемуся курсу. Однимъ словомъ, у этой страны Европа научилась впервые широкой спекулятивной игрѣ на биржѣ и организаціи предпріятій на акціяхъ. Джонъ Ло, однако, значительно превзошелъ своихъ учителей. Онъ съумѣлъ создать вмѣсто именныхъ акцій акціи на предъявителя; онъ былъ, если и не изобрѣтателемъ, то человѣкомъ, доведшимъ до совершенства биржевыя сдѣлки на разницу и съ преміей. Его

1) См. о Д. Ло интересную книгу Горна, р. пер., Спб., 1895 г. Критика денежной теоріи Ло см. при изложеніи системы Оуена. Изложеніе теоріи Мелона, одного изъ послѣднихъ болѣе умѣренныхъ меркантилистовъ см. въ моемъ трудѣ „Обмѣнъ и экономическая политика“, Юрьевъ, 1904 г., гл. I.

система, какъ увидимъ, окончилась крахомъ, но созданіе акцій на предъявителя и всѣ тонкости биржевой игры научили человѣчество соединять мелкіе капиталы въ одну великую силу движимаго капитала[1]). Со времени Д. Ло — кредитъ съ его организованными, громадными центральными банками становится необходимымъ элементомъ развитія капиталистической системы.

Въ Европѣ того времени уже давно сказалась потребность въ организаціи крупныхъ банковъ для раздачи кредитовъ какъ правительству, такъ и частнымъ лицамъ. Громадной извѣстностью и значительными богатствами обладали Амстердамскій банкъ (основанъ въ 1609 г.), Гамбургскій (1619) и Нюренбергскій (1621), но они были такъ называемыми депозитными банками, т. е., выпускали билеты, но не иначе, какъ за полнымъ обезпеченіемъ ихъ благороднымъ металломъ. Всякій, сдѣлавшій въ такой банкъ вкладъ золотомъ или серебромъ, получалъ депозитный билетъ или свидѣтельство, которое и обращалось на рынкѣ, какъ деньги. Для первыхъ шаговъ капиталистическаго развитія эти банки сыграли важную роль: а) они давали хорошую монету, хорошія бумажныя деньги, что было особенно важно въ тотъ вѣкъ съ массой разнообразныхъ и часто фальсифицированныхъ самою властью монетъ: b) собирали громадные вклады, которыми и пользовались для раздачи кредитовъ частнымъ лицамъ и втайнѣ правительству: но этого было уже недостаточно въ концѣ 17-го вѣка и въ началѣ 18-го.

Первымъ громаднымъ Банкомъ, выпустившимъ банковые билеты безъ полнаго обезпеченія ихъ золотомъ, былъ Англійскій Банкъ, учрежденный въ 1694 г. Д. Ло принадлежитъ честь организаціи перваго такого Банка на континентѣ Европы и доведенія выпусковъ до колоссальныхъ размѣровъ. Европейскія правительства почти всѣхъ странъ скоро воспользовались сладкимъ ядомъ бумажныхъ денегъ: у насъ, въ царствованіе Екатерины II съ 1786 г., во Франціи съ 1789 г. и Англіи съ 1797 г., т. е., въ эпоху революціи и антиреволюціонныхъ войнъ.

Джонъ Ло родился въ Эдинбургѣ; онъ былъ сыномъ банкира и золотыхъ дѣлъ мастера. За дуэль, окончившуюся смертью противника, онъ былъ приговоренъ къ смертной казни, которая, однако, замѣнена тюремнымъ заключеніемъ. Въ началѣ 1695 г. бѣжалъ и, странствуя по Европѣ, въ Голландіи и Италіи, игралъ счастливо въ карты и вни-

---

1) О современной биржевой техникѣ и ея значеніи см. три слѣд. великолѣпныхъ труда: 1. R. Ehrenberg. Die Fondspeculation und die Gesetzg., Berlin, 1883; 2. A. Sayous. Les Bourses Allemandes de valeurs et de commerce, Paris, 1898; 3. H. C. Emery. Speculation on the exchanges of the U. S., N. Y., 1896 г.

мательно изучалъ банковое дѣло. Наживъ игрой въ карты большiе деньги, возвратился въ Шотландiю и въ 1700 и 1705 гг. опубликовалъ два сочиненiя. Въ первомъ онъ доказывалъ необходимость образованiя особаго торговаго совѣта для покровительства земледѣлiю, промышленности и торговлѣ, во второмъ, подъ заглавiемъ „Деньги и торговля, предложенiе о снабженiи нацiи монетой“ (1705 г.), Ло излагаетъ свою денежную теорiю. Она чрезвычайно любопытна и является попыткой переработать ученiе Локка. Идеи Ло глубоко проникли въ общественную мысль; Францiя, а потомъ и Англiя попробовали осуществить ихъ на практикѣ и представителямъ классической школы, какъ увидимъ впослѣдствiи, пришлось много бороться противъ подобныхъ же идей. Вотъ въ краткомъ изложенiи его положенiя и практическiе выводы, которые онъ изъ нихъ сдѣлалъ.

„Вещи, пишетъ онъ, получаютъ бо̀льшую или меньшую цѣнность отъ тѣхъ употребленiй, къ которымъ ихъ предназначаютъ, но ихъ цѣнность выше или ниже не столько отъ болѣе или менѣе цѣнныхъ употребленiй, сколько отъ большаго или меньшаго изобилiя сравнительно со спросомъ. Число проданныхъ вещей не можетъ превзойти ихъ количества, спросъ же можетъ: вещей можетъ требоваться больше, чѣмъ ихъ имѣется, а потому и больше, чѣмъ продано. Цѣнность опредѣляется, поэтому, отношенiемъ количества вещей не къ сбыту, а къ спросу. По мнѣнiю Ло, имѣются всѣ основанiя предполагать, что серебро было ранѣе также простымъ предметомъ обмѣна и оцѣнивало̀сь по тѣмъ же основанiямъ, какъ и всѣ другiя вещи. Если цѣнность серебра воображаема, фиктивна, то и цѣнность всѣхъ другихъ вещей также воображаема, ибо всѣ онѣ имѣютъ цѣнность вслѣдствiи тѣхъ употребленiй, къ которымъ ихъ предназначаютъ, и соотвѣтственно спросу, который на нихъ предъявляютъ сравнительно съ наличнымъ количествомъ. Болѣе прочные предметы: металлы, матерiалы для построекъ и т. п. долго сохраняются, а потому и увеличиваются часто въ количествѣ, превышающемъ спросъ. Серебро — металлъ рѣдкiй; благодаря его употребленiю въ качествѣ монеты, а слѣдовательно, и благодаря возросшему спросу оно прiобрѣло добавочную цѣнность, что невыгодно для всего мiра. Сохранитъ ли оно или не сохранитъ свою добавочную цѣнность, это будетъ зависить отъ того, будетъ ли оно употребляться въ качествѣ денегъ. Пора выдумать новую монету, которая и дешевле, и лучше серебряной.“

Такой новой монетой, по его мнѣнiю, являются бумажныя деньги. Правительство можетъ печатать бумажныя деньги по мѣрѣ надобности и найти имъ наиболѣе вѣрное обезпеченiе. Бумажныя деньги обладаютъ слѣдующими пре-

имуществами: 1) онѣ ничего почти не стоятъ; 2) никогда не покидаютъ страны, гдѣ выпущены; 3) количество ихъ можетъ быть увеличиваемо въ точномъ соотвѣтствіи со спросомъ; 4) цѣнность ихъ будетъ наиболѣе устойчива, ибо количество и спросъ могутъ быть всегда въ правильномъ соотношеніи; 5) выпусками денегъ можно оживить промышленность, ибо большее количество денегъ даетъ и занятіе большему количеству людей.

Ло не рѣшается, однако, оставить выпускъ бумажныхъ денегъ безъ обезпеченія и предлагаетъ ихъ обезпечить всей государственной землей. Всѣ предметы то входятъ въ употребленіе, то выходятъ изъ него. Овесъ при случаѣ замѣняется пшеницей и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ предметы понижаются въ своей цѣнности соотвѣтственно числу утерянныхъ употребленій. Земля, напротивъ, никогда не можетъ потерять ни одного изъ своихъ употребленій. Количество ея дано разъ и навсегда, не выростаетъ по произволу и, кромѣ того, спросъ на землю никогда не ослабѣваетъ, ибо земля — источникъ всѣхъ необходимыхъ для человѣка благъ. Если земля возростетъ въ своей цѣнности благодаря употребленію въ качествѣ денегъ, серебро потеряетъ свою добавочную цѣнность, и всѣ станутъ богаче и счастливѣе.

Въ Шотландіи проэкты Ло не встрѣтили сочувствія. Переселившись въ Брюссель, потомъ въ Парижъ, странствуя по Италіи, Ло вездѣ пріобрѣтаетъ извѣстность счастливой „игрой въ фараонъ" и обиліемъ финансовыхъ проэктовъ всякаго рода. За игру онъ даже поплатился высылкой изъ Франціи, но скоро получилъ разрѣшеніе вернуться. Положеніе вещей въ тогдашней Франціи благопріятствовало финансовымъ проэктамъ Ло. Регентство Филиппа Орлеанскаго пыталось было установить честность въ финансовой системѣ, отказавшись отъ монетной реформы, которая была простой фальсификаціей монеты, и отъ государственнаго банкротства, но не надолго. Средства были нужны. Дворъ любилъ сорить деньгами, а въ государственной кассѣ ихъ не было. Въ такое время Ло при помощи друзей безъ особаго труда пріобрѣлъ довѣріе регента, обѣщавъ обогатить казну, дворъ и народъ только установленіемъ новой финансовой системы. Основной принципъ системы былъ простъ: „деньги — это капиталъ, кредитъ — это деньги, бумажныя деньги — кредитъ: слѣдовательно, тотъ, кто выпускаетъ бумажныя деньги, создаетъ кредитъ: кто создаетъ кредитъ, тотъ производитъ деньги; кто производитъ деньги, тотъ создаетъ капиталъ, т. е., всеобщее счастье и благосостояніе". Регентство не рѣшилось взяться за осуществленіе плана Ло отъ своего имени. Въ 1716 г. Ло получилъ разрѣшеніе основать частный акціонерный, но привиллегированный банкъ съ правомъ выпуска

бумажныхъ билетовъ. Три четверти акціонернаго капитала по требованію правительства внесены обезцѣненными государственными билетами. Банкъ Ло въ первое же полугодіе заплатилъ 7% дивиденда. Этотъ успѣхъ, объяснявшійся тѣмъ, что банкъ исключительно занимался учетомъ векселей и выпускалъ билеты въ очень умѣренномъ количествѣ, отуманилъ голову и Ло, и регентства. Связи банка съ правительствомъ становились все тѣснѣе. Въ 1717 г. билеты банка объявляются законнымъ платежнымъ средствомъ при взносѣ казенныхъ сборовъ. Въ 1718 году банкъ обращенъ въ учрежденіе государственное. Вѣра въ успѣхъ была такъ велика, что акціонерный капиталъ былъ выплаченъ не обезцѣненными государственными билетами, а звонкой монетой. Дѣятельность Ло расширялась съ каждымъ днемъ. Онъ взялъ на себя колонизацію Луизіаны, основавъ для этого акціонерную компанію Миссисипи, которая впослѣдствіи соединилась еще съ двумя другими подъ громкимъ названіемъ компаніи всѣхъ Индій, генеральный и табачный откупы, конверсію государственнаго долга въ трехъ-процентный рентный долгъ, выкупъ финансовыхъ должностей и проч. По мѣрѣ расширенія своихъ плановъ возвышался и Ло. Онъ былъ сдѣланъ членомъ академіи наукъ, а въ 1720 г. и министромъ финансовъ. Въ качествѣ министра финансовъ Ло, подобно Кольберу, заботится о свободномъ движеніи хлѣбовъ въ предѣлахъ Франціи, разрѣшаетъ для развитія внутренней промышленности свободный ввозъ шелка, понижаетъ пошлины на кожи и англійскій уголь, устраняетъ или понижаетъ нѣкоторые налоги, стѣснявшіе развитіе промышленности и т. п.; но всѣ эти частныя мѣропріятія не отклоняютъ его отъ главной завѣтной идеи: развитіе новыхъ формъ торговли и спекуляціи. Въ нихъ онъ видитъ новую зиждительную силу для нарождающагося крупнаго капитализма. Для развитія капитализма необходимо было яркимъ пламенемъ зажечь страсть къ наживѣ, напречь воображеніе и нервы капиталистовъ. Тѣ періоды капиталистической горячки и грюндерства, которые пришлось въ 19-мъ вѣкѣ переживать неоднократно всей Европѣ, всегда находили вновь такихъ же героевъ, какъ и Ло. Толпа алчныхъ капиталистовъ ихъ возводила сначала въ герои, а потомъ проклинала . . . . Наличныхъ средствъ банкъ Ло не имѣлъ. Возможное расширеніе операцій банка и тѣсная связь съ компаніями были основой всей системы. Для компаній выпускались акціи, и публика бросалась ихъ покупать. Ослабленіе денежныхъ средствъ покупателей изъ кліентовъ банка устранялось неограниченнымъ правомъ банка выпускать бумажные билеты. Сама компанія покупала и перепродавала собственныя акціи. За крупными кліентами банка и воротилами финансоваго

міра бѣжала покупать акціи и простая публика. На улицахъ Ришелье и Вивьенъ, гдѣ были подъѣзды бюро компаній, давка людей и экипажей была такова, что ежедневно бывали несчастные случаи. Всѣ спѣшили покупать акціи. Ни голодъ, ни жажда, ни сонъ, ни усталость не останавливали людей. Богачи кряхтѣли у подъѣздовъ компаніи подъ тяжестью мѣшковъ съ деньгами, бѣдняки несли послѣднія крохи, равно отуманенные жаждой обогащенія, въ надеждѣ перепродать акціи съ колоссальнымъ барышемъ. Рядъ выпусковъ акцій открывается съ мая 1719 г. и течетъ безконечнымъ потокомъ. Сначала появляются такъ называемыя акціи — матери съ номинальной стоимостью въ 500 ливровъ, затѣмъ — дочери и, наконецъ, — внучки. Ло вводитъ и новый способъ покупки акціи въ разсрочку, по частямъ покупной цѣны, который такъ успѣшно примѣняется нынѣ у насъ во всякую эпоху грюндерства. Едва оплаченныя акціи перепродавались по много разъ, оставляя счастливцамъ крупные барыши. Какъ регентъ, такъ и многія знатныя особы его двора получали акціи безплатно и несли ихъ на рынокъ. Самъ Ло раздавалъ приближеннымъ акціи безъ счета. Развратъ и расточительность наверху достигли послѣднихъ предѣловъ цинизма. Новые милліонеры изъ всякаго сброда спекулянтовъ не уступали двору. Акціи летѣли вверхъ, а на ряду съ обогащеніемъ отъ перепродажи акцій развивалась страсть къ роскоши, расточительности и къ реализаціи нажитаго покупкой всякихъ цѣнностей.

Крахъ системы наступилъ очень скоро. Прежде всего цѣны на продукты необходимости необычайно возрасли, звонкая монета исчезла изъ обращенія, бумажные билеты банка стали обезцѣниваться [1]). Въ половинѣ 1719 г. акціи стоили 1000 ливровъ, въ январѣ 1720 г. онѣ продавались по 18000 ливровъ, а фактически компанія, лишенная всякаго промышленнаго основанія, дохода давать не могла. Это былъ апогей и гибель системы. Кризисъ начался съ паденія цѣны билетовъ. Съ начала 1720 г. Ло начинаетъ принимать рядъ мѣръ къ поддержанію ихъ цѣны. Онъ старается уменьшить количество билетовъ, но это оказывается невозможнымъ; тогда онъ обращается къ об-

1) Исчезновеніе хорошей монеты при наличности въ обращеніи плохой было объяснено въ срединѣ 17-го вѣка Т. Грешемомъ. Если можно платить плохой монетой или бумажными деньгами, которыя понизились въ цѣнѣ благодаря значительному ихъ количеству, то хорошую звонкую монету становится выгодно переплавлять въ слитки и продавать на рынкѣ, какъ товаръ. Выпуски бумажныхъ денегъ обезцѣниваютъ всю совокупность денегъ, но не могутъ обезцѣнить золото и серебро, какъ товаръ; поэтому деньги изъ благороднаго металла выгодно переплавлять и продавать, какъ слитки.

ману. Публика охотно дѣлаетъ должникамъ скидку въ 10% при уплатѣ наличной монетой. Ло предписываетъ принимать билеты съ преміей противъ монеты въ 5%. Онъ совсѣмъ воспрещаетъ платежи крупныхъ суммъ звонкой монетой; публика старательно прячетъ монету. Тогда онъ обращается къ прямому насилію: воспрещаетъ покупку и владѣніе драгоцѣнностями, употребленіе золотой и серебряной посуды подъ страхомъ конфискаціи и громадной пени. Особымъ повелѣніемъ 27 февраля 1720 г. воспрещается имѣть всѣмъ и каждому болѣе 500 ливровъ звонкой монеты и король уполномачиваетъ Ло дѣлать обыски и отбирать деньги. Компанія пользуется своимъ правомъ самымъ тираническимъ образомъ. Ло теряетъ голову. Чтобы спасти компанію, онъ убѣждаетъ регента передать компаніи самое управленіе банкомъ. Регентъ дѣлаетъ это съ большой выгодой для себя. Сліяніе банка съ компаніей временно поднимаетъ курсъ акцій, который начинаетъ сильно колебаться. Ло пытается бороться со спекуляціей: воспрещаетъ сдѣлки на разность, закрываетъ биржу въ улицѣ Кенкампуа, обѣщаетъ сократить выпускъ билетовъ, но послѣдняго обѣщанія онъ выполнить не въ состояніи и 6 февраля вновь подъ призрачнымъ предлогомъ выбрасываетъ на рынокъ болѣе 200 мил. ливровъ. Въ первыхъ числахъ марта для всѣхъ становится яснымъ, что поддержаніе курса акцій невозможно. Акціямъ болѣе не довѣряютъ, публика стремится обмѣнивать ихъ на билеты; выпускъ послѣднихъ доходитъ до 3-хъ милліардовъ ливровъ. Сумма акцій въ обращеніи до 4-хъ милліардовъ. Ло воспрещаетъ совершенно употребленіе золотой монеты; только серебряная монета въ 1, 2 и 6 экю можетъ имѣть обращеніе. Путемъ обысковъ, конфискацій, запугиванія удается увеличить на 45 мил. ливровъ запасъ банка въ звонкой монетѣ. Публика спекулируетъ на улицахъ. Конная гвардія сабельными ударами разгоняетъ спекулянтовъ. Ничто не помогаетъ. 20 мая 1720 г. Ло прибѣгаетъ къ девальваціи. Онъ объявляетъ о постепенномъ пониженіи цѣны акцій къ декабрю до $^5/_9$ ихъ оффиціальной цѣны и банковыхъ билетовъ до половины ихъ нарицательной цѣны. Дворъ и публика завопили о банкротствѣ и воровствѣ. Принцъ Бурбонскій такъ неистовствовалъ, что его удалось успокоить только подаркомъ въ 4 мил. ливровъ. Сборища толпы были разогнаны сабельными ударами. Недовольство было, однако, такъ велико, что эдиктъ о девальваціи пришлось отмѣнить: Ло лишенъ поста министра, но роль его еще не была сыграна. Регентъ публично отказалъ ему въ пріемѣ, а вечеромъ велѣлъ привести его съ задняго хода: утромъ Ло снова былъ въ почетѣ и возведенъ въ директоры банка.

Дворъ былъ заинтересованъ въ спекуляціи и не могъ обойтись безъ своего руководителя. Ло пробуетъ новую комбинацію. Онъ начинаетъ платить по билетамъ звонкой монетой, стараясь свести эту операцію къ возможному минимуму подъ всякими предлогами. Толпа осаждаетъ бюро банка. Напоръ толпы достигъ высшихъ предѣловъ въ ночь съ 16—17 іюня. Въ 3 часа ночи на улицѣ Вивьенъ было уже болѣе 15 тысячъ человѣкъ. Когда солнце взошло, было найдено 15 труповъ. Размѣнное бюро закрыли подъ предлогомъ устраненія повода къ сборищамъ. Ажіотажъ акціями тѣмъ временемъ продолжался. Спекуляція нашла мѣсто сначала на Вандомской площади, затѣмъ стала собираться въ саду принца Кариньянскаго. 29 сентября и эти биржи закрыты. Въ октябрѣ пришлось признать цѣну билетовъ равной одной четверти ихъ нарицательной цѣны; въ ноябрѣ платежъ казенныхъ сборовъ опредѣлено взимать звонкой монетой. Это было явнымъ грабежемъ и крушеніемъ всей системы. Ло, повидимому, думалъ пожертвовать банкомъ для спасенія компаніи. Онъ еще придумалъ рядъ мѣръ, полныхъ насилія и обмана, для расширенія выпусковъ акцій, но терпѣніе публики было исчерпано. Парижскій парламентъ желалъ отправить на висѣлицу человѣка, который не могъ поддержать курса акцій. Принцъ Бурбонскій предупредилъ Ло отъ ареста, и онъ бѣжалъ. Ликвидація дѣлъ компаніи тянулась еще долго послѣ бѣгства и окончилась полнымъ разореніемъ акціонеровъ, когда Франція послѣ семилѣтней войны утратила почти всѣ свои американскія владѣнія.

Но и до этого времени ликвидація дѣлъ компаніи совершалась съ колоссальными злоупотребленіями. Владѣльцы акцій и банковыхъ билетовъ были раздѣлены на пять классовъ, смотря по тому, получены ли были деньги, на которыя они пріобрѣли свои бумажныя сокровища: a) за выкупленную ренту; b) за полученные частные платежи; c) за проданную земельную собственность; d) за проданное движимое имущество, за товары, за жалованье или подарки; e) за счетъ неизвѣстныхъ источниковъ. Первый классъ не понесъ никакихъ потерь; въ четырехъ послѣднихъ потеря постепенно возвышалась и достигала въ пятомъ классѣ не менѣе $^{19}/_{20}$, т. е., изъ 20 предъявленныхъ акцій 19 уничтожались и владѣльцу возвращалась одна. Такимъ образомъ, тотъ, кто въ январѣ 1720 г. имѣлъ около 100 акцій, стоившихъ тогда 1800000 ливровъ, которые онъ могъ продать за 2 милліона золотомъ, могъ теперь получить 5 акцій, которыя трудно было сбыть. Таже операція была продѣлана съ билетами и другими обязательствами . . . Кромѣ того, выбрали 180 богатѣйшихъ акціо-

неровъ и обложили ихъ совершенно произвольно контрибуціей въ 187 милліон. ливровъ. „Наконецъ, замѣчаетъ Горнъ, 17 октября 1722 г. на дворѣ банка наполнили желѣзную клѣтку въ 10 футовъ длины и 8 футовъ ширины книгами и реестрами, служившими при операціяхъ. Пламя ихъ быстро поглотило. Огонь долженъ былъ истребить всѣ слѣды этихъ насилій, но врядъ ли онъ могъ очистить эту операцію.“

Этотъ эпизодъ изъ исторіи Франціи былъ для Европы однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ опытовъ въ области кредита. Онъ показалъ, что кредитъ сила, но основывается на трудѣ, реальномъ капиталѣ, довѣріи и честности, а не на насиліи и обманѣ. По справедливому замѣчанію Горна, политическія и соціальныя послѣдствія системы Ло были очень велики. „Униженіе достоинства короля, снизошедшаго до спекуляціи и игравшаго неудачно, завершилось катастрофой 1719—21 г.; равнымъ образомъ „система“ нанесла дворянству смертельный ударъ, отъ котораго оно не оправилось болѣе, а между тѣмъ она возвысила могущество денегъ, т. е., средняго сословія. Смѣшеніе всѣхъ классовъ и слоевъ общества, совершившееся въ улицѣ Кенкампуа, значительно способствовало подготовленію позднѣйшей общественной и гражданской равноправности“ . . .

Операціи Д. Ло потрясли и такъ уже разстроенный экономическій организмъ Франціи. Чрезъ три года герцогъ Орлеанскій умеръ, павъ жертвой своей распутной жизни. Правленіе Людовика XV не принесло облегченія странѣ. Изъ трехъ войнъ, которыя Франція вела въ царствованіе Людовика XV, особенно была неудачна семилѣтняя война, окончившаяся парижскимъ миромъ въ 1763 г. Англія воспользовалась неудачами Франціи, чтобы уничтожить ея флотъ и морское значеніе. Этотъ парижскій миръ лишилъ Францію значительнаго количества ея колоній и, между прочимъ, Индіи. Людовикъ же XV былъ занятъ исключительно своими мэтресами и, когда ему указали на бѣдствія народа, сказалъ фразу, которая можетъ считаться классической: „монархія продержится, пока мы живы; послѣ насъ потопъ“.

§ 3. Вотъ та почва, на которой началось политическое и умственное броженіе, къ концу 18-вѣка завершившееся революціей. Естественно, что такое положеніе вещей не могло не обращать на себя вниманія думающихъ людей. Сначала литература обратилась къ анализу философскихъ и политическихъ началъ существующаго строя, а затѣмъ и экономическіе вопросы обратили на себя всеобщее вниманіе. Всѣ старые устои прежняго порядка стали подвергаться раз-

рушительной критикѣ. Сочиненіе Монтескье о „Духѣ законовъ“ появилось въ 1748 г. Энциклопедія Дидро стала выходить съ 1751 г. Съ этого же времени стали писать Вольтеръ и Руссо, издавшій свой замѣчательный трактатъ „О происхожденіи неравенства между людьми“ въ 1753 г.

Франціи со средины 18-го вѣка пришлось вступить въ знаменитую эпоху разума. Въ этотъ періодъ ея жизни философы и политическіе писатели не ставили своей задачей изучать жизнь людей во всей ея реальности. Путемъ разума, логической очевидности и математическихъ пріемовъ они хотѣли создать идеальный типъ человѣка, который долженъ былъ пересоздать весь міръ независимо отъ всей предшествовавшей исторіи общества, наслѣдственности, старыхъ учрежденій. Въ это же время выступила на литературное поприще и небольшая группа экономистовъ, которая впослѣдствіи пріобрѣла наименованіе физіократовъ. Но какъ увидимъ сейчасъ, съ нашей точки зрѣнія, воззрѣнія этихъ „экономистовъ“ были болѣе консервативны по сравненію со взглядами философовъ и энциклопедистовъ. Они создали „естественное право“, которое въ это время уже осуществлялось въ дѣйствительности и стояло очень далеко, на совершенно противоположномъ полюсѣ сравнительно съ соціалистическими построеніями Морелли, Руссо, Мабли и друг., при посредствѣ того же метода очевидности. Какъ это ни странно, но слѣдуетъ признать, что соціалистическія конструкціи напр. о коммунистической собственности стояли ближе къ традиціямъ того времени, чѣмъ идеи свободной собственности физіократовъ. Абсолютная монархія старалась воспитать людей въ той идеѣ, что вся собственность принадлежитъ главѣ государства: Гуго Гроцій, Пуффендорфъ въ ученіи о естественномъ правѣ признали, что въ первобытномъ состояніи существовало общее равенство въ обладаніи имуществомъ и что только явный или молчаливый договоръ общества установилъ для обезпеченія порядка и спокойствія неравенство собственности. Философы и политики 18-го вѣка хотѣли перенести суверенитетъ въ руки всего народа: имъ казалось, что суверенный народъ установитъ демократію, которую они не мыслили иначе, какъ при полномъ равенствѣ въ имущественномъ обладаніи. Физіократы взглянули на дѣло совсѣмъ иначе, съ точки зрѣнія буржуазной демократіи, которая и побѣдила въ эпоху революціи, положивъ начало новой эпохѣ жизни, основанной на свободной собственности и неравенствѣ. Въ частной собственности физіократы нашли ранѣе всѣхъ другихъ противовѣсъ противъ всемогущества государства и всенароднаго суверенитета.

Я не стану останавливаться на перечисленіи ни всѣхъ именъ этихъ писателей физіократическаго направленія, ни на

указаніи ихъ многочисленныхъ трудовъ. Скажу только, что творцомъ всей этой доктрины былъ Франсуа Кенэ, а лучшій его ученикъ и продолжатель, Тюрго, попытался провести въ жизнь новыя начала, выработанныя всей группой этихъ экономистовъ [1]).

Ознакомимся же прежде съ общими началами этой доктрины, какъ ее понималъ Кенэ (1695—1774), а затѣмъ посмотримъ, что сдѣлалъ Тюрго (1727—1781), почему его стремленія окончились полной неудачей, но были осуществлены въ революціонное время.

Не слѣдуетъ думать, что идеи Кенэ и Тюрго вполнѣ тождественны. Я постараюсь, однако, намѣтить полнѣе ихъ общія идеи и только въ нѣкоторыхъ пунктахъ подчеркну особенности міровоззрѣнія Тюрго.

Кенэ былъ человѣкомъ своего времени. Подобно другимъ своимъ современникамъ, онъ искалъ „естественныхъ основаній" для правильнаго хода государственной и экономической жизни, но въ немъ не было пессимистической ненависти многихъ изъ его современниковъ къ „старому порядку". Почти наканунѣ паденія монархіи и незадолго до крушенія всѣхъ надеждъ Тюрго — осуществить физіократическія идеи съ помощью абсолютной власти, Кенэ все еще вѣрилъ въ „законный деспотизмъ", проникнутый въ своихъ дѣйствіяхъ велѣніями естественнаго права.

Въ основѣ всѣхъ ученій Кенэ лежитъ идея о космическомъ порядкѣ заимствованная имъ, какъ предполагаютъ, отчасти у Кумберланда и Мальбранша, отчасти являющаяся результатомъ непосредственныхъ работъ Кенэ въ области естествознанія и медицины. Уже въ своемъ первомъ трудѣ — Economie animale, слѣдуя ученіямъ извѣстнаго Берхова, онъ исходилъ изъ высокаго представленія о міровой гармоніи и закономѣрности всѣхъ, какъ физическихъ, такъ нравственныхъ и экономическихъ явленій. Въ его представленіяхъ всѣ явленія совершаются какъ бы по экономическому принципу цѣлесообразности. Медицина давала ему законы животной экономіи, метафизика — законы нравственной цѣлесообразности, политическая экономія должна была дать незыблемые законы хозяйственной жизни, которыми обязаны руководиться земледѣльческія государства. По мнѣнію Кенэ, только въ

1) Литературныя указанія о этихъ двухъ физіократахъ см. въ моемъ изданіи: „Размышленій" Тюрго и въ моемъ предисловіи къ изданію сочиненій Ф. Кенэ, Экономич. Библіотека, выпускъ V. Для полнаго пониманія всѣхъ ученій физіократовъ, кромѣ сочиненій Кенэ и Тюрго, надлежитъ изучить сочиненія слѣдующихъ писателей этой школы: 1. Marquis de Mirabeau. Philosophie rurale (1763 г.), 2. Lemercier de la Rivière. L'ordre naturel des sociétés politiques (1767); 3. Le Trosne. L'ordre social и L'interêt social (1774 г.).

земледѣльческихъ государствахъ возможно истинное благосостояніе и правильный порядокъ всей хозяйственной жизни.

Метафизическая система Кенэ вкратцѣ можетъ быть изображена такъ. „Въ мірѣ, думалъ онъ, господствуетъ два начала или двѣ субстанціи: духъ и матерія, которыя приводятся въ движеніе, въ соприкосновеніе и начинаютъ воздѣйствовать другъ на друга не вслѣдстіе имъ самимъ присущей силы, а подъ воздѣйствіемъ одушевляющей силы Божества, которая создаетъ жизнь, чувства, разумъ и дѣятельность. Своей духовной и божественной природой человѣкъ глубоко отличается отъ животнаго, которое влачитъ только жалкое физическое существованіе. Человѣка, кромѣ здѣшней, физической жизни, ожидаетъ другая, загробная жизнь. Наука имѣетъ дѣло только съ земнымъ существованіемъ человѣка и оперируетъ при этомъ разсудкомъ и очевидностью. Терминъ „очевидность", поясняетъ Кенэ, означаетъ собою такую степень истинности, которая столь ясна и понятна сама по себѣ, что разсудокъ не въ состояніи ее отвергнуть. Кенэ различаетъ два рода такихъ очевидныхъ истинъ: однѣ даются вѣрой, другія — очевидностью, постигаемой разсудкомъ. Оба рода истинъ, по его мнѣнію, намъ совершенно необходимы. Въ очевидности не заключается вѣры. Но истины, которымъ вѣра насъ учитъ, не отдѣлимы отъ истинъ очевидныхъ. Такимъ образомъ вѣра не можетъ противорѣчить опредѣленности и очевидности, а послѣдняя, ограничиваясь естественными знаніями, не можетъ противорѣчить вѣрѣ". Такая попытка примиренія истинъ двоякаго рода, основанная на неотдѣлимости естественныхъ и сверхъестественныхъ истинъ, на возможности выраженія сверхъестественныхъ истинъ лишь при посредствѣ естественныхъ, безъ сомнѣнія, лишена состоятельности и прямо разрушается высказаннымъ тѣмъ же Кенэ въ духѣ позитивизма положеніемъ, согласно которому очевидность только потому не противорѣчитъ вѣрѣ, что ограничивается естественными знаніями и не старается проникнуть въ область, которая по существу и самому естественному закону должна навсегда остаться невѣдомой.

Во всякомъ случаѣ вѣра, съ одной стороны, и очевидность, — съ другой, — вотъ тѣ орудія, при помощи которыхъ Кенэ стремился открыть естественныя условія политическаго и экономическаго существованія государствъ, которыя соотвѣтствуютъ законамъ природы. Сочетаніе этихъ двухъ орудій изслѣдованія всегда вредитъ логичности построенія системы. Кенэ и его ученики были склонны къ фаталистическому оптимизму. „Существуютъ, полагаетъ Кенэ, нѣкоторые физическіе и нравственные законы естественнаго и наивы-

годнѣйшаго порядка для людей. Эти нравственные законы содѣйствуютъ возникновенію такого же нормальнаго порядка въ организаціи человѣческихъ обществъ, какъ и физическіе законы въ области общей міровой гармоніи. Законы эти не человѣческаго, но божественнаго установленія." Если Творецъ все предвидѣлъ и установилъ въ общемъ порядкѣ природы, то, казалось бы, Кенэ долженъ сдѣлать такой выводъ: существующая дѣйствительность есть часть этого порядка и нормальный его результатъ. Но воззрѣнія Кенэ, какъ мы знаемъ, были далеко не таковы.

„Несчастье человѣческихъ обществъ, по мнѣнію Кенэ, заключается въ томъ, что они не имѣютъ надлежащаго знанія о законахъ и принципахъ естественнаго порядка. Если бы люди были знакомы съ истинными обязанностями ихъ природы и сообразовались съ ними, то отношенія между ними не замедлили бы сложиться на началахъ справедливости, на этомъ всеобщемъ и могучемъ началѣ, познаваемомъ свѣтомъ разума, который, очевидно, опредѣляетъ, что принадлежитъ каждому." Къ сожалѣнію, Кенэ не выяснилъ съ достаточной ясностью, почему требуется участіе людей въ уничтоженіи порядка, создавшагося ранѣе. Онъ утверждаетъ, что существующій порядокъ негоденъ, что его слѣдуетъ замѣнить другимъ, основаннымъ на началахъ полной свободы. Но почему же разумъ и очевидность не диктовали ранѣе правильнаго образа дѣйствій? Если существуютъ какіе-нибудь благодѣтельные законы, которые управляютъ нашею жизнью, отчего же они не дѣйствовали при созданіи стараго порядка? Правильно ли указалъ Кенэ критерій для очевидности истинъ и не измѣняется ли онъ для разныхъ эпохъ и людей, всегда старавшихся дѣйствовать сознательно? Если же сознательное отношеніе людей къ явленіямъ дѣйствительной жизни возможно, тогда открывается широкій просторъ для всякаго вмѣшательства и для регулированія взаимныхъ человѣческихъ отношеній. Надобно только, чтобы эти отношенія находились въ болѣе или менѣе рѣзкомъ противорѣчіи съ воззрѣніями и интересами людей. Какъ увидимъ ниже уже Мабли отмѣтилъ, что люди часто считаютъ за „очевидное" то, что всего болѣе соотвѣтствуетъ ихъ интересамъ.

Ближе всматриваясь въ систему Кене, мы, однако, увидимъ, что фаталистическій и религіозный туманъ не составляетъ самой основной части его системы. Онъ признаетъ свободу человѣческой воли (хотя и не вполнѣ последовательно) и вѣритъ гораздо болѣе не въ фаталистическую благодѣтельность естественнаго порядка, а въ цѣлесообразность открытой и ничѣмъ не сдерживаемой борьбы личностей за счастье и благосостояніе. Философія Кенэ была

поэтому весьма противорѣчива. Кенэ признавалъ за человѣкомъ свободу воли, возможность измѣнять, улучшать окружающія отношенія, но въ этихъ послѣднихъ, какъ увидимъ, онъ нашелъ нѣчто незыблемое и рѣшился провозгласить экономическую свободу и право на борьбу за существованіе только на почвѣ исторически сложившихся отношеній собственности, мало заглядывая въ анализъ ихъ происхожденія.

Человѣкъ, по мнѣнію Кенэ, обладаетъ свободой воли и этимъ отличается отъ животныхъ. Человѣкъ разсуждаетъ, выбираетъ, предпочитаетъ, но для его воли несомнѣнно имѣютъ значеніе опредѣляющіе мотивы (causes déterminatives). Наша душа имѣетъ двоякаго рода мотивы: affectifs ou instructifs, т. е. мотивы чувства и разума. Послѣдніе опредѣляютъ наши дѣянія силою разума, первые — какимъ-то чувствомъ, по характеру тождественнымъ съ тѣмъ, которое называютъ инстинктомъ у животныхъ. Соотвѣтственно съ этими мотивами имѣется и состояніе души двухъ видовъ: чувственное или пассивное и дѣятельное или разумное (sensitive ou passive ou active ou intellectuelle). Воля, находясь подъ вліяніемъ первыхъ мотивовъ и, слѣдовательно, въ пассивномъ состояніи, предается всему, что ей нравится всего болѣе. Находясь въ дѣятельномъ и разумномъ состояніи, душа человѣка можетъ, если она не подчинена безусловно (n'est pas subjuguée inviciblement) мотивами, дѣйствующими на нее, принять рѣшеніе, руководствуясь своимъ разумно понимаемымъ интересомъ (par son intérêt bien entendu), и силой своего намѣренія (par force d'intention) принять рѣшеніе наиболѣе для нея выгодное. Отсюда, согласно Кенэ, свобода, предоставленная Творцомъ человѣку, не заключается въ простой возможности дѣйствовать или не дѣйствовать: она состоитъ, кромѣ того, въ возможности разсматривать или оцѣнивать мотивы, которые должны предпочтительно опредѣлить нашъ поступокъ — la liberté consiste dans le pouvoir de délibérer pour se déterminer avec raison à agir ou à ne pas agir, т. е., свобода заключается въ возможности обсуждать, чтобы разумно рѣшиться дѣйствовать или не дѣйствовать.

Кенэ впервые отмѣчена ясно та экономическая и индивидуалистическая точка зрѣнія интереса, которой только въ нѣсколько преобразованномъ видѣ воспользовался и А. Смитъ. Заботясь о достиженіи своихъ цѣлей, разсуждаетъ Кенэ, человѣкъ имѣетъ постоянно въ виду два интереса. Чисто личный интересъ, который сводится къ желанію испытывать наслажденіе (bonheur) и избѣгать страданій (malheur), и другой интересъ, который онъ означаетъ терминомъ intérêt bien entendu и который является разумнымъ

компромиссомъ сталкивающихся желаній. Опытъ скоро научаетъ людей, что, кромѣ обязанностей предъ самимъ собой и кромѣ собственныхъ желаній, существуютъ еще обязанности предъ другими людьми и Богомъ. Человѣкъ замѣчаетъ, что, сообразуясь съ послѣдними, онъ лучше достигаетъ собственныхъ цѣлей. Такъ слагается представленіе о разумномъ интересѣ, а законы и религія впослѣдствіи точнѣе опредѣляютъ арену его дѣйствія. Часто, однако, инстинктивные мотивы и пассивное состояніе души побѣждаютъ, и человѣкъ нарушаетъ законы, становится вреднымъ и заслуженно подвергается наказанію. Нерѣдко въ случаяхъ борьбы инстинктивныхъ и разумныхъ мотивовъ, нормальный человѣкъ (bien né) обращается къ помощи высшихъ силъ (secours surnaturelles) и получаетъ ее. Въ какихъ предѣлахъ человѣкъ можетъ освобождаться отъ этихъ мотивовъ, Кенэ съ достаточной опредѣленностью не говоритъ. Судя по нѣкоторымъ мѣстамъ въ его трудахъ, можно думать, что онъ допускаетъ возможность побѣды „нравственнаго закона“ надъ „физическимъ“. Нравственная или разумная свобода, по его мнѣнію, заключается въ способности, помимо всякихъ наказаній и страданій, устранить ненадлежащіе мотивы. Она указываетъ всякому его обязанности предъ собой и другими людьми. Она стремится вести людей къ нравственному порядку, къ исполненію предписаній, къ добрымъ дѣламъ, къ преобладанію мотивовъ дозволенныхъ (motifs licites) и разумно понимаемаго интереса. „И въ естественномъ порядкѣ мы только свободны въ дѣйствительности настолько, насколько мы можемъ, при посредствѣ нашего разума, понимать наши нравственныя рѣшенія, различать, разсматривать и оцѣнивать законные мотивы, которые заставляютъ выполнять наши обязанности и противостоять желаніямъ, стремящимся насъ склонить къ безпорядочности; такимъ образомъ признаютъ, говоритъ Кенэ, что нравственной свободой не обладаютъ сумасшедшіе, дѣти и imbecils, т. е., такъ сказать безвольные.“ Для всѣхъ ли одинакова эта разумная свобода? Кенэ отвѣта не далъ. Мы знаемъ, что много лѣтъ спустя Кетлэ, а вслѣдъ за нимъ насчитывающая многихъ поклонниковъ и понынѣ школа статистиковъ-детерминистовъ нашла, что воля не свободна, не играетъ значительной роли въ общественныхъ преобразованіяхъ, подчиняется внѣшнимъ чисто физическимъ условіямъ. однимъ словомъ — отнесла всѣхъ насъ въ разрядъ imbeciles и опредѣлила, что мы всѣ невольно подчиняемся окружающей средѣ, изъ которой только и можемъ заимствовать свои мотивы. Кенэ былъ склоненъ съ полнымъ основаніемъ отводитъ болѣе простора свободѣ воли и въ нѣсколько неясной формѣ выразилъ

свою мысль такъ: „существуетъ нѣсколько видовъ и степеней безумія, но всякій безумный человѣкъ, въ силу плохого устройства своего черепа, ограниченъ въ своихъ способностяхъ физическимъ закономъ, который не позволяетъ ему совершать наилучшій выборъ или вести себя разумно". Онъ не говоритъ, однако, что черепа всѣхъ подчиняются „физическому закону".

Посмотримъ же теперь, какіе законы нашелъ Кенэ, исходя изъ подобныхъ основныхъ положеній въ области политики, права и экономіи. Особенное значеніе для оцѣнки этой стороны Кенэ имѣютъ статьи: „Естественное право", „О деспотизмѣ въ Китаѣ" и „Экономическая таблица со всѣми ея поясненіями". Наша задача сводится только къ тому, чтобы вкратцѣ и ясно резюмировать ихъ содержаніе.

Мы уже видѣли, что Кенэ вѣрилъ въ какую-то общую, универсальную гармонію, которой одинаково подчинена и матерія, и человѣчество. Онъ признавалъ, какъ доказанное, что законы физическіе могутъ производить зло, но что въ то же время они составляютъ часть наивыгоднѣйшаго порядка. На такомъ же противорѣчіи построена и его философія, касающаяся человѣческихъ отношеній. Дюпонъ мѣтко охарактеризовалъ эту философію, поставивъ въ видѣ заголовка въ своей „Физіократіи" слова: „Ex natura jus, ordo et leges, ex homine arbitrium et coercitio". Кенэ полемизируетъ въ своей статьѣ объ естественномъ правѣ съ Руссо и Гобсомъ. Первоначально, полагаетъ Кенэ вмѣстѣ съ этими писателями, человѣкъ дѣйствительно жилъ въ нѣкоторомъ естественномъ состояніи (état primitive; de pure nature). Но не слѣдуетъ думать, подобно Гобсу, что, рождаясь, человѣкъ имѣетъ право въ мірѣ на все или, подобно Руссо, будто переходя изъ естественнаго состоянія въ общественное, человѣкъ жертвуетъ частью своихъ силъ и правъ, отдаетъ себя до извѣстной степени въ рабство. Только въ обществахъ, основанныхъ на грубомъ произволѣ и насиліи, человѣкъ теряетъ свои права. Человѣкъ не можетъ жить безъ помощи себѣ подобныхъ и потому образованіе человѣческаго союза дало только лишнюю возможность удовлетворять своимъ потребностямъ съ наибольшею полнотой. Мнѣніе Гобса — такая же крайность. Естественное право на вещи, согласно Кенэ, заключается въ правѣ человѣка на необходимое для него, но подобное право совершенно призрачно. Право человѣка на все, à tout, аналогично съ правомъ ласточки на всѣхъ тѣхъ мошекъ, которыхъ она въ состояніи поймать. Человѣкъ имѣетъ право на все то, что онъ добываетъ трудомъ, и, работая или желая работать, пріобрѣтаетъ себѣ естественное право на существованіе, которое ограничивается минимумомъ потребныхъ для существова-

нія средствъ. Въ естественномъ состояніи человѣкъ не могъ имѣть чего-нибудь бо́льшаго, а потому и гражданское общество не обязано давать человѣку болѣе того, сколько необходимо для поддержанія его существованія. Творецъ, мудростью котораго держится весь міръ. подъ страхомъ смерти возложилъ на каждаго человѣка обязанность самосохраненія и соединилъ, такимъ образомъ, людей единствомъ ихъ интересовъ: каждый, поэтому, вступая въ гражданское общество, можетъ и долженъ свободно распоряжаться своими духовными силами и матеріальною собственностью, которая составляетъ часть его труда и результатъ различій въ пріобрѣтательныхъ способностяхъ. Этотъ пунктъ, защита частной собственности противъ нападеній Морелли, Мабли и другихъ, которые въ это время утверждали, что она покоится на насиліи, составляетъ характернѣйшую черту физіократической доктрины [1]). Неравенство въ распредѣленіи собственности

1) Съ особой тщательностью Мабли разработалъ свои взгляды на собственность въ двухъ сочиненіяхъ: 1. Des droits et des devoirs du citoyen. 1758 г. и 2. Doutes proposés aux philosophes économistes sur l'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques. 1768 г. По его мнѣнію, „очевидность (т. е. методъ, которымъ, какъ мы видимъ, пользуются физіократы) часто обращается въ простую фразу, ибо каждый склоненъ считать очевиднымъ то, что соотвѣтствуетъ его интересамъ. Мабли думаетъ, что полное равенство имуществъ должно принести благо всѣмъ, ибо оно и только оно соединяетъ людей, возвышаетъ ихъ духъ и приготовляетъ ихъ къ чувствамъ благожелательности и дружбы. Главная причина всѣхъ общественныхъ несчастій — собственность, которая возникла благодаря лѣности немногихъ, не имѣвшихъ вкуса къ труду и подчинившихъ себѣ другихъ. Право на движимыя вещи, необходимыя для пропитанія, справедливо, но изъ него нельзя вывести право на земельную собственность. Физіократы полагаютъ, говоритъ Мабли, что необходимо обезпечить урожай тѣмъ, кто его создастъ, что власти должны получить долю продукта земледѣльцевъ и собственниковъ. Мнѣ представляется, пишетъ онъ, что вмѣсто естественнаго порядка природы такъ устанавливается порядокъ жадности, скупости и глупости. Только установивъ общность имуществъ и равенство состояній, можно разрушить частныя интересы и дать торжество общему благу. Общество возникло вовсе не для того, чтобы обезпечить каждому его собственность, а потому, что человѣкъ — животное общественное. Собственность раздѣлила людей на два класса: богатыхъ и бѣдныхъ. При равенствѣ имуществъ побудительной силой людей будетъ не своекорыстіе, а благожеланіе, соревнованіе, взаимное уваженіе и общее благо.“ См. доступное изданіе сочиненій Мабли во французской универсальной Библіотекѣ. Очень интересно отмѣтить, что любимыми писателями А. Н. Радищева были Мабли и Райналь. Его интересовала, однако, болѣе всего политическая сторона ихъ ученій, коммунизмъ же Мабли онъ считалъ утопіей. Одинъ изъ первыхъ борцевъ за отмѣну крѣпостнаго права Радищевъ всецѣло воспринялъ идеи Мабли, что „человѣки пріяли отъ природы одинаковое сложеніе и потому и имѣютъ одинаковыя права“, см. новое изданіе „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“ гг. Сильванскаго и Щеголева (1905 г.). Весьма вѣроятно, что аграрные проэкты Пестеля (см. его Русскую Правду) созданы подъ прямымъ воздѣйствіемъ философіи 18-го вѣка во Франціи. Вопросъ этотъ, къ сожалѣнію, еще совершенно не обслѣдованъ.

не смущало физіократовъ: они видѣли въ немъ необходимое зло. Свобода и неравенство — вотъ чего хотѣли физіократы въ противоположность Руссо, который доказывалъ, что при неравенствѣ свобода немыслима. Физіократы стояли на прямо противоположной точкѣ зрѣнія. Согласно Кенэ, а въ особенности Мерсье-де-Ларивьеръ, собственность основывается на самой природѣ вещей, она предшествуетъ гражданскимъ законамъ, она — божественнаго происхожденія. Кенэ и всѣ физіократы прежде всего стараются обосновать право на движимую собственность и изъ нея выводятъ право на земельную собственность. „Стая птицъ, пишетъ Кенэ, садится тамъ, гдѣ ей заблагоразсудится и гдѣ она находитъ пригодную для нея пищу. Между птицами не происходитъ никакой драки изъ за дѣлежа добычи, доля каждой опредѣляется соотвѣтственно энергіи ея поисковъ, имѣющихъ цѣлью — удовлетвореніе потребностей. Такимъ образомъ всѣ животныя подчинены этому мирному закону, предписанному природой, которая постановила, чтобы право каждаго индивида ограничивалось въ естественномъ строѣ лишь тѣмъ, что онъ можетъ добыть своимъ трудомъ. Право всѣхъ на все является химерой. Личная свобода и собственность или увѣренность въ пользованіи тѣми продуктами, которые каждый обезпечиваетъ себѣ своими стараніями, произведенными для удовлетворенія своихъ потребностей, гарантированы, стало быть, людямъ извнѣ, естественными законами, на которыхъ долженъ покоиться основной строй благоустроенныхъ обществъ.“ Исходя изъ такой точки зрѣнія Кенэ и большинство физіократовъ обосновывали право собственности на землю тѣмъ, что человѣкъ, первоначально занявшій землю, сдѣлалъ на нее предварительныя затраты, которыя привели почву въ культурное состояніе. Въ параграфѣ 17-мъ „Разсужденій о созданіи и распредѣленіи богатствъ“ Дюпонъ видоизмѣнилъ въ этомъ духѣ текстъ Тюрго, который держался совершенно иныхъ и болѣе вѣрныхъ взглядовъ. Какъ видно изъ письма Тюрго отъ 20 февраля 1770 года, это исправленіе всего болѣе раздражило Тюрго. Онъ прямо и опредѣленно пишетъ въ немъ Дюпону: „Затраты, которыя вы называете земельными (avances foncières), содѣйствуютъ со своей стороны полученію жатвы, но онѣ не могутъ быть принципомъ, на которомъ обосновывается собственность.“ По его мнѣнію, собственность — результатъ законовъ и человѣческихъ соглашеній[1]).

---

1) Любопытно отмѣтить, что А. Смитъ, какъ это особенно ясно видно изъ его лекцій, имѣетъ иной и болѣе глубокій взглядъ на происхожденіе собственности. „Собственность, пишетъ Смитъ въ лекціяхъ, и гражданское правительство весьма сильно зависятъ другъ отъ друга. Сохраненіе собственности и неравенство состояній впервые создали пра-

Въ своей политической философіи Кенэ и его ученики также не шли рука объ руку съ ученіями ихъ времени. Монтескье говорилъ о необходимости раздѣленія властей для обезпеченія отъ деспотизма: Руссо, Мабли требовали передачи существеннѣйшихъ функцій суверенитета, власти и управленія народу. Кенэ по прежнему продолжалъ вѣрить въ просвѣщенный деспотизмъ и на почвѣ политической вполнѣ отвергалъ цѣлесообразность компромисса интересовъ, которому онъ придавалъ такое значеніе на почвѣ экономической. Кенэ и его ученики не были проводниками всякаго абсолютизма. Они вѣрили въ „легальный деспотизмъ". Единая, верховная власть, по ихъ мнѣнію, необходима потому, что она можетъ скорѣе и лучше всего проникнуться велѣніями разума и естественнаго закона. Въ гражданскомъ обществѣ люди должны подчиняться положительнымъ законамъ, ибо эти послѣдніе въ надлежащемъ ихъ видѣ представляютъ собою не болѣе, какъ декларацію естественныхъ законовъ. Абсолютный монархъ не заинтересованъ частными интересами. Проникнувшись велѣніями разума и естественнаго закона, онъ лучше всего въ состояніи осуществить требованія справедливости. Въ статьѣ „О деспотизмѣ Китая" Кенэ старается обосновать это положеніе.

вительство и положеніе собственности должно видоизмѣняться съ формой правительства. Граждане (civilians) всегда начинаютъ съ разсмотрѣнія правительства и затѣмъ начинаютъ угрожать собственности и другимъ правамъ (стр. 8). „Пока не образуется собственности, не можетъ быть правительства, истинное назначеніе котораго охранять собственность и защищать богатаго противъ бѣднаго (стр. 15). См. указ. страницы въ изданныхъ Каннаномъ „Lectures on justice, police, revenue and armes," 1896 г. Въ „Богатствѣ Народовъ (книга V, гл. I, от. 2) онъ иначе формулируетъ свои взгляды. „Гражданское правительство, пишетъ онъ здѣсь, предполагаетъ извѣстное соподчиненіе. Но по мѣрѣ того какъ необходимость въ гражданскомъ правительствѣ постепенно наростаетъ вмѣстѣ съ пріобрѣтеніемъ цѣнной собственности, главныя причины, которыя естественно устанавливаютъ соподчиненіе, вмѣстѣ съ возрастаніемъ этой цѣнной собственности постепенно пріобрѣтаютъ все большее значеніе. Существуютъ четыре причины или обстоятельства, естественно устанавливающія соподчиненіе или естественно и до возникновенія какого бы то ни было гражданскаго учрежденія дающія нѣкоторыя преимущества отдѣльнымъ людямъ надъ наибольшей массой ихъ собратьевъ, а именно: 1. превосходство личныхъ качествъ, какъ сила, красота, гибкость тѣла, мудрость и добродѣтель, благоразуміе, справедливость, мужество и умѣніе владѣть собой (moderation of mind); 2. возрастъ; старый человѣкъ, если онъ не выжилъ изъ ума, всюду уважается болѣе, чѣмъ молодой, одинаковаго съ нимъ положенія, богатства и достоинствъ; 3. превосходство въ состояніи или въ богатствѣ и 4. преимущества рожденія."

Замѣчанія въ Богатствѣ Народовъ очень расплывчаты сравнительно съ соображеніями въ лекціяхъ: физіократы оказали на Смита большое вліяніе и вліяніе Локка (см. Civil Governement, § 94: правительство не имѣетъ другаго назначенія, кромѣ сохраненія собственности и т. д.) стало исчезать.

Политическая философія Кенэ погрѣшала здѣсь противъ его же экономической системы. Послѣдняя была основана на свободной борьбѣ интересовъ и ихъ компромиссѣ, который приводитъ ко благу, создавая представленіе о „разумномъ интересѣ" (l'interêt bien entendu); политическая философія покоилась на сосредоточеніи общаго интереса въ одномъ лицѣ и рѣзко противостояла парламентарному режиму и раздѣленію властей, которые именно и покоятся на компромиссѣ интересовъ. Лучше всего мы изобразимъ эту сторону ученій Кенэ и его учениковъ, передавъ вкратцѣ сообщенія мадамъ де-Госсэ о разговорѣ, который велъ однажды Тюрго въ гостяхъ у Кенэ.

„Однажды, разсказываетъ она, я была въ Парижѣ и зашла къ Кенэ. Я застала у него, противъ обыкновенія, много гостей и въ числѣ ихъ молодого maître de requêtes, человѣка съ красивою наружностью (Тюрго). Говорили много объ управленіи; но это меня сначала мало занимало. Затѣмъ разговоръ перешелъ къ любви французовъ къ своему королю. Тюрго вмѣшался въ разговоръ и сказалъ: „Эта любовь не является чѣмъ либо слѣпымъ, она является результатомъ неопредѣленнаго воспоминанія о великихъ благодѣяніяхъ. Нація, я скажу болѣе, Европа и человѣчество обязаны королю Франціи (я забыла имя, которое онъ здѣсь назвалъ) своей свободой. Онъ создалъ общины и далъ безконечному числу человѣческихъ существъ гражданское существованіе. Я отлично знаю, что мнѣ могутъ возразить: онъ преслѣдовалъ при освобожденіи свои выгоды, ибо онъ сталъ получать земельные налоги и тѣмъ ослабилась власть сильныхъ и дворянства, но что изъ этого? Отсюда вытекаетъ только то, что эта мѣра была столь же полезна, политична, какъ и необходима".

Кенэ и его ученики хотѣли воспользоваться просвѣщеннымъ абсолютизмомъ для быстраго пересозданія всей общественной организаціи. Странная иронія судьбы поручила проведеніе въ жизнь этой политической теоріи Тюрго, который не пользовался большимъ сочувствіемъ у физіократовъ за свой независимый характеръ и недовѣріе къ силамъ монархіи. Мирабо передаетъ фразу Тюрго: „я не энциклопедистъ, потому что вѣрую въ Бога, я не экономистъ (т. е. физіократъ), потому что я не хотѣлъ бы имѣть короля". Онъ не отказался, какъ увидимъ ниже, воспользоваться всей силою этой власти для экономической реформы. Вопросъ однако о томъ, былъ ли Тюрго защитникомъ конституціонной монархіи, споренъ. Когда первый президентъ Палаты косвенныхъ налоговъ Малербъ представилъ королю мемуаръ относительно необходимости полной трансформаціи податной системы, обреме-

нявшей Францію, Тюрго желалъ, чтобы этотъ мемуаръ былъ напечатанъ, хотя въ немъ указывалось на необходимость созванія генеральныхъ штатовъ или, по крайней мѣрѣ, созданія мѣстнаго самоуправленія. Король не согласился на напечатаніе этого мемуара. Враги Тюрго пользовались этимъ желаніемъ, чтобы показать, что онъ желаетъ упразднить монархію. Ближе взгляды Тюрго по вопросу о политической реформѣ можно узнать изъ мемуара, написаннаго съ его одобренія П. С. Дюпонъ-де-Немуромъ. Въ этомъ мемуарѣ Тюрго создаетъ проэктъ широкой реформы мѣстнаго управленія, основаннаго на представительствѣ по имущественному цензу, но, какъ видно изъ словъ Дюпона, онъ сознаетъ, что въ ближайшемъ же будущемъ самое развитіе капиталистической системы должно привести къ всеобщему представительству всѣхъ трудящихся [1]).

Экономическія ученія всегда тѣсно связаны съ тѣми явленіями жизни, среди которыхъ они возникаютъ. Научные дѣятели почти никогда не ищутъ одной абстрактной истины. Ихъ мысль невольно и неизбѣжно обращается къ явленіямъ текущей дѣйствительности и они такъ или иначе хотятъ преобразовать ее согласно съ сложившимися у нихъ воззрѣніями. Въ эпоху жизни Кенэ старый феодальный и цеховой порядокъ доживалъ свои послѣдніе дни. Стоя слишкомъ близко ко двору, Кенэ и многіе изъ его учениковъ не могли, а быть можетъ, многіе изъ нихъ и не хотѣли, открыто бороться за немедленную отмѣну имущественной и личной зависимости низшихъ сословій. Многіе изъ нихъ, впрочемъ, а въ томъ числѣ главнымъ образомъ Тюрго, открыто сочувствовали преобразованіямъ въ этой области. Нелегко, хотя уже гораздо возможнѣе, было бороться

---

1) Въ этомъ мемуарѣ Тюрго пишетъ Людовику XVI-му: „Причина несчастій, Ваше Величество, заключается въ томъ, что вашъ народъ не имѣетъ конституціи. Вашъ народъ представляетъ изъ себя общество, состоящее изъ разныхъ необъединенныхъ сословій, народъ, члены котораго имѣютъ очень мало общественныхъ связей между собою. Вслѣдствіе этого каждый исключительно занятъ своими частными интересами, почти никто не обнаруживаетъ ревности къ исполненію обязанностей, къ выясненію своихъ отношеній къ другимъ. Отсюда слѣдуетъ, что въ этой постоянной борьбѣ своекорыстныхъ вожделѣній и предпріятій разумъ и взаимное пониманіе не являются опредѣляющими, а Ваше Величество должно рѣшать все или собственною персоною, или чрезъ своихъ уполномоченныхъ. Ждутъ вашихъ приказаній, чтобы приносить общественную пользу, чтобы уважать права другихъ, а иногда даже для разрѣшенія пользоваться собственными правами. Вы принуждены издавать правила по всякому поводу, а чаще всего, подъ вліяніемъ частныхъ настояній, тогда какъ вы могли бы управлять, подобно Богу, при посредствѣ общихъ законовъ, если бы составныя части вашей Имперіи имѣли правильную организацію и строго опредѣленныя отношенія.“ Oeuvres de Turgot, ed. Daire, стр. 504.

съ тѣсно сплоченной цеховой монополіей. Для борьбы надо было найти удобную и болѣе безопасную почву. Сдѣлать это было не трудно. Что нужнѣе всего въ вѣкъ опеки, монополіи и гнета? Очевидно — свобода. Разсказываютъ, что могучая формула этого требованія свободы была впервые высказана Кольберу однимъ старикомъ коммерсантомъ, Франсуа Лежандромъ. На совѣтѣ коммерсантовъ всесильный министръ спросилъ: что имъ нужно для блага промышленности? Отвѣтъ Лежандра былъ коротокъ и ясенъ: Laissez nous faire т. е. предоставьте намъ свободу дѣйствій. Маркизъ д' Аржансонъ еще рѣзче чувствовалъ потребность въ этой свободѣ торговли и промысла; онъ не разъ повторялъ въ своихъ трудахъ: Laissez faire, morbleu, laissez faire! Д'Аржансонъ [1]) умеръ въ 1757 году и на смѣну его для проповѣди тѣхъ же идей просвѣщеннаго абсолютизма и свободы выступилъ Кенэ, но въ совершенно иной формулировкѣ, которая, быть можетъ, отчасти была подготовлена въ трудахъ Буагильбера, Вобана, Дюто, Мелона и друг. Онъ, впрочемъ, не употреблялъ этой формулы такъ, какъ она сложилась впослѣдствіи. Его любимое выраженіе было: il mondo va da se т. е. міръ движется самъ собою. „Въ конечномъ результатѣ, говорилъ онъ по словамъ Мирабо, если потребно столько труда, чтобы анатомировать политическое тѣло, то отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы надо было постоянно имѣть скальпель въ рукѣ для поддержанія здоровья этого тѣла. Многое множество зла, которыя принесъ человѣчеству духъ регламентаціи, возникло, по крайней мѣрѣ, въ большей своей части, не отъ жадности, сочетавшейся съ этимъ духомъ регламентаціи подъ прекрасными предлогами. Наибольшая доля этого зла произошла первоначально отъ умышленнаго нежеланія понимать то, что міръ живетъ самъ по себѣ. Il mondo va da se, говоритъ итальянецъ, и эта фраза имѣетъ глубокій смыслъ. Пусть порядокъ и честность установятся въ администраціи, пусть предоставятъ всякой вещи ея естественное теченіе, тогда увидятъ выполненіе всѣхъ нашихъ принциповъ по самому внутреннему порядку вещей (en vertu de l'ordre inné des choses). Правительство должно будетъ тогда заботиться только объ облегченіи самаго теченія явленій; оно должно будетъ прибирать камни, попадающіеся на пути, предоставляя полную

---

1) Не слѣдуетъ, однако, думать, что д'Аржансонъ былъ близокъ по своимъ идеямъ къ физіократамъ. Онъ скорѣе близокъ къ Руссо и Морелли. Онъ яростный защитникъ идеи равенства; врагъ собственности и наслѣдованія въ боковыхъ линіяхъ; для своего времени защитникъ мелкой формы промышленности и мелкой крестьянской собственности; собственность — существуетъ только благодаря признанію государства, основной принципъ котораго: salus populi — suprema lex esto.

свободу соперничеству, ибо только конкуренція обезпечиваетъ богатство народовъ."

Вѣроятнѣе всего, что Гурнэ, а вслѣдъ за нимъ Тюрго и другіе, дали этимъ принципамъ двухстороннее выраженіе въ формулѣ: laisser faire, laisser passer. Первая часть формулы говорила: дайте намъ свободу промысла, вторая — не затрудняйте намъ торговаго оборота. Каждая строка Кенэ говоритъ намъ о необходимости этой свободы; ограниченія встрѣчаются, но ихъ мало и они несущественны.

Заслуга Кенэ, однако, не заключается только въ томъ, что онъ сдѣлалъ свободу основнымъ началомъ разумной экономической жизни. Наше время принесло много разочарованій въ этомъ отношеніи и на нашихъ глазахъ создается другая организація промышленности съ замкнутостью и монополіей враждебныхъ и борящихся классовъ. Кенэ попытался подойти къ корню вещей. Онъ желалъ дать анализъ отношеній различныхъ классовъ такого хозяйственнаго строя, который, по его мнѣнію, долженъ покоиться на полученіи наибольшаго количества наслажденій посредствомъ возможно большаго уменьшенія издержекъ [1]).

Экономическую систему Кенэ не трудно выразить въ немногихъ словахъ. Все общество раздѣляется на три класса: классъ производительный, классъ собственниковъ и классъ безплодный (sterile).

Къ первому онъ относитъ всѣхъ тѣхъ, которые, занимаясь обработкой земли, воспроизводятъ годичныя богатства націи и дѣлаютъ всѣ необходимыя затраты по земледѣльческимъ работамъ вплоть до окончательной продажи продукта. Въ классъ собственниковъ входятъ: государь, собственники земли, получатели десятины, духовенство. Этотъ классъ существуетъ на счетъ чистаго дохода, даваемаго землею и передаваемаго собственникамъ производительнымъ классомъ, который, кромѣ этого чистаго дохода, оставляетъ еще и себѣ нѣкоторую долю воспроизводимаго продукта, какъ возмѣщеніе своихъ затратъ и какъ необходимый запасъ средствъ для поддержаніе обработки на извѣстномъ уровнѣ. Классъ безплодный состоитъ изъ всѣхъ тѣхъ гражданъ, которые заняты выполненіемъ разныхъ услугъ и всѣми другими работами, кромѣ земледѣльческихъ. Издержки по производству продуктовъ этого класса оплачиваются производительнымъ классомъ и классомъ собственниковъ, который извлекаетъ также свой доходъ отъ производительнаго класса. Только въ земледѣліи, по его мнѣнію, мы имѣемъ дѣло съ производствомъ или воспроизведеніемъ. Только здѣсь работа окупаетъ свои издержки

1) Биб. Эк., вып. VI. о трудѣ ремесленниковъ, стр. 237 и слѣд.

и даетъ, кромѣ того, чистый доходъ. Всѣ ремесленники, фабриканты и др. только обрабатываютъ полученное отъ земледѣльца и цѣна ихъ продукта имѣетъ точно установленные предѣлы: она повышается лишь на сумму потребленныхъ во время изготовленія предмета средствъ существованія. Рабочій въ этихъ отрасляхъ промышленности самъ сознаетъ, что онъ зарабатываетъ свои средства къ существованію, но не производитъ ихъ. Безплодный классъ живетъ за счетъ производительнаго класса, но отнюдь не обогащаетъ его и націю.

Въ своей статьѣ „Отвѣтъ на мемуаръ господина М. Х.", Кенэ подвергаетъ подробному разбору то возраженіе, согласно которому безплодный классъ не можетъ быть признанъ непроизводительнымъ на томъ основаніи, что, производя предметы для промѣна на земледѣльческіе продукты, онъ создаетъ продажную цѣнность этихъ послѣднихъ. По мнѣнію Кенэ, такое возраженіе основано на чистѣйшемъ заблужденіи.

Возражающіе такимъ образомъ должны принять во вниманіе, что безплодный классъ не прибавляетъ ничего къ цѣнности продуктовъ земледѣлія: въ свою очередь производительный классъ не прибавляетъ ничего къ цѣнности продуктовъ безплоднаго класса. Ихъ взаимныя покупки балансируются, послѣдствіемъ чего и является то обстоятельство, что цѣнности, являющіяся на рынокъ, какъ результатъ труда разныхъ классовъ обмѣниваются между собою, какъ эквиваленты. Цѣнности существуютъ до обмѣна и обмѣнъ не создаетъ ничего. Почти всѣ физіократы безъ конца твердятъ, что деньги не являются „активнымъ" богатствомъ: деньги сами по себѣ „безплодное богатство": они полезны только, какъ орудіе покупокъ и продажъ. Только трудъ земледѣльца возрождаетъ средства къ существованію, которыя онъ уничтожаетъ, а также и всѣ тѣ, которыя уничтожены другими потребителями. Трудъ ремесленника даетъ ему лишь право участвовать въ потребленіи средствъ существованія, возрожденныхъ трудомъ земледѣльца.

Спросъ на земледѣльческій продуктъ, при полной свободѣ рынковъ, никогда не можетъ упасть и потому никакое уменьшеніе издержекъ не можетъ понизить его цѣну. Земледѣльческій продуктъ всегда остается цѣннымъ богатствомъ: продуктъ труда ремесленника уменьшается въ цѣнности со всякимъ сокращеніемъ издержекъ производства.

Подъ капиталомъ физіократы понимаютъ „всѣ движимыя богатства, сбереженныя отъ потребленія". Физіократы различаютъ три вида затратъ: 1. avances annuelles т. е. ежегодныя затраты, которыя, по ихъ мнѣнію, состоятъ въ трудѣ земледѣльца, въ издержкахъ содержанія его самаго и всѣхъ животныхъ, потребныхъ для веденія хозяй-

ства, 2. avances primitives т. е. первичныя затраты, которыя заключаются въ созданіи орудій, матеріаловъ, удобреній и т. п.; эти затраты потребляются медленно и необходимо должны быть возстановлены при началѣ производства и 3. avances foncières т. е. земельныя затраты или совокупность всѣхъ предшествовавшихъ работъ по разработкѣ, осушенію земли, огораживанію, заботы по сохраненію своей собственности и правъ. Какъ мы видѣли выше, эта третья категорія затратъ была введена для обоснованія частной собственности на землю [1]).

Изъ сказаннаго видно, что Кенэ выставляетъ по существу дѣла слѣдующія положенія: а) обмѣнъ, какъ въ предѣлахъ страны, такъ и внѣ ея, всегда обмѣнъ равноцѣнностей: торговля не создаетъ странѣ никакого богатства; б) всякій хозяйственный организмъ самодовлѣетъ въ себѣ. никакихъ внѣшнихъ рынковъ ему не требуется: земледѣліе и фабрикація, при наличности соотвѣтствующихъ природныхъ условій, дадутъ стройную картину взаимно зависимаго обмѣна, причемъ размѣръ фабрикаціи будетъ опредѣляться размѣрами земледѣлія.

По существу тѣ же идеи изложены и въ знаменитомъ трактатѣ Тюрго „Размышленія о созданіи и распредѣленіи богатствъ“ (1769—70) съ замѣчательной ясностью и простотой. Этотъ трактатъ, однако, въ исторіи политической экономіи долженъ быть отмѣченъ еще и по другимъ основаніямъ. Въ этомъ сочиненіи, Тюрго намѣтилъ двѣ основныя задачи политической экономіи: во первыхъ, изслѣдованіе того, какъ созданный продуктъ и прибавочный, чистый продуктъ распредѣляется между классами, изъ которыхъ состоитъ общество и, во вторыхъ, каковы тѣ причины, которыя опредѣляютъ относительную долю въ продуктѣ каждаго класса и каждаго изъ составляющаго его индивидовъ. А. Смитъ, Мальтусъ и Рикардо пошли по предначертанной имъ дорогѣ. Въ трактатѣ Тюрго мы впервые встрѣчаемся съ опредѣленной попыткой формулированія понятій о доходѣ разныхъ классовъ. Заработная плата, по мнѣнію Тюрго, благодаря существующему между работниками соперничеству, ограничивается минимумомъ, потребнымъ для ихъ существованія. Земельная рента — это доходъ, составляющій физическій результатъ плодородія земли, за счетъ котораго собственникъ можетъ жить безъ труда; прибыль — это доходъ отъ капитала, подъ которымъ Тюрго понимаетъ всѣ движимыя богатства, сбереженныя отъ потребленія и затрачиваемыя на производство. Тюрго первый опредѣленно высказываетъ мысль, что размѣры заработной

---

1) Сравни ученіе Смита, выше, стр. 161.

платы и прибыли опредѣляются въ земледѣліи, благодаря тому, что фермеръ можетъ отдать собственнику только избытокъ, остающійся за возмѣщеніемъ этихъ двухъ доходовъ. Капиталъ же приноситъ доходъ по тому, что за его цѣнность можно купить землю, которая будетъ всегда оплачивать всѣ затраты, т. е. возстанавливать затраченный капиталъ, возвращать выплаченную заработную плату, давать прибыль.

Цѣна же земли равняется кратному ея дохода, т. е. доходу, помноженному на опредѣленное число въ зависимости отъ спроса на землю. Десятина земли даетъ, напримѣръ, опредѣленное количество хлѣба въ годъ, которое продается за пять рублей. Эта десятина будетъ стоить 100 рублей, если земля продается по двадцати кратному доходу; 125 руб., если по 25-ти кратному. Отсюда ясно, чѣмъ выше цѣнность земли, тѣмъ ниже прибыль. Тюрго, однако, не всегда держится этой точки зрѣнія. Иногда онъ полагаетъ, наоборотъ, что низкая прибыль (процентъ) даетъ возможность пускать въ оборотъ менѣе плодородныя земли, а потому и эти послѣднія пріобрѣтаютъ цѣнность и даютъ доходъ, равный этому проценту. Такъ, если за свои 100 рублей капиталистъ согласится получать, какъ процентъ, $2^1/_2$ рубля, то онъ дастъ за прежнюю землю, которая приноситъ 5 рублей, по 20-ти кратному ея доходу 200 руб., а за землю, которая приноситъ $2^1/_2$ рубля, прежніе 100 рублей. Другими словами, получается обратное положеніе: чѣмъ ниже прибыль, тѣмъ выше цѣнность земли (ср. § 88). Этого противорѣчія физіократическая доктрина разрѣшить не могла и вопросъ о происхожденіи прибыли какъ бы вращался въ логическомъ кругѣ.

У Тюрго же намѣчена и теорія цѣнности продуктовъ въ двухъ ея видахъ: во первыхъ какъ теорія субъективной цѣнности, которая опредѣляетъ цѣнность, какъ то значеніе, которое вещь имѣетъ для опредѣленнаго круга нашихъ потребностей: во вторыхъ, какъ объективная теорія, которая слагаетъ цѣнность изъ суммы трехъ доходовъ: заработной платы, ренты и прибыли, а въ рыночной борьбѣ спроса и предложенія видитъ орудіе, которое держитъ цѣнность и доходы на нѣкоторой средней нормѣ.

Пока я ограничусь только этими замѣчаніями, оставивъ анализъ всей этой теоріи до анализа ученія классической школы о распредѣленіи, которое мы и начнемъ съ ученія о рентѣ[1]).

---

1) Какъ большую заслугу Тюрго слѣдуетъ еще отмѣтить, что въ „Observations sur le Mémoire de M. Saint Peravy en faveur de l' impôt indirect“ Тюрго ясно и опредѣленно формулируетъ законъ уменьшающейся производительности почвы. Онъ пишетъ: „сѣмя, брошенное въ плодородную землю, но безъ всякой ея обработки, было бы затратой почти

Вотъ основныя положенія экономической теоріи Кенэ и его послѣдователей. Изъ нихъ онъ дѣлаетъ слѣдующіе практическіе выводы. Только та нація богата, гдѣ процвѣтаетъ земледѣлецъ, вполнѣ возмѣщающій свои издержки и имѣющій возможность постоянно ихъ увеличивать. Затраты на земледѣліе должны возрастать, ибо отъ нихъ зависитъ воспроизводство. Опытъ жизни показываетъ ему, что затраты цѣлесообразнѣе всего совершаются въ крупныхъ фермахъ. Чистый доходъ въ нихъ, въ особенности благодаря употребленію лошадей (вмѣсто воловъ) и меньшаго количества рабочихъ, всегда больше.

Свободный торговый оборотъ и вывозъ хлѣбовъ создаетъ хорошія цѣны, а это только содѣйствуетъ возрастанію производства, которое будетъ сопровождаться естественнымъ увеличеніемъ населенія. Искусственныхъ мѣръ къ возрастанію населенія не нужно: надо увеличить сначала воспроизводство и чистый доходъ, тогда и большее количество людей найдетъ пропитаніе. „Удобреніе, пишетъ онъ, даетъ обильныя жатвы, животныя даютъ удобреніе, деньги даютъ животныхъ и людей, которые управляютъ первыми."

Раздѣлъ чистаго продукта Кенэ совершаетъ такъ: $^4/_7$ должны оставаться собственникамъ, все остальное въ формѣ единаго налога: государю $^2/_7$ и духовенству $^1/_7$. Кенэ желаетъ отдать ренту — чистый продуктъ — государству и правящей аристократіи, въ деревнѣ же насадить крупное фермерское хозяйство и заставить работника за достаточную плату много и напряженно работать. „Для того, чтобы извлечь наибольшую пользу изъ земли, необходимо, по его мнѣнію, чтобы сельскія работы помимо заработной платы доставляли чистый продуктъ, такъ какъ чистый продуктъ даетъ средства къ существованію другимъ общественнымъ классамъ. . . Этого нельзя ожидать отъ бѣдныхъ людей, обрабатывающихъ землю съ помощью рукъ своихъ или несовершенныхъ орудій. Они могутъ только раздобыть себѣ средства къ существованію. Богатымъ людямъ — вотъ кому слѣдуетъ предо-

---

совершенно потерянной. Если затратятъ трудъ на обработку земли, полученный результатъ въ продуктѣ будетъ больше. При двойной, тройной затратѣ труда сумма продукта не только можетъ удвоиться, утроиться, но учетвериться и удесятериться. Всякое дальнѣйшее увеличеніе труда будетъ увеличивать количество продукта въ большей пропорціи сравнительно съ возрастаніемъ затратъ и такъ будетъ происходить до момента, когда количество продукта будетъ наибольшимъ изъ возможныхъ сравнительно съ затратами. По наступленіи этого предѣла, при дальнѣйшемъ возрастаніи затратъ, количество продукта будетъ увеличиваться, но въ меньшей пропорціи. Увеличеніе продукта будетъ все болѣе и болѣе уменьшаться и, въ концѣ концовъ, когда плодородіе почвы будетъ исчерпано и искусство ничего не въ состояніи будетъ прибавить, увеличеніе затратъ абсолютно не въ состояніи будетъ увеличить количество продукта." см. Oeuvres de Turgot, томъ 1, стр. 421, ed. Daire, 1844 г.

ставить культуру земли и торговлю ея продуктами." „Управленіе земледѣліемъ и торговля его продуктами являются въ земледѣльческой націи основаніемъ для министерства финансовъ и всѣхъ прочихъ частей администраціи".

Вотъ по какимъ основаніямъ онъ стоитъ противъ дешевизны хлѣба, которую стремился создать Кольберъ.

„Когда стремятся дешевизной хлѣба поощрить обитателей городовъ, рабочихъ въ мануфактурахъ и ремесленниковъ, тѣмъ самымъ разоряютъ деревни, которыя являются настоящимъ источникомъ богатства государствъ. И эта цѣль плохо достигается. Хлѣбъ не является единственнымъ источникомъ пищи людей; земледѣліе, если оно находится подъ соотвѣтствующимъ покровительствомъ, доставляетъ и другія средства продовольствія." „Вовсе не хорошія или дурныя жатвы опредѣляютъ цѣны хлѣба, а хорошій сбытъ его. Свобода или принужденіе въ торговлѣ хлѣбомъ — вотъ что опредѣляетъ его цѣнность. Вводя ограниченія или стѣсненія въ торговлю хлѣбомъ въ періоды хорошихъ жатвъ, уменьшаютъ доходъ собственниковъ земли, порождаютъ лѣность и дерзость среди прислуги и работниковъ, которые должны содѣйствовать земледѣлію, обезлюдиваютъ деревни". „Большое неудобство, говоритъ Кенэ, пріучать народъ покупать хлѣбъ по слишкомъ низкимъ цѣнамъ. Онъ становится менѣе трудолюбивымъ, онъ кормится дешевымъ хлѣбомъ, становится лѣнивымъ и дерзкимъ. Землевладѣльцы находятъ тогда съ трудомъ работниковъ и прислугу; имъ особенно трудно подыскивать рабочій персоналъ въ годы изобилія. Важно, чтобы простонародіе зарабатывало достаточно и чтобы потребности заставляли его зарабатывать больше. Въ предшествовавшемъ столѣтіи, когда хлѣбъ продавался значительно дороже, народъ старался зарабатывать больше, онъ долженъ былъ быть болѣе трудолюбивъ, а потому и благосостояніе его было больше."

Кенэ высказывается также и противъ политики низкой заработной платы. Въ примѣчаніи къ XX принципу своей экономической таблицы, Кенэ такъ поясняетъ свои взгляды по этому предмету. „Чтобы оправдать притѣсненія деревенскихъ жителей, сборщики податей выставили принципъ, по которому крестьяне должны быть бѣдными для того, чтобы не облѣниться. Спѣсивые буржуа охотно усвоили этотъ варварскій принципъ, потому что недостаточно обращаютъ вниманія на другіе болѣе вѣрные принципы въ родѣ того, напримѣръ, что человѣкъ неимѣющій возможности дѣлать сбереженія, работаетъ для того, чтобы не умереть съ голода, и что, въ общемъ, всякій человѣкъ, имѣющій возможность сберегать, трудолюбивъ, такъ какъ всякій человѣкъ стремится къ богатству. Истинная причина лѣности

забитаго крестьянина заключается въ слишкомъ низкой заработной платѣ и въ недостаткѣ занятій въ странахъ, въ которыхъ препятствія для торговли сырьемъ обезцѣнили съѣстные припасы и гдѣ еще и другія причины разорили земледѣліе. Притѣсненія, низкая цѣна съѣстныхъ припасовъ, заработокъ, недостаточный для побужденія къ работѣ, — вотъ что дѣлаетъ ихъ браконьерами, бродягами и ворами. Принудительная бѣдность не является, такимъ образомъ, средствомъ сдѣлать крестьянъ болѣе трудолюбивыми. Лишь обезпеченная собственность и спокойное пользованіе своимъ заработкомъ могутъ ободрить ихъ и сдѣлать трудолюбивыми.“

Какъ Кенэ, такъ и Тюрго, — противъ какого либо обложенія прибыли, вѣрнѣе процента; по мнѣнію Тюрго (§ XCV), „если вознагражденіе въ видѣ процента уменьшится, капиталистъ возьметъ обратно свои деньги и предпріятіе не будетъ имѣть возможности существовать. Это вознагражденіе должно быть ненарушимо и пользоваться полною неприкосновенностью, ибо оно представляетъ цѣну авансовъ, сдѣланныхъ для предпріятія; безъ авансовъ оно не можетъ существовать. Затронуть процентъ — это значило бы увеличить цѣну авансовъ во всѣхъ предпріятіяхъ, а слѣдовательно уменьшить и самое число предпріятій, т. е. обработку, промыслы и торговлю.“ Это мѣсто отлично показываетъ, какъ боятся физіократы нарушить интересы нарождающагося капитала.

Исходя изъ мысли, что только земледѣліе создаетъ чистый доходъ, Кенэ, а за нимъ и всѣ физіократы, настаиваютъ на установленіи „единаго налога на землю“ и горячо борятся противъ косвенныхъ налоговъ. Интересную критику косвенныхъ налоговъ даетъ Тюрго въ своемъ замѣчательномъ „Plan d'un Mémoire sur les impositions en général, sur l'imposition territoriale en particulier et sur le projet du cadastre.“ Тюрго приводитъ такія соображенія противъ косвенныхъ налоговъ: 1) собственникъ земли является единственнымъ владѣльцемъ чистаго дохода, а потому онъ и долженъ быть главнымъ плательщикомъ налоговъ; 2) такъ какъ издержки взиманія прямого налога меньше, то собственникъ получаетъ прямое сбереженіе всѣхъ издержекъ главныхъ взимателей налога, ихъ администраціи и откупщиковъ; 3) косвенный налогъ создаетъ массу стѣсненій для торговаго оборота; онъ приводитъ къ процессамъ, къ обманамъ, къ осужденіямъ, къ гибели людей, къ постоянной войнѣ правительства со своими подданными, къ диспропорціи между наказаніями и проступками, къ постояннымъ и почти непреоборимымъ покушеніямъ на проступки, вызывающіе тяжкія возмездія; 4) косвенный налогъ сотнями способовъ нарушаетъ свободу; 5) косвенный налогъ нару-

шаетъ правильный ходъ потребленія и потому уничтожаетъ самъ себя: 6) косвенный налогъ увеличиваетъ издержки государства, ибо оно выплачиваетъ установленный налогъ на своихъ тратахъ и на таковыхъ же своей администраціи: 7) косвенный налогъ даетъ преимущество иностранцамъ въ конкуренціи на внутреннемъ рынкѣ; 8) послѣдствія косвеннаго налога трудно предвидѣть, тогда какъ при прямомъ налогѣ собственникъ хорошо знаетъ, какую долю своего дохода онъ выплачиваетъ; государство видитъ, что оно беретъ и что можетъ взять. Въ своемъ управленіи налогами оно имѣетъ все то, что желательно: простоту, прочность, быстроту.

Посмотримъ же, какія изъ этихъ физіократическихъ идей Франція осуществила и какимъ образомъ.

§ 4. а) Вступленіе на престолъ Людовика XVI-го было встрѣчено всеобщимъ энтузіазмомъ, въ особенности среди буржуазіи и простого народа. Король былъ молодъ, ему не было даже 20 лѣтъ, его знали, какъ человѣка скромнаго, нерасточительнаго и любящаго трудъ. Королева считалась красавицей. Все, казалось, должно было благопріятствовать ожиданіямъ, и въ первое время надежды эти какъ-бы оправдывались. Всѣ напряженно ждали, какъ выйдетъ Франція изъ того критическаго положенія, которое она переживала. Король въ одномъ изъ первыхъ эдиктовъ отказался отъ обычнаго подарка подданныхъ, который достигалъ до 20 милліоновъ ливровъ. Въ первомъ-же эдиктѣ король указалъ на необходимость реформъ и, особенно, экономіи въ финансахъ.

25-го іюля 1774 г. ненавистный генеральный контролеръ (министръ финансовъ) аббатъ Тэррэ и хранитель печати Мопу были отставлены отъ должностей при всеобщемъ ликованіи Парижа. Вскорѣ во главѣ финансовъ появился и Тюрго.

Тюрго былъ извѣстенъ, какъ сторонникъ новыхъ экономическихъ идей, какъ врагъ іезуитовъ и горячій защитникъ вѣротерпимости. Полагали, что молодой король, назначая министромъ Тюрго, хочетъ дѣйствительно быть полезнымъ народу и стремится къ реформамъ. На самомъ дѣлѣ назначеніе Тюрго было скорѣе дѣломъ случая. Король совсѣмъ не представлялъ изъ себя монарха, котораго желалъ народъ и въ которомъ такъ нуждался. Робкій, лишенный энергіи и настойчивости, съ недостаточнымъ образованіемъ, непривыкшій довѣрять самому себѣ, неспособный заглядывать въ будущее, онъ легко подчинялся вліяніямъ придворной аристократіи. Морепа, который въ это время имѣлъ на него огромное вліяніе, былъ друженъ съ аббатомъ

Верн. Послѣдній былъ ученикомъ Тюрго. Верн зналъ Тюрго просто, какъ честнаго человѣка и неутомимаго работника въ качествѣ интенданта въ Лиможѣ. По рекомендаціи Верн, Морепа далъ совѣтъ королю назначить Тюрго.

Когда король и его министръ встрѣтились, то первый не зналъ, какой политики будетъ держаться новый министръ. Въ замѣчательномъ письмѣ, которое Тюрго написалъ королю, новый министръ рѣшилъ отчасти изложить свою программу, которой намѣренъ держаться. Она была ясна: не нужно ни банкротства, ни увеличенія налоговъ, ни займовъ. Тюрго настаивалъ на полнѣйшей экономіи, на введеніи большей справедливости налоговаго обложенія, на устраненіи излишняго количества должностей.

По вступленіи Тюрго въ должность министра, реформы посыпались, какъ изъ рога изобилія. Изъ нѣсколькихъ мелкихъ реформъ Тюрго имѣли значеніе слѣдующія. Тюрго отмѣнилъ то, что такъ долго тяготѣло надъ крестьяниномъ и у насъ въ Россіи, а именно: круговую поруку при взиманіи податей: онъ ввелъ требованіе, чтобы ни одна новая денежная трата другихъ министровъ не совершалась безъ его одобренія, отмѣнилъ пороховой откупъ. Въ то-же время Тюрго дѣятельно занятъ подготовленіемъ реформы самоуправленія, но привести въ исполненіе эту реформу ему не удалось. Королю нужно было что-нибудь сдѣлать, чтобы успокоить народъ, но пойти на серьезныя реформы онъ не рѣшался и даже сдѣлалъ шагъ назадъ, не смотря на протесты Тюрго. Въ концѣ 1774 г. Людовикъ возстановилъ старые парламенты сначала въ Парижѣ, а потомъ почти во всѣхъ другихъ городахъ Франціи [1]).

По самому своему составу парламенты состояли изъ представителей привиллегированнаго класса. Такимъ образомъ, Тюрго, помимо собственнаго желанія, пріобрѣлъ сильнаго врага для всѣхъ своихъ начинаній въ лицѣ организо-

---

1) Эти парламенты не были тѣмъ, что нынѣ разумѣютъ подъ этимъ словомъ. Тогдашніе французскіе парламенты были просто высшими судами, обладавшими, однако, важными политическими правами, среди которыхъ особенное значеніе имѣло право вносить новыя указы короны въ свои книги (реестры) и, въ случаѣ несогласія со старыми законами или обычаями страны, дѣлать особенныя представленія королю. Въ случаѣ упорнаго отказа парламента внести королевскія распоряженія въ книги, съ XVI-го в. стали прибѣгать къ такъ называемому lit de justice. Король являлся въ парламентъ, гдѣ представители парламента дѣлали возраженія по содержанію его указовъ. Если король не соглашался, то говорилъ слѣдующую фразу: „Король этого желаетъ“ (le roi le veut). Послѣ этого парламентъ обязанъ былъ внести указъ въ реестры, и онъ становился закономъ. Парламентъ состоялъ изъ принцевъ крови, представителей аристократіи, высшей судебной знати, болѣе богатыхъ представителей третьяго сословія, т. е. крупной буржуазіи и представителей духовенства.

ваннаго, опиравшагося на историческую традицію, парламента, въ интересахъ котораго было защищать старый порядокъ Франціи.

Тюрго, однако, не испугался этихъ обстоятельствъ и, какъ я сказалъ, рѣшилъ идти смѣло по той дорогѣ, которую себѣ начерталъ.

Первый-же его эдиктъ 13-го сентября 1774 г., провозглашавшій свободу хлѣбной торговли, произвелъ громадное волненіе въ Франціи. Вы уже видѣли, каковы были мѣропріятія по этому предмету въ эпоху Кольбера. Въ министерство Тэррэ регламентація хлѣбной торговли, нѣсколько ослабленная при его предшественникахъ, была вновь усилена. Указомъ 23 декабря 1770 г. аббатъ Тэррэ сдѣлалъ почти невозможнымъ свободное движеніе хлѣбнаго торга. Каждый хлѣбный торговецъ долженъ былъ объявлять свое имя, качество и количество хлѣба, мѣсторасположеніе своихъ складовъ, онъ долженъ былъ покупать и продавать хлѣбъ только на рынкѣ, въ Парижѣ не иначе, какъ лично или чрезъ посредство членовъ своей семьи: продажа хлѣба чрезъ посредство маклеровъ воспрещалась: начавъ продажу по опредѣленной цѣнѣ, торговецъ не имѣлъ права ни подъ какимъ предлогомъ повысить цѣну. Запрещались также всякіе союзы хлѣбныхъ торговцевъ, перевозка хлѣба изъ одной провинціи въ другую и т. п. Кромѣ того, существовала особая королевская администрація по покупкѣ хлѣба, которая начинала свои операціи всякій разъ, когда можно было ожидать повышенія цѣны и голодовки. Эта королевская операція по покупкѣ хлѣба съ 1765 г. была отдана на откупъ, что, разумѣется, вело къ крайнимъ злоупотребленіямъ. Отмѣченнымъ указомъ Тюрго объявилъ полную свободу внутренней хлѣбной торговли, свободу ввоза его извнѣ. Въ тоже время онъ окончательно прекратилъ всякую закупку на государственный счетъ: разрѣшеніе свободнаго вывоза онъ откладывалъ до болѣе благопріятнаго времени. Эдиктъ былъ встрѣченъ среди торговцевъ, привыкшихъ къ монополіи, очень неблагопріятно. Среди народа съ особымъ восторгомъ была принята отмѣна королевскаго откупа, который обвиняли въ искусственномъ созданіи высокихъ цѣнъ и голодовокъ.

Весною 1775 г. произошло значительное повышеніе цѣнъ: въ народѣ послышался ропотъ, на рынкахъ стали громко ругать правительство: въ окрестностяхъ Парижа и во многихъ другихъ мѣстахъ начался народный бунтъ. 3-го мая безпорядки начались и въ самомъ Парижѣ, народъ сталъ грабить булочныя, врывался въ дома частныхъ лицъ и у нихъ отнималъ хлѣбъ. Тогда правительство и Тюрго были принуждены прибѣгнуть къ военной силѣ; были убитые: у многихъ среди арестованныхъ во время бунта были

найдены въ карманахъ золотыя деньги. Полагаютъ, что хлѣбный бунтъ былъ подготовленъ и совершался не безъ участія монополистовъ хлѣбнаго торга. Суровая расправа возбудила недовольство среди многихъ представителей прогрессивной интеллигенціи, которая склонна была во всемъ винить правительство. Вся торговая буржуазія стала также противъ Тюрго.

Къ концу мая хлѣбный бунтъ окончился и король рѣшился совершить коронацію, которую до сихъ поръ откладывали. Судьбѣ было угодно, чтобы Тюрго возстановилъ противъ себя и духовенство своимъ совѣтомъ, даннымъ королю. При совершеніи коронаціи король долженъ былъ дать обѣщаніе при произнесеніи особой присяжной формулы истреблять еретиковъ. Тюрго убѣдилъ короля выпустить эту фразу. Король согласился. Но во время произнесенія присяги пробормоталъ что-то невнятное: это вызвало страшное раздраженіе среди духовенства. Въ 1776 г. Тюрго вноситъ шесть новыхъ указовъ, которые создали его славу, но получили осуществленіе только въ эпоху революціи. Изъ этихъ шести указовъ 1776 г. особенно важны три. Первый отмѣняетъ натуральную повинность (la corvée) по исправленію дорогъ. Второй указъ представляетъ собой декларацію о свободной торговлѣ хлѣбомъ въ Парижѣ, которая еще яснѣе формулировала принципы предшествующаго указа относительно благодѣтельности свободнаго соперничества въ торговомъ оборотѣ товарами и невозможность законодательнаго нормированія цѣнъ. Третій указъ отмѣнялъ окончательно всякую цеховую монополію. Первому и второму изъ этихъ указовъ необходимо удѣлить большее вниманіе, чтобы понять, почему эти указы могли вызвать такое озлобленіе и возстановить противъ Тюрго два другіе общественные классы: во первыхъ, дворянъ, а во вторыхъ, цеховую буржуазію. Эти указы важны не только потому, что провозглашали новыя устои жизни для Франціи, но и потому, что Тюрго формулировалъ тѣ основныя начала, которыя были революціей распространены по всему міру и сдѣлались основными лозунгами для освобожденія крестьянъ, промысловъ и торговли. Указъ объ отмѣнѣ натуральной повинности по исправленію дорогъ, — одной изъ наиболѣе тяжелыхъ для крестьянъ повинностей, важенъ, главнымъ образомъ, по принципіальной постановкѣ вопроса. Отвергая цѣлесообразность одной повинности, онъ давалъ доказательства для полнаго отрицанія всей повинностной феодальной системы и для установленія новаго начала въ финансовой системѣ, согласно которому не должно существовать ни одного класса, не платящаго налоговъ, необходимыхъ для существованія государства. Въ этомъ указѣ Тюрго пишетъ: „Человѣкъ, тру-

дящійся по принужденію и безъ вознагражденія, работаетъ лѣниво и безъ интереса и результаты его труда плохи". Словомъ, Тюрго указываетъ, что трудъ по принужденію не можетъ быть производительнымъ и не долженъ существовать. „Вся тяжесть этой натуральной повинности, пишетъ онъ, падаетъ на бѣднѣйшіе классы, на тѣхъ, собственность которыхъ заключается лишь въ продуктѣ ихъ рукъ и въ ихъ промыслахъ, на крестьянъ и фермеровъ. Собственники, почти всѣ обладающіе привилегіями, свободны отъ повинности или платятъ мало. Развѣ можетъ быть справедливымъ оплачивать издержки по созданію дорогъ за счетъ тѣхъ, кто ничего не имѣетъ, заставлять ихъ отдавать свой трудъ безъ заработной платы, отнимать у нихъ единственный источникъ для предотвращенія себя отъ нищеты и голода, — и все это для того, чтобы трудиться на пользу тѣхъ, кто богаче ихъ?" „Совершенно противоположное заблужденіе часто приводило правительство къ тому, что оно, путемъ запретительныхъ законовъ, жертвовало правами собственниковъ, заставляя ихъ продавать продукты ниже дѣйствительной цѣны, въ неправильномъ стремленіи облегчить положеніе своихъ бѣднѣйшихъ подданныхъ. Такъ, съ одной стороны, несправедливость была сдѣлана по отношенію къ собственникамъ, когда стремились заставить ихъ продавать хлѣбъ по низкой цѣнѣ работнику, съ другой — несчастныхъ рабочихъ несправедливо грабили, не давая имъ возможности получать законнаго результата своего труда. Въ основаніи этихъ мѣропріятій лежало убѣжденіе, что издержки на существованіе, при отсутствіи такихъ законовъ, будутъ слишкомъ высоки и рабочіе не въ состояніи будутъ пріобрѣсти средства къ существованію за счетъ своей заработной платы. Правительство, требуя отъ рабочихъ даромъ ихъ трудъ, который былъ бы оплаченъ, если бы пользующіеся выгодами его несли издержки, лишило рабочій классъ того орудія соперничества, которое могло привести заработную плату къ ея надлежащему уровню".

Тюрго желаетъ, чтобы цѣны устанавливались сами собой: „когда принуждаютъ продавать хлѣбъ и продукты вообще по низкой цѣнѣ, тѣмъ самымъ нарушаютъ права собственниковъ. Требуя отъ населенія безплатнаго труда, государство нарушаетъ интересы труда и лишаетъ его законнаго вознагражденія въ видѣ заработной платы." Между тѣмъ, лучше каждому предоставить право продавать, какъ ему угодно и выгоднѣе, за подходящую цѣну. Тюрго провозглашаетъ основныя начала системы свободнаго соперничества, полагая, что всякій человѣкъ долженъ быть свободенъ въ продажѣ своего труда, ибо только тогда онъ будетъ заинтересованъ въ своей работѣ, будетъ работать быстро, интенсивно, охотно. Собственники имѣютъ такое же право на

12

свободную продажу своихъ товаровъ. На рынкѣ и трудъ, и товары найдутъ свою оцѣнку по настоящей и справедливой цѣнѣ.

Этотъ указъ вызвалъ большое раздраженіе среди представителей феодальной аристократіи, которая считала себя свободной отъ несенія налоговъ и въ провозглашеніи идеи свободнаго труда видѣла нарушеніе своихъ историческихъ правъ.

Указъ объ отмѣнѣ присяжныхъ цеховъ и правъ мастерства представляетъ нѣчто въ высшей степени замѣчательное опять таки по тому введенію, въ которомъ Тюрго разъяснялъ мотивы этого указа. Вотъ нѣкоторое извлеченіе изъ этого введенія, а также и основные пункты самаго указа, которые имѣютъ чрезвычайно важное значеніе для исторіи системы естественной свободы.

Тюрго пишетъ: „Во всѣхъ городахъ королевства нашего право заниматься ремеслами сконцентрировалось въ рукахъ мастеровъ, которые имѣютъ исключительное право готовить и продавать предметы. Такимъ образомъ, люди, которые по склонности или по необходимости желаютъ посвятить себя ремесламъ, должны получить званіе мастера, къ которому они не могутъ быть допущены, пока не пройдутъ особаго ученичества, столь-же труднаго и долгаго, сколь и безполезнаго, пока они не выполнятъ особыхъ требованій и не уплатятъ значительныхъ суммъ, изъ которыхъ часть, необходимая имъ для своего предпріятія или даже для существованія, тратится совершенно безплодно. Всякій, кто не въ состояніи сдѣлать эти расходы, долженъ влачить жалкое существованіе, находясь въ подчиненіи у мастеровъ, или искать счастья въ чужой сторонѣ, чтобы открыть тамъ промыселъ, которымъ онъ могъ бы быть полезнымъ для своей родины“.

Затѣмъ, подвергнувъ жестокой критикѣ цеховые порядки тогдашней Франціи и нарисовавъ картину возникновенія цеховъ, Тюрго продолжаетъ: „Мы обязаны обезпечить нашимъ подданнымъ полное и ничѣмъ нестѣсненное право пользованія ихъ естественными правами: мы въ особенности обязаны покровительствовать тому классу, который, не имѣя другой собственности, кромѣ своего труда и промысла, тѣмъ болѣе имѣетъ необходимость и право пользоваться свободой труда во всемъ ея объемѣ, какъ единственнымъ источникомъ, за счетъ котораго онъ можетъ существовать“. „Богъ, даровавъ человѣку потребности и сдѣлавъ необходимымъ условіемъ его существованія — трудъ, тѣмъ самымъ сдѣлалъ право на трудъ собственностью каждаго человѣка и эта собственность составляетъ первѣйшее и священное право каждаго. Мы должны упразднить произвольныя учрежденія,

которыя не даютъ возможности бѣдняку жить за счетъ своего труда, которыя не предоставляютъ права на трудъ женщинамъ, т. е. тому полу, слабость котораго, вызывая наибольшія потребности и давая наименьшія средства для ихъ удовлетворенія, ввергаетъ его въ нищету и, такимъ образомъ, только облегчаетъ соблазнъ и поощряетъ вступать на путь разврата".

Такимъ образомъ, Тюрго провозглашаетъ право каждаго человѣка на трудъ, ибо трудъ является единственнымъ источникомъ для существованія человѣка, у котораго нѣтъ никакого имущества, и выдвигаетъ новое положеніе, которое и было потомъ осуществлено: онъ отожествляетъ право на трудъ съ правомъ продажи его на рынкѣ по установившейся цѣнѣ; онъ бросаетъ на рынокъ не только работника, но и работницу.

Самый указъ состоитъ изъ 24-хъ статей; изъ нихъ 1-я: провозглашаетъ свободу каждаго, даже иностранца, заниматься любымъ промысломъ, уничтожаетъ всякіе союзы торговцевъ и промысловые цехи, разрѣшаетъ каждому вести любое количество промысловъ; воспрещаетъ препятствовать веденію промысла, опираясь на отмѣненный привилегіи, статуты и т. п. Слѣдовательно, размѣръ предпріятія можетъ быть любой; всякій гражданинъ и иностранецъ пріобрѣтаютъ право устроить промыселъ, гдѣ удобно и какъ угодно, въ любомъ размѣрѣ и количествѣ мастерскихъ.

Въ ст. 2-ой вводится одно только требованіе, изъ котораго впослѣдствіи выросла особая система открытія и обложенія промышленныхъ предпріятій. Она обязываетъ каждаго желающаго заниматься торговлею и промысломъ сдѣлать только заявленіе полиціи, на которую возлагается безплатная регистрація промышленныхъ предпріятій. Наконецъ, особенно характерна ст. 14, воплотившаяся затѣмъ во всѣхъ послѣдующихъ законодательствахъ начала прошлаго вѣка: она воспрещаетъ всѣмъ мастерамъ, ученикамъ и рабочимъ составлять союзы и „устраивать сборища" подъ какимъ бы то ни было предлогомъ.

Весь старый порядокъ основывался на промышленномъ самоуправленіи союзовъ. Эта статья указа провозглашаетъ свободу отдѣльныхъ единичныхъ предпріятій, но строго воспрещаетъ всякую свободу коалиціи: она желаетъ установить систему только индивидуальнаго соперничества. Между соперничающими предпріятіями, индивидами и государствомъ она не допускаетъ никакихъ посредствующихъ звеньевъ.

Этотъ указъ вызвалъ страшное раздраженіе среди всѣхъ представителей дворянства, духовенства и буржуазіи. Въ то же время одинъ изъ служащихъ въ министерствѣ Тюрго, нѣкто Бонсервъ, какъ бы подлилъ масла въ огонь, опубликовавъ свое сочиненіе „О неудобствахъ феодальныхъ

правъ", о которомъ говорили, будто оно написано по указанію Тюрго. Бонсервъ настаивалъ на освобожденіи крестьянина отъ феодальныхъ узъ при посредствѣ выкупа феодальныхъ правъ. Это сочиненіе вызвало большое негодованіе. Парламентъ, въ засѣданіи, на которомъ присутствовали всѣ пэры и принцы крови, осудилъ эту книгу на сожженіе рукою палача, какъ оскорбляющую законы и обычаи Франціи, нарушающую права собственности.

Само собою разумѣется, что парламентъ отказался и зарегистровать указы. Однако король былъ твердъ: въ назначенномъ lit de justice указы были утверждены. Королю, однако, пришлось выслушать много рѣзкихъ возраженій. Генеральный прокуроръ Сегье, главный руководитель всей оппозиціи, доказывалъ, и не безъ основаній, что цехи сыграли громадную роль въ исторіи; по его мнѣнію, отмѣна ихъ, а также и натуральной повинности, есть отрицаніе собственности, исторически освященной. Эта ломка стараго строя однимъ взмахомъ пера уничтожаетъ все и не можетъ создать спокойствія.

Такимъ образомъ, Тюрго возстановилъ противъ себя всѣ привилегированные классы общества. Среди народа, наоборотъ, онъ вызвалъ восторгъ и ликованіе. Мелкая буржуазія Парижа уже вечеромъ въ день королевскаго засѣданія торжествовала побѣду роскошной иллюминаціей. Въ освѣщенныхъ транспарантахъ можно было читать: „да здравствуетъ король и свобода". Множество рабочихъ оставило работу, переполнило кабаки и, какъ это часто бываетъ, демократія праздновала свое освобожденіе веселыми попойками. Въ продолженіе этого дня и послѣдующихъ произошло много столкновеній между хозяевами и рабочими; безобразныя картины пьянства стали повторяться часто. Между полиціей и рабочими, опьянѣвшими отъ сознанія своей свободы, стали происходить схватки, въ которыхъ были и убитые. Правительство было принуждено послать для усмиренія войско и посадить въ тюрьму многихъ изъ тѣхъ, кого хотѣли сдѣлать свободными . . . Это небольшое возбужденіе, которое всегда неизбѣжно при переходѣ къ новымъ условіямъ жизни, дало поводъ врагамъ Тюрго въ торжеству. Они не понимали, что возвратъ къ старому можетъ привести къ роковымъ послѣдствіямъ . . . Подобныя же волненія стали происходить и въ деревняхъ, куда проникла надежда на полную отмѣну феодальныхъ правъ. Парламентъ рѣшился издать указъ, въ которомъ предписывалось всѣмъ подданнымъ короля, находящимся въ оброчной и феодальной зависимости у частныхъ лицъ и короля, исполнять всѣ обязанности по прежнему . . .

Воспользовавшись этими безпорядками, придворная

интрига повела противъ Тюрго ловкую аттаку, исполненную гнусности, на которой я не имѣю намѣренія останавливаться. Въ результатѣ Тюрго получилъ отставку 12 мая 1776 года. Вскорѣ и всѣ его указы были отмѣнены. Въ 1781 г. Тюрго скончался, не дождавшись осуществленія своихъ идей, которое произошло въ краткій революціонный періодъ съ 1789 по 1794 г.

б) Мнѣ нужно показать теперь, что сдѣлали національное и законодательное собранія, а также конвентъ въ дѣлѣ реформированія стараго экономическаго строя Франціи. Какъ физіократической доктриной, такъ и самою жизнью, были поставлены для рѣшенія два вопроса: 1) отмѣна феодальнаго строя и 2) устраненіе цеховой монополіи; съ отмѣной этихъ основъ стараго порядка Франція должна была представить собою образецъ страны съ новой системой „естественной свободы". Созванные Людовикомъ XVI сословные генеральные штаты вскорѣ преобразовались въ національное всесословное собраніе. Это національное собраніе по самому способу своего избранія было, однако, скорѣе всего представительствомъ буржуазіи; большинство въ его составѣ принадлежало къ городской и сельской буржуазіи, къ собственникамъ, торговцамъ и адвокатамъ; и это ярко выразилось, какъ въ самой декларацiи правъ гражданина, такъ и въ произведенныхъ національнымъ собраніемъ реформахъ [1]).

Только въ эпоху конвента чрезъ посредство клубовъ, руководимыхъ демагогами, получила вліяніе толпа, но и въ этотъ кровавый періодъ революціонной исторіи принципъ собственности былъ нарушенъ только для того, чтобы передать ее въ другія руки въ совершенно свободномъ видѣ.

Не слѣдуетъ думать, что въ ночь съ 4-го на 5-ое августа 1789 года старый порядокъ отношеній исчезъ сразу безъ всякаго слѣда. Эта декларація на слѣдующей недѣлѣ, а именно въ декретѣ 11-го августа 1789 года, получила своеобразное истолкованіе.

Ознакомимся же ближе, какъ съ самой декларацiей правъ, такъ и съ этимъ декретомъ. Вотъ тѣ пункты деклараціи, которые имѣютъ значеніе для насъ, какъ экономистовъ.

„Принимая во вниманіе, что пренебреженіе и презрѣніе къ человѣческимъ правамъ есть единственная причина общественныхъ несчастій и развращенности правитель-

1) Въ городахъ, гдѣ выборы въ генеральные штаты происходили по цехамъ, рабочіе не принимали участія въ избраніи. Такъ, наприм., при выборахъ въ Парижѣ въ качествѣ выборщиковъ были допущены только лица, имѣющія званіе мастера и платящія не менѣе шести франковъ налога. Такъ называемое „третье сословіе" имѣло, такимъ образомъ, рѣшительный перевѣсъ, а „четвертое сословіе", т. е. рабочій классъ, осталось внѣ вліянія.

ствъ, національное собраніе въ торжественной деклараціи провозглашаетъ слѣдующія естественныя, ненарушимыя и неотъемлемыя права для того, чтобы члены государства, имѣя ихъ всегда предъ собой, были бдительны въ охранѣ своихъ правъ и въ исполненіи своихъ обязанностей. 1. Всѣ люди рождаются свободными и равными въ своихъ правахъ. Гражданскія различія могутъ оправдываться только общественною пользою. 2. Цѣлью всякаго политическаго общества является охраненіе естественныхъ и неотчуждаемыхъ правъ, а таковыя заключаются въ свободѣ, собственности, безопасности и сопротивленіи гнету. 3. Основа всякаго верховенства по самому своему существу покоится въ народѣ. 4. Свобода состоитъ въ возможности дѣлать все то, что не вредитъ другимъ. Поэтому осуществленію естественныхъ правъ отдѣльнаго человѣка полагается предѣлъ только необходимостью обезпечить за другими членами общества пользованіе тѣми-же правами. Эти ограниченія могутъ быть опредѣлены не иначе, какъ закономъ. Наконецъ, 5-ый пунктъ гласитъ: Законъ въ правѣ запрещать только поступки вредные для общества".

Въ развитіе этой деклараціи былъ изданъ декретъ 11-го августа 1789 г., который провозглашалъ полную отмѣну феодальныхъ правъ. Это объявленіе, однако, было не вполнѣ точнымъ.

Національное собраніе установило троякое различіе между феодальными правами. Первая категорія правъ и обязанностей, какъ феодальныхъ, такъ и повинностныхъ, которыя вытекали изъ власти одного лица надъ другимъ, отмѣнялась безъ всякаго выкупа (въ эту категорію входили также права феод. суда и церковной десятины). Другими словами, личность освобождалась безъ выкупа. Личная свобода фактически уже существовала въ тогдашней Франціи, но съ существенными ограниченіями въ имущественныхъ правахъ. Во вторую категорію были включены и отмѣнены безъ всякаго выкупа: продажность должностей, всякія привилегіи по налогамъ, а также привилегіи провинцій. Всѣ граждане пріобрѣли право поступленія на государственную службу. Что же касается до третьей категоріи правъ, то она была, по предположенію собранія, основана на договорѣ (féodalité contractante) и состояла изъ всѣхъ другихъ десятинъ и арендныхъ платъ (цензивъ) крестьянъ. Эта послѣдняя категорія правъ подлежала выкупу. Для національнаго собранія послѣднее постановленіе было характерно. Провозглашая свободу собственности и договора, собраніе полагало, что выкупъ совершится самъ собой; никакихъ посредствующихъ учрежденій между феодальными собственниками и крестьянами для совершенія выкупа создано не было. От-

мѣна церковной десятины безъ всякаго выкупа оправдывалась назначеніемъ духовенству особаго жалованья за счетъ предположеннаго налога. Такимъ образомъ, національное собраніе, стоя на точкѣ зрѣнія выкупа и вознагражденія, отнюдь не желало нарушить историческія права собственности. Декретомъ 2-го ноября 1789 г., послѣ отмѣны церковной десятины, церковныя земли, а также и національныя имущества были пущены въ продажу. Цѣли этой распродажи были многообразны: погашеніе государственнаго долга, обезпеченіе ассигнацій, стремленіе создать новыхъ собственниковъ, преданныхъ революціи; говорю: просто собственниковъ, ибо о созданіи мелкаго землевладѣнія дѣятели революціи совершенно не думали.

Декретомъ 16-го апрѣля 1790 г. долги духовенства были признаны національнымъ долгомъ и продажа церковныхъ земель должна была совершаться безъ обремененія ихъ ипотечными долгами. Почти въ то же время, а именно, съ 19-го декабря 1789 г., въ виду крайней необходимости въ средствахъ, національное собраніе прибѣгло къ выпуску ассигнацій (бумажныхъ денегъ), количество которыхъ неизмѣнно увеличивалось до 1797 г. и дошло до 45 милліардовъ франковъ. Паденіе цѣны ассигнацій давало владѣльцамъ серебра и золота большія выгоды при покупкѣ земель, цѣнность которыхъ опредѣлялась не звонкой монетой, а на ассигнаціи. Закупка земель мелкой буржуазіей значительно облегчилась также послѣ изданія декрета 3-го октября 1789 г., согласно которому всѣ законы, опредѣлявшіе норму процента на капиталъ, были отмѣнены и взиманіе процентовъ по займамъ объявлено свободнымъ[1]).

Въ періодъ дѣятельности національнаго собранія, само собою разумѣется, выкупъ не имѣлъ возможности осуществиться. На смѣну національному собранію пришло законодательное собраніе. Оно пошло нѣсколько дальше, а именно: декретомъ 18-го іюня 1791 г. впервые допустило отмѣну безъ выкупа всѣхъ платежей, взимаемыхъ сеньорами съ имущественныхъ актовъ крестьянъ и, наконецъ, однимъ изъ де-

---

1) Изъ физіократовъ Тюрго особенно настаивалъ на необходимости отмѣны этихъ ограничительныхъ законовъ; см. Разсужденія р. пер., стр. 41—44. Въ Англіи ту-же задачу опроверженія цѣлесообразности узаконеннаго максимума процента выполнилъ І. Бентамъ въ 1787 г., написавшій, отмѣтимъ между прочимъ, свое сочиненіе „Въ защиту процента“ въ Россіи, въ имѣніи Потемкина, у котораго братъ Бентама былъ управляющимъ. Напомнимъ кстати, что Кенэ и Ад. Смитъ допускали цѣлесообразность узаконеннаго процента. Подъ вліяніемъ пропаганды утилитаристовъ Англія, ранѣе всѣхъ другихъ странъ уничтожила законы о ростовщичествѣ, — въ 1839 г. по краткосрочнымъ обязательствамъ и по всѣмъ займамъ, исключая недвижимой собственности, а въ 1854 г. по всѣмъ займамъ вообще.

кретовъ того-же 1791 г., отъ 7-го іюня, желая разрушить всякіе феодальные договоры, законодательное собраніе признало срочность всякаго владѣнія, за исключеніемъ того, источникомъ котораго является собственность. Оно не желало признавать института вѣчно-наслѣдственной аренды. Ему совершенно были чужды современныя стремленія создать эту исторически существовавшую форму пользованія землей; оно неспособно было оцѣнить значеніе частнаго владѣнія, сочетающагося съ сохраненіемъ верховнаго права собственности на весь земельный фондъ за государствомъ. Законодательное собраніе на этомъ не остановилось. Декретомъ 25-го августа 1792 г. всѣ феодальныя и арендныя права отмѣнялись, если происхожденіе ихъ изъ первоначальнаго договора не могло быть доказано письменными документами. Въ тоже время значительное количество вновь конфискованныхъ земель дворянъ-эмигрантовъ и другихъ „враговъ" республики было вновь выброшено для продажи на рынокъ. Наконецъ, конвентъ декретомъ 17-го іюля 1793 г. отмѣнилъ безъ всякаго выкупа всѣ цензуальные платежи, которые проистекали изъ первоначальной уступки земли; всѣмъ муниципалитетамъ было предписано сожженіе документовъ, удостовѣряющихъ эти права[1]).

По мнѣнію М. Ковалевскаго[2]) „распродажа церковныхъ и казенныхъ земель пошла на пользу, главнымъ образомъ, средняго сословія въ лицѣ, не только однихъ капиталистовъ, но и членовъ либеральныхъ профессій, главнымъ же образомъ богатыхъ фермеровъ". Проф. Лучицкій рѣшительно опровергаетъ это утвержденіе относительно „фермеровъ". Вопросъ о томъ, кому досталась и какъ расхищена была распроданная земля казны, духовенства и эмигрантовъ еще и теперь не вполнѣ обслѣдованъ. Послѣ изслѣдованій проф. Лучицкаго все болѣе и болѣе выясняется, что за пріобрѣтеніе національныхъ имуществъ шла ожесточенная борьба между городской буржуазіей и крестьянствомъ; результаты этой борьбы, въ особенности вблизи городовъ, оказались въ общемъ болѣе благопріятны для городской буржуазіи. Множество малоземельныхъ крестьянъ такъ и остались малоземельными; многіе изъ крестьянъ успѣли кое что пріо-

1) По исчисленіямъ авторитетовъ общая стоимость всѣхъ земель пущенныхъ въ продажу до 1794 г. равнялась приблизительно $6^1/_2$ милліардамъ франковъ; изъ нихъ стоимость земель духовенства доходила до 3 милл. Впослѣдствіи, въ 1814 году, въ эпоху реставраціи, около половины нераспроданныхъ дворянскихъ земель было возвращено этому сословію обратно, а за проданную половину, которая оцѣнивается въ $1^1/_2$ милліарда, было уплачено вознагражденіе въ размѣрѣ 987 мил. франковъ.

2) См. его статью: Соціальное законодательство конституанты (отдѣльный оттискъ).

брѣсти, на не въ томъ размѣрѣ, который вполнѣ обезпечивалъ ихъ существованіе[1]). Крестьяне, купившіе землю еще до революціи, въ моментъ распродажи увеличили свои владѣнія[2]).

Проф. Ковалевскій склоненъ даже думать, что окончательная отмѣна феодальныхъ правъ безъ выкупа не имѣла бы мѣста если бы, благодаря распродажѣ національныхъ имуществъ, буржуазія не успѣла обогатиться и взять львиную долю въ новой земельной добычѣ. „Если крестьянинъ, пишетъ Ковалевскій, по единогласному свидѣтельству современниковъ и облагодѣтельствованъ былъ революціей, то только въ томъ смыслѣ, что получилъ даромъ или почти даромъ землю своего надѣла. Я говорю почти, такъ какъ всѣ происшедшія до осени 1793 г. крестьянскія расплаты были произведены обезцѣненными ассигнаціями". Тотъ же авторъ полагаетъ, что земли были куплены по неслыханно низкой цѣнѣ и мелкое крестьянство обогатилось еще продажей сельско-хозяйственныхъ продуктовъ по высокой цѣнѣ. Значительная часть звонкой монеты сосредоточилась въ рукахъ крестьянства и мелкихъ собственниковъ, которые, не смотря на всѣ происшедшія реквизиціи и вымогательства революціоннаго правительства, отказывались продавать свои продукты за ассигнаціи. Не мало средствъ досталось этимъ собственникамъ и въ виду прекращенія платежа феодальныхъ рентъ, отмѣны дорожной повинности и отъ неисправности въ платежѣ налоговъ". . . . Такъ совершился этотъ земельный переворотъ, который создалъ современную Францію и надолго сдѣлалъ ее представительницей индивидуалистическихъ началъ съ ея типомъ крестьянина-собственника.

Такимъ образомъ французская революція потрясла старый порядокъ собственности только для того, чтобы передать ее въ другія руки, сдѣлавъ ее при этомъ совершенно свободной, неограниченной. . . Даже конвентъ, въ періодъ дѣятельности котораго прежняя частная собственность потерпѣла такой уронъ, вполнѣ стоялъ на почвѣ частной собственности. Конвентъ рукоплескалъ Дантону, когда онъ объявилъ, что всякая земельная, личная и промышленная собственность будутъ сохранены навсегда[3]). Въ § 16 кон-

---

1) См. статью М. Бруна. Отчужденіе національныхъ имуществъ во Франціи во время революціи, Аграрный вопросъ, т. II, Москва, 1907 г.

2) Тотъ, котораго называли въ актахъ о продажѣ 1791—2 „laboureur", пишетъ Саньякъ, резензируя работу Лучицкаго, называется впослѣдствіи cultivateur, потомъ sieur, propriétaire, а въ эпоху Имперіи уже Monsieur le propriétaire. Превращеніе этого крестьянина въ буржуа совершилось въ періодъ съ 1791 по 1804 г. см. P. Sagnac. La propriété foncière au 18-e siècle. Revue d'Histoire mod. et cont., т. III, стр. 169.

3) Это троякое подраздѣленіе заимствовано у Кене, который различалъ: a) propriété personelle ou liberté — личная собственность или сво-

ституціи 1793 года конвентъ формулировалъ понятіе собственности такимъ образомъ: „Право собственности заключается въ правѣ каждаго гражданина пользоваться и распоряжаться по своему желанію своимъ имуществомъ, доходами, а также результатами своего труда и промысла“ т. е. далъ опредѣленіе, которое сдѣлалось основой всего законодательства начала 19-го вѣка.

18-го марта 1793 г., конвентъ по предложенію Левассера де-ла Сартъ единогласно постановилъ, что будетъ наказанъ смертью всякій, кто предложитъ земельный или другой какой либо законъ, разрушающій земельную, торговую или промышленную собственность[1]). Такимъ образомъ идеи физіократовъ, а не сантиментальныхъ соціалистическихъ мечтателей въ родѣ Морелли, Руссо, Мабли, Ретифъ де ла Бретоннъ, Райналь и другихъ[2]) получили торжество. Вообще все законодательство французской революціи привело лишь къ торжеству индивидуализма.

Въ области рабочаго законодательства и свободнаго оборота продуктовъ обнаружилось тоже явленіе. Декретомъ 17 марта 1791 г. всѣ цехи отмѣнены. Докладчикъ комиссіи Даллардъ для обоснованія этой отмѣны всецѣло пользовался аргументами Тюрго изъ его декрета 1776 года. „Основа торговли, пишетъ Даллардъ въ этомъ докладѣ, — промышленность, основа промышленности — свобода“. Взамѣнъ всякихъ ограниченій свободы труда, взамѣнъ пріобрѣтеній правъ мастерства тотъ-же декретъ ввелъ такъ называемый „патентный сборъ“ со всякаго промышленнаго заведенія, который впослѣдствіи распространился по всей континентальной Европѣ. Этотъ сборъ падалъ на всѣ промышленныя заведенія прогрессивно въ зависимости отъ размѣра зани-

---

бода, b) propriété mobilière — движимая собственность т. е. способъ пользованія личной собственностью и c) propriété foncière — земельная собственность. Впослѣдствіи первыя два подраздѣленія раздробились, какъ понятія промышленной, торговой собственности, а нынѣ мы говоримъ о движимой и недвижимой собственности, собственности на капиталъ, землю, цѣнности и права требованія (процентныя бумаги, векселя, гипотеки и т. п.)

1) См. Левассеръ. Histoire des classes ouvrières, т. II, стр. 19. 53; въ приложеніи декретъ 17-го марта 1791 г.

2) См. лучшее изъ изслѣдованій по исторіи соціализма во Франціи въ 18-мъ вѣкѣ: André Lichtenberger. Le socialisme au XVIII-e siècle. Paris. 1895 г., его же Le socialisme et la Révolution française. 1899 г. Нѣкоторые изъ отмѣченныхъ выше писателей напр. Райналь (G. T. Raynal-авторъ Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des européens dans les deux Indes, пер. изд. 1770 г.) очень близки къ физіократамъ въ ученіи о собственности. Только добрыя чувства и потребность къ декламаціямъ противъ существующаго порядка часто приводитъ ихъ къ отрицанію собственности и права наслѣдованія. Наиболѣе трезво критикуютъ частную собственность и защищаютъ общность имущества Морелли и Мабли, вѣрующіе въ силу и могущество государства въ дѣлѣ преобразованія существующаго строя.

маемой квартиры и отъ него были освобождены крестьяне, занимающіеся земледѣліемъ, лица, освобожденныя отъ уплаты налога въ размѣрѣ трехдневной заработной платы, ученики и рабочіе, занятые у предпринимателей, имѣющихъ патентъ, собственники и земледѣльцы при продажѣ своихъ сырыхъ матеріаловъ. Отъ этого сбора были освобождены также и нѣкоторые виды мелочной торговли. Этотъ декретъ провозглашаетъ свободу промысла, но въ то же время требуетъ отъ производителей, чтобы они подчинялись тѣмъ регламентамъ полиціи, которые она найдетъ нужнымъ установить въ интересахъ общей безопасности, и только въ этихъ интересахъ, не болѣе!

Въ развитіе этого декрета, согласно съ докладомъ Шапелье, былъ изданъ, кромѣ того, декретъ 14-го іюня 1791 года, который окончательно установилъ характерныя особенности „системы естественной свободы", которыя впослѣдствіи сказались и на законодательствѣ объ общественномъ призрѣніи. По самому своему происхожденію изъ меркантильной доктрины въ ея послѣднемъ развитіи, доктрина сторонниковъ естественной свободы не довѣряетъ промышленному самоуправленію.

Въ своемъ докладѣ Шапелье пишетъ: „Само собой разумѣется, что граждане должны имѣть право собираться; но не можетъ быть дозволено гражданамъ различныхъ профессій собираться во имя ихъ общихъ яко-бы интересовъ. Въ государствѣ нѣтъ болѣе корпорацій (цеховъ): имѣются только личный интересъ каждаго отдѣльнаго индивида и интересъ общій . . . Союзы, о которыхъ идетъ рѣчь, представили муниципалитетамъ спеціальныя соображенія: они утверждаютъ, что ставятъ своей задачей оказывать помощь больнымъ рабочимъ и безработнымъ; ихъ кассы, дѣйствительно, принесли свою пользу. Но да не вводятъ эти соображенія въ заблужденіе; нація, общественныя власти отъ ея имени — должны доставлять работу тѣмъ, кто въ ней нуждается для своего существованія, и помогать несчастнымъ. Частное распредѣленіе помощи, если оно даже не опасно вслѣдствіе дурного распоряженія, имѣетъ тенденцію возродить цехи; оно требуетъ частыхъ собраній индивидовъ одной и той-же профессіи, избраніе синдиковъ и другихъ должностныхъ лицъ, выработки регламентовъ, оно ведетъ къ исключеніямъ тѣхъ, кто имъ не подчиняется. Такимъ образомъ вновь могутъ возникнуть привилегіи, цехи . . ." [1]) Собраніе вполнѣ согласилось въ этими аргу-

1) Декретъ 24 апр. 1793 г. приравнялъ даже всѣ крестьянскія товарищества для покупки земель къ мошенническимъ соглашеніямъ. Повидимому этотъ декретъ на практикѣ примѣнялся, однако, очень рѣдко.

ментами и декретомъ 14 іюня постановило: „Въ виду того, что всякаго рода союзы гражданъ одного общественнаго состоянія или ремесла отмѣнены, воспрещается ихъ возстанавливать подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Всѣмъ рабочимъ и ремесленникамъ, подъ страхомъ штрафа и тюрьмы, воспрещено выбирать себѣ президентовъ или синдиковъ, вести регистры своихъ членовъ, вообще соединяться съ цѣлью опредѣленія заработной платы или отказа работать за ту или другую плату. Зачинщики и организаторы такихъ союзовъ подвергаются штрафу въ 500 ливровъ и лишенію на годъ гражданскихъ правъ: если же дѣйствія ихъ сопровождаются угрозами противъ личности, то назначается штрафъ до 1000 ливровъ и заключеніе въ тюрьмѣ до 3-хъ мѣсяцевъ."

Уничтоживъ всякую возможность соединеніи рабочихъ для самопомощи, законодательное собраніе, такимъ образомъ, приняло на себя обязанность организовать общественное призрѣніе за счетъ государства и осуществить силою власти право на трудъ. За недостаткомъ времени собраніе ограничилось, однако, только лаконическимъ обѣщаніемъ: „Создано будетъ общее учрежденіе для призрѣнія покинутыхъ родителями дѣтей, для помощи несчастнымъ бѣднымъ, а также для предоставленія труда здоровымъ людямъ, ненаходящимъ занятій".

Въ эпоху конвента этими вопросами пришлось заняться гораздо серьезнѣе. Всякое крупное потрясеніе собственности неизбѣжно приводитъ къ экономическому кризису. Переходъ средствъ и покупательной силы въ другія руки выбиваетъ промышленность изъ ея прежняго русла и, пока она не приспособится къ новымъ условіямъ спроса, масса народа должна оставаться безъ всякой работы. Робеспьеровское правительство провозгласило, что „общество обязано заботиться о пропитаніи всѣхъ, что право собственности ограничено и примѣняется только къ части имуществъ гарантированной закономъ, что всякое обладаніе всякая сдѣлка, наносящая вредъ себѣ подобнымъ, по необходимости недозволена и безравственна". Но провозглашеніе этихъ началъ на практикѣ свелось лишь къ анархіи, грабежу, конфискаціямъ и къ полному разстройству экономической жизни.

Въ эпоху конвента въ городахъ безработица была полная. Земельный переворотъ улучшилъ положеніе болѣе зажиточныхъ крестьянъ и мелкихъ собственниковъ, значительное же количество сельскихъ батраковъ такъ и осталось не причемъ. Нищенство приняло самые колоссальные размѣры. Декретомъ 19—24 марта конвентъ рѣшилъ создать общественное призрѣніе на самыхъ широкихъ нача-

лахъ. Этотъ декретъ провозглашалъ право на трудъ и необходимость централизаціи всего общественнаго призрѣнія. Нищенство было строжайше воспрещено подъ угрозой заточенія въ особо проектированные дома призрѣнія съ обязательнымъ трудомъ, образецъ которыхъ впослѣдствіи должна была дать міру Англія. Всѣхъ бродягъ было постановлено высылать на Мадагаскаръ. Конвентъ предполагалъ устроить общественныя работы для здоровыхъ въ періоды несчастій и безработицы, помощь на дому для покинутыхъ и бѣдныхъ дѣтей, больныхъ, сиротъ и стариковъ, особую помощь въ случаяхъ несчастій. Онъ проектировалъ даже созданіе „особой книги общественной благотворительности" по образцу ранѣе существовавшей книги общественнаго долга. Книга эта должна была раздѣляться на три части: 1) книгу земледѣльцевъ, 2) книгу ремесленниковъ и 3) книгу матерей и вдовъ, имѣющихъ дѣтей. Каждый изъ этихъ разрядовъ рабочихъ пріобрѣталъ по истеченіи опредѣленнаго періода работы право на пенсію . . . Эти широкіе планы, надъ которыми въ концѣ 19-го вѣка пришлось думать законодателямъ, остались, однако, лишь въ области благопожеланій. Конвенту пришлось ограничиться раздачей субсидій разнымъ учрежденіямъ въ отдѣльные періоды времени, но чего-нибудь прочнаго, устойчиваго ему создать не удалось. Суровыя же наказанія за нищенство дѣйствовали. Между тѣмъ нищета и потрясеніе экономической жизни все увеличивались. 29-го сентября 1793 г. конвентъ попытался установить обязательныя цѣны на хлѣбъ, а впослѣдствіи и на всѣ продукты, нормировать заработную плату [1]). Началась эпоха реквизицій, выпуска ассигнацій, конверсіи долговъ, конфискацій имущества госпиталей, коммунъ, всѣхъ научныхъ и литературныхъ обществъ, эпоха,

1) Въ четвертомъ томѣ сочиненія И. Тэна (Происхожденіе современной Франціи, р. пер. изданіе Вѣстника иностранной литературы, 1907 г., стр. 200 и слѣд.) дана яркая картина послѣдствій введенія максимума, реквизицій и т. п. мѣропріятій. Особенно поучительно вліяніе этихъ мѣръ на земледѣльца. „Среди милліоновъ людей, прекратившихъ трудъ, работаетъ только земледѣлецъ и притомъ работаетъ плодотворно. Облегченный отъ налоговъ, пріобрѣтая по дешевой цѣнѣ или даромъ землю, онъ съ любовью предается своему дѣлу . . . Начиная съ августа 1791 г., послѣ паденія короля и послѣ того, какъ былъ вырванъ замокъ свода, поддерживавшій поколебленныя камни общественнаго зданія, крестьянинъ рѣшилъ не принимать ассигнацій и продавать свой хлѣбъ только за звонкую монету. Ему кажется глупостью мѣнять рожь на грязныя бумажки . . . Послѣ установленія максимума крестьянинъ отказывается доставлять свои продукты на рынокъ, а революціонная армія не вездѣсуща, чтобы она могла отнимать у него хлѣбъ силой. Онъ оставляетъ свою жатву какъ можно дольше въ снопахъ, и жалуется на то, что не находитъ молотильщиковъ. Въ случаѣ крайности онъ зарываетъ свой хлѣбъ или кормитъ имъ скотъ. Часто

попытокъ овладѣть путемъ велѣній власти дѣйствіями экономическаго механизма и обмѣна. Успѣха въ обязательной нормировкѣ цѣнъ конвентъ, конечно не имѣлъ никакого. 22-го декабря 1794 г. этотъ декретъ былъ отмѣненъ, при чемъ въ мотивахъ этой отмѣны было сказано: „промышленность должна сама устранять всѣ затрудненія, торговля должна увеличивать богатства націи и средства обмѣна. Снабженіе республики продуктами ввѣряется конкурренціи и свободѣ на основѣ промышленности и земледѣлія". Съ изданіемъ этого декрета Франція вступила на путь аграрнаго и промышленнаго капитализма: всѣ ея учрежденія, а впослѣдствіи и гражданскій кодексъ Наполеона, сдѣлались идеаломъ всей тогдашней Европы. Французская буржуазія открыла глаза міру на то, что ей предстоитъ совершить для развитія производительныхъ силъ. Революціонная Франція и въ другихъ отношеніяхъ была поучительной страной для буржуазіи. Она установила полную свободу внутренняго торговаго оборота, но не разрушила стремленій государ-

---

мѣняетъ его на дрова, или часть свиной туши. Онъ знаетъ, кто именно въ окружающей мѣстности имѣетъ деньги и тайно продаетъ ему припасы. Онъ главнымъ образомъ скрываетъ изобиліе и, какъ въ прежнее время, представляется бѣднякомъ. Онъ входитъ въ сношенія съ деревенскими властями, съ мэромъ или національнымъ агентомъ, чтобы обходить законъ; онъ кого нужно подкупаетъ. Въ концѣ концовъ его преслѣдуютъ, хватаютъ, сажаютъ въ тюрьму, но онъ надоѣдаетъ своимъ упорствомъ администраціи. Вотъ почему съ каждой недѣлей на рынокъ доставляется все меньше и меньше муки, ржи, скота; мяса у мясника, хлѣба у булочника становится все меньше . . . Въ концѣ концовъ происходитъ чрезвычайный, неслыханный въ Европѣ фактъ, почти невѣроятный для всякаго, знающаго французскаго крестьянина и его привязанность къ труду. Онъ отказывается собирать жатву. Разъ настоящая жатва предназначена для правительства, пусть оно беретъ на себя расходы по жатвѣ, вязкѣ, перевозкѣ и молотьбѣ пшеницы. Конвентъ отдаетъ приказаніе выпустить временно на свободу землепашцевъ, полевыхъ рабочихъ и ремесленниковъ деревень, городковъ и мѣстечекъ, населеніе которыхъ ниже 1.200 человѣкъ и которые арестованы въ качествѣ подозрительныхъ. Другими словами необходимость заставила умолкнуть безразсудную теорію . . . Впереди былъ голодъ. Франція катилась въ пропасть и, если она не погибла, то была спасена какимъ то чудомъ. Послѣ казни якобинцевъ максимумъ болѣе не соблюдается. Въ концѣ 1794 конвентъ уничтожаетъ его. Земледѣльцы продаютъ свои продукты по желанію и по своимъ цѣнамъ, смотря потому, какъ имъ платятъ ассигнаціями или звонкой монетой. Они снова воспрянули духомъ; по собственному желанію они въ октябрѣ и ноябрѣ 1794 г. обрабатываютъ свои поля и сѣютъ хлѣбъ и по собственному же желанію еще болѣе радостно они уберутъ хлѣбъ съ полей въ іюлѣ 1795 г." Приведенная картина, если только можно вѣрить Тэну, что онъ рисуетъ ее по документамъ и не увлекается своей ненавистью къ революціи, не нуждается въ комментаріяхъ. Она правдоподобна, ибо никакая власть не можетъ преоборoть той организаціи, которая создается среди людей сознаніемъ личнаго интереса и стремленіемъ его обезпечить.

ственной власти охранять національную промышленность. Она сохранила таможенный тарифъ и, по словамъ извѣстнаго Штурма [1]), принятый законодательнымъ собраніемъ тарифъ былъ даже выше предложеннаго генеральнымъ штатамъ въ 1789 г. Этотъ тарифъ 1791 г. былъ, однако, отнюдь не запретительнымъ. Изъ системы косвенныхъ налоговъ были уничтожены налоги на соль, на спиртные напитки, монополія на табакъ, городскіе заставные сборы, но самая система косвенныхъ налоговъ удержана, какъ необходимый элементъ въ государственной налоговой системѣ. Согласно съ доктриной физіократовъ былъ введенъ и поземельный налогъ, падавшій на чистый доходъ, который былъ отождествленъ съ арендной платой за землю. Патентный сборъ, какъ я уже отмѣтилъ выше, падалъ на торговыя и промышленныя предпріятія. Сдѣлана была даже попытка обложить движимые капиталы, при чемъ основой обложенія должна была служить квартирная плата, но эта попытка не удалась. Въ тоже время былъ введенъ и личный налогъ въ размѣрѣ трехдневной заработной платы. Слѣдовательно, всѣ классы населенія, не исключая и рабочаго класса, были привлечены къ обложенію [2]). Внѣ обложенія остались только владѣльцы процентныхъ бумагъ . . . Такимъ образомъ вступила въ жизнь новая система естественной свободы. Старая сословная монархія пала. Франція, несмотря на всѣ послѣдовавшія попытки реставраціи, обратилась въ страну съ такъ называемой конституціонной системой управленія, основанной на представительствѣ интересовъ и, прежде всего, крупной и мелкой буржуазіи, а общество стало представлять собою союзъ не сословій, а классовъ: владѣющихъ и работающихъ. Исторія 19-го вѣка и свелась къ борьбѣ и консолидаціи ихъ крупнѣйшихъ интересовъ и міросозерцаній.

ГЛАВА III.

Классическая школа политической экономіи.

§ 1. Предварительныя замѣчанія. § 2. Объ обратно-дедуктивномъ методѣ классической школы. § 3. Р. Мальтусъ и ученіе о населеніи. § 4. Источникъ и происхожденіе экономическаго избытка по ученію физіократовъ. Смита и представителей класси-

1) См. R. Stourm. Les finances de l'Ancien Régime et de la Révolution, Paris, 1885 г.

2) Отсюда, однако, еще не слѣдуетъ, что была достигнута равномѣрность и справедливость въ обложеніи. Забота объ этомъ выпала на долю 19-го вѣка.

ческой школы. Теорія цѣнности и схема распредѣленія классической школы. § 5. Теорія международной торговли и денегъ.

§ 1. Классическая школа въ политической экономіи сложилась въ Англіи въ эпоху того великаго промышленнаго переворота, который произошелъ во вторую треть 18-го вѣка подъ вліяніемъ великихъ изобрѣтеній и открытій въ техникѣ промышленности, а въ особенности въ техникѣ обрабатывающей промышленности. Одинъ изъ наиболѣе крупныхъ вождей экономическаго либерализма А. Смитъ (1723—1790) представляетъ собой какъ бы завершеніе всѣхъ предшествовавшихъ изслѣдователей въ экономіи и считается родоначальникомъ классической школы. Его два основныхъ труда: „Теорія нравственныхъ чувствъ" (1759) и „Изслѣдованіе о природѣ и причинахъ богатства народовъ" (1766) произвели громадное впечатлѣніе на европейскую мысль и значительно содѣйствовали распространенію тѣхъ основныхъ взглядовъ относительно необходимости установленія „системы естественной свободы" въ экономическихъ отношеніяхъ, которая ранѣе его пропагандировалась физіократами. Трудъ его былъ скоро переведенъ на всѣ языки и во всѣхъ странахъ появились послѣдователи его ученій. Хотя А. Смита и называютъ часто творцемъ политической экономіи, но это не вѣрно. Адамъ Смитъ только свелъ воедино всѣ предшествовавшія попытки анализа экономическихъ явленій и сдѣлалъ это столь блестяще, какъ по формѣ, такъ и по содержанію, что совершенно затмилъ своихъ предшественниковъ [1]). Нельзя считать также, что онъ создалъ основныя теоретическія положенія классической школы. Онъ только намѣтилъ эти положенія: въ трудахъ своихъ последователей и истолкователей въ Англіи онъ нашелъ самыхъ серьезныхъ критиковъ. Слѣдуетъ помнить также, что вся жизнь Смита протекла въ періодъ существованія мануфактуръ; начальный періодъ великаго промышленнаго переворота ему пришлось переживать лишь въ качествѣ молчаливаго зрителя. Въ трудахъ Мальтуса (1766—1834), Рикардо (1772—1823), Іереміи Бентама (1748—1832), Джемса Милля (1777—1830), Джона Стюарта Милля (1806—1883) и Джона Элліота Кэрнса (1824—1875), ученія А. Смита [2]) пріо-

1) Необходимо отмѣтить одного изъ самыхъ выдающихся предшественниковъ и друзей Смита — Давида Юма, философскіе и экономическіе труды котораго представляютъ замѣчательнѣйшія произведенія по мастерству индуктивнаго и историческаго анализа причинъ, дѣйствующихъ въ общественной жизни. Лучшее новѣйшее сочиненіе о Д. Юмѣ, какъ экономистѣ: Albert Schatz. L'oeuvre économique de David Hume, Paris, 1902 г.

2) Важнѣйшіе труды этихъ писателей будутъ указаны ниже. Лучшія изслѣдованія объ А. Смитѣ: Hasbach. Untersuchungen über

брѣли совершенно особое содержаніе. Та теоретическая доктрина, о которой мы обыкновенно говоримъ, какъ о классической школѣ, воплотилась именно въ сочиненіяхъ этихъ писателей и значительно отличается отъ труда Смита какъ по своему этико-философскому обоснованію, такъ и по самой разработкѣ теоретическихъ ученій въ новыхъ условіяхъ экономической жизни. Отсюда, конечно, не слѣдуетъ, что всѣ отмѣченные писатели представляютъ полное единство во взглядахъ. Нѣтъ, ихъ доктрины иногда взаимно дополняютъ другъ друга, но часто и противорѣчивы: Мальтусъ стоитъ ближе всего къ А. Смиту, какъ по своимъ наклонностямъ къ историческому и статистическому анализу, такъ и по своимъ религіозно-философскимъ взглядамъ. Онъ защищаетъ взгляды земельной буржуазіи. Рикардо, Бентамъ, Джемсъ Милль и Д. Э. Кэрнсъ являются наиболѣе послѣдовательными защитниками абстрактнаго метода изслѣдованія и создателями утилитаріанскаго радикализма, бывшаго самымъ свѣтлымъ ученіемъ промышленной буржуазіи прошлаго вѣка. Д. С. Милль пытается уже подвинуться впередъ, оторваться отъ „старыхъ ученій" и заимствуетъ многое изъ соціалистическихъ ученій школы Сэнъ-Симона, Фурье и позитивной системы Конта. Въ предисловіи къ своимъ замѣчательнымъ „Основаніямъ политической экономіи" (1848 г.) онъ уже пишетъ: „Еще не было произведено попытки связать практическій методъ изученія политической экономіи А. Смита съ возросшимъ знаніемъ, добытымъ по теоріи этого предмета, или представить экономическія явленія общества въ томъ отношеніи, въ которомъ они стоятъ къ лучшимъ соціальнымъ идеямъ нашего времени, т. е. сдѣлать то же, что А. Смитъ выполнилъ съ такимъ замѣчательнымъ успѣхомъ относительно философіи своего времени".

Чтобы понять ту громадную роль, которую сыграла классическая школа, какъ въ теоретической разработкѣ экономіи, такъ и въ жизни, необходимо, прежде всего перейти къ изученію условій жизни на обособленномъ отъ континента островѣ Великобританіи. Другими словами, изучить эпоху съ конца 18-го вѣка и приблизительно по 1848—50 годъ; затѣмъ намъ снова придется вернуться къ континенту Европы. Какъ я уже сказалъ, экономическія ученія

A. Smith. Leipzig, 1891 г. J. Rae. Life of Adam Smith. London. 2. изд. 1905., A. Delatour. A. Smith, Paris. 1886 г. H. Denis. Histoire des systèmes économiques. т. I (1904 г.), стр. 202—353; также Жуковскій. Исторія политической литературы 19-го в., Спб., 1871. Ингрэмъ, Исторія политич. эк., р. пер. 1897 г.; Cannan, A History of the Theories of Production and Distribution in english political economy from 1776 to 1848, 2 изд. 1903 г., Lon.. Я не вхожу въ подробный анализъ трудовъ Смита, но всѣ особенности его построеній отмѣчены въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ.

классической школы сложились въ эпоху великаго промышленнаго переворота. Къ 1848 году новый строй жизни въ Англіи уже окончательно консолидировался и привелъ къ политическому торжеству буржуазной демократіи.

Въ нижеслѣдующемъ я постараюсь дать характеристику слѣдующихъ сторонъ классической школы: 1) ея метода изслѣдованія, 2) ученія о населеніи, 3) теоріи цѣнности и распредѣленія, 4) теоріи денегъ и международной торговли и 5) политической и соціальной философіи утилитаризма. Но, прежде всего, въ самыхъ краткихъ чертахъ я долженъ сказать о томъ промышленномъ переворотѣ, который пережила Англія въ концѣ 18-го и началѣ 19-го вѣка, чтобы выяснить при какихъ условіяхъ началась разработка теоретической экономіи.

Въ теченіи 18-го вѣка или, точнѣе говоря, въ періодъ съ 1688 г. по 1815 г. обстоятельства удивительно благопріятствовали Англіи. Въ эту эпоху она достигла того политическаго и коммерческаго могущества, которымъ предпочтительно предъ всѣми другими націями она пользуется и до сихъ поръ. Въ то время какъ континентальная Европа вела кровавую борьбу за установленіе новыхъ формъ жизни, Англія, пользуясь своимъ островнымъ положеніемъ, могла совершенно спокойно развивать свои экономическія силы. Она принимала участіе во всѣхъ событіяхъ европейской жизни, вела войны съ большимъ напряженіемъ своихъ экономическихъ силъ, но политическій порядокъ внутри страны не нарушался; страна не переживала нашествія враговъ и могла безъ особыхъ разорительныхъ послѣдствій тратить кровь своихъ наемниковъ — солдатъ на выгодную борьбу. Подъ защитой этого политическаго порядка и относительнаго спокойствія внутри страны, Англія ранѣе всѣхъ другихъ странъ воспользовалась техническими изобрѣтеніями и открытіями, которыя были сдѣланы ея выдающимися людьми. Гобсонъ въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи „Эволюція современнаго капитализма“ (р. пер. 1898 г.), изучая исторію развитія хлопчатобумажной и шерстяной промышленности, создавшей въ значительной мѣрѣ англійское богатство, различаетъ четыре главнѣйшихъ періода въ этихъ изобрѣтеніяхъ, но по существу эти періоды относятся и ко всѣмъ другимъ отраслямъ промышленности. По его мнѣнію, періодъ до 1770 года былъ временемъ подготовительныхъ изобрѣтеній Кэя, Уаэта, Гаргривса, Джемса Уатта и другихъ. Въ 1733 г. Кэй изобрѣлъ самолетный челнокъ (fly-shuttle, navette volante), который далъ возможность ровно ткать матеріи любой ширины и съ поразительной быстротой: въ 1768 г. Уаэтъ изобрѣлъ первую прядильную машину, которая стала въ нужномъ количествѣ доставлять пряжу для

ускорившагося ткачества; въ 1765 г. Гаргривсъ изобрѣлъ прядильную машину еще лучшаго качества; въ 1769 г. Д. Уаттъ — паровую машину. Въ тотъ-же періодъ съ 1760 до 1770 г. Робекъ началъ плавить желѣзо на углѣ, Бриндлей сталъ соединять возникающіе фабричные центры съ моремъ посредствомъ каналовъ, Уэджвудъ открылъ способъ дѣлать глиняную посуду хорошаго качества и по недорогой цѣнѣ, Аркрайтъ усовершенствовалъ прядильную машину Уаэта, освободивъ хлопчатобумажное производство изъ подъ зависимости отъ льняной основы, приспособилъ къ ней изобрѣтенія Гайя для праденія посредствомъ навоя и, главное, примѣнилъ для движенія своей машины силу воды. Въ періодъ съ 1770 по 1792 г. наступило время великихъ изобрѣтеній. Въ 1775 г. Кромптонъ создалъ свою тонко-прядильную машину: изобрѣтенное еще 1764 г. ситцепечатаніе было доведено въ 1783 г. до совершенства Беллемъ: въ 1784 г. Кортъ ввелъ пудлингованіе желѣза, въ 1785 г. Картрайтъ создалъ механическій ткацкій станокъ и т. д. Съ 1792 г. по 1830 г. паровая машина и всѣ другія машины были усовершенствованы и сила пара стала главнымъ рабочимъ двигателемъ. Химическія и физическія изобрѣтенія и открытія въ тоже время научили человѣчество наилучшимъ образомъ пользоваться веществами и матеріалами. Достаточно упомянуть, напр., о такихъ усовершенствованіяхъ: въ 1789 г. Бертолетъ ввелъ бѣленіе хлоромъ, въ 1791 г. Лебланъ довелъ до совершенства добываніе соды, Мурдохъ въ 1748 г. ввелъ освѣщеніе угольнымъ газомъ, Ахардъ поставилъ въ 1801 г. на прочную ногу заводское свеклосахарное производство и т. д. Изобрѣтеніе Фультономъ парохода въ 1807 г. и въ 1830 г. открытіе первой желѣзной дороги между Ливерпулемъ и Манчестеромъ были величайшей побѣдой человѣческаго ума надъ пространствомъ и временемъ. Уже въ 1842 г. Англія имѣла 1857 миль желѣзныхъ дорогъ . . .

Эти техническія изобрѣтенія и усовершенствованія разрушили въ Англіи старый хозяйственный строй, но въ тоже время послужили лучшимъ орудіемъ для расширенія оборотовъ Англіи на протяженіи всего міра и доставили ей деньги и на войны, и для разныхъ колоніальныхъ пріобрѣтеній.

Эти изобрѣтенія создали машину, а машина обратила домашнее производство и мануфактуру въ фабрику. Характерная особенность фабричнаго производства заключается въ томъ, что весь механизмъ работы принимаетъ автоматическій характеръ. По удачному выраженію проф. Дэна [1])

---

1) См. его статью. В. Э. Дэнъ. „О формахъ предпріятія“ (отдѣльный оттискъ, стр. 63).

„работа какъ бы выходитъ изъ сферы воздѣйствія живого человѣка, будучи передана болѣе или менѣе сложной системѣ безжизненныхъ тѣлъ, приводимыхъ въ движеніе искусственной силой". „Нѣкоторые думаютъ, справедливо говоритъ тотъ же проф. Дэнъ, что существенной чертой фабрики является примѣненіе машиннаго способа производства, между тѣмъ это не всегда такъ. Свойственный фабрикѣ автоматизмъ можетъ выражаться и иными путями. Въ самомъ дѣлѣ, примѣромъ фабрики, съ одной стороны, могутъ служить бумагопрядильныя и бумаготкацкія фабрики, гдѣ главная часть работы дѣйствительно выполняется машинами. Но примѣромъ фабрики могутъ служить и химическіе, и пивоваренные заводы, гдѣ значеніе машины уходитъ на задній планъ и главная часть производственнаго процесса сводится къ химическимъ превращеніямъ веществъ, въ чемъ и выражается автоматическій характеръ этихъ предпріятій".

Профессоръ Дэнъ правъ. Ремесло и мануфактура работали, главнымъ образомъ, орудіями и весьма несовершенно умѣли пользоваться такъ называемыми средствами производства. Фабрика дала возможность пользоваться машинами и довела умѣнье пользоваться средствами производства до высшей степени совершенства.

Въ чемъ различіе между орудіемъ, машиной и средствами производства [1]? Принципіальнаго различія между ними нѣтъ. Все это средства, при помощи которыхъ человѣкъ съ бòльшимъ удобствомъ достигаетъ своихъ цѣлей. Но въ степени между ними имѣется весьма существенная разница. Игла, молотокъ, лопата и т. п. — вотъ что мы называемъ простыми орудіями. Всѣ они имѣютъ то общее между собой, что увеличиваютъ силу руки, ноги и вообще какого нибудь другого органа человѣческаго тѣла и тѣмъ облегчаютъ или даже обусловливаютъ выполненіе принятой на себя человѣкомъ задачи. По общему правилу всѣ орудія, совершая свою полезную работу, составляютъ посредствующее звено между органомъ человѣка и самимъ совершаемымъ воздѣйствіемъ, движутся въ томъ же направленіи, какъ и руководящій ими органъ. Всѣ орудія только съ большей силой и опредѣленностью выполняютъ то, что имъ приказываетъ человѣческій органъ. Орудіе безпрекословно повинуется рабочему.

Машина, напротивъ, уже не передаетъ непосредственно движеній человѣческихъ органовъ, но совершенно видоизмѣняетъ ихъ направленіе и характеръ. Локомотивъ или паровозъ, передвигающій тяжести, помѣщенныя въ вагонахъ,

---

1) См. мою статью: „Машины и народное благосостояніе". Міръ Божій. 1895 г.

одинъ изъ типичныхъ образцовъ машины. Человѣкъ топитъ печь локомотива, разводитъ пары, которые затѣмъ, благодаря особымъ приспособленіямъ, приводятъ весь корпусъ локомотива въ движеніе и заставляютъ его катиться по рельсамъ. Точно также и въ прядильной машинѣ человѣкъ только надлежащимъ образомъ подаетъ ей шерсть, хлопчатникъ или другой матеріалъ и поправляетъ иногда ея ошибки, а она сама уже прядетъ „безъ помощи пальцевъ“ [1]). При посредствѣ машинъ человѣкъ употребляетъ для своихъ цѣлей силу вѣтра, воды, пара, электричества, животныхъ и достигаетъ при этомъ колоссальнаго увеличенія своихъ силъ. Но самъ, въ то же время, изъ главнаго творца работы, обращается въ служебное орудіе, какъ бы въ необходимую часть или колесо машины, которое при посредствѣ правильно разсчитанныхъ и однообразно совершаемыхъ движеній регулируетъ, направляетъ и прекращаетъ работу, для которой машина предназначена. Сама машина стала, кромѣ того, принимать троякія формы: однѣ машины только создаютъ двигательную силу, другія — передаютъ это движеніе въ надлежащее мѣсто и, наконецъ, третьи — выполняютъ самую работу [1]).

Подъ средствами производства мы понимаемъ заранѣе приготовленный матеріалъ, надъ приспособленіемъ котораго (при посредствѣ орудій или машинъ) для человѣческихъ потребностей работаетъ человѣкъ и при помощи котораго онъ химически или механически воздѣйствуетъ на другой матеріалъ и для тѣхъ же цѣлей. Такъ, изъ добытой руды человѣкъ, при помощи топлива, огня и другихъ подсобныхъ матеріаловъ, получаетъ желѣзо, чугунъ и сталь.

Всѣ орудія, машины и средства производства [2]): а) облегчаютъ трудъ и увеличиваютъ его силу; сокращая при этомъ трату нервной и физической силы человѣка, даютъ возможность привлекать къ труду совершенно необученныхъ въ техникѣ людей и даже дѣтей; б) увеличиваютъ вообще производительность труда; в) даютъ возможность выполнять такія предпріятія, которыя были ранѣе невозможны; г) ускоряютъ производство; д) расширяютъ сферу обмѣна и сношеній и тѣмъ, несомнѣнно, соединяютъ интересы всего человѣчества; е) во многихъ отрасляхъ промыш-

---

1) R. Mantoux въ книгѣ: La révolution industrielle aux XVIII siècle, Paris, 1905 г. даетъ такое опредѣленіе машинѣ: „машина — это механизмъ, который подъ дѣйствіемъ какой либо простой движущей силы, производитъ сложныя движенія какой-либо технической операціи, выполнявшейся ранѣе однимъ или нѣсколькими людьми, l. c. p. 180.

2) Не слѣдуетъ забывать и того, что при всѣхъ формахъ и системахъ производства требуется еще, кромѣ орудій и матеріаловъ, для веденія производства такъ назыв. сооруженія, т. е. жилища и всякаго рода постройки.

ленности они освобождаютъ человѣка отъ непосредственнаго выполненія самыхъ тяжкихъ и вреднодѣйствующихъ на здоровье операцій, или, какъ выражаются иначе, они облагораживаютъ трудъ, и, наконецъ, ж) они значительно сокращаютъ издержки производства. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда промышленность страны начинаетъ переходить къ употребленію значительнаго количества машинъ и усовершенствованныхъ средствъ производства, мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ технической капитализаціи производства; своимъ неизбѣжнымъ историческимъ послѣдствіемъ техническая капитализація имѣетъ установленіе капиталистическаго хозяйства (см. выше стр. 84). Выраженіе „капиталистическій порядокъ или строй", поэтому, обыкновенно понимаютъ въ двухъ смыслахъ: какъ техническое усовершенствованіе всѣхъ промысловъ чрезъ увеличеніе размѣровъ затраченнаго основнаго капитала, такъ и обособленіе класса владѣльцевъ орудій производства отъ класса наемныхъ рабочихъ. К. Марксъ очень характерно для всей своей системы опредѣлилъ понятіе капитала въ этомъ послѣднемъ смыслѣ: „не всякая сумма денегъ и любыхъ цѣнностей — есть капиталъ; она становится капиталомъ, когда ея владѣлецъ можетъ жить лучше, чѣмъ простой рабочій".

Уже физіократы, какъ я показалъ вамъ, должны были заняться выясненіемъ вопроса о капиталѣ[1]). Надъ нимъ впослѣдствіи много работали. Такъ какъ я не предполагаю давать вамъ сейчасъ же изложенія ученій политической экономіи по этому предмету, то отмѣчу здѣсь же, что въ послѣдующихъ разсужденіяхъ о цѣнности и распредѣленіи мы будемъ имѣть дѣло съ оборотнымъ и основнымъ капиталомъ. И тотъ, и другой видъ капитала служатъ: во первыхъ, средствомъ для увеличенія матеріальной производительности труда, а во вторыхъ, средствомъ же для извлеченія дохода въ пользу владѣльца капитала. Это различіе между капиталомъ, какъ источникомъ дохода и капиталомъ, какъ средствомъ увеличенія матеріальныхъ продуктовъ, слѣдуетъ твердо запомнить.

Въ трудахъ Маркса вы встрѣтите выраженіе — „капиталъ не есть вещь, а опредѣленное общественное отношеніе производства, которое выражается въ вещи и придаетъ этой вещи специфически общественный характеръ." Эта формулировка пугаетъ и представляется чѣмъ то крайне отвлеченнымъ и непонятнымъ, а между тѣмъ она по существу крайне проста. Она совпадаетъ съ первымъ изъ указанныхъ

---

1) Ученіе о капиталѣ будетъ подобно разсмотрѣно при изложеніи теорій Родбертуса и Маркса.

опредѣленій капитала и уже разъяснена мною выше ученіемъ о формахъ производства. Всякое производство, какъ вы помните, предполагаетъ наличность отношеній между участниками въ производствѣ: капиталъ опредѣляетъ эти отношенія. Владѣніе капиталомъ даетъ возможность занять положеніе извлекателя дохода и руководителя производства: отсутствіе капитала ставитъ работника въ подчиненное положеніе человѣка, работающаго по указанію и за условленную плату. Отсюда и выраженіе Маркса: капиталъ есть общественное отношеніе, т. е. наличность капиталистическихъ условій извлеченія и пользованія доходомъ, своеобразно опредѣляетъ положеніе разныхъ общественныхъ классовъ.

Капиталъ, какъ средство увеличенія матеріальнаго продукта, воплощается въ упомянутыхъ выше матеріальныхъ предметахъ и составляетъ необходимый элементъ во всякой системѣ производства, т. е. при всякомъ сочетаніи матеріальныхъ факторовъ производства. Основной капиталъ потребляется, какъ говорятъ, медленно, только въ цѣломъ рядѣ производительныхъ процессовъ; оборотный капиталъ, въ составъ котораго классическая школа, въ особенности Рикардо, включала главнымъ образомъ выплаченную работникамъ плату, потребляется въ одномъ производительномъ процессѣ. Каковъ процессъ потребленія капитала, таковъ же процессъ и его воспроизводства въ цѣнности проданнаго изготовленнаго продукта: основной капиталъ возстановляется по частямъ, оборотный — сразу.

Казалось бы, что эти изобрѣтенія должны были обогатить всю Англію, а между тѣмъ оказалось, что, прежде всего, она должна была пережить тотъ громадный кризисъ, который называется великимъ промышленнымъ переворотомъ. Позвольте же дать вамъ небольшую иллюстрацію того, что произошло [1]).

Въ этомъ отношеніи особенно поучительна исторія двухъ отраслей промышленности, которыя создали англійское богатство: ткацкое и прядильное производство изъ хлопка и шерсти и обработка желѣзной руды. Мы остановимся только на первыхъ двухъ отрасляхъ промышленности.

Въ срединѣ прошлаго вѣка тканье и пряденье изъ шерсти было уже въ значительной степени развито въ различныхъ частяхъ Англіи. Работа совершалась ткачами на дому, но ткачи уже сами не покупали шерсти и не продавали продуктовъ своего труда непосредственно потребите-

1) Элементарно, но интересно этотъ переворотъ въ промышленной жизни Англіи нарисованъ въ книжечкѣ А. Тойнби. Промышленный переворотъ въ Англіи, р. пер. подъ редакціей А. И. Чупрова.

лямъ. Между потребителемъ и ткачемъ стояло уже два посредника. Болѣе мелкій снабжалъ ткача шерстью, затѣмъ покупалъ пряжу и перепродавалъ её крупному капиталисту — торговцу въ городѣ, который уже распродавалъ ее потребителямъ. При такихъ условіяхъ произошли съ поразительной быстротой техническія усовершенствованія, о которыхъ мы уже говорили выше. Послѣдовательно нашли возможность съ большимъ искусствомъ употреблять вмѣсто человѣческой силы силу воды, пара, и, наконецъ, около 1780—90 г. стали повсемѣстно входить въ употребленіе машины, которыя давали возможность прясть и ткать „безъ помощи пальцевъ". Къ 1790 г. машинная индустрія уже значительно организовалась и, несмотря на временныя затрудненія, вызванныя мѣропріятіями конвента и континентальной системой [1]), продолжала развиваться вплоть до нашихъ дней.

Деревенскіе ткачи, естественно, не въ состояніи были запасаться дорого стоющими и монопольными машинами и въ то же время не могли выдерживать конкурренціи съ ними. Домашней формѣ промышленности былъ нанесенъ рѣшительный ударъ, и ткачамъ пришлось искать работы у капиталиста — предпринимателя. Само собою разумѣется, подобный переходъ не могъ совершиться внезапно, и ткачи долгое время пытались работать старыми орудіями, не покидая своего стараго жилища. Въ 1778 году губернаторъ Повнэль отмѣчалъ, что ткачи иногда ходили къ мѣсту работы, гдѣ сосредоточивались машины, и возвращались обратно на разстояніи 33 миль, и для того чтобы заработать 2 ш. 6 пенсовъ въ сутки. Такое положеніе вещей не могло продолжаться долго. Къ тому же, въ это самое время крупное сельское хозяйство начинало гордо поднимать голову [2]) и,

1) Подъ континентальной системой понимаютъ ту совокупность мѣропріятій, при помощи которыхъ Наполеонъ I пытался съ 1806 г. недопускать ввозъ англійскихъ товаровъ на континентъ Европы. Борьбу съ Англіей такого же рода началъ уже конвентъ въ 1793 г., но особенно развита была эта политика Наполеономъ, сумѣвшимъ принудить къ тому же своихъ союзниковъ и подчиненныя Франціи страны. Полнаго успѣха Наполеонъ не имѣлъ, ибо контрабанда была организована Англіей въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Съ паденіемъ Наполеона въ 1814 г., пала и эта система. Англія боролась противъ этой системы всѣми своими силами и, въ частности, воспрещеніемъ вывоза машинъ. Съ 1841 г., послѣ того какъ производство машинъ стало сильно развиваться и на континентѣ и послѣ того, какъ было доказано, что контрабанда сумѣла вывозить и машины, Англія уничтожила запрещеніе вывозить машины. Съ сороковыхъ годовъ процессъ капитализаціи производства начинаетъ съ поразительной быстротой распространяться на всемъ континентѣ Европы и въ Соединенныхъ Штатахъ Америки.

2) Средняя цѣна за квартеръ пшеницы въ десятилѣтіе съ 1770 — по 1779 годъ была 45 шиллинговъ за квартеръ, съ 1780—1789 г. 45 шил.

заботясь во имя усовершенствованнаго земледѣлія объ огораживаніи и размежеваніи полей, лишало возможности мелкаго земледѣльца и фермера существовать у себя дома. Потерявъ подспорное дѣло, домашнее ткачество, кустарь-ткачъ скоро потерялъ и общинный лугъ или хотя бы плохую пустошь, на которыхъ онъ могъ содержать одну или нѣсколько коровъ и овецъ, а иногда нарубить дровъ и жердей. Положеніе мелкаго земледѣльца и фермера было также не блестяще. Черезполосица и принудительный сѣвооборотъ, безграничное раздробленіе арендуемыхъ полосъ, дальнія разстоянія ихъ другъ отъ друга и отъ мѣста жительства уже давно подтачивали ихъ хозяйство: лишь при наличности пастбища на помѣщичьихъ поляхъ, на паровомъ полѣ и послѣ сбора урожая (open fields), благодаря пустошамъ мелкій фермеръ еще кое какъ держался. Безъ нихъ онъ сталъ погибать быстро. Покровительственныя хлѣбныя пошлины, которыя особенно усилились послѣ 1815 г., возвышали цѣну продукта земли. Но въ то же самое время хозяйство становилось особенно рискованнымъ дѣломъ. Оно требовало знаній и коммерческой снаровки. Повышеніе цѣнъ увеличивало

9 пен., съ 1790—1799 — 55 ш. 11. пен., съ 1800—1809 г. 82 ш. 2 п. и въ четыре года съ 1816 — по 1813 г. — 106 шил. 12 пен. Проф. Каннанъ отмѣчаетъ, что совершенно параллельно съ возрастаніемъ цѣнъ увеличивалось и количество актовъ объ огораживаніи частно-владѣльческихъ имѣній, объ отобраніи общинныхъ угодій, выгоновъ и объ устраненіи черезполосицы (enclosures acts): см. его Production and Distribution in En. Pol. Econ. L. 1903, стр. 149.

Отмѣтимъ, кстати, что въ періодъ съ 1714 по 1720 г. парламентъ издавалъ около одного такого акта о размежеваніи въ годъ; съ 1750 по 1760 уже около 156, съ 1780 по 1790 — 287, съ 1800 по 1810 около 906!

Манту очень вѣрно описываетъ послѣдствія этихъ актовъ. „Мелкій владѣлецъ, пишетъ онъ, не въ состояніи помѣшать коммисарамъ отмежевать богачамъ лучшія земли. Онъ принужденъ принять тотъ участокъ, который ему даютъ. Онъ теряетъ свои права на раздѣленныя общинныя угодья; правда, онъ получаетъ часть этой общинной земли, но она ему отводится въ размѣрѣ пропорціональномъ тому количеству скота, которое онъ посылалъ на земли владѣльца, другими словами здѣсь опять тотъ получаетъ больше, кто былъ богаче. Вступивъ во владѣніе новымъ участкомъ, мелкій владѣлецъ (yeoman) долженъ огородиться, что ему стоитъ труда и денегъ. Ему приходится также уплатить часть издержекъ по всему дѣлу размежеванія, а онѣ весьма значительны. Невозможно, чтобы онъ не оказался обѣднѣвшимъ и, по крайней мѣрѣ, безъ долговъ . . . Крупныя собственники, однако, не считаютъ своего дѣла завершеннымъ: они еще не извлекли изъ него всѣхъ выгодъ. Размежевавъ свое имѣніе, они хотятъ его округлить, расширить площадь обработки, увеличить количество луговъ, расширить свои парки или просто избавиться отъ сосѣдства бѣдняковъ. Честный трудолюбивый мужикъ, но ведущій хозяйство рутинно, непредусмотрительный, съ ограниченнымъ кругозоромъ, не понимающій совершающихся вокругъ измѣненій, стоящій подъ гнетомъ конкурренціи предпріятій съ новыми системами хозяйства, поддается соблазну искать счастья на сторонѣ, въ колоніяхъ: онъ продаетъ землю“.

арендную плату за землю. Колебаніе цѣнъ принуждало спекулировать на цѣнахъ, къ чему мелкій фермеръ былъ неспособенъ, да часто и не имѣлъ возможности, ибо, продавъ хлѣбъ, онъ впослѣдствіи долженъ былъ его прикупать въ самое неудобное для себя время. Цѣны сильно колебались, а ренты между тѣмъ возрастали подъ вліяніемъ замѣтнаго увеличенія населенія. Мелкій человѣкъ не могъ приспособиться къ новымъ условіямъ рынка, бросалъ землю и шелъ искать спасенія на фабрику. Картина промышленной жизни Англіи въ періодъ съ 1790 по 1848 г. вообще представляетъ собой какой то хаосъ, если мы даже будемъ вѣрить только однимъ оффиціальнымъ источникамъ. Населеніе бѣжитъ въ города, мечется изъ стороны въ сторону въ поискахъ за работой. По выраженію однаго писателя машины временно обратили осѣдлыхъ англичанъ въ "блуждающихъ номадовъ". Въ то же время происходило перемѣщеніе разныхъ отраслей промышленности изъ однихъ мѣстъ въ другія, подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ удобствъ сбыта и организаціи фабрикъ, что еще болѣе ухудшало положеніе рабочихъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они получали повышенныя платы, въ другихъ сидѣли безъ работы, не знали, что дѣлать и куда идти. Къ тому же, повсемѣстно находили работу только искуснѣйшіе, въ качествѣ руководителей; на мѣсто обыкновеннаго рабочаго всячески старались ставить женщинъ и дѣтей. Машины облегчили трудъ, раздѣлили его на простѣйшія операціи, сдѣлали трудъ механическимъ, а потому потребовались, съ одной стороны, искусные руководители и механики для производства машинъ и управленія ими, съ другой — только „рабочія руки." Естественно было обратиться къ такимъ рукамъ, которыя стоили всего дешевле. Съ этого времени и начинается постыдная въ лѣтописяхъ англійской исторіи торговля дѣтьми изъ рабочихъ и воспитательныхъ домовъ, начало которой положено уже въ 1793 году. Этотъ процессъ продолжался почти до нашихъ дней.

Перетасовка въ рабочемъ населеніи совершалась во многихъ отрасляхъ производства. Кромѣ того повсемѣстно обнаружилось необыкновенное удлиненіе рабочаго дня, увеличеніе регулярности и напряженности труда. Ткачъ въ домашней промышленности работалъ, конечно, не мало, но нерегулярно. Онъ не былъ прикованъ къ своему станку и временами бездѣйствовалъ и отдыхалъ. Теперь рабочій долженъ былъ приходить въ опредѣленное время и трудъ совершался только съ перерывами для принятія пищи. Къ тому же, желая выработать прежнюю сумму своего дохода, ткачъ или удлинялъ рабочій день, или переходилъ, если былъ особенно искусенъ, къ поштучной работѣ. Въ какихъ

санитарныхъ и нравственныхъ условіяхъ совершалось въ это время работа, о томъ красноречиво свидѣтельствуютъ отчеты инспекторовъ и послѣдующихъ коммиссій, но мы не станемъ на нихъ останавливаться.

Въ этотъ періодъ рабочіе хорошо познали справедливость формулы Вильяма Коббета[1]), согласно которой „рабочія платы тогда высоки, когда фабрикантъ бѣгаетъ за рабочимъ и низки, когда рабочій бѣгаетъ за фабрикантомъ“. Мужчины, работая полное число часовъ, добывали отъ 5 до 7 шил. въ недѣлю, а женщины и того меньше. Отъ населенія, скопившагося въ городахъ, отъ женщинъ и дѣвушекъ, выбитыхъ нуждой изъ семьи и занятыхъ въ однѣхъ и тѣхъ же фабрикахъ съ мужчинами, отъ всего этого голоднаго пролетаріата, не питающаго особыхъ надеждъ на улучшеніе своего положенія, трудно было ожидать предусмотрительности, которую ему иногда проповѣдывали Мальтусъ и другіе. Это населеніе умирало и размножалось, размножалось и умирало. Безпристрастный, но умѣвшій сочувствовать страданіямъ другихъ, экономистъ Сисмонди[2]), на глазахъ котораго совершались всѣ эти явленія, первый поднялъ вопль противъ машинъ. Онъ попытался даже установить законъ, согласно которому машины понижаютъ цѣнность продуктовъ въ ариѳметической прогрессіи, а вытѣсняютъ рабочихъ въ геометрической. То, что Рикардо называлъ холоднымъ словомъ: періодомъ временнаго страданія рабочихъ, превратилось въ хроническое бѣдствіе почти на шестьдесятъ лѣтъ.

Роджерсъ[3]), съ внимательностью серьезнаго ученаго пересмотрѣвъ всѣ факты, относящіеся къ этому періоду съ 1790 по 1848 г. говоритъ: „Мнѣ грустно, но я долженъ сказать, что процессъ развитія британской мануфактуры и торговли былъ столь же разрушителенъ для человѣческихъ жизней, какъ и многія битвы.“

Грустную, тяжелую картину представляла Англія въ это время. Это былъ періодъ непрерывающихся фабричныхъ безпорядковъ, поджоговъ фабрикъ, истребленія машинъ и жестокой репресіи со стороны власти. Рабочіе не только перенесли на себѣ всю тяжесть новаго положенія вещей, но и потеряли всѣ преимущества, которыя имъ давало законо-

---

1) См. Письмо къ Луддитамъ (30 н. 1816 г.), которое было однимъ изъ самыхъ блестящихъ произведеній радикала Коббета; въ немъ онъ съ поразительной ясностью изобразилъ великое значеніе орудій и машинъ. Ed. Smith. W. Cobbet, 2 т., 1878 г. Луддитами (отъ имени одного изъ рабочихъ Ned Lud) назывались вязальщики Ноттингэма, которые въ 1816 г. составили заговоръ для истребленія машинъ.

2) См. его Nouveaux Principes d'Economie politique (2 из., 1827 г.).

3) См. The Industrial and Commercial History of England, изд. 1892 г. стр. 18.

дательство Елизаветы. Это послѣднее, какъ извѣстно, допускало возможность союзовъ рабочихъ, нормировало рабочія платы и устанавливало нѣкоторый необходимый срокъ ученичества, опредѣляя при этомъ и число учениковъ у каждаго мастера. Всѣ петиціи о возстановленіи стараго законодательства остались безъ результатовъ. Сначала фактически, а затѣмъ и законодательнымъ путемъ (1815), соотвѣтствующія постановленія этого законодательства были устранены: рабочимъ же предоставлено, въ противность тому же закону, единственное право „искать себѣ заработка и пропитанія на всемъ протяженіи Соединеннаго королевства." Предложенія установить минимумъ заработной платы, сдѣланныя въ 1795 г., 1800 и 1808 гг. были категорически отвергнуты парламентомъ, какъ „непрактичныя". Но все-таки нужда населенія была слишкомъ велика и потому нужно было принять какія-нибудь мѣры. Въ 1795 г. беркширскіе судьи на одной изъ своихъ сессій признали, что бѣдность и страданія среди населенія достигли „крайней" степени напряженія. Они рѣшились прибѣгнуть къ системѣ, которая состояла въ слѣдующемъ. Было рѣшено приплачивать къ заработной платѣ занятаго рабочаго ту или иную сумму, въ зависимости отъ стоимости хлѣба, изъ налога, собираемаго въ пользу бѣдныхъ. Въ 1783—85 г. общій итогъ налога для бѣдныхъ колебался въ среднемъ около 2 мил. ф. с., въ 1812 г. онъ достигаетъ уже 5—6 мил. ф. с. По словамъ Кённингэма, эта система была выгоднѣе для землевладѣльцевъ и капиталистовъ, чѣмъ установленіе нормальной платы, и по слѣдующей причинѣ. Десятинные сборы (преимущественно въ пользу церкви) собирались изъ общаго продукта земли уже послѣ полученія налоговъ для бѣдныхъ. Землевладѣлецъ платилъ, такимъ образомъ, меньше въ десятинѣ, если налоги для бѣдныхъ были больше, что могло происходить только при особенно низкихъ заработныхъ платахъ. Налогъ для бѣдныхъ снова возвращался къ нему въ видѣ приплатъ къ рабочей платѣ. Фабриканты косвенно выгадывали точно также за счетъ земельныхъ налоговъ, вынуждая землевладѣльцевъ приплачивать и за занятыхъ ими рабочихъ[1]) . . . На-

1) Въ сочиненіи Paul Mantoux. La Révolution industrielle au XVIII-e siècle, Paris, 1905 читатель можетъ найдти тщательно нарисованную картину промышленнаго переворота въ Англіи и подробную библіографію этого вопроса. По поводу изложенной системы общественнаго призрѣнія Манту пишетъ: „призрѣваемые удовлетворялись низшей заработной платой и ихъ дешевый трудъ оказывалъ непреоборимую конкурренцію труду не субсидируемому. Такъ устанавливался парадоксальный результатъ: налогъ въ пользу бѣдныхъ создавалъ чистую экономію предпринимателю и чистый убытокъ трудолюбивому рабочему, ничего не требовавшему отъ государственной благотворительности. . . . На сельское населеніе эта система оказала самое пагубное вліяніе. Она закончила

логъ для бѣдныхъ послѣдовательно возрасталъ: въ 1760 г. онъ былъ — 3 шиллинга 7 пенсовъ на жителя, въ 1784 г. — 5 шил., въ 1803 г. — 8 ш. 11 п., въ 1818 г. — 13 ш. 3 п. Это была высшая сумма, которой налогъ когда либо достигалъ.

Въ 1799 г. въ Англіи былъ изданъ такой же законъ противъ коалицій, какъ и во Франціи и онъ продержался до 1825 г., принеся рабочимъ массу несчастій. Тюрьма съ тяжелыми работами выпадали на долю всякаго, кто затѣвалъ стачку или какую либо явную попытку къ образованію союза.

Въ своей книгѣ „Положеніе рабочаго класса въ Англіи (1848 г., р. пер. 1906 г.) Энгельсъ нарисовалъ правдивую картину того положенія, въ которомъ находился рабочій классъ до 1848 г. Эта картина леденитъ сердце — столь она ужасна . . .

Не слѣдуетъ, однако, забывать, что въ тотъ же періодъ Англія обратилась въ сильнѣйшую и богатѣйшую колоніальную державу, ея населеніе значительно возросло, а богатство владѣющихъ классовъ достигло наивысшаго предѣла. Метуенскій торговый договоръ (1703 г.), Утрехтскій (1713), Парижскій (1763) и Вѣнскій (1815) трактаты остаются памятниками развитія территоріальныхъ владѣній и морского владычества Англіи. По миру въ Утрехтѣ Англія пріобрѣла отъ Франціи: Нью-Фаундлендъ, Новую Шотландію, Гудсоновъ проливъ и землю; отъ Испаніи: Гибралтаръ, Минорку и право на торговлю неграми въ южно-американскихъ испанскихъ колоніяхъ; по миру въ Парижѣ она получила: Канаду, часть малыхъ Антильскихъ острововъ, нѣкоторыя колоніи на африканскомъ берегу и военныя преимущества въ Индіи. Только въ 1776 г. Англія потерпѣла было временную задержку въ дѣлѣ расширенія своихъ колоній и торговли. По миру въ Версалѣ (1783) она должна была признать независимость своихъ Сѣверо-Американскихъ колоній и уступить Флориду и Минорку Испаніи, а Сенегалъ и нѣкоторыя другія территоріи — Франціи. Но самая свобода Сѣверо-Американскихъ колоній не оказалась столь пагубнымъ явленіемъ, какъ это представлялось нѣкоторымъ тогдашнимъ англійскимъ государственнымъ дѣятелямъ. Промышленныя связи съ этой страной спустя нѣкоторое время даже воз-

---

то, чему было положено начало огораживаніемъ полей: нищета и праздность порвали послѣднія связи, прикрѣплявшія земледѣльца къ землѣ и толкнули его, деморализованнаго и безразлично относящагося къ своей былой независимости, въ ряды городскаго пролетаріата. . . . Вотъ какой цѣной было куплено спокойствіе владѣющихъ классовъ въ эпоху кризиса, слава Англіи во внѣшнихъ отношеніяхъ, побѣды Нельсона и Веллингтона: на деньги въ пользу бѣдныхъ, выжатыя отчасти у общества, отчасти у самихъ бѣдныхъ классовъ, создались крупныя состоянія англійскаго промышленнаго капитализма“ l. c. стр. 460.

расли и окрѣпли. Почти одновременно съ этими событіями Англія совершенно неожиданно для другихъ странъ сумѣла съ выгодой возмѣстить свои потери новыми пріобрѣтеніями: лордъ Клайффъ положилъ основаніе Восточно-Индійской Имперіи, а Кукъ овладѣлъ Новымъ Южнымъ Валлисомъ. Наибольшаго апогея морское и коммерческое владычество Англіи достигло въ началѣ XIX вѣка, когда, развивая всѣ свои силы на почвѣ новыхъ усовершенствованій, она, пользуясь смутнымъ временемъ на континентѣ, почти буквально уничтожила военные и коммерческіе флоты другихъ странъ. По расчету Портера[1]), въ теченіе 22-лѣтней борьбы, закончившейся миромъ 1815 г., Англія захватила въ плѣнъ, присвоила и уничтожила болѣе 1100 военныхъ кораблей, принадлежавшихъ Франціи, Испаніи, Даніи, Россіи и другимъ странамъ. Она же захватила въ качествѣ военной добычи болѣе 4023 кораблей коммерческаго флота вмѣстимостью болѣе 536 240 тоннъ. Вѣнскій трактатъ (1815 г.) закрѣпилъ за Англіей всѣ ея пріобрѣтенія. Она получила Гельголандъ, Мальту, Цейлонъ, Мауритіусъ, Капскую землю, огромныя территоріи въ восточной и западной Индіи, а также по берегамъ южной Америки и Африки. Населеніе возрастало, но находило при этомъ приложеніе своимъ силамъ не только въ метрополіи, но и въ колоніяхъ. Населеніе Соединеннаго Королевства, бывшее въ 1760 г. около 11 милліоновъ, достигло въ 1800 г. — 16 мил., въ 1840 г. 27 мил. и въ 1881 г. болѣе 36 милліоновъ, не считая той громадной массы населенія, которая покинула метрополію для жизни въ колоніяхъ. При всемъ томъ мы, однако, имѣемъ нѣкоторыя косвенныя, но вѣскія указанія, которыя свидѣтельствуютъ намъ о причинахъ колоссальнаго развитія оборотовъ Англіи. Общая стоимость ввоза и вывоза Англіи оцѣнивалась въ 1760 г. Макферсономъ и другими въ 26,5 милл. фун. стер.; цифра эта возрасла до 74 мил. ф. с. въ 1800 г., 103 въ 1840 г. и цифры 723 мил. ф. ст. въ 1883 году. Всѣ данныя промышленной статистики и всѣ авторитеты единодушно признаютъ, что это громадное развитіе оборотовъ было результатомъ развитія мануфактуръ и фабрикаціи всѣхъ видовъ на почвѣ новыхъ усовершенствованій и до извѣстной степени въ силу нѣкоторой монополизаціи рынка. Особенную роль въ этомъ отношеніи сыграли хлопковое и шерстяное пряденіе и ткачество, желѣзо и сталелитейное дѣло въ ихъ широкомъ многообразіи. Земледѣліе въ собственномъ смыслѣ, т. е. культура питательныхъ растеній, все болѣе и болѣе отходило на задній планъ. По разсчету Портера въ періодъ съ 1801 по 1815 г., только 600 т. населенія содержалосл за счетъ при-

1) См. его Progress of Nation. стр. 394—6.

возного хлѣба, считая по восьми бушелей на человѣка; послѣ отмѣны ввозныхъ хлѣбныхъ пошлинъ, въ 1841—1849 г. эта цифра достигла 2,5 мил. а въ настоящее время болѣе трехъ четвертей населенія Соединеннаго королевства питается привознымъ хлѣбомъ. Уже въ 1883 г. ввозъ хлѣба составлялъ на единицу населенія 250 англійскихъ фунтовъ. Еще въ 1869 г. подъ пшеницей въ Англіи было около 3,6 мил. акровъ, въ 1900 г. всего 769 тыс. акровъ.

Такимъ образомъ мы имѣемъ, повидимому, всѣ основанія предполагать, что въ общемъ результатѣ новая промышленная система въ связи со всѣми вызванными ею преобразованіями и пріобрѣтеніями, увеличила какъ валовой, такъ и чистый доходъ Англіи, превративъ ее въ міровую фабрику. Впослѣдствіи, изучивъ исторію соціальной борьбы въ Англіи, мы увидимъ, подъ вліяніемъ какихъ причинъ стало нѣсколько улучшаться положеніе рабочихъ классовъ въ Англіи. Чтобы не оставить васъ безъ опредѣленнаго взгляда на значеніе новыхъ формъ промышленности въ дѣлѣ созданія богатствъ Англіи, мы бросимъ взглядъ на нѣкоторыя имѣющіяся данныя относительно распредѣленія народнаго дохода и положенія рабочихъ въ два сравнительные періода, въ 1843 и 1886—1892 годы.

По оцѣнкѣ извѣстнаго статистика Роберта Джиффена [1]), которая, подобно всѣмъ другимъ такимъ оцѣнкамъ, конечно, только приблизительна, возрастаніе Англійскихъ доходовъ можетъ быть представлено въ слѣдующей таблицѣ:

	Общая сумма доходовъ 1843 г.	1886 г.	Увеличеніе на общую сумму	Въ %-хъ
1) Доходъ капиталистовъ (рента и процентъ) . . .	190	400 мил. ф. с.	210	125
2) Доходъ капиталистовъ, оплачивающихъ подоходный налогъ отъ производства . . . . 3) Доходъ отъ труда высшихъ и среднихъ классовъ, неоплачивающихъ подоходнаго налога	154	320 „ „	166	100
4) Доходъ рабочаго сословія въ собственномъ смыслѣ слова (manual labour class) . . .	171	550 „ „	379	200

1) По оцѣнкѣ того же Р. Джиффена общая масса дохода Соединеннаго королевства къ 1903 г. достигала 1,750 мил. ф. ст. въ годъ, а общая сумма богатства простиралась до 15,000 мил. ф. ст. См. Paper

§ 2. Методъ политической экономіи классической школы былъ разработанъ, главнымъ образомъ, тремя ея представителями: Р. Мальтусомъ, Д. С. Миллемъ и Д. Э. Кернсомъ [2]). Ни одинъ изъ вопросовъ экономіи, кромѣ развѣ проблемы о цѣнности, не вызвалъ столько споровъ, какъ этотъ. Этому сравнительно простому вопросу о методѣ было придано такое важное значеніе потому, что, благодаря употребленію его, какъ казалось, классическая школа прониклась особыми началами, противъ которыхъ и выступила на борьбу историческая школа. Намъ необходимо, поэтому, ознакомиться, какъ съ самимъ методомъ классической школы, такъ и съ общими началами, изъ которыхъ она исходила въ своемъ анализѣ. Всѣ особенности этого метода теперь тщательно выяснены. Я постараюсь сначала изложить существо этого метода въ его современномъ истолкованіи и лишь отмѣчу тѣ основныя начала или посылки, изъ которыхъ исходила классичесвая школа. Только послѣ анализа ея ученій я постараюсь показать, почему классическая школа вызвала столько нареканій и какія изъ этихъ послѣднихъ могутъ считаться обоснованными.

Обыкновенно говорятъ, что классическая школа пользовалась почти исключительно такъ называемыхъ обратно-дедуктивнымъ методомъ, который представляетъ собою соединеніе индукціи (наблюденія) и дедукціи (вывода). Въ основѣ этого метода лежитъ, слѣдовательно, наблюденіе, т. е., научное созерцаніе свойствъ, или характерныхъ признаковъ отдѣльныхъ явленій и стремленіе подмѣтить порядокъ въ сосуществованіи и послѣдовательности типическихъ явленій. Индукція всегда имѣетъ стремленіе подвести всѣ частные случаи обнаруженія явленій подъ общее правило. Эти общія правила, основанныя па самомъ тщательномъ научномъ наблюденіи, политическая экономія можетъ получить изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ. Они мо-

---

read before the British Association, 11 сент. 1903 г.; таблица взята изъ доклада Д., помѣщеннаго въ Journal of the Statistical Society, декабрь 1886 г.

2) См. Мальтусъ. Объ опредѣленіяхъ въ политической экономіи (русскаго перевода нѣтъ). Д. С. Милль. Система логики. Д. Э. Кернсъ. Логическій методъ въ политической экономіи; два послѣднихъ сочиненія имѣются и въ русскомъ переводѣ; послѣднее лишь въ извлеченіи въ Библіотекѣ Экономистовъ, выпускъ XI-й. Главнѣйшія сочиненія по вопросу о методѣ: 1) Менгеръ. О методахъ общественныхъ наукъ, р. пер. 1894 г.; Д. Кейнсъ. Предметъ и методъ политической экономіи, р. пер. 1899 г. — оба защитники классической школы. 2) Шмоллеръ. Наука о народномъ хозяйствѣ и ея методы. Библіот. Экономистовъ вып. XII; L. Brentano. Die klassische Nationalökonomie, Leipzig, 1888 г. — критика съ точки зрѣнія исторической школы. 3) Обзоръ споровъ о методѣ у A. Wagner'a. Grundlegung des P. Ö., Leip., часть I. — Критика взглядовъ исторической школы въ брошюрѣ R. Schüller. Die klassische Nationalökonomie und ihre Gegner, 1895 г.

гутъ быть: а) психо-біологическими началами, полученными изъ анализа человѣческой природы путемъ самонаблюденія, наблюденія за другими людьми, наблюденій разныхъ людей; b) элементарные наблюденные законы природы, открытые естествовѣдѣніемъ; с) сдѣланныя обобщенія о фактахъ и событіяхъ исторической жизни человѣчества или того или другого народа и d) оставшіеся документы, свидѣтельствующіе о жизни людей и народовъ. Другими словами, эти общія положенія могутъ быть получены путемъ самонаблюденія, путемъ наблюденія за жизнью другихъ людей и сравненія самыхъ разнообразныхъ фактовъ и событій. Эти общія правила служатъ основными посылками, изъ которыхъ дедуктивно выводятся слѣдствія, которыя должны произойти изъ дѣйствія этихъ силъ при данныхъ неизмѣнившихся условіяхъ. Самое существо вывода требуетъ, чтобы — а) общія посылки, изъ которыхъ мы исходимъ, представляли собою, слѣдовательно, силы или причины, которыя стремятся произвести опредѣленныя слѣдствія; b) чтобы до полученія слѣдствія обнаруживали свое дѣйствіе только силы — причины, принятыя нами во вниманіе и с) — чтобы явленія разсматривались въ теченіи такого времени и на такомъ пространствѣ, чтобы силы — причины могли обнаружить свое вліяніе. Полученные выводы признаются, однако, только гипотетически (предположительно) правильными; они считаются обнаруживающими лишь тенденцію (стремленіе) явленій проявляться въ опредѣленной формѣ и по той причинѣ, что въ общественной жизни дѣйствуетъ множество причинъ, онѣ вліяютъ совмѣстно, измѣняются въ пространствѣ и вовремени, сталкиваются и парализуютъ другъ друга. Если нами приняты во вниманіе въ качествѣ посылокъ важныя, главныя причины — силы, то весьма вѣроятно, что выводъ совпадетъ съ дѣйствительностью, но возможно, что менѣе существенныя причины, а иногда и упущенныя нѣкоторыя главныя силы не приведутъ къ тому слѣдствію, которое предполагалъ нашъ выводъ. Обратно — дедуктивный методъ и требуетъ, чтобы выводъ былъ сопоставленъ съ дѣйствительностью или, какъ говорятъ, провѣренъ. Если дѣйствительность подтвердитъ выводъ, мы приходимъ къ категорическому (положительному) заключенію, что выводъ правиленъ; если онъ не вполнѣ совпадаетъ, мы стараемся его исправить, и провѣрка вывода обращается въ поправку, которая стремится указать, какія силы — причины въ общихъ посылкахъ нами не были приняты въ вниманіе.

Въ настоящее время для успѣха примѣненія обратнодедуктивнаго метода обыкновенно требуютъ, чтобы посылки, изъ которыхъ мы стремимся сдѣлать выводъ, обладали

нижеслѣдующими свойствами. Посылки должны быть: 1) реальны, т. е. основаны на дѣйствительно научномъ наблюденіи явленій природы, человѣка и общественной его жизни во всѣхъ ея обнаруженіяхъ или, выражаясь короче, посылки должны соотвѣтствовать самой природѣ наблюдаемыхъ явленій; 2) — общи, т. е. посылки не должны браться наудачу и произвольно: онѣ должны быть основаны на систематическомъ наблюденіи надъ возможно большимъ количествомъ случаевъ обнаруженія явленій въ пространствѣ и во времени; это необходимо для того, чтобы расширить предѣлы той области, къ которой теорія можетъ быть примѣняема для рѣшенія конкретныхъ вопросовъ; 3) — просты, т. е., необходимо найти такія элементарныя, основныя силы, которыя имѣютъ общее признаніе и столь ясны, что выводъ изъ нихъ можетъ быть сдѣланъ опредѣленно и безъ всякихъ ошибокъ; 4) посылки должны имѣть соціальный характеръ, т. е. не должны быть основаны на одномъ самонаблюденіи, не должны исходить изъ чисто абстрактнаго анализа человѣческой природы, но представлять собою положенія, которыя характеризуютъ бытъ и мотивы дѣйствій людей, какъ членовъ общежитія, того или иного класса; они должны быть выработаны на основаніи многочисленныхъ наблюденіи надъ массой людей въ ихъ мотивахъ, дѣйствіяхъ и отношеніяхъ къ внѣшнему міру, къ данной человѣческой средѣ, въ которой они обнаруживаются; 5) — исторически обоснованы, т. е. чтобы положенія эти прилагались лишь къ той стадіи человѣческаго развитія, гдѣ они наблюдены, не распространяясь безъ разбора на другія стадіи развитія, гдѣ они или совсѣмъ не существовали или видоизмѣнялись въ томъ или другомъ отношеніи.

Классическая школа во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ пользовалась слѣдующими основными обобщеніями, изъ которыхъ нѣкоторыя уже мною разсмотрѣны, какъ въ первой главѣ, такъ и при изложеніи ученія физіократовъ, а именно:

1) Всякій человѣкъ по самой природѣ своей, какъ извѣстный психо-біологическій типъ и какъ представитель любого общественнаго класса,“ стремится получить богатство съ наименьшимъ количествомъ труда“ (физіократы). Богатство выражается въ изобиліи продукта: цѣнность продукта, которая опредѣляетъ мѣновыя отношенія, зависитъ не отъ изобилія, а отъ трудности или легкости производства“ (Рикардо). [1])

2) Принципъ эгоизма или личнаго интереса предста-

1) Само собою разумѣется, что классики не употребляли этого выраженія: „психо-біологической типъ“; они говорили человѣкъ вообще, индивидъ, L'homme bien né (нормальный человѣкъ) и т. п.

вляетъ собою наилучшее организующее начало экономической жизни. Анализъ экономической науки долженъ прослѣдить, какъ слагается экономическая жизнь подъ вліяніемъ борьбы трехъ основныхъ интересовъ: землевладѣльцевъ, капиталистовъ и рабочихъ.

3) Всѣ свои выводы экономія построяетъ при предположеніи господства простой и незамысловатой системы естественной свободы, основанной на частной собственности, соперничествѣ интересовъ на рынкѣ и на невмѣшательствѣ государственной власти. Вмѣшательство этой власти предполагается необходимыхъ только въ трехъ случаяхъ: 1) для охраны страны отъ вторженія враговъ, 2) для организаціи суда, охраняющаго личность, собственность и свободу договора; 3) для организаціи народнаго просвѣщенія путемъ школъ. (А Смитъ.)

4) Человѣкъ, какъ біологическій типъ, подобно всѣмъ другимъ животнымъ размножается. Это стремленіе къ размноженію задерживается недостаткомъ средствъ къ существованію, бѣдствіями, и пороками, страхомъ потерять привычный образъ жизни, разумнымъ самоограниченіемъ въ дѣторожденіи (Мальтусъ).

5) Потребности человѣка могутъ быть ограничены по объему, т. е., данное количество потребностей можетъ удовлетвориться тѣмъ или другимъ количествомъ или качествомъ матеріальныхъ продуктовъ, но для числа и качества потребностей мы не можемъ указать предѣловъ: потребности какъ бы безграничны. Въ умноженіи потребностей и заключается развитіе страны.

6) Человѣкъ представляетъ собою часть той органической жизни, которая совершается на земной поверхности. Вся сущность міровогo процесса борьбы человѣка съ природой сводится къ тому, что земля, капиталъ и трудъ человѣка производятъ больше матеріальныхъ продуктовъ (богатства), чѣмъ сколько необходимо на вознагражденіе труда заработной платой. Рента прибыль и заработная плата — три первоначальныхъ источника богатства, на которыхъ покоятся три крупныхъ подраздѣленія общества [1]) и вся культура.

§ 3. Намъ надлежитъ теперь ознакомится съ основнымъ ученіемъ Мальтуса о размноженіи рода человѣческаго, пересмотрѣть соотвѣтствующія статистическія данныя относительно размноженія, указать, какое развитіе получило это ученіе впослѣдствіи. Прежде чѣмъ подвергать

---

1) Такова формулировка этого положенія Р. Мальтусомъ въ его Трактатѣ о рентѣ, р. пер. проф. Миклашевскаго, Юрьевъ, 1908 г.

это ученіе критикѣ необходимо болѣе внимательно и подробно его изложить, такъ какъ оно имѣетъ чрезвычайно важное значеніе.

Въ исторіи политической экономіи Ингрэма вы найдете интересное объясненіе того, что послужило поводомъ для появленія книги Мальтуса: „Опытъ о законѣ населенія и его вліяніе на прогрессъ общества въ связи съ замѣчаніями относительно размышленій Годвина, Кондорсэ и другихъ писателей.“ Вотъ, что пишетъ Ингрэмъ [1]: „Поводомъ къ появленію этой книги были личные споры автора со своимъ отцомъ Даніэлемъ Мальтусомъ, который былъ другомъ Руссо и горячо вѣрилъ въ ученіе объ общественномъ прогрессѣ въ томъ его видѣ, какъ оно проповѣдывалось Кондорсэ и другими французскими мыслителями съ ихъ англійскими учениками. — Наиболѣе выдающимся изъ послѣднихъ былъ Вильямъ Годвинъ, изслѣдованіе котораго „О политической справедливости“ (Enquiry concerning Political Justice) появилось въ 1793 г. Взгляды, высказанные въ этомъ трудѣ, вновь были повторены въ Enquirer (1797 г.), и по поводу одного изъ очерковъ въ этой книгѣ — „О скупости и расточительности“ между отцомъ и сыномъ Мальтусами завязался споръ: въ возникшемъ общемъ вопросѣ о будущемъ прогрессѣ общества“ старикъ Мальтусъ защищалъ доктрину Годвина, молодой ее опровергалъ. Послѣдній рѣшился писать, „чтобы лучше изложитъ свои мысли на бумагѣ, чѣмъ онъ могъ это сдѣлать въ разговорѣ“; результатомъ этого намѣренія и явился „Опытъ“. Соціальная схема Годвина покоилась на той мысли, что всѣ бѣдствія общества возникаютъ вслѣдствіе несовершенства человѣческихъ учрежденій. Богатства вполнѣ достаточно для всѣхъ, но оно неравномѣрно распредѣлено: одинъ имѣетъ слишкомъ много, другой имѣетъ мало или даже ничего. Пусть это богатство, такъ-же, какъ и трудъ его произво-

1) См. Исторія Пол. Эк., р. пер. 2-ое изд., стр. 158—9. При жизни Мальтуса появилось шесть изданій его опыта. Русскій переводъ Бибикова сдѣланъ по одному изъ послѣднихъ изданій (2 т. СПБ. 1868 г.). Въ переработанномъ видѣ „Опытъ“ получилъ и нѣсколько иное заглавіе. Мальтусъ называетъ его „изложеніемъ прошедшаго и настоящаго дѣйствія закона населенія на благоденствіе человѣческаго рода“. Перемѣной заглавія онъ желалъ показать, что старые споры о безграничномъ усовершенствованіи человѣчества и о системахъ равенства имѣютъ для его изслѣдованія второстепенное значеніе. Лучшія сочиненія о Мальтусѣ: J. Bonar; Malthus and his Work, L. 1895; K. Kautsky. Der Einfluss der Volksvermehrung auf den Fortschritt der Gesellschaft, 1880; Нитти. Проблема населенія и соціальный вопросъ (р. пер. 1895 г.); Л. Ельстеръ. Народонаселеніе и ученіе о народонаселеніи, 1897, статья изъ словаря Конрада; Н. В. Водовозовъ Р. Мальтусъ, 1895, біограф. Библіотека Павленкова; нѣкоторыя другія сочиненія отмѣчены ниже.

дящій, будутъ равномѣрно распредѣлены, тогда всякій, затрачивая умѣренное количество усилій, получитъ все необходимое для простой и безыскуственной жизни; онъ, кромѣ того, будетъ имѣть достаточно досуга, который можно будетъ посвящать для нравственнаго и умственнаго усовершенствованія: разумъ будетъ тогда руководить человѣческими дѣйствіями, правительство и всякаго рода власти будутъ болѣе ненужны и современемъ, посредствомъ мирнаго вліянія истины, совершенство и счастье воцарятся на землѣ."

Ингрэмъ очень неясно излагаетъ идеи Годвина. Этотъ мыслитель былъ самымъ яркимъ красным цвѣткомъ индивидуалистической философіи 18-го вѣка, родоначальникомъ этическаго анархизма. По мнѣнію Годвина истинно разумный человѣкъ стремится исключительно къ общему благу. Для него не нужны никакія ограниченія, которыя связываютъ его свободу. Невѣжество придумало законы и право, которые всегда были лишь продуктомъ страсти, страха, ревности и властолюбія. Среди разумныхъ людей всякое право должно исчезнуть и закономъ для человѣка будетъ тогда — общее благо. Вѣра въ благородство разумнаго индивида привела Годвина къ отрицанію всякаго права, собственности, государства и брака: въ послѣднемъ онъ видѣлъ только насиліе и обманъ. Преобразованіе всѣхъ отношеній, по Годвину, должно совершиться только путемъ убѣжденія. Онъ былъ глубоко увѣренъ, что право, государство, собственность и бракъ исчезнутъ сами собой, если люди поймутъ, что эти учрежденія не соотвѣтствуютъ справедливости и общему благу. Знаменитая жена Годвина Марія Вольстонкрафтъ въ сочиненіи „Доказательство женскихъ правъ" была первой въ Европѣ женщиной, которая во имя того-же разума и справедливости потребовала полнаго уравненія въ правахъ женщины съ мущиной [1]).

Во второмъ изданіи своего Опыта Мальтусъ, главнымъ образомъ, борется противъ теоріи отрицанія собственности и брака, но въ то же время высказываетъ убѣжденіе, что какъ-бы ни были вообще необходимы политическія учрежденія они маловажны и имѣютъ поверхностное вліяніе сравнительно съ причинами несчастій, которыя лежатъ въ законахъ природы и страстяхъ человѣчества. Онъ противопоставляетъ мечтаніямъ Годвина утвержденіе, что съ уничтоженіемъ собственности будетъ торжествовать не разумъ, а эгоизмъ и насиліе. Гоненія на женщину, имѣющую внѣбрачныхъ

1) Лучшее сочиненіе о Годвинѣ съ исторіей всей его жизни принадлежитъ перу Kegan Paul. William Godwin, his Friends and Contemporaries (2 т. 1876 г.).

дѣтей. онъ считаетъ несправедливыми, но объясняетъ это обычаемъ, который, ради предотвращенія излишняго размноженія, каралъ того, кто несомнѣнно былъ родителемъ ребенка. Отецъ остается въ этомъ случаѣ неизвѣстнымъ и все общественное нерасположеніе падаетъ на мать.

Собственная философія Мальтуса можетъ быть изложена такимъ образомъ. Мальтусъ былъ врагомъ всякихъ утопій и также, какъ и всѣ его современники, придавалъ въ жизни главное значеніе разуму. Онъ вѣрилъ въ существованіе постоянныхъ и незыблемыхъ законовъ, которымъ подчиняется общественная жизнь. Для него эти законы были результатомъ Божественнаго промысла. Но въ поискахъ за тѣмъ, что считать истиннымъ и благимъ въ общественной жизни, мы не должны, по его мнѣнію, исходить изъ дѣтскихъ разсужденій о благодѣтельныхъ предначертаніяхъ Творца. Судить о послѣднихъ мы можемъ только наблюдая за ходомъ дѣйствительной жизни, читая книгу природы такъ, какъ она написана. Гораздо проще и лучше смотрѣть на жизнь, какъ на особый процессъ развитія разума, при помощи котораго Божество приготовляетъ насъ къ нѣкоторому высшему положенію. Божество постоянно занято созданіемъ разума изъ матеріи и для этого ему необходимы особые могущественные процессы. Первыми пробудителями разума являются потребности тѣла, которыя подвинули умъ первобытнаго человѣка къ дѣятельности. Дикарь будетъ до тѣхъ поръ лежать подъ деревомъ, пока его не подниметъ голодъ и непріятныя ощущенія холода. Только старанія, которыя онъ дѣлаетъ для устраненія этихъ непріятныхъ ощущеній, снабжая себя пищей и одеждой, являются необходимыми упражненіями, образующими и поддерживающими движеніе въ его способностяхъ. Безъ потребностей способности оставались бы въ полнѣйшей бездѣятельности. Изъ всего того, продолжаетъ Мальтусъ, чему насъ учитъ опытъ относительно строенія человѣческаго разума, мы можемъ заключить слѣдующее. Если-бы стимулы къ труду, возникающіе изъ потребностей тѣла, были устранены, то вся масса населенія скорѣе принизилась бы до уровня дикихъ звѣрей, чѣмъ обратилась бы въ философовъ вслѣдствіе обладанія досугомъ; тогда появилось-бы всеобщее и фатальное оцѣпенѣніе, которое погубило-бы зародыши всѣхъ будущихъ и возможныхъ улучшеній. И ужъ такова ничтожность первичной матеріи, изъ которой рождается человѣкъ, что несмотря на возникновеніе новыхъ стимуловъ къ труду и подъ вліяніемъ особыхъ процессовъ возбужденій, первые стимулы нужны не только для массъ, но и для многихъ выдающихся людей. Потребность въ пищѣ даетъ, вѣроятно, основаніе для развитія наибольшей дѣятельности

разума, чѣмъ всѣ другія желанія — умственныя и тѣлесныя.

Для того, чтобы доставить человѣку непрестанныя возбужденія этого рода, Провидѣніе установило два закона: прежде всего оно поставило человѣка въ необходимость добывать себѣ пропитаніе тяжелымъ трудомъ земледѣльческой обработки и, во вторыхъ, опредѣлило, что населеніе должно размножаться быстрѣе, въ большей пропорціи сравнительно съ той, въ которой возрастаетъ пища. Во второмъ изданіи своего „Опыта", на основаніи обширнаго пересмотра всякихъ данныхъ по статистикѣ населенія, Мальтусъ пришелъ къ выводу, что населеніе возрастаетъ въ геометрической прогрессіи, средства же къ существованію въ ариѳметической, что нормальнымъ періодомъ удвоенія населенія слѣдуетъ признать 25 лѣтъ. Въ этомъ-же „Опытѣ" онъ указалъ, что имѣются только двѣ возможности задержать чрезмѣрное размноженіе: 1. реально-существующими силами и дѣйствующими нынѣ: порокъ, бѣдствія, нищета, болѣзни и проч., усиливающіе смертность, или 2. предупредительными силами — нравственнымъ самоограниченіемъ индивидовъ, понимающихъ свой долгъ предъ собой и согражданами. Въ этомъ-же второмъ изданіи онъ особенно старается доказать, что частная собственность является наиболѣе благопріятнымъ условіемъ для развитія нравственнаго самоограниченія.

Эти два вышеуказанные закона постоянно держатъ населеніе земли въ полной нормѣ, соотвѣтствующей наличнымъ средствамъ существованія. Они постоянно дѣйствуютъ на человѣка и какъ имущественный стимулъ побуждаютъ его къ дальнѣйшему развитію обработки земли. Мальтусъ, въ особенности во второмъ изданіи своего труда, глубоко убѣжденъ въ томъ, будто задержки для размноженія такъ могущественны, что отрицаетъ всякую возможность существованія такъ называемаго „перенаселенія". Возрастаніе населенія въ геометрической пропорціи ему представляется лишь теоретически возможнымъ, реальная же дѣйствительность постоянно уничтожаетъ всякій избытокъ населенія, именно благодаря тому, что средства къ существованію возрастаютъ только въ ариѳметической прогрессіи. Во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ своего „Опыта" онъ безконечное количество разъ повторяетъ эту основную мысль, что населеніе имѣетъ тенденцію возрастать въ геометрической прогрессіи, средства къ существованію только въ ариѳметической прогрессіи. Онъ принужденъ, однако, признать, что возрастаніе средствъ существованія въ геометрической пропорціи „встрѣчалось иногда въ новыхъ колоніяхъ", но, обращаясь въ пророка, онъ предсказываетъ, что такое возрастаніе для будущаго невозможно.

Великое значеніе этихъ законовъ, по его мнѣнію, заключается въ ихъ постоянствѣ. Если-бы въ обыкновенномъ ходѣ вещей перстъ Божій былъ часто замѣтенъ или, лучше говоря, если-бы Божество часто измѣняло свои цѣли (ибо перстъ Божій виденъ въ каждой травинкѣ передъ нашими глазами), вѣроятно, произошелъ-бы общій и фатальный застой. При такомъ положеніи вещей даже тѣлесныя потребности человѣка перестали-бы возбуждать его къ дѣятельности; онъ не имѣлъ-бы надлежащей увѣренности, что его усилія, разъ они надлежаще и разумно направлены, увѣнчаются успѣхомъ. Постоянство этихъ двухъ законовъ служитъ основаніемъ для всей промышленной дѣятельности и породило величайшія и благодѣтельнѣйшія усилія разума.

Само собой разумѣется, что эти законы, хотя и благодѣтельные по своему существу, не могутъ не производить и нѣкотораго зла. Зло и добро смѣшаны Творцомъ въ надлежащей пропорціи и въ общемъ жизнь является величайшимъ благомъ несмотря на страданія отдѣльныхъ лицъ. Весьма возможно даже, что самыя затрудненія, вызываемыя закономъ населенія, скорѣе способствуютъ, чѣмъ препятствуетъ общимъ цѣлямъ счастливой жизни; они возбуждаютъ энергію, дѣятельность и содѣйствуютъ появленію того разнообразія положеній, а слѣдовательно и впечатлѣній, которое такъ благопріятно, повидимому, для развитія разума. Слишкомъ большія и чрезмѣрно малыя возбужденія, громадное богатство и крайняя бѣдность могутъ-быть одинаково неблагопріятны въ этомъ отношеніи. Но ожидать, что общество можетъ состоять изъ однихъ среднихъ классовъ, это значило-бы идти въ разрѣзъ со всѣми аналогіями, даваемыми природой. Страны умѣреннаго климата наиболѣе благопріятны для развитія культуры, но всѣ страны не могутъ быть въ одномъ климатѣ. Міръ, согрѣваемый и освѣщаемый однимъ солнцемъ, долженъ, по неумолимымъ законамъ матеріи, имѣть нѣкоторыя изъ своихъ частей въ климатѣ жары, другія — холода и морозовъ. Всякая частица матеріи на поверхности земли имѣетъ верхнюю и нижнюю сторону и всѣ ея части не могутъ-быть по серединѣ. Хотя мы и не въ состояніи устранить изъ нашего строя богатство и бѣдность, продолжаетъ Мальтусъ, но если-бы могли найти такой порядокъ, при которомъ число лицъ въ крайнихъ районахъ общественной лѣстницы было-бы менѣе значительно, мы должны были бы принять его.

Можетъ-быть, однако, нельзя уменьшать количество лицъ въ крайнихъ районахъ свыше извѣстныхъ предѣловъ и по тѣмъ же основаніямъ, по которымъ нельзя уменьшать безпредѣльно число корней и вѣтвей, напр. дуба, не оказавъ при этомъ вреднаго вліянія на циркуляцію соковъ во всемъ

деревѣ. Уменьшеніе числа лицъ въ крайнихъ районахъ могло бы ослабить энергію движенія въ среднихъ частяхъ, а она именно и является причиной того, что средніе общественные классы служатъ особенно благопріятной почвой для развитія разума. Если бы всѣ шансы людей были одинаковы и ни у одного изъ нихъ не было бы надежды подняться выше, если бы трудолюбіе не приносило вознагражденія, а лѣность не влекла за собою печальныхъ послѣдствій, средніе классы не достигли бы того положенія, которое занимаютъ теперь. Изъ общей массы людей можно найти достаточное количество такихъ, которыхъ воспитаніе пріучило къ благороднымъ побужденіямъ: они не будутъ нуждаться въ воздѣйствіи узкихъ мотивовъ для продолженія своей дѣятельности. Но если бы мы могли обозрѣть всѣ обстоятельства, которыя вызвали появленіе разнообразныхъ открытій, цѣнныхъ ученыхъ твореній и всю совокупность другихъ проявленій человѣческой дѣятельности, то намъ пришлось бы убѣдиться, что наибольшая масса ихъ вызвана своекорыстными мотивами.

Своекорыстіе съ одинаковой силой дѣйствуетъ на всѣхъ, тогда какъ высокіе идеалы оказываютъ вліяніе только временно и не на многихъ. Смѣшно жаловаться на премудрость Творца, указывая на то, что климаты неодинаковы, что весна не длится круглый годъ что бури и тучи по временамъ омрачаютъ небосклонъ. Не всѣ творенія обладаютъ одинаковымъ совершенствомъ и счастьемъ: безконечное разнообразіе природы не можетъ существовать безъ низшихъ формъ или съ очевидными недостатками.

Точно также и въ человѣческихъ обществахъ: порокъ и страданія составляютъ печальное, но неизбѣжное явленіе. Однообразное и ничѣмъ не разнящееся совершенство не могло бы обладать стимулами, вызывающими столько энергіи, какъ теперь. Мы имѣемъ всѣ основанія предполагать, что въ мірѣ находится какъ разъ такое количество зла и страданій, какое необходимо, какъ одинъ изъ элементовъ могущественнаго процесса развитія разумной жизни.

Такова была въ краткихъ чертахъ философія Мальтуса, какъ она изложена въ его этюдѣ первоначальнаго изданія. Намъ остается только дополнить ее, воспользовавшись послѣдующими трудами этого писателя. Въ одной изъ главъ 4-й книги своего Опыта о населеніи, въ его окончательномъ видѣ, Мальтусъ, разбирая воззрѣнія извѣстнаго раціоналиста Т. Пена, объяснявшаго происхожденіе всѣхъ революцій недостаткомъ счастья среди людей, бросаетъ одно весьма серьезное обвиненіе противъ этого автора.

По мнѣнію Мальтуса, „книга Пэна о правахъ человѣка вовсе не дала о нихъ надлежащаго представленія. Она

принесла огромный вредъ, провозгласивъ за человѣкомъ какое-то право на существованіе, которымъ онъ никогда не обладалъ. Право на существованіе, по Мальтусу, представляется простой фикціей, если трудъ человѣка не въ состояніи купить себѣ это право на обычномъ рынкѣ продажей своей рабочей силы. Наши законы, продолжаетъ онъ, говорятъ, что человѣкъ обладаетъ такимъ правомъ и общество должно снабжать занятіемъ и пищей тѣхъ, кто не можетъ найти приложеніе для своихъ силъ на обычномъ рынкѣ. Но, поступая такимъ образомъ, люди пытаются противостоять законамъ природы. Въ результатѣ, какъ и слѣдовало ожидать, они не только не достигаютъ своей цѣли, но и ставятъ бѣдняка, котораго хотятъ облагодѣтельствовать, въ еще болѣе тягостное положеніе. Аббатъ Райналь сказалъ: „avant toutes les lois sociales l'homme avait le droit de subsister“ (т. е. до возникновенія всѣхъ общественныхъ законовъ человѣкъ имѣлъ право на существованіе); онъ могъ бы съ большимъ основаніемъ сказать, язвитъ Мальтусъ, что человѣкъ имѣетъ п р а в о жить 100 лѣтъ! Безъ сомнѣнія человѣкъ обладалъ такимъ правомъ и сохраняетъ его и теперь — это доброе право жить 100, даже 1000 лѣтъ, если м о ж е т ъ, не нарушая правъ другихъ на существованіе. Но въ обоихъ случаяхъ вопросъ въ сущности сводится къ возможности, а не къ праву. Возникновеніе общественныхъ законовъ доставило возможность существованія большему количеству людей сравнительно съ тѣмъ, которое могло существовать безъ нихъ. Но ни до, ни послѣ ихъ созданія не могло существовать безграничнаго количества людей. Каждый человѣкъ долженъ понять, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго права требовать отъ общества какой-бы то ни было доли пищи, кромѣ той, которую трудъ его можетъ купить на обыкновенномъ рабочемъ рынкѣ. Если онъ не находитъ здѣсь приложенія для своихъ силъ, очевидно, количество людей чрезмѣрно велико и нѣкоторая часть ихъ должна исчезнуть. Порокъ, голодъ и страданія сдѣлаютъ свое дѣло и философу остается только удивляться несокрушимости законовъ природы.

Такимъ образомъ Мальтусъ далеко за собой оставилъ физіократовъ. Кенэ признавалъ еще за всякимъ способнымъ и желающимъ трудиться право на существованіе. Мальтусъ не желаетъ давать ему и этого послѣдняго минимума и выводитъ изъ своей философіи три слѣдующихъ послѣдствія.

Во-первыхъ. Необходимость взаимной заботы людей другъ о другѣ онъ категорически отрицаетъ и возлагаетъ на каждаго попеченіе о самомъ себѣ и своемъ потомствѣ. Всякій человѣкъ долженъ стараться о томъ, чтобы вслѣдствіе перенаселенія трудъ его не сдѣлался излишнимъ.

Отецъ и мать, покидающіе своего ребенка, подлежатъ наказанію, какъ преступники. Ребенокъ, говоритъ Мальтусъ, имѣетъ малую цѣну для общества, такъ какъ другіе немедленно займутъ его мѣсто. Его главное назначеніе служить предметомъ одной изъ сладчайшихъ людскихъ страстей — родительской любви. Но если это значеніе ребенка не имѣетъ смысла для тѣхъ, кто единственно въ состояніи испытать это чувство, то нельзя требовать, чтобы общество стало на ихъ мѣсто. Руководясь такими соображеніями Мальтусъ предлагалъ объявить разъ и навсегда, что рожденныя отъ брака дѣти черезъ годъ послѣ изданія закона, а незаконнорожденныя черезъ два, потеряютъ право на вспомоществованіе изъ общественныхъ суммъ.

Во-вторыхъ. Всѣ попытки уравненія состояній непрактичны и противорѣчатъ природѣ. Всѣ онѣ неизбѣжно приводятъ къ абсурду. Подъ вліяніемъ чрезмѣрнаго населенія богатыя сдѣлаются бѣдными, и эти послѣдніе не будутъ богаче современныхъ рабочихъ. „Въ цѣломъ, заключаетъ онъ свое изслѣдованіе, наши ожиданія относительно смягченія въ возможномъ будущемъ всѣхъ золъ, проистекающихъ изъ закона населенія не такъ широки, какъ мы могли бы ожидать, но они ни въ какомъ случаѣ не исключаютъ разумныхъ надеждъ на прогрессивное улучшеніе общества. Законамъ о собственности, о бракѣ и повидимому не высокому принципу личнаго интереса, который побуждаетъ каждаго стремиться къ улучшенію собственной участи, мы обязаны лучшимъ усиліямъ человѣческаго генія, всѣмъ, что отличаетъ положеніе цивилизованнаго отъ дикаго. Строгое изслѣдованіе закона о населеніи заставляетъ насъ придти къ выводу, что мы не въ состояніи будемъ отбросить ту лѣстницу, по которой мы взобрались такъ высоко, но это ни въ какомъ случаѣ не доказываетъ того, что мы не можемъ взобраться еще выше. Структура общества въ главнѣйшихъ чертахъ навсегда останется безъ измѣненія: оно будетъ всегда состоять изъ класса собственниковъ и рабочихъ. Но положеніе каждаго изъ нихъ и пропорція, въ которой они находятся другъ къ другу, могутъ быть такъ измѣнены, что въ общемъ сильно улучшится гармонія и красота цѣлаго.

Въ третьихъ. Существованіе ренты Мальтусъ [1]) считаетъ благодѣтельнѣйшимъ учрежденіемъ для человѣка. Необходимость уплачивать ренту сдерживаетъ размноженіе населенія, поддерживаетъ энергичную борьбу за существованіе и, доставляя досугъ ея получателямъ, содѣйствуетъ развитію

1) См. Principes d' Econ. P., фр. пер. 1846 г. De la rente de la terre, стр. 141 и всю книгу 2-ю — Du progrès de la richesse и въ особенности главы: 2, 6, 7, 8.

наукъ, искусствъ и цивилизованной жизни. „Не слѣдуетъ ли, замѣчаетъ онъ, разсматривать ренту, какъ естественный результатъ свойства даннаго Богомъ землѣ, какъ драгоцѣнный даръ человѣку, какъ то свойство земли, которое даетъ возможность получать на ней большее количество средствъ къ существованію сравнительно съ тѣмъ, какое нужно для содержанія земледѣльческаго населенія! Не является ли рента той частью чистаго продукта, который справедливо разсматривается, какъ основа всего могущества и счастья, безъ котораго не было бы — ни городовъ, ни военныхъ и морскихъ силъ, ни искусствъ, ни наукъ, ни особенно тонкихъ работъ, ни особенно полезныхъ вещей и предметовъ роскоши, которые мы получаемъ изъ-за границы, безъ котораго, однимъ словомъ, не было бы того культивированнаго и изящнаго общества, не только придающаго нашей жизни достоинство, но и возвышающаго духъ личностей и оказывающаго благотворное и благодѣтельное вліяніе на всю массу населенія.“

Намъ нѣтъ необходимости останавливаться надолго на критическомъ анализѣ этой философіи. Она ясна. Въ основаніи ея лежитъ представленіе о человѣкѣ, какъ объ инертномъ, лѣнивомъ и эгоистическомъ существѣ. При такомъ предположеніи для правильнаго дѣйствія экономической машины потребовалось два сильныхъ возбужденія: во первыхъ, постоянное стремленіе къ чрезмѣрному возрастанію населенія и, во вторыхъ, существованіе культурныхъ классовъ, которые при посредствѣ своего непроизводительнаго потребленія, къ которому Мальтусъ всегда относился съ такой симпатіей, служатъ какъ бы сдерживающимъ элементомъ для массъ и, по выраженію одного изъ писателей, (эдинбургскаго біолога Геддеса), „сокращая количество населенія, улучшаютъ его въ качественномъ отношеніи.“

Я нарочно изложилъ вамъ теорію Мальтуса въ той публицистической оболочкѣ, въ которой она появилась, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ изданіи его „Опыта.“ Теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть, что сохранилось отъ Мальтуса, какъ ученаго, что должно быть отвергнуто, какъ публицистика, созданная своеобразнымъ настроеніемъ Мальтуса, какъ представителя одного изъ общественныхъ классовъ и въ извѣстную историческую эпоху. О книгѣ Мальтуса имѣется безконечная литература. Въ однихъ произведеніяхъ его превозносятъ, какъ величайшаго ученаго, сумѣвшаго не только истолковать проблему населенія, но и опровергнуть всѣ требованія демократіи, въ другихъ за нимъ не признаютъ никакихъ заслугъ и яростно отмѣчаютъ только его буржуазныя и даже антирелигіозныя ученія. Карлъ Марксъ[1]) въ

1) См. Карлъ Марксъ. Капиталъ т. 1. пр. Струве, стр. 516. Нѣ-

своемъ „Капиталѣ“ о первомъ изданіи „Опыта“ выразился такъ: „эта книга представляетъ лишь школьнически-поверхностный, поповски напыщеный плагіатъ и не содержитъ ни одной самостоятельной мысли. Сенсація, произведенная этимъ памфлетомъ, объясняется только партійными интересами.“ Для представителя лучшихъ надеждъ демократіи этотъ отзывъ очень характеренъ, тѣмъ болѣе, что въ собственномъ трудѣ онъ не далъ никакого опредѣленнаго отвѣта на законъ населенія. Его утвержденіе, что всякой общественной формѣ хозяйственной жизни соотвѣтствуетъ свой законъ населенія, не могло удовлетворить даже его собственныхъ учениковъ, ибо, по существу, такая постановка вопроса только указываетъ на необходимую связь между количествомъ населенія и условіями производства и распредѣленія наличнаго богатства, создаваемаго производительными силами опредѣленной эпохи, но не идетъ вглубь до пониманія самой біологической стороны этого важнаго вопроса. Осудивъ такъ энергично Мальтуса, Марксъ, по существу дѣла, пошелъ его же дорогой. Во второмъ изданіи своего „Опыта“ Мальтусъ именно и старается доказать, что каждая изъ стадій экономическаго развитія имѣетъ свою своеобразную „емкость“ для населенія. Онъ показываетъ съ поразительнымъ мастерствомъ, какъ съ развитіемъ производительныхъ силъ можетъ уплотняться населеніе. Эти главы о послѣдовательномъ и необходимомъ движеніи страны отъ земледѣльческой стадіи развитія къ мануфактурно-земледѣльческо-торговой составили бы честь любому марксисту.

Одному изъ крупнѣйшихъ представителей естествознанія Ч. Дарвину наука обязана тѣмъ, что онъ указалъ на существованіе этого закона населенія во всемъ органическомъ мірѣ и отчасти подъ вліяніемъ книги Мальтуса. „Въ октябрѣ 1838 года, разсказываетъ самъ Дарвинъ, занимаясь около 15 мѣсяцевъ моими систематическими изслѣдованіями, я началъ для развлеченія читать книгу Мальтуса. Будучи подготовленъ къ ясному пониманію значенія обнаруживающейся повсемѣстно „борьбы за существованіе“ среди растеній и животныхъ, я сразу сообразилъ, что при этихъ условіяхъ благопріятныя видоизмѣненія индивида будутъ сохраняться, неблагопріятныя исчезать. Въ результатѣ произойдетъ образованіе новаго вида. Такимъ образомъ я получилъ гипотезу, съ которой и принялся за работу.“ Результатъ работы Дарвина извѣстенъ. Онъ пришелъ къ выводу, что подъ вліяніемъ

которое отличіе въ точкѣ зрѣнія Маркса заключается только въ томъ, что онъ допускаетъ при наличности капиталистическаго строя такъ называемое относительное перенаселеніе, которое постоянно воплощается въ разныхъ видахъ „резервной арміи пролетаріата,“ ненаходящей работы.

размноженія во всемъ органическомъ мірѣ кипитъ жестокая борьба за существованіе и результатомъ ея является переживаніе сильнѣйшихъ, правильнѣе сказать — болѣе приспособленныхъ, а потому и для данныхъ условій лучшихъ. Этой философіей естествоиспытателя не трудно было воспользоваться еще съ большимъ научнымъ вѣсомъ для доказательства полной правомѣрности господства „аристократіи," — этого, какъ казалось, лучшаго „отбора" человѣческой расы надъ демократіей [1]).

Положеніе это, однако, не такъ страшно для интересовъ демократіи, какъ кажется: среди самихъ естествоиспытателей дарвиновская теорія получила и другое истолкованіе. Такъ, извѣстный Людвигъ Бюхнеръ, ревностный поклонникъ Дарвина, замѣчаетъ: для человѣка въ этой борьбѣ „спасеніе заключается въ замѣнѣ жестокихъ силъ природы силою разума, т. е. уравненіемъ средствъ и обстоятельствъ, при которыхъ идетъ борьба" [2]). Итакъ, очевидно, что необходимо разсмотрѣть внимательнѣе самое построеніе теоріи Мальтуса, чтобы увидѣть, что въ ней можно оставить и что необходимо отвергнуть.

Научная критика прежде всего доказала, что установленный имъ якобы законъ возрастанія населенія въ геометрической прогрессіи и средствъ къ существованію въ ариѳметической самимъ Мальтусомъ доказанъ не былъ; ни одному изъ его послѣдователей не удалось найти какія либо данныя для подтвержденія этой мысли. Слово „тенденція" (стремленіе) къ возрастанію пищи и населенія, которыми иногда Мальтусъ ограничиваетъ свой законъ, не приложимо въ одинаковомъ смыслѣ къ этимъ обоимъ явленіямъ. Возрастаніе населенія стоитъ въ зависимости отъ психологическихъ и біологическихъ факторовъ и отъ вліянія на нихъ экономическихъ, возрастаніе пищи зависитъ отъ наличнаго количества труда, капитала и отъ дѣйствія силъ природы, т. е. отъ факторовъ совершенно объективныхъ. Этотъ мнимый законъ двухъ якобы несогласимыхъ тенденцій былъ просто несчастной фразой, которая, однако, надолго перепугала человѣчество, пока оно не убѣдилось, что разумъ и познаніе природы сулитъ человѣчеству еще и въ будущемъ великій прогрессъ въ умноженіи средствъ пропитанія [3]).

---

1) Въ этомъ духѣ составлена книга: Otto Ammon. Die Gesellschaftsordnung und ihre natürlichen Grundlagen, 2 изд. 1896 г.

2) См. его Darvinismus, Socialismus oder der Kampf um das Dasein und die moderne Gesellschaft, 2-ое изданіе 1906 г. стр. 14.

3) Одинъ изъ талантливѣйшихъ англійскихъ ученыхъ проф. Каннанъ справедливо указалъ, что своимъ постояннымъ стремленіемъ доказать возрастаніе населенія въ геометрической пропорціи, а средствъ существованія въ ариѳметической Мальтусъ обратилъ свой „Опытъ" въ

Въ то же время три его основныя положенія въ болѣе исправленномъ и умѣренномъ видѣ продолжаютъ держаться въ наукѣ. Несомнѣнно, что послѣ голода, самый сильный двигающій стимулъ въ человѣческой и животной жизни вообще дается половымъ влеченіемъ. Весь историческій опытъ подтверждаетъ также, что 1) населеніе въ своемъ численномъ составѣ зависитъ отъ производства средствъ къ существованію, 2) населеніе увеличивается съ возрастаніемъ этихъ средствъ къ существованію и отъ надлежащаго ихъ распредѣленія и 3) при современныхъ условіяхъ порокъ, нищета, воздержаніе несомнѣнно значительно задерживаютъ размноженіе. Но Мальтусъ былъ неправъ прежде всего въ томъ, что полагалъ, будто населеніе удваивается приблизительно въ 25 лѣтъ и будто только „производство" людей и скрытая возможность его возрастанія въ геометрической пропорціи вызываетъ производство пищи. Дѣйствительность показала, что улучшенія въ производствѣ хлѣба, умноженіе его общей массы могутъ временами идти быстрѣе, чѣмъ приростъ населенія, который въ теченіи столѣтій держится на одной или приблизительно на одинаковой нормѣ. Только весьма сильное увеличеніе въ производствѣ всей совокупности продуктовъ для удовлетворенія потребностей начинаетъ дѣйствовать на приростъ населенія и наоборотъ, громадныя бѣдствія, полное несоотвѣтствіе производительныхъ силъ съ потребительными нуждами служатъ сильнѣйшимъ стимуломъ, какъ къ сокращенію населенія, такъ и къ трансформаціи системъ хозяйства и условій распредѣленія.

Бросимъ же предварительно нѣкоторый общій взглядъ на реальныя условія наростанія населенія, который поможетъ намъ и легче понимать точку зрѣнія Бюхнера, а также и дастъ намъ поводъ ознакомиться съ теоріей Спенсера. Возьмемъ нѣкоторыя данныя по статистикѣ населенія во всемъ мірѣ, въ Европѣ и по отдѣльнымъ странамъ. Вотъ главнѣйшія абсолютныя цифры по періодамъ, приростъ населенія главнѣйшихъ Европейскихъ странъ и таковой же въ Соединенныхъ Штатахъ. Прилагаю также таблицу Ваппеуса: изъ нея видно, какой приростъ населенія даетъ періодъ удвоенія населенія.

Само собой разумѣется, что для предшествовавшаго времени мы не имѣемъ точныхъ цифръ населенія, но по-

---

„хаотическое собраніе фактовъ" для подтвержденія несуществующаго закона". Въ книгѣ Oppenheimer'a. Das Bevölkerungsgesetz des T. R. Malthus, Berlin, 1901 г. приведено много данныхъ, опровергающихъ теорію ариѳметическаго прироста средствъ пропитанія; см. также любопытныя книги: T. Virgilie. Il problema agricole e l'avvenire sociale, 1895 г., L. Grandeau. L'epuisment du sol et les récoltes, 1889.

пытки примѣрнаго исчисленія Европейскаго населенія много разъ дѣлались [1]). Населеніе Европы было: въ годъ Рождества Христова 30 милл.; въ 1500 г. — 60—80 мил.; въ 1700—110; въ 1800—175; въ 1890—357; въ 1897—1902 около 402; оно достигнетъ къ 2000 г. (по теперешнему среднему приросту) 700 милліоновъ челов. Весь міръ по исчисленію Бема и Вагнера нынѣ 1500 мил. человѣкъ. Разныя страны возрастали далеко не въ равной степени.

1) Въ Германіи во времена Цезаря населеніе было 2—3 мил.; сильное возрастаніе обнаружилось во времена переселенія народовъ и внутренней колонизаціи территоріи; — къ 1250—1340 г. — около 12 мил., затѣмъ очень медленное размноженіе и даже уменьшеніе населенія до 1480 г., затѣмъ снова приростъ къ 1620 г. до 15 милліоновъ; 30-лѣтняя война производитъ сильное уменьшеніе населенія, — къ 1700 г. не болѣе 14—15 мил.; въ 1802 г. около 22 мил.

	Въ абсолют. числахъ.	Въ относит. числахъ.
Въ 1816.	24 мил.	1000
1840.	32 „	1323
1870.	40 „	1644
1890.	49 „	2042
1895.	52 „	2100
1904.	59,4 „	2450

2) Франція:

Во времена Карла Великаго въ теперешней территоріи около 8—10 мил. Въ началѣ 14 вѣка около 20—22 мил., затѣмъ большое уменьшеніе къ 1574 г. — около 14, къ 1700—21, къ 1789—26 мил.

	Аб. числ.		Отн. числ.
Въ 1816 — около	28 мил.	(Безъ Эльзаса	1000
1841	33 „	и Лотарингіи)	1178
1891	38,3 „		1360
1896	38,5 „		1361
1902	39,0 „		1380

3) Англія и Валлисъ въ началѣ 16-го вѣка — 2,5 мил., къ 1690 г. — 5 м., въ 1801 — 9,1.

Англія, Валлисъ и Шотландія безъ острововъ въ каналѣ:

---

1) См. G. Schmoller. Grundriss der allg. Volkswirtschaftslehre. B. I стр. 170 и слѣд.; Elster. Wörterbuch der Staatswiss., изд. 1905 г. Conrad Statistik, Jena, 1900.

		Абс. числ.	Отн. числ.
Въ 1821		14 мил.	1000
1841		17 „	1244
1871		26 „	1850
1880		30 „	2100
1896	почти	35 „	2500
1901—4 г.		43.5 „	3070

4) Россія:

По 1-й ревизіи	1722 г. около	14 мил.
5-й	1796	36 „
6-й	1812	41 „
8-й	1835	60 „
10-й	1858	74,5 „
1-й общая перепись	1897	126.8 „
Вѣроятное населеніе Россіи къ (при приростѣ въ 1,5%)	1905 г. около	146.7
	1910	156,6
	1950	282,7
	2000	594.3

Не слѣдуетъ забывать происшедшаго во всѣ эти періоды прироста русской территоріи. Полагаю, что въ будущемъ приростъ населенія Россіи долженъ будетъ понизиться и ко благу Россіи. Она получитъ возможность пропитать свое населеніе къ 2000 г. только при полномъ видоизмѣненіе системъ своего хозяйства.

5) Средній численный приростъ населенія въ процентахъ.

	1841-50.	1851-60.	1861-70.	1871-80.	1885-90.	1891-1900.
Германія . . .	0,76	0.69	0,81	1,0	1,07	1,32
Англія (безъ Ирланд.) . . .	1.22	1.13	1,19	1,30	1,10 (Анг.)	1,17
Франція	0.44	0,24	0,28	0.20	0.17	0,16
Австрія (зап.)	0.55	0.69	0.56	0,70	0,76	0.9
Галиція и Буковина	0.80	0.72	1.08	0,78	0,76	1,09
Россія	1,03	1.30	1.32	1.36	1,45	1,51
Въ три послѣднія десятилѣтія приростъ населенія въ Соедин. Штатахъ былъ	—	—	—	2.21	2,52	2,02

Въ 1800—1850 гг. приростъ колебался въ Соед. Шт. въ предѣлахъ отъ 3,26 до 3,50%.

6) При помощи математическихъ пріемовъ, на которыхъ не буду останавливаться, Ваппеусъ вычислилъ приростъ населенія и періоды удвоенія теоретически:

Приростъ.	Пер. удвоен.	Приростъ.	Пер. удв.	Приростъ.	Пер. удв.
0,2 %	346,9 лѣтъ	0,5	139,0	1,33	52,3
0,25 „	277,6 „	0.667	104.0	2.0	35,0
0,333 „	208,3 „	1.0	69,7	2,5	28,1
0,4 „	173,6 „	1,25	55.8	3,333	21,1
—	—	—	—	4,0	17,7

Проглядывая внимательно эти таблицы неизбѣжно складывается убѣжденіе, что о двадцатипятилѣтнемъ періодѣ возрастанія населенія, какъ о какомъ то особомъ біологическомъ законѣ, не можетъ быть и рѣчи. Колоссальный приростъ населенія въ Соед. Штатахъ объясняется громаднымъ количествомъ переселенцевъ; въ послѣднее время и здѣсь обнаружилось уменьшеніе прироста. Великія эпохи спокойствія и роста производительныхъ силъ сопровождаются усиленнымъ размноженіемъ, но всѣ эти данныя не даютъ намъ возможности сдѣлать выводъ, что какая-то скрытая возможность перерастанія населенія надъ средствами существованія двигаетъ человѣческую исторію.

Наростаніе населенія, однако, представляетъ собой чрезвычайно сложный процессъ отчасти сознательнаго, отчасти безсознательнаго приспособленія къ окружающей средѣ; вступленіе въ бракъ и, какъ слѣдствіе его, дѣторожденіе обусловливаются чисто экономическими причинами, напр,, потребностью имѣть въ семьѣ работницу, невозможностью для мущины или женщины вести вполнѣ одинокую жизнь въ качествѣ хозяина или работника, духовнаго лица и т. п.; кромѣ того неизбѣжною потребностью каждаго имѣть свою долю личнаго счастья, стремленіе къ которому инстинктивно, безсознательно, и, наконецъ, привычными, рутинными условіями жизни. Всѣ знаютъ, что у насъ въ Россіи до сихъ поръ среди низшихъ и даже зажиточныхъ классовъ люди часто не женятся, а ихъ женятъ и выдаютъ замужъ безъ любви, по экономическому разсчету, ради потребностей хозяйства — у народа, ради устроенія своего благополучія — у зажиточныхъ классовъ. Вступленіе въ бракъ нерѣдко совершается въ такомъ возрастѣ, когда надежда на будущее и вѣра въ свою звѣзду не разбита суровыми условіями борьбы за существованіе, когда объ отвѣтственности предъ своимъ потомствомъ не думаютъ; не слѣдуетъ забывать и того, что иногда рожденіе бываетъ результатомъ насилія или вѣрнѣе того рабскаго подчиненія, въ которомъ

находится женщина, вышедшая замужъ [1]). Человѣчество, раздробленное на массу человѣческихъ паръ, никогда не говоритъ: таково количество населенія, которое можетъ получить жизнь и больше нужнаго количества рожденій создано не будетъ. Эти пары размножаются чрезвычайно разнообразно и въ большой зависимости отъ условій окружающей среды.

Мальтусъ думалъ, что рѣшеніе общественныхъ вопросовъ можетъ и должно совершаться только путемъ индивидуальнаго воздѣйствія на окружающую среду и въ этомъ была его основная ошибка. Какъ отдѣльное индивидуальное лицо я могу даже сознавать, что имѣю право дать существованіе только тому количеству человѣческихъ существъ, которое я въ состояніи прокормить; но всѣ мои старанія будутъ парализоваться, если на ряду со мною другіе мои сограждане будутъ руководиться завѣтомъ священнаго писанія: плодитесь, размножайтесь и населяйте землю. Въ новѣйшее время, однако, въ особенности подъ воздѣйствіемъ такъ называемой неомальтузіанской проповѣди, идея самоограниченія въ размноженіи получила широкое распространеніе. Замедленіе прироста населенія во Франціи, въ Англіи и Германіи, а также и въ Австралійскихъ колоніяхъ, объясняется, въ значительной мѣрѣ, такъ называемой системой двухъ—трехъ дѣтей въ бракѣ, т.-е. особой системой мѣръ не нравственнаго самоограниченія, а искусственнаго предупрежденія зарожденія [2]). Но само собою разумѣется, что не этой системѣ суждено обновить міръ, устранить проституцію, создать новыя человѣческія отношенія между мущиной и женщиной. Общественные вопросы не рѣшаются одними индивидуальными усиліями, но отрицать и за этими усиліями серьезное значеніе нелѣпо: самоотвѣтственность навсегда останется великимъ принципомъ жизни. Самоограниченіе во всякомъ случаѣ болѣе надежное средство, чѣмъ предполагаемое проф. А. Вагнеромъ [3]): не разсчитывая

1) Прекрасныя замѣчанія по этому поводу см. у Д. С. Милля въ его трактатѣ: О подчиненности жеенщинъ, р. пер. Конради.

2) Первымъ проповѣдникомъ этой системы былъ Вильямъ Оуенъ, сынъ Роберта Оуена, написавшій сочиненіе: „Естественная и половая религія и т. д.“; въ „Очеркахъ и изслѣдованіяхъ“ проф. Янжула можно найти изложеніе этой книги. Любопытно отмѣтить, что послѣ 1905 г. наша русская цензура допустила въ свѣтъ переводъ массы разнообразныхъ сочиненій по половому вопросу, бывшихъ ранѣе подъ полнымъ запретомъ. Переведены брошюры нематульзіанцевъ Брэдло, Драйдэля и друг. Изъ болѣе серезныхъ новѣйшихъ сочиненій въ томъ же духѣ соч. проф. Форель. Половой вопросъ (р. пер. 1906 г.).

3) Вагнеру справедливо возражали, эта мѣра это поведетъ лишь къ увеличенію количества внѣбрачныхъ дѣтей и къ развитію проституціи, если въ обществѣ не создастся особая нравственная атмосфера путемъ

на однѣ добровольныя усилія человѣческихъ паръ, онъ предполагаетъ, что, быть можетъ, въ будущемъ человѣчеству придется прибѣгнуть къ повышенію для мущинъ и женщинъ закономъ разрѣшеннаго возраста вступленія въ бракъ.

Какъ человѣчество разрѣшитъ впослѣдствіи вопросъ о населеніи, предсказать, конечно, невозможно, но уже намѣчается повидимому, путь, по которому оно идетъ и, вѣроятно, будетъ идти.

Біологическій законъ размноженія человѣчества, какъ нѣкоторая проблема естествовѣдѣнія, до сихъ поръ остается загадкой. Нерѣдко естествоиспытатели пытаются „пугать“ имъ обществовѣдовъ. Они, однако, забываютъ, что законы приспособленія человѣка къ средѣ еще очень мало изслѣдованы; развитіе же естествознанія въ 19-мъ вѣкѣ показало, какія блестящіе перспективы еще предстоятъ человѣку въ борьбѣ съ природой для добыванія средствъ къ существованію. Гербертъ Спенсеръ попытался, однако, разобраться въ этомъ законѣ размноженія, какъ естествоиспытатель.

„Для каждаго вида, полагаетъ Спенсеръ[1]), совершенно необходимо, чтобы умирающіе индивиды замѣщались новыми: иначе видъ долженъ вымереть. Не менѣе, очевидно, что если норма смертности въ какомъ нибудь видѣ высока, то и норма размноженія должна быть также высока. Чѣмъ значительнѣе часть родительскаго существа, которая превращается въ зародыши (а это число у низшихъ видовъ часто составляетъ большую половину всей массы родителя), тѣмъ меньше та его часть, которая можетъ быть посвящена индивидуальной жизни“. Переходя къ изученію размноженія разныхъ существъ, начиная отъ низшихъ формъ къ высшимъ, Спенсеръ указываетъ, что у низшихъ животныхъ сохраненіе вида покупается цѣною прямого пожертвованія жизнью родителя[2]).

работы всякой личности надъ собой. См. его очень интересный и полный статистическихъ данныхъ очеркъ во второмъ полутомѣ первой части его Grundlegung der Pol. Oek. изд. 1893.

1) См. Г. Спенсеръ. Основанія соціологіи, Т. II; р. пер. — 1898 г., глава о домашнихъ отношеніяхъ, стр. 1—13.

2) Такъ у Protozoa — процессъ размноженія совершается путемъ дробленія; у нѣкоторыхъ насѣкомыхъ, напр. у кошенили, вся жизнь самки заключается въ ползаніи по кактусу и въ высасываніи у него сока; съ достиженіемъ зрѣлости самка развиваетъ множество яицъ, которыя подъ конецъ совершенно заполняютъ ея внутренности. Потративъ постепенно все свое вещество на образованіе яицъ, она умираетъ, оставивъ свою наружную оболочку въ видѣ предохранительной покрышки надъ яйцами, при чемъ изъ каждой сотни молодыхъ, вылупляющихся изъ этихъ яицъ, выживаетъ не болѣе одного, а остальныя девяносто девять пожираются врагами. Не то, напр., у молодого слона. Первыя двадцать или тридцать лѣтъ жизни молодого слона сполна посвящаются индивидуальному развитію и дѣятельности. Жизнь молодой самки отя-

Въ классѣ позвоночныхъ, напротивъ, этого явленія уже не бываетъ. По мѣрѣ того, полагаетъ Спенсеръ, какъ организмы подымаются все выше и выше въ своемъ развитіи, какъ со стороны своего устройства, такъ и со стороны своихъ силъ и способностей, ихъ индивидуальность все въ меньшей и меньшей степени приносится въ жертву сохраненія вида; откуда само собою слѣдуетъ, что въ самомъ высокомъ животномъ типѣ, — въ типѣ человѣка, такое пожертвованіе интересами индивидуальности интересамъ расы доходитъ до минимума.

Соединяя всю совокупность своихъ наблюденій относительно условій размноженія, Спенсеръ приходитъ къ убѣжденію, что наивысшая форма семейнаго строя у человѣка будетъ достигнута тогда, когда установится такое соглашеніе между нуждами общества и его членовъ, при которомъ смертность въ промежутокъ между рожденіемъ и брачнымъ возрастомъ понизится до минимума и при которомъ подчиненіе жизни взрослыхъ дѣлу взращенія молодыхъ низведется до наименьшей степени. Уменьшеніе этого подчиненія можетъ совершиться тремя путями: во первыхъ, — удлиненіемъ періода предшествующаго размноженію, во вторыхъ, уменьшеніемъ числа рождаемыхъ и воспитываемыхъ дѣтей, а также увеличеніемъ радостей почерпаемыхъ въ попеченіяхъ о нихъ, и, въ третьихъ, удлиненіемъ жизненнаго періода, слѣдующаго за прекращеніемъ способности къ дѣторожденію.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Спенсера, наблюденія за разными видами животныхъ приводятъ къ убѣжденію, что процессъ развитія ведетъ къ увеличенію индивидуальности вида. Если этотъ процессъ намѣченъ имъ вѣрно, то выводъ изъ него можетъ имѣть громадное значеніе. Мы должны стать на сторону той экономической системы, которая наиболѣе соотвѣтствуетъ развитію индивидуальности, а это и есть тотъ пунктъ спора, который превратилъ Мальтуса ученаго въ Мальтуса публициста. Какъ вы видѣли изъ изложеннаго онъ полагаетъ, что индивидуализмъ, вѣрнѣе индивидуалистическая система, основанная на частной соб-

---

гощается бременемъ взращенія дѣтей въ самой умѣренной степени, ибо число дѣтенышей относительно не велико и появляются они чрезъ длинные промежутки времени. И хотя наши свѣдѣнія недостаточны для того, чтобы сказать сколько времени продолжается жизнь самки послѣ періода дѣторожденія, тѣмъ не менѣе, принимая во вниманіе, что силы ея по окончаніи этого періода, оказываются вполнѣ достаточными для снискиванія себѣ пропитанія и для самообороны, мы имѣемъ поводъ думать, что самка слона пользуется еще многими заключительными годами чисто индивидуальной жизни. Что же касается до самца, то онъ въ теченіи всей своей жизни не несетъ почти никакой тяжести въ интересахъ сохраненіе вида.

ственности и современной формѣ брака, наиболѣе содѣйствуетъ развитію индивидуальности.

Никогда не слѣдуетъ смѣшивать этихъ двухъ понятій: индивидуализмъ есть торжество или свобода преслѣдованія эгоистическихъ интересовъ; индивидуальность есть полное и всестороннее развитіе способностей и свойствъ человѣка. Правъ ли былъ Мальтусъ, что индивидуализмъ есть лучшая система для созданія индивидуальности? И, да, и нѣтъ.

Я уже говорилъ во второмъ параграфѣ этой главы, что посылки и выводы политической экономіи должны быть не только реальны, но и исторически обоснованы. Противъ этого положенія одинаково погрѣшали и Годвинъ, и Мальтусъ.

Годвинъ воображалъ, что разумъ въ состояніи сдѣлать немедленно изъ человѣка существо, проникнутое стремленіемъ къ общему благу. Онъ не считалъ необходимымъ существованіе права и политическихъ учрежденій. Внѣ ихъ, однако, человѣчество никогда не жило и черезъ сто лѣтъ послѣ изданія сочиненія Годвина тѣ-же учрежденія существуютъ, не видоизмѣнившись сколько нибудь существенно, не смотря на всѣ успѣхи науки и распространеніе просвѣщенія въ 19-мъ вѣкѣ. Мальтусъ былъ правъ, утверждая, что борьба за существованіе, своекорыстный интересъ и половое влеченіе — составляютъ главнѣйшіе двигающіе стимулы исторіи; до нѣкоторой степени историческій процессъ развитія въ 19-мъ вѣкѣ подтвердилъ его точку зрѣнія. Индивидуалистическая система, свободная частная собственность и борьба интересовъ распространились по всему свѣту, ломая всѣ старыя формы жизни и собственности. Тотъ же Мальтусъ, однако, ошибался, считая индивидуализмъ не только единственной и наиболѣе цѣлесообразной формой экономической организаціи, но и утверждая, что она наиболѣе способна создать развитіе индивидуальности. Онъ погрѣшалъ противъ исторіи, ибо въ предшествовавшемъ были совершенно иныя формы собственности: онъ погрѣшалъ и относительно будущаго, ибо въ безбрежномъ морѣ времени, которое человѣчеству суждено еще существовать, наличность частной собственности даже въ теченіи 2000 лѣтъ еще не служитъ доказательствомъ, что она будетъ существовать вѣчно. Онъ не привелъ и не могъ привести доказательствъ того, что индивидуализмъ вѣчная, а не переходная стадія человѣческаго развитія, необходимая также, какъ и стадіи рабства и крѣпостного права, но не неизмѣнная. Чрезъ индивидуализмъ, который всегда является началомъ освобожденія личности, человѣчество должно было пройти. Въ настоящій моментъ и Россія вступила на тотъ же путь ломки сословныхъ, общинно-замкнутыхъ формъ жизни, который въ началѣ этого вѣка былъ пройденъ передовыми европейскими

странами, но переходной путь не есть окончаніе пути, который еще дологъ, тяжелъ и безконеченъ . . . .

Мальтусъ обратился въ совершеннаго публициста, да еще и съ теологической окраской, когда сталъ утверждать, что институты собственности, брака и ренты спеціально какъ бы существуютъ для созданія того культурнаго и изящнаго общества, которое самою своею жизнью только за счетъ избытка въ рентѣ задерживаетъ размноженіе человѣчества. Ему самому пришлось пережить эпоху, когда промышленная буржуазія устами Рикардо сумѣла доказать, что земледѣльцы грабятъ промышленника и успѣла добиться власти, захвативъ въ парламентѣ большинство. Потокъ представителей купечества, мѣщанства и фабрикантовъ ворвался въ ряды старой аристократіи и сталъ столь же своекорыстно доказывать, что онъ составляетъ „соль земли". способенъ создать столь же „изящное общество". Учрежденія собственности и брака создались вовсе не для того только, чтобы задерживать размноженіе населенія. Они вообще составляютъ результаты борьбы за существованіе и попытку обосновать ее не только на началахъ одного безпорядочнаго насилія, но и на началахъ относительно цѣлесообразнаго для данной эпохи права, какъ меньшаго зла; но и въ болѣе раннія эпохи, и въ эпоху самаго Мальтуса уже слышались требованія и поднимающагося „четвертаго сословія". Какъ аристократія вѣрила, что наличность немногочисленныхъ представителей „бѣлой, дворянской феодальной кости" необходима для сдержки чрезмѣрнаго размноженія населенія и для культурнаго совершенства, такъ теперь и демократія не вѣритъ въ необходимость буржуазіи изъ фабрикантовъ и землевладѣльцевъ. Демократія хочетъ сама быть творцомъ своей исторіи, хочетъ культуры для наибольшей массы человѣческихъ существъ, вѣритъ, что всѣмъ одинаково свѣтитъ солнце, что для всѣхъ возможна, необходима и желательна разумная, счастливая и красивая жизнь. Но только та демократія можетъ надѣяться на лучшее будущее, которая не унижается до охлократіи и демагогіи. Демократія должна научиться цѣнить интеллигенцію, знаніе и искусство. Устами аристократа искусства Морриса демократія провозгласила, что „съ ея окончательнымъ господствомъ послѣдуетъ новый расцвѣтъ искусства, который будетъ служить непосредственнымъ выраженіемъ радости жизни, прирожденной каждому народу". Она вѣритъ и работаетъ, надѣясь, что пересозданіе человѣческихъ учрежденій на иныхъ болѣе экономически цѣлесообразныхъ, технически необходимыхъ и справедливыхъ началахъ можетъ пересоздать постепенно и самого человѣка. И до нѣкоторой степени демократія права. Статистика всѣхъ странъ показываетъ, что только съ улуч-

шеніемъ матеріальныхъ условій жизни становится возможнымъ развитіе всѣхъ способностей человѣка и, въ частности, задержка въ размноженіи населенія. При глубокой бѣдности нравственное существо человѣка подавлено, жизнь становится безпросвѣтной и размноженіе совершается на чисто животныхъ началахъ. Съ улучшеніемъ этихъ условій промышленности и жизнь для человѣка начинаетъ казаться прекрасной не только какъ размноженіе, но какъ само-цѣль и для мущины, и для женщины . . . Къ тому же послѣдующая соціалистическая критика показала, что частная собственность не создаетъ того стройнаго порядка жизни, какъ это казалось Мальтусу. На этой критикѣ мнѣ еще впослѣдствіи придется остановиться, но она въ значительной мѣрѣ построена на утвержденіи, что только справедливое уравненіе условій борьбы за существованіе, какъ полагаетъ и Бюхнеръ, можетъ содѣйствовать развитію индивидуальности, развитію, когда мущина и женщина сойдутся какъ два любящія существа для полной жизни, какъ для себя, такъ и для своихъ немногочисленныхъ дѣтей [1]).

Но прежде чѣмъ перейти къ этой критикѣ, мы должны внимательно изучить самый механизмъ распредѣленія въ индивидуалистической системѣ хозяйства. Мальтусъ, какъ увидимъ, и въ этой сторонѣ изслѣдованія далъ очень многое и, быть можетъ, даже отчасти потому, что будучи представителемъ землевладѣльческаго класса, способенъ былъ видѣть то, что, какъ представитель противоположнаго класса промышленной буржуазіи, игнорировалъ Рикардо. Мы и начнемъ нашъ анализъ съ теоріи ренты.

§ 4. а) Источникъ и происхожденіе экономическаго избытка. Въ предшествовавшемъ изложеніи мы видѣли, что физіократическая доктрина опредѣленно указала, что основнымъ источникомъ происхожденія чистаго избытка — продукта является исключительно земля. Съ ихъ точки зрѣнія рента, т.-е. доходъ собственника земли представляетъ собой чистый даръ природы, доходъ, который можно получить безъ труда и употреблять, гдѣ угодно. Этотъ избытокъ получается сверхъ оплаты всѣхъ затратъ, въ томъ числѣ — заработной платы работника и прибыли капиталиста, причемъ прибыль подраздѣляется на двѣ части: во первыхъ, плату за трудъ и рискъ предпринимателя, во вторыхъ, на процентъ. Я уже отмѣтилъ въ предшествовавшихъ лекціяхъ, что характерную особенность физіокра-

1) Теорія общественнаго призрѣнія Мальтуса будетъ разобрана при анализѣ ученій англійскихъ филантроповъ.

тической доктрины составляло то обстоятельство, что она считала прибыль, въ томъ числѣ доходъ предпринимателя за трудъ, рискъ и процентъ въ собственномъ смыслѣ, лишь возстановленіемъ издержекъ производства[1]).

Изъ классическихъ экономистовъ Адамъ Смитъ первый указалъ, что главное заблужденіе физіократической системы заключается въ томъ, что она принимаетъ ремесленниковъ, фабрикантовъ и купцовъ за людей совершенно непроизводительныхъ, но аргументація его была по существу въ высшей степени неопредѣленна. Онъ сдѣлалъ слишкомъ большую уступку физіократамъ, признавъ, что земледѣліе болѣе производительно, чѣмъ какая бы то ни была другая отрасль промышленности; онъ наравнѣ съ физіократами утверждалъ, что въ земледѣліи природа какъ бы работаетъ вмѣстѣ съ человѣкомъ, а въ обрабатывающей промышленности только трудъ дѣлаетъ все. Возражая физіократамъ, онъ писалъ слѣдующее: „Но, какъ бракъ, дающій трехъ дѣтей, безъ сомнѣнія плодовитѣе брака, доставляющаго только двоихъ, такимъ же точно образомъ, трудъ фермеровъ и сельскихъ рабочихъ безспорно производительнѣе труда купцовъ, ремесленниковъ и фабрикантовъ. Но бракъ изъ двухъ дѣтей никто не считаетъ непроизводительнымъ“. У Адама Смита, однако, имѣется и еще одинъ аргументъ противъ физіократовъ. Онъ отрицаетъ, что прибыль есть только запасъ, предназначенный для содержанія предпринимателя.

Впрочемъ, такъ категорически физіократы и не утверждали,что прибыль исключительно запасъ для содержанія капиталиста. Тюрго полагаетъ, что, если необходимое вознагражденіе капиталиста (а вовсе не запасъ на его содержаніе) уменьшится, онъ возьметъ свои деньги обратно и предпріятіе не будетъ имѣть возможности существовать. „Какъ личность, пишетъ Тюрго, капиталистъ-заимодавецъ принадлежитъ къ свободному классу, такъ какъ ему нечего дѣлать, но не таковымъ онъ является по характеру своего богатства, при чемъ совершенно, безразлично, уплачивается ли ему денежный процентъ собственникомъ земли изъ дохода или предпринимателемъ изъ части прибылей. Заимодавецъ является торговцемъ товара, безусловно необходимаго для производства богатствъ. Если цѣна займа измѣнится для собственника, она измѣнится также для обрабатывающаго землю, для фабриканта и торговца“. Физіократы утверждали, что цѣнность проданнаго продукта обрабатывающей промышленности возстанавливаетъ только издержки:

---

1) См. Разсужденія. р. пер., стр. 5, 8, 10 и др., также § 59, 60, 105. Адамъ Смитъ, кн. IV, глава IX, р. пер. Бибик., стр. 500 и слѣд.

„процентъ, по мнѣнію Тюрго, не свободенъ въ томъ смыслѣ, что государство не можетъ, безъ неудобства, присваивать себѣ часть его на свои потребности; затронуть его — это значило бы увеличить цѣну авансовъ во всѣхъ предпріятіяхъ, а, слѣдовательно, уменьшить и самое число предпріятій, т.-е. обработку, промыслы и торговлю.“

Полемика Смита и Мальтуса невѣрно направлена, главнымъ образомъ, противъ утвержденія, будто прибыль — есть запасъ, предназначенный для содержанія предпринимателя, какъ вознагражденіе за его трудъ и рискъ, но и они убѣждены, что долженъ существовать опредѣленный минимумъ прибыли.

Адамъ Смитъ утверждаетъ, что прибыль даетъ болѣе, чѣмъ содержаніе предпринимателя, и то, что „естественно будетъ сбережено изъ этого дохода увеличитъ богатство страны“. Смитъ полагаетъ, будто физіократы утверждали, что предприниматель только прокормится. Нѣтъ, у него останется избытокъ, который послужитъ основаніемъ для образованія запаса (stok), а запасъ продуктовъ есть богатство и ему можно дать двоякое употребленіе, или направить въ потребительный запасъ, т.-е. потребить, или сберечь, т.-е. обратить въ капиталъ для дальнѣйшаго увеличенія дохода.

Въ своемъ сочиненіи о рентѣ Мальтусъ уже вполнѣ опредѣленно формулируетъ эти положенія Смита: „Прибыль, пишетъ онъ, въ дѣйствительности является избыткомъ, ибо она ни въ какомъ случаѣ не пропорціональна (какъ, повидимому, думали физіократы) нуждамъ и потребностямъ владѣльца капитала. Но такъ какъ прибыли въ процессѣ развитія общества пріобрѣтаютъ совершенно иное движеніе сравнительно съ рентами, то и необходимо, вообще, совершенно раздѣлять ихъ.“ [1])

Эта послѣдняя точка зрѣнія относительно необходимости подраздѣленія чистаго избытка на земельную ренту и прибыль была уже намѣчена не только Мальтусомъ, но и Адамомъ Смитомъ и является возраженіемъ противъ той стороны физіократической доктрины, которая утверждала, что существуютъ какія то предварительныя земельныя затраты, которыя землевладѣлецъ сдѣлалъ на землю и бла-

1) См. Р. Мальтусъ. Изслѣдованіе о природѣ и развитіи ренты, р. пер. проф. Миклашевскаго, Юрьевъ, 1908 г. стр. 10. Мальтусъ постоянно употребляетъ выраженіе surplus-value, Сисмонди въ своихъ „Новыхъ началахъ П. Э.“ mieux-value или plus-value. Съ легкой руки А. Менгера стали думать что Марксъ заимствовалъ свое выраженіе Mehrwert у Томсона. Эти выраженія ничто иное какъ термины для опредѣленія „экономическаго избытка“, чистаго дохода и продукта, ученіе о которомъ дано впервые физіократами.

годаря которымъ она стала производительной. Эти затраты, по мнѣнію физіократовъ, какъ бы слились съ землею и нѣтъ возможности рѣшить, что земля даетъ въ видѣ прибыли и ренты. Уже А. Смитъ категорически возражаетъ противъ этой точки зрѣнія: онъ выставляетъ одно положеніе, которое впослѣдствіи удержалось всецѣло во всей классической школѣ. Нѣкоторые изъ физіократовъ, кромѣ того, думали, что, такъ называемыя, предварительныя затраты на землю — лучшее обоснованіе для собственности. Смитъ, подобно Тюрго, отвергаетъ и эту мысль. Онъ пишетъ: „Повидимому поземельный доходъ часто есть ничто иное, какъ прибыль или умѣренный процентъ на капиталъ, употребленный собственникомъ на улучшеніе земли. Безъ сомнѣнія, могутъ встрѣтиться случаи, въ которыхъ можно смотрѣть на поземельную ренту съ этой точки зрѣнія, но они никогда не могутъ быть признаны за общее правило. Землевладѣлецъ требуетъ ренту даже и за необработанную землю, а то, что можетъ быть принято за процентъ или прибыль на расходы по улучшенію земли, вообще составляетъ только *придаточную* часть къ первоначальной рентѣ. Помимо того эти улучшенія не всегда бываютъ произведены на счетъ поземельнаго собственника, а часто производятся на счетъ арендатора. Между тѣмъ, когда дѣло идетъ о возобновленіи договора, землевладѣлецъ обыкновенно требуетъ увеличенія ренты, какъ будто всѣ улучшенія были произведены на его деньги“ [1]. Такимъ образомъ Смитъ стремится доказать, что рента представляетъ совершенно отличный отъ прибыли источникъ дохода, но оба эти дохода увеличиваютъ богатство общества.

При дальнѣйшемъ построеніи теоріи ренты, какъ экономическаго избытка, представители классической школы поставили своей задачей разъяснить слѣдующіе вопросы: 1) одно-ли земледѣліе даетъ чистый продуктъ; 2) какое опредѣленіе мы можемъ дать этому чистому продукту-доходу; 3) отъ какихъ причинъ вообще зависитъ рента и прибыль; 4) является-ли рента: a) результатомъ естественной монополіи собственника; b) особаго плодородія земли, благодаря которому всякая земля приноситъ ренту; особого плодородія только нѣкоторыхъ земель, при чемъ наименѣе плодородная земля никакой ренты не даетъ, но непремѣнно даетъ прибыль; c) особыхъ условій, благодаря которымъ продуктъ земли продается по особой цѣнѣ или цѣнности и d) каково отношеніе земельной ренты къ двумъ другимъ основнымъ общественнымъ доходамъ: къ заработной платѣ, которую классики считали необходимыми издержками про-

1) Книга I, глава IX-е, пер. Бибикова, стр. 317.

изводства, и къ прибыли, которая принималась, какъ второй главный видъ экономическаго избытка.

На всѣ эти вопросы Смитъ, Мальтусъ и Рикардо дали совершенно разные отвѣты, но, въ конечномъ результатѣ побѣдила точка зрѣнія Рикардо, хотя, какъ оказалось впослѣдствіи, современная наука при построеніи теоріи ренты должна воспользоваться и нѣкоторыми изъ тѣхъ положеній Смита и Мальтуса, которыя, какъ казалось, были окончательно опровергнуты Рикардо.

Если мы попытаемся, прежде всего, разрѣшить вопросъ, при помощи какихъ аргументовъ изъ экономической науки было устранено заблужденіе физіократовъ, что только одна земля даетъ чистый экономическій избытокъ, то мы найдемъ у представителей классической школы слѣдующіе аргументы. Во первыхъ, Рикардо, а за нимъ и всѣ классики утверждаютъ, что въ земледѣліи и въ фабрикаціи природа совершенно одинаково помогаетъ человѣку. „Развѣ въ мануфактурахъ, пишетъ Рикардо [1]), природа ничего не дѣлаетъ для человѣка? Развѣ силы воды и вѣтра, которыя двигаютъ машины и содѣйствуютъ мореплаванію, ничего не дѣлаютъ для человѣка? Давленіе атмосферы и упругость пара, дающая возможность работать самымъ удивительнымъ машинамъ, развѣ это не даръ природы? Нельзя указать ни одной мануфактуры, въ которой природа не оказывала-бы содѣйствія человѣку и притомъ щедро и безплатно.“ Въ 20-ой главѣ своихъ „Началъ политической экономіи“ Рикардо пишетъ, что ему очень пріятно констатировать свое согласіе съ извѣстнымъ французскимъ экономистомъ Десто де Траси, который говоритъ, „что наши физическія и моральныя способности — наше первоначальное богатство и употребленіе этихъ способностей — разнороднаго труда — наше единственное первоначальное сокровище: употребленіемъ этого сокровища создаются всѣ вещи, которыя мы называемъ богатствомъ; всѣ вещи, его составляющія, представляютъ только трудъ, создавшій ихъ, и если имѣютъ цѣнность или даже двѣ различныхъ цѣнности, то онѣ могутъ только получать ихъ отъ труда, изъ котораго онѣ проистекаютъ.“ Капиталъ, по мнѣнію Рикардо, есть богатство, созданное человѣкомъ. Капиталъ одно и тоже, что и трудъ, онъ помогаетъ труду, сокращаетъ его трату, уменьшаетъ трудность производства: капиталъ составляетъ ту часть богатства страны, которая затрачена на производство и состоитъ изъ пищи, одежды, сырыхъ матеріаловъ,

---

1) См. Начала Политической экономіи и налоговъ р. пер. Зибера, глава о рентѣ, стр. 35, глава о заработной платѣ стр. 48. Я перевожу съ англійскаго текста, но отмѣчаю страницы русскихъ переводовъ.

машинъ и т. п., необходимыхъ для того, чтобы дать движеніе труду (to give effect to labour).

Д. С. Милль окончательно истолковываетъ это возраженіе, утверждая, что участіе природы въ каждой человѣческой работѣ неопредѣлимо и несоизмѣримо. Невозможно рѣшить, что природа работаетъ въ одномъ дѣлѣ больше, нежели въ другомъ; нельзя этого даже сказать о трудѣ. Для даннаго дѣла, быть можетъ, потребуется большее количество труда; но если требуемое количество безусловно необходимо, то произведенный продуктъ столь-же результатъ природы, какъ и труда. Въ матеріальномъ мірѣ трудъ всегда и исключительно употребляется на приведеніе предметовъ въ движеніе, соприкосновеніе. Все остальное дѣлается матеріей и законами природы и во всѣхъ отрасляхъ производства совершенно одинаково [1]).

Второе возраженіе, хотя встрѣчается и у первыхъ классиковъ, но болѣе развито было только впослѣдствіи. Оно сводится къ слѣдующему. Физіократы подъ производительнымъ трудомъ понимали такой трудъ, который, во первыхъ, воплощается въ матеріальномъ продуктѣ и, во вторыхъ, подъ дѣйствіемъ котораго количество продукта не только воспроизводится, но воспроизводится съ избыткомъ, т.-е. возсоздаетъ не только необходимыя затраты, но и даетъ прибавочный продуктъ или добавочную цѣнность. Ошибка физіократовъ, стали говорить, заключается здѣсь въ томъ, что, говоря о количественномъ возрастаніи продукта, они исходили изъ слишкомъ элементарнаго взгляда на производство. Говоря о земледѣльческомъ трудѣ, мы дѣйствительно замѣчаемъ, что такое количественное возрастаніе имѣетъ мѣсто. Земледѣлецъ разбрасываетъ пудъ сѣмянъ и получаетъ самъ — семь, самъ — восемь, корова даетъ приплодъ, лѣсъ — приростъ. Въ концѣ того или иного производительнаго періода земледѣлецъ замѣчаетъ, что затратилъ меньше, а получилъ больше. Но не слѣдуетъ забывать, стали говорить, что однимъ количественнымъ возрастаніемъ совсѣмъ не опредѣляется отношеніе человѣка къ природѣ, что, кромѣ того, имѣется еще качественное преобразованіе матеріи и простое ея формированіе; всѣ эти процессы равно необходимы и природа во всѣхъ процессахъ одинаково помогаетъ человѣку; результатомъ дѣятельности человѣческаго труда является полезный продуктъ [2]) и, подсчитавъ всѣ свои затраты, хозяинъ и въ дру-

---

1) Д. С. Милль, Основанія, кн. 1-я, гл. I-я.

2) Д. С. Милль, (Основанія, книга I. гл. 3-я) говоритъ, что полезности бываютъ трехъ видовъ: 1) полезности, содержащіяся и воплощенныя во внѣшнихъ матеріальныхъ продуктахъ, 2) полезности вопло-

гихъ производствахъ, кромѣ земледѣлія, замѣчаетъ, что пріобрѣлъ кое-что сверхъ затратъ. Качественное преобразованіе и простое формированіе является, поэтому, не только созданіемъ новаго продукта, но и новаго экономическаго избытка.

Джонъ Стюартъ Милль сдѣлалъ попытку формулировать это положеніе, указавъ, что если капиталистъ въ земледѣліи возьмется кормить рабочихъ на условіяхъ принадлежности всего продукта ему, то онъ получитъ нѣкоторый избытокъ, кромѣ надлежащаго возстановленія своего капитала и это произойдетъ потому „что человѣкъ можетъ выростить болѣе пищи, чѣмъ сколько необходимо для его содержанія, пока эта пища растетъ, пока онъ занятъ приготовленіемъ орудій и исполненіемъ всѣхъ другихъ необходимыхъ предварительныхъ работъ". Вполнѣ признавая положеніе физіократовъ, что цѣнности создаются до обмѣна, Милль нашелъ возможнымъ распространить свое положеніе на всѣ виды производства: „прибыль происходитъ отъ производительной силы труда и общій размѣръ прибылей въ странѣ всегда зависитъ отъ нея и для этого размѣра безразлично, происходитъ-ли обмѣнъ или нѣтъ. Если работники страны общимъ своимъ трудомъ производятъ на 20% больше своихъ заработныхъ платъ, то и прибыль будетъ въ 20%, каковы-бы ни были цѣны [1]).

щенныя и выраженныя въ полезныхъ свойствахъ и дарованіяхъ человѣческихъ существъ и 3) полезности, не содержащіяся и не воплощенныя во внѣшнихъ предметахъ, а состоящія только какой нибудь совершенной услугѣ, въ доставленномъ удовольствіи, въ отраженномъ на извѣстное время неудобствѣ или страданіи. Производительнымъ трудомъ Д. С. Милль считаетъ только трудъ, воплощающійся въ полезностяхъ перваго рода, но косвенно производительнымъ считаетъ и трудъ, воплощающійся въ полезностяхъ двухъ послѣднихъ видовъ, если онъ содѣйствуетъ увеличенію матеріальныхъ продуктовъ.

1) l. c., книга II, гл. 15-я § 5. См. Н. И. Зиберъ. Собраніе сочиненій, т. II. Возраженіе на экономическое ученіе Д. С. Милля, стр. 452. Извѣстный родоначальникъ русскаго марксизма Н. И. Зиберъ, излагая работу Ланге о Миллѣ пишетъ: „утвержденіе Милля, что прибыль будетъ одинаковая, все равно высоки или низки цѣны, представляетъ одну изъ самыхъ колоссальныхъ и нелѣпыхъ несообразностей, какую можетъ только высказать ученый . . . Для вознагражденія за капиталистическое воздержаніе (т. е. прибыль): 1) рабочій долженъ продавать свою рабочую силу, а съ нею и самаго себя капиталисту и давать потреблять себя, 2) рабочій долженъ продавать свою рабочую силу ниже цѣнности ея продукта; 3) капиталистъ долженъ быть въ состояніи продавать продуктъ этой работы за сумму, соотвѣтствующую цѣнности послѣдняго".

Зиберъ думаетъ, что онъ вѣрно понялъ своего учителя. Онъ жестоко ошибается; чтобы убѣдиться въ этомъ стоитъ открыть первый и третій томы „Капитала". Въ первомъ томѣ Марксъ пишетъ; „поскольку, слѣдовательно, обращеніе товара обусловливаетъ лишь измѣненіе формы цѣнности его, оно обусловливаетъ, если процессъ происходитъ въ

Такимъ образомъ уже въ классической школѣ источникъ происхожденія избыточнаго продукта былъ найденъ

чистомъ видѣ, обмѣнъ эквивалентовъ. И самая вульгарная экономія, въ силу этого, какъ ни мало она догадывается, что такое цѣнность, каждый разъ, когда она на свой ладъ стремится изучать это явленіе въ чистомъ видѣ, предполагаетъ, что спросъ и предложеніе взаимно уравновѣшиваются т. е. что дѣйствіе ихъ прекращается. Если, такимъ образомъ, по отношенію къ потребительной цѣнности оба участника обмѣна могутъ выигрывать, то по отношенію къ мѣновой цѣнности они выигрывать не могутъ. Здѣсь наоборотъ можно сказать: „гдѣ есть равенство, тамъ нѣтъ прибыли". Товары, правда, иногда могутъ продаваться по цѣнамъ, отклоняющимся отъ ихъ цѣнности, но это отклоненіе является нарушеніемъ закона обмѣна товаровъ. *Въ своемъ чистомъ видѣ обмѣнъ товаровъ есть обмѣнъ эквивалентовъ и, слѣдовательно, не составляетъ средства обогащаться приращеніемъ цѣнности*". Въ третьемъ томѣ, какъ увидимъ впослѣдствіи, оказалось, что обмѣнъ почти никогда не происходитъ „въ чистомъ видѣ" и товары продаются и ниже, и выше своей цѣнности, а самое „понятіе цѣнности пріобрѣтаетъ и абсолютное, и относительное значеніе! Зиберъ не замѣтилъ въ чемъ собственно негодованіе его учителя. Марксъ отлично зналъ, что Милль, вѣрный ученикъ Рикардо, ставилъ прибыль въ зависимость отъ „продажной стоимости труда"; законъ продажи труда Марксъ вовсе не отождествлялъ съ законами продажи товаровъ. Онъ зналъ также, въ указанномъ мѣстѣ только для облегченія пониманія проблемы Милль исчисляетъ прибыль не на весь затраченный капиталъ, а на заработную плату. Только для простоты Милль принимаетъ всю сумму затраченнаго капитала равной заработной платѣ. Здѣсь Марксъ только несправедливъ по отношенію къ своему противнику.

Марксъ, также какъ и Милль, объясняетъ происхожденіе прибыли не изъ обмѣна товаровъ, но онъ, во-первыхъ, категорически отрицаетъ, что причина прибыли лежитъ въ производительности труда; производительность труда оказываетъ вліяніе лишь на размѣръ прибыли; во-вторыхъ, указываетъ, что прибыль не можетъ возникнуть вслѣдствіе того, что продолжительность существованія продуктовъ труда болѣе, чѣмъ продолжительность самаго процесса создавшаго ихъ труда. „Съ точки зрѣнія Милля, пишетъ Марксъ, булочникъ, товаръ котораго просуществуетъ одинъ день, не могъ бы извлечь изъ своихъ рабочихъ такую же прибыль, какую извлекаетъ машиностроительный заводчикъ, товаръ котораго можетъ просуществовать лѣтъ двадцать, а то и болѣе. Конечно, совершенно вѣрно, что если бы гнѣздо не просуществовало дольше того времени, которое требуется птицѣ, чтобы его свить, то птицамъ пришлось бы обходиться безъ гнѣздъ" (Капиталъ т. I, пер. Даніельсона, стр. 451).

Марксъ негодуетъ, ибо ему представляется, что вся классическая школа убѣждена въ томъ, что „и естественныя, и общественныя исторически развившіяся производительныя силы труда являются производительными силами капитала, который ими распоряжается, какъ своими". Несомнѣнно, что Милль невѣрно формулировалъ свое положеніе. Сопоставленіе производительности труда и продолжительности существованія продуктовъ не имѣетъ значенія. Правильнѣе, съ его стороны было бы формулировать свое положеніе такъ: „трудъ производитъ больше, чѣмъ сколько необходимо на его содержаніе". Какъ увидимъ ниже, Марксъ замѣнилъ это положеніе инымъ: „трудъ производитъ цѣнность и прибавочную цѣнность. Весь вопросъ и заключается въ томъ, которая изъ этихъ двухъ формулъ имѣетъ большее, болѣе глубокое научное значеніе для объясненія всѣхъ явленій обмѣна и процесса образованія прибыли и всѣхъ другихъ доходовъ вообще.

— въ производствѣ всѣхъ видовъ, но отсюда, конечно, не слѣдуетъ, что она открыла вполнѣ ясно тѣ причины, благодаря которымъ получается этотъ избыточный продуктъ въ томъ или другомъ размѣрѣ представителемъ фабрикаціи. Взгляды двухъ классиковъ, Рикардо и Мальтуса, по этому вопросу сильно разошлись. При изложеніи физіократической доктрины я уже отмѣтилъ, что, напр., Тюрго оставилъ совершенно неразрѣшеннымъ вопросъ, отчего зависитъ размѣръ прибыли. Въ однихъ случаяхъ у него размѣръ прибыли опредѣляется въ земледѣліи, въ другихъ случаяхъ размѣръ процента опредѣляетъ размѣръ прибыли въ земледѣліи. Какъ увидимъ ниже, какъ ни много разъяснили своими спорами вопросъ о рентѣ Мальтусъ, Рикардо и ихъ продолжатели, тѣмъ не менѣе, по существу дѣла, большинство представителей классической школы остались навсегда теоретиками такъ называемаго „физіократическаго капитализма,“ потому что замѣчаніе Смита о большей производительности земледѣлія свелось у нихъ къ утвержденію, что 1) земледѣліе, даже на наихудшей изъ обрабатываемыхъ земель, почти всегда даетъ не только возстановленіе капитала, но заработную плату, прибыль и ренту, какъ думали Смитъ и Мальтусъ, или 2) что норма прибыли опредѣляется въ земледѣліи, какъ утверждалъ Рикардо, и обрабатывается только та земля, которая даетъ необходимое содержаніе рабочихъ и предѣльную прибыль т. е. нормальный средній доходъ послѣдне-приложеннаго капитала.

Необходимо подчеркнуть еще одну особенность исходной точки зрѣнія классиковъ, которая отразилась на всей послѣдующей исторіи развитія экономической науки. Классики, если такъ можно выразиться, матеріализовали экономическій избытокъ въ вещественномъ продуктѣ. Основой всего культурнаго развитія человѣчества они стали считать избытокъ матеріальнаго продукта; цѣнность этого избытка и вообще всего матеріальнаго продукта стала служить для нихъ выраженіемъ для опредѣленія легкости или трудности производства, т. е. власти человѣка надъ природой, его силы въ борьбѣ за свое существованіе[1]).

б) Для того, чтобы вполнѣ ясно понимать ученіе о цѣнности классическихъ экономистовъ, ихъ схему распредѣленія и теорію международной торговли лучше всего сдѣлать центральнымъ пунктомъ изложенія теорію Рикардо и только затѣмъ отмѣтить своеобразное теченіе, которое сохра-

---

1) См. болѣе подробное доказательство этой мысли въ моей книгѣ: Обмѣнъ и экономическая политика, Юрьевъ, 1904 г., гл. III. Производительность труда, какъ теоретическій постулатъ въ экономіи.

нилось, какъ въ этой школѣ, такъ и вообще въ послѣдующей экономіи, благодаря трудамъ А. Смита и Р. Мальтуса.

Теорія цѣнности Рикардо имѣетъ чрезвычайно важное значеніе. Она составляетъ основную базу всѣхъ теорій распредѣленія, послужила главнымъ оружіемъ для преобразованія налоговой системы и для провозглашенія началъ свободной торговли во всемъ свѣтѣ [1]).

Слѣдуя Смиту, Рикардо полагаетъ, что слово цѣнность имѣетъ два значенія. Иногда оно выражаетъ полезность какого либо предмета, иногда же возможность пріобрѣтенія другихъ предметовъ, которую доставляетъ обладаніе предметомъ. Въ первомъ значеніи цѣнность можетъ быть названа потребительной цѣнностью, во второмъ мѣновою цѣнностью или, что то же, покупательной силою предмета. Предметы, обладающіе полезностью, получаютъ свою мѣновую цѣнность изъ двухъ источниковъ: отъ рѣдкости самихъ предметовъ и отъ количества труда, необходимаго для производства предметовъ.

Съ первыхъ же словъ своего изслѣдованія Рикардо дѣлаетъ два важныхъ замѣчанія, о которыхъ никогда не забываетъ и впослѣдствіи.

Полезность предметовъ, по его мнѣнію, не можетъ быть мѣриломъ мѣновой цѣнности. Хотя всѣ предметы, обладающіе мѣновою цѣнностью, необходимо обладаютъ и полезностью, (т.-е., выражаясь яснѣе, хотя это общее свойство присуще каждому предмету и могло бы быть потому избрано мѣриломъ), но полезность не можетъ быть опредѣленнымъ мѣриломъ, потому что полезность или что то же потребительная цѣнность опредѣляется различными людьми различно. Богатство, какъ совокупность матеріальныхъ вещей, состоитъ изъ предметовъ необходимости, удобства и удовольствій человѣческой жизни и одна часть предметовъ необходимости и удобства не допускаетъ никакого сравненія съ другою частью. Разные люди опредѣляютъ для себя потребительное значеніе этихъ предметовъ по своему усмотрѣнію, для котораго мы не можемъ найдти никакого закона. Кромѣ того, опытъ показываетъ, что цѣлый рядъ предметовъ, напр., воздухъ и вода чрезвычайно полезны и даже необходимы для существованія и, несмотря на это, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, т. е. при безграничномъ ихъ изобиліи, за нихъ ничего нельзя получить въ обмѣнъ.

1) Для пониманія системы Рикардо необходимо имѣть въ виду, главнымъ образомъ, два его труда: Начала политической экономіи и налоговъ (1817). Опытъ о вліяніи низкой цѣны хлѣба на прибыль съ капитала и т. д. (1815 г.). Письма Рикардо къ Мальтусу въ изданіи Бонара и Письма Рикардо къ Маккуллоху въ изданіи Голлэндера.

Второе ограниченіе въ своей задачѣ Рикардо дѣлаетъ, отказываясь совершенно отъ построенія теоріи цѣнности рѣдкихъ предметовъ, т. е. такихъ, количество которыхъ нельзя увеличить никакимъ трудомъ и цѣнность которыхъ, поэтому, не можетъ быть понижена вслѣдствіе увеличенія ихъ снабженія. Цѣнность такихъ предметовъ, по его мнѣнію, колеблется, смотря по измѣненію въ богатствѣ и наклонностяхъ лицъ, желающихъ обладать рѣдкими вещами.

Такимъ образомъ, Рикардо желаетъ разъяснить законъ цѣнности только для предметовъ, количество которыхъ можетъ быть увеличиваемо по желанію, въ зависимости отъ потребностей людей, затратой соотвѣтствующаго труда и капитала. Но въ то же время онъ значительно осложняетъ свою задачу, хотя и не выражаетъ это вполнѣ ясно. Вся его аргументація построена для открытія закона мѣновой или такъ называемой относительной мѣновой цѣнности. Онъ хочетъ выяснить то главное начало, подъ вліяніемъ котораго видоизмѣняется, колеблется и опредѣляется *отношеніе въ обмѣнѣ* между разными продуктами. Въ тоже время онъ нерѣдко наталкивается на мысль, что существуетъ какая то особая цѣнность, къ познанію которой мы можемъ придти и *внѣ изученія условій обмѣна.* Въ главѣ „о цѣнности и богатствѣ", въ особенности же въ ученіи о международной торговлѣ, онъ постоянно отмѣчаетъ, что между богатствомъ и цѣнностью существуетъ большое различіе. Человѣкъ, говоритъ онъ цитируя Смита, богатъ или бѣденъ, смотря потому, въ какой степени онъ можетъ пользоваться вещами полезными, необходимыми и пріятными. „Богатство выражается въ изобиліи всяческаго продукта, цѣнность же зависитъ отъ трудности или легкости производства". Цѣнность увеличивается или уменьшается соотвѣтственно количеству труда, затраченнаго на производство. Какъ при выводѣ закона ренты, такъ и во многихъ другихъ мѣстахъ своихъ трудовъ, Рикардо всегда утверждаетъ, что цѣнность опредѣляется необходимымъ трудомъ, затраченнымъ въ наихудшихъ условіяхъ. Для него понятіе нормальной для даннаго общества цѣнности совпадаетъ съ затратой последне-приложеннаго труда и капитала. Въ слѣдующемъ параграфѣ (§ г.) мы разберемъ ученіе Рикардо объ этомъ третьемъ значеніи цѣнности, которую послѣдующія теоретики нарекли наименованіемъ „абсолютной трудовой цѣнности". Теперь же сосредоточимъ наше вниманіе исключительно на мѣновой или относительной цѣнности товаровъ, памятуя, что Рикардо построяетъ свои разсужденія при предположеніи полнаго господства системы естественной свободы и соперничества.

Вся особенность теоріи цѣнности Рикардо, въ отличіе отъ физіократовъ и Смита, заключается въ томъ, что онъ

пришелъ къ убѣжденію, что подъ вліяніемъ конкурренціи, съ одной стороны, и подъ вліяніемъ неизбѣжнаго перехода человѣчества съ развитіемъ обществъ къ обработкѣ все болѣе и болѣе худшихъ земель — съ другой стороны, заработная плата и прибыль въ предѣлахъ всего народнаго хозяйства устанавливается на нѣкоторой минимальной и необходимой нормѣ.

При такомъ предположеніи не трудно было доказать, что оба эти дохода на цѣнность предметовъ не оказываютъ никакого вліянія и что относительная цѣнность продуктовъ измѣряется количествомъ затраченнаго на производство труда. Еще въ своемъ изслѣдованіи о „Деньгахъ“ (стр. 208—209) я писалъ — основное положеніе всего ученія Рикардо можетъ быть выражено такъ: „при предположеніи нѣкоторой однообразной для всего народнаго хозяйства нормы заработной платы и прибыли, цѣнности произведенныхъ продуктовъ относятся между собой, какъ количества затраченнаго на ихъ производство труда.“ Не трудно эту „математическую банальность“ иллюстрировать числовымъ примѣромъ.

Предположимъ, что продуктъ А. производится въ 300 дней, при рабочей платѣ 2 и прибыли на затраченный капиталъ 5%; продуктъ В производится въ 500 дней при той же платѣ и прибыли 1); тогда стоимость продукта А. будетъ равна: $300 \times 2 + 5\%$ на 300×2 или $\frac{300 \times 2}{20}$; стоимость продукта В. равна по тому же $500 \times 2 + \frac{500 \times 2}{20}$. Отношеніе цѣнностей А. и В. будетъ таково:

$$A : B = \left(300 \times 2 + \frac{300 \times 2}{20}\right) : \left(500 \times 2 + \frac{500 \times 2}{20}\right) \text{ или } A : B = 300. \left(2 + \frac{2}{20}\right) : 500. \left(2 + \frac{2}{20}\right) \text{ или, сокращая равные члены, } \frac{A}{B} = \frac{300}{500}.$$

Всѣ стремленія Рикардо сводятся къ тому, чтобы доказать, что при сравненіи цѣнностей продуктовъ равныя рабочія платы и прибыли, такъ сказать, взаимно сокращаются, безъ большой ошибки могутъ быть приняты за единицу и тогда получается выводъ о трудовой цѣнности, какъ о законѣ относительныхъ количествъ труда, который гласитъ, что между количествомъ затраченнаго труда и мѣновой цѣнностью продукта имѣется постоянное и необходимое соотношеніе. Это положеніе отрицать нельзя, но оно слишкомъ элементарно и недостаточно.

Чтобы понять все значеніе этого положенія, необходимо

---

1) Мы предполагаемъ для краткости, что авансированная рабочая плата составляетъ единственный капиталъ нашего предпринимателя.

ознакомиться со слѣдующими тремя проблемами въ рѣшеніи Рикардо: 1) съ его закономъ заработной платы; 2) съ его ученіемъ о натуральной и денежной рентѣ; 3) съ его ученіемъ о прибыли и о затратахъ капитала въ ихъ вліяніи на относительную цѣнность.

Теорія заработной платы Рикардо чрезвычайно проста. По его мнѣнію, трудъ такъ-же, какъ и всѣ другія вещи, которыя покупаются и продаются, количество которыхъ можетъ быть увеличиваемо и уменьшаемо, имѣетъ свою естественную и рыночную цѣну. Естественная цѣна труда есть та, которая вообще необходима для доставленія средствъ существованія рабочимъ и къ продолженію ихъ рода, какъ безъ возрастанія, такъ и безъ уменьшенія. Рыночная цѣна есть та, которая дѣйствительно платится рабочему подъ естественнымъ вліяніемъ отношенія спроса къ предложенію. Трудъ дорогъ, когда его мало и дешевъ, когда онъ предлагается въ изобиліи. Какъ-бы ни было велико уклоненіе рыночной цѣны труда отъ естественной цѣны его, но, подобно цѣнѣ продуктовъ, и эта рыночная цѣна имѣетъ стремленіе сообразоваться съ естественной. Когда рыночная цѣна труда превосходитъ естественную, положеніе рабочаго становится цвѣтущимъ и счастливымъ; онъ пріобрѣтаетъ возможность располагать большимъ количествомъ предметовъ необходимости и наслажденій, а, слѣдовательно, воспитать здоровую и многочисленную семью. Когда, однако, подъ вліяніемъ выгодной заработной платы количество работниковъ увеличится, плата снова падаетъ, подъ вліяніемъ ихъ конкурренціи между собою, до своей естественной цѣны; иногда-же дѣйствіе этого поворота бываетъ таково, что плата падаетъ еще ниже естественной. Только тогда, когда вслѣдствіе лишеній, число рабочихъ сократится или возрастетъ спросъ на трудъ, рыночная цѣна снова поднимется до естественной и рабочій будетъ обладать тѣмъ умѣреннымъ количествомъ комфорта (удобствъ), которое доставляетъ естественная норма заработной платы.

Подобно всѣмъ другимъ договорамъ, заработная плата, полагаетъ Рикардо, должна зависить отъ справедливаго (fair) и свободнаго соперничества и никогда не должна подвергаться контролю законодательства. Судьба рабочихъ должна быть въ ихъ собственныхъ рукахъ. Не слѣдуетъ думать, что естественная цѣна труда, даже измѣряемая пищей и продуктами необходимости, абсолютно неизмѣнна и постоянна. Она измѣняется въ различныя эпохи въ одной и той-же странѣ и весьма существенно различается въ разныхъ странахъ. Она по существу зависитъ отъ нравовъ и обычаевъ народовъ. Эти послѣдніе опредѣляютъ тотъ обычный родъ жизни (standart of live), который рабочіе считаютъ

для себя безусловно необходимымъ, ради котораго они способны пріостановить свое размноженіе.

Въ теоріи Рикардо есть, однако, и еще два чрезвычайно важныхъ положенія: со времени А. Смита установилось еще двоякое подраздѣленіе заработной платы: денежная плата, т. е. цѣна труда въ опредѣленномъ количествѣ денежныхъ знаковъ и реальная плата, т. е. совокупность предметовъ необходимости, которые работникъ можетъ купить за свою денежную плату. Мальтусъ[1]) совершенно справедливо подмѣтилъ, что выраженіе „реальная плата" Рикардо сталъ употреблять въ своеобразномъ значеніи. Подъ реальной платой Рикардо понимаетъ количество труда, воплотившееся въ тѣхъ продуктахъ, которые работникъ получаетъ въ качествѣ своего вознагражденія за трудъ, въ чемъ-бы эти продукты не выражались, въ одеждѣ, хлѣбѣ и другой пищѣ, деньгахъ и т. п.

Второе положеніе выражается въ формулѣ, что, хотя трудъ различнаго качества вознаграждается неодинаково, но оцѣнка различныхъ родовъ труда приспособляется на рынкѣ скоро и достаточно ко всѣмъ практическимъ требованіямъ и въ значительной степени зависитъ отъ сравнительной ловкости рабочихъ и отъ напряженности ихъ труда. Разъ установившаяся сравнительная лѣстница вознагражденій подвергается лишь незначительнымъ видоизмѣненіямъ. Если день труда рабочаго ювелира стоитъ болѣе, чѣмъ день труда простого рабочаго, то это отношеніе давно уже опредѣлилось и заняло надлежащее „мѣсто въ ряду цѣнностей"[2]). Это выраженіе: „заняло надлежащее мѣсто въ ряду цѣнностей" слѣдуетъ понимать очень просто. При равенствѣ заработныхъ платъ и прибылей цѣнности обмѣниваются, какъ количества затраченнаго труда. Если одинъ продуктъ для своего производства потребовалъ а заработной платы и b прибыли: если благодаря особому вознагражденію труда, другой продуктъ потребовалъ 2а заработной платы и 2б прибыли, то онъ будетъ вдвое дороже, т. е. цѣниться какъ двой-

---

1) см. Definition in Political Economy, London, 1827 г., стр. 28. Вѣрнѣе было бы сказать: количество труда и капитала; Мальтусъ здѣсь нѣсколько не точенъ.

2) Рикардо ссылается на книгу 1-ю, гл. X Смита, гдѣ послѣдній насчитываетъ пять обстоятельствъ, которыя оказываютъ вліяніе на естественный размѣръ вознагражденія въ разныхъ занятіяхъ: 1) пріятность или непріятность такихъ занятій (легкость или трудность, чистый или грязный, почетный или позорный характеръ занятій); 2) легкость или трудность, дешевизна или дороговизна обученія промыслу; 3) постоянство или непостоянство занятія; 4) значительность или незначительность довѣрія, оказываемаго работнику; 5) вѣроятность успѣха или степень риска въ дѣлѣ. По мнѣнію Смита тѣ-же обстоятельства вліяютъ и на размѣръ прибыли капиталиста.

ное количество затраченнаго труда; относительная ихъ цѣнность будетъ 1:2.

Слѣдуетъ помнить также, что Рикардо всѣ отношенія цѣнностей выражаетъ въ отношеніяхъ цѣнъ, предполагая, что деньги наиболѣе устойчивое, хотя какъ и другіе товары, конечно, не неизмѣнное, а колеблющееся въ цѣнности мѣрило.

Исходя изъ ранѣе изложенныхъ замѣчаній съ поразительной послѣдовательностью, Рикардо построяетъ всю свою схему распредѣленія, начиная ее анализомъ ренты[1]). Отбросивъ его сложныя цифры, мы постараемся изложить эту схему при помощи самыхъ элементарныхъ математическихъ пріемовъ, отмѣчая опредѣленно его аргументацію.

Когда люди первоначально населяютъ страну, полагаетъ Рикардо, земельной ренты не существуетъ. За право пользоваться землею никто не станетъ платить, если имѣется много богатой и плодородной земли никому не принадлежащей и, слѣдовательно, такой, которую можетъ обрабатывать каждый, кто хочетъ. Ренту начинаютъ платить только съ того момента, когда обнаружится, что 1. количество земли ограничено; 2. качества ея разнообразны, 3. она находится на неодинаковомъ разстояніи отъ рынка, гдѣ продается хлѣбъ и 4. когда съ увеличеніемъ населенія станетъ необходимой обработка земель худшаго качества или затрата новаго капитала и труда на старой землѣ для увеличенія общей массы продукта.

Иллюстрируемъ эти положенія и тѣ выводы, которые изъ нихъ дѣлаетъ Рикардо, слѣдующимъ численнымъ примѣромъ. Предположимъ, что въ распоряженіи небольшого общества первоначально былъ только одинъ участокъ земли мѣрою въ одну десятину, который давалъ 10 пудовъ хлѣба и этого его количества было вполнѣ достаточно для прокормленія всего общества. Ренты не существовало, и на долю представителей труда и капитала доставалось все это количество хлѣба. Допустимъ, что чрезъ нѣкоторый промежутокъ времени населеніе возрасло, вся земля оказалась занятой и обращенной въ собственность; въ составѣ этого общества обнаружилось раздѣленіе: землевладѣльцы стали собственниками земли; они стали сдавать землю арендаторамъ, которые обладаютъ капиталомъ, необходимымъ для обработки земли; работники, не имѣющіе никакого капитала, стали продавать свой трудъ фермерамъ. Потребность общества въ продуктахъ достигла до 20 пудовъ и въ распоряженіи общества оказалось только три участка, съ которыхъ можно

---

1) Теорія ренты не была результатомъ творчества Рикардо; онъ признавалъ это и самъ, приписывая созданіе ее Мальтусу. Предшественниками Мальтуса по выработкѣ этой теоріи были Андерсонъ и Уэстъ.

было получить: съ перваго — десять. второго шесть и третьяго четыре пуда. Допустимъ далѣе, что 10 пудовъ перваго участка, 6 пудовъ второго — и 4 пуда третьяго производятся однимъ днемъ труда и затратой одной единицы капитала. При такихъ предположеніяхъ неизбѣжно возникнетъ рента и по слѣдующимъ причинамъ. Если, благодаря конкурренціи арендаторовъ, 4 пуда будутъ служить достаточнымъ вознагражденіемъ труда и капитала, то арендаторы перваго и второго участковъ согласятся, и силою вещей будутъ принуждены къ тому, взять у собственниковъ землю въ аренду на условіи получить себѣ въ вознагражденіе четыре пуда, а остальные отдавать собственнику земли, т.-е. первый изъ нихъ получать шесть пудовъ, второй два пуда, которые и составятъ ихъ ренту въ продуктѣ. Если въ этомъ обществѣ установится обмѣнъ по цѣнности продукта, то же явленіе должно будетъ имѣть мѣсто, но только въ другой формѣ. Если обществу безусловно необходимо имѣть 20 пудовъ хлѣба, то ему приходится обратиться къ обработкѣ третьяго участка, который даетъ 4 пуда при затратѣ одного дня труда и одной единицы капитала. Арендаторъ-капиталистъ согласится обрабатывать эту землю только тогда, если цѣнность продукта дастъ ему возможность: a) оплатить заработную плату работника, b) выручить прибыль на капиталъ и c) возстановить потраченный капиталъ въ одну единицу. Цѣнность продукта на этой худшей землѣ и станетъ основной *естественной цѣнностью*, которая опредѣлитъ всѣ мѣновыя отношенія и по очень простой причинѣ. Если землевладѣльцы первыхъ двухъ участковъ даже не сдадутъ свои земли арендаторамъ и станутъ сами продавать свои продукты, изъ которыхъ каждый пудъ хлѣба имъ стоитъ меньшее количество труда и капитала, они не продадутъ ихъ дешевле, чѣмъ арендаторы, работающіе на худшемъ участкѣ. На всякомъ рынкѣ можетъ быть только одна цѣна и эта цѣна будетъ той, которая опредѣляется наихудшими условіями производства[1]). Обществу нужны всѣ двадцать пудовъ хлѣба, слѣдовательно, отправляя свои продукты на рынокъ, они могутъ быть увѣрены, что предложеніе не будетъ избыточнымъ, если всѣ три участка будутъ обрабатываться. Если цѣнность каждаго пуда хлѣба на послѣднемъ участкѣ будетъ 50 коп.[2]), то по такой цѣнѣ будутъ продавать всѣ производители. На послѣднемъ участкѣ на долю фермера и рабочаго достанется два рубля: то же вознагражденіе получитъ фермеръ или собственникъ

---

1) Если считать въ затратахъ только трудъ, то на худшемъ участкѣ пудъ хлѣба будетъ стоитъ $^1/_4$ дня: на двухъ лучшихъ $^1/_6$ и $^1/_{10}$ дня.

2) Рикардо, само собой разумѣется, предполагаетъ, что эти 50 к. также производятся въ наихудшихъ условіяхъ однимъ днемъ труда.

за свой трудъ и капиталъ на первомъ и на второмъ участкѣ. а между тѣмъ весь свой продуктъ они продадутъ за 5 рублей на первомъ — и за три рубля на второмъ. Денежная рента перваго участка будетъ три рубля, второго — одинъ рубль. Изъ этого цифрового примѣра не трудно сдѣлать, словами самаго Рикардо, необходимые выводы.

1. Рента зависитъ не отъ существованія собственности на землю, а отъ неравнаго плодородія земли. Если бы эта собственность исчезла, то при наличности неравнаго плодородія земли, разные производители получали бы неравное количество продукта, несмотря на одинаковую трату труда и капитала. Работающіе на наихудшихъ участкахъ не получали бы ренты, работающіе на лучшихъ ее имѣли бы и ихъ рента была бы тѣмъ больше, чѣмъ плодороднѣе занятый ими участокъ. Такое же вліяніе оказывало бы и разстояніе отъ мѣста сбыта хлѣба. Чѣмъ ближе земля къ рынку, гдѣ продается хлѣбъ, тѣмъ рента выше, ибо доставка хлѣба стоитъ дешевле, а цѣна на рынкѣ одна и та-же.

2. Рента „есть созданіе цѣнности, а не созданіе богатства“: цѣнность, создающая ренту, въ томъ смыслѣ номинальна, что она ничего не присоединяетъ къ прежнему богатству, т. е. не увеличиваетъ собою предметовъ необходимости и удовольствій общества.

Не трудно понять это утвержденіе Рикардо. Общество, предположимъ, для удовлетворенія своихъ потребностей обрабатывало только три первыхъ участка, дававшихъ 10, 6 и 4 пуда; необходимость заставила его перейти затѣмъ къ четвертому, который сталъ давать только два пуда: тогда первый сталъ давать 8 пудовъ, второй — 4, третій — 2 пуда ренты, послѣдній 2 пуда, но безъ ренты. Отъ увеличенія ренты богатство не возросло, ибо эти 8, 4 и 2 пуда *уже раньше были произведены*, но шли частью на вознагражденіе капитала и труда: теперь они пошли въ руки землевладѣльца — рентьера. Добавилось два новыхъ пуда хлѣба, но на этомъ послѣднемъ участкѣ рента не уплачивается. Богатство вновь въ видѣ ренты не создано, а только перешло въ другія руки: раньше съ трехъ участковъ труду и капиталу доставалось 12 пудовъ: теперь достается съ первыхъ трехъ участковъ шесть и съ послѣдняго два, а всего восемь. Рента раньше была всего 8 пудовъ, теперь она возросла до 14 пудовъ: капиталъ и трудъ потеряли на третьемъ участкѣ два пуда, на второмъ и третьемъ столько же, т. е. 6 пудовъ, т. е. тоже, что пріобрѣли землевладѣльцы. Тоже обстоятельство выразится и въ денежной формѣ. Если цѣнность двухъ пудовъ съ послѣдняго участка поднимется до двухъ рублей, то 4 пуда второго участка будутъ проданы за 4 руб., шесть второго — за шесть рублей, перваго —

за 10 рублей; рента второго будетъ два рубля, третьяго — 4 р., перваго 8 р., т. е., благодаря повысившейся вдвое цѣнности хлѣба, рента возрастетъ съ 4 руб. то 14 рублей, т. е. увеличится на 10 рублей. Другими словами количество продукта съ тѣхъ же трехъ участковъ останется то же, цѣнность же его значительно возрастетъ. Отсюда Рикардо дѣлаеть выводъ: „рента не новое созданіе продукта; она не даетъ странѣ возможность содержать арміи и флоты“: страна располагала бы болѣе значительнымъ доходомъ (богатствомъ), если бы почва ея была лучшаго качества, если бы не было надобности переходить къ землѣ худшаго качества. Рента — созданіе цѣнности; она никогда не бываетъ вновь созданнымъ доходомъ, а представляетъ лишь часть уже созданнаго дохода.“

3. Третій выводъ, который дѣлаетъ Рикардо, выражается въ томъ, что рента увеличивается не отъ изобилія продукта, а отъ увеличивающейся трудности его производства, ясенъ изъ изложеннаго выше. „Говоря о рентѣ землевладѣльца, пишетъ онъ, мы разсматривали ее въ отношеніи къ продукту, получаемаго при помощи извѣстнаго капитала на извѣстномъ участкѣ земли, не обращая ни малѣйшаго вниманія на мѣновую цѣнность ея; но такъ какъ одна и таже причина т. е. трудность производства увеличиваетъ мѣновую цѣнность сырого продукта и увеличиваетъ также пропорцію сырого продукта платимаго землевладѣльцу въ качествѣ ренты, то, очевидно съ увеличеніемъ трудности производства землевладѣлецъ вознаграждается вдвойнѣ. Во первыхъ, онъ получаетъ большую долю продукта, а во вторыхъ, тотъ продуктъ, которымъ онъ получаетъ плату, большей цѣнности.“

На той же схемѣ не трудно показать, почему Рикардо сдѣлалъ и еще три слѣдующихъ вывода: а) всякое повышеніе ренты неизбѣжно понижаетъ прибыль, b) заработная плата и прибыль движутся въ противоположномъ направленіи, т. е., всякое повышеніе заработной платы понижаетъ прибыль и всякое повышеніе прибыли понижаетъ заработную плату и с) въ обществѣ неизмѣнно обнаруживается стремленіе прибыли къ пониженію, не смотря на то, что заработная плата постоянно держится на своей естественной цѣнѣ, дающей работнику только минимумъ потребныхъ средствъ къ существованію.

Исходя изъ изложеннаго, слѣдуетъ твердо помнить, что *подъ земельной рентой* Рикардо понимаетъ плату за пользованіе первоначальными и неистощимыми силами земли [1]) или, при-

1) См. Трактаты Мальтуса и Рикардо о рентѣ, пер. проф. Миклашевскаго. Юрьевъ. 1908 г. Первое опредѣленіе Рикардо переходитъ изъ

нимая болѣе вѣрное опредѣленіе Мальтуса, называетъ „рентой ту часть цѣнности всего продукта, которая остается землевладѣльцу за уплатой всѣхъ расходовъ, какого-бы рода они не были, по воздѣлыванію земли, включая сюда и прибыли на затраченный капиталъ соотвѣтственно съ обычнымъ (usual) и обыкновеннымъ (ordinary) уровнемъ прибылей на земледѣльческій капиталъ въ данное время.“

Повышеніе ренты зависитъ отъ послѣдовательнаго перехода къ худшимъ землямъ и отъ закона уменьшающейся производительности на старыхъ земляхъ съ увеличеніемъ затраченнаго на нихъ обработку капитала. Размноженіе населенія, накопленіе капитала, а, слѣдовательно, и конкурренція капиталистовъ, побуждающія ихъ искать приложенія для своего капитала, хотя бы и за меньшее вознагражденіе (прибыль), служитъ причиной этого послѣдовательнаго перехода къ худшимъ условіямъ производства. Отсюда Рикардо дѣлаетъ выводъ о существованіи, такъ называемаго, „послѣдне-приложеннаго капитала“. Это такой капиталъ, который или а) затрачивается на наихудшей землѣ или б) затрачивается уже на столь насыщенной капиталомъ землѣ, что употребленный, какъ новая затрата, начинаетъ давать меньшіе результаты. Такъ, первая затрата 100 руб. капитала приносила, напр., увеличеніе на 20 продуктовъ, послѣдняя всего — 8 продуктовъ. Подъ вліяніемъ конкурренціи неизбѣжно прибыль съ послѣдне-приложеннаго капитала становится нормой прибыли для всего народнаго хозяйства. По мѣрѣ движенія прибыли къ этому абсолютному и относительному (т. е. по разсчету на затраченный капиталъ) пониженію, норма ренты все возрастаетъ.

Но мало того, это уравненіе прибыли до средней нормы послѣдне-приложеннаго капитала, подъ вліяніемъ конкурренціи, неизбѣжно сводится еще къ постоянной тенденціи (стремленію) прибыли къ пониженію подъ вліяніемъ возрастанія *издержекъ на производство* заработной платы. Предположимъ, согласно взятымъ нами выше цифрамъ, что работникъ въ качествѣ естественной платы долженъ получить одинъ пудъ хлѣба; остальные получитъ капиталистъ, какъ прибыль и возстановленіе затратъ своего капитала. Когда обрабатывалось только три участка работникъ получалъ пудъ, капиталистъ три пуда, изъ которыхъ $2^1/_2$ были

учебника въ учебникъ, хотя оно вовсе не характерно для теоріи Рикардо, плохо формулировано и даже ошибочно. Согласно теоріи Рикардо, рента платится только за пользованіе тѣми силами, которыя превышаютъ по своему достоинству тѣ силы земли, которыя могутъ обрабатываться капиталистами. Кромѣ того, силы земли, очевидно, не могутъ быть признаны неразрушимыми, что Рикардо самъ ясно видитъ, разсуждая о рентѣ отъ рудниковъ.

его прибыль, полъ-пуда шло на возставновленіе капитала: при переходѣ къ четвертому участку, на ихъ долю стало доставаться только два пуда: работникъ по прежнему долженъ получить одинъ пудъ, капиталисту достанется тоже пудъ: $^{1}/_{2}$ — пойдетъ на возстановленіе капитала и только $^{1}/_{2}$ пуда на прибыль. Вознагражденіе работника при обработкѣ третьяго участка составляло изъ общей массы продукта (за вычетомъ $^{1}/_{2}$ пуда на возстановленіе капитала) въ $^{7}/_{2}$ п. — одинъ пудъ т. е., другими словами, изъ $^{7}/_{2}$ этой общей массы продукта $^{2}/_{2}$, т. е. $^{2}/_{7}$: при обработкѣ четвертаго участка изъ такой же общей массы $^{3}/_{2}$ продуктовъ $^{2}/_{2}$, т. е., $^{2}/_{3}$: другими словами, заработная плата стала поглощать большую массу общаго продукта: работникъ сталъ дороже. То-же положеніе Рикардо можно иллюстрировать и иначе. При обработкѣ третьяго участка 4 пуда производились однимъ днемъ труда, слѣдовательно, для производства 1 пуда хлѣба для заработной платы надо было истратить $^{1}/_{4}$ дня: при обработкѣ четвертаго участка однимъ днемъ труда производились два пуда: 1 пудъ хлѣба для заработной платы создается уже въ полъ-дня.

Эти основныя положенія Рикардо доказываетъ съ утомляющимъ количествомъ повтореній, постоянно подчеркивая, что „интересы землевладѣльца находятся въ прямой противоположности съ интересами каждаго другого класса общества: „никогда положеніе землевладѣльца не бываетъ такъ цвѣтуще, какъ въ то время, когда пищи мало и она дорога: между тѣмъ, какъ для всѣхъ прочихъ лицъ возможность добыть дешевую пищу составляетъ величайшее благодѣяніе.“

Столь же понятно, почему Рикардо дѣлаетъ заключеніе о противоположномъ движеніи заработной платы и прибыли. При равенствѣ прибылей и заработныхъ платъ относительная цѣнность регулируется затратой труда: всякая цѣнность, слѣдовательно, д ѣ л и т с я неизбѣжно на двѣ части: заработную плату и прибыль: если поднимается заработная плата во всѣхъ отрасляхъ производства, то прибыль понизится также во всѣхъ; цѣнности останутся безъ измѣненія. Повышается прибыль, заработная плата падаетъ; цѣнности остаются безъ измѣненія: если произойдетъ общее повышеніе или пониженіе заработныхъ платъ и прибылей, относительныя цѣнности также останутся безъ измѣненія. Какъ бы мы не дѣлили между работниками и капиталистами цѣнность, но сама по себѣ она останется безъ измѣненія. Такъ, съ переходомъ къ землямъ третьяго участка на долю прибыли и заработной платы останется 4 пуда: какъ подѣлятъ ихъ рабочіе и капиталисты безразлично, но такая общая масса продукта будетъ подлежать

раздѣлу во всѣхъ производствахъ; эти четыре пуда будутъ имѣть опредѣленную естественную цѣнность, которая и будетъ раздѣляться между работникомъ и капиталистомъ. Получитъ первый больше, доля втораго уменьшится и наоборотъ. Перейдетъ человѣчество къ худшей землѣ, на долю прибыли и заработной платы достанется меньше — 2 п., установится новая естественная цѣнность для всѣхъ продуктовъ, новыя мѣновыя отношенія и за раздѣлъ этой цѣнности въ 2 пуда во всѣхъ производствахъ будетъ идти борьба.

Въ возможность долговременнаго совмѣстнаго возрастанія заработныхъ платъ и прибылей Рикардо не вѣрилъ, ибо тенденція прибыли къ пониженію, благодаря переходу къ худшимъ землямъ, казалась ему аксіомой и только, слѣдуя Мальтусу, не наше время, какъ увидимъ, стали доказывать возможность захвата части ренты прибылью.

Впослѣдствіи Д. С. Милль сдѣлалъ изъ этихъ положеній выводъ, что мѣновая цѣнность — понятіе относительное, т. е. не можетъ быть ни общаго повышенія, ни общаго пониженія мѣновыхъ цѣнностей.

Рикардо обратилъ вниманіе также на вопросъ, какое вліяніе на цѣнность оказываетъ неравенство заработныхъ платъ и прибылей: онъ сдѣлалъ это въ первой же главѣ своихъ „Началъ".

Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что однимъ днемъ труда создается продуктъ X цѣнности, при чемъ заработная плата а, прибыль в: другой продуктъ создается въ два дня при той же заработной платѣ и прибыли; согласно изложенному выше, отношеніе ихъ по цѣнности будетъ, какъ X: 2X; если заработная плата повысится до 2а и прибыль до 2Ъ, мѣновыя цѣнности останутся безъ измѣненія: тоже явленіе произойдетъ, если произойдетъ общее повышеніе или пониженіе цѣнъ, т. е. увеличится или уменьшится количество денегъ, платимое за товаръ; такъ, если 5 барановъ продавались за 20 рублей и одна лошадь за 20 рублей: одна лошадь по цѣнѣ равнялась 5 баранамъ; если 5 барановъ будутъ продавать за 40 рублей и одну лошадь за 40 рублей, т. е. цѣны возрастутъ вдвое, все же одна лошадь будетъ равна по цѣнности 5 баранамъ: мѣновая цѣнность, слѣдовательно, не видоизмѣнится ни отъ общаго движенія заработной платы и прибыли, ни отъ общаго видоизмѣненія цѣнъ: но это обстоятельство происходило, слѣдовательно, по предположеніямъ Рикардо потому, что выростить 5 барановъ требовало столько-же труда и капитала, какъ одну лошадь.

Что-же произойдетъ, если вдругъ для воспитанія лошади потребуется двойное число труда, а для пяти барановъ прежнее, при тѣхъ-же заработныхъ платахъ и прибыляхъ? Оче-

видно за одну лошадь потребуется 10 барановъ, т. е. цѣнность лошадей возрастетъ вдвое. Но что произойдетъ, если для воспитанія лошадей, потребуется то-же количество труда, но двойное количество капитала? На этотъ вопросъ и стремится отвѣтить Рикардо.

Съ легкой руки Н. И. Зибера у насъ долго считали Рикардо представителемъ абсолютной трудовой цѣнности. На ошибочность этой теоріи я указалъ еще въ 1895 году и впослѣдствіи тоже было подтверждено проф. А. А. Мануиловымъ[1]).

Теорія Рикардо, согласно которой цѣнности двухъ предметовъ равны, если равно количество труда, затрачиваемое на ихъ производство, вѣрна только при наличности слѣдующихъ предположеній: а) трудъ, требуемый для производства обоихъ этихъ товаровъ, одного и того-же качества и одинаково оплачивается; в) капиталы, которые содѣйствуютъ этому труду, равны по размѣрамъ, по раздѣленію на разныя доли основного и оборотнаго капитала, по времени оборота и потому на каждую долю такого капитала получается равная предѣльная прибыль: и с) свобода передвиженія капитала изъ одной отрасли въ другую не затруднена никакими соціальными или техническими препятствіями. Эта теорія нарушается неизбѣжно, если подъ вліяніемъ какихъ-либо причинъ возвышается заработная плата, которую необходимо выплатить при производствѣ нѣкоторыхъ товаровъ, или также возвышается прибыль. Если одинъ день труда, по заработной платѣ „а", создаетъ X цѣнности, то тотъ же одинъ день труда, по заработной плаѣ 2 а, будетъ считаться за два дня и относительная цѣнность продуктовъ будетъ 1 : 2: если будетъ затрачиваться одинъ и тотъ-же основной и оборотный капиталъ, но прибыль въ первомъ случаѣ по особенностямъ самаго производства будетъ б, во второмъ 2 б: отношеніе по цѣнности останется то же: 1 : 2.

Но не это обстоятельство смущаетъ Рикардо. Чтобы понять его затрудненія, разсмотримъ его разсужденія въ отд. 4 первой главы. Здѣсь онъ пишетъ: „Употребленіе машинъ и другого основного и прочнаго (fixed and durable capital) капитала значительно измѣняетъ начало, на основаніи котораго относительная мѣновая цѣнность опредѣляется

---

1) См. его Понятіе о цѣнности по ученію экономистовъ классической школы (Москва, 1901 г.): сравни также Н. И. Зиберъ. Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ, 3. изд., 1897 г. Зиберъ былъ самымъ талантливымъ родоначальникомъ русской соціалъ-демократіи и истолкователемъ ученій Рикардо, Маркса и Родбертуса. Его другія статьи, къ сожалѣнію не всѣ, собраны въ двухъ томахъ и изданы въ 1900 г. Покойный проф. А. И. Чупровъ говорилъ мнѣ, что онъ научился понимать К. Маркса только благодаря Н. И. Зиберу. Зиберъ былъ любимымъ ученикомъ Н. Х. Бунге.

количествомъ труда". „Предположимъ, говоритъ онъ, что трудъ каждаго рабочаго обходится въ 50 ф., или что употребляется 5000 ф. с. капитала, съ одной стороны на производство хлѣба, съ другой — на выдѣлку какой-либо машины; въ такомъ случаѣ, при уровнѣ прибыли въ 10%, цѣнность каждой машины, такъ-же какъ и всего хлѣба будетъ въ концѣ перваго года равна 5500 ф. Въ теченіи второго года, какъ фабриканты, такъ и фермеры, затративъ снова по 5000 ф. каждый на заработную плату, снова продадутъ, слѣдовательно, свои товары за 5500 ф. Но, чтобы быть въ равныхъ условіяхъ съ фермеромъ, фабриканты должны получить не только 5500 ф. взамѣнъ равнаго капитала въ 5000 ф., употребленнаго на вознагражденіе за трудъ; имъ слѣдуетъ получить сумму въ 550 ф., какъ прибыль на 5500, истраченныхъ на машины, а слѣд., ихъ товары должны быть проданы за 6050 ф. ст.".

Я подчеркнулъ слова Рикардо: „должны", „слѣдуетъ". Почему фабриканты должны получить прибыль въ 10% или иную какую либо прибыль, этого Рикардо доказать не удалось. Какъ онъ, такъ и вся его школа знали только одинъ аргументъ: „если капиталистъ не будетъ получать надлежащей прибыли, накопленіе и производство пріостановится", прибыль должна быть поэтому оплачиваема, но какова эта надлежащая прибыль, каковы ея послѣднія предѣлы Рикардо не показалъ.

Теорія цѣнности Рикардо оказалась поэтому сильной, какъ изложенный выше теоретическій аппаратъ для борьбы съ землевладѣльцами и слабой для истиннаго объясненія проблемы цѣнности. Въ конечномъ результатѣ теорія Рикардо сводилась къ утвержденію, что цѣнность тѣхъ товаровъ, гдѣ главную долю затратъ составляетъ оборотный капиталъ, т. е. выплачиваемая заработная плата, съ незначительнымъ основнымъ капиталомъ или, по крайней мѣрѣ, съ помощью основнаго капитала меньшей прочности, нежели мѣрило цѣнностей (т. е. трудъ), понижается и повышается въ прямомъ отношеніи къ заработной платѣ; наоборотъ, пропорціонально прочности капитала, употребленнаго на производство товара, относительная цѣнность этихъ товаровъ, на которые употребляется такой прочный капиталъ, будутъ колебаться въ обратномъ отношеніи къ заработной платѣ: эта цѣнность поднимется въ то время, когда заработная плата понизится, она упадетъ, когда возрастетъ заработная плата"[1]).

---

1) Эту мысль Рикардо можно пояснить такимъ примѣромъ. Товаръ А, допустимъ, производится въ сто дней труда съ вознагражденіемъ въ 100 рублей и капиталомъ прочнымъ т. е. машиной — цѣнностью въ 50

Въ любопытномъ письмѣ къ Маккулоху отъ 13 іюня 1820 г. Рикардо пишетъ: „Всѣ товары, имѣющіе цѣнность, произведены трудомъ . . . затѣмъ слѣдуетъ примѣръ, аналогичный приведенному нами. Строго говоря, относительныя количества труда, затраченныя на производство товаровъ, регулируютъ ихъ относительную цѣнность въ томъ случаѣ, если на нихъ не затрачено ничего иного, кромѣ труда и при томъ въ теченіи одинаковаго времени. Когда время не одинаково, относительныя количества труда всегда являются самымъ важнымъ элементомъ, регулирующимъ относительную цѣнность: но это не единственный элементъ, ибо, кромѣ вознагражденія труда, цѣна товаровъ должна также возмѣстить продолжительность истекшаго времени до той поры, пока товаръ можетъ быть доставленъ на рынокъ. Всѣ исключенія изъ этого общаго правила относятся къ видоизмѣненіямъ во времени, а такъ какъ имѣется безконечное разнообразіе случаевъ въ разницѣ по времени производства продуктовъ, то весьма трудно найдти товаръ, который могъ бы служить общей мѣрой цѣнности, даже если бы мы могли найти такой изъ нихъ, который производится однимъ и тѣмъ же количествомъ труда. Съ двумя крайними случаями мы теоретически можемъ имѣть дѣло, а именно: первый случай, когда товаръ производится безъ всякихъ перерывовъ исключительно трудомъ безъ содѣйствія капитала; другой случай, когда товаръ создается при громадной затратѣ основнаго капитала, но съ незначительнымъ количествомъ непосредственнаго труда и можетъ быть произведенъ лишь въ теченіи большаго промежутка времени. Средняя между этими двумя крайностями, быть можетъ, лучше всего соотвѣтствуетъ условіямъ производства наибольшей массы товаровъ. Товары, расположенные по съ характеру своего производства по одной сторонѣ средней, возвысятся сравнительно съ ней по цѣнности съ повышеніемъ цѣны труда и пониженіемъ уровня прибыли: товары по другой сторонѣ средней понизятся подъ дѣйствіемъ тѣхъ же причинъ. Мальтусъ воспользовался этимъ недостаткомъ моего мѣрила цѣнности, но и его мѣрило не менѣе подлежитъ возраженіямъ . . Въ дѣйствительности Мальтусъ не имѣетъ никакого мѣрила. То онъ говоритъ о повышеніи и пониженіи цѣнъ товаровъ и хочетъ при этомъ отмѣтить видоизмѣненіе ихъ цѣны въ деньгахъ, то онъ оцѣниваетъ повышеніе или пониженіе возможностью покупать то или иное количество труда, а иногда даже и мѣновой цѣнностью хлѣба. Реальная мѣра цѣнности сама по себѣ неустойчива и ея колебанія по степени — не менѣе, чѣмъ колебанія въ цѣнности всѣхъ другихъ предметовъ. Мальтусъ и самъ говоритъ объ этой измѣнчивости, не сознавая, что благодаря этому его мѣра не пригодна для какой либо полезной цѣли.“

рублей. Товаръ Б — трудомъ въ пятьдесятъ дней съ вознагражденіемъ въ 50 рублей и капиталомъ прочнымъ въ 100 рублей. Если возрастетъ, въ первомъ случаѣ, цѣнность труда, т. е. понизится прибыль, товаръ перваго производителя будетъ дороже по сравненію съ товаромъ второго производителя; если во второмъ случаѣ понизится заработная плата, т. е. повысится прибыль, цѣнность втораго товара возрастетъ сравнительно съ цѣнностью перваго. Причина ясна: повышеніе цѣнности труда не сбалансируется пониженіемъ прибыли и наоборотъ. Разберемъ, напр., первый случай. Допустимъ, что прибыль на затраченный капиталъ была ранѣе десять процентовъ. Тогда цѣнность обоихъ товаровъ была 150 рублей плюсъ 10% на весь затраченный капиталъ, т. е. 165 рублей. Затѣмъ заработная плата повысилась на 10%, прибыль упала на 8%. Тогда производителю товара А, на заработную плату придется истратить 110 рублей, на машину 50, т. е. при производствѣ товара А, затраченный капиталъ будетъ 160 рублей, цѣнность его при 8% на затраченный капиталъ 172,8 рубля. При производствѣ товара Б на заработную плату

Такимъ образомъ, какъ явствуетъ изъ этой цитаты, Рикардо въ конечномъ результатѣ уже наталкивается на представленіе о среднихъ условіяхъ производства по времени и по сочетанію средняго количества труда и капитала, которое впослѣдствіи для совершенно разныхъ цѣлей использовали Родбертусъ и Марксъ. Какъ я, однако, уже отмѣтилъ ранѣе въ большинствѣ случаевъ Рикардо нормирующимъ началомъ цѣнности считаетъ не эти среднія, а предѣльныя условія затраты труда и капитала т. е. трудъ затрачивающійся въ наихудшихъ условіяхъ и такъ называемый имъ послѣдне-приложенный капиталъ.

Налоговая теорія Рикардо построена на изложенныхъ выше положеніяхъ. Главная ее особенность заключается въ томъ, что если налогъ касается всѣхъ доходовъ (рента, прибыль, заработная плата), то всѣ производители или повысятъ цѣны всѣхъ своихъ товаровъ, или же отдадутъ часть своего дохода государству. Общее повышеніе цѣнъ, если оно вызвано одинаковымъ возрастаніемъ прибыли и за работной платы, не видоизмѣнитъ мѣновыхъ отношеній, а потому ни одинъ изъ общественныхъ классовъ не въ состояніи переложить налога на другой. Если такой захватъ налогомъ чистаго дохода не произведетъ повышенія цѣнъ, то доходы только уменьшатся совершенно такъ-же, какъ и въ первомъ случаѣ несмотря на повышеніе цѣнъ; мѣновыя-же цѣнности, а слѣдовательно, отношенія классовъ останутся непоколебленными. Налогъ на ренту также не видоизмѣнитъ цѣнностей и отношеній классовъ. Худшія земли, не приносящія ренты, останутся внѣ обложенія; вслѣдствіи налога не явится надобности переходить къ еще болѣе плохимъ землямъ; цѣна продукта, слѣдовательно, останется безъ измѣненій и землевладѣлецъ не будетъ въ состояніи ни на кого переложить, падающій на него налогъ. Государство, какъ собственникъ налога, будетъ распоряжаться частью чистаго дохода общества. Если налогъ падаетъ на чистый доходъ, размѣры производства останутся безъ измѣненій, но накопленіе будетъ замедлено. Налоги, падающіе на капиталъ, захватывающіе его часть является самымъ вреднымъ видомъ налоговъ, ибо сокращаютъ размѣръ затраченныхъ капиталовъ, а, слѣдовательно, и чистый доходъ общества, за счетъ котораго только и должно существовать правитель-

придется истратить 55 рублей и на машину 100 рублей, т. е. 155 руб. Цѣнность товара Б при 8 % на затраченный капиталъ будетъ 167.4 рубля. Другими словами, при повышеніи заработной платы и пониженіи прибыли цѣнность товара, гдѣ большій капиталъ затрачивается на оплату труда, возрастетъ сравнительно съ цѣнностью товара, гдѣ большій капиталъ затрачиваются, какъ капиталъ прочный, т. е. на машины.

ство. Такова, однако, только теоретическая схема. По теоріи Рикардо она была бы вѣрна, если бы заработная плата была доходомъ такого-же рода, какъ рента и прибыль.

Изъ изложеннаго выше ясно, что заработную плату Рикардо считаетъ издержками производства для созданія и сохраненія рабочихъ въ нужномъ для капиталистовъ числѣ. Плата эта держится постоянно на уровнѣ средствъ существованія или на уровнѣ обычныхъ потребностей жизни (standart of live); поэтому всякое обложеніе заработной платы, прямое, какъ это сдѣлала французская революція, или косвенное, чрезъ повышеніе цѣны хлѣба и всѣхъ другихъ налоговъ, падающихъ на предметы потребленія рабочихъ, въ конечномъ результатѣ на работника не падаетъ (свою плату въ размѣрѣ необходимаго минимума онъ долженъ получить), а всецѣло переложится на прибыль капиталиста[1]).

Посмотримъ же теперь на какія слабыя стороны Рикардо можно обратить вниманіе, сопоставляя его ученіе съ теоріями Смита и Мальтуса.

в) Въ теоріи ренты и, вообще, во всей схемѣ распредѣленія Рикардо осталось очень много спорнаго. Рикардо построилъ все свое ученіе на почвѣ энергичной полемики противъ А. Смита и Мальтуса. Ему не удалось, однако, сбить Мальтуса съ занятой имъ позиціи; въ трудахъ продолжателей Рикардо Смито-Мальтусовское направленіе поэтому не умерло, но постоянно воспроизводилось въ той или другой формѣ.

Какъ я уже отмѣтилъ, главная особенность ученія Рикардо заключается въ томъ, что онъ утверждаетъ, будто при равенствѣ заработныхъ платъ и прибылей относительная цѣнность товаровъ опредѣляется количествомъ затраченнаго на ихъ производство труда. А. Смитъ и Мальтусъ держатся совершенно противоположной точки зрѣнія и утверждаютъ, что *цѣнность опредѣляется тѣмъ количествомъ труда, которое можно купить даннымъ продуктомъ.* Въ тоже время, напр., Смитъ, а отчасти и Мальтусъ, полагаютъ, что всякая цѣнность „раздѣляется“ на три основныхъ дохода: ренту, заработную плату и прибыль, или „составляется“ изъ этихъ доходовъ. Обыкновенно думаютъ, что Рикардо вполнѣ удалось опровергнуть эти ученія Смита и Мальтуса; при ближайшей же провѣркѣ оказывается, что эти ученія проникли

1) Маккуллохъ пытался нѣсколько смягчить это положеніе, доказывая, что работникъ можетъ самъ нести налогъ и не въ состояніи будетъ переложить его на прибыль, если заработная плата стоитъ выше ея нормальнаго уровня. Въ третьемъ изданіи своихъ „Началъ П. Э.“ Рикардо въ примѣчаніи говоритъ, что быть можетъ, въ текстѣ онъ выразился слишкомъ категорически. См. изд. Gonner'а стр. 336.

даже въ труды Карла Маркса, котораго считаютъ послѣднимъ и наиболѣе послѣдовательнымъ истолкователемъ Рикардо, какъ создателя трудовой теоріи цѣнности.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что въ ученіи о рентѣ взгляды Смита сохранились до нашихъ дней, несмотря на полемику какъ Рикардо, такъ и Мальтуса. Адамъ Смитъ, излагая свое ученіе о рентѣ, писалъ: „рента входитъ составною частью въ цѣну произведеній совершенно инымъ образомъ, чѣмъ заработная плата и прибыль. Высокая или низкая цѣна заработной платы и прибыли составляетъ „причину" высокой или низкой цѣны товаровъ, а высокая или низкая цѣна поземельной ренты составляетъ слѣдствіе послѣдней; цѣна каждаго товара бываетъ низка или высока, смотря по величинѣ заработной платы и прибыли, „оплачиваемыхъ для доставленія товара на рынокъ"; но, смотря по тому, будетъ ли эта цѣна высока или низка, смотря по тому, будетъ ли она значительно выше, едва выше или нисколько не выше того, что необходимо для покрытія заработной платы и прибыли, продуктъ земли даетъ возможность заплатить высокую поземельную ренту, слабую или вовсе не даетъ поземельной ренты". „На рынокъ поступаетъ обыкновенно та часть продуктовъ земли, цѣна которыхъ достаточно велика, чтобы выручить капиталъ для доставленія ихъ на рынокъ, съ обыкновенной прибылью. Если цѣна болѣе, чѣмъ достаточна, излишекъ естественно отойдетъ на ренту; если цѣна едва достаточна, то, хотя продукты и поступятъ на рынокъ, земля не дастъ владѣльцу ренты. Достаточна ли цѣна или болѣе, чѣмъ достаточна, — зависитъ отъ спроса". Въ той же главѣ, однако, Смитъ выражается и иначе; поземельный доходъ, по его мнѣнію, какъ плата за пользованье землей представляется естественнымъ образомъ „монополіей", т. е. зависитъ не только отъ спроса, но и отъ того привилегированнаго, по самой природѣ вещей, положенія землевладѣльца, которое даетъ ему возможность назначать любую цѣну". Какъ извѣстно, далѣе, Смитъ полагалъ, что всѣ земли подъ обработкой неизбѣжно даютъ ренту. Другими словами, А. Смитъ въ фабрикаціи постоянными элементами цѣны считаетъ только прибыль и заработную плату, рента же входитъ въ цѣну только тогда, когда обнаруживается монопольный характеръ землевладѣнія. Какъ я старался показать выше, Рикардо доказывалъ, что заработныя платы и прибыли не опредѣляютъ размѣра цѣнности: цѣнность не составляется изъ этихъ элементовъ дохода, а раздѣляется на эти доходы. Онъ призналъ, что рента — слѣдствіе цѣнности, но естественной цѣнности, а не монопольной.

Сеніоръ и Д. С. Милль, хотя и приняли общее ученіе

о рентѣ Рикардо, тѣмъ не менѣе остались при мнѣніи, что рента составляетъ результатъ естественной монополіи.

„Вездѣ, писалъ ученикъ Рикардо Сеніоръ, гдѣ производство зависитъ отъ естественныхъ дѣятелей, ограниченныхъ въ количествѣ и разнообразныхъ по производительной силѣ, подверженныхъ закону уменьшающейся производительности съ увеличеніемъ затратъ труда и капитала, гдѣ монополизирована вещь, даваемая природою и не требующая ни труда, ни издержекъ для своего существованія, — тамъ возникаетъ „естественная монополія", а съ нею и рента, которая захватываетъ все большую долю общественнаго богатства [1]).

Одинъ изъ русскихъ писателей, первый русскій переводчикъ и истолкователь труда Д. С. Милля, Н. Г. Чернышевскій [2]) довелъ точку зрѣнія Рикардо до ея конечныхъ выводовъ, стараясь начертать основы системы такъ называемаго имъ и „трехчленнаго раздѣленія продукта". „Рента, пишетъ онъ, идетъ къ поглощенію прибыли и рабочей платы, т. е. къ низверженію трехчленнаго дѣленія продукта, къ замѣнѣ его формою устройства еще менѣе удовлетворительной, при которой и предприниматель, и работникъ потеряли бы свою самостоятельность, сдѣлались бы принадлежностью землевладѣльца, частью его собственности. Прибыль идетъ при этой системѣ къ подчиненію работника капиталисту, а рента идетъ къ подчиненію работника и капиталиста вмѣстѣ землевладѣльцу. Само собой разумѣется, продолжаетъ онъ, что такая ретроградная тенденція отражается на производствѣ уменьшеніемъ его успѣшности, т. е., рента при трехчленномъ дѣленіи продукта идетъ не только къ уменьшенію доли продукта, остающейся на рабочую плату и прибыль, но и къ уменьшенію самой суммы продукта, т. е. ведетъ къ уменьшенію населенія, а при уменьшеніи населенія, конечно, прекращается надобность воздѣлывать послѣдніе изъ воздѣлывавшихся прежде сортовъ земли и отъ этого рента подрываетъ сама себя".

Противъ утвержденія, будто рента результатъ монополіи, и борется прежде всего, Мальтусъ. Онъ совершенно справедливо писалъ: [3]) „при всѣхъ дѣйствительныхъ монополіяхъ, естественны ли онѣ или искусственны, спросъ стоитъ внѣ и независимо отъ самаго производства, а потому и цѣна

---

1) Senior, Political Economy стр. 105. Д. С. Милль. Основанія п. э., книга II. гл. 16-я.

2) См. Очерки изъ пол. экон., распредѣленіе, полн. изд., Женева, стр. 203—204.

3) См. его статью о рентѣ l. c., р. пер. проф. Миклашевскаго, Юрьевъ, 1908, стр. 5, 9.

монопольныхъ продуктовъ не имѣетъ другой границы, кромѣ числа покупателей, ихъ средствъ и капризовъ". Основной признакъ, опредѣляющій существо монополіи, выбранъ Мальтусомъ совершенно вѣрно; процессъ образованія цѣнъ на продукты при наличности монополіи опредѣляется внѣ условій производства и соперничества. Большинство экономистовъ послѣ Мальтуса совершенно ясно понимали, что цѣна земледѣльческихъ продуктовъ не опредѣляется внѣ зависимости отъ условій производства и соперничества. Мальтусъ и назвалъ, поэтому, ренту результатомъ „частичной (partial) монополіи", но, какъ увидимъ ниже, и у капиталиста подмѣтилъ такую же „частичную, или, вѣрнѣе, относительную монополію", признавъ, что капиталъ также представляетъ величину не безграничную, что существованіе прибыли, вѣрнѣе, необходимость ея полученія, ограничиваетъ снабженіе, т. е. потокъ производимыхъ продуктовъ, поступающихъ на рынокъ.

Однако и въ замѣчаніяхъ А. Смита имѣется глубокій историческій смыслъ. А. Смитъ былъ хорошимъ наблюдателемъ; онъ жилъ въ эпоху, когда феодальный строй Европы еще тяготѣлъ надъ землею. Я показалъ Вамъ на картинѣ земледѣльческаго быта Франціи передъ революціей, въ какомъ положеніи находился крестьянинъ-арендаторъ. Рикардо и Мальтусъ старались построить свою теорію ренты совершенно абстрактно при предположеніи свободной мобилизаціи собственности и безграничнаго соперничества капиталовъ. Исходя изъ этого предположенія Рикардо смѣло утверждалъ, что наихудшія земли, продавая продуктъ по естественной цѣнности, выручаютъ только заработную плату и прибыль фермеровъ. Его теорія дифференціальной ренты [1]), какъ стали говорить впослѣдствіи, даетъ законъ только капиталистической ренты, т. е. предполагаетъ, что наихудшая земля обработывается фермерами — капиталистами, которые умѣютъ защищать свои интересы. Она не приложима для объясненія феодальной ренты предшествовавшаго времени; не приложима и къ тѣмъ мелкимъ арендаторамъ, которые согласны платить ренту выше даваемой капиталистомъ, т. е. платятъ ренту за счетъ пониженія своей заработной платы или прибыли. Если принять во вниманіе это соображеніе, то можно признать справедливость положенія Смита даже при продажѣ продукта по естественной цѣнѣ Рикардо. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, слѣдовательно, даже наихудшая земля можетъ давать ренту

1) Т. е. ренты, которая зависитъ отъ различія въ производительности земли и ея положенія по отношенію къ рынку сбыта продуктовъ.

черезъ превращеніе доли заработной платы или прибыли въ ренту [1]).

Сдѣлавъ одну уступку, приходится, однако, сдѣлать и другую. Ее впослѣдствіи сдѣлалъ К. Марксъ, признавъ существованіе такъ называемой „абсолютной ренты", которая получается тогда, когда „собственность" на землю становится дѣйствительной монополіей и даетъ возможность владѣльцамъ земли даже наихудшаго качества продавать продукты ея выше естественной цѣнности, т. е. по той цѣнѣ, которая, оплачивая капиталистическую прибыль и заработную плату, даетъ избытокъ, могущій поступить въ руки землевладѣльца. При такомъ положеніи взгляды Чернышевскаго и Сеніора имѣли бы еще болѣе мрачный характеръ, но и самая экономическая теорія естественной цѣны Рикардо пріобрѣла бы крайне шаткій характеръ [2]).

Уже Мальтусъ, непосредственный современникъ и другъ Рикардо, чувствовалъ, что теорія ренты и цѣнности имѣетъ очень слабыя стороны. Чтобы вывести теорію цѣнности изъ этого неустойчиваго положенія, Мальтусъ и попытался установить для нея другой маштабъ. Попытка его заслуживаетъ серьезнаго вниманія, не смотря на ея неудачу, ибо въ ней также на ряду съ ложными положеніями имѣются элементы глубокаго научнаго пониманія явленій.

Рикардо далъ для относительной (мѣновой) цѣнности объективный маштабъ: затрата того или другого количества труда, оцѣниваемаго опредѣленной заработной платой. У А. Смита имѣется другой маштабъ — субъективный: по его мнѣнію „во всѣ времена и повсемѣстно одинаковыя количества труда представляли, можно думать, одинаковую

1) Теоретическое предположеніе Рикардо о существованіи земли, оплачивающей только заработную плату, издержки въ капиталѣ и прибыль фермеровъ, несогласуется съ допущеніемъ, что вся земля находится въ собственности класса землевладѣльцевъ, ибо послѣдніе должны были передавать свою землю въ аренду безъ вознагражденія; для нихъ собственность была бы тогда лишь jus nudum, т. е. правомъ безплоднымъ, не приносящимъ дохода.

2) Слѣдуетъ отмѣтить, что представленіе о наихудшей для даннаго времени землѣ въ теоріи Рикардо осталось въ высшей степени неопредѣленнымъ, а законъ уменьшающейся производительности земли никѣмъ изъ теоретиковъ классической школы провѣренъ на опытѣ не былъ. Въ реальной дѣйствительности значеніе этого закона оспаривается донынѣ, несмотря на колоссальный ростъ населенія Европы въ 19-омъ вѣкѣ. Послѣдующіе теоретики, напр., Родбертусъ, кромѣ того, показали, что процессъ обращенія земли въ собственность отнюдь не совершался въ исторіи, какъ послѣдовательный переходъ отъ лучшихъ земель къ худшимъ. Родбертусъ высказалъ эту мысль задолго до американскаго экономиста Кэри, которому, однако, сочиненія Родбертуса были совершенно неизвѣстны. О Кэри см. Ингремъ, Исторія политич. экономіи, 2 изд., 1897 г. и Н. Х. Бунге, Очерки по политической экономіи, Спб., изд. 1895 г.

цѣнность для работника; при обыкновенномъ состояніи здоровья, силы и настроенія духа (spirits), при обычной ловкости и расторопности труда ему всегда приходится жертвовать (lay down) одною и тою же частью своего досуга, своей свободы и счастья. Каково бы ни было количество предметовъ, получаемыхъ работникомъ въ вознагражденіе за трудъ, цѣна, выплачиваемая имъ, всегда одинакова. Правда, работникъ, можетъ иногда купить своимъ трудомъ большее или меньшее количество предметовъ, но измѣняется цѣнность послѣднихъ, а не труда, который ихъ покупаетъ. Во всѣ времена и повсемѣстно дорого то, что трудно получить и что стоитъ много труда пріобрѣтенія и дешево то, что легко получить или пріобрѣтается съ небольшимъ количествомъ труда: трудъ, никогда не измѣняющійся въ своей цѣнности, представляетъ единственную конечную и реальную мѣру, при посредствѣ которой цѣнность всѣхъ предметовъ во всѣ времена и повсемѣстно можетъ опредѣляться и подлежать сравненію. Трудъ составляетъ реальную цѣну вещей, деньги — только ихъ номинальную цѣну."

Въ тоже время, какъ Смитъ, такъ и Мальтусъ утверждаютъ, что для опредѣленія цѣнности предмета слѣдуетъ узнать, какое количество труда можно пріобрѣсти за данный предметъ. Два предмета, отсюда полагаютъ они, покупающіе одинаковое количество труда, равны по цѣнности.

Аргументація Мальтуса въ пользу этого послѣдняго положенія кардинально отличается отъ аргументаціи Смита. Мальтусъ превращаетъ субъективный маштабъ Смита для измѣренія относительной цѣнности снова въ объективный, стараясь доказать, что а) цѣнность труда неизмѣнна во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, ибо производство необходимыхъ средствъ существованія для рабочихъ всегда имѣетъ одинаковую цѣнность; б) цѣнность труда, какъ величина неизмѣнная, можетъ служить наилучшимъ основаніемъ для опредѣленія относительнаго размѣра другихъ доходовъ [1]) и

1) Въ своемъ „Курсѣ политической экономіи“ (см. фран. пер., изд. 1846 г.) Мальтусъ безконечное число разъ повторяетъ, что прибыль есть всегда отношеніе (le taux ou proportion), заработная плата — опредѣленное количество (quantité ou montant). Рикардо полагалъ, что цѣнность продукта служитъ основаніемъ для исчисленія нормы прибыли, которая опредѣляется изъ отношенія цѣнности самаго продукта ко всей совокупности затратъ. Мальтусъ считалъ неизмѣнную цѣнность труда основаніемъ для опредѣленія той же нормы. Въ тоже время Мальтусъ постоянно твердитъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда трудъ является единственнымъ элементомъ производства, количество пріобрѣтаемыхъ имъ предметовъ — большее или меньшее, сильно видоизмѣняетъ ихъ цѣнность, но цѣнность труда остается неизмѣнной. Такъ, если трудъ пріобрѣтетъ сегодня 2 пуда хлѣба, а завтра 4 пуда, то отсюда слѣдуетъ, что цѣнность хлѣба понизилась вдвое, но цѣнность

в) затрата опредѣленнаго количества труда — составляетъ лишь одно условіе для опредѣленія цѣнности продуктовъ, тогда какъ количество труда, покупаемое продуктомъ, охватываетъ всѣ условія, вліяющія на цѣнность продуктовъ.

Какъ я постараюсь сейчасъ показать, изложенныя ученіе Смита и Мальтуса совершенно ошибочны, но о нихъ нельзя не упомянуть въ исторіи политической экономіи, ибо они перешли въ соціалистическую доктрину начала 19-го вѣка и дали возможность изъ ученій Рикардо сдѣлать соціалистическіе выводы.

Въ своихъ сочиненіяхъ Рикардо неустанно полемизировалъ противъ этихъ ученій Смита и Мальтуса. Въ первой-же главѣ своихъ „Началъ“ Рикардо пишетъ: „если-бы это было дѣйствительно такъ, если-бы вознагражденіе рабочаго находилось въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что онъ производитъ, то количество труда, израсходованное на предметъ и количество труда, которое можно купить за этотъ предметъ, были-бы одинаковы и каждое изъ нихъ могло-бы въ точности измѣрять колебанія другихъ вещей, но они отнюдь не одинаковы“.

Это возраженіе Рикардо необыкновенно мѣтко; не трудно разъяснить его на примѣрѣ. Рикардо говоритъ: „если работникъ однимъ днемъ труда будетъ производить, напр., пять пудовъ хлѣба, и за тѣ-же пять пудовъ хлѣба можно будетъ купить одинъ день труда, то обѣ формулы будутъ имѣть совершенно одинаковое значеніе.“ Въ реальной дѣйствительности ничего подобнаго не происходитъ. Если работникъ производитъ пять пудовъ, то отсюда не слѣдуетъ, что за пять пудовъ можно будетъ купить одинъ день труда. Подъ вліяніемъ конкурренціи работникъ получитъ только такое количество хлѣба, какое необходимо на его содержаніе. Если это содержаніе будетъ три пуда, то за нихъ и можно будетъ купить одинъ день труда.

Какъ я уже указалъ при изложеніи ученія Рикардо, онъ постоянно стремится доказать, что заработная плата работника стоитъ внѣ всякой непосредственной зависимости отъ размѣровъ производительности работника и опредѣляется соперничествомъ. Трудъ, такъ-же какъ и другіе товары, колеблется въ своей цѣнности и внѣ всякой

труда осталась неизмѣнной (см. l. c. стр. 89, 252, 259). Другими словами, онъ наталкивается на мысль, впослѣдствіи иначе формулированную Марксомъ, что цѣнность не только пропорціональна количеству труда, но и обратно пропорціональна его производительной силѣ. Отношеніе же цѣнности экономическаго избытка къ цѣнности труда — это то, что впослѣдствіи Марксъ назвалъ нормой прибавочной цѣнности.

зависимости, какъ отъ самооцѣнки труда самимъ работникомъ, такъ и отъ результатовъ производительности его труда. Не работникъ оцѣниваетъ самого себя, а условія продажи его труда на рынкѣ опредѣляютъ цѣнность работника [1]).

Это первое возраженіе Рикардо противъ Смита и Мальтуса, однако, въ послѣдующей соціалистической доктринѣ было своеобразно перетолковано для защиты идеи трудовой цѣнности. Стали утверждать, что стоитъ провозгласить право работника на полный продуктъ его труда и тогда сама собой установится гармоническая система трудового государства съ трудовой цѣнностью. Субъективный маштабъ Смита — работникъ всегда одинаково цѣнитъ свой одинаковый трудъ, какъ пожертвованіе части своего счастья и свободы, и объективный маштабъ Рикардо — затрата опредѣленнаго количества труда для производства предмета — должны были совпасть въ этомъ соціалистическомъ строѣ и привести къ господству трудовой цѣнности. Этотъ выводъ уже сдѣлалъ Р. Оуенъ, а слѣдомъ за нимъ отчасти Томсонъ и въ особенности Прудонъ. Въ современной экономической литературѣ также нерѣдко встрѣчается это истолкованіе въ формѣ такъ называемой абсолютной трудовой цѣнности, которая базируется на двухъ основахъ: a) производство продуктовъ зависитъ для человѣка отъ затратъ его труда и b) человѣкъ необходимо оцѣниваетъ продукты согласно труду потому, что только свою затрату труда онъ чувствуетъ, какъ страданіе, какъ пожертвованіе части самого себя.

Аргументацію самаго Мальтуса Рикардо старался поколебать еще и другимъ способомъ, но и отъ теоріи Мальтуса осталось нѣчто въ высшей степени важное. Какъ мы видѣли, Рикардо доказывалъ, что съ переходомъ къ худшимъ землямъ цѣнность труда возрастаетъ и, поэтому, не можетъ быть признана величиной неизмѣнной. Мальтусъ пытался защищаться слѣдующимъ образомъ. Въ своемъ сочиненіи „Мѣра цѣнности“ Мальтусъ даетъ любопытную табличку, при посредствѣ которой онъ старается подкрѣпить свои возраженія Рикардо и доказать неизмѣнную цѣнность труда. Мы воспроизведемъ только часть этой таблички: двѣ графы ея.

1) Само собою разумѣется, что, признавая это возраженіе, я вовсе не отрицаю возможности для работника отстаивать размѣры своей заработной платы. Я хочу только подчеркнуть, что вся совокупность внѣшнихъ условій часто бываетъ сильнѣе всякой самооцѣнки работникомъ своего труда. Цѣлый рядъ теоретиковъ впослѣдствіи доказывалъ, что съ увеличеніемъ производительности труда (и только тогда) возможность добиться высшей заработной платы увеличивается. Я вполнѣ раздѣляю эту точку зрѣнія и потому стою за капитализацію промышленности.

Колич. кварт. хлѣба, производимое 10-ю человѣками или измѣняющееся плодород. почвы.	Ежегодн. плата кажд. рабочаго въ хлѣбѣ, опредѣляющ. спрос. и предложенiемъ труда.	Авансы въ хлѣбн. заработной платѣ или измѣняющiйся прод., покупающiй трудъ 10 ч.	Уровень прибыли при указанныхъ предположенiяхъ.	Количество труда, необходимое для производства зараб. платы 10 ч. при взятыхъ предположенiяхъ.	Количество труда, требующееся для производства прибыли на авансы труда.	Неизмѣнная цѣнность заработной платы 10 челов.	
1	2	3	4	5	6	7	
150 кв.	12 кв.	120	25 %	8	2	10	По исчисл. Мальтуса.
140 „	12 „	120	16,66	8,6	1,4	10	По исчисл. Мальтуса.

Смыслъ этой таблички можно истолковать слѣдующимъ образомъ. Допустимъ, что взятыя Мальтусомъ участки земли являются предѣльными т. е. наихудшими, при переходѣ къ обработкѣ которыхъ никакой ренты не получается. Такой предѣльный участокъ давалъ первоначально 150 кв., затѣмъ общество перешло къ участку, дающему 140 кв. Это обстоятельство вызвало пониженiе прибыли съ 25 до 16, 6%. Далѣе, согласно предположенiю же Мальтуса работа 12 человѣкъ, производившая 150 кв., а потомъ 140, длилась въ теченiи года; отсюда Мальтусъ дѣлаетъ выводъ, что неизмѣнная цѣнность заработной платы, обозначаемая имъ цыфрой 10, представляетъ какъ бы трудъ 10-ти годо-человѣкъ, если можно такъ выразиться, т. е. воплощенiе труда десяти человѣкъ въ теченiи всего года. Допустимъ для ясности, что эти 150 и 140 кв. производятся не въ годъ, а въ десять дней, тогда работа десяти годо-человѣкъ обратится просто въ десять рабочихъ дней. Другими словами, когда въ обработкѣ находилась земля, дававшая при затратѣ десяти дней труда и при вознагражденiи работника въ 12 кв. въ день, прибыль держалась на 25%; на производство необходимаго содержанiя всего труда приходилось тратить 120 кв. или, такъ какъ въ день производилось 15 кв. всего восемь рабочихъ дней — на производство 120 кв. для вознагражденiя труда и — 2 дня для производства 30 квартеровъ на прибыль, а всего 10 дней. Мальтусъ утверждаетъ, что для того, чтобы произвести эти 120 квартеровъ содержанiя рабочихъ необходимо затратить 8 дней на самихъ рабочихъ и два дня на прибыль: слѣдовательно, цѣнность этого содержанiя и будетъ 10 дней. При переходѣ къ худшей землѣ прибыль понизится до 16, 66;

въ результатѣ хотя на содержаніе рабочихъ придется истратить для производства тѣхъ-же 120 квар. 8,6 (правильнѣе 120 : 14, т.-е. $8^4/_7$ дня), но на производство прибыли 1,4 дня (правильнѣе 20 : 14, т.-е. $1^3/_7$ дня); цѣнность содержанія будетъ слѣдовательно, та же — 10 дней. Отсюда ясно, полагаетъ Мальтусъ, что благодаря пониженію прибыли съ переходомъ къ худшимъ землямъ цѣнность содержанія труда, или говоря вообще, цѣнность труда всегда остается неизмѣнной.

Ложность всего этого построенія бросается въ глаза и тѣмъ не менѣе табличка эта заслуживаетъ упоминапія въ исторіи политической экономіи. Мальтусъ въ своихъ „Опредѣленіяхъ въ политической экономіи“ постоянно повторяетъ, что нѣтъ ничего нелѣпѣе, какъ утвержденіе, будто цѣнность опредѣляется количествомъ затраченнаго труда и капитала. Цѣнность опредѣляется (se règle), по его мнѣнію, количествомъ труда и прибылей, необходимыхъ для производства данной цѣнности. Онъ избираетъ маштабомъ цѣнности — количество труда, покупаемое предметомъ, потому что желаетъ знать, какое количество труда необходимо не только для выработки содержанія работника, но и прибылей капиталиста, который давалъ работу. Такъ, во взятомъ выше примѣрѣ, поясняющемъ мысль Рикардо, работникъ производитъ однимъ днемъ труда пять пудовъ, его вознагражденіе было три пуда за день, но цѣнность этихъ пяти пудовъ будетъ $1^2/_3$ дня (т.-е. 5 : 3), ибо два пуда для производства содержанія работника должны были попасть въ руки капиталиста, какъ прибыль. Если на рынкѣ можно купить трудъ работника за три пуда, это значитъ, что цѣнность 5 пудовъ будетъ равняться $1^2/_3$ дня. Этимъ способомъ разсужденія Мальтусъ своей мысли не доказалъ, но далъ основаніе Томсону, а впослѣдствіи и Марксу создать ихъ теорію прибавочной цѣнности[1]), которая, какъ увидимъ, есть ничто иное, какъ отношеніе заработной платы ко всему чистому избытку. Заработная плата у Маркса считается равной перемѣнному капиталу, прибавочная цѣнность пріобрѣтается потому, что работникъ получилъ три пуда, а произвелъ пять или, иначе, его трудъ создалъ цѣнность a + b, а получилъ только b-цѣну заработной платы.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что графы таблицы Мальтуса представляютъ ариѳметическую выкладку, ровно ничего не доказывающую. Само собою разумѣется, что цифра десять будетъ повторяться неукоснительно при взятыхъ предположеніяхъ и съ дальнѣйшимъ переходомъ къ

---

1) Изложеніе системы Томсона см. въ моемъ изслѣдованіи: Политика труда и идеалы распредѣлительной справедливости (1906 г.).

худшимъ землямъ, если заработная плата будетъ оставаться неизмѣнной, на прибыль же отчисляться пропорціонально меньше. Мальтусъ, однако, не замѣчаетъ кореннаго противорѣчія въ своихъ предположеніяхъ. Цифра 10 могла бы опредѣлять неизмѣнную цѣнность одного труда только тогда, если бы изъ 120 кв. отчислялось на прибыль 25, 16 и т. д. процентовъ по мѣрѣ перехода ко все болѣе худшимъ участкамъ. Между тѣмъ работникъ получаетъ неизмѣнно 120 кв., а прибыль падаетъ потому, что худшая земля даетъ все меньшее количество продукта: онъ игнорируетъ также, что часть дохода при этомъ отдѣляется, какъ рента.

Это предположеніе противоестественно и потому, что изображаетъ процессъ производства такимъ образомъ, будто капиталистъ существуетъ и получаетъ прибыль только для того, чтобы создавать необходимое содержаніе работника. Скорѣе работникъ существуетъ для того, чтобы создавать необходимую капиталисту прибыль. Цифра десять, поэтому, вовсе не изображаетъ цѣнность содержанія труда, а цѣнность содержанія и капиталиста, и работника совмѣстно, а это нѣчто совершенно иное.

Если этотъ выводъ правиленъ, то неизбѣжно является вопросъ: что можетъ означать неизмѣнная цѣнность содержанія работника и капиталиста, опредѣляемая Мальтусомъ цифрой десять? Только то, что доказывалъ Рикардо, а именно, что цѣнность, подлежащая раздѣлу между трудомъ и капиталомъ, опредѣляется количествомъ затраченнаго труда или что тоже она дѣлится на заработную плату и прибыль: всякое повышеніе заработной платы, поэтому, понижаетъ прибыль и наоборотъ всякое пониженіе платы повышаетъ прибыль. Но Рикардо былъ вполнѣ правъ, не дѣлая дальнѣйшаго ложнаго вывода Мальтуса.

Если цѣнность содержанія работника и капиталиста останется неизмѣнной, то отсюда вовсе не будетъ слѣдовать, что цѣнность продукта останется неизмѣнной. Раньше 150 кв. производилось въ десять дней, затѣмъ въ тоже время стали производить только 140: одинъ день труда воплощался первоначально въ 15 кв., потомъ въ 14: очевидно, производство продукта сдѣлается труднѣе, для общества, какъ произведенная цѣнность, всякая единица продукта будетъ дороже. Появится какая то новая цѣнность и для нея то мы и должны найдти какой либо маштабъ. Рикардо, какъ мы видѣли отвѣтилъ, что цѣнность всегда будетъ опредѣляться количествомъ затраченнаго труда на производство заработной платы и прибыли. Для него переходъ къ худшимъ землямъ означалъ возвышеніе стоимости рабочаго и пониженіе прибыли. Онъ сознавалъ, что переходъ къ худшимъ землямъ, хотя и сопровождается паденіемъ

прибыли, но можетъ вести къ повышенію цѣнности продукта благодаря повышенію стоимости содержанія рабочаго. Онъ пришелъ, поэтому, къ необходимости построить какую то абсолютную теорію цѣнности, которая, разъясняла бы намъ вопросъ, какая цѣнность была при обработкѣ участка дававшаго въ 150 кв. и какая при обработкѣ участка, дававшаго 140 кв.? На производства обѣихъ массъ продукта затрачивалось 10 дней; общая масса цѣнности должна была остаться той же, но съ пониженіемъ производительности труда цѣнность отдѣльнаго продукта должна была возрасти. Владѣлецъ лучшаго участка будетъ продавать свои 150 пр. по цѣнности продукта худшаго участка и получитъ ренту. Вопросъ о связи между цѣнностью, количествомъ затраченнаго труда и его производительностью поднялъ только К. Марксъ. Самый вопросъ о томъ, что повышеніе стоимости рабочаго неизбѣжно понижаетъ стоимость содержанія капиталиста, вѣрнѣе прибыль, оказазался спорнымъ. Съ ростомъ производительности труда, какъ увидимъ ниже, доля капиталиста можетъ возрастать и какъ доля продукта, и какъ доля цѣнности [1]).

Я уже выше отмѣтилъ, что, несмотря на ложность доказательства неизмѣнной цѣнности труда, теорія Мальтуса имѣла большое теоретическое значеніе. Мальтусъ хотѣлъ выяснить, почему прибыль неизбѣжно входитъ въ составъ цѣнности предметовъ. Рикардо оставилъ этотъ вопросъ почти безъ объясненія, указавъ только, что цѣнность хлѣба, произведеннаго на предѣльной землѣ, даетъ и прибыль, и заработную плату. Во всѣхъ своихъ изслѣдованіяхъ Мальтусъ старается доказать, что необходимость затраты капитала „ограничиваетъ возможность снабженія продуктами". Капиталъ, по самому существу вещей, имѣется всегда въ ограниченномъ количествѣ и потому капиталистъ, затрачивающій капиталъ, имѣетъ также своего рода относительную монополію, которая и даетъ ему всегда возможность продавать свой товаръ дороже того, чѣмъ сколько онъ выплатилъ въ заработной платѣ и потратилъ на самый капиталъ.

Предлагая свой маштабъ опредѣленія цѣнности: количество труда покупаемое товаромъ [2]), Мальтусъ хочетъ доказать, что въ число условій, опредѣляющихъ цѣнность то-

1) Мальтусъ это ранѣе всѣхъ другихъ понялъ. Поразительно, что въ разобранной таблицѣ, противъ которой такъ много полемизировалъ Рикардо, непринято во вниманіе то обстоятельство, что возрастаніе цѣнности единичнаго продукта при переходѣ къ худшимъ землямъ увеличиваетъ общую массу цѣнностей, достающуюся производителямъ на лучшихъ участкахъ.

2) Отмѣтимъ въ дополненіе, что Мальтусъ для своего маштаба выбираетъ, какъ типъ, — средній день труда земледѣльческаго рабочаго.

варовъ, входятъ всѣ тѣ обстоятельства, которыя ограничиваютъ количество товаровъ, могущихъ поступить на рынокъ, а именно: ограниченное количество труда, ограниченное количество земли и ограниченное количество капитала, т. е. относительная рѣдкость производительныхъ силъ, благодаря которой каждая изъ нихъ имѣетъ свою относительную монополію и свое своеобразное вознагражденіе. Относительно труда онъ только пессимистиченъ: размноженіе работниковъ держитъ заработную плату на минимумѣ и цѣнность этого минимума всегда неизмѣнна.

Въ своемъ курсѣ политической экономіи онъ пишетъ: „если подъ производительною силою труда понимаютъ количество продуктовъ, получаемыхъ при посредствѣ опредѣленнаго количества труда, то повседневный опытъ показываетъ всю малую основательность этого предположенія. Если же подъ этимъ выраженіемъ понимаютъ способность производить цѣнность, то очевидно, что прибыли основываются на этомъ производительномъ свойствѣ.“ Выводъ, который сдѣлалъ Мальтусъ изъ этого положенія, очень важенъ. Рикардо полагалъ, что накопленіе капитала заставляетъ человѣчество переходить ко все худшимъ землямъ и тѣмъ самымъ все болѣе и болѣе вліяетъ на пониженіе прибыли. Мальтусъ обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что рента вообще и возрастаніе ренты съ переходомъ къ худшимъ землямъ отдаетъ громадные избытки продуктовъ въ руки землевладѣльцевъ. Самый переходъ къ худшимъ землямъ и возрастаніе спроса на трудъ не можетъ произойти безъ того, чтобы землевладѣльцы не должны бы бросить часть своихъ избытковъ цѣнностей на рынокъ; рента составляетъ громадный фондъ для увеличенія спроса на трудъ и на продукты фабрикацій, производимые капиталистами. Благодаря этому, а также и тому, что капиталъ есть величина ограниченная, прибыль никогда не можетъ быть поглощена рентой; на рынкѣ подъ вліяніемъ борьбы и соперничества капиталистовъ и землевладѣльцевъ происходитъ „раздѣлъ чистаго избытка между обоими этими классами“: капиталистъ можетъ завладѣть частью ренты, опираясь даже при системѣ полнаго соперничества на относительную рѣдкость капитала. Взаимный спросъ и предложеніе производителей-потребителей опредѣляетъ, въ конечномъ результатѣ, цѣну продукта и условія раздѣла ея на доходы.

Изъ изложеннаго ясно, что, благодаря спорамъ Рикардо и Мальтуса, благодаря двумъ маштабамъ, предложеннымъ ими для опредѣленія цѣнности, въ политической экономіи былъ поставленъ вопросъ, но не разрѣшенъ: подъ вліяніемъ какихъ причинъ цѣнность всего продукта даетъ возможность не только оплатить заработную плату работ-

ника, возстановить затраченный капиталъ, но и получить нѣкоторый избытокъ цѣнности? Какъ, наконецъ, этотъ избытокъ цѣнности раздѣляется между капиталистомъ и землевладѣльцемъ? Какъ увидимъ ниже, особенно тщательно изслѣдовали этотъ вопросъ Родбертусъ и Марксъ, но и они не дали полнаго и яснаго рѣшенія вопроса.

г) Для полнаго пониманія теоріи обмѣна классической школы необходимо обратить вниманіе еще на ученіе о международной торговлѣ, какъ оно было формулировано Смитомъ, Рикардо, Д. С. Миллемъ и Д. Э. Кернсомъ.

Нельзя не признать, что ученіе о торговлѣ самая слабая часть труда Смита. По сравненію съ его предшественниками, однако, нельзя не отмѣтить двѣ важныя его заслуги. Онъ прежде всего рѣшительно заявляетъ, что внутренняя торговля важнѣе внѣшней и, во вторыхъ, выпукло выставляетъ на видъ и полезныя стороны внѣшней торговли.

Внѣшняя торговля, по его мнѣнію, важна по слѣдующимъ тремъ основаніямъ. Во первыхъ, „вовсе не главная, а напротивъ самая не важная сторона внѣшней торговли заключается въ привлеченіи благородныхъ металловъ. Внѣшняя торговля важна тѣмъ, что даетъ странѣ возможность сбывать „избытокъ“ произведеній ея годичнаго продукта труда и земли. Она даетъ *цѣнность* избыткамъ страны, давая возможность обмѣнивать ихъ на что-нибудь другое, что служитъ для удовлетворенія потребностей и увеличиваетъ наслажденія. Во вторыхъ, внѣшняя торговля, расширяя рынокъ сбыта способствуетъ развитію производительной силы труда, увеличиваетъ реальный доходъ и богатство страны. Третьей выгодой международнаго обмѣна являются, согласно Смиту, естественныя или искусственныя преимущества страны въ производствѣ продуктовъ.

Обыкновенно обращаютъ вниманіе, главнымъ образомъ, на первое положеніе Смита и говорятъ, что онъ опровергъ заблужденіе Кенэ и его сподвижниковъ, будто торговля и фабрикація — занятія непроизводительныя. Какъ человѣкъ, не склонный изъ-за теоретическаго взгляда ломать дѣйствительность, Смитъ въ этомъ вопросѣ очень неопредѣлененъ, онъ боится какъ бы дать опредѣленный отвѣтъ и все ученіе его неудовлетворительно.

По вопросу о торговлѣ и ея видахъ мы находимъ у него слѣдующую аргументацію. Прежде всего онъ высказываетъ мысль, что капиталъ каждаго общества можетъ употребляться четырьмя различными способами: 1. на добыванье сырья изъ земли; 2. на мануфактурную дѣятельность, т. е., выражаясь нашими терминами, на фабрикацію всякаго рода; 3. и 4. на оптовую и розничную торговлю. Каждый изъ этихъ четырехъ способовъ употребленія капитала равно

необходимъ для существованія и для общаго удобства всего общества. Трудъ торговца производитенъ также, какъ и трудъ земледѣльца и мануфактуриста.

Смитъ постоянно колеблется въ вопросѣ о томъ, что понимать подъ производительнымъ трудомъ. Иногда онъ понимаетъ подъ нимъ трудъ, воплощающійся въ прочныхъ матеріальныхъ предметахъ и увеличивающій богатство страны чрезъ умноженіе ихъ, иногда производительнымъ трудомъ онъ называетъ трудъ, производящій матеріальныя цѣнности, иногда трудъ, пріобрѣтающій матеріальную прибыль, опредѣленную цѣнность.

Въ особый упрекъ этого Смиту, однако, поставить нельзя. Большая его заслуга въ томъ, что онъ призналъ торговый капиталъ необходимымъ элементомъ капиталистической системы, хотя и далъ ложную теорію его историческаго развитія и экономическаго значенія.

Схоластическая полемика по вопросу о томъ, что понимать подъ производительнымъ трудомъ продолжается и до нашихъ дней. Отдалъ ей свою дань и Карлъ Марксъ. Въ первомъ томѣ своего „Капитала" [1]) онъ справедливо писалъ: „съ кооперативнымъ характеромъ самаго процесса труда необходимо расширяется и понятіе о производительномъ трудѣ и носителѣ его — производительномъ рабочемъ. Теперь уже нѣтъ надобности касаться руками обрабатываемаго объекта: достаточно быть органомъ коллективнаго рабочаго, исполнять какую-либо изъ его отдѣльныхъ функцій". Во второмъ и третьемъ томахъ того же „Капитала" онъ забываетъ это прекрасное положеніе и впадаетъ въ поразительную схоластику, стараясь опредѣлить тѣ виды труда, которые создаютъ и не создаютъ прибавочную цѣнность и цѣнность вообще. Совершенно праздное занятіе. Ученіе объ экономическомъ избыткѣ, а затѣмъ у Маркса о прибавочной цѣнности (о ней мы еще будемъ подробно говорить ниже) старалось, какъ я уже сказалъ, матеріализировать этотъ избытокъ, связать его съ нѣкоторымъ матеріальнымъ продуктомъ. Само собой разумѣется, что торговля не создаетъ тѣлъ товаровъ: допустимъ даже временно съ Рикардо и его продолжателями, что она не добавляетъ цѣнности, но отсюда никогда нельзя будетъ вывести положенія, что она экономически безплодна. Если продуктъ является созданіемъ всего народно-хозяйственнаго механизма, то и понятіе производительнаго труда необходимо принимаетъ двойственное значеніе. Подъ производительнымъ трудомъ слѣдуетъ понимать, съ одной стороны, трудъ, производящій матеріальныя блага и трудъ, пріобрѣтающій блага за всякую обще-

1) См. т. I, пер. Струве, стр. 420.

ственно-необходимую функцію. Представленіе объ экономическомъ избыткѣ можетъ быть получено только исходя изъ совершенно абстрактнаго представленія о необходимомъ содержаніи въ продуктахъ всѣхъ участниковъ производства, какъ особой формы и системы хозяйства. Воплощается ли энергія этого участника производства въ непосредственномъ созданіи благъ, въ ихъ передвиженіи, въ созданіи культурныхъ условій жизни, все это совершенно безразлично. Для организаціи хозяйства важны только два обстоятельства: во первыхъ. общественно-созданный продуктъ и результаты всякаго труда должны быть общественно-необходимы и, въ вторыхъ, чтобы трудъ. не создающій продуктовъ, а дающій лишь возможность пріобрѣтенія ихъ въ видѣ вознагражденія, получалъ лишь справедливую оплату, какъ и всякій другой общественно-необходимый трудъ въ соотвѣтственно дифференцированной нормѣ. Вывести же изъ теоріи цѣнности теорію справедливаго вознагражденія труда, какъ мы покажемъ при анализѣ теоріи цѣнности Родбертуса, совершенно невозможно и классическая школа въ этомъ отношеніи только толкнула науку на ложный путь, который давно пора оставить.

Классификація различныхъ видовъ употребленія капитала имѣетъ очень важное значеніе въ системѣ Смита. Во 1-хъ, она даетъ ему возможность классифицировать промысла по ихъ значенію и, во вторыхъ, указать порядокъ ихъ историческаго развитія. Не всѣ виды употребленія капитала приводятъ въ движеніе, полагаетъ Смитъ, одинаковое количество производительнаго труда. Болѣе всего производительнаго труда приводитъ въ движеніе земледѣліе, затѣмъ слѣдуетъ фабрикація и только третье мѣсто принадлежитъ торговлѣ. По естественному ходу вещей въ томъ же порядкѣ должна была бы развиваться и хозяйственная жизнь страны.

Но что же такое означаютъ слова: „давать движеніе производительному труду?“ Понимаетъ ли Смитъ подъ этимъ количество лицъ, которое находитъ приложеніе въ той или другой промышленности? И да, и нѣтъ. Смитъ не вырѣшилъ себѣ этого вопроса и разсуждаетъ такъ: „Капиталъ розничнаго торговца возстановляетъ съ прибылью капиталъ оптовщика (merchant), у котораго онъ покупаетъ товары и даетъ тѣмъ возможность продолжать послѣднему его дѣло. Розничный торговецъ представляетъ собой единственнаго производительнаго работника, которому онъ непосредственно даетъ занятіе. Въ его прибыли заключается вся та цѣнность, которая добавляется черезъ его работу (employment) къ годичному продукту земли и труда общества. Капиталъ оптоваго торговца возстанавливаетъ съ при-

былью капиталы земледѣльцевъ и мануфактуристовъ и даетъ этимъ послѣднимъ возможность продолжать ихъ дѣло. Главнымъ образомъ, только эта услуга съ его стороны косвенно содѣйствуетъ поддержкѣ производительнаго труда въ обществѣ и увеличенію цѣнности его годичнаго продукта. Капиталъ оптоваго торговца употребляетъ, кромѣ того, матросовъ и возчиковъ, а это увеличиваетъ цѣну этихъ благъ на цѣнность не только прибылей оптовщика, но и на заработныя платы его рабочихъ. Вотъ въ чемъ заключается тотъ производительный трудъ, который онъ приводитъ въ движеніе, и та цѣнность, которую онъ добавляетъ къ годичному продукту".

Аргументація довольно запутанная: противопоставленіе розничнаго и оптоваго торговца построено на недомолвкѣ. Смитъ говоритъ, что розничный торговецъ возстанавливаетъ капиталъ только оптовщика, между тѣмъ какъ оптовщикъ возстанавливаетъ капиталъ настоящихъ производителей. Все зависитъ отъ того, съ кѣмъ розничный торговецъ имѣетъ дѣло: стоитъ ли онъ въ непосредственной связи съ производителемъ или нѣтъ. Если да, онъ также косвенно возстановляетъ капиталъ производителей: если даже онъ дѣйствуетъ чрезъ оптовщика, его роль та же, и только схоластическая тонкость можетъ признавать противоположное. По количеству рабочихъ розничный торговецъ можетъ ихъ занимать больше. Правда, не только для перевозки товаровъ, но для процесса ихъ продажи. Поэтому заключительный выводъ Смита, будто оптовый торговецъ занимаетъ большее количество производительныхъ работниковъ и больше добавляетъ къ годичному продукту, не доказано. Почему онъ считаетъ производительными работниками возчиковъ и не считаетъ таковыми продавцовъ? Далѣе, столь же туманно и неясно это выраженіе: „главная заслуга оптоваго торговца въ косвенномъ" поддержаніи производительнаго труда", а между тѣмъ на немъ построено чрезвычайно важное различіе между видами оптовой торговли, стоящее въ рѣзкомъ противорѣчіи съ ученіями меркантильной школы.

Разные виды оптовой торговли, по мнѣнію Смита, оказываютъ неодинаковую поддержку и поощреніе (support, encouragement) производительному труду.

А. Внутренняя торговля возстанавливаетъ два капитала. Отсылая изъ мѣста своего жительства нѣкоторое количество цѣнныхъ предметовъ, торговецъ внутренняго рынка привозитъ обратно, по крайней мѣрѣ, на равную же цѣнность другихъ предметовъ. Если эти предметы произведены промышленностью въ предѣлахъ страны, то торговецъ востановляетъ два капитала, которые были затрачены въ

ней на поддержаніе производительнаго труда. Такъ, напр., шотландская мануфактура ввозится торговцемъ въ Англію, тотъ же торговецъ отправляетъ хлѣбъ изъ Англіи въ Шотландію. Торговецъ одновременно поощряетъ и мануфактуры. и земледѣліе своей страны.

Б. Иностранная торговля, если ввозятся продукты для потребленія за счетъ вывоза собственныхъ произведеній, также возстанавливаетъ два капитала, но только одинъ изъ нихъ употребляется на поддержку и поощреніе промышленности внутри страны, т. е., какъ поясняетъ Смитъ, даетъ прибыль (revenu), содержаніе и занятіе большему количеству работниковъ. Иностранная торговля чужими товарами даетъ только торговую прибыль. Поэтому иностранная торговля даетъ лишь половину того поощренія труду, какое даетъ внутренняя. Если же принять во вниманіе еще и то обстоятельство, что въ иностранной торговлѣ капиталъ обращается медленнѣе, то поощреніе окажется еще менѣе. Капиталъ во внутренней торговлѣ въ теченіе года можетъ сдѣлать 24 оборота, тотъ же капиталъ во внѣшней торговлѣ не обернется и одного раза.

В. Капиталъ, затраченный на перевозочную торговлю совершенно отказывается поощрять производительный трудъ своей страны. Онъ поддерживаетъ трудъ другихъ странъ и только въ размѣрѣ своей прибыли увеличиваетъ годичный продуктъ земли и труда страны. Этотъ видъ торговли можетъ возникнуть только тогда, когда страна имѣетъ избытокъ въ капиталѣ. Естественный процессъ развитія помѣщенія капитала въ торговлѣ зависитъ отъ ея выгодности для страны. Сначала развивается внутренняя торговля. Международная торговля становится необходимостью, когда въ странѣ появляются излишки, которые можно вывезти для пріобрѣтенія того, на что есть спросъ въ странѣ. Перевозочная торговля свидѣтельствуетъ объ избыткѣ капиталовъ въ странѣ: она — естественное послѣдствіе и симптомъ національнаго богатства [1]).

Что же можно сказать относительно этой теоріи?

Прежде всего она исторически невѣрна. Естественнымъ ходомъ вещей вовсе не является тотъ, который мы

---

1) См. также, гл. II., кн. 4-ю. Смитъ здѣсь указываетъ, что при равныхъ или почти равныхъ прибыляхъ торговецъ предпочитаетъ внутреннюю торговлю (предъ внѣшней) для внутренняго потребленія по слѣдующимъ основаніямъ: онъ не упускаетъ изъ виду свой капиталъ, лучше знаетъ свойства и состояніе своихъ согражданъ, знаетъ законы и т. п. „Внутренній рынокъ представляетъ собою какъ бы средоточіе, вокругъ котораго обращаются капиталы страны и къ которому они постоянно тяготѣютъ, хотя особыя причины могутъ иногда отдѣлять ихъ отъ него и направлять къ болѣе отдаленнымъ помѣщеніямъ.“

представляемъ себѣ, исходя изъ какихъ бы то ни было теоретическихъ допущеній, а тотъ который произошелъ въ дѣйствительности благодаря тому или другому комплексу наличныхъ причинъ, „особыхъ причинъ“, какъ выражается и самъ Смитъ. Историки доказали намъ, что происхожденіе торговли — фактъ какъ бы между-племенной, что она возникаетъ впервые въ видѣ своего рода международной торговли, и первыми купцами являются главы племенъ, князья и, вообще народная аристократія. Возникновеніе торговли связано съ военными походами, грабежами и опасностями. Только большія мѣстныя различія по цѣнности двигали первоначально торговлю. Точно также и перевозочная торговля въ своихъ наиболѣе элементарныхъ формахъ возникла гораздо ранѣе сколько-нибуть развитой торговли въ предѣлахъ болѣе или менѣе замкнутой хозяйственной организаціи. Классификація Смита относительно значенія разныхъ видовъ торговли можетъ быть объяснена исторически. Онъ жилъ въ то время, когда международная торговля имѣла еще сравнительно весьма малое развитіе, и, несмотря на это, теоретики меркантилизма придавали ей чрезмѣрное значеніе. Даже къ концу 18-го вѣка внутренняя торговля такихъ странъ, какъ Англія, Голландія и Франція по суммѣ цѣнностей значительно превосходила ихъ внѣшнюю торговлю, которая ограничивалась, главнымъ образомъ, торговлей благородными металлами, дорогими матеріями, пряностями, разными предметами роскоши и искусства. Смитъ цѣлесообразно подчеркнулъ значеніе внутренней торговли, но не предвидѣлъ будущаго развитія международной и причинъ, благодаря которымъ она развивается несмотря на кажущуюся маловыгодность ея для народа: вѣдь, она, по его мнѣнію, даетъ только половину поощренія національному труду сравнительно съ внутренней торговлей, а между тѣмъ начало развитія капитализма почти всегда совпадаетъ съ стремленіемъ развивать международную торговлю.

Во вторыхъ, Смитъ довольно туманно опредѣляетъ выгоды торговли вообще. Онъ ясно видитъ, что слѣдуетъ различить выгоды торговли для народа отъ выгодъ торговцевъ, но его воззрѣнія относительно раздѣла выгодъ между народами совершенно ошибочны. „Такъ какъ, полагаетъ онъ, обмѣниваемые товары предполагаются равными по цѣнности, то два капитала, употребленные въ торговлѣ, въ большинствѣ случаевъ будутъ также равны или почти равны и оба капитала, какъ употребляемые на производство домашнихъ произведеній, дадутъ доходъ и содержаніе для распредѣленія между жителями равные или почти равные“ [1]).

1) См. кн. IV, глава 3-я, стр. 199—200.

Здѣсь сразу три ошибки бросаются въ глаза: во первыхъ, Смитъ не доказалъ нигдѣ, что цѣнности эти будутъ вполнѣ равны; во вторыхъ, если капиталы обращенія и равны, то отсюда еще не слѣдуетъ, что столь же равны и производительные капиталы, которымъ они даютъ движеніе; въ третьихъ невѣрно и то, что доходъ и содержаніе должны быть равны. Если въ одной странѣ большая доля производительнаго капитала затрачивается въ видѣ основного капитала, то въ ней прибыль можетъ быть больше, содержаніе рабочихъ меньше и наоборотъ.

Въ третьихъ, Смитъ, разъясняя, какое экономическое значеніе имѣетъ то обстоятельство, что торговый капиталъ косвенно поддерживаетъ производительный трудъ, ссылается на слѣдующій аргументъ. Онъ думаетъ, что иностранная торговля можетъ иногда давать бо́льшую прибыль, но всегда предпочитаетъ внутреннюю торговля своими произведеніями, которая, хотя и даетъ возможность получать меньшую прибыль, но и выручаетъ содержаніе рабочихъ. Смитъ стоитъ всегда за высшую производительность труда, но и за ростъ валового дохода, т.-е. содержанія рабочихъ [1]). Этотъ аргументъ Рикардо, — защитникъ чистаго дохода, истолковалъ совсѣмъ иначе. Онъ даже допускаетъ, что внутренняя торговля можетъ содержать „большее количество рабочихъ", но требуетъ, чтобы ясно различалось „могущество страны" отъ „благосостоянія населенія". Способность платить налоги и содержать разные виды непроизводительныхъ работниковъ, по его мнѣнію, зависитъ только „отъ чистаго, а не отъ валового дохода", а потому развитіе иностранной торговли можетъ вѣрнѣе увеличить „могущество страны" [2]).

---

1) Рикардо впослѣдствіи стоялъ всегда за возрастаніе чистаго дохода т. е. рентъ и прибылей; Смитъ всегда заботится о возрастаніи валоваго дохода т. е. ренты, прибыли и заработной платы. Ему представляется желательнымъ, чтобы заработная плата въ общей массѣ издержекъ производства возрастала. О сокращеніи другихъ издержекъ производства онъ также заботится, какъ и Рикардо.

2) См. Рикардо. Основанія, гл. о чистомъ и валовомъ доходѣ. Обыкновенно съ легкой руки проф. Адольфа Гельда (см. его Zwei Bücher zur socialen Geschichte Englands, 1880; одна изъ этихъ книгъ, дающая матеріалы по исторіи промышленнаго переворота переведена на русскій языкъ въ 1903 году) ссылаются на это мѣсто для доказательства „буржуазныхъ симпатій" Рикардо. Это грубая ошибка. Рикардо въ примѣчаніи говоритъ, что онъ вовсе не желаетъ игнорировать „счастія столь многочисленныхъ существъ", т.-е. рабочихъ. Онъ только убѣжденъ въ томъ, что ихъ плата равна ихъ содержанію, а потому они и не въ состояніи платить налоги, за счетъ которыхъ поддерживаются арміи, флоты и вообще все могущество страны. Это убѣжденіе, конечно, было грубой ошибкой, ибо арміи содержатся и за счетъ необходимой заработной платы, и отнимаютъ у рабочаго класса трудовыя силы безъ надлежащаго вознагражденія ихъ.

Впрочемъ, въ другомъ примѣчаніи, тутъ же рядомъ, Рикардо признаетъ, что утвержденіе, будто плата рабочихъ совпадаетъ съ ихъ необходимымъ содержаніемъ, слишкомъ абсолютно выражено. Если она выше этого необходимаго содержанія, рабочій получаетъ часть чистаго продукта страны; эта часть можетъ быть сбережена, издержана или употреблена на охрану страны. Рикардо какъ бы догадывается, что международная торговля содѣйствуетъ образованію крупныхъ капиталовъ.

4. Въ четвертыхъ, Смитъ совершенно не доказываетъ, что всякая внутренняя торговля совершаетъ возмѣщеніе двухъ производительныхъ капиталовъ. Данный торговый капиталъ можетъ обращать только одинъ видъ товара, напр. хлѣбъ т.-е., по терминологіи Смита, оказывать поощреніе одному виду производительнаго труда и послѣ этой единичной операціи реализовать свою прибыль въ деньгахъ; точно также иностранный торговецъ можетъ сосредоточиться только на вывозѣ продуктовъ своей страны, а не на ввозѣ продуктовъ извнѣ. Онъ, очевидно, не будетъ давать поощренія иноземному производительному труду.

Рикардо въ своей полемикѣ противъ этого положенія Смита справедливо указываетъ на то обстоятельство, что существованіе двухъ иностранныхъ капиталовъ обращенія можетъ быть выгоднѣе для страны и можетъ давать такое же содержаніе производительному труду. Онъ даетъ такой примѣръ: „предположимъ, что Шотландія затрачивала на производство льна 1000 ф. и вымѣнивала его на шелкъ Англіи, на который Англія также затрачивала 1000 ф. Капиталъ обращенія былъ одинъ въ 1000 ф. Впослѣдствіи Шотландія убѣдилась, что пріобрѣтетъ больше шелка за свой ленъ, торгуя съ Франціей; Англія точно также пришла къ выводу, что пріобрѣтетъ больше за свой шелкъ, торгуя съ Германіей. Торговля внутренняго потребленія смѣнится торговлей внѣшняго потребленія. Два капитала обращенія войдутъ въ оборотъ вмѣсто одного, но производительные капиталы Англіи и Шотландіи будутъ давать тоже самое занятіе труду и вознаграждаться лучше.“ Аргументъ Рикардо предполагаетъ, однако, совершенно иной законъ въ международномъ обмѣнѣ.

d). Ученіе Смита о торговлѣ не могло удовлетворить никого. Теорія Рикардо представилась, поэтому, для многихъ настоящимъ открытіемъ и кажется таковымъ до нашихъ дней. Англійскій комментаторъ Рикардо Гопперъ[1]) пишетъ: „до Рикардо все было, какъ въ туманѣ, послѣ него явилась возможность разсматривать международную цѣнность, какъ

1) См. его изданіе „Principles“ Рикардо 1891 г., introd. essay, p. LVII.

частный случай общей проблемы цѣнности. Это стало возможнымъ, ибо причины различій въ законахъ, регулирующихъ международныя и внутреннія цѣнности, были опредѣлены. Законъ сравнительныхъ издержекъ былъ великимъ открытіемъ, сдѣланнымъ Рикардо.“

Мнѣ кажется, что Гоннеръ совершенно ошибочно, вполнѣ соотвѣтственно съ сложившейся ученой рутиной, оцѣниваетъ значеніе этого открытія Рикардо. Излагая теорію Родбертуса, мы ближе подойдемъ къ анализу этого закона „сравнительныхъ издержекъ,“ истолкуемъ его совершенно иначе и постараемся показать, что законъ международныхъ цѣнностей, какъ частный случай общаго ученія о цѣнности не имѣетъ никакого значенія. Я постараюсь тамъ показать, что намъ нужна не теорія цѣнности съ ея казуистической схоластикой, а теорія обмѣна, которая можетъ и должна быть единой.

Поразительна судьба этого ученія. Хотя оно и считается многими, въ особенности англичанами, великимъ открытіемъ, но оно менѣе всего извѣстно, менѣе всего прилагается въ разсужденіяхъ къ практической жизни, а присяжные ученые старательно избѣгаютъ излагать его въ своихъ учебникахъ и не безъ причинъ.

Достаточно заглянуть въ его содержаніе и сдѣлать изъ него тѣ непосредственные выводы, которые напрашиваются сами собой, чтобы убѣдиться, что въ этой теоріи Рикардо наталкивается на нелѣпость закона эквивалентности товарнаго обмѣна и ищетъ въ доходахъ какого то регулятора для процесса образованія цѣнъ. Другими словами, обмѣнъ и распредѣленіе, соціальная и техническая структура хозяйствъ обмѣнивающихся сторонъ становится факторомъ опредѣляющимъ пропорціи обмѣна. Воспользовавшись этимъ закономъ сравнительныхъ издержекъ, мы постараемся впослѣдствіи доказать, что ученіе о стоимости производства, внесшее столько путаницы въ экономію, должно быть замѣнено ученіемъ о „дифференціальной производительности труда“. Но не будемъ забѣгать впередъ, а сперва заглянемъ въ самую теорію Рикардо и сдѣлаемъ кое-какіе выводы.

О внутренней торговлѣ Рикардо почти ничего не говоритъ. Мы находимъ, однако, у него очень характерное мѣсто, гдѣ онъ цитируетъ Сэ и въ то же время возражаетъ ему. Сэ пишетъ: „торговля даетъ намъ возможность получать товаръ тамъ, гдѣ его можно найти и доставлять его туда, гдѣ онъ будетъ потребленъ; торговля, слѣдовательно, даетъ намъ возможность увеличить цѣнность товара на всю разницу его цѣны въ первомъ мѣстѣ съ цѣною во второмъ“.

„Совершенно вѣрно, отвѣчаетъ Рикардо, но какъ же

придается товару эта добавочная цѣнность? Присоединеніемъ къ издержкамъ производства, во-первыхъ, издержекъ доставки, во-вторыхъ, прибыли на капиталъ, затраченный торговцемъ. Товаръ становится болѣе цѣннымъ въ данномъ случаѣ только по тѣмъ же причинамъ, вслѣдствіе которыхъ и всякій другой товаръ становится болѣе цѣннымъ, а именно: вслѣдствіе увеличенія количества труда, затраченнаго на производство и доставку его до момента, когда онъ купленъ потребителемъ. На это не слѣдуетъ указывать, какъ на одну изъ выгодъ торговли. Если разсмотрѣть предметъ болѣе внимательно, то окажется, что всѣ выгоды торговли сводятся къ тому, что она даетъ возможность пріобрѣтать намъ предметы не болѣе цѣнные, но болѣе полезные".

И въ другомъ мѣстѣ: Сэ пишетъ: „въ торговлѣ между отдѣльными лицами одной и той же страны единственный выигрышъ представляетъ произведенная цѣнность потребленія"... я не вижу различія проводимаго между прибылями внутренней и внѣшней торговли." Задача всякой торговлы увеличивать „произведенія", отвѣчаетъ Рикардо[1]).

1) Представители исторической школы въ экономіи напр. Эренбергъ (см. мою книгу „Обмѣнъ и т. д.") стали говорить опредѣленнѣе, что задача торговли заключается въ устраненіи препятствій, раздѣляющихъ производителя отъ потребителя въ пространствѣ и во времени т. е. находить „произведенія" тамъ, гдѣ они нужны и тогда, когда въ нихъ есть потребность. Эренбергъ въ своей книгѣ: Der Handel, Jena. 1897 г., стр. 32—41 пишетъ: „Всѣ роды производительной дѣятельности постепенно обособились въ процессѣ развитія экономической жизни, и если на практикѣ намъ бываетъ трудно провести между ними разграничительную черту, то этому нѣтъ надобности удивляться. Нѣтъ ни одного экономическаго опредѣленія, которое такъ же точно прилагалось бы къ дѣйствительности, какъ могутъ совпадать двѣ равныя геометрическія фигуры; но, если исходить изъ представленія о современномъ народномъ хозяйствѣ, какъ о цѣломъ, то мы неизбѣжно должны признать существованіе четырехъ родовъ производства: добывающаго производства, обрабатывающаго производства, торговли и спекуляціи. Отсюда слѣдуетъ, какъ для всего народнаго хозяйства, такъ и для любой его отрасли, что, во первыхъ, ни одинъ атомъ любого блага въ производительной дѣятельности не можетъ быть употребленъ, если нѣкоторое его количество не пріобрѣтено при помощи добывающаго производства, во вторыхъ, произведенія добывающей промышленности, поскольку они не потребляются непосредственно, получаютъ пригодное для удовлетворенія потребностей качество только чрезъ посредство обрабатывающаго производства, въ третьихъ, что передача благъ къ тому мѣсту, гдѣ въ нихъ имѣется потребность, есть задача торговли, и въ четвертыхъ, что обезпеченіе во времени непрерывности снабженія благами составляетъ задачу спекуляціи".

Исходя изъ такой точки зрѣнія, онъ безъ труда даетъ теорію торговли и спекуляціи. „Торговля, по его мнѣнію, есть тотъ родъ производства, который имѣетъ задачей преодолѣвать мѣстный недостатокъ природы въ хозяйственныхъ благахъ", а потому мѣстная цѣнность (Ortswert) блага опредѣляется, съ одной стороны, въ зависимости отъ сред-

Ученіе Рикардо и его послѣдователей о международной торговлѣ можетъ быть сведено къ слѣдующимъ положеніямъ:

1. Въ основѣ этой теоріи лежитъ прежде всего слѣдующая теорія денегъ.

a. Золото и серебро, подобно всѣмъ другимъ товарамъ, имѣютъ цѣнность, которая зависитъ отъ количества труда и капитала, употребленнаго въ самыхъ худшихъ условіяхъ ихъ добыванія въ данное время. Употребляемые въ качествѣ денегъ благородные металлы не пріобрѣтаютъ вслѣдствіе этого добавочной цѣнности, какъ думалъ, напр., Д. Ло. Наихудшіе рудники опредѣляютъ естественную цѣнноеть благороднаго металла.

Разница между цѣнностью чеканной монеты и слитками не можетъ быть велика. Цѣнность денегъ въ конечномъ результатѣ всегда, а при свободномъ чеканѣ почти мгновенно, сообразуется съ цѣнностью металла, изъ котораго онѣ сдѣланы. Когда деньги дороже слитковъ, то создается стремленіе обращать эти послѣднія въ монету, если слитки дороже монеты, значительное количество ея обратится въ слитки. Такимъ образомъ, въ странахъ, гдѣ монетный дворъ открытъ для всѣхъ и гдѣ издержки чекана падаютъ на государство, цѣнность денегъ и слитковъ почти совпадаетъ.

Деньги изъ благороднаго металла являются лучшимъ мѣриломъ цѣнности всѣхъ другихъ товаровъ: они сохраняются безконечно долгое время, легко дробятся на мельчайшія части, наиболѣе устойчивы по цѣнности, ибо принимаются въ платежи во всемъ свѣтѣ и условія производства, ихъ более или менѣе постоянны. Но и это мѣрило цѣнности, состоитъ ли оно изъ золота или серебра, колеблется въ своей цѣнности. Вполнѣ устойчиваго и неизмѣннаго мѣрила цѣнности нѣтъ и быть не можетъ (Рикардо).

b. Цѣнность денегъ — есть ихъ покупательная сила и цѣнность предметовъ, выраженная въ деньгахъ, составляетъ цѣну ихъ. Деньги и товары стремятся къ взаимному обмѣну. Всѣ находящіеся на рынкѣ товары составляютъ запросъ на деньги, а всѣ находящіяся въ обращеніи деньги — спросъ на товары. Поэтому во всякой странѣ всегда обращается такое количество денегъ, которое равно суммѣ товарныхъ цѣнъ, раздѣленное на среднее число покупокъ, сдѣланныхъ каждою монетою или на такъ называемую быстроту обращенія[1]). Кромѣ того, на количество и цѣнность денегъ

няго количества труда, потребнаго для производства, съ другой стороны въ зависимости отъ потребности всего общества въ такихъ трудовыхъ усиліяхъ".

1) Д. С. Милль полагаетъ, что подъ быстротой обращенія слѣдуетъ понимать среднее число покупокъ, дѣлаемыхъ каждой монетой для совершенія данной денежной суммы покупокъ, т. е., если каждая монета

имѣетъ еще вліяніе степень экономіи въ употребленіи наличныхъ денегъ и замѣна ихъ кредитными знаками для совершенія платежей. Игнорируя два послѣднихъ элемента, можно сказать, что количество обращающихся въ странѣ денегъ тогда находится въ нормальномъ положеніи, если оно опредѣляется суммою цѣнности обращающихся товаровъ, оцѣненною на ихъ металлическую цѣнность, другими словами, чѣмъ выше цѣнность денегъ, тѣмъ, при данной быстротѣ ихъ обращенія, ихъ требуется меньше и чѣмъ ниже цѣнность денегъ, тѣмъ ихъ требуется больше.

с. Если мы примемъ количество продаваемыхъ товаровъ, говоритъ Д. С. Милль, и число разъ перепродажи этихъ товаровъ за количество опредѣленное, то цѣнность денегъ будетъ опредѣляться количествомъ ихъ и среднею цыфрою разъ, сколько каждая монета переходитъ изъ рукъ въ руки во время обмѣна товаровъ на деньги. Слѣдовательно, при данномъ количествѣ товаровъ и продажъ цѣнность денегъ обратно пропорціональна ихъ количеству, помноженному на быстроту обращенія. Но въ окончательномъ результатѣ, утверждаетъ Д. С. Милль, цѣнность денегъ не опредѣляется однимъ количествомъ; по отношенію къ деньгамъ это послѣднее имѣетъ только болѣе важное значеніе, чѣмъ по отношенію къ товарамъ. Для послѣднихъ одна возможность перемѣны въ снабженіи уже измѣняетъ цѣнность. Цѣнность денегъ, количество которыхъ громадно въ міровомъ запасѣ, можетъ измѣниться только тогда, если количество денегъ дѣйствительно возрастетъ. Но въ конечномъ результатѣ цѣнность денегъ зависитъ отъ издержекъ производства металла и въ среднемъ выводѣ цѣны предметовъ будутъ такія, чтобы деньги обмѣнивались на всѣ другіе товары по стоимости своего производства: и по той самой причинѣ, что отъ количества денегъ необходимо зависитъ цѣнность ихъ, само количество, какъ бы автоматическою силою, будетъ держаться въ величинѣ, требуемой этой нормою цѣнъ, — въ величинѣ, необходимой для совершенія требуемаго количества покупокъ по этимъ цѣнамъ.

перейдетъ изъ рукъ въ руки десять разъ, пока товаровъ будетъ продано на цѣнность милліона рублей, то очевидно, что на обращеніе этихъ товаровъ надобно 100 т. фунтовъ. И наоборотъ, если въ обращеніи денегъ находится 100 тыс. фунтовъ и каждая монета въ мѣсяцъ пройдетъ десять разъ изъ рукъ въ руку покупкой товаровъ, то продажа товаровъ на деньги должна среднимъ числомъ простираться до милліона фунтовъ въ мѣсяцъ. Всѣ попытки практически опредѣлить быстроту обращенія до сихъ поръ не дали положительныхъ результатовъ см. мои Деньги, 1895 г., S. Jevons. Geld und Geldverkehr, нѣмецкій болѣе доступный переводъ. 1876 г. Новѣйшее лучшее сочиненіе Helferich. Das Geld, Berlin, 1905 года.

d) Слѣдуетъ различать обезцѣненіе или возвышеніе цѣны денегъ (depreciation or appreciation) отъ измѣненія ихъ цѣнности. Подъ обезцѣненіемъ денегъ (депресіаціей) слѣдуетъ понимать пониженіе ихъ цѣнности вслѣдствіе увеличенія ихъ количества во всѣхъ видахъ внѣ всякой зависимости отъ измѣненія издержекъ производства. Это обезцѣненіе можетъ имѣть всеобщій характеръ или только мѣстный, напр., благодаря выпускамъ бумажныхъ денегъ. Уменьшеніе цѣнности благородныхъ металловъ происходитъ только подъ вліяніемъ измѣненія издержекъ производства матеріала.

e) Деньги изъ золота и серебра дѣйствіемъ торговаго соперничества распредѣляются по всему міру въ такихъ пропорціяхъ между разными странами, которыя соотвѣтствуютъ натуральному обмѣну, какой имѣлъ бы мѣсто, если бы этихъ металловъ не существовало и если бы международная торговля была простымъ размѣномъ товара на товаръ. Это распредѣленіе благородныхъ металловъ совершается путемъ установленія во всѣхъ странахъ „сравнительнаго уровня цѣнъ“ [1]; металлы распредѣляются по всему свѣту, какъ вода въ сообщающихся сосудахъ разныхъ размѣровъ. Если страна будетъ только продавать товары другой, но не ввозить, то страна, покупающая товары, должна будетъ платить ей благороднымъ металломъ. Количество денегъ въ продающей товарей странѣ увеличится, въ покупающей — уменьшится; въ первой — цѣны возрастутъ, во второй — падутъ. Благодаря этому второй странѣ будетъ труднѣе покупать и, въ концѣ концовъ, она должна будетъ прекратить свои покупки.

---

1) Противъ теоріи сравнительнаго уровня цѣнъ энергично возражалъ впервые Мальтусъ. См. мое изданіе: „Трактаты Мальтуса и Рикардо о рентѣ, стр. 29. „Я разсматриваю эту доктрину, пишетъ Мальтусъ, какъ вполнѣ не подтверждающуюся фактами и сравненіе благородныхъ металловъ съ водою совершенно неподходящимъ. Благородные металлы стремятся всегда къ состоянію неподвижности или къ такому положенію вещей, которое дѣлаетъ ихъ передвиженіе ненужнымъ. Но разъ такое состояніе неподвижности достигнуто и обмѣны всѣхъ странъ стоятъ al pari, цѣнность благородныхъ металловъ, измѣряемая трудомъ, хлѣбомъ или массой другихъ продуктовъ, совершенно различна. Чтобы убѣдиться въ этомъ, необходимо обратить свои взоры на Англію, Францію, Польшу, Россію и Индію, когда обмѣны стоятъ al pari. Что Адамъ Смитъ, предложившій сдѣлать трудъ истинной мѣрой цѣнности во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ, могъ утверждать, будто цѣнность благородныхъ металловъ всегда наивысшая въ наиболѣе богатыхъ странахъ, всегда представлялось мнѣ весьма несоотвѣтствующимъ его обычной склонности обосновывать свои теоріи на фактахъ.“

Исторически вопросъ о различной цѣнности денегъ т. е. движимаго капитала имѣетъ чрезвычайно важное значеніе и, къ сожалѣнію, еще очень плохо разработанъ. Въ наше время эти различія въ цѣнности денегъ въ зависимости отъ размѣра накопленій и производительности труда имѣютъ важное значеніе, а для предшествовавшей исторіи еще большее.

Первой странѣ, напротивъ, при пониженіи цѣны товаровъ во второй, будетъ выгодно покупать; она начнетъ ввозить товары и уплачивать за нихъ деньгами; установится обратный потокъ денегъ; торговля будетъ колебаться такъ до той поры, пока не установится само собой равновѣсіе ввоза и вывоза, которое дастъ каждой странѣ то количество денегъ, которое ей нужно.

2. Никакое расширеніе международной торговли не увеличиваетъ непосредственно сумму цѣнностей въ странѣ, хотя и весьма содѣйствуетъ увеличенію массы продуктовъ, а тѣмъ самымъ и количеству наслажденій. (Рикардо).

3. Тотъ законъ, который регулируетъ относительную цѣнность товаровъ въ предѣлахъ страны, не прилагается къ относительной цѣнности товаровъ, которыми обмѣниваются двѣ или нѣсколько странъ. Здѣсь значеніе имѣетъ законъ сравнительныхъ издержекъ производства товаровъ, которыми торгуютъ обмѣнивающіяся страны [1]).

Подъ сравнительными издержками производства слѣдуетъ разумѣть существующее въ обмѣнивающихся странахъ различіе въ издержкахъ производства различныхъ предметовъ. Если эти различія въ издержкахъ производства одни и тѣ же для всѣхъ продуктовъ безъ исключенія, то международная торговля возникнуть не можетъ.

4. Причина, которая побуждаетъ Рикардо признать существованіе особаго закона для международныхъ цѣнностей, сводится къ тому, что уровень прибыли въ предѣлахъ разныхъ странъ можетъ быть различенъ въ силу разныхъ причинъ (родъ послѣдне-обрабатываемыхъ земель, обиліе или недостатокъ капиталовъ, политическій порядокъ и обезпеченность собственности, производительность и преимущества труда и т. п.), а между тѣмъ передвиженіе капитала и труда

---

1) Рикардо I. c. p. 113. „Прежде всего слѣдуетъ имѣть въ виду, пишетъ Кернсъ, что подъ „издержками производства“ читатель долженъ понимать „дѣйствительныя трудности производства“, насколько онѣ измѣряются пожертвованіями, которыя требуются производствомъ“. Онъ вполнѣ правильно отмѣчаетъ одну особенность изложенія этой теоріи Рикардо и Миллемъ. Хотя послѣдній и видоизмѣнилъ Рикардіанское представленіе издержекъ (трудъ и капиталъ) на издержки въ „прибыляхъ и въ заработныхъ платахъ“, но и онъ, и Рикардо „при изложеніи теоріи международной торговли принимаютъ во вниманіе всегда одно пожертвованіе — трудъ“. „Это опущеніе, полагаетъ Кернсъ, не вредитъ серьезно разсужденіямъ, такъ какъ трудъ и капиталъ являются оба пожертвованіями и потому, поскольку аргументы приложимы къ одному, они въ значительнѣйшей части приложимы и къ другому“. Кернсъ, также какъ и Рикардо (ср. п. 4) особенно настаиваетъ на большей подвижности труда и капитала въ предѣлахъ страны. Для нашего времени затрудненія въ переходѣ капиталовъ изъ страны въ страну значительно уменьшились; быть можетъ въ меньшей степени, но тоже можно сказать и о передвиженіяхъ труда. См. Some Leading Principles, изд. 1874, p. 372, 363.

изъ страны въ страну не совершается съ такой легкостью, какъ въ предѣлахъ одной и той же страны.

5. Уровень прибыли никогда не возрастаетъ вслѣдствіе лучшаго распредѣленія труда, механическихъ изобрѣтеній, устройства дорогъ и каналовъ или, какъ результатъ какихъ бы то ни было способовъ сокращенія труда, какъ въ производствѣ, такъ и въ перевозкѣ товаровъ. Уровень прибыли не возрастаетъ также вслѣдствіе расширенія рынка.

6. Прибыль возрастаетъ единственно въ силу пониженія заработной платы. Если, благодаря расширенію внѣшней торговли или вслѣдствіе механическихъ улучшеній, пища и другіе предметы потребленія рабочихъ могутъ быть доставляемы по болѣе низкой цѣнѣ, то прибыль возрастетъ[1]), ибо прибыль зависитъ всегда отъ цѣны или вѣрнѣе цѣнности пищи.

Возьмемъ примѣръ, который поможетъ намъ сдѣлать эту теорію болѣе удобопонятной.

Предположимъ, что Франція и Англія обмѣниваются двумя товарами: виномъ и углемъ. Франція производитъ въ 100 дней труда 100 бочекъ вина, то же количество вина производится въ Англіи въ 150 дней труда.

Франція, далѣе, въ 200 дней труда прозводитъ 500 пудовъ угля, то же количество угля въ Англіи производится въ 100 дней.

Если каждая изъ названныхъ націи будетъ производить оба товара вь предѣлахъ собственной страны, то Франція произведетъ свой уголь и свое вино, а именно: 100 бочекъ вина и 500 пудовъ угля въ 300 дней, Англія то же количсетво вина и угля въ 250 дней. Причина этого различія въ томъ, что во Франціи издержки производства вина ниже, но зато издержки производства угля значительно выше; Франція имѣетъ рѣшительное преимущество предъ Англіей въ производствѣ вина, Англія еще большее преимущество въ производствѣ угля. Если признать, что одинъ день труда овеществляется въ каждой странѣ въ нѣкоторой величинѣ X цѣнности, то отсюда вытечетъ, что Франція создаетъ 300 X

1) Отказываться отъ какихъ либо улучшеній въ производствѣ ради интересовъ землевладѣльцевъ или другихъ классовъ нелѣпо. „Если выгоды землевладѣльца имѣютъ достаточную важность для того, чтобы удержать насъ отъ усвоенія всѣхъ тѣхъ благодѣяній, которыя послѣдовали бы отъ ввоза хлѣба по дешевой цѣнѣ, то они должны насъ заставить отречься отъ всякихъ улучшеній въ земледѣліи и въ хозяйственныхъ орудіяхъ, ибо не менѣе достовѣрно то, что всѣ эти улучшенія, дѣлая хлѣбъ дешевле, понижая ренту и податную способность землевладѣльца, наносятъ ему такой же ущербъ, какъ и ввозъ хлѣба“. См. сочиненіе Рикардо р. пер. Зибера, стр. 428, мое. изданіе Мальтусъ и Рикардо о рентѣ, стр. 128.

цѣнностей. Англія 250 Х. Другими словами, одно и то же количество продукта, благодаря различіямъ въ производительности труда или, что то же, разнымъ количествамъ труда затраченнаго на производство одного и того же количества продукта, будетъ представляться странамъ, какъ величины неравной цѣнности.

Предположимъ, далѣе, что это ненормальное положеніе замѣчено, и каждая изъ разсматриваемыхъ странъ сосредоточилась на производствѣ товаровъ, въ которыхъ она имѣетъ наибольшее преимущество. Франція стала производить вино и въ 200 дней произвела 200 бочекъ вина; 100 бочекъ она по прежнему желаетъ оставить для себя, остальное согласна промѣнять на уголь. Точно также Англія въ 200 дней своего труда произвела 1,000 пудовъ угля, 500 для и себя и 500 для промѣна.

Постигнувъ, что, размѣнявшись своими продуктами, обѣ страны удовлетворятъ своимъ прежнимъ потребностямъ, Франція и Англія такъ и поступаютъ. Тогда за свои 100 бочекъ вина Франція пріобрѣтетъ 500 пудовъ угля, Англія за 500 пудовъ угля пріобрѣтатъ также 100 бочекъ вина; другими словами, преобразовавъ свое національное производство въ соотвѣтствіи съ сравнительными издержками, Франція съэкономитъ 100 дней своего труда, Англія — 50. Мы разсуждаемъ согласно со схемой Рикардо и теперь должны спросить, можемъ ли мы сдѣлать тѣ же выводы, какіе сдѣлалъ Рикардо, излагая свою теорію въ вышеприведенныхъ положеніяхъ?

По первому впечатлѣнію можетъ показаться, что Рикардо безусловно правъ. Въ самомъ дѣлѣ, оказывается, что 100 дней труда каждой страны съ возникновеніемъ обмѣна дадутъ ей, согласно съ предположеніями Рикардо, совершенно разное, сравнительно съ прежнимъ, количество продуктовъ.

Второе предположеніе также какъ бы подтверждается. Такъ, если согласно нашему прежнему предположенію одинъ день труда воплощается въ нѣкоторомъ х цѣнности, то сумма созданныхъ каждой страною цѣнностей будетъ теперь 200 х, т. е. сумма цѣнностей не только не повысилась, но, дѣйствительно, понизилась: весьма сильно во Франціи — съ 300 х до 200 х, слабѣе въ Англіи съ 250 х до 200 х.

Поверхностное разсужденіе могло бы даже сдѣлать и еще одинъ выводъ. При взятыхъ предположеніяхъ (т. е., предполагая пока, что продукты производятся трудомъ безъ участія капитала), обмѣнъ совершается какъ бы въ точномъ соотвѣтствіи съ трудовою цѣнностью. Продуктъ ста дней Франціи обмѣнивается на продуктъ ста дней Англіи. Этотъ то возможный поверхностный выводъ (почему мы его

такъ называемъ, увидимъ тотчасъ) и побуждаетъ насъ ближе присмотрѣться къ схемѣ Рикардо и поискать, нѣтъ ли въ ней чего-нибудь противорѣчиваго. Что же, спрашивается, произошло съ возникновеніемъ международнаго обмѣна?

Впослѣдствіи мы ближе подойдемъ ко всѣмъ особенностямъ этой теоріи, пока же обратимъ вниманіе на нѣкоторые ея главнѣйшіе выводы изъ втораго пункта.

Это положеніе формулировано въ высшей степени неудачно, но характерно для всей системы Рикардо. Это положеніе, во первыхъ содержитъ въ себѣ неясность, во вторыхъ, — неправильность и, въ третьихъ, — неполноту.

Неясность заключается въ томъ, что Рикардо утверждаетъ, будто международная торговля не увеличиваетъ непосредственно цѣнностей, но не разъясняетъ, что означаетъ это слово „непосредственно". Только внимательно вчитываясь въ текстъ и сопоставляя его съ главой „о цѣнности и богатствѣ" можно понять предположительно, что имѣетъ Рикардо въ виду. Здѣсь впервые мы встрѣчаемся у Рикардо съ представленіемъ объ „абсолютной трудовой цѣнности" всего національнаго продукта. Мысль Рикардо такова. Общая масса національнаго продукта стоитъ опредѣленное количество труда. Необходимость затратить этотъ трудъ опредѣляетъ цѣнность всего продукта. Возникновеніе международной торговли не измѣняетъ дѣла. Часть національнаго продукта, который стоилъ опредѣленную массу труда, отчуждается для пріобрѣтенія другихъ полезныхъ благъ и ничего больше. Представленіе націи о трудности производства не видоизмѣняется. Цѣнность національнаго продукта не увеличивается. Правильнѣе, Рикардо долженъ былъ бы сказать: остается безъ видоизмѣненія. Она по прежнему тратитъ 200 дней труда на вино, но получаетъ большую массу продукта въ обмѣнъ.

Дальнѣйшее разсужденіе было сдѣлано Миллемъ и другими теоретиками. Цѣнность всего отчуждаемаго продукта не увеличивается, но полученіе большаго количества полезныхъ вещей въ обмѣнъ (средства существованія, орудія, матеріалы) даетъ возможность увеличить количество содержимаго труда, а этотъ новый трудъ создастъ новыя цѣнности, т. е. посредственно можетъ произойти и увеличеніе массы цѣнностей въ странѣ. Въ этой неясности заключается крупная теоретическая ошибка, ибо увеличеніе массы цѣнностей, получаемыхъ въ обмѣнъ обѣими странами, можетъ сильно видоизмѣнить цѣнность этой массы по отношенію къ другимъ товарамъ внутренняго рынка.

Неправильность заключается въ томъ, что при принятомъ законѣ сравнительныхъ издержекъ это „объективное представленіе" націи о цѣнности національнаго продукта,

чрезъ посредство обмѣна, должно кореннымъ образомъ видоизмѣниться и слѣдовало бы сказать, что международная торговля не только „не можетъ увеличивать“ цѣнностей, а, напротивъ, „понижаетъ ихъ“. Поставивъ въ основу своего обмѣна принципъ сравнительныхъ издержекъ, страна получаетъ облегченіе въ своемъ производствѣ на всю сумму своихъ преимуществъ и таковыхъ же другой страны, съ которой она ведетъ обмѣнъ. Она естественно должна видоизмѣнить свое объективное представленіе о трудности производства, т. е. о цѣнности въ смыслѣ ея пониженія, а не увеличенія. Эта фраза Рикардо: „не происходитъ непосредственнаго увеличенія цѣнностей“, обнаруживаетъ его смутное чувство, что возможно, если не увеличеніе, то „видоизмѣненіе цѣнностей“; другими словами, что вся проблема вертится вовсе не на одной только почвѣ представленія объ абсолютной, но о мѣновой цѣнности.

Рикардо упустилъ изъ виду что процессъ уравненія баланса международнаго обмѣна на началахъ, развитаго впослѣдствіи Миллемъ закона уравненія взаимнаго спроса, вызываетъ крупныя послѣдствія [1]).

Рикардо игнорируетъ, во-первыхъ, колоссальную пертурбацію въ отношеніяхъ или пропорціяхъ обмѣна, которая происходитъ послѣ возникновенія международной торговли.

1) Д. С. Милль очень просто устанавливаетъ этотъ законъ уравненія спроса. „Разумѣя подъ словомъ спросъ требуемое количество товара и помня, что это количество не бываетъ неизмѣннымъ, а вообще видоизмѣняется сообразно съ цѣнностью товара, предположимъ, что въ данное время спросъ больше предложенія, т. е. имѣются люди, склонные купить по рыночной цѣнѣ больше того количества, какое предлагается въ продажу. Со стороны покупщиковъ начинается соперничество и цѣнность поднимается, насколько же поднимется она? Иной предположитъ, что она приподнимется пропорціонально недостатку товара: если спросъ больше предложенія на третью часть, то и цѣнность поднимется на одну треть. Нѣтъ вовсе, не такъ. Когда цѣнность поднялась на третью часть, спросъ все еще можетъ оставаться больше предложенія; можетъ и при этой возвысившейся цѣнѣ требоваться больше товара, чѣмъ можно купить его, и соперничество покупщиковъ будетъ продолжаться. Если товаръ предметъ необходимости и люди скорѣе готовы заплатить за него какую угодно цѣну, чѣмъ отказаться отъ него, то отъ недостачи товара на третью долю цѣна его можетъ удвоиться, утроиться, учетвериться. Наоборотъ, соперничество можетъ прекратиться скорѣе, чѣмъ цѣнность поднимется пропорціонально недочету. Возвысившись въ цѣнности меньше, чѣмъ на третью часть, товаръ можетъ на цѣлую третью часть стать выше средствъ и наклонностей покупателей. На какой же ступени остановится повышеніе цѣны? На такой, которая *уравниваетъ* спросъ и предложеніе, на цѣнѣ, которая уменьшитъ лишнюю третью часть изъ спроса или привлечетъ на рынокъ лишнихъ торговцевъ съ количествомъ товара, достаточнымъ по спросу. Когда тѣмъ или инымъ путемъ или обоими этими путями *спросъ становится равенъ предложенію*, перестаетъ превышать его, повышеніе цѣны останавливается“, см. Основанія, книга III, глава 2, § 4.

Когда Францiя производила оба продукта, одинъ день ея труда воплощался въ одной бочкѣ вина и $2^1/_2$ пудахъ угля, т. е. отношенiе цѣнностей угля и вино было 1 : $^5/_2$, теперь оно стало 1 : 5. Въ Англiи 5 пудовъ угля равнялись $^2/_3$ бочки; теперь 5 пудовъ угля — одной бочкѣ вина, т. е. отношенiе по цѣнности вина къ углю было ранѣе 1 : $^{15}/_2$, теперь 1 : 5. Это обстоятельство не можетъ не отразиться на потребленiи страны, а при принадлежности избытковъ производства классамъ, не могущимъ и не желающимъ потребить ихъ непосредственно въ предѣлахъ страны, и на самой реализацiи этихъ избытковъ по той или иной цѣнности.

Во-вторыхъ, равенство цѣнностей французскаго вина и англiйскаго угля, произведенныхъ ста днями труда этихъ нацiй, произошло только по той причинѣ, что Францiя выиграла сто дней, Англiя — пятьдесятъ. Этотъ неравный выигрышъ далъ возможность уравнять въ качествѣ производителей цѣнности англiйскiй трудъ съ французскимъ, которые, какъ это видно изъ взятаго примѣра, по производительности не равны. Такое положенiе, очевидно, не допустимо. Конкурренцiя должна какъ-нибудь согласовать или, что то же, болѣе правильно раздѣлить эти выгоды. Тутъ возможны разныя предположенiя и они имѣютъ большое значенiе для истолкованiя самаго значенiя международной торговли. Остановимся пока на одномъ изъ нихъ.

Предположимъ, прежде всего, что конкурренцiя такъ согласуетъ выгоды международней торговли, что каждая изъ обмѣнивающихся нацiй выиграетъ равное количество дней. Францiя производила оба продукта въ 300 дней, пусть она ограничитъ свои выгоды освобожденiемъ 25 дней. Англiя производила ихъ въ 250 дней, пусть она сдѣлаетъ то же самое. При такомъ предположенiи отношенiя должны сложиться такъ. Францiя сосредоточится на производствѣ вина, сто дней употребитъ для изготовленiя этого продукта для собственнаго потребленiя, 175 для англiйскаго экспорта. Англiя 100 дней будетъ готовить уголь для себя. 125 дней для французскаго экспорта.

Тогда имѣемъ:

Францiя 100 + 175 = 275 дней, выгода въ дняхъ — 25.

Англiя 100 + 125 = 225 дней, выгода въ дняхъ — 25, или, что то же, по исчисленiю въ продуктахъ:

100 бочекъ плюсъ 175 бочекъ будутъ произведены Францiей и 500 пудовъ плюсъ 625 пудовъ угля будутъ добыты Англiей.

Согласно нашимъ предположенiемъ, обѣ страны должны размѣняться тѣмъ углемъ и виномъ. который они произвели сверхъ своихъ потребностей въ каждомъ изъ этихъ продуктовъ. Что же отсюда будетъ слѣдовать?

Во-первыхъ, при такихъ предположеніяхъ 175 дней француза будутъ равны 125 днямъ англичанина, или одинъ день француза будетъ приравненъ $\frac{5}{7}$ дня англичанина: во-вторыхъ, 175 бочекъ вина будетъ равны 625 пудамъ угля или одна бочка $\frac{25}{7}$ или $3\frac{4}{7}$ пудамъ угля. Другими словами: ранѣе принятое нами отношеніе по цѣнности между углемъ и виномъ какъ 1 : 5 при такомъ болѣе естественномъ раздѣлѣ выгодъ существовать не можетъ. Обмѣнъ будетъ совершаться такъ, что страна, въ которой трудъ болѣе производителенъ, согласится считать только долю своего труда за цѣлый день труда другой. При большей производительности труда она, слѣдовательно, и не согласится давать за бочку вина 5 пудовъ угля, а только $3\frac{4}{7}$ пуда.

Не трудно видѣть, что результаты подобнаго обмѣна не могутъ не быть всегда таковы, что обмѣнъ не будетъ эквивалентенъ: за одинъ день труда болѣе производительной страны менѣе развитая экономически страна будетъ платить большимъ количествомъ труда.

У Маркса есть одно замѣчательное мѣсто, въ которомъ онъ пишетъ: [1]) „но еще сильнѣе измѣняется въ своемъ международномъ примѣненіи законъ цѣнности вслѣдствіе того, что на міровомъ рынкѣ болѣе производительный національный трудъ считается также и за болѣе интенсивный всегда, когда болѣе производительная нація не вынуждается конкурренціей понижать продажную цѣну своего товара до его цѣнности . . . Различныя количества товаровъ одного и того же рода, которыя въ различныхъ странахъ производятся въ одинаковое рабочее время, имѣютъ, слѣдовательно, неравную международную цѣнность, выраженную въ различныхъ цѣнахъ".

Но можетъ ли конкурренція вызвать такое явленіе, чтобы въ международномъ обмѣнѣ продажная цѣна товара болѣе производительной страны упала до его цѣнности и что значитъ это выраженіе, какую силу здѣсь обнаруживаетъ конкурренція? Не предполагаетъ ли Марксъ здѣсь возможность того поверхностнаго вывода, на который мы указали выше, когда сто дней англичанина шло въ обмѣнъ за сто дней француза?

Пусть раньше сто дней болѣе производительнаго труда шло за полтораста дней менѣе производительнаго. Если конкурренція уравняетъ обмѣнъ и сто дней будетъ идти за сто дней, то подъ вліяніемъ международнаго обмѣна произойдетъ крупное видоизмѣненіе „абсолютныхъ трудовыхъ цѣнностей". Если этотъ обмѣнъ характеризуетъ весь національный международный оборотъ товарами, то для пер-

1) См. т. I, пер. Струве, стр. 464—465.

вой страны всѣ цѣнности понизятся на 50 %, для второй повысятся на 50 %. Но если таково вліяніе конкурренціи по отношенію къ труду большей производительности, то, спрашивается, не можетъ ли на такихъ же началахъ „болѣе интенсивный“ трудъ приравняться подъ вліяніемъ конкурренціи „къ менѣе интенсивному“? Вѣдь, тогда и самое приравниваніе разныхъ видовъ труда одного къ другому можетъ обратиться въ фикцію, даже при допущеніи методологической правильности такого приравниванія, что, конечно, сомнительно.

Механическая эквивалентность 100 дней 100 днямъ показываетъ только, что страна меньшей производительности можетъ захватить при извѣстныхъ обстоятельствахъ одинъ день труда большей производительности, но не показываетъ, какимъ образомъ это можетъ произойти, не выясняетъ, какое отношеніе такая разная производительность имѣетъ къ вопросу о цѣнности или цѣнѣ предметовъ.

Неполнота закона Рикардо бросается въ глаза. Онъ не приложимъ для объясненія цѣны товаровъ, производство которыхъ не можетъ быть ни съ какими издержками организовано въ предѣлахъ данной страны. На это обстоятельство обратилъ вниманіе Кернсъ, который, какъ извѣстно, построилъ на этомъ основаніи свою теорію трехъ промышленныхъ монополій. Задолго до него на это обстоятельство указывалъ Мальтусъ [1]).

Кернсъ различаетъ три вида промышленной монополіи: во первыхъ, она можетъ быть совершенно абсолютной, когда какая либо страна обладаетъ исключительной возможностью или правомъ производства товара; во вторыхъ, монополія можетъ имѣть условный характеръ, проистекая изъ особыхъ выгодъ нѣкоторыхъ отраслей производительной дѣятельности, не имѣющихся у другихъ; таковы особенности климата, почвы и т. п., которыя хотя и не препятствуютъ производству благъ, но требуютъ, при наличности худшихъ условій, большихъ издержекъ производства; въ третьихъ, монополія можетъ быть односторонняя или взаимная, т. е., принадлежать или одной изъ странъ по отношенію къ какому нибудь товару, или обѣимъ вмѣстѣ по отношенію къ разнымъ предметамъ обмѣна.

Примѣромъ монополіи, одновременно и безусловной, и взаимной, можетъ, напр., служить обмѣнъ между сѣверными и тропическими странами (ледъ и проч. на пряности и т. п.). Въ такомъ сравнительно рѣдкомъ, но возможномъ случаѣ, вліяніе взаимнаго спроса безусловно и абсолютно. Основанія промѣна и международныя цѣнности обмѣниваемыхъ

1) См. Malthus. Principes d'Econ. Pol., изд. Daire, 1846, стр. 354.

товаровъ слагаются подъ исключительнымъ вліяніемъ взаимнаго спроса и средствъ сторонъ. Гораздо чаще встрѣчаются, и потому гораздо важнѣе, такого рода случаи, когда монополія имѣетъ положительный характеръ, но односторонняя или даже, существуя съ обѣихъ сторонъ, безусловна у одной и квалифицирована съ другой. Много примѣровъ подобнаго рода встрѣчается въ обмѣнахъ тропическихъ и умѣренныхъ странъ, а также золото — производящихъ и золотомъ торгующихъ странъ. Взаимный спросъ также оказываетъ здѣсь вліяніе, но значеніе его въ значительной мѣрѣ ограничивается издержками производства въ той странѣ, которая можетъ производить всѣ обмѣниваемые товары. Возьмемъ, напр., Австралію, какъ страну производящую золото, и Англію, какъ страну покупающую его. Англія не производитъ золота; монополія Австраліи въ производствѣ этого продукта, слѣдовательно, безусловна. Во многихъ другихъ отрасляхъ промышленности Англія, однако, имѣетъ квалифицированную монополію. Напр. въ прядении и ткачествѣ изъ шерсти и хлопка она имѣетъ громадныя преимущества предъ Австраліей: она производитъ и имѣетъ наилучшія машины для этого дѣла, рабочій персоналъ имѣетъ долгую и хорошую выучку; влажный климатъ благопріятствуетъ выработкѣ самыхъ тонкихъ сортовъ ткани. Обиліе капитала способствуетъ развитію системы кредита. Австралія можетъ, однако, съ прогрессомъ своихъ производительныхъ силъ развить многіе изъ такихъ же промысловъ, какіе существуютъ въ Англіи. При такихъ условіяхъ Австраліи будетъ выгодно сосредоточиться на производствѣ золота и ввозить всѣ потребные ей товары изъ Англіи только до той поры, пока цѣны еще не достигли того предѣла, при которыхъ сравнительныя издержки производства ниже сравнительныхъ издержекъ производства тѣхъ же товаровъ у себя, которые она пока ввозитъ изъ Англіи т. е. пока производительность австралійскаго труда меньше англійскаго.

Самый важный видъ монополіи создается наличностью не исключительныхъ, а только сравнительныхъ преимуществъ. Въ такомъ случаѣ взаимный спросъ также опредѣляетъ цѣнности, но значеніе его ограничивается сравнительными издержками производства съ обѣихъ сторонъ и каждая страна, обмѣнивая свой товаръ, въ которомъ трудъ ея наиболѣе успѣшенъ, на таковой же — другой страны, пріобрѣтаетъ нѣкоторую выгоду. Но разъ это раздѣленіе выгодъ принимаетъ слишкомъ несправедливую форму, странѣ часто выгоднѣе извлечь свои капиталы изъ международной торговли и вложить ихъ на производство товара въ предѣлахъ самой страны. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду,

что международная торговля ведется не между двумя какими-нибудь странами, а между цѣлымъ рядомъ странъ. Взаимная конкурренція ихъ приводитъ къ тому, что предѣлы справедливаго раздѣла выгодъ опредѣляются не максимумомъ, а минимумомъ или, по крайней мѣрѣ, средней нормой сравнительныхъ издержекъ.

Общій выводъ, къ которому приводитъ насъ эта теорія, заключается въ томъ, что сравнительныя издержки производства регулируютъ и контролируютъ цѣны, которыя, въ конечномъ результатѣ, какъ и цѣны всѣхъ другихъ товаровъ внутренняго рынка, окончательно опредѣляются положеніемъ спроса и предложенія и издержками производства. Коммерческое же равновѣсіе между разными странами устанавливается тогда, когда взаимный спросъ производитъ такое соотношеніе ввоза и вывоза, при которомъ каждая страна при посредствѣ своего вывоза можетъ погасить лежащія на ней обязательства по ввозу, займамъ и т. д.[1]). Со времени классической школы и стали различать два вида баланса торговли: a) торговый балансъ, опредѣляющійся изъ сопоставленія ввоза и вывоза товаровъ и b) платежный балансъ, опредѣляющійся изъ сопоставленія торговаго баланса и всѣхъ полученій и платежей, не вытекающихъ непосредственно изъ товаро-обмѣна: какъ то займы, платежи и полученіе процентовъ, расходы путешественниковъ, контрибуціи и т. п.

Такова была теорія обмѣна и распредѣленія классической школы. Теперь мы должны перейти къ изображенію той соціальной борьбы, которая начиналась въ Англіи подъ ея знаменами.

ГЛАВА IV.

Утилитаристы, филантропы и чартисты въ Англіи.

§ 1. Утилитаріанская доктрина, ея политическое и экономическое значеніе. Іеремія Бентамъ и его поклонники. Практическіе результаты дѣятельности Бентамитовъ. Парламентская реформа. Общественное призрѣніе. Право на трудъ. Законы 1824 и 1825 гг. о коалиціяхъ. Консерваторы и Бентамиты. § 2. Р.

---

1) Лучшія сочиненія по вопросу о теоріи международной торговли: Bastable. Theory of International Trade. L. 1900, Hobson, International Trade, L. 1905 г.; подробный разборъ этой теоріи въ моемъ: „Обмѣнъ и экономическая политика,“ (Юрьевъ, 1904).

Оуенъ и его теоріи. Патронатъ. Ученіе о происхожденіи человѣческаго характера. Причины современныхъ бѣдствій. Кооперація равенства и справедливости. Биржа трудового обмѣна. Томсонъ и ротунданисты. Право на трудъ и на полный продуктъ труда. Постановка тѣхъ же вопросовъ у Прудона и его анализъ. Критика идеи права на полный продуктъ труда. Деньги, банки и обмѣнъ въ капиталистическомъ обществѣ. Денежная и банковая реформа въ Англіи 1815—1844 г. § 3. Консерваторы и чартисты. Исторія чартистскаго движенія и ея стадіи. Атвудъ. Люди физической и нравственной силы. О'Конноръ и О'Брайанъ. Ихъ политическіе и экономическіе взгляды. Лига противъ законовъ о хлѣбѣ. Кобденъ и Брайтъ: свободная торговля въ Англіи.

§ 1. Исторія Англія съ 1815 по 1868 г. представляетъ глубокій интересъ для экономиста. Въ этотъ періодъ въ Англіи шла упорная соціальная борьба интересовъ, на почвѣ которой сложились новыя учрежденія и новыя міросозерцанія по самымъ разнообразнымъ общественнымъ вопросамъ.

Ученія классической школы пріобрѣли громадное вліяніе и сдѣлались руководящимъ credo буржуазной демократіи, которая получила доступъ и къ власти. Представители классической школы, за исключеніемъ А. Смита[1]) и отчасти Р. Мальтуса, входятъ въ группу тѣхъ писателей, которыхъ обыкновенно называютъ утилитаристами или „философскими радикалами" начала 19-го вѣка. Классики разработали основы экономической теоріи; соціальную же философію этой школы и законодательную тактику создалъ для нея знаменитый англійскій юристъ *Іеремія Бентамъ* (1748—1832 г.)[2]). Рикардо, Джемсъ Милль, Іосифъ Юмъ, Франсисъ Плэсъ, Д. С. Милль, Макъ-Куллохъ, Сеніоръ, Д. Э. Кернсъ, всѣ выдающіеся дѣятели изъ партіи виговъ (либераловъ) первой половины 19-го вѣка: лордъ Брумъ, Гротъ, Рёбукъ, Маколей и консерваторъ Р. Пиль — являются ревностными приверженцами утилитарной доктрины Бентама. Эта доктрина завладѣла лучшими умами того времени, послужила основой для преобразованія всего англійскаго законодательства. Какъ протестъ противъ своеобразнаго ея истолкованія появились и ученія филантроповъ, какъ радикаловъ, такъ и консерваторовъ, а также и началось то бро-

1) См. Теорія нравственныхъ чувствъ, въ особенности ч. III; также прекрасное сочиненіе Ф. Іодля, Исторія этики т. I и II р. пер., Москва, 1896 г. Матеріализмъ соціалистической доктрины непосредственно связанъ съ утилитаризмомъ.

2) Извлеченія изъ его экономическихъ трудовъ составляетъ вып. V-ый Библіотеки Экономистовъ, также Избранныя сочиненія Бентама, т. I, р. пер. Спб., 1867 г., въ которомъ помѣщено „Введеніе въ основанія нравственности и законодательства".

женіе народныхъ массъ, которое приняло форму такъ называемаго чартизма. Среди новыхъ соціальныхъ условій жизни, какъ въ средѣ интеллигенціи, такъ и въ средѣ народа, начинается любопытная борьба міросозерцаній и интересовъ.

Чрезвычайно интересно отмѣтить, что Англія не пережила эпохи, въ которую, какъ, напр., во Франціи и въ Соединенныхъ Штатахъ, были бы провозглашены такъ называемыя „естественныя права" человѣка. Доктрина индивидуалистическаго радикализма утилитаристовъ — Бентамитовъ принесла въ Англіи почти тѣ же плоды, что и доктрина естественнаго права во Франціи.

Въ сочиненіяхъ А. Смита еще сохраняется такъ-же, какъ и у физіократовъ, религіозно-нравственный утилитаризмъ: „вѣра въ благодѣтельное руководительство нашей жизнью со стороны Божества и убѣжденіе въ существованіи внутренняго человѣка или, какъ выражается Смитъ, „безпристрастнаго зрителя", который выростаетъ въ насъ самихъ, реагируетъ на всякое наше дѣйствіе, служитъ голосомъ нашей совѣсти и любви ко всему благому. Смитъ глубоко убѣжденъ, что Божество стремится создать всеобщую гармонію человѣческой жизни въ области морали путемъ присущаго человѣку чувства симпатіи; въ области матеріальныхъ отношеній путемъ разумнаго эгоизма, но въ то же время онъ стремится доказать это положеніе, изучая реальную природу человѣка путемъ разума. Въ „Теоріи нравственныхъ чувствъ" онъ пишетъ: „На каждомъ шагу мы замѣчаемъ, что всякая вещь въ этомъ мірѣ устроена самымъ удивительнымъ образомъ для достиженія предназначенной ей цѣли. Въ строеніи животнаго, растенія мы можемъ удивляться, до какой степени устройство каждой ихъ части соотвѣтствуетъ двумъ великимъ цѣлямъ природы: сохраненію индивида и распространенію породы. Въ этихъ предметахъ, подобно всѣмъ другимъ, мы отличаемъ первую или главную причину отъ причины конечной или цѣли ихъ дѣятельности; организація пищеваренія, кровообращеніе, отдѣленіе различныхъ соковъ представляются отправленіями необходимыми для достиженія великой цѣли животной жизни. Однако же, намъ никогда не случается смѣшивать эту цѣль съ ея причиной и воображать, что кровь обращается, пища переваривается сама собой, ради самаго кровообращенія или пищеваренія. Всѣ колеса расположены въ часахъ самымъ удивительнымъ образомъ для достиженія предназначенной имъ цѣли — указанія времени. Разнообразныя движенія ихъ искусно содѣйствуютъ его указанію: они не лучше бы достигали цѣли, если бы были одарены желаніемъ и сознаніемъ о ней. Однако же, мы никогда не

приписываемъ имъ такого желанія и сознанія, но приписываемъ его часовому мастеру: мы знаемъ, что колеса приводятся въ движеніе пружиной, которая подобно имъ не сознаетъ производимаго ею дѣйствія. Хотя при объясненіи въ естественныхъ тѣлахъ, мы всегда отличаемъ производящую причину отъ конечной или цѣли ихъ, но когда дѣло идетъ объ отправленіяхъ разума, мы всегда готовы смѣшивать эти двѣ причины. Если мы достигаемъ собственнымъ сознаніемъ до какой либо цѣли, къ которой направлялъ насъ разумъ, руководимый опытностью, то мы приписываемъ самому разуму, какъ причинѣ достаточной и самый успѣхъ, и наши поступки, и чувства, содѣйствовавшіе его достиженію. Мы объясняемъ человѣческой мудростью то, что въ дѣйствительности принадлежитъ мудрости создавшаго насъ Творца. По при первомъ взглядѣ разсудокъ нашъ кажется достаточной причиной для тѣхъ дѣйствій, которыя мы приписывамъ ему: человѣческая природа намъ кажется проще и прекраснѣе, когда мы различныя отправленія ея выводимъ такимъ образомъ изъ одного принципа." (l. c. р. пер., стр. 120—121). „Безпристрастный зритель внутри насъ" по представленію Смита, какъ бы данъ намъ Божествомъ: онъ даетъ намъ возможность побѣждать даже самыя сильныя побужденія эгоизма, создаетъ въ насъ любовь къ славному, благородному, заставляетъ стремиться къ величію и достоинству характера, дѣлаетъ изъ человѣка существо, стремящееся къ разумному и справедливому общенію.

Въ сочиненіяхъ Бентама и его послѣдователей религіозная метафизика постепенно исчезаетъ; все ученіе утилитаризма пріобрѣтаетъ либерально-матеріалистическій характеръ; происхожденіе нравственнаго объясняются лишь признанною пользою его для наибольшаго числа людей; нравственное, какъ постулатъ всякой разумной личности, какъ присущій человѣку даръ Божества, исчезаетъ безслѣдно. Въ этомъ отношеніи особенно послѣдователенъ былъ самъ Бентамъ [1]).

Человѣкъ, по его мнѣнію, всегда остается эгоистомъ и только потому предпочитаетъ добродѣтель пороку, что она доставляетъ ему бо̀льшее количество удовольствій, бо̀льшую сумму наслажденій. Моральная оцѣнка — просто одинъ изъ случаевъ сужденія о возможномъ счастьи и оцѣнка нравственнаго поступка правильна только тогда, если мы обращаемъ вниманіе на его послѣдствія, на то, въ какой мѣрѣ этотъ поступокъ содѣйствовалъ „максимализаціи счастья"; мотивы же поступка для этого сужденія не имѣютъ значенія. Принципъ пользы (utility — откуда и произошло

---

1) Утилитаріанская доктрина Д. С. Милля уже не такъ послѣдо-

слово утилитаризмъ), т.-е. наибольшаго счастья наибольшаго количества людей только и долженъ служить критеріемъ нравственнаго поступка.

Когда читаешь Бентама, то удивляешься тому, какъ извѣстная доктрина, исходящая, повидимому, изъ совершенно разныхъ посылокъ, можетъ приводить къ однимъ и тѣмъ-же результатамъ, но приносящимъ совершенно разные плоды. Бентамъ былъ однимъ изъ самыхъ заклятыхъ враговъ доктрины естественнаго права. Въ декларацiи правъ человѣка во Францiи онъ видѣлъ только одну нелѣпость [1]). „Всѣ люди рождены свободными" пишетъ онъ въ своихъ „Анархическихъ лжеученiяхъ", говоря о французской декларацiи правъ, „всѣ люди свободны и остаются равными по отношенiю къ своимъ правамъ! Какая нелѣпость! никто не рождается свободнымъ. Всякiй рождается и долгое время остается безпомощнымъ ребенкомъ. Всѣ люди рождаются свободными! Абсурдная и жалкая нелѣпость! Почему-же вы всѣ одновременно жалуетесь, что всякiй изъ васъ является рабомъ?"

По мнѣнiю Бентама провозглашенiе естественныхъ, абсолютныхъ правъ означаетъ только провозглашенiе анархiи. Свобода заключается въ возможности дѣлать то, что не вредно для другихъ и, слѣдовательно, при пользованiи своими естественными правами, человѣкъ не долженъ знать другихъ ограниченiй кромѣ тѣхъ, которыя обезпечиваютъ его согражданамъ пользованiе тѣми-же самыми правами. Всѣ несчастья народа заключаются вовсе не въ томъ, что не провозглашены права человѣка, а въ томъ, что правительства не желаютъ стремиться къ наибольшему счастью наибольшаго количества человѣческихъ существъ. Имѣется два первичныхъ принципа: 1) самопредпочтенiе каждаго индивида, благодаря которому всякiй человѣкъ желаетъ всегда для себя наибольшаго счастья и 2) принципъ пользы или наибольшаго счастья, благодаря которому право и законная цѣль всякаго правительства заключается въ наибольшемъ счастiи наибольшаго количества человѣческихъ существъ.

вательна: см. о немъ въ моемъ изданiи „Началъ Д. С. Милля" предисловiе; въ особенности A. Bain J. S. Mill, a criticism, L. 1882. Въ этихъ двухъ книгахъ указаны и сочиненiя о Д. С. Миллѣ. Трактаты Милля объ Утилитаризмѣ и о Свободѣ имѣются въ русскомъ переводѣ и всякiй студентъ-юристъ, желающiй прiобрѣсти право считать себя образованнымъ человѣкомъ, долженъ ихъ прочесть.

1) Прекрасную характеристику идей I. Бентама и вообще утилитаристовъ читатель можетъ найти въ классическомъ сочиненiи L. Stephen. The English Utilitarians, 3 тома (L 1900 г.), также Elie Halévy. Formation du Radicalisme philosophique, 3 тома, 1901 г.

Бентаму и его ученикамъ казалось, что правительственная власть ихъ времени проникнута только своекорыстными, мрачными интересами (sinister interests). Всякая правительственная власть является лишь необходимымъ зломъ, ибо она предполагаетъ принужденіе, которое всегда создаетъ страданіе и потому противорѣчитъ стремленію человѣка къ счастью. Правительствъ нельзя уничтожить, но можно свести ихъ значеніе до минимума. Чѣмъ меньше проявляется дѣятельность правительства, тѣмъ лучше, а этого можно достигнуть только полной трансформаціей политическаго строя при посредствѣ всеобщаго голосованія, годичныхъ парламентовъ и закрытой подачи голосовъ. Только при наличности этихъ учрежденій создастся такое правительство, которое будетъ подчинено общественному мнѣнію, а избранные министры и депутаты будутъ сознавать, что они не владыки народа, а его слуги.

Такимъ образомъ, по идеѣ Бентама, цѣль правительства — наибольшее счастье наибольшаго числа человѣческихъ существъ, а средствомъ для ея достиженія должно явиться всеобщее избирательное право, которое, передавъ власть въ руки народа, сведетъ дѣятельность правительства къ возможному минимуму. Благо человѣчества можетъ создать лишь то рѣшеніе, которое создано абсолютнымъ большинствомъ самого народа. Борясь противъ доктрины естественнаго права, Бентамъ такимъ образомъ приходитъ къ тому-же конечному выводу, какъ и эта доктрина: къ необходимости политическаго господства большинства, но вѣритъ, что это большинство будетъ руководиться принципомъ пользы и дастъ каждому свободный просторъ къ счастью.

По самому своему построенію утилитаріанская доктрина не была ни полнымъ провозглашеніемъ системы laissez faire, т.-е. невмѣшательства государства, ни опредѣленной теоріей для объясненія господства индивидуалистическихъ началъ въ хозяйственной жизни. Уже въ воззрѣніяхъ Джемса Милля (отца Джона) замѣтно сильное видоизмѣненіе взглядовъ въ сторону коллективистическаго истолкованія политическаго принципа пользы. Въ одномъ изъ своихъ малоизвѣстныхъ у насъ сочиненій онъ пишетъ:[1]) „Цѣль всякаго правительства такъ-же, какъ и всякаго человѣческаго дѣйствія, должна заключаться въ увеличеніи человѣческаго

---

1) См. статью въ Энциклопедіи „On governement“ (1820 г.). Д. С. Милль утверждаетъ, что „молодые“ послѣдователи утилитаріанизма видѣли въ этой статьѣ „образецъ политической мудрости“. Въ своей работѣ: „Политика труда и идеалы распредѣлительной справедливости“ я показалъ, какъ воспринята была эта идея первыми творцами соціализма, выросшаго на Рикадіанской теоріи распредѣленія.

счастья. Роль правительства въ этомъ отношеніи опредѣляется слѣдующимъ соображеніемъ. Оно имѣетъ дѣло съ однимъ видомъ счастья, а именно, съ страданіями и наслажденіями, которыя люди получаютъ одинъ отъ другого. По естественному закону природы трудъ необходимъ для производства средствъ для полученія счастья. Если-бы природа производила все, что необходимо человѣку, не было бы никакой надобности въ правительствѣ, ибо не существовало бы столкновенія интересовъ. Но, такъ какъ количество матеріальнаго продукта ограничено и онъ можетъ быть обращенъ въ собственность отдѣльными лицами, необходимо обезпечить каждому человѣку его долю. Но какова же доля каждаго человѣка? Это та, которую онъ самъ производитъ, ибо если вы даете одному человѣку больше, тѣмъ самымъ вы отнимаете часть доли другого. Наибольшее счастье, слѣдовательно, создается черезъ обезпеченіе каждому „возможно большаго количества продукта его личнаго труда." Но какъ это создать? Развѣ не возьметъ сильнѣйшій долю слабѣйшаго? Это возможно предотвратить и, повидимому, только однимъ способомъ. Люди должны соединиться и делегировать немногимъ власть, необходимую для защиты всѣхъ. Въ этомъ и заключается сущность правительства".

Но это толкованіе было только возможно; фактически же утилитаріанской доктринѣ былъ приданъ индивидуалистическій характеръ и большинство ея представителей было врагами и филантропіи, и соціализма, на который, въ тогдашнихъ формахъ его проявленія, не безъ основанія, они смотрѣли, какъ на добросердечный утопизмъ.

Въ законодательной исторіи Англіи Бентамиты оставили свой слѣдъ въ пяти замѣчательныхъ актахъ: 1) въ законахъ о коалиціяхъ 1824 и 1825 г. г.; 2) въ парламентской реформѣ 1832 г.: 3) въ законахъ о бѣдныхъ 1834 г.: 4) въ отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ и 5) въ законахъ, расширяющихъ свободу собственности на землю и право образованія торговыхъ и промышленныхъ предпріятій. 6) въ созданіи банковаго акта Пиля 1844 г.

Эпоха до 1824 г. историками рабочаго движенія[1]) считается по справедливости временемъ глубокаго броженія. Это было время нападеній на фабрикантовъ, убійствъ, поджоговъ фабрикъ, истребленія машинъ, непрерывающихся бурныхъ безпорядковъ и стачекъ, періодъ тайнаго образованія всякихъ рабочихъ союзовъ. Та-же эпоха, съ другой стороны, является временемъ жестокой законодательной

1) Dicey. Law and Public Opinion in England (1905). G. Wallace. The Live of F. Place (1898). С. Уэббъ. Исторія рабочаго движенія въ Англіи (р. пер. 1899 г.). Cooke-Taylor. The Factory System и друг.

репрессіи по отношенію къ рабочимъ не только за дикія расправы и безсмысленныя истребленія, но и за всѣ ихъ проявленія самодѣятельности. Законы 1824 и 1825 гг. создали иное положеніе вещей: провозгласили свободу коалицій: но сравненіе этихъ законовъ легко можетъ показать, въ какомъ направленіи уже начинала истолковываться утилитаріанская доктрина. Оба эти закона провозглашаютъ: „свободную торговлю въ дѣлахъ труда", т.-е. предоставляютъ, какъ рабочимъ, такъ и предпринимателямъ право торговаться и соглашаться по вопросамъ о наймѣ и о продажѣ труда: оба эти закона вводятъ равныя наказанія за употребленія насилія, угрозъ, всякихъ видовъ устрашенія и вмѣшательства въ право свободнаго договора и труда. Но, въ тоже время, законъ 1824 г. разрѣшаетъ рабочимъ и предпринимателямъ образованіе профессіональныхъ союзовъ съ полнымъ просторомъ при выборѣ ихъ цѣлей, а также освобождаетъ профессіональные рабочіе союзы отъ дѣйствія закона о „заговорѣ" (conspiracy). Напротивъ, законъ 1825 г. точно опредѣляетъ, что разрѣшенными являются только, какъ для рабочихъ, такъ и для предпринимателей, союзы и собранія для опредѣленія размѣровъ заработной платы, часовъ труда и т. п. Другими словами, цѣли профессіональныхъ союзовъ и собраній ограничиваются строго экономическими вопросами. Законъ о заговорѣ возстановленъ въ дѣйствіи противъ всякихъ другихъ рабочихъ союзовъ. Дайси справедливо замѣчаетъ, что согласно закону 1825 г. „всякая стачка, хотя и не необходимо, но могла быть принята за заговоръ, а рабочій союзъ, который можно было разсматривать, какъ соединеніе для ограниченія свободы промысла, въ лучшемъ случаѣ не являлся обществомъ не разрѣшеннымъ закономъ, т.-е. сообществомъ, участіе въ которомъ, хотя и не было преступленіемъ, но которое не могло требовать для себя какой либо охраны закона."[1]) Сидней Уэббъ объясняетъ это видоизмѣненіе той массой стачекъ, которая произошла послѣ изданія закона 1824 г. и необычайнымъ ростомъ рабочихъ союзовъ. Ф. Плэсъ, типичный философскій радикалъ, ожидалъ, что послѣ изданія закона 1825 г. „рабочіе союзы скоро прекратятъ свое существованіе за ненадобностью: рабочіе распадутся на части: все будетъ тихо". Рабочіе истолковывали утилитаріанскую доктрину иначе, какъ право соединенія для защиты всѣхъ своихъ интересовъ; большинство утилитаристовъ-радикаловъ желало имѣть такой законъ, который даетъ только свободу индивиду, но не подчиняетъ его никакому сообществу. Впослѣдствіи, извѣстный борецъ за отмѣну хлѣбныхъ за-

1) Дайси. l. c. стр. 194 и слѣд. С. Уэббъ. l. c. стр. 72.

коновъ Р. Кобденъ открыто назвалъ рабочіе союзы — худшимъ видомъ тираніи и монополіи. „Я соглашусь, воскликнулъ онъ, лучше жить подъ властью Алжирскаго бея, чѣмъ подъ тираніей комитета рабочаго союза.“

Реформа 1832 г. расширила избирательныя права и англійскій парламентъ наполнился представителями разбогатѣвшаго общественнаго класса: аристократіей шерсти, хлопка и желѣза и вообще буржуазіи всѣхъ видовъ. Почти немедленно же онъ принялся за реформу общественнаго призрѣнія. Даже среди наиболѣе радикальныхъ послѣдователей утилитаріанской доктрины не было сомнѣній, въ какомъ духѣ слѣдуетъ преобразовать старое законодательство[1]). Какъ я уже и выше отмѣтилъ, особенность системы призрѣнія въ эпоху съ 1766—1834 г. заключалась въ томъ, что законодательство какъ бы стремилось доплатами изъ налоговъ въ пользу бѣдныхъ понизить заработныя платы, которыя должны были уплачивать предприниматели: законодательство считалось съ фактомъ, что рабочій классъ находится въ состояніи хроническаго бѣдствія и потому на помощь изъ суммъ общественнаго призрѣнія каждый рабочій имѣетъ право. Эту эпоху общественнаго призрѣнія послѣдователи утилитаризма нарекли названіемъ pig sty era — эпохи свиного хлѣва.

Мальтусъ указалъ основы для преобразованія этой системы. Радикалъ-утилитаристъ, одинъ изъ энергичнѣйшихъ политическихъ дѣльцовъ этого времени, портной Франсисъ Плэсъ былъ яростнымъ мальтузіанцемъ. Онъ писалъ: [2]) „лѣкарство, если только вообще можно употреблять для упорядочиванія общественнаго призрѣнія какое бы то не было лѣкарство, просто и ясно. Не слѣдуетъ выдавать по приходамъ никакой помощи въ деньгахъ, въ одеждѣ и пищѣ внѣ рабочихъ домовъ. Только въ случаяхъ болѣзни, но очень рѣдко, можно допустить исключенія изъ этого общаго правила и оказывать помощь въ жилищѣ самого бѣдняка. Необходимо создать рабочіе дома по округамъ для одного, двухъ или трехъ приходовъ. Въ нихъ можно будетъ надлежащимъ образомъ расклассифицировать бѣдняковъ и тогда вмѣсто зла получится благо. Для нѣкоторыхъ эта система будетъ жестока, но для большинства благодѣтельна. Тогда исчезнутъ приходскія доплаты для поддержанія заработной платы на извѣстномъ уровнѣ, исчезнутъ многія изъ существующихъ ухищреній, которыя дѣлаютъ рабочій классъ безпечнымъ и распущеннымъ.“

---

1) Краткое изложеніе T. Fowler, The Poor Law (1890), стр. 75 и слѣд.
2) См. Уоллэсъ, l. c., стр. 332.

Въ 1832 г., когда парламентская коммиссія обсуждала вопросъ о реформѣ общественной благотворительности, на призрѣніе бѣдныхъ была истрачена колоссальная сумма въ 86 мил. рублей и во многихъ округахъ фермеры въ видѣ налога въ пользу бѣдныхъ уплачивали столько же, сколько и въ рентахъ землевладѣльцамъ. Утилитаристы-законодатели хотѣли реформой общественнаго призрѣнія устранить безпечное существованіе за общественный счетъ, растрату общественныхъ денегъ для поддержанія отбросовъ рабочаго класса; они думали, что свободная борьба за существованіе дастъ возможность работникамъ получить надлежащую заработную плату.

Согласно закону 1834 г. общественное призрѣніе было поставлено подъ надзоръ государства, пособія на дому сокращены до послѣдняго минимума, организованы особые рабочіе дома для призрѣнія бѣдныхъ и павшихъ съ крайне суровымъ режимомъ.

Это законодательство своею жестокостью произвело громадное впечатлѣніе на рабочія массы [1]). Рабочіе дома скоро получили названіе тюремъ-бастилій для работника...... Въ широкихъ пластахъ населенія распространилось убѣжденіе, что переходъ власти къ буржуазіи привелъ только къ торжеству ея интересовъ, лишь къ большей эксплоатаціи работника и къ нравственному униженію его. Почва для недовольства была къ этому времени давно уже подготовлена, какъ тягостнымъ экономическимъ положеніемъ, такъ и тѣмъ внутреннимъ броженіемъ, которое было вызвано въ народѣ идеями Р. Оуена, Томсона и чартистовъ. Чтобы ясно понимать всю сложную путаницу соціальной борьбы послѣ 1832 г., намъ должно теперь сказать нѣсколько словъ о дѣятельности Р. Оуена, Томсона, чартистовъ, хлѣбниковъ-манчестерцевъ и консерваторовъ-филантроповъ.

§ 2. а) Когда при изложеніи политической экономіи приходится встрѣчаться съ такими людьми, какъ Р. Оуенъ, Томсонъ, Р. Остлеръ (1789—1861), лордъ Шэфтсбери († 1885), то является большой соблазнъ разсказать ихъ біографіи. [2]) Запасъ теоретическихъ и философскихъ идей у нихъ сравнительно не великъ, системы ихъ не представляютъ цѣльности и не лишены многихъ крупныхъ противорѣчій, въ

---

1) Съ этого момента началось необыкновенное развитіе дружескихъ обществъ самопомощи. См. о нихъ Wilkinson. The Friendly Society Movement (1891) и Bairnreiter. English Associations of Workingmen (1893).

2) Дѣятельность этихъ двухъ защитниковъ фабричныхъ законовъ Остлера и Шэфтсбери трогательно разсказана въ книжечкѣ Гиббинса. Англійскіе реформаторы, р. пер. Москва, 1896 г.

ихъ жизни неудача слѣдуетъ за неудачей и тѣмъ не менѣе они оказываютъ громадное вліяніе на своихъ согражданъ и на человѣчество вообще. Жизнь такихъ людей является какъ бы урокомъ практической любви, самоотверженія и безкорыстной преданности страждущему человѣчеству. Среди названныхъ выше филантроповъ Р. Оуенъ представляетъ самую привлекательную личность 19-го вѣка. Какъ ни интересно жизнеописаніе Оуена, но намъ придется оставить его въ сторонѣ. Жизнь его слишкомъ хорошо извѣстна; мы живемъ, кромѣ того, въ такую эпоху, когда его соціальные эксперименты уже давно изучены, разсмотрѣны, оцѣнены, какъ утопіи, повторявшіяся много разъ и всегда безъ прямыхъ результатовъ. Гораздо важнѣе изобразить ясно тѣ соціальныя идеи, которыя внесла эта жизнь въ круговоротъ англійскаго народа[1]) и человѣчества.

Съ этой точки зрѣнія жизнь Р. Оуена можно грубо подраздѣлить на два своеобразныхъ періода. Съ 1797 по 1817 г. мы знаемъ Р. Оуена въ качествѣ быстро разбогатѣвшаго фабриканта, который стремится улучшить бытъ своихъ рабочихъ и ихъ дѣтей. Опытомъ собственной фабрики въ Новомъ Ланаркѣ онъ доказываетъ, что справедливое отношеніе къ рабочимъ, хорошая заработная плата, уменьшенное количество часовъ труда, надлежащее воспитаніе рабочихъ и ихъ дѣтей экономически выгодно для предпринимателей. Новѣйшій біографъ Оуена — Подморъ, не вѣруя въ большія организаторскія способности Оуена, полагаетъ, что коммерческій успѣхъ фабрики въ значительной мѣрѣ зависѣлъ отъ тѣхъ чрезвычайныхъ прибылей, какія имѣла тогдашняя англійская промышленность. Какъ бы то ни было, но успѣхъ Оуена былъ великъ и онъ сдѣлался популярнѣйшимъ человѣкомъ въ Англіи и въ Европѣ. Въ среднемъ ежегодно фабрику Оуена посѣщало не менѣе 2,000 человѣкъ и посѣтители ея разнесли его славу по всему свѣту. Въ этотъ періодъ жизни Оуенъ обращается съ пропагандой къ владѣющимъ классамъ. Онъ проповѣдуетъ систему *патроната* владѣющихъ классовъ надъ рабочими, видитъ въ предпринимателяхъ воспитателей народа, которые должны поднять его нравственность и пріучить къ самодѣятельности и самоуправленію. Большое сочувствіе онъ встрѣчаетъ среди представителей консервативной партіи, которая съ завистью смотрѣла на стремленіе выросшей буржуазіи захватить въ свои руки, какъ власть, такъ и руководительство рабочими.

1) Наиболѣе полная біографія Оуена написана F. Podmor, R. Owen 1906 г.), изложеніе этой книги дано въ Русскомъ Богатствѣ за 1906 г.; см. также Туганъ-Барановскій. Очерки новѣйшей политической экономіи, 3-е изд. 1906 г.

Среди промышленной буржуазіи, однако, Оуенъ встрѣтилъ мало желанія содѣйствовать осуществленію своихъ плановъ. Многіе изъ утилитаристовъ считали его въ этотъ періодъ жизни даже ретроградомъ, ибо онъ обнаруживалъ полное равнодушіе къ политической реформѣ, хотя и былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Бентамомъ, который былъ компаніономъ его фабрики. Въ этотъ же періодъ жизни онъ ревностно проповѣдовалъ необходимость созданія фабричнаго законодательства. Эта пропаганда не осталась безъ слѣда. Бурное чартистское движеніе и потеря власти въ 1832 г. заставили консервативную партію понять, что въ идеяхъ Оуена многое очень полезно для владѣющихъ классовъ. Остлера, Шэфтсбери, Кингслея, Мориса и другихъ такъ называемыхъ христіанскихъ соціалистовъ по справедливости можно назвать продолжателями его идей патроната.

Равнодушіе владѣющихъ классовъ, разочарованіе, которое вызвалъ въ немъ первый фабричный законъ 1812 г., религіозныя несогласія съ компаніономъ своей фабрики побуждаютъ Оуена уже въ 1817 г. оставить путь пропаганды системы патроната.

Онъ рѣшился обратиться къ самому народу. Этотъ второй періодъ жизни Оуена наиболѣе интересенъ для историка-экономиста. Оуенъ становится пропагандистомъ новой системы жизни, творцомъ соціальныхъ экспериментовъ, коммунистической общины въ Америкѣ (1824—5 г.), организаторомъ биржи трудового обмѣна въ Англіи, соціалистомъ, коммунистомъ, организаторомъ обществъ кооперацiи и справедливости, прожектеромъ созданія великаго всеобщаго, консолидированаго союза всѣхъ рабочихъ Англіи, критикомъ всѣхъ религій, издателемъ безконечнаго числа популярныхъ сочиненій и газетъ и, въ концѣ концовъ, спиритуалистомъ.

Въ этотъ періодъ своей жизни Оуенъ писалъ очень много, тяжело и нескладно [1]), но чрезвычайно понятно для простого и необразованнаго рабочаго. Читая его труды нынѣ, устаешь отъ безконечныхъ повтореній, но они были нужны. Жизненныя задача Оуена состояла въ томъ, чтобы простыя

1) Для того, чтобы ознакомится съ соціально-экономической философіей Оуена совершенно достаточно заглянуть въ его слѣдующіе труды: 1) Новый взглядъ на общество или этюдъ объ образованіи человѣческаго характера . . . (1812—1814 г. имѣется въ рус. пер.) 2) Explanation of the causes of distress etc, т. е. объясненіе причинъ, вызывающихъ несчастья среди цивилизованныхъ народовъ и средства къ ихъ устраненію (1823 г.) 3) The New Moral World (1836 г.), т. е. книга о новомъ нравственномъ мірѣ, содержащая въ себѣ изображеніе раціональной системы общества, основанное на доказанныхъ фактахъ, показывающее основы и законы человѣческой природы и общества и 4) Autobiography (1858 г.), т. е. автобіографія.

и незамысловатыя идеи сдѣлать достояніемъ громаднаго большинства своихъ согражданъ. И этого онъ достигъ; въ рабочемъ классѣ обнаружилась жажда новой жизни, сознаніе того, что его бытъ полонъ незаслуженныхъ страданій.

Въ своей автобіографіи Робертъ Оуенъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ всю свою дѣятельность: „Задача всѣхъ моихъ работъ заключается въ желаніи произвести полнѣйшую революцію въ чувствахъ, мысляхъ, въ обычаяхъ и поведеніи человѣчества; въ доказательствѣ того, что разумная жизненная революція должна произойти постепенно, съ мудрой предусмотрительностью и что эта революція окажетъ чрезвычайно благодѣтельное вліяніе въ будущемъ на всѣхъ; эта революція замѣнитъ систему индивидуальнаго невѣжественнаго своекорыстія, основанную на лжи и обманѣ и поддерживаемую только силой и страхомъ; она создастъ другую систему жизни, которая будетъ основываться на истинѣ и добрѣ, вызоветъ появленіе такого знанія, разума и настроенія, при помощи которыхъ можно будетъ управлять человѣчествомъ исключительно на началахъ любви и благожеланія. Это преобразованіе разрушитъ всякое невѣжественное своекорыстіе, соединитъ человѣка съ человѣкомъ, приведетъ людей въ гармонію съ Богомъ и природой, обратитъ міръ въ рай, что очевидно, было въ цѣляхъ Творца. Это преобразованіе можетъ совершиться при помощи весьма простыхъ средствъ, а именно, обоснованіемъ общества на его единственно истинныхъ началахъ: *„чрезъ приведеніе окружающихъ человѣка условій въ болѣе высокое положеніе“*.

Въ своемъ „Нравственномъ мірѣ“ онъ насчитываетъ 18 условій-причинъ, которыя дѣлаютъ существующій порядокъ несчастіемъ для всего человѣческаго рода. Эти причины несчастій таковы: 1) религіи всего свѣта; по его мнѣнію, всѣ религіи замѣнятся единной религіей долга: этотъ же долгъ заключается въ достиженіи человѣкомъ своей цѣли, а именно: въ достиженіи личнаго счастія и благополучія своихъ согражданъ, въ желаніи, чтобы всякое созданное существо могло понимать наслажденіе и страданіе и чувствовало себя прекрасно, соотвѣтственно своему знанію, силѣ и природѣ; 2) правительства всего свѣта, какой бы они не были формы и названія; 3) профессіи гражданскія и военныя; 4) денежная система всѣхъ странъ; 5) покупка и продажа для полученія прибыли; 6) борьба интересовъ гражданскихъ и военныхъ, индивидуальныхъ и національныхъ; 7) современная система производства и распредѣленія богатства; 8) современная система образованія человѣческаго характера; 9) сила и обманъ, господствующіе теперь во всѣхъ странахъ и сферахъ жизни; 10) обособленіе интере-

совъ и, потому, всеобщее разъединеніе; 11) изолированная семейная жизнь и потому семейное своекорыстіе; 12) воспитаніе женщинъ, какъ рабынь въ семьѣ, а не какъ сотоварищей высокаго порядка; 13) искусственные и нерасторжимые браки священниковъ; 14) ложь и лицемѣріе; 15) неравенство въ воспитаніи, въ условіяхъ жизни и въ трудѣ; 16) жестокое подавленіе слабаго сильнымъ; 17) взиманіе неравныхъ налоговъ и затрата ихъ на дѣла, не приносящія пользы, тогда какъ ихъ можно истратить самымъ производительнымъ образомъ на созданіе богатства, знанія и прочнаго благосостоянія для всего народа; 18) производство богатства совершенно ничтожнаго значенія, тогда какъ экономически выгодно и желательно производить богатство дѣйствительно полезныхъ продуктовъ". Какъ видимъ, Оуенъ намѣчаетъ массу причинъ, не разбираясь въ ихъ классификаціи и значеніи.

Только невѣжество привело, по его мнѣнію, къ господству этихъ причинъ. Необходимо познать, что слѣдуетъ воспитать людей въ любви и благожеланіи и тогда миръ и счастье воцарятся на землѣ. Оуенъ насчитываетъ пять основныхъ фактовъ человѣческой природы, отъ пониманія которыхъ зависитъ всякое правильное дѣйствіе, какъ для индивида, такъ и для общества, а именно:

а) человѣкъ, полагаетъ онъ, представляетъ собою существо сложное, причемъ его характеръ создается при посредствѣ той конституціи или организаціи, которую онъ приноситъ съ собой при рожденіи, а также при помощи внѣшнихъ обстоятельствъ, окружающихъ и дѣйствующихъ на насъ съ момента рожденія и до смерти. Эта первичная организанія и внѣшнія обстоятельства находятся въ постоянномъ дѣйствіи и взаимодѣйствіи; въ конечномъ результатѣ *характеръ образуется для личности, но не ею самой;*

в) человѣкъ принужденъ по самой своей физической организаціи получать свои чувства и убѣжденія помимо своей воли;

с) чувства и убѣжденія человѣка, или оба вмѣстѣ, создаютъ мотивы къ дѣйствію, которые называются волей, побуждающей человѣка дѣйствовать и принимать рѣшенія;

d) Организація двухъ существъ никогда не бываетъ одной и той же при рожденіи и никакое искусство не можетъ создать двухъ существъ подобныхъ другъ другу во всемъ, начиная съ дѣтскаго возраста и до зрѣлаго;

е) тѣмъ не менѣе организація каждаго ребенка, за исключеніемъ случаевъ органической болѣзни, способна къ тому, чтобы образовать существо или въ высшей степени низкое, или въ той же степени превосходное. Все зависитъ отъ рода обстоятельствъ, которыя дѣйствуютъ на эту орга-

низацію отъ рожденія. Ребенокъ пріобрѣтаетъ дурной характеръ, если поставленъ отъ рожденія среди самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ и организація его не будетъ предрасположена къ добру. Онъ пріобрѣтаетъ средній характеръ, если родившись съ достаточной наличностью благопріятныхъ свойствъ, будетъ окруженъ неблагопріятными условіями или, если родившись съ средними свойствами, будетъ окруженъ средними же условіями. Но тотъ же ребенокъ можетъ пріобрѣсти высшій характеръ, если его организація, заключая въ себѣ наиболѣе благопріятное сочетаніе добрыхъ свойствъ, будетъ подвержена воздѣйствію наилучшихъ обстоятельствъ.

Такимъ образомъ Оуенъ исходитъ изъ закона приспособленія къ средѣ и требуетъ, созданія *высшихъ внѣшнихъ условій* для созданія *высшихъ людей*.

Изложенное ученіе Оуена, при всей своей элементарности, имѣетъ съ исторической точки зрѣнія чрезвычайно важное значеніе. Онъ одинъ изъ первыхъ обратилъ вниманіе на значеніе воспитанія и внѣшнихъ условій жизни при образованіи человѣческаго характера. Уже Д. С. Милль пытался создать особую науку — „этологію“, которая должна была изслѣдовать внимательно всѣ условія образованія „общественнаго типа“ человѣка. Такой науки мы не имѣемъ и до сихъ поръ, но всѣ мы ясно сознаемъ, что анализъ человѣческой природы, какъ его сдѣлала индивидуалистическая философія 18-го вѣка, недостаточенъ, что развитіе эгоистическихъ и альтруистическихъ чувствъ находится въ сильной зависимости отъ окружающихъ насъ экономическихъ и соціальныхъ условій [1]). Его ученія послужили также основой для преобразованія ученія объ уголовномъ наказаніи, указавъ на зависимость преступности отъ соціальныхъ условій.

Въ своемъ „Explanation и т. д.“ Оуенъ даетъ намъ набросокъ тѣхъ условій жизни, которыя онъ считаетъ „высшими.“ Законная задача общества, по его мнѣнію, заключается въ улучшеніи физическаго, нравственнаго и умственнаго положенія человѣчества и въ такомъ снабженіи его всѣми благами, чтобы оно могло испытывать наименьшее количество страданій и наибольшее количество удоволь-

---

1) Необходимо напомнить, что утилитаристы (до Д. С. Милля) ожидали усовершенствованія человѣческой природы главнымъ образомъ отъ преобразованія „политическихъ условій“ и воспитанія. Джемсъ Милль любилъ говорить, что „жизнь могла бы имѣть цѣну, если бы она была сдѣлана тѣмъ, чѣмъ должна быть, — вліяніемъ хорошаго правительства и надлежащаго воспитанія“. Заслуга Оуена въ томъ, что онъ обратилъ все свое вниманіе на значеніе соціальныхъ условій производства и обмѣна.

ствій. Общество современнаго типа, по мнѣнію Оуена, не производитъ ничего подобнаго; физическія, нравственныя и умственныя способности большинства людей находятся въ пренебреженіи; ихъ потребности удовлетворяются съ недостаточнымъ запасомъ знанія и предвидѣнія и при помощи пріемовъ пагубныхъ для интересовъ всего общества. Отсюда проистекаетъ, что наибольшая масса человѣчества едва успѣваетъ добыть нужныя средства къ существованію суровымъ, нездоровымъ и непріятнымъ трудомъ; тогда какъ сравнительно немногіе пользуются множествомъ предметовъ роскоши, которые вредны даже для нихъ самихъ. При такой системѣ пріобрѣтеніе богатствъ, а не счастье составляетъ главную задачу общества, а потому вся система приводитъ только къ бѣдности, пороку и страданіямъ. Это сказывается, въ особенности, на организаціи промышленности.

Современная промышленная система покоится на трехъ основаніяхъ: a) на полученіи прибыли въ цѣнѣ, сверхъ издержекъ производства, b) на дробномъ (minute) раздѣленіи труда и c) на соперничествѣ индивидуальныхъ интересовъ. Быть можетъ подобная система и была необходима для предшествовавшаго времени, но могучее вліяніе научныхъ открытій и изобрѣтеній должно положить ей предѣлъ. Благодаря введенію машинъ и вызываемыхъ ими кризисовъ становится невозможнымъ пріобрѣтеніе прибыли. Раздѣленіе труда на множество обособленныхъ операцій матеріально ухудшило нашу расу, ограничивая и тѣмъ ослабляя физическія и умственныя способности людей; соперничество интересовъ, создавая всеобщее ихъ противорѣчіе, нарушаетъ реальные интересы всего общества и всякаго индивидуума, изъ котораго оно состоитъ. Въ первичныя эпохи, до тѣхъ поръ, пока не были сдѣланы разныя механическія и другія научныя усовершенствованія, производительные результаты труда были недостаточны для удовлетворенія всѣхъ человѣческихъ потребностей. Въ это время человѣку приходилось тратить слишкомъ много труда для пріобрѣтенія пищи, одежды и немногихъ предметовъ удобства. Если когда-бы то ни было существовало перенаселеніе, то это могло быть только въ этотъ періодъ. Но когда механическія и всѣ другія изобрѣтенія стали помогать человѣку и дали ему возможность удовлетворять своимъ потребностямъ съ меньшей затратой труда, тогда появилось цѣлое множество искусственныхъ потребностей и наступила новая эра промышленности. Торговля, основывающая свои разсчеты на прибыли въ цѣнѣ, возникла и индивидуальная прибыль стала движущей страстью общества. Прибыль и накопленіе ненужнаго и безполезнаго индивидуальнаго богатства привели въ движеніе низшія страсти человѣческой природы; отсю-

да возникла сложная оцѣнка вещей и всякая изъ нихъ стала оцѣниваться издержками производства, а не „внутренней цѣнностью“, т. е. ея полезными для всего общества качествами. Хитрость и обманъ стали на мѣсто мудрости и правдивости; всѣ партіи, увлеченные погоней за наживой, были на ложномъ пути и не могли указать, гдѣ находится истинное счастье. Детальное, дробное раздѣленіе труда и соперничество индивидуальныхъ интересовъ также содѣйствовало деградаціи человѣческаго характера, матеріально ослабили соціальную систему и поставили общество въ крайне затруднительное положеніе.

Невозможность идти далѣе по такому пути, продолжаетъ Оуенъ, чувствуется всякимъ и среди всѣхъ классовъ укореняется убѣжденіе, что слѣдуетъ „что нибудь“ сдѣлать. *Истина* (курсивъ Оуена) заключается въ томъ, что прибыль въ цѣнѣ (profit upon the price) можетъ быть получаема только тогда, если спросъ равенъ или превышаетъ предложеніе; тогда какъ реальный интересъ общества требуетъ, чтобы предложеніе было всегда больше спроса; и отсюда съ очевидностью вытекаетъ, какое огромное преимущество имѣетъ единство интересовъ сравнительно съ ихъ борьбою; невозможно ожидать, чтобы при системѣ, основанной на борьбѣ индивидуальныхъ интересовъ, существовало стремленіе держать предложеніе выше спроса. При такомъ положеніи вещей прибыль исчезнетъ и вся капиталистическая система потеряетъ смыслъ. Къ счастью для человѣчества, при современномъ развитомъ состояніи науки, несмотря на все несовершенство, съ которымъ пользуются ея услугами, предложеніе уже не можетъ быть равно или не достигать спроса. Незначительное количество людей всегда въ состояніи произвести такое количество продуктовъ, которое можетъ удовлетворить потребностямъ значительно бо́льшаго количества людей. Производительная сила на почвѣ новыхъ усовершенствованій почти безгранична. При современномъ положеніи вещей становится, такимъ образомъ, все труднѣе извлекать прибыль, ибо предложеніе настолько начинаетъ превышать спросъ, что цѣна падаетъ и производитель не можетъ выручить издержекъ производства: становится невозможнымъ даже держать предложеніе въ предѣлахъ спроса. Затрудненія, вызываемыя современной системой, можно устранить только научной организаціей промышленности и она можетъ покоиться только на двухъ принципахъ: a) необходимо, чтобы отдѣльныя группы соединились въ коопераціи, задача которыхъ должна заключаться въ производствѣ, при помощи собственнаго труда, продуктовъ и для удовлетворенія собственныхъ потребностей и b) эти коопераціи должны поставить своей задачей, чтобы предложеніе

всегда превышало спросъ. Онъ полагаетъ, что при такомъ положеніи вещей высшіе классы получатъ отъ работающихъ гораздо большее количество продуктовъ и потому они должны взять на себя организацію этихъ коопераціи.

Въ своемъ „Отчетѣ графству Ланарка", который былъ имъ представленъ на усмотрѣніе комитета общественнаго призрѣнія, онъ даетъ подробный планъ такихъ коопераціи. Онъ предлагалъ: а) построить рядъ колоніи по разсчету на 500—1000 человѣкъ и дать возможность ихъ обитателямъ производить все, что для нихъ потребно, b) первоначально дать возможность поселиться въ этихъ колоніяхъ бѣднѣйшей части населенія и употребить всѣ мѣры къ тому, чтобы она могла оправиться. Для этого кормить бѣдняковъ лучше и дешевле, одѣвать ихъ лучше и дешевле, воспитывать ихъ лучше и дешевле, озаботиться объ ихъ здоровьи и вообще устроить все, какъ требуетъ послѣднее слово науки.

Въ будущемъ онъ представлялъ себѣ возможность перехода всего общества къ подобнымъ коопераціямъ. Въ такомъ обществѣ не будетъ ни собственности, ни денегъ, ни семейнаго своекорыстія. Воспитаніе будетъ одинаково для всѣхъ. Всѣ будутъ заняты соотвѣтственно своимъ возрастамъ: несчастье и порокъ сдѣлаются однимъ воспоминаніемъ. До 15 лѣтъ дѣти будутъ только посѣщать школы; по достиженіи высшаго возраста начнутъ принимать участье въ производствѣ. Самыми дѣятельными производителями будутъ взрослые отъ 20—25 лѣтъ: съ 25 лѣтъ на нихъ будутъ лежать обязанности распредѣлителей и хранителей продуктовъ. Люди съ 30—40 лѣтъ будутъ заботиться о правильномъ ходѣ производительной дѣятельности и потребленія, о семейной организаціи и вообще о всемъ внутреннемъ устройствѣ жизни коопераціи. Люди 40—60 лѣтъ должны будутъ организовать обмѣнъ избытковъ съ другими коопераціями, причемъ всѣ продукты будутъ обмѣниваться въ точной соразмѣрности съ затраченнымъ на нихъ трудомъ. Во главѣ всѣхъ коопераціи онъ ставитъ правительственный совѣтъ изъ старѣйшихъ членовъ. Въ такой всеобщей коопераціи все будетъ проникнуто справедливостью и не будетъ никакихъ затрудненій при оцѣнкѣ умственнаго и физическаго труда. Издержки производства будутъ распадаться на двѣ части: заработная плата капитала, какъ онъ выражается, будетъ поддерживать существованіе капитала и умножать его размѣръ, заработная плата работника будетъ удовлетворять всѣмъ его потребностямъ и содѣйствовать развитію всѣхъ его силъ. Производство будетъ направлено только на изготовленіе „intrinsic values," т. е. внутреннихъ цѣнностей или дѣйствительно полезныхъ предметовъ. Задача колоніи Оуена, выражаясь его собственными словами,

заключалась „въ организаціи всеобщаго счастья, при посредствѣ принятія системы единства и кооперацiи, основанной на всеобщей любви къ ближнему, проистекающей изъ истиннаго познанія человѣческой природы.“

Мы знаемъ, что розовыя мечтанія осуществить братство всѣхъ людей при посредствѣ такихъ колоній рухнули. Въ концѣ своей жизни Оуенъ и самъ убѣдился, что преобразованіе внѣшнихъ условій жизни не можетъ сразу видоизмѣнить людей. Внутренній разладъ во многихъ организованныхъ по его идеѣ колоніяхъ немедленно начинался подъ вліяніемъ разногласія во взглядахъ, привычкахъ, настроеніи и въ образованіи случайно сошедшихся людей. Своекорыстіе, ложь и обманъ сказались также въ этихъ колоніяхъ. Не малое вліяніе оказывали также неумѣлое веденіе дѣлъ, недостатокъ капитала и большій просторъ и свобода, которые каждый могъ получить, исключительно предаваясь борьбѣ за свое личное счастье. Раздѣленіе труда не было ошибкой человѣческой исторіи; оно колоссально увеличило производительность труда: возвратъ назадъ, къ какимъ то самодовлѣющимъ, небольшимъ производительнымъ ячейкамъ, повсемѣстно оказался невозможнымъ, ибо а) это означало бы уменьшеніе производительности труда и б) не могло бы дать личности той свободы въ выборѣ рода труда и въ способахъ удовлетворенія своихъ потребностей, которую она могла бы имѣть, какъ часть крупнаго народно-хозяйственнаго цѣлаго [1]), гдѣ неизбѣжно создаются громадныя общественныя предпріятія и учрежденія.

---

1) Слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что неуспѣхъ колоній равенства и кооперацiи послужилъ основой для образованія мелкихъ, а впослѣдствіи, и крупныхъ кооперативныхъ обществъ, которыя перестали стремиться къ пересозданію всего общества, а занялись производствомъ и торговлей на началахъ самопомощи и союзнаго составленія капитала. Такъ постепенно создались двѣ формы этихъ коопераций: 1) потребительное товарищество, которое стремится продавать своимъ членамъ товары хорошаго качества, по наиболѣе справедливой оптовой цѣнѣ и, по возможности, только на наличныя деньги, распредѣляя доходъ отъ веденія дѣла соотвѣтственно общей цѣнѣ закупленнаго членомъ товарищества и 2) производительныя товарищества, т. е. ассоціаціи мелкихъ владѣльцевъ капитала, которыя стремятся получать доходъ отъ своего труда и капитала и равномѣрно распредѣлять его на тѣхъ или иныхъ союзныхъ началахъ. Само собой разумѣется, что они глубоко отличаются отъ тѣхъ коопераций, которыя пропагандировали Оуенъ и Томсонъ; этотъ послѣдній писатель оказалъ на развитіе кооперативнаго движенія большое вліяніе, но и онъ предполагалъ обосновать ихъ на двухъ началахъ: а) равное распредѣленіе, т. е. каждый получаетъ соотвѣтственно своимъ физическимъ потребностямъ и b) общность собственности и имущества. См. его сочиненіе: Practical Directions for Speedy and Economical Establishment of Communities (L. 1830). Долгое время, подъ вліяніемъ полемики Лассаля противъ Бастіа и Шульце-Делича, соціалъ-демократія была противъ кооперацiи. Въ новѣйшее время подъ вліяніемъ опыта

Въ изложенной системѣ Оуена была, однако, одна важная мысль, которая, правда, заимствована у Мальтуса [1]), но стала основой для критики существующаго капиталистическаго строя: ростъ производительныхъ силъ при неправильномъ распредѣленіи, при которомъ работающимъ классамъ достается все уменьшающаяся доля общаго продукта, вызываетъ кризисы; эта мысль лежитъ въ основѣ всей системы Родбертуса и его своеобразныхъ проэктовъ обновленія экономической жизни.

Б. Въ ученіи Оуена была и еще другая любопытная сторона. Разочаровавшись въ возможности создать колоніи коопераціи труда и справедливости, Оуенъ задумалъ преобразовать весь міръ реорганизаціей обмѣна. Въ 1833 г. онъ пытается организовать особую „Биржу трудового обмѣна". На этомъ экспериментѣ слѣдуетъ остановиться нѣсколько подробнѣе, ибо въ основѣ его лежала теоретическая идея, которая повторялась безконечное число разъ, какъ въ соціалистической, такъ и въ анархической литературѣ, а именно, будто провозглашеніе права работника на полный продуктъ его труда или, что то же, на полную цѣнность, созданную его личнымъ трудомъ, въ состояніи привести капиталистическое хозяйство въ состояніе равновѣсія чрезъ такъ называемое „конституированіе" цѣнности. Чтобы больше не возвращаться къ этому вопросу, мы разсмотримъ, какъ этотъ экспериментъ, такъ и лежащую въ его основѣ теоретическую идею.

Самая попытка организаціи этихъ биржъ вытекла изъ теоретическихъ взглядовъ на обмѣнъ, высказанныхъ Оуеномъ еще въ 1820 г.[2]). Ему казалось, что въ исторіи обмѣна было три стадіи; въ первой стадіи натуральнаго обмѣна (barter) возможно было только единственно справедливое начало обмѣна, которое заключалось въ предполагаемой цѣнности труда въ одномъ продуктѣ и въ обмѣнѣ его на количество труда, содержащееся въ любомъ другомъ продуктѣ. Съ ростомъ богатства, натуральный обмѣнъ сдѣлался невозможностью и тогда возникъ искусственный обмѣнъ чрезъ посредство особаго мѣрила, имѣющаго свою собственную цѣнность: такъ было положено начало коммерческой стадіи,

Бельгіи, Даніи и Италіи, соціалъ-демократія стала видѣть въ коопераціи полезный видъ профессіональнаго движенія, первый шагъ въ организаціи пролетаріата; см. Тотоміанцъ. Потребительныя общества, 2 изд. 1908 и друг. труды этого автора въ особенности о коопераціи въ сельскомъ хозяйствѣ.

1) Мальтусъ впервые поставилъ вполнѣ научно вопросъ о возможности общаго перепроизводства товаровъ (т. н. general glut). Съ нимъ полемизировалъ въ особенности Сэ.

2) См. Report to the County of Lanark, Autobiography, ii, p. 266, 278.

которая совершенно позабыла о естественномъ измѣрителѣ — трудѣ. Третья стадія наступитъ тогда, когда это монопольное и имѣющееся въ ограниченномъ количествѣ мѣрило изъ золота и серебра будетъ отринуто, когда обмѣнъ станетъ столь же справедливымъ, какъ и на первой стадіи. Это можетъ осуществиться только при помощи трудовой бумажной ноты (standart labour unit). Эта маленькая и незначительная вещь принесетъ благосостояніе всѣмъ.

Какъ мы уже выше видѣли, Оуенъ, въ сущности, какъ фабрикантъ врядъ-ли держался взгляда, что цѣнность продуктовъ исключительно опредѣляется трудомъ. Онъ въ данномъ случаѣ подчинился вліянію своихъ друзей Томсона, Годскина и, въ особенности, той наиболѣе радикальной группы кооператоровъ, которая первоначально сгруппировалась въ такъ называемой „Ассоціаціи для развитія кооперативныхъ знаній“. Въ числѣ ея членовъ были Ловеттъ, Ватсонъ, Клайфъ и многіе другіе, впослѣдствіи сдѣлавшіеся „чартистами“. Въ этомъ обществѣ всецѣло господствовали идеи Томсона, который, какъ казалось его членамъ, доказалъ, что стоитъ обезпечить за каждымъ право на полный продуктъ его труда, дозволить каждому работать надъ чѣмъ угодно и любое количество времени, разрѣшить свободу обмѣна продукта и тогда народное хозяйство неизбѣжно придетъ въ полное равновѣсіе. Естественное распредѣленіе продукта неизбѣжно создастъ естественный и нормальный обмѣнъ. „Совершенно ясно, писалъ Томсонъ, что кооперація въ своихъ взаимныхъ обмѣнахъ будетъ требовать справедливый эквивалентъ труда за свой трудъ. . . Интересъ каждой коопераціи будетъ заключаться въ томъ, чтобы получить возможно больше за избытокъ своего продукта. Но желаніе одной коопераціи будетъ балансироваться желаніями другихъ, что же произойдетъ? Необходимо будетъ найти мѣрило, которое будетъ наиболѣе соотвѣтствовать интересамъ обѣихъ сторонъ. Каково-же это мѣрило? Количество труда, заключающееся въ товарахъ, предлагаемыхъ въ обмѣнъ“ [1]).

Въ этомъ обществѣ, которое собиралось еженедѣльно въ ресторанѣ „Rotunda“ (отсюда и ихъ названіе ротундаписты) господствовало самое демагогическое настроеніе. Всѣ, не признававшіе идеи права на полный продуктъ труда, презрительно назывались „политико-экономами“; сами члены общества считали себя „истинными представителями народа“

---

1) См. его Distribution of Wealth, p. 329. Болѣе доступенъ нѣмецкій новый переводъ: Untersuchungen über die Grundsätze der für das menschliche Glück dienlichsten Verteilung des Reichtums (2 т. 1904 г.) т. е. Изслѣдованіе о наиболѣе соотвѣтствующемъ для человѣческаго счастья распредѣленіи богатства.

и не принимали участія въ выборахъ, бойкотируя актъ 1832 года[1]).

Возобновленіе платежей золотомъ въ 1819 году, споры въ парламентѣ по этому поводу, оказали своеобразное вліяніе на общественное мнѣніе. Многимъ стало казаться, что всѣ бѣдствія происходятъ потому, что деньги вздорожали послѣ того, какъ правительство отказалось отъ права дальнѣйшаго выпуска бумажныхъ денегъ и возстановило ихъ размѣнъ на золото. Старая идея Д. Ло о необходимости увеличенія и уменьшенія денегъ пропорціонально росту богатства вновь воскресла и Оуенъ, подъ сильнымъ давленіемъ друзей, рѣшилъ дать ей осуществленіе, хотя и не придавалъ ей особеннаго значенія.

Прежде чѣмъ приступить, однако, къ изложенію исторіи этого любопытнаго эксперимента Оуена и лежащихъ въ его основѣ теоретическихъ идей, мы должны сдѣлать небольшое отступленіе. Какъ я уже указалъ вамъ выше, доктрина конца 18-го вѣка въ число неотъемлемыхъ правъ человѣка включила два права: 1) право на существованіе и 2) право на трудъ. Вы видѣли также, что Мальтусъ совершенно отвергнулъ право на существованіе. Французское же революціонное законодательство и вся дѣятельность утилитаристовъ сводилась къ провозглашенію лишь права на трудъ, т. е. къ разрѣшенію каждому заниматься любымъ промысломъ и свободно продавать свой трудъ на рынкѣ.

Громадная заслуга Оуена и Томсона заключается въ томъ, что они усомнились въ благодѣятельности для рабочихъ такого права на трудъ и постарались замѣнить его провозглашеніемъ права на полный продуктъ труда. Во всѣхъ ихъ сочиненіяхъ, однако, борьба противъ провозглашеннаго философіей 18-го вѣка права на трудъ не отличается ясностью. Только значительно позднѣе Прудонъ, эта путаная, но поразительная по талантливости голова, съ необычайной рѣзкостью повелъ борьбу противъ этого „естественнаго" права на трудъ. Чтобы не возвращаться болѣе къ этому вопросу, ознакомимся съ его критикой и уже только затѣмъ перейдемъ къ экспериментамъ Оуена и посмотримъ, насколько правильна теоретическая идея права на полный продуктъ труда, можетъ-ли она замѣнить идею права на трудъ, возможно ли ее осуществленіе путемъ простой реорганизаціи обмѣна и денежнаго обращенія.

Этого вопроса Прудонъ коснулся дважды. Первый разъ

1) См. Wallace F. Place, l. c. стр. 271—3. Lovett. The Live and. Struggles of Lovett in his pursuit of bread, knowledge and freedom (L. 1876 г.), стр. 43 и слѣд. т. е. автобіографію Ловетта, его борьбу за хлѣбъ, знаніе и свободу.

въ анонимной статьѣ, помѣщенной въ его журналѣ „Представитель Народа", во второй разъ въ брошюрѣ, выпущенной по поводу тѣхъ преній, которыя возникли въ національномъ собраніи по вопросу о правѣ на трудъ въ 1848 году[1]). Оба эти произведенія дополняютъ другъ друга. Первое имѣетъ отрицательное критическое значеніе, второе намѣчаетъ положительныя стороны этого права.

Въ первой статьѣ Прудонъ категорически высказывается, что формула права на трудъ, такъ, какъ она обыкновенно понимается, недостойна, недостаточна, аристократична и опасна. По его мнѣнію она *недостойна*, ибо она выставляетъ, какъ правовое начало, наслѣдственную обязанность бѣдняковъ жить на заработную плату, приковывая ихъ къ работамъ, требующимся для современнаго общества. . . Она *недостаточна*, ибо она не представляетъ собою всеохватывающаго положенія и можетъ разсматриваться, какъ нѣчто преходящее и провизорное. Она даетъ молчаливо возможность немногимъ счастливцамъ не выполнять этого права на трудъ т. е. не работать, не принимать участія въ общемъ дѣлѣ изготовленія благъ, сокращая, такимъ способомъ, запасъ благъ для народа, который ихъ производитъ. Эта формула *аристократична*, ибо она считаетъ фактомъ соціальное неравенство и возможность эксплоатаціи производителей непроизводителями, ибо она на вѣчныя времена признаетъ превосходство бездѣльниковъ цивилизованныхъ классовъ надъ трудомъ, на вѣчныя времена неравномѣрно распредѣляетъ человѣческую дѣятельность въ противорѣчіи съ наличными знаніями и способностями. Она *опасна*, ибо гораздо болѣе покровительствуетъ хорошо понятымъ интересамъ капиталистовъ, землевладѣльцевъ, спекулянтовъ и вообще привилегированныхъ владѣльцевъ, для которыхъ она является трогательнымъ обнаруженіемъ якобы ихъ заботливости, чѣмъ бѣднякамъ, которые на нихъ работаютъ. Хитрые государственные люди могли бы при принятіи народомъ этой формулы потребовать отъ него, чтобы онъ болѣе ничего не желалъ. Эта формула *опасна*, ибо она сводитъ желанія и правовыя требованія работника къ послѣднему жизненному минимуму, потому что она, околпачивая бѣдняка и приведя его къ безнадежности, быть можетъ, сдѣлаетъ его довольнымъ на протяженіи многихъ столѣтій. Она опасна, ибо приводитъ къ увѣренности, что мучители народа сами отъ себя дѣлаютъ все, что возможно, и что нѣтъ другихъ средствъ для облегченія его страданій. Путемъ дешевой подачки и хитрой уступчивости, такъ отдаляется день об-

1) Въ новѣйшемъ изданіи Фламмаріона: Proudhon. Brochures et articles de journaux, lettres etc. depuis février 1840 jusqu' à 1852, 3 vol.

щаго разсчета и отнимается у соціалъ-реформаторовъ сила и опора, питавшая послѣдовательно переходившее отъ отца къ сыну недовольство. . . Однимъ словомъ, эта формула опасна потому, что она еще крѣпче скуетъ цѣпи пролетаріата и увѣковѣчитъ постоянство его рабства подъ новой формой феодализма.

Во второй своей брошюрѣ Прудонъ съ необычайной проницательностью указываетъ, что, провозглашая право на трудъ, мы отнюдь не должны имѣть въ виду возможность подысканія любой работы какому-либо, напр., квалифицированному работнику. Право на трудъ обращается несомнѣнно въ простое призрѣніе, если государство врачу, не имѣющему работы, дастъ занятіе, заставляя его подметать улицы. Вопросъ о правѣ на трудъ сводится, слѣдовательно: на право получать трудъ, соотвѣтствующій своимъ способностямъ, и надлежащее вознагражденіе. Другими словами, это вопросъ не призрѣнія, а организаціи труда... Если подъ правомъ на трудъ, пишетъ Прудонъ, понимаютъ только введеніе общественныхъ работъ для подысканія труда безработнымъ за счетъ государства, департаментовъ и общинъ, если подъ обѣщаніемъ содѣйствовать благополучію работниковъ слѣдуетъ понимать то, что будетъ дана работа каменщикамъ и поденщикамъ, то такая уступка, конечно не будетъ угрожать собственности и лишь поставитъ наши финансы въ затрудненіе. При такой постановкѣ дѣла, вмѣсто того, чтобы устранить пролетаріатъ, увеличатъ только его численный составъ, истощатъ средства страны, вмѣсто того, чтобы ихъ увеличить... Во внутреннемъ развитіи организованнаго труда, а не во внѣшнемъ разсѣяніи капиталовъ лежитъ рѣшеніе проблемы. Съ этой точки зрѣнія я скажу утопическимъ консерваторамъ собственности: *право на трудъ есть право, которое всегда имѣетъ каждый гражданинъ, къ какому бы промыслу и профессіи онъ не принадлежалъ, на работу въ своемъ промыслѣ за извѣстную заработную плату, размѣръ которой не произволенъ и не зависитъ отъ случая, а соотвѣтствуетъ наличному и нормальному уровню заработныхъ платъ.* Вотъ что такое — право на трудъ, и чѣмъ либо другимъ оно быть не можетъ.

Между представленіями Тюрго и Прудона о правѣ на трудъ, такимъ образомъ, коренная разница. Для Тюрго и для всѣхъ другихъ индивуалистовъ право на трудъ отождествляется съ правомъ продажи труда на рабочемъ рынкѣ за условленную договоромъ плату: оно является осуществленіемъ свободы промысла для всякаго лица, не имѣющаго другихъ источниковъ существованія, кромѣ продажи своей нервной и мускульной силы. Для Прудона — право на трудъ — есть право каждаго желающаго трудиться получить работу, даю-

щую ему справедливое вознагражденіе и обязанность государства или общества доставить эту работу. Индивидуалисты въ случаяхъ недостатка работы, безработицы, рекомендуютъ прибѣгать къ общественному призрѣнію, Прудонъ требуетъ — организацію труда. Кенэ убѣжденъ, что общество можетъ признать лишь *право на существованіе*, т.-е. право на минимальное удовлетвореніе потребностей. Всѣ индивидуалисты полагаютъ, что въ системѣ соперничества всякой трудолюбивый человѣкъ только въ исключительныхъ случаяхъ не въ состояніи обезпечить себѣ это право на существованіе. Поэтому государство только въ этихъ исключительныхъ случаяхъ и должно приходить на помощь, организуя призрѣніе, однако, возможно суровѣе, чтобы не покровительствовать лѣни и безпутству. Для Прудона право на существованіе — есть право требовать организаціи труда, обезпечивающей равное благосостояніе для всѣхъ и каждаго.

Мы видѣли уже, какъ сурово было организовано это призрѣніе послѣ 1834 г. въ Англіи. Почти во всѣхъ государствахъ это важное дѣло организовано и до нынѣ еще очень плохо. Многое, правда, сдѣлано уже не только путемъ государственнаго вмѣшательства, но и путемъ союзной самопомощи самихъ рабочихъ.[1]) Главное же затрудненіе, съ которымъ все болѣе и болѣе приходится считаться нашей капиталистической системѣ, заключается въ безработицѣ, которая существуетъ хронически и зависитъ отъ общихъ условій капиталистическаго хозяйства, которыя не въ состояніи преоборoть вполнѣ или отчасти индивидуальная воля и предусмотрительность. Экономисты нашего времени выработали для характеристики этого явленія особый терминъ: *неблагопріятная конъюктура*, которая выражается въ неурожаяхъ, перепроизводствѣ и остановкѣ предпріятій, подъ вліяніемъ упадка цѣнъ, кризисовъ въ производствѣ, торговлѣ, спекуляціи и т. п.

Безработица, существующая, какъ постоянное явленіе, особенно усиливается въ періоды экономическихъ кризисовъ[2]), постоянно напоминая обществу, что отрицаніе права

---

1) Наиболѣе цѣлесообразной формой призрѣнія стало государственное страхованіе на случай болѣзни, инвалидности и старости. Объ организаціи этого дѣла въ Германіи и Австріи, см. Дементьевъ. Страхованіе рабочихъ, Спб. 1906 г.

2) Подъ безработными обыкновенно понимаютъ такихъ наемныхъ рабочихъ, служащихъ или работающихъ у капиталиста, или у ремесленника, которые, не утративъ своей работоспособности и имѣя желаніе во всякій моментъ приступить къ работѣ, безъ всякой съ своей стороны вины, не находятъ совсѣмъ, или въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, приложенія для своихъ силъ на рабочемъ рынкѣ. Любопытныя данныя по вопросу о безработицѣ (къ сожалѣнію, безъ точ-

на существованіе, къ которому часто сводится право на трудъ, и безчеловѣчно, и грозитъ большими опасностями для соціальной системы нашего времени.

То, что казалось Прудону столь простымъ и неизбѣжнымъ въ 1848 г., а именно, провозглашеніе права на полный продуктъ труда, то представлялось еще болѣе простымъ Томсону и многимъ его послѣдователямъ. Имъ казалось, что, сорганизовавъ обмѣнъ, они замѣнятъ безчеловѣчное право на трудъ правомъ на полный продуктъ труда. Они наивно вѣрили, что ихъ частичные опыты убѣдятъ все общество пересоздать весь обмѣнъ. Какъ я уже сказалъ, Р. Оуенъ сдался на увѣщанія друзей и въ сентябрѣ 1832 г. въ Лондонѣ была открыта первая такая „Биржа трудового обмѣна“. Всякому была представлено право приносить на биржу товары и получать въ обмѣнъ „трудовые билеты“. Каждая такая нота или билетъ означала, что на биржу принято нѣкоторое количество товара, который сначала оцѣнивался на обычныя деньги и затѣмъ эта оцѣнка переводилась въ часы труда, по разсчету 6 пенсовъ за часъ труда. Оуенъ придавалъ этой новой системѣ нѣкоторое значеніе по тремъ основаніямъ. Прежде всего, полагалъ онъ, выгода системы заключается въ томъ, что всякій производитель, или вообще доставившій на биржу свой товаръ, получаетъ безъ реальной продажи, въ видѣ ноты, непосредственный представительный знакъ своего товара, за который онъ можетъ купить на рынкѣ все, что пожелаетъ. Во вторыхъ, при такой системѣ должна была почти исчезнуть возможность чрезмѣрнаго обогащенія такъ называемыхъ midleman, т.-е. посредниковъ обмѣна. Биржа обмѣна Оуена должна была взимать только $8\frac{1}{3}\%$ коммиссіонныхъ за храненіе и продажу всякаго товара. Въ третьихъ, предполагалось, что оцѣнка всякаго доставленнаго товара будетъ совершаться на справедливыхъ началахъ согласно трудовой

ныхъ ссылокъ) можно найти въ книгѣ Н. И. Сувирова. Безработица и страхованіе отъ ея послѣдствій въ Западной Европѣ (Библіотека Общественной пользы, Спб. 1907 г.). Карлъ Марксъ (см. т. I. пер. Струве, стр. 539 и слѣд.) различаетъ три формы безработицы или, какъ онъ выражался, „относительнаго перенаселенія“; 1. текучую, когда рабочіе то отталкиваются, то притягиваются въ желательномъ количествѣ къ работѣ, причемъ въ общемъ число занятыхъ рабочихъ увеличивается, хотя въ постоянно уменьшающемся отношеніи къ размѣрамъ производства; 2. скрытую — эта та часть сельскаго населенія, которая всегда на готовѣ перейдти въ городской пролетаріатъ и выжидаетъ лишь благопріятныхъ условій для этого превращенія и 3. неподвижную или стаціонарную — это та часть активной рабочей арміи, которая имѣетъ очень нерегулярныя занятія; низшій слой этой формы составляетъ Lumpen Proletariat, павшіе, живущіе въ проголодь на счетъ общественнаго призрѣнія.

цѣнности и лицами вполнѣ безпристрастными и незаинтересованными. Въ общемъ, система должна была сближать честныхъ и не признающихъ прибыли производителей съ таковыми же потребителями. Для устраненія затрудненій по части сношеній съ лицами, не желающими сдѣлаться членами этой системы, предполагалось устроить особый банкъ для промѣна трудовыхъ нотъ на монету. Первый такой банкъ и былъ дѣйствительно основанъ въ апрѣлѣ 1832 г. и главнымъ распорядителемъ его сдѣлался одинъ изъ сподвижниковъ Оуена — нѣкто Кингъ.

Успѣхъ въ первое время былъ весьма значительный. Въ разныхъ частяхъ Лондона и въ другихъ городахъ, а въ особенности въ Бирмингамѣ, открылось нѣсколько подобныхъ же биржъ или базаровъ. Но главнѣйшее изъ этихъ учрежденій расположилось въ Gray's Inn Road въ помѣщеніи, которое на первое время безплатно предоставилъ Оуену нѣкто Бромлей, своекорыстіе котораго впослѣдствіи преждевременно подорвало существованіе всей системы. Съ 20 іюля 1833 года стала издаваться даже особая газета, поставившая своей задачей пропагандированіе идеи трудовыхъ биржъ и желавшая служить посредникомъ между покупателями и продавцами. Число принесенныхъ товаровъ въ теченіе первой недѣли въ центральной биржѣ достигло 10.000 ф. стер. Вліяніе Оуена было такъ сильно, что даже банкъ, который долженъ былъ промѣнивать трудовыя ноты на монету, въ первое время значительно обогатился вкладами. Въ теченіи первыхъ двадцати недѣль вкладчиками было внесено монеты на 3500 фунт. Многіе торговцы стали вывѣшивать въ своихъ магазинахъ объявленія: „здѣсь принимаются трудовые ноты“.

Но за розовыми надеждами скоро пришло разочарованіе. Затрудненія сказались съ трехъ сторонъ. Купцы, на перерывъ другъ передъ другомъ, посылали свои залежавшіеся товары, получали за нихъ трудовыя ноты и разбирали съ биржъ все, что было болѣе цѣннаго и что они надѣялись въ скоромъ времени и, конечно, съ изрядной прибылью сбыть. Оцѣнка товаровъ постоянно возбуждала недоразумѣніе и споры. Приносители товаровъ оцѣнивали ихъ гораздо дороже, чѣмъ они въ дѣйствительности стоили, а администраторы не обладали достаточной опытностью и рѣшительно не были въ состояніи прилагать къ оцѣнкѣ товаровъ нормы, которая, какъ мы видѣли, были единообразно опредѣлены въ шесть пенсовъ за трудовой часъ. Приносители товаровъ лучшихъ качествъ постоянно протестовали и отказывались сдавать товаръ по такой однообразной и несправедливой, по ихъ представленію, расцѣнкѣ — въ шесть пенсовъ за часъ. Кромѣ того, сами администра-

торы, которые были набраны Оуеномъ безъ всякаго разбора, не были достаточно добросовѣстны и оцѣнивали товары людей имъ извѣстныхъ по гораздо болѣе выгодной нормѣ, чѣмъ товары всѣхъ другихъ. Къ тому же они служили какъ бы агентами для нѣкоторыхъ торговцевъ и принимали зачастую безъ разбора товары, которые не представлялось никакой надежды сбыть. Биржи трудового обмѣна были скоро переполнены самыми разнообразными товарами безъ сбыта и спроса; на рынкѣ появилось множество трудовыхъ нотъ, за которыя теперь тѣ же купцы, ранѣе сами пользовавшіеся нотами, охотно принимавшіе ихъ и вообще считавшіеся искренними друзьями системы, зная положеніе дѣлъ, отказывались давать свои товары по полной цѣнности ноты.

Такъ, въ одномъ изъ Лондонскихъ же отдѣленій центральной биржи въ Blackfriars Road скоро накопилось товаровъ на 32,000 фунтовъ, общая же сумма въ дѣйствительности проданныхъ товаровъ едва достигала 16,000 ф. Въ то же самое время Бромлей, еврей по происхожденію и человѣкъ недалекій, думая, что система можетъ приносить большіе барыши, неожиданно и въ противность своему обѣщанію, потребовалъ съ Оуена значительную арендную плату за представленное ранѣе помѣщеніе. Оуенъ не взялъ съ него никакого письменнаго документа, которымъ могъ подтвердить то обстоятельство, что помѣщеніе было дано безплатно. Пришлось перенести учрежденіе въ другое мѣсто и уплатить нечестному и хитрому промышленнику. Но и въ новомъ помѣщеніи дѣла не пошли лучше. Какъ я уже сказалъ, въ первую эпоху особенно пострадали довѣрчивые ремесленники, которые честно относились къ трудовымъ биржамъ. Ихъ товары очень скоро, разъ только они были дѣйствительно хорошими и могли быть проданными, попадали въ руки ловкихъ промышленниковъ, трудовыя же ноты на рынкѣ принимались съ большимъ дисконтомъ, а между тѣмъ на биржѣ тѣ-же ремесленники не находили того, что было имъ всего нужнѣе, а именно, провизію разнаго рода. Банкъ для помѣщенія нотъ очень скоро оказался несостоятельнымъ. Продавцы провизіи и фермеры ранѣе всѣхъ другихъ подмѣтили, что ихъ товары разбираются съ особой быстротой, сами же они рѣшительно не въ состояніи найти что-нибудь для себя подходящее на этихъ биржахъ. Оуенъ рѣшился тогда произвести рядъ преобразованій. Доступъ на биржи (т. е. право доставленія товаровъ) былъ ограниченъ. Отъ всякаго новаго члена требовалось внесеніе нѣкоторой вступной платы и самый пріемъ въ члены былъ обусловленъ наличностью нѣкоторыхъ нравственныхъ качествъ. Комитету, завѣдующему биржей, предоставлено

право отказывать въ пріемѣ товаровъ. Но и это не помогло. По прежнему фермеры и торговцы провизіей отказывались доставлять свои товары, которые они всегда легко могли сбыть за наличныя деньги. Въ ноябрѣ 1832 г. удалось склонить одного булочника доставлять на биржи, по крайней мѣрѣ, хлѣбъ, но онъ согласился на это не иначе, какъ подъ условіемъ получать половину платежа наличными деньгами. Съ конца 1832 г. право получать провизію въ обмѣнъ за товары предоставлено только дѣйствительнымъ членамъ. Въ такомъ видѣ биржа трудового обмѣна существовала до іюля 1834 года. Съ этого времени между Оуеномъ и различными представителями администраціи обнаружились разногласія: Оуенъ удалился, предоставилъ имъ веденіе дѣлъ. Но это привело еще къ большему безпорядку и скоро пришлось окончательно ликвидировать дѣло. Отмѣтимъ, что обороты центральной биржи въ послѣдніе моменты ея существованія въ прежнемъ помѣщеніи въ Gray's Inn Road были весьма значительны, а именно, съ 3-го сентября 1832 г. по 24-е сент. того-же года было доставлено 445,501 рабочихъ часовъ и совершено обмѣновъ на 376,166 часовъ.

Въ концѣ концовъ нераспроданный остатокъ товаровъ былъ проданъ съ аукціона и Оуенъ долженъ былъ еще доплатить изъ собственнаго кармана на покрытіе всѣхъ потерь и возмѣщеніе заинтересованныхъ лицъ около 2500 ф. стерл.

Я остановился такъ подробно на экспериментѣ Р. Оуена, такъ какъ въ основѣ его лежали ложныя идеи, которыя не умерли и до нашихъ дней [1]). Чтобы не повторяться при дальнѣйшемъ изложеніи, мы и должны ихъ теперь разсмотрѣть внимательно. Къ тому же эти двѣ идеи сыграли громадную роль въ чартистскомъ движеніи, соединившись еще съ ненавистью къ новой фабричной системѣ. Изученіе этихъ идей, а также и чартистскаго движенія важно еще и потому, что мы только что пережили нѣчто аналогичное въ 1905—6 г.

Можно ли признать, что а) провозглашеніе права на полный продуктъ [2]) труда и полная свобода обмѣна приведутъ въ полное равновѣсіе капиталистическое хозяйство и будетъ-ли такое провозглашеніе соотвѣтствовать справедливости? и б) осуществима-ли полная замѣна металлическихъ денегъ бумажными билетами и составляетъ ли такая за-

---

1) Та-же идея лежитъ въ основѣ системы Прудона и повторяется до нынѣ анархистами. О проэктѣ промѣннаго банка Прудона см. Туганъ-Барановскій, „Очерки“ и мою „Политику Труда.“

2) Любопытныя замѣчанія по вопросу о правѣ на полный продуктъ труда см. въ сочиненіи Dr. G. Cassel. Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag (Göttingen, 1900 г.).

мѣна важный шагъ въ соціальной реформѣ, въ какихъ предѣлахъ капиталистическое хозяйство допускаетъ такую замѣну?

У Рикардо и его послѣдователей сложилось ученіе, что въ нашей промышленной системѣ продукты обмѣниваются на продукты и общее перепроизводство товаровъ невозможно. Прибыль, получаемая капиталистомъ, служитъ тѣмъ великимъ регулирующимъ началомъ (the mighty hinge), которое поддерживаетъ равновѣсіе въ нашей промышленной системѣ. Если напр. производитель хлѣба замѣтитъ, что прибыль его понизилась вслѣдствіе производства чрезмѣрнаго количества хлѣба, доставленнаго на рынокъ, онъ сократитъ производство и на рынокъ начнетъ поступать лишь то количество хлѣба, какое дѣйствительно нужно. Также поступаютъ и всѣ другіе производители. При пропорціональномъ ростѣ всѣхъ производствъ прибыль будетъ оставаться на одномъ и томъ же уровнѣ, а экономическая машина двигаться безъ всякихъ потрясеній. Иногда, поэтому, возможно, что какой либо товаръ будетъ произведенъ въ излишнемъ количествѣ, но общаго перепроизводства товаровъ быть не можетъ. Спросъ на продукты вызываетъ ихъ предложеніе. Спросъ, въ свою очередь, ничто иное, какъ предложеніе, другими словами продукты обмѣниваются на продукты, а такъ какъ, кромѣ того, потребности человѣчества безграничны и никто не производитъ и не можетъ производить долгое время никому не нужныхъ продуктовъ, то и общее перепроизводство невозможно. И А. Смитъ, и Рикардо, кромѣ того, любили прибѣгать къ помощи такъ называемаго „естественнаго состоянія“ человѣческаго общества. Смитъ опредѣленно утверждалъ, что въ этомъ первоначальномъ естественномъ состояніи трудъ былъ единственнымъ мѣриломъ цѣнности. У Мальтуса и Оуена, напротивъ, сложилось убѣжденіе, что громадное увеличеніе производительныхъ силъ (накопленіе капитала и усовершенствованіе его формъ) постоянно выбрасываетъ на рынокъ такое количество продуктовъ, которое не можетъ найти сбыта по отсутствію платежныхъ покупательныхъ средствъ у наибольшей массы населенія. Потребности этого населенія не удовлетворены, но ему не на что покупать товары. Потребности же владѣльцевъ орудій производства и такъ переудовлетворены: они производятъ продукты имъ ненужные и сами разоряются при отсутствіи покупателей [1]).

---

1) Мальтусъ, кромѣ того, старался доказать, что не всегда продукты обмѣнивается на продукты, а на производительный трудъ и разнообразные услуги. Если капиталисты начинаютъ усиленно покупать производительный трудъ, они, при неизмѣнившихся своихъ потребностяхъ, могутъ наготовить массу ненужныхъ продуктовъ. Онъ, потому,

Изъ такихъ разсужденій былъ сдѣланъ простой выводъ Томсономъ и его учениками. Провозгласите право каждаго на полный продуктъ труда и все придетъ въ равновѣсіе при полной свободѣ обмѣна. Увы, выводъ утопическій и поверхностный по слѣдующимъ основаніямъ. Во 1-хъ, наша капиталистическая система обнаруживаетъ несоотвѣтствіе между производствомъ и потребленіемъ далеко не всегда, а только спорадически. Это зависитъ не только отъ того, что владѣющіе классы мало потребляютъ и что рабочіе не получаютъ полнаго продукта своего труда, а, главнымъ образомъ, потому, что производство не организовано. Исчисленіе потребнаго запаса продуктовъ совершается для будущаго только приблизительно, соотвѣтственно съ предшествовавшимъ опытомъ. Въ среднемъ для продолжительныхъ періодовъ времени это равновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ кое-какъ устанавливается, но временами, въ особенности въ эпохи новыхъ изобрѣтеній и открытій, увеличивающихъ производительную силу труда, въ періоды видоизмѣненія вкусовъ и потребностей, при потерѣ обычныхъ рынковъ сбыта, это равновѣсіе нарушается. Неорганизованность производства сказывается также и въ томъ, что производство совершается на невѣдомый, обширный рынокъ и движущимъ стимуломъ производства является полученіе чистаго дохода, а не удовлетвореніе точно опредѣленныхъ потребностей. Если бы каждый производитель получилъ право на полный продуктъ своего труда, то и тогда такое нарушеніе баланса между производствомъ и потребленіемъ было бы возможно. Гармоническая механика мѣнового хозяйства Томсона, при одномъ провозглашеніи права на полный продуктъ труда, могла бы оказаться анархіей, но не порядка, а безпорядка. Всѣ послѣдствія неорганизованности производства остались бы въ полной мѣрѣ. Провозглашеніе права на полный продуктъ труда, само по себѣ, безъ полной организаціи размѣровъ производства, правильнаго распредѣленія орудій производства, количествъ и качествъ производимыхъ продуктовъ, точнаго знанія условій сбыта внутри страны и внѣ ея и т. п., такъ-же утопично, какъ и декретированіе всеобщаго братства и честности людей. Никакіе декреты не видоизмѣняютъ сами по себѣ дѣйствительности: хозяйство требуетъ гро-

---

относится съ большой симпатіей къ непроизводительному потребленію и найму для услугъ. Кромѣ того, если даже продукты обмѣниваются на продукты, если отношеніе между ними и одинаковы, то отсюда не слѣдуетъ, полагалъ Мальтусъ, что осталось неизмѣннымъ ихъ отношеніе къ потребностямъ общества. См. Malthus, Principes d' E. P., ch. I, section 3, Quarterly Review, январь, 1824.

мадной организаціи для осуществленія правильнаго баланса производства и потребленія. Несомнѣнно, что неравенство въ распредѣленіи, отдавая громадные избытки продуктовъ въ руки немногихъ, оказываетъ свое вліяніе на неустойчивость нашей капиталистической системы. Уменьшеніе покупательныхъ средствъ населенія затрудняетъ сбытъ товаровъ, такъ называемаго массового производства, а всеобщая конкурренція дѣлаетъ возможность полученія прибыли проблематичной, но это явленіе лишь „одна" изъ причинъ кризисовъ. Вполнѣ кризисы — оно не объясняетъ.

Во 2-хъ, современное хозяйство создалось исторически на началахъ раздѣленія труда. Исчислить, что производитъ каждый своимъ трудомъ, при соціальномъ характерѣ производства, невозможно. При дальнѣйшемъ развитіи своихъ взглядовъ Томсонъ, а впослѣдствіи и Прудонъ, приходятъ къ мысли о необходимости и справедливости равнаго раздѣла всего общественно-произведеннаго продукта, что совершенно упраздняетъ ихъ первую формулу. Существованіе дифференціальной производительности земли уже показываетъ, что право на полный продуктъ труда на земляхъ лучшаго качества свелось бы къ несправедливому обогащенію за счетъ лицъ, работающихъ на худшихъ участкахъ.

Въ 3-хъ, убѣжденіе, что цѣнность товаровъ исключительно опредѣляется количествомъ труда, какъ увидимъ при изложеніи системы Маркса и Родбертуса, оказалось ошибочнымъ; но не трудно показать, что, если бы производство и потребленіе въ капиталистической системѣ были гармонически организованы, *самое отсутствіе этого права на полный продуктъ труда у рабочихъ само по себѣ не могло бы вызывать потрясеній въ обмѣнѣ.* Какъ извѣстно, Марксъ пришелъ къ убѣжденію, что трудовая цѣнность — реальный фактъ нашей дѣйствительности, несмотря на то, что работникъ не получаетъ полнаго продукта своего труда: онъ жестоко смѣялся надъ Прудономъ и надъ его идеей „пропорціональности" грядущаго обмѣна. Въ чемъ была ошибка Маркса увидимъ ниже, но не трудно доказать, что раздѣленіе продукта на двѣ доли между работникомъ и капиталистомъ при „гармонической организаціи" производства и потребленія не можетъ нарушать хозяйственнаго равновѣсія. Сдѣлаемъ теоретическое допущеніе, что наше общество состоитъ изъ двухъ хозяйствъ. Оба эти хозяйства необходимо должны организовать „вещественное производство" и дѣйствительно добываютъ нужный имъ продуктъ на началахъ раздѣленія труда, но съ отсутствіемъ всякаго различія въ положеніи производителей и производительныхъ качествъ труда въ нашихъ хозяйствахъ. Предположимъ, что земледѣлецъ А готовитъ однимъ днемъ своего

труда 10 пудовъ хлѣба; пять пудовъ ему нужно для удовлетворенія собственныхъ потребностей въ питаніи, пять онъ можетъ отчудить для удовлетворенія своихъ потребностей въ одеждѣ. Предположимъ, портной Б. готовитъ платье и однимъ днемъ своего труда онъ готовитъ двѣ пары платья, одну для себя, другую онъ можетъ отчудить для удовлетворенія своей дневной потребности въ хлѣбѣ. При такихъ условіяхъ земледѣлецъ очевидно полъ-дня своего труда, овеществленную въ пяти пудахъ хлѣба, долженъ будетъ отдать за пару платья, т. е. за полъ-дня своего же общественнаго сочлена. Оба они поступать иначе не могутъ, ибо въ противномъ случаѣ земледѣлецъ останется безъ платья, а портной безъ хлѣба. Производительность труда можетъ расти у нашихъ двухъ производительныхъ работниковъ-хозяевъ пропорціонально или непропорціонально, трудъ ихъ раздробляться на множество подраздѣленій. Соотвѣтственно съ этимъ съ обѣихъ сторонъ будетъ появляться масса продуктовъ, которые при обмѣнѣ другъ на друга будутъ представлять безконечную цѣпь количественныхъ мѣновыхъ пропорцій, но лишь тогда, если эти пропорціи будутъ безусловно соотвѣтствовать потребительнымъ желаніямъ каждаго изъ нашихъ хозяевъ; при такомъ предположеніи, какъ и въ первомъ случаѣ, въ основѣ этихъ мѣновыхъ пропорцій будетъ лежать количество труда, потраченное па вещь; другими словами, мѣновая цѣнность и количественныя пропорціи обмѣна будутъ соотвѣтствовать количествамъ труда. Мало того. Мы можемъ сдѣлать еще и два другихъ предположенія. Если въ одну эпоху одинъ день труда нашихъ производителей воплощался въ 10 пудахъ хлѣба, въ другое время онъ сталъ давать 20, или, согласно тому же предположенію, такой же день вмѣсто двухъ паръ платья сталъ давать четыре, то въ головахъ нашихъ производителей невольно должно явиться представленіе, что производительность труда выросла вдвое. При такихъ условіяхъ въ мозгахъ нашихъ производителей-хозяевъ, которые могутъ имѣть теперь по два сюртука и по десяти пудовъ хлѣба, отношеніе къ вещамъ не можетъ принять какой либо другой формы: „какъ прежнюю, такъ и всю новую массу добытаго продукта, они будутъ оцѣнивать затраченнымъ трудомъ“. Далѣе. Предположимъ, что появились какіе-то капиталисты, подчинившіе своей власти нашихъ производителей, которые къ тому же потребовали при этой возросшей производительности себѣ половину продуктовъ каждаго производителя. Работники, въ которыхъ превратились бы наши хозяева, остались бы при прежнемъ, первомъ положеніи, т. е. имъ осталось по сюртуку и по пяти пудовъ хлѣба на брата, если они произведутъ необходимый размѣнъ. У перваго

капиталиста тоже будетъ десять пудовъ хлѣба, у другого два сюртука. Они размѣняются на тѣхъ же началахъ, какъ ихъ работники. Такимъ образомъ капиталисты завладѣютъ долей продукта, въ отношеніяхъ же обмѣна и въ представленіяхъ о цѣнности никакихъ видоизмѣненій не произойдетъ. [1])

Въ 4-хъ, формула полной принадлежности продукта труда должна быть признана неправильной и потому, что она разсматриваетъ общество, какъ состоящее изъ производителей только матеріальныхъ благъ и игнорируетъ то обстоятельство, что доля общественнаго продукта должна быть взята для выполненія цѣлаго ряда необходимыхъ общественныхъ функцій и для устроенія технической организаціи промысловъ, для обезпеченія ихъ капиталомъ и т. п. Нѣкоторая часть продукта труда каждаго, если-бы даже было вполнѣ возможно исчисленіе того, что каждый произвелъ, должна быть также отчислена на удовлетвореніе такъ называемаго общественнаго потребленія, т. е. для поддержанія, расширенія и обоснованія общественныхъ учрежденій съ лѣчебными, воспитательными цѣлями, для охраны порядка и безопасности и т. п. Только остатокъ могъ бы распредѣлиться между членами такого хозяйственнаго общества, но и то не весь, какъ я уже сказалъ, ибо пришлось бы заботиться о поддержаніи орудій и средствъ производства и о накопленіи ихъ по мѣрѣ роста потребностей этого общества. Мало того, пришлось бы нормировать право накопленія продуктовъ личнаго труда, т. е. условій дарственнаго и наслѣдственнаго права. Сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, что провозглашеніе права на трудъ, т. е. право искать приложенія для своихъ силъ въ любомъ промыслѣ, которое было сдѣлано французской революціей, было возможно, ибо оно нисколько не нарушало сложившейся экономической организаціи. Провозглашеніе же права на полный продуктъ личнаго труда является утопіей безъ полнаго пересозданія соціальной системы, а при таковомъ оно не справедливо, и не нужно.

Въ 5-хъ, эта идея о возможности стихійнаго устанавленія равновѣсія въ экономической системѣ при провозглашеніи права на полный продуктъ труда, кромѣ того, весьма неудачно ссылается на исторію, утверждая, что, въ естественномъ состояніи мѣриломъ цѣнности былъ трудъ. Въ предшествовавшемъ мы видѣли, какія реальныя стадіи развитія пережило человѣчество. Розоваго быта „естественнаго со-

1) Дальнѣйшій анализъ этой схемы смотри при изложеніи системы Прудона.

стоянія“ намъ открыть не удалось, а потому сомнѣніе закрадывается и по отношенію къ утвержденію, будто трудъ былъ когда-то единымъ мѣриломъ цѣнности. Что трудовая цѣнность не могла служить основой обмѣна въ эпохи, предшествовавшія капиталистическому строю, доказывается обыкновенно слѣдующими соображеніями. Во-первыхъ, первичный обмѣнъ, какъ съ большею вѣроятностью мы можемъ предполагать, возникъ не на почвѣ обмѣна обычныхъ и самыхъ распространенныхъ благъ, т. е. тѣхъ, которыя производились въ каждой семьѣ и для ея потребностей, а наоборотъ, на почвѣ благъ, которыя требовали особаго искусства, которыя были рѣдки и въ недостаточномъ количествѣ въ предѣлахъ даннаго мѣста. Этотъ обмѣнъ, какъ придатокъ къ натуральному хозяйству, имѣлъ совершенно случайный характеръ, и цѣна, которую получали владѣльцы такихъ предметовъ, могла стоять внѣ зависимости отъ потраченнаго на нихъ труда. Правильная координація своихъ потребностей съ наличнымъ запасомъ силъ и средствъ, которая даетъ основаніе для представленій о трудѣ, какъ о хозяйственно ограниченной величинѣ — продуктъ долговременнаго историческаго развитія. Во-вторыхъ, обмѣнъ, какъ показываютъ всѣ современные изслѣдователи, возникъ, какъ явленіе междуплеменное и главными двигателями обмѣна въ первоначальныя эпохи были вовсе не самостоятельные производители. Родоначальниками обмѣна въ большинствѣ случаевъ были владѣльцы прибавочнаго продукта; тѣ отношенія зависимости, которыя, напр., характерны для всего средневѣковья, давали возможность отчуждать продуктъ, не сообразуясь съ трудомъ, заключеннымъ въ продуктѣ, который отдавался и получался въ обмѣнъ. Представленія о стоимости, т. е. объ издержкахъ производства при существованіи рабства и крѣпостнаго права, должны были существенно отличаться отъ нашихъ представленій о томъ же предметѣ. Въ-третьихъ, чтобы трудовой законъ цѣнности осуществлялся въ чистомъ видѣ, необходимо, чтобы каждый производитель зналъ количество труда, которое затрачено на продуктъ, который онъ самъ создалъ и вымѣниваетъ. Если даже въ наши дни, въ предѣлахъ хозяйствъ нашего вѣка мы часто не въ состояніи разсчитать, что стоитъ продуктъ, то еще труднѣе это было въ предшествовавшія эпохи, когда существовали также „сложныя“ условія труда, опутаннаго всякими стѣсненіями и прилагавшагося въ то же время въ условіяхъ неравной производительности, если даже не по отношенію къ капиталу, то, внѣ сомнѣнія, по отношенію къ землѣ и труду. Существованіе ренты отрицать нельзя, а уже это одно дѣлаетъ все представленіе о трудовой робинзонадѣ шаткимъ. Въ-четвертыхъ, существованіе раздѣленія труда въ болѣе

позднюю эпоху, напр., въ эпоху ремесленнаго быта, между городомъ и деревней, возникновеніе борьбы между землею и капиталомъ, неизбѣжно должно было ставить обмѣнъ въ столь-же аналогичныя условія, съ которыми мы имѣемъ дѣло и въ настоящее время.

Однимъ словомъ, обмѣнъ, согласно трудовой цѣнности, представляетъ для предшествовавшаго времени такое-же теоретическое допущеніе, какъ и для нашего времени, далеко, какъ увидимъ при изложеніи системы Маркса, недоказанное.

В. Выше я отмѣтилъ, что въ 1819 г. Англія, первая изъ всѣхъ странъ Европы, возстановила платежи золотомъ по своимъ банковымъ билетамъ. Она же первая установила у себя въ 1816 г. золотую монетную единицу. Съ 1808 по 1844 г. англійскій парламентъ самымъ энергичнымъ образомъ работалъ надъ организаціей своего денежнаго обращенія и банковаго строя, пока, наконецъ, эта работа не завершилась созданіемъ банковаго акта 1844 г. Труды многочисленныхъ англійскихъ коммиссій, въ которыхъ работалъ сначала Рикардо, а впослѣдствіи и его послѣдователи: Лордъ Оверстонъ и Тукъ, нѣсколько исправившій денежныя теоріи Рикардо, послужили богатымъ источникомъ знанія денежнаго и банковаго дѣла для всего міра.

Исторія Англійскаго Банка съ 1797 г. по 1844 г. особенно интересна потому, что наблюденіе за операціями и изслѣдованіе причинъ неразмѣнности его билетовъ послужило почвой для выработки и разъясненія теоріи и практики управленія денежнымъ дѣломъ и раздачей кредитовъ во всемъ свѣтѣ. Англійскій банкъ былъ созданъ 27 іюля 1694 года и по такимъ же побужденіямъ, какъ и всѣ другіе крупные, центральные, эмиссіонные банки. Стремленіе къ легкому полученію средствъ присуще всѣмъ, а что же какъ не кредитъ, этотъ сладкій ядъ (и не однихъ только русскихъ) финансовъ, даетъ возможность получать ихъ. Англійскому правительству нужны были средства для веденія войны съ Франціей и оно охотно разрѣшило шотландцу Паттерсону основать банкъ съ правомъ выпуска билетовъ. Въ 1694 г. парламентъ разрѣшилъ открыть подписку для образованія капитала банка въ 1.200,000 ф. ст. и она была покрыта въ десять дней. Затѣмъ банкъ былъ признанъ корпораціей и получилъ хартію 27 іюля 1694 г., передавъ при этомъ весь подписанный капиталъ въ ссуду правительству. Кромѣ веденія всѣхъ обычныхъ банковыхъ операцій, эта хартія разрѣшила ему выпускъ необезпеченныхъ никакимъ запасомъ благороднаго металла билетовъ, но на сумму не болѣе подписаннаго капитала, который, какъ указано, поступилъ на нужды правительства. Эти билеты банкъ перво-

начально размѣнивалъ на звонкую монету, но ничтожность оборотнаго капитала привела уже въ 1696 году къ тому, что банкъ прекратилъ платежи по билетамъ и послѣдніе потеряли до 20 % своей цѣны. Вообще дѣла банка шли очень плохо до тѣхъ поръ, пока при вторичномъ продленіи его привиллегіи въ 1709 г., ссудивъ правительству 400 м. ф. ст., банкъ не добился изданія закона, согласно которому было воспрещено выпускать билеты, по коимъ совершается платежъ немедленно или въ срокъ менѣе 6 мѣсяцевъ, всѣмъ банкамъ, имѣющимъ въ своемъ составѣ болѣе шести пайщиковъ. Съ этой поры банкъ сталъ развивать свое билетное обращеніе, но, однако, медленно и осторожно. Въ первую половину 18-го вѣка онъ не выпускалъ билетовъ ниже 20 ф. ст. Только съ 1759 года онъ сталъ выпускать билеты въ 10 ф. ст. и лишь съ 1793 г. въ 5 ф. ст. Основной капиталъ банка въ 1722 г. доведенъ до 8.959,953 ф. ст., въ 1764 г. — до 10,780,000. Въ томъ-же году долгъ правительства банку достигъ 10.760,000. По первоначальному своему уставу банкъ не имѣлъ права давать ссуды правительству безъ разрѣшенія парламента подъ страхомъ платежа тройнаго штрафа сравнительно съ размѣромъ выданной ссуды. По настоянію Питта эта статья устава была въ 1793 г. отмѣнена и правительство широко воспользовалось рессурсами банка для выдачи субсидій континентальнымъ державамъ, состоявшимъ въ борьбѣ съ революціонной Франціей. Въ періодъ съ 1794 г. по 1795 г. банкъ довелъ свое билетное обращеніе до 14 м. ф. ст., а запасный металлическій фондъ спустился съ декабря 1796 г. по февраль 1797 г. съ 2.508,000 ф. с. до 1.186.170. Съ 27 февраля этого года банку было воспрещено обмѣнивать свои билеты на звонкій металлъ и онъ вступилъ въ такъ называемый періодъ рестрикціи (неразмѣнности банковыхъ билетовъ), который продолжался до 1819 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ банку было разрѣшено выпускать билеты въ 1 и 2 фунта. По состоянію своей кассы банкъ въ 1797 г. еще могъ поддерживать размѣнъ, но правительство не признало отмѣну принудительнаго курса желательной, полагая, что при его существованіи легче будетъ пользоваться рессурсами банка и надѣясь, что банкноты останутся въ прежней цѣнѣ. Такимъ упованіямъ, конечно, не суждено было осуществиться. Средній курсъ билетовъ въ 1801 г. былъ 91 ф. 12 ш. золотомъ за 100 ф. билетами, въ 1814—74 ф. 17 ш. По предложенію Ванситарта парламентомъ была принята смѣшная резолюція, воспрещавшая лажъ на билеты подъ страхомъ наказанія, но исполнить ее оказалось невозможнымъ.

Образованный въ 1810 г. комитетъ о слиткахъ [1]), которому

---

1) Рикардо былъ главнымъ теоретикомъ этого комитета и первымъ

было поручено выяснить причину паденія стоимости билетовъ, положилъ прочное основаніе для всякой разумной денежной политики эмиссіонныхъ банковъ. Этотъ комитетъ единодушно высказался, что обезцѣненіе билетовъ сравнительно съ золотомъ, обусловливается чрезмѣрными ихъ выпусками и отсутствіемъ размѣна. „Всякая страна, полагалъ этотъ комитетъ, должна имѣть опредѣленное количество денегъ извѣстной цѣнности для опредѣленія уровня цѣнъ и размѣна товаровъ. Самое основательное знаніе положенія торговаго оборота страны не можетъ сдѣлать директоровъ банка способными установить и поддерживать правильное соотношеніе между количествомъ денегъ въ обращеніи и потребностями торговли. При отсутствіи обязанности со стороны банка платить по своимъ билетамъ звонкою монетою, т. е. такою-же цѣнностью, какъ и всѣ товары, директора его будутъ расширять свои кредиты билетами, имъ ничего не стоющими, въ любыхъ предѣлахъ, а это можетъ привести только къ двумъ послѣдствіямъ: a) къ паденію цѣны билетовъ и исчезновенію всей звонкой монеты изъ обращенія и b) къ возвышенію цѣнъ всѣхъ товаровъ. При размѣнности билетовъ, напротивъ, кредиты не могутъ быть расширены значительно выше предѣловъ того капитала, которымъ обладаетъ банкъ. Вотъ почему комитетъ былъ того мнѣнія, что „нѣтъ болѣе разумной опредѣленной и постоянно дѣйствующей мѣры противъ чрезмѣрныхъ выпусковъ, какъ постоянная размѣнность выпущенныхъ билетовъ".

Въ періодъ съ 1819 по 1821 г. предложенія комитета о слиткахъ были осуществлены и англійскій банкъ открылъ размѣнъ своихъ билетовъ, сначала для билетовъ въ 1 и 2 фунта [1]), а затѣмъ и высшихъ достоинствъ по особой постепенно понижавшейся таксѣ. Размѣнъ былъ начатъ съ 1 февраля 1820 г. по весьма высокой нормѣ, при которой унція золота обмѣнивалась на 4 ф. ст. 1 ш., т. е. на унціи всякій

защитникомъ полной свободы банковъ при условіи размѣнности выпущенныхъ билетовъ.

1) Съ этого времени воспрещено выпускать билеты ниже 5 фунтовъ стерлинговъ, а съ 1 января 1834 года билеты англійскаго банка сдѣланы законнымъ платежнымъ средствомъ. Къ золотому обращенію Англія перешла ранѣе всѣхъ Европейскихъ странъ согласно акту 1816 г. Согласно этому акту одинъ фунтъ золота тройскаго вѣса расчеканивается на 46 ф. 14 шил. 6 п.; одинъ фунтъ такого же серебра на 3 ф. 2 ш.; такимъ образомъ отношеніе между полноцѣннымъ золотомъ и серебромъ по цѣнности установлено, какъ 1: 14,287, но оно не имѣетъ практическаго значенія, ибо платежъ по обязательствамъ безъ ограниченія размѣра суммы совершается лишь золотомъ. Со времени этого акта англійскій банкъ обязанъ покупать всякое количество золота по цѣнѣ 3 ф. 17 ш. 9 пен. за штандартную унцію или, другими словами, выдавать по такой цѣнѣ за золото свои банковые билеты.

терялъ не болѣе $3^1/_2$ пенсовъ или 4%. Съ января 1821 г. банкъ промѣнивалъ уже унцію на 3 ф. 17 ш. 9 пенсовъ, какъ это онъ дѣлаетъ и понынѣ. Но среди общественнаго мнѣнія и у многихъ представителей науки упорно держалось убѣжденіе, что одна размѣнность билетовъ еще не создаетъ правильной организаціи кредита. Искусственное возбужденіе промышленности, въ періодъ съ 1821 по 1844 г., сопровождавшееся банкротствомъ многихъ банковъ и солидныхъ торговыхъ домовъ, привело къ убѣжденію, что надо искать еще другихъ основаній для организаціи банка. Съ этого времени рѣзко опредѣлились двѣ школы, споръ между которыми не оконченъ и по настоящее время.

Весь споръ сводился къ разрѣшенію слѣдующихъ трехъ основныхъ вопросовъ: а) въ чемъ сущность банковой дѣятельности; в) какимъ образомъ можно лучше всего обезпечить состоятельность банка и с) какъ лучше всего согласовать интересы банковъ съ интересами всей массы населенія и правительства.

Въ этомъ спорѣ было выяснено, что задача всѣхъ банковъ заключается въ оплодотвореніи всѣхъ праздно лежащихъ капиталовъ на пользу земледѣлія, промышленности и торговли, а также въ нормальномъ регулированіи денежныхъ оборотовъ. Для этой цѣли они принимаютъ вклады, учитываютъ коммерческіе векселя, даютъ ссуды и, наконецъ, выпускаютъ билеты, необезпеченные реальнымъ капиталомъ, т. е. звонкой монетою. Организаторамъ Англійскаго Банка впервые пришлось разрѣшить вопросъ, слѣдуетъ-ли Банку предоставить неограниченный просторъ въ выпускѣ билетовъ, не надо-ли лишить ихъ этой привиллегіи и передать ее въ руки всѣхъ другихъ банковъ или, наоборотъ, пользованіе ею слѣдуетъ обставить извѣстными ограниченіями и вручить государству, какъ верховному и могучему охранителю народныхъ интересовъ.

Споръ между теоретиками банковаго дѣла уже въ эпоху Рикардо и его послѣдователей неопровержимо доказалъ ту истину, что никакой кредитъ не создаетъ капиталовъ. Сила и значеніе кредита заключаются лишь въ справедливомъ и разумномъ распредѣленіи наличныхъ матеріальныхъ капиталовъ между лицами, которыя умѣютъ съ пользой употребить ихъ для себя и для своей родной страны. Тотъ же споръ, однако, показалъ, что банки, пользуясь выпускомъ билетовъ, могутъ: во-первыхъ, неправильно распредѣлять капиталы, раззоряясь при этомъ сами и приводя къ тому же не только частныхъ лицъ, но и всю страну, если имъ ввѣрено завѣдываніе кредитомъ и денежнымъ обращеніемъ, и, во-вторыхъ, не только не содѣйствовать облегченію торговыхъ оборотовъ, но сильно затруднять

и запутывать ихъ. Два требованія, поэтому, стали предъявлять къ центральнымъ эмиссіоннымъ банкамъ: они всегда должны быть состоятельны, т. е. во всякую данную минуту обязаны выполнять свои обязательства предъ частными лицами и страной и, кромѣ того, должны заботиться о томъ, чтобы страна имѣла нужное количество денежныхъ знаковъ для безпрепятственнаго совершенія всѣхъ оборотовъ обмѣна, т. е. на рынкѣ не должно быть подъ ихъ разумнымъ воздѣйствіемъ ни слишкомъ мало, ни слишкомъ много денегъ, а именно столько, сколько странѣ ихъ нужно.

Другими словами, подъ ихъ воздѣйствіемъ обмѣнъ при посредствѣ надлежащаго количества денегъ долженъ совершаться по такимъ же основаніямъ, какъ при натуральномъ обмѣнѣ, при которомъ товаръ, извѣстной цѣнности, идетъ за равноцѣнный же товаръ, а посредствующее орудіе — деньги — какъ-бы не существуетъ. Если странѣ нужно большее количество денежныхъ знаковъ, банки должны давать ихъ, не увеличивая при этомъ цѣнности денегъ, и наоборотъ. Эту способность денежнаго обращенія расширяться и сокращаться по мѣрѣ надобности на языкѣ экономической теоріи стали называть *эластичностью* обращенія. Тукъ, Фулляртонъ и цѣлый рядъ другихъ теоретиковъ банковаго дѣла неопровержимо доказали, что достиженіе эластичности обращенія возможно только при посредствѣ кредитныхъ знаковъ, количество которыхъ незамѣтно и безъ матеріальныхъ затратъ съ чьей бы то ни было стороны можетъ увеличиваться или уменьшаться по мѣрѣ оборотовъ. Только нормальное развитіе кредита можетъ дать это естественное сжатіе и расширеніе обращенія.

На англійской почвѣ, какъ мы уже сказали, впервые были поняты значеніе и способы организаціи кредитнаго обращенія. Въ первую половину настоящаго вѣка здѣсь образовались двѣ борящіяся школы.

Денежная школа (currency school)[1], обративъ вниманіе на потрясенія, вызываемыя спекулятивною дѣятельностью банкировъ, стала настаивать на необходимости регулированія выпусковъ банковыхъ билетовъ, которые она по значенію вполнѣ отождествляла съ металлическими деньгами. Право выпуска билетовъ, по мнѣнію этой школы, есть привилегія чеканить деньги и производить тѣмъ самымъ обезцѣненіе всей совокупности орудій обращенія, что можетъ сопровождаться нарушеніемъ правильнаго хода международной торговли и внутренняго оборота. Пониженіе стоимости денегъ

1) Наиболѣе выдающимися ея представителями были: Ллойдъ, впослѣдствіи лордъ Оверстонъ, Норманъ и министръ Питтъ, вообще большинство консерваторовъ (тори).

ведетъ къ возвышенію цѣнъ товаровъ и затрудняетъ ихъ сбытъ; возвышеніе цѣнъ товаровъ на внутреннемъ рынкѣ порождаетъ спекуляцію, перераспредѣленіе богатствъ и производственный кризисъ. Выпуская билеты и давая ими ссуды, банкиры въ видѣ процента получаютъ доходъ, но наносятъ тѣмъ самымъ вредъ странѣ, а потому и пользованіе привилегіей чеканить деньги, выпуская билеты, слѣдуетъ согласовать съ общими интересами страны, но не банкировъ. Денежная школа не настаивала даже съ особой энергіей на размѣнности билетовъ, а главнымъ образомъ на надлежащемъ регулированіи ихъ количества въ соотвѣтствіи съ потребностями обращенія, и она, какъ ей казалось, нашла для этого прочныя основанія.

Количество металлическихъ денегъ, полагала она, распредѣляется по всему свѣту въ точномъ соотвѣтствіи съ потребностями оборота каждой страны или иначе регулируется *по самодѣйствующему принципу* (self-acting principle), а, слѣдовательно, устойчивость кредитнаго обращенія, среди котораго первенствующее, исключительное значеніе имѣютъ банковые билеты, безпроцентные знаки, оплачиваемые всякому предъявителю, будетъ достигнуто только тогда, когда кредитное обращеніе въ лицѣ банковыхъ билетовъ будетъ приведено къ металлическому. Количество банковыхъ билетовъ въ обращеніи должно возрастать лишь тогда, когда металлическое имѣло бы основаніе для роста, и падать въ противномъ случаѣ. Денежная школа стремилась, такимъ образомъ, нормальнымъ регулированіемъ выпуска билетовъ сохранить цѣнность денегъ на устойчивомъ уровнѣ, вполнѣ соотвѣтствующемъ реальной стоимости металлическихъ денегъ, которыя разсматривались ею, какъ нормальный и неизмѣнный по цѣнности маштабъ, при помощи котораго только и идетъ правильно міровой и мѣстный размѣнъ товаровъ, поддерживающій нормальное равновѣсіе между производствомъ, обмѣномъ и распредѣленіемъ товаровъ. Отливъ благороднаго металла изъ страны она считала явленіемъ ненормальнымъ и доказывающимъ, что количество денежныхъ знаковъ въ странѣ чрезмѣрно. Страна должна вывозить не деньги, а товары. Главная задача денежной школы и сводилась, поэтому, къ установленію такого начала регулированія выпусковъ, при помощи котораго извлеченіемъ билетовъ съ рынка можно сдѣлать всю совокупность денежныхъ знаковъ дороже и тѣмъ остановить отливъ благороднаго металла въ видѣ денегъ или слитковъ. Если, напротивъ, металлъ или звонкія деньги текутъ въ изобильномъ количествѣ въ страну, это значитъ, денежные знаки слишкомъ дороги, банкъ долженъ торопиться расширить свое билетное обращеніе. Система денежной школы сводилась,

такимъ образомъ, къ простому правилу: слѣдите, говорила она, за вексельными курсами, сокращайте билетное обращеніе, когда эти курсы неблагопріятны и монета течетъ изъ страны: при противоположныхъ обстоятельствахъ поступайте какъ-разъ наоборотъ, т. е. расширяйте свое билетное обращеніе.

Школа банковаго принципа, наиболѣе выдающимся представителемъ которой былъ Томасъ Тукъ (извѣстный историкъ цѣнъ и авторъ петиціи 1820 г., поданной купцами съ требованіемъ провозглашенія свободы торговли) и вообще представители либеральной буржуазіи (виги), совершенно наоборотъ доказывала, что единственное необходимое условіе, отъ котораго зависитъ правильность кредитной организаціи, заключается въ постоянной размѣнности билетовъ и въ разумномъ оперированіи учетнымъ процентомъ. Эта школа настаивала, потому, на полной свободѣ эммисіонныхъ банковъ. Еще и теперь нѣкоторые изъ выдающихся представителей индивидуализма (напр., Леруа-Болье)[1]) тяготѣютъ къ этой системѣ банковой школы, которую они называютъ естественной.

Много справедливаго сказала эта школа, но опытъ показалъ, что и ея ученія были своего рода противоположною крайностью. Школа была права, утверждая: 1) что отождествлять банковые билеты съ деньгами нельзя. Платежи и кредиты совершаются не только звонкой монетою и билетами, но и чеками, векселями, переводами, кредитомъ по книгѣ: чѣмъ сильнѣе развито мѣновое хозяйство, тѣмъ роль банковыхъ билетовъ меньше; 2) ввозъ и вывозъ звонкой монеты вовсе не служитъ всегда доказательствомъ вздорожанія или обезцѣненія ея; монета не только орудіе обращенія, но и свободный капиталъ съ міровой точки зрѣнія и потому вывозъ или ввозъ ея часто является простой миграціей капитала. Кромѣ того, не всякій вывозъ монеты

---

1) Такъ, Леруа-Болье въ своемъ курсѣ „Traite d'Economie Politique. t. III. p. 498“ (1896) говоритъ: „естественной системой банковой организаціи можно считать ту, при которой правительство совершенно воздержалось-бы отъ вмѣшательства въ организацію банковъ и въ пользованіе банками своими средствами, удовлетворившись лишь опредѣленіемъ отвѣтственности ихъ согласно съ необходимыми условіями самаго порядка вещей и наказаніями за обманы. Эта естественная система могла-бы характеризоваться слѣдующими чертами: на всякаго банкира правительство смотрѣло-бы, какъ и на всякаго другого торговца; всякій банкиръ могъ-бы пользоваться по своему произволу тремя крупными категоріями своихъ средствъ: собственнымъ капиталомъ, вкладами частныхъ лицъ и всѣми средствами, которыя онъ могъ-бы себѣ добыть выпусками билетовъ, оплачиваемыхъ по предъявленію всякому приносителю. Полная свобода добывать средства — соотвѣтствовала-бы полной свободѣ распоряженія ими“.

даже уменьшаетъ всю совокупность орудій обращенія страны, ибо монета въ странѣ съ нормальнымъ обращеніемъ имѣется всегда въ запасахъ (hords) частныхъ лицъ, иногда даже въ значительномъ количествѣ; 3) чисто металлическое обращеніе, къ которому хочетъ привести обращеніе денежная школа, является никогда не существовавшею фикціею, ибо даже въ первоначальныя эпохи человѣчество умѣло обходить трудности денежнаго обмѣна развитіемъ натуральнаго обмѣна и передачей въ кредитъ. Составъ металлическаго обращенія зависитъ отъ количества добытыхъ благородныхъ металловъ, производство которыхъ не всегда колеблется въ соотвѣтствіи съ развитіемъ оборотовъ. Нельзя поэтому связывать кредитное обращеніе съ металлическимъ. Напротивъ, всѣ стремленія должны быть направлены къ тому, чтобы кредитное обращеніе составляло металлическому противовѣсъ, сокращаясь и расширяясь съ движеніемъ оборотовъ. 4) Тукъ и его послѣдователи доказали рядомъ фактовъ, что колебаніе въ количествѣ кредитныхъ знаковъ, а въ частности и билетовъ при ихъ полной и не прекращающейся размѣнности, не всегда совпадаетъ съ повышеніемъ цѣнъ и чаще всего является *результатомъ* извѣстнаго положенія цѣнъ, а не ихъ *причиной;* банки не имѣютъ никакой абсолютной власти надъ денежнымъ рынкомъ: только отъ торгово-промышленной публики зависятъ потребности въ орудіяхъ обращенія; внѣ ея содѣйствія и желанія, возможность выпускать или извлекать билеты не можетъ получить осуществленія. Всякій излишне выпущенный билетъ скоро возвратится или а) какъ вкладъ, или в) для размѣна, или же с) какъ платежъ за векселя, подъ обезпеченіе которыхъ билеты даны въ ссуду.

Въ виду этихъ соображеній школа Тука требовала только одного условія: постоянной размѣнности билетовъ при неограниченной свободѣ ихъ выпуска любымъ банкирскимъ учрежденіемъ. Монополію центральныхъ банковъ она считала вреднымъ остаткомъ старины.

Какъ мы уже сказали, ученія этой школы были противоположною крайностью, а потому въ Англіи и почти нигдѣ въ другихъ странахъ надолго они не получили осуществленія. Тукъ и его ученики выработали свои взгляды на англійской почвѣ и безъ всякихъ колебаній считали возможнымъ прилагать ихъ повсемѣстно, не сообразуясь вовсе съ той исторической обстановкой, среди которой банкамъ или банку придется дѣйствовать. Ихъ теорія въ чистомъ видѣ была, поэтому, своего рода математической абстракціей, которую при приложеніи къ жизни надо было снабдить кровью и мускулами. Они забывали, что полная размѣнность билетовъ — дѣйствительно хорошее средство для провѣрки дѣятельности

банка, но въ рукахъ ловкихъ людей имѣются тысячи способовъ маскировать свои дѣйствія и, пользуясь довѣріемъ публики, избѣгать размѣна и искусственно расширять обращеніе для развитія спекуляціи[1]).

Ученики Тука: а) не довѣряли государству, полагая, что оно болѣе всего наклонно злоупотреблять выпусками, и в) вѣрили въ честность банкировъ и осмотрительность публики. Имъ казалось, что свободная борьба интересовъ, безъ наблюдающаго вліянія государства и его органовъ, вполнѣ въ состояніи обезпечить странѣ правильную систему денежнаго обращенія. Немудрено, что въ этомъ отношеніи многіе смотрятъ на эти ученія съ большимъ разочарованіемъ. Честность банкировъ, осмотрительность публики, свободная борьба интересовъ — все это увѣренность въ невидимомъ, какъ-бы въ видимомъ, въ чаемомъ и ожидаемомъ, какъ-бы въ настоящемъ. Безъ всякаго сомнѣнія, если-бы каждый солдатъ зналъ хорошо и твердо свои обязанности, не надо было-бы и полководцевъ, но существуетъ-ли гдѣ-нибудь армія безъ руководителей? Денежное обращеніе страны — дѣло слишкомъ важное, чтобы одной математической формулой: размѣнивайте ваши билеты — можно было привести его въ порядокъ. Денежное обращеніе должно имѣть руководителя, а банки — организацію, которая, кромѣ довѣрія къ честности и осмотрительности, должна имѣть реальную основу. Пока люди останутся людьми, пока у нихъ будетъ стремленіе къ риску, наживѣ, неосмотрительности, пока знаніе будетъ средствомъ для обмана незнающихъ — до тѣхъ поръ и свобода пользоваться выпускомъ билетовъ будетъ давать поводъ къ злоупотребленіямъ, требуя надзирающаго вліянія государства. Предѣлы этой свободы должны стоять въ связи съ культурнымъ развитіемъ народа.

Въ разныхъ странахъ для обезпеченія этой размѣнности и для удержанія въ странѣ опредѣленнаго количества звонкой монеты и приняты разныя мѣры, которыя мы вкратцѣ и пересмотримъ. Эти мѣры должны давать извѣстный просторъ развитію кредитнаго обращенія, но не должны окончательно изгонять звонкой монеты, ибо только послѣдняя служитъ представителемъ реальнаго капитала, который можетъ всегда понадобиться. Опытъ показалъ, что организація банковъ нуждается въ регламентаціи въ слѣдующихъ отношеніяхъ: а) со стороны резерва въ благородномъ металлѣ и нормы выпуска необезпеченныхъ билетовъ: в) со стороны состава вексельнаго

1) Испытанное средство банковъ въ этомъ отношеніи дробленіе выпусковъ билетовъ на среднія и малыя достоинства. Эта операція изгоняетъ монету изъ каналовъ обращенія и въ случаѣ прекращенія размѣна перелагаетъ потери на всю массу населенія.

портфеля; c) со стороны установленія предѣльной стоимости банковаго билета и d) со стороны, такъ сказать, предоставленія изъ общей совокупности банковъ, какому нибудь изъ нихъ первенствующаго, руководящаго значенія.

Организація Англійскаго Банка была произведена подъ сильнымъ вліяніемъ школы денежнаго принципа, но во вниманіе были приняты и замѣчанія сторонниковъ Тука. Въ 1844 г. Питтъ добился утвержденія особаго акта для Англійскаго Банка, который дѣйствуетъ и до нынѣ. Вліяніе консервативной партіи, ея привычка къ государственной опекѣ нѣсколько парализовали стремленія сторонниковъ полной системы невмѣшательства, но Банкъ не былъ превращенъ въ государственное учрежденіе.

Согласно этому акту Англійскій банкъ представляетъ собою акціонерную привилегированную компанію съ полнымъ самоуправленіемъ и съ единственнымъ, за нѣкоторыми исключеніями, правомъ выпуска банковыхъ билетовъ не ниже 5 и не выше 1,000 фунтовъ стерлинговъ, обладающихъ свойствомъ служить законнымъ платежнымъ средствомъ. Срока для привилегіи не означено; правительство ежегодно можетъ отнять ее, но въ дѣйствительности каждый годъ срокъ привилегіи продолжается безъ всякаго акта со стороны законодательства. Банкъ за извѣстное вознагражденіе (200 т. ф.) исполняетъ для правительства казначейскія обязанности и всѣ выпуски государственныхъ займовъ. Прекратить размѣнъ банкъ можетъ только съ разрѣшенія парламента. Банкъ раздѣленъ на два отдѣленія или департамента: банковый и эмиссіонный. Задача перваго заключается въ завѣдываніи и храненіи наличными у банка и собранными по вкладамъ капиталами, втораго — въ выпускѣ банковыхъ билетовъ какъ для передачи и ссудъ банковому департаменту, такъ и частнымъ лицамъ, а также въ храненіи металлической наличности, обезпечивающей эти билеты. Норма выпусковъ билетовъ, необезпеченныхъ звонкой монетой, опредѣлена соотвѣтственно съ среднимъ ихъ обращеніемъ съ 1816 по 1844 г. Въ новѣйшее время (17 іюня 1894 г.) норма этихъ выпусковъ доведена до 16.800,000 и для ихъ обезпеченія у банка имѣется долгъ правительства въ 14.000,000 ф. ст. За всякій банковый билетъ сверхъ этой нормы банковый департаментъ долженъ передавать эмиссіонному на равную сумму звонкую монету или слитки по разсчету — 3 ф. 9 ш. 9 пенсовъ билетами за унцію золота. При этомъ, однако, для правильности состава размѣннаго фонда внесено важное ограниченіе статьей 3-й устава. Эмиссіонный департаментъ можетъ выдавать билеты за передаваемыя ему изъ банковаго департамента золото и серебро, но лишь по такому разсчету, чтобы количество

серебра, сохраняющагося въ эмиссіонномъ департаментѣ, было не болѣе 1/4 его золотого запаса: другими словами, серебро не можетъ составлять болѣе 1/5 общей суммы размѣннаго фонда. Доходъ отъ выпуска билетовъ сверхъ прежней нормы въ 14 м. ф. стер. поступаетъ въ казну. Число частныхъ и акціонерныхъ банковъ, которые имѣли право выпуска, къ 1894 г. равнялось 95, но съ правомъ выпуска на очень ограниченную сумму въ 4.693,875 ф. с.: въ 1906 г. число ихъ уже спустилось до 32-хъ съ правомъ выпуска въ 1.715.790 фун. Открытіе новыхъ эмиссіонныхъ банковъ воспрещено. Къ учету принимаются только векселя солидныхъ торгово-промышленныхъ фирмъ съ 2-мя благонадежными подписями и на срокъ не болѣе 95 дней. На этихъ началахъ банкъ дѣйствуетъ и по настоящее время.

Ни одинъ изъ актовъ не возбудилъ столько нареканій, какъ этотъ актъ 1844 г. Роберта Пиля[1]). Судьба его, дѣйствительно, была во многихъ отношеніяхъ замѣчательна. Какъ мы уже видѣли, лордъ Оверстонъ и Р. Пиль, его духовные творцы, стремились привести кредитное обращеніе къ металлическому, но это имъ не удалось. Директорамъ англійскаго банка не удалось извлекать изъ обращенія опредѣленное количество билетовъ при всякомъ неблагопріятномъ положеніи вексельныхъ курсовъ: накопленіе банковыхъ билетовъ въ кассѣ всякій разъ замѣчалось при увеличеніи металлическихъ резервовъ, уменьшеніе билетовъ въ обращеніи совпадало съ уменьшеніемъ резервовъ, т. е. политика банка шла въ рѣзкомъ противорѣчіи съ требованіями денежной школы. Но это, однако, вовсе не служитъ доказательствомъ несостоятельности акта. Дѣло въ томъ, что, быть можетъ, помимо воли своихъ творцовъ, англійскій банкъ основанъ на такъ называемой системѣ максимальныхъ выпусковъ, со всѣми ея достоинствами и недостатками. Особенность его системы заключается: а) въ чрезвычайно ограниченной нормѣ выпусковъ и б) въ столь же ограниченномъ запасѣ благороднаго металла. Единственное средство, которое оставалось у банка для регулированія обращенія при подобныхъ обстоятельствахъ, было видоизмѣненіе дисконта. При всякомъ наплывѣ благороднаго металла въ страну, а, слѣдовательно, и въ его кассу, сумма средствъ банка увеличивалась, и онъ, понижая учетный процентъ, могъ увеличивать обращеніе билетовъ и металла, но установленная ему граница выпусковъ заставляла его зорко слѣдить за положеніемъ своихъ металлическихъ запасовъ. Такимъ образомъ актъ 1844 г. осуществилъ до

---

1) Въ русской литературѣ г. Гамбаровъ посвятилъ разбору этого акта обширное сочиненіе.

извѣстной степени идеалъ Рикардо, сдѣлавъ изъ англійскаго банка хранителя золотого резерва Великобританіи. Послѣ введенія этого акта металлическіе резервы никогда не падали до столь низкаго предѣла, какъ это бывало ранѣе. Въ 1825 г. его металлическіе резервы спустились до 1.211,000 ф. ст., въ 1837 г. до 3.381,000, въ 1839 — 2.406,000, напротивъ, въ критическое время 1847 г. они стояли на 8.313,000, въ 1857 году — 6.080,000, 1866 году — 4.850,000 ф. ст. Очевидно, подъ вліяніемъ акта, директора банка стали очень бдительны при раздачѣ своихъ кредитовъ и могли менѣе содѣйствовать неправильностямъ и потрясеніямъ въ промышленной жизни по той простой причинѣ, что низко опредѣленная норма билетныхъ выпусковъ, если не приводила кредитное обращеніе къ металлическому, то несомнѣнно связывало сильно и то, и другое. Значеніе максимальной нормы выпусковъ и состоитъ именно въ томъ, что оно не даетъ кредитному обращенію сильно отступать отъ металлическаго. Вполнѣ устранить всякія потрясенія въ кредитѣ банкъ съ его актомъ, конечно, не могъ; въ 1847, 1857 и 1866 году ему приходилось ходатайствовать о временномъ освобожденіи отъ размѣна и нормы выпусковъ, но общія правила создаются только для нормальнаго времени. Только благодаря тѣсно установившейся связи между кредитнымъ и металлическимъ обращеніемъ банкъ и могъ въ самый краткій срокъ вновь приступать къ выполненію своихъ обязательствъ. Правда для того, чтобы создать такую связь банкъ долженъ былъ часто и рѣзко мѣнять свой дисконтъ. Съ 1844 по 1888 г. дисконтъ измѣнялся 319 разъ или въ среднемъ до 8-ми разъ въ годъ, причемъ низшій учетъ былъ 2%, высшій 10%. Англійскіе промышленники приспособились, однако, къ этимъ измѣненіямъ. Ни одинъ благоразумный коммерсантъ въ эпоху сильнаго возвышенія учетнаго процента не беретъ кредита болѣе какъ на 1½—2 недѣли. Въ тоже время во французскомъ банкѣ было 161, въ германскомъ 108 измѣненій дисконта. Слѣдуетъ однако помнить, что положеніе англійскаго банка совершенно исключительное. Онъ не только сдѣлался хранителемъ металлическаго запаса Великобританіи, но и главнымъ поставщикомъ благороднаго металла для уравненія платежей по балансамъ всего міра. Уже это одно обстоятельство служитъ достаточной причиной для объясненія рѣзкихъ измѣненій дисконта. Рѣзкія измѣненія въ дисконтѣ этого банка вовсе не зависятъ отъ того, что Англія придерживается единаго золотого обращенія. Причина ихъ заключается: а) въ крайне незначительномъ металлическомъ резервѣ при колоссальныхъ міровыхъ оборотахъ Англіи и в) въ слишкомъ механически опредѣленной нормѣ выпусковъ.

Англійскій банкъ могъ выполнять свои обязательства при такихъ условіяхъ только потому, что, благодаря установленной стоимости билета въ 5 фунтовъ, значительное количество звонкой монеты удерживалось въ обращеніи, а страна при посредствѣ чековаго оборота умѣла экономить употребленіе монеты до послѣдняго предѣла.

Опытъ Англійскаго Банка, какъ я уже отмѣтилъ выше, далъ руководящія начала для реорганизаціи банкового дѣла во всемъ свѣтѣ [1]).

Въ исторіи политической экономіи трудно отмѣтить всѣ детали этого сложнаго вопроса: это уже задача спеціальнаго курса. Необходимо, однако, разрѣшить поставленный первыми соціалистами и представителями буржуазной экономіи вопросъ, нельзя-ли реформировать нашу капиталистическую систему полнымъ устраненіемъ денегъ изъ благороднаго металла? Нужно-ли это орудіе порабощенія, какъ говорили Оуениты?

Денежная система только одно небольшое звено въ капиталистической системѣ и при существованіи таковой устранить металлическую монету невозможно. Въ нашей капиталистической системѣ значительное количество денегъ изъ благороднаго металла замѣняется бумажными знаками (и не только билетами банковъ, но векселями и другими кредитными знаками, системой разсчетныхъ палатъ и т. п.).

1) Вопросы регулированія денежнаго обращенія разсмотрѣны въ моемъ сочиненіи „Деньги" (Москва, 1895 г.); въ немъ отмѣчена вся иностранная и русская литература по этому вопросу. Денежная теорія Рикардо была впервые въ русской литературѣ прекрасно изложена и изучена въ сочиненіи проф. Патлаевскаго: „Теорія денежнаго обращенія Рикардо и его послѣдователей, Одесса, 1871 г." Отмѣчу кстати, что до настоящаго времени теорія обезпеченія банковыхъ билетовъ благороднымъ металломъ очень мало разработана: во многихъ центральныхъ банкахъ практика выработала правило, что необходимо держать для обезпеченія всѣхъ выпущенныхъ билетовъ приблизительно около $^1/_3$ благороднаго металла. Высшіе и низшіе предѣлы необходимаго запаса благороднаго металла въ спокойное и тревожное время, однако, теоретически не найдены и для каждой страны опредѣляются рутинной практикой жизни. Англійскій и Французскій банкъ установили максимальные предѣлы выпуска билетовъ. Американскіе эмиссіонные банки имѣютъ резервы въ благородномъ металлѣ и государственныхъ процентныхъ бумагахъ (см. мою статью: Денежное дѣло въ Соед. Штата С. А., Экон. Обозрѣніе 1897—8 г.). Въ Германскомъ Рейхсъ-Банкѣ установлено требованіе, чтобы $^1/_3$ выпущенныхъ билетовъ обезпечивалась благороднымъ металломъ, опредѣленъ предѣлъ наибольшаго выпуска необезпеченныхъ билетовъ (472,8 м. марокъ); при дальнѣйшемъ умноженіи билетнаго обращенія Банкъ платитъ 5% налогъ съ каждаго выпущеннаго билета. Русскій Государственный Банкъ имѣетъ право выпуска въ 800 мил. руб., причемъ половина ихъ должна быть обезпечена золотомъ; всѣ выпуски свыше этой нормы должны быть обезпечены золотой монетой рубль за рубль полностью.

но они всегда являются только представителями благороднаго металла. Количество металлических денегъ можетъ быть доведено, какъ мы выше видѣли, разумнымъ регулированіемъ денежнаго обращенія до минимума, но потребность имѣть нѣкоторый ихъ запасъ не можетъ исчезнуть. Въ товарномъ оборотѣ капиталистической системы благородные металлы навсегда останутся наилучшимъ средствомъ обмѣна, потому что условія ихъ производства и оцѣнки таковы же, какъ и у всѣхъ другихъ товаровъ. Всѣ тайны капиталистическаго производства въ равной мѣрѣ выражаются, какъ въ товарѣ, такъ и въ деньгахъ изъ благороднаго металла. Капиталистическое общество цѣнитъ только то, что полезно, рѣдко, равно нужно всѣмъ, легко сохраняется и представляетъ затрату труда и капитала. Оно бросаетъ всѣ цѣнности на рынокъ, но не гарантируетъ ихъ дальнѣйшей судьбы: и товары, и деньги равно подлежать колебаніямъ въ цѣнности и обезцѣненію: пока будетъ существовать товарное производство и деньги изъ благороднаго металла не исчезнутъ: запасъ ихъ всегда будетъ необходимъ для окончательной расплаты по совершившимся товарнымъ сдѣлкамъ.

Совсѣмъ иное положеніе занимаетъ трудовая нота или любой бумажный билетъ. Исчисленіе цѣнности каждаго товара въ трудѣ было бы и неправильно, ибо цѣнность не опредѣляется однимъ трудомъ, и невозможно, ибо это потребовало бы невѣроятной затраты труда исчисленія и не давало бы гарантіи для общества, что выпущено нужное количество билетовъ, соотвѣтствующее дѣйствительной цѣнности товаровъ. То, что продуктъ произведенъ, что на него затрачено опредѣленное количество труда, еще не гарантируетъ ему опредѣленной цѣнности. Выпущенная трудовая нота, вексель или всякій другой кредитный знакъ можетъ оказаться полной фикціей, обманомъ, если продуктъ, за который она выдана, окажется непригоднымъ или ненужнымъ, вообще общественно-безполезнымъ, или же если вексель выданъ по пріятельству лицу совсѣмъ не платеже-способному и не имѣющему никакихъ продуктовъ. Деньги же изъ благороднаго металла никогда не теряютъ цѣнности, ибо въ теченіе многихъ вѣковъ человѣчество привыкло цѣнить ихъ, какъ лучшее орудіе обмѣна и сбереженія и какъ продуктъ высокой потребительной и мѣновой цѣнности. Пристрастіе къ благородному металлу, на какихъ бы психологическихъ и экономическихъ началахъ оно ни было основано, — фактъ исторической жизни, съ которымъ нельзя не считаться.

Выпускъ трудовыхъ билетовъ, какъ измѣрителей цѣнности, долженъ поэтому предполагать полную реорганиза-

цію всего механизма производства, а также опредѣленіе всѣхъ условій оцѣнки производимыхъ для всего общества продуктовъ, однимъ словомъ, полную трансформацію всего нашего хозяйства.

При современныхъ же условіяхъ, регулировать количество бумажныхъ билетовъ не такъ просто, какъ это казалось Ло и всѣмъ его продолжателямъ. Мы не обладаемъ такимъ знаніемъ механизма капиталистическаго хозяйства, какое для этого требовалось бы. Наше знаніе сводится только къ возможности его регулированія и единственнымъ показателемъ правильнаго наростанія всѣхъ нужныхъ товаровъ является выгодность производства того или другого изъ нихъ. Общность всѣхъ условій производства товаровъ и денегъ изъ благороднаго металла потому и имѣетъ такое важное значеніе. Если благороднаго металла будетъ добыто слишкомъ много сравнительно съ нужнымъ количествомъ, выгодность его производства уменьшится, цѣна благороднаго металла упадетъ: если количество добываемаго благороднаго металла уменьшится, выгодность его производства возрастетъ и будутъ приняты всѣ мѣры къ увеличенію производства и, при наличности рудниковъ, цѣна на благородный металлъ снова понизится. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда количество наличнаго благороднаго металла недостаточно, мы имѣемъ возможность расширять обращеніе кредитныхъ знаковъ, но лишь въ той мѣрѣ, которая не уничтожаетъ „выгодности“ производства благородныхъ металловъ.

Полная замѣна благородныхъ металловъ бумажными знаками, однако, невозможна: а) совершенно прекратить производство благородныхъ металловъ нельзя, ибо они необходимы не только, какъ матеріалъ для денегъ, но и для удовлетворенія другихъ потребностей: для разнообразныхъ техническихъ надобностей и для украшенія; благодаря громаднымъ міровымъ запасамъ благороднаго металла цѣнность ихъ сравнительно устойчива и для крупнаго и опаснаго возвышенія или пониженія ея должно произойти полное видоизмѣненіе условій производства и употребленія; b) вполнѣ прекративъ ихъ производство, мы потеряли бы масштабъ, на основаніи котораго мы можемъ судить о движеніи цѣнъ подъ вліяніемъ выгодности производства продуктовъ, т. е. средняго дохода тѣхъ или другихъ промысловъ. Поэтому, пока существуетъ товарное производство для пріобрѣтенія дохода, лучшимъ мѣриломъ цѣнности можетъ быть только товаръ, который производится для полученія такого же дохода. Само собою разумѣется, что удешевленіе или удорожаніе денегъ производитъ громадныя пертурбаціи въ положеніи должниковъ и вѣрителей; накопленіе въ деньгахъ

становится также болѣе возможнымъ: создаются громадныя денежныя богатства. Всѣ эти послѣдствія, однако, неизбѣжны для капиталистической системы[1]).

Обезпечить выпуски бумажныхъ денегъ государственной землей также невозможно: 1) цѣнность земли, какъ фактора производства, не созданнаго трудомъ и капиталомъ, зависитъ отъ множества своеобразно исторически сложившихся условій, крайне разнообразна и мы не могли бы съ достаточной точностью найти среднюю цѣнность опредѣленной ея единицы измѣренія, которая могла бы обезпечивать единицы цѣнности кредитнаго знака; 2) благородный металлъ составляетъ капиталъ на всемъ протяженіи міроваго хозяйства; земля имѣетъ цѣну только для членовъ даннаго народнаго хозяйства; 3) обезпеченіе бумажнаго знака землею составляетъ чистѣйшую фикцію; удаленіе съ земли лицъ, ее занявшихъ и обрабатывающихъ, нежелательно, да и невозможно, ибо, если бы государственная земля сдѣлалась предметомъ спекулятивной и быстрой мобилизаціи при всякомъ предъявленіи бумажнаго билета къ реализаціи, всякая обработка земли должна была бы прекратиться; 4) цѣнность земли не стоитъ ни въ какой непосредственной зависимости съ потребностями денежнаго и товарнаго оборота; съ ея цѣнностью нѣтъ основаній сообразовать выпуски бумажныхъ билетовъ.

Противъ обоснованія мѣнового оборота на всякаго рода бумажныхъ знакахъ говорятъ еще и слѣдующія соображенія. Всѣ народныя сбереженія совершаются въ деньгахъ такъ же, какъ и всѣ обязательственныя отношенія. Всякое крупное политическое и соціальное потрясеніе обращаетъ всякіе бумажные знаки въ ничего не стоющій прахъ, производя разорительное потрясеніе всѣхъ правомѣрно пріобрѣтенныхъ состояній. Деньги же изъ благороднаго металла, какъ результатъ затратъ труда и капитала, никогда не могутъ потерять своей цѣнности, пока не измѣнится исторически сложившаяся психологія всего человѣчества и не создастся совершенно иная организація всего механизма производства и обмѣна.

§ 3. Какъ я уже отмѣтилъ выше, актъ объ избирательной реформѣ 1832 г. не удовлетворилъ ни представителей наиболѣе радикальной интеллигенціи, ни рабочіе классы. Недовольство еще болѣе усилилось послѣ изданія новаго

---

1) Имѣется, однако, уже цѣлый рядъ теоретическихъ предложеній о видоизмѣненіи договоровъ въ зависимости отъ движенія цѣнъ подъ вліяніемъ чрезвычайнаго измѣненія денежныхъ запасовъ. О нѣкоторыхъ изъ этихъ проэктовъ см. сочиненія, указанныя выше стр. 281.

закона 1834 года о призрѣніи бѣдныхъ. Къ тому же и фабричный законъ 1833 г., несмотря на всѣ усилія со стороны партіи консерваторовъ (торп), ничего не сдѣлалъ для улучшенія участи рабочихъ, подростковъ и дѣтей свыше тринадцатилѣтняго возраста. Главными лидерами утилитаріанскаго либерализма съ этого времени сдѣлались Ричардъ Кобденъ и Джонъ Брайтъ, которые поставили своей задачей свести до послѣдняго минимума вмѣшательство государства въ отношенія между фабрикантами и рабочими. Хотя законъ 1833 г. и носилъ громкое названіе „билля о десятичасовомъ рабочемъ днѣ" для женщинъ и подростковъ ниже 13-ти лѣтъ, но, по справедливому замѣчанію Гиббинса, онъ былъ такъ построенъ, что „фабричные инспектора единогласно заявляли, что постановленій объ ограниченіи рабочаго времени невозможно выполнять противъ воли хозяевъ."

Первоначально агитація противъ законовъ 1833 и 34 гг. велась самыми противоположными элементами по своимъ политическимъ убѣжденіямъ. Консерваторы шли рука объ руку съ радикальными элементами, которые восприняли наиболѣе крайніе выводы политической философіи утилитаризма и соціальную доктрину Р. Оуена [1]).

Уже Мальтусъ, яркій представитель консервативной партіи, аграрій и протекціонистъ, наиболѣе близкій къ утилитаріанству, сталъ намѣчать консерваторамъ новую дорогу для привлеченія утраченныхъ симпатій народныхъ массъ. Въ его сочиненіяхъ постоянно слышится недовольство „фабричной системой", которая жестокой эксплоатаціей рабочихъ массъ можетъ вызвать политическое движеніе. Саутей (1774—1843), Остлеръ (1789—1861), Садлеръ (1780—1835), Лордъ Шэфтсбери († 1885 г.) были тѣми людьми изъ представителей консервативной партіи, которые противоставили идею филантропическаго попеченія о рабочихъ классахъ черствому индивидуализму утилитаристовъ. Въ 1832—1838 г. особенно выдѣлялись среди представителей консервативной партіи Остлеръ и Винсентъ. Они были главными консервативными агитаторами противъ законовъ 1833—34 гг.; они находили дѣятельную поддержку среди радикальныхъ элементовъ. 11-го мая 1837 г. Остлеру и Винсенту, послѣ цѣлаго ряда митинговъ, на которыхъ раздавались самыя край-

1) См. цитированную выше автобіографію Ловетта; Р. Гаммеджъ. Исторія чартизма (русск. пер. 1907.); John. Tildsey. Die Entstehung und die ökonomischen Grundsätze der Chartistenbewegung (J. 1898 г.); John Morley. The life of R. Cobden (L. 1882) Гиббинсъ. Англійскіе реформаторы, р. пер. Москва, 1896 г. Большое распространеніе среди студенчества получила брошюра С. Боркгаймъ. Движеніе чартистовъ (1905 г.), но она имѣетъ только агитаціонное значеніе и совершенно неправильно освѣщаетъ чартистское движеніе.

нія рѣчи противъ „политико-экономовъ“ и „новаго невольничества рабочихъ“ удалось составить парламенту петицію за подписью 250,000 человѣкъ объ отмѣнѣ новыхъ законовъ объ общественномъ призрѣніи. Въ 1840 г., однако, Остлеръ, по жалобѣ своего хозяина, попалъ въ тюрьму и просидѣлъ въ ней около четырехъ лѣтъ; въ это время агитація противъ указанныхъ законовъ приняла совершенно иной характеръ. Консерваторы отступили на задній планъ и началась крайне поучительная борьба между представителями либерализма и радикалами-соціалистами: результаты были совершенно иные сравнительно съ тѣми, которые ожидались борящимися.

При открытіи новой сессіи парламента, по вступленіи на престолъ королевы Викторіи, небольшая кучка радикаловъ въ нижней палатѣ: Юмъ, О'Коннель, Рöбокъ и другіе потребовали реформы избирательнаго права. Предложеніе радикаловъ получило только 22 голоса противъ 501; либеральный министеръ лордъ Россель заявилъ, что, по существу дѣла, парламентарная реформа можетъ считаться законченной. Неудача радикаловъ сдѣлала ихъ весьма популярными среди рабочихъ классовъ. Ихъ встрѣчали съ особымъ энтузіазмомъ въ „Лондонской Ассоціаціи рабочихъ“, которая была основана Ловеттомъ и его друзьями и ставила своей задачей „улучшеніе положенія рабочаго класса въ политическомъ, соціальномъ и моральномъ отношеніяхъ всѣми возможными, законными мѣрами, но безъ насилія“. Изъ этого общества, главнымъ образомъ, вышли впослѣдствіи чартисты, называвшіе себя „moral force men“, — т. е. людьми нравственной силы въ отличіе отъ людей „physical force men“, т. е. физической силы, которые рѣшились прибѣгнуть къ самымъ крайнимъ мѣрамъ для достиженія своихъ политическихъ и соціальныхъ цѣлей и главными руководителями которыхъ сдѣлались О'Конноръ, а впослѣдствіи и О'Брайанъ.

Въ исторіи чартистскаго движенія слѣдуетъ отличать два періода. Первый періодъ съ 1836 по 1842 г. и второй періодъ съ 1842 по 1848 годъ; наибольшаго напряженія чартистское движеніе достигло въ 1842 г.: съ этого же времени оно начинаетъ угасать.

Первый періодъ этого движенія интересенъ по своей политической окраскѣ, по тѣмъ своеобразнымъ пріемамъ борьбы, которые пустили въ ходъ вожди движенія для объединенія крайне разнообразныхъ общественныхъ элементовъ „молодой, несчастной и взволнованной“ демократіи; второй періодъ, напротивъ, любопытенъ по тѣмъ экономическимъ требованіямъ, которыя стали предъявлять чартисты. Постановка этихъ требованій, а также и революціонный характеръ

затѣянной борьбы въ это время, неизбѣжно должны были привести къ смерти чартизмъ.

Съ особой силой чартистское движеніе стало развиваться съ 1837 года: 1834, 35 и 36 гг. были годами весьма урожайными. Съ 1837 по 1843 г. урожаи были плохи и, послѣ финансоваго кризиса 1837 г. въ Америкѣ, отразившагося и на всей Европѣ, а въ особенности въ Англіи, положеніе англійской промышленности было очень неблагопріятно. Безработица, бѣдствія рабочихъ классовъ, связанныя съ фабричной системой въ эпоху великаго промышленнаго кризиса, послужили благопріятной почвой для развитія агитаціи среди демократіи. И консервативные, и радикальные элементы равно двинулись въ народъ, возбуждая въ немъ каждый по своему недовольство. Главнымъ вождемъ движенія въ это время сдѣлался Томасъ Атвудъ въ Бирмингамѣ, членъ парламента и организаторъ „Бирмингамскаго политическаго союза", съигравшаго не малую роль въ парламентарной реформѣ 1832 г. Къ нему вскорѣ примкнули Ловеттъ съ его „Лондонскимъ рабочимъ союзомъ" и Фергюсъ О'Конноръ, дѣйствовавшій на сѣверѣ Англіи, въ мануфактурныхъ округахъ, и основавшій здѣсь такъ называемый „Сѣверный Союзъ".

По почину Т. Атвуда, послѣ ряда митинговъ во всей Англіи, на которыхъ было сказано немало самыхъ рѣзкихъ и горячихъ рѣчей, на 4 февраля 1837 г. былъ созванъ „національный конвентъ" рабочаго класса, который долженъ былъ формулировать требованія народа.

Собравшійся національный конвентъ представлялъ собою довольно пестрое собраніе. Онъ состоялъ, по словамъ Ловетта, изъ 53 делегатовъ: изъ нихъ три были чиновниками, шесть редакторами газетъ, одинъ — священникъ англійской церкви, другой священникъ — диссидентъ, два врача; остальные принадлежали къ классу рабочихъ, мелкихъ и среднихъ торговцевъ. Сколько-нибудь ясной соціальной программы это собраніе не имѣло. Атвудъ и его партія желали только отмѣны закона 1819 г., возстановившаго платежи золотомъ и требовали безграничнаго выпуска банковыхъ билетовъ; представители города Глазго — желали отмѣны хлѣбныхъ законовъ; большинство, въ особенности представители Манчестера, желали отмѣны законовъ 1833 и 1834 гг. и выработки фабричнаго законодательства на новыхъ началахъ: были среди нихъ и послѣдователи Оуена, по существу не особенно вѣрившіе въ политическія реформы; были и люди „нравственной и физической силы".

Временно, однако, всѣ они объединились на требованіи всеобщаго избирательнаго права, на новой хартіи (отсюда и ихъ названіе — хартисты, или по англійскому про-

изношенію — чартисты). Выработанная этимъ національнымъ конвентомъ петиція показываетъ, какъ не ясны въ соціальномъ отношеніи были еще въ это время общія желанія чартистовъ. Вотъ содержаніе этой петиціи, которая, послѣ ряда бурныхъ митинговъ во всей Англіи, получила 1,200.000 подписей. Я воспроизвожу петицію полностью со всѣми ея политическими аргументами, ибо идеи ея и среди современной соціалъ-демократіи сохранились, какъ политическое credo. За послѣднее время въ эти политическія требованія, оставшіяся по существу неизмѣнными, включена только необходимость признанія политическихъ правъ и за женщинами.

„Благороднымъ Общинамъ Великобританіи и Ирландіи, соединеннымъ въ Парламентъ, Петиція отъ ихъ страждущихъ соотечественниковъ, нижеподписавшихся“.

„Благосклонно примите во вниманіе, что мы, просители, живемъ въ странѣ, купечество которой извѣстно своей предпріимчивостью, фабриканты — своими знаніями, рабочіе своимъ искусствомъ. Страна сама по себѣ хороша, почва богата, климатъ здоровъ. Она обильно снабжена всѣми матеріалами для торговли и промышленности. Она обладаетъ многочисленными и удобными гаванями. Въ легкости внутреннихъ путей сообщенія она превосходитъ всѣ другія страны. Въ теченіи двадцати трехъ лѣтъ мы наслаждались полнымъ миромъ. Но, несмотря на всѣ данныя къ народному благоденствію, несмотря на желаніе и на умѣнье пользоваться ими, мы подавлены страданіями, какъ въ общественной, такъ и въ частной жизни. Мы изнемогаемъ подъ тяжестью налоговъ, которые, тѣмъ не менѣе, все еще не удовлетворяютъ нашихъ правителей. Наши промышленники дрожатъ передъ угрожающимъ имъ банкротствомъ; наши рабочіе умираютъ отъ голода. Капиталъ не приноситъ дохода; трудъ не оплачивается. Домъ рабочаго пустъ, а кладовая ростовщика полна. Работные дома переполнены, а фабрики пустуютъ. Мы присматривались къ обстоятельствамъ; мы старались найти причины такого жестокаго и такого продолжительнаго бѣдствія. Мы не можемъ найти этихъ причинъ ни въ природѣ, ни въ Провидѣніи. Небо изливало свои дары на народъ, и народъ не злоупотреблялъ его милостями, но безумство нашихъ правителей обратило въ ничто дары Господни. Энергія нашего могущественнаго государства растрачивалась на укрѣпленіе власти себялюбивыхъ и невѣжественныхъ людей, а его средства шли на ихъ обогащеніе. Благосостояніе націи приносилось въ жертву благосостоянію немногихъ. Меньшинство управляло въ интересахъ меньшинства и безумно пренебрегало интересами большинства, или дерзко и тиранически топтало ихъ. Друзья народа возлагали большія надежды на Парламентскую Реформу 1832 г. и думали въ ней найти избавленіе, если не отъ всѣхъ страданій, то, по крайней мѣрѣ, отъ большей ихъ части. Они видѣли въ этой реформѣ мудрое средство для достиженія высокой цѣли, механизмъ для улучшенія законодательства, въ которомъ, въ концѣ концовъ, должна была пріобрѣсти значеніе и воля народа. Но они были горько и низко обмануты. Плоды, такіе прекрасные на видъ, обратились въ пыль и прахъ, когда ихъ стали собирать. Парламентская реформа осуществила только переходъ власти отъ одного господствующаго класса къ другому, а народъ остался также безпомощенъ, какъ и раньше. Наше рабство смѣнилось тяжкими годами „ученичества“ въ ожиданіи свободы (apprenticeship for liberty) и къ нему присоединилось еще горестное чувство нашего соціальнаго униженія вмѣстѣ съ болью по утраченнымъ надеждамъ. Мы

обращаемся теперь къ вашей благородной Палатѣ, чтобы сказать вамъ въ полномъ смиреніи, что нельзя дозволить продолжаться такому положенію вещей. Оно не можетъ долго продолжаться, не подвергнувъ опасности тронъ и внутренній миръ страны. Если, съ Божіей помощью и всѣми законными и конституціонными средствами, можно положить конецъ этому, мы твердо рѣшились въ самомъ скоромъ времени добиться этого конца. Мы говоримъ благородной Палатѣ, что капиталъ хозяина долженъ приносить ему необходимый доходъ, и что трудъ рабочаго не можетъ быть лишенъ необходимаго вознагражденія, что законы, благодаря которымъ, пища такъ дорога, а деньги такъ скудны, должны быть уничтожены. Налоги должны падать на собственность, а не на трудъ. Благо большинства, какъ единственная законная цѣль, должно быть главною задачею правительства. Въ качествѣ предварительной и необходимой мѣры какъ для этихъ, такъ и для другихъ перемѣнъ, въ качествѣ единственнаго средства, съ помощью котораго интересы народа могутъ быть дѣйствительно ограждены и обезпечены, — мы требуемъ поручить охрану интересовъ народа самому народу. Когда государству нужны защитники или нужны деньги, бѣдность и невѣжество не принимаются во вниманіе; подъ этими предлогами нельзя отказываться или просить объ отсрочкѣ. Отъ насъ требуютъ постоянно, чтобы мы поддерживали законы и повиновались имъ, поэтому природа и разумъ говорятъ намъ, что при составленіи законовъ должно непремѣнно слушать голосъ народа. Мы несемъ на себѣ обязанности свободныхъ гражданъ, мы должны имѣть права свободныхъ гражданъ. Поэтому мы требуемъ всеобщаго избирательнаго права. Для того, чтобы голосованіе было свободно отъ подкуповъ богатыхъ и насилія могущественныхъ, оно должно быть тайно. Признаніе нашихъ правъ должно вести за собою и возможность пользоваться ими безъ принужденія. Мы хотимъ дѣйствительнаго блага, а не призрачнаго, и поэтому мы требуемъ тайной подачи голосовъ. Для того, чтобы связь между народомъ и правителями была благотворна, она должна быть дѣйствительна. Законодательная и учредительная власти для того, чтобы можно было слѣдить за ними и исправлять ихъ промахи, должны находиться въ частомъ соприкосновеніи. Ошибки, сравнительно незначительныя и легко исправимыя съ помощью народныхъ силъ, могутъ привести къ самымъ ужаснымъ бѣдствіямъ, если онѣ будутъ разростаться въ продолженіи многихъ лѣтъ насильственнаго промедленія. Для общественной безопасности, какъ и для общественнаго довѣрія, необходимы частые выборы. Поэтому мы требуемъ ежегодныхъ парламенскихъ выборовъ. Въ законѣ о выборахъ и при свободѣ выборовъ сфера нашего выбора не должна быть ограничена. По существующимъ законамъ мы можемъ избирать нашими представителями людей, неспособныхъ понять наши нужды или относящихся къ нимъ безъ всякаго сочувствія: купцовъ, удалившихся отъ торговли и не несущихъ больше ея тяжестей, землевладѣльцевъ, не знакомыхъ ни съ источниками нашихъ нуждъ, ни со средствами ихъ исцѣленія; адвокатовъ, для которыхъ одобреніе народа важно только, чтобы добиться значенія въ судахъ. Обязанности представителя, тщательно относящагося къ своему долгу, многочисленны и тяжелы. Несправедливо, неразумно и не безопасно заставлять его нести эти обязанности безвозмездно. Мы требуемъ, чтобы на слѣдующихъ выборахъ въ вашу благородную Палату единственнымъ условіемъ выбора представителя было бы одобреніе избирательной коллегіи и чтобы каждому такому представителю было назначено изъ общественныхъ суммъ приличное вознагражденіе за все то время, которое онъ посвящаетъ общественному дѣлу. До сихъ поръ управленіе нашимъ могущественнымъ государствомъ служило только для удовлетворенія эгоистическихъ желаній господствующаго класса. Мы путемъ тяжелаго опыта дошли до пониманія вредныхъ послѣдствій такого управленія. Небольшіе проблески непрочнаго благоденствія утопали въ періодахъ мрачныхъ и

продолжительныхъ страданій. Если народное самоуправленіе и не уничтожитъ всѣхъ источниковъ бѣдствій, то, по крайней мѣрѣ, оно успокоитъ народное негодованіе. Всеобщее избирательное право и только оно одно можетъ дать продолжительный и истинный миръ націи; мы убѣждены также, что оно принесетъ за собою и благоденствіе. Поэтому да будетъ благоугодно вашей благородной Палатѣ съ самымъ серьезнымъ вниманіемъ отнестись къ нашей петиціи и употребить всѣ ваши старанія, чтобы всѣми возможными конституціонными средствами провести законъ о дарованіи права быть избраннымъ въ члены парламента каждому представителю мужского пола законнаго возраста, въ здравомъ умѣ и не находящагося подъ судомъ. Производить всѣ будущіе выборы въ парламентъ посредствомъ тайной подачи голосовъ, время избранія въ парламентъ ограничить только однимъ годомъ, уничтожить имущественный цензъ для членовъ парламента и опредѣлить имъ должное вознагражденіе во время исполненія ими парламентскихъ обязанностей.

И ваши просители будутъ вѣчно благодарить Бога".

Любопытно отмѣтить, что уже при выработкѣ этой петиціи представители Бирмингама и партіи Ловетта были встревожены революціоннымъ характеромъ нѣкоторыхъ депутатовъ національнаго конвента. Они даже покинули собраніе. Впослѣдствіи они были замѣнены новыми, но это передало движеніе въ руки наиболѣе крайнихъ элементовъ. Необходимо также указать, что планъ, въ случаѣ непринятія петиціи парламентомъ, объявить забастовку на одну недѣлю былъ предложенъ фабрикантомъ Т. Атвудомъ съ спеціальною цѣлью не дать возможности получить преобладаніе людямъ „физической силы." Эту же идею „всеобщей стачки" обсуждали впослѣдствіи Кобденъ и Брайтъ, добиваясь отмѣны хлѣбныхъ законовъ, и она частью была осуществлена въ 1842 г. Это подробность характерна. Въ минуту общественныхъ волненій эта идея была, слѣдовательно, создана вовсе не представителями рабочаго класса, а буржуазіей, которая не желала прибѣгать къ насилію.

Конвентъ въ самомъ началѣ агитаціи рѣшилъ, по совѣту Атвуда, переѣхать въ Бирмингамъ, какъ болѣе спокойное мѣсто. Возбужденіе въ странѣ было дѣйствительо крайне велико. Идеи Томсона и Оуена были движущей силой всѣхъ наиболѣе радикальныхъ элементовъ; ихъ соціальная платформа была не ясна, но давала громадныя надежды своей политической стороной. Пламенный ораторъ Стефенсъ на митингѣ въ Манчестерѣ говорилъ: „чартизмъ, друзья мои, не политическій вопросъ: это проблема ножа и вилки; получивъ хартію, вы получите хорошее жилище, хорошую одежду и пищу, хорошую заработную плату и непродолжительное рабочее время." Всеобщее избирательное право должно было служить великой хартіей „соціальныхъ реформъ". Ночные митинги при свѣтѣ факеловъ, крайнія рѣчи ораторовъ встревожили и общественное мнѣніе, и правительство, которое до этого времени относилось сравнительно равнодушно къ затѣянному движенію.

13-го мая конвентъ переѣхалъ изъ Лондона въ Бирмингамъ и здѣсь то имъ и были предложены на обсужденіе резолюціи, въ случаѣ непринятія петиціи, прибѣгнуть къ извлеченію вкладовъ изъ банковъ, къ бойкоту всѣхъ торговцевъ, враждебныхъ чартизму, къ отказу отъ употребленія спиртныхъ напитковъ, къ вооруженію и всеобщей забастовкѣ на одинъ мѣсяцъ. Въ самыхъ предѣлахъ конвента не было большого довѣрія къ возможности осуществленія этого плана. По справедливому замѣчанію Гаммеджа, однако, „существуетъ цѣлый рядъ людей, считающихъ себя народными вождями, которымъ нравятся только крайности; не способные къ логическимъ разсужденіямъ или, быть можетъ, пренебрегая логикой, они не могутъ или не хотятъ видѣть, что для того, чтобы народъ былъ въ состояніи бросить открытый вызовъ своему правительству, нужна подготовительная работа".

Правда, въ засѣданіи конвента 16 мая 1839 г. самъ вождь движенія О'Конноръ порицалъ вооруженныя собранія послѣ того, какъ глава министерства лордъ Джонъ Россель объявилъ ихъ въ Палатѣ Общинъ незаконными; по просьбѣ О'Коннора О'Брайанъ даже составилъ особыя резолюціи, въ которыхъ говорилось, что „миръ, законъ и порядокъ" будутъ лозунгами конвента, но въ то же время отмѣчалось, что „на насиліе конвентъ отвѣтитъ насиліемъ и воздастъ за убійство справедливой казнью." Эти предложенія и двусмысленно редатированныя резолюціи придали всему движенію совершенно революціонный и безтолковый характеръ. Митинги стали принимать все болѣе неспокойный характеръ и наступилъ рядъ столкновеній съ властями, многочисленные аресты и осужденія лидеровъ къ тюремному заключенію.

12 іюня 1839 г. петиція была представлена Парламенту Атвудомъ, который произнесъ нелѣпую рѣчь, доказывая, что главная причина народныхъ бѣдствій лежитъ въ неправильной золотой денежной системѣ, которая привела къ вздорожанію денегъ вслѣдствіи уменьшившагося ихъ количества и „отяготила новымъ бременемъ въ 25—40 % всякого человѣка въ общества во всѣхъ случаяхъ договоровъ, залога, исполненія завѣщанія и проч". Лордъ Россель, само собой разумѣется, безъ труда доказалъ несостоятельность этой причины. Обсужденіе этой петиціи было отклонено большинствомъ 235 противъ 148, причемъ въ числѣ желавшихъ разсмотрѣнія большинство принадлежало къ партіи либераловъ, которая желала путемъ гласнаго обсужденія доказать несостоятельность петиціи.

Отказъ отъ обсужденія имѣлъ очень печальныя послѣдствія. Въ Бирмингамѣ произошли крупные безпорядки, которые, по словамъ Тилдсея [1]), были вызваны преждевре-

1) См. Tildsey, l. c. стр. 49—50.

меннымъ вмѣшательствомъ полиціи, присланной изъ Лондона, въ которомъ по существу наиболѣе консервативные бирмингамскіе чартисты видѣли неправомѣрное воспрещеніе общественныхъ собраній и вмѣшательство власти въ дѣла самоуправленія. Суровое подавленіе этихъ безпорядковъ окончательно отуманило голову вождей. Надеждъ на успѣхъ ранѣе объявленной забастовки на цѣлый мѣсяцъ — не было. Конвентъ предложилъ вмѣсто этого съ 12 августа прекратить работу на 2—3 дня, но и эта попытка сколько-нибудь значительнаго успѣха не имѣла. Съ 14 сентября конвентъ призналъ себя распущеннымъ и потерялъ всякое вліяніе. Волненіе, однако, продолжалось, а съ нимъ и аресты, и осужденія. О'Брайанъ и О'Конноръ были приговорены къ тюремному заключенію на 18 мѣсяцевъ. Но чартистское движеніе еще не умерло. До этого времени всѣ чартистскіе союзы имѣли мѣстный характеръ. 20 іюля 1840 г. въ Манчестерѣ состоялось собраніе этихъ союзовъ, постановившее объединить всѣ мѣстные союзы въ одну „Національную чартистскую организацію Великобританіи."

Освобожденіе большинства чартистовъ изъ заключенія, происшедшее къ этому времени, дало новый толчекъ движенію. Обстоятельства, однако, видоизмѣнились. 4 іюня 1841 г. либеральное министерство виговъ во главѣ съ Мельбурномъ пало. Его мѣсто заступило консервативное министерство (тори) съ Р. Пилемъ въ качествѣ перваго министра. Большинство на выборахъ получили консерваторы при сильной поддержкѣ самихъ чартистовъ, ненавидѣвшихъ сторонниковъ „индивидуалистическаго утилитаризма", которымъ пришлось подавлять всѣ происшедшія волненія. Измѣнились и политическія отношенія партій въ парламентѣ, и настроеніе чартистовъ. Въ то-же время руководители либеральной партіи нашли совершенно иной исходъ для взволнованныхъ массъ, стараясь объяснить переживаемыя ими страданія въ духѣ школы Рикардо. Образованная буржуазія ясно поняла, что она борется не только за свои денежныя интересы, но и за власть, за право руководить жизнью страны. Безъ поддержки рабочаго класса она обойтись не могла въ данный моментъ.

Почти въ тотъ моментъ, когда чартитское движеніе было въ періодѣ своего наибольшаго, бурнаго развитія, въ Англіи началось новое движеніе, которое сыграло большую роль въ ея экономической исторіи. Уже въ 1820 г. въ особой петиціи купцы требовали провозглашенія „свободной торговли". Въ 1838 г. въ Манчестерѣ образовалось „Антихлѣбная лига", во главѣ которой стоялъ извѣстный Ричардъ Кобденъ, а впослѣдствіи и его другъ Джонъ Брайтъ. Это были истинные представители вновь выросшей и обра-

зованной буржуазіи, хорошо понявшіе ея жизненные интересы.

Всѣ отношенія между рабочими и предпринимателями, по мнѣнію Кобдена [1]), должны всегда покоиться на свободномъ соглашеніи индивидуальныхъ лицъ. Онъ былъ противъ проведенія чрезъ парламентъ билля о 10-ти часовомъ рабочемъ днѣ, утверждая, что рабочія должны добиться этого чрезъ соглашеніе. Въ то-же время онъ былъ, однако, и врагомъ рабочихъ союзовъ, видѣлъ въ нихъ новое рабство. Для Кобдена и его друга Брайта лѣкарствомъ для всѣхъ соціальныхъ несчастій была „свободная торговля" хлѣбомъ и свобода отъ обложенія всѣхъ другихъ продуктовъ, необходимыхъ для пропитанія рабочихъ. Въ безконечномъ количествѣ своихъ парламентскихъ и внѣ-парламентскихъ рѣчей онъ безъ устали утверждаетъ, что налогъ на хлѣбъ всей своей тяжестью ложится па рабочіе классы, что отмѣна хлѣбныхъ пошлинъ не понизитъ заработной платы: „тѣ, которые требуютъ отмѣны хлѣбныхъ пошлинъ уже неоднократно заявляли, что цѣль ихъ состоитъ въ обмѣнѣ продуктовъ мѣстнаго производства на продукты всѣхъ другихъ странъ и что всѣ правительственныя пошлины, взимаемыя съ предметовъ, производствомъ которыхъ они занимаются, должны быть повсемѣстно отмѣнены въ цѣляхъ установленія свободныхъ и безпрепятственныхъ сношеній между всѣми народами земного шара, согласно предначертаніямъ самой природы" [2]). Каждая нація пригодна къ производству того или иного товара, утверждалъ Кобденъ, развивая идеи Рикардо. Капитализація промысловъ, крупное производство съ наилучшими машинами — вотъ въ чемъ видѣлъ онъ спасеніе страны отъ бѣдствій.

Кобденъ ясно видѣлъ, что Англіи предстоитъ сдѣлаться страной обрабатывающей промышленности: свободное право обмѣнивать продукты обрабатывающей промышленности на зерновые продукты другихъ странъ должно привести къ развитію англійской торговли т. е. къ росту обрабатывающей промышленности, а слѣдовательно, и къ уве-

---

1) См. Его избранныя рѣчи. Библіотека Экономистовъ, вып. X. Сторонники свободной торговли и государственнаго невмѣшательства, благодаря возникновенію этой лиги въ Манчестерѣ, получили кличку „манчестерцевъ". Анти-хлѣбная лига объединяла фабрикантовъ и представителей торговаго капитала. Въ своемъ письмѣ отъ 9 авг. 1857 г. къ I. Packes Кобденъ писалъ: „крупно-капиталистическій классъ составилъ отличную базу для агитаціи анти-хлѣбной лиги, ибо кошельки его были неистощимы; онъ открылъ ихъ для этой агитаціи не только во имя своихъ денежныхъ интересовъ, но и потому, что съ его гордость (pride), какъ класса, была затронута въ этомъ спорѣ".

2) Библ. Экон. 1. с. стр. 15.

личенію спроса на трудъ. Спросъ на трудъ не понижаетъ, а повышаетъ заработную плату. Дешевое пропитаніе работника, какъ училъ Рикардо, и оно одно спасаетъ прибыль фабриканта отъ захвата ея рентой землевладѣльца. Получивъ дешеваго работника, фабрикантъ дастъ занятіе двумъ работникамъ вмѣсто одного. Съ расширеніемъ сбыта и фабрикантъ, и его работники будутъ постоянно заняты и безработица исчезнетъ. Одинъ изъ самыхъ способныхъ сторонниковъ Кобдена В. Д. Фоксъ говорилъ, что „уничтоженіе протекціонизма истребитъ (would exterminate) пауперизмъ и чрезъ немного лѣтъ спустя за уничтоженіемъ протекціонизма также исчезнутъ „рабочіе дома призрѣнія“, какъ за разрушеніемъ баронскихъ замковъ канулъ въ вѣчность феодализмъ“.

Кобденъ манилъ человѣчество къ свободной торговлѣ еще и указаніемъ на то, что свободная торговля уничтожитъ вражду между націями. Она, и только она, способна создать гармонію интересовъ между народами и всеобщій миръ, который освободитъ человѣчество отъ всей тяжести военныхъ расходовъ. Паденіе континентальной системы и установившіеся къ тому времени, политическое равновѣсіе Европы считалось лучшимъ доказательствомъ справедливости возраженій Рикардо противъ Мальтуса, полагавшаго, будто коалиція контепентальпыхъ государствъ можетъ лишить Англію необходимаго снабженія хлѣбомъ. Въ 30—50-хъ годахъ Пруссія, Россія и Франція, Соединенные Штаты искали сбыта для своихъ земледѣльческихъ продуктовъ; намѣчавшееся уже освобожденіе крестьянъ и распространеніе идей свободной торговли давало сторонникамъ Кобдена всѣ основанія ожидать, что недостатка въ хлѣбѣ Англія не испытаетъ, даже совершенно разоривъ свое земледѣліе. Распространеніе капиталистической системы хозяйства по всему свѣту сдѣлало Англію дѣйствительно потребительницей хлѣба со всего міроваго рынка.

Первоначально чартисты относились съ большимъ недовѣріемъ къ дѣятельности лиги противъ хлѣбныхъ законовъ. Они врывались на ея митинги, старались ихъ сорвать и въ самыхъ рѣзкихъ формахъ осуждали ея дѣятельность. Этому нѣтъ надобности удивляться. Кобденъ и его сподвижники обѣщали повышеніе заработныхъ платъ отъ развитія торговыхъ оборотовъ; чартисты утверждали, что это только хитрость фабрикантовъ, которые знаютъ, что при дешевыхъ цѣнахъ на хлѣбъ рабочія руки также будутъ дешевы, а фабриканты и купцы положатъ весь доходъ отъ развитія торговыхъ оборотовъ въ свой карманъ. Чартисты боялись также, что крушеніе земледѣлія чрезъ ввозъ дешеваго хлѣба съ континента заставитъ земледѣльческихъ рабочихъ на-

хлынуть въ города и еще болѣе понизитъ заработную плату. Въ то же время и цифры тогдашняго торговаго оборота показывали, что въ періодъ съ 1834 по 1845 г., т. е. во время наибольшаго обостренія отношеній между чартистами и лигистами, торговые обороты возросли, но общая масса цѣнности произведенныхъ товаровъ упала, что объяснялось тремя причинами: a) удешевленіемъ обрабатываемаго сырья (до 1830 г.), b) улучшеніемъ способовъ производства и c) пониженіемъ заработной платы.

Но и не эти одни причины вызывали вражду между лигистами и чартистами. Въ ихъ міровоззрѣніяхъ было непримиримое противорѣчіе. Въ лицѣ Кобдена Англія нашла выразителя торжествующей буржуазіи, которая должна была временно побѣдить, ибо она стояла за развитіе производительныхъ силъ; чартисты же видѣли въ свободѣ торговли только врага, часто цѣпко держались за традиціи протекціонизма, а временами какъ-бы довѣряли Мальтусу, который утверждалъ, что „протекціонизмъ, какъ система покровительства національному труду, создавшая богатство Англіи, повышаетъ заработную плату" и что „свобода торговли есть миражъ, который никогда не будетъ достигнутъ."

Чартисты прислушивались къ возраженіямъ протекціонистовъ, пріобрѣвшихъ въ этомъ отношеніи богатое наслѣдство отъ всей предшествовавшей исторіи Англіи. Успѣхъ протекціонной политики Елизаветы и Кромвелля, политика захвата громадныхъ территорій, наконецъ, соціальное законодательство той же Елизаветы не могли исчезнуть изъ народной памяти. Значеніе новыхъ формъ и системъ промышленности еще давало себя знать только своей наиболѣе тяжелой стороной. Чартисты, однако, совершенно преобразовывали эту аргументацію, стоя на почвѣ ученія Оуенитовъ. Ихъ девизъ былъ: back to the land, т. е. назадъ — къ землѣ: нечего заботиться о развитіи промышленности путемъ расширенія торговли. Необходимо, чтобы страна производила все сама для себя. Она должна создать счастливое соединеніе земледѣлія съ промышленностью въ видѣ мелкихъ производительныхъ ассоціацій.

Два вождя второго періода чартизма Бронтерръ О'Брайанъ и Фергюсъ О'Конноръ пропогандировали эти основныя идеи. О'Брайанъ слѣдующимъ образомъ выразилъ свои мысли: „Система, которую я опровергаю и съ которой я желалъ-бы, чтобы и вы боролись, есть та система, при помощи которой ранѣе эксплотаторы сдѣлали изъ васъ, какъ обрабатывателей земли, фабричныхъ рабочихъ для всего міра. Я врагъ той системы, которая вызываетъ преобладаніе промышленности надъ земледѣліемъ и затѣмъ отдаетъ всѣ выгоды такого положенія вещей новымъ людямъ, представителямъ денежной ари-

стократіи, системы, которая оторвала васъ отъ земли, чтобы отдать въ полное распоряженіе, какъ рабовъ, похотямъ новой аристократіи, какъ въ средніе вѣка баронамъ." Въ зависимости отъ производимыхъ въ странѣ средствъ пропитанія стоитъ сила государства, его возможность открывать новыя фабрики давать занятіе рабочимъ и, какъ результатъ, окружить себя такими предметами роскоши и искусства, которые отличаютъ цивилизованнаго отъ нецивилизованнаго человѣка, полагаетъ О'Брайанъ.

Бронтерръ О'Брайанъ былъ соціалистомъ-народникомъ нашего времени. Онъ стоялъ за національзацію земли. Онъ требовалъ, чтобы вся земля Англіи была подѣлена на участки, которые наиболѣе пригодны для веденія хозяйства. Въ опредѣленный срокъ года ихъ съ публичнаго торга слѣдуетъ сдавать въ аренду. Каждый имѣетъ право получить земли столько, сколько онъ можетъ обработать. Земля должна быть подѣлена на округа; арендная плата должна уплачиваться въ окружной банкъ. Эти деньги должны идти въ пользу прежнихъ владѣльцевъ, какъ выкупъ: эта операція, по его предположенію, должна окончиться въ 30 лѣтъ. Затѣмъ земля станетъ собственностью народа. Размѣръ аренды, сроки и время ея платежа слѣдуетъ соотвѣтственно съ обстоятельствами измѣнять, согласно интересамъ общинъ. Ф. О'Конноръ былъ буржуазнѣе. Это какъ бы одинъ изъ такъ называемыхъ у насъ „народниковъ изъ лѣвыхъ кадетовъ" или умѣренный изъ нашей народно-соціалистической партіи. Съ 1838 г. онъ неустанно проповѣдуетъ, что каждый человѣкъ въ Англіи долженъ имѣть возможность пріобрѣсти право за умѣренную аренду въ полную собственность или въ вѣчно-наслѣдственное пользованіе участокъ земли въ два акра, съ домомъ и всѣми необходимыми хозяйственными принадлежностями. Крупныя владѣнія подлежатъ, по его мнѣнію, раздробленію. Правительство должно сдѣлать заемъ въ 100,000,000 ф. ст. и немедленно разселить милліонъ людей, давъ каждому 2 акра изъ отчужденной земли. Впослѣдствіи онъ пытается создать частный банкъ для созданія такой реформы, но призывъ его никакого успѣха не находитъ. Оба эти вождя, однако, вѣрятъ, что всѣ ихъ планы осуществитъ только хартія. И такъ снова единый лозунгъ: хартія — во чтобы то ни стало! О'Брайанъ не стоялъ за союзъ съ тори, О'Конноръ, напротивъ, полагая, что въ интересахъ консерваторовъ — развитіе мелкаго землевладѣнія, былъ за союзъ съ ними и противъ лигистовъ.

Въ самой средѣ чартистовъ скоро начался серьезный разладъ. 2 апрѣля 1842 г. въ Лондонѣ собрался второй конвентъ, чтобы представить парламенту вторую петицію, подъ которой предполагалось собрать 3,300,000 подписей.

2-го мая петиція была представлена парламенту, но парламентъ отказался выслушать петиціонеровъ въ стѣнахъ парламентскаго зданія. За обсужденіе петиціи высказалось только 49 голосовъ. Это повело къ новому обостренію движенія: среди чартистовъ стала побѣждать партія насильственныхъ мѣръ. 5 августа рабочіе въ Аштонѣ пріостановили работу и постановили не возобновлять ее до тѣхъ поръ, пока хартія не получитъ законодательной санкціи. Въ другихъ мѣстахъ Ланкашира рабочіе послѣдовали этому примѣру. Значительныя группы рабочихъ отправились въ Манчестеръ и другіе фабричные пункты, приглашая рабочихъ бросать работу, отвинчивая втулки (plugs, отсюда названіе этого движенія plugs-plot — заговоръ втульниковъ) у паровыхъ машинъ. Въ короткое время въ Манчестерѣ и въ окрестностяхъ, въ районѣ 50 миль вокругъ него, работа совершенно пріостановилась во всѣхъ мастерскихъ, кромѣ мельницъ и заведеній, изготовлявшихъ продукты, подверженные быстрой порчѣ. При этомъ, по показаніямъ всѣхъ свидѣтелей, въ томъ числѣ и будущаго премьеръ-министра Дизраэли [1]), описавшаго впослѣдствіи это движеніе въ одномъ изъ своихъ романовъ, рабочіе, за единичными исключеніями, воздерживались отъ всякихъ другихъ насилій. Это не предотвратило полной неудачи движенія, благодаря тому, что стачка не распространилась на другія графства. Аштонская стачка повела къ судебному преслѣдованію, причемъ изъ 59 обвиняемыхъ 31 были признаны виновными, но, вслѣдствіе какой то формальной судебной ошибки, приговоръ былъ кассированъ, преслѣдованіе обвиняемыхъ прекращено. Только Томасъ Куперъ, самый замѣчательный талантъ, выдвинутый чартистскимъ движеніемъ, былъ осужденъ на два года въ тюрьму.

Этими забастовками воспользовалась партія Кобдена и Брайта. Во многихъ случаяхъ она прямо поддерживала чартистовъ-забастовщиковъ, когда среди нихъ все болѣе и болѣе стало возникать недовѣріе къ партіи тори и къ хлѣбнымъ законамъ.

Консервативное правительство премьеръ-министва Роберта Пиля уже послѣ первой петиціи 1839 года рѣшило сдѣлать уступки обществу. Объ уступкахъ чартистамъ оно

---

1) См. его романъ: Conigsby or the new generation, т. е. Конигсби или новое поколѣніе (1844 г.): въ этомъ романѣ Дизраэли проповѣдуетъ идею „соціальной монархіи“. Консервативная партія должна, по его мнѣнію, взять на себя попеченіе о рабочихъ классахъ и, такимъ образомъ, пріобрѣсти утраченный среди рабочихъ авторитетъ. Въ этомъ въ особенности ей должна помогать церковь. Эту программу и старались впослѣдствіи осуществить партія тори въ Англіи и Бисмаркъ — въ Германіи.

не думало, но агитація въ пользу отмѣны хлѣбныхъ законовъ его обезпокоила. Во главѣ этой агитаціи стояли наиболѣе энергичные представители буржуазіи; къ нимъ примыкали и немногіе представители аристократіи. Уступить сразу Р. Пиль не рѣшился. Это значило отказаться отъ протекціонной политики, въ которую въ консервативныхъ кругахъ существовала большая вѣра. 9-го февраля 1842 г. Пиль рѣшился на небольшой компромиссъ. Онъ предложилъ парламенту установить вмѣсто постоянной хлѣбной пошлины перемѣнную: высокую — при низкихъ цѣнахъ и низкую — при высокихъ цѣнахъ, а 11-го марта предложилъ понизить большую часть пошлинъ на сырые продукты и полуфабрикаты, замѣстивъ недочетъ въ бюджетѣ повышеніемъ подоходнаго налога. Это было только начало никого не удовлетворившее.

1845 годъ вообще благопріятствовалъ лигистамъ. Среди чартистовъ произошло разногласіе. Ловеттъ и Стрэджъ, совершенно не довѣрявшіе планамъ О'Коннора о развитіи мелкаго землевладѣнія, оставили чартистовъ, а съ ними удалилась и наиболѣе образованная часть рабочихъ, начавшая возлагать всѣ свои надежды на созданіе трэдъ-юніоновъ, т. е. профессіональныхъ рабочихъ союзовъ. Трэдъ-юніоны, какъ цѣлое, не принимали участія въ чартистскомъ движеніе, но многіе изъ ихъ членовъ были горячими сторонниками хартіи; начиная съ 50-хъ годовъ трэдъ-юніоны и ихъ члены все болѣе теряютъ вѣру въ чартизмъ и проникаются совсѣмъ иными взглядами въ духѣ политической и соціальной философіи среднихъ классовъ [1]). Къ тому же въ налоговой политикѣ была найдена почва для соглашенія съ чартистами. Эти послѣдніе требовали, чтобы налоги падали только на собственность, утилитаристы обѣщали и стали проводить устраненіе косвеннаго обложенія на всѣ предметы массового потребленія [2]). Въ 1842 г. консерватору

1) См. Уэббъ. l. c. Истор. раб. движенія 68 и слѣд.

2) Еще А. Смитъ далъ четыре правила, которымъ должны удовлетворять налоги. Д. С. Милль въ пятой книгѣ своихъ „Основаній П. Эк.“ посвящаетъ 6 главъ вопросу о налогахъ и его идеи впослѣдствіи становятся общепринятыми среди утилитаристовъ. Четыре правила Смита гласятъ: 1. подданные государства должны давать на содержаніе правительства каждый по возможности сообразно своимъ средствамъ т. е. пропорціонально доходу, которымъ они пользуются подъ покровительствомъ государства. Въ соблюденіи этого правила состоитъ то, что называется равенствомъ налоговъ; 2. налогъ, который обязано платить лицо, долженъ быть извѣстенъ и не произволенъ, а установленъ закономъ; 3. каждый налогъ долженъ взиматься въ такое время и такимъ способомъ, когда и какъ наиболѣе удобно плательщику вносить налогъ. 4. каждый налогъ долженъ быть устроенъ такъ, чтобы брать изъ кармана у людей возможно менѣе денегъ сверхъ тѣхъ, какія онъ приноситъ въ государственную казну.

Р. Пилю пришлось вновь, въ третій разъ, возродить подоходный налогъ[1]). Лигисты утверждали, что правительство сдѣлало большую ошибку, введя этотъ налогъ, вѣрнѣе оно ввело налогъ только для того, чтобы сохранить хлѣбныя пошлины. Безъ отмѣны этихъ пошлинъ нельзя увеличить народный доходъ, а потому и брать не изъ чего въ данный моментъ.

Урожай 1845 г. оказался повсемѣстно очень плохимъ, не только въ Англіи и въ Ирландіи, но и почти повсемѣстно на континентѣ. Въ Ирландіи, кромѣ того, обнаружилась картофельная болѣзнь. Значительная масса населенія голодала. Впослѣдствіи Брайтъ признавался: „голодъ, противъ котораго мы боролись, пришелъ намъ на помощь".

Въ кабинетѣ Пиля было разногласіе. Онъ стоялъ за рѣшительную отмѣну хлѣбныхъ законовъ даже до созыва парламента, какъ временную мѣру. Его товарищи колебались. Представитель оппозиціи Джонъ Россель высказался за рѣшительную отмѣну этихъ законовъ. Видя колебаніе въ рядахъ своего кабинета, Пиль вышелъ въ отставку, но не надолго. Либералы не могли образовать кабинета и Пиль снова вернулся къ власти.

Въ 1846 г. Пиль снова былъ призванъ къ министерству и 16-го мая внесъ билль, согласно которому хлѣбныя пошлины должны были окончательно исчезнуть къ 1-му января 1849 г.: сохранялись только чисто статистическія ставки въ 1 шиллингъ за квартеръ ввозимаго хлѣба для опредѣленія размѣровъ импорта. На эти три года (до 1849 г.) таможенныя пошлины установлены въ 10 шил., когда хлѣбъ стоилъ 48 шил. за квартеръ, но онѣ должны понижаться до 4-хъ, если цѣна хлѣба повысится до 53 шил. Одновременно билль 1846 г. понижаетъ, или частью отмѣняетъ, около 150 ставокъ на другіе предметы пропитанія, сырые матеріалы и полуфабрикаты. Такимъ образомъ, парламентъ, избранный на почвѣ протекціонной платформы, состоявшій изъ представителей аграрной партіи, большинствомъ въ 97 голосовъ похоронилъ хлѣбные законы и двинулъ Англію на путь свободной торговли. Консерваторы, однако, не могли простить этого Пилю. Какъ выразился лордъ Джорджъ Бентинкъ — „тѣ, которые одобрили измѣну, когда она была совершена, хотя и ненавидѣли предателя (т. е. Пиля), соединились съ тѣми, которые ненавидѣли протекціонизмъ и измѣнника." Билль о введеніи репрессивныхъ мѣръ въ Ирландіи, которому Пиль сочувствовалъ, какъ консерваторъ,

1) Любопытная исторія этого налога, въ связи съ исторіей общественной борьбы, разсказана въ цѣнномъ изслѣдованіи проф. И. Озерова. Подоходный налогъ въ Англіи, М. 1898 г.

далъ къ тому надлежащій поводъ. И въ тотъ же вечеръ, когда билль объ отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ прошелъ въ палатѣ лордовъ, либералы соединились съ консерваторами и отвергли билль о репрессіяхъ въ Ирландіи для защиты собственности.

Вплоть до 1852 г. консерваторы оставались въ оппозиціи и это принесло свои плоды. Подъ вліяніемъ Остлера и Шэфстбери и ихъ агитаціи были проведены фабричные законы 1844 и 1847 гг. [1]) Школа христіанскихъ соціалистовъ съ ея выдающимися представителями Морисомъ, Карлейлемъ и Кингсли весьма содѣйствовала распространенію среди консервативной партіи идей благотворительности и, въ значительной мѣрѣ, развитію кооперативнаго движенія, которое сблизило партію тори съ рабочимъ классомъ [2]).

Отчасти изъ чувства мести, отчасти для пріобрѣтенія утраченнаго авторитета власти старой аристократіи, считавшей себя создательницей культуры Англіи и покровительницей рабочаго класса, партія тори стала бороться за фабричные законы и за значительное ослабленіе суровости

---

1) Кукъ Тэйлоръ. Фабричное законодательство Англіи (р. пер.) Hans Crüger. Dis Erwerbsgenossenschaften in einzelnen Ländern (1892 г.) Тотоміанцъ (см. выше), Озеровъ. Потребительныя товарищества, и указанныя ниже сочиненія о христіанскихъ соціалистахъ. Законъ 1847 г. былъ первымъ десятичасовымъ днемъ для подростковъ и женщинъ. Вслѣдствіи злоупотребленія фабрикантовъ онъ былъ замѣненъ закономъ 1852 г., который установилъ однообразный рабочій день съ 6 часовъ утра до 6 часовъ вечера съ полуторачасовымъ отдыхомъ для обѣда и съ окончаніемъ въ субботу труда въ 2 часа по полудни.

2) Въ двухъ своихъ книгахъ; „Чартизмъ“ (1839 г.) и „Настоящее и предшествовавшее (1843), вызванныхъ чартистскимъ движеніемъ, Карлейль пламенно ополчился противъ утилитаризма подъ знаменемъ нѣмецкаго идеализма во имя высшихъ интересовъ общежитія. Утилитаризмъ — онъ называетъ „самымъ убогимъ символомъ вѣры, который когда либо проповѣдывался міру“. Свобода соперничества, практическій результатъ этого ученія, привела только къ свободѣ умирать“ (liberty to starve). Во имя высшихъ интересовъ общественной жизни онъ призываетъ владѣющіе классы къ организаціонной работѣ по улучшенію трудящагося народа.

Въ двухъ своихъ соціальныхъ романахъ Alton Locke (Альтонъ Локъ) и Jeast (Дрожжи), вышедшихъ въ 1848—9 г., и брошюрѣ „Cheap cloth and nasty (Дешевое платье и грязное) Кингсли распространилъ идеи Карлейля, отмѣтивъ то тяжелое положеніе, въ которомъ находится рабочій классъ. Въ указанной выше брошюрѣ онъ рисуетъ, къ какимъ ужасамъ приводитъ погоня за дешевизной продукта, создающая такъ называемую „систему выжиманія пота“ (sweating system), при которой работникъ за ничтожнѣйшую плату и въ самыхъ невозможныхъ санитарныхъ условіяхъ принужденъ совершать свой тяжелый трудъ. Богатые классы, пишетъ онъ, носятъ свои роскошныя платья, приготовленныя въ зараженныхъ трущобахъ, и они сами виноваты, если зараза начинаетъ истреблять и ихъ самихъ . . . . Онъ призываетъ владѣющіе классы и духовенство придти на помощь бѣднякамъ путемъ фабричныхъ законовъ и кооперативной взаимопомощи.

законовъ о бѣдныхъ 1834 г., покровительствовать кооперацiи. Но и фабричная буржуазiя дѣлала свое дѣло.

Въ 1849 г. всѣ навигацiонные законы, о которыхъ я говорилъ выше, были отмѣнены; нѣкоторыя ограниченiя были на пять лѣтъ оставлены только для прибрежной торговли. Порты Великобританiи были открыты для всѣхъ кораблей; подъ „британскимъ судномъ" постановлено считать всякiй корабль, хозяиномъ котораго является британскiй подданный.

Возвращенiе консерваторовъ къ власти въ 1852 г. длилось недолго. Выборы 1852 года обнаружили полное пораженiе партiи протекцiонистовъ. Коалицiонное министерство изъ тори и виговъ начало устраненiе протекцiоннаго тарифа и къ 1860 г. число обложенныхъ тарифомъ товаровъ дошло до 48 (съ 1052 въ 1842 г.). Англiя обратилась въ страну свободной торговли и неограниченнаго соперничества [1]).

Февральская революцiя 1848 г. въ Парижѣ снова было возбудила надежды чартистовъ. Вновь былъ выбранъ конвентъ и написана новая петицiя, число подписей подъ которой, по показанiямъ чартистовъ, достигало до 5,700,000: она должна была быть подана парламенту О'Конноромъ во главѣ процессiи въ 150 тыс. человѣкъ. 10 апрѣля 1848 г. собралось около 30,000 человѣкъ для подачи петицiи. Но въ виду экстренныхъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ, О'Конноръ долженъ былъ отказаться отъ процессiи и доставилъ петицiю въ экипажѣ лично. По разслѣдованiи петицiи въ парламентѣ, число подписей на ней оказалось значительно меньшимъ — всего было подписей — 1,975,469. Съ этого времени чартизмъ падаетъ. Фергюсъ О'Конноръ лишился всякаго влiянiя и кончилъ свои дни въ сумасшедшемъ домѣ. Попытки другихъ вождей воскресить движенiе не привели ни къ чему, но, какъ вы видѣли, нѣкоторыя положенiя чартистовъ были воплощены другими партiями въ законодательствѣ Англiи. Идеи нацiонализацiи земли были также надолго забыты и только въ наше время въ Англiи, послѣ пышнаго расцвѣта капитализма, возникаетъ новое движенiе въ пользу развитiя мелкаго крестьянскаго землевладѣнiя и вѣчно-наслѣдственной аренды и не по частному почину, а отъ имени государственной власти [2]). Это теченiе обнаружилась тогда, когда безрабо-

1) См. замѣчательное изслѣдованiе: Buxton. Finance and Politics 1873—1885, 2 тома, L. 1888 г.

2) Дайси очень мѣтко отмѣчаетъ, что цѣлымъ рядомъ законовъ съ 1832 г. по 1856 г. Бентамиты старались установить большую свободу въ распоряженiи собственностью вообще и земельной собственностью въ

тица въ городахъ стала хроническимъ явленіемъ, а деревенскій рабочій пролетаріатъ сталъ влачить несчастное, жалкое существованіе.

ГЛАВА V.

Французскіе организаторы.

§ 1. Историко-философскія основы доктрины Сэнъ-Симона и его послѣдователей. Романтизмъ реакціонный и прогрессивный. Позитивизмъ и новое христіанство Сэнъ-Симона. Базаръ и Анфантенъ. § 2. Прудонъ, какъ критикъ государства, собственности и обоснователь анархизма. Абсолютизмъ и аполитизмъ его ученій. Государство и договорная система. Принципы разума и морали. Идея пропорціональности. Ученіе о собственности и о владѣніи. Критика Штирнера и соціально политической школы. Анархизмъ справедливости и эгоизма: причины появленія подобныхъ ученій. Краткія замѣчанія о другихъ французскихъ организаторахъ. Луи Бланъ. Характеристика его соціализма. Критика соперничества. Соціальныя задачи государства.

§ 1. Послѣ окончательнаго разгрома Франціи въ 1815 году континентальная Европа вступила въ періодъ реакціи. Потрясеніе политическаго и соціальнаго равновѣсія, вызван-

---

частности, какъ въ настоящемъ, такъ и на будущее время. „Надлежитъ отмѣтить, добавляетъ онъ, что индивидуализмъ въ законодательствѣ, имѣющій своей задачей освободить отъ ненужныхъ стѣсненій индивидовъ, существующихъ въ данный моментъ, естественно будетъ имѣть тенденцію, съ одной стороны, освободить каждое поколѣніе отъ воздѣйствія прошедшаго, а съ другой стороны, ограничить каждое поколѣніе въ правѣ опредѣлять положеніе собственности на будущее время и, такимъ образомъ, будетъ ограничивать свободу наслѣдниковъ“ l. c. 202. Законами 1856—1862 гг. тѣ-же Бентамиты содѣйствовали развитію компаній на паяхъ съ ограниченной отвѣтственностью: законъ 1867 г. пошелъ еще далѣе. Этотъ законъ не устанавливаетъ никакого минимума ни для капитала паевой компаніи, ни для размѣра акціи, допускаетъ выпускъ, правда оплаченныхъ акцій, даже на предъявителя. Эти законы открыли широкій просторъ спекуляціи и концентраціи капитала. Широкое развитіе акціонернаго законодательства вообще чрезвычайно характерно для всей Европы послѣ 1848 г. См. изслѣдованіе А. Н. Каминка. Акціонерныя компаніи, СПб. 1902 т.

Сравни также любопытное сочиненіе Джесси Коллингса, въ свое время подписавшаго петицію Кобдена, а нынѣ престарѣлаго члена парламента и предсѣдателя лиги сельскихъ рабочихъ: Jesse Collings. Land Reform. London, 1901 г. см. приложеніе о теоріи національзаціи земли.

ное великой французской революціей и наполеоновскими войнами, сопровождалось одновременно и видоизмѣненіемъ экономическихъ условій. Несмотря на всѣ усилія реакціи система экономической свободы и связанныя съ нею либерально-матеріалистическія идеи распространились на континентѣ съ поразительной быстротой. Произведенія классической школы были переведены на всѣ языки и повсемѣстно нашли своихъ собственныхъ истолкователей [1]): Сэ и Сисмонди — во Франціи: Крауса, Якоба, Рау, Небеніуса — въ Германіи: юриста проф. Московскаго университета С. Е. Десницкаго, умершаго въ 1789 г., проф. Московскаго универ. Х. А. Шлецера (1774—1831 г.), Н. Р. Политковскаго (1763—1830), проф. М. А. Балугьянскаго (1769—1846), академика А. К. Шторха (1766—1835), декабриста — Н. И. Тургенева (1789—1871) — въ Россіи [2]).

1) Литературныя указанія объ этихъ переводахъ и о работахъ послѣдователей классической школы см. мой переводъ соч. Ингрэма: Исторія политической экономіи. 2 изд. 1897 г. См. также небольшую, но очень полезную книжку R. Schüler. Die Wirtschaftpolitik der historischen Schule. Berlin. 1897. Характеристику соціальныхъ и политическихъ движеній во Франціи въ періодъ съ начала вѣка см. Вейль. Исторія соціальнаго движенія во Франціи (р. пер. 1906 г.). Э. Д. Гриммъ Революція 48 года во Франціи, ч. I. Подготовка революціи, Спб. 1908 г.

2) Десницкій слушалъ лекціи въ Глазго. Въ своемъ сочиненіи: Юридическое разсужденіе о разныхъ понятіяхъ, которыя народы имѣютъ о собственности имѣнія въ разныхъ состояніяхъ общежительства М. 1781 г. онъ находится подъ сильнымъ вліяніемъ лекцій Смита и старается показать, что понятіе о собственности видоизмѣняется съ измѣненіемъ политическихъ и экономическихъ условій.

Политковскій, черниговскій вицегубернаторъ, далъ первый, хотя и не вполнѣ точный перводъ сочиненія Смита о Богатствѣ Народовъ, появившійся въ четырехъ томахъ: т. I — 1802 г., т. II — 1803 г., т. III — 1805 г. IV — 1806 г., переводъ былъ сдѣланъ по приказанію министра финансовъ А. И. Васильева.

Шлецеръ, сынъ знаменитаго Августа III., составилъ первый русскій учебникъ по Смиту: Начальныя основанія государственнаго хозяйства М. 1805 г., по которому, не смотря на его сухость, училось нѣсколько поколѣній русскихъ студентовъ.

Балугьянскій, сподвижникъ Сперанскаго, ректоръ С.-Петербургскаго университета, воспринявшій теоріи Смита, но непризнававшій теорію государственнаго невмѣшательства. Въ статистическомъ журналѣ Германа онъ напечаталъ статью: Изображеніе различныхъ хозяйственныхъ системъ въ трехъ частяхъ: первая часть заключаетъ описаніе системы меркантилистовъ, вторая физіократовъ, третья: теорія Смита въ трудѣ и мѣнѣ. См. Барановъ Балугьянскій. Біограф. очеркъ. Спб. 1882 г.

Шторхъ, членъ Академіи наукъ, впослѣдствіи ея вицепрезидентъ, уроженецъ остзейскаго края, первый не только популяризаторъ Смита, но и авторъ солиднаго курса, напечатаннаго на французскомъ языкѣ въ 1815 г. Шторхъ былъ прекрасно знакомъ съ сочиненіями Тюрго, Смита, Сэ, Сисмонди и другими писателями своей эпохи. Въ его курсѣ и другихъ сочиненіяхъ вопросы экономіи получили самостоятельную обработку, а кромѣ того освѣщены фактами русской хозяйственной жизни.

На ряду съ сторонниками классической школы стали выростать и двѣ новыя школы. Обѣ эти школы были реакціей противъ доктринаризма школы естественной свободы во имя исторической традиціи и историческаго преемства, во имя религіи и ея таинъ противъ разума, во имя органическаго развитія народной жизни противъ искусственнаго творчества новыхъ учрежденій, но судьба ихъ была глубоко различна. Одна изъ этихъ школъ стояла на стражѣ прежняго экономическаго порядка, старалась при помощи ссылокъ на исторію, религію, великія тайны жизни и проч. защитить прежній феодальный строй. Жизненное значеніе эта школа получила во всей континентальной Европѣ, кромѣ Франціи. Въ этой послѣдней странѣ послѣ революціи феодальный строй палъ окончательно, попытки вернуться къ нему были, но безъ результата. Шатобріанъ, Де Местръ и Бональдъ были литературными представителями временно вернувшейся на родину феодальной аристократіи, но въ этой странѣ они могли вызвать только политическую реакцію, но не въ состояніи были достигнуть возстановленія старыхъ крѣпостныхъ отношеній. Во Франціи это направленіе оказалось безплоднымъ еще отчасти и потому, что оно было, по существу, проникнуто такимъ же доктринаризмомъ, какъ и школа естественнаго права только прямо противоположнаго характера. Философы 18-го вѣка вѣрили въ разумъ, въ свободу самоопредѣленія, считали человѣка наиболѣе совершеннымъ существомъ, способнымъ со-

---

Въ его двухъ другихъ трудахъ: Historisch-statistische Gemälde des Russischen Reichs (Riga, 1797—1803 г.) и Russland unter Alexander I, въ 27 выпускахъ (Спб. 1803—1811 г.) содержится масса матеріала по исторіи экономическаго быта эпохи того времени. Шторхъ была сторонникомъ отмѣны крѣпостнаго права. Изъ отдѣльныхъ его изслѣдованій особенно цѣннымъ является трудъ: Consideration sur la nature du revenu national (Paris, 1824). Въ этомъ сочиненіи онъ проводитъ ясное различіе между капиталомъ индивидуальнымъ и національнымъ. Подъ производительнымъ трудомъ онъ понимаетъ „такой трудъ, который возмѣщаетъ работнику все, что онъ необходимо долженъ потребить для производства, и въ тоже время, создавая доходъ индивида, выполняющаго трудъ, не уменьшаетъ дохода общества, гдѣ эта работа выполняется“.

Тургеневъ, знаменитый декабристъ; къ этому періоду времени относится его замѣчательная книга: „Опытъ теоріи налоговъ, 1818 г., выдержавшая въ теченіи двухъ лѣтъ два изданія. Авторъ является въ этой книгѣ горячимъ сторонникомъ свободной торговли, но не сторонникомъ развитія фабрикъ и мануфактуръ. Въ экономической политикѣ онъ рекомендуетъ считаться, главнымъ образомъ, съ интересами помѣщиковъ и земледѣльцевъ. Онъ врагъ подушной подати, требуетъ привлеченія дворянства къ обложенію; налогъ долженъ падать на чистый доходъ, а не на рабочую плату; вообще слѣдуетъ по возможности облегчить тяжесть налоговъ для низшихъ классовъ и не облагать предметы первыхъ потребностей и проч. См. ст. Семевскаго въ энцикл. словарѣ Брокгауза и работу Вишницера въ „Минувшіе годы“ (1908 г.).

здать идеальное государство. Бональдъ и Де Местръ считали человѣка существомъ несовершеннымъ, которое можетъ жить, лишь подчиняясь авторитету власти и религіи. Всякое умствованіе — опасно, вѣра, подчиненіе народа власти и религіи — единственное спасеніе.

Во имя исторіи и новаго соціальнаго раціонализма въ этой странѣ скоро заговорили, однако, другіе мыслители въ иномъ духѣ.

Не то было въ другихъ государствахъ Европы. Здѣсь еще и послѣ наполеоновскихъ войнъ крѣпостное право, въ чистомъ видѣ, ограниченная личная свобода съ массой повинностей на крестьянинѣ, патримоніальные суды, принадлежность всей власти аристократіи продолжали существовать: здѣсь чувствовалась потребность защищать эти устои стараго общества отъ нападеній все болѣе пріобрѣтавшихъ вліяніе либеральныхъ идей. Представителями этого феодальнаго направленія въ Германіи были Гентцъ, Галлеръ и Адамъ Мюллеръ (1779—1829 г.). Съ легкой руки В. Рошера феодальное направленіе пріобрѣло названіе „романтизма", т. е. школы сентиментально-мистическаго восхваленія „добраго стараго времени" [1]). Представители этой школы высказали много идей, которыя потомъ стали достояніемъ исторической школы: они не склонны были вѣрить въ разумъ индивида: они понимали болѣе ясно историческое значеніе соціальныхъ и политическихъ учрежденій, но они пользовались исторіей, главнымъ образомъ, для защиты неограниченности королевской власти, привиллегій аристократіи, стремясь не только доказать ихъ историческую необходимость, для прошлаго, но и цѣлесообразность для настоящаго времени. Такъ, напр., А. Мюллеръ былъ противъ неограниченной частной собственности, утверждая что таковой въ исторіи никогда не было, что такая собственность противорѣчитъ „чувству общественности", но въ то же время онъ доказываетъ, что сохраненіе крѣпостнаго права необходимо для поддержанія „здороваго дворянства" — этой главнѣйшей и культурнѣйшей государственной силы, и для самаго земледѣлія, ибо пребываніе крестьянина на землѣ, какъ лица къ ней привязаннаго, обезпечиваетъ развитіе сельскаго промысла, благосостояніе самаго крестьянина и всего государства. Онъ съ отвращеніемъ относится къ системѣ наемнаго труда и восхваляетъ трудъ повинностный. Указывая на историческое значеніе цеховъ, А. Мюллеръ одновременно утверждаетъ, что упраздненіе ихъ поведетъ только къ революціонному движенію. Розовыя картины предшествовавшей

---

1) См. В. Рошеръ Die romantische Schule der Nationalökonomie въ Zeitschrift für. Staatswiss., 1870 г.

гармоніи политической и экономической жизни, такимъ образомъ, служили лишь средствомъ для укрѣпленія положенія старой власти, стараго сословнаго государства со всѣми его экономическими особенностями: крѣпостнымъ правомъ, мелкимъ производствомъ въ обрабатывающей промышленности, натуральнымъ повинностнымъ строемъ хозяйства въ земледѣліи. Свою лепту въ пониманіе экономическихъ явленій эта школа внесла, но очень скоро исторіей воспользовались представители и совсѣмъ иного направленія, которые стали искать въ ней орудіе для дальнѣйшаго движенія человѣчества по пути прогресса. Представители феодальной школы говорили: назадъ во имя исторіи къ прежней прекрасной гармоніи короля, сословій и церкви; представители прогрессивной школы говорили: впередъ во имя исторіи къ новой гармоніи, которая не можетъ быть создана господствомъ системы естественной свободы, съигравшей уже свою историческую миссію. Экономическая жизнь, въ дѣйствительности, неизбѣжно пошла впередъ: стремленія феодальной школы только задержали на короткій срокъ потокъ этой жизни и ея ученія очень быстро были забыты, отчасти воплотившись, однако въ наиболѣе консервативныхъ ученіяхъ представителей исторической школы Германіи.

Система естественной свободы сдѣлала во всей Европѣ громадные успѣхи и немалую роль въ этомъ отношеніи съиграла прогрессивная школа „соціальныхъ организаторовъ труда“, которая своей критикой сословнаго государства только содѣйствовала либерализму въ его побѣдоносномъ шествіи. Послѣ бурнаго періода 1848 г. крѣпостное право было повсемѣстно устранено, въ однѣхъ странахъ Европы ранѣе, въ другихъ позже (въ Россіи позднѣе всего въ 1861—63 г.).

Несмотря на реакцію въ періодъ въ 1815 по 1848 г. европейское человѣчество жило большими надеждами на будущее. Сантиментальная вѣра въ доброе старое время исчезла; чѣмъ сильнѣе ее пропагандировали, тѣмъ болѣе она падала. „Золотой вѣкъ, который слѣпая традиція отнесла къ прошедшему, предъ нами“, говорилъ Базаръ[1]), ученикъ Сэнъ-Симона, правильно отражая настроеніе своего времени. Особенное значеніе эта школа получила во Франціи, гдѣ, какъ я уже сказалъ выше, возвратъ къ старому сословному государству и хозяйству былъ невозможенъ. Уже одинъ изъ первыхъ во Франціи критиковъ и пропагандистовъ системы А. Смита Ж. Ш. Леонардъ Симондъ де Сисмонди (1773—1842)[2]) ясно созналъ, что поворотъ назадъ не-

---

1) Exposition de la doctrine de Saint-Simon, 2-й годъ, стр. 94.

2) Біографія и извлеченіе изъ труда Сисмонди „Новыя Начала

возможенъ. Сисмонди былъ защитникомъ свободной частной собственности и индивидуальнаго самоопредѣленія: онъ умѣлъ однако цѣнить значеніе старыхъ корпоративныхъ учрежденій и видѣлъ тѣ бѣдствія, которыя несетъ съ собою система естественной свободы. Онъ первый сталъ говорить въ лагерѣ индивидуалистовъ о требованіяхъ справедливости, о необходимости государственнаго вмѣшательства въ дѣла труда во имя состраданія къ бѣдствіямъ человѣчества, но у него не хватало рѣшимости начертать какой либо планъ для видоизмѣненія системы естественной свободы. „Я откровенно признаюсь, писалъ онъ, что, указавъ, гдѣ по моему мнѣнію находится справедливость, я не чувствую въ себѣ силъ начертать тѣ средства, при помощи которыхъ она можетъ быть осуществлена.“ За это дѣло скоро взялись болѣе страстные и энергичные люди, которыхъ можно назвать „организаторами труда.“

Появленіе этихъ организаторовъ не трудно объяснить. Эпоха террора, въ особенности 1793 г., оставила среди народныхъ массъ глубокое чувство недовольства, главнымъ образомъ, конечно, среди городскаго пролетаріата, который служилъ опорой для якобинцевъ въ надеждѣ на широкія соціальныя преобразовнія въ въ его пользу; реакція, наступившая послѣ 9-го термитора, еще болѣе увеличила пропасть между богатыми и бѣдными. По справедливому замѣчанію Лихтенбержэ[1])“ господство якобинцевъ, съ одной стороны, отчасти удовлетворяло, отчасти увеличивало требованія класса бѣдныхъ, съ другой стороны оно же объединило въ общемъ чувствѣ ужаса всѣ консервативныя элементы страны... Консервативныя элементы страны вынесли изъ всѣхъ соціальныхъ треволненій глубокое убѣжденіе, что частная собственность должна быть основой общества, что революція окончена, что гражданское и политическое равенство, свободная игра конкурренціи — вотъ что достаточно для общаго благополучія. Паденіе якобинцевъ вызвало глубокое чувство разочарованія не только среди уличныхъ агитаторовъ, составляющихъ всегда принадлежность революціонныхъ партій, но среди всѣхъ людей, которые искренно вѣрили, что революція еще не сдѣлала всего, установивъ гражданское равенство; она обязана была установить соціальное равенство. Среди подобныхъ людей жило убѣжденіе,

Пол. Экон.“ составляютъ одинъ изъ выпусковъ „Библіотеки Экономистовъ“, обработанный покойнымъ Б. Эфруси; см. также изложеніе его системы у Hector Denis. Histoire des systemes économiques et socialistes. т. II, стр. 273—387. Ингрэмъ. Исторія политич. экономіи, 2-е изд., стр. 236 и слѣд.

1) A. Lichtenberger. Le socialisme et la Révolution francaise. Paris. 1899. стр. 276 и слѣд., (р. п. 1907 г.).

что бѣдные были ограблены въ угоду богатымъ, что дѣло революціи было конфисковано богатыми въ свою пользу.“ „Эти идеи, говоритъ тотъ же Лихтенберже, стали все болѣе и болѣе распространяться по мѣрѣ того, какъ стали выясняться несовершенства новой системы жизни: безъ сомнѣнія они послужили основой, создавшей настроеніе первыхъ французскихъ соціалистовъ.“

Читая акты процесса Бабефа, невольно убѣждаешься, что этотъ мечтатель и революціонеръ какъ бы оставилъ программу для послѣдующихъ соціалистовъ въ ихъ критикѣ собственности, наслѣдственности, въ выработкѣ идеаловъ распредѣлительной справедливости на началахъ полнаго равенства и коммунизма. Казнь Бабефа въ 1797 г. испугала многихъ, она заставила многихъ быть осторожнѣе, а диктатура Наполеона разрушила всякія надежды на возможность якобинскихъ революціонныхъ выступленій. Созданіемъ своего Гражданскаго Кодекса Наполеонъ освятилъ окончательно торжество естественной свободы и собственности. 17 января 1804 г. Порталисъ, внося въ законодательныя палаты, отдѣлъ этого кодекса о собственности, доказывалъ законность, необходимость и цѣлесообразность этого института въ выраженіяхъ, имѣвшихъ совершенно абсолютный и непререкаемый характеръ.

Среди этихъ новыхъ организаторовъ труда наиболѣе выдающееся значеніе имѣютъ Сэнъ-Симонъ и Прудонъ. Сэнъ-Симонъ стоитъ ближе къ эпохѣ революціи; онъ знаетъ всѣ пережитыя ужасы, онъ живетъ среди уставшаго отъ волненій общества. Поэтому онъ осторожнѣе, болѣе склоненъ къ историческому воззрѣнію и не такъ довѣряется насилію. Прудонъ живетъ уже во вторую половину вѣка, когда соціальное недовольство явно выплываетъ наружу. Онъ рѣзокъ, не останавливается ни предъ чѣмъ и вступаетъ въ догматическую же борьбу противъ догматиковъ естественной свободы. Разочарованіе, принесенное революціей 1848 г., окончательно убѣждаетъ его въ невозможности достигнуть при посредствѣ „политической реформы“ — „реформы соціальной.“ Оба эти писателя однако во многихъ отношеніяхъ дѣлаютъ одно и тоже дѣло. Сенъ-Симонъ полагаетъ основы прогрессивному эволюціонному міросозерцанію, Прудонъ своей ѣдкой критикой разрушаетъ абстрактные неисторическія взгляды на собственность. Сэнъ-Симонъ хочетъ создать новую христіанскую мораль, основанную на вѣрѣ. Прудонъ хочетъ приготовить путемъ разума эпоху торжества справедливости. Оба они готовы сейчасъ же приступить къ великому дѣлу организаціи труда, не представляя себѣ всей сложности этой проблемы.

Изученіе обоихъ этихъ писателей любопытно, кромѣ

того, и потому, что въ вопросѣ объ организаціи труда они исходятъ изъ діаметрально-противоположныхъ точекъ зрѣнія, которыя сохранились въ преобразованномъ видѣ и до настоящаго времени, сдѣлались достояніемъ самыхъ разнообразныхъ научныхъ и соціально-политическихъ школъ и общественныхъ партій.

Клодъ Генрихъ де Рувро графъ Сэнъ-Симонъ (1760—1825 г.)[1]) представляетъ одну изъ оригинальнѣйшихъ фигуръ начала XIX вѣка. Ему пришлось испытать всѣ наслажденія большого богатства и всѣ ужасы бѣдности, существованія впроголодь, поклоненіе друзей и полное невниманіе со стороны широкихъ слоевъ общества, всѣ страданія человѣка, жаждущаго знанія и преисполненнаго страстной любви къ человѣчеству. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій С. Симонъ справедливо говоритъ: „легко написать книгу при посредствѣ другихъ книгъ: гораздо труднѣе написать книгу, въ которой разбираются новые, хотя бы и частные вопросы"[2]). Съ этой точки зрѣнія приходится въ настоящее время оцѣнивать труды С. Симона. Многія изъ его идей нынѣ стали банальными, но для времени, въ которое онъ жилъ, онѣ были крупными открытіями.

С. Симону впервые пришла въ голову геніальная идея, что вся исторія человѣчества есть ничто иное, какъ великій процессъ организаціи труда. 18-й вѣкъ, по его мнѣнію, критиковалъ, разрушалъ. 19-й вѣкъ долженъ организовать. Но какъ найти соотвѣтствующій методъ этой организаціи? Путемъ изученія исторіи. Если мы не знаемъ предшествовавшаго времени и ограничиваемся изученіемъ только настоящаго момента, мы неизбѣжно не съумѣемъ различить остатка исчезающаго прошедшаго и зародыша начинающагося будущаго. Необходимо, чтобы новые историки показали намъ, что человѣчество подчинено закону „прогрессивнаго" развитія, закону, повинуясь которому и зная причины котораго, мы *сознательно* идемъ по надлежащему пути.

Исторія обнаруживаетъ, по его мнѣнію, что „промышленный классъ" послѣдовательно пріобрѣталъ все большее и большее вліяніе въ общественной жизни, другіе же классы постепенно утрачивали его. Подъ „промышленникомъ" С. Си-

1) Сочиненія Сэнъ-Симона и его школы изданы были въ 1865 г. его послѣдователями въ 40 томахъ. Болѣе доступными и совершенно достаточными для ознакомленія съ доктриной С. Симона и его учениковъ являются слѣдующія изданія: 1. Ouevres de Saint — Simon, publiés par Rodrigues, Paris 1841 г. 2. Bazard. Doctrine de S. Simon. 2 t. Paris. 1830—31 г. Лучшія сочиненія о С. Симонизмѣ: G. Weil. Saint — Simon (1894) и его же Ecole Saint — Simonienne (1896) и Charlety. Histoire de Saint-Simonisme (1896).

2) Изданіе Родригеса, стр. 247.

монъ понимаетъ человѣка, „который производитъ или доставляетъ членамъ общества одно или нѣсколько матеріальныхъ средствъ для удовлетворенія ихъ потребностей и физическихъ вкусовъ". Въ классъ промышленниковъ онъ включаетъ земледѣльцевъ, фабрикантовъ и торговцевъ[1]). Все же современное общество раздѣляется на три класса: первый классъ идетъ подъ флагомъ прогресса человѣческаго разума; онъ слагается изъ ученыхъ, артистовъ и всѣхъ тѣхъ, кто стоитъ за либеральныя идеи: на знамени второго класса написано: никакихъ нововведеній. Въ составъ этого класса входятъ всѣ собственники, не принадлежащіе къ первому классу. Третій классъ, лозунгомъ котораго является равенство, включаетъ въ себя остальную часть человѣчества[2]). Во всѣ историческія эпохи существуютъ эти классы и исторія представляетъ собой ничто иное, какъ борьбу ихъ великихъ соціальныхъ интересовъ.

Всякая политическая комбинація[3]), всякое учрежденіе, чтобы быть дѣйствительно цѣлесообразнымъ, должны удовлетворять двумъ условіямъ: 1) быть полезнымъ для общества. т. е. доставлять ему положительныя выгоды и 2) стоять въ гармоніи съ современнымъ состояніемъ общества, соотвѣтствовать идеямъ и существующимъ вещамъ, быть послѣдовательно подготовленнымъ, другими словами „придти во время". Собственность на орудія производства и обладаніе необходимыми знаніями во всѣ эпохи составляли основу соціальнаго господства. Рабство, феодализмъ, церковь — всѣ эти учрежденія сыграли свою

---

1) Catéchisme des Industriels, изд. Род., стр. 1—2.

2) Lettres d'un Habitant de Genève, ib. стр. 22.

3) Vues sur la proprieté, ib. стр. 325. Историческіе обзоры С. Симона для нашего времени, конечно, совершенно устарѣли, но они служили путеводными звѣздами для первыхъ изслѣдователей историческаго процесса.

Слѣдуетъ помнить также, что только позднѣе (Р. Моль и Л. Штейномъ) было опредѣлено самое понятіе класса въ отличіе отъ средневѣковыхъ сословій. Подъ классами понимаютъ объединенныя общностью интересовъ, обладающія своеобразною психологіей и однохарактерностью стремленій группы людей, фактически различающіяся лишь по своему имущественному положенію и не имѣющія никакихъ особыхъ, наслѣдственныхъ правъ и привилегій, признанныхъ обычаемъ или созданныхъ собственною этихъ группъ или государственною политическою властью; еще и до нынѣ сословныя права и привилегіи не исчезли. Предшествовавшая исторія, поэтому, не можетъ быть названа исторіей классовъ. Единство и борьба классовыхъ интересовъ, отдѣльныхъ общественныхъ группъ характерна для 19-го вѣка, но и нынѣ элементарное дробленіе общества на три класса: землевладѣльцы-собственники земли, капиталисты — владѣльцы капитала, пролетаріатъ — наемные рабочіе можетъ быть принято только, какъ основная схема, требующая значительныхъ разъясненій и подраздѣленій на множество подвидовъ.

роль. Дворянство и церковь въ свое время были владѣльцами знанія и собственности; отъ нихъ зависила организація труда. Теперь на смѣну имъ идетъ буржуазія, а за нею и работники. Промышленный классъ станетъ всѣмъ и скоро работники станутъ владыками всѣхъ нетрудящихся (fainéans). „Промышленный классъ долженъ занимать первое мѣсто, какъ главнѣйшій изъ всѣхъ классовъ общества. Онъ можетъ обойтись безъ другихъ классовъ, эти послѣдніе безъ него существовать не могутъ. Промышленный классъ живетъ своими силами, собственнымъ трудомъ. Другіе классы должны работать для него, ибо они его созданіе, онъ поддерживаетъ ихъ существованіе“ . . .

Изъ этого изложенія ясно видно, что понятіе о промышленномъ классѣ у С. Симона очень расплывчато. Только въ концѣ своей жизни онъ, умирая, какъ-бы завѣщалъ своимъ ученикамъ обратить главное вниманіе на рабочій классъ: „Родригесъ, говорилъ онъ, не забывайте, что для совершенія великихъ дѣлъ надо обладать страстью; вся моя жизнь сводилась къ одной мысли: обезпечить всѣмъ людямъ наиболѣе свободное развитіе ихъ способностей. Черезъ 48 часовъ послѣ нашей послѣдней публикаціи партія работниковъ организуется: будущее принадлежитъ намъ“.

Для соціальной системы С. Симона чрезвычайно характерно, что, исходя изъ взгляда на исторію, какъ на борьбу классовъ, онъ сталъ объяснять соціальное господство вліяніемъ двухъ причинъ: 1) знаніемъ правящаго класса и его способностью организовать общество; 2) принадлежностью этому знающему и правящему классу орудій производства [1]). Отсюда и вытекло его убѣжденіе, что знаніе, а потомъ и религія въ состояніи пересоздать міръ на новыхъ началахъ, когда руководящіе классы общества познаютъ, что существующая организація собственности и труда

1) Habitant de Geneve, стр. 24; обращаясь къ собственникамъ онъ пишетъ: „господа, въ сравненіи съ не-собственниками вы очень немногочисленны: какимъ же образомъ происходитъ, что они безпрекословно вамъ повинуются? Это зависитъ отъ превосходства вашихъ знаній, дающаго вамъ возможность создать такую комбинацію вашихъ силъ, которая вамъ обыкновенно даетъ преимущество въ борьбѣ, каковая, по самой природѣ вещей, существуетъ между ними и вами“. Въ Vue sur la propriete, стр. 240 онъ отмѣчаетъ, что интересы земледѣльцевъ и промышленниковъ солидарны „Соединитесь, пишетъ онъ, съ людьми, имѣющими одинаковые съ вами интересы, укрѣпите всю совокупность этихъ интересовъ всѣми средствами, которыми вы располагаете. Мы предлагаемъ вамъ очень простое и сильное средство, зависящее только отъ васъ: умѣйте (sachez) только столковаться другъ съ другомъ и умѣйте желать“. Въ томъ же мемуарѣ о собственности онъ старается доказать, что это учрежденіе постоянно мѣнялось въ исторіи и подлежитъ видоизмѣненію, „ибо индивидуальная собственность можетъ быть основана только на общественной и общей полезности пользованія этимъ правомъ, полезности, которая не можетъ не видоизмѣняться съ теченіемъ времени“.

есть только вредный пережитокъ стараго времени. Настала пора передать великую политическую власть въ руки „промышленниковъ“ для организаціи труда. Въ самомъ взглядѣ на знаніе С. Симонъ пережилъ замѣчательную эволюцію. Первоначально онъ полагалъ, что теологическій періодъ жизни окончился. Энциклопедія Дидро была уже антитеологіей (антибогословіемъ). На смѣну религіи пришла современная наука; по существу дѣла религія есть не что иное, какъ резюме всѣхъ научныхъ работъ каждой эпохи, резюме, которое представляется народу подъ священной формой. Всемірное тяготѣніе, открытое Ньютономъ, представляется ему открытіемъ закона всемірной солидарности. Такимъ образомъ, первоначально С. Симонъ держится какъ-бы пантеистическихъ взглядовъ Спинозы. Впослѣдствіи, однако, онъ начинаетъ упрекать своего ученика О. Конта въ „capacité aristocienne“, т. е. въ аристотелевскихъ способностяхъ, въ перевѣсѣ у него наклонности къ знанію, а не къ чувству долга и благорасположенія [1]). Въ первый періодъ жизни онъ хочетъ, поэтому, создать особый Совѣтъ Ньютона для организаціи труда. Съ теченіемъ времени эта позитивная религія исчезаетъ и въ своемъ послѣднемъ трудѣ „Новое Христіанство“ онъ выступаетъ уже какъ мессія новой обновленной религіи долга и чувства, которая требуетъ, чтобы „человѣку человѣкъ былъ братъ прежде всего“, и чтобы „все общество работало надъ улучшеніемъ нравственнаго и физическаго существованія наиболѣе бѣднаго и многочисленнаго класса“. Мистицизмъ этой религіи достигаетъ наивысшаго предѣла въ ученіи о бракѣ. Бракъ представляется ему не только наиболѣе полной ассоціацией двухъ равныхъ, но различныхъ существъ: мужчины и женщины для совершенія какого либо дѣла, нравственнаго, научнаго и промышленнаго, но онъ является священной связью поколѣній. „Супругу и супругѣ исключительно принадлежитъ это святое состояніе, интимность сердца, разума и чувствъ, сфера мистическая, непроницаемая, гдѣ двѣ воли (spontaneités) сливаются и гдѣ жизнь производитъ жизнь“. По мнѣнію С. Симона и его учениковъ освобожденіе пролетаріата, будетъ сопровождаться и полнымъ освобожденіемъ женщины, а семья сдѣлается необходимой соціальной ячейкой. Такъ, по крайней мѣрѣ, истолковываетъ его ученіе Родригесъ [2]).

1) Впослѣдствіи, какъ извѣстно, ученикъ Сэнъ-Симона О. Контъ въ „Позитивной политикѣ“ пытался создать особую религію, основанную на любви къ человѣчеству, какъ цѣлому, и на чувствѣ долга. Девизомъ этой религіи должна была явиться формула: любовь, какъ принципъ, порядокъ, какъ основаніе и прогрессъ, какъ цѣль.

2) Ученіе другого ученика Сэнъ-Симона Анфантена о бракѣ и объ

Вейль остроумно замѣчаетъ, что систему С. Симона можно резюмировать словами: все для работника, ничего посредствомъ работника. Эта характеристика не совсѣмъ справедлива, но въ ней есть большая доля истины. С. Симонъ отъ всѣхъ требуетъ труда; мы видѣли даже, что онъ призываетъ рабочій классъ къ единенію для защиты своихъ интересовъ. Но въ то-же время онъ несомнѣнно хочетъ создать промышленную, ученую или религіозную „теократію", которая призвана вести все общество по пути прогресса. Онъ готовъ обратиться ко всякому, въ комъ видитъ воплощеніе силы и знанія: къ Бонапарту, Людовику, совѣту Ньютона, но боится, что рабочими завладѣютъ „демагоги". „Спокойствіе общества, пишетъ онъ [1]), не установится, пока въ основу общества не будетъ положена позитивная мораль; руководители промышленныхъ работъ — прирожденные покровители рабочаго класса; если мануфактуристы не образуютъ союза съ рабочими, если они не начнутъ въ своей политической дѣятельности говорить съ ними языкомъ, который можетъ быть ими понятъ, убѣжденія этого многочисленнаго, но еще очень невѣжественнаго класса не будутъ слагаться подъ руководствомъ своихъ естественныхъ вождей; рабочій классъ могутъ соблазнить тогда интриганы, которые захотятъ произвести революцію для захвата власти".

освобожденіи плоти совершенно шло въ разрѣзъ съ представленіями большинства Сэнъ-Симонистовъ. Анфантенъ, исходя изъ ученія о необходимости упраздненія собственности и наслѣдованія, а также изъ представленія объ измѣнчивости человѣческой природы, пришелъ къ проповѣди свободной любви и свободнаго развода. Базаръ былъ самымъ рѣшительнымъ врагомъ этого ученія и оно послужило однимъ изъ поводовъ для оставленія имъ школы. Любопытно отмѣтить, что всѣ первые соціальные реформаторы заняты вопросомъ о реорганизаціи семьи и являются сторонниками женской эмансипаціи. Исключеніе составляетъ только Прудонъ, по мнѣнію котораго „женщина плохой товарищъ, существованіе котораго всецѣло покоится на самоотверженіи мужчины и стоитъ гораздо больше, чѣмъ приноситъ." Прудонъ, какъ увидимъ ниже, этотъ яростный защитникъ идеи равенства, исходя изъ недоказаннаго положенія о якобы существующемъ тройномъ превосходствѣ мужчины — въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніи надъ женщиной, стремится установить всеобщее равенство мужчинъ чрезъ всеобщее подчиненіе женщинъ. Такой же индивидуалистъ и суровый критикъ современнаго брака Фурье приходитъ къ совершенно иному выводу. Фурье вообще претитъ всякое равенство. Онъ также не желаетъ и того, чтобы женщина была равна мужчинѣ. По его мнѣнію, она должна быть выше мужчины, если въ умственномъ и нравственномъ отношеніи она выше мужа и наоборотъ. Женщина вообще должна быть автономной личностью и индивидуальная цѣнность каждой личности, а не полъ дастъ ей возможность занять то или иное положенія среди другихъ неравныхъ личностей.

1) Libéralisme et industrialisme, изд. Родр. стр. 221.

Самымъ способнымъ ученикомъ С. Симона былъ Базаръ. Въ его сочиненіи „Изложеніе системы С. Симона“ доктрина учителя не только изложена полно, но внесено много новаго и своего. Критика вредныхъ сторонъ конкурренціи полнѣе; идеалъ распредѣлительной справедливости будущаго, воплощенный въ формулѣ: всякому по его труду, всякой способности по ея дѣламъ, болѣе развитъ; съ большей опредѣленностью подчеркнуто, что предшествовавшая исторія была эксплоатаціей человѣка человѣкомъ и что будущее принадлежитъ братской ассоціаціи; указана даже первая реформа, которую возможно предпринять немедленно для осуществленія новаго строя: „устраненіе наслѣдственнаго права.“ Эта реформа сдѣлаетъ невозможнымъ существованіе нетрудящихся и въ то-же время внесетъ въ жизнь совершенно обезпеченный характеръ, ибо все общество будетъ заботиться о дѣтяхъ и о томъ, чтобы каждому досталась его доля продукта.

Мѣстами анализъ Базара блещетъ оригинальнымъ развитіемъ идей учителя. Такъ, онъ не только считаетъ собственность основой общества, но ясно различаетъ, что организація труда требуетъ изученія слѣдующихъ условій: a) технической стороны производства; b) организаціи труда, т. е. распредѣленія производительнаго труда соотвѣтственно нуждамъ потребленія и c) разумной формы отношеній рабочихъ къ собственникамъ орудій производства. Съ легкой руки С. Симонистовъ было введено также подраздѣленіе исторіи на періоды двоякаго рода: „критическіе“, когда идетъ разложеніе сложившейся ранѣе организаціи труда въ широкомъ смыслѣ этого слова (т. е. старыхъ формъ и системъ хозяйства, какъ говорятъ теперь) и „органическіе“, когда созидаются новые устои жизни, приводящіе ее въ состояніе равновѣсія. Самъ по себѣ этотъ пріемъ исторической классификаціи имѣетъ мало значенія. Разрушеніе и созиданіе вѣчно сопровождаютъ историческій процессъ; установившееся равновѣсіе или что тоже опредѣлившійся порядокъ въ экономическихъ и правовыхъ учрежденіяхъ вовсе не свидѣтельствуютъ еще о гармоніи жизни; вѣдь и самъ Базаръ, установивъ это подраздѣленіе, не постѣснился сказать, что вся исторія до его времени была періодомъ постоянной „эксплоатаціи“ человѣка человѣкомъ. Подраздѣленіе это ему нужно лишь для того, чтобы показать, что въ критическія эпохи господствуетъ эгоизмъ, въ органическія — альтруизмъ. Подраздѣленіе это по самому своему существу имѣетъ „романтическій характеръ“ [1]). „Всѣ вѣ-

---

1) Doctrine, l. c. т. I-ый, стр. 97—8, также стр. 22. Базаръ очень ясно опредѣляетъ свое отношеніе къ романтизму. „Мы знаемъ, пишетъ

рованія въ критическія эпохи утрачены, пишетъ онъ, всѣ общія чувства гаснутъ, священный огонь не имѣетъ своихъ весталокъ. Поэтъ не является божественнымъ пѣвцомъ, поставленнымъ во главѣ государства, чтобы служить истолкователемъ человѣка, чтобы ему давать законы, чтобы подавлять въ немъ реакціонныя желанія, чтобы открывать ему радости будущаго, поддерживать и возбуждать его прогрессивное развитіе: нѣтъ, поэтъ находитъ только грустныя пѣсни. То онъ берется за бичъ сатиры, то его стихи полны горькихъ упрековъ, онъ возстаетъ противъ всего человѣчества, онъ толкаетъ человѣка къ недовѣрію, къ ненависти по отношенію къ подобнымъ себѣ: то ослабѣвшимъ голосомъ онъ въ элегическихъ стихахъ воспѣваетъ прекрасныя стороны уединенія, онъ предается мистическимъ мечтаніямъ и рисуетъ индивиду счастье уединенія . . . Въ критическія эпохи на массы воздѣйствуютъ страхомъ, а не надеждой, ненавистью, но не любовью, интересомъ, а не чувствомъ долга, наконецъ, эгоизмомъ, но никогда чувствомъ самопожертвованія.“ Въ органическія же эпохи царитъ самопожертвованіе и любовь. Когда эта любовь вновь явится и побѣдитъ, создастся новое право, которое замѣнитъ право завоеванія и рожденія. Тогда человѣкъ не будетъ эксплоатировать человѣка, но человѣкъ, соединенный съ человѣкомъ, будетъ эксплоатировать міръ, находящійся въ его распоряженіи.

Такимъ образомъ, общій характеръ доктрины Базара такой же, какъ и у С. Симона. Онъ живетъ въ эпоху, когда господствуетъ романтизмъ стараго порядка, и хочетъ страстно увлечь человѣчество, въ періодъ такого же романтизма будущаго.

Вся Сэ́нъ-Симоновская школа является не столько обращеніемъ къ рабочимъ классамъ, сколько къ правящимъ классамъ и интеллигенціи. Она стремится „морализировать“ классовую борьбу, вѣрнѣе, совершенно устранить ее созданіемъ позитивной или мистической морали. Среди рабочихъ классовъ доктрина С. Симонистовъ успѣха не имѣла: она не создала партіи работниковъ, но на владѣющіе классы она оказала сильное вліяніе. Первые христіанскіе соціалисты во Франціи, Англіи и другихъ странахъ несомнѣнно могутъ считать С. Симона и Базара своими отцами. То-же можно сказать отчасти и объ историко-этической школѣ

онъ, какова судьба людей, которые борятся противъ настоящаго оружіемъ прошедшаго. Страданія, которыя имъ приходится выносить, благодаря ихъ благородному самопожертвованію, въ насъ вызываютъ жалость, но мы также знаемъ и судьбу тѣхъ, которые ранѣе другихъ указываютъ своему вѣку путь далекаго будущаго; только для этихъ послѣднихъ мы посвятимъ свою любовь“.

Германіи, въ которой англо-французскія вліянія соединились съ традиціями Фихте и его школы[1]). Обѣ эти школы, однако, могли создаться только позднѣе, уже въ болѣе политически образованной и организованной средѣ буржуазіи и аристократіи; въ странахъ болѣе молодыхъ С. Симонизмъ чаще всего приводилъ къ коммунистическимъ чудачествамъ, которыми и закончилась исторія этой школы.

Самъ С. Симонъ въ ряды чистокровныхъ, хотя бы и утопическихъ соціалистовъ можетъ быть зачисленъ только съ большой натяжкой.

Еще менѣе можно это сказать объ Анфантенѣ, подъ руководствомъ котораго, послѣ ухода Базара, вызваннаго несогласіями по вопросу о бракѣ, школа С. Симонистовъ превратилась въ мистико-теократическій союзъ, окончившій свою исторію, какъ извѣстно, очень печально. Съ ноября 1831 г. по февраль 1832 г. Анфантенъ пытался создать новое ученіе. Онъ все сводилъ къ священной Троицѣ. Во всѣхъ своихъ ученіяхъ, повидимому, не зная вовсе Гегеля, онъ открываетъ два противоположныхъ положенія, которыя приводятся въ согласіе третьимъ. Наука и промышленность согласуются въ религіи, человѣкъ и міръ — въ Богѣ, я и не я — въ безконечности. Это согласованіе противоположностей идетъ все болѣе и болѣе усиливаясь. По его мнѣнію, Базаръ ошибался, подраздѣливъ исторію на эпохи органическія и неорганическія, какъ смѣны антагонизма — ассоціацій. Исторія есть прогрессивное соединеніе тѣла и разума, промышленности и науки, востока и запада, мужчины и женщины. Для настоящаго времени надо установить новый авторитетъ; надо создать живой законъ, который замѣнитъ писаный. Любовь — вотъ что обезпечитъ власть отца-патріарха и повиновеніе низшаго. Нѣтъ натуръ порочныхъ; имѣются только натуры болѣе или менѣе склонныя къ прогрессу. Авторитетъ отца-патріарха сдѣлается особенно

1) Христіанскій соціализмъ послѣдующаго времени всегда имѣлъ двѣ основныхъ формы: a) представители одной формы воспринимаютъ соціалистическія ученія вполнѣ; такихъ очень немного; b) представители другой и болѣе всего распространенной формы, главнымъ образомъ члены разныхъ церковныхъ іерархій и представители консервативной соціальной партіи, сводятъ этотъ соціализмъ къ укрѣпленію церковнаго и государственнаго авторитета для развитія благопопеченія о рабочемъ классѣ путемъ самопомощи, законодательства и благотворительной поддержки со стороны владѣющихъ классовъ. О христіанскомъ соціализмѣ см. Nitti. Le socialisme catholique (1894). Вейль. Исторія соціальнаго движенія во Франціи (р. пер. 1906 г.); Göhre. Die evangelischsociale Bewegung (1896 г.). Л. Н. Толстой. Царство Божіе внутри насъ или христіанство не какъ мистическое ученіе, а какъ новое жизнепониманіе (пер. изд. Берлинъ, 1894). Основныя особенности соціализма будутъ указаны впослѣдствіи.

привлекательнымъ, когда появится патріаршица; патріархъ и патріаршица будутъ воздѣйствовать не только разумомъ, но и красотой.

Много чудачества было въ жизни этой школы и тѣмъ не менѣе она привлекла симпатіи массы интеллигенціи, изъ которой многіе сдѣлались, какъ, напр., Мишель Шевалье, художникъ Давидъ и друг. знаменитыми людьми и крупными дѣятелями. Эта группа объединившейся интеллигенціи подъ руководствомъ Анфантена хотѣла дать міру новый образецъ жизни. Всѣ они переселились въ Менильмонтанъ въ домъ Анфантена, который превратился какъ бы въ соціальный монастырь. Во главѣ его стоялъ Анфантенъ, какъ патріархъ, его помощниками были апостолы, имѣвшіе подъ началомъ сыновей. Каждый долженъ былъ выполнять особую работу: время дня было распредѣлено между работой, научными занятіями, бесѣдами, пѣснопѣніями... Такая райская жизнь продолжалась, однако, недолго. Сэнъ-Симонисты были отданы подъ судъ за составленіе противозаконнаго и нарушающаго нравственныя основы сообщества. 27 — 28 августа состоялся судъ. Родригесъ и Барро были подвергнуты штрафу въ 50 франковъ, Анфантенъ, Дюверье и Шевалье тюремному заключенію на годъ и штрафу въ 100 франковъ. Подъ проливнымъ дождемъ семья Анфантена вышла изъ залы суда, попробовала было пѣть свои религіозныя пѣсни, но патріархъ Анфантенъ приказалъ замолчать.

Чудаческій періодъ жизни школы окончился, но она продолжала существовать и многіе изъ ея членовъ были впослѣдствіи видными общественными дѣятелями въ области начальнаго и профессіональнаго образованія, въ дѣлѣ развитія мелкаго кредита, въ организаціи разныхъ общественныхъ предпріятій. Сэнъ-Симонизмъ — это первый неопытный порывъ интеллигенціи служить на пользу народа подъ вліяніемъ новыхъ соціальныхъ идей, отголоски которыхъ можно подмѣтить почти во всѣхъ странахъ Европы, въ частности у насъ въ видѣ народничества; для народничества въ первую эпоху его существованія историческія изслѣдованія о русской общинѣ послужили основой для цѣлаго ряда мечтаній о коммунистическихъ обществахъ и о такъ называемомъ сліяніи съ народомъ.

Герценъ оставилъ намъ указанія о впечатлѣніи, произведенномъ на интеллигенцію Россіи сэнъ-симонизмомъ. „Середь этого броженія, пишетъ онъ, середь догадокъ, усилій понять сомнѣнія, пугавшія насъ, попались въ наши руки сэнъ-семонистскія брошюры, ихъ проповѣдь, ихъ процессъ. Онѣ поразили насъ. Новый міръ толкался въ дверь, *наши души, наши сердца растворились ему.* Сэнъ-Симонизмъ легъ въ основу нашихъ убѣжденій и неизмѣнно остался въ насъ“.

Въ своемъ письмѣ къ Мишле (— Русскій народъ и соціализмъ, 1858 г.). Герценъ далъ нашему народничеству его программу и, надо признаться, совершенно неправильно перетолковавъ сэнъ-симонизмъ. „Въ народѣ, писалъ Герценъ, всегда истина. Жизнь народа не можетъ быть ложью. Природа создаетъ лишь то, что осуществимо при данныхъ условіяхъ … Община спасла русскій народъ отъ монгольскаго варварства и отъ императорской цивилизаціи, отъ выращенныхъ по европейски помѣщиковъ и отъ нѣмецкой бюрократіи. Общинная организація, хоть и сильно потрясенная, устояла противъ вмѣшательства власти, она благополучно дожила до развитія соціализма въ Европѣ“ … „Освобожденіе крестьянъ сопряжено съ освобожденіемъ земли, освобожденіе земли въ свою очередь, начало соціальной революціи, провозглашеніе сельскаго комунизма“. „Изъ всего этого Вы видите, какое счастіе для Россіи, что сельская община не погибла, что личная собственность не раздробила собственности общинной; какое это счастіе для русскаго народа, что онъ остался внѣ политическихъ движеній, внѣ европейской цивилизаціи, которая, безъ сомнѣнія, подкопала бы общину и которая нынѣ сама дошла въ соціализмѣ до своего отрицанія.“ „Человѣкъ будущаго въ Россіи — мужикъ, точно также какъ во Франціи работникъ.“ Далѣе этого наслѣдства русское народничество пошло лишь въ томъ отношеніи, что научилось понимать значеніе политическихъ учрежденій въ духѣ всенароднаго суверенитета[1]).

---

1) Протестъ Бакунина противъ этой наивной теоріи былъ оставленъ въ Россіи безъ всякаго вниманія. „Вы все готовы простить, писалъ въ 1866 г. Бакунинъ съ Исхіи Герцену и Огареву, — пожалуй, готовы поддержать все, если не прямо, такъ косвенно, лишь бы осталась ваша мистическая святая святыхъ — великорусская община, отъ которой мистически, не разсердитесь за обидное, но вѣрное слово, вы ждете спасенія не только для великорусскаго народа, но и для всѣхъ славянскихъ земель, для Европы, для міра. А кстати сказать, отчего вы не соблаговолили отвѣчать серьезно и ясно на серьезный упрекъ, сдѣланный вамъ: вы заснулись за русскую избу, *да и стоите вѣка въ китайской неподвижности со своимъ правомъ на землю.* Почему эта община, отъ которой вы ожидаете такихъ чудесъ въ будущемъ, въ продолженіи десяти вѣковъ прошедшаго существованія не произвела изъ себя ничего, кромѣ самаго гнуснаго рабства? Гнусная гнилость и совершенное безправіе патріархальныхъ обычаевъ, безправіе лица передъ міромъ и всеподавляющая тягость этого міра, убивающая всякую возможность индивидуальной инниціативы, отсутствіе права не только юридическаго, но и простой справедливости въ рѣшеніяхъ того же міра и жестокая безцеремонность его отношеній къ каждому безсильному и небогатому члену, его систематическая притѣснительность къ тѣмъ членамъ, въ которыхъ признается притязаніе на малѣйшую самостоятельность и готовность продать всякое право и всякую правду за ведро водки, вотъ, во всецѣльности ея настоящаго характера великорусская крестьянская община.“ Только въ наши дни этотъ старый споръ будетъ разрѣшенъ торжествомъ …. индивидуализма ….

§ 2. Всѣмъ извѣстно, что Пьеръ Жозефъ Прудонъ (1809—1865 г.) былъ человѣкомъ, который, если и не создалъ идею анархизма, то несомнѣнно болѣе всего содѣйствовалъ ея распространенію. Анархическія идеи Годвина въ Англіи и Макса Штирнера († 1856) получили извѣстность въ наше время [1]). Существуетъ распространенный взглядъ, будто анархизмъ представляетъ дальнѣйшее, только болѣе крайнее развитіе идей соціализма. Нѣтъ ничего неправильнѣе такого взгляда. Такое воззрѣніе сложилось отчасти по винѣ ученыхъ, отчасти благодаря обычному пристрастію широкой публики ко всякаго рода крайнимъ ученіямъ.

Вина ученыхъ состоитъ въ томъ, что, классифицируя соціальныя ученія, они нерѣдко клали въ основу этой классификаціи степень крайности доктрины во взглядахъ: 1) на государство и религію 2) на идеалы распредѣлительной справедливости. Съ этой точки зрѣнія анархизмъ и сталъ представляться, какъ самое крайнее, какъ бы конечное изъ соціальныхъ ученій, тогда какъ по исторіи своего происхожденія онъ долженъ быть признанъ непосредственнымъ и неизбѣжнымъ результатомъ индивидуалистической философіи конца 18-го и начала 19-го вѣка.

Кромѣ того, слабые успѣхи коммунизма и анархизма въ современномъ обществѣ и большое распространеніе соціалистическихъ идей породили какъ въ средѣ сторонниковъ анархизма и коммунизма, такъ и въ публикѣ, убѣжденіе, будто эти крайнія, самыя боевыя соціальныя ученія еще борятся за распространеніе и будто общество еще не подготовлено къ ихъ оцѣнкѣ.

Ученія Оуена, Томсона, Сэнъ-Симона, Фурье и др. по существу были коммунистическими. Они мечтали замѣнить индивидуализмъ коммунистическими ассоціаціями всякаго рода, исходя изъ взгляда на человѣческую природу, какъ исполненную альтруизма. Ихъ ученія были реакціей противъ индивидуалистическихъ взглядовъ на человѣческую природу. Индивидуализмъ эгоизма они хотѣли замѣнить индивидуализмомъ альтруизма, задачу распространенія котораго они возлагали на науку и религію, на „таинственную

1) Сочиненіе М. Штирнера. Единственный и его собственность появилось въ 1845 г. (рус. пер. 1906 г.) Объ анархизмѣ см. Garin. Die Anarchisten (1887); R. Stammler. Die Theorie des Anarchismus (1894). Маккэй. Максъ Штирнеръ (р. пер. 1907 г.). Prof. K. Diehl. P. J. Proudhon, seine Lehre und sein Leben (Jena, 1890 г.) Эльцбахеръ. Анархизмъ, (р. пер. 1906). Подробная библіографія и изложеніе ученій въ новѣйшемъ трудѣ проф. Гектора Цокколи. Анархизмъ (р. пер., 1908 г.) Изъ русскихъ анархистовъ изданы нынѣ два глав. сочин. П. Кропоткина. Рѣчи бунтовщика, Спб. 1906 г. и Завоеваніе хлѣба, Спб. 1906 г., о Бакунинѣ см. критическій очеркъ М. Драгоманова. М. А. Бакунинъ, Казань, 1906 г.

и чудную любовь". Они надѣялись на подчиненіе индивида новому авторитету. Физіократы вѣрили въ фаталистическую разумность личнаго интереса, С. Симонисты и Фурьеристы вѣрили также слѣпо въ альтруизмъ[1]). Соціальная гармонія будущаго должна была дать какой-то рай неподвижности. Какой то органическій періодъ для всѣхъ долженъ былъ создать сразу „вѣковѣчную гармонію", если отдѣльная личность пойметъ и прочувствуетъ всѣ ошибки предшествовавшей исторіи и начнетъ новую нравственную жизнь. Другими словами, даже историзмъ, напр., С. Симона въ атмосферѣ индивидуализма начала вѣка превращался въ индивидуалистическую соціальную мораль, какъ средство рѣшенія общественныхъ вопросовъ.

Прудонъ протестуетъ противъ этого рая неподвижности во имя свободной личности. Выражаясь словамя Энгельса, С. Симонисты, Оуениты и Фурьеристы хотятъ достигнуть царства соціальной необходимости, Прудонъ ищетъ царства „соціальной свободы", основанной на договорѣ и справедливости. На ряду съ любовью пришла и самодовлѣющая то эгоистическая, то справедливая и разумная личность. Карлъ Марксъ жестоко издѣвается надъ проповѣдниками „любви":

Sie war nicht in dem Thal geboren,
Man wusste nicht woher Sie kam:
Doch schnell war ihre Spur verloren,
Sobald das Mädchen Abschied nahm.

---

1) Исходная точка зрѣнія Фурье, напр., имѣетъ совершенно индивидуалистическій характеръ и доводитъ идеализацію природы человѣка до наивысшихъ предѣловъ, я сказалъ бы даже, до мистицизма. Фурье стремится, прежде всего, къ удовлетворенію потребностей личности. По его мнѣнію, всѣ человѣческія страсти исходятъ отъ Бога и, потому, хороши. Имъ надобно дать лишь свободу дѣйствія и тогда цѣль будетъ достигнута. Человѣкъ будетъ стремиться и желать, земля будетъ имѣть возможность удовлетворить всѣмъ желаніямъ. Фурье признаетъ три рода страстей: а) пять страстей чувствъ: вкусъ, осязаніе, зрѣніе, слухъ, обоняніе; б) четыре страсти нравственности — дружба, честолюбіе, любовь, семейственность, (чувство отеческой любви); три страсти распредѣляющія: интрига (cabaliste), перемѣнчивость (papillone) и увлеченіе (composite). Страсти чувствъ влекутъ къ труду; страсти нравственности способствуютъ образованію группъ (6—7 человѣкъ), серій и фалангъ (2000 челов.); увлеченіе, интрига возбуждаютъ соревнованіе, перемѣнчивость, заставляя человѣка переходить отъ одного занятія къ другому, отнимаютъ у труда его утомительность; фаланга заключаетъ въ себѣ 200 человѣкъ и во главѣ ея стоитъ унархъ. Это союзъ совмѣстно работающихъ и потребляющихъ людей, основанный на акціяхъ. Всѣ землевладѣльцы и капиталисты получаютъ, отказавшись отъ своихъ правъ, акціи. Имъ достается $^4/_{12}$ изъ общаго итога произведеній; $^5/_{12}$ затѣмъ идутъ на долю труда, $^3/_{12}$ на долю таланта. Вознагражденіе, смотря по роду труда: наибольшее — за необходимый, наименьшее — за пріятный, среднее — за средній трудъ. См. А. Бебель, Шарль Фурье (изд. Т-ва Просвѣщеніе); Otto Warschauer. Geschichte des Socialismus und Communismus, 2. Abt.

т. е. она не родилась въ долинѣ: никто не зналъ откуда она пришла; но скоро всѣ слѣды ея потерялись, какъ только дѣвушка распрощалась". Ядовито онъ замѣчаетъ далѣе: „любовь есть абстракція — „дѣвушка изъ далека" безъ діалектическаго паспорта, а потому она и изгоняется изъ страны критической полиціей" [1]).

Анархизмъ явился такимъ же непосредственнымъ послѣдствіемъ индивидуализма начала 19-го вѣка и по простой причинѣ. Само дѣйствіе экономическаго механизма еще было совершенно не изучено, а потому, казалось, что стоитъ послѣдовательно провести въ жизнь „революціонную идею свободы и равенства", какъ выражался Прудонъ, чтобы вся соціальная система пришла не только въ равновѣсіе, но въ безконечное и оживленное движеніе. Человѣческій разумъ необходимо долженъ былъ въ своихъ исканіяхъ пережить эти двѣ экономическихъ системы: индивидуалистическаго альтруизма и анархизма эгоизма или справедливости, увлеченный пышнымъ успѣхомъ такъ называемый „индивидуалистической анархіи", которая, провозгласивъ свободу промысла и труда, несомнѣнно содѣйствовала громадному росту производительныхъ силъ въ началѣ 19-го вѣка [2]).

Fourier, seine Theorie und Schule, 1893 г. В. И. Семевскій. Русскіе фурьеристы (Спб. 1905 г.).

1) Die heilige Familie, изд. Меринга, 1902, стр. 117.

2) Для системы анархизма чрезвычайно характерно, что она совершенно отрицаетъ утилитаризмъ Бентамитовъ. Она пытается построить свою индивидуалистическую мораль или на принципѣ абсолютной справедливости, постигаемой разумомъ, или на принципѣ эгоизма, какъ основномъ двигателѣ человѣческой природы. Представителемъ первой точки зрѣнія является Прудонъ и его послѣдователи, второй — М. Штирнеръ и его продолжатели. Въ текстѣ отмѣчена точка зрѣнія Прудона, мнѣ необходимо поэтому въ примѣчаніи отмѣтить и противоположную точку зрѣнія Штирнера и хотя бы одного изъ его продолжателей — Текера. „Я стремлюсь, пишетъ Штирнеръ, лишь къ собственному спокойствію. Любовь, какъ и всякое другое чувство зависитъ отъ моей личной воли и является моей собственностью. Пріобрѣтите ее и я буду любить васъ. Любовь моя не опирается на идею долга и не связываетъ себя ни съ своей совѣстью, ни съ клятвой. Я обезпечиваю себя такимъ образомъ отъ безумія религіозной любви, которая заставляетъ видѣть въ любимомъ предметѣ нѣчто священное. Для эгоиста не существуетъ настолько возвышенныхъ и абсолютныхъ объектовъ, чтобы заставить его обожать ихъ, жить исключительно для нихъ и жертвовать собою ради нихъ. Любовь эгоиста вытекаетъ изъ его выгодъ, развивается и кончается въ предѣлахъ его личныхъ интересовъ". Любопытенъ отвѣтъ Текера на слѣдующее возраженіе, сдѣланное его противникомъ: "Если анархія значитъ устраненіе всякаго закона и всякой власти за исключеніемъ закона управлять собою и умѣнія сдерживать себя, если вы думаете, что только съ помощью этихъ принциповъ человѣкъ воздержится отъ искушенія посягать на права другой личности, то какая разница была бы между вашимъ обществомъ и обществомъ которое управляется закономъ Евангелія предписывающимъ любить Бога всѣмъ

Прудонъ такой же организаторъ труда, какъ и Сэнъ-Симонъ, но исходящій изъ противоположнаго принципа. Въ религію онъ не вѣритъ, хотя и считаетъ христіанство крупнымъ явленіемъ міровой исторіи; онъ преклоняется предъ разумомъ и справедливостью, постигнуть и воплотить которую можетъ только индивидъ — свободная, знающая личность.

Въ своемъ трактатѣ „De la justice, т. е. о справедливости" Прудонъ доказываетъ, что справедливость есть равенство и ея формула ему представляется очень простой и ясной: не дѣлай своему ближнему того, чего не желаешь, чтобы дѣлали тебѣ! Въ „Idee générale de la révolution" онъ отрицаетъ государство и сводитъ всѣ отношенія разумныхъ личностей къ договору. „Человѣкъ хочетъ нынѣ, пишетъ онъ, не только того, чтобы его фатализировали, но чтобы его механизировали. Истинная же тенденція должна заключаться въ дефатализаціи, въ дезорганизаціи и я осмѣливаюсь говорить объ этомъ тамъ, гдѣ пахнетъ фатализмомъ и механизмомъ".

Исходя изъ началъ философіи 18-го вѣка, Прудонъ[1]) и создалъ свою систему соціальной анархіи, т. е. общества,

сердцемъ своимъ, а ближняго, какъ самаго себя?" Текеръ отвѣтилъ: „Общество, отрицающее власть разнится отъ общества, признающее власть Христа, больше чѣмъ черное отъ бѣлаго. Господство надъ самимъ собою и существованіе власти — вещи несовмѣстимыя. Божеская же власть, также какъ и человѣческая намъ нежелательны въ равной мѣрѣ. Вторая же половина заповѣди любить ближняго, какъ самаго себя есть ничто иное, какъ совѣтъ, основанный на личномъ интересѣ и какъ таковой можетъ быть нами принятъ не потому, что онъ данъ отъ Бога, а внушенъ нашимъ эгоизмомъ". О Текерѣ см. Цокколи, русск. пер. стр. 224—225. Эльцбахеръ, рус. пер. 200—228. Физіократы и Смитъ, полагали, что общество иногда можетъ указать личности, въ чемъ ея разумно понимаемый интересъ, иногда личность должна обращаться для этого къ помощи Божества: утилитаристы сдѣлали счастіе наибольшей массы человѣческихъ существъ основоположеніемъ своей морали: многіе анархисты, начиная съ Годвина, вѣрятъ только въ разумъ и самоопредѣленіе свободной личности, стремятся дефатализировать личность и историческій процессъ; иррелигіозность, однако, не составляетъ основной черты анархизма. Какъ среди всѣхъ абсолютистовъ, среди нихъ нерѣдко и теистическое настроеніе. Къ числу таковыхъ принадлежитъ и Л. Толстой. Сочиненіе В. Тэкера: „Вмѣсто книги, написано человѣкомъ слишкомъ занятымъ, чтобы написать книгу" — переведено на русскій языкъ, Москва, 1908 г.

1) См. Что такое собственность, р. пер. Е. и И. Леонтьевыхъ, 1907 г. стр. 258 и 90; въ другомъ русскомъ изданіи переведены оба мемуара. Для пониманія системы Прудона необходимо изучить слѣдующія его сочиненія: 1) Выше отмѣченные два мемуара о собственности (первый появился въ 1840, второй въ 1841 г.): Système des contradictions économiques ou la philosophie de la Misère, т. е. система экономическихъ противорѣчій или философіи нищеты (2 t., 1846 г.): De la justice dans la revolution et l'Eglise, т. е. о справедливости въ революціи и церкви (4 t., 1858). Въ недавное время книгопродавцемъ Фламмаріономъ издано новое полное собраніе сочиненій Прудона.

основаннаго на договорахъ разумныхъ людей, но не остался, какъ увидимъ, послѣдовательнымъ. Не даромъ же Прудонъ пишетъ: „все относящееся къ области законодательства и политики является объектомъ науки, но не убѣжденій: законодательная власть принадлежитъ разуму, систематически изученному и обоснованному. Перломъ тираніи слѣдуетъ считать присвоеніе какой либо власти права veto и санкціи. Справедливость и законность двѣ вещи такъ-же мало зависящія отъ нашего согласія, какъ и математическія истины... Всеобщее невѣжество влечетъ за собою всеобщую тиранію, между тѣмъ, какъ свобода мысли написана въ хартіи и той же хартіей предписывается, подъ названіемъ перевѣса большинства, рабство мысли". Онъ не вѣритъ въ утилитаризмъ Бентамитовъ, будто общество можетъ дать наибольшее счастіе наибольшему количеству существъ, не думаетъ, какъ чартисты, что всеобщее избирательное право создастъ правду и справедливость. „Развѣ, пишетъ онъ, простой подсчетъ голосовъ даетъ вашему разуму нѣчто болѣе разумное, болѣе очевидное, болѣе нравственное, чѣмъ вѣра и сила? Развѣ подача голосовъ вамъ кажется болѣе вѣрнымъ средствомъ, чѣмъ традиція и наслѣдственность? Руссо разглагольствуетъ противъ права сильнаго, какъ будто сила гораздо болѣе, чѣмъ подача голосовъ, способна къ узурпаціи захвату верховенства и власти. Но что такое число (т. е. число голосовъ, поданныхъ при избраніи въ депутаты)? Что доказываетъ оно, чего стоитъ оно, какое отношеніе существуетъ между болѣе или менѣе искреннимъ мнѣніемъ голосующихъ и той вещью, которая господствуетъ надъ всякимъ мнѣніемъ, надъ всякимъ голосованіемъ, надъ истиной, надъ правомъ? Что? Дѣло идетъ о томъ, что для меня дороже всего, о моей свободѣ, о моемъ трудѣ, о существованіи моей жены и дѣтей: и когда я желаю съ вами установить основныя положенія, вы отсылаете меня въ конгрессъ, образованный по капризу судьбы". „И когда я являюсь, чтобы заключить договоръ, Вы мнѣ говорите, что я долженъ избрать судей, которые, не зная меня, не выслушавъ меня, рѣшатъ мое освобожденіе или осужденіе. И когда этотъ конгрессъ, послѣ дебатовъ, въ которыхъ я ровно ничего не понимаю, возложитъ на меня свое рѣшеніе, какъ законъ, подастъ мнѣ его на концѣ штыка, вѣрно ли, что я буду составлять часть суверенитета, что станетъ съ моимъ достоинствомъ? Если я долженъ разсматривать себя обязавшимся, то гдѣ же договоръ? . . . Будемъ откровенны, всеобщая подача голосовъ, императивные мандаты, отвѣтственность представителей, система избранія способнѣйшихъ (système capacitaire — все это дѣтская игра; я не ввѣрю имъ ни своего труда, ни своего отдыха, ни своего состоянія; я

не рискну ни однимъ волосомъ своей головы для ихъ защиты"[1]).

Прудонъ стремится доказать, что индивидъ составляетъ самоцѣль; разумная личность сама знаетъ, что ей нужно, что общество составляетъ лишь средство для ея цѣлей. Въ этой борьбѣ личности съ обществомъ, однако, въ конечномъ результатѣ у него побѣждаетъ общество, ибо цѣли индивида у него оказываются такими, которыя совпадаютъ съ цѣлями общества. Царство цѣлей разумной личности незамѣтно и все сильнѣе, въ особенности въ концѣ его жизни, обращается въ царство соціальныхъ цѣлей[2]).

Чтобы доказать эти соображенія мы должны внимательно изучить главныя основы системы Прудона. Его рѣзкая, исполненная сарказма критика эгоистическаго индивидуализма съ точки зрѣнія соціальнаго индивидуализма[3]) имѣетъ громадное значеніе: она открыла торную дорогу для историческаго міросозерцанія. Отсюда не слѣдуетъ, конечно, что мы съ возникновеніемъ историческаго міросозерцанія отказались окончательно отъ наслѣдства 18-го вѣка. Ученія о „естественномъ правѣ" и объ „анархизмѣ" еще тяготѣютъ надъ нами; они постоянно возрождаются въ новой формѣ; но въ настоящій моментъ они представляютъ лишь идеалистически-революціонный ферментъ, который лишенъ положительнаго творчества, но важенъ, какъ ученіе о самоопредѣленіи личности и какъ борьба за право личности противъ правъ общества.

Въ трудахъ Прудона главнѣйшее значеніе имѣетъ его критика собственности, государства и такъ называемая имъ „идея пропорціональности". Эта послѣдняя идея уже нами разсмотрѣна при анализѣ теоріи Томсома о правѣ на полный продуктъ труда. Напомнимъ, однако, ея формулировку

---

1) См. Idée Génerale de la Revol., н. изд., стр. 143 и слѣд.

2) Какъ увидимъ ниже, Прудонъ пришелъ даже къ мысли о необходимости федеративнаго устройства своихъ договорныхъ общинъ. До полнаго отрицанія политической организаціи общества онъ не дошелъ. Ему казалось, что въ тотъ моментъ, когда между волей отдѣльной личности и законами общества не будетъ противорѣчія, тогда исчезнетъ и необходимость всякаго суда, наказанія и государства: единственнымъ судилищемъ будетъ совѣсть, а основой жизни — договоръ, соблюдаемый во имя требованій справедливости. Послѣдователи Прудона изъ современныхъ анархистовъ дошли до полнаго отрицанія парламентаризма, утверждая, что при немъ неизбѣжно меньшинство (члены парламента) правятъ большинствомъ (народомъ) по своему произволу. По выраженію напр. Малатеста „всеобщее избирательное право при настоящемъ невѣжествѣ и экономическомъ рабствѣ — лишь постыдный торгъ совѣстью и слезами."

3) Какъ увидимъ еще ниже, индивидуалистомъ въ полномъ смыслѣ этого слова Прудона назвать нельзя.

въ словахъ Прудона, ибо она лежитъ и въ основѣ его критики собственности [1]).

Прудонъ полагаетъ, что мы знаемъ цѣнность съ двухъ сторонъ: цѣнность потребительную и мѣновую, но мы не знаемъ ее „dans son tout". Если бы мы могли пріобрѣсти эту новую идею, мы имѣли-бы цѣнность „абсолютную, ея законъ абсолютный, неизмѣнный". Трудъ, какъ свобода, геній, любовь, честолюбіе есть вещь неопредѣленная и неопредѣлимая по своей природѣ, но которая качественно опредѣляется ея предметомъ, т. е. трудъ становится реальностью при посредствѣ своего продукта. Когда говорятъ: трудъ этого человѣка стоитъ пять франковъ въ день — это значитъ: продуктъ дня труда этого человѣка стоитъ пять франковъ. Особенность труда заключается въ постоянномъ стремленіи устранить „рѣдкость" и „мнѣніе", какъ конститутивные (образующіе) элементы цѣнности и, такимъ образомъ, трансформировать естественныя полезности или неопредѣленныя (присвоенныя или нѣтъ) въ полезности измѣримыя или соціальныя [2]). Соотвѣтственно этому анализу цѣнность, разсматриваемая въ обществѣ, которое естественно, благодаря раздѣленію труда и обмѣну, образуютъ производители, есть отношеніе пропорціональности продуктовъ, которые составляютъ богатство. Полезность обосновываетъ цѣнность, трудъ опредѣляетъ отношеніе. Цѣна съ извѣстными отклоненіями передаетъ это отношеніе. . . Пропорція, въ которой элементъ, т. е. продуктъ входитъ въ цѣлое, мы называемъ цѣнностью; „избытокъ", который остается послѣ этой комбинаціи, есть „не цѣнность" (non valeur) до тѣхъ поръ, пока привхожденіемъ нѣкотораго количества другихъ элементовъ (продуктовъ) онъ не скомбинируется, не размѣняется. Трудъ не становится гарантіей благосостоянія и равенства, если продуктъ каждаго индивида не пропорціоналенъ массѣ: ибо онъ не покупаетъ и не обмѣнивается никогда иначе, какъ на цѣнность равную той, которая въ немъ [3]).

---

1) См. Proudhon. Système des contradictions économiques, n. ed. t. I. De la valeur, стр. 59—103; сравни выше стр. 313 и слѣд. Dans son tout — значитъ во всемъ ея цѣломъ. Конституированіе цѣнности, т. е. превращеніе ее въ трудовую, нормальную цѣнность.

2) Прудонъ хочетъ сказать, что трудъ, постоянно создавая новый притокъ продуктовъ, стремится устранить ихъ „рѣдкость" и то или иное „пристрастіе" людей къ предметамъ. Если продуктовъ будетъ сколько угодно, если все ихъ количество и разнообразныя качества можно будетъ создавать трудомъ, то каждый будетъ цѣнить ихъ не по собственному вкусу или мнѣнію, не по рѣдкости ихъ, а просто по количеству труда, которое на нихъ затрачено.

3) Вся эта напыщенная тирада гласитъ: продукты обмѣниваются на продукты, продукты, поступающіе въ обмѣнъ становятся измѣри-

Аксіома, одинаково признаваемая всѣми экономистами, гласитъ, что трудъ оставляетъ избытокъ въ продуктѣ. Теперь за счетъ этого избытка нѣкоторые профитируютъ, но другіе погибаютъ (dépérissent). Если продуктъ будетъ принадлежать тому, кто его произвелъ, цѣнность конституируется, — „трудъ каждаго человѣка не будетъ имѣть другой возможности кромѣ покупки такой же цѣнности, которая заключается въ его продуктѣ и эта цѣнность будетъ пропорціональна услугамъ всѣхъ другихъ работниковъ". Исходя изъ неравенства состояній, приходятъ къ мысли о несоизмѣримости цѣнностей. Эта основная антиномія, со всѣми ея послѣдствіями, уничтожается при признаніи положенія, что трудъ есть принципъ пропорціональности цѣнностей. Изъ этого положенія и его послѣдствій: всякій продуктъ цѣнится по столько, по сколько онъ стоитъ и что продукты покупаются продуктами, изъ того необходимаго предположенія, что конституированная цѣнность предполагаетъ въ равной степени „полезность и продажность", неразрывно и гармонически связанными, что цѣнность есть отношеніе по существу соціальное и что только чрезъ посредство обмѣна мы пріобрѣли понятіе полезности, вытекаетъ догма „равенства состояній". Вездѣ, гдѣ трудъ не соціализировался, т. е. гдѣ цѣнность не опредѣлилась синтетически, не конституировалась, имѣются пертурбаціи въ обмѣнахъ, въ производствѣ, въ обращеніи, въ потребленіи. Замѣтивъ, однако, что, напр., алмазъ продается очень дорого, хотя и полученъ отъ простого поднятія съ земли, онъ спрашиваетъ, почему онъ продается такъ дорого и отвѣчаетъ: „потому, что люди не свободны; общество должно урегулировать обмѣнъ и распредѣленіе, какъ самыхъ обыкновенныхъ, такъ и рѣдкихъ вещей, чтобы каждый могъ ими пользоваться. Что же такое цѣнность оцѣнки? Это ложь, несправедливость, кража! Что же мѣшаетъ тому, что такое конституированіе не устанавливается? собственность или что то же — отсутствіе свободы".

По мнѣнію Прудона, „свобода есть равенство, ибо свобода возможна только при соціальномъ строѣ. Свобода есть безвластіе, т. е. анархія, ибо она не признаетъ власти воли, но только власть закона, т. е. необходимости. Свобода есть безконечное разнообразіе, ибо она въ предѣлахъ закона уважаетъ всякую волю. Свобода есть пропорціональность, ибо она даетъ полный просторъ жаждѣ славы

мыми, соціальными цѣнностями, которыя измѣряются трудомъ. Обмѣнъ будетъ въ состояніи гармоническаго равновѣсія, если продуктъ будетъ идти за продуктъ т. е. общая масса ихъ будетъ другъ другу пропорціональна. Продукты, выброшенные на рынокъ и не находящіе своего пропорціональнаго продукта, потеряютъ цѣнность, т. е. мы имѣемъ здѣсь ничто иное, какъ старую идею Мальтуса.

и честолюбію, стремящемуся выдѣлиться при помощи заслугъ". Итакъ, исходная точка зрѣнія Прудона: „свобода, которая есть равенство, равенство, которое есть справедливость, справедливость — господство разума и признаніе человѣческаго достоинства". Посмотримъ же, какъ эта исходная точка зрѣнія отразилась на ученіяхъ о государствѣ, о собственности и объ организаціи хозяйства.

Въ сочиненіи „Общая идея революціи" [1]) Прудонъ противопоставляетъ современное государство, основанное на правительственной и церковной власти, своему идеальному общественному строю.

По его мнѣнію, современное государство построено на слѣдующихъ догматахъ: 1) первоначальная испорченность (perversité originelle) природы человѣка, 2) значительное неравенство состояній (l'inégalité essentielle), 3) постоянное существованіе антагонизма и войны, 4) фатальное, неизбѣжное существованіе нищеты. Откуда выводится: 5) необходимость правительства, самоотреченія и вѣры. При повсемѣстномъ признаніи этихъ принциповъ формы власти опредѣляются сами собой, а именно: а) раздѣленіе народа на классы или касты, соподчиненные другъ другу, связанные и образующіе пирамиду, на вершинѣ которой появляется, какъ Божество на алтарѣ, какъ король на тронѣ, ВЛАСТЬ, б) административная централизація, в) судебная іерархія, г) полиція, д) церковъ. Къ этому надобно прибавить въ странахъ, гдѣ восторжествовали демократическія начала: е) раздѣленіе властей, ж) вмѣшательство народа въ управленіе путемъ избранія представителей, з) безконечное разнообразіе избирательныхъ системъ, начиная отъ выборовъ по сословіямъ, какъ въ средніе вѣка, и до всеобщаго, равнаго и тайнаго избирательнаго права, какъ въ настоящее время, и) система двухъ палатъ, к) голосованіе законовъ и установленіе налоговъ народными представителями, л) преобладаніе большинства.

Совершенно иныя принципы, полагаетъ Прудонъ, должны лежать въ основѣ идеальнаго общества, а именно: 1) безконечное усовершенствованіе индивида и человѣческаго рода, 2) уваженіе къ труду, 3) равенство состояній, 4) единство интересовъ, 5) прекращеніе антагонизма, 6) всеобщее благосостояніе, 7) суверенитетъ разума, 8) абсолютная свобода человѣка и гражданина. Главныя же средства для осуществленія этого порядка: а) раздѣленіе труда, основанное на классификаціи людей не по классамъ, а по профессіямъ, б) созданіе коллективной силы посредствомъ

---

1) l. c., стр. 254—258.

рабочихъ компаній, а не посредствомъ арміи, в) торговля съ реальнымъ выраженіемъ ея въ ДОГОВОРѢ, замѣняющемъ ЗАКОНЪ, г) равенство обмѣновъ, д) соперничество, е) кредитъ, централизующій интересы въ замѣнъ повиновенія, которое централизовало ранѣе правительственную іерархію, ж) равновѣсіе въ цѣнностяхъ и въ собственности. Этотъ новый строй, основанный на самопроизвольномъ дѣйствіи промышленности, согласующійся съ разумомъ соціальнымъ и индивидуальнымъ, составитъ новое *Человѣческое Право.*

Первый мемуаръ о собственности Прудона раздѣляется на двѣ неравныя части. Въ первыхъ трехъ главахъ Прудонъ подвергаетъ критикѣ ученіе о собственности индивидуалистической школы. Во второй части приводитъ аргументацію, на основаніи которой онъ не считаетъ возможнымъ существованіе собственности. Наиболѣе любопытна и самостоятельна первая часть: на ней одной мы и сосредоточимъ свое вниманіе. Для юристовъ и историковъ она наиболѣе поучительна[1]). Методологически онъ построяетъ свою аргументацію слѣдующимъ образомъ. Онъ утверждаетъ. что собственность можно защищать только какъ учрежденіе „справедливое". При такомъ взглядѣ не трудно убѣдиться, по его мнѣнію, что всѣ какія бы то ни было разсужденія, придуманныя для защиты собственности и для объясненія ея происхожденія, приводятъ къ „равенству", т. е. къ отрицанію собственности. Справедливость и равенство всегда оказываются тождественными. Слѣдуетъ, поэтому. пересмотрѣть всѣ ученія, созданныя индивидуалистической школой. Прудонъ берется доказать, что собственность есть кража.

I. Римское право, а за нимъ и всѣ современныя законодательства, опредѣляютъ собственность, какъ право употреблять свою вещь, и даже злоупотреблять своимъ правомъ надъ нею. Правда, кодексъ Наполеона дѣлаетъ нѣкоторыя ограниченія. Собственность, согласно ему, есть право пользоваться и располагать вещами самымъ абсолютнымъ образомъ, съ тѣмъ, однако, чтобы имъ не пользовались вопреки законамъ; но это ограниченіе имѣетъ цѣлью не ограничить собственность, но воспрепятствовать одному собственнику мѣшать другому. Въ то же время въ собственности различаютъ два момента: собственность — право властвовать и владѣніе — право пользоваться. Изъ различія между владѣніемъ и собственностью возникаютъ двоякаго рода права: jus in re — право надъ вещью, на основаніи котораго я могу требовать пріобрѣтенную мною собственность,

---

1) Съ критикой самаго механизма капиталистическаго хозяйства мы ознакомимся при изложеніи ученій Родбертуса и Маркса.

въ чьихъ бы рукахъ она не находилась, и jus ad rem — право на вещь, на основаніи котораго я могу сдѣлаться собственникомъ. Благодаря своему положенію „пролетарія", говоритъ Прудонъ, не пользуясь ничѣмъ, я требую jus in re на основаніи jus ad rem. Я предъявляю искъ о собственности къ обществу, требуя, чтобы она была уничтожена для всѣхъ. Для этого требуется доказать, что ни одна теорія индивидуалистической доктрины не пригодна для обоснованія собственности. Такихъ теорій создано пять.

а) Одна изъ этихъ теорій обосновываетъ собственность „на естественномъ правѣ". Она провозглашена декларацiей правъ, которая указала на четыре естественныхъ и неотчуждаемыхъ права человѣка: права на свободу, равенство, собственность и безопасность. При установленіи этихъ правъ законодатели дѣйствовали безъ всякаго метода, по вдохновенію. Три первыя права установлены ими абсолютно: собственность же явилась какимъ то страннымъ правомъ. Оно нарушается на каждомъ шагу. При уплатѣ налоговъ съ богатаго берутъ больше, чѣмъ съ бѣднаго, почему? Говорятъ, потому, что онъ имѣетъ больше. Тутъ нѣтъ равенства, слѣдовательно, нѣтъ и справедливости. Наконецъ, утверждаютъ, что налоги платятся, чтобы создать учрежденія, служащія для общественной пользы и развлеченій. Такъ неужели же защита свободы и жизни богатаго стоитъ дороже? Кто при вторженіяхъ непріятеля, при голодовкахъ и эпидеміяхъ причиняетъ больше хлопотъ? Крупный ли собственникъ, спасающійся отъ опасности, не ожидая помощи отъ государства или крестьянинъ, остающійся на добычу бѣдствіямъ? Развѣ порядочный буржуа болѣе угрожаетъ порядку, чѣмъ ремесленникъ и фабричный рабочій?.. Оказывается, что свобода есть абсолютное право, ибо безъ равенства нѣтъ общества: безопасность есть абсолютное право, потому что для каждаго человѣка жизнь его и свобода такъ-же дороги, какъ жизнь и свобода другого . . . Собственность же законодатели 1789 г. обложили налогами всякаго рода, присвоили себѣ право платить меньше по національному долгу и т. п. Они сдѣлали собственность одновременно правомъ и неабсолютнымъ, и абсолютнымъ. Если-бы они были послѣдовательны, они должны были-бы сказать: собственность есть принадлежащее человѣку право располагать самымъ безусловнымъ образомъ общественнымъ имуществомъ: собственность же и общество — двѣ вещи безусловно несоединимыя; заставить двухъ собственниковъ соединиться такъ же невозможно, какъ заставить два магнита соединиться одинаковыми полюсами. Если собственность абсолютна для всѣхъ, это значитъ, что каждый можетъ только „владѣть", собственность же принадлежитъ только всему обществу, т. е. не

существуетъ. Съ обычнымъ своимъ презрѣніемъ къ женщинѣ, Прудонъ иллюстрируетъ свою мысль о разницѣ между собственностью и владѣніемъ такъ: „мужъ — это собственникъ, любовникъ — это владѣлецъ“.

b) Тогда придумали для защиты этого права „теорію завладѣнія“, какъ основу собственности. Право захвата (оккупаціи) есть право, проистекающее изъ дѣйствительнаго физическаго реальнаго обладанія вещью. Если право на жизнь равно для всѣхъ, то также равны и права на захватъ. Изъ этого слѣдуетъ, что право собственности вовсе не естественное, а пріобрѣтенное право; слѣдовательно, въ немъ нѣтъ ничего абсолютнаго, а потому, захватъ, будучи фактомъ случайнымъ, не можетъ сообщить этому праву неизмѣнности, какою онъ не обладаетъ самъ. Человѣкъ умираетъ, общество остается. Со всякой смертью и при новомъ размноженіи населенія можетъ наступить новый захватъ Другими словами, такъ можетъ образоваться только владѣніе, а не „право“ собственности. Сэ утверждаетъ, что земля захвачена и раздѣлена въ собственность, „такъ какъ всякое поле есть пространство опредѣленное и неизмѣнное.“ „Я понимаю, говоритъ Прудонъ, что вещь опредѣленная и не обладающая подвижностью, какова земля, „легче“ доступна присвоенію, но вѣдь дѣло не въ томъ, что легче или труднѣе. Земля есть благо, которое человѣкъ не создалъ и которое природа даетъ ему даромъ. Поэтому пользованіе землею, количество которой меньше, чѣмъ другихъ элементовъ, должно быть регулировано не ради немногихъ и захватившихъ, но въ интересахъ безопасности всѣхъ, ибо равенство правъ доказывается равенствомъ потребностей.

c) Третьи защищаютъ собственность, исходя „изъ потребностей человѣка, изъ всеобщаго соглашенія и признанія“. Такъ, Дестю де Траси утверждаетъ, что собственность есть потребность нашей человѣческой природы. Эта потребность ведетъ къ непріятнымъ послѣдствіямъ, но эти послѣдствія неизбѣжное зло, ничего не говорящее противъ самаго принципа. Прудонъ возражаетъ: потребность есть свойство человѣка; человѣкъ имѣетъ свойство или особенность (proprieté) способности (proprieté) быть собственникомъ (proprietaire) [1]). Дестю де Траси не замѣтилъ, что человѣкъ не является даже собственникомъ своихъ способностей; человѣкъ обладаетъ силами, качествами, способностями. Природа дала ему ихъ, чтобы онъ могъ жить, познавать и любить. Онъ не обладаетъ полнымъ господствомъ надъ ними и является по отношенію къ нимъ только узуфруктуаріемъ; свое право

---

1) Игра словъ, не передаваемая на русскомъ языкѣ.

пользованія онъ можетъ осуществить, только сообразуясь съ законами природы. Пусть онъ пользуется произведеніями природы, но пусть же онъ откажется отъ притязаній собственника и пусть помнитъ, что это названіе — только метафора. Кузенъ и его ученики говорятъ: моя свобода, чтобы проявиться во внѣ, нуждается въ аренѣ для дѣятельности или матеріалѣ, иными словами, въ собственности или въ вещи. Разъ человѣкъ прикоснулся къ какимъ либо вещамъ, говоритъ одинъ изъ учениковъ Кузена, онѣ пріобрѣтаютъ отъ него характеръ, измѣняющій и очеловѣчивающій ихъ. Я, говоритъ Прудонъ, не вѣрю въ такое волшебство и нѣтъ ничего менѣе святого, чѣмъ человѣческая воля. Но къ чему приводитъ эта теорія? Не слѣдуетъ ли изъ нея, что разъ для человѣка необходима вещь, разъ свобода не можетъ мѣшать другой современной ей свободѣ присвоить себѣ такую же вещь, какою обладаетъ она, то она тѣмъ болѣе не можетъ лишать будущія свободы, ибо индивидъ погибаетъ, но совокупность сохраняется и законъ вѣчнаго цѣлаго не можетъ зависѣть отъ его временной части. Не слѣдуетъ ли изъ этого выводъ, что каждый разъ, когда является на свѣтъ новое существо, одаренное свободой, старыя должны потѣсниться?

Всеобщее соглашеніе, если-бы таковое даже существовало, какъ нѣчто выраженное опредѣленно въ договорѣ или какъ молчаливое соглашеніе, также не оправдываетъ собственности. Такой договоръ, если-бы его даже составили Гроцій, Монтескье и Руссо, даже если-бы на немъ были подписи всего рода человѣческаго, былъ бы незаконенъ и безусловно равенъ 0. Человѣкъ не можетъ отказываться отъ труда также, какъ и отъ свободы: признаніе же права земельной собственности есть отказъ отъ средствъ труда, „отказъ отъ естественнаго права и человѣческаго достоинства“. Но пусть это молчаливое или формальное право существуетъ. Что изъ этого вытекаетъ? Повидимому, что отказы были взаимные: никто не отказывается отъ права, не получая взамѣнъ чего-либо равноцѣннаго. Всеобщее признаніе собственности можетъ, поэтому, осуществиться только признаніемъ ея равенства для всѣхъ, т. е. равенствомъ мы вынуждены оправдывать неравенство условій собственности. Получается очевидный заколдованный кругъ.

d) Говорятъ: „законъ создалъ право собственности.“ Дѣйствительно, чтобы оградить слабаго отъ вторженія сильнаго, чтобы предупредить грабежи и убійства, обманы, необходимо было установить между владѣльцами постоянныя разграниченія. Съ каждомъ годомъ населеніе возростало и жадность увеличивалась. Такимъ образомъ, земля сдѣлалась собственностью, благодаря потребности „въ равен-

ствѣ", необходимомъ для общественной безопасности и для того, чтобы каждый могъ пользоваться плодами своего труда. Но древніе основатели господства собственности не предвидѣли, что вѣчное и абсолютное право сохранять свое наслѣдственное достояніе, право, которое казалось имъ уравнительнымъ, потому что оно было общимъ, влечетъ за собою право отчуждать, продавать, дарить, терять и пріобрѣтать; что оно „влечетъ за собой уничтоженіе равенства," ради котораго его установили. Старые взгляды не могутъ считаться для насъ символомъ вѣры и „новымъ закономъ" мы можемъ уничтожить собственность. Ссылаются на давность. Но когда законъ заявляетъ, что промежутокъ времени превращаетъ владѣльца въ собственника, онъ допускаетъ, что право можетъ быть создано безъ всякой вызывающей его причины. Время равно для всѣхъ и не можетъ создать ничего. Общественный порядокъ и безопасность требовали только гарантіи владѣнія, зачѣмъ же законъ создалъ собственность? Институтъ собственности, твореніе разума невѣжественнаго, можетъ быть упраздненъ разумомъ болѣе развитымъ.

e) Собственность, утверждаютъ наконецъ, „создана трудомъ." Человѣкъ, однако, не создаетъ матеріи. Допустивъ даже, что человѣкъ своимъ трудомъ измѣняетъ свойства матеріи и, такимъ образомъ, готовитъ продукты, мы еще не можемъ обосновать собственность на орудія труда, напр., землю, которую трудъ не создалъ. Такъ какъ производство по необходимости коллективно, то рабочій имѣетъ право на участіе въ продуктахъ и прибыляхъ соразмѣрно выполненному имъ труду. Но земля такъ-же, какъ и накопленный капиталъ, будучи собственностью общественною, не могутъ быть объектомъ собственности. Капиталъ накопляется, вѣдь, только потому въ рукахъ собственника, что работникъ получаетъ для своего пропитанія заработную плату, но онъ же создаетъ и средства производства, которыя составляютъ постоянную гарантію производства въ будущемъ. Этими средствами производства и прибылью завѣдываетъ капиталистъ. Въ этомъ и заключается то, что удачно названо эксплоатаціей человѣка человѣкомъ. Собственность — дочь труда! иронически восклицаетъ Прудонъ, но что же такое право на приростъ, на наслѣдство, на дареніе, какъ не право дѣлаться собственникомъ путемъ прямой оккупаціи?

f) Неравенство способностей и, какъ результатъ его, большая производительность, по мнѣнію Прудона, также не могутъ служить основаніемъ для доказательства правомѣрности собственности. „Въ сообществѣ людей, пишетъ Прудонъ, функціи ихъ не похожи одна на другую; должны, поэтому, существовать и разныя способности. Даже болѣе, нѣкоторыя функціи требуютъ большей интеллигентности и

знаній: существуютъ, поэтому, субъекты большаго разума и таланта. Ибо дѣло, которое надо совершить, необходимо находитъ работника: потребность создаетъ идею, а идея создаетъ работника. То, что теперь называютъ неравенствомъ способностей, при болѣе счастливыхъ условіяхъ, будутъ называть разнообразіемъ способностей . . . Подобно тому, какъ созданіе каждаго орудія производства является результатомъ коллективной силы, такъ-же точно талантъ и наука въ человѣкѣ являются результатомъ всеобщей интеллигентности и всеобщаго знанія, медленно накопленнаго массою мастеровъ и при помощи массы болѣе низменныхъ промысловъ. Человѣкъ таланта далъ возможность создать изъ себя полезное орудіе: онъ является совладѣльцемъ. Въ немъ заключенъ свободный работникъ и накопленный соціальный капиталъ: какъ работникъ онъ приставленъ для пользованія орудіемъ, какъ руководитель машины, которой являются его собственныя способности: какъ капиталъ, онъ не принадлежитъ себѣ; онъ эксплоатируетъ себя не для себя, а для другихъ . . . . Каковы бы, слѣдовательно, ни были способности человѣка, разъ онѣ созданы, онѣ ему болѣе не принадлежатъ". Создавая больше, чѣмъ другіе, онъ обязанъ помнить, что онъ самъ — созданіе общества. . .

Исходя изъ такой соціальной точки зрѣнія, Прудонъ требуетъ единства и равенства вознагражденія. Вотъ какъ онъ обосновываетъ это равенство заработныхъ платъ. „Поскольку работники, трудящіеся въ сообществѣ, равны, было бы противорѣчіемъ, чтобы одинъ оплачивался болѣе, чѣмъ другой. Такъ какъ продуктъ одного работника оплачивается только продуктомъ другого работника, то, если оба продукта неравны, остатокъ или разница большаго или меньшаго не будетъ пріобрѣтенъ обществомъ, а, слѣдовательно, не поступивъ въ обмѣнъ, не окажетъ никакого вліянія на равенство заработныхъ платъ. Отсюда проистечетъ, если угодно, для болѣе сильнаго работника неравенство естественное, но не неравенство соціальное, причемъ никто не пострадаетъ отъ его силы и его производительной энергіи. Другими словами, общество обмѣниваетъ только равные продукты, т. е. оплачиваетъ только работы, сдѣланныя для него, слѣдовательно, оно „одинаково" оплачиваетъ всѣхъ работниковъ. То, что работники производятъ внѣ общества такъ-же мало его касается, какъ различіе голосовъ и волосъ работниковъ. Можетъ показаться, что я самъ устанавливаю принципъ неравенства: совершенно наоборотъ. Сумма работъ, которыя могутъ быть выполнены для общества, т. е. работъ, которыя могутъ подлежать обмѣну, будучи, при данномъ фондѣ эксплоатаціи, болѣе обширными въ зависимости отъ увеличенія числа работниковъ и по задачѣ, предоставленной каж-

дому, более ограниченными, вызываетъ, какъ свое послѣдствіе, то обстоятельство, что они нейтрализуются по мѣрѣ расширенія ассоціаціи. Большое количество потребляемыхъ цѣнностей производится соціально: такимъ образомъ, единственное обстоятельство, которое могло бы возстановить неравенство, заключалось бы въ правѣ оккупаціи, въ правѣ собственности. Такъ предположимъ, что дневная соціальная работа, оцѣниваемая въ обработкѣ земли: въ пахаиіи, въ собираніи урожая и т. п. на двухъ декаметрахъ въ среднемъ требуетъ семь часовъ: одинъ работнихъ окончитъ ее въ шесть съ половиной, другой въ восемь часовъ. Большинство потратитъ только семь часовъ, но лишь бы каждый поставилъ необходимое количество часовъ, какое бы количество онъ ни потратилъ, онъ имѣетъ право на равное вознагражденіе. Работникъ, могущій окончить свою задачу въ шесть часовъ, имѣлъ-ли право подъ предлогомъ своей силы и большей производительности захватить работу работника менѣе способнаго и, такимъ образомъ, лишить его труда и хлѣба? Кто можетъ поддерживать такой поступокъ? Пусть тотъ, „который ранѣе оканчиваетъ, отдыхаетъ, если желаетъ, пусть предается, для поддержанія своихъ силъ и для образованія своего разума, другимъ полезнымъ упражненіемъ и работамъ. Онъ можетъ такъ поступать, не совершая вреда ни для кого: но пусть онъ воздержится отъ своихъ услугъ, вызванныхъ интересомъ.“ „Сила, геній, прилежаніе и всѣ личныя преимущества, которыя вытекаютъ изъ этихъ свойствъ, являются фактомъ природы и отчасти индивида: общество оцѣниваетъ ихъ, поскольку эти свойства того заслуживаютъ. Но вознагражденіе, которое общество даетъ пропорціонально не тому, что эти люди могутъ, а тому, что они производятъ, т. е. продуктъ каждаго ограничивается правомъ всѣхъ“ [1]).

---

1) Въ Heilige Familie Марксъ смѣется надъ Прудономъ: сохраняя систему и свободу договора, говоритъ онъ, ему приходится убѣждать талантъ получить равную плату: онъ хочетъ обратить въ дѣйствительность то, что у буржуазныхъ экономовъ только номинально и иллюзорно, l. c. 147—8. Проповѣдывая равное вознагражденіе, Прудонъ, какъ видимъ, приходитъ къ мысли о необходимости нормировать количество труда, которое каждый можетъ затратить для приготовленія продуктовъ, поступающихъ въ обмѣнъ, т. е. его анархія свободнаго договора въ концѣ концовъ ведетъ къ общественной регламентаціи производства. Выше см. стр. 323 п. 3. мы дали уже анализъ схемы, которая утверждаетъ, что при пропорціональности производства цѣнности необходимо эквиваленты, какъ количества заключеннаго въ нихъ труда, теперь мы можемъ продолжить этотъ анализъ. Эта абстрактная и по существу безполезная схема предполагаетъ слѣдовательно наличность слѣдующихъ условій; а. трудъ является единственной производительной силой, въ дѣйствительности же капиталъ и земля имѣютъ такое же значеніе; б. при равенствѣ труда по производительной силѣ, каждый долженъ рабо-

Свою систему соціальной анархіи Прудонъ разсчитывалъ установить путемъ „особой системы взаимности“ (отсюда и названіе мутуализмъ) чрезъ посредство „народнаго банка“. Основнымъ принципомъ банка являлась безвозмездность кредита и обмѣна: назначеніемъ же — не производство, а обращеніе цѣнностей, средствомъ — соглашеніе между производителями и потребителями.

Я не имѣю надобности останавливаться на организаціи того банка, который пытался создать Прудонъ. Это было лишь второе, исправленное изданіе схемы Р. Оуена. Къ тому же, хотя 2 февраля 1849 года Прудонъ открылъ дѣйствія своего банка, хотя очень скоро число пайщиковъ достигло до 12000 и подписка на акціи дала 36 т. франковъ, но самъ основатель его былъ подвергнутъ тюремному заключенію на три года и потому долженъ былъ передать руководительство банкомъ въ другія руки. Банкъ просуществовалъ два мѣсяца и, не совершивъ ни одной операціи, закрылся.

Для оцѣнки такой крупной и сложной личности, какъ Прудонъ, и всей его литературной и общественной дѣятельности понадобилось бы цѣлое изслѣдованіе. Сказаннаго выше, однако, достаточно, чтобы понять основныя особенности его міросозерцанія. Необходимо только правильно истолковать сдѣланныя нами цитаты[1]), какъ методологически, такъ и по существу.

Сочиненіе о собственности является однимъ изъ пер-

тать одинаковое количество часовъ. При большей же производительности труда какого либо работника (см. ниже) онъ долженъ трудиться меньшее количество часовъ при изготовленіи продуктовъ, которые онъ пускаетъ въ обмѣнъ. Такъ если два портныхъ создаютъ по два сюртука каждый, одинъ земледѣлецъ 10-ть пудовъ хлѣба, а другой 20-ть въ день, то для сбалансированія продуктовъ согласно съ изложенной ранѣе схемой необходимо, что бы второй земледѣлецъ работалъ только полъ дня. Тогда каждый изъ работниковъ получитъ по пяти пудовъ хлѣба и по одному сюртуку. в. Прудонъ боится, что, создавъ еще 10-ть пудовъ хлѣба, этотъ второй землевладѣлецъ броситъ ихъ на рынокъ и создастъ пертурбацію въ обмѣнѣ. Поэтому онъ и требуетъ, чтобы такой болѣе производительный работникъ трудился только для себя, но не для обмѣна, чтобы онъ не созидалъ соціальныхъ цѣнностей. Отсюда положеніе: право на трудъ ограничивается правомъ всѣхъ, т. е. другими словами, свобода производства обращается въ мифъ и вся система производственной договорной анархіи сводится къ общественной регламентаціи производства.

1) При изученіи политической философіи демократіи и теорій Прудона необходимо имѣть въ виду еще слѣдующія сочиненія: E. Fournière. Les Theories socialistes aux XIX siécle de Babeuf à Proudhon (1904 г.); въ особенности глава: индивидъ и государство, Д. Маккэй. Максъ Штирнеръ (р. пер. 1907 г.) Lecky. Democracy and Liberty (2 т. 1900 г.). Брайсъ. Исторія американской демократіи (3 т. р. пер. изд. Солдатенкова). Dupont White. L'individu et l'Etat (1865).

выхъ работъ Прудона, сочиненіе о справедливости — одной изъ его крупнѣйшихъ работъ послѣдняго періода жизни, когда соціальныя начала окончательно поглотили его индивидуализмъ. Между этими произведеніями много общаго, но замѣтно и коренное различіе. По своему методу Прудонъ „діалектикъ“. Онъ ставитъ опредѣленныя положенія и старается разрушить ихъ, стоя на точкѣ зрѣнія противника, но почти никогда не остается на такой позиціи. Незамѣтно для самого себя онъ переходитъ постоянно на совершенно противоположную сторону и опревергаетъ противника уже совершенно иными доводами, заимствованными изъ совершенно другого круга философскихъ идей. Онъ разсуждаетъ то съ точки зрѣнія личности, то съ точки зрѣнія всего общества. Я уже отмѣтилъ выше, что Прудона нельзя считать чистокровнымъ индивидуалистомъ. Провозгласивъ основнымъ принципомъ общественной жизни договорныя начала между индивидами, указавъ, что государство не нужно, что экономическая жизнь должна разбиться на общины, онъ въ послѣдующемъ развитіи своихъ идей дошелъ до „федераціи“ этихъ общинъ, которая регулируетъ взаимныя отношенія общинъ и ихъ составныхъ элементовъ. По мѣткому замѣчанію Фурньера, онъ „индивидуализировалъ не для того, чтобы раздѣлять, а чтобы соединять“ [1]). Въ этомъ отношеніи его соціальная философія кардинальнымъ образомъ отличается отъ соціальной философіи Р. Оуена, С.-Симона, съ одной стороны, и М. Штирнера съ другой. Оуенъ проникнутъ мыслею, что человѣкъ представляетъ собою результатъ окружающихъ его условій. Прудонъ вѣритъ въ разумъ и справедливость. Идея справедливости формулирована у Прудона очень неясно, но ему представляется, что онъ открылъ ея основной законъ, а самоопредѣляющаяся разумная личность, при современномъ состояніи науки, не можетъ не признать, что справедливость законъ абсолютный и что она тождественна съ полнымъ равенствомъ, съ сознаніемъ собственнаго достоинства и равноцѣнностью этого достоинства въ другихъ людяхъ. Идея справедливости есть универсальный принципъ: основное правило добраго и злого, критерій (опредѣляющее начало) очевидности, цѣль всякаго знанія, всего нашего существованія. Философы вѣчно искали эту идею справедливаго, абсолютнаго и находили одно и то-же только подъ разными названіями. Это противорѣчивое сочетаніе „самоопредѣляющагося разума“, разумной личности съ вѣрой въ абсолютныя начала этого разума, сопровождается указаніемъ, что прежде когда то разумъ былъ слабъ и не-

---

1) l. c. стр. 191.

вѣжественъ: отождествленіе интересовъ личности и всего общества также характерно для всей системы Прудона и дѣлаетъ поучительнымъ его ученіе о собственности, которое изложено выше.

Не мудрено, однако, что послѣдовательный индивидуалистъ М. Штирнеръ совершенно отрицательно отнесся къ этому соціальному индивидуализму Прудона. Въ своемъ отрицаніи Штирнеръ категориченъ. По его мнѣнію, всѣ теоріи о томъ, что истинное бытіе человѣка заключается въ жизни и дѣятельности для человѣчества, для служенія идеѣ общаго блага, для почитанія Бога — простой остатокъ старинныхъ, закоренѣлыхъ суевѣрій. Всѣ эти теоріи ничто иное, какъ господство надъ человѣкомъ „идеи" или другими словами „клерикализмъ" (Pfaffenthum) въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. „Вамъ внушили, пишетъ онъ, что вы уже не эгоисты, а идеалисты т. е. достойные люди . . . Откажитесь отъ этого имени! Перестаньте стремиться къ самоотреченію, ищите свое „я", становитесь эгоистами; пусть каждый изъ Васъ обратится во „всемогущее я"! Энгельсъ также, какъ мы видѣли выше [1]), издѣвался надъ „идеей абсолютной справедливости и равенства" Дюринга — Прудона, доказывая, что „равенство — это все, что угодно, но только не вѣчная истина". Сторонниковъ абсолютныхъ началъ и исторической относительности примирить невозможно. . . .

Штирнеръ — смѣется и надъ различіемъ, которое Прудонъ дѣлаетъ между „собственностью и владѣніемъ". „Говорятъ, пишетъ онъ, что я только владѣлецъ. Нѣтъ! Владѣльцами люди были и прежде, и обладаніе какимъ нибудь участкомъ земли обезпечивалось за нимъ тѣмъ, что и другимъ было уступлено владѣніе участкомъ. Но отнынѣ все будетъ принадлежать мнѣ: я собственникъ всего того, что мнѣ необходимо и чѣмъ я въ силахъ владѣть. Если соціалистъ мнѣ говоритъ, что общество надѣлитъ меня всѣмъ, что мнѣ необходимо, то эгоистъ мнѣ говоритъ, что я самъ долженъ присвоить себѣ все, что мнѣ необходимо. Если въ коммунистѣ сказывается жалкій „оборванецъ", то въ эгоистѣ сказывается собственникъ . . . „Коммунизмъ, по его мнѣнію, реализуетъ мѣщанскую гражданственность, по которой каждый долженъ быть владѣльцемъ. При коммунизмѣ всякая индивидуальная забота о достиженіи желаемаго прекращается и каждый надѣленъ всѣмъ, что ему необходимо: это босяцкая мораль."

По мнѣнію Штирнера собственность не слѣдуетъ и невозможно упразднить. Собственность это не вещь,

1) См. выше, стр. 50 и слѣд.

это то, что обрѣтается въ моей власти. Я имѣю право на всякую собственность, каковою могу завладѣть . . . Вопросъ о собственности нельзя разрѣшить, такъ, какъ полагаютъ соціалисты и даже коммунисты. Вопросъ этотъ можетъ разрѣшить только „война всѣхъ противъ всѣхъ". „Мыслима-ли кража, если не существуетъ собственность? Что никому не принадлежитъ, того нельзя похитить. Воду я не похищаю, если черпаю ее изъ моря. Поэтому *не собственность есть кража, а только благодаря собственности возможна кража.* Къ тому же долженъ былъ придти и Вейтлингъ, который все считаетъ собственностью всѣхъ; если данная вещь представляетъ собственность всѣхъ, то, слѣдовательно, совершаетъ кражу и отдѣльное лицо, которое присваиваетъ ее себѣ;" слѣдовательно, съ точки зрѣнія Штирнера добавимъ отъ себя, и владѣлецъ, котораго такъ обожаетъ Прудонъ, — воръ.

Вотъ какъ думаетъ послѣдовательный индивидуализмъ-анархизмъ [1]).

Безъ сомнѣнія, между „собственностью и владѣніемъ" существуетъ большое различіе, но, исходя изъ его индивидуалистическаго принципа, нельзя обосновать и владѣнія. Владѣніе только временная собственность для прочныхъ вещей; для потребляемыхъ же вещей оно тождественно съ собственностью. Владѣть — значитъ потреблять, но въ какой мѣрѣ, въ какой части — вотъ въ чемъ вопросъ. Самъ Прудонъ долженъ былъ придти къ отрицанію полнаго права на продуктъ труда, какъ это ясно видно изъ предшествовавшаго (см. п. е и f), а также и было показано выше при анализѣ идеи права на полный продуктъ труда [2]). Прудонъ, поэтому, неизбѣжно долженъ былъ впасть въ противорѣчіе, какъ и указываетъ Штирнеръ, и требовать организаціи труда изъ опасенія возникновенія „войны всѣхъ противъ всѣхъ".

Громадная историческая заслуга Прудона заключается въ томъ, что всей своей ѣдкой критикой собственности онъ пришелъ только къ отрицательному результату: онъ доказалъ, что обосновать право собственности на какихъ бы то ни было „абстрактныхъ" началахъ чисто индивидуалистическаго или соціальнаго характера невозможно. Столь-же невозможно утверждать, что разумъ для всѣхъ и во всѣ историческія эпохи можетъ открыть единое начало жизни. Самодовлѣющая разумная личность Штирнера провозглашаетъ войну всѣхъ противъ всѣхъ, смѣется надъ любовью, кото-

---

1) См. М. Штирнеръ. Единственный и его собственность, р. пер., 1907 г., стр. 168—192.

2) См. выше, глава 4-я, стр. 323, 325.

рая, исходя изъ идеала распредѣлительной справедливости, хочетъ всѣхъ сдѣлать вседовольными оборванцами. Что за аргументъ можетъ противопоставить альтруистъ эгоисту? Можетъ ли умѣренно-аккуратный человѣкъ, соединяющій равномѣрныя порціи альтруизма и эгоизма, примирить непримиримыхъ сторонниковъ этихъ двухъ противоположныхъ моральныхъ началъ? Что можетъ Прудонъ сказать противъ разумной личности Штирнера, если онъ не считаетъ „личность" созданіемъ окружающаго общества, если онъ вѣритъ, что разумъ — послѣдняя и все рѣшающая инстанція? Почему свой разумъ онъ долженъ поставить превыше разума Штирнера? На какомъ основаніи имъ осуждается все законодательство предшествовавшаго, какъ результатъ разума слабаго, если эгоистъ Штирнера хочетъ вести войну противъ всѣхъ, вѣруя, что въ этомъ не борьба смерти, а борьба жизни и освобожденія? Вѣдь Штирнеръ говоритъ бѣдняку: „Вы станете свободными и имущими собственниками только тогда, если осмѣлитесь: возстаньте, сами постарайтесь возвысить свое положеніе": но въ то же время на вопросъ: какъ же быть тогда, когда неимущіе осмѣлятся, онъ отвѣчаетъ: „вопросъ этотъ равносиленъ требованію, чтобы я предсказалъ ребенку его будущность по расположенію тѣхъ звѣздъ, какія видны были въ моментъ его рожденія. Что станетъ дѣлать рабъ, когда онъ разобьетъ свои оковы, — это будетъ тамъ видно". Перспектива — не утѣшительная. . . .

Яростный поклонникъ Штирнера Д. Г. Маккэй пишетъ: „подъ вліяніемъ Штирнера распрямляются согбенныя спины. Онъ вкладываетъ мечь въ ослабѣвшія руки. Благодаря ему мы лишены вѣры, но за то обладаемъ теперь у в ѣ р е н н о с т ь ю. Онъ напомнилъ намъ о нашихъ собственныхъ интересахъ, интересахъ обыденныхъ и личныхъ, исключительныхъ. Онъ зоветъ насъ слѣдовать имъ вмѣсто того, чтобы жертвовать собой для идеальнаго, святого, чужого, для общаго блага. Онъ вернулъ намъ счастье жизни, казалось, навсегда нами утерянное. Онъ вскрылъ намъ сущность правового государства, соціалистическаго общества, сущность человѣчества въ представленіи гуманистовъ и мы увидѣли въ нихъ преграду нашей самобытности. Онъ разрушилъ авторитеты, господствующую волю большинства, волю массы и ея привилегіи: и на мѣсто гражданина, рабочаго, человѣка встало Я. Духъ отрицанія смѣнился живымъ созданіемъ" [1]).

Какъ видимъ, разумная личность Прудона устраняетъ государство, право и проч. во имя всеобщей истины и

1) Маккэй, l., см. стр. 147—8.

справедливости, Я — Штирнера провозглашаетъ борьбу эгоизма, силы и самобытности, утверждая, что если всѣ будутъ одинаково эгоистичны и самобытны, всѣ будутъ равны и счастливы; и оба одинаково не правы . . .

Самоопредѣленіе личности, забота о ней — великое дѣло. но общество развѣ оно не имѣетъ своей силы, своего закона? Штирнеръ кончилъ свою жизнь жалкимъ паріемъ, забытымъ, заброшеннымъ, угнетеннымъ. Какъ бы ни сильна была личность, но она не можетъ жить внѣ общества и полнаго равенства личностей, а, слѣдовательно, и равновѣсія въ ихъ борьбѣ быть не можетъ; столкновеніе личностей со всѣми ихъ свойствами, какъ съ ихъ альтруистическими, такъ и эгоистическими наклонностями не можетъ не вести къ стремленію урегулировать общую и личную жизнь, но полное освобожденіе „я“ также утопично, какъ и отвратительно полное подчиненіе „я“ обществу.

Найти рѣшеніе всей этой проблемы т. е. согласовать интересы личности и общества — великая задача будущаго: неоцѣнимая заслуга всякаго индивидуализма: и буржуазнаго, и анархическаго — въ этомъ опасеніи за право личности предъ надвигающимся призракомъ обыкновеннаго большинства. Законодатели революціи 1789 г. не были такъ наивны, какъ думаетъ Прудонъ; они знали, что дѣлали: впервые провозгласивъ начала народнаго суверенитета въ политической области, въ частной собственности личности они искали противовѣса деспотизму большинства: и въ этомъ отношеніи заслуга великой декларація правъ 18-го вѣка никогда не будетъ забыта[1]).

Какія силы найдетъ человѣчество для урегулированія правъ надъ личностью, если когда либо политическій суверенитетъ народа приведетъ къ упраздненію частной собственности, это покажетъ лишь будущее. Быть можетъ предъ нами эпоха глубокаго кризиса, демагогіи и, только переживъ ее, человѣчество создастъ новыя учрежденія, которыя принесутъ

---

1) Извѣстный Дайси справедливо замѣчаетъ: „какъ бы по самому своему существу ни была логически нелѣпа доктрина естественныхъ правъ 18-го вѣка, но она имѣетъ значеніе, ибо полагаетъ нѣкоторый предѣлъ деспотизму большинства. Безъ всякаго сомнѣнія эта доктрина представляетъ собой весьма слабую защиту противъ проявленій народной тираніи. Французская декларація правъ не спасла ни одного изъ тысячъ тѣхъ гражданъ, которые пали жертвами революціоннаго трибунала. Американская декларація правъ не дала свободы ни одному негру. Но эти примѣчательные документы были все таки формальнымъ провозглашеніемъ того, что верховная власть не можетъ обращать силу въ право. И безъ сомнѣнія они оказали вліяніе на общественное мнѣніе. Во Франціи декларація правъ поддерживала убѣжденіе, что національное собраніе не должно обладать безграничной властью; нѣкоторыя статьи американской конституціи, проникнутыя духомъ деклараціи, служили поддержкой для индивидуальной свободы“. . . .

свѣжій разцвѣтъ жизни, большее счастье и спокойствіе. Частная собственность была и до сихъ поръ является могущественнымъ средствомъ соподчиненія людей, какъ это понялъ еще Смитъ, и отчасти противовѣсомъ противъ возрастающей власти государства. Чистый анархизмъ навсегда останется утопіей, но это не мѣшаетъ намъ понимать двѣ его особенности, несомнѣнно имѣющія историческое значеніе.

Прудонъ, какъ мы выше отмѣтили, рѣзко и рѣшительно протестуетъ противъ государства, какъ власти, опирающейся на организованное меньшинство или даже на большинство. Въ эпоху, когда вся соціальная атмосфера была проникнута раціонализмомъ индивидуалистической доктрины, онъ пытается создать свой новый „соціальный раціонализмъ." Онъ старается найти основы той высшей справедливости, которой должны подчиниться и индивидъ, и общество, и государство, поскольку онъ сохраняетъ его, какъ проэктированная имъ федеральная организація. Если бы современные представители идеалистической доктрины, и въ особенности сторонники новаго естественнаго права, болѣе были знакомы съ экономической доктриной, они видѣли бы въ Прудонѣ своего перваго учителя.

Другая сторона анархическихъ ученій не менѣе важна, хотя имѣетъ уже болѣе подчиненный характеръ. Мы знаемъ, что средневѣковая жизнь характерна по своей раздробленности власти. Она основана на соединеніяхъ, корпоративныхъ союзахъ, колеблющихся договорахъ. Система естественной свободы хотѣла противопоставить личность непосредственно государству, уничтоживъ право союзовъ для защиты своихъ общихъ экономическихъ интересовъ. Она стремилась вручить государству только охрану собственности, договоровъ и властное завѣдываніе лишь „общими" интересами людей. Средина и конецъ 19-го вѣка стали все болѣе и болѣе расширять это понятіе „общихъ интересовъ" и государство мало по малу стало обнаруживать тенденцію сдѣлаться владыкой всей нашей политической и экономической жизни. Этотъ процессъ расширенія государственнаго вмѣшательства въ экономическую и соціальную жизнь несомнѣнно пока задерживается тѣмъ, что представительство въ парламентахъ принадлежитъ еще владѣющимъ классамъ, что власть и ея бюрократія принадлежатъ къ тому же классу. Прудонъ, чувствуя приближеніе господства демократіи, боится этого наростающаго вліянія государства. Немудрено поэтому, что его такъ ненавидѣлъ Марксъ. Марксъ и всѣ его продолжатели „централисты" по убѣжденіямъ, государственники, вѣрующіе въ благодѣтельность всенароднаго суверенитета и его основы всеобщаго избирательнаго права.

Анархизмъ федералистиченъ, онъ какъ бы стремится

къ новому возрожденію средневѣковаго строя самоуправляющихся союзовъ и индивидовъ[1]). Въ *договорѣ* Прудонъ, его сподвижники и продолжатели видятъ замѣну *закона*. Безъ конца, напр., и Штирнеръ твердитъ, что „государство священно, ассоціація же, будучи моимъ созданіемъ, лишена какой либо священной власти и по отношенію ко мнѣ. Вступая въ ассоціацію съ другими людьми, я жертвую лишь частью своей свободы, но не для всеобщаго благосостоянія, а лишь для личнаго блага.“ Въ этой проповѣди ассоціаціи и договора есть часть истины, но еще больше утопизма. Развитіе союзныхъ началъ необходимо, оно совершается все сильнѣе на нашихъ глазахъ, но полное раздробленіе по ассоціаціямъ, какъ и въ средніе вѣка, можетъ еще болѣе, чѣмъ теперь, поработить личность. Безконтрольныя ассоціаціи путемъ свободнаго договора, а также и отдѣльныя индивиды путемъ того же договора могутъ создать такое рабство, о которомъ и не снилось современному государству. Кажущаяся свобода вступленія и выхода изъ такихъ ассоціацій и договоровъ можетъ обратиться въ фикцію, въ насмѣшку надъ человѣческой личностью. Эта свобода и благодѣтельность договора предполагаетъ полное преобразованіе человѣческой природы, о которомъ, какъ указано, и говоритъ Прудонъ. Но кто заставитъ насъ вѣрить въ это райское время, когда восторжествуетъ разумъ и справедливость надъ невѣжествомъ и зломъ?

Вѣра въ великое соціальное значеніе государства была сильно поколеблена въ эпоху первой французской революціи. Въ періодъ революціи 1848 г. партія Луи Блана опять обновила эти надежды и ученія Прудона считались ею глубоко противорѣчащими интересамъ начинавшаго организовываться пролетаріата; слѣдуетъ признать, что ученія его въ эпоху второй Имперіи какъ бы свидѣтельствовали снова о признанной безплодности надеждъ путемъ политической реформы обновить соціальный строй общества. Въ наши дни (въ ученіи такъ называемыхъ революціонныхъ синдикалистовъ) оживленіе интереса къ идеямъ Прудона вызывается, наоборотъ, вновь возродившимися надеждами съорганизовавшихся профессіональныхъ союзовъ рѣшить соціальный вопросъ внѣ политической диктатуры пролетаріата путемъ всеобщей стачки и самопроизвольной организаціи рабочаго класса, перестающаго вѣрить въ эволюціонизмъ политической соціалъ-демократіи. Какъ извѣстный показатель настроенія народныхъ массъ ученія Прудона

---

1) Любопытно отмѣтить, что, совершенно не зная русской общины, Прудонъ былъ ея защитникомъ. Онъ думалъ, что рѣшенія ея основаны на договорѣ, а не опредѣленіяхъ по большинству голосовъ.

имѣютъ, поэтому, большое значеніе: это тотъ революціонный ферментъ, который начинаетъ усиленно дѣйствовать во всѣ эпохи, когда по тѣмъ или другимъ причинамъ, вѣра въ соціальное значеніе государства начінаетъ колебаться[1]).

Проф. Адольфъ Вагнеръ[2]) признаетъ, что трактатъ о собственности Прудона составляетъ эпоху въ экономической литературѣ. По его справедливому мнѣнію, Прудонъ первый, быть можетъ, невольно, панесъ рѣшительный ударъ всѣмъ попыткамъ обосновать собственность, исходя изъ какихъ бы то ни было общихъ принциповъ. Вагнеръ раздѣляетъ изученіе вопроса о собственности на два необходимо различныхъ вопроса: 1) о собственности на землю и дары природы и 2) о собственности на продукты, созданные изъ наличнаго матеріала человѣческимъ трудомъ: онъ пересматриваетъ множество остроумныхъ, діалектически-построенныхъ юристами теорій и, въ результатѣ, выводы его не утѣшительны. Въ самомъ дѣлѣ, уже въ аргументаціи Прудона ясно намѣчены четыре теоріи, которыя повторялись въ литературѣ безконечное число разъ. Одна теорія обосновываетъ собственность на законѣ, другая — на природѣ человѣка или на молчаливомъ и опредѣленно выраженномъ соглашеніи всѣхъ членовъ общества, третья — на трудѣ, четвертая на оккупаціи. Противъ каждой изъ этихъ теорій представитель „соціальной точки зрѣнія“ можетъ сдѣлать возраженія, и они будутъ неопровержимы, если его „соціальная точка зрѣнія“ пріемлется, какъ нѣчто заранѣе доказанное, справедливое, вѣрное. Но и представитель соціальной точки зрѣнія не убѣдитъ индивидуалиста[3]). Такъ легальная теорія

1) О синдикалистахъ см. Ж. Сорель. Соціальные очерки современной экономіи. Дегенерація капитализма и соціализма, р. пер., Москва, 1908 г. Лагардель. Всеобщая стачка, р. пер., 1907 г. Полемическая книга марксиста Н. Стрѣльскаго. Новая секта въ рядахъ соціалистовъ, Москва, 1908 г.

2) Grundlegung der Politischen Oekonomie, 3. Auflage, II Theil, стр. 230—231 и слѣд.

3) Сравни выше ученіе физіократовъ и Мальтуса, стр. 159 и сл., 214, 186 и слѣд. Наиболѣе интересными сочиненіями о собственности съ индивидуалистической точки зрѣнія являются: 1. A. Thiers. De la propriété, Bruxelles, 1848 и на русскомъ языкѣ 2. проф. Б. Н. Чичеринъ: Собственность и государство, 2 тома, 1882—83 г. Чичеринъ наиболѣе видный представитель русскаго либерализма, яростный врагъ соціализма, всю свою жизнь доказывавшій, что формальное равенство передъ закономъ составляетъ требованіе свободы; матеріальное же равенство состояній противорѣчитъ свободѣ. Эта послѣдняя необходимо ведетъ къ неравенству состояній, ибо при неравенствѣ матеріальныхъ и умственныхъ силъ и способностей людей, при безконечномъ разнообразіи ихъ наклонностей и условій, среди которыхъ они живутъ и дѣйствуютъ, результаты ихъ дѣятельности, а, слѣдовательно, собственность вообще и капиталъ не могутъ быть равны. Всякое посягательство на собственность со стороны государства, по его мнѣнію, за исключеніемъ дѣйствительной нужды и

обосновываетъ собственность на существованіи закона, но послѣдній во всякій моментъ можетъ быть видоизмѣненъ, разъ мы только признаемъ за организованнымъ обществомъ право безусловной трансформаціи всѣхъ законовъ въ интересахъ общественнаго блага. Выводить обоснованіе собственности изъ самаго существа и природы самоопредѣляющейся свободной личности, изъ природы человѣка и его естественныхъ правъ также мало убѣдительно, ибо противники индивидуализма съ такимъ же основаніемъ выводятъ требованіе общей собственности изъ понятія человѣчества и необходимости обезпеченія всѣмъ и каждому равныхъ правъ на жизнь и счастье.

Теорія соглашенія основана на никогда не существовавшемъ фактѣ, на фикціи, и, кромѣ того, ничего не говоритъ о мотивахъ, приведшихъ къ такому соглашенію. При ближайшемъ же анализѣ можетъ оказаться, что даже при признаніи наличности соглашенія (напр. при возникновеніи феодальной собственности, см. стр. 94—96) мотивы его могутъ потерять всякое значеніе съ видоизмѣненіемъ общественныхъ условій. Прудонъ, какъ мы видѣли, считаетъ отказъ отъ собственности однихъ безъ соотвѣтствующаго эквивалента — отказомъ отъ человѣческаго достоинства и свободы. Оккупаціонная теорія грѣшитъ тѣмъ, что одинъ изъ способовъ пріобрѣтенія имущества принимаетъ за принципъ собственности, совершенно игнорируя вопросъ о правѣ всѣхъ другихъ членовъ общества, не имѣвшихъ возможности воспользоваться этимъ правомъ. Трудовая теорія собственности провозглашаетъ право индивида на полный продуктъ своего труда, но она, прежде всего, не приложима къ землѣ, ибо таковая вовсе не является продуктомъ труда, а во вторыхъ, какъ мы видѣли, всякій продуктъ въ условіяхъ раздѣленія труда явля-

---

не иначе, какъ за справедливое вознагражденіе, есть отрицаніе пріобрѣтеннаго права — насиліе. Такъ какъ будущее можетъ быть только расширеніемъ свободы, а не ея стѣсненіемъ, то Чичеринъ утверждаетъ, что мы можемъ ожидать не стѣсненія, а утвержденія собственности (сравни прим. стр. 359 слова проф. Дайси!). Я не безъ основаній, прежде всего попросилъ васъ переглядѣть страницы Мальтуса. Многое г. Чичеринъ повторяетъ почти буквально. Такъ, по его мнѣнію, „злоупотребленія правомъ собственности ничего не доказываютъ, ибо свобода добра необходимо связана съ свободой зла. Право собственности, несмотря на всѣ ограниченія при его осуществленіи, есть „частное" право, а не государственное. Поэтому свобода договоровъ опредѣляется формой ихъ заключенія, а не содержаніемъ. Если бы государство задумало нормировать содержаніе всѣхъ договоровъ, то оно стало бы опекуномъ всѣхъ и каждаго и всѣ частныя отношенія исчезли бы. Свобода человѣка простирается не только на настоящее, но и на будущее. Все человѣческое развитіе основано на этой заботѣ человѣка о будущемъ, а потому нарождающеесь поколѣніе должно даромъ получать наслѣдство своихъ отцовъ".

ется результатомъ массы неизмѣримыхъ дѣятельностей и, притомъ, не можетъ появиться внѣ участія другихъ производительныхъ факторовъ. Продуктъ оказывается результатомъ всего соціальнаго производства и притомъ при участіи неравныхъ производительныхъ силъ: земли, капитала, и труда.

Выводы, къ которымъ пришелъ Адольфъ Вагнеръ при критикѣ этихъ теорій, не утѣшительны. Онъ пишетъ: „Институтъ частной собственности и различныя категоріи частной собственности, такимъ образомъ, не могутъ быть обоснованы на какихъ нибудь простыхъ естественныхъ основаніяхъ. Эти учрежденія созданы правообразованіемъ, подъ вліяніемъ соображеній цѣлесообразности и справедливости. Они, слѣдовательно, „исторически" объясняются и „телеологически" оправдываются .... Въ частной собственности мы, поэтому, имѣемъ дѣло не съ естественно-необходимой, безъ дальнѣйшаго изъ природы человѣка вытекающей категоріей, не съ чисто-экономической категоріей, о которой можно было бы сказать, что безъ нея невозможно было бы правильное удовлетвореніе потребностей, немыслимо было бы существованіе хозяйства, а только съ исторической категоріей ... Частная собственность на землю и капиталъ, какъ явленія, вытекающія изъ экономической цѣлесообразности, не могутъ разсматриваться, какъ вѣчныя учрежденія права и народнаго хозяйства. Именно „историческое" изслѣдованіе, въ отличіе отъ „абстрактнаго", должно это признать, если оно не хочетъ впасть въ противорѣчіе съ самимъ собою. Руководящія соображенія цѣлесообразности видоизмѣняются или даже совершенно отпадаютъ съ общимъ историческимъ видоизмѣненіемъ совмѣстной общественной жизни людей, съ увеличеніемъ плотности населенія, съ измѣненіемъ техники производства, обращенія. Отсюда получается постулатъ: не остановка въ развитіи, но дальнѣйшее цѣлесообразное преобразованіе всего института собственности по мѣрѣ измѣнившихся потребностей и вновь признанныхъ народно-хозяйственныхъ функцій современнаго права."

Близкій къ Вагнеру, сторонникъ соціально-этическаго же правленія и авторъ сочиненія о Прудонѣ, проф. Диль [1]) признаетъ вмѣстѣ съ нимъ непригодность всѣхъ абстрактныхъ теорій о собственности и замѣчаетъ: „исторія земельной собственности показываетъ, что по своему историческому происхожденію она основывается не только на народно-хозяйственныхъ и соціально-политическихъ соображеніяхъ цѣлесообразности, но „и на подчиненіи и насиліи."

Слѣдуетъ обратить вниманіе на слова А. Вагнера:

1) Karl Diehl. Proudhon, l. c., стр. 33—51, 36.

„исторически объясняются и телеологически оправдываются“. Что означають они, вѣрны ли одинаково обѣ половины этой фразы? Вагнеръ несомнѣнно правъ, что происхожденіе института собственности мы можемъ объяснить, только исторически изслѣдовавъ всю совокупность причинъ, которыя обусловили появленіе этого института и его послѣдовательное видоизмѣненіе. Столь же несомнѣнно, однако, что Вагнеръ не правъ, когда говоритъ, что собственность телеологически оправдывается. Въ каждую историческую эпоху тѣ или другія условія жизни общества, тѣ или другія системы цѣлей организованнаго хозяйства дѣлають *необходимымъ* существованіе института собственности въ томъ или другомъ видѣ. Признаніе же необходимости того или другого института — вовсе не есть оправданіе его. Рабство, дѣтоубійство, убійство стариковъ, крѣпостное право были исторической необходимостью и задача науки вовсе не заключается въ оправданіи или осужденіи этихъ институтовъ, а въ выясненіи тѣхъ условій, которыя дѣлали ихъ необходимыми. Уже во введеніи я указалъ, какъ опасенъ аналитическій методъ изслѣдованія (см. стр. 75, прим.). Представители германской исторической школы нерѣдко впадали въ ту-же ошибку, пользуясь этимъ методомъ, какъ и представители индивидуалистической школы.

Такимъ образомъ, оставивъ чисто абстракныя точки зрѣнія намъ придется еще вернуться къ попыткамъ историческаго объясненія этого института. Историческое объясненіе института собственности, какъ мы увидимъ ниже (см. гл. VIII), привело къ стремленію создать такъ называемую „соціальную политику“ т. е. систему мѣръ для видоизмѣненія соціальныхъ институтовъ ко благу всего общества и составляющихъ его индивидовъ. Среди этихъ „соціальполитиковъ“ дѣйствительно оказалось много людей, пытавшихся „оправдать“ существованіе тѣхъ или другихъ институтовъ. Но не мало есть и такихъ, которые стараются выяснить лишь тѣ условія, которыя въ данную эпоху дѣлають существованіе этихъ институтовъ необходимыми. При анализѣ системы Родбертуса и Маркса мы ознакомимся ближе, какъ съ критикой существующаго режима собственности, такъ и съ его положительными результатами. Не мѣшаетъ, однако, и теперь указать, что абстрактная критика всегда — дѣло очень легкое; діалектическая борьба аргументами, однако, не представляетъ собою положительнаго творчества. Это послѣднее должно считаться съ сложившимися учрежденіями, которыя соотвѣтствуютъ среднему уровню культуры и экономики общества. Процессъ перерожденія жизни, развитія производительныхъ силъ, также какъ и перевоспитанія людей совершается очень медленно.

Движеніе человѣчества по пути прогресса идетъ съ громадными препятствіями и только постепенно . . .

Значеніе теоріи Прудона, однако, очень велико. Оставаясь неудачникомъ-организаторомъ, онъ соединилъ въ себѣ многообразныя теченія своего времени: — философію французской революціи и ученія тогдашнихъ нѣмецкихъ, французскихъ историковъ и моралистовъ. Въ его системѣ видны слѣды знакомства съ Кантомъ, Гегелемъ, Фейербахомъ, Бутлеромъ, Гетчесономъ, С. Симономъ и О. Контомъ. Онъ былъ наиболѣе противорѣчивымъ и крупнымъ моралистомъ нарождающагося соціализма; какъ ни сильна была попытка К. Маркса матеріализировать это ученіе, въ конечномъ результатѣ, и она потерпѣла неудачу.

Нельзя, однако, не имѣть въ виду, что анархическій индивидуализмъ, какъ эгоизма, такъ и справедливости, своей проповѣдью полнаго самоопредѣленія личности часто приводитъ къ самымъ дикимъ послѣдствіямъ. Безъ наличности суровой моральной дисциплины, безъ яснаго пониманія общихъ законовъ человѣческой жизни и природы человѣка, анархія обращается въ дикую, кровавую борьбу, самоопредѣленіе личности — въ ея произволъ и самосудъ надъ другими людьми. Среди глубокой нищеты, среди безпросвѣтной жизни безработнаго пролетаріата, въ городскихъ трущобахъ голода и разврата анархизмъ часто находитъ наибольшее число поклонниковъ такъ называемой „проповѣди дѣйствіемъ" т. е. преступленіями. Цитируя слова нѣкоторыхъ анархистовъ-практиковъ Цокколи пишетъ: „ихъ холодныя и спокойныя слова производятъ ужасное впечатлѣніе и прямо отдаютъ запахомъ крови; мы убѣждены, что насъ отъ авторовъ такихъ строкъ отдѣляетъ глубокая моральная пропасть".

b) Система Жана Жозефа Луи-Блана (1811—1882) не требуетъ такихъ пространныхъ комментаріи, какъ система С. Симона и Прудона. Соціализмъ Луи Блана не особенно интересенъ, если его изучать, какъ особую систему. Соціализмъ этого писателя,. обладавшаго блестящимъ литературнымъ талантомъ, выросъ среди бурнаго, исполненнаго драматизма и надеждъ движенія 1848 г. Система Луи Блана такъ-же неполна, какъ неопредѣленны были желанія пролетаріата, который въ теченіе 50 лѣтъ послѣ великой революціи переживалъ всѣ бѣдствія вновь упрочивающейся системы естественной свободы и жадно прислушивался къ проповѣди организаторовъ труда и революціонеровъ, доказывавшихъ, что дѣло великой революціи осталось незаконченнымъ. Совершенно то-же настроеніе, которое создалось въ Англіи подъ вліяніемъ проповѣди Оуенитовъ и вообще соціальныхъ кооператоровъ, образовалось и во Франціи.

вѣрилось въ близкое наступленіе соціальнаго блаженства, но какъ оно должно осуществиться — въ сущности мало кто зналъ. Англійскій пролетаріатъ, какъ мы видѣли, все откладывалъ точное формулированіе своихъ требованій до момента полученія хартіи. Въ разгаръ борьбы соціальныя требованія были наивно формулированы, какъ возвратъ къ аграрному коммунизму. Хартія получена не была и настроеніе пролетаріата скоро и рѣзко видоизмѣнилось, приспособившись къ воззрѣніямъ партіи промышленниковъ-утилитаристовъ.

Во Франціи обстоятельства сложились нѣсколько иначе. Люди эпохи февральской революціи 1848 г. полагали, что наступило время для улучшенія судьбы пролетаріата путемъ примѣненія къ жизни новыхъ идей. Пролетаріатъ чувствовалъ, что его боятся и думалъ, поэтому, что ему что либо дадутъ. Всеобщее избирательное право, завоеванное противъ всякаго ожиданія въ теченіе нѣсколькихъ дней, отуманило голову соціалистически настроенныхъ вождей и на короткое время заставило многихъ думать, что наступаетъ соціальная эра. Соціалистическія требованія были предъявлены сразу, въ такой рѣзкой формѣ и въ такомъ рядѣ чисто теоретическихъ требованій, какъ, напр., право на полный продуктъ труда, что всѣ искренно были изумлены. Требованія были соціальны: они должны были испугать буржуазію. Интеллигенція пыталась найти какія либо среднія требованія, которыя могли бы примирить обѣ стороны. Луи-Блановскій соціализмъ представляетъ собою именно такую попытку въ бурную эпоху соціальнаго кризиса, не отрицая самыхъ отдаленныхъ идеаловъ, найдти какую либо возможную среднюю дорогу для даннаго момента. Луи Бланъ много говоритъ о противоположности интересовъ буржуазіи и пролетаріата, но полагаетъ въ то же время, что въ силу „роковаго хода прогресса“ буржуазія или, по крайней мѣрѣ ея наиболѣе просвѣщенная часть, должна содѣйствовать осуществленію нѣкоторыхъ переходныхъ соціалистическихъ мѣропріятій. Такая попытка компромисса всегда оканчивается неудачей въ революціонное время.

Соціалистическая демократія была взволнована, національныя мастерскія окончились полной неудачей, но привлекли въ Парижъ массу недовольныхъ и раздраженныхъ людей, которые хотѣли побѣдить силой; въ іюньскіе дни вся эта демократія была жестоко разбита генераломъ Кавеньякомъ. Попытка провозглашенія „диктатуры пролетаріата“ во имя интересовъ всего народа окончилась полнымъ пораженіемъ. Затѣмъ въ Наполеоновское царствованіе соціализмъ былъ подавленъ и соціалисты на ряду съ такими людьми, какъ Луи Бланъ были изгнаны.

Уже въ Англіи впослѣдствіи самъ Луи Бланъ написалъ „Исторію революціи 1848 года"[1]), въ которой онъ еще яснѣе, чѣмъ въ предшествовавшихъ своихъ трудахъ, опредѣлилъ свое положеніе. Въ интересномъ заключеніи этого труда онъ пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: „мысль о насиліи не приходила мнѣ на умъ. Я имѣлъ несчастіе навлечь на себя неразборчивую въ выборѣ средствъ, систематическую и безсовѣстную вражду: я послѣ революціи сдѣлался козлищемъ отпущенія, на котораго Израиль свалилъ всѣ прегрѣшенія свои. Эти знаменитыя „національныя мастерскія", изъ за которыхъ меня чуть не убили въ Парижѣ, не были ни моимъ твореніемъ, ни примѣненіемъ, хотя бы косвеннымъ, моихъ доктринъ, но исключительно созданіемъ враждебныхъ мнѣ членовъ Временнаго Правительства, такъ что я палъ жертвой самаго дерзкаго и самаго глубокаго обмана, который когда либо видѣлъ. Я говорилъ въ Люксембургскомъ дворцѣ: „Боже насъ сохрани считать равенство заработной платы полнымъ осуществленіемъ справедливости. Истина заключается въ слѣдующей формулѣ: пусть каждый производитъ по своимъ силамъ и способностямъ, пусть каждый потребляетъ по своимъ потребностямъ . . . Я всегда проповѣдывалъ не абсолютное равенство, а равенство пропорціональное, единственно дѣйствительно согласующееся съ законами справедливости и природы. Но нами это ученіе можетъ быть осуществлено только тогда, когда производство и всѣ силы будутъ собраны въ коллективное цѣлое и тогда для потребленія всѣ продукты будутъ поступать въ общее пользованіе: такъ какъ, съ другой стороны, нельзя перейти сразу отъ зла къ добру, отъ режима абсолютнаго безпорядка къ режиму полной гармоніи, я провозгласилъ этотъ принципъ, не вѣруя въ возможность его немедленнаго примѣненія, но самаго принципа я никогда не скрывалъ".

Луи Бланъ даетъ самъ себѣ наилучшую характеристику. Онъ врагъ насилія, религіозный человѣкъ, вѣрующій, что когда то наступитъ всеобщее коммунистическое братство: онъ хочетъ, однако, убѣдить всѣхъ, что въ переживаемую эпоху надо найти какую то среднюю дорогу во имя интересовъ всѣхъ классовъ общества.

---

1) Эта любопытная книга: „Исторія французской революціи 1848 г." переведена нынѣ на русскій языкъ: къ ней приложена статья г. Колбасина о Луи Бланѣ. Изд. Общественной пользы, Спб. 1907 г. см. стр. 540—674, 673. Луи Бланъ ждетъ еще своего новѣйшаго изслѣдователя: нынѣ имѣется два спеціальныхъ сочиненія на иностранныхъ языкахъ о Луи Бланѣ: Robin, Louis Blanc (1851 г.) O. Warschauer, L. Blanc (1896 г.) Брошюра Жуковскаго: Прудонъ и Луи Бланъ устарѣла: краткое изложеніе П. Луи, Соціализмъ во Франціи (1906 г.).

Луи Бланъ[1]) — убѣжденный государственникъ. Онъ съ необыкновенной энергіей полемизировалъ противъ Прудона. „Да, писалъ онъ, государство и свобода, это соотносительные термины . . . Одинаковыя ли способности у всѣхъ людей? Равны ли они по силѣ и уму? Нѣтъ. Что произойдетъ, если болѣе сильному и умному позволятъ препятствовать развитію способностей менѣе сильнаго и менѣе умнаго? Произойдетъ то, что свобода окажется уничтоженной. Какъ же помѣшать этому преступленію? Отдѣлить угнетеннаго отъ угнетателя всей силой народа, какъ стѣной. Какимъ же образомъ проявится вмѣшательство общества? Чрезъ посредство тѣхъ лицъ, которыхъ оно сдѣлаетъ своими представителями. Но кто эти представители общества, эти слуги народа? Государство. Итакъ, государство въ данномъ случаѣ ничто иное, какъ само общество, дѣйствующее въ качествѣ общества, чтобы помѣшать . . . чему? Угнетенію. Чтобы поддержать . . . что? Свободу. Итакъ, требовать упраздненія государства даже въ томъ случаѣ, когда оно выражаетъ лишь власть *Всѣхъ* по отношенію къ *Каждому*, значитъ требовать расторженія общества, какъ таковаго, значитъ выдавать ласточекъ хищнымъ птицамъ, значитъ стараться, чтобы всегда были эксплоататоры и эксплоатируемые, богатые и бѣдные, это значитъ водворять тиранію посредствомъ всеобщаго безпорядка, значитъ не только покидать путь соціализма, но проповѣдывать индивидуализмъ въ самой необузданной формѣ, это значитъ идти прямымъ путемъ къ разрушенію свободы“.

Въ своемъ наиболѣе краснорѣчивомъ произведеніи „Организація труда“ онъ и выступаетъ какъ такой прогрессистъ „Христіанство, по его мнѣнію, отдѣлило душу отъ тѣла, тогда какъ ихъ никогда не слѣдуетъ раздѣлять. Когда поражено тѣло, развѣ душа не страдаетъ? Поэтому формула прогресса двойственна въ своемъ единствѣ“.

„Цѣлью прогресса, по его мнѣнію, является усовершенствованіе судьбы всѣхъ людей въ матеріальномъ и духовномъ отношеніи черезъ свободное соперничество всѣхъ и братскую соціализацію взаимныхъ связей. Признавъ право на трудъ, мы, по его убѣжденію, еще мало сдѣлаемъ для справедливости и для осуществленія идеала братства останется долгій путь. Люди, рождаясь, пріобрѣтаютъ право на существованіе. Способность работать является средствомъ для осуществленія права на бытіе. Стоитъ поставить открыто вопросъ: могутъ ли немногіе завладѣть всѣми источниками производства, обратить всѣхъ въ рабство и заставить умирать съ голода, чтобы былъ возможенъ единственный от-

1) См. Исторія революціи 1848 г. рус. пер., приложеніе, стр. 599—600.

вѣтъ: нѣтъ, не могутъ. Система индивидуальнаго соперничества, которая не даетъ возможности работнику трудиться или оплачиваетъ его впроголодь, — источникъ всѣхъ страданій человѣчества, и ее слѣдуетъ замѣнить системой братской солидарности."

Въ томъ же сочиненіи[1]) онъ старается доказать, что система соперничества вредна для самой буржуазіи: она приводитъ къ ея обѣдненію и погибели. Какія же вредныя стороны конкурренціи такъ пагубны? И Р. Оуенъ, и С. Симонъ и Прудонъ излагали вредныя послѣдствія конкурренціи, но Луи Бланъ изобразилъ ихъ наиболѣе кратко и картинно. Всѣ послѣдующіе соціалисты пользовались его критикой.

По мнѣнію Луи Блана, школа Смита и Сэ видитъ главное достоинство конкурренціи въ томъ, что она создаетъ дешевизну товаровъ. „Дешевизна, однако, исключительно приноситъ пользу только потребителямъ; среди же производителей она порождаетъ полнѣйшую анархію. Дешевизна является орудіемъ, которымъ болѣе богатые производители убиваютъ менѣе благопріятно поставленныхъ. Дешевизна — это яма, при посредствѣ которой дерзкіе спекулянты истребляютъ прилежныхъ рабочихъ. Дешевизна — это медленная смерть для фабриканта, который не имѣетъ средствъ пріобрѣсти дорогую машину, которую могутъ купить его соперники. Дешевизна — это засада, въ которой скрывается монополія; она похоронный колоколъ для средней промышленности и торговли, для средней собственности; однимъ словомъ, она представляетъ собой уничтоженіе буржуазіи ко благу немногихъ промышленныхъ владыкъ. „Дешевизна при системѣ конкурренціи, однако, держится только до той поры, пока длится борьба; какъ только соперникъ побѣжденъ, побѣдитель поднимаетъ цѣны. То, что было орудіемъ борьбы между производителями, рано или поздно приводитъ къ обѣдненію потребителей. Сумятица, которая является слѣдствіемъ всеобщей борьбы, не даетъ возможности отдѣльному производителю знать условія рынка. Пребывая въ неизвѣстности, производитель въ сбытѣ своихъ продуктовъ зависитъ только отъ случая . . . Долженъ-ли производитель ограничивать свое производство, если онъ въ состояніи переложить свои потери на необыкновенно гибкую заработную плату рабочихъ? Мы видимъ, что фабриканты, несмотря на свои потери, продолжаютъ работать, что они не желаютъ утратить цѣнность своихъ машинъ, своихъ орудій, своихъ матеріаловъ, лишиться остатка своихъ покупателей. Конкурренція

---

1) См. болѣе доступный нѣмецкій переводъ — Organisation der Arbeit, Berlin, 1899 г. стр. 72.

толкаетъ производство къ возрастанію и потребленіе къ уменьшенію. Въ этой борьбѣ фабрики побѣждаютъ ремесла, крупные торговые дома высасываютъ мелкихъ торговцевъ; ремесленникъ замѣщается простымъ работникомъ: сельское хозяйство съ плугомъ побѣждаетъ сельскаго хозяина съ лопатой, конкурренція отдаетъ землю мелкаго собственника въ руки ростовщика; благодаря расширенію кредита промышленность обращена въ азартную игру. Конкурренція возбуждаетъ зависть, ненависть, стремится подавить всѣ благородныя чувства и всѣ источники вѣры, самопожертвованія и поэзіи . . ."

Внимательно вчитавшись въ эти слова Луи Блана, не трудно замѣтить, что конкурренція, по его мнѣнію, ведетъ къ побѣдѣ крупнаго производства надъ мелкимъ и, въ концѣ концовъ, приводитъ къ монополіи крупнаго капитала, который, какъ бы самою силою вещей, начинаетъ производить все большія массы товаровъ, не имѣя силъ остановить потока производства . . . Ту-же картину впослѣдствіи рисовалъ и К. Марксъ. Совершенно такъ же, какъ и Марксъ, Луи Бланъ является горячимъ защитникомъ крупнаго производства въ земледѣліи, промышленности и крупной торговли, какъ наиболѣе производительныхъ системъ хозяйства.

По его убѣжденію, Сэнъ Симоновская система раздѣленія общественно-добытаго продукта согласно труду и обнаруженнымъ имъ способностямъ: „à chacun selon sa capacité, à chaque capacité selon ses oeuvres" болѣе, чѣмъ опасна: „она грѣшна". Луи Бланъ признается, что въ первомъ изданіи своей брошюры объ организаціи труда онъ высказывался за равенство заработныхъ платъ и за равный раздѣлъ прибыли. Возражая Мишелю Шевалье въ одной изъ своихъ газетныхъ статей онъ заявляетъ, что, такъ какъ люди имѣютъ разныя способности и разныя потребности, такъ какъ жизнь общества дѣлается возможной, только благодаря наличности разнообразныхъ дѣятельностей, было бы „сумасбродствомъ проповѣдывать всеобщее равенство" . . . Система неравенства заработныхъ платъ, по мнѣнію Луи Блана, наиболѣе соотвѣтствуетъ нашимъ обычаямъ и всей совокупности распространенныхъ среди общества идей. Въ основу промышленной организаціи и слѣдуетъ положить временно, по чисто практическимъ соображеніямъ, систему неравенства заработныхъ платъ, соединенную съ равнымъ раздѣломъ прибыли. Луи Бланъ, подобно всѣмъ класическимъ экономистамъ, убѣжденъ, что во всѣхъ предпріятіяхъ прибыль равна, что, какъ увидимъ еще, совершенно не вѣрно.

Практическія предложенія его сводились къ созданію министерства прогресса для производства хозяйственнаго переворота и постепеннаго мирнаго, спокойнаго устроенія

пролетаріата. Это министерство должно было: a) выкупить желѣзныя дороги и рудники; b) превратить французскій банкъ въ государственное учрежденіе; c) обратить въ государственныя учрежденія всѣ страховыя общества; d) создать для крупной и мелкой торговли особыя складочныя мѣста для храненія товаровъ и для выдачи подъ хранимыя товары бумажныхъ денегъ. Доходы отъ этихъ учрежденій должны создать бюджетъ этого министерства, который и будетъ бюджетомъ труда. Чистый доходъ этихъ учрежденій онъ предлагаетъ тратить на организацію промышленныхъ и земледѣльческихъ товариществъ; государство должно давать имъ ссуды для пріобрѣтенія капитала. Каждая изъ этихъ ассоціацій, за вычетомъ заработной платы[1]), процентовъ на капиталъ, издержекъ по поддержанію инвентаря и матеріала, оставшуюся часть чистаго дохода должна тратить такъ: $^1/_4$ на погашеніе ссуженнаго государствомъ капитала, $^1/_4$ на организацію кассы для старыхъ, больныхъ и несчастныхъ, $^1/_4$ для распредѣленія между рабочими, какъ прибыль, $^1/_4$ для образованія резервнаго фонда. Эта ассоціація представляетъ собой самоуправляющуюся мастерскую. Всѣ мастерскія одного промысла объединяются затѣмъ въ одно сообщество, чтобы создать солидарность между всѣми мастерскими. Это сообщество должно опредѣлить цѣнность производимаго товара по ея настоящей стоимости производства, принявъ во вниманіе и доходъ, который допустимъ по положенію дѣлъ всего мірового хозяйства. Такимъ образомъ установится надлежащая цѣна и конкурренція между мастерскими исчезнетъ.

Новаго во всемъ этомъ проэктѣ организаціи ассоціацій, какъ таковыхъ, очень мало. Интересная особенность этого проэкта заключается только въ требованіи созданія министерства труда, т.-е. въ „государственномъ“ характерѣ всей организаціи. Какъ увидимъ ниже, нѣмецкіе соціалъ-политики, воспользовавшись подобными предложеніями Лассаля, создали и разработали свою особую теорію государственнаго вмѣшательства въ промышленную жизнь и, въ частности, содѣйствовали организаціи государственныхъ предпріятій въ желѣзно-дорожномъ, страховомъ и банковомъ дѣлѣ.

---

1) По его мнѣнію, „слѣдовало бы установить во всѣхъ мастерскихъ одного рода не равную, а относительную заработную плату, такъ какъ матеріальныя условія существованія не вездѣ одинаковы“. Какъ поступать въ мастерскихъ разнаго рода, не слѣдуетъ ли дифференцировать плату и по другимъ соображеніямъ, Луи Бланъ опредѣленно не говоритъ.

ГЛАВА VI.

§ 1. Краткія замѣчанія о возникновеніи исторической школы въ Германіи и свободная торговля на континентѣ Европы. Фридрихъ Листъ и его университетскіе поклонники. § 2. Свободная торговля и положеніе Европы въ періодъ, послѣдовавшій за революціей 1848-го года и до 1880 г. Возрожденіе протекціонизма въ концѣ 19-го вѣка.

§ 1. Проф. П. И. Новгородцевъ въ своемъ сочиненіи „Историческая школа юристовъ, ея происхожденіе и судьба" (Москва, 1896 г.) прослѣдилъ тѣ вліянія, которыя создали школу Савиньи и Пухты. Онъ совершенно вѣрно отмѣтилъ что вліяніе философіи Шеллинга, Гегеля и романтической школы оказали громадное вліяніе на всю школу юристовъ-историковъ. Не слѣдуетъ, однако, думать, какъ это дѣлаетъ, напр., Д. К. Ингрэмъ [1]), что воззрѣнія исторической школы политической экономіи были „простымъ распространеніемъ на экономическія отношенія взглядовъ исторической школы въ юриспруденціи".

Философскія идеи Шеллинга, а въ особенности Гегеля, были восприняты наиболѣе радикальными экономистами непосредственно. Громадную роль въ дѣлѣ распространенія историческаго міросозерцанія сыгралъ и „Курсъ позитивной философіи" О. Конта, прочитанный имъ въ 1828—29 г. и отпечатанный въ 1830—1842 г. Французскій соціализмъ и коммунизмъ могущественно содѣйствовали распространенію идей, какъ этого писателя, такъ отчасти и Гегеля. Впервые въ 1843 г. нѣмецкіе университетскіе круги ознакомились съ французскимъ соціализмомъ въ своеобразномъ истолкованіи датчанина Лоренца Штейна, бывшаго потомъ профессоромъ Вѣнскаго унивирситета. Не слѣдуетъ игнорировать и то обстоятельство, что недовольство, вызванное господствомъ идей французской революціи, затѣмъ соціально-политическія событія во Франціи, Англіи и Германіи 1839—1848 г. оказали на всю германскую жизнь и науку болѣе сильное вліяніе, чѣмъ всѣ философскія теоріи.

Въ 1848 г. появилась любопытная книжечка Гильдебранда „Политическая экономія настоящаго и будущаго", [2]) которая въ значительной мѣрѣ опредѣлила содержаніе доктрины первыхъ представителей исторической школы. Съ

---

1) См. Исторія Пол. Экон. 2 изд., р. пер. проф. А. Н. Миклашевскаго, стр. 287. Въ этомъ моемъ переводѣ можно найти подробный перечень главнѣйшихъ произведеній писателей исторической школы.

2) См. р. пер. М. Щепкина, Москва, 1860 г.

1843-го года и В. Рошеръ выступилъ со своими чтеніями по новой исторической программѣ.

Достаточно заглянуть въ содержаніе книги Гильдебранда, чтобы видѣть тѣ первоисточники, изъ которыхъ главнымъ образомъ, первые германскіе представители исторической школы почерпнули свои идеи. Онъ разсматриваетъ ученіе Адама Смита и его школы, А. Мюллера и экономическій романтизмъ, ученіе Листа, доктрины французскихъ соціалистовъ, работу Энгельса: „О положеніи рабочихъ классовъ въ Англіи" и первыя сочиненія этого писателя и К. Маркса, помѣщенныя въ журналѣ Руге.

Въ этой книжечкѣ Гильдебрандъ правильно замѣчаетъ, что Листъ „побудилъ нѣмецкихъ экономистовъ къ изученію исторіи" и его по справедливости можно считать главнымъ столпомъ нѣмецкаго историзма перваго періода. Такимъ же столпомъ историзма въ Америкѣ былъ Г. Кэри. Очень любопытно отмѣтить, такимъ образомъ, что изъ рядовъ только что освободившейся обрабатывающей промышленности скоро выдвинулись протекціонисты во имя традицій исторіи.

Эта историческая школа усвоила себѣ три слѣдующихъ главныхъ положенія: 1) нѣтъ неизмѣнныхъ естественныхъ законовъ народнаго хозяйства; содержаніе экономической науки сводится къ изученію законовъ развитія; 2) всѣ хозяйственныя учрежденія имѣютъ относительное значеніе; всякія отвлеченныя теоріи несостоятельны; прежде чѣмъ строить теоріи, надо наблюдать; дедуктивный методъ классиковъ ведетъ къ опасному самообману чисто теоретическихъ абстрактныхъ конструкцій, которыми и воспользовались соціалисты. „Возводя частную выгоду на степень высшаго начала, писалъ Гильдебрандъ, Смитова школа порвала всякую связь между наукой и нравственной задачей человѣческаго рода... Если признать, что въ хозяйственной жизни народа вмѣстѣ съ эгоизмомъ господствуетъ духъ общественности.., то надо будетъ отвергнуть справедливость тѣхъ законовъ, которые основываются на исключительномъ господствѣ эгоизма, ибо своекорыстіе и духъ общественности не могутъ дѣйствовать рядомъ, какъ двѣ различныя силы, въ двухъ раздѣльныхъ областяхъ, и въ дѣйствительности должны, смотря по нравственному развитію общества и образованности народа, *дѣйствовать одна чрезъ другую въ различной степени*"; и 3) „національныя" особенности, какъ въ условіяхъ природы, такъ и въ характерѣ самого народа и его учрежденій составляютъ опредѣляющее начало въ хозяйственной жизни[1]).

1) Въ учебникѣ Г. Шмоллера вліяніе національныхъ и природныхъ

Заглянувъ въ ученіе Гильдебранда о частной собственности не трудно убѣдиться, что онъ утилитаристъ и въ этомъ ученіи вполнѣ примыкаетъ къ Мальтусу. По его мнѣнію „безъ частной собственности общество осталось бы безжизненной однородной массой, безъ индивидуальнаго разнообразія и развитія".

Идеализма эта школа не отрицала, но задачей науки она считала только указаніе того, какъ и почему „цѣлесообразное обратилось въ нелѣпое и изъ благодѣянія получилось бѣдствіе." Устами Рошера она провозгласила, что люди не ангелы, но и не дьяволы, что стремленіе къ высшему, неземному, какъбы ни называли его — идеею истины, правды, благополучія, совершенства или внутренней свободы или божественной любовью", присуще каждому человѣку, что законы и учрежденія существуютъ для народа, а не наоборотъ; но отъ идеалистическихъ конструкцій она отказалась, ибо, „хотя измѣняемость учрежденій и законовъ и не зло, которое должно-бы искоренять, но, однако, одного экономическаго идеала не можетъ быть для народовъ такъ-же, какъ и платье не шьется по одной мѣркѣ" [1]).

Книсъ въ своемъ сочиненіи: „Политическая экономія по историческому методу" (1853 г.) идетъ по той-же дорогѣ. При такой исходной точкѣ зрѣнія историки не могли создать какой-либо цѣльной системы. Ихъ задача въ наукѣ свелась къ накопленію матеріала, его систематизаціи, а въ практической политикѣ они были тѣмъ, что можно назвать „либеральными консерваторами," которые идутъ впередъ, но осторожно и робко.

Названныя имена въ исторіи политической экономіи заслуживаютъ упоминанія, ибо они были, несмотря на отсутствіе большой оригинальности, хорошими трудолюбивыми работниками и учеными съ большой эрудиціей, тогда какъ литература была, главнымъ образомъ, въ эпоху реакціи, наступившей послѣ 1848 г., захвачена публицистами манчестерскаго направленія. Болѣе внимательнаго изученія заслуживаетъ только Ф. Листъ, къ которому уже Книсъ въ своей книгѣ написалъ пространный комментарій, высчитывая всѣ выгоды и невыгоды протекціонизма для обрабатывающей промышленности [2]). Съ болѣе широкой постановкой историческаго міросозерцанія мы еще познакомимся ближе,

---

условій особенно подчеркнуто; тамъ же указана и литература, пытающаяся подойти къ изученію этихъ условій общественной жизни.

1) См. Рошеръ. Начала народнаго хозяйства, р. пер. Бабста, 1860 г. стр. 52—3.

2) Ту-же задачу защиты протекціонизма старался выполнить у насъ проф. Иванъ Янжулъ въ своемъ Курсѣ финансоваго права и въ многочисленныхъ мелкихъ статьяхъ.

изучая системы нѣмецкихъ соціалистовъ-эволюціонистовъ и и соціалъ-политиковъ.

Фридрихъ Листъ нѣмецкій ученый, патріотъ и публицистъ, одинъ изъ первыхъ по времени критиковъ А. Смита, ревностный партизанъ промышленной буржуазіи, апостолъ протекціонизма, человѣкъ бурной и несчастной жизни, родился въ небольшомъ швабскомъ городкѣ Рейтлингенѣ въ 1789 г. и былъ сыномъ зажиточнаго кожевника[1]). До 14 лѣтъ онъ учился въ латинской школѣ, но безъ особаго успѣха; профессія отца не пришлась ему по душѣ и онъ поступилъ на службу канцелярскимъ писцемъ. На 23-мъ году жизни попалъ въ Тюбингенъ въ канцелярію главнаго суда. Въ благопріятной обстановкѣ университетскаго города Листъ сталъ много работать надъ самообразованіемъ, посѣщалъ лекціи. Выдержавъ государственный экзаменъ, въ 1816 г. онъ сдѣлался секретаремъ министерства, затѣмъ старшимъ ревизоромъ. Въ 1817 г. либеральнымъ министромъ Вангенгеймомъ назначенъ профессоромъ государственной практики Тюбингенскаго университета. Реакція, наступившая въ Вюртембергѣ послѣ отставки Вангенгейма, отразилась на профессорскомъ положеніи Листа. Правительство поставило ему на видъ чрезмѣрную либеральность его взглядовъ. Въ 1819 г. по просьбѣ многихъ купцовъ, собравшихся въ Франкфуртѣ, онъ написалъ петицію союзному сейму объ отмѣнѣ внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ; въ то-же время онъ побудилъ купечество основать торгово-промышленный союзъ, управленіе дѣлами котораго принялъ на себя. Правительство вновь выразило ему неудовольствіе и онъ подалъ въ отставку. Въ 1820 г. Листъ былъ выбранъ въ Вюртембергскій парламентъ. За написанную петицію о расширеніи самоуправленія, о реформѣ суда и администраціи, въ которой онъ давалъ рѣзкую критику бюрократическаго режима, Листъ былъ приговоренъ путемъ цѣлаго ряда интригъ и давленія со

1) На русскій языкъ „Національная система" Листа переведена въ 1891 г. К. В. Трубниковымъ, но переводъ ея, въ особенности введеніе, самаго переводчика, неудовлетворительны. Трубниковъ (такъ-же, какъ и бывшій министръ Сергѣй Витте) — русскіе апологеты системы Листа. Лучшее нѣмецкое изданіе этого сочиненія съ обширнымъ критическимъ этюдомъ К. Eheberg (7 изд. Stuttgart, 1883 г.).

Въ Соедин. Штатахъ почти въ то-же время выступилъ на защиту протекціонизма Г. Кэри. Первоначально онъ былъ сторонникомъ свободной торговли, но торговый кризисъ 1837 г. и промышленный кризисъ 1842 обратилъ его въ яростнаго протекціониста. Его протекціонизмъ основанъ на убѣжденіи въ возможности прогрессивнаго роста всѣхъ производительныхъ силъ, въ частности и земледѣлія. Онъ всѣми силами старается опровергнуть теорію ренты Рикардо, какъ наиболѣе опасную теорію для протекціонизма.

Подробный анализъ ученія. Кэри былъ сдѣланъ Н. Х. Бунге; см. его Очерки политико-экономической литературы, изд. 1895 года.

стороны правительства къ десяти-мѣсячному тюремному заключенію и лишенъ депутатскихъ полномочій. Считая назначенное наказаніе явною несправедливостью, Листъ бѣжалъ, но чрезъ три года, въ 1824 г., вернулся на родину и былъ заключенъ въ крѣпость, изъ которой освобожденъ въ 1825 г. подъ условіемъ выѣзда за границу. Листъ эмигрировалъ въ Америку, гдѣ долго бѣдствовалъ. Случайно открывъ каменно-угольныя копи, разбогатѣлъ и быстро пріобрѣлъ видное общественное положеніе въ качествѣ ревностнаго защитника протекціонизма. Въ 12-ти письмахъ, изданныхъ филадельфійскимъ обществомъ поощренія мануфактуръ подъ общимъ заглавіемъ: „Очеркъ новой теоріи политической экономіи" (1827 г.) онъ впервые систематически изложилъ свои взгляды, сложившіеся, какъ думаютъ, не безъ вліянія со стороны ученій американскаго экономиста и дѣятеля Гамильтона. Въ 1832 г. онъ возвратился въ качествѣ американскаго консула въ Германію и, поселившись въ Лейпцигѣ, принялся за дѣятельную пропаганду своихъ излюбленныхъ идей. Ризвитіе желѣзно-дорожной сѣти, организація таможеннаго союза для германскихъ государствъ включительно съ Австріей, борьба европейскаго континента противъ промышленнаго превосходства Англіи — вотъ что проповѣдывалъ Листъ. Въ 1841 году онъ издалъ главный свой трудъ: „Національная система политической экономіи", а съ 1842 г. началъ издавать газету таможеннаго союза, въ которой написалъ массу статей, развивая свои основныя идеи и призывая промышленный классъ къ объединенію для защиты своихъ интересовъ на почвѣ общаго для всей Германіи торговопромышленнаго законодательства. Время не благопріятствовало Листу. Въ прессѣ господствовали поклонники системы Смита. Въ Англіи сторонники свободы промышленности и торговаго оборота надѣялись на близкое практическое торжество своихъ идей. Кобденъ и хлѣбная лига пользовались общимъ сочувствіемъ. Посѣщеніе Кобденомъ Германіи обратилось въ тріумфъ сторонниковъ свободной торговли, а броженіе среди рабочихъ классовъ еще болѣе обостряло положеніе защитника интересовъ промышленной буржуазіи.

Съ 1840 г. необыкновенно дѣятельную агитацію въ пользу свободной торговли началъ вести Принсъ Смитъ (1809—1874 г.), который по справедливости считается прусскимъ Кобденомъ[1]).

---

1) Принсъ-Смитъ былъ впослѣдствіи основателемъ такъ называемаго „народно-хозяйственнаго конгресса", который съ 1858 г. велъ дѣятельную агитацію за свободу торговли. Въ Россіи въ 1815—20 г. и послѣ 1855 г. также сказалось теченіе въ пользу свободной торговли, но сколько нибудь выдающихся теоретиковъ и публицистовъ движеніе въ пользу

Его идеи начали находить большое сочувствіе въ приморскихъ городахъ Германіи, въ интересахъ которыхъ было заботиться о развитіи торговыхъ оборотовъ, и въ Пруссіи. Послѣдняя была еще чисто земледѣльческой страной и разсчитывала воспользоваться всѣми выгодами хлѣбнаго вывоза въ Англію. Сочувствіе Пруссіи свободной торговлѣ было очень важно, ибо она начинала уже въ это время свою объединительную роль въ Германіи противъ Австріи и южногерманскихъ странъ, которыя стояли за протекціонизмъ. Листъ попытался отправиться въ Англію, въ лагерь своихъ заклятыхъ враговъ, надѣясь доказать имъ, что таможенный союзъ германскихъ государствъ и связанное съ его существованіемъ промышленное развитіе Германіи полезны для Англіи, какъ необходимый противовѣсъ промышленному могуществу Франціи. Само собой разумѣется, что подобная затѣя окончилась неудачей. Листъ вернулся домой разбитымъ, больнымъ, въ полномъ отчаяніи; всѣ матеріальныя средства были исчерпаны, семья должна была терпѣть нужду; здоровье разстроилось, надеждъ на успѣхъ идей не оставалось: Европа вступала въ стадію свободной торговли. Насмѣшки и клевета прессы были послѣднимъ ударомъ, котораго онъ не въ состояніи былъ перенести. Въ 1846 г. въ г. Куфстейнѣ онъ покончилъ самоубійствомъ.

14-го іюля 1846 г. по иниціативѣ Принса-Смита Р. Пилю былъ отправленъ такъ называемый Эльбингенскій адресъ, въ которомъ говорилось, что побѣда политической интеллигенціи Англіи приведетъ къ прогрессу всего человѣчества и къ общей свободѣ торговли. 9 января 1849 г. К. Марксъ произнесъ въ Брюсселѣ свою извѣстную рѣчь о свободѣ торговли, въ которой также привѣтствовалъ новую эру съ точки зрѣнія интересовъ демократіи. Онъ доказывалъ, что свобода торговли стремится создать дешевый

свободной торговли не выдвинуло. Въ эпоху Александра I для распространенія идей свободной торговли много сдѣлалъ журналъ „Духъ журналовъ“ (1815—20 г.). Послѣ реакціи Николаевскаго царствованія, когда министромъ финансовъ былъ яростный протекціонистъ Канкринъ, изложившій свои взгляды педанта-бюрократа въ сочиненіи: „Экономія человѣческихъ обществъ и состояніе финансовъ“, напечатанномъ на рус. яз. въ т. 65 и слѣд. журнала „Промышленность и Сельское Хозяйство“, только съ 1854 г. начинается движеніе въ либеральномъ духѣ. Изъ числа русскихъ экономистовъ, современниковъ Канкрина, слѣдуетъ упомянуть добрымъ словомъ: И. Срезневскаго, издавшаго „Опытъ о предметѣ политической экономіи и статистики сравнительно“ (1832 г.)., Т. Степанова „Записки по политической экономіи“ (2 т. 1844—1848 г. послѣд. Сисмонди), А. Бутовскаго „Опытъ о народномъ богатствѣ“ (1848 г., послѣд. К. Дюнойэ). Наиболѣе дѣятельнымъ проповѣдникомъ идей экономическаго либерализма былъ проф. И Вернадскій, издававшій также журналъ подъ названіемъ „Экономическій Указатель.“

хлѣбъ, дешевыя рабочія руки, но что та же свободная торговля будетъ содѣйствовать развитію производительныхъ силъ, т. е. ускоритъ крушеніе капиталистической системы.

Судьба идей Листа такъ же несчастна, какъ и вся его жизнь. Современный экономистъ не можетъ не признать большого историческаго значенія за его публицистическою дѣятельностью. Онъ нанесъ ударъ ученой догмѣ, возбудилъ интересъ къ историческому изслѣдованію экономическихъ вопросовъ, но собственная его „система" построена на ложныхъ теоретическихъ и историческихъ основахъ и является любопытнымъ литературнымъ образчикомъ отождествленія благосостоянія націи съ богатствомъ крупной буржуазіи. Немудрено, что среди представителей этого класса и въ литературѣ, и въ правящихъ сферахъ книга Листа еще и теперь — послѣдній источникъ мудрости.

Несомнѣнно, что Листъ слишкомъ поторопился покончить съ собой. Въ сороковыхъ годахъ уже зрѣло сознаніе нѣмецкаго единства. Шнекенбургеръ въ это время сложилъ свою пѣсню „von der Wacht am Rhein" (стоитъ прочно стража на Рейнѣ), а въ 1841 г. Гофманъ фонъ Фаллерслебенъ создалъ и другой боевой кличъ: „Deutschland, Deutschland über alles" (Германія выше всего). Патріотическая, идеалистическая философія гонимой либерально-буржуазной демократіи 1848 года чрезъ 20-ть лѣтъ послѣ промчавшейся революціонной бури получила осуществленіе благодаря дѣятельности націоналиста и консерватора Бисмарка. Словами потерявшаго также свое профессорское мѣсто въ это время Гофмана Листъ могъ бы сказать:

Es ist noch nichts verloren,
Professor oder nicht.
Der findet noch Augen und Ohren,
Wer Wahrheit schreibt und spricht,

т. е. еще ничто не потеряно, состоишь ли ты профессоромъ или нѣтъ; пишущій и говорящій правду, находитъ глаза, которыя видятъ, и уши, которыя слышатъ.

Эта правда, конечно, имѣла „относительный характеръ": она была философіей утилитаризма не развившейся, какъ въ Англіи, а развивающейся, начинающей сосредоточивать свои силы обрабатывающей промышленности. Для Англіи нужна была свобода, для созидающейся Германіи — имперія, конституція и протекціонизмъ.

Въ экономическомъ ученіи Листа слѣдуетъ различать три стороны: въ 1-хъ, теорію протекціонизма въ связи съ той стадіей экономическаго развитія, на которой находится нація; въ 2-хъ, теорію производительныхъ силъ, составляющую основу критики системы Смита и, въ 3-хъ, теорію

„конфедераціи національныхъ производительныхъ силъ“, при помощи которой Листъ доказываетъ, что развитіе обрабатывающей промышленности не можетъ совершаться въ ущербъ, а только на пользу земледѣльческихъ интересовъ.

Вотъ въ самомъ краткомъ изложеніи сущность этой системы. „Въ интересахъ будущаго и всего человѣчества, говоритъ Листъ, философія требуетъ всемірнаго союза людей, въ интересахъ націи политика требуетъ гарантіи самостоятельности и гармоническаго развитія всѣхъ силъ народа; исторія говоритъ въ пользу требованій будущаго: онъ учитъ, что матеріальное и интеллектуальное благополучіе всегда возрастало пропорціонально расширенію политической ассоціаціи и торговыхъ связей, но въ то же время указываетъ, что необходимы и возможны мѣры къ согласованію взаимныхъ требованій философіи и политики. Практика, т. е. меркантильная система настаиваетъ на всеобщей полезности и неодходимости ограниченій въ торговлѣ; она не видитъ, что ограниченіе есть средство, цѣль — свобода. Всемірный союзъ человѣчества, однако, хорошъ только тогда, если онъ основывается не на подчиненіи націй, а на справедливой ихъ федераціи. Это достижимо только черезъ развитіе производительныхъ силъ націй“.

Въ національно-экономическомъ поступательномъ движеніи народа можно различать слѣдующія главнѣйшія стадіи: состояніе дикости, пастушескій, земледѣльческій, земледѣльческо-мануфактурный, земледѣльческо-мануфактурно-торговый бытъ. На первыхъ трехъ стадіяхъ протекціонная система вредна, на послѣдней она не нужна. Разумный протекціонизмъ долженъ во время позаботиться о развитіи всѣхъ производительныхъ силъ. Самое удобное время для этого наступаетъ тогда, когда нація начинаетъ выходить изъ стадіи первобытнаго земледѣлія и постепенно переходитъ къ стадіи земледѣльческо-мануфактурной. Страны умѣреннаго пояса особенно пригодны для этого развитія производительныхъ силъ: протекціонизмъ имѣетъ наибольшіе шансы успѣха тамъ, гдѣ территорія обширна и страна отличается богатствомъ естественныхъ силъ. Таможенная система не есть, поэтому, выдумка спекулятивныхъ умовъ, а необходимое средство промышленнаго воспитанія націи.

А. Смитъ полагалъ, что благосостояніе націи обусловливается количествомъ богатства, т. е. мѣновыхъ цѣнностей: въ этомъ его основная ошибка. Главное значеніе для націи имѣетъ развитіе производительныхъ силъ: „христіанство, единоженство, уничтоженіе рабства и крѣпостного права, изобрѣтеніе книгопечатанія, пресса, почта, мѣры длины и вѣса, календарь, часы, полиція безопасности, введеніе свободнаго землевладѣнія, пути сообщенія, фабрики и заводы

— вотъ богатые источники производительныхъ силъ", по мнѣнію Листа. Фабрики и заводы имѣютъ самое важное значеніе на ряду съ путями сообщенія и свободнымъ внутреннимъ обмѣномъ; фабрики и заводы — дѣти гражданской свободы, цивилизаціи, и политическаго могущества. Земледѣліе создаетъ необходимое сырье, которое фабрики превращаютъ въ богатый запасъ благъ для культурнаго роста націи.

„Земледѣліе и фабрикація создаютъ продукты, торговля служитъ только посредницей обмѣна между земледѣльцемъ и мануфактуристомъ, между производителемъ и потребителемъ. Отсюда слѣдуетъ, что надлежитъ регулировать торговлю соотвѣтственно интересамъ и потребностямъ земледѣлія и фабрикаціи, а не наоборотъ. Школа Смита разсматриваетъ весь міръ, какъ единую и нераздѣльную республику купцовъ. Она не замѣчаетъ, что купецъ можетъ достигнуть своей цѣли — пріобрѣтеніе цѣнностей чрезъ обмѣнъ — за счетъ земледѣлія, фабрикаціи, за счетъ производительныхъ силъ, за счетъ независимости и самостоятельности націи. Для купца безразлично, какое вліяніе оказываетъ ввозъ и вывозъ товаровъ на нравственность, благосостояніе и могущество націи: онъ ввозитъ и яды, и цѣнныя средства . . . Если было бы возможно купецъ вывезъ бы поля и луга своей страны и, сбывъ послѣдній клочекъ земли, онъ самъ сѣлъ на корабль и вывезъ самаго себя" . . (глава 13-я).

Желаніе поднять земледѣліе безъ соотвѣтственнаго развитія фабрикаціи — задача безсмысленная. Такая задача можетъ создать только *изуродованное* земледѣліе, при которомъ населеніе, размножаясь, будетъ дробить участки до послѣдняго предѣла и въ состояніи будетъ производить пищевые продукты и сырье только въ мѣрѣ своей потребности, не производя избытка, который оно могло бы обмѣнять на фабрикаты. Результатомъ будетъ крайняя непроизводительность труда и потребность въ эмиграціи. При нормальномъ развитіи производительныхъ силъ, наоборотъ, большая часть избытка населенія должна переходить на фабрики, а избытокъ сельско-хозяйственныхъ произведеній долженъ служить для удовлетворенія потребностей фабричнаго населенія въ пищевыхъ продуктахъ и въ сырьѣ: съ другой стороны, обильный запасъ фабрикатовъ долженъ идти на потребленіе земледѣльческаго населенія и на увеличеніе производительности его труда посредствомъ пріобрѣтенія за избытокъ земледѣльческихъ продуктовъ необходимыхъ для сельскихъ хозяевъ орудій и машинъ. При такомъ гармоническомъ развитіи силъ раздробленіе участковъ земли не пойдетъ далѣе того предѣла, при которомъ возможно производство наибольшаго чистаго избытка; въ то-же время въ сельскомъ хозяйствѣ не будетъ излишка рабочихъ силъ. При нормальномъ раз-

мѣрѣ землевладѣнія сельское хозяйство, какъ учили еще физіократы, будетъ наиболѣе производительно, а излишній сельскій пролетаріатъ переселится въ городъ, на фабрику.

Если такія отношенія установятся своевременно, то сельско-хозяйственныя и промышленныя силы будутъ поддерживать одна другую, пропорціонально рости и гармонически развиваться до безконечности. Это и есть желанная „конфедерація національныхъ силъ" и притомъ — съ „наибольшею" производительностью труда. Утверждать, по мнѣнію Листа, что протекціонизмъ, создавая таможенными пошлинами болѣе высокія цѣны на фабрикаты, существуетъ за счетъ земледѣлія нелѣпо. Ростъ матеріальнаго земледѣльческаго капитала обусловливается ростомъ матеріальнаго фабрично-заводскаго капитала. Цѣнность земли, цѣны продуктовъ, рента возрастаютъ пропорціонально росту фабричной промышленности. Земледѣлецъ выигрываетъ гораздо больше отъ расширенія рынковъ сбыта (т. е. отъ большаго спроса на его продукты со стороны обрабатывающей промышленности, создающаго наиболѣе высокую мѣновую цѣнность сырью), чѣмъ отъ повышенія цѣнъ на необходимые для него фабрикаты.

Земледѣліе можетъ развиваться, рента и цѣнность земли возрастать только тамъ, гдѣ процвѣтаютъ мануфактуры и торговля, мануфактуры же не могутъ развиваться, если ограниченъ ввозъ сырья и средствъ пропитанія. Это повсемѣстно чувствовали фабриканты. То обстоятельство, что въ большинствѣ крупныхъ государствъ земледѣльцы добились покровительственныхъ пошлинъ, имѣетъ двоякія причины. Во первыхъ, вліяніе землевладѣльцевъ во всѣхъ странахъ съ народнымъ представительствомъ было господствующимъ: мануфактуристы боялись противостоять ихъ нелѣпымъ притязаніямъ изъ опасенія побудить землевладѣльцевъ къ провозглашенію свободной торговли: они предпочитали вступить съ ними въ компромиссъ. Во вторыхъ, школа Смита пріучила земледѣльцевъ думать, что мануфактуры выростаютъ сами собой въ естественномъ процессѣ развитія, что земледѣліе, болѣе, внѣ всякаго сравненія съ фабрикаціей, содѣйствуетъ увеличенію капиталовъ, что всякія покровительственныя пошлины, законы и мѣры правительства создаютъ только менѣе благопріятныя условія для увеличенія богатства. Въ основѣ этого ученія (въ особенности у Рикардо) лежало ложное ученіе о рентѣ. Рента же есть доходъ отъ капитала, который фиксированъ въ землѣ; это капитализированный земельный фондъ. Территорія же тѣхъ націй, которыя капитализировали только свои пригодныя для земледѣлія земельныя фонды, да еще и въ столь слабой степени, какъ это бываетъ у земледѣльческихъ странъ, даетъ гораздо меньше ренты, чѣмъ терри-

торія націй, соединившихъ въ себѣ земледѣльческія и фабричныя силы[1]).

„Достигнувъ путемъ таможенныхъ пошлинъ гармоническаго развитія своихъ производительныхъ силъ, нація въ конечномъ результатѣ можетъ перейти къ свободной торговлѣ. Временное возвышеніе цѣнъ на фабрикаты, необходимое для развитія производительныхъ силъ и не вредное по самому существу для земледѣлія, убыточное только для потребителей, исчезнетъ само собой. Переплата же потребителей есть необходимая трата на воспитаніе націи."

Поклонники Листа ставятъ ему въ заслугу, что онъ впервые a) въ противоположность школѣ Смита выставилъ „идею относительности экономическихъ законовъ" и b) создалъ здравый противовѣсъ преобладанію въ наукѣ теоріи мѣновыхъ цѣнностей.

Первое положеніе до нѣкоторой степени справедливо; правда, не столько по отношенію къ самому Смиту, сколько къ школѣ его продолжателей и въ особенности изъ манчестерскаго лагеря[2]). Ингрэмъ[3]) совершенно вѣрно однако замѣтилъ, что, восхваляя Листа, „Книсъ и нѣкоторые другіе писатели исторической школы не сохранили должнаго равновѣсія въ своей критикѣ; обѣ формы абсолютизма въ теоріи: „*космополитизмъ*" и „*перпетуализмъ*" они ставили совершенно на одну доску."

Подъ „*космополитизмомъ*" обыкновенно понимаютъ такое

---

1) См. изд. Eheberg, стр. 215—218. Листъ совершенно не понялъ аргументаціи ни Смита, ни Рикардо. Адамъ Смитъ опровергалъ вывозныя преміи на хлѣбъ, исходя изъ утвержденія, что хлѣбъ имѣетъ всегда одну и туже неизмѣнную *реальную* цѣнность; всякое же повышеніе *денежной* цѣны хлѣба повышаетъ цѣну труда и всѣхъ другихъ предметовъ. Поэтому, полагалъ онъ, это повышеніе цѣны не даетъ возможности фермеру лучше обработывать землю, а собственнику жить лучше прежняго. На заграничныхъ товарахъ это вздорожаніе хлѣба можетъ имъ доставить небольшую выгоду, но на товарахъ приготовляемыхъ дома, они не получатъ рѣшительно никакой пользы. Повышеніе же заработной платы будетъ только сокращать возможность развитія промышленности (см. Б. Н., книга IV, глава 5-я). Мальтусъ блестяще опровергъ ученіе Смита о реальной цѣнности хлѣба и ея неизмѣнности, см. мое изданіе Тракт. М. и Р., стр. 41 и слѣд. Съ ученіемъ Рикардо мы уже ознакомили читателя выше. Листъ совершенно не понялъ, что Смитъ и Рикардо боролись разными аргументами противъ аграрнаго протекціонизма вовсе не въ интересахъ торговли, а именно обработывающей промышленности. Онъ совершенно невникъ въ ихъ аргументацію и ее извратилъ. Всей тонкости теоріи ренты Рикардо Листъ также не понялъ. Однако замѣчанія Листа о безконечномъ дробленіи земельныхъ участковъ при чисто земледѣльческомъ бытѣ и остроумны, и правильны.

2) Преувеличенія представителей исторической школы въ критикѣ классиковъ отмѣчены въ интересной брошюрѣ Рихарда Шюлера (см. стр. 208, прим.).

3) Исторія политической экономіи, 2 изд. р. пер. стр. 294 и слѣд.

направленіе въ теоріи, которое не принимаетъ во вниманіе мѣстныхъ и національныхъ особенностей народовъ и разсматриваетъ всѣ явленія лишь съ точки зрѣнія всего человѣчества. Безъ сомнѣнія, представители классической школы, вполнѣ въ духѣ всей философіи 18-го вѣка, склонны были игнорировать идею „національнаго самоопредѣленія" народовъ. Во второй половинѣ 19-го вѣка Европа пережила періодъ національнаго объединенія. Послѣ войнъ 1859 г. объединилась Италія, послѣ 1866 и 1870 г. Германія также создала свое единство. Въ Австріи, въ Россіи, на Балканскомъ полуостровѣ націи воспрянули и повсемѣстно обнаружилось стремленіе сохранить и развить національныя особенности. Выдвинувъ свое представленіе о „націи", Листъ много содѣйствовалъ пробужденію этихъ вполнѣ правомѣрныхъ національныхъ стремленій, но теоретически, конечно, онъ не былъ вполнѣ правъ; какъ я уже указывалъ и во введеніи, наука не можетъ ограничиться изученіемъ однѣхъ національныхъ особенностей. Она неизбѣжно изучаетъ явленія во всемъ мірѣ, примѣнительно ко всему человѣчеству: только исходя изъ такой широкой точки зрѣнія и возможно построеніе „соціальной науки" Наука космополитична вовсе не въ томъ смыслѣ, что она игнорируетъ національныя особенности и какъ бы хочетъ ихъ уничтожить; наука не стремится къ полицейскому однообразію, но она никогда не можетъ упускать изъ виду, что національный эгоизмъ, національная замкнутость не составляютъ идеала человѣческой жизни. Въ міровомъ потокѣ исторіи самыя враждебныя націи сливаются и ихъ интересы подчиняются интересамъ жизни человѣчества, а потому и общая цѣль развитія должна заключаться въ стремленіи создать „единство въ разнообразіи". Государственное общеніе, общая политическая власть связываютъ воедино интересы сильнѣе, чѣмъ національность т. е. единство расы, языка, народной психологіи. Въ этомъ отношеніи Листъ, указывая на требованія философіи и практики, былъ меньше одностороненъ, чѣмъ его послѣдующіе поклонники, доведшіе націонализмъ до своекорыстнаго и грубаго шовинизма.

Гораздо важнѣе вторая ошибка — „*перпетуализмъ*", т. е. убѣжденіе въ неизмѣнности открытыхъ на данной стадіи развитія законовъ экономической жизни и, поэтому, утвержденіе, что эти законы приложимы ко всѣмъ эпохамъ исторіи. Разъ мы открыли законы дѣйствія экономическаго механизма при капиталистическомъ хозяйствѣ, если мы даже убѣдились, что вездѣ, гдѣ этотъ строй существуетъ, они неизмѣнно обнаруживаютъ свое дѣйствіе, что чрезъ капиталистическую стадію развитія переходятъ всѣ извѣстные намъ народы, то отсюда мы не имѣемъ права сдѣлать выводъ,

что капиталистическій строй — конечная стадія развитія и что если его законы дѣйствовали въ предшествовавшемъ, то они, и только они, всегда будутъ дѣйствовать въ будущемъ. Со времени О. Конта экономисту ясно, что необходимо различать „статику“ явленій, т. е. закономѣрный ихъ порядокъ сосуществованія въ данныхъ условіяхъ, и „динамику“, т. е. закономѣрное развитіе явленій, ихъ видоизмѣненіе изъ одного состоянія въ другое. Первые представители исторической школы, однако не дали намъ сколько-нибудь яснаго представленія о законахъ статики и динамики экономическихъ явленій. Вслѣдъ за Листомъ, а потомъ и Д. С. Миллемъ[1]), первые историки склонны были къ двоякому подраздѣленію законовъ экономіи: законы производства и законы распредѣленія. „Законы производства, утверждалъ Д. С. Милль, неизмѣнны, законы распредѣленія — дѣло чисто человѣческаго учрежденія“. По справедливому замѣчанію Шмоллера „тонкій, чрезвычайно остроумный и образованный, но вмѣстѣ съ тѣмъ склонный къ компромиссамъ и колебаніямъ, часто вращающійся подобно флюгеру умъ Д. С. Милля,“ вполнѣ соотвѣтствовалъ той переходной стадіи, которую переживала политическая экономія въ эпоху первыхъ историковъ. Многіе изъ нѣмецкихъ почитателей Д. С. Милля на почвѣ колебаній этого писателя находили возможнымъ защищать дедуктивный методъ противъ заклятыхъ защитниковъ индуктивизма. Казалось, что Д. С. Милль сумѣлъ примирить требованія того и другого метода, хотя, въ дѣйствительности, Джевонсъ былъ почти правъ, утверждая, что по каждому главному вопросу Д. С. Милль имѣлъ въ одно и тоже время отъ 3-хъ до 6-ти непримиримыхъ другъ съ другомъ мнѣній. Создавшаяся теорія обратно-дедуктивнаго метода открыла широкое поле для безконечнаго числа поправокъ, въ которыхъ экономія запуталась и классическая доктрина расплылась, распылилась, къ величайшему удовольствію филистеровъ историзма. Найдя малѣйшее несовпаденіе вывода съ дѣйствительностью, они громили представителей „абстрактнаго метода“, но часто не умѣли понять Рикардо и его школу въ соотвѣтствующей исторической

1) Д. С. Милль. Основанія политической экономіи, въ особенности книга II: Распредѣленіе, и книга IV: Вліяніе прогресса общества на производство и распредѣленіе. Представители германской исторической школы склонны игнорировать вліяніе Джона Стюарта Милля на складъ воззрѣній всей ихъ школы. По существу дѣла этотъ заколебавшійся въ традиціяхъ классической школы и воспринявшій идеи О. Конта, С. Симона и Фурье писатель былъ главнымъ вдохновителемъ большинства первыхъ историковъ. Они много говорили противъ классиковъ, а прибавляли очень мало сравнительно съ Миллемъ. Въ исторіи экономіи всего свѣта его учебникъ сыгралъ наиболѣе важную роль: въ 1848—1880 годахъ по этому учебнику училась вся культурная Европа.

перспективѣ. Какъ увидимъ ниже, только представители историческаго матеріализма (въ особенности К. Марксъ) сдѣлали попытку найти общіе законы развитія и установить ту необходимую связь, которая существуетъ между законами производства и распредѣленія.

Что касается до второго положенія, то здѣсь Ф. Листъ просто не понялъ классиковъ. Уже Гильдебрандъ въ своей вышеуказанной книгѣ отмѣтилъ, что полемика Листа противъ школы Смита, какъ теоретиковъ „мѣновой цѣнности", основана на недоразумѣніи. „Богатство націи, утверждаетъ Листъ, состоитъ не въ матеріальныхъ цѣнностяхъ, не въ мѣновыхъ цѣнностяхъ, а въ производительныхъ силахъ". „Какъ силы природы или труда, справедливо отвѣчаетъ Гильдебрандъ, мы можемъ понять только изъ ихъ дѣйствія, такъ и произведенія народныхъ силъ мы можемъ правильно понять только изъ изученія ихъ причинъ: на этомъ основаніи всѣ цѣнности въ Смитовой системѣ и приведены въ связь съ тѣми производительными силами, которыя были употреблены для ихъ произведенія". Проще говоря, Смитъ и всѣ классики видѣли, что богатство и вся культура народовъ зависятъ отъ запаса матеріальныхъ благъ. Они старались принять всѣ мѣры къ тому, чтобы богатство производилось съ наименьшей тратой производительныхъ силъ. Цѣнность была для нихъ выраженіемъ легкости или трудности производства и они никогда не заботились о возвышеніи цѣнностей чрезъ увеличеніе трудности производства, а именно, объ увеличеніи богатства, т. е. объ уменьшеніи трудности производства. Въ матеріальномъ трудѣ они видѣли основу для всей культуры общества, но вовсе не отрицали и важнаго значенія нематеріальнаго труда. Рикардо болѣе всѣхъ другихъ классиковъ матеріалистъ, но и онъ умѣетъ цѣнить значеніе учрежденій и культуры. Эебергъ утверждаетъ, что нельзя найти для Листа предшественниковъ, которые высказывали бы подобныя идеи о значеніи нематеріальнаго, духовнаго труда и учрежденій для жизни народа. Онъ совершенно упустилъ изъ виду Р. Мальтуса, который съ гораздо большимъ талантомъ полемизировалъ противъ Рикардо и доказывалъ необходимость протекціонизма именно для развитія „производительныхъ" силъ, богатства, могущества и счастія націи и не соглашался, что „дешевизна товаровъ" можетъ служить аргументомъ въ пользу свободы торговли [1]), и даже слишкомъ много говорилъ о культурномъ значеніи владѣющихъ классовъ.

---

1) См. Eheberg, стр. 152. Я уже разобралъ выше, какую схоластику породило отождествленіе производительнаго труда съ трудомъ производящимъ матеріальные продукты и матеріальныя цѣнности Нельзя сказать, чтобы Листъ содѣйствовалъ разъясненію этого вопроса.

Самое понятіе „производительныхъ силъ“ Листъ никогда не умѣлъ опредѣлить точно; классики никогда не отрицали, что свобода, образованіе и учрежденія способствуютъ богатству націи. Впослѣдствіи, правда, послѣ Листа стали говорить о „матеріальныхъ производительныхъ силахъ“ и „о нравственныхъ производительныхъ силахъ“, но та связь, которая существуетъ между этими силами, и Листомъ была намѣчена только въ самыхъ неопредѣленныхъ чертахъ. Классики думали, что міровое общеніе народовъ создастъ наиболѣе производительное раздѣленіе труда при наименѣе высокихъ мѣновыхъ цѣнностяхъ, и самъ Листъ призналъ эту истину для внутренней жизни народныхъ хозяйствъ, съ особой силой подчеркивая значеніе обмѣна для развитія общественнаго раздѣленія труда съ его наивысшей производительностью.

Заслуга Листа, однако, въ томъ, что онъ доказалъ, пользуясь примѣромъ Англіи, возможность при свободномъ международномъ обмѣнѣ эксплоатаціи менѣе развитыхъ націй тѣми, кто довелъ свои силы до наибольшаго совершенства. Листъ былъ и самъ горячимъ защитникомъ эксплоатаціи странъ жаркаго пояса (т. е. колоній) странами умѣреннаго пояса (т. е. промышленной Европой). Но онъ не допускалъ возможности, что и въ предѣлахъ страны однѣ отрасли промышленности могутъ развиваться и количественно, и качественно за счетъ другихъ на такихъ же эксплоататорскихъ началахъ. Возможность же и неизбѣжность гармоническаго развитія двухъ главнѣйшихъ производительныхъ силъ: земледѣлія и фабрикаціи, при исключительномъ покровительствѣ послѣдней, Листъ не доказалъ и не могъ доказать. Онъ былъ защитникомъ промышленной буржуазіи, крупнаго сельскаго хозяйства и не могъ въ свое время предвидѣть, какъ сложатся въ разныхъ странахъ интересы промышленнаго и землевладѣльческаго сословій и какое значеніе въ разныя эпохи экономическаго развитія имѣетъ протекціонизмъ, какъ для этихъ двухъ классовъ, такъ и для мелкаго землевладѣльца и городского рабочаго. Послѣдователи Листа въ Германіи нашего времени оказались въ рядахъ сторонниковъ аграрнаго протекціонизма во имя идеи Листа о „конфедераціи національныхъ производительныхъ силъ“, доказывая, что протекціонизмъ меркантильнаго періода, эпоха свободной торговли и новая эпоха фабричнаго меркантилизма не только не достигли гармоническаго развитія производительныхъ силъ, но разорили земледѣліе и создали одностороннее развитіе фабрикаціи, отдѣлаться отъ котораго пытается даже Англія [1]).

---

1) О новѣйшихъ протекціонныхъ теченіяхъ въ Англіи см. Schulze-

Совершенно неисторическое ученіе Листа о стадіяхъ развитія не могло удержаться даже въ приложеніи къ исторіи протекціонизма. „Совершенно вѣрно, говоритъ Эебергъ, народы переходятъ постепенно отъ простого охотничьяго и рыболовнаго періода дѣятельности къ скотоводству и земледѣлію, затѣмъ наступаетъ періодъ, въ который промышленность существуетъ наравнѣ съ земледѣліемъ, въ который умножаются торговыя отношенія внутри и извнѣ. Правильно, что намѣченныя Листомъ эпохи указываютъ на крупные поворотные пункты въ исторіи народовъ. Но столь же вѣрно, что эти стадіи развитія не повторяются одинаково для всѣхъ народовъ, что отдѣльныя стадіи развитія и по содержанію, и по времени для каждаго народа протекаютъ съ безконечнымъ разнообразіемъ, что между чисто земледѣльческими, промышленными и торговыми націями еще имѣются и посредствующія ступени важнаго экономическаго значенія“. Эебергъ совершенно правильно замѣчаетъ, что схема Листа одинаково приложима, напр., къ Германіи съ 1250 по 1560 г. и съ 1560 по 1800 г. Въ нашемъ историческомъ очеркѣ мы видѣли, что послѣ періода долгаго земледѣльческаго быта Германія съ 1250 по 1560 г. пережила время пышнаго расцвѣта ремесленной, городской промышленности; съ конца 16-го вѣка она надолго снова возвратилась къ элементарному земледѣльческому хозяйству и только съ начала 18-го вѣка стала быстро превращаться, какъ и Англія, въ міровую фабрику. Очевидно, эти видоизмѣненія нельзя объяснить одними „политическими“ причинами. Листъ думалъ, что государство, какъ какая то единая организація имѣетъ всемогущество въ дѣлѣ прогрессивнаго развитія экономической жизни. Само государство, однако, также переживаетъ своеобразныя стадіи развитія и сила его вліянія, его внѣшней формы и внутренней организаціи въ разныя историческія эпохи очень различна въ зависимости отъ экономическаго строя общества. Весь феодальный частноправовой строй не могъ преслѣдовать такихъ задачъ, которыя взяли на себя сначала города, потомъ абсолютизмъ, сословная, а, наконецъ, конституціонная классовая монархія. Листъ не принималъ во вниманіе другихъ болѣе глубокихъ соціальныхъ причинъ, которыя управляютъ движеніемъ впередъ и назадъ всего народнаго хозяйства. Онъ не угадалъ, что въ переживаемую и нынѣ нами эпоху вопросъ о свободѣ и протекціонизмѣ есть проблема не только о переходѣ отъ земледѣлія къ промышленности, но и о

Gävernitz. Britischer Imperialismus und englischer Freihandel (1906) и А. Веснинъ. Британская Имперская федерація и англійскіе торговые интересы (Экономич. Обозрѣніе 1889 и 1900 г.).

развитіи *„формъ и системъ“* хозяйства, объ отношеніяхъ разныхъ производительныхъ силъ и ихъ общественныхъ представителей — классовъ въ ихъ исторической борьбѣ, при тѣхъ или иныхъ условіяхъ экономическаго, политическаго и культурнаго развитія народа. Если-бы теорія Листа была вполнѣ вѣрна, для главнѣйшихъ европейскихъ странъ уже давно долженъ былъ бы закончиться періодъ „воспитанія“, а между тѣмъ мы видимъ, что въ наше время самыя развитыя страны огородились таможенными кордонами и вновь пытаются замкнуться въ самодовлѣющія цѣлыя. Мы видѣли, что меркантилизмъ имѣлъ свою особую задачу при развитіи зачаточныхъ капиталистическихъ формъ, системъ хозяйства и всего слагавшагося нового строя хозяйства. Въ наше время протекціонизмъ имѣетъ дѣло съ совсѣмъ другими, опредѣлившимися формами и системами хозяйства и еще не извѣстно, какую соціальную задачу въ будущемъ ему придется сыграть [1]). Для Листа, кромѣ того, остались незамѣченными тѣ обстоятельства, которыя часто дѣлаютъ торговую политику противорѣчащей интересамъ націи, какъ союза всего народа. Онъ старался намѣтить только „общіе интересы націи“, игнорируя тѣ противорѣчія классовыхъ интересовъ, которыя всегда, однако, на лицо. Пропагандой своей онъ могущественно содѣйствовалъ послѣдующему объединенію Германіи, чѣмъ и объясняется его громадная популярность послѣ трагической смерти. Объединенная, промышленная и вооруженная Германія Бисмарка — вотъ практическій результатъ идей Листа.

Промышленное развитіе, при наличности классовыхъ противорѣчій, создало и другое явленіе: организованную соціалъ-демократію. Но прежде чѣмъ она создалась въ современномъ видѣ, руководимая Лассалемъ, а впослѣдствіи Швейцеромъ и его плеядой, она очень помогла Бисмарку въ осуществленіи его плановъ. Какъ справедливо замѣчаетъ Онкенъ оба крайнихъ лагеря: консерваторы, руководимые Бисмаркомъ и лассалеанцы, надѣявшіеся на торжество идей 1848 года, соединились противъ либерализма. Бисмаркъ сдѣлалъ все, чтобы усилить конфликтъ между этими силами, чѣмъ и сдѣлалъ себя необходимымъ, какъ борецъ противъ революціи и демократическаго парламентаризма. Усиліями Бисмарка и лассалеанцевъ либерализмъ потерялъ почву въ массахъ, но за то и наиболѣе видные представители буржуазной демократіи отвернулись отъ соціалъ-демократіи.

---

1) Одна изъ самыхъ любопытныхъ картинъ міровой борьбы грозитъ разыграться между частно-правовой организаціей: картелями, трестами и т. п. соединеніями капиталистовъ и государствомъ съ его могучимъ орудіемъ — протекціонизмомъ.

Дѣло Бисмарка было выиграно. Война 1870 г. осуществила его мечтанія и буржуазно-либеральная-демократія (такъ называемые національ-либералы) массами перешли на его сторону и сдѣлали попытку, также какъ и консерваторы въ Англіи, къ созданію такъ называемаго „соціальнаго законодательства" т. е. расширили государственное вмѣшательство во всѣ сферы народной жизни. Либеральныя затѣи Шульце-Делича относительно самопомощи надолго были забыты и только впослѣдствіи, при совершенно измѣнившихся обстоятельствахъ, правительство Бисмарка стало ихъ поощрять[1]).

Исторія торговой политики, въ связи съ изученіемъ внутренней политической борьбы интересовъ и міросозерцаній, представляетъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ предметовъ для изслѣдованія. Эту задачу Листъ только намѣтилъ и только въ концѣ XIX вѣка она въ значительной мѣрѣ была выполнена соціалистами и соціалъ-политиками всѣхъ странъ.

Громадной заслугой Листа, однако, слѣдуетъ признать, что онъ призналъ необходимость полнаго простора для развитія усовершенствованныхъ формъ въ промышленности и земледѣліи: онъ, подобно Рикардо, понялъ, что крупное хозяйство имѣетъ свою историческую миссію. Опровергая неудачно теорію населенія Мальтуса, онъ развилъ его-же идею, что всякое развитіе производительныхъ силъ увеличиваетъ „емкость" страны по отношенію къ массѣ населенія, какъ выразился Дюрингъ (Volkscapacität), т. е. развитіе обрабатывающей промышленности уплотняетъ населеніе, дѣлаетъ его болѣе энергичнымъ и подвижнымъ, болѣе образованнымъ и сознательнымъ, увеличиваетъ производительность народнаго труда.

§ 2. Какъ я уже сказалъ выше, эпоха, въ которую выступилъ Листъ, была крайне неблагопріятна для осуществленія его плановъ. Революціонная бюря 1848 г., поставившая требованія о широкихъ соціальныхъ преобразованіяхъ, прекратилась очень скоро. Революціонные элементы были подавлены и наиболѣе дѣятельные люди этой эпохи Германіи и Франціи эмигрировали и нашли пріютъ въ Англіи или Соединенныхъ Штатахъ. Броженіе, однако, принесло свои плоды. Въ главнѣйшихъ государствахъ Европы пошла дѣятельная ликвидація крѣпостного права. Освобожденіе крестьянъ, начатое въ Пруссіи еще въ началѣ вѣка (съ 1806 г.) въ министерство Штейна, начало двигаться быстрѣе. Въ Пруссіи законъ 1850 г. отмѣнилъ

---

1) См. H. Onken. Lassalle. St. 1904 г., стр. 388 и слѣд. А. Бернштейнъ. Исторія рабочаго движенія въ Берлинѣ. Спб. 1906.

вотчинную юстицію, провозгласилъ неограниченную свободу земельной собственности, выкупъ предоставилъ добровольному соглашенію сторонъ, причемъ выкупу подлежали повинности и платежи, связанные съ землею (Reallasten), а для облегченія выкупа созданы особые банки (Rentenbanken). Въ періодъ съ 1848 по 1859 г. освобожденіе крестьянъ произошло и въ Австріи. Въ Баваріи и другихъ южногерманскихъ государствахъ съ 1848 г. также началась ликвидація крѣпостныхъ отношеній, которая мѣстами (напр. въ Баваріи) затянулась до 1872 года, когда пришлось сдѣлать выкупъ обязательнымъ. Условія, на которыхъ произошло раскрѣпощеніе населенія въ Европѣ, не подлежатъ здѣсь изложенію [1]: они были крайне разнообразны. Въ Сѣверной и Восточной Пруссіи дворянскія имѣнія поглотили громадную часть крестьянскихъ гуфъ; здѣсь образовалось крупное землевладѣніи и масса сельскаго пролетаріата. На югѣ и западѣ Германіи крестьянская земельная собственность сохранилась въ гораздо большей мѣрѣ. Необходимо отмѣтить, однако, что исчезновеніе крѣпостного права и увеличеніе свободы въ мобилизаціи земли было необходимымъ условіемъ для дальнѣйшаго развитія производительныхъ силъ во всѣхъ странахъ.

Въ аграрномъ законодательствѣ Германіи, правда не во всѣхъ ея государствахъ въ одинаковой мѣрѣ, отчасти подъ вліяніемъ англійскаго примѣра, отчасти подъ воздѣйствіемъ индивидуалистическихъ идей, обнаружилось стремленіе къ уничтоженію старыхъ формъ общиннаго владѣнія и черезполосицы во имя перехода отъ трехполья къ усовершенствованнымъ формамъ хозяйства. Ликвидація эта сопровождалась большимъ нарушеніемъ интересовъ преимущественно мелкихъ крестьянъ. Два вопроса требовали разрѣшенія и въ зависимости отъ этого стали различать двѣ формы раздѣла такъ называемыхъ общихъ и общинныхъ угодій. *Въ самомъ широкомъ смыслѣ* подъ раздѣломъ общихъ угодій германское аграрное законодательство понимало *устраненіе совмѣстнаго пользованія многихъ лицъ въ опредѣленной земельной собственности.* При такомъ пониманіи вовсе не требовалось, чтобы данная земля состояла въ общинной собственности крестьянъ. Помѣщики и крестьяне, владѣющіе на началахъ частной собственности, могли обладать другъ у друга извѣстными сервитутами (правомъ выпаса, водопоя) и ихъ участки находиться въ черезполосномъ владѣніи. Устраненіе совмѣстнаго пользованія, въ

---

1) Относительно Пруссіи см. лучше изслѣдованіе: Prof. Knapp. Die Bauernbefreiung und Ursprung der Landarbeiter in Preussen, 2 t. 1891 г., П. Камифмейеръ. Очерки изъ нѣмецкой культуры, р. пер., Спб., 1898 г.

этомъ случаѣ, сводилось къ устраненію сервитутовъ и къ размежеванію угодій каждаго владѣльца къ одному мѣсту (такъ назыв. Zussammenlegen der Grundstücke).

Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ подъ раздѣломъ общинныхъ угодій понималось разверстаніе общиннаго имущества, главнымъ образомъ луговъ, лѣса, болотъ, необработанной земли, а иногда и пахоты, въ индивидуальную собственность каждаго члена общины.

Уже въ концѣ 18-го вѣка индивидуалистическія теченія въ Германіи встрѣтили большого поклонника въ лицѣ Фридриха Великаго, но были нѣсколько задержаны романтической реакціей. Въ первую половину 19-го вѣка они стали рѣшительно побѣждать. Особенно сильно эти теченія сказались въ Ганноверѣ и въ Пруссіи [1]; скоро, однако, даже въ Пруссіи обнаружилась нѣкоторая реакція. Особенно сильно задержался этотъ процессъ индивидуализаціи земельной собственности въ южно-германскихъ государствахъ. Посмотримъ, что было сдѣлано въ Ганноверѣ и въ Пруссіи и въ чемъ выразилась реакція подъ вліяніемъ новыхъ теченій въ аграрной политикѣ.

Ганноверскій актъ о раздѣлѣ общинныхъ угодій былъ изданъ въ 1802 г. и послужилъ образцомъ для другихъ германскихъ государствъ. Согласно этому акту всѣ общины и отдѣльныя дворовыя владѣнія имѣли право выдѣлиться изъ общиннаго владѣнія лугами, лѣсами, торфяниками, пустошами и пр. угодьями и требовать вознагражденія въ видѣ полученія доли земли въ собственность. Для общаго раздѣла этихъ угодій требовалось согласіе половины участниковъ владѣнія. Послѣ совершенія общаго раздѣла (Generaltheilung) отдѣльные собственники могли требовать спеціальнаго раздѣла (Specialtheilung), если ихъ участки отъ такого раздѣла могли сдѣлаться болѣе пригодными для спеціальной культуры, но это разверстаніе участковъ къ одному мѣсту совершалось не иначе, какъ по добровольному соглашенію. Процессъ спеціальнаго разверстанія почти не совершался; поэтому законъ 1842 г. допустилъ принудительное разверстаніе по требованію $^2/_3$ голосовъ общины, а впослѣдствіи по простому рѣшенію большинства. Съ большимъ успѣхомъ этотъ общій раздѣлъ совершился въ Бременѣ, Люнебургѣ и Дипгольцѣ.

Въ Пруссіи по тому же пути пошелъ актъ 1821 г. (и въ развитіе его актъ 1850 г.). Въ этомъ актѣ говорилось, что „всѣ общинныя владѣнія и всякая смѣшан-

1) См. Waldhecher und Börje. Die Zussammenlegung der Grundstücke, die Gemeinheitstheilung in der Provinz Hannover (1887), также соотвѣтствующія статьи во второмъ изданіи словаря Конрада.

ность участковъ, которыя доселѣ препятствовали земледѣлію и свободному пользованію лугами и полями, окончательно отмѣняются, никто не имѣетъ право требовать ихъ сохраненія . . ."; но это обязательное постановленіе „распространялось только на луга, пустоши, болота (Brüche), выгоны, но не касалось взаимныхъ сервитутовъ помѣжниковъ и владѣльцевъ съ участіемъ или безъ участія въ выпасѣ помѣщиковъ (Herschaften) въ общинныхъ поляхъ (Feldmarken), на паровомъ полѣ или на полѣ послѣ жатвы и всѣхъ происходящихъ неудобствъ отъ чрезполосицы, разбросанности участковъ": устраненіе этихъ такъ называемыхъ общинныхъ владѣній (Gemeinheiten) втораго класса совершалось лишь по требованію (Provocation) помѣщика, общины или dominus praedii dominantis vel servientis. По словамъ Мейцена къ 1848 г. около 48 мил. моргеновъ общинной земли въ Пруссіи было раздѣлено и освобождено отъ сервитутовъ. Декларація 1847 г. однако, сильно ограничила это право раздѣла. Она воспретила раздѣлъ въ частную собственность тѣхъ общинныхъ угодій, которыя служатъ для покрытія общинныхъ расходовъ (Kämmereivermögen), а также, и тѣхъ, которыя принадлежатъ членамъ общины, какъ таковымъ (Bürgervermögen).

Съ этого времени и въ другихъ государствахъ Германіи стали ясно различать общину, какъ политическое учрежденіе, отъ общины, какъ земельнаго союза. Земли, принадлежавшія общины, какъ, политическому союзу, не подлежали раздѣлу и должны были оставаться въ ея собственности. Иногда они становились всецѣло имуществомъ, которымъ распоряжались представительные органы общины безъ права непосредственнаго пользованія отдѣльными общинниками, иногда послѣдніе сохраняли право и непосредственнаго пользованія. Въ Пруссіи, поэтому, раздѣлъ общинныхъ угодій въ тѣсномъ смыслѣ слова отступилъ на задній планъ и дѣло свелось гораздо болѣе къ устраненію общаго права выпаса, къ размежеванію участковъ къ одному мѣсту. По словамъ Мейцена мѣропріятія въ Пруссіи свелись только къ выдѣленію дворянскихъ и частныхъ владѣній въ обособленныя цѣлыя изъ крестьянской черезполосицы, крестьяне же, выдѣливъ свои луга и проч., въ одно цѣлое въ значительномъ числѣ случаевъ продолжали ими пользоваться по старому [1]).

Въ южно-германскихъ государствахъ, несмотря на всѣ старанія правительства, этотъ процессъ раздѣла шелъ медленно и здѣсь скорѣе всего восторжествовало обратное

---

1) См. Buchenberger. Agrarwesen. т. I. 1892, стр. 281.

теченіе. Въ Баваріи закономъ 1869 г. для раздѣла общинныхъ угодій требуется $^2/_3$ голосовъ. Въ Вюртембергѣ съ 1885 всякій раздѣлъ общинныхъ угодій воспрещенъ.

По промышленной переписи 1895 г. въ Германской Имперіи было насчитано 12492 общинъ съ нераздѣленными лугами съ 429.468 хозяйствами, имѣющими право общаго пользованія, 12.386 общинъ съ нераздѣленнымъ лѣсомъ съ 510.846 хозяйствами, 8560 общинъ съ передѣляемой землею съ 382.833 хозяйствами, имѣющими право участія въ ней. Таковы историческія остатки прежняго общиннаго владѣнія. Распространеніе индивидуальной собственности вызвало, однако, массу новыхъ заботъ и хлопотъ для устраненія гибели крестьянскаго хозяйства подъ вліяніемъ задолженности, раздѣловъ наслѣдства и проч., на которыхъ въ курсѣ исторіи уже останавливаться невозможно.

Въ 1861 году (19 февраля) и въ Россіи совершился такой-же великій переворотъ, обновившій всю русскую жизнь.

Какъ всякому должно быть извѣстно, на основаніи Высочайше утвержденнаго Общаго положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, помѣщики, сохраняя право собственности на принадлежавшія имъ земли, обязаны были предоставить крестьянамъ въ постоянное пользованіе усадебную осѣдлость и опредѣленное количество полевой земли и другихъ угодій „для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ.“ За передачу этой земли крестьяне должны были отбывать въ пользу помѣщика опредѣленныя повинности работой или деньгами (оброкъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ крестьянамъ было предоставлено право выкупать въ собственность усадебную осѣдлость, а, „при добровольномъ соглашеніи помѣщиковъ“ съ ними, полевыя земли и другія угодія, отведенныя крестьянамъ въ пользованіе. Для облегченія возможности пріобрѣтать землю, крестьянамъ оказывалось содѣйствіе въ видѣ выдачи помѣщикамъ выкупныхъ за земли ссудъ, съ обязательствомъ для крестьянъ погасить выданную ссуду въ теченіи 49 лѣтъ посредствомъ взноса ежегодныхъ платежей по разсчету 6% съ капитальной суммы долга. Для губерній великороссійскихъ и малороссійскихъ, для ускоренія ликвидаціи дѣла, съ 1883 выкупъ сдѣланъ обязательнымъ. Послѣ польскаго возстанія 1863 г. обязательность выкупа признана въ нѣкоторыхъ юго-западныхъ и сѣверо-западныхъ губерніяхъ въ 1863 и 64 г. г.

Установленный за пользованіе надѣлами оброкъ сообразовался не только съ цѣнностью и доходностью земель разныхъ мѣстностей, но также и съ заработками, какіе крестьяне имѣли отъ неземледѣльческихъ промысловъ:

кромѣ того, чѣмъ меньше былъ надѣлъ, тѣмъ сравнительно больше оброка падало на каждую десятину. По замѣчанію проф. Ходскаго, отсюда слѣдуетъ, „что въ повинностяхъ и платежахъ за землю заключалось частью въ скрытомъ видѣ и вознагражденіе помѣщиковъ за устраненіе крѣпостного права“.

Опредѣленіе размѣра надѣла предоставлялось добровольному соглашенію, съ соблюденіемъ требованія, чтобы надѣлъ не былъ ниже опредѣленнаго закономъ минимума для данной мѣстности. Губерніи и уѣзды были подраздѣлены на особыя полосы, въ которыхъ отмѣчены высшіе и низшіе размѣры надѣла или установленъ одинъ указный надѣлъ. Какъ общее правило было установлено, что въ пользованіи крестьянъ должны остаться всѣ угодья, коими они пользовались раньше, если количественно они не превышаютъ высшаго размѣра надѣла, установленнаго Положеніемъ. При превышеніи помѣщикъ могъ „отрѣзать“ излишнія земли въ свою пользу; если крестьянскій надѣлъ былъ меньше низшаго размѣра, установленнаго Положеніемъ, помѣщикъ долженъ былъ „прирѣзать“ недостающее количество земли. Если у помѣщика, за оставленіемъ крестьянамъ въ пользованіе угодій въ прежнемъ размѣрѣ, должно было остаться менѣе $^1/_3$ земли, то, при условіи, что крестьянамъ отведено не менѣе низшаго надѣла, онъ имѣлъ право остальную землю сохранить за собой. По соглашенію съ помѣщикомъ крестьяне имѣли право отказываться отъ обязательнаго пользованія частью дореформеннаго надѣла (до половины высшаго или указнаго размѣра, и съ пріобрѣтеніемъ въ собственность — не менѣе $^1/_3$ этого размѣра).

При выкупѣ одной усадьбы деньги крестьяне должны были вносить изъ собственныхъ средствъ. Выкупная ссуда выдавалась только при пріобрѣтеніи усадьбы и угодій. Годовой оброкъ, установленный за отводимый надѣлъ, капитализировался изъ шести процентовъ, т.-е. помножался на $16^2/_3$ и такъ опредѣлялась „сумма выкупной оцѣнки“. Правительство отдавало помѣщику по общему правилу 80% (иногда 75%, а иногда и 100%) этой суммы, остальную — пятую часть крестьяне должны были уплатить сами. Если помѣщикъ „требовалъ“ перехода крестьянъ на выкупъ, то размѣръ его вознагражденія опредѣлялся 80% выкупной оцѣнки и крестьяне освобождались отъ платы 20%, т.-е. одной пятой обычнаго дополнительнаго платежа.

Два условія содѣйствовали созданію первоначальнаго контингента малоземельныхъ и совсѣмъ безземельныхъ.

Помѣщикъ могъ подарить крестьянамъ часть ихъ надѣла, включая сюда и усадьбу: этотъ дарственный надѣлъ не долженъ былъ быть ниже $^1/_4$ высшаго или указнаго надѣла.

Уступая такой надѣлъ безъ всякихъ платежей со стороны крестьянъ, помѣщикъ пріобрѣталъ право собственности на всю остальную свою землю. Кромѣ того, дворовые люди съ опубликованіемъ Положенія получали свободу, но земельный надѣлъ могли требовать только тѣ изъ нихъ, которые до указа 2-го марта 1858 г. имѣли полевой надѣлъ или, по переходѣ въ дворовые, не переставали пользоваться надѣломъ или нести барщину при обработкѣ пахоты. До 1863 г. они оставались въ обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщику, т.-е. служили лично или платили оброкъ, но размѣры послѣдняго не могли быть выше 30 р. для мужчины и 10 р. для женщины въ годъ. Мелкопомѣстные владѣльцы крѣпостныхъ (т.-е. тѣ, за которыми по X-ой ревизіи числилось менѣе 21 души, которые имѣли 75 дес. земли въ нечерноземной и степной полосѣ великороссійскихъ губерній или 60 душевыхъ высшихъ или указныхъ надѣловъ въ Малороссіи или черноземной полосѣ, менѣе 300 дес. въ сѣверозападныхъ губер. и менѣе 40 участковъ коренного надѣла въ юго-западныхъ губерніяхъ) не обязаны были ни отводить надѣлъ крестьянамъ, которые до изданія Положенія не были надѣлены землей, ни прирѣзывать къ существующему надѣлу до установленнаго размѣра. Этимъ мелкопомѣстнымъ помѣщикамъ было предоставлено право передать свое имѣніе въ казну съ обращеніемъ крѣпостныхъ въ государственныхъ крестьянъ; на выдачу пособій, вслѣдствіи разстройства ихъ хозяйства отъ освобожденія, назначено было 5 милл. руб. Освобождаемые крѣпостные ихъ приравнены къ дворовымъ, но имъ было предоставлено, по прекращеніи обязательныхъ отношеній, переселяться на казенныя земли съ пособіемъ на устройство и съ изъятіями по отбыванію податей и повинностей.

По данымъ Тройницкаго [1]) по X-ой ревизіи число владѣльцевъ и крѣпостныхъ ревизскихъ душъ опредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Владѣльцы:	Число владѣльц.	%	Ревизскихъ крѣпост. душъ мужского пола.	% ихъ
1. Безпомѣстныхъ.	3,633	3,5	12,045	0,1.
2. Имѣвшихъ до 20-ти душъ.	41,016	39,5	327,534	3,1.
3. „ отъ 20 „ 100 „	35,448	34,2	1,666,173	15,8.
4. „ „ 101 „ 500 „	19,130	19,2	3,925,102	37,1.
5. „ „ 501 „ 1000 „	2,421	2,2	1,569,888	14,4.
6. „ „ болѣе 1000 „	1,382	1,3	3,050,540	24,0.
И того	103,880	„	10,551,182	„

1) См. его изслѣдованіе: „Крѣпостное населеніе Россіи, Спб., 1861 г.

Выкупная операція дала казнѣ значительный доходъ и только съ 1 января 1908 г. выкупные платежи окончательно отмѣнены[1]). По оффиціальному отчету отъ 1893 г. сумма опредѣленная къ 1891 г. помѣщикамъ равнялась 892 милл. р., 316 милл. р. были удержаны для оплаты прежнихъ долговъ, а 575 милл. р. выданы на руки.

Къ началу 60-хъ годовъ Европа сравнительно съ прежнимъ временемъ была уже неузнаваема. Въ 1830 г. весь міръ имѣлъ только 332 килом. желѣзныхъ дорогъ, въ 1850 г. уже — 38,000, въ 1860—106,000, (къ 1896 г.—715,000). Въ 1850 г. Англія имѣла 10,6 тыс. килом., въ 1870 г.—25 тыс. кил., въ тѣ-же годы Франція — 3,0 и 15,7; Германія — 5,8 и 18,8; Россія — 1,94 и 11.4 тыс. кил. желѣзн. дор. Торговый флотъ во всѣхъ странахъ возросъ также очень сильно. Общая длина телеграфныхъ линій всего свѣта достигла нынѣ 3,270,000 километровъ съ 13,340,000 километровъ проволочныхъ проводовъ. Чтобы представить себѣ значеніе этихъ цифръ скажемъ, что длина проволоки могла бы сдѣлать 667 оборотовъ у экватора земли и 3 оборота у экватора солнца[2]). Число паровыхъ двигателей и машинъ возросло въ значительной степени. Промышленность и торговля Европы начали гордо поднимать голову и ихъ интересы стали все болѣе и болѣе находить выраженіе въ представительныхъ учрежденіяхъ.

Русская обрабатывающая промышленность начала мало по малу и все сильнѣе развиваться съ царствованія Петра I-го. Вопросъ о томъ, какъ и когда начала устанавливаться въ Россіи свобода промысла еще ждетъ своихъ внимательныхъ изслѣдователей. Исторія русскаго средневѣковья и Руси 16—17 вѣка еще очень плохо изучена. Обыкновенно отмѣчаютъ, что манифестъ Екатерины II-й 17 марта 1775 г., изданный по поводу заключенія мира, какъ бы между прочимъ, въ числѣ другихъ льготъ, положилъ начало свободѣ промысла и устранилъ покровительство монопольнымъ крупнымъ предпріятіямъ. „Всѣмъ и каждому, говорилось въ ст. 11-й манифеста, дозволяется и подтверждается добровольно

---

1) Знакомство съ исторіей паденія крѣпостного права въ Россіи необходимо для пониманія всего развитія русскаго народнаго хозяйства. Изъ наиболѣе краткихъ сочиненій слѣдуетъ прочесть: Иванюковъ. Паденіе крѣпостного права въ Россіи (2-е изд. 1902 г.). Энгельманъ. Крѣпостное право въ Россіи (р. пер. 1895 в.). Ходскій. Земля и земледѣлецъ (2 тома, 1900 г.). Мигулинъ. Выкупные платежи (1905 г.). Лосицкій. Выкупные платежи (1905 г.). А. С. Лаппо-Данилевскій. Очеркъ и исторія образованія главнѣйшихъ разрядовъ крестьянъ въ Россіи, въ Сборникѣ „Крестьянскій вопросъ", Спб., 1907 г.

2) Любопытныя данныя о развитіи промышленности можно найти въ сочиненіяхъ May. Die Wirtschaft in der Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft (1901) и Schadwell. Industrial Efficiency (2 тома, 1906 г.).

заводить всякаго рода станы и рукодѣлья производить, не требуя на то инаго дозволенія отъ высшаго или низшаго мѣста.“ Указами 31 окт. 1825 г. и 5 февр. 1830 г. дана далѣе полная свобода учредителямъ „фабрикъ, мануфактуръ и заводовъ употреблять такой капиталъ на свои заведенія и избирать такого рода способъ обрабатыванія издѣлій, какой они сами заблагоразсудятъ съ предоставленіемъ на ихъ волю усиливать, уменьшать или даже уничтожать дѣйствіе своихъ заведеній, не отдавая никому отчета и обязываясь только доставлять свѣдѣнія объ этихъ перемѣнахъ правительству.“ Введенное графомъ Канкриномъ торгово-промышленное обложеніе было построено, однако, на всякаго рода сословныхъ преградахъ и продержалось до 1863 г. Положеніе 1863 г. и другія узаконенія въ развитіе его нѣсколько освободили торговлю и промышленность отъ рѣзкихъ сословныхъ стѣсненій и ограниченій, предоставивъ каждому, безъ различія званія и состоянія, пола, возраста и сословія, подданства, свободно заниматься по собственному выбору торговою или промышленною дѣятельностью во всѣхъ видахъ ея, уплативъ лишь казнѣ предварительно соотвѣтственную пошлину за право торговли или промысла. Правительство, такимъ образомъ, какъ бы ставило себя въ положеніе продавца разрѣшеній на занятіе торгово-промышленною дѣятельностью. Въ техникѣ обложенія уже и въ періодъ до 1882 г. Россія сдѣлала большія успѣхи. Въ законодательствѣ же о свободѣ промысла, объ образованіи компаній, союзовъ, стачекъ, трэстовъ, картелей, во всемъ рабочемъ законодательствѣ господствуютъ еще до нынѣ совершенно устарѣлыя начала. Эпоха съ 1848 г. по 1882 г. не могла не вступить на путь европейскихъ реформъ.

Дѣленіе русскаго общества по состояніямъ или сословіямъ, несмотря даже на всю неопредѣленность этихъ терминовъ въ нашемъ законодательствѣ, сохранилось, однако, и до нынѣ. Это дѣленіе, созданное еще законодательствомъ Екатерины II-й съ подраздѣленіемъ общества на дворянъ, духовенство, городскія сословія и сельскихъ обывателей въ наше время доживаетъ свои послѣдніе дни. Только среди дворянства, крестьянства и отчасти биржеваго купечества корпоративная организація еще дѣйствуетъ, у другихъ сословій она находится въ полномъ упадкѣ. Освобожденіе крестьянъ, судебные уставы 1864 г., реформа полиціи 1862 г., земское положеніе 1864 г., городовое положеніе 1870 г., уставъ о всеобщей воинской повинности 1874 г., отмѣна подушной подати 1889—1885 г. были первыми этапами по превращенію нашихъ сословій въ общественные классы, т. е. въ объединенныя общностью интересовъ и обладающія своеобразной психологіей группы людей, фактически различаю-

щіяся по своему имущественному положенію и не имѣющія никакихъ особыхъ наслѣдственныхъ правъ и обязанностей. Реакціонная эпоха 1883—1905 г. надолго задержала этотъ процессъ, обнаруживъ тенденцію къ увеличенію привилегій дворянства и къ обособленію и регламентаціи жизни крестьянскаго сословія. Въ 1903 г. отмѣнена круговая порука крестьянъ по платежу податей, въ 1906 г. отмѣнена для крестьянъ обязанность выборки срочныхъ паспортовъ чрезъ представителей сельскаго управленія и дана возможность полученія безсрочныхъ паспортовъ у полиціи по мѣсту жительства, въ 1907 г. отмѣнены выкупные платежи, но и теперь еще тяготѣетъ надъ крестьянствомъ устарѣлое законодательство со всѣхъ сторонъ опекающее его жизнь, обременяющее его всякаго рода повинностями. Какъ сословіе, крестьянство обладаетъ самымъ дикимъ правомъ (фактически обязанностью по требованію администраціи) исключать своихъ порочныхъ членовъ по приговору общества изъ своего состава, что влечетъ за собою ссылку въ Сибирь. Въ переживаемую нами эпоху всѣ сословные вопросы поставлены на очередь. Россія переживаетъ эпоху глубокаго кризиса; эти вопросы подлежатъ самому тщательному изученію, который уже выходитъ изъ круга моего краткаго обзора событій до 1882 г.

Я уже раньше отмѣтилъ, что, начиная съ 1830 по 1879 г., Европа пережила періодъ громаднаго увеличенія количества акціонерныхъ компаній. Въ Россіи то-же явленіе обнаружилось нѣсколько позднѣе, а именно, съ 1854 г., когда послѣ севастопольской кампаніи и общаго экономическаго разстройства (а отчасти и подъ вліяніемъ выпуска громаднаго количества бумажныхъ денегъ) и въ нашей странѣ обнаружилось стремленіе къ новымъ формамъ жизни, завершившееся освободительной реформой 1861 г.

Тогда, какъ за весь предшествовавшій періодъ съ 1844 по 1854 г. сумма капиталовъ всѣхъ учрежденныхъ за годъ компаній обыкновенно колебалась въ десяткахъ тысячъ (13 случаевъ изъ 21) и лишь въ 12 случахъ поднималась до единицъ милліоновъ, въ то время, какъ число учрежденныхъ за годъ компаній не превышало 3-хъ; въ 1856 г. учреждается 8 комп. съ капиталомъ 13 милл. рубл.; въ 1857 г. 14 комп. съ капиталомъ 145 м. р.; въ 1858 г. 41 комп. съ капит. 58 м. р.; въ 1859 г. 28 комп. съ капит. 93 м. р. Съ 1854 г., по справедливому замѣчанію академика В. П. Безобразова, (см. его трудъ: Народное хозяйство Россіи, 4 вып., Спб. 1882—1889 г.) „и въ Россіи были раскрыты настежъ двери для разныхъ видовъ промышленной и спекулятивной дѣтельности, главнѣйше для акціонерной, лежавшей дотолѣ подъ полнымъ запретомъ.“ Съ 1867 по 1874 г. въ

Россіи образовалось около 360 компаній (131 въ 1873 г.) съ капиталомъ свыше 700 м. рубл.: въ эту эпоху и мы пережили свое „акціонерное возбужденіе."

Развитіе системы естественной свободы, въ смыслѣ разрѣшенія свободы коалицій, продолжалось. Актомъ 1875 г. Англія снова вернулась къ закону 1824 г. и признала, что „соглашеніе двухъ или болѣе лицъ совершить какое-либо дѣйствіе или принять мѣры къ его совершенію для осуществленія и поддержанія промышленнаго спора между предпринимателями и рабочими не подлежитъ наказанію, какъ „заговоръ", если это дѣйствіе, будучи содѣяно однимъ лицомъ, не наказуемо, какъ преступленіе." Въ другихъ странахъ, съ тѣми или другими ограниченіями, къ концу разсматриваемаго періода свобода стачекъ и коалицій мало по малу становится закономъ разрѣшенной. Въ Германіи право стачекъ для защиты заработной платы и условій труда признано 1869 г.: въ Австріи 1870 г.: во Франціи въ 1864 г.[1]).

---

1) Въ Англіи законами 1824, 1825, 1871 и въ особенности такъ называемымъ Conspiracy and Protection of Property Act 13 августа 1875 года, первый параграфъ секціи 3-й котораго гласитъ: „соглашеніе или коалиція двухъ или болѣе лицъ совершить какое либо дѣйствіе или принять мѣры къ его совершенію (to procure to be done) для осуществленія и поддержанія (in contemplation or furtherance) промышленнаго спора между предпринимателями и рабочими не подлежитъ наказанію, какъ заговоръ (conspiracy), если это дѣйствіе, будучи содѣяно однимъ лицомъ, не наказуемо, какъ преступленіе (crime)".

Въ Германіи ст. 152 Gewerbeordnung 1869 года постановляетъ: „отмѣняются всѣ запрещенія и уголовныя взысканія съ ремесленниковъ, подмастерьевъ и фабричныхъ рабочихъ за соглашенія и стачки съ цѣлью истребованія высшей заработной платы или иныхъ условій работы, въ особенности посредствомъ пріостановки работы или оставленія рабочими своихъ мѣстъ. Каждый участникъ имѣетъ право выйти изъ стачки, и это обстоятельство не даетъ основаній ни для иска, ни для претензіи."

Во Франціи драконовскіе законы 1791 года противъ всякихъ коалицій были отмѣнены въ 1864 г., но видоизмѣнныя статьи уголовнаго кодекса создали новое преступленіе „atteinte à la liberté de travail" (покушеніе на свободу труда).

Ст. 416 этого кодекса, постановлявшая, что „рабочіе, которые при посредствѣ штрафовъ, запрещеній, проскрипцій (требованіе разсчета какого либо рабочаго) или интердикціи (воспрещеніе наниматься посторонним) на основаніи обдуманнаго плана нарушать свободный ходъ промышленности и труда, подлежатъ уголовной карѣ", дѣлала совершенно фиктивной возможность образованія какихъ либо коалицій и союзовъ. Правительство оставляло себѣ право и полный просторъ для преслѣдованія неправящихся ему коалицій и союзовъ. Только законъ 21 марта 1884 г. о профессіональныхъ синдикатахъ отмѣнилъ эту 416 статью кодекса.

Въ Австріи закономъ 7-го апрѣля 1870 г. ст. 479, 480 и 481 общаго уголовнаго закона 27 мая 1852 г., противъ стачекъ отмѣнены. Статья 2-я новаго закона гласитъ: соглашенія (Verabredungen) работодателей, какъ-то: содержателей промышленныхъ заведеній (ремесленниковъ), нанимателей прислуги (Dienstgeber), управляющихъ фабриками, горными

Меньше всего на континентѣ обнаружилось прогресса въ области фабричнаго законодательства. Только въ Англіи это дѣло продолжало развиваться безъ остановокъ; въ 1867 г. фабричное законодательство было въ этой странѣ распространено на всѣ мастерскія и въ 1878 г. впервые кодифицировано въ особый законъ о фабрикахъ и мастерскихъ.

Во Франціи декретъ 9 сентября 1848 г. провозгласилъ,

заводами, копями, сельско-хозяйственными или иными промышленными предпріятіями, которыя имѣютъ въ виду посредствомъ прекращенія дѣятельности предпріятія или увольненія рабочихъ понизить заработную плату или вообще ввести болѣе невыгодныя условія работы, точно такъже какъ и соглашенія рабочихъ, какъ-то: мастеровъ, подмастерьевъ, прислуги (Bediensteten) или другихъ работающихъ за плату, имѣющія цѣлью посредствомъ всеобщей пріостановки работъ вынудить у предпринимателей высшую плату или вообще болѣе благопріятныя условія труда, а также всѣ союзы (Vereinbarungen) съ цѣлью поддержать участниковъ въ вышеупомянутыхъ стачкахъ или ко вреду тѣхъ, которые отказываются принимать въ нихъ участіе, не имѣютъ никакой юридической силы" (haben keine rechtlichen Wirkungen). Другими словами, стачка не наказуема, но не даетъ основаній для какихъ либо исковъ.

Понятіе нарушенія свободы труда понимается очень различно. Такъ, 38 и 39. Вик. гл. 86, сек. 7 англійскаго акта 1875 года гласитъ: „всякій, кто несправедливо и не имѣя на то законнаго права, съ цѣлью принужденія другого къ несовершенію или совершенію тѣхъ дѣйствій, совершать или не совершать которыя это другое лицо имѣетъ законное право, будетъ: 1) употреблять насиліе или угрожать другому, или его женѣ, или дѣтямъ, или наноситъ ущербъ его имуществу; 2) настойчиво преслѣдовать другого отъ одного мѣста до другого (from place to place); 3) прятать орудія, одежду или иную собственность, принадлежащую другому или находящуюся въ его употребленіи, лишать его таковыхъ или мѣшать ими пользоваться; 4) держать подъ надзоромъ (to watsh) или осаждать домъ или другое мѣсто, гдѣ другой живетъ, работаетъ, занимается или случайно находится, а равно и пути къ такимъ мѣстамъ; 5) преслѣдовать другого, въ сообществѣ двухъ или болѣе лицъ, безчинно и по улицамъ или по другой дорогѣ, — тотъ, по рѣшенію суда, въ порядкѣ упрощеннаго судопроизводства или на основаніи ниже упомянутаго обвинительнаго акта, присуждается: или къ уплатѣ денежнаго штрафа, не превышающаго 20 фунтовъ, или къ тюремному заключенію на срокъ не свыше трехъ мѣсяцевъ съ тяжелыми работами или безъ таковыхъ.

Пребываніе въ домѣ или мѣстѣ, гдѣ лицо живетъ, работаетъ занимается или случайно находится, равно какъ и нахожденіе около или приближеніе къ нимъ, единственно съ цѣлью полученія или передачи извѣстій, не должно почитаться надзоромъ или осадой въ смыслѣ настоящей статьи".

Ст. 414 франц. угол. код.: „наказывается заключеніемъ отъ шести дней до трехъ лѣтъ и штрафомъ отъ 16 до 3000 франковъ или только однимъ изъ этихъ наказаній, всякій, кто насиліями, фактическими дѣйствіями принужденія (voies de faits), угрозами или обманными способами привелъ въ исполненіе или поддержалъ, пытался привести въ исполненіе или поддержать организованное прекращеніе работъ съ цѣлью вызвать повышеніе или пониженіе платъ или нарушить свободу труда и промысла. Ст. 455 наказываетъ, кромѣ того, стачку по заранѣе составленному плану, отдачей по приговору суда или по приказу административной власти подъ надзоръ полиціи отъ двухъ до пяти лѣтъ.

„что на мануфактурахъ и фабрикахъ рабочій не можетъ быть занятъ эффективной работой свыше 12-ти часовъ въ сутки“, но практически этотъ законъ не имѣлъ значенія до 1874 г., когда, наконецъ, и въ этой странѣ былъ проведенъ 9 мая 1874 г. болѣе реальный законъ и введена фабричная инспекція. Законъ этотъ распространенъ на всѣ фабрики, мастерскія и рудники. Дѣтямъ до 12 лѣтъ, по общему правилу, воспрещенъ трудъ; для многихъ, однако, отраслей, напр. на ткацкихъ фабрикахъ, въ видѣ исключенія было разрѣшено употреблять и дѣтей 10-лѣтняго возраста. Максимальный рабочій день для дѣтей ниже 12-ти лѣтъ опредѣленъ въ 6 часовъ, для подростковъ съ 12 по 16 л. — 12 ч. Ночная работа воспрещена для всѣхъ рабочихъ до 16 л. во всѣхъ промышленныхъ заведеніяхъ и для дѣвушекъ до 21 г. на всѣхъ фабрикахъ. Воскресная работа воспрещена для всѣхъ рабочихъ, указанныхъ выше. И въ Пруссіи ея „Регулятивъ“ 1837 г., дававшій тоже кое-какое покровительство труду, распространился на весь сѣверо-германскій союзъ въ 1869 г. Только съ 90-хъ годовъ Германія вступила на путь „соціальнаго законодательства“. Въ Австріи кое-что было также сдѣлано законами 1842 и 1859 гг., но въ предѣлахъ не превышавшихъ законъ 1874 г. во Франціи.

Въ Россіи первыя попытки рабочаго законодательства были сдѣланы въ 1835 и 1845 гг.; затѣмъ вплоть до 1882 г. это дѣло совершенно замерло и оставалось въ своей устарѣлой формѣ. „Положеніе объ отношеніяхъ между хозяевами фабричныхъ заведеній и рабочими людьми, поступающими въ оныя по найму“ 1835 г. было нашимъ первымъ фабричнымъ закономъ. Всѣмъ лицамъ податного состоянія было предоставлено право наниматься на фабрику на срокъ, указанный въ паспортѣ. До истеченія срока воспрещалось оставлять фабрику и требовать увеличенія платы. Хозяинъ фабрики имѣлъ право разсчитать рабочаго съ предупрежденіемъ за 2 недѣли въ случаѣ неисполненія имъ обязанностей и дурного поведенія. Въ 1845 г. съ введеніемъ новаго „Уложенія о наказаніяхъ“ ст. 1792-я установила наказаніе за стачки (отъ 7 дней до 3-хъ недѣль ареста участникамъ и отъ 3-хъ недѣль до 3 мѣсяцевъ зачинщикамъ), причемъ коммиссія по выработкѣ проэкта Уложенія ссылалась на иностранные законы, т. е. на законъ 1791 г. во Франціи и 1799 г. въ Англіи [1]). Законъ 7 августа 1845 г.

1) См. Туганъ-Барановскій. Русская фабрика, 2-ое изд. 1900 г. Миклашевскій. Стачки и соціальный вопросъ (1905 г.) Микулинъ. Фабричное законодательство (1906 г.). Полезное, но не полное изданіе Министерства Финансовъ 1905 г.: „Обзоръ иностранныхъ законодательствъ по регулированію рабочаго времени въ промышленныхъ предпріятіяхъ.“ Ни старое, ни новое уголовное уложеніе не измѣнили

воспретилъ ночную работу на фабрикахъ малолѣтнимъ до двѣнадцати-лѣтняго возраста, но онъ остался такой же мертвой буквой, какъ и законъ Павла 1799 г. о ремесленныхъ цехахъ, безконечно переиздававшійся и повторявшій мертвую статью 153-ю, которая назначаетъ рабочіе часы отъ 6 часовъ утра до 6 ч. вечера съ двумя перерывами въ два часа времени, т. е. всего 10 рабочихъ часовъ въ сутки съ полнымъ запрещеніемъ ночной работы. Только съ 1882 г. начало очень медленно развиваться наше фабричное законодательство и созданъ былъ фабричный инспекторатъ.

На ряду съ ростомъ промышленности и городской жизни, въ этотъ-же періодъ — съ 1848 по 1879 г. развивался и сплачивался пролетаріатъ. Организація его началась съ особымъ успѣхомъ въ Германіи лишь подъ вліяніемъ агитаціи Лассаля съ 1863 г., а также съ 1864—6 г. и международной ассоціаціи рабочихъ (или такъ называемаго Интернаціонала [1]), пока, наконецъ, съ 1869 г., К. Марксу не удалось создать особой соціалъ-демократической партіи, которая пріобрѣла громадный успѣхъ послѣ образованія Германской имперіи въ 1870 г., введенія всеобщаго избирательнаго права при выборѣ въ Рейхстагъ [2]) и послѣ вы-

своего принципіальнаго взгляда на стачки. Такъ статья 367 новаго уложенія гласитъ: „рабочіе на заводѣ, фабрикѣ, горномъ промыслѣ, въ желѣзно-дорожныхъ, портовыхъ или тому подобныхъ мастерскихъ и вообще въ такомъ предпріятіи, прекращеніе дѣятельности коего можетъ неблагопріятно отразиться на интересахъ мѣстнаго населенія, виновные въ прекращеніи работы по соглашенію между собою, съ цѣлью принудить предпринимателей къ возвышенію заработной платы до истеченія срока, за сію стачку наказываются заключеніемъ въ тюрьмѣ на срокъ не свыше шести мѣсяцевъ“. Статья 1358 стараго уложенія назначаетъ наказаніе отъ 2-хъ до 4-хъ мѣсяцевъ и не знаетъ этого опаснаго и неопредѣленнаго положенія: „можетъ неблагопріятно отразиться на интересахъ мѣстнаго населенія“. Указъ 3 дек. 1905 г. устанавливаетъ еще тяжкія наказанія за забастовки въ предпріятіяхъ, имѣющихъ общественное или государственное значеніе. Указы 4 и 20 дек. даютъ чрезвычайныя полномочія при проявленіи какихъ нибудь смутъ и волненій на желѣзныхъ дорогахъ, телеграфахъ и проч.

1) О Международной ассосіаціи рабочихъ см. мою замѣтку въ словарѣ Брокгауза и Ефрона, также на русскомъ языкѣ Іеккъ. Интернаціоналъ. О дѣятельности Лассаля и его жизни лучшее новѣйшее сочиненіе H. Oncken. Lassale (1904 г., р. пер. 1905 г.) „Исторія германской соціалъ-демократіи“ въ соч. Фр. Мэринга (два русскихъ перевода 1906 г. изд. Граната и Общественной пользы). Проф. А. А. Исаевъ. О соціализмѣ нашихъ дней, Штутгардъ, 1902.

2) Проф. Диль (см. его Соціализмъ, коммунизмъ, анархизмъ, р. пер. 1906 г. стр. 199) замѣчаетъ по этому поводу: „Бисмаркъ ввелъ всеобщее избирательное право не для того, чтобы положить начало эмансипаціи рабочаго класса, а съ цѣлью воспользоваться имъ для укрѣпленія національной идеи. Какъ онъ однажды выразился въ бесѣдѣ съ Вилларомъ, всеобщее избирательное право онъ считалъ необходимымъ, въ качествѣ цемента при постройкѣ зданія Имперіи, въ качествѣ средства для подавленія традиціонно-неизбѣжныхъ центробѣж-

работки новой программы въ Готѣ, которая была компромиссомъ между сторонниками Лассаля и Маркса.

Изложеніе всѣхъ особенностей экономическаго развитія разныхъ Европейскихъ странъ не можетъ быть предметомъ нашего изученія въ курсѣ исторіи политической экономіи, но необходимо отмѣтить тѣ видоизмѣненія, которыя съ 1848 по 1875 г. произошли въ промышленныхъ отношеніяхъ между народами.

Какъ мы уже видѣли выше, Англія раньше всѣхъ другихъ странъ вступила на путь свободной торговли. Почииъ новой торговой политикѣ на континентѣ Европы дала Франція при Наполеонѣ III [1]).

Профессоръ Лексисъ [2]) былъ однимъ изъ первыхъ ученыхъ, который далъ исторію „соціальной политики" Наполеона III, пытавшагося заигрывать съ рабочимъ классомъ, чтобы упрочить свое положеніе. Великой панацеей для „устраненія пролетаріата" онъ считалъ свободную торговлю. Послѣ періода революціоннаго броженія во Франціи обнаружилось необыкновенное промышленное оживленіе. Совпавшее съ этимъ временемъ открытіе калифорнійскихъ и австралійскихъ золотыхъ рудниковъ и розсыпей доставило Европѣ необычайное количество благороднаго металла. Въ періодъ съ 1830 по 1840 г. золота въ среднемъ добывалось 20,2 тыс. килогр., серебра 596,4; въ 1856 60 г. золота 201,7 т. к., серебра — 904,9 т. к. Обиліе свободнаго денежнаго капитала необыкновенно расширило кредитъ, а переходъ къ машинной индустріи, паровымъ двигателямъ и акціонерной формѣ предпріятій содѣйствовалъ концентраціи и увеличенію производства [3]).

ныхъ тенденцій нѣкоторыхъ нашихъ (т. е. германскихъ) мелкихъ властителей и государствъ.

1) См. P. Clement. Histoire du Système Protecteur en France (1854 г.); A. Brandt. Beiträge zur Geschichte der französischen Handelspolitik (1896 г.) и вообще всѣ изданія союза „Соціальной политики" по обзору торговой политики главнѣйшихъ Европейскихъ странъ. Для лицъ, желающихъ лишь вкратцѣ ознакомиться съ исторіей торговой политики, слѣдуетъ указать два сочиненія: 1. Grunzel. System der Handelspolitik (2 изд. 1906 г.) и Schippel. Grundzüge der Handelspolitik (1900 г.). Изъ изданій союза „Соціальной политики" отмѣтимъ: 1. I. von Bazant. Die Handelspolitik Oesterreich-Ungarns. 2. W. Lotz. Die Ideen der deutschen Handelspolitik. 3. I. Fuchs. Die Handelspolitik Englands und seiner Kolonien. Новая имперіалистическая политика Англіи изображена въ книгѣ: Schultze-Gävernitz. Britischer Imperialismus und englischer Freihandel (1906), также А. Веснинъ. Британская имперская ассоціація (1900). W. Cunningham. The rise and decline of free trade movement, L., 1904 г. N. Smart. Return to protection, L. 1904 г.

2) См. его Gewerkvereine und Unternehmer-Verbände in Frankreich, 1879 г., также выше отмѣченное сочиненіе г. Вейля.

3) Въ связи съ этимъ явленіемъ началось и видоизмѣненіе денежныхъ системъ во всей континентальной Европѣ. Какъ я уже отмѣтилъ

Казалось, что разрушеніе таможенныхъ преградъ откроетъ широкій просторъ для дальнѣйшаго расширенія оборотовъ. Уже въ 1853 г. Наполеонъ III-ій, воспользовавшись дороговиз-

раньше. Англія въ 1816 г. первая перешла къ золотому обращенію, сдѣлавъ своей монетной единицей 1 фунтъ стерлинговъ, равный 7,322 гр. чистаго золота и опредѣливъ отношеніе между золотомъ и серебромъ, какъ 1 : 14,287. Въ Россіи съ 1810 г. держалось серебряное обращеніе съ рублемъ, какъ монетной единицей, равнявшейся 4 зол. 21 доли чистаго серебра и съ отношеніемъ золота къ серебру 1 : 15. Во Франціи съ 1803 г. господствовало двойное обращеніе съ монетной единицей въ одинъ франкъ (5 грм. сер.) и съ отношеніемъ золота къ серебру 1 : $15^1/_2$, т. е. по этому отношенію оба металла равно служили законной платежной единицей и чеканились въ любомъ количествѣ по заказу вольно-приносителей слитковъ. Въ большинствѣ другихъ странъ господствовало серебряное обращеніе. Съ 1854 г., когда обнаружился максимумъ добыванія золота въ Калифорніи, и вплоть до 1864 г. золото нѣсколько дешевѣло и обнаружилось было стремленіе къ серебру или къ биметаллизму (двойному обращенію). Въ 1865 г. образовался биметаллическій Латинскій монетный союзъ между Франціей и Бельгіей, Швейцаріей и Италіей: въ 1868 г. къ нему примкнули Греція и Румынія. Послѣ 1873 г., однако, увеличеніе серебрянаго производства, колебаніе въ его цѣнности, неудобство серебра, какъ дешевыхъ денегъ для оборотовъ крупно-капиталистическаго хозяйства, привело къ переходу цѣлаго ряда странъ къ золотому обращенію. Почннъ подала Германія, перешедшая къ золоту съ маркой — 7,168 гр. чистаго золота, какъ монетной единицей; за ней послѣдовали Скандинавскія государства въ 1873 г., Финляндія въ 1877 г., Австрія въ 1892 г.; Россія въ 1898 г. съ монетной единицей въ одинъ рубль, равный $^1/_{15}$ части прежняго имперіала и содержащій 17,424 доли чистаго золота; серебряный рубль прежняго чекана въ 405 долей постановлено чеканить только по желанію правительства, но въ количествѣ не превышающемъ массу населенія Имперіи въ три раза; платежъ этимъ серебромъ допущенъ лишь до 25 рублей: отношеніе золота и серебра по цѣнности у насъ теперь 1 : 23,2, т. е. $\frac{405}{17,424}$. Размѣнъ кредитнаго рубля на звонкую монету съ этой реформой возстановленъ по курсу $66^2/_3$ коп. стараго золотого рубля. Въ Латинскомъ союзѣ чеканъ серебра за счетъ вольно-приносителей окончательно воспрещенъ съ 1876 г. Послѣ ряда безуспѣшныхъ попытокъ Соединенные Штаты съ 1893 г. также прекратили свои сложныя операціи по покупкѣ серебра для поддержанія его цѣнности. Закономъ 1900 г. и въ С. Штатахъ монетной единицей страны сдѣланъ золотой долларъ въ 23,2 гр. чистаго золота и на секретаря казначейства возложена обязанность поддерживать паритетъ всѣхъ другихъ выпущенныхъ въ обращеніе денегъ съ золотой единицей, т. е. фактически установлено золотое обращеніе безъ явной отмѣны биметаллизма (такъ называемое хромое обращеніе). Большинство крупныхъ культурныхъ державъ перешло, такимъ образомъ, къ концу 19-го вѣка къ дѣйствительному золотому обращенію. Латинскій союзъ съ 1876 г. окончательно прекратилъ свободную чеканку серебра, т. е. также, какъ и Соединенные Штаты, перешелъ къ фактическому золотому обращенію безъ законодательной отмѣны биметаллизма. Говорю — фактически, ибо прекращеніе чеканки серебра для вольно - приносителей есть въ дѣйствительности провозглашеніе господства золотого обращенія. Отношеніе между золотомъ и серебромъ къ концу 19-го вѣка установилось, какъ 1 : 32 : 34, т. е. серебро подешевѣло вдвое сравнительно съ началомъ вѣка. По новѣйшему отчету директора американскаго монетнаго двора за послѣдніе три года было добыто: въ 1903 г. — золота

ной припасовъ, понизилъ пошлины на ввозъ скота, устранилъ подвижную школу пошлинъ по ввозу хлѣба и особый добавочный сборъ на иностранные корабли, приходившіе съ хлѣбомъ во Францію. Вплоть до 1860 г. Наполеонъ, несмотря на протесты палаты депутатовъ, неизмѣнно двигался по предначертанному пути. Воспользовавшись своимъ правомъ заключать договоры съ иностранными государствами безъ согласія палатъ, Наполеонъ заключилъ особый торговый договоръ съ Англіей 23-го января 1860 г., который значительно понижалъ таможенныя пошлины обѣихъ договаривающихся сторонъ. Согласно Гладстоновскому тарифу 1860 г. Англія почти обратилась въ страну полной свободы торговли.

Особенность этого торговаго договора сводилась, однако, не только къ пониженію пошлинъ, но и къ тому, что договаривавшіяся стороны обязывались держаться въ своей торговой политикѣ „условія такъ называемаго наибольшаго благопріятствованія.“ Согласно этому условію, „всякое пониженіе тарифа, привиллегіи, преимущества, благопріятствованіе, которыя договорившаяся страна предоставитъ другой какой-либо странѣ, немедленно получаютъ силу и для страны, съ которой она имѣетъ торговый договоръ“.

Торговый договоръ Франціи и Англіи побудилъ Пруссію вступить въ переговоры съ Франціей. Интересы земледѣлія Пруссіи требовали свободной торговли. Въ то-же время политическія соображенія побуждали ее желать того-же. Она стремилась не допустить Австрію, державшуюся покровительственной политики, въ составъ сѣверо-германскаго таможеннаго союза. Въ 1862 году договоръ съ условіемъ наибольшаго благопріятствованія былъ заключенъ между Пруссіей и Франціей. Послѣ нѣкоторыхъ протестовъ къ нему присоединились и государства средней Германіи въ 1865 г. Въ апрѣлѣ 1865 г. Бисмарку удалось заключить такой-же договоръ и съ Австріей. Франція заключила такіе-же договоры съ Бельгіей въ 1861 г., съ Италіей и Швейцаріей въ въ 1864 г. Англія заключила такой-же договоръ съ Бельгіей въ 1861 г., въ 1863 г. съ Италіей, а въ 1865 г. съ Германіей и Австріей. Послѣ Австро-Прусской войны 1866 г.

---

493 тыс. килограммовъ, серебра 5,216; въ 1904 г. золота 522 т. к., серебра 5,112; въ 1905 г. золота 566 т. к., серебра 5,690; въ 1906 г. — золота 602 т. к., серебра 5,155 т. к. Вообще въ послѣднее время вновь сильно увеличилась добыча золота и наступленіе „золотого голода“, который предсказывали въ 1881—87 г., когда добыча золота упала до 144 и 145 т. к. въ годъ, не оправдалось. Съ 1888 г. началось послѣдовательное увеличеніе добычи золота. Упорядоченіе денежныхъ системъ, устраненіе обезцѣненныхъ бумажныхъ денегъ — большая заслуга дѣятелей начала, средины и конца 19-го вѣка. Оно содѣйствовало развитію мѣщанской честности, но все же честности, въ договорахъ.

конституировался новый германскій таможенный союзъ, но и онъ продолжалъ ту-же политику свободной торговли. Автономный[1]) тарифъ Германіи 1870—73 г. стоялъ вполнѣ на почвѣ свободной торговли. Къ 1872 г. тарифъ Соединенныхъ Штатовъ также былъ пониженъ на 10%. Строго запретительный тарифъ Россіи 1822 г. также поколебался. Въ 1850, 1857 и 1868 гг. русскій тарифъ былъ значительно пониженъ; въ 1851 г. пала таможенная граница между Россіей и Польшей. Вообще приблизительно до 1875—8 г. Европа переживала періодъ свободной торговли и необыкновеннаго расцвѣта промышленнаго движенія, которое только отчасти было нарушено кризисомъ 1873 г.

Въ исторіи экономическаго развитія Европы эта эпоха съ 1848—1888 г. имѣетъ чрезвычайно важное значеніе и по слѣдующимъ основаніямъ.

1. Въ эту эпоху, какъ мы отмѣтили, мало по малу повсемѣстно пало крѣпостное право: вездѣ за исключеніемъ Россіи и Турціи[2]) въ крупныхъ державахъ установился конституціонный строй съ тѣмъ или инымъ представительствомъ работающихъ и владѣющихъ классовъ. Послѣдніе остатки рабства въ Сѣверной Америкѣ по отношенію къ цвѣтнымъ расамъ были уничтожены послѣ братоубійственной войны 1862—65 г.

2. Промышленныя связи между странами окрѣпли. Повсемѣстно стало происходить уравненіе въ правахъ между иностранцами и гражданами каждой страны въ дѣлѣ производства и торговли. Въ Западной Европѣ это явленіе имѣло наибольшее развитіе и только Россія менѣе всего подвинулась въ этомъ направленіи. Свободное передвиженіе капиталовъ изъ страны въ страну усилилось и это вызвало необычайное развитіе кредита, усилило значеніе движимаго капитала и дало просторъ государственной задолженности.

---

1) Различаютъ нынѣ три вида таможенныхъ тарифовъ: 1) „*автономнымъ или единымъ тарифомъ*“ называютъ такой тарифъ, ставки котораго на всѣ товары устанавливаются самостоятельно страной и совершенно одинаково для всѣхъ другихъ государствъ, не давая ни одной изъ нихъ какого-либо благопріятствованія 2) „*Общимъ или конвенціональнымъ тарифомъ*“ называется обыкновенно такой тарифъ, ставки котораго имѣютъ двоякое расположеніе: въ одной колоннѣ его указываются ставки, которыя общи для всѣхъ странъ, заключившихъ съ данной страной договоръ на основаніи наибольшаго благопріятствованія — это конвенціональный тарифъ; въ другой колоннѣ указываются ставки стараго автономнаго тарифа, которыя дѣйствуютъ по отношенію къ другимъ странамъ, стоящимъ внѣ договоровъ — это общій тарифъ. 3-й видъ тарифа — „*максимальный тарифъ*“ обыкновенно совпадаетъ съ общимъ тарифомъ, минимальный — съ договорнымъ. Ставки этого тарифа, слѣдовательно, выше для однѣхъ странъ и товаровъ и ниже для другихъ.

2) На нашихъ глазахъ начинаетъ упрочиваться конституціонный строй въ Россіи и Турціи.

Развитіе желѣзно-дорожной сѣти, торговаго флота и организація дорожнаго дѣла вообще въ предѣлахъ Европы могущественно подвинулась впередъ. Торговые договоры устранили замкнутость странъ и болѣе культурныя страны (Англія, Германія и Франція) обратились въ государства съ преобладаніемъ обрабатывающей промышленности. Земледѣліе въ нихъ стало терять свое первенствующее значеніе. Процессъ капитализаціи промысловъ обнаружился повсемѣстно.

Техника налогового обложенія достигла значительнаго совершенства, какъ при прямыхъ, такъ и косвенныхъ налогахъ. Подъ вліяніемъ опыта Англіи разработана теорія подоходнаго налога.

3. Послѣ періода войнъ и возстаній 1854, 1859, 1862—5, 1866, 1870, 1874 и 1878 г.г. Англія, Франція, Австрія, Италія, Испанія, Бельгія, Швеція, Норвегія, Турція, Россія и Соединенные Штаты стали играть выдающуюся роль во всемъ мірѣ и раздѣлили всѣ другія страны свѣта между собою. Національно-государственная идея во всѣхъ государствахъ съ представительнымъ строемъ окрѣпла и мечтанія рѣшать соціальныя вопросы внѣ государства стали находить все менѣе сторонниковъ. Европа вступила въ эпоху консолидаціи интересовъ нынѣ существующихъ крупныхъ державъ и вооруженнаго мира или милитаризма [1]). Эпоха мира, которую ожидали сторонники свободной торговли, такимъ образомъ, не наступила и съ 1879 г. повсемѣстно обнаружился переходъ къ новому протекціонизму — къ соціальному въ предѣлахъ странъ и къ торговопромышленному въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

4. Промышленная жизнь Европы въ теченіи всего 19-го вѣка, однако, безпрерывно развивалась, несмотря на рядъ тяжелыхъ потрясеній или такъ называемыхъ торгово-промышленныхъ кризисовъ, которые Европа пережила въ 1815, 1825 1836—39, 1847, 1857, 1866 и 1873 г.г. Кризисъ 1873 г. пронесся по всей Европѣ и въ Соединенныхъ Штатахъ послѣ періода необычайнаго промышленнаго оживленія и оказался въ высшей степени тяжелымъ. Одинъ изъ изслѣдователей вопроса о кризисахъ — Гайдманъ [2]) мѣтко характеризуетъ

1) Насколько возросла общая сумма государственной задолженности, подъ вліяніемъ новыхъ началъ политики и вооруженнаго милитаризма во всемъ свѣтѣ, можно видѣть изъ слѣд. цифръ; въ 1793 г., по исчисленіямъ американскаго бюро статистики казначейства, задолженность всего міра была 2,4 миллiарда долларовъ; въ 1848 г.—8,4 м. д.; въ 1872—22,4; въ 1882—26,2; къ 1900—31,2. Государственный долгъ Россіи достигъ въ последнее время до 9 миллiардовъ рублей, изъ этой суммы около 4 млл. составляютъ желѣзно-дорожные займы.

2) См. H. Haidmann. Commercial Crises of XIX Century (1893 г.); также Туганъ-Барановскій. Промышленные кризисы, 2 изд. 1900 г. А. И. Чупровъ. О характерѣ и причинахъ современнаго промышленнаго

послѣдствія этого кризиса, который, по его мнѣнію, былъ послѣднимъ кризисомъ „старой формы“, т.-е. при наиболѣе полномъ господствѣ системы свободнаго соперничества. „Онъ научилъ капиталистовъ искусству соединеній и взаимной поддержки въ минуты опасности“ . . . . Послѣ 1873 г. надолго обнаружился полный застой сбыта, перепроизводство въ промышленности и вялость въ торговлѣ. Паденіе цѣнъ было столь сильно и неожиданно, что даже знающіе люди не могли разобраться въ причинахъ этого явленія и объясняли паденіе цѣнъ сравнительно маловажными условіями, напр., демонетизаціей серебра.

Хлѣбныя цѣны подъ вліяніемъ конкуренціи Америки, Индіи и Россіи, упали до необычайно низкаго уровня. Хотя зажиточные классы и могли покупать продукты на 25—40% дешевле, но недовольство было общимъ. Безработица, стачки рабочихъ и локауты предпринимателей постоянно тревожное настроеніе промышленности соединились съ кризисомъ въ земледѣліи, которое стало требовать покровительства въ видѣ пошлинъ на всѣ хлѣба (Франція, Германія, Испанія, Португалія и друг.), нормировки цѣнъ сахара и премій на его вывозъ, воспрещенія сдѣлокъ на разницу на хлѣбныхъ биржахъ (особенно законы 1896 г. въ Германіи). Представители аграрнаго интереса вели дѣятельную агитацію за биметаллизмъ, но успѣха не имѣли. Законодательная нормировка дѣятельности биржъ, испробованная въ Германіи, существеннаго успѣха не имѣла. Такъ называемое „угнетенное положеніе“ во всѣхъ отрасляхъ народнаго труда послѣ новаго, но сравнительно слабаго кризиса 1882 г. тянулось почти до 1890—96 г. Къ этому времени Европа и Америка, за исключеніемъ Англіи, уже вновь успѣли огородиться таможенными пошлинами самыхъ разнообразныхъ видовъ.

5. Въ Германіи переходъ къ усиленному покровительству обрабатывающей промышленности обнаружился уже въ тарифѣ 1879 г. Къ 1885 и 1887 г. она пошла еще далѣе въ этомъ направленіи, распространивъ покровительство и на земледѣліе. Въ 1902 г. она еще болѣе усилила свои ввозныя хлѣбныя пошлины (минимальный тарифъ за 100 кил. пшеницы 5 м. 50 пфен. и ржи 5 мар).

Въ Австріи тотъ же поворотъ особенно сказался въ тарифахъ 1882 и 1887. Съ 1882 г. введены и хлѣбныя пошлины, доведенныя впослѣдствіи до 6 кронъ за 100 килогр. пшеницы и ржи.

кризиса въ Западной Европѣ, акт. рѣчь въ москов. универ. за 1889 г. Миклашевскій Деньги, 1895 г. стр. 380 и слѣд. Лексюръ. Промышленные кризисы, р. пер. Спб., 1908 г.

Во Франціи тарифъ 1881 г. преслѣдовалъ тѣже цѣли: пошлины на ввозъ скота и хлѣба установлены съ 1885 (временно отмѣнены въ 1898 г.). Въ 1902 г. даже Англія ввела было ввозныя хлѣбныя пошлины, но съ 1 іюля 1903 г. вновь ихъ уничтожила.

Въ Россіи въ 1876 г. всѣ пошлины были исчислены на золото, что благодаря паденію курса кредитнаго рубля сразу повысило ихъ на 33—34 %. Въ періодъ съ 1891 по 1903 г. происходило непрерывное усиленіе протекціонизма въ З. Европѣ и Россіи. Соединенные Штаты шли по тому же пути несмотря на коллосальное развитіе своихъ производительныхъ силъ. Другіе государства также не отставали отъ руководящихъ державъ.

Съ 1897 г. обнаружился поворотъ въ цѣнахъ. Они стали все болѣе рости и вновь всѣмъ стало труднѣе жить. Американское бюро труда даетъ любопытный индексъ цѣнъ на мануфактурные и сырые продукты съ 1890 по 1907 г. (цѣны 1890—1899 г. приняты за сто) на американскомъ рынкѣ.

годы		относит. цѣна всѣхъ продук.	годы		относит. цѣна всѣхъ продук.
1890	—	$112{,}_0$	1899	—	$101{,}_7$
1891	—	$111{,}_7$	1900	—	$110{,}_5$
1892	—	$106{,}_1$	1901	—	$108{,}_5$
1893	—	$105{,}_6$	1902	-	$112{,}_9$
1894	—	$96{,}_1$	1903	—	$113{,}_6$
1895	—	$93{,}_6$	1904	—	$113{,}_0$
1896	—	$90{,}_4$	1905	—	$115{,}_9$
1897	—	$89{,}_7$	1906	—	$122{,}_5$
1898	—	$93{,}_4$	1907	—	$129{,}_5$ т. е.

цѣны 1907 г. были на $14{,}_7$% выше цѣнъ 1890 г. и на $44{,}_4$% выше цѣнъ 1897 г.; за Америкой и вся Европа, повидимому, вступаетъ въ опасную эпоху повышенія цѣнъ. Этотъ новый расцвѣтъ протекціонизма среди самыхъ развитыхъ въ экономическомъ отношеніи странъ еще разъ показалъ, что въ основѣ его лежитъ не одно только стремленіе къ воспитанію производительныхъ силъ. Въ основѣ протекціонизма лежитъ борьба за раздѣлъ дохода между разными классами и націями, а также убѣжденіе, что свободное соперничество само по себѣ не можетъ разрѣшить этого вопроса. Къ концу 19-го вѣка на ряду съ протекціонизмомъ стало выростать еще и другое явленіе: образованіе громадныхъ соединеній предпріятій (тресты и картели) для организаціи производства и торговли. Какъ установится равновѣсіе между государствомъ съ его протекціонизмомъ, съ одной стороны, и трестами и картелями, съ другой, покажетъ ближайшее буду-

щее. Все разрастающаяся организація рабочаго класса также должна будетъ оказать свое вліяніе.

ГЛАВА VII.

Нѣмецкіе соціалисты-эволюціонисты.

§ 1. Карлъ Родбертусъ фонъ-Ягецовъ, его историческая философія, экономическія ученія и соціальная политика. Постановка вопроса объ основаніяхъ научной классификаціи соціалистическихъ ученій. Идеалистическія системы. § 2. Карлъ Марксъ, его исторнко-философская теорія. Діалектическій методъ изслѣдованія у Энгельса и Маркса. Теорія матеріалистическаго пониманія истотіи и ея значеніе. Экономическая доктрина: теорія кризисовъ и обнищанія, теорія концентраціи, теорія цѣнности. Содержаніе соціалистическихъ доктринъ вообще.

§ 1. а) Эпоха революціи 1848 г. породила въ Германіи двухъ крупнѣйшихъ мыслителей: Карла Родбертуса и Карла Маркса. Оба эти писателя были хорошо знакомы съ нѣмецкой философіей, въ особенности съ Кантомъ, Шеллингомъ, Фейербахомъ и Гегелемъ, отлично знали произведенія классической школы экономіи, французскихъ соціалистовъ и позитивистовъ, но какое громадное различіе представляютъ эти мыслители въ исходной точкѣ зрѣнія! Старая сказка о томъ, будто К. Марксъ заимствовалъ многое въ своихъ ученіяхъ у Родбертуса давно должна быть оставлена. Каждый изъ этихъ писателей шелъ своей собственной дорогой и результаты получились совершенно разные. Если приходится въ исторіи политической экономіи излагать систему Родбертуса раньше, чѣмъ систему Маркса, то это можетъ быть оправдано только тѣмъ, что Родбертусъ ближе стоитъ къ философіи своего времени и къ идеямъ французскихъ соціалистовъ. Марксъ же произвелъ полный переворотъ въ этой философіи. Его ученія завладѣли умами гораздо ранѣе, они сдѣлались достояніемъ громадныхъ массъ населенія. Родбертусъ же долгое время былъ совершенно неизвѣстенъ и только съ возникновеніемъ школы соціалъ-политиковъ и ревизіонизма, съ пробужденіемъ идеалистическихъ теченій его сочиненія были вновь розысканы, истолкованы и изучены [1]). По странной ироніи судьбы русская цензура

---

1) Эта заслуга принадлежитъ А. Вагнеру и Р. Майеру, автору книги: Der Emancipationskampf des vierten Standes 2 т., 1872—4 г. и из-

съ совершенно непонятной ненавистью относилась къ изданію сочиненій Родбертуса. Марксъ давно былъ переведенъ на русскій языкъ, сочиненія же консервативнаго соціалиста Родбертуса были переведены и изданы для русскихъ читателей только въ самое послѣднее время (1905—6 г.)[1]).

Профессоръ Дитцель назвалъ Родбертуса соціалистомъ „органической идеи государства". Но что же значитъ эта туманная фраза? Вѣрна ли она? Посмотримъ же, что говоритъ намъ самъ Родбертусъ.

По мнѣнію Родбертуса между развитіемъ животныхъ организмовъ[2]) и соціальнаго организма существуетъ „нѣкоторая" аналогія. Правда, аналогія есть только признаніе „сходнаго" въ „несходномъ," а послѣдняго, несходнаго съ физическимъ организмомъ въ соціальномъ организмѣ остается еще очень много. Насколько современный человѣкъ выше, чѣмъ молюскъ, настолько же выше, чѣмъ теперешнее государство, организованъ будетъ дѣйствительный аналогонъ человѣка — организованное человѣческое общество, въ которомъ человѣкъ, низведенный до значенія соціальнаго атома, будетъ въ состояніи удовлетворять всѣмъ своимъ величайшимъ потребностямъ.

О государствѣ мы обыкновенно говоримъ въ двоякомъ

дателю переписки Родбертуса. Для ознакомленія съ ученіями Родбертуса необходимо имѣть въ виду слѣдующія его сочиненія: 1) Zur Erkenntniss unserer staatswirtschaftlichen Zustände (1842). 2) Sociale Briefe an Kirchmann (1850, 1851, 1884 г., посм. изд.) т. е. соціальныя письма къ Кирхману; нынѣ всѣ эти письма переведены. Первое соціальное письмо: Соціальное значеніе государственнаго хозяйства. СПб., 1906 г. пер. Давыдова; второе и третье письмо: Къ освѣщенію соціальнаго вопроса. СПб., 1905 г., пер. проф. Соболева; четвертое письмо: Капиталъ. СПб., 1906 г. пер. Давыдова. 3) Der normale Arbeitstag (1871, перепечатано Козакомъ во 2-й части его изданія „Къ освѣщ. соц. вопр.). 4) Zur Erklärung und Abhülfe der heutigen Creditnoth des Grundbesitzes. 2 т., 1868—9 года, 2 изд. 1878; 5) Untersuchungen auf dem Gebiete der National-Ökonomie des klassischen Alterthums 1864—1879: переведено разными лицами подъ редакціей проф. Тарасова и напечатано въ извѣстіяхъ Лицея въ Ярославлѣ 1880—81 г. Лучшія сочиненія о Родбертусѣ Т. Kozak. Rodbertus social-ökonomische Ansichten. Jena, 1882; по этой компилятивной сводкѣ идей Р. составлена Н. И. Зиберомъ статья о Р., перепечатанная во второмъ томѣ собранія сочиненій Зибера (СПб. 1899 г.) K. Dietzel. Rodbertus, 2 т. Дерптъ, 1886. K. Jentsch. Rodbertus. 1890 г. Gonner. Social Philosophy of Rodbertus, 1899. Взгляды Р. на кредитъ хорошо изложены въ диссертаціи покойнаго проф. М. Я. Герценштейна: Новѣйшія теченія въ ученіи о поземельномъ кредитѣ въ Германіи, Москва, 1904 г.

1) Какъ указано въ примѣчаніи, въ 1880—81 г. были переведены только изслѣдованія въ области экономіи классической древности. Сколько нибудь полнаго изданія русскихъ переводовъ Родбертуса мы не имѣемъ и до сихъ поръ.

2) Изслѣд. въ области клас. древн. перев. Тарасова, вып. II., прим. стр. 30—2; переводъ исправленъ по нѣмецкому тексту, страницы котораго, чтобы не умножать примѣчаній, я не отмѣчаю.

смыслѣ — въ обширномъ и тѣсномъ. Въ обширномъ смыслѣ подъ государствомъ разумѣются такія соціальныя тѣла или историческія жизнеобразованія, которыя уже обладаютъ государственной организаціей. Въ этомъ смыслѣ государство означаетъ все соціальное тѣло этого рода и потому противопоставляется такимъ соціальнымъ тѣламъ, которыя еще не достигли государственной организаціи, какъ, напр., всѣ родовыя соединенія, или развились до высшихъ предѣловъ ея, какъ это осуществитъ впослѣдствіи единое организованное общество. Напротивъ, подъ государствомъ въ тѣсномъ смыслѣ разумѣются только центральные органы того соціальнаго тѣла, часть соціальнаго тѣла, которая противопоставляется остальной части, которую понимаютъ подъ именемъ общества. Напрасно, однако, было-бы стремленіе отдѣлить „разъ навсегда“ опредѣленной границей сферу государства въ этомъ тѣсномъ смыслѣ отъ сферы общества[1]). На каждой новой ступени развитія исторія переступаетъ эту границу и съ развитіемъ общества его центральные органы осуществляютъ новую разумную волю общества, т. е. государства въ обширномъ смыслѣ этого слова[2])[3]).

Опредѣливъ, такимъ образомъ, понятіе государства и его высшій типъ, какъ организованное человѣческое общество, Родбертусъ задается вопросомъ, что-же направляетъ движеніе историческаго процесса къ его высшей цѣли. „Нѣтъ! восклицаетъ онъ[4]), искра, которая впервые зажигаетъ соціальную жизнь, даетъ ему особенную жизненную силу, оживляющую, приводящую въ движеніе и сохраняющую такіе историческіе организмы, тотъ божественный импульсъ, безъ коего никогда жизнь не можетъ ни возникнуть, ни существовать и каковой до сихъ поръ тщетно ищетъ наука для физическихъ организмовъ, эта сила есть не свобода, а общность (Gemeinschaft), обнимающая ихъ жизнь всесторонне — умственно, нравственно и экономически. Эта сила, если не бояться словъ, *„коммунизмъ“*, а *„не индивидуализмъ“*.

Слѣдуетъ, по мнѣнію Родбертуса, помнить всегда, „что если твореніе было опытомъ индивидуализаціи, то исторія есть процессъ соединенія“. Согласно три-единой природѣ человѣка: волѣ, духу и силѣ и этотъ процессъ соединенія обнаруживается трояко: какъ общеніе воли, какъ общеніе духа и какъ общеніе силы и матеріальныхъ интересовъ. Эти три сферы общенія человѣческой жизни мы обозначаемъ словами: нравы, наука, хозяйство.

---

1) l. c. Изслѣд., послѣд. вып. стр. 170 и слѣд.
2) Сравни выше ученіе Ад. Смита, стр. 184.
3) Первое письмо, р. пер., стр. 6.
4) l. c. Изслѣд. кл. древ., выпускъ 4-й, стр. 215 и слѣд.

Въ области нравовъ или этики мы различаемъ въ настоящее время нравственность и право. Самое право мы различаемъ по положительной его части и идеальной: въ первой — право установлено государственной властью и охраняется принужденіемъ; во второй части, которую общество постигло только духовно и согласно которой положительное право должно развиваться и образовываться далѣе. Различаютъ, затѣмъ двойной характеръ въ правѣ, такъ сказать, два противоположныхъ его полюса, изъ которыхъ одинъ выражается въ его повелительной, объективной природѣ, заключающейся въ каждомъ законѣ и въ каждомъ юридическомъ правилѣ (neminem laede) и которымъ право примыкаетъ къ государству; другой выражается въ его требовательной субъективной природѣ, которая лежитъ въ понятіи о собственномъ правѣ, существующемъ само по себѣ, въ противоположность государству и которымъ право примыкаетъ къ индивиду. Наконецъ, мы находимъ опять эту двойную природу права также и въ его идеальной части: его повелительную объективную природу въ идеѣ справедливости: его требовательную природу, напр., въ системахъ естественнаго права прошлаго столѣтія, которыя распространили и перенесли эту природу отъ положительнаго субъекта права среднихъ вѣковъ на идеальнаго субъекта права — человѣческую личность и, такимъ образомъ, противопоставили „пріобрѣтеннымъ правамъ“ наличнаго права — права естественныя“.

Не эта, впрочемъ, Фихте-Шеллинго-Гегеліанская философія представляетъ для насъ интересъ. Намъ важно только указать, что Родбертусъ убѣжденъ въ великой исторической роли государства. „Всемірный духъ исторіи“, по его мнѣнію, влечетъ человѣчество къ организованному единенію и такъ создаются все болѣе и болѣе совершенныя формы государства. Листъ далъ Германіи національную идею, Родбертусъ придалъ ей государственный характеръ. Для исторіи Германіи эта попытка соединенія національно-государственной идеи съ соціальной не осталась безъ крупнаго слѣда.

Родбертусъ въ историческомъ развитіи государства различаетъ слѣдующія формы. Языческо-античная форма первоначально обнаруживается въ видѣ теократіи, затѣмъ, въ видѣ кастового государства, затѣмъ — сатрапіи и, наконецъ, греческаго полиса. Эта форма, главнымъ образомъ, характеризуется правовымъ учрежденіемъ собственности на людей (рабство) и замкнутымъ натуральнымъ хозяйствомъ греческаго ойкоса (дома)[1]. Христіанско-германскій періодъ на-

[1] Изслѣдованія Мейера и другихъ окончательно видоизмѣнили наше современное представленіе о древне-греческомъ и римскомъ хо-

чинается съ государства церковнаго; затѣмъ слѣдуютъ въ послѣдовательномъ порядкѣ: сословное государство, бюрократія, представительная монархія и республика. Основаніемъ хозяйственнаго быта этого періода является институтъ собственности на землю и капиталъ. Наконецъ, только въ третьемъ періодѣ, не ранѣе какъ чрезъ 500 лѣтъ, христіанско-соціальное государство достигнетъ высшей своей цѣли, когда собственность на землю и капиталъ исчезнетъ и будетъ существовать только трудовая собственность, т. е. на необходимый доходъ, вырабатываемый трудомъ всего общества и личности, какъ его атома[1]).

Въ этомъ историческомъ построеніи особенно любопытно то, что Родбертусъ намѣчаетъ ту силу, которая последовательно ведетъ къ крушенію одного порядка государственной жизни и влечетъ его къ другому; эта разлагающая сила — *индивидуализмъ*. Онъ убѣжденъ, что ему удалось доказать, какъ греческо-античный государственный порядокъ былъ ниспровергнутъ греческо-римскимъ индивидуализмомъ и какъ современный индивидуализмъ или, какъ онъ чаще всего выражается, „свободная торговля" исполняетъ ту-же работу относительно христіанско-германскаго государственнаго порядка. Посмотримъ же, оставивъ античный порядокъ въ сторонѣ, какъ онъ анализируетъ эту разрушительную работу свободной торговли въ современный христіанско-германскій періодъ.

Первое, что характеризуетъ, по его мнѣнію, основы христіанско-германскаго государства, это — противоположеніе между работой (трудомъ) и владѣніемъ. Вторая особенность этого порядка: раздѣленіе труда и денежный обмѣнъ, которые раздѣляютъ сырьевое производство, фабрикацію и торговлю по мѣсту на территоріи страны и по классамъ производителей. Этотъ своеобразный экономическій строй, послѣ провозглашенія „свободной торговли" въ дѣлахъ труда, довелъ производительность національнаго труда до высшихъ предѣловъ, но все увеличеніе національнаго богатства достается на долю только владѣнія: земельная рента и прибыль

зяйствѣ. Какъ ни любопытны изслѣдованія Родбертуса, но для настоящаго времени они имѣютъ лишь историческій интересъ. Такъ какъ къ тому-же мы начали нашъ историческій обзоръ только съ новаго времени, то мы совершенно опускаемъ характеристику Родбертуса относительно греко-римской эпохи.

1) „Послѣ того какъ рабство было признано зломъ высшими умами человѣчества, пишетъ Родбертусъ, прошло болѣе тысячи лѣтъ прежде чѣмъ исчезли его послѣдніе слѣды въ цивилизованныхъ странахъ Европы; и хотя исторія движется теперь гораздо скорѣе, но не слѣдуетъ забывать, что частная собственность на землю и капиталъ укоренилась въ обществѣ гораздо сильнѣе, чѣмъ это было по отношенію къ рабству". Kapital, стр. 226—8.

или, какъ выражается въ общемъ смыслѣ Родбертусъ, — „*рента*“ вообще возросла въ двойномъ размѣрѣ: не только какъ часть или доля національнаго продукта, но и какъ реальная сумма продукта: между тѣмъ, какъ заработная плата труда никогда не возрастала пропорціонально росту національнаго богатства; какъ часть продукта, т. е. относительно къ общей массѣ его она упала и сумма ея осталась почти та-же.

Въ настоящій моментъ индувидуализмъ или свободная торговля подтачиваетъ этотъ строй слѣдующимъ образомъ.

Во первыхъ, всѣ успѣхи культуры и въ особенности техническихъ изобрѣтеній приносятъ пользу только меньшинству — владѣющимъ классамъ, но, въ концѣ концовъ, ведутъ и къ ихъ собственной гибели. Владѣльцы капитала и земли бросаютъ на рынокъ громадное количество товаровъ, а такъ какъ покупательная сила рабочихъ классовъ не увеличивается пропорціонально росту богатства, товары остаются не проданными, теряютъ цѣнность и общество начинаетъ подвергаться жесточайшимъ экономическимъ кризисамъ [1]). Кризисы лишаютъ массу людей всякой работы и пауперизмъ становится постояннымъ общественнымъ явленіемъ. Теряя почву на внутреннемъ рынкѣ, владыки производства стремятся завоевать новые рынки. Всѣ заботы, поэтому, направлены на созданіе открытыхъ дверей для торговли съ Азіей, Японіей, къ удержанію англійскаго господства въ Индіи. Такія же заботы принимаются для колонизаціи ненаселенныхъ странъ. Всѣ эти явленія, однако, только отсрочиваютъ рѣшеніе соціальнаго вопроса. Но такъ какъ пространство земли ограничено, то и пріобрѣтеніе новыхъ рынковъ когда-нибудь прекратится; вмѣстѣ съ тѣмъ прекратится и возможность отсрочки рѣшенія соціальнаго вопроса.

Во вторыхъ, современная свобода промышленности упраздняетъ прежнее раздѣленіе сырьевого и фабричнаго производствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и противоположность между поземельнымъ владѣніемъ и капиталомъ. Учащаются не только случаи, когда въ рукахъ одного владѣльца фабрикація снова непосредственно примыкаетъ къ производству сырья, но свободная торговля и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ эксплоатируетъ землю, какъ капиталъ [2]). Это положеніе требуетъ поясненій.

Каждая изъ производительныхъ силъ: трудъ, земля и

---

1) Свою теорію кризисовъ съ утомительнымъ повтореніемъ Родбертусъ развиваетъ почти во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ.

2) Это положеніе развито Родбертусомъ въ его сочиненіи „Нужда земельнаго кредита и способы ея устраненія“.

капиталъ[1]) имѣетъ свои особенности: трудъ „необходимо стремится" къ коопераціи, капиталъ обладаетъ свойствомъ „подвижности", земля — „неподвижности". Землевладѣніе есть доля участія въ національной землѣ, которая всегда останется землей и ни во что другое обратиться не можетъ. Она не можетъ уйти за границу и всегда остается въ странѣ. Землевладѣніе имѣетъ и свой особый источникъ дохода — ренту. Земля получаетъ свою цѣнность только отъ ренты

1) Родбертусъ впервые ясно опредѣлилъ понятіе капитала. Въ письмѣ къ Вагнеру отъ 20 февраля 1875 года онъ писалъ: „цѣлый міръ лежитъ между этими двумя понятіями: капиталъ самъ по себѣ (какъ логическая категорія) и частный капиталъ (какъ историческая категорія). Капиталъ самъ по себѣ или съ точки зрѣнія всего народнаго хозяйства — это матеріалы и орудія, необходимые для производства; частный капиталъ — это право собственника на опредѣленную долю національнаго продукта (Privateigenthumlos am Nationalprodukt)." Въ античномъ мірѣ въ составъ капитала входилъ самъ человѣкъ, ибо при существованіи рабства весь продуктъ и самъ рабъ принадлежали хозяину; въ настоящее время къ частному капиталу принадлежатъ средства къ существованію рабочихъ, потому что владѣльцы земли и капитала, а, слѣдовательно, и всего національнаго продукта, предназначаютъ заработную плату для дальнѣйшаго производства, считаютъ ее не доходомъ живыхъ существъ, а издержками производства. Въ капиталъ входятъ и деньги, только вращающія товары. Только въ будущемъ государствѣ, по его мнѣнію, заработная плата и деньги, перестанутъ входить въ понятіе капитала. Замѣчаніе Родбертуса о деньгахъ едва ли удачно. Даже при существованіи бумажныхъ билетовъ въ будущемъ государствѣ вмѣсто денегъ изъ благороднаго металла, они неизбѣжно должны быть включены въ понятіе капитала, ибо деньги такое же орудіе, какъ и всякая машина; для созданія бумажныхъ денегъ обществу придется затратить трудъ и капиталъ, какъ бы незначительна эта затрата ни была.

Современная политическая экономія разработала гораздо тщательнѣе тѣ основанія, благодаря которымъ землю не слѣдуетъ относить къ капиталу, но въ тоже время констатировала, что многіе ходячіе аргументы надо принимать со значительными оговорками, что различіе между землею и другими элементами, образующими капиталъ, является скорѣе различіемъ по степени, а не по существу. 1. Несомнѣнно, что *капиталъ можетъ легко передвигаться изъ страны въ страну, по территоріи и т. п.*, земля же неподвижна; въ этомъ смыслѣ можно говорить, какъ Родбертусъ, что капиталъ подвижнѣе земли. Не слѣдуетъ однако, забывать, что разъ капиталъ принялъ опредѣленную форму, напр., ткацкой машины, локомотива и т. п., онъ какъ бы застываетъ въ ней, не можетъ превратиться въ другую форму совершенно или безъ большого убытка. Капиталъ становится пригоднымъ лишь для опредѣленнаго ряда употребленій. Напротивъ, земля можетъ служить для цѣлаго ряда измѣняющихся употребленій по воздѣлыванію растеній. Она подвижнѣе въ смыслѣ смѣны употребленій. Говоря о большой подвижности капитала экономисты сосредоточивали свое вниманіе, главнымъ образомъ, на денежномъ капиталѣ и его подвижность безъ достаточныхъ основаній распространяли на всѣ виды капитала. 2. *Количество земли разъ навсегда ограничено пространствомъ земной территоріи*; это положеніе правильно, но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что и до нынѣ громадная доля этой территоріи не использована, а интенсификація сельскаго хозяйства создаетъ какъ бы косвенное расширеніе и самой территоріи. Этотъ аргу-

и землевладѣлецъ не можетъ ничего дѣлать, ничего закладывать, кромѣ ренты. Въ полномъ противорѣчіи съ этой природой земли стоитъ современная ея оцѣнка. Вмѣсто того, чтобы опредѣлять эту цѣнность земли при посредствѣ ренты или чистаго дохода земли, провозгласили свободную ея мобилизацію, продажу и раздѣлъ, какъ товаръ: благодаря этому цѣнность ея стала опредѣляться чрезъ капитализацію ренты по существующему рыночному проценту на капиталъ. Когда процентъ на капиталъ падаетъ, цѣнность земли возрастаетъ и наоборотъ. При 5% на 100 руб. капитала и при доходѣ съ земли въ 20 рублей, ея стоимость — 400 рублей: при 2½% на 100—800 рублей: а между тѣмъ доходъ остается тотъ-же. При постоянномъ колебаніи процента на капиталъ, капитальная стоимость земли можетъ возрастать, когда чистый доходъ отъ земли возрастаетъ, и падать, когда чистый доходъ возрастаетъ. При пониженіи

ментъ, кромѣ того, принимаетъ слишкомъ абсолютную форму, если ему противополагается утвержденіе, что капиталъ, какъ результатъ труда, можетъ возрастать безгранично; въ предѣлѣ ни трудъ, ни капиталъ не могутъ возрастать безгранично: силы и матерія, связанныя съ землей, ограничиваютъ размѣры и капитализаціи, и размноженія населенія, а, слѣдовательно, и труда. Начало рѣдкости (ограниченности) примѣнительно къ землѣ начало сказываться въ разныя эпохи по мѣрѣ уплотненія населенія съ ходомъ историческаго развитія, но перѣдко въ нихъ же сказывается и еще большая ограниченность капитала, не дающая возможность увеличить интенсификацію сельскаго хозяйства. 3. *Несомнѣнно, земля не создана трудомъ*, но выводъ, который дѣлается изъ этого положенія, будто владѣлецъ можетъ получать доходъ отъ земли безъ всякаго труда и издержекъ исключительно за право пользованія ограниченной въ количествѣ производительной силой также требуетъ ограниченій. Въ нашей хозяйственной системѣ и капиталъ можетъ давать доходъ безъ личнаго труда владѣльца для поддержанія существованія этого орудія производства. Какъ для капиталиста, такъ и для землевладѣльца это обстоятельство обусловливается общими условіями хозяйства, дающими возможность перелагать трудъ на другихъ. Кромѣ того, эксплоатація естественныхъ силъ земли безъ постояннаго возмѣщенія ихъ съ прогрессомъ общества становится невозможной и всякія мелiораціи представляютъ затрату труда въ землю, на долго срастающуюся съ ней. 4. Уже выше разсмотрѣнъ вопросъ, *представляетъ ли земля естественную монополію*, и показана ложность этого аргумента. 5. *Земля орудіе производства, для котораго имѣетъ значеніе законъ уменьшающейся производительности почвы и нѣдръ*. Вліяніе силъ природы сказывается цѣлымъ рядомъ обстоятельствъ на всемъ строѣ сельско-хозяйственнаго производства. Этотъ аргументъ очень важенъ, но закону уменьшающейся производительности, какъ справедливо указалъ Родбертусъ, не слѣдуетъ придавать чрезмѣрнаго значенія. 6. *Исторически владѣніе землей* и *капиталомъ служатъ основой для образованія разныхъ общественныхъ классовъ* со своеобразной психологической структурой характера индивидовъ и всего экономическаго быта. 7. *Земля разнообразна по своимъ физическимъ свойствамъ, т. е. по плодородію, по мѣстоположенію въ той или иной широтѣ и долготѣ, климатѣ, надъ уровнемъ моря и т. п., по удобству расположенія* относительно центровъ людскихъ поселеній, образовавшихся въ теченіи долгаго историческаго процесса.

%-та и уменьшеніи дохода цѣнность земли возрастаетъ; при повышеніи %-та и повышеніи земельнаго дохода цѣнность земли можетъ упасть. Это противорѣчіе выражается въ переобремененіи землевладѣнія гипотечными долгами, которые чаще всего возникаютъ съ переходомъ земли въ другія руки, т. е. при покупкѣ земли или при раздѣлѣ наслѣдства[1]). Капиталъ подчиняетъ себѣ землю... „Какъ въ послѣднее время Рима, пишетъ Родбертусъ, не избирался ни одинъ консулъ, если онъ не шелъ предварительно нищенствовать предъ откупщиками государственныхъ земель, такъ и современныя ассоціаціи капитала будутъ пытаться подмазать нашу политическую машину собственнымъ масломъ, ибо, какъ учитъ Смитъ, деньги — сила. Противъ соціальныхъ силъ имѣются только соціальныя же противо-силы. Таковыми могутъ быть рабочіе союзы и ассоціаціи землевладѣльцевъ".

Въ третьихъ, свободная торговля устраняетъ уже и раздѣленіе по промысламъ внутри самаго фабричнаго производства. Учащаются также случаи, когда подъ господствомъ исполинскихъ капиталовъ соединяются въ единыя предпріятія различныя отрасли фабричнаго производства. Ясно, что со временемъ, при продолжающемся господствѣ

---

1) Проф. Герценштейнъ справедливо полагаетъ, что это глубокое замѣчаніе Родбертуса было вполнѣ подтверждено новѣйшими изслѣдованіями: „не случайныя причины, вызываемыя нераспорядительностью владѣльца, стихійными бѣдствіями, неурожаями, а постоянныя, независящія отъ доброй воли или внѣшнихъ событій причины приводятъ къ тому, что задолженность все болѣе и болѣе должна возрастать. Если современные писатели придаютъ такое большое значеніе реформѣ наслѣдственнаго права и настаиваютъ на распространеніи сохранившагося въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи въ крестьянскомъ населеніи порядка единонаслѣдія, если чаще и чаще раздаются голоса въ пользу ограниченія права залога и установленія законной границы для залога..., то оба эти требованія находятся въ непосредственной связи съ ученіемъ Родбертуса" l. c. стр. 61. Въ курсѣ теоретической экономіи, въ ученіи о кредитѣ, этотъ вопросъ будетъ мною разобранъ подробно. Изъ сказаннаго, конечно, не слѣдуетъ, чтобы расточительность, невѣжество, неряшество, меліораціи не имѣли никакого вліянія на задолженность и при томъ въ разныхъ странахъ въ весьма различной степени. Связь между цѣнностью земли и процентовъ не такъ непосредственна, какъ кажется Родбертусу.

Цѣнность, вѣрнѣе цѣна, земли зависитъ отъ слѣдующихъ факторовъ: а) отъ размѣра чистаго дохода отъ земли (ренты) и его цѣнности; б) отъ опредѣляющагося спросомъ и предложеніемъ земли кратнаго капитализаціи; это кратное капитализаціи зависитъ, съ одной стороны, отъ размѣра процента на капиталъ, съ другой стороны и отъ системы хозяйства въ земледѣліи и обрабатывающей промышленности (экстенсивное и интенсивное хозяйство, крупные и мелкіе размѣры затраченныхъ капиталовъ, свобода и протекціонизмъ и проч.); в) отъ соціальныхъ условій распредѣленія и налоговаго обложенія (свобода мобилизаціи, переобремененіе земли налогами); г) отъ организаціи долгосрочнаго земельнаго кредита, поощряющей или задерживающей мобилизацію земли и переходъ ея въ руки наиболѣе умѣлыхъ хозяевъ.

этого теченія, отдѣльныя отрасли фабричнаго производства должны будутъ органически и по мѣстностямъ сгруппироваться иначе, чѣмъ это происходило до сихъ поръ въ нашемъ вытекающемъ изъ цеховыхъ порядковъ ремесленномъ расчлененіи.

Въ четвертыхъ, еще одно замѣчательное явленіе создается въ предѣлахъ нашего общества: возникновеніе многочисленнаго класса промышленныхъ должностныхъ лицъ. Во владѣльческомъ классѣ его непосредственная связь съ его реальнымъ имуществомъ постепенно замѣняется рентнымъ отношеніемъ, т.-е. только полученіемъ дохода. Творческая сила и склонность къ производительной дѣятельности переходитъ все болѣе и болѣе въ верхніе слои рабочаго класса.

Въ пятыхъ, прибыль и возможность ея наибольшаго полученія становится движущей силой общества. Конкуренція становится соревнованіемъ не въ работѣ, а въ пріобрѣтеніи и, въ концѣ концовъ, спекуляція вырождается въ горячку наживы, торжествуетъ надъ прилежаніемъ и достоинствомъ творенія. За соревнованіемъ въ пріобрѣтеніи слѣдуетъ соревнованіе въ пользованіи и потребленіи, откуда порча нравовъ и развратъ. Физіократы были первыми содѣйствовавшими наступленію свободной торговли и вовсе не случайность, что они были „абсолютистами": отъ власти они ожидали прежде всего охраны собственности. Теперь для буржуазіи свобода уже не нужна. „Спокойствіе и порядокъ" сдѣлались ея жизненными потребностями, а продолжающіяся волненія и политическія вспышки лишь тревожатъ индивидуалистовъ въ золотыхъ успѣхахъ ихъ разсчетовъ. Это время измѣны индивидуализма (т.-е. буржуазіи), отъ которой никакое прежнее союзничество, никакой принципъ, никакая честь не удержатъ его. Онъ бросается въ объятія предусмотрительной и своекорыстной власти. Это „цезаризмъ", къ которому на встрѣчу идетъ и наше время. Человѣчество должно желать, чтобы времена цезарей были рѣдки, но когда они наступили, оно опять, какъ счастья, должно желать броситься въ объятья такому мужу, который обладаетъ проницательностью, желѣзнымъ характеромъ, страстью эгоизма, который совершаетъ для собственной выгоды только то, что служитъ на пользу общества. Цезари гораздо больше дѣти, чѣмъ иниціаторы своего времени. „Никакая безцвѣтная добродѣтель не переходитъ чрезъ Рубиконъ и не совершаетъ 18-го Брюмера."

Такова историческая философія Родбертуса. Заглянемъ же теперь въ тотъ анализъ, который онъ дѣлаетъ въ области экономической теоріи.

Родбертусъ, прежде всего, считаетъ необходимымъ от-

мѣтить, что методъ, которымъ пользовалась классическая школа, неправиленъ. Индивидуалистическая школа исходила изъ представленія, будто общество представляетъ собою не болѣе, какъ сумму различныхъ хозяйственныхъ единицъ, математическое, а не нравственное или что тоже соціальное цѣлое, будто народное хозяйство — совокупность индивидуальныхъ хозяйствъ, а не органическое, общее хозяйство. Только благодаря этому, заработную плату она отнесла къ разряду издержекъ производства и не поняла, что заработная плата такъ-же, какъ рента и прибыль, только *доходы*, доли общей массы національнаго продукта. Вліяніе на производство и распредѣленіе собственности на землю и капиталъ осталось почти безъ разсмотрѣнія. Она не могла, поэтому, правильно понять и того положенія, которое было подмѣчено Смитомъ и уже глубже обосновано Рикардо, что съ хозяйственной точки зрѣнія продукты могутъ быть разсматриваемы, какъ продукты труда, *стоятъ* только труда, положеніе, которое, по словамъ еще Крауса, имѣетъ для соціальной науки такое же значеніе, какое имѣетъ для математики открытая Галилеемъ единица скорости [1]).

Это первое и наиболѣе характерное положеніе Родбертуса менѣе всего оставалось понятымъ до настоящаго времени. Для Родбертуса важно опредѣлить размѣръ національной производительности въ матеріальномъ продуктѣ. „Если, пишетъ онъ, разсматривать природу, духъ и даже капиталъ, какъ „источники благъ“ и ставить ихъ на ряду съ трудомъ, то это нисколько не измѣняетъ того положенія, что трудъ является единственной производительной силой. Это положеніе будетъ гласить тогда только такъ: земельная рента, прибыль отъ капитала (и заработная плата) составляютъ реальное выраженіе этихъ доходовъ.“ Родбертусъ видитъ, что дѣйствіе трехъ производительныхъ силъ создаетъ опредѣленную массу продукта и ставитъ себѣ вопросъ: „на какую же *единицу затратъ* надо отнести весь полученный доходъ“? На основаніи нижеслѣдующихъ трехъ аргументовъ Родбертусъ признаетъ такой единицей затратъ или стоимости (Kosten) только трудъ: 1) какъ ни многообразны вещественныя формы капитала, но капиталъ, какъ и всѣ блага, создается трудомъ. Такъ, если человѣкъ, при помощи лѣстницы, досталъ фрукты, чего бы безъ нея онъ сдѣлать не могъ, то трудъ сталъ производительнѣе. Капи-

---

1) 2-е письмо, нѣмец. текстъ стр. 37, р. пер. 32 и слѣд.: подробный подборъ цитатъ для истолкованія идей Родбертуса о трудѣ въ моемъ сочиненіи „Обмѣнъ и Экономическая политика“ (1904) стр. 63, § 2; также любопытное мѣсто въ его „Zur Erkenntnis“, изд. 1842, стр. 71—72, 67—68 (цитировано въ моемъ изданіи Тюрго).

талъ дѣлаетъ трудъ производительнѣе, но въ самомъ трудѣ, а не въ веществѣ капитала, лежитъ основа для увеличенія дохода. 2) Какъ ни разнообразна помощь природы въ производствѣ благъ, какъ ни различна по плодородію земля, но это не измѣняетъ того положенія, что отъ ея помощи трудъ дѣлается только производительнѣе. Само собой, что разъ какая либо земля затрачена на производство, то эти затраты не возвратимы, но говорить, что природа подвержена невозвратимости затратъ — это значитъ персонифицировать (представлять какъ живую личность) природу. 3) Трудъ человѣка является единственнымъ средствомъ хозяйствованія, т. е. той дѣятельности чисто матеріальнаго характера, которая устанавливаетъ правильное отношеніе между потребностями человѣка и матеріальными продуктами для ихъ удовлетворенія: этотъ трудъ „ограниченъ" въ количествѣ сравнительно съ массой потребностей; онъ представляетъ для человѣка „захватъ" части его „свободы".

Въ безконечномъ рядѣ мѣстъ Родбертусъ затѣмъ повторяетъ, что изъ этихъ положеній отнюдь не слѣдуетъ, что „цѣнность" продукта всегда „равна затраченному труду" плюсъ затраченный трудъ въ капиталѣ (орудія и матеріалы), т. е. если, напр., орудіе стоило n труда и служитъ до своего полнаго уничтоженія для производства x благъ, а количество непосредственнаго труда равняется m, то благо является продуктомъ труда $m + \frac{n}{x}$, но цѣнность его можетъ быть въ капиталистическомъ обществѣ иная. Эта формула будетъ осуществлена только въ обществѣ, гдѣ собственности на землю и капиталъ не будетъ, гдѣ будетъ только трудовой доходъ, гдѣ цѣнность будетъ „конституирована"".

На примѣрѣ изъ закона ренты можно отлично иллюстрировать мысль Родбертуса. Одна единица труда совершенно одинаковаго качества можетъ, какъ всѣмъ извѣстно, на разныхъ участкахъ земли одинаковаго протяженія дать такіе результаты:

Участки А.	Участки В.
1. 1 день — 10 прод.	1. 1 день — 5 прод.
2. 1 „ — 6 „	2. 1 „ — 2 „
3. 1 „ — 5 „	3. 1 „ — 5 „
Средн. произв. 1 дня — 7 прод.	Средн. произ. 1 дня — 4 прод.

Одна единица труда воплощается въ совершенно разныхъ количествахъ продукта. Средняя производительность одного дня труда въ первомъ случаѣ семь продуктовъ, во второмъ четыре продукта; единица продукта стоитъ на пер-

выхъ участкахъ $^1/_7$, во-вторыхъ $^1/_4$ дня. Отсюда и конституировать цѣнность, какъ показываютъ всѣ замѣчанія Родбертуса по этому поводу, въ особенности его ученіе о нормальномъ рабочемъ днѣ, это вовсе не означаетъ опредѣлить цѣнность продукта затраченнымъ количествомъ труда, а, напротивъ, раздѣлить неравную производительность труда на началахъ справедливости, соотвѣтственно „съ нормальнымъ количествомъ и качествомъ нормально производительнаго труда". Родбертусъ считаетъ нужнымъ распредѣлить продуктъ такимъ образомъ. Если средняя производительность дня семь продуктовъ, то всѣ работники за средній день должны получать семь продуктовъ. Изъ общей производительности работникъ третьяго участка долженъ получить два продукта, второго — одинъ продуктъ за счетъ работника перваго участка, у котораго слѣдуетъ взять три продукта.

Трудовая теорія цѣнности Родбертуса, какъ нѣкоторая народно-хозяйственная идея будущаго, вовсе не теорія цѣнности продуктовъ, не той цѣнности, которая сама собой устанавливается подъ дѣйствіемъ наличныхъ экономическихъ и соціальныхъ силъ, какъ ихъ неизбѣжный и самопроизвольный результатъ, а скорѣе теорія справедливаго вознагражденія сообразно съ средней производительностью нормальнаго и общественно-необходимаго труда [1]). Поэтому-то Родбертусъ безконечно и повторяетъ, что раздѣленіе общественнаго чистаго продукта на ренту, прибыль и заработную плату въ современномъ хозяйствѣ вовсе не происходитъ въ процессѣ производства, какъ воображаютъ многіе экономисты (т. е. классическая школа и Марксъ), но только въ процессѣ распредѣленія продукта, созданнаго совокупнымъ дѣйствіемъ различныхъ родовъ труда при помощи земли и капитала.

Въ системѣ Родбертуса надлежитъ обратить вниманіе еще на его ученіе о рентѣ, заработной платѣ и на его взгляды о соціальной реформѣ.

Подъ рентой вообще Родбертусъ понимаетъ чистый доходъ, получаемый владѣльцемъ орудій производства: первоначально этотъ доходъ получается собственникомъ земли, ибо этотъ послѣдній одновременно является и владѣльцемъ капитала. Впослѣдствіи, въ историческомъ процессѣ капиталъ обособляется отъ земли и рента подраздѣляется на два вида: земельную ренту и прибыль. Причины существованія ренты двоякія: 1) экономическія, — съ возникновеніемъ раздѣленія труда, трудъ производитъ больше,

1) Критика этой теоріи будетъ дана при сопоставленіи съ теоріей цѣнности Карла Маркса. См. ниже ученіе объ издержкахъ производства.

чѣмъ сколько необходимо на его содержаніе и 2) правовыя, — собственность на орудія производства даетъ возможность присваивать продукты труда въ пользу собственника.

Въ своемъ анализѣ естественной цѣны Рикардо, по мнѣнію Родбертуса, совершенно не съумѣлъ объяснить происхожденіе земельной ренты. Онъ создалъ только теорію дифференціальной ренты, да и то не вполнѣ правильную; самаго же важнаго основанія для возникновенія ренты онъ не понялъ. Въ своемъ третьемъ соціальномъ письмѣ Родбертусъ, главнымъ образомъ, и занятъ критикой теоріи Рикардо [1]).

Вся его теорія и главнѣйшія возраженія противъ Рикардо могутъ быть формулированы въ слѣдующихъ положеніяхъ.

I. Если допустить, что цѣнность продукта равна затраченному труду (непосредственному и воплотившемуся въ капиталѣ) и что цѣнность всего продукта опредѣляется трудомъ, затраченнымъ въ наихудшихъ условіяхъ (противъ чего можно, справедливо полагаетъ онъ, привести множество аргументовъ), то и тогда земля всегда будетъ давать не только прибыль, но и ренту. А. Вагнеръ (см. Einiges von und über Rodbertus, Tübing. Zeitschrift, 1878, B. 34-й) разсказываетъ, что въ одно изъ его посѣщеній къ Родбертусу послѣдній передалъ ему листокъ, озаглавленный: „неопровержимый примѣръ земельной ренты". „Пусть pc — производительный капиталъ въ видѣ непосредственной и ранѣе произведенной работы, какъ въ изготовленіи сырья, такъ и фабрикаціи: пусть pw равная для обѣихъ отраслей цѣнность продукта. Въ фабрикаціи норма прибыли опредѣлилась бы изъ отношенія $\frac{pw}{pc + pv}$, т. е. изъ отношенія цѣнности къ капиталу предпріятія pc плюсъ стоимость сырого матеріала pv; допустимъ — эта норма равна x; въ земледѣліи норма всего дохода будетъ $\frac{pw}{pc}$, ибо въ стоимость капитала не включается матеріалъ: если pc = pv, весь доходъ землевладѣльца будетъ равняться 2 x. По закону равенства прибылей второй x и составитъ ренту".

Другими словами, Родбертусъ утверждаетъ, что земледѣліе начинаетъ производство и не имѣетъ затратъ на пріобрѣтеніе сырого матеріала и это даетъ возможность землевладѣльцу получать бо̀льшій доходъ, который и превращается въ земельную ренту.

---

1) Сравни ниже анализъ всѣхъ ученій Родбертуса и теоріи цѣнности Маркса.

2. При обезпеченіи общества продуктами, производимыми конкуррирующими предпріятіями неодинаковой производительности, если цѣнность устанавливается наименѣе производительными предпріятіями, то цѣнность производства всѣхъ болѣе благопріятныхъ предпріятій поднимется выше затраченнаго труда; если же цѣнность регулируется болѣе благопріятно поставленными предпріятіями, то цѣнность продукта въ наименѣе благопріятно поставленномъ предпріятіи упадетъ ниже затраченнаго труда. Такъ, если на землѣ А однимъ днемъ производится 10 продуктовъ, на наихудшей — 5, то въ послѣднемъ случаѣ, т. е. когда земля лучшаго качества начнетъ нормировать цѣны, то, вмѣсто $^1/_{10}$ и $^1/_5$ дня, продуктъ можетъ стоить, напр., $^1/_8$ дня.

3. Теоретическое предположеніе Рикардо о послѣдовательномъ переходѣ отъ лучшихъ земель къ худшимъ исторически не вѣрно; плодороднѣйшіе участки въ старину часто физически было невозможно подвергать обработкѣ, благодаря уровню водъ, отсутствію соотвѣтствующихъ орудій и т. п. Самыя поселенія располагались въ томъ или другомъ мѣстѣ не по экономическимъ, а по историко-соціальнымъ основаніямъ, которыя опредѣляли каждому народу его мѣсто.

4. Всякое имѣніе составляетъ хозяйственный комплексъ и въ немъ лучшія земли обрабатываются наравнѣ съ худшими, а рента вычисляется только, какъ нѣкоторая средняя со всѣхъ земель, входящихъ въ составъ имѣнія.

5. Законъ уменьшающейся производительности почвы не доказанъ. „Естественно, пишетъ Родбертусъ, что мнѣ не приходитъ въ голову мысль настаивать на безконечномъ усовершенствованіи этихъ машинъ-земель. Весьма возможно, что плодороднѣйшая почва, изъ обрабатываемыхъ въ настоящее время, не сдѣлается во столько же разъ плодородной, но еще возможнѣе, что вся сколько нибудь плодородная почва будетъ сдѣлана столь же плодородной, какъ теперь плодороднѣйшая, ибо необходимые сосуды, въ которыхъ можетъ содержаться богатый запасъ сельско-хозяйственныхъ сырыхъ матеріаловъ, характеризующій плодородныя почвы, уже данъ и раціональное сельское хозяйство должно ихъ заполнить. Столѣтія, которыя должны для этого пройти, могутъ успокоить насъ относительно ужасовъ системы Рикардо. Но и здѣсь мнѣ мерещится исходъ. Вѣдь дѣло идетъ о производствѣ средствъ пропитанія вообще, а не о тѣхъ или иныхъ средствахъ пропитанія. На одной и той же почвѣ новый плодъ можетъ дать безконечно большее количество средствъ пропитанія. Это доказываетъ картофель. Кромѣ того, также трудно доказать безграничное размноженіе рода человѣческаго, какъ и безконечную улучшаемость сельско-хозяйст-

венныхъ машинъ.“ Родбертусъ придавалъ большое значеніе развитію крупнаго раціональнаго хозяйства.

6. Связь между большой плотностью населенія и высокими цѣнами на хлѣбъ еще не доказываетъ теоріи Рикардо. Эти высокія цѣны объясняются тѣмъ, что производительность при изготовленіи многихъ товаровъ, въ особенности фабричныхъ издѣлій, въ густо — населенныхъ странахъ больше; меньшимъ количествомъ своего труда они пріобрѣтаютъ большее количество золота и серебра сравнительно съ другими странами. Это держитъ и хлѣбныя цѣны на повышенномъ уровнѣ. Выгодная торговля фабрикаціей на міровомъ рынкѣ повышаетъ и цѣны на хлѣбные продукты.

Таковы главнѣйшія возраженія противъ теоріи Рикардо.

Какъ соціальный политикъ, Родбертусъ не принималъ участія въ рабочемъ движеніи, которое въ Германіи сначала организовалъ Лассаль. Родбертусъ не вѣрилъ въ мелкія производительныя ассоціаціи, которыя съ помощью государства хотѣлъ организовать Лассаль. Онъ стоялъ вдали и отъ организаціи рабочаго сословія, которую предпринялъ впослѣдствіи Марксъ. Осуществленіе соціалистическихъ плановъ, полагалъ онъ, можетъ произойти не ранѣе, какъ черезъ пятьсотъ лѣтъ. Для настоящаго времени онъ предполагалъ ограничиться заботой объ установленіи нормальнаго рабочаго дня и нормальной заработной платы совокупными усиліями сильной государственной власти, владѣющихъ классовъ и рабочихъ. Въ своемъ посланіи къ рабочимъ классамъ онъ писалъ: „Но вы должны одно понять: хотя вы и являетесь главнымъ классомъ, но только однимъ изъ классовъ. Ваша судьба такъ-же, какъ и судьба другихъ классовъ взаимно опредѣляются другъ другомъ. Всѣ классы, а также и вашъ не самостоятельны, но зависятъ другъ отъ друга. Вы не можете поэтому декретировать, а можете только вести переговоры. Въ тѣхъ переговорахъ и соглашеніяхъ, которые теперь повсемѣстно подготовляются, какъ въ наукѣ, такъ въ литературѣ и въ жизни, вы можете взять на себя иниціативу дѣлать обществу только предложенія. Между собой вы можете согласиться только относительно того, что вы предложите. Только общество или вашъ договоръ съ другими общественными классами прочно установитъ, что должно осуществиться. Но ваши предложенія не пріобрѣтутъ отъ того меньше значенія, если вы откажетесь отъ невозможнаго, отъ желанія декретировать. Ваши предложенія будутъ имѣть тѣмъ больше значенія, чѣмъ больше въ нихъ господствуютъ умѣренность и справедливость по отношенію къ другимъ общественнымъ классамъ. . . Но какія же предложенія вы должны сдѣлать обществу для достиженія этой великой цѣли? На что вы должны обратить вниманіе при

обсужденіи вопроса? I. Установите между собою количество рабочихъ дней въ теченіе года. II. Добросовѣстно и тщательно опредѣлите, сколько часовъ досуга изъ 24 часовъ сутокъ вамъ необходимо, чтобы вы могли отдохнуть, повеселиться и озаботиться о своемъ умственномъ и нравственномъ развитіи. III. Когда вы будете опредѣлять, сколько досуга вамъ необходимо и какой доходъ вы должны будете получить, вы должны руководиться двумя соображеніями: во первыхъ, что вы свободные рабочіе и граждане государства, во вторыхъ, что общество въ правѣ потребовать отъ васъ извѣстныхъ услугъ соотвѣтственно его культурѣ. Распредѣлите исчисленный доходъ на число рабочихъ дней и примите полученный коеффиціентъ, какъ плату за нормальный рабочій день. Придите къ соглашенію съ предпринимателями, чтобы эта такса заработной платы мѣнялась отъ времени до времени (въ періодъ десяти лѣтъ), въ зависимости отъ возрастанія производительности труда. Производительность общественнаго труда точно такъ-же, какъ и общественный продуктъ, въ періодъ 10 лѣтъ значительно возрастетъ и принадлежащая вамъ доля годичнаго дохода должна возвыситься въ томъ же отношеніи".

Въ статьѣ „Рабочій День" [1]) онъ пишетъ также: „Нѣтъ! на улицѣ, посредствомъ стачекъ, камнями мостовой или керосиномъ, соціальный вопросъ не будетъ рѣшенъ. Пока надобно было только упразднять, были достаточны добытые бурной борьбой декреты. Но тогда мы были только въ преддверіи соціальнаго вопроса. Теперь онъ предъ нами, онъ переросъ нашу голову и упразднять, чтобы его разрѣшить, уже невозможно. Въ настоящій моментъ рѣшить соціальный вопросъ — это значитъ организовать. Къ тому же соціальный вопросъ имѣетъ свою своеобразную природу: какъ чувствительное растеніе (Sinnpflanze) отъ грубыхъ насильственныхъ рукъ онъ съ ужасомъ отступаетъ назадъ. Длительный соціальный міръ, единая политическая правительственная власть, прочное довѣрчивое отношеніе рабочаго класса къ этой власти, большія предпріятія, предварительныя работы и учрежденія, которыя образуютъ цѣлый рядъ глубокихъ комбинацій и которыя можно пустить въ ходъ только при спокойномъ состояніи, при порядкѣ и энергіи — вотъ предварительныя условія рѣшенія соціальнаго вопроса. Они равно исключаютъ, какъ раздробленную государственную власть, такъ и волнующееся рабочее населеніе. . . Если быть консерваторомъ, это значитъ — сохранять изгнившій

---

1) См. Zur Beleuchtung der socialen Frage B. II. Sendschreiben an den Arbeiter-Congress (1862 г.). стр. 225—242. Повидимому, во времена Родбертуса керосиномъ совершались поджоги.

балластъ старыхъ учрежденій, то нѣтъ ничего болѣе противоконсервативнаго, какъ соціальный вопросъ. Если же быть консерваторомъ, это значитъ — стараться укрѣпить монархическую государственную власть, мирную работу реформъ, примиреніе классовыхъ противорѣчій подъ эгидой и согласно нормѣ сверкающей звѣзды suum cuique (каждому свое) — то нѣтъ ничего болѣе консервативнаго, какъ соціальный вопросъ.

б) Систему послѣдовательнаго и исторически неизбѣжнаго процесса соединенія людей, какъ мы видимъ, Родбертусъ называетъ „коммунизмомъ". Хотя слово „соціализмъ" появилось въ оборотѣ почти одновременно около 1832—34 г. въ Англіи и во Франціи[1]), но оно примѣнялось, главнымъ образомъ, къ послѣдователямъ многообразныхъ организаторовъ новой экономической жизни. Марксъ и Энгельсъ въ 1848 г., т. е. будущіе творцы соціалъ-демократической партіи, въ своемъ извѣстномъ манифестѣ, давая классификацію соціалистическихъ и коммунистическихъ теорій утопическаго и буржуазнаго характера, сами себя называютъ „коммунистами". Что же означаютъ эти два термина: „соціализмъ и коммунизмъ" и приложимъ ли въ особенности послѣдній терминъ къ тѣмъ нѣмецкимъ соціалистамъ, которыхъ мы назвали въ заглавіи — эволюціонистами?

Этотъ вопросъ намъ надлежитъ разрѣшить, но вовсе не для того, чтобы составить какое либо новое опредѣленіе. Множество писателей пыталось дать опредѣленіе существа этихъ ученій и въ большинствѣ случаевъ неудачно. Эти ученія такъ многообразны, въ нихъ столько оттѣнковъ, что вложить ихъ въ прокрустово ложе опредѣленія положительно невозможно. Гораздо правильнѣе отмѣтить лишь тѣ господствующія направленія въ пониманіи существа нашего капиталистическаго хозяйства, въ исторіи его развитія и взглядовъ на его будущее, которыя характерны для того или другого разряда этихъ ученій.

Проф. Дитцель[2]) утверждаетъ, что въ естественныхъ наукахъ мы совершенно не имѣемъ дѣла съ проблемой дол-

1) См. Podmore. Robert Owen, стр. 401 и 454; также Weil. Ecole Saint-Simonienne, стр. 309.

2) См. Dietzel. Theoretische Socialökonomik, 1895 г., стр. 7.; тѣ-же взгляды этотъ писатель развиваетъ и въ своемъ сочиненіи о Родбертусѣ. На такомъ противоположеніи основана и статья Шееля въ словарѣ Шенберга. Въ русской литературѣ ту-же точку зрѣнія защищалъ покойный ветеранъ русской экономической науки А. И. Чупровъ († 1908 г.) въ его Курсѣ исторіи политической экономіи 1892 г., по которому училась вся молодая Россія и въ которомъ впервые была проведена историческая и соціально-политическая точка зрѣнія. „Слово „соціализмъ", пишетъ Чупровъ, употребляется въ противоположность индивидуализму. Соціализмъ или коллективизмъ стремится замѣнить эту организацію (т. е. индиви-

женствованія, не то въ общественныхъ наукахъ. Въ соціальной наукѣ стоятъ въ постоянномъ противорѣчіи два главныхъ начала долженствованія: индивидуальный принципъ и соціальный принципъ. „Индивидуальный принципъ — есть такое этическое начало, которое утверждаетъ, что индивидъ долженъ быть самоцѣлью, соціальныя же соединенія (Ganzen) — семьи, общины, государства, союзы государствъ — только служебными средствами, которыя возникаютъ по волѣ индивидовъ и для индивидовъ существуютъ и измѣняются. Соціальный же принципъ является логическимъ антиподомъ (противоположнымъ) индивидуальнаго принципа и представляетъ собою этическое начало, согласно которому индивидъ служитъ лишь органомъ соціальнаго цѣлаго, послѣднее же должно быть самоцѣлью. Эти начала представляютъ собой аксіомы, которыя не могутъ быть доказаны; въ нихъ можно только вѣрить.“

Эта точка зрѣнія Дитцела, у насъ истолкованная А. И. Чупровымъ, не имѣетъ, однако, научнаго значенія, а въ изложеніи проф. Чупрова даже отрицаетъ самое себя.

Чупровъ пишетъ: „Абсолютная система“ (?) соціализма въ его чистомъ видѣ (что это значитъ?) можно сказать прямо (?) устранила преставленіе о „неизмѣнности (?)“ экономическаго быта,“ и въ тоже время: „стремится приложить свои планы навсегда въ каждой странѣ и къ каждому народу.“ Недаромъ же проф. Чупровъ противопоставляетъ соціализмъ неопредѣленному термину: „Смитовская школа“[1]). Ни по отношенію къ индивидуалистической школѣ, ни по отношенію къ соціализму вообще нельзя сказать, чтобы эти школы стремились только къ преобразованію общества, исходя изъ

дуалистическую организацію, основанную на частной собственности на матеріальные факторы производства, гдѣ производительное назначеніе этихъ факторовъ зависитъ „отъ воли“ собственника, регулируемой спросомъ и предложеніемъ) такою, въ которой средства производства — земля и капиталъ — составляли-бы „достояніе“ не отдѣльныхъ лицъ, а цѣлаго общества, въ которой, поэтому, производство и распредѣленіе богатства опредѣлялось бы „не произвольнымъ усмотрѣніемъ отдѣльныхъ предпринимателей и случайностями спроса и предложенія,“ а планомѣрными распоряженіями общественной власти“ (стр. 197). Смитовская школа и соціализмъ представляли собой „абсолютныя“ системы; обѣ эти школы хотѣли завоевать міръ для своихъ плановъ. Соціализмъ въ чистомъ его видѣ (?) стремится приложить свои планы навсегда въ каждой странѣ и къ каждому народу . . . Можно „прямо сказать,“ что соціализмъ своей критикой устранилъ представленіе, „отчасти“ свойственное и ему самому, что въ исторіи можетъ существовать какой либо неизмѣнный порядокъ, что, напримѣръ, нынѣ существующая система производства и распредѣленія есть нѣчто незыблемое“ (стр. 215—216). Отмѣтки знаками сдѣланы мною.

1) Кстати сказать, о такой „школѣ“ и говорить очень трудно. Какъ мы видѣли, классическая школа по своимъ философскимъ и экономическимъ основамъ составляетъ новую эпоху въ наукѣ.

противоположныхъ этическихъ началъ. Въ наше время, да и при самомъ развитіи классической школы, какъ мы видѣли и во введеніи, да и во всемъ предшествовавшемъ изложеніи, уже начиная съ Мальтуса, индивидуалистическая школа искала законовъ существованія и развитія капиталистической системы. Она вовсе не полагала, что капиталистическая система покоится на произволѣ (?) предпринимателей въ распоряженіи собственностью. Она говорила о естественныхъ законахъ экономическаго быта и думала сдѣлать изъ экономіи такую-же науку, какъ естествовѣдѣніе. Лучшія страницы Маркса доказываютъ неопровержимо, что индивидуализмъ только кажущимся образомъ зависитъ отъ произвола людей. Въ индивидуалистической школѣ и теперь живо то-же стремленіе. Самъ Марксъ пытался начертать законы общественнаго развитія и смѣялся надъ утопистами, старающимися изъ головы, отъ чистаго разума построить новый міръ. Въ моемъ введеніи уже достаточно разсмотрѣнъ этотъ вопросъ и я не имѣю надобности возвращаться къ нему.

Мнѣ необходимо показать, однако, что и какъ классификаціонный принципъ — точка зрѣнія Дитцеля, Чупрова и другихъ ихъ послѣдователей не можетъ имѣть значенія. Въ самомъ дѣлѣ, приложима-ли эта точка зрѣнія къ Родбертусу? Можно-ли сказать о немъ, что, разсматривая исторію, какъ великій процессъ соединенія людей, онъ, какъ сторонникъ соціальнаго принципа, смотритъ на личность, какъ на орудіе для достиженія цѣлей общества. На этотъ вопросъ необходимо отвѣтить категорическимъ отрицаніемъ[1]). Развѣ Прудонъ не защищаетъ также самымъ энергичнымъ образомъ права отдѣльной личности? Развѣ индивидуалистическая и общественная точка зрѣнія не переплетаются у него безпрерывно? Развѣ утилитаристы, выставивъ свой принципъ наибольшаго счастья наибольшаго количества человѣческихъ существъ, хотѣли упразднить право на счастье индивида? Конечно, нѣтъ. Развѣ Мальтусъ въ своемъ „Опытѣ о законѣ населенія“ не сознавалъ, что индивидъ въ своей дѣятельности подчиняется окружающимъ условіямъ. „Неограниченное пользованіе своимъ сужденіемъ, пишетъ онъ, есть ученіе великое и привлекательное: оно имѣетъ громадное преимущество передъ тѣми системами, гдѣ каждый индивидъ до нѣкоторой степени рабъ публики .... Коротко говоря, невозможно не созерцать эту прекрасную картину

1) См. Капиталъ, р. пер. стр. 60—61. „Всякое распространеніе коммунизма обусловливаетъ, пишетъ онъ, большую свободу и большее равенство, когда же человѣкъ впадаетъ въ индивидуализмъ, онъ превращается въ несвободное и неравное четвероногое Ж. Ж. Руссо.“

безъ чувства удивленія и удовольствія, съ горячимъ стремленіемъ къ періоду ея осуществленія. Но, увы, этотъ моментъ никогда не можетъ наступить. Въ цѣломъ надежда на существованіе этой системы не болѣе какъ сонъ, фантомъ воображенія". Вопросъ о томъ, въ какихъ предѣлахъ можно допустить поглощеніе личности обществомъ и, наоборотъ, поскольку общество должно служить цѣлямъ индивида — одинаково споренъ, какъ для индивидуалистовъ, такъ и для соціалистовъ. Въ этомъ вопросѣ, по истинѣ, сколько головъ, столько и разнообразныхъ сужденій, милліоны всякаго рода оттѣнковъ. И рѣшается этотъ вопросъ различно не только какъ проблема морали, но цѣлесообразности и исторической необходимости. Соціалисты, полусоціалисты, коммунисты и анархисты утверждаютъ, что въ ихъ будущемъ обществѣ для личности наступаетъ полное счастіе и свобода; индивидуалисты говорятъ то-же о современной экономической системѣ и не вѣрятъ въ будущую райскую жизнь. Развѣ нѣтъ также среди соціалистовъ людей пессимистическаго настроенія, которые отрицаютъ вообще возможность всеобщаго рая и соціальнаго блаженства и вѣрятъ въ законъ жестокой борьбы за существованіе? Неудовлетворительна точка зрѣнія, въ частности, проф. Чупрова, стремящаяся дополнить точку зрѣнія, проф. Дитцеля и потому, что она отмѣчаетъ лишь одну особенность соціализма: стремленіе замѣнить частную собственность общественной. Это стремленіе, конечно, присуще соціализму, но оно совершенно не исчерпываетъ его содержанія. Соціализмъ — есть нѣчто гораздо болѣе сложное, чѣмъ борьба за собственность.

Съ легкой руки Маркса и Энгельса стала чрезвычайно общепринятой классификація соціалистовъ и коммунистовъ на двѣ категоріи: а) утописты, б) научные соціалисты или коммунисты. Само собой разумѣется, что Марксъ и Энгельсъ считали только свою систему соціализма научной, а систему Родбертуса подвергали нещадному поруганію. Въ своемъ „Переворотъ въ наукѣ, произведенный г. Дюрингомъ", опредѣляя разницу между двумя указанными видами соціализма, Энгельсъ пишетъ:[1]) „утописты были утопистами, ибо они ничѣмъ другимъ не могли быть въ то время, пока капиталистическое общество еще было такъ мало развито. Они должны были конструировать (возсоздавать) элементы новаго общества изъ своей головы, ибо эти элементы въ самомъ старомъ обществѣ еще не сдѣлались для всѣхъ замѣтными. Они должны были ограничиваться при построеніи основъ новаго зданія обращеніемъ „къ разуму", ибо они

1) См. Dühring's Umwälzung der Wissenschaft, изд. 1901 г., стр. 284—5.

еще не могли аппелировать къ современной имъ „исторіи". Почему Энгельсъ и Марксъ въ 1848 г. въ Германіи, а Р. Оуенъ въ 1832—42 г. и Прудонъ въ 1848-мъ же году во Франціи, гдѣ капиталистическое хозяйство гораздо ранѣе получило развитіе, не могли аппелировать къ исторіи — этого Энгельсъ не объясняетъ. Напомнимъ также, что С. Симонъ и вся его школа аппелировали къ исторіи гораздо раньше и все же остались утопистами. Наконецъ, вѣдь и аппелированіе къ исторіи можетъ быть произведено крайне не научно и мы еще увидимъ, что обращеніе Маркса и Энгельса къ исторіи требуетъ значительныхъ поправокъ и во всякомъ случаѣ многими горячо оспаривается во имя же науки. Подраздѣленіе всего соціализма — до Маркса — на утопію и послѣ него — на научный соціализмъ конечно, не выдерживаетъ критики. По существу дѣла и въ сочиненіяхъ такъ называемыхъ утопистовъ, наряду съ фантазіями, есть много цѣнныхъ научныхъ обобщеній, и въ трудахъ Маркса и его послѣдователей, наряду съ глубокимъ научнымъ анализомъ, немало утопизма.

Не безъ серьезныхъ основаній, мною дано изображеніе цѣлаго ряда „экономическихъ системъ" [1]). Составные элементы каждой научной системы мною указаны были въ моемъ введеніи и я старался при анализѣ многообразныхъ ученій подчеркнуть то, что стало завоеваніемъ науки. Говорить о научномъ меркантилизмѣ, о научномъ физіократизмѣ, о научной классической школѣ такъ-же неправильно, какъ и говорить о научномъ соціализмѣ. Все это своеобразныя экономическія системы и прежде чѣмъ зачислять ихъ въ ту или другую категорію, необходимо, проанализировавъ ихъ основные элементы, показать, какой изъ нихъ построенъ на научныхъ началахъ и какой долженъ быть отнесенъ къ ряду заблужденій, фантазій или, что то-же, утопій. Въ соціализмѣ такъ-же, какъ и въ другихъ системахъ, не мало очень разныхъ по достоинству политическихъ, философскихъ и историческихъ элементовъ. Необходимо ясно и опредѣленно выдѣлить тѣ элементы, которые ему особенно присущи, научны или ложны.

Гораздо поучительнѣе, предложенное проф. Дилемъ, основаніе для классификаціи соціалистическихъ теорій, хотя, по моему мнѣнію, и оно нуждается въ существенной переработкѣ. Диль различаетъ въ соціалистическихъ теоріяхъ три теченія: а) „соціальный идеализмъ", который стремится организовать жизнь на началахъ соціальной, высшей справедливости; б) „соціальный эвдемонизмъ", который видитъ цѣль всякой жизни и всякаго общества — въ счастіи и наслажденіи и в) „соціальный матеріализмъ", который пола-

---

1) см. выше г. 1. стр. 5.

гаетъ, что матеріальныя условія существованія людей закономѣрно опредѣляютъ весь процессъ развитія человѣческой жизни и ея идеалы[1]). Рубрики взяты проф. Дилемъ правильно, но все построеніе легко можетъ рухнуть, ибо онъ все свое вниманіе обратилъ только на одну сторону изслѣдованія всякой экономической системы: — стремленіе найти „конечную цѣль“ жизни индивида и общества.

Во всякой научной системѣ мы необходимо найдемъ три элемента: 1) методъ, при помощи котораго она стремится найти законы существующаго и исторіи человѣческой жизни; 2) самое содержаніе системы и 3) способы и средства достиженія желаемой цѣли. Переходя къ дѣлу, т. е. къ опредѣленію самихъ понятій соціализма и коммунизма, Диль, поэтому, какъ бы забываетъ о своей классификаціи и даетъ опредѣленія, приближающіяся къ таковымъ же Чупрова и Дитцеля и вся его критика этого послѣдняго, до нѣкоторой степени, какъ бы остается безплодной, а характеристика соціализма и коммунизма столь же неполной[2]). Мало того, соціальный индивидуализмъ, идеализмъ и матеріализмъ — это не только особые способы нахожденія конечныхъ цѣлей, но еще болѣе особые методы открытія законовъ существующаго, прошедшаго и будущаго; стремленіе же къ счастью — эвдемонизмъ — несомнѣнно только и исключительно — опредѣленіе желательной цѣли. И идеалистъ, и матеріалистъ равно могутъ быть и эвдемонистами, и пессимистами. Одни могутъ вѣрить, что конечная цѣль — сча-

1) См. K. Diehl. P. J. Proudhon, dritte Abteilung, стр. 188 и слѣд.

2) Вотъ какъ опредѣляетъ Диль содержаніе соціалистическихъ и коммунистическихъ ученій. „Подъ соціализмомъ въ марксистскомъ смыслѣ, пишетъ онъ, надлежитъ понимать то экономическое направленіе, которое стремится поставить общественную собственность на мѣсто частной и желаетъ коллективистическаго способа производства вмѣсто индивидуалистическаго. Въ болѣе широкомъ смыслѣ подъ соціализмомъ слѣдуетъ понимать всѣ тѣ стремленія, которыя со времени Платона и до настоящаго времени обнаруживаютъ враждебное отношеніе къ частной собственности. Какъ важные виды (Abarten) соціализма въ широкомъ смыслѣ особенно слѣдуетъ отмѣтить: а) коммунизмъ (Бабефъ и др.), который стремится къ устраненію частной собственности на орудія производства и продукты потребленія; в) аграрный соціализмъ (Г. Джоржъ и др.), который требуетъ устраненія лишь частной собственности на землю (земля Божья или государства) или уничтоженіе путемъ налога или государственной аренды права получать земельную ренту; с) кооперативный соціализмъ (Луи Бланъ, Лассаль и друг.), который стремится къ собственности коопераціи съ помощью государства и d) мутуализмъ (Прудонъ), оставляющій неприкосновенной частную собственность (? владѣніе) съ упраздненіемъ денегъ и процента на капиталъ; при характеристикѣ Прудона Диль ошибается. Прудонъ желаетъ обмѣна, основаннаго на свободномъ договорѣ по трудовой, конституированной цѣнности, которая возможна по его мнѣнію, въ обществѣ безъ собственности, но съ трудовой ассоціацией и владѣніемъ

стіе, другіе думать, что счастіе вообще никогда и нигдѣ недостижимо. Диль нашелъ и въ соціальномъ матеріализмѣ это противорѣчіе. Онъ указываетъ, что въ конечномъ результатѣ Марксъ и его сторонники говорятъ о какомъ то „царствѣ свободы и справедливости". Онъ не усмотрѣлъ бы въ этомъ особаго противорѣчія, если бы съумѣлъ отдѣлить самый методъ изслѣдованія, научныя его открытія отъ тѣхъ результатовъ, которые выводятся на основаніи присущей почти каждой системѣ „телеологіи". Индивидуалисты-бентамиты и большинство соціалистовъ-матеріалистовъ, несомнѣнно, эвдемонисты. Они сдѣлали борьбу за счастье лозунгомъ нашего времени, но и у тѣхъ и у другихъ было желаніе начертать законы жизни и объяснить ея сложную путаницу. Бентамиты считали зло и страданіе необходимымъ и неустранимымъ элементомъ жизни, даже ея творческимъ, двигающимъ началомъ, соціалисты-мечтатели имѣли и имѣютъ вѣру въ гармоническій строй будущаго, въ перерожденіе человѣка и общества. Бентамиты защищали частную собственность, какъ наименьшее зло и наибольшую свободу. соціалисты критиковали частную собственность и видѣли въ общей собственности наибольшее благо. Очень часто, однако, критика не вела многихъ соціалистовъ и полу-соціалистовъ къ попыткамъ творческой дѣятельности: они отдавали себя и общество на волю самой силы историческаго процесса. Въ эпоху реакціи это было часто и выгодно, и какъ бы благородно.

Условимся же при послѣдующемъ анализѣ, что мы постараемся сначала изслѣдовать: 1) методъ двухъ наиболѣе примѣчательныхъ соціалистическихъ системъ, 2) ихъ содержаніе и 3) ихъ телеологію. И только по окончаніи анализа системъ Маркса и Родбертуса попытаемся опредѣлить самое содержаніе соціалистическихъ и коммунистическихъ системъ. Отмѣченное, покамѣсть, въ примѣчаніи мнѣніе проф. Диля не помѣшаетъ нашему дальнѣйшему анализу. Итакъ, каково же наше послѣднее заключеніе о системѣ Родбертуса, въ чемъ заключаются его заслуги и ошибки?

в) Изъ изложеннаго видно, что Родбертусъ является по своему методу типичнымъ представителемъ идеалистическаго метода въ исторіи. Исторія представляется ему, какъ великій процессъ соединенія людей; государство въ широкомъ смыслѣ этого слова или общество преслѣдуетъ „особыя божественныя задачи". Отъ одного періода исторіи, по мѣрѣ раздѣленія труда, исторія все болѣе и болѣе сплавляетъ индивидуальную жизнь съ соціальной. „Всемірный духъ" исторіи не даетъ человѣчеству остановиться на этомъ великомъ пути. Родбертусъ является, такимъ образомъ, не только идеалистомъ, но и эволюціонистомъ, вѣрующимъ.

что исторія идетъ все прогрессивно развиваясь и всѣ жертвы человѣчества не пропадаютъ напрасно. Его идеализмъ и эволюціонизмъ, однако, коренными образомъ отличаются отъ таковыхъ же у первыхъ родоначальниковъ исторической школы. Эта школа, какъ мы видѣли, утверждала, что всякая историческая эпоха имѣетъ свои задачи и цѣли, что нѣтъ возможности, наблюдая за ходомъ историческаго процесса, открыть какую-либо „конечную цѣль“ историческаго процесса. Родбертусу представляется, что онъ нашелъ эту цѣль въ „соединеніи людей“, которое неизбѣжно, лѣтъ черезъ 500, создастъ государство безъ собственности на орудія производства, государство трудового дохода. Историческая школа возвела „безпринципность“ въ догматъ; Родбертусъ на почвѣ практической политики готовъ на компромиссы, но только на такіе, которые не нарушаютъ хода историческаго процесса. Убѣдившись, что крупное производство необходимо, онъ возражаетъ противъ мелкихъ производительныхъ товариществъ, ибо они только раздробляютъ капиталъ и уменьшаютъ производительность народнаго труда. Родбертусъ защищаетъ переходъ желѣзныхъ дорогъ въ руки государства вовсе не потому, что послѣднее лучше можетъ вести дѣло, а потому, что государство, по самому существу вещей, не можетъ отказываться отъ дѣла объединенія, которое присуще самой его природѣ.

Намѣченные Родбертусомъ этапы историческаго развитія со времени С. Симона и первыхъ французскихъ историковъ стали теперь болѣе или менѣе общепринятыми. Едва ли теперь кто отрицаетъ, кромѣ того, что историческій процессъ дѣйствительно представляетъ собою что то сплачивающее, объединяющее, въ которомъ каждый соціальный атомъ все болѣе и болѣе зависитъ отъ всей совокупности другихъ атомовъ. Но самая трудная задача историческаго анализа состоитъ не въ простомъ констатированіи этого факта, а въ объясненіи тѣхъ причинъ, которыя вызываютъ это явленіе, а также и тѣхъ послѣдствій, которыя происходятъ благодаря этому въ структурѣ общества. По Родбертусу въ исторіи дѣйствуютъ двѣ причины: индивидуализмъ, какъ разлагающее начало, и справедливость и соединеніе, какъ организующія начала.

Самой слабой стороной ученія Родбертуса является именно эта постоянная вражда къ индивидуализму, какъ разлагающему началу. А. Вагнеръ, вообще проникнувшійся всего болѣе идеями Родбертуса на государство и на народное хозяйство, какъ органическое цѣлое, пришелъ къ мысли, что всякое народное хозяйство функціонируетъ и движется подъ вліяніемъ политическихъ, соціально-экономическихъ и нравственныхъ причинъ. По его мнѣнію, въ каждомъ на-

родномъ хозяйствѣ находится въ дѣйствіи три организаціонныхъ начала или силы и соотвѣтственно съ ними три сферы или системы дѣятельности: 1) личный интересъ или индивидуализмъ — эгоизмъ, который служитъ главнымъ мотивомъ дѣятельности всѣхъ частныхъ хозяйствъ; 2) принципъ милосердія или благожеланія (каритативный принципъ), который служитъ основаніемъ для благотворенія, для помощи падающимъ или павшимъ въ борьбѣ за существованіе и 3) „принципъ общественный", который выражается въ подчиненіи частнаго интереса общему, въ союзной дѣятельности людей и ихъ политическихъ соединеній для общаго блага. Вагнеръ находитъ, что во всякомъ народномъ хозяйствѣ должно быть *равномѣрное* сочетаніе этихъ началъ.

Эта классификація основныхъ силъ не имѣетъ большого значенія, какъ извѣстное историческое обобщеніе. Одно изъ этихъ началъ каритативный принципъ имѣетъ въ организаціи хозяйства лишь второстепенное значеніе. Классификація Вагнера не разрѣшаетъ, кромѣ того, сама по себѣ вопроса о томъ, не представляетъ ли исторія скорѣе постоянное колебаніе то въ одну, то въ другую сторону съ перевѣсомъ какой либо изъ двухъ этихъ силъ: личнаго и общественнаго интереса: она является лишь пожеланіемъ о необходимости „равномѣрнаго" сочетанія этихъ силъ, возможность осуществленія котораго не доказана. Но она важна, какъ мѣткое констатированіе факта, что ни одна изъ дѣйствующихъ въ историческомъ процессѣ силъ не можетъ быть признана „исключительно" разлагающимъ началомъ.

Въ этомъ смыслѣ А. Вагнеръ съ полнымъ основаніемъ называетъ индивидуализмъ организаціоннымъ принципомъ хозяйства. Приглядываясь къ историческому процессу, мы неизбѣжно принуждены признать, что индивидуализмъ имѣлъ и всегда будетъ имѣть свою историческую миссію. Индивидуализмъ, личный интересъ — есть сознательное или инстинктивное начало борьбы и самоопредѣленія. Эта сила двигаетъ всего сильнѣе человѣкомъ и ничто такъ плотно и крѣпко не связываетъ людей, какъ борьба за ихъ общіе, но чисто индивидуалистическіе интересы. Вся предшествовавшая исторія была великимъ процессомъ творчества человѣчества и индивидуализмъ столь же созидалъ, какъ и разлагалъ. Такое же значеніе онъ сохраняетъ и въ современномъ намъ хозяйствѣ. Основная соціальная ячейка нашего времени — семья, служащая основой при организаціи хозяйства, и въ особенности въ земледѣліи, проникнута индивидуалистическими началами. Успѣхъ земледѣльческаго хозяйства тѣсно связанъ съ индивидуализмомъ руководителя семьи. Наша община медленно гибнетъ подъ вліяніемъ семейнаго индивидуализма и такъ открываются новыя пути для сель-

ско-хозяйственной кооперацiи. Разрушая старыя формы быта, индивидуализмъ неизбѣжно вызываетъ къ жизни новыя. Развѣ не личный, индивидуалистическiй интересъ создалъ также тѣ торговые договоры, о которыхъ мы говорили; тѣ громадныя соединенiя капиталовъ — тресты, картели (см. послѣднюю главу и приложенiе), которыя создаются на нашихъ глазахъ для регулированiя цѣнъ, размѣровъ производства и опредѣленiя процесса потребленiя, вызваны къ жизни самимъ индивидуализмомъ, давленiемъ личнаго интереса капитала. Развѣ рабочiе союзы созданы не давленiемъ личнаго интереса? Я не склоненъ отрицать значенiя въ исторiи благородныхъ соцiальныхъ чувствъ, но, быть можетъ, весьма правы тѣ, которые полагаютъ, что самая соцiалистическая организацiя общества станетъ возможной только тогда, когда каждый человѣкъ сознательно и своекорыстно убѣдится, что въ его личныхъ выгодахъ лучше быть лишь простымъ, но свободнымъ органомъ коллективнаго цѣлаго.

Пересмотрѣвъ приведенный выше анализъ разлагающаго дѣйствiя индивидулизма, можно безъ особаго труда подмѣтить, что тотъ же индивидуализмъ не только разрушаетъ, но и созидаетъ: Родбертусъ какъ бы игнорируетъ собственный анализъ (см. въ особенности п. 1, 2 и 4). Одинъ изъ новѣйшихъ бiографовъ Родбертуса — Iентшъ справедливо пишетъ: „предубѣжденiе Родбертуса противъ „свободной торговли", какъ къ силѣ только разрушающей, положительно представляется смѣхотворнымъ, когда приходится отъ него услышать, что индивидуализмъ начинаетъ свое разрушающее дѣло со временъ Сервiя Туллiя, т. е. еще въ мифологическое время, за которымъ послѣдовало тысячелѣтiе величiя. Конечно, человѣкъ, такъ-же какъ государство, начинаетъ умирать уже съ момента своего рожденiя, ибо все земное смертно и содержитъ въ себѣ зародышъ смерти съ самаго момента своего возникновенiя. Но это совершенно не вѣрно, будто индивидуализмъ и свобода представляютъ собою — силы разрушенiя, соединенiе и сочетанiе — силы созиданiя. Вѣрнѣе, обѣ эти силы только прямо противоположныя (полярныя) обнаруженiя жизненной энергiи и обѣ одинаково необходимы. Такъ, и органическая жизнь состоитъ во вдыханiи и въ выдыханiи, въ оксидацiи и дезоксидацiи (окислорожденiе и потеря кислорода), химическаго соединенiя и разложенiя, а смерть наступаетъ, если остановится или та или другая изъ этихъ функцiй" [1]). Конецъ и средина 19-го вѣка были временемъ, когда усиленно пропагандировались демократическая идея творчества самихъ народныхъ массъ, мистическое подчиненiе народному духу

1) См. l. c., стр. 255; смотри ниже анализъ матерiализма К. Маркса.

или просто волѣ большинства или организованнаго меньшинства. Въ началѣ 20-го вѣка снова замѣтно стремленіе къ признанію правъ и творчества личности во имя ея индивидуальнаго самоопредѣленія. Нитшеанство нѣсколько освѣжило атмосферу, каковы бы ошибки его ни были. . . Права общества и права личности, творчество массъ и вождей — всѣ эти элементы общественной жизни стали подвергаться болѣе глубокому анализу.

Эта неправильность во взглядѣ на индивидуализмъ сильно подрываетъ идеализмъ Родбертуса. Онъ, какъ и всѣ идеалисты, въ значительной мѣрѣ остается безъ почвы или, вѣрнѣе, сводитъ необходимость эволюціоннаго и прогрессивнаго процесса къ простому вѣрованію въ торжество справедливости, въ „божественныя цѣли" историческаго процесса, въ которомъ каждый изъ насъ долженъ принимать участіе въ силу глубокаго моральнаго чувства долга. Это указаніе (но не доказательство) на моральныя задачи и человѣка, и государства кореннымъ образомъ отличаетъ Родбертуса отъ всѣхъ матеріалистовъ; оно составляетъ самую слабую, хотя и глубоко благородную сторону его историко-философской теоріи. Для доказательства соціальнаго идеализма надо искать другихъ болѣе прочныхъ аргументовъ . . .

Изъ сказаннаго мною, однако, не слѣдуетъ, что индивидуализмъ не имѣетъ вредныхъ сторонъ: Родбертусъ съ чрезвычайнымъ талантомъ отмѣтилъ нѣкоторыя изъ нихъ, напр., подчиненіе земли капиталу, кризисы, пауперизмъ, спекуляція, эксплоатація, цезаризмъ . .

г) Громадная научная заслуга Родбертуса заключается въ томъ, что онъ съ особой энергіей подчеркнулъ ту связь, которая существуетъ между жизнью единичнаго хозяйства и жизнью всего народно-хозяйственнаго цѣлаго. Впослѣдствіи А. Шефле разработалъ въ подробностяхъ и довелъ до крайности аналогію народнаго хозяйства съ физическимъ организмомъ, попытался дать цѣлый рядъ біологическихъ аналогій, отъ которыхъ и самъ въ значительной мѣрѣ отказался въ послѣднихъ изданіяхъ своего труда[1]). Родбертусъ сознаетъ, что очень далеко эта аналогія проведена быть не можетъ и почти не пользуется ею. Однако, умѣніе разсматривать явленія хозяйства, какъ цѣлое, дало ему возможность произвести блестящій анализъ теоріи доходовъ и ярко отмѣтить вліяніе распредѣленія на процессъ образованія цѣнъ и на кризисы въ промышленности.

---

1) См. A. Schäfle. Bau und Leben des socialen Körpers, 2 тома, Tübingen, 2 изд. 1896 г. Очень кратко и мѣтко подвергъ критикѣ эту органическую теорію въ экономіи Менгеръ въ своемъ трудѣ: „Изслѣдова-

Выше мною было отмѣчено, что теорія кризисовъ Родбертуса, заимствованная у Мальтуса и Оуенитовъ, не представляетъ особой заслуги этого писателя. Мы увидимъ ниже, что теорія крушенія капиталистическаго хозяйства путемъ кризисовъ не выдержала испытанія исторіи и теоретически одностороння и у К. Маркса. Заслуга Родбертуса въ томъ, что самими противорѣчіями этой теоріи онъ двинулъ науку на болѣе вѣрный путь, каковой былъ данъ его ученіемъ о заработной платѣ и о дифференціальной производительности труда.

Классическая школа, какъ мы видѣли, считала заработную плату издержками производства. Родбертусъ, исходя изъ представленія о народномъ хозяйствѣ, какъ о цѣломъ, справедливо сталъ считать ее, такъ-же какъ прибыль и ренту, только долей участія въ національномъ продуктѣ, лишь благодаря наличнымъ общественнымъ условіямъ не возрастающей пропорціонально росту богатства. Это ученіе поколебало пресловутую теорію заработнаго фонда, согласно которой заработная плата представляетъ собой ничто иное, какъ оборотный капиталъ страны, раздѣленный на число рабочихъ; другими словами, размѣръ заработной платы зависитъ исключительно отъ двухъ факторовъ: оборотнаго капитала, который капиталисты употребляютъ на покупку труда и который является дѣлимымъ, и числа рабочихъ, какъ дѣлителя. Эта теорія съ особой энергіей пропагандировалась

нія о методѣ соціальныхъ наукъ", р. пер., 1894 г., стр. 132—133. Основныя его возраженія таковы: а) Лишь нѣкоторая часть общественныхъ явленій обнаруживаетъ аналогію съ естественными организмами. Цѣлый рядъ соціальныхъ явленій представляетъ результатъ человѣческаго разсчета, направляющаго совокупность разнообразныхъ средствъ къ одной цѣли; б) обычное утвержденіе представителей органической школы (въ частности Родбертуса), будто части извѣстнаго цѣлаго и самое цѣлое могутъ быть въ одно и тоже время и причиной, и слѣдствіемъ (взаимно вызывать другъ друга) не отличается ясностью. [Во введеніи я показалъ, какъ осторожно слѣдуетъ понимать то обстоятельство, что индивидъ является и субъектомъ, и объектомъ соціальныхъ явленій. Это обстоятельство подлежитъ изслѣдованію и одна ссылка на органическое соотношеніе частей и цѣлаго еще не даетъ ничего]: в) аналогія никогда не можетъ служить единственнымъ и полнымъ орудіемъ изслѣдованія; для цѣлей изложенія можно пользоваться аналогіями; иногда они очень остроумны, но чаще всего неудачны. „Указанные ложные пути изслѣдованія, очевидно, здѣсь тѣ-же, пишетъ Менгеръ, что и у физіолога и анатома, которые вздумали бы законы и методы народно-хозяйственнаго ученія безъ всякой критики переносить въ свою науку, т. е. функціи человѣческаго тѣла объяснять господствующими теоріями народно-хозяйственнаго ученія; напр., кровообращеніе — одной изъ теорій денежнаго обращенія или товарнаго обмѣна, пищевареніе — одной изъ теорій потребленія вещей, нервную систему — ученіемъ о телеграфномъ сообщеніи, функціи отдѣльныхъ органовъ человѣческаго тѣла — функціей различныхъ классовъ народа и т. д."

Д. Э. Кернсомъ, который пользуясь ею, доказывалъ, что всѣ попытки путемъ проффессіональныхъ союзовъ поднять заработную плату неосновательны и въ лучшемъ случаѣ достигаютъ повышенія заработной платы въ однѣхъ отрасляхъ промышленности за счетъ другихъ, такъ какъ основной заработный фондъ — оборотный капиталъ — величина неизмѣнная и имѣющая свои особые, непреоборимые законы наростанія.

Статистически законъ паденія доли заработной платы въ общей массѣ возрастающаго продукта остался и до нынѣ непровѣреннымъ (а это только и интересно, ибо одна теоретическая идея даетъ очень мало) и не вполнѣ освѣщеннымъ, но важно то, что Родбертусъ указалъ на возможность возрастанія этой доли и необходимость этого явленія не только въ будущемъ, но и въ настоящемъ [1]).

Нельзя не отмѣтить, что Родбертусъ намѣтилъ основы для критики теоріи фонда въ одномъ изъ самыхъ раннихъ своихъ произведеній, которое осталось совершенно неизвѣстнымъ ни Кернсу, ни Д. С. Миллю. Быть можетъ, если бы эти писатели были знакомы съ взглядами Родбертуса, наука надолго была бы освобождена и отъ теоріи фонда, и отъ теоріи такъ называемыхъ „издержекъ производства," въ составъ которыхъ одинаково включены, какъ это дѣлалъ Д. С. Милль, прибыли и заработная плата или трудъ плюсъ воздержаніе, какъ это дѣлалъ Кернсъ [2]).

---

1) См. выше изслѣдованіе Джиффена, стр. 207. Даже въ соціалистической литературѣ г. Бернштейнъ въ своихъ „Очеркахъ по исторіи и теоріи соціализма" (р. пер. 1902 г. стр. 99) пишетъ: „масса производимыхъ въ обществѣ ежегодно потребительныхъ благъ постоянно возрастаетъ и не существуетъ никакого естественнаго экономическаго закона, который бы предписывалъ, какая доля этого продукта должна достаться „производительнымъ и служебнымъ" слоямъ общества и какая достается собственникамъ. Распредѣленіе общественнаго богатства во всѣ времена было вопросомъ силы и организаціи." Я не раздѣляю, однако, такой ужъ слишкомъ простой точки зрѣнія. Она до нѣкоторой степени впадаетъ въ полное отрицаніе законовъ политической экономіи и приводитъ къ поверхностному диллентантизму, каковымъ нерѣдко отличается г. Бернштейнъ.

2) Д. С. Милль попытался видоизмѣнить ученіе Рикардо объ издержкахъ производства; онѣ, по его мнѣнію, состоятъ изъ прибылей и заработныхъ платъ. Кернсъ, слѣдуя экономисту Сеніору (1790—1864 г.), подраздѣляетъ издержки производства на три основныхъ и „конечныхъ" элемента: трудъ, воздержаніе и рискъ. По его мнѣнію, въ современную намъ промышленную стадію развитія, кромѣ затраты (т. е. издержекъ) опредѣленнаго количества труда, необходимы еще нѣкоторыя предварительныя условія для возможности совершенія производительнаго процесса: 1) нуженъ капиталъ, т. е. та особая форма издержекъ-пожертвованій (sacrifice), которая выражается въ затратѣ капитала и которую лучше всего, по мнѣніи Кернса, обозначить терминомъ „воздержаніе" (abstinence), т. е. то особое чувство, которое побуждаетъ капиталиста не потреблять капиталъ для удовлетворенія своихъ непосредственныхъ по-

Этотъ терминъ „издержекъ производства“ внесъ не мало путаницы въ науку. Разсмотримъ же его значеніе въ двухъ затронутыхъ нами вопросахъ: а) въ теоріи фонда и б) въ выясненіи идеи дифференціональной производительности труда.

Какъ классическая школа, такъ и многіе представи-

требностей, а, напротивъ, затрачивать на производство, рискуя даже потерять капиталъ. Кернсъ отступаетъ, такимъ образомъ, и отъ общаго ученія классической школы, которая считала издержками — затраты труда и капитала (Рикардо) и отъ ученія Д. С. Милля (зараб. плата и прибыль). Это видоизмѣненіе потребовалось для того, чтобы выяснить вопросъ о томъ, какимъ образомъ и почему прибыль входитъ „необходимымъ“ элементомъ въ цѣнность продуктовъ — вопросъ, какъ мы видѣли, неразъясненный теоріей Рикардо. Аргументація Кернса такова: безъ капитала производство невозможно, слѣдовательно, въ цѣну продукта должно входить особое вознагражденіе за *пользованіе* имъ. При отсутствіи вознагражденія никто не сталъ бы ни собирать, ни затрачивать капиталъ. Размѣръ вознагражденія опредѣляется средней степенью пожертвованія, заключающагося въ воздержаніи. Такъ какъ для производства продуктовъ нужны не только трудъ, но и воздержаніе, то оно является не только необходимымъ элементомъ, но и конечнымъ (т. е. не допускающимъ дальнѣйшаго разложенія на иныя причины) элементомъ издержекъ. Кернсъ критикуетъ Д. С. Милля и указываетъ, согласно Рикардо, что заработная плата, хотя и выплачивается до начала производства“, но не можетъ считаться издержками, ибо норма ея колеблется независимо отъ цѣнности предметовъ (ср. законъ Рикардо, стр. 249—252); послѣдующіе теоретики полагали, что Д. С. Милль ошибался и относительно прибыли, которая не можетъ считаться издержками производства, ибо вовсе не влагается въ него, а, наоборотъ „получается въ концѣ производительнаго процесса“ послѣ продажи продукта; Кернсъ и придумалъ свое воздержаніе именно потому, что оно какъ бы необходимо до „начала“ производства. Предложенная поправка о прибыли не можетъ быть признана удачной.

Прежде всего, далеко не всякій капиталъ проистекаетъ изъ воздержанія. Разъ накопившіеся капиталы богатѣйшихъ людей возрастаютъ какъ бы сами собой, безъ всякаго ихъ участія въ производствѣ и безъ какихъ бы то ни было ограниченій въ ихъ потребленіи. Капиталъ какого-либо Ротшильда безгранично выше размѣровъ его собственныхъ потребностей. Несомнѣнно, что для образованія капиталовъ необходимо сбереженіе, но оно вообще становится возможнымъ только тогда, когда производительность труда всего народа выше, чѣмъ необходимыя издержки на его содержаніе.

Во-вторыхъ, опредѣлить среднее значеніе этого воздержанія, какъ фактора психологическаго и безконечно разнообразнаго для разныхъ капиталистовъ, совершенно невозможно.

Въ-третьихъ воздержаніе вовсе не можетъ быть признано „конечнымъ элементомъ“, ибо, по существу дѣла существованіе предположеній о такомъ психологическомъ факторѣ доказываетъ лишь то, что капиталъ не безграниченъ въ своемъ размѣрѣ, что онъ величина ограниченная и при существующихъ условіяхъ владѣнія служитъ основаніемъ для возможности распоряжаться имъ для разныхъ цѣлей, т. е. для потребленія, для производства, для обнаруженія своего экономическаго и соціальнаго господства. Лучшую критику многообразныхъ теорій прибыли см. у Böhm-Bawerk. Geschichte und Kritik der Kapital-Zins-Theorien, т. I, пер. изд. 1884 г.

тели другихъ школъ включали заработную плату „въ издержки“ по двумъ основаніямъ: a) она выплачивается при началѣ всякаго производства и капиталистъ въ видѣ оборотнаго своего капитала (или его доли) долженъ запасти ее заранѣе и b) она необходимо составляетъ ту долю капитала, на которую капиталистъ разсчитываетъ свою прибыль по такимъ-же основаніямъ, какъ и на основной капиталъ. Родбертусъ [1]) возражаетъ, что зараб. плата — такой же доходъ, какъ и прибыль, которая, какъ мы видѣли, получается въ „концѣ“ производительнаго процесса. Какова же его аргументація?

По его мнѣнію, отнесеніе заработной платы къ издержкамъ производства покоится на трехъ заблужденіяхъ, не считая того, которое я отмѣтилъ въ примѣчаніи, какъ опровергнутое Рикардо.

Во-первыхъ, орудія и матеріалы существуютъ только для того, чтобы увеличивать производство и это ихъ назначеніе будетъ существовать во всѣ историческія эпохи; заработная же плата выдается для того, чтобы рабочій могъ „жить“, а вовсе не для того, чтобы сохранять себя, какъ производительное орудіе. Только въ современную историческую эпоху капиталистъ смотритъ на работника, какъ на орудіе. Въ будущую эпоху это видоизмѣнится. Заработную плату такъ-же нелѣпо включать въ издержки, какъ и прибыль или ренту, за счетъ которыхъ содержатся, „живутъ“ владѣющіе классы. По самому существу дѣла, кромѣ того, въ производствѣ затрачивается не заработная плата, а трудъ, т. е. умственная и нервная энергія человѣка; точно также затрачивается не прибыль, а капиталъ, не рента, а физическія свойства почвы. Экономическая основа ренты въ томъ, что не заработная плата, а трудъ производитъ больше, чѣмъ сама заработная плата, чѣмъ сколько нужно на жизнь работника.

Во-вторыхъ, даже въ современную эпоху раздѣленія труда вовсе не существуетъ предварительнаго запаса средствъ существованія, изъ котораго выплачивается заработная плата для совершающагося процесса производства. Самая важная особенность раздѣленія труда заключается въ томъ, что во всѣхъ производствахъ работа идетъ „въ одно и то-же время“. Въ тотъ періодъ, когда на низшей стадіи производства постоянно добывается „матеріалъ“ изъ земли, на послѣдующей стадіи матеріалъ постепенно обращается въ „полуфабрикатъ“, а на самой высшей стадіи производства постоянно заканчивается производство товаровъ. Если въ какомъ либо предпріятіи производятся какіе либо предметы фабри-

1) См. Zur Erkenntnis и т. д., стр. 14 и слѣд.

каціи и рабочіе трудятся одну недѣлю или мѣсяцъ, то на ряду съ ними въ ту же недѣлю или въ тотъ же мѣсяцъ заканчивается производство средствъ существованія; *именно* изъ этихъ одновременно производимыхъ средствъ существованія рабочій и получаетъ свою плату.

Въ-третьихъ, въ обществѣ, основанномъ на раздѣленіи труда, конечно, при началѣ производства уже имѣется на лицо извѣстный запасъ средствъ существованія, тотъ, которымъ рабочій живетъ во время самой работы. „Но этотъ запасъ не тотъ, изъ котораго выдается заработная плата: онъ ведетъ свое начало изъ предшествовавшаго производительнаго періода."

Кромѣ того, рабочему „никогда" не выдается заработная плата до исполненія работы, а только по доставленіи имъ продукта, хотя бы продуктъ и не былъ вполнѣ готовъ для потребленія. По мнѣнію Родбертуса, здѣсь возможны два случая. Во первыхъ, производство можетъ идти такъ быстро, что предприниматель вознаграждаетъ рабочаго изъ самой выручки по проданнымъ товарамъ; здѣсь, очевидно, плата выдается изъ продукта, а не изъ капитала. Во вторыхъ, сроки расплаты приходятъ раньше, чѣмъ проданъ продуктъ. Въ этомъ случаѣ капиталистъ, конечно, долженъ имѣть особый денежный фондъ, но этотъ денежный фондъ не есть запасъ средствъ существованія, который бы также существовалъ при началѣ производства, какъ орудія и матеріалы. Это просто денежный фондъ, фондъ требованія, который отдается рабочему за обнаруженный имъ трудъ, хотя и не за вполнѣ законченный и не превращенный въ серебро продуктъ работы, который рабочій реализуетъ подъ видомъ продукта того же времени, за каковое получилъ плату. То обстоятельство, что капиталистъ долженъ имѣть денежный фондъ, проистекаетъ вслѣдствіи той причины, что періоды производства отдѣльныхъ отраслей промышленности сталкиваются между собой неравномѣрно. Рабочій лишь потому получаетъ право участія въ продуктѣ подъ видомъ денежнаго требованія, что уже доставилъ продуктъ и продавецъ средствъ существованія соглашается за деньги отдать свой продуктъ только потому, что въ деньгахъ, получаемыхъ имъ, онъ имѣетъ гарантію своего вознагражденія продуктомъ, доставленнымъ рабочимъ. „Короче говоря, хлѣбъ, которымъ живетъ рабочій, хотя и хуже, чѣмъ хлѣбъ рантье, но также свѣжъ".

Нѣкоторые изъ аргументовъ Родбертуса вполнѣ ясны, другіе же нуждаются въ толкованіи и далеко не полны.

Безусловно вѣрно и ясно, что съ народно-хозяйственной точки зрѣнія затрачивается трудъ, а не заработная плата. Съ такой же соціальной точки зрѣнія заработная

плата не должна разсматриваться, какъ издержки на содержаніе человѣка, какъ своего рода производственной машины. Только въ современномъ народномъ хозяйствѣ заработная плата представляется капиталисту, какъ часть его затратъ на сохраненіе живой силы работника.

Не менѣе вѣрно и то замѣчаніе Родбертуса, что очень часто работникъ вознаграждается по окончаніи производства, напр., въ земледѣліи при системѣ половничества изъ доли продукта, авансируя даже на производство свой капиталъ.

Правильно и вполнѣ подтверждается многочисленными фактами, что продажа продукта нынѣ совершается такъ быстро, что капиталистъ можетъ выдавать рабочимъ плату изъ выручки собственнаго предпріятія, что и подмѣтилъ англійскій экономистъ Уокеръ (см. его Wages Question стр. 134 и слѣд.).

Чрезвычайно мѣтко также замѣчаніе Родбертуса, что даже пролетаріатъ живетъ отчасти на счетъ остатковъ отъ заработной платы за предшествующій періодъ, что отождествлять заработный фондъ съ одними средствами существованія даннаго момента нельзя, ибо рабочій къ началу производства обыкновенно бываетъ одѣтъ, обутъ, имѣетъ жилище, а иногда и кое-что про черный день.

Сводя во едино всѣ эти признанные нами аргументы, можно сказать, что оборотный капиталъ страны не находится вполнѣ въ рукахъ капиталистовъ, что условія производства, а, слѣдовательно, и вознагражденія труда опредѣляются отчасти накопленіями самого рабочаго класса, которыя могутъ оказывать вліяніе на будущую производительность труда непосредственно и посредственно — черезъ возможность авансировать капиталисту долю труда безъ одновременнаго ея вознагражденія. Но ограниченіе проблемы — не есть ея полное опроверженіе. Разрушаютъ ли теорію фонда другіе аргументы Родбертуса, которые не вполнѣ ясны, которые сначала надлежитъ истолковать [1]). Что означаетъ его аргументъ о томъ, что всѣ производства идутъ одновременно и что необходимый денежный фондъ капиталиста есть только право требованія на продуктъ же рабочаго? Не есть ли указаніе на наличность этого денежнаго фонда — отчасти признаніе ученій Кернса?

Идея Родбертуса, что всѣ производства идутъ одновременно, означаетъ не только то, что вся современная про-

1) По вопросу о фондѣ заработной платы сравни: Герценштейнъ. Теорія фонда, статья въ Русской мысли, (1890 г.). Желѣзновъ. Главныя теченія въ разработкѣ ученія о заработной платѣ (1904 г.). Цвиденекъ-Зюденгорстъ. Теорія и политика заработной платы, р. пер. Авалова. Taussig. Wages und Capital. (N. J. 1900 г.).

мышленность построена на началахъ раздѣленія труда, но и то, что ни одного явленія производства мы не можемъ понять теперь внѣ условій обмѣна, кредита и всей суммы національной производительности, которая, какъ чистый доходъ, воплощается: въ рентахъ, прибыляхъ и въ заработныхъ платахъ, какъ въ яко-бы издержкахъ.

Всякому извѣстно, что современное производство можетъ расширяться не только на наличный капиталъ, но и въ кредитъ, получаемый, какъ въ предѣлахъ страны, такъ и внѣ ея. Оборотный капиталъ страны, поэтому, такъ-же какъ и основной, не могутъ считаться величиной „неизмѣнной“: она можетъ возрастать въ зависимости отъ предѣловъ расширенія кредита. Теоретикъ фонда можетъ на это отвѣтить, что кредитъ есть только передача наличнаго капитала изъ однѣхъ рукъ въ другія руки, другими словами, что эта передача не вліяетъ на общую массу оборотнаго капитала, но онъ будетъ не правъ уже и потому, что кредитъ привлекаетъ въ производство капиталы, которые совсѣмъ не принадлежатъ производителямъ, а классу лицъ зачастую живущихъ лишь на счетъ процентовъ отъ своего капитала. Расширеніе же производства путемъ кредита увеличиваетъ національную производительность, а, слѣдовательно, при успѣшной реализаціи продукта и тотъ фондъ, изъ котораго могутъ выплачиваться заработныя платы и накопляться ренты и прибыли.

Слова Родбертуса: „рабочій лишь потому получаетъ право участія подъ видомъ денежнаго требованія и продавецъ средствъ существованія соглашается за деньги отдать свой продуктъ только потому, что въ деньгахъ, получаемыхъ имъ, онъ имѣетъ гарантію своего вознагражденія продуктомъ, доставленнымъ рабочимъ“ — не ясны или, вѣрнѣе, мало имѣютъ отношенія къ теоріи фонда. Въ цѣломъ рядѣ случаевъ капиталистъ, дѣйствительно, авансируетъ рабочему его плату. Конечно, его денежный фондъ не воплощается въ средствахъ существованія; если эти средства существованія берутся изъ прежняго запаса или изъ текущаго производства, дѣло отнюдь не мѣняется. Оборотный денежный фондъ капиталиста составляетъ результатъ всей совокупности предшествовавшихъ процессовъ производства и, слѣдовательно, какъ опредѣленная величина оказываетъ вліяніе на спросъ на трудъ. Въ своей полемикѣ Родбертусъ, слѣдовательно, увлекся; рабочій не получаетъ своего вознагражденія только изъ продукта, но и изъ оборотнаго капитала, который обмѣнивается на ранѣе произведенныя средства существованія (старые запасы) и на только что изготовленные продукты.

Ошибка теоретиковъ фонда заработной платы не въ

томъ, что они разумно признали невозможность производства безъ авансированія доли оборотнаго капитала рабочимъ. Они совершенно упустили изъ виду, что увеличеніе оборотнаго капитала, т. е. выплачиваемой заработной платы возможно: а) за счетъ рентъ и прибылей при мало прогрессирующемъ хозяйствѣ и в) за счетъ общаго увеличенія производительности какъ оборотнаго, такъ и постояннаго капитала безъ уменьшенія прежней доли этихъ двухъ доходовъ, т. е. что и оборотный, и постоянный капиталъ страны не представляютъ собой величинъ *неизмѣнныхъ* и возрастаніе этихъ капиталовъ, раздѣленіе ихъ на тѣ или иные разряды зависитъ отнюдь не отъ одной воли капиталистовъ, а отъ всей совокупности условій жизни даннаго народнаго хозяйства.

Такъ напр. переходъ отъ простой ручной работы къ машинной зависитъ отъ очень сложныхъ условій. Часто увеличеніе постояннаго капитала за счетъ оборотнаго можетъ временно сокращать размѣры оборотнаго капитала, но то же обстоятельство въ конечномъ результатѣ увеличиваетъ производительность труда, т. е. создаетъ большія ренты и прибыли. Весь вопросъ, слѣдовательно, въ томъ, какая доля ихъ можетъ быть обращена на вознагражденіе рабочаго класса, а не въ потребленіе владѣльцевъ орудій производства и при какихъ усиліяхъ со стороны рабочаго класса. Самый процессъ капитализаціи производства, такимъ образомъ, отнюдь не долженъ пугать рабочее сословіе, какъ сокращеніе размѣровъ оборотнаго капитала. Заработный фондъ опредѣляется не только оборотнымъ капиталомъ, но оборотнымъ и постояннымъ совмѣстно или, вѣрнѣе, общею суммой національной производительности [1]).

Такимъ образомъ, вмѣсто элементарной теоріи фонда Родбертусъ поставилъ экономіи сложную задачу — прослѣдить, какимъ образомъ въ нашемъ хозяйствѣ происходитъ весь сложный процессъ распредѣленія, а также сочетанія и размѣщенія капиталовъ по ихъ основнымъ видамъ, ибо отъ этого зависятъ и размѣры національной производительности [1]).

д) Какъ мы видѣли выше, Рикардіанская доктрина гово-

---

1) Говорю „общей суммой національной производительности“, а не „общей суммой созданной цѣнности“. При изложеніи теоріи Маркса мы увидимъ, что норма прибавочной цѣнности опредѣляется этимъ писателемъ, какъ отношеніе прибавочной цѣнности къ оборотному капиталу. Теорія фонда заработной платы оказала свое вліяніе и на Маркса. Вопросъ о вліяніи постояннаго капитала на возрастаніе производительности и цѣнности связывается, такимъ образомъ, и съ ученіемъ о фондѣ заработной платы. Мнѣ кажется, что расширеніе затратъ постояннаго капитала не сопровождается такимъ быстрымъ паденіемъ цѣнности до уровня затраченнаго труда, какъ полагалъ Марксъ.

рила о постоянномъ возрастаніи рентъ[1]) и о грозящемъ наступленіи все болѣе ухудшающихся условій производства. Родбертусъ первый разумно усомнился въ правильности положенія, будто законъ уменьшающейся производительности почвы сказывается съ такой жестокой силой и что предѣлы земледѣльческихъ усовершенствованій такъ ничтожны. Даже при сохраненіи Рикардіанской теоріи ренты, можно было бы сказать, что возможно повышеніе заработнаго фонда за счетъ этой возрастающей ренты, ибо представители фабрикаціи, защищая свои интересы, могли бы одновременно защищать и интересы рабочихъ, опираясь на „ограниченность“ или организацію своего капитала, не допуская паденія прибыли при неизбѣжномъ повышеніи заработной платы; если предметы фабрикаціи необходимы землевладѣльцамъ, то они должны жертвовать частью своего избыточнаго дохода. Заслуга Родбертуса также въ доказательствѣ того, что при громадномъ многообразіи земель по плодородію весьма сомнительно, чтобы только худшія земли опредѣляли цѣну земледѣльческаго продукта.

Кромѣ того, теоретики классической школы исходили изъ представленія, будто прибыль тяготѣетъ постоянно къ минимуму, однообразна во всѣхъ производствахъ и исключительно опредѣляется земледѣльческой прибылью. Развитіе экономической жизни показало, что капиталъ можетъ бороться очень успѣшно за свою прибыль и что минимумъ ея не таковъ, чтобы и за его счетъ не могло въ извѣстныхъ предѣлахъ произойти расширеніе заработной платы и въ разныхъ отрасляхъ различно, въ зависимости отъ разнообразія и самихъ прибылей. То обстоятельство, что норма прибыли исключительно опредѣляется въ земледѣльческомъ производствѣ, а не общею производительностью всего національнаго труда, капитала и всей земли, также оказалось не доказаннымъ.

e) Великая заслуга Родбертуса, кромѣ того, заключается въ томъ, что онъ призналъ недоказанной теорію предѣльной трудовой цѣнности земледѣльческаго продукта[2]) и отрица-

1) См. Ходскій. Земля и земледѣлецъ, СПб. 1891 г., Масловъ. Условія развитія сельскаго хозяйства въ Россіи (пер. изд. 1903. второе — 1907 г.). А. Скворцовъ. Вліяніе парового транспорта на сельское хозяйство, 1890 г. Въ этой книгѣ хорошо изложены теоріи Тюнена и Родбертуса и дана ихъ критика. Миклашевскій. Обмѣнъ и экономическая политика (Юрьевъ 1904 г.) A. S. Johnson. Rent in modern economic theory: an essay in distribution, N. J. 1902 г.

2) Понятіе о послѣдне-приложенномъ трудѣ и капиталѣ осталось у Рикардо совершенно невыясненнымъ. У Рикардо вся теорія ренты построена на трехъ предположеніяхъ. Во-первыхъ, видоизмѣненіе производительности земледѣльческаго труда сейчасъ же выражается установленіемъ новаго предѣла обработки, т. е. въ обработку поступаетъ новая

тельно отнесся къ трудовой цѣнности средняго общественно-необходимаго труда, которую со всѣми ея противорѣчіями мы еще изложимъ ниже.

Въ безконечномъ рядѣ мѣстъ онъ полемизируетъ противъ Маркса, что трудовая цѣнность не есть реальный фактъ нашей промышленной жизни, а только идея распредѣленія, которую можно установить лишь путемъ „законовъ". Я уже пояснилъ ее выше при помощи особаго примѣра и указалъ тѣ аргументы, посредствомъ которыхъ онъ доказывалъ, что трудъ „единственный" элементъ — издержекъ-стоимости (Kosten)[1]).

земля, которая даетъ иную заработную плату и прибыль, иначе новый размѣръ продукта для раздѣла между этими видами доходовъ и, соотвѣтственно, видоизмѣняетъ распредѣленіе въ предѣлахъ всего народнаго хозяйства. Во-вторыхъ, одинаковая новая затрата труда и капитала даетъ однообразный приростъ на всѣхъ участкахъ, какого бы плодородія они не были. Въ третьихъ, всѣ движенія капитала къ землѣ и отъ земли, т. е. на обработку ея и для извлеченія изъ обработки, зависятъ отъ размѣра прибыли. Родбертусъ, повидимому слѣдуя за Р. Мальтусомъ (см. дополненія), справедливо усомнился во всѣхъ этихъ трехъ положеніяхъ. Видоизмѣненіе условій распредѣленія совершается очень медленно, на разныхъ земляхъ затраты даютъ далеко не однообразный приростъ; затраты на земледѣліе связаны не только съ прибылью, но и съ рентой.

Вопросъ о томъ, есть ли въ земледѣліи затраты на сырье, подробно разсмотрѣнъ у проф. Скворцова. Онъ полагаетъ, что Родбертусъ правъ: въ земледѣліи не существуетъ матеріала въ томъ видѣ, въ какомъ онъ является въ обрабатывающей промышленности. Во всѣхъ отрасляхъ этой послѣдней, по его мнѣнію, всегда имѣется основной матеріалъ, потребленіе котораго возрастаетъ *прямо пропорціонально* увеличенію количества произведеннаго продукта (шерсть, желѣзо, сталь и т. п.). Никакого такого матеріала не существуетъ въ земледѣліи. Посѣвныя сѣмена, хотя и составляютъ напр. матеріалъ земледѣльческаго производства, но нельзя считать ихъ соотвѣтствующими основному матеріалу фабриканта, потому что урожай вовсе не пропорціоналенъ количеству высѣянныхъ сѣмянъ; извѣстная густота посѣва, правда, необходима, но во 1-хъ, этой густоты нельзя переходить, во 2-хъ, улучшенія въ техникѣ дозволяютъ при разсѣвѣ меньшаго количества сѣмянъ получать большіе урожаи, въ 3-хъ, количество сѣмянъ зависитъ отъ климата, почвы и назначенія продукта. Тоже можно сказать и объ удобреніи. Кромѣ того, полагаетъ проф. Скворцовъ особенность матеріала въ земледѣліи заключается въ томъ, что матеріалъ большей частью не покупной, а произведенный въ хозяйствѣ, не имѣющій стоимости производства; значительная часть матеріаловъ (за исключеніемъ посѣвныхъ сѣмянъ и зерноваго корма) — „объемистый кормъ для скота (сѣно, солома и проч.) и навозъ совсѣмъ не могутъ быть проданы, ибо на нихъ на рынкахъ нѣтъ покупателей, по крайней мѣрѣ на то количество ихъ, въ какомъ они употребляются въ хозяйствѣ и потому эти матеріалы и носятъ въ сельско-хозяйственномъ счетоводствѣ названіе „нерыночныхъ продуктовъ" (??). Проф. Lexis — см. Zur Kritik der Rodbertus'schen Theorien-Jahrbüch. f. Nat. Oek. N. Folge. B. IX держиться діаметрально противоположнаго взгляда. См. Скворцовъ. Вліяніе парового транспорта на сельское хозяйство, Варшава, 1890 г. стр. 177 и слѣд.

1) Чтобы было ясно послѣдующее изложеніе, напомню, какое своеобразное значеніе терминъ — „издержекъ производства" или, какъ выражаются иначе, „стоимости производства", пріобрѣлъ въ работахъ

Какъ я уже выше отмѣтилъ, самъ Родбертусъ признаетъ, что всѣ три фактора производства: трудъ, земля и капиталъ чрезвычайно разнообразны по своей производительности и рыночная борьба производителей опредѣляетъ какую-то среднюю цѣну, не совпадающую съ трудовой цѣнностью. Пригодны ли аргументы Родбертуса для доказа-

---

тѣхъ теоретиковъ, которые склонны искать архимедовой точки для цѣнности, т. е. для представителей классической экономіи и нѣкоторыхъ теоретиковъ предѣльной полезности. Въ капитальномъ изслѣдованіи американскаго бюро труда, 6-й год. отч. 1891 г., былъ съ необыкновенной ясностью поставленъ на чисто эмпирическую почву вопросъ объ издержкахъ производства. Коммиссія этого бюро, изучавшая этотъ вопросъ въ Америкѣ и Европѣ по цѣлой массѣ промысловъ, поставила своей задачей изучить „тѣ издержки, которыя универсальны, положительны и абсолютно необходимы, т. е. общи всѣмъ производителямъ и которыя необходимо соединить (bring in order), чтобы получить готовый продуктъ". При изученіи этихъ „теоретическихъ элементовъ" издержекъ, о которыхъ мы будемъ говорить ниже, она натолкнулась на тѣ многообразныя значенія, которыя имѣетъ этотъ терминъ и попыталась опредѣлить его главнѣйшія значенія. Я приведу ниже съ нѣкоторыми пополненіями тѣ четыре основныя значенія, которыя она усмотрѣла въ литературѣ.

Терминъ издержекъ (cost of production) производства можетъ означать: 1. Сумму затратъ нервной и мускульной энергіи труда, затраченной для полученія даннаго продукта (объективный трудовой масштабъ) или сумму непріятныхъ и вызывающихъ усталость напряженій человѣческаго труда (fatigue or irksomeness of labour — субъективный трудовой масштабъ). 2. Разрушеніе объективныхъ или матеріалныхъ благъ или нѣкоторыхъ единицъ ихъ, которыя необходимо затратить для созданія другихъ матеріальныхъ благъ: потребленіе опредѣленной суммы единицъ нервной и мускульной энергіи человѣческаго труда, употребленіе опредѣленной суммы единицъ земли и капитала для полученія опредѣленнаго количества единицъ готоваго продукта. 3. Пожертвованіе (sacrifice) той или другой полезности, возможности или цѣнности. Такъ, кузнецъ можетъ зарабатывать, какъ земледѣльческій рабочій, 1 дол. и 50 цен., тогда какъ всякій другой рабочій въ округѣ не можетъ получать больше 1 д. 25 цен. Имѣя возможность на собственной кузницѣ получать 1 д. 65 цент., кузнецъ остается при своемъ дѣлѣ. Онъ будетъ оцѣнивать издержки производства своего труда по цѣнности лучшаго изъ возможныхъ употребленій своего труда, т. е. въ 1 д. 65 цен. Въ этомъ смыслѣ, поясняетъ проф. Гиддингсъ, которому принадлежитъ это толкованіе въ трудахъ коммиссіи, мы всегда употребляемъ выраженіе издержки въ разсужденіяхъ о международной торговлѣ. Такъ, нація, имѣющая возможность производить желѣзо по 11 дол. за тонну, можетъ ввозить ее по 13 дол. за тонну просто потому, что трудъ и капиталъ, который производитъ тонну желѣза за 11 дол., можетъ быть болѣе производительнымъ при производствѣ хлѣба или хлопка, чтобы купить тонну съ половиной или двѣ тонны по 13 долларовъ". 4. Издержки могутъ означать также сумму всѣхъ цѣнъ, платимыхъ за трудъ, матеріалы и пожертвованія, необходимыя для обезпеченія производства.

„Въ послѣднемъ смыслѣ издержки не всегда причина цѣнности или цѣны, т. е. цѣна продукта не всегда необходимо опредѣляется издержками производства въ цѣнахъ труда и матеріаловъ. Наоборотъ, цѣна „конечнаго продукта" можетъ опредѣлять, сколько заплатитъ производитель за матеріалы и трудъ.

тельства трудовой цѣнности — это мы увидимъ при изложеніи доктрины Маркса. Посмотримъ же, можно ли признать трудъ единственнымъ элементомъ издержекъ.

Слабость втораго и важнѣйшаго изъ аргументовъ Родбертуса совершенно очевидна. Чтобы теоретически понять, что единица земли является элементомъ издержекъ-затратъ, отнюдь нѣтъ надобности „персонифицировать" землю. Человѣкъ, какъ субъектъ хозяйства, имѣя предъ собою участки земли одинаковаго или разнаго качества, оцѣниваетъ ихъ значеніе, какъ элементъ затратъ, съ точки зрѣнія своихъ потребностей и интересовъ. Онъ отлично понимаетъ, что для полученія того или другого урожая ему нужно опредѣленное количество единицъ земли и что, если онъ посѣялъ овесъ и сдѣлалъ это неудачно, онъ не получитъ ожидавшагося урожая овса. Его поле пропало для овса, но оно пропало одновременно и для всякаго другого посѣва на опредѣленный промежутокъ времени. Изъ опыта онъ знаетъ и то, что онъ обязанъ возвращать землѣ опредѣленное количество производительной энергіи въ видѣ пароваго поля или удобренія и т. п.

Одинъ изъ остроумныхъ писателей Эфферцъ справедливо пишетъ: „стоимость производства состоитъ изъ двухъ элементовъ: стоимости труда и земли. Первая — равна овеществившейся въ продуктѣ рабочей силѣ, вторая — равна заключенной въ продуктѣ величинѣ земли. Противъ существованія издержекъ въ землѣ можно было бы возразить, что земля не потребляется и послѣ производства существуетъ такъ-же, какъ и до него. Постепенное вымираніе производителей зависитъ не отъ производства, а отъ жизни вообще. И производитель умираетъ. Когда возражаютъ, что чрезмѣрная производительная работа вредитъ производителямъ, то можно отвѣтить, что она столь же вредна и землѣ. Стоимость производства, напр., центнера хлѣба равна, слѣдовательно, заключенному въ немъ труду плюсъ заключенной въ немъ землѣ. Не имѣютъ стоимости только продукты, въ которыхъ нѣтъ ни труда, ни земли" [1]).

---

1) См. его Arbeit und Boden, Berlin, 1897 г., стр. 109. Тотъ же Эфферцъ вооружается противъ всякихъ „персонификацій" животныхъ, машинъ, капиталовъ и т. д. Дѣло идетъ вовсе не о персонификаціи, а о констатированіи реальнаго факта — производительнаго эффекта для усилій человѣка.

Какъ необходимо замѣнить элементарное ученіе о производительности труда идеей дифференціальной производительности труда въ зависимости отъ содѣйствія земли и капитала, лучше всего можно видѣть изъ того примѣра, которымъ Родбертусъ хочетъ защитить элементарную теорію производительности труда. Вотъ его примѣръ. Человѣкъ при помощи лѣстницы досталъ фрукты. Безъ нея онъ не могъ бы этого сдѣлать.

Въ этой образной формѣ Эфферцъ высказываетъ совершенно вѣрную мысль, что земля и вообщее производительныя силы, поскольку онѣ „ограничены въ своемъ количествѣ, качествѣ и во времени“, поскольку онѣ требуютъ къ себѣ разумнаго и бережливаго отношенія, не могутъ не считаться субъектомъ хозяйства, элементомъ затратъ во всѣ времена и при всякихъ соціальныхъ системахъ.

Человѣчество отлично понимаетъ, что для полученія продукта недостаточно одного труда, какъ фактора производства. Для производства необходимы и земля, и капиталъ, который опять таки представляетъ собою ничто иное, какъ овеществившееся въ извѣстной формѣ и для извѣстныхъ цѣлей соединеніе земли и труда въ продуктѣ. Сколько трудъ, сколько капиталъ, сколько естественныя силы прибавили къ количеству продукта, какъ хранителя извѣстныхъ силъ и свойствъ, необходимыхъ для удовлетворенія потребностей человѣка, этого мы исчислить не можемъ, ибо всякій продуктъ есть недѣлимый результатъ земли, труда и капитала.

Никакого противорѣчія между естественно-исторической и народно-хозяйственной точкой зрѣнія быть не можетъ и не должно. Если для полученія продукта необходимо соединеніе трехъ наличныхъ факторовъ производства, то съ обѣихъ точекъ зрѣнія мы должны имѣть и три стоимости для одного хозяйствующаго субъекта[1]).

„Безъ сомнѣнія, пишетъ Родбертусъ, трудъ благодаря этому сталъ производительнѣе, ибо фрукты безъ лѣстницы совсѣмъ нельзя было бы достать или, быть можетъ, только съ большей потерей времени и усилій. Но поэтому и возросшій доходъ въ фруктахъ есть продуктъ болѣе производительной работы. Только въ этой болѣе производительной работѣ, а не въ результатѣ ея начала, ея первой половинѣ — принесеніе лѣстницы — лежитъ основа увеличенія дохода. Это увеличеніе есть продуктъ труда, который принесъ лѣстницу и труда, который ею распоряжался“. Не проще ли считать увеличеніе дохода совмѣстнымъ результатомъ дѣйствія этихъ двухъ производительныхъ силъ; вѣдь, такая точка зрѣнія не даетъ права разсуждать, что мертвому капиталу должна принадлежать часть дохода. Только изъ опасенія такого буржуазно-полезнаго толкованія Родбертусъ и твердитъ свое. См. Rodbertus, Das Kapital. изд. 1884 г. стр. 231 и слѣд.

1) Капиталъ представляетъ собою сочетаніе матеріи, созданное человѣкомъ для лучшаго достиженія своихъ цѣлей. Чѣмъ цѣлесообразнѣе произведено это сочетаніе, по количеству или качеству матеріи, тѣмъ производительнѣе и капиталъ. По моему мнѣнію Кларкъ правъ, разсуждая слѣдующимъ образомъ: „Умѣлый (skilled) работникъ, пишетъ онъ, конечно создаетъ всегда больше богатства, чѣмъ простой; личныя различія между людьми всегда имѣютъ значеніе при опредѣленіи ихъ соціальной силы, какъ производителей. Хорошая машина всегда будетъ производить больше, чѣмъ плохая. Такое хорошее орудіе, однако, представляетъ собою болѣе единицъ капитала и все, что мы можемъ требовать отъ соперничества это то, чтобы оно поддерживало тенденцію вкладывать равныя единицы капитала тамъ, гдѣ ихъ выручка одинакова.

Для всякаго ясно, что, даже при существованіи общественной собственности, для полученія продукта нужно будетъ опредѣленное количество единицъ земли и капитала. Три основн хъ вида затратъ нужно будетъ производить и все на тѣхъ же или, быть можетъ, болѣе разумныхъ, сознательныхъ началахъ.

Когда Родбертусъ говоритъ объ издержкахъ, о возможности „персонифицировать" только трудъ человѣка, онъ вовсе не имѣетъ въ виду человѣка, какъ единицу затраты силъ, которые надо возстановить, какъ мы возстанавливаемъ производительныя силы земли или отработавшій капиталъ. Онъ хочетъ только сказать, что весь хозяйственный процессъ совершается для жизни человѣчества и что, поэтому, всѣ результаты производства должны идти ему на пользу, должны быть распредѣлены въ соотвѣтствіи съ его нуждами. Трудъ человѣка является издержками-стоимостью потому, что все должно быть отдано ему, какъ существу, для котораго совершается все въ общественномъ организмѣ. Для Родбертуса національный трудъ является единственнымъ „органомъ" національной производительности; онъ не желаетъ физіократіи, какъ онъ выражается, а антропократіи, которая распредѣляетъ эту національную производительность согласно труду.

Трудъ, какъ единая стоимость [1]), къ которой долженъ пріурочиваться раздѣлъ добытаго общественнаго продукта, является идеей дѣйствительно правильной и богатой послѣдствіями; трудъ, какъ единая стоимость въ смыслѣ затратъ, противорѣчитъ всему духу сочиненій Родбертуса, чего онъ, къ сожалѣнію, самъ часто не замѣчалъ [2]). Из-

---

Это само по себѣ вызываетъ послѣдствіе, что лучшія орудія, какъ заключающія въ себѣ большее количество единицъ капитала, должны получать и большіе доходы . . . Коротко говоря, законы матеріи дѣлаютъ капиталъ производительнымъ". См. Distribution of Wealth, стр. 63, 135 и passim.

1) Слово „стоимость" на русскомъ якыкѣ пріобрѣло значеніе цѣнности; я употребляю его здѣсь именно въ этомъ смыслѣ, какъ основная цѣнность, какъ выраженіе само-цѣльности человѣка для эксплоатаціи всей внѣшней природы и ея продуктовъ.

2) Всѣ соображенія объ ограниченности количества труда, какъ нервной и мускульной энергіи, о трудѣ, какъ о суммѣ непріятныхъ и вызывающихъ усталость напряженій, о трудѣ, какъ захватѣ доли свободы человѣка — могутъ служить прекрасной основой для защиты интересовъ труда въ области распредѣленія, но, какъ еще увидимъ, не для доказательства трудовой цѣнности, какъ реальнаго факта экономической жизни. Къ сожалѣнію этого не понялъ г. С. Франкъ, книга котораго „Теорія цѣнности Маркса и ея значеніе", Спб. 1900 г., однако, представляетъ собою „лучшее", что было написано въ русской литературѣ о цѣнности. Всякій интересующійся экономіей долженъ прочесть эту книгу, отличающуюся необыкновенной свѣжестью и энергіей мысли; сравни ниже анализъ теоріи цѣнности Маркса.

держки — затраты всегда дѣлаются въ землѣ, капиталѣ и трудѣ и богата не та нація, гдѣ много рабочихъ рукъ, а та, гдѣ этимъ рабочимъ рукамъ хорошо помогаетъ капиталъ и земля, т. е., другими словами, гдѣ производительность труда доведена до наивысшихъ предѣловъ.

Какъ увидимъ сейчасъ, Марксу выпало на долю доказать, что развитіе производительности труда должно служить предпосылкой и для болѣе справедливаго распредѣленія.

§ 2. а) *Жизнь* сковала Карла Маркса[1]) (1818—1883) и Фридриха Энгельса (1820—1895) крѣпкими узами матеріалистическаго міросозерцанія, совмѣстной дѣятельности и глубокой дружбы. Оба друга умерли на чужбинѣ, въ Англіи и похоронены рядомъ въ Лондонѣ на Гайгетскомъ кладбищѣ, съ котораго открывается великолѣпный видъ на весь могучій Лондонъ, эту шумную, мрачную фабрику для всего свѣта. Энгельсъ на двѣнадцать лѣтъ пережилъ своего друга и сдѣлался его литературнымъ душеприкащикомъ и истолкователемъ его идей при весьма измѣнившихся условіяхъ и экономической жизни, и научной работы. Два послѣднихъ тома Капитала появились уже послѣ смерти Маркса въ начерно-скомпанованномъ видѣ уже рукою Энгельса. За послѣднее время издано также много новыхъ матеріаловъ относительно жизни Маркса и нѣкоторыя изъ новыхъ его руко-

---

1) Для ознакомленія съ системой этихъ двухъ соціалистовъ необходимо имѣть въ виду, главнымъ образомъ, слѣдующія ихъ сочиненія: 1) Коммунистическій манифестъ 1848 г. и 2) die Heilige Familie . . . т. е. Святое семейство, полемическій этюдъ противъ Бруно Бауера и ихъ товарищей — эти произведенія написаны совмѣстно. Изъ сочиненій Энгельса: 1) Herrn Dühring's Umwälzung der Wissenschaft, 1878 г., т. е. переворотъ въ наукѣ, произведенный г. Дюрингомъ (р. пер. 1906 г.), 2) Ludwig Feuerbach und der Ausgang der deutschen klassischen Philosophie (1888), тоже въ русскомъ переводѣ 1906 г., 3) Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staates. Im Anschluss an Lewis Morgan Forschungen 1884 г.. т. е. происхожденіе собственности, семьи и государства, въ связи съ изслѣдованіями Моргана (р. пер.). Изъ сочиненіи К. Маркса: 1) Капиталъ т. I. 1867 г., т. II. 1885 и т. III. 1894 г.; первый томъ въ русскомъ переводѣ Н-она и П. Струве; II и III томъ въ переводѣ Н-она; тоже новый переводъ Базарова. 2) Нищета философіи, отвѣтъ на философію нищеты Прудона (р. пер. Ульриха 1906 г.) — 1848 г. 3) Критика нѣкоторыхъ положеній политической экономіи 1859 г. (р. пер. Румянцева 1896 г.), 4) Theorien über den Mehrwert, издано Каутскимъ въ 1904 г. въ трехъ выпускахъ, т. е. теоріи прибавочной цѣнности до А. Смита (1 вып.) и Давидъ Рикардо (2 вып.) и 5. Aus dem literarischen Nachlass von K. Marx, Friedrich Engels und Ferdinand Lassalle, издано Мерингомъ; собраніе разныхъ статей Маркса и Энгельса, также переписка съ Лассалемъ. Полная библіографія см. въ новомъ изданіи словаря Конрада. Соціально-политическіе памфлеты Маркса почти всѣ переведены на русскій языкъ и достаточно извѣстны, чтобы ихъ необходимо было отмѣчать здѣсь.

писей . . . Со смертью крупныхъ писателей наступаетъ обыкновенно время, когда ихъ система подвергается детальному изученію и строгой критикѣ. И западная, и русская литература относительно марксизма громадна, но еще, къ сожалѣнію, нѣтъ настоящей біографіи ни одного изъ этихъ двухъ писателей, въ которой были бы подведены полные итоги ихъ научнаго творчества, дѣятельности, открытій и ошибокъ[1]).

Оба эти писателя какъ бы взаимно дополняютъ другъ друга, но весьма неправильно было бы считать ихъ ученія тождественными. Марксъ гораздо осторожнѣе Энгельса; онъ обладаетъ громадной ученой эрудиціей, ради пріобрѣтенія которой онъ долгіе годы просидѣлъ за книгами въ Британскомъ Музеѣ. И по своей университетской подготовкѣ Марксъ гораздо болѣе способенъ къ тяжелой, упорной и осторожной научной работѣ. Энгельсъ, окончившій только торговую школу и много лѣтъ проработавшій, какъ практическій коммерсантъ, болѣе склоненъ къ популяризаціи; публицистическая жилка не останавливаетъ его отъ доведенія взглядовъ учителя до наиболѣе нелѣпыхъ выводовъ, которые

1) Изъ громадной массы сочиненій о системѣ Маркса я отмѣчу только нижеслѣдующія иностранныя и русскія сочиненія самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. 1) Adler. Grundlagen der Marxschen Kritik der besth. Volkswirtschaft (1887); 2) Н. Зиберъ. Рикардо и Марксъ (1885 г.) и статьи въ его Собраніи сочиненій (2 т.); 3) Бельтовъ. Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію (1895); 4) Plechanoff. Beiträge für die Geschichte des Materialismus (1896); 5) Б. Чичеринъ. Нѣмецкіе соціалисты: Лассаль и Марксъ (Сборникъ Государ. знаній т. V и VI); 6) П. Струве. Критическія замѣтки (1895 г.) и его же статьи въ журналахъ Вопросы философіи и психологіи, Жизнь и Архивъ Брауна; На разныя темы (1902); 7) Туганъ-Барановскій. Теоретическія основы марксизма (1905 г.); 8) Миклашевскій. Обмѣнъ и экономическая политика (1904 г.); 9) Слонимскій. Экономическая теорія К. Маркса (1896 г.); 10) Булгаковъ. Отъ марксизма къ идеализму. 11) Карѣевъ. Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ (1895); 12) Barth. Die sogenannte materialistische Geschichts-Philosophie (1896); 13) Prof. H. Diehl. Ueber Verhältniss von Wert und Preis im ökonomischen System von K. Marx (1898 г.) 14) Masaryk. Die philosophischen und sociologischen Grundlagen des Marxismus (1899, тоже въ рус. пер. Николаева); 15) E. Seligmann. The Economic Interpretation of History 1903 (тоже въ рус. пер. въ изд. общ. пользы); 16) A. Loria. Marx e la sua doctrina (1902); 17) A. Labriola. La Teoria del valore di C. Marx (1899); 18) Штамлеръ. Хозяйство и право, 2 тома (рус. перев. 1906 г.); 19) Бернштейнъ. Соціальныя проблемы (рус. переводъ 1901 г.) и его же 20) Очерки изъ исторіи и теоріи соціализма (рус. перев. 1902 г.); 21) К. Каутскій. Отвѣтъ Бернштейну, р. пер. 1905. 22) С. Франкъ. Теорія цѣнности Маркса (см. выше). 23) Gentile. Una critica del materialismo storico, (1897); 24) Woltmann. Der historische Materialismus, (1900); 25) Weisengrün. Der Marxismus und das Wesen der socialen Frage, (1900); 26) Бемъ-Баверкъ. Теорія цѣнности К. Маркса (р. п. Георгіевскаго). 27) W. Sombart. Zur Kritik des ökonom. Systems von K. Marx, Archiv für Soc. Gesetzg. 1894, VII B., 28) Ф. Энгельсъ. Законъ цѣнности и уровень прибыли. Новое Слово, сент. 1897 г.

всегда такъ нравятся широкой публикѣ и легче всего ею воспринимаются. Сочетаніе идей этихъ двухъ писателей, однако, получило распространеніе и сдѣлалось исповѣданіемъ вѣры массы людей, какъ одна цѣльная и неразрывная система. При научномъ анализѣ необходимо, однако, выдѣлить, если можно такъ сказать, „плевелы“ Энгельса отъ „зеренъ“ Маркса, не укоряя послѣдняго въ томъ, въ чемъ онъ не повиненъ или, по крайней мѣрѣ, не вполнѣ повиненъ.

Чтобы пойти этой дорогой различенія идей обоихъ писателей, намъ придется взять кое-что изъ Энгельса, и кое-что изъ Маркса, а самое изложеніе разбить на слѣдующія части. Прежде всего, разсмотримъ критику Энгельса относительно идеалистическаго міросозерцанія и его ученіе о діалектическомъ методѣ; во-вторыхъ, заглянемъ въ основы матеріалистическаго міросозерцанія самого Маркса и, въ-третьихъ, изучимъ ученіе о цѣнности Маркса и основы его критики существующаго капиталистическаго строя.

1. Въ своихъ сочиненіяхъ о Людвикѣ Фейербахѣ и о переворотѣ въ наукѣ, произведенномъ Дюрингомъ, Энгельсъ очень просто и съ необычайной увѣренностью, я сказалъ бы даже, съ невѣроятнымъ апломбомъ повергаетъ въ прахъ идеалистическое міросозерцаніе и, въ то-же время, возвеличиваетъ матеріалистически преобразованную діалектику Гегеля. „Реальное единство міра, говоритъ Энгельсъ, заключается въ его матеріальности и это обстоятельство доказано не парой фразъ, а продолжительнымъ и тяжелымъ процессомъ развитія науки и философіи . . . Уже давно идетъ споръ о томъ, что составляетъ *первоначальное*: духъ или матерія. Тѣ, которые утверждаютъ первоначальность духа предъ матеріей, составили лагерь идеалистовъ, тѣ, которые смотрятъ на природу, какъ первоначальное, принадлежали къ различнымъ лагерямъ матеріалистовъ“.

Но что-же такое идеализмъ, если проанализировать это міросозерцаніе ближе?

Во-первыхъ, по мнѣнію Энгельса, идеализмъ означаетъ нѣчто иное, чѣмъ преслѣдованіе идеальныхъ цѣлей. Эти послѣднія неизбѣжно имѣютъ отношеніе, по крайней мѣрѣ, къ „кантовскому идеализму“ и его „категорическому императиву“,[1]) но и самъ И. Кантъ назвалъ свою философію „трансцедентальнымъ идеализмомъ,“ вовсе не потому, что въ немъ идетъ дѣло о нравственныхъ

---

1) Какъ извѣстно Кантовскій нравственный категорическій императивъ формулированъ такимъ образомъ: „дѣйствуй такъ, чтобы ты пользовался человѣчествомъ, какъ въ твоемъ собственномъ лицѣ, такъ и въ лицѣ всякаго другого человѣка, во всякое время, какъ цѣлью, но никогда, какъ средствомъ.“

идеалахъ . . . Суевѣріе, будто философскій идеализмъ сводится къ вѣрѣ въ „нравственныя" т. е. въ „общественныя" идеалы [1]), возникло внѣ философіи, у нѣмецкихъ филистеровъ, которые научаются необходимымъ для нихъ философскимъ обрывкамъ въ поэмахъ Шиллера. Никто не подвергъ столь жестокой критикѣ безсильный кантовскій императивъ — безсильный, ибо онъ требуетъ невозможнаго, а потому и не приводитъ ни къ чему дѣйствительному, никто такъ не осмѣялъ полученную чрезъ посредство Шиллера филистерскую, мечтательную наклонность къ неосуществимымъ идеаламъ, какъ полнѣйшій идеалистъ Гегель.

Во-вторыхъ, нельзя, конечно, избѣжать того, чтобы все дающее движеніе людямъ, не проходило чрезъ ихъ головы: это необходимо даже при принятіи пищи и питья, которое совершается вслѣдствіе полученныхъ при посредствѣ головы ощущеній голода и жажды и оканчивается также полученнымъ при посредствѣ головы, — ощущеніемъ насыщенія. Воздѣйствія внѣшняго міра на человѣка *отпечатлѣваются* въ его головѣ, отражаются въ ней, какъ чувства, мысли, стремленія, движенія воли, коротко, „какъ идеальныя стремленія" и въ такомъ видѣ становятся „идеальными силами." Если обстоятельство, что человѣкъ вообще слѣдуетъ, „идеальнымъ стремленіямъ" и признаетъ на себѣ вліяніе „идеальныхъ силъ" — дѣлаетъ его идеалистомъ, тогда каждый до нѣкоторой степени нормальный человѣкъ является прирожденнымъ идеалистомъ и тогда вообще, какъ же могутъ существовать матеріалисты?

Въ-третьихъ, убѣжденіе, что человѣчество, по крайней мѣрѣ въ настоящемъ, въ общемъ движется въ прогрессивномъ направленіи, „ровно никакого отношенія не имѣетъ къ вопросу объ идеализмѣ и матеріализмѣ."

Такимъ образомъ Энгельсъ полагаетъ, что вопросъ о прогрессивномъ движеніи человѣчества не имѣетъ никакого отношенія къ вопросу объ идеализмѣ и матеріализмѣ и что идеализмъ, какъ исканіе „категорическаго императива" (т. е. конечной цѣли жизни, опредѣляющій начала нашего моральнаго поведенія), безсиленъ. Онъ съ восторгомъ повторяетъ слова К. Маркса, что „причины всѣхъ существенныхъ перемѣнъ слѣдуетъ искать не въ головахъ людей, не въ ихъ пониманіи истины и справедливости, но въ измѣненіяхъ производства и обмѣна, не въ философіи, а въ экономіи соотвѣтствующей эпохи." Энгельсъ ставитъ вопросъ очень опредѣленно. Онъ хочетъ объяснить прогрессивное

1) См. L. Feierbach, изд. 1895 г., стр. 23 и слѣд.

движеніе общества, какъ особую проблему прогрессивнаго развитія міра вообще!!

Прежде чѣмъ, однако, пойти дальше въ развитіи матеріалистическаго міросозерцанія, необходимо заглянуть въ ученіе Энгельса о діалектикѣ и діалектическомъ процессѣ развитія. Марксъ тоже пользуется діалектикой; еще при его жизни Энгельсъ выпустилъ свою книгу противъ Дюринга, но осталось совершенно неизвѣстнымъ, вполнѣ-ли онъ одобрялъ діалектическую схоластику своего ученика, изъ которой онъ такъ-же, какъ и Гегель, думалъ „выколдовать весь міръ,“ сдѣлавъ ее одинаково приложимой и къ общественной философіи, и къ естествознанію [1]).

Эта книга о Дюрингѣ важна не только потому, что даетъ характеристику діалектическаго метода въ томъ своеобразномъ видѣ, въ которомъ Энгельсъ считалъ его лучшимъ орудіемъ для изслѣдованія историческаго процесса; въ ней съ наибольшей полнотой изложены и общія основы матеріалистическаго міросозерцанія, къ которому мы еще вернемся ниже и которое основано всецѣло на ученіяхъ самого Маркса. Этой книгой къ выгодѣ и къ невыгодѣ марксизма Энгельсъ наиболѣе содѣйствовалъ его распространенію.

Надлежитъ помнить, что главная заслуга Гегеліанской философіи [2]) заключается въ развитіи идеи, что вся жизнь міра, вся исторія человѣчества есть ничто иное, какъ про-

---

1) Возможно предположеніе, что Марксъ къ увлеченіямъ и преувеличеніямъ своего друга отнесся доброжелательно, ибо сочувствовалъ той цѣли, ради которой была написана книга. Вліяніе слѣпого, несчастнаго изгнанника изъ Берлинскаго Университета г. Дюринга было уничтожено, многіе полезные его замѣчанія несправедливо осмѣяны. Любопытно отмѣтить, однако, что книга Энгельса только впослѣдствіи (въ особенности у насъ) сдѣлалась настольной книгой марксистовъ. Въ книгѣ г. Бернштейна (см. его Исторія рабочаго движенія въ Берлинѣ, р. пер. 1908 г., стр. 384) можно найдти тому подтвержденіе. На третьемъ конгрессѣ объединенной рабочей партіи большинство получила резолюція, гласившая, что „статьи Энгельса противъ Дюринга лишены всякаго интереса, даже возбудили неудовольствіе и не должны впредь встрѣчаться въ центральномъ органѣ“; это предложеніе было, впрочемъ, взято обратно въ пользу примирительнаго предложенія Бебеля, которое требовало лишь другой формы для критики. Самъ Бернштейнъ признаетъ, что „сочиненіе Энгельса было чрезвычайно рѣзко и несправедливо въ деталяхъ.“ Защитникъ идей Дюринга проф. Кіевскаго Университета Козловъ потерялъ популярность благодаря статьямъ Н. И. Зибера, поклонявшагося Энгельсу и его ученіямъ, какъ послѣднему слову мудрости. Плеяда нашихъ неомарксистовъ пріобрѣла незаслуженную популярность (и что еще хуже—научный вѣсъ), рабски слѣдуя той же книгѣ.

2) Кратко и просто ученія Гегеля изложены у Bonar. Philosophy and Political Economy. L. 1893, стр. 300 и слѣд.; также Тренделенбургъ. Логическія изслѣдованія. Гаймъ. Гегель и его время, пер. Солянинова, 1861 г.

цессъ, видоизмѣненіе, послѣдовательное осуществленіе идеальнаго содержанія. Для Гегеля все, что существуетъ есть процессъ или иначе — развитіе чрезъ соединеніе противоположностей. Это послѣднее (т. е. соединеніе) не означаетъ сложенія двухъ противоположныхъ, но преобразованіе ихъ въ нѣчто иное — третье, въ которомъ оба они поглощены, какъ двѣ необходимыя стороны одного цѣлаго, и при томъ такимъ образомъ, что, будучи взяты каждое въ отдѣльности, они одинаково ложны, вмѣстѣ взятыя они одинаково истинны. Справедливость этого положенія, по мнѣнію Гегеля, подтверждается, если мы обратимъ вниманіе на два противоположныхъ понятія, безъ которыхъ міръ былъ бы для насъ нелѣпостью — мысль и природа. Мысль, взятая абстрактно или внѣ природы, даетъ намъ логику абстрактныхъ понятій; а внѣшность, взятая сама по себѣ, даетъ намъ философію природы. Истина, однако, заключается въ томъ, что, стремясь разсматривать каждое изъ нихъ въ самомъ себѣ, мы принуждены перейти отъ одной (мысли) къ другому (внѣшности) и такъ мы создаемъ философію духа, въ которой мысль становится собственнымъ предметомъ: мысль и внѣшность конкретно комбинируются. Истина же заключается въ конкретномъ воззрѣніи: все остальное абстрактно и только на половину истинно. Прогрессъ истины начинается всегда съ полу-истины; онъ начинается съ понятія, которое относительно абстрактно и, прежде всего, переходитъ къ своему равно-противоположному и, въ концѣ концовъ, къ своему относительно конкретному, которое соединяетъ обѣ противоположныя абстракціи. Соединяющее третье затѣмъ снова превращается въ абстрактное, переходитъ въ свое противоположное и, наконецъ, соединяется въ новое третье конкретное и т. д.; такъ получается тезисъ, его антитезисъ и, наконецъ, синтезъ . . . Такъ какъ, напр., говоритъ Гегель, истинная философія не беретъ своего содержанія извнѣ, а оно само въ ней создается діалектическимъ процессомъ (т. е. отъ тезиса къ антитезису и къ синтезу), то, очевидно, ея началомъ должно быть нѣчто совершенно безсодержательное; таково понятіе чистаго бытія. Но это понятіе, т. е. чистое бытіе, лишенное всякихъ признаковъ и опредѣленій, нисколько не отличается отъ чистаго ничто; такъ какъ это чистое бытіе не есть бытіе чего нибудь, ибо, если бы оно было этимъ послѣднимъ, оно не было чистымъ бытіемъ, то чистое бытіе есть бытіе ничего. Отсюда видно, что самое первое и самое разсудочное понятіе не можетъ быть удержано въ своей особенности и косности; оно неудержимо переходитъ въ свое противоположное. Бытіе становится ничѣмъ, но, съ другой стороны, и ничто, насколько оно мыслится, не есть уже

ничто: какъ предметъ мышленія оно становится бытіемъ (мыслимымъ); такимъ образомъ, истина остается ни за тѣмъ и ни за другимъ изъ двухъ противоположныхъ, а за тѣмъ, что обще имъ обоимъ, а именно, за понятіемъ перехода, процесса, „становленія“ или біванія (Werden). Истина не въ неподвижномъ бытіи или ничто, а въ „процессѣ“ чего нибудь; что нибудь переходитъ въ ничто т. е. исчезаетъ или ничто переходитъ въ бытіе т. е. возникаетъ. Значитъ и понятіе процесса, чтобы быть истиннымъ должно перейти чрезъ самоотрицаніе . . .

Какъ я уже отмѣтилъ. изъ такой діалектики, по выраженію Барта. Гегель думалъ чудеснымъ образомъ выколдовать весь міръ. Ею же воспользовался и Энгельсъ [1]. „Пока мы разсматриваемъ, говоритъ Энгельсъ, вещи (т. е. явленія) въ состояніи покоя и какъ бы мертвыя, каждую самое по себѣ, наряду или возлѣ другой, то мы, разумѣется, не наталкиваемся на противорѣчія между ними. Мы находимъ въ нихъ качества, которыя частью общи имъ и частью различны, даже иногда эти качества „противорѣчатъ“ одно другому, но въ послѣднемъ случаѣ они распредѣляются на „различные“ предметы (?) и, такимъ образомъ, не содержатъ въ себѣ противорѣчія . . . Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло, если мы разсматриваемъ вещи въ ихъ движеніи, въ ихъ перемѣнахъ, въ ихъ взаимодѣйствіи между собою. Тутъ мы сразу попадаемъ въ противорѣчія. Даже простое механическое перемѣщеніе можетъ выполняться такимъ образомъ, что тѣло въ одинъ и тотъ же моментъ времени должно находиться на одномъ мѣстѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на другомъ мѣстѣ, на одномъ и томъ-же мѣстѣ и не на одномъ мѣстѣ. Движеніе именно и составляетъ постоянное „становленіе“ и разрѣшеніе этого противорѣчія.

Если одно уже простое перемѣщеніе заключаетъ въ себѣ противорѣчіе, то еще болѣе заключаютъ его въ себѣ высшія формы движенія, въ особенности органическая жизнь и ея развитіе. Жизнь именно въ томъ и состоитъ, что извѣстное существо въ каждое мгновеніе равно самому себѣ и въ тоже время не равно. И такъ, жизнь есть также противорѣчіе, существующее въ самихъ вещахъ, которое само себѣ ставится и само собою разрѣшается; и какъ скоро противорѣчіе кончается, то кончается самая жизнь и наступаетъ смерть. Такимъ же образомъ и въ области мышленія мы не можемъ уйти отъ противорѣчій и такъ, напр., „противорѣчіе между внутреннею безграничною человѣческою спо-

---

1) См. Umwälzung der W., 4 изд., 1901 г., первый отдѣлъ, гл. XII и XIII-я.

собностью познанія и дѣйствительнымъ воплощеніемъ познанія въ однихъ только ограниченныхъ предѣлами внѣшности и внѣшнимъ образомъ познающихъ людей, разрѣшается въ безконечномъ прогрессѣ. т. е. въ послѣдовательности поколѣній. практически, по крайней мѣрѣ, безграничной"(??).

Спрашивается теперь, что же такое это ужасное „отрицаніе отрицанія?" „Въ высшей степени простая. повсюду и повседневно употребляемая процедура. которую можетъ понять каждое дитя. какъ только снимается съ нея таинственный покровъ, въ который закутывала его старая идеалистическая философія. Возьмемъ въ примѣръ зерно овса. Билліоны подобныхъ зеренъ овса мелются, варятся, потомъ съѣдаются. Но если подобное зерно находитъ нормальныя для себя условія, попадаетъ въ благопріятную почву, то съ нимъ происходитъ, подъ вліяніемъ теплоты и влаги, своеобразное измѣненіе: оно пускаетъ ростокъ, зерно исчезаетъ, какъ таковое, — оно отрицается, и на его мѣсто вступаетъ возникшее изъ него растеніе, — отрицаніе зерна. Но каково нормальное теченіе жизни этого растенія? Оно растетъ, цвѣтетъ. приноситъ плоды и производитъ, въ концѣ концовъ, снова зерна овса. а какъ скоро эти послѣднія созрѣваютъ, то стебель умираетъ, т. е. въ свою очередь отрицается. Въ качествѣ результата этого „отрицанія отрицанія," мы получаемъ снова первоначальное овсяное зерно, но не одно только, а въ числѣ въ 10, 20, 30 разъ большемъ. Виды хлѣбовъ измѣняются въ высшей степени медленно и, такимъ образомъ, „овесъ сегодняшняго дня остается почти такимъ же," какъ и овесъ, принадлежащій эпохѣ за сто лѣтъ до настоящаго времени. Но если мы возьмемъ какое нибудь цвѣточное растеніе, напр., далію, тюльпанъ или орхидею, если мы станемъ обходиться съ сѣменами ихъ и съ возникающимъ изъ сѣмянъ растеніемъ съ соотвѣтственнымъ искусствомъ садовника, то мы, въ качествѣ результата этого отрицанія отрицанія, получимъ уже не только сѣмена, но сѣмена, „улучшенныя качественно", которыя производятъ болѣе красивые цвѣты, а всякое повтореніе этого процесса, всякое новое отрицаніе станетъ увеличивать это усовершенствованіе. Тотъ же процессъ, который совершается при развитіи зерна овса, повторяется относительно большей части насѣкомыхъ, напр., относительно бабочекъ. Онѣ возникаютъ изъ яйца чрезъ отрицаніе яйца, совершаютъ свои преобразованія до наступленія половой зрѣлости, оплодотворяются, и снова отрицаются, умирая, какъ только выполненъ процессъ оплодотворенія и какъ только самка положила свои многочисленныя яйца. Что у другихъ растеній и животныхъ процессъ этотъ совершается не такъ просто, что они прежде своего вымиранія произво-

дятъ сѣмена, яйца или дѣтенышей не одинъ разъ, а нѣсколько, это до насъ теперь не касается; наше дѣло въ настоящемъ случаѣ только показать, что отрицаніе отрицанія дѣйствительно происходитъ въ обоихъ царствахъ органической природы."

„Далѣе, вся геологія представляетъ собою рядъ отрицаній отрицанія, цѣлый рядъ слѣдующихъ другъ за другомъ разрушеній старыхъ и образованій новыхъ каменныхъ формацій. Первоначально земная кора, возникшая вслѣдствіе охлажденія жидкой массы, размельчается, благодаря океаническому, метеорологическому и атмосферическо-химическому вліянію, и эти размельченныя массы располагаются слоями на днѣ моря. Мѣстныя поднятія морскаго дна надъ уровнемъ моря снова подвергаютъ части этого перваго наслоенія дѣйствію дождя, перемѣнамъ теплоты, временъ года, кислорода и атмосферной углекислоты; тому же самому дѣйствію подвергаются расплавленныя и впослѣдствіи охладившіяся массы, поднявшіяся изъ внутренности земли и пробившія верхнія наслоенія. Въ теченіи милліоновъ столѣтій образуются, такимъ образомъ, вновь и вновь дальнѣйшіе слои, снова по большей части разрушаются и опять таки употребляются какъ матеріалъ для образованія новыхъ слоевъ. Но результатъ всего этого (?) оказывается вполнѣ положительный; образованіе почвы, смѣшанной изъ различнѣйшихъ химическихъ элементовъ въ состояніи механическаго размельчанія, которое является условіемъ существованія массивнѣйшей и разнороднѣйшей растительности."

„Тоже самое происходитъ въ исторіи собственности и въ исторіи философскихъ воззрѣній, гдѣ начало отрицается продолженіемъ и снова достигаетъ высшаго синтеза въ примиреніи противорѣчія. Производство всѣхъ предшествовавшихъ стадій общественнаго развитія было общинное (gemeinsam); таково же было и потребленіе. Раздѣленіе труда отрицаетъ этотъ замкнутый и изолированный строй. Оно погребаетъ общность производства и присвоенія (Aneignung); оно вызываетъ присвоеніе отдѣльными людьми, дѣлаетъ его общимъ правиломъ; это приводитъ къ обмѣну между отдѣльными людьми и послѣдовательно выростаетъ товарное производство, которое, благодаря своимъ противорѣчіямъ, снова отрицается и создается новое возрожденіе стараго рода (gens), но въ высшей формѣ — свободы, равенства и братства."

„Наконецъ, самое даже ученіе Руссо о равенствѣ не могло обойтись безъ помощи повивальныхъ услугъ гегелевскаго отрицанія отрицанія и къ тому же за цѣлое двадцатилѣтіе до рожденія Гегеля. И не обнаруживая никакого стыда, теорія эта въ своемъ первоначальномъ изложеніи гордо не-

сетъ на лбу своемъ печать своего діалектическаго происхожденія. Въ состояніи природы и дикости люди были равны: а такъ какъ Руссо разсматриваетъ самый языкъ въ качествѣ извращенія естественнаго состоянія, то онъ совершенно правъ, когда примѣняетъ равенство животныхъ также и къ этимъ животно-людямъ. Но эти равные животно-люди имѣли предъ другими животными одно важное преимущество — улучшаемость, способность къ дальнѣйшему развитію, и это-то качество сдѣлалось причиною неравенства. И такъ, Руссо видитъ въ возникновеніи неравенства прогрессъ. Но этотъ прогрессъ носилъ антагонистическій характеръ: онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ и регрессомъ. Всѣ дальнѣйшіе шаги (отъ первобытнаго состоянія) были также шагами, повидимому, къ *усовершенствованію отдѣльнаго человѣка:* въ дѣйствительности же *къ упадку рода.* Обработка металловъ и земледѣліе, — таковы два искусства, открытіе которыхъ произвело эту крупную революцію (превращеніе первобытнаго лѣса въ культивированную почву, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, введеніе нищеты и зависимости путемъ частной собственности). Въ глазахъ поэта золото и серебро, а въ глазахъ философа желѣзо и хлѣбъ цивилизовали *людей* и привели въ разрушеніе *родъ человѣческій.* Каждый новый шагъ цивилизаціи есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, новый прогрессъ неравенства. Всѣ учрежденія, которыя создаетъ себѣ общество, возникшее съ цивилизаціей, переходятъ въ противоположность своей первоначальной цѣли. Не подлежитъ сомнѣнію и составляетъ основу всего государственнаго права, что народы создали себѣ князей для защиты своей свободы, а не для уничтоженія ея. И несмотря на то, князья эти необходимо становятся угнетателями народовъ и возвышаютъ это угнетеніе до того пункта, на которомъ неравенство, доведенное до послѣдней крайности, снова преобразуется въ нѣчто противоположное себѣ, т. е. становится причиною равенства. Передъ деспотомъ всѣ равны, т. е. одинаково равны нулю. „Тутъ наступаетъ крайняя степень неравенства, *конечный пунктъ, заключающій собою кругъ и соприкасающійся съ пунктомъ, изъ котораго мы вышли;* здѣсь всѣ частныя лица становятся равны, потому что они одинаково ничтожны, и подданные не имѣютъ другого закона, кромѣ воли своего господина". Но господинъ есть деспотъ лишь до тѣхъ поръ, пока располагаетъ силой, и потому не можетъ „жаловаться на насиліе, когда его прогонятъ" . . . „Сила воспринимаетъ его, сила устраняетъ его, все идетъ своимъ правильнымъ, естественнымъ ходомъ." „И такимъ-то образомъ неравенство снова переходитъ въ равенство, но не въ старое естественное равенство первобытныхъ безъязычныхъ людей, а въ высшее равенство естественнаго договора."

Итакъ, что же такое отрицаніе отрицанія? „Крайне всеобщій и именно поэтому имѣющій крайне широкій кругъ дѣйствія и важный законъ развитія природы, исторіи и мышленія", законъ, который, какъ думаетъ Энгельсъ, имѣетъ значеніе въ царствѣ растеній и животныхъ, въ геологіи и въ математикѣ, въ исторіи и въ философіи.

Вся жизнь, по мнѣнію Энгельса, есть удивительный процессъ, при посредствѣ котораго чрезъ отрицаніе отрицанія всякое „количество" обращается въ новое „качество". Такъ, говоритъ онъ, вода при 0^0 и при нормальномъ давленіи воздуха обращается въ твердое состояніе — ледъ; при $+100^0$ притомъ же давленіи въ газообразное. CH_2O_2 представляетъ собою муравьиную кислоту съ точкой кипѣнія $+100^0$ и замерзанія — 1^0, $C_2H_2O_2$ уксусную кислоту съ точкой кипѣнія $+118^0$ и замерзанія — 17^0, $C_5H_{10}O_2$ валеріановую кислоту съ точкой кипѣнія $+178^0$, замерзанія — 17^0.

Точно то-же явленіе имѣемъ мы и въ общественной жизни. Соединеніе многихъ, кооперація ихъ создаетъ новую силу, которая сильно отличается отъ суммы единичныхъ силъ. Въ заключеніе, говоритъ Энгельсъ, призовемъ въ свидѣтели правильности этого превращенія „количества" въ „качество" — Наполеона I-го. Онъ описываетъ сраженіе плохо ѣздящей, но дисциплинированной французской кавалеріи съ мамелюками, которые для своего времени были лучшими, но недисциплинированными наѣздниками и затѣмъ продолжаетъ: „два мамелюка безусловно превосходили трехъ французовъ; 100 мамелюковъ равнялись 100 французамъ; 300 французовъ уже обыкновенно побѣждали 300 мамелюковъ; 1000 же французовъ всякій разъ разбивали на голову, 1500 мамелюковъ".

Исходя изъ всѣхъ изложенныхъ соображеній, полагая, что у матеріалиста „рѣчь всегда идетъ только о бытіи, о внѣшнемъ мірѣ, а его формы мысль никогда не можетъ создать и вывести изъ себя самой, но только изъ внѣшняго міра", Энгельсъ приходитъ къ убѣжденію, что „діалектика" это не только методъ изслѣдованія; нѣтъ, она сама по себѣ есть ничто иное, какъ *„наука о всеобщемъ движеніи и развитіи природы, человѣческаго общества и мышленія"*, а отрицаніе отрицанія такой же въ высшей степени общій, и именно поэтому имѣющій обширное приложеніе и громадное значеніе, законъ развитія природы, исторіи и мышленія [1]).

Спрашивается теперь, въ какомъ же отношеніи вся эта діалектика стоитъ къ такъ называемому матеріалистическому пониманію исторіи? Связана ли она съ нимъ неизбѣжной,

1) l. c. стр. 144.

неразрывной цѣпью или же, напротивъ, она можетъ только вредить этому міросозерцанію? Наконецъ, есть ли въ ней элементы истинной, положительной науки, или она просто игра ума, колдовство и самообманъ?

Когда-то Ф. А. Ланге, извѣстный историкъ матеріализма, писалъ о Марксѣ, котораго онъ называлъ безусловно ученѣйшимъ и проницательнѣйшимъ политико-экономомъ нашего времени: „его трудъ (т. е. Капиталъ) еще разъ доказываетъ, что сильная сторона гегелевскаго умозрѣнія лежитъ въ его историко — философскомъ методѣ, своеобразный принципъ котораго можно назвать „антропологическимъ открытіемъ“ [1]).

Что же такое діалектика: методъ или наука, насколько научны примѣры Энгельса? Достаточно и Энгельсовскихъ примѣровъ, чтобы убѣдиться, что діалектика не можетъ быть наукой, а только методомъ, да и то не вполнѣ надежнымъ. Откуда, напр., Энгельсъ взялъ, что движеніе есть противорѣчіе. Заглянувъ, хотя бы въ учебникъ физики Петрушевскаго, не трудно убѣдится, что движеніе есть процессъ, но не противорѣчіе. „Движеніе точки (или атома), пишетъ Петрушевскій, есть послѣдовательный и непрерывный ея переходъ чрезъ точки (атомы эфира) пространства, совершающійся съ теченіемъ времени. Такое движеніе называется „абсолютнымъ“ въ отличіе отъ „относительнаго“ по отношенію къ какому либо тѣлу, которое мы принимаемъ за находящееся въ абсолютномъ покоѣ“. Утвержденіе Энгельса, что двигающееся тѣло должно находится на одномъ мѣстѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на другомъ мѣстѣ, что „движеніе есть становленіе и разрѣшеніе этого противорѣчія“ показываетъ только, какъ склонны даже серьезные люди забавляться метафизической игрой словъ. Естественнику также представится очень странной схема развитія зерна отъ отрицанія къ отрицанію. Оплодотвореніе, ростъ, развитіе и размноженіе зерна — это такой же непрерывный и закономѣрный процессъ, какъ и всякое движеніе. Въ немъ ничего не отрицается, а совершается постепенный и послѣдовательный переходъ матеріи изъ одного состоянія въ другое. Опредѣленная сумма причинъ порождаетъ опредѣленныя слѣдствія и какъ бы отличны ни были слѣдствія отъ причинъ, но нашъ разумъ стремится открыть ихъ связанность и не можетъ удовлетворяться констатированнымъ внѣшнимъ противоположеніемъ. Также и при рожденіи новаго человѣка: ничего не отрицается, а по

1) См. его Рабочій вопросъ, р. пер. 1892 г., 176. Вліяніе діалектическаго метода сильнѣе всего выражено въ произведеніи Маркса: „Нищета философіи“ (1848 г.).

законамъ органическихъ существъ мать и отецъ создаютъ новое существо, которое растетъ, живетъ и затѣмъ снова размножается по неизмѣннымъ законамъ природы. Всѣ взятые Энгельсомъ примѣры изъ области естествознанія представляютъ собою не болѣе, какъ поверхностныя, наскоро набранныя аналогіи, ничего не доказывающія въ его пользу. Вся жизнь природы не знаетъ какого-то отрицанія. Природа существуетъ вѣчно и вѣчно же видоизмѣняется подъ дѣйствіемъ естественныхъ силъ. „Законы частичныхъ движеній, какъ говоритъ Петрушевскій, могутъ происходить только отъ движенія и никакой болѣе далекой и основной причины явленій (causa causalis) нашъ умъ представить не можетъ; отсюда наука должна допустить, что движущаяся матерія существовала всегда,“ но и не болѣе . . . Почему (и для какой цѣли) напр. зерно или зародышъ переживаютъ опредѣленныя стадіи развитія, наука знать не можетъ. Она изучаетъ только естественный процессъ, его закономѣрныя стадіи и условія.

Ф. Ланге, признавая, какъ мы видѣли, такое важное значеніе за методомъ противоположностей, однако, отнюдь не смотритъ на діалектику, какъ на какую-то науку. Въ примѣненіи къ общественной наукѣ онъ ясно видитъ, что человѣчество, какъ и все въ природѣ, переходитъ отъ одной стадіи развитія къ другой чрезъ долгій и часто запутанный рядъ промежуточныхъ стадій, въ которыхъ старое и новое смѣшиваются въ самыхъ разнообразныхъ и пестрыхъ сочетаніяхъ, не дающихъ намъ никакого права утверждать, что старое сначала доходитъ до своего полнаго отрицанія и затѣмъ сразу замѣняется новымъ . . . Старое живетъ въ новомъ, какъ его составной элементъ, многіе и долгіе годы . . . Капиталистическій строй, среди котораго мы живемъ, возникъ вовсе не какъ отрицаніе предшествовавшей исторіи, а какъ послѣдовательное и медленное развитіе старыхъ формъ жизни, въ которыхъ элементы его заключались уже издавна. Какъ справедливо отмѣтилъ Родбертусъ, мѣнялись только господствующія формы капитала (рабъ, земля, деньги и машина), а въ зависимости отъ этого и системы хозяйства. Въ нашемъ историческомъ обзорѣ мы видѣли, какъ спорно даже исходное положеніе Энгельса о первоначальномъ аграрномъ коммунизмѣ; сравненіе же этого коммунизма съ организованнымъ обществомъ будущаго — только игра словъ, но не наука [1]).

---

1) Въ этомъ отношеніе Бернштейнъ вполнѣ правъ, когда онъ пишетъ: „поэтому выраженіе: — міръ долженъ быть понятъ не какъ комплексъ законченныхъ вещей, но какъ комплексъ процессовъ, — не совсѣмъ правильно. Если мы хотимъ понять міръ, то мы должны пред-

Этого вопроса, впрочемъ, намъ придется коснуться ниже — при изложеніи самаго матеріалистическаго міросозерцанія Маркса.

Само понятіе Энгельса о переходѣ „количества въ качество" скорѣе метафизично, чѣмъ просто и ясно излагаетъ тотъ весьма извѣстный фактъ, что разныя количественныя сочетанія составныхъ частей какой нибудь вещи (т. е., по выраженію того же Ф. Ланге, — связанной группы явленій, которую, отвлекаясь отъ всякихъ дальнѣйшихъ ея связей и

ставить его, какъ комплексъ законченныхъ „въ данный моментъ" вещей или процессовъ. Рядомъ съ процессами, которые приходятъ къ своему концу менѣе, чѣмъ въ одну секунду, существуютъ процессы, которые для своего совершенія нуждаются въ тысячелѣтіяхъ и которые „въ практическихъ цѣляхъ" могутъ считаться вѣчными. Когда я опускаюсь въ потокъ, то около меня ни на одну секунду не остается тотъ же самый агрегатъ изъ частицъ воды, но тѣмъ не менѣе я нахожусь въ одномъ и томъ же потокѣ, который течетъ по одному и тому же руслу можетъ быть цѣлыя уже тысячелѣтія и, что возможно, еще будетъ течь тысячелѣтія по тому же руслу, до тѣхъ поръ пока вода не иссякнетъ или не уйдетъ въ песокъ. Вода потока и самъ потокъ съ точки зрѣнія вѣчности „преходящи", т. е. представляютъ „процессъ" и какъ таковой они „однородны". Но вода, какъ опредѣленное соединеніе элементовъ, и потокъ, какъ опредѣленная форма собравшейся воды, представляютъ „законченныя вещи", какъ и ихъ умственныя отраженія, т. е. понятія воды и потока. Какъ законченныя вещи — вода и потокъ „отличаются" другъ отъ друга, оба въ своемъ родѣ „неизмѣнны", т. е. химическое соединеніе H_2O въ рамкахъ извѣстной температуры и давленія „всегда" остается водой и вода при извѣстныхъ условіяхъ поверхности „всегда" остается потокомъ." Очерки, стр. 324—325; сравни выше стр. 25—29.

Все выше изложенное было уже написано, когда мы ознакомились съ интересной книгой г. Я. Бермана: „Діалектика въ свѣтѣ современной теоріи познанія", Москва, 1908 г. Совершенно согласенъ съ развиваемой г. Берманомъ мыслью, что „развитіе путемъ противорѣчій не выражаетъ собою никакого „закона развитія". Въ лучшемъ случаѣ — это лишь неточное (образное) обозначеніе того, что мы называемъ процессомъ измѣненія вообще" (стр. 144). „Подъ формулу отрицанія, справедливо пишетъ Берманъ, подойдутъ всѣ взаимныя связи вещей и элементовъ во времени, ибо одна общая черта всѣхъ этихъ отношеній — распаденіе старыхъ и образованіе новыхъ комбинацій изъ тѣхъ же элементовъ. Такъ если въ первомъ примѣрѣ превращенія зерна въ растенія и послѣдняго въ зерно — мы предположили бы, что зерно попало не въ почву, а въ руки крестьянина, который перемололъ бы его въ муку, а затѣмъ изъ муки сдѣлалъ бы хлѣбъ, то и къ этому процессу мы могли бы съ *равнымъ* правомъ примѣнить схему „отрицанія отрицанія", ибо зерно исчезло, на мѣсто его изъ тѣхъ же элементовъ (даже въ гораздо большей степени, чѣмъ въ случаѣ полученія растенія изъ зерна) получилось новая комбинація, затѣмъ и эта комбинація исчезла, уступивъ третьей комбинаціи изъ тѣхъ же и новыхъ элементовъ" (стр. 183). Въ гносеологіи и психологіи г. Берманъ является сторонникомъ Авенаріуса и Маха. Любопытныя попытки марксистовъ пересмотрѣть свои ученія съ точки зрѣнія теоріи познанія въ сочиненіяхъ К. Дицгена. Экскурсіи соціалиста въ теорію познанія (р. пер. 1905) и А. Богдановъ Эмпиріомонизмъ (3 выпуска).

внутреннихъ ея видоизмѣненій, мы принимаемъ за нѣчто единое, какъ совокупность опредѣленныхъ свойствъ) измѣняютъ ея качества. Въ той громкой формулировкѣ, въ которой Энгельсъ приподноситъ свою формулу, можетъ казаться, что какое то безкачественное количество вдругъ сразу переходитъ въ качество, какъ въ какую-то новую категорію. Количество есть всегда качественное количество и Энгельсъ своими химическими примѣрами доказываетъ это и самъ. Ничего новаго не творится при этомъ переходѣ количества въ качество: мы имѣемъ дѣло только съ сочетаніемъ матеріи и силъ, т. е. по существу свойствъ вещей, ибо 1. подъ „силами“ мы называемъ тѣ свойства вещей, которыя познаются нами чрезъ опредѣленныя дѣйствія ихъ на другія вещи и 2. подъ матеріей — опять таки тѣ свойства вещи, которыя далѣе мы не можемъ или не желаемъ разложить на силы и которыя мы представляемъ, какъ основу и носительницу силы. Сочетаніе атомовъ опредѣленныхъ качествъ даетъ намъ разныя качественныя количества, но этотъ процессъ возможенъ только потому, что атомы уже имѣютъ качества.

Какъ методъ сужденія отъ одного явленія къ его противоположному, діалектическій методъ имѣетъ значеніе. Наше познаніе укрѣпляется и проясняется противоположными понятіями. Діалектика въ этомъ случаѣ является просто однимъ изъ пріемовъ логическаго разсужденія, а затѣмъ и „телеологическаго“ изслѣдованія. Найдя логически противоположное, мы же можемъ представить его себѣ какъ желательную цѣль, утверждая, что, логически познавъ и практически переживъ одинъ порядокъ жизни, люди логически создадутъ и переживутъ противоположный строй жизни. Индивидуалисты 18-го вѣка чрезъ такое противоположеніе стараго новому сдѣлали своей желательной цѣлью „естественное право; на такихъ же началахъ Марксъ создалъ свое „соціальное“ право и свое соціальную мораль.

Немудрено, поэтому, что всѣ попытки доказать, будто система марксизма построена только на причинномъ анализѣ. оказывались тщетными. Всѣ разговоры нашихъ неомарксистовъ о томъ, что въ марксизмѣ нѣтъ „ни грана этики“, что онъ знаетъ только процессъ закономѣрнаго развитія, были просто или недоразумѣніемъ, или тенденціознымъ истолкованіемъ сочиненій Маркса, и въ особенности Энгельса. Изъ діалектическаго метода который былъ построенъ идеалистомъ Гегелемъ, въ историческую схему Маркса неизбѣжно должна была прокрасться украдкой телеологія.

Безъ всякаго сомнѣнія, гегелевская философія много сдѣлала для пониманія міра и человѣческой жизни, какъ

закономѣрнаго „процесса“ развитія, но отождествленіе діалектическаго „метода“ съ „наукой“ всегда вело только къ научному шарлатанству для умовъ, любящихъ не изученіе исторіи и наблюденіе реальной жизни, а только голыя банальныя схемы. Нужно было для насъ, чтобы въ рядахъ самой соціалистической партіи появился человѣкъ, который сказалъ то, что давно было извѣстно мыслящей Европѣ; только тогда и въ Россіи появилось, наконецъ, нѣкоторое отрезвленіе. Еще О. Контъ справедливо писалъ, что всякій наблюдатель долженъ имѣть „идею“, т. е. руководящую точку зрѣнія, гипотезу, безъ которой онъ можетъ растеряться въ необозримомъ многообразіи міра. Но гипотеза не наука, а только орудіе для открытія истины. Діалектика не болѣе, какъ такое орудіе, такая же логическая гипотеза. „Въ научномъ отношеніи гегелевская діалектика, пишетъ Бернштейнъ, имѣетъ великія опасности . . . При извѣстныхъ условіяхъ ея положенія могутъ сослужить хорошую службу, наглядно представивъ отношеніе и развитіе реальныхъ предметовъ. Они могутъ также принести большую пользу при формулировкѣ научныхъ задачъ и могутъ дать толчекъ важнымъ открытіямъ. Но, когда на основаніи этихъ положеній, дедуктивнымъ путемъ предначертывается впередъ тотъ или другой процессъ развитія, тогда уже начинается опасность произвольныхъ построеній. Опасность эта тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сложнѣе предметъ, о развитіи котораго идетъ рѣчь. Если мы имѣемъ дѣло съ болѣе или менѣе простымъ объектомъ, то мы еще предохранены отъ опасности, главнымъ образомъ, благодаря опыту и способности къ логическому сужденію: они не позволяютъ намъ при посредствѣ такихъ аналогій, какъ отрицаніе отрицанія, дойти до совершенно невѣроятныхъ заключеній относительно возможныхъ видоизмѣненій объекта. Но чѣмъ сложнѣе объектъ, чѣмъ многочисленнѣе его элементы, чѣмъ разнообразнѣе они по природѣ, чѣмъ болѣе разнородны соотношенія ихъ силъ, тѣмъ менѣе положенія гегелевской діалектики скажутъ намъ о развитіи такого объекта. Строя на основаніи ея заключеніе, мы тѣмъ скорѣе потеряемъ всякое мѣрило оцѣнки“ [1]).

Отсюда ясно видно, что сила матеріалистическаго пониманія исторіи отнюдь не заключается въ діалектикѣ. Каковы же, однако, основы этого міросозерцанія?

---

1) См. Соціальныя проблемы, глава II-я, Марксизмъ и Гегелевская діалектика, стр. 39—40. Не слѣдуетъ, однако, думать, что г. Бернштейнъ своими изслѣдованіями произвелъ какой то переворотъ въ наукѣ. Такъ называемая „марксистами“ буржуазная наука давно разобралась въ діалектикѣ. Заслуга г. Бернштейна только въ томъ, что онъ популяризировалъ новые научные взгляды въ догматически замкнувшихся рядахъ своихъ же сторонниковъ.

б) Чрезвычайно трудно вполнѣ точно, коротко и ясно изложить систему матеріалистическаго пониманія исторіи Карла Маркса. Самъ великій творецъ этой системы не далъ систематическаго изложенія этой стороны своей философіи. Свое самое обработанное сочиненіе „Капиталъ“ онъ посвятилъ, главнымъ образомъ, анализу существующаго капиталистическаго строя, не прибѣгая къ принципіальному воспроизведенію въ немъ своей историко-экономической философіи. Съ наибольшей полнотой онъ изложилъ свою теорію экономическаго матеріализма въ „Нищетѣ философіи“ и во введеніи къ сочиненію „Критика политической экономіи.“ Неизбѣжно поэтому приходится для болѣе или менѣе полнаго изложенія его взглядовъ пользоваться и вышеуказаннымъ сочиненіемъ Энгельса о Дюрингѣ. Вкратцѣ основы этой философіи могутъ быть изложены такимъ образомъ.

„Въ отправленіи своей общественной жизни [1]) (въ текстѣ такъ: in der gesellschaftlichen Production ihres Lebens т. е. правильнѣе — для общественнаго производства своей жизни) люди вступаютъ въ опредѣленныя неизбѣжныя, отъ ихъ воли независящія отношенія — производственныя отношенія, которыя соотвѣтствуютъ опредѣленной стадіи развитія матеріальныхъ производительныхъ силъ“ ... Производство и обмѣнъ составляютъ основу всего общественнаго порядка. Распредѣленіе продуктовъ и соціальное дробленіе общества на классы и сословія зависитъ отъ того, что и какъ производится и какъ произведенное обмѣнивается [2]). „Распредѣленіе, однако, не является чисто пассивнымъ результатомъ производства и обмѣна; оно также оказываетъ сильное вліяніе на то, и на другое. Всякая новая стадія производства и формы обмѣна вначалѣ находитъ затрудненіе не только въ ихъ старыхъ формахъ и въ соотвѣтствующихъ имъ политическихъ учрежденіяхъ, но и въ старыхъ формахъ распредѣленія. Новая стадія производства только долгой борьбою достигаетъ соотвѣтствующаго ей распредѣленія“.

При изученія всѣхъ соціальныхъ явленій, поэтому, „въ конечномъ счетѣ“ необходимо обращать вниманіе на соціальное хозяйство соотвѣтствующей эпохи. Экономика (т. е. экономическія явленія производства, обмѣна и соотвѣтствующаго распредѣленія) при причинномъ, закономѣрномъ изученіи явленій въ конечномъ результатѣ является опредѣляющимъ началомъ (vera causa) всѣхъ другихъ явленій общественной жизни. Экономика составляетъ матеріальную основу и первопричину общественнаго бытія людей.

Не слѣдуетъ думать, что матеріалистическое пониманіе

---

1) См. р. пер. стр. X.
2) Критика, р. пер. стр. X. Umwälzung. 1. с. стр. 150, 151.

исторіи представляетъ собой отрицаніе возможности существованія „идеальныхъ цѣлей“ и вообще идей въ общественной жизни. Энгельсъ опредѣленно отмѣчаетъ, что исторія развитія общества существенно отличается отъ исторіи развитія въ природѣ. Въ природѣ ничего не происходитъ, какъ желательная, сознательная цѣль. Напротивъ, въ исторіи дѣйствующими лицами являются только одаренные сознаніемъ люди, работающіе по страсти или по предубѣжденію, стремящіеся къ извѣстнымъ цѣлямъ; ничего не происходитъ безъ сознательнаго намѣренія, безъ желанной цѣли. Но это различіе, какъ бы велико оно ни было, при историческомъ изслѣдованіи и именно отдѣльныхъ эпохъ и условій, ничего не въ состояніи измѣнить въ томъ, что ходъ исторіи опредѣляется „внутренними общими законами“, ибо въ исторіи въ общемъ, на поверхности только „кажущимся“ образомъ господствуетъ случай. Только изрѣдка происходитъ желаемое; въ большинствѣ случаевъ перекрещиваются и противостоятъ другъ другу многія желаемыя цѣли или же съ самаго начала эти цѣли невыполнимы, или предпринимаются съ недостаточными средствами. Такимъ образомъ, столкновенія безчисленныхъ единичныхъ воль на историческомъ поприщѣ приводятъ къ состоянію, которое вполнѣ аналогично господствующему въ природѣ, гдѣ, такимъ образомъ, на поверхности случай играетъ роль, тамъ постоянно онъ подчиненъ внутреннему скрытому закону . . . Эти сознательныя цѣли при глубокомъ анализѣ въ конечномъ результатѣ не являются „послѣдними“ причинами (causae finales) общественныхъ видоизмѣненій, но сами являются результатомъ экономики данной эпохи.

„Сумма производственныхъ отношеній, пишетъ Марксъ, составляетъ экономическую структуру общества, на которой возвышается политическая и правовая надстройка и которой соотвѣтствуютъ опредѣленныя формы общественнаго сознанія. Не сознаніе людей опредѣляетъ формы ихъ бытія; но, напротивъ, общественное бытіе опредѣляетъ формы ихъ сознанія.“ Сущность этихъ положеній проще можетъ быть выражена такимъ образомъ: нѣтъ какихъ либо особыхъ законовъ для экономики (матеріальнаго субстрата жизни) и для идей. Общественная наука должна найти для нихъ „единые“ законы и при матеріалистическомъ пониманіи историческаго процесса наука находитъ, что идеи составляютъ результатъ экономики такъ же, какъ таковымъ же результатомъ является и право, и религія, и всѣ другія учрежденія. Идеи являются рефлексами экономическихъ явленій.

О какой либо критической въ жизни народа эпохѣ нельзя судить по ея сознанію; напротивъ, нужно, полагаетъ

Марксъ, это сознаніе опредѣлять изъ „противорѣчій“ матеріальной жизни, изъ существующаго конфликта между производительными силами и производственными отношеніями. На извѣстной ступени развитія матеріальныхъ производительныхъ силъ онѣ впадаютъ въ противорѣчіе съ „производственными отношеніями“ или съ „имущественными“ отношеніями, среди которыхъ онѣ дѣйствовали; изъ средствъ развитія производительныхъ силъ эти отношенія дѣлаются оковами. Тогда наступаетъ эпоха кризиса и затѣмъ появляются новыя условія жизни . . . Ни одна общественная формація не погибаетъ раньше, чѣмъ разовьются всѣ производительныя силы, для которыхъ она даетъ достаточно простора и новыя высшія производственныя отношенія никогда не появляются на свѣтъ раньше, чѣмъ созрѣютъ матеріальныя условія ихъ существованія въ лонѣ стараго общества: поэтому, человѣчество ставитъ себѣ всегда только тѣ задачи, которыя оно можетъ рѣшить, такъ какъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, всегда окажется, что сама задача только тогда выдвигается, когда уже существуютъ матеріальныя условія для ея разрѣшенія или, когда они, по крайней мѣрѣ, находятся въ процессѣ возникновенія.“

Но что же понимаетъ Марксъ подъ „производственными отношеніями?“ Что такое условія распредѣленія? Болѣе ясно Марксъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ уже въ III т. Капитала.

„Каждому специфическому, историческому способу производства, по его мнѣнію, соотвѣтствуютъ извѣстныя производственныя отношенія — отношенія, въ которыя люди входятъ въ ихъ общественномъ жизненномъ процессѣ, въ созданіи ихъ общественной жизни. Эти производственныя отношенія имѣютъ специфическій, историческій и преходящій характеръ. Отношенія распредѣленія по существу тождественны съ этими производственными отношеніями, являются обратною стороною послѣднихъ и раздѣляютъ съ ними ихъ преходящій характеръ“. „Во всякомъ случаѣ, пишетъ Марксъ, можно сказать, что капиталъ и земельная собственность, которую тотъ же капиталъ включаетъ въ себя, какъ свою противоположность, уже предполагаетъ распредѣленіе: экспропріацію работника отъ необходимыхъ условій труда, концентрацію этихъ условій въ рукахъ меньшинства индивидовъ, невозможность обладать земельною собственностью для другихъ индивидовъ . . . Но это распредѣленіе кореннымъ образомъ отличается отъ того, что понимаютъ подъ условіями распредѣленія, когда послѣднимъ, противополагая ихъ производственнымъ отношеніямъ, придаютъ историческій характеръ.“ „Подъ послѣдними понимаютъ различныя права на долю продукта, которая посту-

паетъ для „индивидуальнаго потребленія". Первыя являются, наоборотъ, основой особыхъ общественныхъ функцій, выпадающихъ въ предѣлахъ самого производственнаго отношенія на обязанность опредѣленныхъ дѣятелей въ противоположность непосредственнымъ производителямъ. Они придаютъ производственнымъ условіямъ и ихъ представителямъ специфически общественное свойство. Они опредѣляютъ весь характеръ и все движеніе производства" [1]).

Подъ производственными отношеніями Марксъ, какъ видимъ, понималъ нѣчто въ высшей степени сложное. Это, *во-первыхъ*, мѣновыя отношенія производительныхъ предпріятій, вызванныя общественнымъ раздѣленіемъ труда и для каждаго даннаго времени слагающіяся въ извѣстную „пропорціональность" (достигаемую чрезъ постоянную диспропорціональность, чрезъ колебаніе въ спросѣ и предложеніи товаровъ) разныхъ производственныхъ предпріятій, изъ которыхъ каждое бросаетъ на рынокъ товары, но, въ конечномъ результатѣ, онѣ размѣниваются и размѣщаются, какъ кому слѣдуетъ, въ потребленіи или въ производствѣ: *во-вторыхъ*, это тотъ порядокъ соподчиненія, который создается въ производительномъ предпріятіи между владѣльцемъ орудій производства и рабочими, между разными видами послѣднихъ (инженеръ, мастеръ, рабочій), тѣ фактическія и правовыя отношенія, которыя возникаютъ между ними въ самомъ техническомъ выполненіи работы, отношенія техническаго соподчиненія и наемнаго труда.

Тѣ же производственныя отношенія по существу, по его мнѣнію, идентичны съ условіями распредѣленія, причемъ и среди нихъ онъ различаетъ два вида. Одни условія распредѣленія являются „результатомъ, послѣдствіемъ" производственныхъ отношеній. Это *процессъ образованія и распредѣленія доходовъ*, который совершается чрезъ продажу произведеннаго продукта согласно его трудовой цѣнности. Это распредѣленіе предполагаетъ существованіе извѣстной цѣнности, которая, какъ результатъ производства, затѣмъ дѣлится на доходы (ренту, прибыль и зар. плату).

Подъ условіями распредѣленія Марксъ, кромѣ того, понимаетъ *имущественныя отношенія*, т. е. права на орудія производства и весь связанный съ ними социально-юридическій строй, который опредѣляетъ отношеніе между трудомъ и капиталомъ, положеніе каждаго отдѣльнаго инди-

1) Т. III. Kapital, 2 Band, глава 51-ая. Въ цитатѣ отмѣченной выше, имѣется нѣкоторая неточность. Слѣдовало бы сказать „употребленія", а не индивидуальнаго потребленія, ибо съ доходомъ, какъ много разъ говоритъ Марксъ, капиталистъ можетъ распорядиться, какъ хочетъ: потребить лично или въ производительномъ процессѣ, т. е. капитализировать.

вида въ классовой организаціи, въ индивидуальномъ предпріятіи. Эти имущественныя отношенія, вызывающія противорѣчія классовъ, направляютъ и весь ходъ общественнаго производства чрезъ опредѣленіе качества и количества потребительныхъ нуждъ. Въ предѣлахъ тѣхъ же производственныхъ отношеній за счетъ общественно добытаго продукта совершается *выполненіе разнообразныхъ общественныхъ функцій*, которыя необходимы только для охраны порядка или даже имѣютъ не маловажное значеніе въ дѣлѣ увеличенія общей производительности труда (научные изслѣдователи и проч.); на ряду съ ними существуютъ и *праздные потребители* общественнаго дохода, извлекающіе чрезъ обмѣнъ свою долю товарнаго запаса.

Что Марксъ понимаетъ подъ „матеріальными производительными силами? Вполнѣ точно Марксъ нигдѣ не опредѣлилъ этого понятія. Уже въ „Нищетѣ философіи" онъ писалъ: „измѣняя способы производства, человѣчество преобразовываетъ всѣ свои соціальныя отношенія. Ручная мельница создаетъ общество съ феодальнымъ лордомъ; паровая мельница — общество съ промышленнымъ капиталистомъ. Тѣ же самые люди, которые устанавливаютъ соціальныя отношенія въ соотвѣтствіи съ ихъ матеріальнымъ производствомъ, точно также создаютъ идеи, начала, категоріи, соотвѣтствующія ихъ общественнымъ отношеніямъ." „Потому-то всѣ эти идеи и категоріи имѣютъ историческій и преходящій характеръ." . . .

Въ первомъ томѣ Капитала [1]) онъ пишетъ: „критическая исторія *„технологіи"* вообще показала бы, какъ мало любое изъ изобрѣтеній 18-го вѣка принадлежитъ одному лицу. До сихъ поръ не существуетъ ни одного такого сочиненія. Дарвинъ направилъ интересъ изслѣдователей на естественную технологію, т. е. на развитіе животныхъ и растительныхъ органовъ растеній и животныхъ. Не заслуживаетъ ли такого же вниманія исторія производительныхъ органовъ общественнаго человѣка, этихъ матеріальныхъ основъ каждой данной общественной организаціи? И развѣ такую исторію не легче было бы написать, такъ какъ, по выраженію Вико [2]), человѣческая исторія тѣмъ отличается отъ естественной исторіи, что одна сдѣлана нами, другая же нами не сдѣлана? Технологія разоблачаетъ активное от-

1) Капиталъ, т. I, р. пер. Струве, глава XIII, стр. 229, примѣч.

2) Джіамбатиста Вико (1668—1744) — италіанскій писатель, извѣстный своей исторической теоріей, согласно которой всѣ народы переживаютъ однѣ и тѣ же стадіи развитія, а вся исторія человѣчества представляетъ вѣчный круговоротъ однихъ и тѣхъ явленій, которыя возникаютъ, исчезаютъ и вновь возвращаются. См. Н. И. Карѣевъ. Основныя вопросы философіи исторіи т. I.

ношеніе человѣка къ природѣ, непосредственный процессъ производства его жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ и общественныя жизненныя отношенія и вытекающія изъ нихъ духовныя представленія. Даже великая исторія религіи, не принимающая во вниманіе этого матеріальнаго базиса, лишена критическаго основанія . . ."

Многіе истолкователи Маркса часто утверждали на основаніи этихъ и подобныхъ имъ цитатъ, что подъ матеріальными производительными силами Марксъ всегда понимаетъ „технику" данной эпохи, т. е. тѣ орудія производства, которыя въ ней употребляются. У Маркса, однако, имѣется масса выраженій въ родѣ такихъ: капиталъ не есть вещь, деньги — не вещь, это — общественныя отношенія. Другими словами, подъ матеріальными производительными силами онъ понимаетъ, повидимому, не только технику-орудія, но и „систему хозяйства", т. е. сочетаніе матеріальныхъ факторовъ производства не только обусловленное техническими соображеніями и началами, но и общественными отношеніями[1]). Эта неясность въ опредѣленіи понятія „техники" проходитъ чрезъ всѣ изслѣдованія Маркса: матеріальныя производительныя силы, какъ вещественныя выраженія орудій производства: „земля, капиталъ и трудъ" у него не различаются отъ „способовъ производства," т. е. отъ системъ хозяйства, какъ общественныхъ сочетаній этихъ матеріальныхъ факторовъ. То-же можно сказать и объ Энгельсѣ . . .[2]).

---

1) Въ Misère de la philosophie, изд. 1847 г., стр. 153, онъ замѣчаетъ: „опредѣлить буржуазную собственность — это значитъ изложить всѣ общественныя отношенія буржуазнаго производства." Энгельсъ въ письмѣ въ „Der socialistische Akademiker (1895) поясняетъ мысли Маркса такимъ образомъ: „подъ экономическими отношеніями, на которыя мы смотримъ какъ на опредѣляющій базисъ общества, мы понимаемъ родъ и способъ (Art und Weise), при помощи которыхъ люди опредѣленнаго общества производятъ необходимыя имъ средства существованія и, поскольку существуетъ раздѣленіе труда, обмѣниваютъ эти продукты между собою. Такимъ образомъ сюда включается вся техника производства и транспорта. Съ нашей точки зрѣнія техника опредѣляетъ родъ и способъ обмѣна и вмѣстѣ съ тѣмъ распредѣленіе продукта, а тѣмъ самымъ, по разложеніи родового быта, подраздѣленіе на классы, отношенія господства и рабства, государство, политику, право . . . Если общество имѣетъ техническую потребность, то это помогаетъ обществу болѣе, чѣмъ десять Университетовъ" . . .

2) Чрезвычайно характерно для системы Маркса, что онъ не придаетъ значенія подраздѣленію Родбертуса: капиталъ, какъ логическая категорія и капиталъ, какъ историческая категорія. Свое понятіе капитала онъ связываетъ не только съ системой производства, но и съ размѣрами производства, а также и съ системой „цѣлей" послѣдняго. Марксъ пишетъ: Капиталъ не есть вещь, а опредѣленное общественное отношеніе производства, которое выражается въ вещи и придаетъ этой вещи специфически общественный характеръ. Капиталъ не есть сумма ма-

Основные выводы изъ этой теоріи общеизвѣстны. Правовой порядокъ и вся связанная съ нимъ идеологія является только средствомъ для поддержанія существующихъ условій производства; онъ является высшей и послѣдней цѣлью этого производства. Но онъ не вѣченъ. Матеріальныя производительныя силы достигли въ настоящій моментъ колоссальной степени развитія. Производство, организованное для полученія прибыли и ренты, начинаетъ существовать какъ бы лишь для производства, для полученія прибыли, вѣрнѣе экономическаго избытка. Цѣль капиталистическаго производства какъ бы обращается въ процессъ самовозрастанія капитала, а не въ созданіе наибольшаго количества предметовъ потребленія. Капиталъ, какъ фанатикъ возрастанія цѣнности, безпощадно принуждаетъ человѣчество къ производству ради производства „Накопляйте, накопляйте. Вотъ Моисей и пророки. . . Поэтому сберегайте, сберегайте, т. е. превращайте возможно большую долю прибавочной цѣнности или продукта въ капиталъ. Накопленіе для накопленія, производство для производства — въ этой формулѣ классическая школа выразила историческое призваніе буржуазнаго періода". Бѣшеная конкурренція, являющаяся необходимымъ *слѣдствіемъ* (а не причиной, какъ думали утописты) все болѣе увеличивающейся концентраціи капиталовъ, приводитъ къ истребленію всѣхъ мелкихъ производительныхъ капиталовъ. Однимъ словомъ, все болѣе наростаетъ „крупная форма производства", а съ тѣмъ вмѣстѣ потокъ производства все усиливается и становится все труднѣе из-

---

теріальныхъ благъ и произведенныхъ средствъ производства. Капиталъ это средства производства, превратившіяся въ капиталъ, которыя сами по себѣ также мало представляютъ собою капиталъ, какъ золото, серебро и деньги. Въ капиталѣ олицетворяются средства производства, монополизированныя опредѣленною частью общества, продукты и условія дѣятельности живой рабочей силы, обособившіеся именно по отношенію къ этой рабочей силѣ и которые олицетворяются благодаря этому противоположенію". . . „Не всякая сумма денегъ или какихъ нибудь цѣнностей есть капиталъ, она становится капиталомъ только тогда, когда ея владѣлецъ можетъ жить лучше, чѣмъ простой рабочій, когда она служитъ не просто для поддержанія жизни, а для созданія богатства; количество должно обратиться въ особое качество: олицетворенный капиталъ, цѣль котораго присвоеніе чужого труда, контроль за нимъ и продажа продуктовъ этого труда." см. т. III, стр. 673. Въ коммун. маниф. Марксъ пишетъ: „быть капиталистомъ — это значитъ имѣть не только личное, но и соціальное положеніе въ производствѣ. Капиталъ есть коллективный продуктъ и только соединенными усиліями многихъ лицъ, вѣрнѣе, соединеннымъ дѣйствіемъ всѣхъ членовъ общества, онъ можетъ быть приведенъ въ движеніе. Капиталъ, поэтому, не личная, а соціальная сила". Несомнѣнно, что точка зрѣнія Родбертуса остается, по существу, правильной. Какъ бы ни видоизмѣнялись формы и цѣли капитала, логически мы можемъ конструировать его понятіе, какъ техническое орудіе производства.

влекать прибыль, т. е. поддерживать самовозрастаніе капитала. Ухудшеніе условій существованія капиталистическаго общества, порожденное его внутренними противорѣчіями, выражается „въ кризисахъ“, которые, съ одной стороны, губятъ производительныя предпріятія, т. е. буржуазію, съ другой стороны, создаютъ пауперизмъ, доводятъ существованіе многочисленнаго класса общества до такого состоянія, что буржуазіи приходится кормить того, кто долженъ кормить ее.

Теорія кризисовъ составляетъ наиболѣе примѣчательную особенность ученія Маркса, причемъ въ рядахъ истолкователей его ученій всегда были двѣ своеобразныхъ фракціи [1]: а) одни утверждали, что причина кризисовъ въ неорганизованности производства и въ невозможности установить при этомъ строѣ хозяйства надлежащую „пропорціональность“ отраслей производства. Наши неомарксисты, пользуясь сочиненіями Маркса, доказывали возможность развитія капитализма въ Россіи, утверждая, что ростъ капиталистическаго производства и внутренняго рынка идетъ не столько на счетъ предметовъ потребленія, сколько на счетъ предметовъ или средствъ производства; и только когда это производство достигнетъ до высшихъ предѣловъ капитализаціи, въ Россіи наступитъ то же положеніе, что и на западѣ, т. е. періодически возвращающаяся диспропорціональность производства и кризисы; б) народники всѣ затрудненія капиталистическаго хозяйства сводили къ невозможности реализаціи прибавочной цѣнности и видѣли въ обнищаніи народа (т. е. по существу въ ученіяхъ Родбертуса и Мальтуса) основу для крушенія капиталистическаго хозяйства.

По существу дѣла, какъ я старался доказать, обѣ категоріи спорящихъ по своему были правы, ибо теорія кризисовъ Маркса была очень неопредѣленна: теорія производства ради производства и теорія недопотребленія, благодаря отсутствію у массы населенія покупательной способности, постоянно встрѣчаются у него рядомъ, а внѣшнимъ выраженіемъ ненормальности капитализма является паденіе цѣнности продукта, — какъ а) „обезцѣненіе“ подъ вліяніемъ излишняго количества и б) какъ результатъ увеличенія производительности труда подъ вліяніемъ увеличенія размѣровъ постояннаго капитала (см. ниже законъ паденія прибыли и сравни выше ученіе Рикардо о деньгахъ, стр. 282).

---

1) См. для Россіи мое сочиненіе „Обмѣнъ и экономическая политика“, стр. 148—167, гдѣ изложенъ споръ нашихъ народниковъ и марксистовъ.

Неорганизованность производства, концентрація производства, съ одной стороны, и обнищаніе[1]), т. е. „постоянный ростъ необезпеченности рабочаго класса, вѣчный призракъ безработицы, благодаря колебаніямъ рынка" — вотъ два главныя боевыя орудія Маркса при критикѣ современнаго хозяйства.

Самымъ важнымъ выводомъ изъ этой теоріи было, однако, еще одно положеніе, распространенное на всю исторію человѣчества. Вся исторія человѣчества, какъ отраженіе экономическихъ условій, „есть ничто иное, какъ исторія классовой борьбы." Современная исторія является исторіей борьбы трехъ представителей производительныхъ силъ: земли — землевладѣльцевъ, капитала — капиталистовъ, въ общемъ буржуазіи и труда, т. е. пролетаріата. Борьба этихъ силъ неизбѣжно, силою самаго историческаго процесса, не переносящаго долго губительныхъ противорѣчій, приведетъ къ коллективистическому демократизму, который Энгельсъ назвалъ переходомъ изъ царства необходимости въ царство свободы. „Объективныя, чуждыя силы, пишетъ онъ, силы, которыя до сихъ поръ господствовали надъ исторіей, поступаютъ подъ контроль человѣка. Только съ этого момента люди будутъ дѣлать свою исторію съ полнымъ сознаніемъ, только съ этого момента производимыя ими, установленныя общественныя причины со все возрастающей силой будутъ приводить къ желаннымъ послѣдствіямъ. Это прыжокъ (Sprung) человѣчества изъ царства необходимости въ царство свободы"[2]).

Само собою разумѣется, что при такихъ исходныхъ положеніяхъ Марксъ и Энгельсъ не могли раздѣлятъ взглядовъ Родбертуса на государство; для нихъ современное государство являлось орудіемъ классового господства; оба эти писателя не жалѣютъ словъ для его дискредитированія. Отсюда, однако, не слѣдуетъ дѣлать вывода, что они антигосударственники. Этотъ выводъ былъ бы вдвойнѣ неправиленъ, во-первыхъ, потому, что они видѣли возможность видоизмѣненія соціальнаго строя при посредствѣ политиче-

---

1) Эта теорія обнищанія опять таки одними сторонниками Маркса сводилась къ послѣдовательному ухудшенію заработной платы и условій труда: другіе, напротивъ, справедливо доказывали, что Марксъ допускалъ возможность улучшенія условій труда, но особенно обращалъ вниманіе только на отмѣченныя въ текстѣ факторы, а также на то, что эта „необезпеченность" можетъ выражаться въ „относительномъ ухудшеніи" положенія рабочаго класса т. е. заработная плата можетъ возрасти, но не пропорціонально общему увеличенію богатства. Такое толкованіе, приближающееся къ точкѣ зрѣнія Родбертуса, сколько мнѣ помнится, гдѣ то давалъ г. Плехановъ.

2) Die Entwickelung des Socialismus von der Utopie zur Wissenschaft. изд. 1891 г., стр. 43.

ской реорганизаціи общества, путемъ борьбы на почвѣ всеобщаго избирательнаго права и, во-вторыхъ, потому что самый соціальный строй долженъ былъ, по ихъ мнѣнію, создать могучую государственную организацію для упорядоточенія производства, распредѣленія и всей жизни общества. Было-бы наивно искать у этихъ писателей опредѣленной картины этой организаціи. „Царство свободы" рисовалось имъ, какъ разрѣшающее всѣ современныя противорѣчія: централизація, не нарушающая мѣстной автономіи, единство человѣчества, согласованіе правъ личности и общества и проч., и проч., однимъ словомъ соціальное блаженство.

Изложеннаго вполнѣ достаточно, чтобы понимать эту теорію. Теперь намъ предстоитъ очень трудная задача — оцѣнить и глубокое значеніе, и большія неясности и ошибки этого міросозерцанія. Для этого, прежде всего, необходимо ограничить свою задачу предѣлами, не выходящими изъ цѣлей курса исторіи экономіи.

в) Для всякой историко-философской теоріи неумолимый процессъ исторической жизни служитъ лучшей провѣркой. Глубокое убѣжденіе Маркса и Энгельса, будто процессъ исторіи идетъ діалектическимъ образомъ и что „кризисы и обнищаніе" должны привести въ ближайшемъ-же будущемъ къ „міровому краху безпримѣрной силы" — не оправдались. Много споровъ и нынѣ возбуждаетъ эта теорія, но для всѣхъ уже несомнѣнно, что объяснить происхожденіе кризисовъ не такъ просто, какъ это казалось, что теорія, будто кризисы происходятъ отъ стремленія капиталистическаго хозяйства производить только ради производства, такъ-же одностороння, какъ и теорія, которая объясняетъ ихъ исключительно условіями неправильнаго распредѣленія. Кромѣ того, индивидуализмъ оказался гораздо болѣе жизнеспособнымъ, чѣмъ представлялось. Кризисы стали происходить рѣже; въ предѣлахъ капиталистическаго хозяйства капитализмъ и его личный интересъ оказался не только разлагающей, но и творческой силой. Онъ, какъ въ средѣ капиталистовъ, такъ и рабочихъ сталъ создавать соединенія, поставившія своей задачей организацію нашего хозяйства (сравни приложеніе).

На всѣхъ вновь обнаружившихся фактахъ экономической жизни, на всѣхъ спорахъ по ихъ истолкованію въ курсѣ исторіи экономіи я останавливаться не могу: это увлекло бы меня слишкомъ въ сторону, а между тѣмъ предъ нами еще и такъ слишкомъ большая задача для изслѣдованія. Достаточно будетъ, если мы ознакомимся съ анализомъ самаго существа матеріалистическаго пониманія исторіи и съ теоріей цѣнности Маркса (см. § с.), которая долгое время разсматривалась не только какъ одно изъ

высшихъ завоеваній науки, но и какъ наиболѣе блестящее доказательство экономическаго матеріализма по своей методологической конструкціи.

Не даромъ же К. Каутскій въ своихъ полемическихъ статьяхъ противъ Ф. Бернштейна, видя колебанія въ рядахъ своихъ сторонниковъ, замѣчая, какъ историко-статистическій анализъ послѣдовательно разрушаетъ многія догматическія конструкціи, утверждаетъ, „что рѣшающій моментъ въ марксизмѣ — „методъ", а не „результаты" [1]). Это замѣчаніе весьма справедливо. При безпристрастномъ научномъ анализѣ надлежитъ брать всякую теорію въ ея наиболѣе „благопріятномъ" истолкованіи. Если даже творцы теоріи, почему либо увлеклись, довели приложеніе теоріи до крайности, то для науки это не должно служить основаніемъ отвергнуть теорію цѣликомъ, не видѣть въ ней ничего, кромѣ этихъ заблужденій. Наука тѣмъ и отличается отъ публицистики, что не борется противъ истины, гдѣ-бы она ни заключалась и въ какой формѣ она бы ни была, для какихъ-бы постороннихъ цѣлей она ни употреблялась [2]).

Въ публицистической литературѣ послѣдняго времени неоднократно отмѣчалось, что и самъ Энгельсъ въ рядѣ писемъ показалъ, что общественныя учрежденія изъ продуктовъ экономическаго развитія выростаютъ въ самостоятельныя силы, которыя начинаютъ „обратно", т. е. въ свою очередь, вліять на экономическое развитіе, ускоряютъ его, задерживаютъ или обращаютъ на иной путь. „Политическое, философское, правовое, религіозное, художественное развитіе, писалъ Энгельсъ въ 1894 г., покоится на экономическомъ. Но всѣ эти условія реагируютъ другъ на друга и на экономическій базисъ. Дѣло не въ томъ, что экономическая основа является единственной дѣятельной причиной, а всѣ другія силы только ихъ пассивный результатъ, но это взаимодѣйствіе „въ конечномъ результатѣ" оказывается „всегда результатомъ обнаруживающейся экономической необходимости".

Только съ такимъ заранѣе ограниченнымъ толкованіемъ мы и должны имѣть дѣло. Итакъ, методологически, т. е. съ точки зрѣнія а) теорія познанія, b) правильнаго способа классификаціи и анализа явленій и с) порядка опредѣленія причинныхъ связей всего хода историческаго процесса,

---

1) См. Отвѣтъ Бернштейну, р. пер. Гойхбарга, Одесса, 1905 г. стр. 26.

2) Въ рукахъ неумѣлыхъ или тенденціозныхъ людей всякій методъ можетъ быть доведенъ до абсурда. Что сдѣлали напр. изъ сравнительно-историческаго метода гг. въ родѣ Летурно и друг. Множество гг. марксистовъ писало такъ, что Марксъ врядъ ли назвалъ бы ихъ „учениками".

насколько эта теорія имѣетъ значеніе и въ чемъ же ея ахиллесова пята?

Нельзя не признать, что самымъ серьезнымъ и глубокимъ сочиненіемъ о марксизмѣ было впервые сочиненіе не присяжнаго экономиста, а профессора римскаго права Рудольфа Штамлера. Можно не соглашаться съ его окончательными выводами, но проф. Штамлеръ, хорошо воспитанный ясностью конструкціи римскаго права, выдвинулъ два положенія, которыя и другимъ ученымъ указали правильную дорогу [1]). Уже вслѣдъ за нимъ К. Каутскій долженъ былъ признать, „что на голомъ признаніи значенія различныхъ факторовъ историческаго процесса нельзя построить научнаго метода". Штамлеръ справедливо замѣчаетъ, что анализъ этой теоріи долженъ быть не только эмпирическимъ, (т. е. не только провѣряться фактами наличнаго опыта жизни), но и теоретическимъ, съ точки зрѣнія методовъ познанія.

По мнѣнію Штамлера, съ такой точки зрѣнія, теорія экономическаго матеріализма, во первыхъ, не вполнѣ „выработана" (unfertig), ибо тѣ „основныя понятія", которыми она оперируетъ, и прежде всего, — понятіе о соціальной жизни и объ экономическихъ явленіяхъ, совершенно остались неразработанными и неясными и, во вторыхъ, она „непродумана", ибо она не даетъ яснаго представленія о томъ, въ какомъ смыслѣ она утверждаетъ „необходимость" (т. е. безусловную причинную зависимость) въ измѣненіяхъ соціальной жизни.

Начнемъ же нашъ анализъ не съ подробнаго разсмотрѣнія перваго положенія, какъ это дѣлаетъ Штамлеръ, а со второго. Къ первому мы еще вернемся впослѣдствіи, чтобы былъ вполнѣ ясенъ и тотъ анализъ теоріи цѣнности, которымъ мы закончимъ изложеніе системы Маркса.

А. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что при опредѣленіи необходимости въ явленіяхъ надобно знать: какія явленія мы признаемъ простѣйшими, *первичными* и какія можемъ и должны признать производными или *вторичными*. Изъ положенія — „не сознаніе опредѣляетъ бытіе, а, наоборотъ, бытіе опредѣляетъ сознаніе" — вытекаетъ какъ бы положеніе, что первоначально возникаютъ „матеріальныя основы соціальной жизни" и только затѣмъ возникаетъ сознаніе. Отсюда вытекаетъ стремленіе смотрѣть на всѣ соціальныя явленія, какъ на образованія чисто естествен-

---

1) См. его сочиненіе Wirtschaft und Recht (1896 г. р. пер. 1907 г.). Очень кратко, но зато просто и ясно онъ изложилъ сущность своего труда въ новомъ изданіи Словаря Конрада и другихъ (1900 г., стр. 725—737).

наго характера и широкое, глубокое представленіе, что общественная жизнь подчинена такимъ же естественнымъ законамъ, какъ и все въ мірѣ.

Еще Кетлэ, повидимому, совершенно незнакомый съ матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи, въ свое время писалъ: „всѣ наблюденія стремятся одинаково подтвердить истинность того положенія, которое я высказалъ много времени тому назадъ: „то, что касается рода человѣческаго, разсматриваемаго въ массѣ, относится къ фактамъ порядка физической природы: чѣмъ болѣе велико число индивидовъ, тѣмъ болѣе индивидуальная воля сглаживается и даетъ преобладаніе серіи общихъ фактовъ, зависящихъ отъ причинъ, подъ вліяніемъ которыхъ существуетъ и сохраняется общество. Вотъ эти то причины надо постигнуть и какъ только это будетъ сдѣлано, будутъ опредѣлены и послѣдствія для общества, какъ опредѣляютъ причины, дѣйствующія въ наукахъ физическихъ (естественныхъ[1])". Всѣ стремленія Кетлэ сводились къ устраненію изъ анализа воли человѣка и къ обнаруженію естественныхъ, постоянныхъ и неизмѣнныхъ причинъ.

Марксизмъ идетъ той же дорогой, но еще болѣе захватывающей: онъ хочетъ элиминировать (исключить) не только волю, но и сознаніе. Правда, Энгельсъ, какъ мы видѣли, пишетъ, что вліяніе внѣшняго міра отпечатлѣваются въ головѣ, какъ чувства, мысли, стремленія, движенія воли, что если это дѣлаетъ изъ человѣка идеалиста, то какъ могутъ существовать матеріалисты: но, увы, въ такой постановкѣ вопроса не можетъ заключаться положительнаго отвѣта; голова не только особый пріемный аппаратъ; всѣ знаютъ, что голова — особый аппаратъ, дѣйствующій въ области сознанія, психики и т. д. такъ, что одними матеріальными воздѣйствіями и дѣйствіями мы ничего объяснить не можемъ, не натолкнувшись, во первыхъ, — на непознаваемое, а, во вторыхъ, на тотъ фактъ что эта психика — является основой нашей дѣятельности и познанія.

Проф. Селигманъ[2]) полагаетъ что мы должны признать самый фактъ „этого сознанія". По его мнѣнію теорія экономическаго матеріализма не разрушается тѣмъ указаніемъ, что экономическая жизнь не можетъ быть признана, какъ нѣчто предшествующее сознанію и соціальной жизни. Споръ о томъ,

1) См. A. Quetelet. Physique sociale, t. II, 2-ое изд. 1869 г., стр. 316. Ссылка Каутскаго на смѣшеніе философскаго понятія „детерминизма" (безусловной необходимости) съ понятіемъ „механизма" у Бернштейна не разъясняетъ вопроса, ибо подъ „механическимъ пониманіемъ природы часто понимали ничто иное, какъ объясненіе ее естественными, физическими законами. Детерминизмъ Маркса тоже естественно-историческій.

2) См. его Economic Interpretation of History, стр. 147.

что представляетъ предшествующее, кажется ему равнозначущимъ со стариннымъ вопросомъ: что произошло ранѣе — курица или яйцо? „Когда біологи, пишетъ онъ, говорятъ намъ, что организмъ стоитъ въ зависимости отъ окружающей среды, то они вовсе не должны дѣлать гипотетическое предположеніе относительно первичности среды организму. Безъ среды не можетъ быть, конечно, видоизмѣненій, но безъ организма тоже не можетъ быть измѣненій. Весь вопросъ о генетической преемственности (т. е. о первопричинѣ) не важенъ". Возраженіе это даже съ естественно-исторической стороны скользитъ по поверхности, ибо для естествознанія организмъ не является чѣмъ то первичнымъ: но въ неизвѣстную область естествознанія намъ экономистамъ и пускаться опасно. Если мы допустимъ существованіе „сознанія" и всѣхъ его выраженій, какъ элементъ всегда присущій и имѣющій свои законы, то мы неизбѣжно должны, прежде всего, признать замѣчаніе Штамлера, что самое понятіе экономики, экономическихъ явленій не совпадаетъ съ понятіемъ о матеріальныхъ факторахъ жизни, но съ представленіемъ о тѣхъ экономическихъ отношеніяхъ, по поводу этихъ матеріальныхъ факторовъ, которыя (т. е. экономическія отношенія мы себѣ представляемъ и безъ которыхъ ни жить, ни мыслить не можемъ. Другими словами, что экономическія явленія — это не только чисто естественныя явленія, но и наши представленія о нихъ, чувства, стремленія, желанія и т. д., что выдѣлить дѣйствіе однѣхъ постоянныхъ, естественныхъ причинъ невозможно, ибо сознаніе, воля, стремленія людей въ историческомъ процессѣ присутствуютъ также неизмѣнно, также постоянно: элиминировать ихъ такъ-же невозможно, какъ нельзя отказаться отъ признанія необходимости законовъ тяготѣнія. Штамлеръ, поэтому не безъ основаній затрудняется отдѣлить „право", какъ особую надстройку надъ экономіей. Соціальная жизнь представляется ему уже сложнымъ образованіемъ, „какъ совмѣстная дѣятельность, регулированная извнѣ правомъ" (ein äusserlich geregeltes Zusammenwirken). „Говорятъ, пишетъ онъ, что паровая машина преобразовала нашу соціальную жизнь. Не сама машина сдѣлала это, но способъ ея употребленія въ собственности капиталистовъ и при посредствѣ договора найма рабочихъ. Съ соціальной точки зрѣнія интересна не возможная техника, а ея реальное вступленіе въ сферу внѣшнимъ образомъ регулированнаго совмѣстнаго дѣйствія людей. Только тогда создаются одинохарактерныя явленія въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ отношеніяхъ людей".

Мнѣ кажется, однако, что при разсмотрѣніи соціальной жизни мы отнюдь не должны представлять ее, какъ нѣчто регулированное только правомъ, но какъ это дѣлалъ

Родбертусъ, какъ неизбѣжное во всѣ періоды жизни общеніе воли, духа и матеріальныхъ интересовъ, безъ которыхъ никто и никогда себя представить не можетъ, ибо каждый входитъ уже въ ранѣе существовавшую соціальную среду, какъ субъектъ, для котораго многое готово; другими словами, субектъ незамѣтно превращается и въ объектъ воздѣйствій всей окружающей среды[1]) во всемъ ея многообразіи. Но отсюда не слѣдуетъ того, что субъектъ его сознаніе, всѣ естественныя особенности его духа, мышленія и чувствъ не имѣютъ никакого значенія. *Сознаніе невозможно безъ матеріи, но и матерія непостижима безъ сознанія.* Слова Энгельса — „если общество имѣетъ техническую потребность, то это болѣе помогаетъ обществу, чѣмъ десять Университетовъ“ — не болѣе, какъ красивая фраза. Безъ сомнѣнія, потребности громадной массы людей привлекаютъ и вниманіе массы лицъ, вызываютъ движеніе въ Университетахъ, но удовлетворить эту потребность могутъ только Университеты, т. е. наука, знаніе, воплощающіяся въ отдѣльныхъ людяхъ. Зачастую эта наука, эта безкорыстная работа людей, и сама своими изобрѣтеніями создаетъ новыя потребности; электричество изобрѣтено не потому, что надо освѣщать буржуазные дома, но они освѣтились потому, что изобрѣтено экектричество — красивое, свѣтлое и относительно дешевое освѣщеніе. Но какой же выводъ можно сдѣлать изъ этого положенія? Правильно-ли полагаетъ Штамлеръ, будто наше пониманіе историческаго процесса должно быть не-

1) Надо признать, однако, что до сихъ поръ точной классификаціи всей совокупности соціальныхъ и естественныхъ причинъ не создано. Габайо въ своемъ курсѣ статистики даетъ такую классификацію. **Естественныя причины:** *теллурическія:* — географическое положеніе страны, поверхность и геологическое строеніе почвы, конфигурація и протяженіе страны, водоснабженіе; *атмосферическія:* температура, влажность, состояніе неба и проч.; *теллурическо-космическія:* длина дня и ночи, землетрясенія, наводненія и т. п.; *теллурическо-агрономическія:* обиліе или недостатокъ жатвы и т. п.; *гигиеническія:* санитарное состояніе населенія, животныхъ и растеній; *географо-соціальныя:* территоріальное распредѣленіе населенія, родъ населенныхъ мѣстъ — города, деревни, мѣстечки, обособленныя жилища и т. п. **Соціальныя причины:** *экономическія* — родъ промышленности, крупное и мелкое производство, крупная и мелкая собственность на землю, характеръ обмѣна, пути сообщенія, кредитныя учрежденія, отношенія между трудомъ и капиталомъ, количество и качество потребленія, кризисы; *интеллектуальныя:* степень культуры, наука, искусство, литература; *нравственныя:* религія и религіозное настроеніе, благотворительныя учрежденія, общественная нравственность; *политическія:* форма правленія, полиція, финансы, юстиція, войско, мѣстное самоуправленіе. *Габайо — опытный статистикъ, а между тѣмъ, какъ безсистеменъ перечень его экономическихъ причинъ;* схема же производственныхъ отношеній Маркса (см. начало слѣдующаго параграфа) сразу даетъ намъ возможность расклассифицировать причины по главнѣйшимъ отдѣламъ экономіи: производство, обмѣнъ, распредѣленіе, потребленіе.

обходимо телеологическимъ, разъ мы признали такое двойственное соединеніе въ историческомъ процессѣ: сознанія (людей) и матеріи (техники)? Не думаю.

Б. Штамлеръ [1]) спрашиваетъ, о какой необходимости можетъ идти рѣчь въ историческомъ процессѣ и отвѣчаетъ: „здѣсь допустимы три возможности: 1. Марксъ всегда опредѣленно говоритъ о „логической“ необходимости. Такъ, соціальные конфликты (борьба классовъ) представляются ему, какъ необходимо обнаруживающееся въ извѣстномъ общественномъ организмѣ „отрицаніе“, которое въ свою очередь необходимо производитъ свое собственное отрицаніе и, такимъ образомъ, діалектическій характеръ исторіи развитія обнаруживается, какъ отрицаніе отрицанія; 2. новѣйшіе представители матеріалистическаго пониманія исторіи, для которыхъ эта діалектическая терминологія и вообще всѣ употребляемыя Гегелемъ формулы не даютъ чего либо понятнаго, обратили всю тонкость этой мысли въ болѣе неуклюжее (plump) представленіе причинной необходимости естественныхъ явленій; 3. такая точка зрѣнія упускаетъ необходимость при всякомъ соціальномъ изслѣдованіи обращать вниманіе на внѣшнимъ образомъ регулированное совмѣстное дѣйствіе людей. Достаточно тогда сказать — „взаимодѣйствіе“, ибо оно не мыслимо безъ соотвѣтствующаго пониманія и сохраненія нормъ, которыя въ общей совокупности (gemeinsam) стоятъ надъ дѣйствующимъ субъектомъ. И такъ какъ особенность этого совмѣстнаго дѣйствія можетъ подлежать обсужденію съ двухъ сторонъ — технически или соціально, такъ какъ здѣсь теперь идетъ дѣло о соціальной особенности „взаимодѣйствія“, то отсюда слѣдуетъ, что необходимость соціальныхъ видоизмѣненій является необходимостью внѣшнихъ правилъ, т. е. актовъ воли, необходимостью цѣли: эта необходимость не логики, не причинъ, но телеологіи“ (final).

Всякую мысль можно изложить и просто, и неясно. Штамлеръ въ данномъ случаѣ, однако, не только излагаетъ свою теорію темно, неясно, но эта классификація и невѣрна, въ особенности при изложеніи второй возможности. Мы видѣли уже и во введеніи, что зачастую телеологія скрывается именно въ такъ называемомъ логическомъ противоположеніи. Поэтому Штамлеръ такъ и одобряетъ діалектику Маркса; но, однако, и онъ не рѣшается признать историческую необходимость — необходимостью логической. Мы уже отмѣтили [2]), что методъ противоположностей часто служитъ для насъ очень удобнымъ методомъ изслѣдованія во

1) l. c. Словарь Конрада, стр. 734.
2) См. выше стр. 75 и 503 и слѣд.

всѣхъ случаяхъ исчезновенія гармоніи между человѣкомъ и средой, неизбѣжно оказывающей свое дѣйствіе, но рѣшающаго значенія этотъ методъ противоположенія имѣть не можетъ. При анализѣ теоріи Прудона о собственности, мы видѣли, какъ безплодны одни діалектическія противоположенія, а въ предшествовавшемъ параграфѣ мы показали, какъ ненадежно это „отрицаніе отрицанія“ при приложеніи къ естествознанію и къ человѣческой исторіи. Въ нашемъ введеніи мы изложили также, какъ опасно внесеніе телеологическихъ началъ въ изслѣдованіе общественныхъ вопросовъ. Утвержденіе, что причинный анализъ общественныхъ явленій, составляющій основу эволюціоннаго позитивизма, представляетъ что то плоское, неинтересное, воспринимаемое только поверхностными или сухими умами — теперь въ большомъ ходу; но, по моему мнѣнію, только онъ даетъ намъ сколько нибудь вѣрную дорогу и только въ этомъ видѣ, какъ прямой результатъ самаго позитивизма, марксизмъ имѣетъ глубокое значеніе. Быть можетъ марксизму и не удалось вполнѣ создать „монистическое пониманіе“ міроваго процесса, но историческая наука вообще не начертала намъ законовъ историческаго развитія, относительно которыхъ не было бы большихъ сомнѣній. Внесенное марксизмомъ понятіе производственныхъ отношеній, какъ увидимъ еще ниже, оказалось чрезвычайно сложнымъ; оно обнимаетъ всю систему цѣлей, ради которыхъ совершается производство, обмѣнъ, распредѣленіе и потребленіе продуктовъ; отдѣлить чисто экономическія цѣли отъ всей совокупности другихъ соціальныхъ цѣлей, быть можетъ, оказалось не вполнѣ возможнымъ [1]), но главное значеніе чисто экономическихъ факторовъ человѣческой жизни Марксу удалось доказать множествомъ фактовъ и послѣдующіе, даже самые осторожные историки, шли уже по проторенной имъ дорогѣ.

Одними экономическими вліяніями всю интеллектуально-нравственную атмосферу человѣческаго общества Марксу и его ученикамъ объяснить не удалось. Устранить идеализмъ, какъ философскую систему, оказалось совершенно невозможнымъ, но и дерзновенная попытка всякаго идеализма пойти путемъ чистаго разума, вѣчной истины, добра, красоты, справедливости и знанія, какъ она ни благородна, была поставлена въ надлежащіе предѣлы. Въ своей „Системѣ пріобрѣтенныхъ правъ“ (1861 г.) Лассаль писалъ: „что Вы можете себѣ и своему времени доказать разумомъ, логикой и наукой, то и желаетъ Ваше время“, въ томъ воплощается народное сознаніе“ ... Марксъ глубже изслѣдовалъ этотъ вопросъ. Онъ хотѣлъ открыть *тѣ условія*, при кото-

1) Эту мысль я постараюсь доказать при анализѣ теоріи цѣнности.

рыхъ *такое доказательство возможно*, можетъ сдѣлаться достояніемъ широкихъ массъ человѣчества и сдѣлалъ это блестяще, глубоко и правильно, обративъ все свое вниманіе на матеріальныя условія жизни общества и на борьбу интересовъ въ немъ. Сторонники естественнаго права начала вѣка и наивные соціалисты могли думать, что единогласное или мажоритарное рѣшеніе законодательныхъ палатъ можетъ сразу пересоздать общественную жизнь. Для этого идеалистическаго утопизма ученіе Маркса острый ножъ; оно разрушило утопическую иллюзію подъ девизомъ: „да будетъ во имя разума и справедливости.“ Каково бы ни было въ вѣчномъ потокѣ человѣческой исторіи значеніе религіозныхъ, эстетическихъ, нравственныхъ и умственныхъ силъ — все же въ жизни каждаго отдѣльнаго человѣка и его соціальныхъ группъ, гласитъ самое существо ученія Маркса, громадное и первенствующее значеніе имѣетъ борьба за существованіе и приспособленіе человѣка къ природѣ и человѣческой средѣ, другими словами организація хозяйства и его требованія въ данную историческую эпоху.

Вплоть до той поры, пока человѣку придется бороться за матеріальное свое существованіе, экономическія вліянія всегда будутъ имѣть рѣшающее значеніе. Марксъ одинъ изъ первыхъ примѣнилъ къ изученію историческаго процесса не только идею процесса эволюціи, но блестяще показалъ, что въ основѣ этой эволюціи лежитъ борьба интересовъ и ихъ разнообразныхъ общественныхъ представителей, другими словами, „классовая борьба.“ Быть можетъ чрезвычайно простое подраздѣленіе общества на три главныхъ класса нуждается въ поправкахъ, но несомнѣнно, что принадлежность къ извѣстной общественной группѣ или классу всегда выражается въ двоякой (формѣ[1]): а) въ стремленіи сохранить, защитить, обезпечить и улучшить свое общественное положеніе т. е. свой классовой интересъ союзной классовой борьбой и созданіемъ соотвѣтствующихъ политическихъ учрежденій и б) въ выработкѣ „своеобразнаго міросозерцанія“ общественныхъ группъ, мысли, чувства, политическія убѣжденія, эстетика, даже религіозныя убѣжденія которыхъ вслѣдствіе одинаковыхъ внѣшнихъ условій пріобрѣтаютъ нѣкоторое сходство. Прослѣдить вліяніе всей совокупности дѣйствующихъ на историческій процессъ причинъ, ихъ взаимодѣйствіе возможно только при ясномъ пониманіи „главнѣйшихъ“ дѣйствующихъ причинъ. Пусть марксизмъ даже иногда чрезмѣрно подчеркивалъ вліяніе однѣхъ экономическихъ причинъ, но глубокое значеніе его

1) Прекрасныя замѣчанія по этому поводу см. у Зомбарта. Соціальное движеніе въ 19-мъ вѣкѣ (р. пер. 1905 и др. г.).

именно въ томъ, что онъ умѣло и опредѣленно указалъ на „главныя причины“ историческаго процесса.

Зомбартъ вполнѣ правильно подчеркиваетъ соціально-политическій реализмъ Маркса. Послѣдній понялъ, что въ міровомъ процессѣ исторіи двигающей силой является вѣчная и непрерывающаяся борьба за организацію хозяйства и жизни, борьба интересовъ и міросозерцаній, что новыя формы жизни появляются не по изобрѣтенію счастливаго мыслителя, не въ силу неожиданнаго появленія великой и всемогущей любви, а лишь тогда, когда путемъ долгаго процесса жизни и борьбы разнообразныхъ силъ окончательно подготовятся матеріальныя условія, пригодныя для осуществленія этихъ новыхъ формъ жизни.

Наступитъ-ли когда нибудь то „царство свободы“, о которомъ говоритъ Энгельсъ, — этотъ вопросъ мы оставимъ безъ разсмотрѣнія. Каждый долженъ избрать себѣ самостоятельно ту телеологію, которая ему кажется наиболѣе справедливой и создать себѣ ясное представленіе о предшествовавшемъ ходѣ историческаго процесса. Достаточно только помнить, что новый строй жизни можетъ быть и долженъ быть подготовленъ только долгой и напряженной работой людей, что классовая борьба это только средство, а не цѣль. Процессъ исторіи движется и благо тому, кто съумѣетъ занять въ немъ благородную и самостоятельную позицію, зная о тѣхъ главныхъ причинахъ, которыя оказываютъ вліяніе на ходъ жизни, и имѣя въ виду тѣ высшія цѣли, безъ представленія о которыхъ не можетъ жить ни одно человѣческое существо, способное объективно обозрѣть все окружающее ее многообразіе взглядовъ.

г) Я отмѣтилъ выше, какъ сложны оказались тѣ „производственныя отношенія“, о которыхъ говорятъ Марксъ и Энгельсъ. Громадная заслуга этихъ писателей заключается въ томъ, что они попытались начертать исторію и законы этихъ производственныхъ отношеній, т. е. въ частности: а) законы процесса производства и обмѣна или яснѣе, законы явленій соціальнаго хозяйства въ предѣлахъ той или иной исторически данной среды; б) исторію системъ владѣнія и собственности, т. е. „отношеній членовъ общества“ къ орудіямъ производства и продукту вообще и с) процессъ распредѣленія при наличности тѣхъ или иныхъ процессовъ производства (техническая и общественная организація промышленности) и системы цѣлей владѣнія и собственности, т. е. всего строя хозяйства (община, феодализмъ, частно-капиталистическое хозяйство). Историки всѣхъ странъ и теперь еще работаютъ, пользуясь сравнительно-историческимъ методомъ изслѣдованія, надъ пережитыми формами, системами и строями хозяйства въ предшество-

вавшія историческія эпохи, но не мало работы имѣется и осталось еще при анализѣ условій жизни современнаго капиталистическаго хозяйства. Марксъ построилъ для объясненія этого порядка свою знаменитую трудовую теорію цѣнности, которая должна была дать рѣшающее доказательство для самаго матеріалистическаго пониманія исторіи [1]), а отчасти и предопредѣлить возможную экономическую политику для настоящаго времени. Необходимо, поэтому, изучить эту теорію, какъ въ ея первоначальномъ видѣ, такъ и въ той послѣдней формѣ, въ которой она изложена въ III-мъ томѣ Капитала.

Основная формула цѣнности Маркса гласитъ: „цѣнность прямо пропорціональна количеству общественно-необходимаго труда и обратно пропорціональна его производительной силѣ.“ Это положеніе онъ доказываетъ слѣдующимъ образомъ.

Прежде всего онъ указываетъ рядъ предпосылокъ, какія нужно имѣть въ виду при открытіи закона цѣнности, а именно, 1—5:

1. Анализъ политической экономіи долженъ опредѣлить цѣнность товаровъ, т. е. внѣшнихъ вещей, которыя своими свойствами удовлетворяютъ человѣческія потребности и являются результатомъ разнокачественнаго труда даннаго капиталистическаго общества.

2. Всѣ товары на рынкѣ обмѣниваются въ извѣстныхъ пропорціяхъ другъ на друга; между ними существуетъ количественное отношеніе, которое „должно имѣть свой особый подлежащій открытію законъ.“ Чтобы открыть этотъ законъ необходимо взять явленія обмѣна въ ихъ наиболѣе чистомъ видѣ, а именно [2]) a) этотъ обмѣнъ не долженъ представлять чего либо случайнаго, а представлять обычное явленіе въ жизни даннаго общества; b) никакая естественная или искусственная монополія не должна давать возможности какой либо сторонѣ, участвующей въ обмѣнѣ, продавать дороже или дешевле; c) обмѣниваемые товары и той, и другой стороной должны производиться въ количествахъ, приблизительно соотвѣтствующихъ потребностямъ каждой стороны, къ чему каждая сторона приходитъ собственнымъ опытомъ и что, такимъ образомъ, является результатомъ продолжающагося обмѣна (т. е. яснѣе: обмѣна, который идетъ какъ разъ установившійся и непрерывающійся по общему правилу процессъ).

---

1) Въ частности и зависимость распредѣленія отъ производства, а отъ послѣдняго и самаго представленія о цѣнности и о мѣновыхъ отношеніяхъ.

2) См. т. III, р. пер. 1896 г., глава 10-я, стр. 131 и слѣд.

3. Полнаго равновѣсія въ этомъ не случайномъ и непрерывно идущемъ процессѣ обмѣна не бываетъ. Изъ опыта всякому извѣстно, что, кромѣ цѣнности, еще существуетъ рыночная цѣна, которая колеблется вверхъ и внизъ вокругъ цѣнности, какъ какого то пункта естественнаго равновѣсія. Обыкновенно говорятъ, что эти колебанія вызываются сложными условіями спроса и предложенія товаровъ. Если взять явленія въ теченіи продолжительнаго времени и разсматривать ихъ какъ нѣкоторое цѣлое, то мы найдемъ, что спросъ и предложеніе постоянно покрываютъ (т. е. удовлетворяютъ) другъ труга, но только какъ нѣкоторое „среднее“ уже миновавшихъ колебаній. Эта „средняя величина“ рыночной цѣны и представляетъ главное теоретическое значеніе. Чтобы открыть ея законъ, а слѣдовательно, и общій для всѣхъ товаровъ законъ цѣнности, необходимо изучить явленія внѣ зависимости отъ спроса и предложенія т. е. тогда, когда спросъ и предложеніе абсолютно равны, другими словами, когда съ научной стороны ихъ можно признать, какъ двѣ обратныя парализующія другъ друга силы или, что то-же, равныя по своему вліянію 0 (нулю).

4. При такихъ предположеніяхъ очевидно, что мы должны объяснить тѣ „причины“, опредѣляющія пропорціи, въ которыхъ обмѣниваются товары, какъ законъ ихъ „эквивалентности“, т. е. равенства по цѣнности. Деньги такой же эквивалентъ по цѣнности всякаго другого товара, какъ и всякій товаръ эквивалентъ другого товара; поэтому по существу дѣла мы должны объяснить, почему товаръ идетъ какъ эквивалентъ денегъ за другой товаръ т. е. почему — т. (товаръ) = (равенъ) д (деньгамъ) и д (деньги) = (равны) т (товару): т—д—т.

5. Эта загадочная формула требуетъ анализа[1]: она какъ бы противорѣчива и безсмысленна. Если по какой либо необъяснимой причинѣ продавецъ продастъ товаръ на 10% выше ея цѣнности, то онъ будетъ очень доволенъ. Но послѣ того, какъ онъ былъ продавцемъ, онъ становится покупателемъ. Такъ какъ, согласно сдѣланному ранѣе предположенію, если такая привиллегія существуетъ, то она равна для всѣхъ, поэтому онъ долженъ будетъ и другому производителю заплатить за его товаръ на 10% дороже. Онъ, такимъ образомъ, ранѣе выигралъ только для того, чтобы проиграть. Очевидно при открытіи закона цѣнности мы должны не только открыть законъ эквивалентности товаровъ, но и объяснитъ, почему капиталисту „выгодно“ продавать, чтобы за товаръ получить деньги, т. е. такой

1) Т. I. пер. Струве, противорѣчія общей формулы, стр. 111.

же товаръ [1]). Другими словами, исходя изъ теоріи производства, необходимо дать и теорію распредѣленія доходовъ.

6. Для доказательства трудовой теоріи цѣнности, Марксъ приводитъ три аргумента:

а) по его мнѣнію, всѣ разнокачественные товары имѣютъ между собою нѣчто общее. Всѣ они представляютъ собой результатъ затраченнаго на ихъ производства труда и при томъ въ двухъ его видахъ: непосредственнаго труда и того, который предварительно кристаллизовался въ капиталѣ. Хотя товары и являются продуктами разнокачественнаго труда, но это не имѣетъ значенія при обмѣнѣ товаровъ, какъ эквивалентовъ. Всякій трудъ опредѣленной формы „конкретный“ можетъ быть сведенъ къ такъ называемому „абстрактному“ труду, т. е. къ общему его выраженію въ нѣкоторомъ количествѣ времени, въ теченіи котораго происходитъ трата мускульной и нервной энергіи [2]). Всякій конкретный трудъ создаетъ ту или иную потребительную цѣнность. Какъ потребительныя цѣнности эти товары различны, но какъ продукты затратъ равнаго количества труда они становятся эквивалетны по цѣнности при обмѣнѣ.

b) То обстоятельство, что трудъ представляетъ нѣчто общее во всѣхъ товарахъ, даетъ возможность считать трудъ „мѣрою“ цѣнности всѣхъ товаровъ и таковою онъ въ дѣйствительности и является, хотя товаро-производители и не сознаютъ этого. „Цѣнность товаровъ представляетъ собой специфически историчическую форму, въ которой проявля-

1) Въ качествѣ аргумента въ защиту трудовой цѣнности теоретическимъ допущеніемъ Рикардо о равенствѣ заработныхъ платъ и прибылей Марксъ не пользуется. Равенство прибыли, какъ дохода, по первоначальному построенію Марксовой теоріи, должно было быть не первоначальнымъ допущеніемъ (предпосылкой), а выводомъ изъ теоріи цѣнности; сравни выше стр. 243.

2) Въ своей статьѣ „Теорія стоимости и діалектическій матеріализмъ (Современный міръ, 1908 г. № 1) г. Аксельродъ пишетъ: „трудъ, воплощенный въ холстѣ и сюртукѣ, *тождественнъ и различенъ въ одно и то же время* трудъ, стало быть, заключаетъ въ себѣ *основное противорѣчіе.* Какъ трата простой силы, онъ представляетъ собою одинаковую субстанцію, присущую всѣмъ произведеннымъ предметамъ, но какъ цѣлесообразное конкретное проявленіе, онъ выступаетъ въ дѣйствительности въ различныхъ другъ на друга непохожихъ формахъ“. „Противорѣчивый характеръ труда порождаетъ противорѣчіе свойственное товару. Товаръ есть потребительная стоимость и мѣновая“. Такъ до сихъ поръ забавляются гг. марксисты. Замѣтивъ въ вещи два свойства они говорятъ уже о противорѣчіи. При такой точкѣ зрѣнія легко отыскать противорѣчія вездѣ. Чернильница, которая, стоитъ предо мною, зеленая и стеклянная, великое противорѣчіе, основное! Въ томъ, что трудъ трата энергіи, а результатъ траты воплощается въ различныхъ продуктахъ также мало противорѣчія, какъ мало противорѣчія между причиной и слѣдствіемъ. Опредѣленная трата энергіи порождаетъ и опредѣленное конкретное послѣдствіе.

ется опредѣляющее дѣйствіе производительной силы труда.“ Съ развитіемъ общества производство начинаетъ совершаться на началахъ раздѣленія труда. Все рабочее время общества распредѣляется соотвѣтственно нуждамъ общества. Производитель вноситъ въ общую массу богатства общества опредѣленное количество товаровъ и передачей ихъ въ другія руки можетъ получить любой эквивалентъ, т. е. такое же количество труда. Онъ, быть можетъ, и не знаетъ, что онъ дѣлаетъ, но законы обмѣна научаютъ его, что только трудъ идетъ за трудъ (этотъ аргументъ пріобрѣлъ громкое названіе идеи товарнаго фетишизма и разъясненъ нами примѣромъ на стр. 323—325, п. 3).

Марксъ дѣлаетъ, однако, существенную оговорку. Не всякій товаръ можетъ быть на рынкѣ проданъ и притомъ по цѣнности, соотвѣтствующей количеству затраченнаго труда. Товаръ будетъ имѣть цѣнность только тогда, когда онъ будетъ полезенъ для общества, если товаръ будетъ годенъ для удовлетворенія общественныхъ потребностей. Безполезность товара дѣлаетъ и трудъ, въ немъ заключенный, безполезнымъ. Кромѣ того, одинъ можетъ затратить на производство товара — одинъ день, другой — два и т. д. Можетъ показаться, что если цѣнность опредѣляется количествомъ затраченнаго труда на производсто, то чѣмъ лѣнивѣе и неискуснѣе человѣкъ, тѣмъ большую цѣнность имѣетъ его товаръ, такъ какъ тѣмъ больше времени требуется на его производство. Это не такъ; на рынкѣ, каждый товаръ считается какъ средній экземпляръ даннаго рода товара. Какъ бы разнообразны ни были условія производства товара, но въ данное время и въ данномъ обществѣ необходимое количество товаровъ въ наибольшей ихъ массѣ производится при нѣкоторыхъ среднихъ условіяхъ, хотя имѣются иногда и наряду съ ними какъ худшія, такъ и лучшія условія.

„Общественно-необходимымъ рабочимъ временемъ является то рабочее время, которое, при существующихъ нормальныхъ въ данномъ обществѣ условіяхъ производста и средней степени умѣлости и напряженности труда, необходимо для изготовленія той или другой вещи, товара“ [1]). Только это общественно-необходимое время даетъ нормирующее начало для цѣнности.

c) Такъ какъ всякій товаръ производится съ участіемъ двухъ родовъ капитала, то слѣдуетъ разъяснить вопросъ,

1) Т. I., пер. Струве, стр. 5, т. III, пер. Н-она, стр. 140 и слѣд. Отклоненія отъ этой цѣнности возможны, по Марксу, въ сторону пониженія, если долгое время оказываютъ вліяніе лучшія условія, и въ сторону повышенія подъ вліяніемъ худшихъ условій: какъ мы видѣли, то же говорилъ и Родбертусъ.

какое вліяніе это оказываетъ на цѣнность, какимъ образомъ получается прибыль и каково ея движеніе при развитіи производительныхъ силъ. Всякій производитель затрачиваетъ капиталъ въ двухъ формахъ: 1) на матеріалы и орудія, 2) на покупку труда. Первый видъ капитала слѣдуетъ назвать „постояннымъ“. Онъ обыкновенно служитъ для цѣлаго ряда процессовъ или, какъ говорятъ, потребляется по частямъ. Онъ пріобрѣтается какъ извѣстная цѣнность, которая, потребляясь въ производительномъ процессѣ, вновь воспроизводится, но новой цѣнности онъ не создаетъ. Правда, участіе капитала увеличиваетъ производительность труда, но это участіе не увеличиваетъ, а уменьшаетъ цѣнность продукта. Такъ, если одинъ день труда производилъ ранѣе 2 продукта и произведенная цѣнность была X, затѣмъ тотъ же одинъ день труда + одна единица капитала, стоившая 1 продуктъ, произведетъ 5 продуктовъ, то цѣнность всего произведеннаго, за вычетомъ затраченнаго капитала, по прежнему останется X: ранѣе одинъ продуктъ стоилъ $\frac{X}{2}$, теперь онъ будетъ стоить $\frac{X}{5} - y$, т. е. цѣнность затраченнаго капитала. Если напр. $X = 50$ к., значитъ 1 продуктъ ранѣе стоилъ 25 коп.; теперь онъ стоитъ 10; а за вычетомъ $^1/_5$ на потраченный капиталъ — 8 к. Пониженіе цѣнности объясняется тѣмъ, что ранѣе въ продуктѣ кристаллизовалось $^1/_2$ дня, теперь въ этомъ продуктѣ кристаллизуется только $^1/_5$ дня. Видоизмѣнимъ этотъ примѣръ и такъ: безъ капитала 1 продуктъ представлялъ $^1/_2$ дня; затѣмъ было произведено 5 продуктовъ однимъ днемъ труда + $^1/_5$ дня въ капиталѣ, т. е. $^6/_5$ дня: одинъ продуктъ будетъ стоить тогда $^6/_{25}$ дня. Отсюда Марксъ дѣлаетъ выводъ, что цѣнность „не только пропорціональна количеству общественно-необходимаго труда, но и обратно (?) пропорціональна производительной силѣ воплотившагося въ немъ труда“ [1]).

Положеніе о томъ, что капиталъ постоянный не создаетъ новой цѣнности Марксъ, однако, почти оставляетъ въ видѣ одного утвержденія.

---

1) Томъ I-й, стр. 6. Примѣры взяты нами, чтобы показать, какъ ненадежно это разсужденіе математически. Математическая школа, родоначальниками которой были Курно, Госсенъ и Джевонсъ, искала и не нашла въ формулахъ законъ соотношенія количествъ продукта и цѣнности. Заслуга ея, однако, заключается въ разработкѣ пріемовъ составленія такъ называемыхъ индексовъ для изученія движенія цѣнъ: см. о нихъ мое изслѣдованіе „Деньги“ (1895), гдѣ приведены также разные индексы движенія цѣнъ до 1895 г. Особенно видными представителями математической школы въ новѣйшее время были экономисты Вальрасъ, Вильфредъ де Парето и Эджуортъ. Краткія замѣчанія объ этой школѣ можно найти у J. Rambaud. Histoire des doctrines économiques, Paris, 1899, стр. 277 и слѣд.

Послѣ пространныхъ разсужденій, что трудъ сохраняетъ или переноситъ по частямъ, цѣликомъ, или отчасти, цѣнность постояннаго капитала въ цѣнность продукта, разсужденій, въ которыхъ нѣтъ ничего, что могло бы доказывать отсутствіе возможности воздѣйствія постояннаго капитала на цѣнность продуктовъ, не приведено ни одного аргумента, кромѣ констатированія этого факта перенесенія цѣнности постояннаго капитала массою излишнихъ повтореній, Марксъ пишетъ: „отсюда слѣдуетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, что средство производства не можетъ придать продукту бо̀льшей цѣнности, чѣмъ та, которую оно само потеряло въ теченіи процесса труда, вслѣдствіе уничтоженія собственной потребительной цѣнности. Если бы оно не имѣло никакой мѣновой цѣнности, которую оно могло бы терять, т. е. если бы оно не было само продуктомъ труда, то оно не могло бы придать мѣновой цѣнности и продукту. Оно участвовало бы въ этомъ случаѣ въ образованіи потребительной цѣнности продукта, не участвуя нисколько въ образованіи его мѣновой цѣнности. Поэтому (?) мы дѣйствительно наблюдаемъ такое явленіе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда средства производства представляютъ естественныя произведенія природы, находящіяся въ природѣ готовыми и не требующими для своего производства содѣйствія человѣка, напр., земля, вѣтеръ, вода, желѣзо въ горной жилѣ, дерево въ первобытномъ лѣсу и т. д“.

Марксъ затѣмъ переходитъ къ доказательству, что только перемѣнный капиталъ, т. е. капиталъ, потраченный на покупку труда, создаетъ цѣнность. Аргументація его общеизвѣстна въ этомъ отношеніи. По его мнѣнію, рабочій день какъ бы раздѣляется на двѣ части; капиталистъ покупаетъ за перемѣнный капиталъ рабочаго на весь день: первая половина дня идетъ на производство цѣнности этого перемѣннаго капитала, т. е. средствъ, переданныхъ рабочему какъ вознагражденіе въ видѣ наемной платы; вторая половина дня составляетъ прибавочное время и создаетъ прибавочную цѣнность; отношеніе прибавочнаго времени къ необходимому или что тоже прибавочной цѣнности къ перемѣнному капиталу составляетъ то, что онъ называетъ „нормой прибавочной цѣнности“ [1]). Отношеніе прибавочной цѣн-

1) Марксъ дѣлаетъ важное замѣчаніе о существованіи такъ называемой абсолютной и относительной прибавочной цѣнности. Онъ пишетъ: „удлиненіе рабочаго дня за тотъ періодъ, когда рабочій производитъ только эквивалентъ цѣнности своей рабочей силы и присвоеніе этого прибавочнаго труда капиталомъ, — это и есть производсто абсолютной прибавочной цѣнности. Оно составляетъ *вссобщее основаніе капиталистической системы* и исходный пунктъ производства относительной прибавочной цѣнности. При немъ рабочій день изначала является раздѣленнымъ

ности ко всему затраченному капиталу (перемѣнный + постоянный) составляетъ норму прибыли.

Изъ этихъ положеній онъ дѣлаетъ выводъ громадной важности. Такъ какъ постоянный капиталъ не создаетъ никакой цѣнности, то законъ паденія прибыли присущъ самому капиталистическому производству. Прогрессивное стремленіе общей нормы прибыли къ паденію есть выраженіе прогрессивнаго развитія общественной производительной силы труда, выраженіе, свойственное капиталистическому производству. Это паденіе обусловливается прогрессивнымъ возрастаніемъ постояннаго капитала, какъ это видно изъ прилагаемой Марксомъ таблички паденія нормы прибыли при неизмѣнной нормѣ прибавочной цѣнности.

Постоянный капиталъ с, перемѣнный капиталъ и прибавочная цѣнность v, прибыль р.

$$c = 50: \quad v = 100: \quad p = \frac{100}{150} = 66^1/_3\%$$

$$c = 100: \quad v = 100: \quad p = \frac{100}{200} = 50\%$$

$$c = 400: \quad v = 100: \quad p = \frac{100}{500} = 20\%$$

Въ третьемъ томѣ все это построеніе, однако, совершенно видоизмѣнено. Процессъ образованія цѣнъ товаровъ, въ производствѣ которыхъ участвуютъ основной и оборотный капиталъ въ разныхъ пропорціяхъ, еще со времени Рикардо остался неразъясненнымъ. Марксъ ввелъ новыя термины: постоянный и перемѣнный капиталъ, но проблема осталась той же. Рикардо и самъ былъ склоненъ относить къ оборотному капиталу только то, что Марксъ назвалъ перемѣннымъ капиталомъ, т. е. выплаченную заработную плату. Марксу хотѣлось доказать, что производители-капиталисты самою силою вещей получаютъ равныя прибыли внѣ условій обмѣна, такъ какъ цѣнность опредѣляется въ производствѣ, а въ обмѣнѣ товары встрѣчаются уже, какъ эквиваленты. Этого ему сдѣлать не удалось. Въ третьемъ томѣ онъ попробовалъ рѣшить проблему эту слѣдующимъ образомъ.

на двѣ части: необходимый трудъ и прибавочный трудъ. Для удлиненія прибавочнаго труда необходимый трудъ сокращаютъ такими методами, посредствомъ которыхъ эквивалентъ заработной платы производится въ меньшее время. При производствѣ абсолютной прибавочной цѣнности дѣло идетъ только о длинѣ рабочаго дня, производство же относительной прибавочной цѣнности производитъ полный переворотъ въ техническихъ процессахъ труда и въ общественныхъ группировкахъ". (Сравни дополненіе къ этой страницѣ съ замѣчаніемъ о Р. Мальтусѣ). Капиталъ т. I. пер. Струве. стр. 421.

Марксъ беретъ пять паръ затраченнаго перемѣннаго и постояннаго капитала. Норма прибавочной цѣнности, т. е. приростъ въ цѣнности въ зависимости отъ затраты труда за опредѣленную заработную плату въ теченіи необходимаго и прибавочнаго времени, равна 100%. Отсюда при продажѣ товара по трудовой цѣнности получаются неравныя нормы прибыли т. е. нормы, исчисляемыя не на перемѣнный, а на весь затраченный капиталъ. „Цѣна издержекъ," по Марксу, равняется потребленному постоянному капиталу плюсъ перемѣнный; „трудовая цѣнность" равняется всему потребленному перемѣнному и постоянному капиталу плюсъ вновь произведенная прибавочная цѣнность. Тогда имѣемъ слѣдующую таблицу Маркса:

	Капиталы.	Прибав. цѣнность.	Норма прибыли въ %	Потреб. пос. кап.	Цѣна издерж.	Труд. цѣн.
I.	80c + 20v	20	20%	50	70	90
II.	70c + 30v	30	30 „	51	81	111
III.	60c + 40v	40	40 „	51	91	131
IV.	85c + 15v	15	15 „	40	55	70
V.	95c + 5v	5	5 „	10	15	20
Всего	390c+110v	Въ средн.	22%			
Въ средн.	78c+ 22v	„ „	22%			

Если, пишетъ Марксъ, мы будемъ смотрѣть на капиталы 1—5, какъ на единичный капиталъ одного сложнаго предпріятія, напр., хлопчато-бумажной фабрики, то увидимъ, что въ этомъ случаѣ строеніе пяти капиталовъ или 390c + 110v или среднее органическое строеніе будетъ 78c + 22v. Средняя прибавочная цѣнность будетъ равна средней же прибыли. Если эта средняя прибавочная цѣнность равномѣрно распредѣлится на капиталы 1—5-й, то товарныя цѣны, какими онѣ и могутъ только быть на рынкѣ, стремящемся путемъ соперничества къ установленію средней прибыли, отступятъ отъ трудовой цѣнности и окажутся слѣдующими:

	Капиталы.	Трудов. цѣнность.	Цѣна издерж.	Рыночн. цѣна.	Отклон. отъ труд. цѣннос.	Норма прибыл.
I.	80c + 20v	90	70	92	+ 2	22%
II.	70c + 30v	111	81	103	— 8	„
III.	60c + 40v	131	91	113	—18	„
IV.	85c + 15v	70	55	77	+ 7	„
V.	95c + 5v	20	15	37	+17	„
Всего	390c+110v	422	312	422	+26—26	

Разсматривая эту таблицу, Марксъ приходитъ къ убѣжденію, что „въ общей сложности товары одного сочетанія капиталовъ будутъ продаваться на 26 единицъ выше трудовой стоимости-цѣнности, другого — на 26 единицъ ниже. Такимъ образомъ отклоненія цѣнъ, вслѣдствіе равномѣрнаго распредѣленія прибавочной цѣнности или вслѣдствіе надбавки въ 22% средней прибыли на сотню затраченнаго капитала къ соотвѣтственнымъ издержкамъ производства товара капиталовъ 1—5, взаимно уничтожаются; „на сколько одна часть будетъ продаваться выше своей цѣнности, настолько же другая будетъ продаваться ниже ея. И только продажа по такимъ рыночнымъ цѣнамъ даетъ возможность нормѣ прибыли капиталовъ 1—5 стать равномѣрной — 22%, независимо отъ органическаго строенія каждаго изъ этихъ капиталовъ.“

Это элементарное построеніе Марксъ считаетъ возможнымъ сохранить для объясненія всѣхъ сложныхъ отступленій „цѣнъ производства“ отъ „цѣнности“ для каждаго конкретнаго товара. Какой то средній общественный трудъ создающій среднюю прибавочную цѣнность-прибыль имѣетъ и капиталъ средняго состава. Отклоненія отъ этой цѣнности вообще обусловливаются: а) отношеніемъ органическаго состава капитала даннаго предпріятія къ среднему составу всего вложеннаго въ данную отрасль промышленности капитала, часть котораго составляетъ данное предпріятіе; б) отношеніемъ средняго состава капитала данной отрасли промышленности къ среднему составу всего капитала страны и в) отношеніемъ, въ какомъ стоитъ быстрота во времени производительнаго и торговаго оборота капитала даннаго предпріятія къ быстротѣ оборота его въ данной отрасли промышленности и странѣ. „Ясность и точность“ подобной средней, конечно, не уменьшится, если мы смѣло допустимъ и міровой „средній органическій составъ“ капитала. Повидимому, рѣшеніе найдено простое и на первый поверхностный взглядъ даже убѣдительное. Но ближайшій же анализъ показываетъ, что все построеніе по цѣлому ряду основаній совершенно не пригодно для выясненія проблемы прибыли, а, слѣдовательно, и для процесса образованія цѣнъ.

Что же можно сказать относительно всей этой теоріи во всемъ ея цѣломъ и по каждому изъ этихъ пунктовъ въ отдѣльности?

Теорія цѣнности Маркса была послѣднимъ и наиболѣе яркимъ цвѣткомъ абстрактной, дедуктивной экономіи и матеріалистическаго пониманія исторіи. Казалось, что соединеніе этихъ двухъ сильнѣйшихъ по логическому построенію методовъ должно дать наиболѣе стройную и истинную тео-

рію. Въ теченіе почти цѣлаго поколѣнія, въ особенности у насъ въ Россіи, въ эпоху господства элементарнаго народническаго міросозерцанія, она считалась основнымъ положеніемъ теоретической экономіи, въ которое вѣрили (да и теперь еще многіе вѣрять), какъ въ догматъ. Въ настоящій моментъ, однако, значительное количество ученыхъ совершенно разочаровалось въ этой трудовой теоріи цѣнности и не только въ ней, но и въ возможности идти въ рѣшеніи этой проблемы той дорогой, по которой шли классики и ихъ продолжатели — Марксъ и его ученики.

Ранѣе всего рухнуло ученіе о трудѣ, какъ единственно возможномъ и реальномъ мѣрилѣ цѣнности и по слѣдующимъ причинамъ:

а) То обстоятельсто, что въ большинствѣ продуктовъ-товаровъ кристаллизуется опредѣленное количество прибавочнаго и необходимаго труда еще не доказываетъ что трудъ и только онъ можетъ быть мѣриломъ цѣнности. Несомнѣнно, что мѣрой можетъ быть то свойство, которое обще всѣмъ продуктамъ, но такихъ свойствъ много[1]) и надо еще доказать, что трудъ наиболѣе удобное и пригодное изъ этихъ свойствъ. Во всякомъ случаѣ при признаніи только труда мѣрой цѣнности, эта мѣра уже не можетъ прилагаться къ предметамъ рѣдкимъ и не произведеннымъ трудомъ (земля, рѣдкія картины и проч.) т. е. получается ограниченіе круга предметовъ, къ которымъ прилагается общій законъ цѣнности. Это обстоятельство не можетъ не вліять на процессъ обмѣна и распредѣленія.

Въ новѣйшее время вновь возродилось существовавшее уже и у Тюрго стремленіе объяснить цѣнность и измѣрить ее болѣе общимъ свойствомъ — „полезностью“[2]).

---

1) Эти общія свойства отмѣчены мною выше на стр. 39.

2) Какъ будетъ видно изъ нижеслѣдующаго, я не считаю попытку Бемъ-Баверка удачной. Вкратцѣ его теорію можно изложить слѣдующимъ образомъ. Наше благополучіе, разсуждаетъ Бемъ-Баверкъ, или что тоже благосостояніе является основаніемъ для всѣхъ нашихъ сужденій о цѣнности предметовъ, а потому, въ конечномъ результатѣ, оно является масштабомъ или мѣрой для цѣнности. Мы придаемъ предмету большую или меньшую цѣнность въ зависимости отъ того, служитъ-ли онъ болѣе или менѣе нашему благосостоянію. Наше благосостояніе можетъ быть связано съ обладаніемъ вещи двояко: во первыхъ, предметъ можетъ доставлять намъ пользу, въ которой, при отсутствіи его, мы могли бы чувствовать недостатокъ: въ этомъ случаѣ польза служитъ масштабомъ для измѣренія цѣнности; во вторыхъ, обладаніе предметомъ предохраняетъ насъ отъ какого либо неудовольствія, страданія, усилія, напряженія, которое мы должны были бы сдѣлать. Въ этомъ случаѣ сохраненное пожертвованіе (Opfer) является масштабомъ для измѣренія цѣнности. Задача теоріи цѣнности и заключается, по мнѣнію Бема, въ томъ, чтобы опредѣлить, когда и какъ дѣйствуетъ первый или второй масштабъ. У человѣка представленіе о цѣнности всегда имѣетъ двоякій

b) Со времени Рикардо приложенiе этого начала полезности отвергалось по тому соображенiю, что полезность, — какъ субъективное представленiе, неопредѣлимо и слишкомъ разнообразно, чтобы его свести къ какому либо общему, среднему выраженiю для всѣхъ людей. Казалось, что трудъ, какъ трата энергiи, нѣчто реальное и легко опредѣлимое, но это оказалось не столь простымъ, какъ кажется. Мы видѣли уже, что при соцiальномъ характерѣ всего производства опредѣлить долю труда, кристаллизовавшуюся въ каждомъ отдѣльномъ продуктѣ, невозможно. Трудность этого вычисленiя увеличивается еще и тѣмъ, что приходится опредѣлять общественно — необходимую норму затраченнаго труда. Даже неизмѣнно правовѣрный ученикъ Маркса Каутскiй отказался дѣлать такiя исчисленiя. Одинъ изъ новѣйшихъ писателей Гильфердингъ пытался доказать, что „высота цѣнности только „теоретически" измѣримая величина," что „не слѣдуетъ смѣшивать „теоретическую" и „практическую" измѣримость." „Я могу, пишетъ онъ, изъ опыта установить конкретную затрату труда на производство опредѣленнаго блага. Насколько этотъ конкретный трудъ будетъ общественно-необходимъ, насколько онъ будетъ, поэтому,

---

характеръ. Цѣнность въ субъективномъ смыслѣ — есть то значенiе, которое предметъ-благо или сумма предметовъ имѣетъ для благосостоянiя даннаго лица. Цѣнность въ объективномъ смыслѣ — есть сила или пригодность (Kraft oder Tüchtigkeit) предмета вызывать какое либо объективное послѣдствiе (Erfolg). Всѣ блага, имѣющiяся въ безграничномъ количествѣ, не обладаютъ цѣнностью, всѣ хозяйственныя блага имѣютъ ее. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ помнить, что только количественныя отношенiя опредѣляютъ, можетъ ли какое либо благо только обладать свойствомъ полезности или быть также условiемъ нашего благополучiя (ob irgend ein Gut bloss fähig ist zu nützen oder auch Bedingung eines Nutzen für uns ist). Рѣдкость — первоначальное свойство всѣхъ цѣнныхъ предметовъ.

Чтобы судить о всей теорiи Бема, достаточно разсмотрѣть, какъ, по его мнѣнiю, опредѣляется цѣнность наличнаго запаса благъ. Предположимъ, что какой либо человѣкъ имѣетъ опредѣленный запасъ предметовъ, которымъ онъ долженъ удовлетворить свои потребности. Если этотъ запасъ состоитъ изъ одного предмета, то онъ будетъ употребленъ на удовлетворенiе важнѣйшихъ изъ нашихъ потребностей. Но что произойдетъ, если у насъ нѣсколько такихъ предметовъ и важнѣйшая потребность уже покрыта, напр., при наличности 5 пудовъ хлѣба потребность въ пищѣ сполна покрывается уже однимъ пудомъ. Потребности, которыя мы удовлетворяемъ нашимъ наличнымъ запасомъ благъ почти всегда имѣютъ разныя степени важности. Владѣлецъ пяти пудовъ хлѣба употребляетъ первый пудъ на удовлетворенiе своего голода, второй на улучшенiе состава своей пищи, третiй на прокормъ животныхъ, четвертый на покупку къ столу водки и, наконецъ, пятый пудъ на удовлетворенiе потребностей роскоши. Спрашивается, какую же цѣнность въ такомъ случаѣ онъ будетъ придавать пуду хлѣба, что будетъ мѣриломъ ея? На это Бемъ отвѣчаетъ: ясно, что такимъ мѣриломъ будетъ наименѣе важная изъ потребностей или иначе наименѣе важное употребле-

образующимъ цѣнность, я былъ бы въ состояніи опредѣлить только тогда, если бы я могъ вычислить среднюю степень производительности и интенсивности труда вообще, а также и количество потребнаго продукта этого рода. Это значило бы отъ единичнаго человѣка требовать того, что совершаетъ общество, ибо счетчикомъ, который можетъ вычислить цѣну, является общество, а средствомъ для этого является конкурренція"[1]). Безъ сомнѣнія, такой отказъ отъ „практическаго" измѣренія — значительно видоизмѣняетъ значеніе трудовой цѣнности, ибо отсылаетъ насъ къ рыночнымъ процессамъ (конкурренція), т. е. заставляетъ искать закона цѣнности не чрезъ полное теоретическое устраненіе закона спроса и предложенія, а чрезъ посредство борьбы за ту или иную норму прибыли, ренты и заработной платы, тогда какъ законъ цѣнности Маркса стремился опредѣлить самую ихъ норму изъ закона цѣнности, какъ опредѣлителя нормы доходовъ.

Къ тому же мы знаемъ изъ опыта, что сведеніи различныхъ затратъ нервной и мускульной энергіи совершается путемъ оцѣнки труда, а не приравненія одного для од-

---

ніе: только при наличности пяти пудовъ, я могу имѣть предметы роскоши: будь у меня четыре пуда я могъ бы имѣть напитки, но не другіе предметы роскоши. Другими словами, оцѣнка одного предмета или опредѣленной части общей ихъ массы изъ наличнаго запаса или, что тоже, „субъективная цѣнность" опредѣляется послѣднимъ употребленіемъ или послѣдней потребностью, короче, „конечной полезностью" этого предмета. Высота этой конечной полезности, въ свою очередь, всегда будетъ зависить отъ двухъ факторовъ: а) отъ числа и значенія потребностей, требующихъ удовлетворенія и б) отъ обилія запаса, который можетъ быть употребленъ для ихъ удовлетворенія. Чѣмъ больше послѣдній, тѣмъ менѣе важныя потребности могутъ быть удовлетворяемы, тѣмъ ниже по степени стоитъ послѣдняя польза, — конечная или предѣльная полезность, а, слѣдовательно, и субъективная цѣнность. Само собой разумѣется, что ему не трудно приложить тотъ же способъ разсужденія и къ продуктамъ, которые являются результатомъ пожертвованія или труда. Менгеръ, Бемъ-Баверкъ, Визеръ считаются родоначальниками такъ называемой австрійской школы. Критика этой теоріи дана въ сочиненіи проф. А. А. Мануилова — Понятіе о цѣнности, глава I. Русскими сторонниками этой теоріи являются Тугань-Барановскій, Орженцкій, Залѣскій, Войтинскій и друг.

1) См, Marx-Studien, Wien, 1904 г., стр. 21—22. Столь поруганный Марксомъ Прудонъ оказался побѣдителемъ. Въ своихъ „Экономическихъ противорѣчіяхъ (см. новое фр. изд., т. 1, стр. 181) Прудонъ пишетъ: „конкурренція необходима для констатированія и опредѣленія цѣнности т. е. для установленія началъ распредѣленія, а, слѣдовательно, и равенства. Пока продуктъ производится однимъ и единственнымъ фабрикантомъ, реальная цѣнность продукта остается тайной или вслѣдствіе сокрытія ея производителемъ, или вслѣдствіе неспособности его довести доходъ (le prix de revient) до послѣдняго предѣла. Всякая привилегія является реальной потерей для общества, а публичный характеръ промышленности, какъ и соперничество работниковъ, необходимостью".

ного работника двумъ днямъ другого и т. п. Еще никому не удалось доказать, что такая оцѣнка совершается съ точной и математической правильностью именно по затратѣ энергіи. Вся совокупность соціальныхъ условій создаетъ своеобразныя расцѣнки труда и никто теперь не вѣритъ, какъ во время Мальтуса, что существуетъ „неизмѣнная цѣнность" хотя бы простаго рабочаго труда. Оцѣнка труда, какъ въ этомъ рабочему приходится убѣждаться на каждомъ шагу, зависитъ не только отъ его собственной самооцѣнки, но и отъ всѣхъ окружающихъ условій производства, обмѣна и распредѣленія, при чемъ зачастую самый тяжелый, самый напряженный и неблагодарный трудъ оплачивается хуже всего. Нервная энергія используется до полнаго истощенія, а оцѣнка ея ниже, чѣмъ оцѣнка труда животнаго, а, слѣдовательно, нервная и мускульная энергія одного дня этого труда приравнивается многимъ днямъ труда въ другихъ отрасляхъ производства въ полномъ противорѣчіи съ установленнымъ Марксомъ положеніемъ.

c) То обстоятельство, что во всѣхъ товарахъ заключено опредѣленное, хотя и трудно опредѣлимое количество труда, не можетъ само по себѣ служить достаточнымъ основаніемъ для утвержденія, что психологически у каждаго субъекта хозяйства должно создаться представленіе о трудовой цѣнности, какъ объ абсолютномъ и равномъ для всѣхъ принципѣ. Теоретически мы разсматриваемъ трудъ, какъ тотъ элементъ производства, который приводитъ все въ движеніе и который является наиболѣе ограниченнымъ по своему количеству. Практически трудъ расходуется самымъ безжалостнымъ образомъ, ибо работникъ все же воспроизводитъ себя и прибавочный продуктъ, а капитализмъ можетъ оцѣнивать его трудовую энергію, какъ заработную плату плюсь прибыль, которую онъ разсчитываетъ получить. Теоретически, для созданія такого представленія о трудовой цѣнности, пожертвованія труда должны быть пропорціональны полезности продукта для всѣхъ участниковъ производства, фактически работникъ производитъ то, что ему приказываютъ условія рынка, о которыхъ судитъ владѣлецъ орудій производства. Полезность же нѣкоторыхъ предметовъ (всѣ рѣдкія предметы и продукты роскоши) зависитъ отъ условій распредѣленія экономическаго избытка. Полезность же продуктовъ массоваго производства, которые служатъ главной основой для пріобрѣтенія прибыли, ихъ общественная необходимость опредѣляется лишь тогда, когда они произведены въ нужномъ количествѣ т. е. тогда, когда это количество соотвѣтствуетъ покупательной способности населенія или, другими словами, она зависитъ не только отъ условій производства, но и распредѣленія. Психологи-

чески, слѣдовательно, въ головѣ каждаго субъекта хозяйства должны бороться два противорѣчивыхъ начала: затраты труда и количественныя соотношенія массъ продукта съ потребностями. Умноженіе же массы продукта приписать одному труду, какъ увидимъ ниже, онъ не имѣетъ никакого права. Отмѣченныя выше соображенія, какъ видимъ, не отрицаютъ того положенія, что трудъ является количественно ограниченнымъ элементомъ производства. Они только говорядъ, что оцѣнка трудовой энергіи, именно благодаря ея ограниченности, капиталистомъ можетъ совершаться, какъ оплата прибыли и заработной платы, но норма и той и другой будетъ опредѣляться количественнымъ соотвѣтствіемъ массы продукта къ массѣ потребностей, а также и разнообразіемъ различныхъ производительныхъ условій.

Ученіе объ „органическомъ" составѣ капиталовъ, конечно, представляетъ теоретическое допущеніе. Терминъ „органическій" употребленъ Маркомъ безъ достаточныхъ основаній, ибо онъ вовсе не показалъ, какія техническія или соціальныя условія *необходимо*, какъ въ какомъ либо организмѣ, вызываютъ то или иное сочетанія капиталовъ. Эти сочетанія въ разныя историческія эпохи измѣнчивы. Быть можетъ, современемъ удастся открыть и закономѣрность въ исторіи развитія этихъ сочетаній. Пока же этого не сдѣлано . . . Признаніе же самаго факта отступленія рыночныхъ цѣнъ отъ трудовой цѣнности подъ дѣйствіемъ технической структуры предпріятій (органическій составъ капиталовъ) и соціальныхъ условій распредѣленія (тенденція доходовъ къ равенству) имѣетъ важное историческое значеніе. Оно должно направить изслѣдователей на изученіе исторіи цѣнъ. Оно подверждаетъ, что при соціальномъ характерѣ производства провозглашеніе права работника на полную цѣнность его труда представляетъ, какъ выразился Бернштейнъ, „нелѣпость въ экономическомъ и соціальномъ отношеніи". Въ процессѣ обмѣна цѣнность подраздѣляется съ крупными отступленіями отъ теоретической цѣнности въ зависимости отъ условій, не связанныхъ съ трудомъ работника.

d) Все построеніе закона цѣнности Маркса, стремившагося отдѣлаться отъ потребностей, какъ фактора психологическаго, а не матеріальнаго, было разрушено введеніемъ ученія объ общественно-необходимомъ трудѣ [1]). Трудъ ста-

---

1) Все ученіе объ общественно-необходимомъ трудѣ, казалось бы, должно было показать двумъ спорившимъ сторонамъ (марксистамъ и народникамъ), какъ одностороння была формула ихъ истолкованія *системы цѣлей* капиталистическаго хозяйства. Безъ конца въ этомъ спорѣ твердили, что „руководящимъ мотивомъ, опредѣленною цѣлью и необходимымъ условіемъ капиталистическаго процесса производства служитъ

новился образующимъ цѣнность всетаки лишь при наличности условія пригодности товара для удовлетворенія общественной потребности и превращался въ ничто со всякимъ видоизмѣненіемъ потребностей. Другими словами, получалось важное ограниченіе проблемы: трудъ создавалъ цѣнность только тогда, если его затрачено было нужное „количество" для удовлетворенія опредѣленнаго же „количества" потребностей. Еще и Рикардо чувствовалъ это. Онъ иногда говорилъ: „цѣнность есть количество" и только сомнѣвался, „можно-ли создать какой либо законъ относительно количества", т. е. относительно вліянія массы произведеннаго товара на цѣнность. Бемъ-Баверкъ и его школа, какъ я отмѣтилъ, полагаютъ, что они нашли этотъ законъ для количествъ въ „предѣльной полезности", но самое представленіе о ней является абстрактной идеей и еще менѣе „практически" опредѣлимо, чѣмъ понятіе общественно — необходимаго труда [1]).

накопленіе, а не личное потребленіе." Первая часть этой формулы слишкомъ тяжеловѣсна, соединяетъ воедино мотивы, цѣли и условія всего общественнаго процесса, вторая наивна по своей малозначительности. Капиталистическій способъ производства, конечно, имѣетъ дѣло съ общественнымъ потребленіемъ, но каждый индивидуальный капиталистъ производитъ не ради производства, а также и ради собственнаго потребленія и обезпеченія своего будущаго. Производство для производства, т. е. для прибыли вовсе не является для него какимъ то безсмысленнымъ процессомъ. Въ первыя стадіи свободнаго соперничества усиленное расширеніе производительной дѣятельности было принято за какой-то роковой процессъ; новое время показало, что капиталисты очень хорошо способны понимать систему цѣлей капиталистическаго производства, какъ хозяйства, которое можетъ держаться только чрезъ уравновѣшеніе производства съ потребленіемъ. Въ томъ, что это уравновѣшеніе не всегда достигается еще не заключается доказательство отсутствія стремленія къ нему: совершенно наоборотъ, сравнительно съ предшествовавшимъ временемъ капитализмъ развилъ учрежденія все болѣе этому способствующія: биржи, банки, разсчетныя палаты, торговая пресса, торговые склады, коммиссіонеры, картели, тресты и проч. и проч. По мѣрѣ роста этихъ учрежденій капитализмъ пріобрѣтаетъ все большую силу, какъ орудіе эксплоатаціи и, потому, необходимы и противосилы, которыя должны создаваться для его видоизмѣненія.

Не слѣдуетъ забывать и того, что ученіе объ общественно-необходимомъ трудѣ совершенно разрушало и теоретическую предпосылку и аргументъ, отмѣченные въ пунктѣ 5 и 6. Продажа продукта выше трудовой цѣнности даннаго предпріятія и согласно общественно-необходимой средней или предѣльной цѣнности даетъ возможность, какъ землевладѣльцу, такъ и капиталисту, вносить въ обмѣнъ меньшее количество труда и получать въ возвратъ большее количество, другими словами, выиграть вовсе не для того, чтобы проиграть а, напротивъ, чтобы путемъ обмѣна пріобрѣсти избыточный доходъ, котораго не будетъ имѣть хуже поставленный производитель.

1) Анализъ этой теоріи см. у Мануилова. Понятіе о цѣнности и т. д. глава I. Миклашевскій. Обмѣнъ и экономическая политика, стр. 63 и слѣд. Политика труда, стр 52 и слѣд. Существуютъ попытки свести ученіе о предѣльной полезности къ трудовой цѣнности. Такимъ теоре-

Какъ бы то ни было, но и все ученіе Маркса объ общественно-необходимомъ трудѣ оказалось простымъ ученіемъ о законѣ количествъ продукта, т. е. „ученіемъ о рѣдкости“ и, что особенно важно, равно приложимымъ ко всѣмъ производительнымъ силамъ: землѣ, труду и капиталу. Самое же понятіе о среднемъ общественно-необходимомъ трудѣ, о средней производительности, о средней интенсивности осталось въ высшей степени неопредѣленнымъ. Въ результатѣ получалось только старинное положеніе классиковъ, — что цѣнность есть „выраженіе для трудности или легкости производства“, для опредѣленія производительности труда, но что цѣнность понижается, исчезаетъ по мѣрѣ накопленія продуктовъ сверхъ потребностей. Недаромъ же и Марксъ полагалъ, что „накопленіе для накопленія“, производство для производства разрушаетъ капиталистическую систему. Наше время показало, что капиталъ это давно понялъ и своими трестами, картелями и проч. мѣрами показалъ, какъ онъ можетъ вновь достигнуть „рѣдкости“ продуктовъ.

е) Но не эти, однако, возраженія могли бы окончательно поколебать теорію Маркса. Въ ней лежитъ гораздо болѣе глубокое противорѣчіе и оно вытекло изъ самой неразработанности ученія о „производственныхъ отношеніяхъ“. Въ этомъ ученіи главная опора всей Марксовой цѣнности и она то именно и заколебалась.

Трудовая цѣнность, какъ абсолютное начало, какъ явленіе исключительно зависящее отъ труда, какъ представленіе хозяйствующаго субъекта, основанное на убѣжденіи, что трудъ — единственная стоимость, единственныя издержки (сравни стр. 487 и слѣд.), уже въ значительной мѣрѣ была расшатана яснымъ пониманіемъ всѣхъ вышеуказанныхъ аргументовъ. Внѣ условій обмѣна это абсолютное представленіе о цѣнности мало интересно. Важно было

тикамъ представляется, что распредѣленіе народнаго труда по занятіямъ опредѣляетъ и количество продукта, которое можно произвести. Въ конечномъ результатѣ предѣльная доля труда, какъ единственно ограниченная величина, опредѣляетъ и цѣнность предѣльнаго продукта. Эти построенія, однако, болѣе хитроумны, чѣмъ ясны и противорѣчатъ всему построенію Бема, согласно которому субъективная цѣнность опредѣляется безъ отношенія къ производству и заранѣе нормируетъ самое распредѣленіе народнаго труда. Къ тому же и предѣльный трудъ Рикардо кажется теперь сомнительнымъ опредѣлителемъ цѣнности. Мнѣ представляется, что примиреніе этихъ теорій невозможно и потому, что каждая изъ нихъ отразила на себѣ вѣянія времени особой стадіи капиталистическаго производства. Рикардо живетъ въ эпоху, когда капитализмъ пробиваетъ себѣ дорогу: для него цѣнность выраженіе трудности производства; Бемъ живетъ въ эпоху, когда рынокъ заваленъ продуктами: какъ истинный буржуа онъ цѣнитъ продукты только по ихъ менѣе полезному употребленію. Онъ тонко понялъ, что „рѣдкость продукта“ выгодна капиталу. Картели и тресты взялись за это дѣло.

знать, не является-ли трудовая цѣнность все таки основою общественныхъ мѣновыхъ отношеній.

Изъ вышеизложеннаго ясно, что самъ творецъ этой теоріи Марксъ отказался отъ мысли, будто трудовая теорія цѣнности въ ея наиболѣе элементарномъ видѣ объясняетъ явленія обмѣна.

Согласно теоріи выходило, что съ ростомъ капитализаціи человѣчество неизбѣжно идетъ къ порядку вещей, при которомъ получается все меньшая и меньшая возможность пріобрѣтенія прибыли. При меньшемъ участіи перемѣннаго капитала (трудъ) создаваемая цѣнность относится ко все большему капиталу и норма прибыли падаетъ; это прогрессивное стремленіе общей нормы прибыли къ паденію — есть выраженіе, по мнѣнію Маркса, прогрессивнаго развитія общественной производительной силы труда, выраженіе свойственное капиталистическому производству и общее для всѣхъ промысловъ [1]). Какъ мы видѣли въ третьемъ томѣ, оказалось, что капиталы разнаго органическаго состава создаютъ разныя нормы прибавочной цѣнности. Для дѣйствительнаго осуществленія равенства прибыли необходимо, чтобы одни товары продавались по рыночной цѣнѣ выше трудовой, другіе ниже. Отсюда вытекалъ выводъ, что вся сумма національнаго продукта опредѣляется, какъ цѣнность, всей совокупностью общественно-необходимаго труда и эта идеальная цѣнность затѣмъ раздѣляется въ соотвѣтствующихъ пропорціяхъ, благодаря рыночной борьбѣ между всѣми наличными предпріятіями, давая каждому продукту ту или другую цѣну.

Уже такая формулировка означала полное банкротство прежней теоріи, которая стремилась объяснить цѣнность каждаго товарнаго атома соціальнаго произво ва: въ дѣйствительности, какъ оказалось, столь поруганный Марксомъ теоретикъ Родбертусъ восторжествовалъ: „распредѣленіе" — оказалось нормирующимъ для цѣнъ: необходимость уравнять доходы капитала — вызвала отклоненіе трудовыхъ цѣнностей и преобразованіе ихъ въ рыночныя [2]). Ученіе объ общественно-необходимомъ трудѣ столкнулось съ закономъ „количествъ" производительныхъ силъ и закономъ количествъ потребностей, т. е. съ потребленіемъ: законъ о нормѣ прибыли и прибавочной цѣнности — съ законами распредѣле-

—

1) Сравни ученіе Рикардо, который паденіе прибыли объяснялъ ухудшеніемъ условій производства пищи. Самъ Марксъ въ III-мъ томѣ понялъ, что прибыль не можетъ служить выраженіемъ производительности труда, ибо доля ея поглощается рентой и заработной платой, если она выше минимума существованія.

2) Я добавилъ бы: также необходимость опредѣлить соотвѣтствующую норму ренты.

нія. И все это произошло потому, что въ основу всей системы было положено наивное представленіе о товарномъ фетишизмѣ, которое нами изображено въ простой схемѣ на стр. 323 и слѣд.

Въ этой схемѣ предполагается, что трудъ является „единственной" производительной силой, тогда какъ опытъ показываетъ, что вся національная производительность зависитъ отъ дѣйствія всѣхъ трехъ производительныхъ силъ: труда, капитала и земли, къ тому же при всякомъ разнообразномъ сочетаніи крайне неравныхъ по своей производительности, а также по рѣдкости или изобилію каждой изъ этихъ производительныхъ силъ въ ту или иную историческую эпоху. Въ основѣ ученія о производственныхъ отношеніяхъ первоначально предполагаются только отношенія продавцевъ вполнѣ равныхъ, какъ производителей; впослѣдствіи оказывается, что производственныя отношенія — это нѣчто въ высшей степени сложное; это мѣновыя отношенія товаро-производителей, отношенія соподчиненія землевладѣльцевъ, капиталистовъ и рабочихъ, отношенія распредѣленія продукта въ предѣлахъ мастерской и исторически сложившіяся условія распредѣленія имущества, владѣнія орудіями производства, извѣстное исторически сложившееся распредѣленіе народнаго труда по промысламъ, т. е. отношеніе не только производителей, но владѣльцевъ и потребителей всего народнаго дохода.

При такихъ сложныхъ условіяхъ, естественно, цѣнность не могла и не можетъ служить выраженіемъ только однихъ производственныхъ условій, а въ особенности одного труда, но и всѣхъ другихъ соціальныхъ условій; другими словамм, чисто матеріалистическое, доведенное до крайности, пониманіе исторіи и здѣсь потерпѣло значительное ограниченіе. Устраненіе спроса и предложенія при выводѣ теоретическаго закона цѣнности предполагаетъ, что мѣновыя отношенія товаро-производителей сбалансируются исключительно подъ вліяніемъ тождества производственныхъ условій, фактически же эти производственныя условія неравны и зависятъ отъ цѣлаго ряда причинъ, не стоящихъ въ прямой зависимости отъ текущихъ условій производства. Даже само ученіе о среднемъ общественно-необходимомъ трудѣ предполагаетъ это разнообразіе условій[1]).

---

1) Приходится, такимъ образомъ, помянуть добрымъ словомъ одного изъ первыхъ индуктивистовъ въ политической экономіи, слишкомъ рано умершаго для науки Клиффъ-Лесли, который въ своихъ „Этюдахъ" одинъ изъ первыхъ старался доказать, что законъ сравнительныхъ издержекъ имѣетъ общее значеніе, а не только примѣнительно къ международной торговлѣ. Все ученіе Маркса объ органическомъ составѣ капиталовъ — есть ничто иное, какъ Рикардіанское ученіе о сравнитель-

Какъ и Родбертусъ, Марксъ полагаетъ, что иногда на цѣну долгое время оказываютъ вліяніе лучшія условія производства, иногда худшія, но въ то-же время среднія условія производительности во всякой отрасли промышленности характерны „для наибольшаго количества предпріятій." Эти соображенія Маркса весьма интересны, но возникаетъ и цѣлый рядъ недоумѣній. Во первыхъ, допустивъ вѣроятность того, что среднія условія производства имѣютъ доминирующее значеніе, а предѣльныя условія Рикардо только рѣдкое исключеніе, по своей незначительности не могущее нормировать цѣнность, возникаетъ вопросъ что же это за среднія условія и средняя производительность? Математика и здѣсь приходитъ къ намъ на помощь. Мы имѣемъ разное количество участковъ, на которыхъ „одинъ день труда" производитъ разное количество продуктовъ, а именно:

2 уч.	даютъ	по	10 пр.	— 20		5 уч.	по	10	пр.	— 50
8 „	„	„	8 „	— 64		8 „	„	8	„	— 64
20 „	„	„	6 „	— 120		30 „	„	$3^1/_2$	„	— 105
4 „	„	„	5 „	— 20		2 „	„	$2^1/_2$	„	— 5
34 уч.				224		45 уч.				224

Что же намъ считать за среднюю производительность нашего средняго труда? Средняя относительнаго вѣса даетъ въ первомъ случаѣ 6,5, во второмъ 5,6. Или мы просто должны принять среднюю по количеству предпріятій, т. е. въ первомъ случаѣ 6, во второмъ $3^1/_2$? Очевидно, въ утвержденіи, что среднія цѣны совпадаютъ съ трудовой цѣнностью, какъ бы заранѣе предполагается, что средняя по своему характеру модальна, т. е. относится только къ „наибольшему" числу случаевъ; другими словами, это утвержденіе требуетъ признанія дифференціаціи доходовъ, какъ постояннаго явленія, притомъ дифференціаціи восходящей и нисходящей.

f) Конецъ 19-го вѣка, такимъ образомъ, вновь поставилъ наукѣ сложные и трудные вопросы. Весь процессъ развитія политической экономіи показалъ, что простая формула классиковъ и Родбертуса, что *„работникъ въ условіяхъ раздѣленіе труда можетъ производить больше, чѣмъ сколько необходимо на его содержаніе"* — правильна, но процессъ распредѣленія народнаго дохода, процессъ образованія цѣнъ — еще остался невыясненнымъ и надъ ними еще должна

ныхъ издержкахъ; такимъ образомъ, по существу дѣла, Маркса дѣйствительно приходится считать ученикомъ Рикардо; онъ въ области теоріи экономіи не превзошелъ своего учителя и изученіе экономіи надо всегда начинать съ Рикардо.

много поработать человѣческая мысль [1]). Въ отмѣченномъ ниже изслѣдованіи я старался показать, что экономической наукѣ еще придется впослѣдствіи вновь переработать все ученіе о рентѣ, понимая этотъ терминъ въ томъ широкомъ смыслѣ, какъ его употреблялъ Родбертусъ. Я лично пришелъ къ убѣжденію, что рента есть плата за пользованіе устойчивыми преимуществами неравныхъ по качеству и результатамъ производительныхъ силъ, которыя по соціальнымъ и техническимъ основаніямъ имѣются въ ограниченномъ количествѣ и что тотъ „дифференціальный принципъ", который такъ неправильно прилагался исключительно къ земельной рентѣ, имѣетъ болѣе общее значеніе и долженъ быть формулированъ совершенно иначе, а именно: дифференціальный принципъ, во первыхъ, это принципъ общихъ различій въ естественной и соціальной производительности; во вторыхъ, универсальный принципъ рѣдкости производительныхъ силъ и, въ третьихъ, условій дифференціальнаго, обусловленнаго всей совокупностью предшествовавшихъ историко-психологическихъ условій, раздѣла избытка надъ необходимымъ содержаніемъ работника, гдѣ бы этотъ избытокъ не созидался, въ силу естественныхъ или общественныхъ условій производства, обмѣна и распредѣленія.

Для выясненія этого принципа экономія должна вновь переработать все ученіе о производительныхъ силахъ и въ особенности о капиталѣ [2]), въ частности и ученіе о паденіи нормы прибыли.

Этой теоріи мы должны хоть вкратцѣ коснуться.

---

1) Желающихъ ознакомиться съ моей личной точкой зрѣнія, я отсылаю къ моему изслѣдованію „Обмѣнъ и экономическая политика" (1904 г.).

2) Все ученіе объ основныхъ формулахъ капитала, впервые разработанное Д. С. Миллемъ, нуждается въ полнѣйшей переработкѣ. Въ теоретической разработкѣ этихъ формулъ особенно неясно и невѣрно были формулированы тѣ выводы, которые вытекали изъ наиболѣе общепринятаго въ настоящее время положенія, что „капиталъ — результатъ предшественнаго труда". Эти неправильные выводы могутъ быть изложены въ трехъ пунктахъ.

I. Во первыхъ, изъ того положенія, что при созданіи капитала неизбѣжно принимаетъ участіе трудъ, не слѣдуетъ, будто капиталъ является однимъ результатомъ труда. Въ созданіи его принимаютъ участіе и неравныя по своей производительности силы земли. Если это такъ, то, прежде всего, становится яснымъ, что законъ уменьшающейся производительности земли (а не только почвы) одинаково приложимъ, какъ для созданія продуктовъ пропитанія, такъ и нѣкоторыхъ видовъ капитала, напр. золота, желѣза и т. п. и далѣе, что капиталъ является прежде всего продуктомъ, который служитъ средствомъ для созданія другихъ продуктовъ. Установивъ, что капиталъ является продуктомъ, мы еще не имѣемъ права считать его опредѣленной цѣнностью и сводить ее къ труду. Общій законъ количествъ или относительной рѣдкости, очевидно, одинаково проложимъ, какъ къ самому капиталу, такъ и къ

Старая теорія разорвала экономію на части, совершенно обособивъ теорію прибыли отъ теоріи ренты и придавъ дифференціальному принципу послѣдней ограниченное, произ-

продуктамъ, которые являются результатами его производительнаго употребленія. Отсюда слѣдуетъ, что утвержденіе, будто капиталъ содѣйствуетъ производству „даромъ", не говоритъ ровно ничего. Цѣна создается не тѣми или другими производительными силами, а ихъ изобиліемъ или недостаткомъ сравнительно съ потребностями. Капиталъ могъ бы содѣйствовать *даромъ* (т. е. вѣрнѣе только возстанавливаться въ производительномъ процессѣ) созданію продуктовъ, если бы онъ какъ производительная сила былъ въ безграничномъ количествѣ, не былъ технически и соціально ограниченной величиной.

II. Во вторыхъ, самая проблема о созданіи капиталомъ цѣнности поставлена совершенно ложно и невѣрно. Въ наукѣ укоренилось признаніе, что въ процессѣ производства совершается „цѣнностное возстановленіе" затраченнаго постояннаго капитала и спорамъ подлежалъ только вопросъ, создаетъ ли капиталъ *новую* цѣнность? Постановка вопроса совершенно ложная.

Если капиталъ представляетъ прежде всего продуктъ, а не цѣнность, то ясно, что мы не можемъ заранѣе утверждать, будто въ процессѣ производства уже совершается неизбѣжно его цѣнностное возстановленіе. Въ процессѣ производства одна форма матеріи переходитъ въ другую форму матеріи. Въ тоже время, одновременно чрезъ посредство рыночныхъ процессовъ совершается опредѣленіе цѣны капитала, какъ продукта, такъ и цѣны продуктовъ этого продукта-капитала. Цѣнностное возстановленіе капитала предполагаетъ уже вполнѣ доказанной, что цѣнность капитала опредѣляется только однимъ трудомъ, что стоимость производства капитала возстанавливаются неизбѣжно въ полной мѣрѣ, и не болѣе. Эти предположенія не доказаны.

Но что особенно важно, это то, что слѣдующій вопросъ ставится ложно: создаетъ ли капиталъ цѣнность? Ни земля, ни капиталъ, ни трудъ, какъ мы видѣли, не создаютъ никакой цѣнности. Всѣ производительныя силы создаютъ только продуктъ. Остается ли послѣ процесса производства еще прибавочный продуктъ, какова будетъ цѣна всего продукта и въ частности прибавочнаго продукта, это будетъ зависить отъ закона цѣны, который гласитъ, что цѣна зависитъ отъ количества производительныхъ силъ, убываетъ съ возрастаніемъ ихъ производительности и отражаетъ всѣ условія соціальнаго раздѣла прибавочнаго продукта. Самый вопросъ, слѣдовательно, въ корнѣ ложенъ. Капиталъ вовсе не создаетъ цѣнности, цѣнностное его возстановленіе возможно только чрезъ соотвѣтствующіе процессы образованія цѣнъ. Вся теорія издержекъ производства есть только буржуазное стремленіе разсматривать соціальныя условія въ ихъ статическомъ состояніи, а не въ процессѣ ихъ возможнаго, динамическаго видоизмѣненія.

Въ третьихъ, безконечная масса теоретиковъ стремилась доказать ложность положенія классиковъ, и Милля-Кернса въ особенности, будто капиталъ, главнѣйше капиталъ перемѣнный, есть величина неподвижная. Въ наукѣ въ особенности въ наше время установилось положеніе, что капиталъ величина не постоянная, а подвижная, что капиталистическое производство представляетъ собою процессъ все возрастающаго увеличенія капитала. Намъ важно, однако, укрѣпить мысль, что процессъ возможнаго возрастанія отнюдь не означаетъ въ нашихъ соціальныхъ условіяхъ факта безграничнаго наростанія капитала. Какъ бы велики ни были процессы наростанія капитала, но какъ мы знаемъ изъ житейскаго опыта, какъ постоянно, настойчиво и съ полной справедливостью повто-

водственное значенія. Она не могла понять, что различіе во вліянія тѣхъ или другихъ факторовъ: земли, труда и капитала и ихъ живыхъ представителей общественныхъ классовъ на характеръ производства, обмѣна и распредѣленія можетъ быть очень велико по степени, въ особенности въ разныя историческія эпохи, но по существу аналогично по принципу. Теорія же дифференціальной ренты и дифференціальныхъ доходовъ вообще не знаетъ закона цѣнности, а имѣетъ дѣло только съ закономъ цѣнъ. Для нея важны: законъ рѣдкости или количествъ, законъ неравной производительности, законъ накопленія и размѣра доходовъ. Только примѣнивъ эти законы къ прибыли, мы можемъ постигнуть ея собственный законъ и причины ея паденія.

Рѣшающее мѣсто у Маркса, пишетъ Энгельсъ[1]), гласитъ: „вся трудность происходитъ отъ того, что товары обмѣниваются не просто какъ товары, а какъ продукты капиталовъ, претендующихъ на участіе въ общей массѣ прибавочной цѣнности въ соотвѣтствіи съ своею величиною, а при равенствѣ послѣдней на равное участіе“. Да, это дѣйствительно рѣшающее мѣсто, но только вмѣсто участія въ прибавочной цѣнности здѣсь слѣдовало бы поставить въ прибавочномъ продуктѣ, и притомъ неравномъ въ разныхъ производительныхъ организмахъ на протяженіи всего народнаго хозяйства.

Только такъ формулировавъ проблему, можно было бы обратиться къ изученію тѣхъ регуляторовъ, которые направляютъ движеніе цѣнъ.

Отъ старой классической школы намъ остался довольно схоластическій споръ, гдѣ, въ предѣлахъ какой отрасли промышленности опредѣляется прибыль? Рикардо утверждалъ, что земледѣльческая прибыль опредѣляетъ промышленную, Марксъ вывелъ прямо противоположное заключеніе. Оба писателя были по своему правы и неправы. Стараясь формулировать нѣчто объяснявшее реальную дѣйствительность, находившуюся передъ ихъ глазами, они были правы, ибо въ каждую историческую эпоху болѣе или менѣе благо-

ряетъ большинство экономистовъ — средства производства не находятся въ безграничномъ количествѣ у всѣхъ членовъ общества и капиталъ въ процессѣ своего накопленія не уничтожаетъ ренты рѣдкости. Капиталъ остается ограниченнымъ количествомъ для теоретически безграничнаго круга потребностей. Эта рента рѣдкости можетъ падать, но она неуничтожима; существованіе процента на капиталъ, его крайне медленное видоизмѣненіе доказываетъ это неопровержимо.

При нашихъ общественныхъ условіяхъ говорить, поэтому, о томъ, что капиталъ „даромъ“ содѣйствуетъ труду въ созданіи продукта, это значитъ просто играть словами.

1) l. c. Законъ цѣнности и уровень прибыли‘ стр. 117.

пріятныя условія раздѣла прибавочнаго продукта могли быть на сторонѣ того или другого класса, болѣе благопріятны землевладѣльцамъ или капиталистамъ. Рикардо жилъ въ переходную эпоху, когда господство земледѣльческаго класса надо было сломить: онъ и пустилъ въ ходъ свою теорію. Марксъ жилъ въ эпоху господства промышленнаго капитала, въ ростѣ его видѣлъ эмансипацію рабочаго сословія. Естественно, что ему казалось, что промышленный капиталъ опредѣляетъ прибыль. Но не правы ли были съ исторической точки зрѣнія и меркантилисты, которые полагали, что торговая прибыль опредѣляетъ всѣ другіе виды прибыли? Энгельсъ самъ признаетъ, что въ долгій періодъ, съ средневѣковья и до начала господства эпохи капитализма, интернаціональная торговля была основана не на продажѣ по цѣнностямъ и вообще давала значительныя прибыли [1]). Какъ же могъ не пѣть хвалебнаго гимна этой торговлѣ реалистъ-меркантилистъ, знавшій по опыту значеніе и силу къ тому же государственной нормирующей и захватывающей власти?

Исторически мы можемъ изучать, какіе виды капитала въ данную историческую эпоху создаютъ наибольшее количество прибавочнаго продукта для даннаго народа, но спорить и стараться теоретически вырѣшить, гдѣ опредѣляется прибыль, въ какой отрасли промышленности, совершенно нелѣпо. Прибыль, вѣрнѣе, экономическій избытокъ одновременно опредѣляется во всѣхъ производительныхъ организмахъ народнаго хозяйства. Тамъ, гдѣ есть прибавочный продуктъ, будетъ и прибыль, такъ же какъ и рента и дифференціальная заработная плата.

При изложеніи теоріи экономическаго избытка и ученія о распредѣленіи классической школы (см. выше, стр. 232 и слѣд.) мы отмѣтили тѣ основанія, по которымъ эта школа считала необходимымъ изучать каждый изъ видовъ дохода обособленно. Современная политическая экономія должна признать правильность положенія Родбертуса, что для построенія теоріи доходовъ необходимо исходить изъ представленія о народномъ производствѣ, народномъ доходѣ и о подраздѣленіи его на ренту, прибыль и заработную плату. (срав. стр. 456). Только тогда мы сумѣемъ выяснить себѣ *процессы превращенія* долей ренты въ прибыль и плату, долей при-

1) Въ III-мъ томѣ Капитала (см. 20 гл.) Марксъ пытается такъ формулировать свою историческую теорію торговаго капитала: „на первыхъ ступеняхъ капиталистическаго развитія торговля господствуетъ надъ промышленностью, въ современной стадіи — наоборотъ; . . . самостоятельное развитіе торговаго капитала находится въ обратномъ отношеніи къ степени развитія капиталистическаго производства“. Слѣдуетъ помнить, что исторія развитія капитализма далеко не изучена.

были въ плату и наоборотъ. На вопросъ, гдѣ создается прибыль, вѣрнѣе экономическій избытокъ сверхъ необходимаго для содержанія труда, экономистъ можетъ отвѣтить только: въ народномъ хозяйствѣ. На вопросъ, гдѣ она держится въ наибольшемъ размѣрѣ и какъ дифференцируется, онъ можетъ сказать: обратитесь къ изученію реальной дѣйствительности.

Въ системѣ Маркса есть любопытная сторона, которую мы должны отмѣтить въ связи съ только что сказаннымъ. Средняя норма процента, по его мнѣнію, не можетъ быть опредѣлена рѣшительно никакимъ закономъ[1]). „Если при этомъ конкурренція, какъ конкурренція, что либо и опредѣляетъ, то такое опредѣленіе само по себѣ случайно, основано вполнѣ на опытѣ и только педантство или фантазія могутъ такую случайность изображать, какъ нѣчто необходимое. Нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній, почему среднія отношенія конкурренціи должны дать заимодавцу на его капиталъ 3,4 или 5%“. Что денежный процентъ зависитъ отъ общаго уровня промышленной прибыли и можетъ быть весьма различенъ при разной высотѣ послѣдней, противъ такого положенія врядъ ли кто споритъ. Денежный процентъ и прибыли, однако, могутъ и должны стоять въ нѣкоторомъ соотношеніи. Мы могли бы пойти даже далѣе и сказать, что въ нашей хозяйственной системѣ замѣтно стремленіе къ установленію соотношенія между процентомъ, рентою и прибылью. Но вопросъ вовсе не въ этомъ, а въ томъ, какія же силы создаютъ въ каждое данное время опредѣленное соотношеніе и вѣрно ли утвержденіе, что наличность установившагося равновѣсія свидѣтельствуетъ о томъ, что долженъ быть найденъ законъ доходовъ изъ состоянія устойчиваго равновѣсія обмѣна, въ которомъ товаръ одного производителя вполнѣ эквивалентенъ товару другаго производителя.

Обсуждая это положеніе теоріи прибыли Маркса, не слѣдуетъ впадать въ ошибку тѣхъ писателей, которые, отвергая утвержденіе Маркса, что „конкурренція — результатъ паденія прибыли“, сами впадаютъ въ ошибку, считая правильнымъ, будто конкуренція вызываетъ паденіе прибыли, будто паденіе прибыли есть результатъ конкуренціи. Конкуренція есть только орудіе, при помощи котораго обнаруживается дѣйствіе наличныхъ экономическихъ силъ. Уравновѣсившіяся условія конкуренціи, такъ-же какъ и равенство спроса и предложенія товаровъ, во всякій данный моментъ ничего ровно не объясняютъ. За этимъ установившимся равновѣсіемъ можетъ скрываться не равенство, а дифферен-

---

1) См. т. III., гл. 21.

ціація доходовъ, не эквивалентность въ размѣнѣ товаровъ, а грубѣйшія отклоненія отъ нея. Уже изъ одного того факта, что въ одну и туже историческую эпоху возможна норма процента въ 3,4 и 5% и т. п., ясно, что существуютъ силы, которыя уравновѣшиваются въ разныхъ условіяхъ.

Въ хозяйствѣ, гдѣ оцѣнка продукта совершается не столько чрезъ опредѣляющее воздѣйствіе индивидуальныхъ представленій о потребительномъ значеніи продукта, сколько чрезъ дифференціальный раздѣлъ его при посредствѣ регулирующаго воздѣйствія доходовъ, паденіе нормы прибыли является сложнымъ результатомъ трехъ основныхъ причинъ: 1) уменьшенія ренты рѣдкости, 2) уменьшенія ренты производительности и 3) уменьшенія ренты дифференціальнаго раздѣла.

а) Законъ паденія прибыли является прежде всего результатомъ обезцѣненія массы продукта „благодаря тому процессу, при посредствѣ котораго совершается оцѣнка продуктовъ въ нашемъ хозяйствѣ.“ Мы уже неоднократно говорили, что земля, трудъ и капиталъ содѣйствуютъ созданію продукта, необходимаго для удовлетворенія человѣческихъ потребностей. По мѣрѣ умноженія массы этого продукта, подъ вліяніемъ развитія производительныхъ силъ, необходимое содержаніе работника, если условія соціальнаго раздѣла этому не противодѣйствуютъ, уменьшается, какъ доля продукта. Такимъ образомъ въ предѣлахъ хозяйствъ, будь то земледѣльческія или фабричныя, увеличивается масса прибавочнаго продукта. Это обстоятельство ускоряетъ процессъ накопленія. Производство расширяется, усовершенствуется, масса продукта растетъ въ количествѣ. Другими словами, рѣдкость какъ капитала, такъ и продукта уменьшается. Исчезновеніе рѣдкости въ предѣлѣ обозначаетъ собою полное отсутствіе какой нибудь цѣны. Если бы мы могли представить себѣ теоретически такое умноженіе производства, что продуктовъ всѣхъ видовъ и качествъ было бы столь же достаточно для всѣхъ, какъ и воздуха, наступилъ бы моментъ полнаго отсутствія борьбы за продуктъ. Онъ былъ бы доступенъ всѣмъ. Имъ пользовались бы, его потребляли бы, но цѣны въ нашемъ теперешнемъ смыслѣ онъ не имѣлъ бы.

Въ нашемъ капиталистическомъ обществѣ этотъ процессъ обезцѣненія протекаетъ при своеобразныхъ условіяхъ. Изъ среды экономистовъ-оптимистовъ неоднократно раздавались голоса, что должно наступить скоро совершенное исчезновеніе процента и прибыли на капиталъ, что возможно даже такое положеніе вещей, когда владѣльцы капитала будутъ сами платить опредѣленный процентъ за сохраненіе или за поддержаніе капитала! Такое воззрѣніе, однако, не

болѣе, какъ утопія. Капиталъ въ борьбѣ за свое существованіе можетъ отказываться отъ части своихъ выгодъ, но допустить возможность полнаго самоуничтоженія мы не имѣемъ никакихъ основаній. Вся исторія показываетъ, что процессъ обезцѣненія массы произведеннаго трудомъ, капиталомъ и землей продукта не доходитъ никогда до нормы оплаты труда. Капиталъ, какъ производительная сила, пока онъ въ рукахъ собственниковъ, никогда не можетъ умножиться въ такихъ предѣлахъ, чтобы исчезла „рента рѣдкости“. Поэтому и процессъ образованія цѣнъ не можетъ допустить обезцѣненія массы продукта до уровня оплаты труда. Капиталъ только по ошибкѣ, въ рѣдкихъ случаяхъ и спорадически, въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности доводитъ массу продукта до такого „безпредѣльнаго количества“. Вся его цѣль созданіе выгодной цѣны т. е. такой, которая совпадаетъ въ понятіемъ прибавочной цѣны. Онъ поэтому вѣчно заботится о такомъ движеніи капиталовъ въ производительной дѣятельности, при которомъ обезцѣненіе массы продукта не достигало бы той степени, чтобы исчезла эта прибавочная цѣна.

Для правильнаго пониманія проблемы прибыли, такимъ образомъ, вовсе не нужно представленія, что постоянный капиталъ создаетъ цѣнность. Онъ создаетъ только продуктъ. Но созданіе это совершается всегда въ такихъ количествахъ, что рента рѣдкости не исчезаетъ. Собственное потребленіе капиталистовъ, необычайное увеличеніе роскоши вовсе не потому задерживаетъ паденіе нормы прибыли, что въ этихъ отрасляхъ промышленности, какъ думаетъ Марксъ, употребляется болѣе живого труда, а потому, что расширеніе поля употребленія капитала увеличиваетъ рѣдкость капитала.

Девизомъ капиталистическаго хозяйства, поэтому, является не только — накопляйте, но потребляйте, потребляйте, старайтесь увеличить этимъ ренту рѣдкости. Капиталистическая эксплоатація, поэтому, совершенно неотдѣлима ни отъ капиталистическаго потребленія, ни отъ капиталистическихъ способовъ умноженія продукта.

Рента рѣдкости есть сложный результатъ трехъ основныхъ факторовъ: во первыхъ, соціальнаго господства, которое даетъ возможность захватывать прибавочный продуктъ и употреблять его по своему усмотрѣнію, въ предѣлѣ даже допуская умышленное уничтоженіе продукта, во вторыхъ, неизбѣжный чисто экономическій результатъ необходимости оставлять часть продукта внѣ траты его на вознагражденіе работника, такъ какъ иначе невозможно и самое расширеніе производства: капитализація возможна только чрезъ несоотвѣтствіе продажной цѣны съ цѣною содержанія ра-

бочихъ; и, въ третьихъ, прямой результатъ потребленія капиталистовъ, которое создаетъ вѣчно возрастающія потребности или вознаграждаетъ по повышенной дифференціальной нормѣ тѣ отрасли промышленности, куда надо направить новый потокъ рѣдкихъ силъ или могущественнѣйшихъ сочетаній капиталовъ. Тамъ, гдѣ эта рента рѣдкости падаетъ, понижается прибыль [1]).

2. Вторая причина паденія нормы прибыли заключается въ уменьшеніи ренты производительности. Анализируя законъ ренты, мы старались доказать, что въ нашемъ народномъ хозяйствѣ цѣна продукта никогда не опредѣляется предѣльной производительностью, какъ училъ Рикардо, ни производительностью высшаго размѣра. Борьба экономическихъ силъ, которая создаетъ такое положеніе, совершается опять таки чрезъ воздѣйствіе неравныхъ доходовъ, чрезъ раздѣлъ прибавочнаго продукта на особыхъ дифференціальныхъ началахъ. Мы не имѣемъ никакого права теоретически устанавливать, какъ мы старались доказать, и доктрину тенденціи доходовъ къ равенству. Эквализація доходовъ, какъ мы старались доказать, есть не болѣе какъ двусторонній процессъ дифференціаціи доходовъ, который, во первыхъ, болѣе производительнымъ сочетаніямъ капиталовъ сохраняетъ нѣкоторую ренту производительности, а при наличности таковой, во вторыхъ, вполнѣ объяснима и дифференціація другого рода: дифференціація соціальнаго раздѣла, которая даетъ возможность собственникамъ орудій производства отвоевывать себѣ при извѣстныхъ условіяхъ чрезъ процессъ образованія цѣнъ относительно большую долю продукта и оплачивать затѣмъ по повышенной нормѣ тѣ отрасли промышленности, которыя работаютъ и создаютъ „виды богатства“ для наслажденія экономически сильнѣйшихъ.

Всѣ разсужденія Маркса объ органическомъ сочетаніи капиталовъ, доказываютъ только то, что производительность разныхъ видовъ капитала различна, что масштабомъ для измѣренія этой производительности должно взять прибавочный продуктъ и прибавочную цѣну: тогда безъ всякой фикціи трудовой цѣнности мы объяснимъ весь сложный процессъ образованія цѣнъ.

Марксъ полагалъ, что возможно и должно объяснять процессъ образованія прибылей внѣ обмѣна. Если бы онъ

---

1) Эта рента рѣдкости въ разныя историческія эпохи можетъ быть очень различна. Убѣжденіе Рикардо, будто предѣльная ея норма опредѣляется исключительно необходимыми побужденіями къ дальнѣйшему накопленію (см. стр. 221), врядъ ли вѣрно и достаточно полно. Она зависитъ отъ всего характера потребленія капиталистовъ, отъ общихъ условій производительности труда и дифференціальнаго раздѣла экономическаго избытка т. е. должна быть изслѣдована исторически.

болѣе оцѣнилъ универсальное значеніе различій въ производительности, этого положенія онъ не могъ бы высказать. Тамъ, гдѣ существуютъ такія различія, а они существуютъ повсемѣстно и могутъ уменьшаться только въ извѣстныхъ предѣлахъ, обмѣнъ играетъ основную роль въ дѣлѣ раздѣла прибавочнаго продукта, и притомъ неравнаго. Если экономическій процессъ уравниваетъ эти различія, создается новая дифференціація прибылей, которая можетъ чувствоваться, какъ пониженіе нормы прибыли, но, какъ общее правило, мы не имѣемъ никакого права утверждать, что рента производительности исчезаетъ въ нашемъ хозяйствѣ неизбѣжно.

Мы приходимъ, слѣдовательно, къ выводу, что капиталъ средней производительности даетъ и среднюю прибыль; капиталъ высшей производительности — высшую, низшей — низшую. Отсюда ясно, что предположеніе классическихъ экономистовъ о тенденціи прибыли къ равенству надо принимать съ осторожностью. Эта тенденція возможна только при полномъ равенствѣ въ производительности каждой единицы капитала. До тѣхъ поръ, пока эти различія существуютъ, прибыль можетъ быть только явленіемъ дифференціальнымъ. Различія же эти никогда не могутъ исчезнуть, пока остается въ силѣ процессъ капиталистическаго накопленія и пока онъ, къ выгодѣ капиталистовъ, совершается, несмотря на кажущуюся быстроту, столь относительно медленно, что и теперь еще во всѣхъ странахъ, на ряду съ высокопроизводительными сочетаніями капиталовъ для снабженія рынка, работаетъ масса малопроизводительныхъ капиталовъ и по своимъ размѣрамъ, и по технической формѣ. Капиталы низшей производительности, получая меньшую сравнительно прибыль, стараются выжимать всѣ соки изъ своихъ рабочихъ, но все же живутъ. Если дифференціальныя различія между прибылями становятся слишкомъ велики, процессъ капиталистическаго накопленія начинаетъ дѣйствовать быстро, обнаруживается усиленная концентрація капиталовъ; разрушеніе менѣе производительныхъ предпріятій идетъ усиленнымъ темпомъ. Съ нѣкоторымъ подъемомъ средней производительности капитала этотъ процессъ снова затихаетъ на время, и капиталисты начинаютъ предпочитать потреблять свою прибыль, не улучшая технически и капиталистически своего производства. Это ясно понимали и классики, когда говорили о „дѣятельномъ стремленіи къ накопленію“ и о неизбѣжномъ существованіи минимума прибыли, безъ котораго капиталисты потеряли бы выгоду двигать далѣе экономическую машину. До нѣкоторой степени, слѣдовательно, отъ сознательной или безсознательной воли капиталистовъ, стремя-

щихся къ своей выгодѣ, зависить и то, что не только трудъ является „ограниченнымъ для неограниченнаго“ (т. е. потребностей), но таковымъ становится и капиталъ.

Изученія третьей причины: условій дифференціальнаго раздѣла продукта чрезъ борьбу общественнхъ классовъ за размѣры ихъ доходовъ завело бы насъ слишкомъ далеко; это заставило бы насъ переработать всю теорію доходовъ, а главное исторически изобразить реальныя условія жизни народныхъ хозяйствъ въ разныя эпохи ихъ развитія.

Изъ всего предшествовавшаго анализа ясно, что современная политическая экономія не только не построила точнаго закона цѣнности, но, пожалуй, и перестала стремиться къ этому. Для современнаго экономиста исторія споровъ о цѣнности имѣетъ интересъ только потому, что въ нихъ выяснились болѣе надежныя методы для пониманія процесса распредѣленія и созданія народнаго дохода.

Въ заключеніе разбора соціалистическихъ ученій мы должны теперь обратиться къ намѣченному выше вопросу: что же такое соціализмъ?

Прежде всего мы должны сдѣлать оговорку: мы будемъ говорить о соціализмѣ, какъ объ одной изъ экономическихъ системъ, а не какъ о программѣ одной изъ борющихся политическихъ партій. Изученіе партійныхъ программъ повело бы насъ слишкомъ далеко.

Соціализмъ — явленіе очень сложное, многообразное и встрѣчавшееся въ самыя разнообразныя историческія эпохи. Въ переживаемую нами историческую эпоху это міросозерцаніе сложилось подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ причинъ и не можетъ быть замкнуто въ одну какую либо формулу.

Во первыхъ, соціализмъ представляетъ собой то своеобразное міросозерцаніе, которое пыталось разработать теорію соціальныхъ силъ, направляющихъ исторію развитія человѣчества. Въ этомъ отношеніи соціализмъ стоитъ въ связи со всей исторіей развитія философіи 19-го вѣка и до сихъ поръ въ немъ рѣзко борятся два направленія: идеалистическое и матеріалистическое. Наибольшее распространеніе въ концѣ 19-го вѣка получило матеріалистическое направленіе, стоявшее въ непосредственной преемственной связи съ либерально-матеріалистическимъ міросозерцаніемъ индивидуализма. Матеріалистическое пониманіе исторіи содѣйствовало раскрытію „главнѣйшихъ“ причинъ историческаго процесса и сильно облегчило поясненіе той сложной связи, которая существуетъ между индивидомъ, какъ субъектомъ

дѣйствій и какъ объектомъ воздѣйствій окружающей экономической и соціальной среды[1]). Даже преувеличенія его оказали свою пользу: они побудили къ внимательной разработкѣ вопроса.

Во вторыхъ, соціализмъ стоитъ въ непосредственной связи и съ политическими видоизмѣненіями, которыя произошли въ Европѣ въ теченіе 19-го вѣка. Первые соціалисты, въ особенности Оуенъ, Сенъ-Симонъ и имъ подобные, придавали политической организаціи сравнительно мало значенія. Они исходили изъ анализа человѣческой природы и настаивали, главнымъ образомъ, на нравственномъ усовершенствованіи человѣка, которое должно преобразовать и экономическій строй. Послѣдующіе соціалисты стали придавать главнѣйшее значеніе политическимъ преобразованіямъ. полагая, что путемъ всеобщаго избирательнаго права возможно осуществленіе полнаго видоизмѣненія соціальныхъ условій жизни. Это политическое преобразованіе имъ рисуется въ наиболѣе демократическихъ формахъ, равныхъ для мужчины и женщины. Преобразованіе внутренней соціальной жизни создастъ возможность и для гармоническаго общенія народовъ, которое рисуется разными фракціями соціалистовъ весьма разнообразно[2]).

Въ третьихъ, соціализмъ — критическое ученіе, которое попыталось, исходя изъ началъ классической школы и пользуясь обратно-дедуктивнымъ методомъ, изучить дѣйствіе капиталистическаго механизма, а также указать вредныя и разлагающія стороны этого строя на почвѣ индуктивнаго собиранія фактовъ въ разныя эпохи исторіи. Въ особенности его

1) По справедливому замѣчанію Антоніо Лабріола (см. его „Къ вопросу о матеріалистическомъ взглядѣ на исторію" р. пер. 1898 г.) школа Маркса содѣйствовала распространенію правильной идеи: „въ одно и то же время человѣкъ не творитъ нѣсколько исторій: всѣ эти мнимыя отдѣльныя исторіи (искусство, религія и т. д.) составляютъ единую исторію... Только кретинъ можетъ воображать, что индивидуальная мораль каждаго пропорціональна его экономическому положенію. Но мораль не появляется самопроизвольно и не развивается сама изъ себя. Духовной сущности, какъ единообразное и единственное основаніе для всѣхъ людей, не существуетъ... Человѣкъ при своемъ рожденіи на свѣтъ и въ своемъ развитіи вовсе не является существомъ, надѣленнымъ отъ рожденія свойствами, которыя развиваются раціональнымъ ритмомъ. Онъ развивается одновременно и какъ причина, и какъ слѣдствіе, какъ дѣятель, и какъ продуктъ опредѣленныхъ условій, создающихъ опредѣленныя направленія идей, мнѣній, вѣрованій и чаяній... Психическій механизмъ очень эластиченъ, однако, никто не живетъ, замкнувшись въ собственномъ классѣ, не испытывая вліянія другихъ классовъ. Вліяніе среды и традиціи (передачи) идей настолько тѣсно переплетаются между собой, что невозможно свести развитіе каждаго индивида къ абстрактной и общей жизни одного класса".

2) См. Очеркъ А. Ященко. Соціализмъ и интернаціонализмъ, Москва, изд. Скирмунта.

критика была направлена на ученіе о происхожденіи и объ основахъ собственности, прибыли, ренты, на анализъ системы соперничества и наемнаго труда. Многіе изъ сложнѣйшихъ вопросовъ экономіи, напр., вопросы о кризисахъ, о крупномъ и мелкомъ хозяйствѣ, о капиталѣ, о землѣ нашли въ лицѣ Родбертуса и Маркса не только критиковъ, но и людей, давшихъ наиболѣе яркія и творческія обобщенія. Вообще, большинство соціалистовъ-эволюціонистовъ наиболѣе глубоко проанализировало ученіе Смита, Мальтуса и Рикардо.

Критика соціализма основана не только на предположеніи о цѣлесообразности и о возможности осуществленія въ будущемъ общественной собственности, но и на необходимости признанія трудового дохода въ той или другой формѣ, другими словами на отрицаніи правомѣрности дохода, который получается отъ собственности въ землѣ и капиталѣ.

Въ четвертыхъ, какъ часть философскихъ теченій нашего времени, соціализмъ, въ особенности идеалистическій, пытался разработать основы новой соціальной этики, опредѣлить идеалы распредѣлительной справедливости, а также и основы будущаго соціалистическаго общества. По этому предмету въ предѣлахъ соціалистовъ сказалось громадное разнообразіе взглядовъ, которое отчасти и намѣчено выше: они разбились на коммунистовъ, разныя фракціи соціалистовъ[1]) съ весьма разнообразной соціальной политикой.

Матеріалистическій соціализмъ, который положилъ въ основу объясненія исторіи борьбу классовъ, не столько заботился о построеніи новой этики и плановъ будущаго, сколько старался критиковать существующую этику и опа-

---

1) Формулъ распредѣлительной справедливости предложено не мало. Изъ нихъ наибольшую популярность пріобрѣли отмѣченныя выше формулы С. Симонистовъ (см. выше стр. 372) и Луи Блана (см. стр. 407). Очень часто коммунистами нынѣ называютъ тѣхъ, которые стремятся не только къ устраненію частной собственности на орудія производства, но и на продукты труда, представляютъ себѣ въ будущемъ обществѣ общность потребленія, труда и жизни въ особыхъ, спеціально организованныхъ ассоціяхъ (см. стр. 309, 310, 378, 385). Всѣ эти предположенія объ организаціи будущаго общества, однако, обыкновенно такъ неясны, что построить на этомъ началѣ какую либо классификацію соціальныхъ ученій совершенно невозможно. Самый терминъ „коммунизмъ" сильно измѣнилъ свой смыслъ въ наше время. Марксъ и Энгельсъ называли себя коммунистами, но никакихъ такихъ, какъ указано выше, предположеній о будущемъ не имѣли и ихъ теперь называютъ „соціалистами", а прежнихъ организаторовъ труда, какъ разъ наоборотъ, коммунистами (см. стр. 467). Я принялъ другую классификацію и называю всѣхъ, строящихъ тѣ или иныя планы будущей общественной жизни и видящихъ въ этомъ основу своей системы „организаторами труда", тѣхъ, которые полагаютъ, что картинъ будущаго предвидѣть невозможно и что жизнь общества преобразовывается съ ходомъ историческаго процесса, я называю „соціалистами-эволюціонистами."

ружпвать ея противорѣчія. На ряду съ справедливой критикой нерѣдко можно встрѣтить въ рядахъ представителей этого соціализма значительныя преувеличенія. Но и онъ не избѣгъ необходимости попытаться построить теперь же свою этику на чисто телеологическихъ началахъ, причемъ пользовался, какъ и всѣ новыя ученія, возникающія въ мірѣ, при построеніи своей новой этики и своего новаго естественнаго права діалектическимъ методомъ противоположенія. Эта этика основана на убѣжденіи, что преобразованіе частной собственности въ общественную, которое совершится самою силою необходимости историческаго процесса, прекратитъ борьбу людей между собою и тогда наступитъ царство альтруизма и свободы, торжество индивидуальности и общественной гармоніи[1]), разумной и справедливой организаціи труда.

Въ пятыхъ, особенное распространеніе соціализмъ пополучилъ среди работающихъ классовъ населенія и потому нерѣдко, хотя и безъ достаточныхъ основаній, его называютъ философіей пролетаріата. Эта философія была формулирована въ 19-мъ вѣкѣ на почвѣ вновь развившихся политическихъ и экономическихъ отношеній интелигенціей Европы и лишь получила громадное распространеніе среди пролетаріата.

Въ шестыхъ, какъ особая вѣтвь критическаго и организаторскаго соціализма, анархизмъ представляетъ собой попытку созданія „новаго индивидуализма", отрицающаго частную собственность, но и опасающагося, что, съ возникновеніемъ правительствъ, облеченныхъ властью организовать экономическую жизнь, можетъ возникнуть новая промышленная тиранія надъ свободою полнаго самоопредѣленія личности.

Главная заслуга соціалистовъ-эволюціонистовъ заключается въ ихъ стремленіи объяснить и понять историческій процессъ, какъ необходимую цѣпь причинъ и слѣдствій. Какъ попытка создать новую этику и распространить научныя взгляды на историческіи процессъ, соціализмъ много сдѣлалъ для воспитанія массъ. Въ зависимости отъ условій той или иной общественной среды практически соціализмъ пріобрѣталъ эволюціонный или же революціонный характеръ. Нельзя, однако, отрицать и того, что нерѣдко въ немъ сказывались и ярко выраженныя демагогическія

---

1) Особенно характерна въ этомъ отношеніи книга вождя современной германской соціалъ-демократіи А. Бебеля. Женщина и соціализмъ (рус. пер. 1906 г.); также Антонъ Менгеръ. Новое ученіе о государствѣ, р. пер. 1906 г.; нѣмец. изд. 1903; сравни также М. Бургэнъ. Современныя соціалистическія системы и экономическое развитіе, р. пер., Спб., 1906. J. Rae. Contemporary Socialism, 3 изд. 1901 г.

стремленія, въ особенности въ тѣхъ странахъ, гдѣ культурный уровень массъ крайне низокъ, а экономическое положеніе ихъ бѣдственно, близко въ полной нищетѣ.

ГЛАВА VIII и послѣдняя.

Соціалъ-политики.

§ 1. Разныя теченія въ этой школѣ. Вагнеръ, Шмоллеръ, Брентано. Первые русскіе соціалъ-политики. § 2. Соціальная политика въ истолкованіи Вагнера, Шефле, Филипповича и другихъ. Критика Зомбарта, ея полезные результаты. Господство фразы и Зомбартъ. Идеалы производства и политика распредѣленія. Хозяйственный прогрессъ и классовая политика. Можно ли опредѣлить, кто является представителемъ хозяйственнаго прогресса? Четыре формы производственнаго идеала. Рикардо и Родбертусъ и ихъ политика доходовъ. Политика валового и чистаго дохода. Необходимыя измѣненія въ политикѣ чистаго дохода.

§ 1. Въ концѣ XIX-го вѣка Западная Европа сдѣлалась владыкой всего міра, но и на крайнемъ Западѣ — въ Америкѣ, и на Востокѣ — въ Россіи, экономическая жизнь получила громадное развитіе; здѣсь стали выростать новыя политическія и соціальныя силы. Во внутренней жизни Европы стали происходить крупныя видоизмѣненія, а соціальный вопросъ и развитіе производительныхъ силъ сдѣлались главной заботой ея государствъ.

Въ концѣ ж XIX-го вѣка на ряду съ индивидуалистическимъ и соціалистическимъ міровоззрѣніемъ, создалась и другая школа, которая пріобрѣла названіе „соціалъ-политиковъ“ или катедеръ-соціалистовъ. Эта школа выросла на почвѣ индивидуалистическаго, матеріалистическаго и идеалистическаго міросозерцаній школъ естественной свободы и соціализма и подъ непосредственнымъ давленіемъ практическихъ нуждъ жизни и борьбы партій. Уже въ 1872 г. почувствовалась потребность въ объединеніи различныхъ представителей этого направленія [1]). Въ октябрѣ этого года

---

1) Представители всеобщаго рабочаго союза, т. е. тогдашніе соціалъ-демократы или, вѣрнѣе, послѣдователи Фердинанда Лассаля, руководимые г. Швейцеромъ, встрѣтили образованіе этого союза очень враждебно. Резолюція ихъ гласила: „дѣло конгресса является безпомощной попыткой всякаго рода палліативами удержать рабочее сословіе отъ соціализма“. Г. Швейцеръ въ свое время былъ особенно популяренъ въ Россіи, благодаря своему соціальному роману подъ заглавіемъ „Эмма“.

въ г. Эйзенахѣ для обсужденія „соціальнаго вопроса“ былъ созванъ конгрессъ, на которомъ участвовали почти всѣ нѣмецкіе профессора политической экономіи, нѣкоторые предприниматели, адвокаты, литераторы и друг. На этомъ конгрессѣ было положено основаніе такъ называемому „союзу соціальной политики“, который существуетъ до настоящаго времени и выпустилъ около 116 томовъ своихъ трудовъ.

Со второй половины 19-го вѣка и въ самой Англіи утилитаріанская доктрина Бентамитовъ начинаетъ получать истолкованіе въ духѣ государственнаго и профессіональнаго соціализма, если подъ послѣднимъ понимать простое расширеніе сферы вмѣшательства государства въ соціальныя отношенія и развитіе соединеній для защиты экономическихъ интересовъ отдѣльныхъ классовъ. Христіанскіе соціалисты Англіи: Морисъ, Кингслей, Людловъ съ ихъ проповѣдью кооперацiи, „радикальные тори“ съ ихъ агитаціей въ пользу фабричныхъ законовъ и за „соціальную монархію“, Карлейль, Рэскинъ и другіе соціальные литераторы съ ихъ критикой „грубаго утилитаризма“ и „сухой экономической науки“, Д. С. Милль съ его наклонностями къ французскому соціализму и позитивизму, сдѣлали свое дѣло.

Первые нѣмецкіе соціалъ-политики стараются перенести англійскіе идеи новаго времени и новыя англійскія учрежденія на континентальную почву. Очень характерно, что на первомъ же съѣздѣ въ Эйзенахѣ — Брентано читаетъ докладъ о фабричномъ законодательствѣ, Шмоллеръ о рабочихъ союзахъ и стачкахъ, Энгель — о рабочихъ жилищахъ. Многое въ своей полемикѣ противъ классической школы и собственныхъ представителей манчестерства: Трейчке, Бамбергера и Оппенгейма — первые соціалъ-политики заимствуютъ изъ англійскаго источника. Слѣды этого англійскаго вліянія задокументированы въ книгахъ: проф. Шевле. Капитализмъ и соціализмъ (1870); проф. А. Гельда. Двѣ книги по соціальной исторіи Англіи (1881); проф. Л. Брентано. Рабочіе союзы нашего времени (1870), проф. Шульце-Геверница, Соціальная Англія (1890). Въ своей полемикѣ противъ Трейчке, Оппенгейма, Бамбергера и другихъ представителей манчестерства въ Германіи первые соціалъ-политики Шефле, Шмоллеръ, Шеель, Брентано, Замтеръ и друг. опираются на англійскіе эксперименты и видятъ въ пропагандѣ своихъ идей вѣрное средство для противодѣйствія „революціоннымъ“ соціалистическимъ идеямъ, которыя особенно сильно стали распространяться съ 1863 г. подъ вліяніемъ замѣчательной энергіи Фердинанда Лассаля. Уже въ 1870 г. въ своей книгѣ: „Соціализмъ и капитализмъ“ Шефле противопоставляетъ соціализму „соціальную реформу“, которая должна примирить противорѣчія труда

и капитала. „Не только государство, пишетъ онъ, я иду далѣе и утверждаю — всѣ культурныя силы общества должны работать надъ соціальной реформой: наука, литература, пресса, искусство, педагокика, школа, церковь и свободная религіозность“.

Я не хочу, дѣлая эти замѣчаніе объяснять происхожденіе школы соціалъ-политиковъ исключительно вліяніемъ англійской мысли. Мѣстныя, континентальныя вліянія имѣли также серьезное значеніе, но нѣмецкіе соціалъ-политики ужъ слишкомъ дерзновенно приписываютъ себѣ якобы переворотъ, произведенный ими въ теченіи европейской мысли. Они порожденіе англійскаго торійскаго полу-соціализма и франко-нѣмецкаго же соціализма, радикализма и историзма. Именно по этой то причинѣ въ рядахъ соціалъ-политиковъ и обнаруживается такая пестрота міровоззрѣній.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что можно называть „соціалъ-политиками“ только тѣхъ, кто входитъ въ составъ этого союза. Онъ объединяетъ людей очень разныхъ міросозерцаній: много людей и въ самой Германіи осталось внѣ союза по самымъ разнообразнымъ причинамъ. Нельзя сказать даже и того, что въ вопросахъ „соціальной политики“ писатели этого направленія заняли среднее положеніе между индивидуализмомъ и соціализмомъ. Одни изъ нихъ занимаютъ положеніе болѣе близкое къ индивидуализму [1]), дру-

1) Изъ числа русскихъ экономистовъ болѣе всего близкихъ къ индивидуализму особеннаго вниманія заслуживаютъ Н. Х. Бунге (1823—1896), В. П. Безобразовъ (1828—1889), И. И. Кауфманъ. Бунге былъ первымъ профессоромъ въ Россіи, который поставилъ преподаваніе экономіи, статистики и полицейскаго права на надлежащую научную высоту. Его курсы статистики (Кіевъ, 1865 г.) и полицейскаго права (Кіевъ, пять выпусковъ, 1873—1877) въ исторіи развитія русской науки займутъ почетное мѣсто. Любопытно отмѣтить, что какъ Бунге, такъ Безобразовъ и Кауфманъ были прекрасными знатоками денежнаго обращенія и въ теченіи долгаго времени боролись противъ злоупотребленія выпусками бумажныхъ денегъ. Статьи Безобразова „О нѣкоторыхъ явленіяхъ денежнаго обращенія въ Россіи“ до сихъ поръ заслуживаютъ вниманія. Большой заслугой Безобразова является изданіе восьми томовъ Сборника Государственныхъ Знаній, въ которомъ сотрудничали почти всѣ выдающіеся профессора того времени и дали въ немъ рядъ весьма цѣнныхъ работъ (первый выпускъ 1873 г., восьмой — 1880 г.). Произведенія Бунге, Безобразова и Кауфмана по денежному и банковому вопросу отмѣчены въ моемъ изслѣдованіи „Деньги“, Москва, 1895 г. О другихъ трудахъ этихъ лицъ и вообще о всѣхъ ниже отмѣченныхъ русскихъ экономистахъ см. Энциклопедическій словарь Брокгауза и Біографическій словарь г. Венгерова. Надлежитъ отмѣтить, что И. И. Кауфманъ много поработалъ въ области практической статистики банковаго и денежнаго дѣла и въ теоретической разработкѣ государственнаго кредита (въ сочиненіи „Основанія разсчетовъ по публичнымъ займамъ“, Спб. 1891 г.). Къ этой же категоріи слѣдуетъ отнести и В. А. Лебедева, проф. финансоваго права въ Спб. У. и проф. политич. экономіи того же университета П. Н. Георгіевскаго, занимавшагося желѣзно-дорожнымъ хозяйствомъ.

гіе къ соціализму, одни тяготѣютъ къ матеріализму, другіе къ идеализму. Одни признаютъ значеніе обратно-дедуктивнаго метода, другіе требуютъ исключительнаго примѣненія историческаго и наблюдательнаго метода въ экономіи. Въ предѣлахъ этой школы господствуетъ громадное разнообразіе взглядовъ, а въ зависимости отъ той страны, гдѣ живутъ и дѣйствуютъ эти писатели, взгляды „соціалъ-политиковъ" еще болѣе разнообразятся. Очень многіе изъ соціалъ-политиковъ занимали и занимаютъ профессорскіе каѳедры, откуда и произошло ихъ наименованіе „катедеръ-соціалистами".

Наиболѣе видными „соціалъ-политиками" Германіи, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ признать Адольфа Вагнера, Густава Шмоллера и Луйо Брентано — это старѣйшіе ветераны этой школы. У насъ въ Россіи такими же старѣйшими представителями этой школы слѣдуетъ признать: А. И. Чупрова († 1908), И. И. Янжула, И. И. Иванюкова, И. Н. Миклашевскаго († 1901). Н. А. Карышева († 1905), А. А. Исаева, Л. В. Ходскаго, В. Ф. Левицкаго, А. И. Скворцова, А. С. Постникова, Н. А. Каблукова и нѣкоторыхъ другихъ [1]).

1) Называю только эти имена, какъ старѣйшихъ университетскихъ преподавателей экономіи. А. И. Чупровъ и И. И. Янжулъ должны считаться родоначальниками русскаго соціально-политическаго направленія въ экономіи. На московской каѳедрѣ они прекрасно дополняли другъ друга. А. И. Чупровъ былъ типичнымъ народникомъ и главнымъ образомъ направлялъ симпатіи своихъ слушателей на изученіе аграрнаго вопроса. Большинство его учениковъ и донынѣ сохраняетъ народническую закваску. Изъ ученыхъ трудовъ А. И. Чупрова особенною популярностью пользовались его курсы: 1) исторіи политической экономіи (первое печатное изданіе 1892 г.) и 2) курсъ теоріи, составленный подъ сильнымъ вліяніемъ В. Рошера, Д. С. Милля и А. Вагнера, къ которымъ слабой струей прибавилось немного марксизма. А. И. Чупровъ считался спеціалистомъ по желѣзно-дорожному хозяйству, которому посвящены обѣ его диссертаціи. И. И. Янжулъ имѣлъ значеніе, какъ прекрасный знатокъ и дѣятель фабричнаго законодательства, рѣшительный сторонникъ государственнаго вмѣшательства въ духѣ А. Вагнера и его системы финансоваго хозяйства. Учебникъ Янжула былъ первымъ курсомъ финансоваго права, въ которомъ Вагнеровская соціальная политика финансовъ была болѣе или менѣе послѣдовательно проведена. Учебникъ даетъ обзоры финансоваго законодательства XIX вѣка въ разныхъ странахъ и указываетъ pro и contra всякаго финансоваго мѣропріятія. Исторіи финансовъ вообще и исторіи финансовъ Россіи учебникъ не дастъ. Заслуга Янжула, какъ экономиста, заключается въ разработкѣ практическихъ вопросовъ экономіи (таможенная политика, синдикаты, торговые музеи, фабричное законодательство) и ознакомленіе русской публики съ новинками западно-европейской литературы (неомальтузіанство, армія спасенія и проч.). Докторская его диссертація была посвящена свободной торговлѣ въ Англіи (вып. I. меркантильный періодъ: вып. II. періодъ свободной торговли, М. 1876—1882). И. И. Иванюковъ въ своей докторской диссертаціи: „Основныя положенія теоріи экономической политики съ А. Смита до настоящаго времени" (Москва, 1880 г.) впервые въ русской литературѣ далъ сводку идей нѣмецкихъ соціалъ-политиковъ. Нѣсколько позднѣе то же сдѣлалъ и В. Ф. Левицкій

Въ разныя эпохи своей жизни нѣкоторые изъ этихъ русскихъ соціалъ-политиковъ тяготѣли то къ народническому, то марксистскому соціализму и вообще относилисъ нѣсколько пренебрежительно къ германскимъ соціалъ-политикамъ за ихъ буржуазное направленіе, но по условіямъ русской жизни далѣе обыкновенной соціальной политики и они не шли.

Какъ ни многообразны взгляды этихъ писателей, но надлежитъ, хотя бы въ немногихъ словахъ, дать характеристику главнѣйшихъ теченій въ средѣ германскихъ соціалъ-политиковъ, а главное дать анализъ самаго существа ихъ „соціальной политики.“ Достаточно взять Вагнера, Шмоллера, Брентано, чтобы видѣть, какъ разнообразны эти взгляды.

А. Вагнеръ [1]) называетъ свое направленіе — соціально-правовымъ, т. е. такимъ, которое прежде всего занимается изслѣдованіемъ необходимыхъ условій совмѣстной общественной жизни людей и только въ связи съ выясненіемъ этихъ условій стремится опредѣлить сферу хозяйственной свободы отдѣльной личности. По мнѣнію Вагнера, необходимо ясно и опредѣленно разработать, главнымъ образомъ, вопросъ объ отношеніи права и политической экономіи. Вагнеръ былъ однимъ изъ людей, наиболѣе поработавшихъ надъ выясненіемъ вопроса о предѣлахъ государственнаго вмѣшательства въ общественную жизнь и о налоговой системѣ, какъ о средствѣ, при помощи котораго можно сгладить имущественныя неравенства и облегчить экономически слабому борьбу за свое существованіе съ экономически эксплоатирующими его.

въ своей магистерской диссертаціи „Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ“ (Ярославль, 1890 г.). Для освѣщенія вопросовъ практической экономіи много далъ „Курсъ политической экономіи“ проф. А. А. Исаева и другіе его труды; хорошій учебникъ по финансовому праву былъ также написанъ проф. Л. В. Ходскимъ; онъ же написалъ цѣнный трудъ: „Земля и земледѣлецъ.“ А. И. Скворцовъ написалъ лучшій въ русской литературѣ учебникъ „Основы экономики земледѣлія“ (въ трехъ выпускахъ) и цѣнный трудъ „Вліяніе парового транспорта на сельское хозяйство“ (Варшава, 1890 г.). Изъ московскихъ преподавателей юристовъ, несомнѣнно, болѣе всего сдѣлалъ для экономическаго пониманія исторіи М. М. Ковалевскій, но его едва ли можно включить въ составъ соціалъ-политиковъ. Его надобно отнести къ школѣ русскихъ историковъ.

1) Вагнеръ, авторъ безконечнаго числа работъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ. Для него, какъ соціалъ-политика, особенно характерны оба его курса политической экономіи и финансовъ: Grundlegung der politischen Oekonomie. 1. Theil — Grundlagen der Volkswirtschaft, 2 полутома: 2. Theil, Volkswirtschaft und Recht. Особенно интересны — второй полутомъ первой части, гдѣ изложено ученіе о населеніи и вторая часть, гдѣ дано ученіе о собственности и свободѣ; также „Finanzwissenschaft“, четыре громадныхъ тома, въ которыхъ дана теорія финансовъ, законодательство европейскихъ странъ и политика финансовъ.

По вопросу о государственномъ вмѣшательствѣ онъ высказывался такимъ образомъ. По его мнѣнію, расширеніе государственнаго вмѣшательства и проведеніе „общественнаго начала“ никогда не слѣдуетъ дѣлать „безъ разбора,“ „изъ принципа“ за счетъ частно-хозяйственнаго и благотворительнаго начала. Цѣлый рядъ отраслей промышленности, по его мнѣнію, не можетъ существовать безъ руководящей роли предпринимателя, ибо создать планъ хозяйства и разумно его провести можетъ далеко не всякій. Здѣсь нужны знанія, отсутствіе рутины, смѣлость и искренная преданность своему дѣлу, какъ призванію жизни. Случаи, когда государственное вмѣшательство наиболѣе умѣстно, опредѣляются по самому свойству ихъ и стоятъ въ зависимости отъ стадіи развитія, на которой находится общество; здѣсь можно установить только самыя общія положенія. Однако, задачу государства нельзя такъ узко опредѣлять, какъ это дѣлаетъ Смитъ. Можно, напротивъ, утверждать, что съ развитіемъ общества сфера государственнаго воздѣйствія все болѣе и болѣе расширяется. Для проведенія въ жизнь этого вмѣшательства все болѣе и болѣе воспитывается и необходимая бюрократія, и необходимые промышленные руководители. Проведеніе государственнаго начала и дѣятельности всегда справедливо и полезно тамъ, гдѣ a) организація хозяйства за счетъ государства можетъ удовлетворять общественнымъ нуждамъ лучше и дешевле, во всѣхъ отношеніяхъ цѣлесообразнѣе, чѣмъ единичная или даже союзная дѣятельность частныхъ лицъ (напр., почта, желѣзныя дороги, страхованіе и т. п.); b) гдѣ частная инціатива совсѣмъ не можетъ обнаружить свое дѣйствіе по тѣмъ или другимъ причинамъ (стремленіе вызвать къ жизни развитіе производительныхъ силъ, создать культурныя и образовательныя учрежденія, образцовыя техническія хозяйства и проч.): c) государство можетъ взять въ свои руки веденіе такихъ предпріятій, гдѣ требуется единство въ веденіи дѣла; гдѣ предпріятіе общественно-необходимо, хотя и промышленно невыгодно: гдѣ по самому роду дѣла предпріятіе имѣетъ монопольный характеръ или преслѣдуетъ просвѣтительныя или культурныя цѣли, можетъ окупиться только въ теченіи значительнаго періода лѣтъ и при веденіи дѣла на громадномъ пространствѣ и съ очень большимъ капиталомъ; гдѣ самый характеръ хозяйства связанъ съ совмѣстнымъ пользованіемъ всѣхъ членовъ общества (пути сообщенія, рынки и проч.); гдѣ управленіе всѣмъ сложнымъ веденіемъ хозяйства не такъ тѣсно связано съ личными свойствами и способностями предпринимателей.

Тотъ-же Вагнеръ одобряетъ государственное вмѣша-

тельство во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о защитѣ экономически слабѣйшихъ и нѣтъ никакихъ основаній надѣяться на возможность съ ихъ стороны самозащиты. Это вмѣшательство въ отношенія работодателей и рабочихъ необходимо и потому, что только такимъ образомъ могутъ создаться равныя условія соперничества для всѣхъ предпріятій, добросовѣстныхъ и недобросовѣстныхъ. Во всемъ міровоззрѣніи Вагнера замѣтно вліяніе идей Кетлэ, Родбертуса и Маркса. Онъ ближе другихъ стоитъ къ экономическому матеріализму. Его замѣчанія о роли предпринимателя заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Въ спорахъ о крупномъ и мелкомъ хозяйствѣ даже соціалисты должны были признать, что демократія нуждается въ хорошихъ организаторахъ, что всякое расширеніе государственнаго вмѣшательства цѣлесообразно лишь при наличности подходящихъ творческихъ рабочихъ силъ и организаторовъ.

А. Вагнеръ — ученый коллосальный эрудиціи и трудоспособности (род. въ 1835 г.). Онъ былъ въ 1864—68 г. профессоромъ статистики въ Дерптскомъ (нынѣ Юрьевскомъ) Университетѣ. Широкаго и благотворнаго личнаго вліянія на родинѣ (въ Германіи) онъ не имѣлъ благодаря отрицательнымъ свойствамъ своего темперамента. Онъ какъ-то сумѣлъ соединить въ себѣ весьма радикальные взгляды на соціальную реформу съ грубыми проявленіями прусскаго чиновника и филистера. Онъ всегда былъ ярымъ нѣмецкимъ шовинистомъ, славяно-ненавистникомъ, прусскимъ централистомъ, аграріемъ и биметаллистомъ. Издатель и истолкователь сочиненіи Родбертуса — онъ не въ состояніи былъ возвыситься до его благороднаго государственнаго идеализма. Эпоха Бисмарка наложила на него свою тяжелую печать національно-государственнаго своекорыстія. Теорію банковаго, страховаго и бумажно-денежнаго дѣла Вагнеръ знаетъ великолѣпно, изучивъ всю литературу въ Англіи съ 1805 по 1844 г. и другихъ странъ. Классическій трактатъ Вагнера „Русскія бумажныя деньги" былъ переведенъ въ 1871 г. на русскій языкъ Н. Х. Бунге, съ его дополненіями и примѣчаніями, и содѣйствовалъ распространію правильныхъ взглядовъ въ правящихъ сферахъ на злоупотребленія выпусками. Попытка проф. (а потомъ и министра) А. Антоновича въ его книгѣ „Теорія бумажно-денежнаго обращенія" (Кіевъ, 1883 г,) вновь доказать благодѣтельность выпусковъ для спекулятивнымъ цѣлей имѣла только эфетерный успѣхъ въ первые годы министерства г. Витте.

Шмоллеръ [1]), самый умѣренный изъ соціалъ-полити-

1) Изъ многочисленныхъ трудовъ Шмоллера для характеристики его, какъ соціалъ-политика, слѣдуетъ имѣть въ виду: Über einige Grund-

ковъ, менѣе всего склоненъ признавать значеніе матеріализма. Нѣкоторыя изъ его руководящихъ идей можно изложить такимъ образомъ.

Шмоллеръ является большимъ поклонникомъ индуктивнаго и историческаго методовъ. Онъ съ особой симпатіей цитируетъ слова Лассаля: „факты безъ идей всегда имѣютъ нѣкоторую цѣну, идеи безъ фактовъ получаютъ значеніе химеръ.“ Гибельнымъ заблужденіемъ является представленіе, что политическая экономія есть такая наука, которая имѣетъ только логическую функцію дальнѣйшаго разложенія понятій или простыхъ заключеній изъ установленныхъ аксіомъ. Политическая экономія должна быть обоснована на психологическихъ, этическихъ, юридико-философскихъ данныхъ. Лозунгомъ старой англійской экономіи было стремленіе: начинать изслѣдованіе народнохозяйственныхъ явленій съ индивидуума; они думали, что только единичныя явленія доступны наблюденію. Представители исторической школы требовали противоположнаго. Они считали болѣе доступнымъ изученіе коллективныхъ явленій. По мнѣнію Шмоллера, такая постановка неправильна, если она утверждаетъ: или тотъ, или другой методъ. Какъ не существуетъ общаго правила относительно того, исходить ли при всѣхъ изслѣдованіяхъ изъ причины или изъ слѣдствія, также мало въ политической экономіи можно утверждать, что слѣдуетъ всегда исходить отъ индивида или всегда отъ коллективныхъ явленій. *Мы должны всегда исходить отъ извѣстнаго къ неизвѣстному.* Часто начинаютъ точное наблюденіе съ психическихъ качествъ и поступковъ индивидовъ, часто съ психическихъ качествъ и поступковъ человѣческихъ группъ, часто предметомъ перваго наблюденія являются данныя о цѣнахъ, измѣненія хозяйственныхъ состояній, ихъ организаціи, часто другія общественныя массовыя явленія.

Шмоллеръ полагаетъ, что обратно-дедуктивный методъ Д. С. Милля, заимствованный имъ у О. Конта (см. стр. 208 и слѣд.) обратилъ чистую дедукцію Рикардо въ индукцію. Главная опора Д. С. Милля, заставлявшая его въ экономіи предпочитать дедуктивный методъ, а именно положеніе,

---

fragen des Rechts und der Volkswirtschaft (1879); Die Gerechtigkeit in der Volkswirtschaft (1880) и въ особенности 2 тома его курса: Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre (1900 и 1904 г.) Извлеченіе изъ его трудовъ въ Библіотекѣ экономистовъ отмѣчено на стр. 181, прим. 24 іюня 1908 г., въ день 70-лѣтія Г. Шмоллера, цѣлая плеяда профессоровъ поднесла ему особый трудъ: Die Entwicklung der deutschen Volkswirtschaftslehre in XIX Jahrhundert, 2 части, т. е. развитіе политической экономіи Германіи въ XIX вѣкѣ; этотъ трудъ соціалъ-политиковъ его школы заслуживаетъ большаго вниманія.

что всѣ психическія явленія, даже въ ихъ массовомъ дѣйствіи, должно выводить изъ индивидуальной психологіи, по мнѣнію Шмоллера, вѣрно только отчасти. Конечно, пишетъ Шмоллеръ, индивидъ всегда исходный пунктъ психологическаго изслѣдованія, но совмѣстныя и противоположныя другъ другу дѣйствія психическихъ стремленій одинаковыхъ и различныхъ людей — явленіе совершенно особое, которое не можетъ быть сведено къ простому сложенію и вычитанію силъ . . Всякій знаетъ, какъ психическія силы выростаютъ, благодаря чувству единомыслія, въ гораздо болѣе сильной прогрессіи, чѣмъ это соотвѣтствуетъ числу участниковъ: какъ двадцать собраній, состоящихъ каждое изъ 50 разумныхъ людей, которые, совѣщаясь раздѣльно, даютъ разумныя рѣшенія, будучи соединены въ общее собраніе, приходятъ къ совершенно неразумнымъ результатамъ, такъ какъ всякое соединеніе воль въ значительномъ числѣ столько же увеличиваетъ ихъ силу, сколько и нейтрализуетъ ее. Коротко, какъ бы ни было истинно положеніе, что вполнѣ совершенная индивидуальная и массовая психологія даетъ возможность экономіи пользоваться по преимуществу дедукціей, тотъ запасъ истинъ, которымъ располагаетъ психологія въ своемъ современномъ состояніи совершенно недостаточенъ для этой цѣли. Эти истины еще надо найти и частью съ помощью психо-экономическихъ индукцій".

Часто отмѣчаютъ, полагаетъ Шмоллеръ, „что новая школа характерно отличается отъ прежней абстрактно-дедуктивной школы Смита, Рикардо и друг. своимъ отношеніемъ къ государственной дѣятельности въ области народнаго хозяйства." Это справедливо только до извѣстной степени: принципіально экономисты новой школы не возражаютъ противъ вмѣшательства государства, но иногда настаиваютъ на его расширеніи, иногда на ограниченіи. Новое направленіе стремится показать, что народное хозяйство во всемъ его цѣломъ стоитъ въ тѣсной связи съ правомъ, моралью, обычаями даннаго общества и на данной стадіи развитія. То общее, которое связываетъ отдѣльныя единичныя хозяйства въ одно цѣлое, не заключается только въ государствѣ, но лежитъ глубже: это общность языка, исторіи, воспоминаній, обычаевъ и нравовъ, идей, — это міръ общихъ чувствъ, представленій и господство однохарактерныхъ идей, большее и меньшее согласіе всѣхъ психологическихъ стремленій. Изъ этихъ однородныхъ психологическихъ основъ выростаетъ объективно осуществляющійся общій порядокъ жизни; это то, что греки называютъ „этосъ", т. е. кристаллизовавшееся въ правѣ, въ обычаяхъ и въ морали духовно-нравственное самосознаніе, которое оказываетъ вліяніе на всѣ „хозяйственныя дѣйствія общества".

Часто утверждаютъ, что всѣ хозяйственныя дѣйствія не могутъ быть разсматриваемы съ „этической“ точки зрѣнія, ибо они имѣютъ совершенно „техническій“ характеръ. Можно выковать дурно или плохо гвоздь, но съ этической точки зрѣнія это обстоятельство не имѣетъ значенія. Я и самъ, говоритъ Шмоллеръ, это готовъ признать: всякая работа должна быть выполнена цѣлесообразно и больше ничего. Но дѣло въ томъ, что большая часть хозяйственныхъ дѣйствій, изслѣдованіемъ которыхъ занимается политическая экономія, не принадлежитъ къ области индивидуальной, технической дѣятельности; политическая экономія — не технологія: она главнымъ образомъ занимается изслѣдованіемъ отношеній единичныхъ хозяйствъ между собою и къ цѣлому; а при такомъ изслѣдованіи мы имѣемъ дѣло съ дѣйствіями, при которыхъ техническая сторона, если не вполнѣ отступаетъ на задній планъ, но во всѣхъ случаяхъ, при посредствѣ нравственности и права, при посредствѣ „этоса“, она только и получаетъ опредѣленную окраску, форму и направленіе.

„Этосъ“ захватываетъ всѣ естественныя дѣйствія человѣка, т. е. тѣ, которыя онъ обязанъ выполнять по свойствамъ своей природы и потребностей, придаетъ имъ опредѣленный образъ. Этотъ образъ можетъ быть первоначально грубъ, страненъ, чудовищенъ; но въ немъ уже заключается нравственно-эстетическое чувство и разумъ, которые начали упорядочивать жизнь, создавать нормы для простого, естественнаго. Этотъ „этосъ“ представляетъ собою новое открытіе духа въ естественной жизни. Чрезъ него, чрезъ этотъ этосъ или нравы человѣкъ создаетъ въ природѣ новый міръ, міръ культуры. И къ этому міру культуры принадлежитъ также и народное хозяйство[1]).

По инстинкту человѣкъ ѣстъ, нравы побуждаютъ его ѣсть въ опредѣленное время, съ извѣстными формами и орудіями. Холодъ заставляетъ его одѣваться, нравы создаютъ одежду, моду, всѣ виды болѣе изящнаго и благороднаго потребленія. По инстинкту человѣкъ ищетъ себѣ самку, нравы создаютъ бракъ и семью. Руководимый чувствомъ голода, дикарь убиваетъ звѣря, нравы отдаютъ убитое животное въ его исключительную собственность и такъ создается частная собственность и наслѣдованіе. Безъ прочно сложившихся нравовъ не можетъ быть ни рынковъ, ни об-

1) Шмоллеръ отмѣчаетъ, что все его міровоззрѣніе сложилось подъ сильнымъ вліяніемъ Фихте, который впервые, по его мнѣнію, въ своемъ ученіи о хозяйствѣ сдѣлалъ великую попытку примирить право и нравственность съ жизнью. О Фихте см. G. Schmoller. Zur Literaturgeschichte der Staatwiss. und Socialismus., Leip. 1888; Marianne Weber. Fichte's Socialismus und sein Verhältnis zur Marx'schen Doctrin, Tübingen, 1900 г.

мѣна, ни денежнаго оборота, ни раздѣленія труда, ни кастъ, ни рабовъ, ни государственнаго общенія. На всѣ стороны жизни, на всѣ ея области распространяются церемоніи, символы, съ которыми юношеская фантазія народовъ соединяетъ всѣ дѣйствія, что бы тѣмъ какъ бы показать, что не только естественно, не только технически оно должно такъ совершаться, но оно происходитъ по праву, если чрезъ символы народовъ оно вносится въ связный порядокъ систематически установившагося образа жизни. Если мы на низшихъ ступеняхъ развитія нигдѣ не имѣемъ дѣла съ чисто естественными дѣйствіями, то тѣмъ болѣе на высшихъ ступеняхъ культуры.

Простые нравы (Sitte) потеряли свою старую строгость; они расчленились на религію, право, реальные объективные обычаи и свободную нравственность. Это было необходимо для освобожденія личности и культурнаго прогресса. Свободная нравственность, которая находитъ только въ себѣ законъ и правило, до настоящаго времени является руководителемъ только болѣе одаренныхъ и высокихъ натуръ. Масса же и теперь въ большинствѣ своихъ хозяйственныхъ дѣйствій руководится нравами и правомъ. Противоположность между правомъ и нравами не заключается въ томъ, что право принудительно регулируетъ отношенія людей: нравы предоставляютъ его дѣйствія произволу. Въ первомъ случаѣ узда, сдерживающая людей, имѣетъ опредѣленное значеніе, во второмъ болѣе эластичное, но отнюдь не произвольное. И такъ, несмотря на такое расчлененіе „этоса“, основа осталась та же. Нигдѣ не встрѣчаемся мы съ чисто-естественными потребностями, но вездѣ мы имѣемъ дѣло съ потребностями, созданными культурой: нигдѣ мы не имѣемъ дѣла съ чисто техническими хозяйственными процессами, но съ процессами, которые регулируются обычаями, привычнымъ образомъ дѣйствій, нравами и правомъ. Сила народовъ вообще, а также и ихъ экономическая сила, покоится на запасѣ ихъ общественнаго чувства, на ихъ способности подчиняться общимъ нормамъ и общественнымъ учрежденіямъ. Въ общественной жизни всего яснѣе обнаруживается все, что возвышаетъ человѣка надъ животнымъ — разумъ и нравственное чувство.

„Если это такъ, говоритъ Шмоллеръ, то мы должны поставить себѣ вопросъ, какой выводъ мы должны сдѣлать изъ всего сказаннаго для тѣхъ проблемъ, которыя имѣютъ отношеніе къ организаціи хозяйства, т. е. къ вопросу о томъ, какъ опредѣляется у даннаго народа совмѣстная работа единичныхъ хозяйствъ и раздѣленіе добытаго дохода. Отвѣтъ простъ (?). Хозяйственная организація каждаго народа есть не что иное, какъ описанный выше порядокъ хозяйственной

жизни; она находитъ свое главнѣйшее выраженіе въ этическихъ нормахъ, въ хозяйственныхъ обычаяхъ и въ экономическомъ правѣ каждаго народа. И при этомъ она выражается не только въ главнѣйшихъ правовыхъ институтахъ, какъ рабство, крѣпостное право, феодализмъ, свобода промышленности, аграрное устройство, но также и во всѣхъ болѣе второстепенныхъ организаціонныхъ вопросахъ. Даже тамъ, гдѣ не имѣется никакого положительнаго права, всякое хозяйственное состояніе покоится на нормахъ, которыя входятъ въ жизнь, какъ нравы и обычаи". Шмоллеръ и его ученики, поэтому стали обращать большое вниманіе на психологическій анализъ человѣческой природы, на общія культурныя условія въ разныя эпохи человѣческой исторіи— заслуга не малая, ибо понять жизнь во всѣхъ ея краскахъ задача высокая и благородная. Горожанинъ и феодалъ среднихъ вѣковъ и тѣ же типы промышленника и помѣщика въ наше время, конечно, не одно и тоже. Религіозныя настроенія въ средніе вѣка и въ наше время имѣютъ совершенно разное значеніе и вліяніе, хотя общая основа ихъ и осталась той же.

Всѣ эти соображенія объ этическихъ основахъ хозяйства приводятъ Шмоллеръ къ мысли о необходимости желать и стремиться къ осуществленію „новаго хозяйственнаго этоса" и новаго хозяйственнаго законодательства. „Мы, пишетъ онъ, устранили промысловое и аграрное законодательство 16—18 вѣка вовсе не потому, что мы перестали нуждаться во всякихъ ограниченіяхъ права въ нашей хозяйственной дѣятельности, но только потому, что прежде всего намъ необходимо было какой бы то ни было цѣною освободиться отъ права, которое было нужно совсѣмъ для другого времени, создалось при господствѣ другой техники и подъ вліяніемъ давно пережитыхъ культурныхъ идей, нравовъ и потребностей. Очень много ограниченій мы разорвали только для того, чтобы послѣдовательно въ другихъ мѣстахъ создать новыя ограниченія права, которыя соотвѣтствуютъ нашей техникѣ и нашимъ культурнымъ идеямъ и потребностямъ. Наше строительное право, водяное, горное, наше фабричное законодательство, наши законы относительно рабочаго договора, санитарное законодательство относительно вредныхъ и опасныхъ предпріятій, относительно банковаго дѣла, желѣзныхъ дорогъ, акціонерныхъ компаній, наше новое налоговое законодательство — не оставляютъ повода къ сомнѣніямъ по этому предмету. Да, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ въ наше время эти ограниченія должны быть проведены и еще далѣе . . . Стремленіе къ хозяйственной свободѣ остается при этомъ естественно вполнѣ важнымъ элементомъ, цѣлью, работать для которой человѣчество ни-

когда не перестанетъ. Всякій принудительный законъ долженъ имѣть тенденцію къ упраздненію самого себя: онъ долженъ такъ воспитать людей, чтобы они могли, въ концѣ концовъ, обходится безъ костылей принудительнаго закона. Въ стремленіи къ свободѣ выражается это желаніе, — желаніе, до осуществленія котораго такъ же далеко, какъ и до пріобщенія всѣхъ людей къ высшимъ благамъ культуры" (см. приложеніе).

Въ нѣмецкихъ ученыхъ кругахъ Шмоллеръ имѣлъ и сохраняетъ до нынѣ громадное вліяніе. Его ученики завладѣли большинствомъ каѳедръ въ германскихъ университетахъ. Онъ консервативнѣе А. Вагнера, но его консерватизмъ откровеннѣе, въ немъ нѣтъ грубости, онъ сглаживается воспоминаніями объ идеалистическихъ вліяніяхъ Фихте. Идеализмъ Шмоллера — часто переходитъ въ оптимистическое настроеніе человѣка, стоящаго вдали отъ реальныхъ страданій народныхъ массъ. Вагнеръ болѣе способенъ цѣнить великое значеніе „британской догматики", у Шмоллера теорія отходитъ совсѣмъ на заднiй планъ. Шмоллеръ — поклонникъ В. Рошера, онъ любитъ историко-статистическія изслѣдованія, но боится широкихъ творческихъ обобщеній, забывая, что „идея", какъ говорилъ О. Контъ, творческое обобщеніе, иногда даже одностороннее, бросаетъ яркія лучи свѣта даже при собираніи матеріала. Онъ не могъ понять Маркса, односторонность котораго освѣжила застоявшееся болото чистаго историзма.

Л. Брентано[1]) не столько вѣритъ въ государственное вмѣшательство и преобразованіе общественнаго этоса, сколько въ профессіональную организацію рабочихъ и предпринимателей. По его идеѣ, общество само должно въ предѣлахъ отдѣльныхъ классовъ чрезъ борьбу и компромиссы борящихся создать новую промышленность и новыхъ людей. Государство здѣсь можетъ быть только помощникомъ и покровителемъ. Въ законодательной реформѣ условій рабочаго договора Брентано видитъ настоятельную нужду нашего времени (см. приложеніе).

Эти три точки зрѣнія: необходимость расширенія государственнаго вмѣшательства, т. е. превращеніе конституціоннаго государства естественной свободы, создавшагося на почвѣ индивидуалистической экономіи, въ государство,

1) Наиболѣе характерны для Брентано, какъ соціалъ-политика: Die Arbeiter-Gilden der Gegenwart, 2 тома 1871—72 г.; Ueber das Verhältnis von Arbeitslohn und Arbeitszeit zur Arbeitsleistung 1876 г., есть рус. пер.: статья о рабочемъ вопросѣ въ учебникѣ Шенберга; Arbeitsleistung und Fortbildung des Arbeitsvertrags, изд. союза соціальной политики подъ редакціей Брентано 1890 г. и друг. Полемика Брентано противъ классической школы и Маркса была и несправедлива, и поверхностна.

преслѣдующее соціальныя цѣли, пропаганда новыхъ этическихъ соціальныхъ началъ, профессіональная организація и компромиссы борящихся классовъ — наиболѣе характерны для всѣхъ соціалъ-политиковъ [1]).

§ 2. Какъ я уже отмѣтилъ выше, эта школа „соціалъ-политиковъ" создалась подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни. Волей не волей, но государствамъ пришлось приняться за преобразованіе права, созданнаго индивидуалистической доктриной.

Фабричное законодательство стало принимать все болѣе сложную форму; на смѣну индивидуальныхъ договоровъ предпринимателей все болѣе и болѣе начали вырабатываться коллективныя соглашенія работодателей и рабочихъ. Обнаружились стремленія создать новыя учрежденія для разрѣшенія споровъ между капиталомъ и трудомъ. Германія обратила на себя общее вниманіе своими законами 1883—89 г. о страхованіи на случай болѣзни, старости и инвалидности. Все болѣе и болѣе становятся необходимыми реформы въ законодательсвѣ о союзахъ, стачкахъ, потребительныхъ и промышленныхъ товариществахъ, о трестахъ и картеляхъ, объ отвѣтственности предпринимателей въ случаяхъ поврежденія здоровья и работоспособности рабочихъ [2]) и проч.

Земельное законодательство потребовало также реформы и даже Англія стала заботиться о развитіи мелкаго землевладѣнія чрезъ нормированіе арендныхъ договоровъ и принудительное отчужденіе владѣльческой земли [3]). Свободная тор-

1) Въ зависимости отъ „политическаго настроенія" отдѣльныхъ писателей среди соціалъ-политиковъ можно найдти представителей цензоваго начала или всеобщаго избирательнаго права, защитниковъ соціальный монархіи или республики, системы одной или двухъ палатъ, женскаго избирательнаго права или пропорціональнаго представительства. Это „политическое настроеніе" отдѣльныхъ соціалъ-политиковъ въ значительной мѣрѣ (вѣрнѣе почти всегда) обусловливается условіями мѣста и времени и самымъ характеромъ „соціальной политики", которую, соотвѣтственно своей классовой позиціи, пытается провести въ жизнь данный представитель этого направленія. См. очень характерное для школы соціалъ-политиковъ и интересное сочиненіе проф. Г. Геркнера. Рабочій трудъ въ Западной Европѣ, р. пер., Спб., 1899 г.

2) Разсмотрѣніе всѣхъ этихъ вопросовъ будетъ сдѣлано мною въ подготовляемомъ къ печати трудѣ: „Основныя вопросы обрабатывающей промышленности и организаціи труда въ концѣ XIX в. и въ наши дни" (появится не ранѣе 1910 г.).

3) Въ этотъ же періодъ съ 1875 по 1908 г. и русское народничество пережило свою послѣднюю драму. Въ 1883 г. по его почину основанъ Крестьянскій Банкъ, скоро вызвавшій появленіе и Дворянскаго Банка въ 1886 г. Народничеству съ 1905 г. пришлось вести борьбу противъ Крестьянскаго Банка, на который этимъ теченіемъ русской жизни возлагались такія надежды. Крестьянскій Банкъ неукоснительно поощрялъ развитіе индивидуальной частной собственности. Въ 1897 г.

говля стала смѣняться протекціонизмомъ. Однимъ словомъ, новая политическая организація народовъ не только не сократила задачъ законодательства, но безконечно ихъ расширила. Невольно возникаетъ вопросъ: дали ли намъ какой либо опредѣленный отвѣтъ проповѣдники соціальной политики?

Мы знаемъ, что по почину Германіи, которая въ 1879 г. создала своеобразный автономный тарифъ, защищавшій высокими ввозными пошлинами не только ея промышленность, но и земледѣліе и въ тоже время стремившійся имѣть и фискальное значеніе, вся Европа вновь огородилась таможенными пошлинами; многіе страны, въ особенности Германія и Франція, своими аграрными пошлинами вновь перешли къ системѣ „дорогого хлѣба". Къ концу вѣка только и можно было слышать о боевыхъ пошлинахъ, таможенныхъ войнахъ, автономныхъ тарифахъ, о попыткахъ народовъ соединиться во враждебныя группы. На континентѣ Европы усердно проповѣдовалась идея среднеевропейскаго союза для борьбы съ Россіей и Америкой. Англія переживала время тяжелой политической борьбы. Въ ея предѣлахъ возникла мысль покинуть свободную торговлю и

весь цвѣтъ русскаго народничества написалъ книгу „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства" подъ редакціей проф. А. И. Чупрова и А. С. Постникова, въ которой народники искренно старались доказать благодѣтельность системы дешеваго хлѣба и низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ при наличности почти натуральнаго, потребительнаго крестьянскаго хозяйства. Министерство Финансовъ С. Витте, издавшее эту книгу, имѣло въ виду, повидимому, совсѣмъ другія цѣли. Для него эта книга была нужна, чтобы защитить протекціонизмъ обрабатывающей промышленности и интересы развивающагося капитализма (по формулѣ: дешевый хлѣбъ — дешевый работникъ, ср. ученіе Рикардо), возможность существованія котораго отрицали съ такимъ безнадежнымъ упорствомъ гг. В. В. и Николай — онъ. Историческій процессъ и здѣсь принесъ народникамъ одно разочарованіе. Капитализмъ пышно развивался и Россія со слѣдующаго же 1898 года вступила въ стадію повышающихся хлѣбныхъ и земельныхъ цѣнъ. Черезъ восемь лѣтъ, въ 1905 г. народничество, пытаясь опереться въ своихъ уже политическихъ стремленіяхъ на крестьянство, создало земельный проэктъ, близкій къ національзаціи земли, который окончилъ свою исторію выборгскимъ процессомъ и закономъ 9 ноября 1907 г., разрушающимъ общину, и съ дополненіями выработаннымъ парламентомъ, провозглашающимъ переходъ къ частной собственности общинъ, гдѣ передѣлы не совершались въ теченіи 24-хъ лѣтъ, замѣняющимъ семейную собственность — индивидуальной. Этотъ законъ порываетъ, такимъ образомъ, связь съ той политикой, которая 16 марта 1886 г. создала мертворожденный законъ, поставившій даже семейные раздѣлы въ зависимость отъ приговоровъ сельскихъ сходовъ. Удастся ли народничеству ввести ограниченія въ этотъ законъ, хотя бы въ духѣ нѣмецкихъ аграръ-политиковъ, которыхъ ранѣе они такъ порицали, покажетъ будущее. См. напр. характерную для современнаго народничества статью М. Ковалевскаго. Что готовитъ намъ раздѣлъ мірскихъ земель, Рус. Вѣдом. 1908 г., № 278, также наши замѣчанія на стр. 429—433.

замкнуться со своими колоніями въ одинъ промышленный союзъ.

Какими кровавыми опасностями грозитъ намъ это новое направленіе европейской политики? Не нарождается ли на нашихъ глазахъ новый, дикій, жестокій, вооруженный всѣми чудесами современной техники и вооруженія меркантилизмъ, въ кровавыхъ потокахъ борьбы котораго можетъ быть будетъ суждено заглохнуть и европейской цивилизаціи? Въ такой моментъ невольно приходится задать вопросъ, куда же человѣчество идетъ, не вступило ли оно на ложный и опасный путь, нельзя ли во время направить силы его въ другую сторону или вѣрнѣе не должно ли оно въ ближайшемъ же будущемъ само вступить на иной и болѣе спасительный путь? Возможенъ ли такой поворотъ назадъ къ замкнутости и, если нѣтъ, то какое руководящее начало, и притомъ единое, можетъ дать наука для политика, какъ въ предѣлахъ экономическаго государства, такъ и внѣ его.

Одинъ изъ хорошихъ знатоковъ европейской торгово-промышленной политики Александръ Матлековичъ [1]) убѣжденъ, что поворотъ назадъ невозможенъ. Онъ пишетъ: „общій ходъ развитія, тенденція научнаго знанія, прогрессъ физическихъ знаній — все это требуетъ свободнаго движенія. Эти факторы не знаютъ національныхъ принциповъ, они не удовлетворяются узкими границами государства. Тщетно поднимаютъ таможенныя пошлины, международный обмѣнъ товаровъ требуетъ своей міровой области и, если онъ не получитъ ее добровольно, онъ воспользуется силой, онъ разрушитъ тѣ существа и ожиданія, которыя могли бы процвѣтать и развиваться при свободномъ обмѣнѣ . . . Если бы стремленіе отгородиться отъ мірового хозяйства таможенными пошлинами было присуще только одному государству, если бы примѣръ его не былъ заразителенъ, тогда, быть можетъ, это стремленіе не было бы такъ вредно, даже для изолирующаго себя государства. Крупный механизмъ мірового хозяйства, быть можетъ, могъ бы при столь маломъ нарушеніи работать безпрепятственно. Но система всеобщихъ таможенныхъ пошлинъ, постоянная взаимная конкурренція въ изобрѣтеніи средствъ защиты себя отъ внѣшнихъ силъ, это неизбѣжно должно привести къ бѣдствіямъ“.

---

1) A. v. Matlekovits. Die Zollpolitik der Oest.-Ung. Monarchie und des deutschen Reiches seit 1868, Leipzig, 1891., стр. 812—816; не мѣшаетъ помнить также, что сравнительно съ періодомъ 1896—99 г. повсемѣстно началось повышеніе цѣнъ съ 1902 г. Въ 1895—7 г. цѣны стояли на наиболѣе низкой нормѣ. Въ Соед. Штатахъ цѣны на сырье и фабрикаты въ 1907 г. стояли на 44,4 % выше цѣнъ 1897 г. см. Bull. of the Bureau of Labor, мартъ, 1908 г.; выше стр. 449.

Немудрено, поэтому, что человѣчество жадно ищетъ отвѣта на вопросъ, куда насъ влечетъ невѣдомый потокъ исторіи? Со всѣхъ сторонъ обращаются къ экономистамъ и требуютъ указанія или, по крайней мѣрѣ, поясненія того пути, по которому идетъ и должно идти экономическое развитіе. И этотъ отвѣтъ тѣмъ болѣе необходимъ, что новая политическая экономія, которая со средины прошлаго вѣка старательно заботилась похоронить и предать забвенію ученія классиковъ начала прошлаго вѣка, должна же была дать новое „крылатое слово", которое могло бы служить лозунгомъ для новыхъ поколѣній. И она дала его, но, увы, какъ увидимъ, крылатое слово этой школы оказывается хотя, и многообѣщающимъ, но очень неопредѣленнымъ и неяснымъ.

Много лѣтъ тому назадъ, а именно, еще въ 1887 г. А. Вагнеръ[1]) заявилъ: „мнѣ кажется по цѣлому ряду ярко выраженныхъ симптомовъ, по наличности насущнѣйшихъ потребностей, что начинается новая „соціальная эпоха". Мы живемъ въ началѣ этой эпохи . . . Эту новую эпоху съ полнымъ основаніемъ слѣдуетъ назвать соціальной, ибо въ этотъ періодъ пріобрѣтаютъ господство „опредѣленныя соціальныя идеи" относительно производства, распредѣленія и связанныя съ ними представленія объ экономическомъ и соціальномъ положеніи населенія".

Для Вагнера даже современный протекціонизмъ является выраженіемъ этой „соціальной идеи": онъ вмѣстѣ съ Родбертусомъ охотно назвалъ бы „свободную торговлю", если подъ послѣдней понимать систему полнаго и свободнаго соперничества во всѣхъ областяхъ экономической жизни, шагомъ назадъ — „къ варварству". Но такъ ли? Можно ли сказать, что слово новой исторической школы такъ „опредѣленно", нашла ли она тотъ единый принципъ, который можетъ руководить политикомъ, который онъ обязанъ имѣть въ виду при регулированіи производства и обмѣна матеріальныхъ благъ, этого основного фактора нашей современной промышленной жизни?

Другой выдающійся экономистъ той же исторической школы, десять лѣтъ спустя, а именно, А. Шефле[2]), поста-

1) См. его брошюру — Finanzwissenschaft und Staatssocialismus. стр. 67—9.

2) Über den wissenschaftlichen Begriff der Politik, Zeitschrift für die gesam. Staatswiss., B. 53, 1897. Хотя Шевле и не признаетъ абсолютнаго идеализма, абсолютной идеи справедливости и полагаетъ, что идеи и соціальныя идеалы выростали въ соціальной борьбѣ за существованіе, но въ тоже время онъ утверждаетъ, что существуютъ общіе „идеальные интересы" въ борьбѣ, что эти „общіе интересы" составляютъ основу прогресса, предвидѣнія и реформы. Въ идеализмѣ Шефле, однако, величайшая путаница см. его Bau und Leben des Socialen Körpers. 2 т., второе изданіе 1900 г.

вилъ тотъ же вопросъ: „что же въ самомъ дѣлѣ такое политика, политика въ научномъ смыслѣ этого слова? По первому впечатлѣнію, пишетъ онъ, этотъ вопросъ кажется банальнымъ. Но подобно старому вопросу священной исторіи: что есть истина?, этотъ вопросъ можетъ показаться глупымъ только для глупыхъ“.

Исторія, по образному выраженію этого писателя, — „conservatio continua creatio“: для каждаго періода человѣческой исторіи политикъ долженъ указать, „какъ достигнуть, создать, сохранить и при случаѣ вновь приспособить и преобразовать то единство и сочетаніе государственныхъ силъ и воль, при посредствѣ котораго можно достигнуть развитія цѣлаго въ единичномъ, единичнаго въ цѣломъ, вырваться вонъ изъ предѣловъ существующаго для проникновенія въ будущее, дать возникнуть новому изъ наличнаго, настоящаго, памятуя при этомъ, что научная политика можетъ представлять собою развитіе только въ предѣлахъ государственнаго“ . . . Вонъ изъ предѣловъ существующаго! Это смѣло и хорошо сказано, но весь вопросъ въ томъ, куда и какъ?

Историческая школа въ Германіи считаетъ своей главной заслугой то, что она укоренила въ умахъ эту увѣренность въ возможность видоизмѣненія сущаго и въ особенности въ томъ, что всякое данное общество само творецъ своей исторіи.

Не всѣ въ предѣлахъ соціалъ-политиковъ являются такими государственниками, какъ Шефле. Почти всѣ или, по крайней мѣрѣ, большинство сторонниковъ этой школы признаютъ, что прогрессъ и развитіе могутъ быть только въ предѣлахъ государственнаго и междугосударственнаго общенія, но они знаютъ, что и государство не все можетъ, что его политика не является только результатомъ ему присущихъ силъ, но и тѣхъ, которыя воплощаются въ обществѣ, въ его организованныхъ силахъ: исторически сложившихся классахъ.

Возникаетъ вопросъ, воспринявъ эту идею о возможности государственно-общественнаго видоизмѣненія и улучшенія сущаго, дала ли эта школа какой либо принципіальный отвѣтъ, который вытекалъ бы изъ анализа обмѣна, какъ это было съ классиками?

Еще въ 1878 г. Гансъ фонъ Шеель писалъ[1]), что „экономическая политика исторической школы разбивается обыкновенно на разсмотрѣніе частныхъ вопросовъ и ограничивается указаніемъ отдѣльныхъ практическихъ мѣро-

1) См. Unsere socialpolitischen Parteien, 1878, стр. 178.

пріятій". А. Вагнеръ [1]), разумно признавая за Британской догматикой и теоріей великое и вѣчное значеніе, откровенно и много разъ признаетъ, что та школа, къ которой и онъ принадлежитъ, „слишкомъ квіетистична и ограничивается только симптоматическимъ лѣченіемъ". Въ 1891 г. онъ откровенно признаетъ, что обыкновенно бываетъ очень неясно, что понимаютъ подъ „соціально-политической точкой" зрѣнія, взглядами и соображеніями и это зависитъ „отъ присущей практикамъ, законодателямъ, а также и ученымъ кругамъ, въ особенности въ предѣлахъ исторической школы, неспособности или боязни разсматривать хозяйственные и соціально-политическіе вопросы „принципіально". Онъ сознаетъ необходимость такого принципіальнаго рѣшенія вопросовъ теоріи и политики, ибо „безъ него мы получаемъ только оппортунистическое колебаніе въ ту или другую сторону".

Зомбартъ [2]), одинъ изъ способныхъ учениковъ Шмоллера, бросаетъ еще болѣе тяжкое, но справедливое обвиненіе своему учителю и въ особенности всему правому крылу исторической школы т. е. соціалъ-политикамъ этическаго направленію, утверждая что „вся роль этого направленія заключается въ задерживаніи естественнаго процесса развитія", а самой историко-этической школѣ „присуща тенденція разрозненности, безсистемности, казуистики, политики сегодняшняго дня, эклектики". Онъ справедливо замѣчаетъ, что и Вагнеръ своей магической формулой для соціальной политики вовсе не внесъ въ нее много свѣта, не положилъ въ основу ея какое нибудь реальное принципіальное начало.

Вагнеръ „подъ соціальной политикой" понимаетъ ту политику государства, которая средствами законодательства и управленія стремится устранить неправильности въ области распредѣлительнаго процесса, или, выражаясь другими его словами, это — „корректура результатовъ распредѣлительнаго процесса въ частнохозяйственной системѣ". Вся жизнь и дѣятельность Вагнера блестяще показываетъ, какъ скользка и неопредѣленна эта формула: „корректура (упорядоточеніе) неправильностей распредѣлительнаго процесса". Самъ Вагнеръ представляетъ любопытную фигуру ярого націоналиста и милитариста, юдофоба, аграрія и биметалиста, защитника средне — европейскаго таможеннаго союза [3]).

---

1) См. Grundlegung d. P. Oe., 3-е изд., I B., стр. 50, также Über sociale Finanz- und Steuerpolitik, Archiv für Soz. Ges. und Staatsw. B. IV, 1891 г.

2) Ideale der Socialpolitik, тотъ же Archiv, B. 7, 1897 г.

3) Аграрныя тенденціи Вагнера ярко сказались въ его политической брошюрѣ — Agrar- und Industrie-Staat (Jena, 1901).

Его выдающемуся товарищу по Берлинскому Университету Шмоллеру дѣлаютъ еще болѣе тяжкіе упреки: онъ хотѣлъ отсрочить введеніе государственнаго страхованія рабочихъ, былъ противъ распространенія защиты рабочаго законодательства на земледѣльческихъ и ремесленныхъ рабочихъ, рисуя розовыми красками якобы патріархальность отношеній въ этихъ отрасляхъ промышленности, для земледѣльческихъ рабочихъ онъ считалъ возможнымъ примѣненіе уголовнаго закона при нарушеніи договора, былъ противъ признанія правомъ профессіональныхъ и рабочихъ союзовъ, высказывался за законъ противъ соціалистовъ, который былъ принятъ въ 1878 г. Рейхстагомъ 221 голосомъ противъ 149 [1]).

Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы показать, что Вагнеръ правъ: для упорядотачивающей руки нужна „принципіальная точка зрѣнія".

Въ самое послѣднее время один изъ выдающихся представителей нѣмецкой исторической школы проф. Филипповичъ попытался обработать въ систематическомъ видѣ ученіе объ экономической политикѣ: въ небольшомъ, осторожномъ введеніи къ своему курсу экономической политики онъ сказалъ въ сущности то, что безконечное число разъ повторялось его единомышленниками въ ихъ многочисленныхъ трудахъ по отдѣльнымъ вопросамъ.

Раскрывъ отмѣченный курсъ Филипповича, не трудно убѣдиться, что Зомбартъ правъ. Сопоставивъ, однако, съ этимъ ученіемъ взгляды самого Зомбарта, мы также убѣдимся въ томъ, что якобы „новое слово", сказанное суровымъ критикомъ историко-этической школы, столь же старо и неопредѣленно, чтобы служить руководящимъ началомъ соціальной политики. Недаромъ и самъ Филипповичъ, въ примѣчаніи, замѣчаетъ, что по существу онъ согласенъ съ Зомбартомъ. Сопоставимъ же взляды этихъ двухъ ученыхъ и посмотримъ, не дастъ ли намъ это сопоставленіе какихъ либо полезныхъ результатовъ.

„Подъ народохозяйственной политикой Филипповичъ [2])

---

1) Этотъ законъ только временно задержалъ развитіе соціалъ-демократіи. На выборахъ въ Рейхстагъ въ 1881 г. партія получила 311 т. голосовъ (въ 1877 г. — 486 т.); въ 1884 г. она получила 549 т., въ 1887 г. — 763 т., въ 1890 — 1.427 т. Осенью этого года правительство отказалось отъ продленія этого исключительнаго закона.

2) Philippovich, Volkswirtschaftspolitik, Freiburg, 1899 г., стр. 1, 8, 15, 16, 17, 18. „Нельзя, полагаетъ онъ, установить формальнаго единства экономической политики. Это единство можетъ быть установлено только тѣмъ, что переходъ къ лучшему, болѣе совершенному снабженію матеріальными благами всегда будетъ сопровождаться съ возможно большимъ сохраненіемъ существующихъ интересовъ" — другими словами, единство политики въ постоянствѣ компромисса.

понимаетъ совокупность тѣхъ дѣйствій, мѣръ и учрежденій, при посредствѣ которыхъ люди, какъ единичныя личности или какъ организованныя группы „сознательно“ стремятся къ развитію народнаго хозяйства. Народное хозяйство составляетъ закономѣрно связанное цѣлое во всѣхъ своихъ частяхъ; экономическая политика неизбѣжно должна дѣйствовать въ трехъ направленіяхъ. Она должна заботится: 1. о развитіи производства, 2. объ усовершенствованіи хозяйственной организаціи, 3. споспѣшествовать (fördern) справедливому образованію достаточныхъ доходовъ и разумному ихъ потребленію. Мало имѣется мѣръ экономической политики, которыя одновременно не распространялись бы на три эти области. Это относится и къ политикѣ доходовъ, такъ какъ она оказываетъ вліяніе на возвышеніе производительности, на увеличеніе работоспособности населенія чрезъ сохраненіе и развитіе его жизненныхъ силъ, а также и на правильный ходъ производства чрезъ созданіе возможности равномѣрно протекающаго потребленія“.

Филипповичъ полагаетъ, что „единая цѣль народнохозяйственной политики заключается въ преслѣдованіи общаго блага“ [1]), но въ тоже время заявляетъ, что „о единствѣ экономической политики и всѣхъ составляющихъ государство группъ въ смыслѣ согласія ихъ непосредственныхъ цѣлей и интересовъ не можетъ быть и рѣчи“. Остается поэтому одинъ путь — политика компромисса разнообразныхъ интересовъ, а, слѣдовательно, и постоянныхъ колебаній то къ выгодамъ однихъ, то другихъ общественныхъ группъ. „Государственная экономическая политика, пишетъ Филипповичъ, должна тамъ, гдѣ обнаруживается полное противорѣчіе интересовъ, заботиться о смягченіи (Milderung) дѣйствія экономическихъ силъ по отношенію къ подавляемому интересу. Гдѣ они находятся во взаимной зависимости, она должна стремиться сохранить относительное равновѣсіе (d. Verhältnissmässigkeit zu wahren), гдѣ противорѣчія совершенно неразрѣшимы, она будетъ стараться такъ сопоставить эти интересы, чтобы произошло наименьшее количество вредныхъ послѣдствій. И государство не имѣетъ возможности дѣлать всѣмъ благое; оно выбираетъ и взвѣшиваетъ, но въ его задачу всегда входитъ облегченіе судьбы тѣхъ, которые являются жертвами прогрессирующаго развитія“.

---

1) Dr. J. Conrad (см. Grundriss, II Theil, Volkswirtschaftspolitik, стр. 1) еще неопредѣленнѣе намѣчаетъ идеалъ соціальной политики: „das Endziel, говоритъ онъ, muss für Staat und Gesellschaft dahin gerichtet sein, bei einer so grossen Zahl von Staatsangehörigen als möglich das Gefühl der Zufriedenheit (εὐδαιμονία) herbeizuführen, т. е. задача политики создать чувство довольства среди наибольшаго количества людей!

Всякому ясно, что проф. Филипповичъ сознательно отказывается найти какое нибудь принципіальное рѣшеніе вопроса. Его политика есть политика разнородныхъ совмѣстно существующихъ классовъ, противорѣчивыхъ въ своихъ интересахъ, подъ руководительствомъ государства, на знамени котораго написано „общее благо“, т. е. представленіе, которое толкуется очень различно и во имя котораго совершено не мало преступленій въ исторіи человѣчества. Немного же подвинулась историческая школа сравнительно съ началомъ 18-го и 19-го вѣка! Вѣдь и Ахенваль училъ, что государственный интересъ, внутренній и внѣшній, т. е. экономическая политика есть „совокупность мѣръ, которыя государство принимаетъ для поддержанія порядка и благосостоянія внутри государства и безопасности внѣ его“. Мальтусъ также писалъ: „богатство страны, ея могущество, обильное населеніе, все это существуетъ для единой законной и великой цѣли: для увеличенія, обезпеченія счастія и добродѣтели человѣческихъ существъ“.

Счастье, добродѣтель, естественное право, „культурныя цѣнности“, народное благо, патріотизмъ, „увеличеніе соціальной солидарности“, какъ теперь любятъ писать французы, и много другихъ хорошихъ словъ можно услышать изъ устъ практическихъ политиковъ и философовъ, но отъ словъ до дѣла всегда непроходимая пропасть. Не всякое хорошее слово становится реальнымъ принципомъ, основой дѣйствій въ практической дѣйствительности; философы только обѣщаютъ намъ найдти „абсолютныя начала“ разумной, счастливой, полной и красивой человѣческой жизни; объективный же голосъ исторіи говоритъ намъ, что эти обѣщанія останутся обѣщаніями, что всякая историческая эпоха имѣетъ свои цѣли и идеалы, свои средства къ ихъ достиженію, что на прошлое мы часто смотримъ, и нерѣдко ошибочно, только съ точки зрѣнія цѣлей непосредственнаго — настоящаго!

Экономія должна остаться положительной наукой, а потому цѣли и средства, которыя она рекомендуетъ, должны быть реальны, жизненны, осязаемы.

Построеніе Зомбарта въ этомъ отношеніи гораздо свѣжѣе и искреннѣе, но онъ обходитъ самый коренной вопросъ: не показываетъ своего отношенія къ частной собственности, какъ бы считая этотъ вопросъ входящимъ только въ теорію распредѣленія.

Во первыхъ, Зомбартъ признаетъ за каждымъ право имѣть особое общественное міровоззрѣніе и свой философскій идеалъ. И въ этомъ отношеніи онъ, конечно, правъ: человѣку должна быть предоставлена свобода выбора въ томъ, что человѣчно и касается его одного. Всегда, поэтому, найдутся люди, для которыхъ тотъ или иной „категориче-

скій императивъ“ будетъ реальной движущей силой всей жизни. Этотъ „категорическій императивъ“ можетъ стоять внѣ всякой зависимости отъ идеала экономической и соціальной политики, который долженъ быть выработанъ на почвѣ научнаго, объективнаго изученія экономической дѣйствительности и условій ея развитія.

Во вторыхъ, подъ *„хозяйственной политикой“* Зомбартъ понимаетъ такую политику, которая оказываетъ вліяніе на хозяйственную жизнь и регулируетъ ее; подъ хозяйственной жизнью — совокупность тѣхъ соціальныхъ явленій, которыя вытекаютъ изъ производства, распредѣленія и потребленія матеріальныхъ вещей.

Подъ *„соціальной политикой“* онъ понимаетъ ту совокупность мѣръ хозяйственной политики, которыя имѣютъ своею цѣлью или своимъ послѣдствіемъ *сохраненіе, развитіе или видоизмѣненіе* опредѣленныхъ хозяйственныхъ системъ или составныхъ ихъ частей [1]).

Въ третьихъ, самостоятельный идеалъ соціальной политики сводится къ единому, всеобщему, охватывающему всѣ стороны хозяйственной жизни, стремленію — установить такую хозяйственную систему, при которой достигается наивысшая производительность общественнаго труда, т. е. для общества получается возможность или мало работать, или много производить. Идеаломъ соціальной политики является не наивысшій размѣръ производства по количеству продукта или чистаго дохода (ренты и прибыли), не употребленіе наилучшихъ техническихъ пріемовъ производства или перевозки, а *„наилучшая организація общественнаго труда съ наилучшими техническими орудіями“*. Идеалъ соціальной политики — „производственный идеалъ“.

Въ четвертыхъ, по мнѣнію Зомбарта, „совокупные интересы“ отдѣльнаго сообщества, скажемъ государства, имѣются

1) Такъ, мы можемъ, согласно Бюхеру, поясняетъ Зомбартъ, различать домашнее хозяйство, городское мѣновое хозяйство, капиталистическое мѣновое хозяйство и еще четвертое соціалистическое „Eigenwirtschaft“, — самодовлѣющее хозяйство. Первые три системы существуютъ въ современныхъ культурныхъ государствахъ рядомъ. Къ нимъ примыкаютъ соціальные классы: юнкерство и крестьянство, какъ представители различныхъ формъ первобытнаго домашняго хозяйства; мѣщанство, какъ представитель городского мѣнового хозяйства, буржуазія, какъ выразительница классового господства въ капиталистическомъ хозяйствѣ съ ея монархически-консервативнымъ настроеніемъ и, наконецъ, пролетаріатъ съ его тенденціей къ соціализаціи и демократизаціи. Составныя части хозяйственной системы — это ничто иное, какъ обособленныя сферы однохарактерной хозяйственной жизни, вмѣстѣ съ заинтересованными въ ней группами лицъ: части соціальныхъ классовъ, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ, будучи частями одного тѣла, могутъ вступать между собою въ противорѣчіе, напр., аграрная, промышленная и торговая буржуазія.

только по отношенію къ другимъ такимъ же сообществамъ. Состояніе, уваженіе и могущество государства могутъ быть равномѣрно представлены для всѣхъ подданныхъ даннаго государства во внѣшней политикѣ, хотя это и не должно происходить необходимо; національная и классовая политика могутъ совпадать. *Внутренняя же жизнь государства характеризуется различіемъ интересовъ, которые неизбѣжно въ извѣстный моментъ приходятъ въ противорѣчіе и для нихъ невозможно соглашеніе.* Это противорѣчіе интересовъ основывается на „несогласуемости" другъ съ другомъ различныхъ хозяйственныхъ системъ, реальными представителями которыхъ являются разные общественные классы.

Поэтому разумная соціальная политика должна быть направлена на дѣятельное покровительство тому соціальному классу, который представляетъ „хозяйственный прогрессъ" т. е. ведетъ общество къ наилучшей организаціи труда, какъ бы послѣдовательно подготовляя ея осуществленіе. Только такимъ образомъ можетъ быть достигнутъ идеалъ соціальной политики: наивысшее развитіе производительныхъ силъ, наступленіе котораго желательно въ цѣляхъ культурнаго прогресса.

Зомбартъ сознается, что его формулировка примыкаетъ къ старымъ традиціямъ", но только въ томъ смыслѣ, что она направляетъ соціальную политику *на усовершенствованіе производства*, не *исключая* какимъ бы то ни было способомъ *„воздѣйствія на распредѣленіе"*. Эта связь соціальной политики съ успѣшностью производства необходима потому, что только такимъ образомъ можетъ получиться въ хозяйственной политикѣ какое нибудь единство и опредѣленность цѣли. Очень часто соціальная политика можетъ быть и является политикой распредѣленія, но сама по себѣ „политика распредѣленія" есть всегда совокупность безсистемныхъ мѣропріятій разнаго рода. Таково мнѣніе Зомбарта[1]).

Я совершенно согласенъ съ первымъ положеніемъ Зомбарта, согласно которому, стараясь выработать идеалъ соціально-экономической политики, объективная экономическая наука не должна принимать въ качествѣ руководящихъ началъ чуждые идеалы, навязываемые ей другими общественными дисциплинами и въ частности многочисленными теченіями „идеалистической философіи". У насъ часто и безплодно спорятъ о причинахъ происхожденія общественно-философскихъ идеаловъ тѣхъ или другихъ „столповъ науки или общественныхъ классовъ". Объективная наука не можетъ не знать, что возникновеніе и обоснованіе этихъ идеаловъ можетъ совершаться также и на почвѣ всякаго рода

1) Sombart l. c., 6, 7, 10, 25 и слѣд., 43, 44, 36, 47 и passim.

метафизическихъ построеній или вѣрованій, съ которыми наука считается, всегда разсматривая ихъ, однако, въ извѣстной исторической перспективѣ. . . Если мы признаемъ, что политическая экономія занимается спеціально лишь той областью общественныхъ явленій и отношеній, которая связана съ созданіемъ матеріальной основы нашей цивилизаціи, если мы допустимъ, что въ области этихъ соціально-экономическихъ явленій и отношеній возможна постановка опредѣленныхъ идеаловъ, осуществимыхъ цѣлей при помощи тѣхъ или иныхъ средствъ, то, несомнѣнно, мы должны постараться найдти также объективно эти средства и цѣли, какъ объективенъ и реаленъ тотъ предметъ, которымъ занимается экономическая наука.

Я также понимаю, почему Зомбартъ борется противъ „политики распредѣленія" исторической школы. Она дѣйствительно является безпринципной политикой полумѣръ и по тремъ главнѣйшимъ основаніямъ.

Во первыхъ, она часто сознательно жертвуетъ высшими формами производительной организаціи, уступая давленіямъ распредѣлительнаго процесса. Она стремится поддержать, напр., мелкаго кустаря и крестьянина, сидящаго на ничтожномъ клочкѣ земли, которому приходится много работать, въ тяжкихъ условіяхъ и получать ничтожнѣйшее вознагражденіе за свой трудъ. Она боится, повторяя только Мальтуса, обратить его въ безпокойный пролетаріатъ, отославъ на фабрику, гдѣ онъ получитъ лучшее вознагражденіе. Она стремится сгладить противорѣчія существующей системы хозяйства, чтобы ее упрочить и сохранить. Благодаря этому она вызываетъ къ себѣ столько ненависти со стороны лицъ, стремящихся къ крушенію этого порядка. Оскаръ Уайльдъ въ своей статьѣ о „соціализмѣ" вѣрно понялъ причины этой ненависти; онъ пишетъ: „самыми вредными рабовладѣльцами были тѣ, которые обращались съ невольниками мягко, ибо этимъ они устраняли ужасъ системы и она проводилась въ жизнь тѣми самыми лицами, которыя страдали отъ нея и казалась естественной для тѣхъ, кто смотрѣлъ на нее со стороны".

Во вторыхъ, она не любитъ касаться самихъ формъ производимаго богатства т. е. рода и качества производимыхъ продуктовъ. Она боится утопизма Фихте и ему подобныхъ. Она охотно гремитъ иногда противъ роскоши, противъ нелѣпаго расточенія источниковъ богатства; она заботится путемъ налога взять въ пользу государства нѣкоторую долю избыточнаго богатства, но она считаетъ утопіей думать о возможности приспособленія всей производительной дѣятельности къ нуждамъ наибольшей массы человѣческихъ существъ. Регулированіе производства формъ богатства, по

ея мнѣнію, есть уже регулированіе потребностей, котораго она стремится избѣгнуть. Она охотно отстаиваетъ попытки регулированія количества производимаго богатства; она привѣтствуетъ тресты и картели, но не касается самихъ формъ богатства.

Въ третьихъ, она, какъ мы видѣли на примѣрѣ Филипповича, зачастую стремится примирить непримиримое: сохранить вымирающее старое и поощрить развивающееся новое. Наличность старыхъ системъ производства напр. кустарничества, мелкихъ торговыхъ предпріятій не даетъ простора развитія фабрикамъ, универсальнымъ магазинамъ и т. п.

Зомбартъ вѣрно опредѣлилъ соціальную политику, какъ совокупность мѣръ хозяйственной политики, которыя имѣютъ своею цѣлью или послѣдствіемъ сохраненіе, развитіе или уничтоженіе опредѣленныхъ хозяйственныхъ системъ. Исходя изъ этого положенія, онъ съ гораздо большимъ правомъ могъ бы упрекать представителей исторической школы не въ непослѣдовательности, а въ принципіальномъ „консерватизмѣ". Шмоллеръ болѣе всѣхъ другихъ является консерваторомъ; ему дорого существующее; смягчая его острыя противорѣчія, онъ стремится сохранить систему индивидуализма съ частной собственностью, боится быстраго поглощенія мелкихъ производителей крупными предпріятіями: онъ болѣе всего стремится къ сохраненію и развитію ея и не представляетъ себѣ возможности полной трансформаціи людей и ихъ общественныхъ отношеній [1]).

1) Въ своемъ учебникѣ Шмоллеръ опредѣленно формулировалъ свое міровоззрѣніе. Онъ пишетъ: „не можетъ быть высокой культуры безъ классовъ и ихъ взаимодѣйствія; классовой порядокъ нормаленъ, когда онъ соотвѣтствуетъ среднимъ способностямъ и дѣяніямъ каждаго. Это чаще встрѣчается при новомъ образованіи классовъ, чѣмъ въ классахъ старыхъ, окаменѣвшихъ. Каждый односторонне развившійся классъ стремится преобразовать право и учрежденія въ эгоистическомъ смыслѣ. Злоупотребленія достигшей господства аристократіи иныя, чѣмъ злоупотребленія демократіи; но спрашивается, какія злоупотребленія больше и болѣе вредятъ общему благу? Чѣмъ болѣе господствующій классъ неправильно распредѣляетъ владѣніе и силу, вліяніе и почести, сравнительно съ средними способностями людей, тѣмъ болѣе невыносимымъ становится положеніе. Всякій классъ, пріобрѣтающій господство, пока онъ достигаетъ высшей силы своего вліянія, стоитъ на службѣ общаго развитія. Удерживается ли классъ на этой высокой степени развитія и сколько времени такое положеніе продолжается, зависитъ отъ того, остаются ли его способности и добродѣтели тѣми же самыми, не вырождается ли классъ, не включаетъ ли онъ въ себя значительное количество неспособныхъ элементовъ, не пренебрегаетъ ли онъ своими обязанностями, не ведетъ ли онъ только жизнь наслажденій, не обогащается ли онъ гнуснымъ образомъ, не стоитъ ли его собственность и доходъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ его дѣятельностью. Средніе и низшіе классы не такъ часто и легко попадаютъ въ положеніе, которымъ они могли бы злоупотреблять. Однако великія политическія побѣды демократіи, которыя совершались въ Греціи и въ Римѣ, въ средніе вѣка и въ новое

Правда, среди представителей этой соціально-политической школы мы найдемъ безконечное разнообразіе оттѣнковъ. Вѣдь, и самъ Зомбартъ принадлежитъ къ ней. Мы видѣли, что и Филипповичъ выдаетъ себя за единомышленника Зомбарта и одобряетъ его стремленіе къ высшимъ формамъ производительной организаціи. Достаточно напомнить также о школѣ Брентано, о работахъ Шульце-Геверница, Шенгова, Дитцеля [1]) и другихъ, чтобы убѣдиться, что необходимость заботиться объ успѣшности, высшей матеріальной производительности труда не чужда этой школѣ и только у нѣкоторыхъ представителей или, вѣрнѣе, почти у большинства, она отступаетъ на задній планъ подъ давленіемъ существующихъ формъ хозяйственнаго быта и злободневныхъ нуждъ распредѣлительнаго процесса. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Это доказываетъ только, что то противорѣчіе, которое сказалось уже въ доктринахъ Рикардо, Смита и Мальтуса, сохранилось и до нашихъ дней. Крупныя капиталистическія формы производства даютъ больше *чистаго дохода*, но и сосредоточиваютъ его въ видѣ ренты и прибыли въ немногихъ рукахъ. Смитъ и Мальтусъ стремятся, какъ мы видѣли, къ возрастанію *валового дохода* т. е. не только ренты и прибыли, но и заработной платы, Рикардо и физіократы защищаютъ систему *чистаго дохода* (см. стр. 170, 256, 276. 284, 322).

Вѣдь, по существу дѣла, суть проблемы не въ томъ, чтобы создать идеальное производство, а въ томъ, чтобы такъ перестроить общество, чтобы бѣдность была невоз-

---

время, показываютъ намъ, что эти классы или немедленно попадаютъ подъ господство диктаторовъ или разрушаютъ могущество и финансы народа, не способны къ здоровымъ реформамъ и къ созданію новыхъ учрежденій; въ болѣе продолжительное или короткое время, послѣ неудачныхъ или безумныхъ экспериментовъ, демократическіе классы снова лишаются своего господства. Вся проблема, съ одной стороны, нравственно-психологическаго характера, съ другой стороны — дѣло хозяйственныхъ и политическихъ учрежденій. Попытка изъ одной техники и распредѣленія собственности объяснить процессъ образованія классовъ и его послѣдствія также ошибочна, какъ и стремленіе изъ этихъ же причинъ доказать для будущаго полное исчезновеніе классовъ. См. Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre, Leipzig, 1900, стр. 411. Для исторической школы и для ея взглядовъ на связь политической организаціи съ хозяйственнымъ бытомъ руководящій трактатъ написалъ В. Рошеръ. Politik. Geschichtliche Naturlehre der Monarchie, Aristocratie und Democratie; первое изданіе вышло въ ноябрѣ 1892 г., второе уже въ декабрѣ того же года: третье изданіе 1908 г. Шмоллеръ только развиваетъ взгляды В. Рошера.

1) См. напр. двѣ работы Дитцеля чисто полемико-политическаго характера: — Weltwirtschaft und Volkswirtschaft (Dresden 1900) и Das Produzenteninteresse der Arbeiter und die Handelsfreiheit, Jena. 1903; такая же брошюра Брентано: Die Schrecken des überwiegenden Industriestaates (Berlin, 1901).

можна и чтобы человѣкъ обладалъ возможностью развить всю полноту своихъ силъ, сдѣлать свою жизнь прекрасной и благородной, незнающей недостатки въ матеріальныхъ благахъ.

Самъ Зомбартъ замѣчаетъ, что его идеалъ примыкаетъ къ старымъ традиціямъ.

Если читатель заглянетъ еще разъ въ нашу вторую главу, то онъ увидитъ, что меркантилисты выставляли на своемъ знамени „производственный идеалъ" Зомбарта. Если этотъ писатель выдвигаетъ его вновь въ концѣ 19-го вѣка, то онъ долженъ былъ его обновить настолько, чтобы онъ былъ дѣйствительно опредѣленнымъ. Онъ могъ это сдѣлать двоякимъ образомъ: во первыхъ, дѣйствительно остаться на почвѣ существующаго хозяйственнаго порядка и, во вторыхъ, изъ предѣловъ этого существующаго порядка намѣтить то единственное средство, которое можетъ исправить нецѣлесообразный ходъ нашего экономическаго быта, то, что является, по моему мнѣнію, главною цѣлью и задачей грядущаго 20-го вѣка. Зомбартъ, по моему мнѣнію, исполнилъ эту задачу только отчасти.

„Производственный идеалъ" внѣ извѣстныхъ условій не только распредѣленія, но и обмѣна — нѣчто совершенно непонятное и непостижимое.

Читателю нетрудно замѣтить, что въ производственный идеалъ Зомбарта не только прокрадывается распредѣлительный идеалъ, съ которымъ онъ пытается бороться, но въ немъ виденъ и „пруссакъ", который ненавидитъ Востокъ и хочетъ обезпечить могущество Германіи для борьбы съ восточноевропейскими и азіатскими народами, т. е. въ частности и съ Россіей. Идеалъ его экономической политики общественный, а не индивидуалистическій. Какъ экономистъ новаго времени, онъ не вѣритъ въ тождество индивидуальныхъ и общественныхъ интересовъ. Онъ требуетъ согласованія этихъ интересовъ. Онъ отлично при этомъ понимаетъ, что только путемъ совмѣстной, организованной, общественной, культурной борьбы съ природою возможно полученіе наибольшей массы продукта для удовлетворенія все наростающей массы, какъ индивидуальныхъ, такъ и общественныхъ потребностей. Взглядъ Фурье на историческій процессъ, какъ на постепенное ослабленіе личной и прямой зависимости человѣка отъ человѣка и какъ постепенное увеличеніе зависимости общей или косвенной, мысль Родбертуса, что исторія — великій процессъ соединенія людей въ ихъ борьбѣ за существованіе, представляютъ одни изъ самыхъ вѣроятныхъ обобщеній современной общественной науки. Но Зомбартъ въ тоже время не вѣритъ ни въ тождество интересовъ классовъ, ни въ тождество интересовъ

человѣчества и въ борьбѣ націй склоненъ видѣть экономическую необходимость. Зомбартъ высказываетъ свои опасенія относительно Востока робко, Вагнеръ, Ольденбургъ и другіе говорятъ о борьбѣ съ Востокомъ открыто, въ частности и съ Россіей!

„Производственный идеалъ Зомбарта" не такъ просто постижимъ, какъ ему кажется, но въ немъ имѣется одна очень реальная сторона, которая подкупаетъ и заставляетъ не замѣчать внутренняго противорѣчія и неясности всего построенія.

Политика Зомбарта стремится не быть политикой компромисса, замедляющаго движеніе историческаго процесса. Она разумно желаетъ быть классовой политикой, или, по крайней мѣрѣ, идти подъ принципіальнымъ знаменемъ классовой платформы. Она рѣшительно и безъ колебаній становится на сторону *того общественнаго класса, который представляетъ въ данное время „хозяйственный прогрессъ"*.

Какъ же, однако, узнать, какой общественный классъ представляетъ хозяйственный прогрессъ? Отвѣчая на этотъ вопросъ, Зомбартъ незамѣтно, но ловко облегчаетъ свою задачу.

Онъ вдвигаетъ въ свое построеніе идею о несогласуемости различныхъ по производительности хозяйственныхъ системъ, представляющихъ какъ бы разныя стадіи общественнаго развитія. Интересы развивающагося общежитія не могутъ сохранить въ равновѣсіи всѣ эти болѣе или менѣе производительныя системы; эти интересы должны неизбѣжно требовать перехода къ высшимъ формамъ развитія.

При такой постановкѣ вопроса ему, какъ кажется, нетрудно указать практическому политику, на сторону какого общественнаго класса онъ долженъ стать. Мелкій ремесленникъ, жалкій мелочной торговецъ, разоряющійся и неумѣлый баринъ-хозяинъ и крестьянинъ, ковыряющій козулей свою несчастную единую десятину для собственнаго прокормленія и своихъ домашнихъ впроголодь, не заслужатъ поддержки у такого соціалъ-политика, какъ Зомбартъ.

Онъ будетъ видѣть хозяйственный прогрессъ въ крупномъ земледѣльческомъ и фабричномъ предпріятіи, если они возвышаютъ до наибольшихъ предѣловъ производительность труда, въ крупномъ торговомъ предпріятіи, которое уменьшаетъ напрасную растрату силъ и лучше удовлетворяетъ многообразіемъ своихъ товаровъ многочисленныхъ потребителей и т. п. Даже сосредоточивая чистые доходы въ немногихъ рукахъ, такія предпріятія, сочетая высшія формы производства и обмѣна, подготовливаютъ почву для правильнаго распредѣленія.

Построеніе Зомбарта, съ одной стороны, забѣгаетъ въ

привлекательную даль „царства свободы“, закономѣрное движеніе къ которому — идеалъ нашей исторической жизни, съ другой стороны, оставаясь или, по крайней мѣрѣ, стараясь дать чисто реалистическое, жизненное построеніе, всецѣло придерживающееся современной экономической почвы, оно оставляетъ безъ отвѣта цѣлую массу вопросовъ. „Производственный идеалъ“ формулированъ Зомбартомъ такъ неясно, обратился въ такую туманную фразу, что подъ нею могутъ подписаться люди самыхъ разнообразныхъ направленій. Такой же фразой является и утвержденіе Зомбарта, что соціальная политика должна покровительствовать тѣмъ, кто представляетъ „хозяйственной прогрессъ“. Зомбартъ борется противъ фразы, но и самъ въ этомъ отношеніи неостороженъ. Если же единство экономической политики достигается ея неясностью, то, конечно, она нисколько не выше той политики, которую Зомбартъ пытается замѣнить.

Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, мы можемъ представить себя для настоящаго переживаемаго періода человѣческой исторіи пять основныхъ формъ производственнаго идеала.

Въ первой формѣ, и притомъ самаго общаго характера, онъ былъ созданъ еще классиками и крупнѣйшимъ изъ нихъ Рикардо. Этотъ производственный идеалъ указывалъ на необходимость заботиться о томъ, чтобы съ наименьшей затратой труда и капитала получалось наибольшее количество богатства, т. е., по англійской терминологіи, наибольшее количество матеріальныхъ благъ. Другими словами, онъ требовалъ наиболѣе цѣлесообразной борьбы человѣка съ природой и за свое существованіе. Этотъ идеалъ требовалъ, чтобы богатство доставалось по наименьшей предѣльной цѣнности, по предѣльно наименьшимъ издержкамъ производства. Однимъ словомъ, онъ желалъ: много, безконечно много продуктовъ, наинизшія цѣнности. Онъ не боялся кризисовъ и устами Сэ провозгласилъ, что „продукты обмѣниваются на продукты“ и что при пропорціональномъ развитіи всѣхъ производствъ для роста потока продукціи мы не можемъ, да это и не желательно, знать предѣловъ. Очень часто полагаютъ, что этотъ производственный идеалъ совпадаетъ съ интересами потребителей.

Тотъ же идеалъ неоднократно формулировался и въ болѣе реальной классовой формѣ. Это былъ, если можно выразиться, производственный идеалъ въ доходахъ. Приэтомъ защитники его желали высокаго размѣра или роста одного вида этихъ доходовъ или даже всѣхъ ихъ одновременно. Такой производственный идеалъ мы впервые встрѣчаемъ ясно формулированнымъ въ началѣ прошлаго вѣка въ Англіи, во время той знаменитой борьбы аграр-

наго и промышленнаго интереса, литературными представителями которой были Мальтусъ и Рикардо. Мальтусу была дороже всего высокая рента, Рикардо защищалъ интересы прибыли.

Въ третьей формѣ производственный идеалъ принимаетъ характеръ политико-промышленной теоріи. Разработка его почти со всѣми деталями уже сдѣлана Мальтусомъ, но пріобрѣтаетъ всесвѣтную извѣстность въ односторонней, неполной и, по сравненію съ Мальтусомъ, въ болѣе публицистической формѣ у Листа. Этотъ идеалъ сводится къ желанію развить „экономическое государство" до наивысшей степени аграрно-промышленно-торговаго государства и указываетъ средства, при помощи которыхъ можно достигнуть „наивысшаго развитія производительныхъ силъ", техническихъ, соціальныхъ и моральныхъ, для содержанія на данной территоріи наибольшей массы населенія. Этотъ гораздо болѣе политическій, чѣмъ историческій идеалъ, связывающійся, само собою разумѣется, съ многочисленными интересами, живетъ и теперь въ сердцахъ протекціонистовъ, проповѣдывающихъ солидарность протежируемыхъ интересовъ и требующихъ защиты нарождающейся, зрѣющей, но никогда не созрѣвающей промышленности.

Въ четвертыхъ, производственный идеалъ принимаетъ историческую форму. Изучая ходъ историческаго развитія, писатели этого направленія приходятъ къ убѣжденію, что самопроизвольное и неизбѣжное развитіе матеріальныхъ производительныхъ силъ совершается чрезъ противорѣчіе въ созданныхъ ими производственныхъ отношеніяхъ и, въ концѣ концовъ, не можетъ не привести къ гармонической организаціи производства на началахъ общественной собственности (Марксъ). Къ этому направленію, но только отчасти, принадлежитъ и Зомбартъ, идеалъ котораго мы формулировали выше [1]).

Въ пятыхъ, мы имѣемъ еще одну своеобразную форму производственнаго идеала, дорогого сердцу финансовымъ политикамъ. Этотъ идеалъ требуетъ: наибольшее количество свободнаго „чистаго дохода", за покрытіемъ издержекъ производства и за вознагражденіемъ непосредственно участвующихъ въ производствѣ въ качествѣ производителей (рабочихъ) и руководителей — предпринимателей, съ освое-

---

1) Какъ разнообразно формулируется этотъ идеалъ напр. въ области практической торговой политики можно видѣть изъ сопоставленія ранѣе указанной книги Шиппеля и брошюры К. Каутскаго — Handelspolitik (Berlin, 1901). Изъ практическихъ политиковъ соціализма попытался нарисовать картину этого идеала будущаго, какъ мы уже отмѣтили выше — A. Bebel въ книгѣ: „Die Frau und der Socialismus", 1891, стр. 261 и слѣд.

ніемъ значительной доли этого чистаго дохода государствомъ для тѣхъ цѣлей, которыя оно, какъ особая организація, преслѣдуетъ въ каждую данную историческую эпоху. Этотъ производственный идеалъ вызвалъ къ жизни особую финансовую политику, которая не только выработала необычную по тонкости технику и организацію обложенія, но и стремится расширить размѣры и ростъ самихъ государственныхъ промышленныхъ предпріятій [1]).

Я не считаю себя въ правѣ, да это увекло бы меня далеко въ другую сторону, разбирать вновь историческую форму производственнаго идеала. О ней мы уже достаточно говорили въ предшествовавшихъ главахъ. Я не буду входить также и въ разсмотрѣніе производственнаго идеала финансиста. Какъ должно тратить государство чужой чистый доходъ и для какихъ цѣлей — это дѣло государствовѣда и соціолога. Поскольку же государство является капиталистической силой, самостоятельнымъ создателемъ дохода путемъ предпріятій и раздатчикомъ дохода при организаціи разныхъ общественно-необходимыхъ службъ, оно составляетъ часть промысловой организаціи страны и то руководящее начало экономической политики, которое относится къ промысловой жизни страны, равно относится и къ нему. Нѣтъ надобности и повторять обще-извѣстную истину, что чѣмъ совершеннѣе становится правовая организація государства, тѣмъ сильнѣе подчиняется оно въ своей дѣятельности наличнымъ и организованнымъ общественнымъ силамъ.

Я хочу вырѣшить вопросъ о руководящемъ началѣ экономической политики, „оставаясь на почвѣ современности, — *при наличныхъ условіяхъ частной собственности*, въ предѣлахъ непосредственныхъ задачъ, а не отдаленнаго будущаго, предполагая доказаннымъ, что возможно, какъ выражается Шефле, „пріобрѣтеніе всей (вѣрнѣе: опредѣленной) совокупности наличныхъ воль и силъ для достиженія

---

1) Въ числѣ представителей этого идеала имѣются искренніе представители государственнаго соціализма, и просто бюрократы, которыхъ требованія государственнаго механизма заставляютъ стремиться къ захвату наибольшей доли народнаго дохода. Послѣдніе часто преслѣдуютъ какія либо классовыя или политическія задачи. Типичнымъ представителемъ такихъ администраторовъ былъ бывшій министръ финансовъ Сергѣй Витте. Изданная г. Ціономъ во Франціи книга, въ которой доказывалось, что г. Витте государственный соціалистъ, была написана только для того, чтобы запугать правящія сферы. Исторія русскаго полицейскаго соціализма нашихъ дней (зубатовщина, гапонада и проч.) еще не можетъ бють написана. Кое какіе матеріалы, однако, имѣются въ книгахъ: проф. И. Х. Озерова. Политика по рабочему вопросу за послѣдніе годы (Москва, 1906 г.); М. Григорьевскій. Полицейскій соціализмъ въ Россіи (изд. журнала Образованіе).

желаемыхъ цѣлей“, созданіе того общественнаго „Machtmensch“, той компликаціи общественныхъ силъ, которыя необходимы и въ состояніи привести нашъ народнохозяйственный механизмъ въ состояніе наилучшей работы для наиболѣе плодотворныхъ результатовъ.

Мнѣ представляется, что возможно найти это руководящее начало для экономической и соціальной политики только исходя изъ анализа условій не только производства, но распредѣленія и обмѣна. Если теорія обмѣна можетъ показать, что процессъ образованія цѣнъ въ нашемъ капиталистическомъ хозяйствѣ не зависитъ отъ однихъ условій производства, если она можетъ доказать, что созданіе тѣхъ или другихъ формъ цѣннаго богатства зависитъ отъ условій раздѣла путемъ обмѣна продукта и неравнаго прибавочнаго продукта, тогда „производственный идеалъ“ для практическаго политика будетъ только туманнымъ исканіемъ невѣдомаго и неяснаго, безконечно отдаленнаго. Тогда формула: „возвратите работнику продуктъ его труда, созданную имъ цѣнность“ будетъ слишкомъ элементарна и неясна. По справедливому выраженію Бернштейна, требованіе всего продукта труда будетъ — „явною нелѣпостью въ хозяйственномъ отношеніи“ [1]).

Я упрекнулъ Зомбарта въ неопредѣленности его идеала экономической политики и долженъ признать, что идеалъ Рикардо гораздо яснѣе и даетъ возможность лучше, правильнѣе намѣтить путь, по которому можетъ и, по моему убѣжденію, уже и начало идти человѣчество.

Зомбартъ правильно замѣчаетъ, что его идеалъ примыкаетъ „къ традиціямъ классической школы“. Безъ сомнѣнія, никто не станетъ спорить, что для человѣчества желательно обезпечить матеріальную основу своей цивилизаціи съ меньшими затратами живыхъ и мертвыхъ силъ. Человѣчеству, какъ цѣлому, каждому отдѣльному классу работниковъ желательно, конечно, имѣть не много труда, не вѣчно гнуть спину за матеріальными заботами. Работнику дорого не количество труда, а хорошее вознагражденіе, которое даетъ ему возможность жить, какъ человѣческому существу, наслаждаясь всѣми благами культурной жизни. Вся трудность заключается въ томъ, какъ найти пути средства и для достиженія этой желаемой цѣли.

Зомбартъ такъ-же, какъ и всѣ классики, указываетъ намъ производственный идеалъ, но, какъ мы видѣли, сильно облегчаетъ свою задачу. Онъ предсказываетъ гибель историческихъ архаизмовъ и не рекомендуетъ политику принимать мѣръ для ихъ поддержанія.

---

1) Сравни выше стр. 313—16, 321—327.

Бѣда въ томъ, *во первыхъ*, что мы далеко не выяснили себѣ тѣхъ формъ организаціи хозяйства, которыя мы можемъ назвать экономически лучшими съ точки зрѣнія количества и вознагражденія труда. До настоящаго времени кипитъ живой споръ о преимуществахъ мелкаго и крупнаго сельскаго хозяйства, о необходимомъ сочетаніи разныхъ формъ этого хозяйства и въ земледѣліи, и въ промышленности для нормальной эксплоатаціи даровъ природы. Я не спорю, что та система и форма хозяйства, которая требуетъ много труда и даетъ работнику малое вознагражденіе должна исчезнуть и исчезнетъ въ экономической борьбѣ, но какія формы хозяйства займутъ ее мѣсто, это рѣшитъ исторія, законы необходимости и цѣлесообразности, которые въ ней проявляются. Поэтому и въ предсказаніяхъ будущей эволюціи мы должны быть очень осторожны; здѣсь, на этомъ вопросѣ сказывается вся коллосальная сложность законовъ экономіи, постоянное, взаимодѣйствіе законовъ производства и распредѣленія, хозяйственной и соціально-политической организаціи. Институтъ частной собственности — это двуликій Янусъ производства, распредѣленія, соціальной организаціи. Частная собственность — не только экономическая категорія, но и соціальная, ибо она лежитъ въ основѣ политической организаціи, потребности которой часто вызываютъ, необходимость неравнаго распредѣленія имуществъ, какъ особой системы вознагражденія представителей политической власти.

Неясность основной формулы Зомбарта также *во вторыхъ* и въ томъ, что она не даетъ возможности судить на основаніи какого либо опредѣленнаго признака, какой общественный классъ представляетъ въ каждую данную эпоху хозяйственный прогрессъ?

Историку, когда предъ его глазами лежитъ пройденный народомъ путь, легче опредѣлить, какой классъ или, вѣрнѣе, какіе классы, съ ихъ развѣтвленіями и служебными элементами, представляли хозяйственный прогрессъ; но не такъ это доступно практическому политику. Да развѣ мы такъ легко можемъ разорвать интересы отдѣльныхъ классовъ на части, развѣ „хозяйственный прогрессъ“ не является частью „соціальнаго прогресса“ вообще? Развѣ при ретроспективномъ взглядѣ система рабскаго или крѣпостного хозяйства не была печальною, жестокою исторической необходимостью, не была системой „общественной организаціи труда съ наилучшими для того времени соціальными и техническими орудіями“ и какіе классы въ эти періоды представляли „хозяйственный прогрессъ?“ Исторія не знала такого періода, когда одинъ какой либо классъ всецѣло былъ руководителемъ всего хозяйственнаго прогресса. Прогрессъ обнару-

жился на почвѣ соперничества и борьбы классовъ. Каждый изъ нихъ вносилъ (и вноситъ доселѣ) свою лепту въ организацію не только хозяйственнаго, но политическаго и соціальнаго быта.

Какъ сложится отвѣтъ Зомбарта, когда передъ его глазами будетъ, если это только возможно, что болѣе чѣмъ сомнительно, вполнѣ развитая система капитализма съ почти полнымъ исчезновеніемъ историческихъ пережитковъ? Какую политику будетъ онъ рекомендовать при полномъ разцвѣтѣ частно-капиталистическаго хозяйства? Наступитъ ли окончательное развитіе его? Политикъ построятъ свои идеалы, конечно, не для всѣхъ вѣковъ. Онъ отлично знаетъ, что идеалы относительны, т. е. обусловленными всѣми данными исторической среды. Чтобы быть вполнѣ яснымъ, надо возможно реальнѣе намѣтить этотъ идеалъ, а не удовлетворяться фразой, которая какъ боевая формула или крылатое слово выражаетъ скорѣе марксистское настроеніе, чѣмъ служитъ путеводной звѣздой для политика, который, всегда въ предѣлахъ существующаго, общественно-государственнаго ищетъ силъ, могущихъ передвинуть данное народное цѣлое къ лучшему будущему.

Классики разсуждали реальнѣе, а потому и глубже Зомбарта. Они искали началъ для экономической политики въ производствѣ и въ условіяхъ междуклассового обмѣна. У Рикардо вы не найдете разсужденій о мелкомъ и крупномъ хозяйствѣ... Это не основной, а второстепенный вопросъ для того, кто построяетъ „механику мірового обмѣна“. Онъ имѣетъ дѣло только съ общественными классами и ихъ доходами, старается такъ нормировать доходы ихъ, чтобы производство достигло высшаго успѣха. Въ анализѣ этой мировой механики обмѣна, какъ мы знаемъ, Рикардо ошибся, но отсюда не слѣдуетъ, чтобы именно на той почвѣ, на которой онъ стоялъ, нельзя было опредѣлить руководящаго начала экономической политики. *Рикардо отлично понималъ что въ предѣлахъ классового общества — единственная реальная политика — „политика доходовъ“* при сохраненіи и лишь исторически послѣдовательномъ видоизмѣненіи, но не устраненіи института частной собственности. Только ту политику доходовъ мы можемъ защищать, которая создаетъ такое развитіе производительныхъ силъ, при коемъ вознагражденіе труда наибольшее.

На протяженіи всего настоящаго изслѣдованія я старался показать, что впервые построенная Рикардо и окончательно, но односторонне развитая Марксомъ, теорія цѣнности пошатнулась. Теперь мало кто вѣритъ, что цѣнность исключительно производственная категорія и создается только трудомъ. Мы знаемъ, что цѣнность со всѣми формами нынѣ

существующаго цѣннаго богатства сложный результатъ соціальнаго раздѣла неравнаго прибавочнаго продукта. Мало кто теперь вѣрить, что цѣнности „эквивалентны“ по затраченному на нихъ производство общественно-необходимому труду. Мало кто понимаетъ такъ элементарно, какъ это дѣлалось ранѣе, идею Родбертуса о конституированіи цѣнности. Все болѣе и болѣе, однако, слышны голоса не о конституированіи цѣнности согласно труду, а о конституированіи доходовъ работающихъ, творческихъ элементовъ общества, доходовъ, за которое идетъ борьба при всѣхъ формахъ общественнаго быта[1]).

Безжизненная идея производственнаго идеала экономистовъ - индивидуалистовъ, которые увѣряли, что продукты обмѣниваются на продукты и что въ системѣ свободнаго соперничества не можетъ быть перепроизводства и кризисовъ, опровергнута самою жизнью. Точно также убѣжденіе, будто прибыль можетъ падать только отъ роста ренты — оказалось ошибкой. Опытъ жизни и теорія показали, что, какъ прибыль, какъ и другіе виды доходовъ могутъ падать отъ того способа, согласно которому въ нашемъ обществѣ совершается процессъ образованія цѣнъ.

Въ результатѣ, въ началѣ 20-го вѣка мы присутствуемъ при любопытной картинѣ. Всемогущій капиталъ понялъ, что соперничество и борьба есть расточеніе силъ, что важно не безграничное бросаніе продуктовъ на рынокъ, что даже если это бросаніе продуктовъ на рынокъ будетъ совершаться всѣми отраслями промышленности пропорціонально и одновременно, что, конечно, невозможно, то и тогда можетъ наступить при возрастающей производительности труда такое обезцѣненіе продукта, которое сведетъ доходы до минимума.

---

1) Идеалистъ-государственникъ Родбертусъ, разумно отрицавшій теорію „Zusammenbruch'а (крушенія) капиталистическаго строя, писалъ (21 апр. 1872 г.): „никто меня не могъ разубѣдить въ томъ, что при настоящихъ условіяхъ соціальной жизни, т. е. при существованіи частной собственности на землю и капиталъ, рѣшеніе (скажемъ относительное) соціальнаго вопроса можетъ заключаться въ чемъ либо другомъ, какъ въ двухъ словахъ: высшая заработная плата. Даже всякое стремленіе къ установленію участія въ прибыли — это только ложный путь. Если Провидѣніе опредѣлило, что существующій строй долженъ видоизмѣниться въ другой болѣе справедливый (а именно, подобно тому, какъ за государственнымъ періодомъ съ собственностью на человѣка пришелъ періодъ съ собственностью на землю и капиталъ, а затѣмъ придетъ періодъ съ правомъ лишь на доходъ), то я остаюсь при крѣпкомъ, какъ скала, убѣжденіи, что заключающееся въ двухъ словахъ — „высшая плата“ (mehr Lohn) — относительное рѣшеніе соціальнаго вопроса стоитъ на этомъ пути историческаго предопредѣленія“. Это крылатое слово: „Mehr Lohn“ я истолковалъ бы такъ: „высшая плата“ и возможно большее количество лицъ, живущихъ на заработную плату, борящихся за ея нормальный размѣръ и за всѣ другія условія жизни трудящагося человѣка.

Повсемѣстно во всемъ культурномъ мірѣ начались организація и сочетаніе промышленныхъ силъ въ своеобразныя боевыя соединенія. Нарождается какое то новое промышленное и групповое самоуправленіе. На смѣну аристократіи хлѣба и овса пришла новая аристократія шерсти, хлопка, сахара и желѣза и пытается нынѣ организоваться на новыхъ началахъ, провозглашая групповую, а изрѣдка даже и личную диктатуру магнатовъ капитала. Само государство чувствуетъ эту силу. Въ Европѣ, расширяя свои предпріятія, оно становится на ряду съ общественными и муниципальными учрежденіями, которыя не отстаютъ отъ него въ этомъ дѣлѣ, „крупной капиталистической силой". Государство и общины начинаютъ борьбу за захватъ и монополизацію многихъ общественно-необходимыхъ отраслей промышленности въ своихъ рукахъ. Натуральное хозяйство съ его „дисперсіей" (раздробленіемъ), если можно такъ выразиться, доходовъ уступило мѣсто денежному съ своеобразной „концентраціей" доходовъ. Нарождается какъ бы новый промышленный феодализмъ и человѣчеству приходится искать новой контръ-силы, на которую могло бы опереться и государство, чтобы противостоять этому новому, опасному явленію, а въ то же время неизбѣжному и необходимому.

Не очевидно ли, что экономическая политика настоящаго времени должна дать такое нормированіе доходовъ, при которомъ вѣрнѣе всего достигался бы производственный идеалъ: „получать наибольшее количество продуктовъ для наибольшаго количества людей съ наименьшимъ количествомъ живыхъ и мертвыхъ издержекъ?"

Мнѣ кажется, что въ послѣднее время все опредѣленнѣе намѣчается тотъ путь, по которому для этого должна пойти экономическая политика.

Еще физіократы, а за ними и классики, ясно стали различать двѣ экономическихъ политики: во первыхъ, политику чистаго дохода, т. е. рентъ и прибылей и, во вторыхъ, политику валового дохода. При послѣдней формѣ дохода, учили физіократы, чистый доходъ можетъ быть незначителенъ, поглощаясь содержаніемъ „людей и животныхъ". Они относились, и не безъ основаній, съ отрицаніемъ къ политикѣ валового дохода, указывая, что эта политика, по общему правилу, весьма непроизводительна. Она заставляетъ человѣка много трудится, даетъ занятія множеству людей, но кормитъ ихъ впроголодь. Они видѣли, что такая политика валового дохода есть политика замкнутаго, натуральнаго хозяйства съ его безконечнымъ множествомъ незначительныхъ доходовъ. 19-й вѣкъ можетъ гордиться своимъ дѣломъ, онъ въ совершенствѣ развилъ политику „чистаго дохода", капитализировавъ хозяйство; само

государство научилось создавать его своими могучими предпріятіями и пользоваться долями чужого чистаго дохода для своихъ цѣлей. Весь вопросъ въ томъ, можемъ ли мы остаться при этой политикѣ чистаго дохода или въ ней должно произойти коренное видоизмѣненіе?

Безъ всякаго сомнѣнія, вернуться назадъ къ элементарной политикѣ валового дохода — мы не можемъ. Колесо исторіи движется и должно двигаться только впередъ. Какая же политика чистаго дохода, его раздѣла, возможна при современныхъ условіяхъ?

Мы видѣли уже, что европейскія государства въ началѣ 20-го вѣка стараются замкнуться, отгородиться другъ отъ друга. Когда то вѣрили, что это самоограниченіе временно и совершается для гармоническаго развитія производительныхъ силъ промышленности. Всякому понятно, что самоограниченіе, т. е. стремленіе пользоваться своими наличными силами, разумно только въ извѣстныхъ предѣлахъ. Самоограниченіе всегда является сокращеніемъ производительности, ибо лишь при многообразномъ использованіи всѣхъ даровъ природы и всѣхъ силъ человѣка возможно доведеніе производительности до наивысшаго предѣла. Раздробленіе мірового хозяйства, обособленіе націй есть несомнѣнно шагъ назадъ; и не ради воспитанія промышленности теперь гордо поднимаетъ голову аграрный и промышленный протекціонизмъ. Несомнѣнно, долгое время эта политика попытокъ разрыва, если можно такъ выразиться, мірового хозяйства существовать не можетъ. Уже и теперь среди промышленниковъ слышатся голоса о необходимости торговыхъ соглашеній и уступокъ и, къ счастью, солидарность протежируемыхъ интересовъ во многихъ отношеніяхъ есть нѣчто мнимое. Въ предѣлахъ солидарности имѣются и крупныя противорѣчія. Да, развѣ мы можемъ серьезно говорить, что передовыя европейскія страны — Англія, Германія, Франція, а равно и Соединенные Штаты не воспитали до сихъ поръ своей промышленности и когда же кончится этотъ періодъ воспитанія для нихъ, да и для насъ? Очевидно, въ аргументѣ Листа и въ его производственномъ идеалѣ есть какая то неправда. Воспитаніе промышленности часто не воспитываетъ или перевоспитываетъ своихъ питомцевъ, а самоограниченіе, къ которому это воспитаніе приводитъ, въ конечномъ результатѣ, означаетъ не развитіе, а ослабленіе производительныхъ силъ. Широкое же развитіе производительныхъ силъ толкаетъ на путь захвата рынковъ, вооруженій, грозящихъ окончиться міровою катастрофой. Разрѣшить эти противорѣчія возможно только пересозданіемъ всей политической и соціальной структуры европейскихъ обществъ, которое можетъ поднять образова-

ніе и нравственно пересоздать высшіе и низшіе классы населенія.

Всѣми условіями своей промышленной жизни Европа показываетъ, что въ 20-мъ вѣкѣ промышленный успѣхъ можетъ принадлежать только той странѣ, которая держится политики высокой заработной платы, политики „нормальной платы въ нормальныхъ условіяхъ организованнаго труда“, который только и можетъ служить „контръ-силой“ для нарождающагося „промышленнаго феодализма“.

Капитализмъ началъ свою исторію съ политики низкой заработной платы; онъ ее неизбѣжно ведетъ къ политикѣ высокой и справедливой платы. Это убѣжденіе даетъ намъ надежды на лучшее будущее. Старый способъ развитія производительныхъ силъ, капиталистическое накопленіе чрезъ пониженіе заработныхъ платъ и чрезъ концентрацію главной массы дохода въ рукахъ немногихъ, хотя и существуетъ донынѣ, но становится, къ счастью, все труднѣе въ условіяхъ жизни все болѣе организовывающейся демократіи.

Политика труда и заработной платы еще для всѣхъ культурныхъ странъ дѣло будущаго, но она неизбѣжна и по двумъ основаніямъ.

Во первыхъ, 19-й вѣкъ заботился о развитіи промышленности, забывая, что надо гораздо болѣе заботиться о развитіи самаго человѣка, производящаго работника. 20-й вѣкъ долженъ понять, что заработная плата, т. е. вознагражденіе за трудъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова [1]), — это центральный пунктъ жизненнаго процесса народа: отъ него все зависитъ. Заработная плата съ ея многообразіемъ формъ представляетъ соціальную ренту — вознагражденіе творческаго элемента производства. Безъ нормальной ренты этому фактору производства никакія стремленія развить промышленность и поставить ее на прочную почву не могутъ имѣть продолжительнаго успѣха. Все — промышленный успѣхъ въ борьбѣ, въ соглашеніи, въ развитіи производительныхъ силъ до наивысшаго предѣла, возможность существованія и дальнѣйшаго развитія капитализированныхъ, высшихъ формъ хозяйства — все связано съ положеніемъ этого живого и творческаго фактора производства и общественной жизни. Высокіе формы хозяйства, къ которымъ насъ неизбѣжно влечетъ потокъ исторіи, невозможны, теряютъ свою устойчивость безъ надлежащаго

---

1) Вотъ почему я нетолько не считаю опаснымъ возрастаніе числа лицъ, живущихъ заработной платой, но, напротивъ, чрезвычайно желательнымъ. Прогрессъ хозяйства я вижу въ справедливомъ вознагражденіи всякаго общественно-необходимаго труда, которое даетъ возможность жить, работать и пользоваться своей долею счастья.

высокаго вознагражденія труда, безъ котораго экономическая машина перестаетъ двигаться. Только политика заработной платы послѣдовательно видоизмѣнитъ институтъ частной собственности, подготовитъ новыхъ людей съ новымъ культурнымъ міросозерцаніемъ и надлежащей выучкой для всякаго общественно-необходимаго труда. Увеличеніе производительности труда и усовершенствованіе самаго работника, какъ культурной силы, могутъ осуществиться только при нормальной заработной платѣ.

Во вторыхъ, самое преобразованіе формъ производимаго богатства и постепенное усовершенствованіе культуры демократическаго общества невозможно безъ медленнаго, но неуклоннаго стремленія къ „конституированію рабочаго дохода и нормальныхъ условій труда вообще“, а это возможно только въ условіяхъ правовой борьбы и компромиссовъ классовъ до момента полной и совершенной организаціи общественной жизни и труда, къ которой никогда не перестанетъ стремиться человѣчество.

Приложеніе I.

Наша попытка изложить исторически путь, пройденный политической экономіей, была бы, однако, не полной, если бы мы не остановились еще на характерномъ съѣздѣ союза соціальной политики 25—28 сентября 1905 г., на которомъ присутствовало множество профессоровъ и представителей различныхъ профессій: адвокатовъ, купцовъ, редакторовъ газетъ, фабрикантовъ и рабочихъ, входящихъ въ составъ союза. Изъ профессоровъ присутствовали слѣдующіе наиболѣе видные дѣятели союза: Брентано, Бюхеръ, Диль, Фуксъ, Гирке, Геркнеръ, Астровъ, Лотцъ, Филипповичъ, Шмоллеръ, Вернеръ Зомбартъ, Максъ Веберъ, Цвиденекъ-Зюденгорстъ и нѣкоторые другіе. Изъ министровъ присутствовалъ Берлепшъ. Главными предметами обсужденія были вопросы о картеляхъ и о рабочемъ договорѣ. За недостаткомъ времени я не имѣю возможности останавливаться на анализѣ всѣхъ преній по этимъ вопросамъ. Я воспроизведу лишь положенія, предложенныя Брентано по вопросу о рабочемъ договорѣ и Шмоллеромъ о картеляхъ [1]).

Вотъ положенія доклада о рабочемъ договорѣ Луйо Брентано [2]):

1. Существующія отношенія между работодателями и работниками покоятся на договорѣ равноправныхъ, свободныхъ лицъ. Но право знаетъ до сихъ поръ только индивидуальный, а не коллективный договоръ. Это незаконченное состояніе права является одной изъ главныхъ причинъ современныхъ столкновеній съ рабочими.

2. Отношенія между работодателями и рабочими въ громадныхъ предпріятіяхъ покоятся на одностороннемъ установленіи условій труда со стороны работодателя. Съ этой точки зрѣнія уже

---

1) См. Verhandlungen des Vereins für Socialpolitik über das Arbeitsverhältnis in den privaten Riesenbetrieben und das Verhältniss der Kartelle zum Staate, томъ 116-й, Leipzig 1906 г.

2) l. c. стр. 148. Свою точку зрѣнія по этимъ вопросамъ я изложилъ въ изслѣдованіи: „Арбитражъ и соглашеніе въ промышленныхъ спорахъ. Юрьевъ, 1907 г.

существующее нынѣ право (сравнительно съ прежнимъ начала вѣка) представляется революціоннымъ; еще болѣе революціоннымъ кажется стремленіе видоизмѣнить основное начало современнаго рабочаго договора чрезъ дѣйствительное признаніе коллективнаго договора.

3. Отчасти по техническимъ, отчасти по экономическимъ основаніямъ, условія труда, объ установленіи которыхъ идетъ дѣло въ коллективныхъ договорахъ, не могутъ и не должны считаться зависящими отъ воли одного индивида. При устраненіи коллективнаго договора дѣло будетъ идти не объ обезпеченіи работнику свободы дѣйствовать, но объ обезпеченіи права работодателя подчинять своему произволу рабочихъ чрезъ посредство договоровъ съ единичными рабочими.

4. Не иначе стоитъ дѣло и по отношенію къ защитѣ такъ называемыхъ „желающихъ трудиться“ (т. е. избѣгающихъ коалицій); они являются или пришлыми рабочими, которыхъ безъ знанія предмета спора привлекаютъ въ это время къ работѣ, чтобы побудить къ тому же своихъ рабочихъ, или тѣмъ меньшинствомъ рабочихъ, которые, будучи привязаны къ предпринимателямъ всякими благотворительными учрежденіями, поставлены въ невозможность пользоваться правами, предоставленными имъ законодательствомъ.

5. Нерасположеніе предпринимателей крупныхъ производствъ къ коллективному договору превело къ организаціи главнаго отдѣленія союза предпринимателей при помощи центральнаго союза нѣмецкихъ промышленниковъ. Съ этого времени стала обнаруживаться энергичная дѣятельность этихъ союзовъ противъ тарифныхъ договоровъ и многочисленные локауты (т. е. разсчеты рабочихъ путемъ стачки предпринимателей) противъ дѣйствительно желавшихъ работать, ибо они сдѣлали попытку воспользоваться своимъ правомъ составлять организаціи.

6. Противъ подобныхъ стремленій законодательное признаніе профессіональныхъ союзовъ оказывается недостаточнымъ для обезпеченія желаемаго всѣми соціальнаго міра.

Необходимы поэтому:

1. Отмѣна исключительнаго закона въ статьѣ 153-й промысловаго устава чрезъ замѣну его общими постановленіями уголовнаго кодекса относительно тѣлеснаго принужденія и угрозъ.

2. Законодательная защита не только не вступающихъ въ коалиціи, но и тѣхъ, кто въ таковыя вступаетъ.

3. Изданіе тщательно разработанныхъ и принудительныхъ предписаній, при посредствѣ которыхъ можно прекратить пользованіе благотворительными учрежденіями, какъ средствомъ для господства.

4. Установленіе обязанности, какъ для работодателей, такъ и для рабочихъ вступать въ переговоры для опредѣленія условій труда чрезъ посредство представителей ихъ организацій.

5. Для проведенія въ жизнь этой обязательности переговоровъ установить правило, что казенные подряды и работы всѣхъ другихъ общественныхъ корпорацій передаются только тѣмъ предпринимателямъ, кои обяжутся всѣ споры съ своими рабочими передавать на разсмотрѣніе бюро соглашенія или третейскаго суда, а также кои не принадлежатъ къ союзамъ, которые воспрещаютъ переговоры съ рабочими.

6. Для той же цѣли надлежитъ создать для каждаго промысла организацію рабочихъ, которая должна существовать при одновременномъ сохраненіи существующихъ союзовъ всѣхъ рабочихъ даннаго промысла.

7. Свободно избранные представители обѣихъ сторонъ, къ числу коихъ могутъ принадлежать и лица, которыя и не состоятъ ни предпринимателями, ни рабочими, должны подъ предсѣдательствомъ человѣка, стоящаго внѣ партій, разрѣшать всѣ вопросы относительно заключаемыхъ рабочихъ договоровъ. Въ качествѣ безпартійнаго предсѣдателя, въ тѣхъ случаяхъ, если избраніе его не могло состояться соглашеніемъ сторонъ, долженъ быть предсѣдатель мѣстнаго окружнаго суда.

8. Что опредѣлено коллективнымъ договоромъ, то должно имѣть правовую силу для всѣхъ лицъ даннаго промысла въ той же мѣрѣ, какъ и условія индивидуальнаго договора.

Положеніе доклада Шмоллера о картеляхъ и трестахъ таковы:

1. Стремленіе централизовать веденіе крупныхъ хозяйственныхъ предпріятій, проявившееся въ большей или меньшей степени, какъ у насъ въ Германіи въ формѣ картелей, такъ и въ Соединенныхъ Штатахъ въ формѣ трестовъ (громадныхъ акціонерныхъ компаній) столь же естественно и необходимо, какъ и стремленіе къ свободному хозяйственному движенію и къ увеличенію конкурренціи въ прошломъ столѣтіи. Подобно тому, какъ въ періодъ съ 1700—1870 г. дѣло шло объ устраненіи средневѣковаго хозяйственнаго строя и объ освобожденіи всѣхъ индивидуальныхъ силъ, о первичномъ возникновеніи небольшихъ новыхъ предпріятій въ относительно обширныхъ государствахъ при сравнительно небольшомъ размѣрѣ рынка, такъ въ настоящее время крупныя предпріятія и новыя средства оборота на почвѣ громадныхъ государствъ и даже мірового общенія, создали на міровомъ рынкѣ такое громадное увеличеніе производства и переполненіе рынковъ, такіе кризисы, что явилась попытка создать единое и систематизированное веденіе производства и обмѣна. Всякая высшая культура и обобществленіе ведетъ все къ бо́льшему возрастанію государствъ и къ громаднымъ централизованнымъ предпріятіямъ, а затѣмъ и къ ихъ организаціи.

2. Это движеніе, созданное картелями, трестами и акціонерными компаніями, имѣетъ свое оправданіе въ лучшемъ приспособленіи производства къ потребленію, въ установленіи цѣнъ съ

меньшими колебаніями, которое уменьшаетъ кризисы и банкротства, или ослабляетъ ихъ интенсивность и сокращаетъ численность. Это движеніе имѣетъ и обратную сторону — въ сильной концентраціи богатства, стремящагося къ монополіи и къ устраненію конкурренціи; оно не всегда правильно пользуется своей силой на рынкѣ, въ среднемъ повышаетъ цѣны картеллированныхъ продуктовъ, обращаетъ тысячи мелкихъ предпріятій и торговыхъ заведеній въ зависимые органы картелей и трестовъ; наконецъ создается возможность неблагопріятно относиться, какъ къ потребителемъ, такъ и къ рабочимъ.

3. Эти вредныя явленія болѣе всего обнаруживаются тамъ, гдѣ наряду съ производствомъ всѣ средства обращенія (напр., желѣзныя дороги, банки) попадаютъ въ руки централизованныхъ, спекулирующихъ частно-хозяйственныхъ, эгоистическихъ организацій для пріобрѣтенія прибыли, гдѣ образовались не общественныя картели, но тресты. т. е. громадныя акціонерныя компаніи, гдѣ производство, обращеніе и банковое дѣло совмѣстно и общими силами стало монополіей немногихъ милліардеровъ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ этой странѣ тенденція къ централизаціи предпріятій дѣйствовала деморализующимъ образомъ въ политическомъ, хозяйственномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Она создала немногое число сверхъ-богачей и милліоны бѣдняковъ; она послужила основаніемъ для искусственныхъ и ростовщическихъ маневровъ на цѣнахъ, ибо владыки цѣнъ и рынковъ стали по произволу опредѣлять условія ихъ образованія; она не знала предѣловъ въ биржевой игрѣ и въ разводненіи акцій [1]).

Еще опаснѣе, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ, можетъ быть это движеніе въ Германіи, въ которой отсутствуютъ нѣкоторыя противо-силы. дѣйствующія въ Америкѣ.

4. Въ Германіи уже имѣется нынѣ нѣсколько трестовъ; съ 1890 г. также сказалось быстрое возрастаніе капиталовъ и техническихъ функцій многихъ мастерскихъ, фабрикъ и акціонерныхъ компаній; въ особенности же тенденція къ централизаціи сказывается въ сотняхъ картелей, синдикатовъ, конвенцій, т. е. соединеній технически и промышленно остающихся самостоятельными предпріятіями. Эти союзы самостоятельныхъ предпріятій организованы на корпоративныхъ началахъ, они не имѣютъ предпріятій, производства, принадлежащихъ самой корпораціи, никакого или небольшой акціонерный капиталъ; они ставятъ своей задачей только нормированіе цѣнъ и предложенія; незначительное число ихъ взяло, впрочемъ, и продажу въ свои руки.

5. Въ то время, какъ тресты являются собственниками всѣхъ

---

1) Разводненіемъ акцій называется выдача неоплаченныхъ и непоступающихъ на рынокъ акцій пайщикамъ, дѣлаемая съ цѣлью разложить чистый доходъ между большимъ числомъ акцій и, такимъ образомъ, показать его ниже дѣйствительности.

организованныхъ предпріятій и ведутся чисто по диктаторски немногими, стоящими во главѣ лицами, наши картели [1]) представляютъ собою свободныя корпораціи большихъ и среднихъ предпріятій, образовавшіяся путемъ свободнаго договора на извѣстный срокъ для господства надъ рынкомъ со своего рода демократической организацией. Въ ихъ общественномъ духѣ, въ необходимости подчинить эгоистическіе интересы отдѣльныхъ предпріятій общему дѣлу лежитъ преимущество нашихъ картелей; ихъ слабая сторона лежитъ въ затруднительности постоянно сохранять единство самостоятельныхъ промышленниковъ. Однако, большой прогрессъ въ ихъ организаціи возможенъ и уже отчасти произошелъ.

6. Образованіе этихъ картелей представляетъ революцію въ строѣ нашего хозяйства. Повышеніе цѣнъ во многихъ промыслахъ вредитъ многимъ потребителямъ, всѣмъ не картеллированнымъ промысламъ. Крупная оптовая торговля, которая ранѣе господствовала надъ производствомъ, становится теперь его слугой. Построенное на свободномъ движеніи и соперничествѣ, созданное вѣковымъ либеральнымъ законодательствомъ хозяйство, принципъ свободы промысла мало по малу разрушаются и замѣняются новыми формами и системами хозяйства, чаще всего такими, которыя стремятся къ монополіи или уже обратились въ таковыя. Отсюда общій протестъ противъ нихъ, всеобщее требованіе законодательной регламентаціи картелей, стремленіе къ хозяйственной политикѣ, ограничивающей ихъ произволъ.

7. Это требованіе необходимо и разумно. Но оно не должно сводиться ни къ подавленію картелей, ни къ слишкомъ быстрому, всеобщему огосударствленію, напр., рудниковъ. Единое законодательство, охватывающее всѣ картели одинаковыми правилами и правовыми нормами, еще немыслимо. Развитіе еще не готово къ этому; отдѣльныя картели слишкомъ различны. Однако, законъ долженъ принудить всѣ картели и тому подобныя соединенія дѣлать государственному учрежденію заявленіе о своемъ возникновеніи и сообщать ему всѣ свои главнѣйшія рѣшенія. Все, что относится къ другимъ классамъ и ихъ интересамъ, должно доводиться до всеобщаго свѣдѣнія этимъ государственнымъ учрежденіемъ. Тотъ же законъ долженъ имѣть нѣкоторыя ограничительныя постановленія: a) до какихъ предѣловъ картели могутъ исключать дѣйствія государственнаго суда; b) до какихъ предѣловъ можетъ доходить карательное ихъ право по отношенію къ отдѣльнымъ своимъ членамъ; c) до какихъ предѣловъ можетъ простираться ихъ право исключенія членовъ и d) должны ли и въ какихъ предѣлахъ картели создавать неравныя права своимъ членамъ.

---

1) Это оптимистическое мнѣніе не раздѣляется І. М. Гольдштейномъ; сравни его изслѣдованіе „Синдикаты и тресты и современная экономическая политика (Москва, 1907 г,). Въ этомъ сочиненіи можно найдти и указанія о литературѣ вопроса.

Противъ нѣкоторыхъ злоупотребленій, главнымъ образомъ, противъ неправомѣрнаго повышенія цѣнъ, противъ выдачи премій на вывозъ, государство можетъ дѣйствовать поправляющимъ образомъ при помощи желѣзно-дорожныхъ тарифовъ, таможенной политики и торговыхъ договоровъ. Умѣренную, разумно приспособляющую спросъ къ предложенію политику цѣнъ со стороны картелей, государство можетъ поощрять, стараясь одностороннее установленіе цѣнъ картелями превратить во временные компромиссы чрезъ соглашеніе организованныхъ продавцевъ и покупателей. То-же слѣдуетъ сдѣлать и при установленіи заработной платы.

9. Кромѣ того Германская Имперія имѣетъ обязанность немедленно озаботиться объ измѣненіи акціонернаго законодательства въ томъ смыслѣ, что компаніи съ капиталомъ въ акціяхъ и облигаціяхъ въ 75 мил. марокъ должны въ составѣ своего правящаго бюро представить $^1/_4$ голосовъ лицамъ, назначеннымъ канцлеромъ или мѣстными правительствами (или въ половинѣ каждой изъ этихъ властей). Эти лица должны въ предѣлахъ компаніи оберегать интересы имперіи и государства. Для $^1/_4$ директоровъ можно требовать того-же. Законъ долженъ, кромѣ того, постановить, что эти общества должны отдавать половину ихъ превышающаго 10% дохода въ пользу государства. Всѣ другія корпораціи, частныя хозяйства того же размѣра, которыя дѣйствуютъ въ качествѣ промысловыхъ предпріятій, должны подчиниться тѣмъ же постановленіямъ.

Первое изъ этихъ постановленій должно имѣть своею цѣлью стремленіе возложить на эти громадныя предпріятія извѣстнаго рода общественныя обязанности и внести не преобладающее представительство при веденіи этихъ предпріятій такихъ лицъ, которыя будутъ представлять интересы государства и противодѣйствовать злоупотребленіямъ ихъ монополіи и власти.

Второе постановленіе должно дать всему обществу небольшое участіе въ коллосальныхъ прибыляхъ, которыя своей высотой обязаны монопольному положенію этихъ предпріятій.

Оба эти постановленія не должны произвести и не вызовутъ задержки въ ростѣ нашихъ акціонерныхъ предпріятій, но предотвратятъ насъ отъ образованія трестовъ и имъ подобныхъ спекулятивныхъ и монопольныхъ громадныхъ учрежденій, преслѣдующихъ противо-общественныя задачи.

Приложеніе II.

При изложеніи ученій физіократовъ, классической школы и чартистовъ мы видѣли, какое важное значеніе имѣлъ споръ о землѣ и объ ея доходѣ. Физіократы впервые поставили вопросъ о частной, свободной земельной собственности въ основу своей экономической системы, которая покоилась на утвержденіи, что только земля даетъ чистый доходъ и является основой всякаго производства. Физіократы съ большимъ успѣхомъ боролись противъ идей аграрнаго коммунизма писателей предъ революціонной Франціи и, послѣ паденія крѣпостнаго права, идея свободной частной земельной собственности все болѣе и болѣе стала распространяться во всемъ свѣтѣ. Быстрый ростъ капитализма въ обрабатывающей промышленности на нѣкоторое время отодвинулъ интересы земледѣлія на второй планъ. Но когда какъ крупная, такъ и мелкая земельная собственность столкнулись съ вопросомъ объ удовлетвореніи потребностей значительно возросшаго населенія, когда жилищный вопросъ въ городахъ сталъ все болѣе обращать на себя вниманіе, когда жизнь городскаго пролетріата и всѣ его волненія и страданія поставили ребромъ такъ называемый соціальный вопросъ, появился цѣлый рядъ писателей, которые стали видѣть въ земельной реформѣ основу для трансформаціи всего капиталистическаго строя. Однимъ изъ наиболѣе блестящихъ представителей этого теченія былъ извѣстный американскій экономистъ Генри Джорджъ (1839—1897), пламенное сочиненіе котораго „Прогрессъ и бѣдность" (1879) пріобрѣло міровую извѣстность. Онъ возродилъ старинную идею о правѣ народа на землю, создавъ свое крылатое слово „національзація земли". Вслѣдъ за нимъ появился цѣлый рядъ писателей, которые стали подвергать коренному пересмотру всѣ экономическія ученія о землѣ и ея доходѣ. Совершенно забытыя старыя сочиненія Томаса Спенса (1750—1814: его трудъ: Полуденное солнце свободы. 1775), Чарльза Голла (Вліяніе цивилизаціи на положеніе народа въ европейскихъ государствахъ. 1805) и друг. [1]), первыхъ французскихъ коммунистовъ, въ частности Бабефа, бельгійца Коллинса (Что такое соціальная наука. Парижъ, 4 т., 1851—4) и друг. стали вновь предметомъ изученія цѣлей плеяды такъ называемыхъ „національзаторовъ земли". Среди этихъ писателей особеннаго вниманія заслуживаютъ сочиненія: 1. англичанина — Альфреда Уоллэса (Національзація

1) Въ небольшой брошюрѣ Моррисонъ-Давидсона: „Предшественники Джорджа" (р. п., изд. Посредника) дана характеристиками Винстэнли, Огилви, Спенса, Пэна, Дова.

земли, 1882 г.); 2. нѣмцевъ — Михаила Флюршейма „На мірномъ пути (Auf friedlichen Wege, 1884), „Единственный путь спасенія (Der einzige Rettungsweg 1890 г.) 3. Адольфа Самтера — „Собственность въ ея соціальномъ значеніи“ (Das Eingentum in seiner socialen Bedeutung, 1879 г.) и 4. А. Штамма — „Спасеніе страждущаго человѣчества“ (Die Erlösung der darbenden Menschheit, 1871 г.). Въ эпоху 1905—1906 г. идея націонализаціи земли была особенно популярна у насъ въ Россіи; весьма энергичными ея проповѣдниками были проф. М. И. Туганъ-Барановскій — (Націонализація земли, СПб., 1905 г.), перешедшій очень быстро изъ лагеря неомарксистовъ къ народничеству, и цѣлая плеяда такъ называемыхъ „молодыхъ народниковъ“ (трудовики и проч.).

Въ очеркѣ исторіи экономіи нельзя не упомянуть объ этой своеобразной теоріи, въ особенности потому, что она принимаетъ чрезвычайно разнообразныя и нерѣдко противорѣчивыя формы, заставляющія относить эту теорію то къ чисто соціалистическимъ, то полусоціалистическимъ или даже буржуазнымъ построеніямъ.

I. Во первыхъ, подъ націонализаціей земли возможно понимать передачу всей земли въ собственность государства. Этому послѣднему будетъ принадлежать вся земля, какъ верховному хозяину. Государство должно будетъ сдѣлаться организаторомъ всего сельско-хозяйственнаго производства. Какъ организатору хозяйства государству будетъ принадлежать *рента* (теперешній доходъ собственника земли) и *прибыль* (вознагражденіе капиталиста или доходъ на затраченный капиталъ), реальный воздѣлыватель земли будетъ получать только заработную плату.

Въ этой формѣ націонализація земли отвергается даже самыми смѣлыми утопистами, и по понятнымъ основаніямъ. Организовать земледѣльческое производство за свой страхъ и рискъ современное государство не въ состояніи: это такая сложная задача, которая не по силамъ самой могучей бюрократіи. Къ тому же при отсутствіи такой же соціализаціи капитала въ обрабатывающей промышленности сельско-хозяйственный соціализмъ долженъ былъ бы имѣть хозяина въ видѣ буржуазнаго государства. Получилось бы вопіющее противорѣчіе и фактически земледѣлецъ-крестьянинъ обратился бы просто въ наемника всемогущаго государства.

О практическомъ осуществленіи этой утопіи и мечтать непозволительно. Во первыхъ потому, что совершенно недоказано, будто современное государство въ состояніи организовать весь сельско-хозяйственный трудъ. Вмѣсто развитія производительныхъ силъ, государство могло бы привести къ полному банкротству все хозяйство. Во вторыхъ, для превращенія всей земли въ собственность государства пришлось бы прибѣгнуть къ конфискаціи или къ выкупу всей какъ частно-владѣльческой земли, такъ и крестьянской, со всѣми постройками, мелioраціями, долгами и проч. Для выкупа всей земли потребовались бы коллоссальныя финансовыя

средства, каковыхъ у современнаго государства не имѣется. Выкупъ всей земли при посредствѣ кредитныхъ операцій въ условіяхъ капиталистическаго хозяйства опасенъ: а) реализація займовъ, въ видѣ ли простой ренты или выкупныхъ свидѣтельствъ, на иностранномъ рынкѣ могла бы не встрѣтить сочувствія. Даже при большей или меньшей успѣшности реализаціи въ первое время, громадныя выпуски бумагъ при безуспѣшности веденія государственнаго хозяйства землями могли бы вызвать такое паденіе бумагъ, которое превратило бы выкупъ въ конфискацію.

b) Конфискація же земли, т. е. лишеніе одного класса собственниковъ ихъ дохода и имущества при оставленіи другого класса собственниковъ-капиталистовъ въ полномъ обладаніи ихъ имуществомъ и доходомъ была бы явною несправедливостью, да и неосуществима, ибо интересы капиталистовъ въ обрабатывающей промышленности и землевладѣльцевъ, хотя и противорѣчивы, но не въ такой мѣрѣ, чтобы первые могли желать уничтоженія собственности вторыхъ. Въ охраненіи собственности ихъ общій интересъ. Классъ капиталистовъ уже и потому былъ бы противъ такой національзаціи, что значительная доля его капитала находится въ закладныхъ листахъ на землю и растаться съ доходомъ на этотъ капиталъ никто изъ нихъ не пожелаетъ. Противъ соціальной революціи владѣющіе классы всегда борятся солидарно. Нѣтъ, поэтому, никакихъ основаній мечтать, чтобы было возможно огосударствленіе орудій производства въ одной отрасли промышленности безъ одновременнаго осуществленія такого же огосударствленія во всѣхъ другихъ. Какъ человѣчество пойдетъ къ осуществленію соціалистическаго идеала, мы еще пока предвидѣть не можемъ, но я, по крайней мѣрѣ, убѣжденъ, что это совершится на почвѣ общей эволюціи хозяйства и послѣдовательной борьбы за заработную плату и организацію труда безъ всякихъ революціонныхъ конфискацій.

c) Нерѣдко предложенія эти пріобрѣтаютъ болѣе скромный и осуществимый характеръ, какъ національзація какихъ-либо особенно рѣдкихъ и необходимыхъ земель: рудниковъ и копей, нефтеносныхъ источниковъ, парковъ въ городахъ, цѣлебныхъ мѣстъ, лѣсовъ у источниковъ рѣкъ, въ песчаныхъ территоріяхъ и т. п. Всѣ подобныя предложенія вполнѣ осуществимы и являются простымъ расширеніемъ государственной или общественной собственности по тѣмъ или инымъ соображеніямъ цѣлесообразности.

II. *Во второй формѣ*, національзація земли сводится къ провозглашенію права государства захватить въ свою пользу земельную ренту, т. е. такъ называемый незаработанный доходъ собственника земли, который онъ получаетъ благодаря общественнымъ условіямъ и особому плодородію своей земли.

Въ этой формѣ національзація земли вполнѣ можетъ уживаться съ крупной и мелкой системой сельско-хозяйственныхъ предпріятій. Рента можетъ быть захвачена, какъ у крупнаго землевладѣльца, такъ и у мелкаго крестьянина-собственника. Объ

этой формѣ національзаціи когда то Карлъ Марксъ писалъ нижеслѣдующее: „всѣ такіе соціалисты-національзаторы, въ томъ числѣ и Колинсъ, имѣютъ одно общее: они оставляютъ неприкосновеннымъ наемный трудъ, а, слѣдовательно, и капиталистическое производство, пытаясь увѣрить себя и окружающій міръ, что превращеніе земельной ренты въ государственный налогъ устранитъ всѣ неустройства капиталистическаго производства. Слѣдовательно, ихъ требованіе есть ничто иное, какъ прикрытая соціалистическими узорчиками попытка спасти классовое господство и фактически поставить его на еще болѣе обширное и прочное основаніе, чѣмъ прежнее“.

Марксъ совершенно правъ. Какъ рента землевладѣльца, такъ и прибыль на капиталъ создаются общественными условіями современнаго капиталистическаго производства. Если рента за землю достанется государству, а прибыль на капиталъ будетъ доставаться частнымъ владѣльцамъ, то не устранятся ни эксплуатація человѣка человѣкомъ, ни всѣ неустройства, вытекающія изъ неорганизованности капиталистическаго производства: кризисы, безработица, соперничество крупныхъ и мелкихъ хозяйствъ, задолженность и проч., и проч. Но и этого мало, такая мѣра содѣйствовала бы еще большему торжеству капитализма и, кромѣ того, была бы экономически нецѣлесообразна.

Во первыхъ, въ захватѣ земельной ренты полностью въ пользу государства, по существу, нѣтъ ничего соціалистическаго при отсутствіи такого же захвата прибыли съ цѣлью планомѣрной организаціи всего народнаго хозяйства. Современное буржуазное государство путемъ налоговъ стремится воспользоваться частью дохода землевладѣльцевъ и капиталистовъ, но никогда не захватываетъ эти доходы цѣликомъ, и по понятной причинѣ. Въ основѣ современной капиталистической организаціи лежитъ частная собственность и частная предпріимчивость. Государство беретъ на общественныя потребности все болѣе и болѣе возрастающую долю чистаго дохода, но оставляетъ все же значительную часть его въ рукахъ собственниковъ, чтобы сохранить въ нихъ стимулы къ продолженію ихъ предпринимательской дѣятельности. Переложивъ обложеніе исключительно на ренту, государство только усилитъ классъ капиталистовъ. Вмѣсто равномѣрности въ обложеніи обоихъ видовъ чистаго дохода — ренты и прибыли — будетъ неравномѣрное обложеніе землевладѣльца — какъ крупнаго, такъ и мелкаго, при чемъ послѣдній будетъ поставленъ въ наиболѣе тяжкое положеніе. Крупный капиталистъ — земледѣлецъ, воздѣлывающій свою землю при помощи организованной силы капитала, будетъ въ состояніи получать гораздо больше чистаго дохода, чѣмъ мелкій земледѣлецъ, работающій, главнымъ образомъ, трудами рукъ своихъ. Въ хозяйствѣ этого послѣдняго — рента и прибыль — составляютъ столь смѣшанный видъ дохода, что часто ихъ и различить невозможно. Государство будетъ поставлено въ

необходимость: или совершенно отказаться отъ захвата его ренты, считая доходъ мелкаго земледѣльца какъ бы только заработной платой, или же взимать съ него такую же арендную плату, какую платитъ за землю крупный капиталистъ. Въ послѣднемъ, наиболѣе вѣроятномъ случаѣ, такъ какъ государство сохраняетъ свой буржуазный характеръ, разореніе мелкаго землевладѣльца почти неизбѣжно, а слѣдовательно, національзація въ этой формѣ будетъ только содѣйствовать концентраціи земли въ капиталистическихъ рукахъ.

Во вторыхъ, при такой формѣ національзаціи для всего общества въ цѣломъ, какъ суммы потребителей продуктовъ земледѣлія, выгодъ не произойдетъ. Такъ или иначе исчисленная сумма ренты поступитъ въ распоряженіе государства для удовлетворенія общественныхъ потребностей. Потребители пріобрѣтутъ выгоды только какъ члены государства, но цѣны на продукты земледѣлія останутся безъ измѣненія. Капиталистическое сельское хозяйство будетъ развиваться. Съ ростомъ общественныхъ потребностей цѣны на продукты земледѣлія будутъ возрастать. Въ состояніи ли будетъ рабочее сословіе отвоевать себѣ высшую заработную плату, пропорціональную этому росту цѣнъ, вопросъ спорный. Капиталисты будутъ цѣпко отстаивать свою прибыль и всѣми мѣрами стараться недопустить увеличенія обложенія, доказывая, что государство уже покушается на прибыль. Если даже государству удастся получать въ видѣ ренты, все возрастающую сумму налога по мѣрѣ роста цѣнъ то отъ способовъ употребленія ея будетъ зависѣть то или иное положеніе народнаго хозяйства. Въ настоящій моментъ, когда рента принадлежитъ классу землевладѣльцевъ, а прибыль капиталистамъ, интересы этихъ классовъ часто противорѣчивы и борьба ихъ между собою даетъ возможность часто вести экономическую политику по пути компромисса въ пользу рабочаго сословія. При принадлежности ренты государству громадное вліяніе получитъ классъ капиталистовъ, создается такая солидарность его интересовъ, которая можетъ на многіе годы окрасить экономическую политику и употребленіе захваченной государствомъ земельной ренты чисто буржуазнымъ образомъ. Государство и его бюрократія, даже при наличности представительныхъ учрежденій, пріобрѣтутъ могущественное значеніе и склонятся ли они на сторону рабочаго класса, или буржуазіи, будетъ зависѣть отъ силы этихъ двухъ классовъ и самихъ интересовъ бюрократіи.

Изъ сказаннаго, однако, не слѣдуетъ, чтобы въ предѣлахъ капиталистическаго общества разумное обложеніе ренты не имѣло соціально-политическаго значенія, какъ мы это и отмѣтимъ ниже.

Въ третьихъ, въ основѣ всѣхъ проектовъ національзаціи ренты лежитъ старое, установленное еще Рикардіанской школой представленіе, будто землевладѣльцы обладаютъ „естественной монополіей."

Безъ всякаго сомнѣнія между рентой и прибылью, какъ общественными доходами, существуетъ громадное различіе. Два

совершенно различныхъ класса, по историческому прошлому и по соціальнымъ традиціямъ, владѣютъ доходомъ отъ земли и отъ капитала. Въ разныя историческія эпохи оба эти класса занимали, и занимаютъ до сихъ поръ въ разныхъ государствахъ, совершенно отличное соціальное и политическое положенiе. Рикардіанцы формулировали свою теорію ренты въ началѣ 19-го вѣка, когда старый феодальный, землевладѣльческій строй рушился и когда на смѣну аристократіи земли выступили аристократія и магнаты капитала. Въ настоящую историческую эпоху строй западно-европейскихъ странъ совершенно капитализировался и установленная Рикардіанцами теорія ренты подлежитъ существеннымъ поправкамъ и видоизмѣненіямъ, въ зависимости отъ той стадіи развитія, на которой находится то или другое изъ современныхъ государствъ.

Современная экономическая наука не смотритъ на теорію ренты такъ элементарно и такъ буржуазно, какъ это дѣлалось въ началѣ того великаго промышленнаго и политическаго переворота, который пережили европейскіе народы въ теченіи 19-го вѣка [1]). Теперь уже никто не вѣритъ въ теорію неизбѣжнаго экономическаго и соціальнаго преобладанія землевладѣльца надъ промышленникомъ и только въ популярной литературѣ повторяется старая сказка о естественной монополіи землевладѣльца. Анализъ экономической науки сталъ глубже, многостороннѣе. Онъ не ограничивается одними элементарными экономическими посылками, но принимаетъ во вниманіе цѣлый рядъ историко-соціальныхъ соображеній, опредѣляющихъ положеніе землевладѣльца и капиталиста, крупнаго и мелкаго, въ народномъ хозяйствѣ.

Въ своей книгѣ: Обмѣнъ и экономическая политика (см. главу 5-ю, стр. 332—447, Юрьевъ 1904 г.) я подробно разсмотрѣлъ пресловутую теорію преобладанія землевладѣльца надъ капиталистомъ. Здѣсь я могу привести только вкратцѣ тѣ соображенія, которыя могутъ показать, что теорія національзаціи одной земельной ренты построена на недостаточномъ экономическомъ и соціальномъ анализѣ народно-хозяйственныхъ явленій.

А. Во первыхъ, не слѣдуетъ упускать, прежде всего, изъ виду, что возраженіе противъ земельной ренты, какъ дохода получаемаго безъ личнаго труда и издержекъ, совершенно не достигаетъ цѣли, къ которой стремится, будучи неправильно въ двухъ отношеніяхъ.

Во первыхъ, въ нашей сложной экономической системѣ не только земля, но и капиталъ, даютъ доходъ безъ личнаго труда и издержекъ со стороны ихъ владѣльцевъ. Тотъ фактъ, что земля и капиталъ приносятъ прибавочный продуктъ владѣльцамъ, нѣчто свыше необходимой траты на содержаніе работниковъ, служитъ общей основой для полученія ренты и прибыли. Предполо-

1) Сравни выше примѣчаніе стр. 456—7.

женіе, что прибыль одинакова на протяженіи всего народнаго хозяйства, а рента въ своихъ различныхъ нормахъ зависитъ отъ однихъ различій въ естественной производительности земли, теперь окончательно отвергнуто. Экономическая наука почти единодушна въ признаніи многообразности въ нормахъ прибыли и ренты въ зависимости отъ чисто естественныхъ и соціальныхъ условій.

Во вторыхъ, землевладѣлецъ, также какъ и капиталистъ, могутъ принимать участіе въ производствѣ въ качествѣ организаторовъ своихъ предпріятій, но могутъ и не принимать. Капиталистъ живетъ безъ труда — процентомъ и дивидентомъ, землевладѣлецъ рентой; часто дивидентъ и процентъ капиталиста значительно превышаютъ ренту землевладѣльца. При задолженности землевладѣнія часто вся рента поступаетъ въ распоряженіе капиталиста, имѣющаго закладное право на землю.

Въ третьихъ, утвержденіе Рикардо, что земельная рента, какъ особый доходъ, существовала бы и безъ института собственности, надо принимать съ большими ограниченіями. Въ основѣ этого утвержденія лежитъ недостаточный анализъ о землѣ, какъ факторѣ производства (см. стр. 456, 463—4, 486—7, 547 и слѣд.). Ученіе о доходахъ возможно построить только въ опредѣленныхъ условіяхъ общественной среды. Уничтоженіе собственности на землю, конечно, уничтожило бы и этотъ особый доходъ, онъ превратился бы въ прибыль и заработную плату. Только общественныя учрежденія т. е. собственность обособляютъ доходы въ своеобразныя категоріи. Общая масса продукта только благодаря наличности тѣхъ или иныхъ общественныхъ учрежденій своеобразно дѣлится на доходы; сводить, поэтому, земельную ренту только къ тому избытку, который дается различіями въ плодородіи, неправильно.

Б. Во вторыхъ, въ основѣ теоріи экономическаго преобладанія землевладѣльца лежитъ совершенно невѣрное представленіе о естественной монополіи. Эта естественная монополія обыкновенно обосновывается двумя соображеніями: во первыхъ, ограниченностью пространственнаго протяженія земли и во вторыхъ, закономъ уменьшающейся производительности почвы.

Безъ сомнѣнія эти соображенія имѣютъ чрезвычайно важное значеніе, но, во первыхъ, имъ придано было слишкомъ большое значеніе, котораго они въ дѣйствительности не имѣютъ. Было бы, однако, съ моей стороны совершенною нелѣпостью утверждать, что принципъ или свойство рѣдкости не сказывается съ большею интенсивностью по отношенію къ землѣ сравнительно съ капиталомъ. Процессы накопленія капитала идутъ въ нашемъ сложномъ обществѣ быстрѣе, чѣмъ процессы интенсификаціи сельскаго хозяйства, какъ бы увеличивающіе при одной и той же территоріи количество земли, какъ производительной машины. Допустивъ даже болѣе важное значеніе за принципомъ рѣдкости по отношенію къ землѣ, мы, однако, этимъ самымъ не должны не-

избѣжно высказываться за національзацію въ смыслѣ раздробленія всей территоріи и передачи ее мелкими участками въ руки тѣхъ, которые ее обрабатываютъ. Если количество земли ограничено, то отсюда слѣдуетъ то, что производительныя силы ея должны быть приведены въ такое состояніе, чтобы онѣ могли быть использованы наилучшимъ образомъ для полученія наибольшей массы продукта съ наименьшимъ количествомъ издержекъ и при наиболѣе справедливой заработной платѣ. Самое раздробленіе территоріи, такимъ образомъ, отнюдь на необходимый постулатъ націонализаціи земли.

Во вторыхъ, это утвержденіе относительно ограниченности земли всегда предполагало, какъ свою противоположность, положеніе, что капиталъ величина постоянно возрастающая и какъ бы представляющая нѣчто неограниченное. Такое противоположеніе представляетъ собой нѣчто воображаемое. Капиталъ также величина ограниченная, имѣющая свои особые законы наростанія и — какъ величина для каждой данной эпохи ограниченная — капиталъ также успѣшно борется за свое существованіе и его прибыль никогда не можетъ быть цѣликомъ или въ значительной мѣрѣ захвачена рентой.

Въ третьихъ, ограниченность пространственнаго протяженія земли, хотя и является фактомъ, но увеличеніе затратъ капитала на одной и той же территоріи, наличность еще пространствъ незаселенныхъ и недостаточно напоенныхъ капиталомъ даютъ возможность при ограниченности территоріи постоянно расширять потокъ производимыхъ продуктовъ. Въ теченіи 19-го вѣка капиталъ могущественно боролся съ этой ограниченностью территоріи и законъ уменьшающейся производительности почвы вовсе не сказался съ тою ужасающею силою, которую ему приписывали рикардіанцы. Немудрено поэтому, что въ капитализаціи земледѣлія почти всѣ экономисты видятъ залогъ благосостоянія широкихъ массъ человѣчества. Единственное средство борьбы противъ возрастанія стоимости сельскохозяйственныхъ продуктовъ заключается въ капитализаціи земледѣлія и въ развитіи усовершенствованныхъ пріемовъ сельско-хозяйственнаго производства.

В. Въ третьихъ, самое понятіе естественной монополіи прилагается къ землѣ безъ достаточныхъ основаній. Еще Мальтусъ справедливо писалъ: „при всѣхъ дѣйствительныхъ монополіяхъ, естественны ли онѣ или искуственны, спросъ совершенно чуждъ условіямъ производства и независимъ отъ нихъ, а потому и цѣна монопольныхъ продуктовъ не имѣетъ другой границы кромѣ той, которая опредѣляется числомъ покупателей, ихъ средствами и наклонностями“. Основной признакъ выбранъ совершенно вѣрно: процессъ образованія цѣнъ на продукты при наличности монополіи опредѣляется внѣ условій производства и соперничества. Большинство экономистовъ послѣ Мальтуса совершенно ясно понимали, что цѣна земледѣльческихъ продуктовъ не опредѣляется внѣ зависимости отъ условій производства и соперничества. Мальтусъ

и назвалъ, поэтому, справедливо монополію землевладѣльца „частичной или относительной“. Д. С. Милль, хотя и сохранилъ за монополіей землевладѣльца названіе естественной, но призналъ, что цѣна на сырые продукты опредѣляется въ условіяхъ соперничества, ибо, какъ онъ писалъ: „землевладѣльцы не въ состояніи составлять коалицій въ виду своей многочисленности“. Для всякаго теперь ясно, что всѣ монополіи возможны только въ извѣстной экономической и общественной средѣ. Основой ихъ является собственность, или равно пользованіе, какой либо необходимой для общества производительной силой. Всѣ продукты, какъ сырые, такъ и обработанные, равно необходимы для жизни общества. Монополія производителя заключается въ возможности захвата въ свою пользу чрезъ процессы образованія цѣнъ относительно большей доли прибавочнаго продукта и прибавочной цѣны. Ученіе Рикардо, будто цѣнность продуктовъ земледѣлія опредѣляется предѣльными условіями производства никогда подтверждено жизнью не было, какъ постоянное (во всѣ историческія эпохи) явленіе. Вѣрнѣе, что среднія условія производства и распредѣленія нормируютъ раздѣлъ доходовъ, но въ каждую историческую эпоху устанавливается своеобразная дифференціація доходовъ. Сила монополіи зависитъ отъ степени этого захвата, какъ бы она не достигалась, подъ дѣйствіемъ ли владѣнія частицей природы или подъ давленіемъ той или иной организаціи тѣхъ или иныхъ условій собственности или пользованія экономическими силами [1]).

Мы знаемъ теперь, что и землевладѣльцы въ состояніи составлять политическія и соціальныя коалиціи, но въ еще большей мѣрѣ такой способностью отличаются представители обрабатывающей промышленности и добыватели желѣза, угля, драгоцѣнныхъ и всякихъ другихъ металловъ и маслъ, въ родѣ нефтянаго. Собственность или пользованіе обращаетъ всѣ монополіи въ одно цѣлое и зачастую соціальная организація капитала даетъ значительный перевѣсъ ему надъ одной „естественной монополіей“ обладанія землею. Такимъ образомъ, въ нашихъ капиталистическихъ условіяхъ нельзя сказать, что землевладѣлецъ неизбѣжно доминируетъ надъ промышленникомъ. Историческая борьба между городомъ и деревней, весь современный протекціонизмъ, всѣ особенности правового быта, нормирующія условія завладѣнія прибавочнымъ продуктомъ въ

1) Ученіе Кернса о подраздѣленіи общества на опредѣленныя промышленныя наслоенія (strata) или подраздѣленія, при чемъ только въ предѣлахъ каждаго изъ этихъ подраздѣленій можно говорить о свободномъ соперничествѣ, осталось на долго безъ вниманія, а между тѣмъ оно имѣетъ очень важное значеніе и встрѣчается на каждомъ шагу не только въ экономіи, но и вообще въ жизни. Оно имѣетъ широкое соціологическое значеніе. Даже въ наукѣ и литературѣ „монополія“ кружковщины дѣлаетъ „свое дѣло“, возвеличивая только „своихъ и „для своихъ цѣлей“, давая просторъ для дѣятельности и соперничества только „своимъ“.

земледѣлія и фабрикаціи, все это ничто иное какъ картины классовой борьбы за дифференціальный раздѣлъ продукта, борьба экономическихъ силъ за то или иное относительное преобладаніе. Націонализація земли не можетъ быть поэтому какой то панацеей для лѣченія соціальныхъ золъ. Слѣдуетъ прежде всего опредѣлить, кто въ данную историческую эпоху, напр. у насъ, захватываетъ большій доходъ и тогда можетъ оказаться, что промышленникъ въ теченіи долгаго времени высасывалъ соки изъ крупнаго и мелкаго земледѣльца, политически и соціально надъ нимъ преобладалъ.

Если бы даже рента была захвачена государствомъ, какъ я уже и выше указывалъ, это не облегчило бы доступа крестьянамъ къ землѣ. Они должны были бы наравнѣ съ крупными владѣльцами платить эту ренту, вырабатывать же ее при отсутствіи машинъ и орудій, помогающихъ ихъ труду, они могли бы съ гораздо большимъ напряженіемъ своихъ силъ. Монополіей на полученіе земли обладалъ бы тотъ, кто въ состояніи отдать государству большую долю своей ренты, при предположеніи, конечно, что государство не смотритъ на націонализацію, какъ на своего рода общественное призрѣніе неимущихъ, которымъ оно считаетъ необходимымъ значительную долю возможной къ полученію ренты отдавать частью или полностью. Соціальная реформа должна быть экономически цѣлесообразна, а потому не можетъ и не должна быть построена на началахъ общественнаго призрѣнія. Если ее построить на такихъ началахъ, это значитъ придти къ вѣрному банкротству всей реформы. Такимъ образомъ націонализація и въ этой второй формѣ экономически не цѣлесообразна [1]).

Какъ я уже отмѣтилъ выше, путемъ обложеніе ренты возможно, однако, достигнуть нѣкоторыхъ соціально-политическихъ цѣлей. Особенно пропагандируется земельными реформаторами два вида налога, при посредствѣ которыхъ они надѣются нѣсколько

---

1) Не слѣдуетъ забывать и того, что при принадлежности ренты государству промышленный классъ боролся бы съ прежней силою за свою прибыль. Ему, быть можетъ, также какъ и теперь, удалось бы отвоевать значительную долю захваченной государствомъ ренты въ свою пользу, какъ дифференціальную прибыль. Проф. М. Я. Герценштейнъ справедливо писалъ: „наша эпоха выдѣлила капиталистовъ въ первенствующій классъ, сумѣвшій подчинить себѣ не только трудъ, но и другія формы богатства. Капиталъ во всѣхъ трехъ его видахъ, какъ торговый капиталъ, промышленный и биржевой, овладѣлъ всѣми рессурсами общественнаго производства и не только подчинилъ себѣ землевладѣльцевъ, но и придалъ обработкѣ земли совершенно иной характеръ, сдѣлалъ ее почти невозможной безъ вложенія значительнаго капитала. Вмѣсто того, чтобы поглощать все то, что въ видѣ аренды или въ высокихъ цѣнахъ на сельскіе продукты поступаетъ въ распоряженіе сельскаго хозяина, какъ это имѣло мѣсто въ прежнее время, землевладѣлецъ, при существованіи наемнаго труда и полной зависимости отъ капитала, во многихъ случаяхъ сохраняетъ только титулъ владѣльца, на самомъ же дѣлѣ вполнѣ подчиненъ капиталу“. См. Аграрный вопросъ, Москва. 1905, стр. 114.

уровнять положеніе землевладѣльцевъ и сохранить землю въ рукахъ только лицъ, хорошо умѣющихъ ее обрабатывать. Къ числу такихъ налоговъ принадлежатъ: a) налогъ по установившейся цѣнности земли (nach dem gemeinen Wert), подъ которой понимають продажную цѣнность земли, опредѣляемую ежегодно или по истеченіи установленнаго промежутка времени и b) налогъ на незаработанный прирость въ цѣнности (Zuwachssteuer), взимаемый съ продавца — за исключеніемъ всѣхъ сдѣланныхъ затратъ на улучшеніе участка, если продажная цѣнностъ превышаетъ ту, по которой онъ былъ отчужденъ въ предшествовавшій разъ. Въ Пруссіи около 80 городскихъ и 60 сельскихъ общинъ уже ввели нынѣ первый изъ этихъ налоговъ; второй налогъ введенъ въ Кельнѣ, Франкфуртѣ, Гензенкирхенѣ; въ Кельнѣ этотъ налогъ пропорціонально возрастаетъ до 25 %.

III. Въ третьей своей формѣ національизація земли выступаетъ въ трехъ формахъ.

Во первыхъ, какъ проэктъ передачи возможно большаго количества земли въ руки крестьянъ, какъ лицъ, обрабатывающихъ землю главнымъ образомъ трудомъ своей семьи и отъ благосостоянія коихъ зависитъ спокойствіе и богатство государства. Другими словами, въ этихъ проэктахъ мы по существу имѣемъ дѣло *съ простымъ расширеніемъ крестьянскаго землевладѣнія въ тѣхъ его формахъ, которыя существуютъ въ реальной дѣйствительности съ большимъ или меньшимъ сохраненіемъ средняго или крупнаго землевладѣнія прежнихъ владѣющихъ классовъ.* Эти проэкты приближаются или къ соціалистическимъ построеніямъ, или же стоятъ на почвѣ индивидуалистическаго порядка хозяйства.

Въ первомъ случаѣ аграръ-политики обыкновенно стоятъ: за принудительное отчужденіе съ опредѣленіемъ цѣны выкупаемой у владѣющихъ классовъ земли по справедливой оцѣнкѣ, за сохраненіе государствомъ верховнаго наблюденія за распоряженіемъ земли, за передачу земли лишь въ вѣчно-наслѣдственную аренду или въ распоряженіе общинъ на началахъ передѣльнаго права, за опредѣленіе нормы семейнаго надѣла, за семейную собственность, за ограниченія въ правѣ мобилизаціи, залога завѣщанія и проч.

Во второмъ случаѣ принципъ принудительнаго отчужденія отвергается, какъ революціонный принципъ, неправомѣрно разрушающій принципъ частной собственности владѣющихъ классовъ и подрывающій наиболѣе организованныя и производительныя крупныя хозяйства. Въ основу проэктовъ расширенія мелкаго и средняго крестьянскаго хозяйства ставится начало договора и пріобрѣтенія покупкой съ помощью государства, главнымъ образомъ его кредитныхъ учрежденій въ родѣ Крестьянскаго банка, продающейся земли по вольной рыночной цѣнѣ. Расширеніе мелкаго и средняго крестьянскаго землевладѣнія разсматривается, какъ важный способъ укрѣпленія началъ частной собственности чрезъ расширеніе состава и численности болѣе или менѣе обезпеченныхъ частныхъ владѣль-

цевъ. Въ виду этого въ этихъ проэктахъ обнаруживаются стремленія установить единыя или во всякомъ случаѣ близкія начала для способа распоряженія (продажи, залога, отчужденія, наслѣдованія, завѣщанія) мелкой, средней и крупной земельной собственности [1]).

Въ первомъ случаѣ, въ основѣ экономическихъ взглядовъ на систему хозяйства лежитъ обыкновенно предпочтеніе въ смыслѣ большей производительности крестьянскаго хозяйства и убѣжденіе, что крупное землевладѣніе совершенно не благопріятствуетъ или очень мало содѣйствуетъ развитію производительныхъ силъ и не только не полезно, но даже вредно для развитія демократическихъ началъ государственнаго управленія. Громадныя надежды возлагаются на общину, какъ на хранительницу идей соціальной справедливости и демократическаго политическаго порядка.

Во второмъ случаѣ, крупное землевладѣніе разсматривается, какъ наиболѣе производительная система хозяйства и наиболѣе вѣрное средство сохраненія, на ряду съ мелкой собственностью, индивидуалистической системы хозяйства и анти-демагогическихъ формъ общественнаго строя съ сохраненіемъ политическаго значенія монархіи, опирающейся на господствующую въ странѣ національность, или вообще значенія въ соціальномъ строѣ владѣющихъ классовъ. Аграрная реформа становится такимъ образомъ основаніемъ для борьбы за тотъ или иной политическій строй, на основаніи тѣхъ или иныхъ упованій по пріобрѣтенію симпатій тѣхъ или иныхъ общественныхъ классовъ и національностей.

Въ третьихъ, національзація земли въ этой формѣ выступаетъ въ видѣ безконечнаго многообразія проэктовъ расширенія государственнаго вмѣшательства въ сельско-хозяйственный промыселъ и въ формы землевладѣнія съ цѣлью созданія особаго земельнаго права, отличающагося благодаря экономическимъ и соціальнымъ особенностямъ самой земли и землевладѣльческихъ классовъ отъ капитало-владѣнія и положенія классовъ, работающихъ въ обрабатывающей промышленности [2]).

Обсужденію вопроса о національзаціи земли въ этихъ трехъ формахъ и буржуазные, и соціалистически настроенные писатели посвятили безконечное количество изслѣдованій.

Разсмотрѣніе вопроса объ аграрной реформѣ обыкновенно связывается съ разрѣшеніемъ слѣдующихъ проблемъ: 1. слѣдуетъ ли заботиться о созданіи для землевладѣнія особаго земельнаго права, отличнаго отъ капитало-владѣнія и норми-

---

1) Нерѣдко это теченіе индивидуалистическаго направленія затѣмъ (какъ это было напр. въ Германіи) силою вещей начинаетъ регламентировать частную крестьянскую собственность и превращается въ третью форму.

2) Родоначальникомъ этого теченія слѣдуетъ считать Л. Штейна см. два его труда: 1. Die drei Fragen des Grundbesitzes (1881). 2. Die Landwirtschaft in der Verwaltung und das Princip der Rechtsbildung des Grundbesitzes (1883).

рующаго размѣръ владѣнія, право мобилизаціи, заклада, аренды, покровительствующаго старымъ общиннымъ или новымъ корпоративнымъ формамъ владѣнія, надлежитъ ли устраивать крестьянъ на мѣстахъ, или развивать переселеніе и т. п. 2. какова эволюція сельскаго хозяйства въ капиталистической системѣ, совершается ли въ немъ, также какъ и въ обрабатывающей промышленности, постепенная соціализація производства, какія изъ существующихъ формъ владѣнія и системъ хозяйства (въ частности крупное или мелкое хозяйство) наиболѣе содѣйствуютъ процессу соціализаціи сельско-хозяйственнаго промысла, развитію его производительныхъ силъ и усовершенствованныхъ системъ хозяйства. Изъ сочиненій, трактующихъ эти вопросы, слѣдуютъ имѣть въ особенности въ виду нижеслѣдующія: 1. Ad. Wagner. Grundlegung der Pol. Oek., Volkswirtschaft und Recht, besonders Vermögensrecht oder Freiheit und Eigentum in volkswirtschaftlicher Betrachtung, 2-я часть, книга 1—3, его же статья „Grundbesitz“ въ второмъ изданіи словаря Конрада. 2. A. Buchenberger. Agrarwesen und Agrarpolitik, 2 т. 1893 г., первый томъ имѣется въ русскомъ переводѣ. 3. К. Каутскій. Аграрный вопросъ, р. пер. 1899 г. 4. Ф. Герцъ. Аграрный вопросъ, р. пер. 1900 г. 5. Э. Давидъ. Соціализмъ и сельское хозяйство, р. пер. 1906 г. 6. С. Булгаковъ. Капитализмъ и земледѣліе, 2 т., 1900 г. 7. Н. Каблуковъ. Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи, посл. изд., 1907 г. 8. П. Масловъ. Аграрный вопросъ въ Россіи, т. I и II (1905—8 г.); 9. В. Ильинъ. Развитіе капитализма въ Россіи, 1893 г. и Аграрный вопросъ, т. I, 1908 г. 10. Сборники партіи народной свободы подъ общимъ заголовкомъ „Аграрный вопросъ“; 11—12. А. Миклашевскій. Земельная реформа и организація труда (1906) и Политика труда и идеалы распредѣлительной справедливости (1906). 13. Гатти. Соціализмъ и сельское хозяйство, р. пер. 1908 г. 14. Лященко. Аграрная эволюція въ Россіи, 1908 г. 15. Скворцовъ. Основы экономики земледѣлія, 3 т. 1901—3 г., и его же Аграрный вопросъ, 1906 г.. 16. А. И. Чупровъ. Мелкое землевладѣніе и его основныя нужды, 1907 г. 17. Проф. А. Фортунатовъ. Очерки сельско-хозяйственной статистики и Поземельныя отношенія въ Западной Европѣ (1905 г.). 18. М. Соболевъ. Мобилизація земельной собственности и новое теченіе аграрной политики въ Германіи, 1898. 19. А. Мануиловъ. Аренда земли въ Ирландіи, 1895 г.; 20. Сборникъ статей „Очерки по крестьянскому вопросу“, 2 т., 1904—5 г.; 21. Сборникъ статей „Нужды Деревни“ 2 т., 1904; 22. Сборникъ статей „Крестьянскій строй“, 1905 г. 23. В. Э. Дэнъ. Очерки по экономической географіи, часть I. Сельское хозяйство. Спб. 1908 г. 24. А. Кауфманъ. Русская Община въ процессѣ ея зарожденія и роста. М. 1908 г. 25. М. Бернацкій. Къ аграрному вопросу. 1906 г. 26. Н. М. Цытовичъ. Принудительное отчужденіе и аграрный вопросъ, Кіевъ, 1907. 27. А. Билямовичъ. Землеустроительныя задачи и землеустоительное законодательство въ

Россіи, Кіевъ, 1907 г. 28. А. А. Кауфманъ. Аграрный вопросъ въ Россіи, два выпуска, 1908 г. 29. А. А. Кауфманъ. Переселенія и колонизація, Спб., 1905 г. 30. А. А. Корниловъ. Очерки по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи, Спб., 1905 г.

Приложеніе III.

Исправленія, дополненія, опечатки.

Къ стр. 79 и слѣд. Кромѣ отмѣченныхъ въ текстѣ сочиненій для экономической исторіи слѣдуетъ имѣть въ виду слѣдующія сочиненія: 1. Ashley (Эшли). English economic history and theory (2 т. 1888—1893 г., экономическая исторія Англіи и теорія, средніе вѣка и ихъ конецъ, р. пер, въ изд. Водовозова): 2. T. Rogers. A History of Agriculture and Prices in England (Т. Роджерсъ. Исторія земледѣлія и цѣнъ вь Англіи, р. пер. Каткова); 3. В. Кеннингемъ. Западная цивилизація съ экономической точки зрѣнія (р. пер., 2 т., пер. Когана, т. I. Древній міръ; т. II Христіанство, эпоха возрожденія, переходъ къ новому времени); 4. Е. Нассе. Земледѣліе и аграрныя отношенія Англіи, пер. Левицкаго, 1893 г. 5. М. М. Ковалевскій. Общественный строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ, М. 1880 г. 6. П. Виноградовъ. Изслѣдованія по соціальной исторіи Англіи. 7. М. Ковалевскій. Экономическій ростъ Западной Европы, Москва, 1898—1903 г. 8. Петрушевскій. Возстаніе Уота Тайлера, 2 тома, 1897—1901 г. 9. А. Савинъ. Англійская деревня въ эпоху Тюдоровъ, 1903 г. 10. И. Гранатъ. Къ вопросу объ обезземеленія крестьянства въ Англіи, М. 1906 г. 11. С. Ф. Платоновъ. Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ, 1899 г. 12. П. Милюковъ. Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти 18-го вѣка, второе изд. 1905 г, 13. Курсы русской исторіи проф. В. Ключевскаго, П. Милюкова, С. Платонова и обзоры исторіи русскаго права проф. В. Сергѣевича, М. Владимірскаго-Буданова и М. Дьяконова.

Къ стр. 128. Трактатъ Ф. Менготти подъ заглавіемъ: „Il Colbertismo ossia della liberta di commercio de' prodotti della terra" появился въ 1791 г.; перепечатанъ въ изданіи „Scrittori classici italiani", parte moderna, т. XXXVI.

Къ стр. 132. Любопытный памятникъ для характеристики Кольбера составляетъ изданіе P. Clement (автора лучшаго сочиненія о Кольберѣ): Lettres, instructions et mémoires de Colbert, 7 томовъ и таблицы, всего 10 выпусковъ, Paris, 1861—1882.

Къ стр. 144. см. къ стр. 279.

Къ стр. 154. Въ примѣчаніи я отмѣтилъ, что литературныя указанія о физіократахъ даны въ моихъ изданіяхъ сочиненій Тюрго и Кенэ. Для тѣхъ, въ чьи руки не попадутъ эти изданія, считаю нужнымъ отмѣтить слѣдующіе главные труды: 1) M. Leonce de Lavergne. Les Économistes francais du Dix-huitième siècle. Paris, 1870; 2) G. Schelle. Dupont de Nemors et l'Ecole physiocratique. Paris, 1888; его же книга о Кенэ, къ сожалѣнію, распроданная; 3) Онкенъ. Исторія политической экономіи. р. п. 1908 г.; 4) Neumark. Turgot et ses doctrines. Paris. 1885; 5) R. Shepherd. Turgot and the six edicts. N. J. 1903; 6) Афанасьевъ. Главные моменты министерской дѣятельности Тюрго. Одесса, 1884. и его же Условія хлѣбной торговли во Франціи 18-го столѣтія. Одесса, 1892; 7) Карѣевъ. Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти 18-го вѣка. Спб., 1879 г.

Къ стр, 224. По даннымъ Юрачека въ его географо-статистическихъ таблицахъ территорія и населеніе міра распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

	Пространство въ 1000 кил. за исключеніемъ берег. морей и значительн. внутренн. водъ.	Населен. въ 1000 челов.	Населен. на квадр. кил.	Населеніе въ $^0/_{00}$ къ общей его массѣ.
Азія	44.178	822.718	18,6	539,48
Европа	9.907	401.542	40,2	263,30
Африка	29.872	142.567	4,8	99.49
Америка	38.751	151.485	3,7	99,33
Австралія	8.955	6.888	0,7	4,39
Полярн. страны .	12.670	13	—	0,01
Итого	144.333	1525103		1000,00

Къ стр. 231. Характеристика художника Морриса словами „аристократъ искусства“ нѣсколько не ясна. Я хотѣлъ сказать: Моррисъ, проникнувшійся лучшими плодами аристократическаго искусства, пытался внести эти аристократическія начала въ демократическую среду, отъ которой онъ ждалъ новаго разцвѣта искуства, новой свѣжей силы. Моррисъ и Рескинъ пытались вновь скрасить жизнь человѣка толпы, народа — цвѣтами искуства.

Къ стр. 234. Къ словамъ съ легкой руки Антона Менгера прибавить: См. его трудъ „Право на полный продуктъ труда,“ 2-е изд. Штутгардтъ 1891 г., русскій переводъ, изд. Библіотеки Просвѣщенія. № 5.

Къ стр. 241. Прим. Въ прекрасномъ изданіи Гоннера „На-

чалъ политической экономіи и налоговъ" Рикардо приведена подробная литература объ этомъ писателѣ; также у Denis „Histoire des Sistèmes économiques", т. II. Письма Рикардо къ Мальтусу изданы въ 1887 г. въ Оксфордѣ — Бонаромъ, къ Маккулоху — Голлэндэромъ въ Нью-Іоркѣ въ 1895 году; къ Троуеру и другимъ — въ Оксфордѣ въ 1899 г. Хорошаго, цѣльнаго и полнаго изслѣдованія о жизни, дѣятельности и трудахъ Рикардо еще нѣтъ.

Къ стр. 279, прим. (также 144) Я отмѣтилъ въ примѣчаніи, „что обезпеченіе во времени непрерывности снабженія составляетъ задачу спекуляціи." Для лицъ незнакомыхъ съ технической стороной экономіи необходимо пояснить это положеніе, ибо спекуляція неразрывно связано съ развитіемъ капиталистической системы. Въ спекулятивной торговлѣ товарами и цѣнными бумагами покупка и продажа идетъ непрерывно, безъ немедленной и непосредственной передачи купленнаго и проданнаго. Въ громадной массѣ сдѣлокъ опредѣляются только цѣна товара и бумаги и чрезъ извѣстный срокъ покупатель или продавецъ можетъ или передать товаръ, или уплатить только разницу съ той цѣной, которая будетъ держаться на рынкѣ, когда наступитъ срокъ исполненія сдѣлки. Такъ я купилъ напр. 100 тыс. пудовъ хлѣба по 50 к. пудъ въ январѣ съ доставкой въ мартѣ; въ мартѣ хлѣбъ стоитъ 52 к., продавецъ предлагаетъ мнѣ получить разницу въ 2 к. и не требовать хлѣба, на что я и соглашаюсь или, если въ мартѣ цѣна хлѣба 48 к., я отказываюсь принять хлѣбъ и плачу 2 к. разницы продавцу. Экономическое значеніе сдѣлокъ на разницу вытекаетъ изъ разумныхъ разсчетовъ относительно будущаго процесса образованія цѣнъ путемъ борьбы играющихъ на повышеніе или пониженіе. Эта борьба продавцевъ и покупателей не даетъ возможности въ каждый данный моментъ образоваться такой цѣнѣ, которая основана на абсолютномъ и непосредственномъ соотношеніи реальнаго въ данный моментъ спроса на товары и бумаги съ наличными въ тотъ-же моментъ на рынкѣ товарами и бумагами; другими словами, въ настоящій моментъ спекуляція вноситъ соображенія о возможныхъ будущихъ потребностяхъ (спросъ) и о возможной будущей наличности товаровъ и бумагъ (предложеніе). Благодаря этому цѣна выражаетъ не только условія даннаго момента, но и будущія. Цѣна находится въ безконечномъ колебаніи, но она не падаетъ до наинизшаго предѣла, но и не возвышается до чрезмѣрности. Уровень цѣнъ становится въ общемъ болѣе приближающимся къ нормальной (для настоящихъ и будущихъ условій) средней, а въ зависимости отъ этого и реальное потребленіе товаровъ и распредѣленіе въ собственность бумагъ становится болѣе равномѣрнымъ. Временами, однако, таже спекуляція путемъ разныхъ искуственныхъ маневровъ вызываетъ и коллосальныя пертурбаціи цѣнъ т. е. ведетъ безумную игру или на повышеніе, или на пониженіе, которая оканчивается крахами и банкротствами, какъ и было изображено при изложеніи системы Д. Ло (см. стр.

144 и слѣд.). Подробности см. отмѣченныя сочиненія. Юридическое значеніе этихъ сдѣлокъ см. Курсы торговаго права проф. П. П. Цитовича и проф. Шершеневича.

Къ стр. 321. Послѣ словъ: „ничто иное, какъ предложеніе" вставить: „ибо, съ экономической точки зрѣнія, только такой спросъ имѣетъ значеніе, который обладаетъ реальной покупательной силой, т. е. деньгами, продуктами или кредитомъ, который оплачивается чрезъ извѣстный срокъ деньгами же или продуктами.

Къ стр. 366. „Ученіе равныхъ" Бабефа переведено на русскій языкъ и издано въ 1905 г. (Москва).

Къ стр. 379. Къ числу русскихъ фурьеристовъ надлежитъ причислить и Н. Г. Чернышевскаго, перваго истолкователя Д. С. Милля въ духѣ русскаго народническаго соціализма. Біографія его написана г. Плехановымъ (Stuttgart, 1894 г.). Ученіе Фурье изложено хорошо и въ „Очеркахъ новѣйшей политич. экономіи" проф. М. И. Туганъ-Барановскаго.

Къ стр. 400, прим. добавить: „что община не знаетъ частной собственности и признаетъ только владѣніе".

Къ стр. 393. На стр. 401 отмѣчены нѣкоторыя сочиненія современныхъ синдикалистовъ, которые подвергаютъ жестокой критикѣ эволюціонизмъ политической соціалъ-демократіи, а также и полемическая книга г. Стрѣльскаго, въ которой болѣе подробно разобрана другая синдикалистская литература. Въ виду совершающагося пересмотра идеи всенароднаго суверенитета и вообще новыхъ теченій въ государственномъ правѣ, надлежитъ отмѣтить воззрѣнія государственниковъ, выступающихъ на защиту личности, пытающихся создать какъ бы новую теорію государственнаго права для нарождающейся и все болѣе требовательной демократіи, ослабить вѣру во всемогущество народнаго суверенитета, рѣшеній силою простаго большинства. Любопытно видѣть, какъ на почвѣ переживаемой борьбы за новыя условія жизни, государственники начинаютъ давать своеобразныя догматическія конструкціи. Смотри напр. два новѣйшихъ сочиненія. Леонъ Дюги. Конституціонное право. Общая теорія государства, Москва, 1908 г., сторонникъ доктрины соціальной солидарности. П. И. Новгородцевъ. Кризисъ современнаго правосознанія, Москва, 1909 г.

Къ стр. 401. Среди защитниковъ собственности съ индивидуалистической точки зрѣнія слѣдуетъ еще назвать: 1) W. Donistorpe. Individualism, a system of Politics (L. 1884 г.). 2) H. Spencer. The man versus the State (L. 1884 г.). 3) Guyot. La tyrannie du Socialisme (P. 1884 г.), 4) L. Beaulieu. Le collectivisme, examen critique du nouveau socialisme (2 изд., 1891 г.), 5) V. Pareto. Les systèmes socialistes, 2 т. (1902—1903), 6) Близко примыкающій къ индивидуализму этюдъ соціалъ-политика G. Schmoller. Wechselnde Theorien und feststehende Wahrheiten der Staats- und Socialwissenschaften, Berlin, 1887 г., 7) John Rae. Contemporary socia-

lism, London, 3-е изданіе, 1901 г. 8) J. Wolf. Socialismus und Kapitalistische Gesellschaftsordnung, Stuttgart, 1891 г.

Къ стр. 412. Въ примѣч.: Лоренцъ Штейнъ (1815—1890 г.) написалъ въ 1842 г. трудъ подъ заглавіемъ: Socialismus und Kommunismus des heutigen Frankreichs. Ein Betrag zur Zeitgeschichte. Leipzig.

Къ стр. 417. Въ числѣ лицъ, стремившихся значительно ослабить русскую протекціонную систему, слѣдуетъ назвать: Л. В. Тенгоборскаго, впослѣдствіи члена Государственнаго Совѣта, написавшагося важный трудъ по статистикѣ Россіи: О производительныхъ силахъ Россіи (р. пер. Вернадскаго, Москва 1854—8 г.). По словамъ Вернадскаго г. Тенгоборскій „допускалъ лишь временное и ограниченное покровительство особо-важныхъ отраслей промышленности, которыя могутъ расчитывать на удачную будущность“; Тарасенко — Отрѣшковъ. Значеніе свободной торговли (1857); Каченовскій. О развитіи идеи свободной торговли и о примѣненіи ея въ главнѣйшихъ западно-европейскихъ государствахъ (1859). Литературныя указанія о торговлѣ хлѣбомъ въ Россіи см. Лященко. Очерки аграрной эволюціи Россіи, Спб., 1907 г. Чрезвычайно полезный обзоръ экономической жизни и экономической теоріи въ Германіи см. въ отмѣченномъ на стр. 566 подношеніи нѣмецкихъ профессоровъ въ день 70-ти лѣтія Г. Шмоллера.

Къ стр. 441. Смотри также: 1. Е. Дементьевъ. Врачебная помощь фабричнымъ рабочимъ, 1899 г. Законы о вознагражденіи рабочихъ потерпѣвшихъ отъ несчастныхъ случаевъ, 1907 г. Организація ремесленной промышленности въ западно-европейскомъ законодательствѣ, 1900 г. 2. В. Литвиновъ-Фалинскій. Фабричное законодательство и фабричная инспекція въ Россіи, 1904 г. Организація и практика страхованія рабочихъ въ Германіи, 1903 г. 3. Эліяссонъ. Законы объ отношеніяхъ между предпринимателями и рабочими въ области фабрично-заводской промышленности, 1908 г. 4. М. И. Туганъ-Барановскій. Законодательная охрана труда. 5. Поль Луи. Рабочій и Государство, рус. пер., 1907 г. 6. А. Зотовъ, Соглашеніе и третейскій судъ въ Англіи. 7. А. Миклашевскій. Арбитражъ и соглашеніе въ промышленныхъ спорахъ. 1908 г. 8. Н. Полянскій. Стачки рабочихъ и уголовный законъ. 1907 г. 9. А. Мюллеръ. Рабочіе секретаріаты и страхованіе рабочихъ въ Германіи. 1907 г.

Къ стр. 532—3, прим., также стр. 232—4, 261—270. Мальтусъ понялъ. что условія распредѣленія могутъ видоизмѣняться подъ воздѣйствіемъ цѣлаго ряда другихъ причинъ и Рикардо никогда не въ состояніи былъ вполнѣ разрушить его аргументацію. Мальтусъ, какъ извѣстно, отмѣчалъ четыре возможныя причины возвышенія ренты: *во первыхъ*, такое накопленіе капитала, которое понизитъ прибыль т. е. уменьшеніе рѣдкости этой производительной силы безъ существеннаго видоизмѣненія условій землевладѣнія и производства продуктовъ пропитанія: *во*

вторыхъ, такое увеличеніе населенія, которое понизитъ заработную плату т. е. уменьшеніе рѣдкости этой производительной силы, которое можетъ понизитъ стоимость работника до новаго уровня существованія; Мальтусъ, такимъ образомъ отрицаетъ здѣсь то положеніе Рикардо, что заработная плата всегда стоитъ неизбѣжно на уровнѣ необходимаго минимума существованія; *въ третьихъ*, такое усовершенствованіе земледѣлія, которое уменьшитъ число рабочихъ, необходимыхъ для производства данныхъ результатовъ и *въ четвертыхъ*, такое увеличеніе земледѣльческаго продукта, вслѣдствіе возросшаго спроса, которое безъ номинальнаго уменьшенія издержекъ производства увеличитъ разницу между издержками и цѣною продукта.

Третья причина показываетъ насколько глубоко Мальтусъ понималъ, что условія капиталистическаго производства одинаковы для земледѣлія и фабрикаціи.

Утвержденіе проф. А. А. Мануилова (см. его Понятіе цѣнности, стр. 122), будто „трудовая теорія Смита, развитая Мальтусомъ, представляетъ теперь только смутный отпечатокъ изчезнувшихъ отношеній, но въ ученіи Смита и его ближайшихъ послѣдователей заключалось положеніе, на почвѣ котораго развилась трудовая теорія капиталистическаго строя“ — совершенно не доказано. Третья причина, указываемая Мальтусомъ, показываетъ, что Мальтусъ былъ очень близокъ къ ученію Маркса о производствѣ абсолютной и прибавочной цѣнности. Съ легкой руки Менгера родоначальникомъ теоріи прибавочной цѣнности стали считать Томсона. Всякій, кто внимательно прочтетъ мое изданіе: „Трактаты Мальтуса и Рикардо о рентѣ“ убѣдится, что Мальтусъ гораздо глубже и яснѣе понималъ всю сложную путаницу капиталистическихъ отношеній и только поразительное невниманіе ученыхъ къ другимъ его работамъ, кромѣ „Опыта населенія“, служило причиной того, что Мальтусъ остался неоцѣненнымъ. По тонкости и широтѣ анализа онъ гораздо глубже Рикардо. Онъ истинный родоначальникъ теоріи прибавочной цѣнности (surplus value).

Къ стр. 573. В. П. Воронцовъ (В. В.) и Н. Ф. Даніельсонъ (Николай -онъ) были главными теоретиками народническаго соціализма 90-хъ годовъ. Статьи Воронцова, собранныя въ книгѣ: „Судьбы капитализма въ Россіи“, 1882 г. и книга Николай — она: „Очерки нашего пореформеннаго хозяйства“, напечатанная въ краткомъ извлеченіи первоначально въ журналѣ Слово за 1880 г., владѣли умами и пользовались громадной популярностью. Эта популярность окончательно померкла съ выходомъ въ свѣтъ отмѣченныхъ на стр. 493 „Замѣтокъ“ Струве и „Къ вопросу“ г. Бельтова, а также еще и нижеслѣдующихъ книгъ неомарксистовъ: А. Волгинъ. Обоснованіе народничества въ трудахъ г. Воронцова, 1895 г. В. Ильинъ. Развитіе капитализма въ Россіи, 1899 г. Р. Э. Циммерманъ-Гвоздевъ. Кулачество-ростовщичество, его общественное и экономическое значеніе, 1899 г. Е. Варбъ. Наемные сельско-

хозяйственные рабочіе, 1899 г. Несмотря на присущую всѣмъ полемическимъ работамъ рѣзкость и односторонность этихъ сочиненій, они представляютъ весьма цѣнный переломъ въ исторіи развитія русской общественной мысли. Они всколохнули застоявшееся болото народничества и энергіей мысли проложили путь для новыхъ точекъ зрѣнія въ изслѣдованіи. Отмѣченныя сочиненія были лучшими произведеніями неомарксисткой печати. Поворотъ къ народничеству въ 1905 г. не могъ длится долго; въ наше время начнетъ вырабатываться болѣе спокойное историческое міросозерцаніе, которое учтетъ заслуги этихъ писателей.

Полной русской библіографіи по экономикѣ еще не имѣется. Кромѣ общихъ бібліографическихъ списковъ русскихъ книгъ, спеціально для экономики надлежитъ имѣть въ виду слѣдующія изданія:

1. С. Каратаевъ. Библіографія русскихъ финансовъ, промышленности и торговли, Спб.. 1880 г.

2. Систематическій указатель статей, помѣщенныхъ въ періодическихъ изданіяхъ 12 русскихъ журналовъ съ 1830 по 1884 г., составилъ полковникъ Поповъ Спб. 1885.

3, Книга о книгахъ, два тома составлена профессорами подъ редакціей проф. И. И. Янжула и друг., Москва, 1892 г.

4. Библіографическій указатель статей по политической экономіи съ 1801 по 1898 г., приложеніе къ элементарному учебнику Кондрада, рус. пер., Москва 1898 г.

5. П. И. Гергіевскій. Указатель русской экономической литературы, Спб. 1903.

6. А. Гурьевъ. Матеріалы для библіографіи по денежному вопросу въ Россіи, Спб. 1896 г.

7. Е. М. Дементьевъ. Литература по русской заводской и фабричной промышленности въ ихъ отношеніи къ сельскому хозяйству, приложеніе къ труду автор. Фабрика, Спб., 1897 г.

8. В. Межовъ. Крестьянскій вопросъ въ Россіи, собраніе матеріаловъ для исторіи крестьянскаго вопроса на русскомъ и иностранныхъ языкахъ съ 1764 по 1864 г., Спб. 1865 г. и его же Труды Центральнаго и губернскихъ статистическихъ комитетовъ, библіографическій указатель книгъ и статей съ самаго начала ихъ учрежденія и до 1873 г., Спб. 1873 г.

9. Библіографическій обзоръ изданій Центральнаго статистическаго комитета вышедшихъ по 1 августа 1897, 2 выпуска. Спб. 1895 и 1897 г.

10. Библіографическій указатель по статистикѣ землевладѣнія, вып. 8-й изданія: Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія департамента окладныхъ сборовъ, Спб., 1904 г.

11. П. Педе и Н. Н—овъ. Роспись отдѣльныхъ книгъ по

сельскому хозяйству, напечатанныхъ съ 1730 по 1884 г., 2 выпуска, Москва, 1888 г.

12. Департаментъ земледѣлія и сельской промышленности издалъ также рядъ указателей книгъ и статей по сельскому хозяйству.

13. Литература русскаго земельнаго кредита, изданіе комитета съѣздовъ представителей земельнаго кредита. Спб. 1901 г.

14. В. Караваевъ. Библіографическій обзоръ земской статистической и оцѣночной литературы. Спб. 1906 г.

15. Поворинскій. Указатель книгъ и статей по русскому гражданскому праву, 2 тома. Спб.

16. Біографіи многихъ экономистовъ и подробныя указанія по разнымъ вопросамъ экономіи въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона, также изданія каталоговъ русскихъ университетовъ, вольно-экономическаго общества, министерства финансовъ, московскаго статистическаго бюро и другихъ учрежденій.

Для иностранной литературы подробныя литературныя указанія въ двухъ лучшихъ нѣмецкихъ словаряхъ и въ одномъ англійскомъ, а именно: „Handwörterbuch der Staatswissenschaften" Конрада, Лексиса и друг. и „Wörterbuch der Volkswirtschaft" Л. Эльстера (краткій, но прекрасный словарь въ 2-хъ томахъ, 2 изд., 1806 г.) и „Dictionary of Pol. Econ." Инглисъ Пэльгрэва.

Авторъ напоминаетъ читателю также, что современные русскіе учебники по теоріи экономіи А. А. Исаева, П. П. Иванюкова, Н. А. Карышева, Л. В. Ходскаго, В. Я. Желѣзнова, А. А. Карелина, А. Богданова, А. И. Скворцова, М. И. Туганъ — Барановскаго, П. П. Георгіевскаго и другихъ въ разной мѣрѣ каждый могутъ служить пособіями, какъ для изученія отдѣльныхъ вопросовъ, такъ и для подысканія нужной библіографіи. Разборъ этихъ учебниковъ выходитъ, однако, изъ предѣловъ моей задачи. Біографіи многихъ разобранныхъ въ настоящемъ сочиненіи авторовъ можно найдти въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза, а также въ Біографической Библіотекѣ изданія Павленкова. Біографической сторонѣ исторіи экономіи много мѣста отведено и въ трудѣ проф. М. И. Туганъ-Барановскаго. „Очерки изъ новѣйшей исторіи политической экономіи", первое изданіе 1903 г. и друг. годовъ; эти Очерки впервые ознакомили русскую публику съ исторіей экономіи въ достаточной полнотѣ и во всей сложности соціальныхъ споровъ нашего времени.

Алфавитный указатель именъ.

Цифры, поставленныя послѣ именъ, означаютъ страницы, на которыхъ встрѣчаются означенныя имена [1]).

1) Въ этомъ указателѣ отмѣчены лишь главнѣйшія мѣста, гдѣ встрѣчаются соотвѣтствующія имена и указаны сочиненія авторовъ. Имена въ исправленіяхъ и дополненіяхъ въ этотъ указатель не включены; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, однако, сдѣланы ссылки, см. дополненія, исправленія. Фамиліи большинства писателей сопровождаются указаніемъ ихъ личныхъ именъ.

Опечатки.

Стран.	Строки:		Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
17	4	св.	Разсуждать	Разсуждать,
29	19	сн.	воспроизводится	воспроизводятся
29	2	сн.	А. Менгеръ	Карлъ Менгеръ.
87	22	св.	выгонъ,	выгонъ, луга,
101	4	„	наслѣдовать свое имущество, завѣщать,	наслѣдовать, завѣщать свое имущество,
103	4	„	крѣпостныхъ	крѣпостныхъ,
109	17	сн.	обработывающую	обрабатывающую
110	19	св.	находишiйся	находившiйся
128	16	сн.	меркanталистовъ	меркантилистовъ
130	13	св.	двстиженiя	достиженiя
137	24	„	это	„то
176	20	сн.	второму	третьему
185	1	св.	на	но
185	7	„	мѣста	мѣста,
189	12	„	благотворильности	благотворительности
195	1	„	Дэнъ	Денъ
208	17	„	классичесвая	классическая
212	22	„	споръ:	споръ;
213	3	„	безыскуственный	безыскусственный
217	2	сн.	Пэна	Т. Пэна (1739—1809)
221	20	„	любому	хорошему
224	2	св.	Европы	Западной Европы
227	13	сн.	жеенщинъ	женщинъ
249	12	св.	она	„она
251	2	сн.	безразлнчно	безразлично
252	15	св.	не	въ
267	25	„	имѣнно	именно
267	6	„	видѣли	видѣли,
268	17	св.	оказазался	оказался
273	25	„	больше. Правда,	больше, правда,
274	11	сн.	Прежде всего	Прежде всего,
275	9	св.	вообще	вообще,
275	23	св.	Францiя	Францiя,

Стран.	Строки:		Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
275	5	сн.	случаевъ	случаевъ,
287	17	св.	изъ виду	изъ виду,
288	7	сн.	бочекъ	бочекъ вина
292	14	сн.	начиналась	началась
294	20	св.	благому.	благому."
295	14	св.	По	Но
301	13	сн.	а)	А)
301	12	сн.	Р. Оуенъ	Р. Оуенъ (1771—1858)
301	11	сн.	В. Томсонъ	В. Томсонъ (1795—1833)
312	5	„	Wealth	Wealth (появилось въ 1824 г.)
327	9	св.	изложоніи	изложеніи
331	2	сн.	*Питтъ*	*Пиль*
333	16	св.	эммисіонныхъ	эмиссіонныхъ
336	8	св.	*Питтъ*	*Пиль*
351	2	сн.	съ его	его
359	21	сн.	Оъъ	отъ
361	22	сн.	перводъ	переводъ
363	10	св.	право,	право
371	16	сн.	мужчины	мужчины,
371	3	сн.	полъ	полъ,
380	4	сн.	et	et dans
384	7	„	пролный	полный
385	24	св.	церковъ	церковь
409	10	св.	Симонъ	Симонъ,
415	15	сн.	введеніе,	введеніе
430	3	„	лучше	лучшее
435	6	сн.	35, 448	35,498
„	„	„	1, 666, 173	1,666,073
„	5	сн.	19, 430	19,930
437	11	св.	Канкрикомъ	Канкринымъ
446	5	сн.	максимаьльный	максимальный
450	9	св.	исрорико	историко
481	19	сн.	умственная	мускульная
483	1	сн.	1900	пер. изд. 1896, новое 1900 г.
487	30	сн.	сущестуетъ	существуетъ
496	21	сн.	полезные	полезныя
528	13	св.	представляетъ	имѣетъ
557	5	сн.	иныя	иные
572	10	сн.	Основныя	Основные
575	6	сн.	соціальныя	соціальные

P. S. Читателей просятъ снисходительно исправить опечатки, ускользнувшія отъ вниманія автора.

Другіе труды того же автора.

1. *Объ исправительныхъ пріютахъ для малолѣтнихъ преступниковъ, Черниговъ, 1889 г.
2. *Деньги, опытъ изученія основныхъ положеній экономической теоріи классической школы въ связи съ исторіей денежнаго вопроса, Москва, 1895 г., цѣна 3 руб.
3. *Ингрэмъ. Исторія политической экономіи, переводъ съ англійскаго, два изданія: 1891 года и 1897 года, значительно дополненное и снабженное примѣчаніями переводчика, цѣна 1 р. 50 к.
4. *Д. С. Милль. Основанія политической экономіи, сокращенный переводъ со вступительной статьей о жизни и дѣятельности Д. С. Милля, Москва, 1895 г., цѣна 1 руб.
5. *Рабочій вопросъ и соціальное законодательство въ Германіи, Сборникъ Правовѣдѣнія, 1895 г. и второе изданіе отдѣльной брошюрой, С.-Петербургъ, 1896 г., цѣна 30 к
6. *Денежный вопросъ въ литературѣ и въ явленіяхъ дѣйствительной жизни, пять статей въ Вѣстникѣ Финансовъ 1895 г. и отдѣльной книгой, С.-Петербургъ, 1896 г. (распродано).
7. *Жизнь и произведенія Франсуа Кене, введеніе къ первому русскому переводу сочиненій Кене въ выдержкахъ, намѣченныхъ А. Миклашевскимъ, Москва, 1896 г.
8. *Реализмъ и идеализмъ въ политической экономіи, вступительная лекція въ Юрьевскомъ университетѣ, Юрьевъ, Извѣстія Университета, 1896 г. и отдѣльной брошюрой (распродано).
9. Разсчетныя Палаты и ихъ организація, С.-Петербургъ, 1898 г., цѣна 25 к.
10. *Денежное дѣло въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, шесть статей и отдѣльными оттисками; результаты изслѣдованія, произведеннаго при поѣздкѣ въ Америку, Экономическое Обозрѣніе, 1898—1900 г. (распродано).

11. Въ Большой Энциклопедіи статьи: валюта, биметализмъ, деньги; въ Энциклопедіи Брокгауза статьи: Воскресный отдыхъ, Галіани, Гомстедъ, Ингрэмъ, Джевонсъ, Золото, Д. Ло, Кенэ, Оуэнъ, Международное общество рабочихъ, Посошковъ, Серебро. Кромѣ того разныя рецензіи, статьи и замѣтки въ Русскихъ Вѣдомостяхъ, Юридическомъ Вѣстникѣ, въ Экономическомъ журналѣ, въ Вѣстникѣ Финансовъ, въ Экономическомъ Обозрѣніи, въ Русской Мысли, Народномъ хозяйствѣ и друг. изд.
12. Обмѣнъ и экономическая политика, Юрьевъ, 1904 года, цѣна 3 р. 50 к.
13. *Стачки и соціальный вопросъ, С.-Петербургъ, 1905 г., цѣна 30 к., тоже въ польскомъ переводѣ.
14. *Политика труда и идеалы распредѣлительной справедливости, 2-ое изд., С.-Петербургъ, цѣна 25 к.
15. *Тюрго. Размышленія о созданіи и распредѣленіи богатствъ, Юрьевъ, 1905 г., цѣна 75 к.
16. *Обязательное Обученіе въ народной школѣ, Юрьевъ, 1906 г., цѣна 75 к.
17. Земельная реформа и организація труда, Юрьевъ, 1907 г., цѣна 40 к.
18. *Арбитражъ и соглашеніе въ промышленныхъ спорахъ, Юрьевъ, 1907 г., цѣна 80 к.
19. Трактаты Мальтуса и Рикардо о рентѣ, Юрьевъ, 1908 г., цѣна 75 коп.
20. Исторія политической экономіи, Юрьевъ, 1909 г., цѣна 3 р. 25 к.
21. Готовится къ печати: Основные вопросы обрабатывающей промышленности и организаціи труда въ концѣ 19-го вѣка и въ наши дни[1]).

---

1) Цѣны отмѣчены лишь на работы, которыя, вѣроятно, еще имѣются въ продажѣ у книгопродавцевъ. * — отмѣчены работы, которыя распроданы авторомъ окончательно и у него въ наличности болѣе не имѣются.

